

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Л. Б. АЛАЕВ

Южная Индия

Общинно-политический строй
VI–XIII веков

Москва
ИВ РАН
2011

ББК 63.3(5Инд)
А45

*Посвящается тысячелетию храма
Раджараджешвары (Брихадешвары)
в Танджавуре (1010–2010),
одного из героев этой книги*

А45 **Алаев Л. Б.** Южная Индия. Общинно-политический строй
VI–XIII веков. — М.: Институт востоковедения РАН, 2011. —
712 с.

ISBN 978-5-89282-469-9

Книга является первым в мировой литературе обобщающим обзором социально-экономических отношений в четырех регионах, составляющих Южную, дравидийскую Индию в раннее средневековье — в Тамилнаду, Карна-таке, Андхре и Керале. Южная Индия традиционно привлекает меньшее внимание исследователей, чем Северная, что искажает образ Индии в целом. В отечественной литературе практически нет работ, посвященных этому периоду истории Южной Индии, помимо нескольких статей и глав в коллективных монографиях самого автора. Исследование основано на использовании многих тысяч надписей на камне и медных табличках на 5 языках и учитывает достижения индийских, американских, канадских, немецких и японских историков. Автор считает главными отличительными чертами общества в этом регионе в тот период значительную роль различных общинных организаций (от сельских и городских общин до крупных торговых корпораций или гильдий) и аморфность государств. Поэтому он называет этот строй «общинно-политическим». Этот строй не укладывается полностью в расхожие представления о феодализме или об «азиатском способе производства».

ББК 63.3(5Инд)

ISBN 978-5-89282-469-9 © Алаев Л. Б., 2011
© Институт востоковедения РАН, 2011

Содержание

Введение.....	11
О терминах	14
О ссылках.....	16
О транскрипции и транслитерации.....	19
Источники и историография	20
Источники	20
Историография	30
ЧАСТЬ I. ТАМИЛНАДУ	43
Глава 1. Вступительная. Период Сангама. Хронологическая канва истории Тамилнаду до начала XIV в.....	43
Период Сангама	43
Период Паллавов и ранних Пандьев.....	58
Период «имперских» Чолов.....	61
Поздние Пандьи.....	63
Глава 2. Система собственности на землю, землевладения и держания земли.....	65
Официальные категории землевладения	66
Типы собственнических прав	69
Верховная собственность.....	73
Податная собственность	74
<i>Каранмей</i> и <i>миятчи</i> . <i>Кадамей</i> и <i>кудимей</i>	79
Землевладение <i>куди</i>	82
Купля-продажа земли	85
Собственность и права собственности. Индийский вариант	90
Глава 3. Макрообщины. <i>Наду</i> и <i>наттар</i>.....	92
<i>Наду</i> — организация доминирующей касты	98
<i>Наттар</i> — орган <i>наду</i>	100
<i>Наттары</i> и <i>араияры</i>	103
<i>Наттары</i> как собственники	104
<i>Наттары</i> как организаторы сельской экономики	107
<i>Наттары</i> на страже закона и порядка	110
<i>Наду</i> и другие общины	111
<i>Наду</i> в XIII в.....	113
<i>Читрамежи перия-наттар</i>	116
Касты правой и левой руки.....	123

Глава 4. Небрахманская деревенская община. *Ур* и *ураp* 130

<i>Ур</i> и <i>наду</i> . Существовала ли иерархия территориальных общин?	131
Деревня как поселение	131
Вопрос о возникновении деревенской общины	134
<i>Ураp</i> — орган самоуправления	136
Проблема общинной и частной собственности.....	139
Землевладение деревни.....	143
<i>Ур</i> как получатель сборов и налогов	146
Хозяйственные функции <i>ура</i>	151
Другие функции <i>ура</i>	154
<i>Ур</i> в <i>аграхаре</i> и в <i>девадане</i>	158
Индивидуальное землевладение в общине	161
Система <i>джаджмани</i>	167

Глава 5. Сельская брахманская община. *Брахмадея* и *сабха* 171

Значение <i>брахмадей</i> в социальной и административной истории Тамилнаду	171
Размер и состав брахманского селения	175
Первые сведения о брахманских общинах.....	176
<i>Сабха</i>	178
Исполнительная власть в <i>брахмадеях</i>	180
<i>Сабха</i> как землевладелец и налогоплательщик	191
Другие функции <i>сабхи</i>	195
Общинная и частная собственность в <i>брахмадее</i>	197
Землевладение и землепользование небрахманских слоев в <i>аграхаре</i>	201
Система <i>джаджмани</i>	208
<i>Брахмадея</i> и храм	210
<i>Аграхара</i> и власть	216

Глава 6. Городская община. *Нагарам* и *нагараттар* 219

Основание <i>нагарамы</i>	221
Функции <i>нагарамы</i>	222
Город — землевладелец	224
Органы городского самоуправления	227
Союзы городов	230
<i>Нагарам</i> в историографии.....	231

Глава 7. Храм как социальный институт..... 238

Храмовые власти	239
Виды храмового землевладения	247

Храмовые сети	257
Храмовый штат служащих (храмовое хозяйство)	259
Общественная опека над храмом	270
Государственная опека над храмом	273

Глава 8. Надлокальные общины и корпорации. Гильдии и касты 281

Развитие товарно-денежных отношений и внутренней и внешней торговли	281
Торговые корпорации	283
Ремесленные общины и касты	291
Скотоводческие общины	299
Воинские общины.....	300

Глава 9. Вассальные князья, местные вожди, вассалы и магнаты..... 302

Вассальные князья	302
Магнаты.....	306
<i>Надажваны</i>	312
Феодальная вольница	315

Глава 10. Государство. Аппарат и налоги..... 322

Администрация Паллаво.....	323
Административное деление	327
Разветвленный аппарат? Надписи как источники для изучения административного мифа.....	329
Налоги	335
Классификация земли по <i>тарамам</i>	344
Армия.....	348
Государство и правосудие	348

Глава 11. Особенности страны Конгу..... 351

Демографическая история Конгу.....	352
<i>Наду</i>	354
Деревенские общины	356
Храмы в общественной жизни	358
Торговля и города	360
Магнаты.....	362

ЧАСТЬ II. КАРНАТАКА 364

Глава 12. Политическая история Карнатаки 364

Глава 13. Виды собственности на землю 372

Глава 14. Области с числовыми индексами	380
Вопрос о значении чисел	382
Области с числами как не государственные и не феодальные образования	387
Традиционность областей с числовыми индексами	391
Иерархия округов и областей	393
Глава 15. Макрообщины	400
«Общее собрание» окружных общин	401
Вожди окружных общин	402
Функции окружных общин и их вождей	410
Оборона <i>наду</i> . Главы <i>наду</i> как военные вожди	412
Области с индексами как общины	415
Макрообщины и торговые корпорации	417
Конгломераты <i>наду</i>	419
Глава 16. Деревня: управление и самоуправление	421
Гауды	421
Деревенские власти и торговые слои	430
<i>Гауды и оккалу</i>	430
<i>Гауды и прадже</i>	433
История нескольких деревень	435
«Восемнадцать каст», «восемь пропитаний» и система <i>джаджмани</i>	437
Глава 17. Аграхары и махаджаны	445
Формирование <i>аграхар</i>	445
Количество <i>махаджанов</i> и состав собрания	447
<i>Уродея</i> — староста брахманов	450
Брахманы и <i>оккалу</i> , или брахманы и <i>прадже</i>	453
Функции <i>махаджанов</i> . <i>Аграхара</i> как поземельная община	454
Другие функции <i>махаджанов</i>	457
<i>Махаджаны</i> как воины	461
<i>Махаджаны</i> и торговые слои	463
<i>Аграхары</i> и управленческий аппарат	464
Глава 18. Городская община	468
Основание городов	468
Органы управления и самоуправления городов	470
«Городское право»	475
Функции городских общин	477

Глава 19. Храм как община	480
Управление храмами	480
Храмовые служащие	482
<i>Гхатики, шалы и матхи</i> . «Пять монастырей»	484
Глава 20. Торговые и прочие корпорации	487
Вопросы терминологии	487
Отдельные гильдии	488
<i>Аяволе</i> — брахманы-«олигархи»	490
«Отраслевые» корпорации	494
Ремесленные корпорации	496
Положение купцов в обществе	497
Деятельность корпораций на уровне областей	501
<i>Маханаду</i> , или <i>маханагарам</i>	503
Глава 21. Формы бытования государственной власти	508
Вассальные князья	508
«Центральное правительство»	512
Временные наместники и вассальные отношения	515
Властные полномочия наместников	521
Лестница вассалов	525
Постоянство/временность наместничеств	526
Переплетение социальных слоев в администрации	528
Налоги как объект собственности	529
Государство и право	534
ЧАСТЬ III. АНДХРА	537
Глава 22. Территориальная структура и территориальные общины	537
<i>Редди</i> — двуликий социальный слой	539
<i>Веламы</i>	541
<i>Капу</i>	542
Собрание «всего народа»	543
Общинная верхушка	545
Система <i>джаджмани</i> и неполноправные в общине	547
<i>Наду</i> , <i>вишяя</i> , <i>раштра</i>	548
<i>Кутумбины</i> и <i>раштракуты</i>	554
<i>Читра-меди перия-наттар</i>	556
<i>Аграхары</i>	557
Храм	561

Глава 23. Торговые, ремесленные и другие межрегиональные объединения	564
Городские общины	565
Торговые корпорации	566
Ремесленные объединения	570
Глава 24. Государственное устройство	572
Государственный аппарат	573
Вассальные княжества	578
Военные вассалы	581
Социальный слой <i>наяков</i>	584
ЧАСТЬ IV. КЕРАЛА	591
Глава 25. Особенности общинно-государственных отношений в Керале	591
Мифическая и реальная история Малабара	592
Храмово-брахманские деревни	596
Виды собственности на землю	606
Торговые гильдии и межрегиональные корпорации	610
<i>Наду</i> — общины <i>наяров</i>	613
Царь и его аппарат	616
Налоги	616
Состояние системы права	617
Заключение	620
Использованные материалы	632
Источники	632
Исследования	635
Приложение. Меры и веса в средневековой Южной Индии	659
Монеты	659
Меры площади	660
Меры объема (сыпучих тел)	662
Меры веса	664
Указатель терминов, значимых имен и основных географических названий	666
Карта административного деления Южной Индии в I половине XX в.	704
Contents	705
Summary	709

Введение

Вопрос о том, что собой представляли страны Азии в доколониальный период, является дискуссионным с того самого времени, как европейцы познакомились с этими странами. Что это — совершенно иной мир, или всего лишь недоразвитая Европа? В дискуссию по этому поводу в данной работе я вступать не буду. Именно потому, что она ведется на протяжении столетий на уровне высоких абстракций с минимальным использованием фактического материала.

Сравниваются обыкновенно модель феодальной Западной Европы, как она сложилась в умах деятелей Возрождения в XV–XVI вв., и образ «восточного общества», возникший в европейском общественном мнении под влиянием записок первых европейских путешественников на Восток в XVII–XVIII вв. Как и другие научные модели, они сыграли в свое время позитивную роль, позволив организовать материал и медиэвистам-европееведам, и востоковедам. Но, сыграв эту роль, они стали препятствием для дальнейших исследований, засушивая живое дерево истории как науки. Что касается модели европейского феодализма, то она в последние годы подверглась уничтожающей критике¹, делающей, по крайней мере, невозможным ее использование в качестве «точки отсчета» для понимания других обществ. Что же касается концепции «азиатского способа производства» и ее различных модификаций, включая «цивилизационные» подходы, то они продолжают будоражить неокрепшие (хотя нередко и пожилые) умы простой предлагаемых решений: «А почему Восток такой?» — «А потому!». «А какой строй существовал в Азии?» — «Азиатский!»

При этом конкретные исследования по отдельным регионам и периодам не принимаются во внимание, — главным образом, потому что подобных исследований мало, и они тонут в океане «концептуальных» работ, авторы которых заранее знают, к каким выводам придут.

¹ См. обзор этого направления в медиэвистике: Одиссей 2006. С. 5–200

Пришла пора рассмотреть реальные взаимоотношения людей, классов, общин и потестарных институтов стран Востока. Данная работа тоже может потонуть в потоке всеобъясняющих концепций, но цель ее именно в том, чтобы уйти от известных моделей и постараться взглянуть на определенное общество его собственными глазами. Конечно, Индия, — это еще не весь Восток, но в то же время нет Востока, если в нем не присутствует Индия. Конечно, Южная Индия — это лишь сравнительно небольшая часть (по территории и населению) всей Индии, но без Южной Индии нет Индии. Так что изучение южноиндийского материала принципиально важно для понимания Востока в целом.

Задача заключалась в том, чтобы создать обзорную работу, охватывавшую *всю эпиграфическую* Южную Индию, т. е. время, когда надписи являются практически единственным источником.

Южная Индия в данной работе понимается как территория современных штатов Тамилнаду, Керала, Карнатака и Андхра Прадеш, регион расселения основных дравидийских народов — тамилы, малайя, каннада и телугу.

Хронологически речь пойдет о периоде с появления эпиграфики как массового материала (надписи Паллавы с III в.) до начала XIV в., когда политические условия в Южной Индии резко изменились в результате походов войск делийских султанов, крушения всех существовавших ранее здесь государств и образования империи Виджаянагар, что, по мнению всех исследователей, ознаменовало наступление нового этапа истории Южной Индии. Так что автор не придерживался строго указанного в заглавии периода. Но основная часть материала относится именно к VI—XIII вв.

Внутри избранного для изучения периода в 8 веков эволюция общественных отношений практически не прослеживается. Работа над материалом, а затем над компоновкой текста, убедили автора в том, что изложение по векам или даже по династиям (Паллавы — Чолы — Панды для Тамилнаду; Чалукьи Ранние — Раштракуты — Чалукьи Поздние — Ядавы и Хойсалы для Карнатаки; Восточные Чалукьи — Чалукьи-Чолы — Какатьи для Андхры) не только не продуктивно, но и вредно для понимания исторического процесса, поскольку процессы, шедшие в пределах одного государства, могут создавать обманчивую картину происходящих перемен, в то время как дальнейшая история может перечеркнуть весь достигнутый в предыдущий период «прогресс».

Четыре обозначенных историко-этнических региона исторически изучены не в одинаковой степени. Тамилнаду занимает, можно сказать, привилегированное положение среди других южноиндийских регионов. В нем больше всего надписей избранного периода, эти надписи подробнее всего изучены, в том числе статистическими и другими современными методами, тамильским государствам этого времени посвящено множество работ, в том числе претендующих на общеиндийские обобщения. Так что здесь есть простор как для изложения интересных фактов, так и для оценки разного рода гипотез.

Другие регионы Южной Индии демонстрируют несколько иные пути социального развития. Но каким бы сложным и интересным ни предстал мир раннего южноиндийского средневековья, он после XIV в. исчез, и его влияние на последующее развитие индийского общества не заметно или, по крайней мере, пока не изучено. Возможно, Южная Индия, как она сложилась до XIV в., имела возможности некоего альтернативного типа развития по сравнению с патримониально-бюрократическим. Этот вариант оказался заблокированным. Но если мне удастся доказать, что альтернативы были, возможно, это послужит дальнейшей разработке концепции мировой истории как равнодействующей различных противоречивых движений.

Многое остается под вопросом. Почти все выводы данной работы — предположительные. Я не льщу себя надеждой, что мне удалось разгадать все загадки, которые ставит перед исследователем материал. Более того, я убежден, что мои выводы и предположения мало стоят по сравнению с материалом, который был привлечен. Этим объясняется, в частности, построение работы, в которой изложение содержания надписей занимает преобладающее место, а размышления по поводу значения всего этого — второстепенное. Я уверен, что будут рецензенты, которые увидят в работе поток информации без достаточного анализа. Но так было задумано. Посвятив данной работе более полувека, автор кое-что выяснил для себя, но еще больше не смог выяснить.

Оправдание данной работы заключается в надежде, что некий молодой человек (непрерменно молодой, потому что ему потребуется потом вся жизнь), прочтя это скопление фактов, захочет разобраться в том, что же это было за общество. И надо сказать — я в этом абсолютно уверен — что нигде больше он не найдет такого (надеюсь, достаточно упорядоченного) собрания фактов по данному вопросу.

О терминах

Несколько слов об употребляемой терминологии. Есть тенденция считать «государствами» только политические образования Нового времени, то есть организации, имеющие четкие границы, регулярное административное деление, институт гражданства и осуществляющие монополию на легитимное применение силы. Более примитивные образования при таком подходе называются «политиями». Мы увидим при ознакомлении с представленным ниже материалом, что существовавшие тогда политические образования не отвечали многим критериям «настоящего» государства. Однако я продолжаю называть их, как принято в большинстве исторических работ, государствами только ради того, чтобы избежать дискуссии о словах. Довольно часто в нашей научной практике мы спорим о значении нами же придуманных терминов, не добираясь при этом до сути разногласий.

Изучаемые здесь общности могли иметь разный характер. Среди них определенно имелись общины, т. е. естественно сложившиеся коллективы на базе родства или соседства; корпорации, или гильдии — добровольные ассоциации лиц, объединявшихся общностью интересов; наконец, касты — группы, характеризующиеся, прежде всего, общностью занятий и эндогамией. Изучаемый период был как раз временем формирования большинства каст, сохранившихся в Южной Индии до нового времени. Я пытаюсь разобраться в этом конгломерате разнообразных общностей, но заранее надо сказать, что полной ясности в их классификации добиться нельзя, потому что источники не раскрывают их внутреннюю структуру. Совершенно определенно, что я не ставлю перед собой задачу изучить процесс создания каст. Это, по-видимому, невозможно на основе имеющихся источников. Дело в том, что надписи фиксируют разнообразные сделки с имуществом, каста же по определению общего имущества не имеет и потому не выступает в качестве дарителя, остается «в тени» территориальных и профессиональных общин².

² Р. Инден считает, что кастовая система, как мы ее сейчас знаем и воспринимаем как «отличительную черту Индийской цивилизации», «появляется не раньше XIII или XIV века». Не она определила слабость индийских государств, а слабость государств вызвала иные методы упорядочения социальной жизни (Inden 1990, p. 92). Н. Карашима, ставивший перед собой задачу выяснить вопрос о становлении кастовой системы в Тамилнаду, пришел к выводу, что в XIII в. «джати» все еще находились в стадии формирования в стране тамиллов», а в XV в. роль каст становится заметнее. (Karashima 2009, p. 269)

Слово «деревня» в тексте работы употребляется весьма условно. Под ним могли скрываться либо мелкий поселок, либо конгломерат из центральной деревни и массы выселков, либо даже множество деревень, объединенных указом о дарении в руках брахманской общины и получивших в силу этого единое название. В английском языке есть слово *township*, которое очень подходит для ситуации — оно обозначает некоторую общность домовладений в масштабе от деревни до округа. Я пытался в таком же значении применять слово «селение».

Далее. После нескольких попыток придерживаться более или менее научного обозначения разного рода потентатов Индии, я вернулся к самому простому, совершенно не научному, но широко принятому в отечественной индологии варианту — называть крупного правителя «царем». Это совершенно условное словоупотребление, но оно позволяет отделить «великие» династии от провинциальных. Итак, «царь» в данной работе — это правитель династий Чолов, Пандьев, Паллаов, Черов — в Тамилнаду и Керале; династий Чалукьев, Раштракутов, Хойсалов, Ядавов — в Карнатаке; династий Восточных Чалукьев и Какатьев в Андхре. Более мелкие властители называются «князьями», «князьками», «вассалами». Наконец, постоянно и во всех регионах наблюдается слой крупных землевладельцев, статус которых неясен. Я применяю к ним название «магнат». Представляется, что это наиболее нейтральный, не связанный с конкретной ситуацией термин.

Надо предупредить читателя еще и о том, что терминология южноиндийских надписей не отличается единообразием. В частности, один и тот же термин мог употребляться в нескольких написаниях, иногда в одной и той же надписи. Особенно это характерно для карнатакской эпиграфики. Так, слово *gauda* (о значении его поговорим позже) могло писаться дюжиной способов (*гаунда*, *гавунда*, *гамунда* и т. п.). Особенно много вариантов у слова *перггаде*, означавшего некоего служилого человека. Он мог быть и *херггаде*, и *преггаде* и т. п. Так как я старался цитировать или пересказывать надписи буквально, мне приходилось употреблять несколько вариантов одного и того же термина. Это же относится к вариантам написания имен и географических названий. Например, *наду* в Керале, Карнатаке и Андхре нередко теряет конечное «у» и произносится просто *над*.

О ссылках

Применена система ссылок, упоминающая фамилию автора или первое слово названия работы в сочетании с годом публикации. Серийные публикации вводятся аббревиатурами, которые расположены в списке использованных материалов в общем алфавитном порядке. Следует особо объяснить строение отсылок на надписи. Используемые мною надписи публиковались в разное время в разных изданиях. С некоторыми неопубликованными надписями мне удалось познакомиться в Эпиграфическом центре (сначала в Утакаманде, а затем, после перевода Центра в Майсур, в этом городе), где хранятся факсимиле всех скопированных на территории Индии (и нескольких — за ее пределами) надписей. Это стало возможным благодаря любезности работников Центра, которые по моей просьбе делали копии наиболее интересующих меня надписей, о содержании которых я мог судить по кратким аннотациям в *Annual Epigraphical Report* (ARE, выходил под разными названиями, см. библиографию).

Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность проф. Г. С. Гаю, в то время Главному эпиграфисту Индии, а также сотрудникам Эпиграфического центра К. В. Рамешу, Ч. Р. Шринивасану, Дж. Сундараму, К. Х. В. Шарме и С. Н. Ритти. Их помощь была бескорыстной и доброжелательной.

Упомянутые выше отчеты публикуются с 1887 г. по настоящее время. Это каталоги надписей, скопированных в течение года. Сообщается место находки, точная или примерная дата надписи, имя правящего царя, язык и шрифт надписи и дается аннотация, призванная отразить основное содержание надписи. Понятно, что такой каталог не может служить первоисточником, поскольку эпиграфисты, составляющие аннотации, не имеют времени подробно изучить надпись, в аннотацию могут вкрасться фактические ошибки. Но, во-первых, именно в данном каталоге надпись получает номер, своего рода паспорт, (например, «250 of 1928») под которым она в дальнейшем фигурирует в других изданиях. Во-вторых, никак нельзя пройти мимо такого источника ввиду его массовости. Для последующих публикаций отбирались, как правило, наиболее интересные или информативные (с точки зрения публикатора) документы. Но, как понятно, в надписи фиксируется каждый раз индивидуальный, уникальный случай, и понять, насколько он типичен, можно, только сравнивая большое количество надписей.

По этим двум соображениям я старался широко использовать этот второстепенный источник и взял его за основу при ссылках. Таким образом, если мне известен регистрационный номер надписи, сноски начинаются с ARE и с этого номера. В течение ряда лет каждый годовой отчет включал в себя конец списка скопированных надписей за прошлый год и начало списка за год текущий. Если надпись, зарегистрированная в одном году, упоминается в отчете следующего года, сноска выглядит, например, так: ARE, 282 of 1906. 1907. Позже надписи в каталоге стали получать номер, включающий не календарный, а экспедиционный год, т. е. двойной номер года. В этом случае сноска выглядит примерно так: ARE, 290 of 1949/50. Во время Второй мировой войны ежегодные отчеты несколько лет не выходили, и затем были изданы под одной обложкой. В этом случае сноска может выглядеть так: ARE, 131 of 1939/40. 1939/43.

Список скопированных надписей на камне в каждом годовом отчете предваряется списком обнаруженных в данном году медных табличек. При ссылке на надпись на медной табличке номер надписи в сноске предваряется аббревиатурой A, т. е. надпись из приложения A. Сноска в этом случае выглядит примерно так: ARE, A 5 of 1929/30.

Несколько лет в годовые отчеты отдельным приложением (со своей нумерацией) включались надписи, собранные в дистриктах Карнатаки. входивших тогда в Бомбейское президентство (эта территория обозначалась как Bombay-Karnatak. В этом случае сноска выглядит примерно так: BK, 170 of 1937/38.

Многие надписи использовались по изданиям их текстов или переводов. Имеется несколько серийных изданий, вроде “*Epigraphia Indica*” (EI), “*South Indian Inscriptions*” (SII), “*Epigraphia Carnatica*” (EC) и других (см. список источников). Если надпись издавалась несколько раз или же подвергалась анализу в литературе, ссылки на эти публикации указаны в скобках.

Ссылки на “*Epigraphia Indica*” даются с указанием и номеров надписи, и страниц, потому что там помещались большие статьи, и без указания на страницу было бы затруднительно найти нужное место в надписи. “*South-Indian Inscriptions*” использовались как в виде бумажного издания, так и электронного, где страницы томов не проставлены. Поэтому сноски на первые три тома даны со страницами (там помещены обширные статьи и указание на страницы поможет читателю), а на последующие тома — только на номера надписей. В “*Epigraphia Carnatica*” собраны надписи, найденные в бывшем княжестве Майсур

(южная часть современного штата Карнатака). Они сгруппированы по дистриктам, так что номер тома указывает на место их происхождения. Каждый том ЕС состоит из трех частей, имеющих отдельные пагинации: публикация надписей в оригинальной графике — на языках каннада, персидском или тамильском; латинская транслитерация тех же надписей и, наконец, переводы надписей на английский. Внутри этих частей материал расположен по талукам, и надпись получает номер в пределах документов данного талука. Чтобы сослаться на надпись из этого собрания, нужно либо указывать название талука (полностью или аббревиатурой) и номер надписи, либо страницу в одной из упомянутых выше частей. Я решил не затруднять читателей названиями майсурских талуков и ссылаюсь на страницы, где расположен перевод надписи, конечно, с указанием номера.

И номера надписей, и страницы указаны также в ссылках на IND (Inscriptions of the Nellore District), поскольку в этом издании надписи тоже сгруппированы по талукам, и без такого двойного указания их трудно было бы найти.

Надписи, собранные на территории некогда существовавшего княжества Пудуккоттай, изданы тремя способами: (1) в виде сборника оригинальных текстов; (2) в виде списка-указателя с краткими аннотациями и (3) в виде сборника переводов. Я использовал все три типа издания, поэтому ссылаюсь только на номер надписи.

Везде, где можно, я указывал дату надписи и место ее находки (с точностью до дистрикта, большая точность для нашей цели не нужна). Это не относится к ссылкам на ЕС. Номер тома указывает и на место находки. В I томе помещены надписи из Курга, во II — из Шравана Белголы, в III, IV и XIV — из дистрикта Майсур, в V и XV — из Хассана, в VI — из Кадура, в VII и VIII — из Шимоги, в IX — из Бангалура, в X — из Колара, в XI — из Читрадурги и в XII и в XVI — из Тумкура, в XIV — из Мандьи.

В конце книги приложена карта дистриктов Южной Индии. Читатель имеет возможность увидеть, о каком районе Южной Индии идет речь. Надписи собирались многие годы, в течение которых происходили некоторые административные изменения. Я взял за основу ту карту дистриктов, которая сложилась примерно к началу XX века и просуществовала до независимости.

Указания на место и время издания надписи делаются либо в основном тексте, либо в сноске. Иногда это может даже утомлять читателя, поскольку почти не видно какой-либо эволюции в описываемых

казусах, и в этой ситуации указание на годы как будто бы теряет смысл. Однако все же некоторая эволюция при внимательном чтении наблюдается, и она может быть замечена читателем, даже если ее не подчеркивает автор.

О транскрипции и транслитерации

Приводимая в ряде случаев транслитерация санскритских и южноиндийских терминов и фраз из источников следует международно признанной системе, основанной на латинском алфавите. Транслитерация тамильских и других южноиндийских текстов следует образцу, принятому в “Tamil Lexicon”. Если же те же термины приводятся на кириллице, то я считаю нужным давать не транслитерацию, во многом условную, а транскрипцию, т. е. передавать звучание слова. При этом возникают «разночтения», которые могут смутить читателя. Дело в том, что в тамильском языке одна и та же буква может означать до четырех разных звуков в зависимости от положения в слове и от того, из какого источника слово заимствовано. Например, одна буква может читаться как «к», «кх», «г», «гх». Сочетание букв *ṣā* читается как «ндр». Сочетание букв *āṭ* читается как «тр». Дифтонг *ai* к концу слова читается как «ей». Буква, которую традиционно транслитерируют как *ṣ* в русском языке имеет наиболее близкое соответствие в звуке «ж». Таким образом, транслитерация (на основе латинского шрифта) и русское написание слова буквально могут не совпадать.

Сложные слова я старался разбивать на их составляющие, соединяя их дефисом, с тем, чтобы подчеркнуть, из каких корней данное слово состоит.

Источники и историография

Источники

Основным источником служит эпиграфика. Южноиндийские надписи гораздо более многочисленны, чем надписи того же периода из Северной Индии. Чуть ли не каждое селение в Тамилнаду, Карнатаке и Андхра имеет хотя бы маленький храм, стены которого несут надписи. В более крупных поселениях число надписей этого периода может насчитывать нескольких сотен. Кроме того, время от времени в разных местах находятся надписи, сделанные на медных табличках. Это в основном дарственные надписи в пользу брахманских общин. Несколько меньше сохранилось надписей в Керале. Южноиндийские надписи гораздо информативнее, чем надписи Северной Индии, поскольку позволяют узнать не только об основании того или иного брахманского поселения или храма, но и проследить их дальнейшую судьбу, их функционирование в качестве юридического лица, узнать практически о всех слоях тогдашнего общества. Они издавались от имени самых разных лиц и организаций: царей, князей, магнатов, общин самого разного типа, частных лиц.

Эпиграфика имеет ряд достоинств по сравнению с некоторыми другими типами источников (хрониками, записками очевидцев): обычно точная датировка и локализация, более непосредственное отражение реальности (фиксирование социального действия, взаимодействия по крайней мере двух контрагентов), практически полное отсутствие авторского (индивидуального) субъективизма. В этом отношении они уступают только документальному, актовому материалу в собственном смысле слова. Их и воспринимают иногда как разновидность юридического или делового документа, однако их функции обычно значительно шире, чем фиксация передачи имущества. Помимо экономической или юридической, надписи имеют также политическую, идеологическую и ритуальную функции. Кроме того,

надписи еще и литературные произведения, подчиняющиеся также эстетическим законам, в частности, законам метрики¹. Использование их требует специфических методов, что не всегда учитывается историками².

Технические трудности их обработки, связанные с дешифровкой, атрибуцией, датировкой и т. п., мы оставим в стороне, поскольку этой работой я не занимался, полностью доверяясь в этих вопросах индийским эпиграфистам. Они являются специалистами своего дела. Среди них существуют разногласия по поводу атрибуции и чтения надписей. Но эти разногласия свидетельствуют лишь о том, что работа ведется очень вдумчиво, и окончательным выводам индийских эпиграфистов следует доверять (пока они не будут уточнены).

Остановимся лишь на особенностях работы с надписями как с разновидностью актового материала.

Понятно, что любой корпус актового материала содержит информацию, ограниченную задачами данного типа документов. В нашем случае надписи посвящены почти исключительно фиксации дарений земли, скота, денег и другого имущества индивидуальным брахманам, группам брахманов и храмам с благотворительными и религиозными целями. Основная цель — получение «религиозной заслуги» (*pūṇya*), а также — политическое утверждение на определенной территории и вообще легитимация власти.

Таким образом, задачи составителей надписей и задачи современного исследователя не совпадают. В надписях не отражаются целые пласты социальных отношений, и в то же время некоторые стороны этих отношений гипертрофируются. С. Тэлбот остроумно замечает: «Если рассматривать общество с точки зрения надписей, создается впечатление, что все дороги ведут к храму»³. Другое несоответствие более явственно и признается всеми исследователями ввиду его очевидности: материал о сельской общине в Южной Индии относится преимущественно к брахманским поселениям, в то время как всем ясно, что подавляющее число общин были шудрянскими⁴.

¹ Talbot 2001, p. 15

² Подробнее об особенностях надписей как источника и методах работы с ними см. [Alayev 1985; Алаев 2004; Алаев 2006]

³ Talbot 2001, p. 87

⁴ Вопрос о варновой принадлежности *веллалов*, *оккалига*, *капу*, *редди* и других доминирующих каст в регионах Южной Индии довольно сложен, как и все вопросы, связанные с кастовой системой. Принятое обозначение этих каст как

Историк получает массу сведений о земельных отношениях указанных категорий землевладельцев и о функционировании брахманских общин и организации храмового хозяйства. В то же время иные, заведомо более значимые формы землевладения и бытие связанных с ними слоев населения остаются в тени. Впрочем, подобная ситуация знакома каждому историку, работающему с древними и средневековыми источниками.

Далее, надпись сообщает единичный факт, который может иметь всеобщее значение, а может быть случайным, не подлежащим обобщению. Сообщая нечто, надпись обычно ничего не объясняет. По существу, она содержит только ряд терминов, значение которых требуется установить по контексту и другим косвенным соображениям. Знание современного языка часто мало помогает в трактовке средневековых терминов. Группы и институты средневековья, так же как и логика средневекового человека, несомненно, отличались от современных. Но инструментом проникновения в логику прежних поколений может служить лишь логика исследователя, т. е. современная логика. Это противоречие объективно. Единственное, что можно сделать, — постоянно помнить об этом противоречии. Современный исследователь ищет в источнике «правителя», «государственный аппарат», «землевладельцев», «крестьян» и т. п., но весьма вероятно, что в изучаемом обществе **не было** институтов и социальных слоев, которые ученый намеревается найти. Однако поиски их обычно оканчиваются «удачно». Кто ищет, тот всегда найдет.

Так как связи между фактами — это обычно привнесение в материал логики индивидуального историка, то на одних и тех же фактах нередко строятся совершенно разные концепции. С эпиграфикой невозможно работать без воображения, но каждому историку понятно, что воображение — очень опасный инструмент, способный превратить науку в беллетристику.

К этим замечаниям, которые могут быть отнесены к эпиграфике многих стран, следует добавить соображения, связанные именно с индийским отношением к фактам и к реальности. Видимо, ни одна другая культура не была настолько склонна конструировать реальность по идеальным образцам. Достаточно вспомнить дхармашастры

«небрахманов» представляется уклончивым и потому вводящим в заблуждение. Брахманы считают эти касты шудрянскими. Примем эту трактовку, поскольку никакой иной не имеется. При этом не будем забывать, что это довольно высокие в соответствующих обществах касты.

и «Артхашастру», в которых рисуется идеальное с точки зрения *дхармы* или *артхи* общество, а соответствие этого общества реальному авторов таких трактатов совершенно не интересует. Более того, руководствуясь указаниями шастр, **нельзя** при всем желании построить не только идеальное государство, но и, скажем, город⁵. Трактаты о строительстве выдвигали такие «параметры» стройки, которые невозможно было соблюсти⁶.

Традиция рассуждений об идеальном обществе развивается в течение всех средних веков. Комментаторы как бы одновременно живут в двух мирах — реальном и воображаемом, по-видимому, не полностью отдавая себе отчет в их несопоставимости. Индийская цивилизация во всех своих проявлениях изобретала одну жизнь, а жила другой.

Такое состояние сознания, несомненно, отражалось и на содержании надписей. В них **отражение** реальности мирно соседствует с **воображением** о реальности. Конкретный правитель управляет конкретным государством, и в то же самое время идеальный правитель царствует в идеальном государстве. Создается генеалогический миф, административный миф, социальный миф и другие. Но на их фоне действуют вполне конкретные вассальные правители, магнаты, брахманы, дарятся конкретные деревни, дарятся и продаются конкретные участки земли, совершаются другие дарения вполне осязаемого имущества.

Один из лучших индийских эпиграфистов Д. Ч. Сиркар писал о надписях: «История часто затеняется в них поэтическими, хвалебными или условными элементами. Большинство документов поэтому создают впечатление, что упоминание в них об исторических событиях является побочным»⁷.

За более чем сто лет систематического сбора и каталогизации собрано около 85 тыс. южноиндийских надписей на тамильском, каннада, телугу, малаялам и санскрите и несколько тысяч североиндийских. Из них опубликовано около 15 тыс. От периода III–IX вв. сохранилось около 300 надписей династии Паллавов и ее вассалов и несколько десятков надписей ранних Пандьев. Из 10 000 надписей династии Чола (IX–XII вв.) опубликовано 3 500. Надписей поздних Пандья (XIII в.) известно 4 500, опубликовано около 1 500. Большинство из них выбито на камне (стенах храмов). Имеются также

⁵ Это убедительно показано, например, в статье: Вигасин 1999

⁶ См. Тюлина 2010, с. 11–12.

⁷ Sirkar 1965, p. 23

грамоты на медных табличках. Обычно это очень подробные документы, сообщающие массу деталей, занимающие при публикации десятки страниц.

Понятно, что одному человеку невозможно познакомиться со всеми даже опубликованными надписями, даже относящимися к одному периоду истории. Каждый из ученых, изучающий тот или иной период истории, обеспеченный почти исключительно эпиграфическим материалом, сравнивает содержание надписей и контексты употребления терминов. Говоря современным языком, создает свою индивидуальную «базу данных» — заведомо неполную, потому что он не может охватить **всех** значений и контекстов.

В настоящее время возникло твердое понимание, что следует работать с **полным** корпусом надписей, относящихся к тому или иному периоду, династии, району или проблеме. Суббараялу пишет: «По самой своей сути надпись фрагментарна и никакая единственная надпись не может дать полную информацию по какой-либо исторической проблеме. Только путем сопоставления данных большого корпуса надписей мы можем получить понятную картину»⁸

В этих условиях естественно обратиться к методам количественного анализа. Такую работу с тамильскими надписями ведет международная группа ученых во главе с Н. Карашимой. В нее входят (в различных сочетаниях) Й. Суббараялу, Б. Ситараман, Тору Матцуи, П. Шанмугам, Мадхав Катти⁹. Синдия Тэлбот использовала подобный метод в работе с эпиграфикой Какатьев, правивших в Андрхе в XII–XIV вв.¹⁰

Составлен список всех опубликованных чольских надписей, выстроенный хронологически и с топографической привязкой¹¹. Указаны в этом списке и содержательные моменты: из него можно узнать, в каких надписях упоминаются, например, деревенские собрания, а также дарения каких ценностей в них фиксируются и т. д.

Затем та же группа ученых приготовила указатель (они назвали его «Конкордансом») всех личных имен, встречающихся в надписях Чолов¹². Всего Конкорданс охватывает 9590 имен, причем отдельные части имен также включены в общий список. Основной целью этой

⁸ Subbarayalu 1989, p. 12

⁹ См. Karashima 1972b; Karashima 1976; Karashima 1980c; Karashima 1992

¹⁰ Talbot 2001

¹¹ Sitarman 1976

¹² Karashima 1978

работы было уяснить строение административного аппарата этого государства: не по терминам, которые, **может быть**, обозначают ту или иную должность (так работает большинство индийских ученых), а по конкретным людям, которые имеют различные титулы, и среди этих титулов могут оказаться также и названия должностей. Правда, надо признать, что эта работа не дала определенного ответа на вопрос о наличии государственного аппарата. Впрочем, каталог имен полезен для ответов на многие иные вопросы, возникающие в ходе чтения надписей.

Составлены также полные списки всех налогов, упоминаемых в Тамилнаду в периоды Чолов, Пандьев и Виджаянагара и проведена статистическая обработка этих налогов¹³.

Подобные методы работы с надписями были мне недоступны, поскольку издания надписей в нашей стране имеются не все и не полностью. Я старался охватить все доступные издания, многое нашел в Индии из недостающих изданий здесь. Но обобщающими данными я пользовался по книгам и статьям моих индийских, американских и японских коллег. Данная работа была бы невозможно без их достижений в обработке данных южноиндийской эпиграфики.

Нельзя не отметить, что общность неиндийских исследователей Южной Индии крайне невелика. Это какая-то дюжина людей во всем мире. Большинство из них мне лично знакомы, а некоторые являются друзьями.

Хотелось бы в этой связи упомянуть Бёртона Стайна, с которым мы познакомились в 1968 г., когда он был директором Мадрасского филиала Американского института индологии, и с которым мы потом долго дискутировали по почте, а также Нобору Карашиму, с которым мы знакомы с того же времени. Он в течение многих лет снабжал меня японской индологической литературой (не только на японском языке) и интересовался моей работой. Раз речь зашла о коллегах, советы которых оказали на меня влияние, нужно упомянуть также Р. Тирумалаю, трезвый подход которого к данным надписей вызвал мое теплое сочувствие. Р. Тирумалай счел необходимым, будучи уже глубоко больным, прийти на мой доклад в Институте тамилологии в Мадрасе и подвергнуть его благожелательной, но жесткой критике. Всех коллег, оказавших мне помощь, упомянуть нет никакой возможности.

Статистическая обработка данных надписей служит гораздо более надежным способом их использования, чем выборочное их чтение.

¹³ Karashima 1972; Karashima 1980c; Karashima 1984; Karashima 1992

Однако нельзя переоценивать ее возможности и следует видеть опасности, подстерегающие ученого на этом пути. Неправильная трактовка одного термина может свести на нет всю относящуюся к нему статистику. Термины в индийских надписях многозначны, их смысл выясняется (если выясняется) из контекста, который теряется при чисто арифметическом подходе. На это справедливо указывает М. Г. С. Нараянан. Высоко, даже восторженно оценивая работу группы под руководством Н. Карашимы, он все же замечает: «Статистический метод тоже имеет свои недостатки. Увеличивая скорость и эффективность [работы], он также увеличивает опасность необнаруживаемых ошибок»¹⁴. Другие исследователи подвергают количественные методы, употребляемые Н. Карашимой и его соратниками, еще более суровой критике. Изучение терминов, по их мнению, дает обманчивую картину, поскольку значения терминов могут меняться¹⁵. Отвечая им, Карашима очень точно, образно говорит о своем методе работы: прежде чем подсчитывать те или иные термины, он читает сами надписи, чтобы услышать их «шопот»¹⁶.

Извлечение значимых данных из текста надписей требует особых методик, что не всегда учитывается эпиграфистами. Дело в том, что надпись состоит обычно из частей (генеалогической, или панегирической; «распорядительной» и «охранительной») и формул, каждая из которых имеет собственную задачу и требует отдельного рассмотрения. Формула должна выразить некую идею — например, «идею государственного аппарата», «идею совокупности всех налогов», «идею самоуправления», «идею точности измерения земли» и т. п. Одни и те же термины, помещенные в разные формулы, могут иметь разный смысл¹⁷. Кроме того, приходится учитывать, что формула несет и эстетическую нагрузку, должна красиво звучать¹⁸.

¹⁴ Narayanan 1989, p. 70. С. Тэлбот предварила свою монографию параграфом «Надписи как исторический источник» (Talbot 2001, p. 11–15). Это редкий случай профессионализма.

¹⁵ Narayana 1992

¹⁶ Karashima 2001a, p. 56

¹⁷ Идея о необходимости формульного анализа эпиграфического текста была высказана мною в докладе на 31 Международном конгрессе востоковедов в Токио (Alayev 1985). Она была встречена сочувственно рядом индийских коллег (См. Narayanan 1989; Chandrasekharan 1994).

¹⁸ Как выразился Й. Суббараялу, «конструкция стандартных формул обычно в большей степени метрическая, чем рациональная» (Subbarayalu 1989, p. 10).

Эволюция генеалогической (панегирической) части (санскр. *praiṣṭi*, тамилск. *meykēṭi*) в надписях одной династии дает возможность проследить конструирование **генеалогического мифа**, своего рода идеологического обоснования ее власти. Генеалогический миф династии — сам по себе достойный объект изучения. Титулатура царей в *прашастии* — это прямые свидетельства о степени независимости или объеме притязаний на «имперскость». *Прашастии* с точки зрения современного историка явственно распадается на мифологическую и историческую части. Однако мифологичность может пронизывать и «историческую» часть.

«Адресная формула» надписей — список царских приближенных или также и простых людей, которых царь оповещает о дарении, отражает не государственное устройство той или иной политики, а сложившуюся в ней традицию, **представление** об этом строе, этап эволюции **идеи государства**.

Формульный характер текста надписей заставляет очень осторожно подходить к количественному анализу. Простое фиксирование частоты употребления термина в территориальном и временном поле может исказить картину, поскольку не будет учтено, когда термин употреблен как живой, реально относящийся к человеку или людям, и когда он — традиционный, составляющий часть административного или социального мифа. Надо сказать, что Карашима и его коллеги, исследуя налоговые термины, о чем говорилось выше, в полной мере учитывали формульный характер текста. Например, они анализировали только те налоговые термины, которые содержатся в списках налогов — налагаемых или отменяемых, — не учитывая термины, встречающиеся sporadически.

Группа Карашимы постоянно обращает внимание читателей на то, что надписи не являются деловыми или финансовыми документами в точном смысле слова. Это понимание постепенно проникает и в среду традиционно мыслящих индийских ученых¹⁹. Однако еще не появилось работ, предлагающих методику, позволяющую «отфильтровывать» объективную и воображаемую информацию надписей.

Нам придется в ходе изложения материала постоянно следить за тем, чтобы не принять мифологические сюжеты за чистую монету. Здесь приведем лишь несколько примеров того, как надпись может дезориентировать читателя. В 988 г. Авасара II из династии Шилахара

¹⁹ См.: Parasher 1991

пишет в своей надписи, что является вассалом Раштракутов²⁰. Но из других надписей достоверно известно, что власть Раштракутов была свергнута Чалукьями в 973 г. Значит ли это, что вассальный князь 15 лет не замечал, что у него сменился сюзерен? Дело, конечно, в другом: составители надписи и граверы работали по привычным формулам, лекалам, и менять их из-за изменения политической ситуации казалось ненужным.

Медная табличка из Аурангабада от 915 г. сообщает, что Индра III Раштракута подарил несколько деревень брахману и восстановил первоначальных владельцев в деревнях девабхога-аграхара (т. е. в тех, которые принадлежали одновременно и храмам, и брахманским общинам), отобранных прежними царями, и выдал вновь облагодетельствованным собственникам 500 000 драма (монет)²¹. Другая надпись сообщает, что этот благочестивый царь восстановил таким образом целых 400 деревень и выдал их владельцам в общей сложности 1 500 000 драма²². Эти надписи дают хорошую возможность проиллюстрировать проблему достоверности сообщаемых в них данных. Вызывают сомнения как указанные суммы денег (учитывая, к тому же, что это был период, когда индийские государи не чеканили своих монет), так и крайнее жестокосердие и богоборчество, проявленные «прежними царями». Конечно, случаи конфискации «священных» земель в Индии бывали, но не в таких масштабах.

Эпиграфика содержит массу цифрового материала. Есть и измерения земельных площадей, и ставки налогов, и цены участков земли и продуктов, продаваемых на базаре, и размер взимавшихся процентов. Моими предшественниками было предпринято немало попыток сопоставить эти числа и вывести из них некие обобщения. Все эти попытки оказались тщетны. Меры веса, объема, площади и т. п. употреблявшиеся в разное время в разных местах, несопоставимы²³. Обыкновенное разнообразие мер и весов, характерное для средневековья, дополняется тем, что многие числа фиктивны. Они отражают не реальность, пусть гипертрофированную, а один из мифов, который данная надпись развивает; миф точного измерения площади, миф упорядоченного

²⁰ EI, XXXVII, p. 58, no. 12

²¹ EI, XXXVI, p. 223–224, no. 29

²² EI, IX, p. 33, 36

²³ В Приложении помещены имеющиеся данные о системе мер и весов, но смысл приводимых таблиц заключается в том, чтобы еще раз показать читателю, что системы во всем этом обнаружить не удастся.

налогообложения и т. п. После попыток разобраться в многочисленных числовых данных я оставил это занятие, и в работе стараюсь опускать числовые значения. Если же этого избежать нельзя, то приходится каждый раз разъяснять, что могло бы обозначать приводимое число.

Однако в целом надписи дают огромный материал по всем аспектам жизни тогдашнего общества, и я считаю своей задачей как можно более полно представить этот материал. Заключение исследователей, в том числе и мои, могут быть неверны, но живая жизнь, проглядывающая из надписей, должна сказать читателю больше, чем может сказать любой ученый.

В основном использованы переводы надписей и их аннотации в справочниках. Некоторое знание санскрита и тамильского языка позволило проверить эти переводы по оригиналу, уточнить термины и даже иногда предложить собственные трактовки тех или иных формул и выражений. Тексты на других дравидийских языках также в определенной мере могли быть проверены, так как в них много санскритских и тамильских (т. е. общедравидийских) корней.

Некоторые иные виды источников тоже могут быть использованы для изучения общественного строя Южной Индии в средние века. Но я старался избегать их привлечения, поскольку они искажают действительность иным способом, чем надписи. Конечно, совершенно недопустимо ссылаться на классическую литературу типа «Артхашастры» или дхармашастр, поскольку она вообще имеет слабую территориальную и хронологическую привязку, ставит перед собой специфические цели и рисует как бы «другую» Индию. Д. Ладден справедливо замечает, что индийская классическая традиция совершенно не замечает **рынка**, который, как теперь ясно, являлся одним из существенных институтов, скреплявших индийский социум и влиявших на общины и власти всех типов²⁴. И таких «пропусков» в классической литературе много. В свою очередь, она освещает многие вопросы, которые в практической жизни не служили предметом дискурса, например, вопрос о соотношении светской и духовной власти, *кшатры* и *Брахмана*. Совершенно очевидно, что светская власть имела решающее значение.

Свой ракурс искажения картины мира имеет художественная литература. Записки иностранных путешественников не освещают те проблемы, которые поставлены в данной работе.

²⁴ Ludden 2002, p. 237

Я отступаю от правила опираться исключительно на эпиграфику только в одном случае — при рассмотрении периода Сангама в Тамилнаду. Там я вынужден использовать художественную литературу и нравоучительные трактаты, поскольку иных источников нет, а не осветить этот период невозможно, даже если он не входит в избранные хронологические рамки работы. И читатель сразу увидит, что характер общества, рисуемый литературой, резко отличается от той картины, которую мы наблюдаем по надписям спустя всего пару веков. И трудно установить, насколько это изменение вызвано переменами в социальном строе, а насколько — просто разными способами описания действительности.

Историография

Данная работа могла бы рассматриваться как продолжение вглубь истории тематики моей первой монографии «Южная Индия. Социально-экономическая история XIV–XVIII вв.»²⁵. Однако за прошедшие годы моя концепция истории Индии и ее традиционного социального строя значительно изменилась. Здесь ставятся вопросы, в книге 1964 г. даже не намеченные, и, напротив, многие сюжеты, развивавшиеся там, сегодня кажутся мне не только не актуальными, но просто надуманными. Таким образом, эти две книги с похожими названиями не составят двухтомник.

Но необычный материал о южноиндийских общинах в довиджаянагарский период стал меня привлекать еще со студенческой скамьи. Более пристально я обратился к надписям в ходе работы над главами по Южной Индии для «Истории Индии в средние века»²⁶. Вместе с Ю. Я. Цыганковым мы дали первые приблизительные наброски этого необычного социального строя. В значительной степени работа над южноиндийским материалом отразилась и в последующих моих работах (см. библиографию). В отечественной индологии моими коллегами по изучению истории Южной Индии были только Ю. Я. Цыганков и Я. В. Тарасюк. Вместе с Ю. В. Цыганковым мы начали изучать тамильский язык под руководством А. М. Пятигорского. Я. В. Тарасюк гораздо позже, уже в 1990 годы, занялся тамильским языком и сконцентрировался на изучении надписей Паллаво. В статьях, связанных со своей

²⁵ Алаев 1964

²⁶ История 1968. С. 91–173

диссертацией, он чрезвычайно скрупулёзно, на базе тщательного лингвистического и формулярного анализа паллавских надписей осветил такие вопросы как эволюция Паллавского династийного мифа, техническую процедуру осуществления земельного дарения в то время, а также «политэкономия» денежных депозитов, предусматривавших выплату процентов в пользу храмов²⁷.

На последнем этапе данную работу внимательно прочел А. М. Дубянский, единственный в стране специалист по тамильскому языку и литературе. Он сделал важные замечания по трактовке, написанию и звучанию многих терминов, а также предложил несколько оригинальных трактовок материала. Я ему глубоко благодарен.

Очерк отечественной историографии раннесредневековой Южной Индии оказался очень кратким. Он показывает, что данный регион в указанный период в полном объеме не изучался. Всестороннее исследование проблем социально-политического строя раннесредневековой Южной Индии предпринимается впервые.

В таком объеме, какой представлен в настоящей работе, проблема не исследовалась и в мировой литературе, хотя работ, посвященных социально-экономической истории Южной Индии, очень много. Но они посвящены либо отдельным государствам и касаются социально-экономической проблематики попутно, либо разрабатывают одну из проблем (например, функционирование купеческих корпораций), но не поднимают вопроса о взаимодействии общин разных уровней и территорий.

Но обилие литературы значительно облегчает составление общего представления об имеющемся материале и о встающих перед исследователями вопросах. Некоторые разработки индийских и западных ученых по вопросам значения тех или иных терминов, сопоставления данных политической и социальной географии того времени, широко используются в данной работе. Можно сказать, что исследовательские работы коллег составляют базис, на котором работал автор.

В то же время при знакомстве с работами индийских ученых постоянно ощущаешь неудовлетворение. Они чаще всего используют схемы, заимствованные из современности. Так, они рассматривают средневековые государства как подобные современным. Раз есть некая территория, подвластная царю, значит, там есть центральное

²⁷ См. список использованной литературы.

правительство, «министры», государственный аппарат, административная, налоговая и судебная системы, провинции, губернаторы и т. п. Задача, которую исследователь ставит перед собой, заключается в том, чтобы все это обнаружить и распределить материал по заранее имеющейся в его голове схеме. Отношения между властью и автономными общинами рассматриваются как аналог современного соотношения государственного аппарата и местного самоуправления. Распределив данные по этим рубрикам, исследователь бывает совершенно удовлетворен, ибо получил картину, практически неотличимую от любого другого государства.

Исполнение такой задачи давало, помимо интеллектуального и материального удовлетворения (издания книги, получения ученой степени), еще и сознание того, что средневековые тамилы, каннада и проч. были так же развиты, как и другие народы.

Особенность социального строя Южной Индии: бросающаяся в глаза необычная роль общины, сложное сочетание территориальных, клановых, кастовых и корпоративных групп и организаций — все это нередко оставалось за пределами интересов ученых. Можно только предполагать, почему разительная специфика общественного и государственного строя дравидийских народов Южной Индии оказывается вне пристального внимания ученых — представителей этих народов, весьма вообще-то озабоченных проблемами национальной идентичности. Да, они пишут о местном самоуправлении, довольно широко и рассуждают о демократии в далеком прошлом, о гильдиях и других коллективных органах. Но смысл их рассуждений сводится к тому, чтобы доказать, что раннесредневековая Южная Индия **ничем не отличалась** от Западной Европы, была **не хуже** Европы, что там существовало **такое же** государство, какое **положено** иметь цивилизованным народам. При этом европейские стандарты средневекового государства (в значительной степени воображаемые) оказываются образцом, а специфика общества просто замалчивается.

Объяснение другого типа состоит просто в трудности проблемы, в том, что нескольким поколениям ученых не удалось разобраться в сложной мозаике разного рода общинных организаций. Многие сообщения надписей остаются просто непонятными. По-видимому, никакой системы организаций, никакой схемы распределения полномочий среди этих организаций просто не было. Употреблявшиеся термины многозначны, права индивидуумов и групп умопомрачительно

пересекаются. И историки просто теряются перед массой разнородного материала — и чтут за благо оставлять его в стороне.

Бёртон Стайн в ряде работ предпринял подробную и убедительную критику концепций, которых придерживаются южноиндийские историки²⁸. Он предложил также несколько вариантов интерпретации данных по социальному строю Южной Индии, в которых общим является отрицание реального контроля правящих династий Чолов и Пандьев над всей «принадлежавшей» им формально территорией, которую реально контролировали кланы касты *веллалов*, каждый в пределах своей клановой территории (*наду*). Чолы имели на большей части «своей» территории лишь «ритуальный сюзеренитет». В частности, Стайн много внимания уделяет усилиям Раджараджи I и его преемников по распространению культа Шивы и включению в «группу Шивы» местных тамильских божеств Аянара и Муругана, и видит в этом стремление к укреплению власти династии²⁹. Конечно, ритуальное или, как бы мы сказали, идеологическое обоснование царской власти, играло большую роль, и заслуга Б. Стайна заключается в том, что он обратил на это внимание. Вопрос о ритуальном обеспечении власти стал после его работ одной из постоянных тем индийских историков. Но его противопоставление ритуального и политического суверенитета вызвало критику. В частности, Г. Кульке, в целом поддерживая такой подход, вопрошает: «Разве этот тип ритуального суверенитета не имел прямых последствий также и в политическом контроле?»³⁰ Кульке считает, что Чольские государи проводили определенную **ритуальную политику**, которая составляли часть политики в целом, наряду с **экономической и военной**. Б. Стайн под влиянием критиков позднее уточнил свою мысль, признав, что формулировка о ритуальном суверенитете не означает, что не происходило развитие других видов властных функций³¹.

Б. Стайн внес в дискуссии о социальном и политическом строе Южной Индии также такой раздражающий фактор, как концепцию «сегментного государства», выдвинутую еще в 50 гг. А. Саутхоллом³² на материале одной из примитивных потестарных структур Восточной Африки. Не будем излагать концепцию Саутхолла целиком. Это слишком далеко от наших целей. Достаточно будет сказать, что это

²⁸ Stein 1980. См. также другие его работы в списке литературы.

²⁹ Stein 1980, p. 324–332

³⁰ Kulke 1982, p. 254

³¹ Stein 1997, p. 160

³² Southall 1956, p. 248–249

словосочетание Саутхолл применил для ситуации, когда мелкие племенные структуры подчиняются более крупным, при этом могут быть три-четыре уровня властной вертикали, но все сегменты пирамиды сохраняют значительную автономию. Другими словами, это типичная данническая структура. Воодушевленный тем, что его схема нашла применение на индийском материале, Саутхолл пояснил, что его «сегментное государство» может быть интерпретировано также как «родственный способ производства» или «фуражный способ производства», и является эмбриональной формой «азиатского способа производства»³³. Мне не совсем понятно, как можно было так увлечься этой схемой, что попытаться доказывать ее применимость к Южной Индии VI–XIII в. В последующих работах Стайн даже не исключил, что эта схема применима ко всем индийским государствам средних веков.

В качестве примера приведем один признак «сегментного государства» в формулировке Саутхолла и поймем, что он совершенно не ложится на индийский материал: «Центральные и периферийные власти образуются по единой модели, последние являются уменьшенными копиями первой»³⁴. Но в раннесредневековой Индии автократическая форма правления в центре сочетается с принципиально иным строем на периферии — с общинным. Даже если поверить Стайну, что во главе территориальных общин стояли местные вожди, то и в этом случае ясно, что они управляли при помощи общинных советов, которых в центре не могло быть.

Вместе с тем, связанный с этим признаком «сегментного государства» другой тезис удивительно подходит к южноиндийской ситуации: функции исполнительной власти не разделены между центральной и местными властями. Материал не позволяет утверждать, что некие функции были монополизированы, скажем, центром, а другие «переданы» на более низкие этажи администрации. В связи с этим Б. Стайн формулирует такое определение: структура была пирамидальной, но не иерархической.

По мысли Б. Стайна, южноиндийские династы стремились приобрести статус кшатриев и с этой целью импортировали на Юг значительные группы брахманов, предоставляя им земельные владения³⁵.

³³ Southall 1987, p. 53–54, 66

³⁴ Southall 1956, p. 249

³⁵ По ведийско-индуистским представлениям, важнейшей обязанностью кшатрия было жертвоприношение земли, в частности, дарение ее брахману. В свою

Построения Б. Стайна, безусловно, весьма интересны и находятся ближе к действительности, чем схемы «нормального государства», господствующие в индийской историографии, но, пожалуй, он слишком решительно отверг сведения, которые можно интерпретировать как все же определенное наличие государственного аппарата и централизованно собиравшихся налогов. Н. Карашима справедливо упрекает Стайна в том, что тот стремится доказать, что окружная община *наду* играла особенно большую роль в период Чолов, в то время как она наиболее явно выступает в более ранний и более поздний периоды³⁶.

Концепция Б. Стайна перегружена спорными идеями. Помимо раздражающих формулировок «сегментное государство» и «ритуальный сюзеренитет», она еще повязана формулировкой «крестьянское общество и государство». Это название его главной книги. Нужно совершенно переосмыслить понятие «крестьянство», чтобы понять *reason d'être* такого определения Чольского и других южноиндийских государств. Насколько я понял в ходе личных контактов с Бёртоном Стайном, эта формулировка возникла из осознания того, что господствующий класс Тамилнаду в средние века вышел из касты *веллалов*, которая, «по определению», является земледельческой, т. е. крестьянской. Он нигде в своих работах не пытается утверждать, что трудовое крестьянство составляло «общество» или руководило «государством». Более того, он утверждает (по-моему, безосновательно), что во главе окружных общин стояли местные вожди и магнаты (это станет предметом особого разбора в дальнейшем). Но по какой-то странной небрежности он не проводит четкого разделения между классом-сословием крестьянства и кастой, которая считается крестьянской. Это позволило критиковать его с позиций классового подхода — что он, будто бы, отрицает эксплуатацию сельского населения со стороны верхнего слоя общества.

Но именно это отождествление верхов и низов касты *веллалов* привело к выдвиганию Б. Стайном еще одной сомнительной идеи — о союзе в период Паллавов и Чолов *веллалов* и *брахманов*. Он утверждает, что *веллалы* как каста были заинтересованы в привлечении

очередь, брахманы могли принимать дарения только от истинных кшатриев. Таким образом, дарение брахману и принятие последним дара означает признание за правителем статуса кшатрия. Впрочем, южноиндийским царям так и не удалось добиться такого признания.

³⁶ Karashima 1984, p. XXVI

брахманов на свои земли, чтобы получить легитимные права на основанные ими государства. Эта система размышлений, возможно, навеяна тем, что мы знаем о процессах в Северной Индии. Там в VIII–X вв. раджпутские кланы щедро раздавали деревни брахманам, получая за это утверждение своего происхождения от древних кшатриев. Но ситуация в Южной Индии была принципиально другой. Раджпуты раздавали деревни, **завоеванные** ими. В Тамилнаду же брахманам передавались верховной властью деревни, **уже принадлежавшие** общинам *веллалов*. Предположение, что *веллалы* раздавали в *брахмадеи* самих себя для того, чтобы потом получить кшатрийский статус, выглядит крайне надуманно. Тем более, что такая комбинация, если бы она даже и была задумана, не прошла. *Веллалы* остались в глазах брахманов шудрами.

Концепция Б. Стайна подверглась не то чтобы критике, но некоторому сомнению, еще и с точки зрения эволюции, поскольку она не предлагала выхода из «сегментного» состояния, перспектив перехода общества (и государства) на иной, по определению более высокий уровень³⁷. Такого рода упреки несостоятельны. Выдвижение и обоснование **модели** общества или государства означает **структурный** подход к материалу, но не **исторический**, или **генетический**. Этот подход может быть (и должен быть) дополнен генетическим (или эволюционистским), но может существовать и сам по себе, самостоятельно.

Концепция Б. Стайна мало повлияла на позиции индийских историков. Откликнувшись на нее несколькими критическими статьями³⁸, они о ней благополучно забыли.

С большим пониманием отнеслись к концепции Стайна его американские и европейские коллеги. В чем-то поправляя его, они в целом работают в том же направлении, уделяя большее внимание общинам, местным условиям, неформальным связям и т. п.³⁹ Г. Кульке организовал широкое обсуждение выдвинутых в последние годы концепций индийского государства, в том числе и концепции Б. Стайна, и дал последнему высказаться по поводу критики в его адрес⁴⁰.

³⁷ Например, H. Dirks. Political Authority and Change in Early South Indian History // IESHR, XII, 1976, p. 126. Цит. по.: Berkemer 2001, p. 129

³⁸ Jha 1985; Narayanan 1989; Sharma 1993

³⁹ Hall 1982; Heitzman 1991; Talbot 2000

⁴⁰ State 1997

В выступлении на 8 международной тамильской конференции в январе 1995 г. Б. Стайн выдвинул обобщающую концепцию эволюции государственности в Индии, которая подкупает своей простотой и логичностью:

- 1) общины без государств (от 7000 до 800 г. до н.э.),
- 2) общины **как** государства (*махаджанпады*) (800 г. до н.э. — 300 г. н.э.),
- 3) общины и государства (300–1700 гг.),
- 4) государства без общин (с 1700 г. до настоящего времени).

Такого рода схемы не следует критиковать по мелочам. Поэтому конкретные соображения оставим в стороне. Обратим внимание только на позитивную сторону схемы: автор признает, что на протяжении всего периода средневековой истории Индии общины сосуществовали с государствами, или государства сосуществовали с общинами. Обращая внимание на то, что в последние годы мнение о централизованных государствах в средневековой Индии серьезно подорвано, что многие признают то ли «феодалный», то ли «фрагментарный», то ли «сегментный» характер индийских государств, он дает понять, что его концепция «сегментного государства» пробивает себе дорогу⁴¹.

Г. У. Спенсер, не ссылаясь на теорию «сегментного государства» Б. Стайна, рисует практически такую же картину применительно к Чольскому государству XI в. Это был «налогово-даннически-грабительский континуум», который расходился радиально из центра империи. Регулярный **налог** собирался только в территориальном ядре государства, с окружающих вассальных княжеств собиралась **дань**, а периферийные области и территории других государств подвергались периодическому **грабежу**⁴².

Дж. Беркемер рассматривает концепцию «сегментного государства» как звено в теории государства вообще, исходя из однолинейной концепции развития этого института. Он считает, что южноиндийские государства постепенно приближались к модели, разработанной в древних трактатах. Он хочет построить общую схему «от сложных вожеств к в высокой степени интегрированным, но не централизованным государствам», включая в нее эволюцию от «сегментного государства»

⁴¹ Stein 1995

⁴² G. W. W. Spencer. The Politics of Plunder: the Colas in the Eleventh Century Ceylon // Journal of Asian Studies, XXXV, 1975/76, p. 405–419. Цит. по: Kulke 1982, p. 244

к «патримониальному» (таковым западные индологи считают мусульманские государства Индии XIII–XVIII вв.). Эта схема «может даже вести к общей теории политических систем, которая включит африканские, как и южноазиатские и юговосточноазиатские сегментные государства»⁴³.

Особняком стоит работа Рональда Индена⁴⁴. Наряду с общими проблемами изучения традиционной Индии, он в качестве примера разбирает данные по общественно-государственному устройству царства Раштракутов. Он, с одной стороны, совершенно отходит от традиционного восприятия индийского средневекового государства как бюрократической структуры, его методом является внимательное прочтение надписей и отчетливое стремление базировать свои выводы не на априорных суждениях, а на данных источников. Он глубоко понял значение разнообразных накладывающихся друг на друга общин в самом функционировании индийского общества и государства. Мы будем в значительной мере использовать его выводы в Заключение, когда будем подводить итоги исследования.

И в то же время Инден позволяет себе фантазировать по многим вопросам. Например, он принимает адресную формулу в дарственных грамотах за чистую монету и думает, что царь действительно собирал в столице или в другом месте, где он в данный момент находился, свой двор, провинциальных чиновников и представителей народа, чтобы объявить о дарении. Придумывает ежегодные съезды князей и других вассалов во дворце, хотя тут же признает, что «никаких документов, прямо упоминающих о ежегодных сборах раштракутского двора, пока, насколько я знаю, неизвестно»⁴⁵. Утверждает, что «значительное число» молодых общинников из касты *оккалу* служили в армиях царя или других князей, в то время как об этом нет никаких данных. Чтобы подкрепить это утверждение, ссылается на «камни героев» (*vēragal*), на которых зафиксирована гибель в битвах многих жителей деревень⁴⁶, совершенно игнорируя факт, что подавляющее большинство этих камней фиксируют эту гибель при обороне своих деревень от шаек грабителей и в попытках угона скота, вовсе не в ситуации службы в имперской армии.

⁴³ Berkemer 2001, p. 130

⁴⁴ Inden 1990

⁴⁵ Inden 1990, p. 233

⁴⁶ Inden 1990, p. 222

На этих примерах хочу акцентировать один из выводов, который я сделал при изучении литературы по поднимаемым проблемам. Западные ученые видят свою задачу в высказывании некоей формулы или в создании всеобъясняющей концепции (вроде «сегментного государства») и торопятся ее опубликовать, и с этой целью отбирают подходящий фактический материал. Слов нет, нельзя выступать против концепций и теорий, а также против емких определений, но опасно подгонять данные под заранее имеющуюся концепцию.

Каждый из исследователей хочет создать цельную картину, увидеть систему в море разнообразных и противоречивых фактов. Дать разумное и рациональное объяснение практике дарений, действиям властей, общин и частных лиц. При этом используются разные подходы, разные модели, в которые требуется вставить имеющийся материал. Модель централизованного государства, модель феодальной раздробленности, модель сегментного государства. Дарения объясняются либо религиозностью, либо личной выгодой (не только на небесах, но и на земле), либо политикой централизации. Но втиснуть материал в известные модели не удастся. Некая система, конечно, была, но она непохожа на все, что мы можем себе представить.

Новое направление в изучении надписей и методику выяснения реалий предложил Нобору Карашима. Его подход можно назвать прагматическим или позитивистским. Он заключается в том, чтобы четко разделить, что говорят надписи, и что по этому поводу надумывает исследователь; учесть максимальное количество надписей данного периода или данной местности; исходить из презумпции, что каждая местность имела особенности, и период отличается от другого периода. Его тип мышления счастливо совпал со временем широкого распространения компьютеров. С помощью привлеченных им сотрудников он проделал огромную работу по компьютеризации доступного эпиграфического материала. Об этом говорилось в параграфе об источниках.

Карашима совершенно справедливо сетует на то, что исследователи уделяют внимание главным образом брахманским общинам и храмам, и не отмечают в достаточной мере, что большинство деревень в Тамилнаду были небрахманские, и что любые рассуждения о способе производства или о характере государства без учета этих деревень

теряют смысл⁴⁷. Он написал несколько статей, затем объединенных в книгу, задачей которой, по его словам, являлось:

1) выяснить соотношение частной и общинной собственности на землю и 2) вскрыть систему власти, показать аппарат, через который правитель или правящий класс контролировали крестьян и другие секции населения.

Полемика по поводу характера раннего средневекового, или именно южноиндийского государства, продолжает вращаться вокруг «классических» теорий — от «азиатского способа производства» через «феодалное государство» до «централизованного бюрократического государства». Каждый из участников дискуссии или реальный специалист по периоду и проблеме считает своим долгом выдвинуть ту или иную концепцию или присоединиться к одной из существующих. Между тем, существующие концепции выдвинуты на основе совершенно иного объема знаний, к тому же много лет назад, когда должного материала вообще еще не существовало. Несмотря на то, что эти концепции связаны с именами великих мыслителей, эвристическая ценность их концепций стремится к нулю.

В частности, надо забыть о концепции «азиатского способа производства». Она была выдвинута тогда, когда о древних и средневековых обществах Азии было известно ничтожно мало, можно сказать, обостря мысль, — неизвестно было почти **ничего**. Эта концепция **предшествовала** изучению стран Востока. В XIX в. она имела *raison d'être*, поскольку служила не теорией, а гипотезой, способствовавшей сбору материала. Но сейчас она не имеет никакого обоснования и не только потому, что материал оказался гораздо разнообразнее, чем предусматривала схема АСП, но и потому, что никто из тех, кто употребляет это заклинание, не озабочен изучением **способа производства**.

Использование знамени «феодализма» оказалось столь же непродуктивным, поскольку нет общего понимания значения термина. Так, Д. Н. Джха уверен, что в XIII в. произошел «кризис феодализма», а Н. Карашима, напротив, считает, что именно в этом веке произошел переход от некоей более примитивной структуры к феодализму. Кэтлин Гофф (Gough) считает, что в Чольский период в Южной Индии существовал АСП и общинники, *веллалы* по касте, были рабами государства. Но она же упоминает о том, что были просто рабы (*aāimai*), работавшие

⁴⁷ Karashima, 1984, p. XIX, XXXII

в хозяйствах *веллалов*. Карашима в этой связи логично вопрошает: так кто же были рабами?⁴⁸

Решение вопроса о феодализме в Индии зависит от понимания модели феодализма. Б. Стайн отвергает **одну** модель феодализма, Х. Мукхия тоже отвергает феодализм, но имеет при этом в виду **иную** модель, а Р. Ш. Шарма, оставаясь на позициях феодализма, основывается на **третьей**. И все они опираются на различные концепции феодализма, выработанные в Европе **в новое время** и сейчас устаревшие.

Карашима справедливо упрекает Стайна в том, что основной целью последнего было «представить теоретический каркас для понимания основных черт южно-индийского общества», работа же самого Карашимы, в отличие от Стайна, ставит целью «прояснение некоторых более узких вопросов, а не презентацию некоей теоретической модели»⁴⁹. Он, конечно, не совсем справедлив к себе. Он действительно не формулирует концепции, которую можно было бы назвать «концепцией Карашимы», но в своих будто бы совершенно фактологических эссе он исходит из определенных взглядов, что отражается на его выводах. Так, он исходит из представления, что общинная собственность на землю первична и противоположна частной собственности; что государство должно постепенно усиливаться и административный аппарат должен развиваться и т. д. А раз это должно происходить, значит, это и происходит, и Карашима находит этому подтверждения.

Признание того, что южноиндийское раннесредневековое государство не осуществляло прочный контроль над всей своей территорией, все более распространяющееся среди историков, вызывает другой вопрос: какой же институт выполнял роль основного средоточия социальной жизни. Б. Стайн попытался выдвинуть на эту роль организацию, которая носила название «местность», «область» — *наду*. Его исходные позиции кажутся разумными: следует уточнить широко распространенный в индологии и вокруг нее образ замкнутой деревенской общины. «Историки не вполне осознали, что атомизированная деревня недавних времен отражает серьезные изменения в аграрном строе после Чольского периода. Слишком большое внимание было обращено на деревню в период, когда она не являлась преимущественной

⁴⁸ Karashima, 1984, p. XXIX

⁴⁹ Karashima, 1984, p. XXV

единицей социального и аграрного строя, которой она до некоторой степени стала позже»⁵⁰.

Распространяющиеся сегодня концепции «феодального» или «сегментного» государства, несмотря на все претензии, которые можно к ним обратить, выполняют важную функцию отхода от рассмотрения раннесредневековых индийских государств как воплощений некоей дхармы, заложенной древними классическими трактатами и обращения к изучению реальных общественных и потестарных отношений, формировавших эти государства.

ЧАСТЬ I ТАМИЛНАДУ

Глава 1 Вступительная. Период Сангама. Хронологическая канва истории Тамилнаду до начала XIV в.

Период Сангама

Историю Тамилнада принято начинать с так называемого «периода Сангама». Предыдущая чисто легендарная история даже самыми националистически настроенными историками не излагается как достоверная. По легендам, в глубокой древности где-то далеко на юге сложилось объединение поэтов и писателей (*сангам*). Но океан поглотил это место. Тогда несколько севернее возник второй *сангам*. Но и он был поглощен океаном. Тогда севернее, в районе современного Мадураи, возник третий *сангам*, от которого до нас дошло множество произведений¹. «Период Сангама» — выражение условное, сопоставимое с такими, как «период упанишад» или «период дхармашастр». Другими словами, мы не можем точно фиксировать этот период во времени. Принято считать, что он относится к II—III вв. н.э., но произведения, относимые к данному комплексу, могли быть созданы значительно позже, вплоть до X в.

«Период Сангама» означает комплекс представлений, сложившихся внутри определенной культурной традиции, а именно внутри лирической, панегирической, и дидактической поэзии на тамильском, считающейся древней. Система этих представлений сложилась, в конечном счете, на базе реальной жизни, однако жизни какого времени — остается неясным. В таких условиях выражение «период

⁵⁰ Stein 1980, p. 143

¹ Эта легенда подробно изложена в книге: Дубянский 1989, с. 48—49

Сангама», казалось бы, лишается смысла². Однако это не так. Эта литература развивалась в столь значительном отрыве от реальной жизни, что сохранила внутреннее идейное, эстетическое и, если можно так выразиться, **материальное** единство. Имеется в виду, что она отразила некую цельность той социально-экономической структуры, на базе которой выросла.

В данной работе мы ни в коей мере не желаем вступать в полемику по поводу датировки отдельных произведений тамильской литературы и принимаем имеющиеся датировки.

Считается, что «Тольхаппиям» (первая тамильская грамматика, составленная Тольхаппиянаром), «Эттуттохэй» («Восемь антологий»), «Паттупатту» («Десять поэм») содержат произведения, относящиеся, в основном, к I—III вв. «Восемнадцать малых произведений», поэмы «Шилаппадигарам» («Повесть о ножном браслете») и «Манимехалей» (собственное имя) сложились примерно в V—VI вв. Дидактические трактаты в стихах о путях достижения *дхармы*, *артхи* и *камы* «Тирукурал» Тируваллуvara и «Наладийяр» составлены предположительно в VIII в. Все эти произведения не такого порядка, чтобы, расположив их по хронологии, можно было бы выявить некую эволюцию взглядов, а тем более реалий. Поэтому мы будем их рассматривать как единый корпус источников, отражающий (или искажающий) единый срез истории тамильского общества. Так же поступают и индийские историки. Н. Субрахманиян включил в свой «Допаллавский тамильский индекс» термины из 43 произведений³.

Все эти сочинения в качестве исторических источников, конечно же, неравноценны. Грамматика «Тольхаппиям», будучи одним из наиболее ранних произведений, имеет значение, сопоставимое с «Аштадхьяйи» Панини для Северной Индии. Она сообщает круг понятий, известных древним тамилам на рубеже христианской эры и, тем самым, характеризует уровень развития общества. «Тирукурал» как источник сопоставим с «Архтшаштрой» Каутильи или с *дхармашастрами*. Это сборник нравоучений, исходящий из идеальной модели личности, общества и государства. К трудностям, обычным при работе с дидактической

² Некоторые индийские историки высказывают сомнения в том, что можно рассматривать «период Сангама» как единое целое, поскольку литература, традиционно к нему относящаяся, создавалась на протяжении тысячелетия и отражает разные состояния общества (Veluthat 2009, p. 3). Однако мне не удалось обнаружить эти различные состояния.

³ Subrahmanian 1966a

литературой (искажение действительности путем преобразования ее в идеальную модель), добавляется еще одно — вторичность многих его идей. Хотя в качестве рабочей гипотезы можно считать, что автор брал из санскритской литературы лишь то, что имело параллели в современной ему южноиндийской действительности, всегда останется сомнение: а не переписал ли автор ту или иную сентенцию, известную ему из санскритской литературы, переведя ее на тамильский, просто потому, что она представлялась ему важной по идеологическим соображениям.

В данном случае методом взаимоподтверждения служит сопоставление данных Курала и эпических поэм, особенно «Шилаппадигарам». Сюжет поэмы позволяет автору или заставляет его затронуть ряд социальных вопросов. Жизнь города, ведение торговли в частности, социальные слои городского населения, двор, отношения между государями Юга и между дравидийскими и «арийскими» царями — все эти сюжеты присутствуют в поэме чрезвычайно выпукло и подробно. Попутно и более бегло, штрихами, дана жизнь села, виды поселений, сельское хозяйство и пр. Правда, при всем этом нельзя забывать, что автор, даже по официальной версии, не был свидетелем событий, им описываемых, а жил через много лет по их свершении. Точность описания никогда не служила в Индии положительной характеристикой поэтического произведения. Все же многие куски поэмы, например, описания поселений разбойников-скотоводов *эйинаров*, или же рисующие этику купеческих семей, кажутся предельно приближенными к реальности.

Такая разнообразная литература обычно свидетельствует о существовании развитого стратифицированного общества и государства. Да и содержание ее прямо рассказывает нам о кипучей городской жизни, развитой торговле, в том числе международной, тоже предполагающей значительное экономическое и политическое развитие. Известно, что в последние века до н.э. на Юг стали проникать буддизм и джайнизм. Это свидетельствует, по крайней мере, о таком уровне культуры, который позволял воспринять сложные религиозные идеи. Однако это тоже лишь косвенные свидетельства. Правда, есть неоспоримые данные о довольно тесных для того времени торговых связях Южной Индии с Римской империей (находки монет и вещей), что соответствует сведениям, имеющимся в стихах и поэмах того периода. Так что художественную литературу II—III вв. можно рассматривать как достоверный исторический источник (естественно, делая поправки на художественный вымысел).

Однако материальных остатков того периода мы не имеем. Нет археологических свидетельств о процветавших, судя по художественной литературе, городах.

Этот период, строго говоря, не входит в хронологические рамки данной работы, но без него нельзя обойтись, поскольку неизбежно встанет вопрос о том, как и когда возник тот социальный строй, который описывается ниже. Как увидит читатель, материал периода Сангама не очень-то помогает решить этот вопрос.

Тамилы издавна представляли свое общество как состоящее из трех государств — Чола, Чера и Пандья. Для любого тамила в то время каждый из трех правителей представлялся одинаково легитимным, как бы от века данным. В одном из комментариев на «Тирукурал» сказано, что эти три царства правят землей тамиллов «со дня Творения». Выражение «Три царя» (*мувендар*) было всем одинаково понятным.

Мы знаем имена правивших тогда в трех государствах царей. Но нет документов, которые подтверждали бы бытие этих государств и давали бы даты правления царей, упоминающихся в художественной литературе. Древнейшие государства тамиллов не оставили ни хроник, ни надписей, хотя письменность у них скорее всего была.

В то же время в литературе, относимой к первым векам нашей эры, и вообще в тамильской классической литературе, не упоминаются Паллавы, государство которых явно существовало, судя по сохранившимся надписям, по крайней мере, с III в.

Это удивительная черта индийских классических сочинений вообще: они сообщают о том, чего, может быть, не было, но «опускают» то, что, несомненно, имело место.

Соответственно, традиционное деление Тамилахама (так тогда называлась страна тамиллов) состояло из трех областей (мандалам): Чоламандалам (с центром в Танджавуре в дельте Кавери), Пандьямандалам (в бассейне Вайгая, с центром в Мадурай) и Черамандалам (в верховьях Кавери, в районе Карура)⁴. Позже к ним добавились Тондаимандалам [к северу от Чола, в районе современного Мадраса (Сеннея)] и Конгумандалам, или Конгу-деша (возвышенные районы Тамилнаду, современные дистрикты Селам, Ироде, Койямпуттур и Дхармапури)⁵.

⁴ Это мнение спорно, обычно Черу помещают в современной Керале. Аргументацию в пользу более восточного варианта см. в Nagaswamy 1995 и в главе, посвященной Керале, в данной книге.

⁵ На приложенной карте эта территория охвачена только двумя дистриктами:

Мандамы состояли из более мелких территорий, которые назывались либо наду, либо куттрам (*kóââam*). Не удастся установить, входила ли одна из них в другую, или же это были территории одинакового порядка, носившие разные названия. О формах управления этими территориями также не сохранилось упоминаний.

Эти деления на бытовом уровне, видимо, не ощущались. Территория страны воспринималась как некоторое число *уров* (поселений), а также пространство между ними. Так, в «Шилаппадигарам» упоминается, например, брахман Парашаран, который «прошел леса, деревни, города» (*kàðóm nàðum órum pî ki*⁶). Здесь сельская местность обозначается словом *наду*, а город — словом *ур*. Герои повествования Ковалан и Каннаги, идя из Пухара в Мадурай, «увидели целую страну между двумя городами»⁷. Здесь *наду* — не территориальная единица и, конечно, не административная, а просто сельская местность, разделяющая два *ура*. В «Тирукурале» говорится, что для умудренного знанием «любая страна, любое селение (*nàðamal óramal*) — родина»⁸. Здесь тоже *ур* — скорее город, чем деревня.

Вместе с тем, *ур* означал и несомненную деревню. Например, «весь *ур*» может ходить за водой к одному роднику⁹. Упоминание «деревя, выросшего посреди *ура*»¹⁰, также подразумевает небольшой размер поселения. Любящие должны все время учитывать, что говорят о них жители *ура*, какая идет молва¹¹. Ситуация, характерная именно для деревенской жизни.

Слово *кирамам* (от санскр. *грама* — «деревня») лишь однажды встречается в «Манимехалей»¹².

Терминологически выделялся город на побережье — *paðiçam*. Крупный порт также имел особое название — *pukâr*. Конечно, это связано со значительной ролью, которую играла морская торговля в жизни общества периода Сангама. В Тамилнаду в то время было несколько городов, которые красочно описываются и прославляются в поэмах и стихах. Это Пухар (Каверипумпаттинам) и Урейюр в Чоле, Коркей и Мадурай в Пандье, Мусири и Ванджи (Карур) в Чере,

Селам и Койямпуттур.

⁶ Шилаппадикарам, XXIII, 65

⁷ Шилаппадакарам, X, 153

⁸ Курал, 397

⁹ Курал, 215

¹⁰ Курал, 216, 1008

¹¹ Курал, 1129, 1130, 1142, 1143, 1147, 1150, 1180, 1220

¹² Subrahmanian 1966 a, p. 274

Канчи в Тондаимандам. Встречаются детальные описания Пухара, Мадураи и Канчи, но они стереотипны и, возможно, имеют малое отношение к действительности. Но, по крайней мере, они показывают, как представляли себе крупный город составители поэм.

Судя по дидактической литературе, цари, конечно, имели неограниченную власть, однако управляли при помощи «Пяти великих групп» (*aimperuēkuṇ*), которые упоминаются во многих произведениях периода Сангама. Термин этот вызвал множество рассуждений относительно наличия народных собраний, которые, будто бы, ограничивали власть царей. Но содержание этого института не раскрывается, а среди комментаторов мы видим большую разногласию. «Пять великих собраний» иногда расшифровывается как 1) собрание народа, 2) собрание жрецов, 3) собрание целителей, 4) собрание астрологов, 4) совет министров. Никаких подробностей по поводу численности этих собраний, их состава, их функций мы не знаем. Другая расшифровка дает список функционеров: «министры» (советники), жрецы (*пурохиты*), военачальники, посланники, соглядатаи. При такой расшифровке остается неясным, почему эти группы называются «собраниями».

Вместе с «пятью собраниями» при дворе почти всегда упоминаются «Восемь групп обслуживающих» (*eī pāṇṇam*): парфюмеры, изготовители гирлянд, носители бетеля (бетелевых листьев), носители орехов арека¹³, оружейники, снабжающие одеждой, факельщики, охранники.

Эти «пятерки» и «восьмерки» иллюстрируют приверженность индийцев к «точности», классификации, раскладыванию понятий «по полочкам». Скорее всего, наличие таких «собраний» и «групп» — искусственный мыслительный конструкт ученых и поэтов. В дальнейшей истории эти группы и собрания не фигурируют.

Реальность была иной. Упоминаются около 120 вождей (*вел*, *vāṇ*), находившихся в сложных отношениях с каждым из трех царей, подчиняющихся им или враждующих с ними. По-видимому, это вожди, главы кланов веллалов, мелкие князьки, образовывавшие довольно неуправляемую «феодальную» вольницу. Скажем, в «Аханануру» описывается, как Карикала Чола разбил войско 11-ти *велов* при г. Вени. В том же произведении рассказывается, как 14 *велов* осаждали крепость Камур, принадлежавший Кажувулу Чола. Другой чольский царь разбил войско 108-ми *велов*¹⁴.

¹³ Из бетелевых листьев и орехов арека вместе с другими ингредиентами составлялась излюбленная индийская жвачка — непременный «десерт» к каждой трапезе.

¹⁴ Аханануру, 246.12; 135.12; 5.164. См. Subrahmanian 1966a, p. 801; Subrahmanian

Некоторые из *велов* известны по именам. Интересно, что имена их по большей части происходят от названия той или иной местности: *вел* из Пидавура, *вел* из Алундура, *вел* из Нанпура и т. п. Это значит, что *велы* были не наместниками, назначенными властью, а вождями местного населения. Среди них выделялась группа «Пять великих *велов*» (*aimperumvāṇ*) — Пари, Анджи, Кари, Ори, Пеган. Один из них, Пари, *вел* Парамбу-наду, был настолько могущественным, что всем трем царям Тамилнада пришлось объединиться, чтобы нанести ему поражение¹⁵.

Они же могли быть и верными вассалами. Так, Ажумбил-вел заведовал сбором налогов при Сенгуттуване Чера¹⁶. Другие могли занимать должности наместников — *maī ṭalattalaivar*, *daī ṭalattalaivar*¹⁷.

Реальный суверенитет зависел от соотношения сил. Современный исследователь делает вывод: «Цари правили территориями, размеры которых не были им точно известны»¹⁸.

Четырехварновая система в тот период уже была известна на Юге, но, как мы знаем из последующей истории, не прижилась. Брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры неоднократно упоминаются в разных контекстах под искаженными санскритскими терминами, или же под иными, чисто тамильскими. «Тольхаппиям» дважды говорит о «четыре группы» и их перечисляет, или же упоминает «высших среди четырех категорий», что комментатор трактует в духе учения о четырех варнах¹⁹.

«Четыре сорта людей» (*nālvakai*, *налвахей*) упоминаются в «Шилаппадигарам» неоднократно, но главным образом в качестве поэтического варианта понятия «все». Так, в Пухаре однажды вечером на морском берегу «искреннему веселью поддались все, принадлежавшие к четырем варнам»²⁰. В Мадураи были улицы, на каждой из которых жила одна из четырех варн (*ī al vāṇteru*)²¹. Тот же город делился на четыре части, где жили люди четырех варн²². Впрочем, при более подробном описании города нет ни четырех частей, ни улиц, населенных какой либо из варн. Скорее всего, упоминание четырех варн — дань традиции, санскритской учености.

1966b, p. 169–170

¹⁵ Subrahmanian, 1966a, p. 557

¹⁶ Шилаппадикарам, XXVIII. 205

¹⁷ Subrahmanian, 1966 b, p. 280

¹⁸ Subrahmanian 1966b, p. 33

¹⁹ Subrahmanian 1966b, p. 258

²⁰ Шилаппадикарам, VI. 164

²¹ Шилаппадикарам, XIV, 212; XXII, 109

²² Шилаппадикарам, XXII, 15

Брахманы упоминаются как реальные люди, они занимали высокое социальное положение. К ним относятся с уважением не только авторы-индуисты, но и буддисты и джайны. *Ашан* (санскр. *пурохита*) — домашний жрец — занимал высокое положение среди придворных. В то же время в разделе Курала, посвященном политике, нет ни одного упоминания брахмана.

Кроме столичных брахманов и брахманов-аскетов, имелись сравнительно более многочисленные группы светских лиц брахманского сословия, обычно живших в особых «брахманских селах». Возможно, что уже в это время существовала практика, столь распространенная позже, дарения деревень группам брахманов каким-либо из правителей для их материального поддержания.

С кшатриями дело обстоит сложнее. Лишь князья и коронованные цари трех традиционных царств ясно и определенно называются *арашар* (т. е. *раджи*). Социальный же статус *велов* (*vāḷ*, мн. ч. *vāḷir*) уже не так ясен. Они имели право вступать в брачные отношения с семьями царей. Так, велы Алундура были связаны с Чолами брачными узами. Однако напрямую их не называли кшатриями²³.

Остальные социальные группы понимались как единая группа *арашар-пиннор* (*aracar-piṇṇor*), «за царями», т. е. «ниже царей».

В «Шилаппадигарам» это, прежде всего, торговцы²⁴. Они в поэме фигурируют, чуть ли не как основа общества. Понятно, что поэмы были рассчитаны именно на городского читателя, прежде всего на сословие купцов. Терминология, связанная с торговлей и торговцами, разработана весьма подробно, что указывает на значительное развитие неземледельческих видов труда. Мы не будем здесь перечислять различные термины, указывающие на развитое разделение труда в этой сфере деятельности.

Среди купцов выделялись наиболее уважаемые, носившие титул *этти*. Многократно упоминаются «знатные» или «происходящие из великой семьи» торговцы (*peruēkuṭi vāi ikar*)²⁵. К ним же относится выражение «знатные богачи» (*перун-селвар*)²⁶, «избранники», или «выдающиеся» (*намби*)²⁷.

²³ Н. Карашима считает, что *веллалы* «играли роль кшатриев» на Юге Индии (Karashima 2009, p. 269)

²⁴ Шилаппадикарам, XVI, 44

²⁵ Шилаппадикарам, V, 41; XV, 60; XX, 57–58

²⁶ Шилаппадикарам, XV, 129

²⁷ Шилаппадикарам, III, 168; XIV, 100

Но социальная иерархия не отличалась определенностью. Купцы, конечно, считались вайшьями, но в то же время не были выше веллалов, которых брахманы считали шудрами. Веллалы, с одной стороны, представляли собой некое единство, включая как *велов*, так и рядовых землевладельцев. И в этом понимании они занимали место выше купцов. Но некоторые тексты делят *веллалов* на «высших» и «низших». Например, одно из мест в «Тольхаппиям», где упоминаются 4 варны, комментатор Наччинарркинир комментирует так, что ясна, по крайней мере, не полная совместимость этого деления с южноиндийской действительностью. Он объясняет «четыре группы» как брахманов, раджей, высших *веллалов* и низших *веллалов*. Чтобы сохранить общее число «4», ему приходится вообще опустить вайшьев, торговые слои, впрочем, как и ремесленников.

Веллалы называются также *ужавар* (*uḷavar*) — «земледельцы», и в этом случае занимают более низкую позицию, чем торговцы. В таких контекстах к ним причисляются и реальные работники на земле — *kārāḷar*, или *vāḷkōṭi-uḷavar*. Установилось твердое представление, что знатность, а также имущество наследуется в семье. Термин *tāyam* означал «наследование» или «долю в наследстве»²⁸, а *tāyattavar* — члена семьи, имеющего право на долю в ее собственности²⁹. *Uḷaimai* означало не столько «обладание», сколько «чувство собственности», которое давало человеку ощущение радости³⁰.

Интересен контекст описания пути Ковалана и Каннахи из Пухара в Мадураи в главе X. Конечно, это поэтическая конструкция, составленная из клишированных выражений и постоянных эпитетов, но все же картина получается достаточно яркая. Буйволы, сидящие глубоко в грязи невспаханных полей; пахари (работники — *карунгай-винеиняр*), пахующие землю; женщины, сажающие рассаду риса. Подчеркивается, что они в грязи, невоспитанны и сексуально несдержанны — бросают вслед прохожим «дерзкие шутки». Это очень напоминает образ женщин из неприкасаемых каст, сложившийся у представителей высоких каст. Далее путники снова видят пахоту, затем провеивание зерна, затем храмы, где брахманы совершают жертвоприношения. Наконец, они видят «древние славные поселения детей девы Кавери, благодаря земледелию которых живут толпы нищих и одерживают победы

²⁸ Шилаппадикарам, XXIII, 144

²⁹ Шилаппадикарам, IX, 31

³⁰ Subrahmanian 1966a, p. 129

цари»³¹. «Дети Кавери», главной реки Тамилнада, — этот эпитет применялся к *веллалам*, как мы знаем из более поздней литературы. Но это не презренные работники, а уважаемые люди, люди дающие, знающие себе цену. Они живут в «славных поселениях», но на полях мы видим совсем других людей.

Тируваллувар в «Тирукурале» прославляет земледелие (*uāvu*) как будто бы именно как физический труд на земле: «идти за плугом», «питаются возвращенным ими», «возвращенных своими руками» — такими выражениями полна соответствующая глава. Впрочем, более точный перевод соответствующих мест несколько более туманен: не «пашущие свое поле», а «живущие вспашкой»³², не «живущие трудом и милостью плуга», а «те, кто находится под сенью владения лемехом»³³. Но все же в большинстве стихов главы фигурирует «пахарь» (*uāvar*, *uāvinar*). Лишь в стихе 1039 появляется «старейшина», который в русском переводе становится «хозяином поля»: «Если хозяин поля (*kiāvan*) сидит праздный дома и не выходит пахать, то земля помрачнеет и рассердится на него, словно жена, пребывающая у мужа в небрежении». Возможно, что Тируваллувар, происходивший из низов, хотел воспеть именно физический труд, но и у него проглядывает разница между «пахарем» и «старейшиной».

Возможно, что землевладельческая каста веллалов еще не сложилась, но противоречивые свидетельства об экономическом и социальном положении этой группы или прослойки позволяют предполагать, что она, возглавляемая своими вождями (*велами*), по-видимому, доминировала в сельской местности, примерно так же, как каста под таким названием доминирует сейчас в сельских районах Тамилнаду.

Следом за высокими землевладельческими группами шли ремесленные, профессиональные слои. Судя по описаниям городов в «Шилаппадикарам», профессиональное разделение труда зашло довольно далеко. Из тех специальностей, которые потом были представлены в общинах, упоминаются прачка (*пулан*) и его жена (*пулатти*), цирюльник (*навидан*), плотник (*таччан*)³⁴.

Ряд терминов, буквально означавших ремесленника вообще, в комментариях расшифровывается как человек вполне определенной специальности. Так, *каругар* в одном из эпизодов «Манимехалей»

³¹ Шилаппадикарам, X. 148–150

³² Курал, 1033

³³ Курал, 1034

³⁴ Шилаппадикарам, V, 29

оказывается ткачом³⁵. *Каммияр* иногда означает группу из пяти ремесленных специальностей³⁶, но иногда означает «ткач», или «золотых дел мастер», или «медник»³⁷.

Неприкасаемые касты, представленные в источниках рыбаками (*paratavar*, *mēçavar*, *valaiāar*, *valai-p-paratavar*), уборщиками и мясниками (*pulaiyar*), а также «барабанщиками» (*tuḍiyar*, *paāiyar*), находились в самом низу иерархической лестницы.

Наиболее четко население древнего Тамилахама делилось на оседлых земледельцев и горожан, с одной стороны, и племена охотников, скотоводов и «разбойников», с другой. Это противопоставление выражалось несколькими парами терминов: *aāa-k-kuḍi* («дхармические», т. е. цивилизованные жители) и *maāa-k-kuḍi* («воинственные жители»; *uāvar* («жители равнин») и *kuāvar* («горцы»)³⁸. Последние воспринимались как *vāḍar*, *eyiçar*, *kaḍambar*, *kaēṇar* («охотники» и «грабители»), и подразделялись в глазах земледельцев на *āyar* («скотоводов») и *vāḍuvar* («охотников»)³⁹.

Эти слои рассматривались где-то на уровне неприкасаемых, но стояли в стороне от варновой системы, как бы ее ни трактовать. Принято считать, что «древнее тамильское общество было главным образом племенным», а не кастовым⁴⁰. Видно, что реальный социальный строй древних тамиллов не вполне укладывался в четырехварновую систему.

Скот был существенным имуществом не только лесных племен, но и земледельцев. По мнению Р. Гуруккала, угоны скота представляли собой общественно «узаконенный» институт, способ перераспределения имущества. В героической поэзии встречаются термины *veḍci* — поход за скотом, и *karantai* — поход для возвращения скота; *vaāci* — нападение магната с целью угона скота, и *posci* — защита от подобного нападения⁴¹. Мы увидим, что эта черта жизни сохранится не только в Тамилнаду, но и в других регионах Южной Индии в течение всего изучаемого периода.

³⁵ Subrahmanian, 1966a, p. 263

³⁶ Шилаппадикарам, V, 106; VI, 136; XXVIII, 223

³⁷ Subrahmanian 1966b, p. 220–221

³⁸ Subrahmanian, 1966b, p. 252

³⁹ Шилаппадикарам, XXII, 14–15, 114–115

⁴⁰ Subrahmanian, 1966, II, p. 247

⁴¹ Gurukkal 1994, p. 25

Вряд ли в то время существовала налаженная налоговая система. Упоминаются несколько терминов, имевших обобщающее значение поборов в пользу царя. Это *vàri*, *iâai*, *kaâai*, *paðu* («доля»), *paðuvatu*, а также принцип налоговой обязанности населения — *kuñi-kañan*⁴². *Kaṇamai*, ставший обобщающим термином для совокупности государственных налогов позже, в это время употребляется редко⁴³.

С *вари* связаны другие термины, которые указывают на некую систему: *vàriyam* — территория, приносящая налог, и *vàriyar* — некие сборщики налогов.

Карей однажды разъясняется как налог, который платят мирные, послушные подданные, в отличие от горных племен⁴⁴. С этим термином связано также гнездо слов: *kaâaiyîr* — налогоплательщики, *kaâai-p-paðu* — налогоплательщики, *kaâai-vèu* — освобождение от налога.

В то же время в дидактических стихах Курала, когда речь идет о качествах «настоящей», т. е. идеальной страны, народ платит именно *ирей*: «Истинная страна та, где народ с терпением переносит бедствия, даже если они и хлынут на него лавиной, и полностью платит подати (*ирей*) справедливому правителю»⁴⁵. Можно понять эту фразу и как «платит всю совокупность налогов».

Кроме налогов с оседлого земледельческого населения цари получали дань с вождей горных народов — *teâu-porul*⁴⁶. В «Шилаппадикарам» весьма красочно описывается, как вожди племен приносили царю Черы эту дань натуральными продуктами — дарами леса, охотничьими трофеями и другими продуктами⁴⁷. Пастухи платили подати молочными продуктами.

Пошлины с торговли назывались, как и позже, *ulku* и *uñekam*⁴⁸.

Уплата налогов еще не стала неременной обязанностью домохозяев. Этот вывод можно сделать из стиха Курала, в котором перечисляются материальные обязанности главы семьи. «Семьянин свои главные заботы посвящает умершим [предкам], Богу, гостям, родным и самому себе — [права] этих пятерых неоспоримы»⁴⁹. То,

⁴² Subrahmanian 1966 a, p. 286

⁴³ Шилаппадикарам, XXIII, 127

⁴⁴ Шилаппадикарам, IV, 9

⁴⁵ Курал, 733; см. также Шилаппадикарам, V, 100

⁴⁶ Курал, 756

⁴⁷ Шилаппадикарам, XXV, 37–55

⁴⁸ Subrahmanian 1966 a, p. 198

⁴⁹ Курал, 43

что в перечисление не включена «доля» царя, смущало позднейших комментаторов. Средневековый комментатор Наччинарккинйар, комментируя «Толькаппиям», утверждает, что царь имеет право на 1/6 доходов подданных, однако в ранних источниках этого нет. Безусловно, это утверждение базируется на текстах североиндийских дхармашастр и отнесение его к древнему Тамилнаду не имеет оснований. Комментатор XIV в. Паримелажагар позволяет себе дополнить «священный» Курал. Этот стих, по его мнению, следует понимать так, что после удовлетворения «этих пятерых» следует удовлетворить требования царя.

Сведений о видах землевладения в литературе Сангама немного, и они явно не полны. Не совсем ясно, с кого именно взимаются налоги. Упоминаются земли, освобожденные от налогов (*puravu*). В «Пуранануру» говорится, что подобные земельные владения распределялись «среди героев»⁵⁰. Если это свидетельство принять за достоверное, можно счесть, что имелись поместья, выделенные за военную службу.

Упоминается и дарение самой земли, годной для обработки (*paññekal*), а также дарение «полных прав» на землю (*muññakku*)⁵¹.

Предметом дара могли быть также налоги с земли. Сенгуттуван Чера подарил поэту Паранару «весь *вари*» с [местности] Умбарккаду⁵².

В те времена уже вошел в обиход обычай помещения групп брахманов в выделенных для этого селениях (*brahmatayam*), имевших льготный налоговый режим (но не освобожденных от налогов вообще)⁵³. Но существовали поселения и неблагочестивых брахманов. Ковалан и Каннахи встретили на своем пути селение, жители которого «носили священный шнур» (т. е. считали себя брахманами), но «утратили свою касту из-за того, что занимались музыкой и танцами»⁵⁴.

Литература Сангама практически **ничего** не сообщает об общинах или общинной жизни. Единственным намеком на то, что жители отдельных селений были социально объединены, является упоминание о месте для общих собраний в деревне. Оно носило разные названия, которые были в значительной мере синонимами, но в то же время отражали разный облик этих мест для сборов.

⁵⁰ Subrahmanian 1966 a, p. 164

⁵¹ Subrahmanian 1966 a, p. 164, 223; Subrahmanian 1966 b, p. 545

⁵² Падирупатту, V, 10 (Subrahmanian 1966a, p. 200)

⁵³ Subrahmanian 1966 a, p. 203

⁵⁴ Шилаппадикарам, XIII, 22

Чаще всего в этом значении употребляется слово *мандрам* (*maṣṣāam*)⁵⁵. В некоторых контекстах это слово можно понять как «стойло», место содержания скота. Поэтому пастухов часто называют *maṣṣāṭikal*. *Эйинары*, живущие разбоем, в частности, занимающиеся угоном скота, привязывают на *мандрам* угнанный ими скот⁵⁶.

Синонимом *мандрам* служит *potu, potiyl* («общее место»). Это некое пространство или постройка вокруг дерева *марудам*⁵⁷. Ее очищали коровьим навозом пленные женщины, которых держали там в заключении⁵⁸. Та же постройка в других контекстах служит местом, где расположены изображения богов. Старейшины там собираются, чтобы играть в кости. В селении *мараваров* «посреди селения, в окруженном оградой из чертополоха *мандрам* маравары сходятся есть и пить...»⁵⁹.

Таким образом, мы не можем считать, что в ранний период истории тамилы имели общинную организацию. Нет сведений о сколь-нибудь устойчивой и оформленной деревенской общине. Нет также никаких данных о клановых или кастовых территориальных организациях в масштабах округа, области.

Венкатасубраманиан сформулировал свое мнение о наличии общины в тот период так: «Фиксация крестьянской общины в период Сангама ... остается неуловимой проблемой»⁶⁰.

Таким образом, наши знания о первом периоде тамильской истории основываются почти исключительно на литературных памятниках: стихах, поэмах и трактатах, использование которых как исторических источников затруднено тем, что индийцы привыкли выдумывать окружающий их мир. Их сочинения всегда имеют неопределимый процент фантазии. И все же картина, рисуемая ими, настолько ярка, что процент реальности тоже, наверное, велик.

Эта картина контрастирует с данными надписей более позднего периода. Я полагаю, что это не случайно. Дело не только в том, что литературные и дидактические сочинения, с одной стороны, и дарственные надписи, с другой, видят действительность под разными углами зрения, но и в том, что общество тамилы в период III–VI вв.

⁵⁵ Шилаппадикарам, XII. 11; Курал, 820, 1138. См. также ссылки на другую литературу в Subrahmanian, 1966a, p. 153; Subrahmanian 1966b, p. 660

⁵⁶ Шилаппадикарам, XII. 13

⁵⁷ Дубянский 1979, с. 50

⁵⁸ Subrahmanian 1966 a, p. 111

⁵⁹ Шилаппадикарам, XII. 166

⁶⁰ Venkatasubramanian 1993, p. 65

значительно изменилось. Само появление надписей на камне и медных табличках — яркое свидетельство новых потребностей этого общества. Соответственно, я полагаю, что в период Сангама еще не сложилась система взаимодействия центральной власти с многочисленными общинами самого разного типа, что является предметом данной работы. Я исхожу из того, что этих общин еще не было.

За периодом Сангама следует «темный период», когда, по сохранившимся преданиям, все три древнетамильских государства были сокрушены неким неизвестным доселе племенем, которое называют *калабхрами*.

О них известно очень мало. Ясно лишь, что примерно в III в. прекращаются даже легендарные истории Чолов и Пандьев, а новая династия Пандьев ведет свое начало с VI в., но первые имена царей до VIII в. тоже остаются легендарными.

В «Йаппарунгалам» (буддийское сочинение о тамильской просодии) рассказывается, как некий вождь *калаппаларов* по имени Аччюта с холмов Нанди завоевал страну Чолов, но жрец в храме в Чидамбараме отказался короновать его в храме. Но так как Аччюта был большим поклонником Шивы, Бог вмешался в этот спор и убедил жреца короновать завоевателя.

Есть упоминания о *калабхрах* и их завоевании в нескольких более поздних надписях, когда эти завоевания уже в прошлом. Кто такие *калабхры*, откуда они пришли в Тамилнаду, на этот счет высказаны самые различные мнения, большей частью ничем не подкрепленные. Все сведения о *калабхрах* косвенные. Они сами не оставили никаких документов или других свидетельств. Ясно лишь то, что примерно в IV–VI вв. в Тамилнаду происходит какая-то смута, прежние династии исчезают, состояние государственности и социальных отношений остается совершенно неясным.

Предметом спекуляций может служить совпадение по времени нашествия калабхров на Южную Индию и завоеванием Северной Индии эфталитами. Эфталиты похоронили древнюю блестящую культуру Гуптов, с их завоевание ученые начинают эпоху Средних веков. Собственно, такую же роль сыграли калабхры на Юге. Южная Индия, таким образом, как и Северная, имеет свою древность и свои Средние века с варварским нашествием между ними. Не было ли движение калабхров частью Великого переселения народов, охватившим в эти века всю Евразию?

Период Паллавов и ранних Пандьев

Связная история Тамилнада начинается примерно с III века. Тогда заявляет о своем существовании на границе исторических районов Андхры и Тамилнаду династия Паллавов. Затем она утверждается на севере Тамилнаду в области, получившей название Тондаймандалам (столица — Канчипурам, или просто Канчи), и постепенно распространяет свой сюзеренитет на весь Тамилнаду, подчиняя области Чола и Пандья. Основная линия династии продолжается до начала X в., однако ее реальная власть над Тамилнаду, за исключением Тондаймандалам, остается сомнительной на протяжении всего этого периода.

Паллавы пережили несколько взлетов и падений. Первый серьезный удар они получили от Самудрагупты около 350 г. Симхаварман II (436–460) восстановил престиж династии, но при Нандивармане I (480–510) государство снова ослабело. Кадамбы наступали с запада, Вишнукундины — с севера. Но при Симхавишну (555–590) государство снова начало расширяться. Были разбиты *калабхры*, подчинены территории Чолов и часть Пандьев. Начались перманентные войны с Чалукьями из Ватапи. Паллавы были сметены вновь поднявшимися Чолами в IX в.

Остались несколько мелких княжеств, правители которых претендовали на свое происхождение от Паллавов. Имя или титул Паллавов носили многие вассалы Чолов, Чалукьев, Кадамбов, Раштракутов и др.

Первые Паллавы объявляли себя *брахма-кшатриями*, брахманами, взявшимися за оружие, т. е. принявшими образ жизни кшатриев. В ранних надписях они настаивают на том, что принадлежат к готре Бхарадваджа. Их генеалогии начинаются с бога Вишну, затем включают несколько существ тоже божественной сущности, и, в конце концов, в результате соития Ашваттхамана и *апсары* Мадани появился «любимец обширной земли», «покровитель земли, окруженной океаном», по имени Паллава. А его сыном был Ашока. Т. е. переход от мифической части генеалогии к «исторической», как мы уже знаем, вовсе не означает переход к достоверности сведений.

В V в. они уже считают себя кшатриями из рода Куруба (Курумбар). При этом не делают попытки «присоединиться» к Солнечной или Лунной династиям⁶¹.

⁶¹ Кстати заметим, что существовавшие одновременно Пандьи на юге Тамилнада провозглашали, что принадлежат к Лунной династии (Чандравамша). Чолы относили себя к Солнечной династии (Сурьявамша).

Они были ортодоксальными индуистами, но Симхавишну (555–590) и его сын Махендраварман I (590–630) стали джайнами. Позже Махендраварман вернулся к шиваизму под влиянием шиваитского поэта-святого (*наянара*) Аппара.

Паллавское государство в Тамилнаду стало первым, от которого сохранились строения. Это, прежде всего, храмы в Мамаллапураме (Махабалипураме), названном в честь Нарасимхавармана I (которого звали также и Мамалла) и храм Кайласанатха в Канчипураме. Храмы и изображения животных в Махабалипураме вырублены из цельных кусков камня, из скал, в довольно большом количестве разбросанных по Южной Индии и Декану. Там же есть и храмы, выстроенные из каменных блоков («Семь пагод»). Сейчас от них остался только один. Остальные затоплены и исчезли. Мамаллапурам был в период Паллавов важным портом и торговым центром.

Сын Махендравармана I Нарасимхаварман I Мамалла (630–668) нанес поражение Пулакешину II (Ранние Чалукьи) в 642–43 гг., захватил его столицу Ватапи, совершил морскую экспедицию на Цейлон. Продолжал строительство в Мамаллапураме. В его правление Южную Индию посетил Сюань Цзан.

При его сыне Махендравармане II и внуке Парамешваравармане I (оба — 668–691) Чалукьи из Ватапи взяли реванш, нанеся Паллавам ряд поражений. Но затем равенство сил двух держав снова было восстановлено.

В 731 г. царь династии Паллавов Парамешвараварман II (728–731) потерпел поражение от войск Чалукьев и был убит. Остался несовершеннолетний сын. В столице началась смута, в результате власть перешла к представителю боковой линии клана, который стал править под именем Нандивармана II (731–796). Вот как этот эпизод освещен в надписи, выбитой по приказу нового царя.

После гибели царя Парамешваравармана делегация представителей религиозно-образовательных учреждений (*гхатика*) и «коренных жителей» направилась к главе боковой ветви клана Паллавов по имени Хираньяварма, который жил где-то далеко от столицы, чтобы пригласить его на царствование. Тот собрал всех членов клана. Они выразили единодушное мнение, что иного достойного кандидата нет. Но Хираньяварма царствовать не хотел. Он стал спрашивать своих четырех сыновей, не хочет ли кто-нибудь из них занять трон. Трое старших отказались. Они заявили: «Лучше бы Вам идти править, мы не пойдем». И только младший, Паллавамалла, которому было

в то время 12 лет, сказал «Я пойду». Отец стал его отговаривать. Но ему приснился вещий сон, убедивший его в том, что младший сын способен стать великим правителем, и отец согласился.

Паллавамалла пошел к столице. По пути его встретил некий Паллавади Араяр с большой армией и «посадил на слона», т. е. признал его царское достоинство. Но некоторые нюансы в этом рассказе заставляют современных историков трактовать этот эпизод противоположным образом: Паллавади пытался помешать юному претенденту, произошла большая битва, в которой мальчик одержал победу, а Паллавади был убит. Так или иначе, в столицу Канчипурам Паллавамалла прибыл на слоне, во главе сильного войска, был восторженно встречен «великими вассалами», «кругом министров», горожанами и «коренными жителями» и был «избран народом» (*vōṭah prajābhīh*)⁶² на царство под именем Нандивармана. Он правил 65 лет (731–796).

Напомню, что излагаю официальную версию произошедшего переворота.

Это интересный эпизод в истории Индии. Не часто случались возведения на престол «народом». Надписи сохранили туманные намеки на то, что Нандиварману долго пришлось доказывать свою легитимность, в том числе и с оружием в руках. Собственно, надпись, из которой мы узнаем об обстоятельствах его «избрания», тоже явилась частью PR-кампании по его легитимизации. Нандиварману удалось сохранить территориальную целостность империи.

Последним сильным правителем династии Паллавов оказался Нандиварман III (847–862). Он тоже сохранил государство в прежнем объеме и даже посылал флот в Юго-Восточную Азию. Но далось ему это с большим трудом. Постоянные войны с Пандьями шли с переменным успехом. При этом часто использовалась помощь Чолов, которые в IX в. постепенно усиливались. Это оказалось фатальным. Три сына Нандивармана Нрипатунга, Апараджита и Кампаварман, судя по упоминаниям в надписях, правили один за другим, но есть основания считать, что надписи датируются годами их правления по традиции, на самом деле они не имели власти, разбитые Чолами.

Пандьи не появляются на арене до конца VI в. От Кадунгона, которому приписывается заслуга освобождения от ига *калабхров*, и который, по расчетам эпиграфистов, должен был жить в конце VI в.,

⁶² SII, II, p. 349, 357, no. 7

аутентичных свидетельств не сохранилось. Так же, как и от нескольких поколений его потомков, которых мы знаем только по именам.

Особенностью государственности Пандьев было одновременное правление нескольких представителей рода. Это не было цельное государство, но в то же время все Пандьи сохраняли представление о своем единстве.

Граница между владениями Паллавов и Пандьев проходила примерно по реке Кавери, хотя частые войны эту границу постоянно изменяли

Первый царь этой линии, который имеет собственные надписи, это Джатила Парантака Недунджадаян (765–790). Его называют также Маранджадаян.

Период «имперских» Чолов

В IX в. снова появляются Чолы. Они захватывают свою древнюю столицу Танджавур ок. 850 г. и начинают расширять свои владения в борьбе с Паллавами на севере и Пандьями на юге. Адитья I (871–907) сначала помог Паллавам разбить Пандьев, а затем напал на своего сюзерена Апараджиту Паллава и разбил его. Он стал правителем Чоламандалам и Тондаимандалам. Его союзник Притхвипати II Зап. Ганга стал его вассалом. Адитья подчинил также страну Конгу (Западный Тамилнаду).

Парантака I (907–955) продолжал покорение Паллавов и вторгся в страну Пандьев. Получил титул Мадураиконда («Завоеватель Мадурай»). Раджасимха Пандья пытался противостоять ему с помощью цейлонских войск, но Парантака победил союзные войска в 915 г. при Веллуре. Впрочем, цейлонская хроника «Махавамса» утверждает, что цейлонские войска страдали от чумы и ретировались на свой остров до битвы.

Чольское государство потерпело сокрушительное поражение при Такколаме (949 г.) от Кришны III Раштракуты, но устояло, и Парантака продолжал править.

После Парантаки в течение 30 лет правили 4 царя до Раджарадж и I. При Гандарадитье (949/50–957) чольская власть распространялась на незначительную территорию. На севере распоряжались Раштракуты. Но Чолам удалось подавить мятеж Пандьев на юге.

При Уттаме (973–985) Чолам удалось вернуть часть северных территорий.

После этого сила Чольского государства постоянно возрастала, и Раджараджа I (985–1014) и его сын Раджендра I (1012–1044) превратили его в обширную империю. Они объединили под своей властью весь Тамилнаду, часть Андрхы, временами им подчинялся весь Цейлон (Цейлон целиком был во власти Чолов 12 лет. При Кулоттунге I Чолы окончательно оставили Цейлон). Один из титулов Раджараджи был *Муммудичола*, что означало обладание тремя коронами — Черов, Пандьев и Илама (т. е. Цейлона).

Судя по некоторым надписям, они подчинили Шривиджаю на Суматре, их вассалами стали многие княжества восточного побережья, Южной Карнатаки, Кералы. Раджендра послал экспедицию на север «завоевывать Ганг». Он разбил царя из династии Палов Махипалу и привез в Тамилнаду воду из Ганга, которую и вылил в различные местные водоемы. В связи с этим походом он получил титул Гангаикондашолоа, т. е. «Чола, который завоевал Гангу» и построил новую столицу Гангаикондашопурам. По соседству был большой водоем, который был назван Чолагангам.

Страна Пандьев находилась под управлением губернаторов (вице-королей) с пандийскими именами (например, Джатаварман Сундара) с титулом Чола-Пандья. Довольно много имен пандийских князей встречается в надписях периода Чолов, так что возрождение государства Пандьев в XIII в. не может считаться неожиданным.

Борьба с сингальскими царями, боровшимися за независимость, и с Пандьями продолжалась весь период Чольского государства. Особенно ожесточенными были войны с Западными Чалукьями. Довольно долго Чолы удерживали под своим доминированием большую часть Карнатаки, вплоть до р. Тунгабхадра. По существу, союзником или даже вассалом Чолов стало государство Восточных Чалукьев в Андрхе.

С 1018 г. соправителем Раджендры I стал его сын Раджадхираджа I. После 1025 г. Раджендра полностью передал управление сыну. Надписи сообщают о нескольких походах Раджадхираджи против Западных Чалукьев и о разрушении им городов, в том числе Кальяни. Но в 1054 г. поход оказался для него последним. В сражении с Ахавамаллой при Коппаме он был убит.

Дальнейшие перипетии судьбы династии нам не столь важны. Существенно лишь то, что на протяжении XI в. империя Чолов сохраняла доминирование в Южной Индии. В 1070 г. мужская линия Чолов пресеклась, и трон занял под именем Кулоттунги I

(1070–1122) правитель династии Восточных Чалукьев, который был внуком Раджендры I по женской линии, женатым также на чольской принцессе.

Весь XII в. — это время постепенного распада государства под напором возникших на местах местных династий. Но Чольское государство, несмотря на отдельные поражения, сохраняло свою основную территорию вплоть до начала XIII в., когда правил Кулоттунга III (1178–1217). После его кончины процесс распада стал явным. На юге возрождалось могущество рода Пандьев. Защитниками Чолов против Пандьев выступили Хойсалы, правители из Южной Карнатаки, которые и оккупировали Восточный Тамилнаду. Династия формально продолжалась до Раджендры III (1246–1279), но фактически Восточный Тамилнаду представлял собой в это время уже государство Пандьев.

Поздние Панды

Возвышение Пандьев начинается с 1190 г. при Джатавармане Кулашекхаре I. К середине XIII в. они замещают Чолов в роли имперского государства Тамилнаду. Хронология поздних Пандьев представляется еще более запутанной, чем ранних. Они имели обыкновенно датировать надписи лишь годами правления, не привязывая их ни к какой эре. Составляя генеалогии, исследователи ориентируются на смутные указания на те или иные битвы или редкие упоминания о родителях того или иного царя. При этом часто оказывается, что в одно время правят несколько Пандьев, взаимоотношения которых не ясны. Каждый — единоличный и, конечно, великий царь. Однажды одновременно правили 5 разных царей, отношения между которыми совершенно не ясны.

К этому надо добавить, что Панды имели пристрастие к очень узкому набору имен: Мараварман, Джатаварман, Вира, Сундара, Кулашекхара. Эти имена многократно повторяются в надписях, и различить среди их носителей разных правителей нелегко. Поэтому пандийская хронология остается большой проблемой. Многие надписи XIII в. датируются приблизительно только по палеографическим признакам.

Все же будем пользоваться этой весьма предположительной хронологией, чтобы хотя бы приблизительно ориентироваться в событиях.

Джатаварман Кулашекхара I правил как вассал Кулоттунги III, но постепенно становился все более самостоятельным.

Мараварман Сундара Пандья I (1216–1238), возможно, был младшим братом Джатавармана. Он в 1219 г. напал на Чолов, захватил Ураиюр и Танджавур, принудил Раджараджу III уплатить дань.

Считается, что сильное государство Пандьев, вытеснившее Чолов, возникло при Маравармане Сундаре II (1241–1251, или 1238–1253) и достигло зенита при Джатавармане Сундаре (1251–1268). При Маравармане по всей стране все еще стояли хойсальские гарнизоны. Джатаварман разбил Раджендру Чолу III, и Чолы исчезают из источников.

Но после смерти Маравармана Кулашекхары в 1308 г. началась борьба за трон между его законным сыном Джатаварманом Сундара Пандьей и сыном от наложницы Джатаварманом Вира Пандьей. Старший захватил было царский трон в 1310 г., но братья продолжали править в разных концах своей родовой территории, а вскоре Вира прогнал Сундара, и тот нашел убежище при дворе Ала-ад-дина Хилджи. А войска Делийского султаната под командованием Малика Кафура стояли в это время уже в Дварасамудре, разгромив Хойсальское государство. В результате государство Пандьев стало легкой добычей войск Делийского султаната. Мелкие княжества отпрысков этой семьи сохранялись в районе Тирунелвели до XVII в., после чего мы уже ничего о Пандьях не слышим.

В начале периода Паллавоов мы узнаем из надписей о возникновении некоего строя общественных, общинно-политических отношений, в конце периода поздних Пандьев, в XIII в., мы отмечаем расцвет этого строя. Перейдем к рассмотрению складывавшихся его отдельных институтов.

Глава 2

Система собственности на землю, землевладения и держания земли

Проблема собственности на землю не является центральной для данного исследования. Но без внесения ясности в этот вопрос последующие данные о функционировании и взаимодействии общинных объединений и разнообразных властей будут непонятными.

Я уже описывал систему прав на землю в период Чолов¹. Мое понимание практически полностью совпадает с позицией Р. Тирумалай², изучившего этот вопрос наиболее глубоко среди индийских историков. Суть решения проблемы заключается в том, что разводятся как две разные системы права: собственность на налог (верховная собственность) и собственность на землю как объект хозяйства (низовая, или податная собственность). Дж. Д. М. Дерретт выражает эту мысль так: в Индии может быть несколько собственников вещи, «владеющие не просто долей, но равновеликими правами разного характера»³. Возражая тем, кто предпочитает пользоваться терминами «собственность» и «владение», Дерретт восклицает: «Какой смысл называть собственником владельца некоторых прав на вещь, а собственника других прав на ту же вещь — как-нибудь иначе, чем “собственник”?»⁴. Хайтцман считает важным различать право на землю и право на налог. Низовую собственность он называет либо *actual ownership of land*, либо *control of land*, а верховную — правом на налоги или на «верхнюю долю»⁵. Видит разницу двух прав на землю и Н. Карашима, но подробно этот вопрос

¹ Алаев 1992

² Tirumalai 1987

³ Derrett, J. Duncan M. *Essayas in Classical and Modern Hindu Law*. Vol. II. Leiden: Brill, p. 13. Цит. по: Davis 2004, p. 69

⁴ Ibid, p. 14

⁵ Heitzman 2001, p. 58

не разрабатывает⁶. Другие ученые вообще не уделяют этому вопросу должного внимания.

Следует предупредить читателя, что я не придаю словам «собственность» и «владение» некоего точного значения. Занимаясь много лет вопросом о том, что такое собственность, я пришел к выводу, что желание разложить все виды прав на землю во все времена и во всех обществах на полочки «собственность», «владение», «пользование» является праздным, непродуктивным, но главное — антиисторичным. Абстрактных полочек никогда не существовало. Воззрения на характер прав институтов и личностей, само понимание «принадлежности» того или иного имущества физическому или юридическому лицу исторически менялись. Юридические категории землевладения, если они вводились, часто не соответствовали реальным имущественным отношениям. Обычное право зачастую было сильнее писаного. Даже сейчас, когда частная собственность во многих странах объявлена «священной и неприкосновенной», на самом деле, как мы знаем, она имеет серьезные ограничения, вовсе не неприкосновенна и, строго юридически, не священна.

Я называю собственностью на землю (и землевладением)

- 1) любое более или менее длительное использование земли
- 2) с целью получения дохода (ренты),
- 3) который можно капитализировать (передать по наследству, продать, заложить, сдать в аренду).

Системы прав на землю в каждом обществе свои, и это следует понимать и изучать и делать соответствующие выводы о том, как данная система прав и их ограничений (обязанностей) влияет на эволюцию общества. Но примитивное противопоставление господства частной собственности на Западе и всеохватывающей государственной собственности на Востоке представляется мне совершенно бессодержательным и ходульно-схематичным⁷.

Официальные категории землевладения

Признанная классификация земельных владений в Южной Индии (да и в Индии в целом) основывалась на **личности собственника**.

⁶ Karashima 1984, p. xxxi

⁷ Моя позиция изложена также в: Алаев 1998, с. 94–98

Наиболее распространенной категорией (хотя реже всего упоминаемой в надписях — такова уж их особенность) была налогооблагаемая земля, находящаяся в руках небрахманов⁸ — категория *веллан-вахей* (*veṭṭaṭ-vakai*)⁹. Ее же можно также считать государственной землей, поскольку по идее именно с этой категории земель взималась основная масса налогов в казну.

Другие категории составляли земли, подаренные или выделенные на содержание некоторых институтов или групп лиц. Это *девадана* («данное богу», земли храмов), *брахмадея* («данное брахманам», они же назывались *аграхара* — «то, [что должно быть дано] в первую очередь»), а также *paṭṭi-c-canda* (обычно понимается как владения джайнских или буддийских центров), *kaṭi i-muāṭṭōṭṭu*, *veṭṭa-p-peāṭṭu*¹⁰. Значение двух последних терминов не совсем ясно¹¹.

Казалось бы, различие земель *брахмадея* и *девадана* не имело большого значения. Ниже нам будут встречаться многочисленные случаи, когда брахманы *аграхары* распоряжаются храмом, или же храмовые власти имеют *брахмадею* на своей территории, когда одна и та же деревня названа и *деваданой* и *брахмадеей*. Однако бывали ситуации, когда эта классификация оказывалась весьма важной. В 1018 г. Раджендра I решил передать селение Палаиянур из владения брахманов *аграхары* храму. Издан был указ о переводе селения из категории *брахмадей* в категорию *веллан-вахей*. Этим указом устанавливается, что брахманы *аграхары* больше не должны платить налоги с Палаиянура. Размер этих налогов определяется с большой точностью (чего стоит эта точность, мы узнаем позже). Затем в тот же год издается другой указ — о переводе Палаиянура из *веллан-вахей* в *девадану* и о передаче его такому-то храму. И снова повторяется сумма налога, который эта деревня должна платить, теперь уже храму. Деревня должна быть занесена в некие реестры как деревня *девадана*¹².

⁸ «Небрахманы» — принятый в Тамилнаду термин для обозначения вполне определенной группы каст. О том, в каких случаях его стоит употреблять, поговорим позже.

⁹ См., например, SII, III, p. 38, no. 20 (Койямпуттур)

¹⁰ См., например, EI, XV, no. 5, p. 64–65 (960 г.); ARE, 286 of 1906 (SII, III, no. 1); EI, XXII, no. 34, p. 213–266 (1005 г.)

¹¹ Не буду приводить объяснения, встречающиеся в литературе, поскольку они надуманы. В любом случае эти две категории встречаются так редко, что в общем обзоре ими можно пренебречь.

¹² SII, III, p. 427–429, no. 205 (1018 г., С. Аркат)

Т. е. перевод земли из *брахмадеи* в *девадану* представлял собой довольно сложную процедуру.

Земли, отчужденные в пользу брахманов и религиозных учреждений, по смыслу дарений, не могли быть отобраны. Тирумалай утверждает, что так оно и было. Он исходит из логических заключений: так как земли давались под условиями а) изучать Веды, б) поддерживать вечную лампаду, в) отныне и впредь проводить тот или иной праздник в храме и г) на срок, «пока существуют Луна и Солнце», то и отобрать такие земли было попросту невозможно¹³.

Я привожу это мнение как иллюстрацию того, что даже самый трезвый из индийских исследователей не может освободиться от традиционных иллюзий.

Он цитирует в подтверждение своей мысли содержащиеся в надписях заклинания о незаконности и греховности отчуждения земель, подаренных с религиозной или благотворительной целью, не замечая того, что сами эти заклинания — лучшее доказательство того, что брахманские и храмовые земли отнюдь не были неприкосновенными. Да и конкретных указаний о пересмотре прежних дарений больше чем достаточно.

Есть сведения о существовании царского домена. Р. Тирумалай считает, что таково значение термина *kaī āuāvu*, встречающегося в надписях Пандьев в XII—XIII вв.¹⁴ Имеется серия надписей из Тирунелвели, в которых зафиксированы дарения «из собственных земель царя»¹⁵. В других районах такие дарения также встречаются¹⁶. Но обращает на себя внимание отсутствие специального термина для царских земель в надписях Паллавов¹⁷ и Чолов. При Пандьях же начинает возникать представление, что конкретная земля принадлежит определенному лицу — юридическому или физическому. В том числе могут быть собственные земли царя. Это можно трактовать как свидетельство развития представлений о собственности вообще.

¹³ Tirumalai 1987, p. 116

¹⁴ Karashima 1983, p. 55–60

¹⁵ ARE, 373–376 of 1959/60

¹⁶ SHI, IV, no. 372 (Tirumalai 1987, p. 20)

¹⁷ В одной из паллавских грамот встречается упоминание о земле, которая составляет часть *rājavastu* («царского имущества») [ARE, 1 of 1906 (EI, VIII, p. 233–236, no. 23; SHI, XII, no. 2; IP, no. 2)]. Но это единичное упоминание и, к тому же, оно относится к территории Андхры (дистрикт Неллур), так что не меняет общей картины.

Была еще категория землевладения, которая остается загадочной — *paṭai-paṭāi*¹⁸. Буквально все ясно — «военные поселения». Но они встречаются в надписях редко, без расшифровки, и поэтому о них ничего сказать нельзя. Нет даже предположений коллег, что это могли быть за селения.

Имелись также частные крупные земельные владения, но они не получили особого терминологического оформления. Частные крупные землевладельцы имели самый разнообразный статус, но эти статусы не были формализованы. Казалось бы, важным источником информации могут служить имена, в которые включались не только личные имена, но и названия местности, из которой данное лицо происходит, его титулы и, возможно, должности. Как представляется, по воззрениям того времени, имя должно говорить все, что следует знать о данном человеке. Стремлением как можно яснее показать читателю надписи, что за человек в ней упомянут, объясняется и употребление двойных имен, связанных причастием *āṣa*, *ākiya*, или *āyīṣa*. Это причастие можно перевести как «являющийся», в данном случае как «именуемый также», в английском переводе его обычно передают словом *alias*. Например, *Attāi i-kalaṣ āṣa Muṭkoī ā Cīā*. Но пока не удалось разобраться в том, кем — по нашим привычным категориям — являются упоминаемые в надписях частные крупные землевладельцы: местными potentatami, князьями, общинными или кастовыми вождями, или же царскими людьми, чиновниками. В данном тексте такого рода люди будут называться вельможами или магнатами.

Типы собственнических прав

Реальные собственнические права распределялись отнюдь не по приведенным выше категориям. Каждый из собственников (царь, магнат, храм, брахманская община, шудрянская община, город, отдельные общинники или иные частные лица) могли иметь право либо на присвоение налога, полагающегося властям (этих властей тоже было несколько, об этом ниже), либо на ренту, остававшуюся после уплаты налогов. Возможен был и третий вариант: собственник мог иметь право присваивать и ренту, и налог.

Обозначим еще раз два типа земельной собственности, а также владельческие права земледельцев.

¹⁸ Например, ARE, 257 of 1926 (Karashima 1984, p. 30)

Верховная собственность заключалась в праве на сбор налогов. Так как налоговая система не была четко установлена, и ставки налогов с разных категорий земель могли различаться в разы, то «материальное выражение» этой собственности могло быть самым разным. Кроме того, она могла делиться между значительным числом субъектов — царем, местным князем, храмом, брахманской общиной, сельскими областной и деревенской шудрянскими общинами.

О том, что при дарении земли имеется в виду именно верховная собственность, можно узнать по слову *ираййили* (*iāaiyili*, «с освобождением от налогов»), если оно упомянуто в условиях дарения.

Владелец такой собственности назывался одним из терминов, означавшим «господина». Например, *удеиян* (множественное уважительное — *удеияр*). Данный термин, как и другие, многозначен. Отнюдь не всегда он употребляется в значении верховного собственника. Например, в надписях встречается множество имен (при перечислении свидетелей или царских людей), составной частью которых служит название селения, *удеияном* которого данное лицо является. Например, Чидамбарам-удеиян. Выглядит это как дворянский титул типа «Виконта де Бражелона». Но в таких случаях ясно, что данный титул не следует понимать буквально, поскольку в одной надписи может встретиться несколько «господ» одного и того же поселения, в том числе и города.

Эпиграфисты любо понимают такого человека как «одного из собственников» в данном селении, либо просто как «происходящего из...».

Нередкие формулировки об удалении всех лиц, имеющих прежние права на землю, при совершении религиозного дарения ясно различают два слоя владельцев. Уже в одной из самых ранних паллавских надписей на тамильском языке от 546 г.¹⁹, где впервые упоминается коллективный орган самоуправления в округе (*наттар*), употреблена формула «господ и их знаки владения изменив, а земледельцев удалив» (*kī vum-poāiyum-māāi kōāi-nēkki*). Мы видим здесь верховное право государя смещать любых землевладельцев, в том числе и их верхний

¹⁹ Паллавы датировали свои надписи годами правления каждого действующего правителя, не употребляя никакой эры. Поэтому их хронология относительна. Чуть ли не каждый исследователь предлагает собственную хронологию правлений Паллавских царей. Мы придерживаемся той, какую предложил Т. В. Махалингам. Датировка с точностью до года для нашей цели не необходима, но ниже мы употребляем как бы точные даты, чтобы не входить каждый раз в обоснование такой датировки.

слой (его представители названы *kī*, «господин», термином, применявшимся также и к царю, и к богу), а также более низких по статусу землевладельцев и земледельцев (*куди*).

Медная табличка Нандивармана II, найденная в Кашакуди (район Пондичерри), от 753/54 г. в ее тамильской части объявляет, что при дарении «устраняются» земледельцы (*куди никки*), но к этому добавлено: «прежние великие люди удаляются (или заменяются)» (*muṣ-peāārai māāi*)²⁰.

При дарении *брахмадеи* в 764/5 г. в Сев. Аркате в подобной формуле упоминаются и *kī*, и *peāār* (*kī vum poāiyum tēttu muṣ-peāārai māāi kuāi nēkki*)²¹. Это дает основания считать, что *ко* и *нетрар* — разные категории собственников. По мнению Я. Тарасюка, формула означает, что *нетрары* «устраняются», а с *ко* «решается вопрос»²². Последнее выражение может быть понято как угодно. Важно лишь отметить, что в данной формуле перечислены три слоя, имевшие определенные права на землю.

Но «двухслойная» формула становится позже обычной, хотя верхний слой землевладельцев называется по-разному: *muṣ-ṣ-uāiyārai māāitu-k-kuāi-nēkki* («прежних господ отставив, *куди* удалив») ²³; *paī ō-uāiyārai yum paān-kāi iyāērai yum mudaliā-tavirttu* («[права] прежних господ и старых *канияларов* отобрав») ²⁴; *paām-piyarum paā-v-iāiyum tavirndu* ²⁵; *mump-uāiyārai yum paām-perai yum tavirttu* ²⁶.

Низовая, податная собственность чаще всего находилась в руках общинников. Ими могли быть как шудры по варне (*веллалы* и др.), так и брахманы. Эта собственность была наследственной или рассматривалась как дарованная в наследственное владение. Поэтому ее часто называют *кани* (позднее — *каниятчи*), а ее обладателей — *каниялар* (*каниятчикар*).

И верховная, и подчиненная собственности имели свою цену. При покупке земли часто указывается, сколько заплачено за саму

²⁰ ARE, I of 1892 (A 10 of 1912; SII, II, p. 351, no. 73; IP, no. 77)

²¹ IP, no. 81

²² Тарасюк 1998б, с. 100

²³ SII, III, p. 302, 305, no. 151 (978 г., Конерираджапурам); SII, II, p. 425, no. 92

²⁴ SII, II, p. 114, no. 22 (1213 г., Танджавур). О *куди* и *канияларах* поговорим позже.

²⁵ EI, XV, p. 65, no. 5. *Iāai* — это, конечно, прежде всего, «налог», но также и «получатель налога», «господин». Такое значение есть в словаре.

²⁶ SII, III, p. 402, no. 205 (1018 г., С. Аркат)

землю, и сколько за освобождение ее от налогов²⁷. Эти две суммы в одной из надписей называются *vilaidravayam* и *iāidravayam*²⁸.

В 1046 г. *уары* Кидангала в Ю. Аркате продали храму некоторые земли, «получив сумму за продажу и сумму за налоги» (*vilai-p-poruüm iāai-p-poruüm āka-k-koī āu*), т. е. они продали свои низовые права и согласились продолжать платить налоги с этого участка, получив за это некоторую сумму²⁹.

Н. Карашима утверждает, что владельцы *аграхар* чаще всего получали право на саму землю, а храмы — верховную собственность. У меня не получилось проследить подобную закономерность. Брахманы во многих случаях платят налоги, причем часто тяжелые, так что их права явно ограничиваются податной собственностью. И храмы, с другой стороны, явно имели свою землю, на которую они сажали арендаторов. Ведь храмам дарили и люди, не имевшие прав на налоги. Они могли подарить только права подчиненной собственности. Разнообразие храмовых прав на землю будет показано в соответствующей главе.

Наконец, **держатели земли** от канияларов часто фигурируют под названием *куди* — термином очень многозначным. Достаточно сказать, что это слово означает также «люди» и «семьи». «*Куди* употребляется в самых разных значениях, — пишет Тирумалай. — Этот термин следует понимать только в контексте, в котором он встречается»³⁰. Он разъясняет, что так могли называть лиц от землевладельца до сельскохозяйственного или любого иного рабочего.

Иногда надпись, как бы помогая нам понять, о чем и о ком идет речь, *куди*-земледельцев обозначает более ясно: «пашущие *куди*» (*uākuāikal*)³¹. Карашима, в отличие от Тирумалай, не выделяет слой арендаторов (*куди*) с их особыми правами. Он считает, что *куди* и были землевладельцами, обладавшими правами *каниятчи*³². Это, как мы увидим, неточность.

Еще раз подчеркну, что средневековые тамилы не нуждались в точном соответствии терминов и понятий. Они вовсе не думали

²⁷ ARE, 101 of 914 (SII, XIII, p. 85–86, no. 162)

²⁸ SII, III, p. 193, no. 50 (992 г.)

²⁹ SII, VII, no. 842 (EI, XXIII, p. 24, no. 4). См. подобный случай ARE, 129 of 1914 (SII, XIII, p. 23–24, no. 51)

³⁰ Tirumalai 1987, p. 83

³¹ SII, XIII, no. 165 (Tirumalai 1987, p. 62)

³² Karashima 1984, p. XXXV

о том, чтобы облегчить последующим исследователям задачу изучения их общества. Они-то легко разбирались в том, о ком и о чем идет речь, исходя из контекста. В этом отношении яркий пример — чольская надпись из Вриддхачалама (Ю. Аркат), к сожалению, не датируемая точно. В ней храм выделяет участок в 8 *ма* некоему человеку без титулов, которого называют *mōla-k-kuñ* («коренным жителем»). Он получает землю «в наследственную собственность без права стогнать арендаторов» (*kuñ-nēkkā kái iyāka-p-peāu*) и при этом называется «господином» (*uāiia*) этой земли³³. Здесь подчиненный собственник одновременно назван и *куди*, и *удеином*.

Теперь постараемся показать функционирование этой трехступенчатой системы прав на ряде примеров.

Верховная собственность

Верховная собственность на землю существовала в разных формах. Системы раздачи военных ленов, типа позднейших *икта* или *джагиров*, скорее всего, не существовало, хотя отдельные случаи временных пожалований прав на налоги встречаются. Одним из терминов, которым обозначалось такое пожалование, был *jēvitam* («средства к жизни», «пропитание»)³⁴.

Некая группа лиц, называющая себя *vaāuga-dāi āattār*, имела земли на условиях *дживитам* в главном селении округа Венгалнаду. Они даруют храму доли в доходах от сбора с лавок и еще с двух поборов, смысл которых неясен³⁵. Отсюда можно заключить, что их права *дживитам* и заключались в праве на сбор некоторых налогов.

Как мы покажем ниже, единой системы государственных налогов не существовало.

Помимо государственных, а вернее, царских, налогов имелись еще сборы в пользу общинных властей разного уровня и состава — небрахманских *уров* и *наттаров*, брахманских *сабх*, иных общин. Об этом будет рассказано в соответствующих главах. Эти сборы тоже могли быть объектом продажи и дарения. Поэтому не могло быть и единой верховной собственности. Она дробилась на неформальные «доли».

³³ ARE, 57 of 1918 (SII, XIII, p. 24–25, no. 52)

³⁴ ARE, 68 of 1923 (SII, I, p. 70–71, no. 30)

³⁵ ARE, 310 of 1953/54

Например, в 1081 г. *перунгури-сабхаияры* Мадхурантака-чатурведи-мангалам³⁶ подарили храму Махадевы «землю», которая до этого принадлежала тому же храму на правах *кани*, т. е. на правах податной собственности, и теперь сабха не будет требовать с этой земли *антараиям* и *маганмай*³⁷.

В 1103 г. Кулоттунга I приказал, чтобы с земель *девадана* в селении Пеннадам платили налоги в половинном размере. Это тоже пример деления верховной собственности на доли³⁸.

Еще один пример деления верховной собственности — установление отношений «защиты» (*pāṭikāval*). Местный вождь обязывался обеспечивать охрану храма или местности от шаек бандитов или от войск других князьков (которые ничем не отличались от шаек) и за это получал специальный сбор³⁹.

Читатель составит более полное представление о верховной собственности в главе, посвященной оценке степени государственного контроля над обществом. Но так как ни я, ни другие исследователи **системы** в налогообложении не обнаружили, представление о верховной собственности останется отрывочным, фрагментарным и явно неполным. Можно выразиться и так: **верховная, или государственная собственность на землю** в Южной Индии в раннесредневековый период **не была в достаточной степени развита**.

Податная собственность

В отличие от нее сведений о подчиненной собственности частных лиц и общин предостаточно.

Наиболее употребительным термином для обозначения собственности налогоплательщика служил *кани* (*kāi*). Как и другие термины того периода, это слово было многозначным. Оно могло относиться к любому наследственному праву — на налог, на служебные сборы, на должность и т. п. Дж.Хайтцман, проведший статистическую

³⁶ *Перунгури-сабхаияр* — один из вариантов названия коллективного органа управления брахманского селения, *сабхи*. *Чатурведимангалам* — «убежище четырех вед». Таким дополнением, как правило, наделялось новое название селения при его дарении общине брахманов. В дальнейшем мы будем сокращать его в *чвм*.

³⁷ ARE, 264 of 1901 (SII, III, p. 175–177, no. 78). О номенклатуре налогов позже.

³⁸ ARE, 238 of 1929 (Tirumalai 1987, p. 110)

³⁹ ARE, 70 of 1946/47

обработку всех чольских надписей в пяти районах Тамилнаду, выявил следующие его значения:

- 1) право на собственность, подразумевающее выполнение определенных обязанностей в деревне или в храме (25 упоминаний);
- 2) право на должность в храме (56 упоминаний);
- 3) право на землю⁴⁰.

Как уже говорилось, наиболее типичным владельцем прав подчиненной собственности выступал общинник, член доминирующей касты, член деревенского собрания, владения которого не выходят за пределы деревни.

Но надписи отмечают и совершенно иные случаи. В 969 г. некий человек взял у храма в наследственную собственность (*kāi i-ceytu*) 24 *вели* храмовой земли на условиях уплаты 120 *калам*ов падди (неочищенного риса) с *вели*⁴¹. Условия вполне податные. Новый владелец не пользуется никакими привилегиями. Однако взятый им участок (более 63 *га*, если принять обычный размер *вели* в XIX в.!) говорит о том, что мы имеем дело здесь не с крестьянином, а с предприимчивым человеком, который надеется, сдавая землю в аренду, получить выгоду. Почему храм выдает эту землю даром, а не продает ее, нам не известно. Можно было бы предложить несколько версий, объясняющий этот поступок храмовых властей. В данном случае не в них дело.

Дарение храму земли часто бывало бессмысленным, если земля не попадала в руки податных собственников. Дар права на налоги с селения Манабхарана-*чвм* храму в 1026 г. оказался неудачным, поскольку через 10 лет выяснилось, что земли не обработаны и не приносят дохода. Тогда земли были переданы 6-ти лицам на условиях *kuṭṭinēka-k-kārāi mai*⁴². Видимо, считалось, что эта передача решит вопрос о получении дохода храмом.

В 1141 г. Чольский царь купил землю у «прежнего обладателя» (*paī ā-uāiyāc*), дал этому участку новое название в честь своего сына и подарил его храму как *тиру-наматту-к-кани* («наследственное право на имя бога»), чтобы на доходы с этой земли ежегодно праздновался

⁴⁰ Heitzman 1997, p. 187; Heitzman 2001, p. 65–66. Автор не сообщает, сколько упоминаний *кани* как права на обложенную налогом землю он насчитал, но это должно быть наибольшее число.

⁴¹ ARE, 370 of 1924 (SII, XIII, p. 126–127, no. 236)

⁴² На правах *каранмей* (об этом ниже) без права сгона *куди*. SII, XIV, no. 133, 154 (TAS, II, p. 2–9; Tirumalai 1987, p. 49)

день рождения сына⁴³. В этой надписи следует обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, собственник явно низовой собственности назван *удеян*, т. е. термином, который чаще обозначает получателя налога, субъекта верховной собственности.

Это лишний раз показывает, что терминология не устоялась, и широкое значение термина (в данном случае — «обладатель») употреблялось наряду со специальным — обладатель права на налог.

Во-вторых, крайне интересно, что царь, преследуя в данном случае не государственные, а личные, или семейные интересы, желая прославить своего сына, дарит храму не землю вообще, т. е. доход с некоей деревни, что он имеет право сделать как государь, но именно землю, «лично ему принадлежащую». Это как-то надежнее с точки зрения вышших сил. Это его личный подарок, а не исполнение *дхармы* царя.

Кани одного человека в деревне имело определенную самостоятельность. Оно не сливалось с землей деревни в целом, могло быть по каким-то соображениям выделено, и иметь свою налоговую судьбу. Так, в 924 г. по приказу Уттамы Чолы деревня Ситрираттур была подарена храму как *ирайи* — *девадана* за исключением *кани* старосты Шангаппади — *кижана*. В 943 г. это *кани* тоже было присоединено к дарению.

Как соотносились верховная и подчиненная собственности, отчасти рассказывает надпись 918 г. Парантаки I. Его вассал Сембиян Ируккувел попросил царя подарить ему 3 *вели* в селении Андалаллур на условиях отмены прав земледельцев (*kuäi-nëkkiya*). Он получил эту землю и брал с нее по 120 каламов падди с *вели*, т. е. в целом 360 каламов. Через 7 лет царь приказал поместить на эту землю некоего Араияна Вира Чолана уже на других условиях (*kuäi-nëkkà*), т. е. без права сгонять земледельцев. Вира Чолан должен платить Сембияну только 300 каламов, а трудовую повинность не нести. Еще через 7 лет Вира Чолан передал эти 3 *вели* *урарам* (деревенскому собранию) той деревни, где они были расположены, вместе с теми обязанностями, которые полагались с этой земли⁴⁴.

Результат оказался следующим: *урары* получили свою землю на более выгодных условиях, чем после первого дарения. Как мы увидим, 100 каламов с *вели* было обычной ставкой налога, следовательно, 120 каламов были чересчур обременительными.

⁴³ SII, VII, no. 780 (Subbarayalu 1997, p. 156–157)

⁴⁴ SII, VIII, no. 668, 669 (Tirumalai 1987, p. 42–44)

Еще один интересный пример соотношения верховной и подчиненной собственности на землю дает надпись 977 г. Уттама Чола удовлетворил просьбу своего приближенного (судя по его именам) **ото-брать** (*tavirndu*) у него его *дживитам* в деревне, сменить прежних владельцев, перевести землю в категорию *веллан-вахей*, снова подарить эту землю ему, но уже на условиях *janma-k-kāi*, а затем еще и подарить ее храму в освобожденную от налогов *девадану*⁴⁵. Эту головоломку можно распутать. Итак, приближенный попросил своего сюзерена заменить ему право на взимание налога (верховную собственность) на право на саму землю. Он знал, что в этом случае полагается платить налог. Он был скромнен, и не попросил освободить его податную земельную собственность от налога. Вместо этого он попросил подарить верховную собственность на свою землю храму — и уже храмовую землю освободить от налога, что было вполне в обычаях того времени, и что приносило царю религиозную заслугу.

Другой случай, показывающий различия двух собственности, отмечен в 993 г. в одном из храмов в Тиручирапалли. Совместным решением *сабхи*, *ура* и *dāvakaṣmi*⁴⁶ было постановлено продать кусок храмовой земли старейшине (*кижавану*) Шуралура, чтобы он расчистил его от леса и оживил. Продана земля была именно в податную собственность, поскольку после рекультивации староста должен платить храму 150 каламов в год. Эта плата носит название *kāi-i-k-kāāṣ*, т. е. «плата за наследственную собственность». При этом покупатель **из храмовой казны** выплатил местному вождю 30 *кашу* как *kaāpōra-vilai*, т. е. «цену налогов»⁴⁷.

Права общинника, т. е. обладание подчиненной собственностью, имели определенную ценность в глазах элиты тогдашнего общества. В 1154 г. упомянут как благочестивый даритель некий Кудалур Алаппирандан Эжисаймохан, он же Куллотунгачола Кадавараиян. Судя по двойному имени, включающем титулы и «чольские», т. е. имперские, имена, это довольно высокопоставленный служилый человек. И он же — «владелец *кани*» в брахманском селении Чолапандьа-*чм* (*coṁpāi āiya-c-caturvetimaēkalattu kài-i-uāiya*)⁴⁸.

Надпись 1167 г. рассказывает, что некогда *урары* Аркарамура в Ю. Аркате продали усадьбу, поле и сад местному магнату. А ныне

⁴⁵ SII, XXIII, no. 257 (Tirumalai 1987, p. 95–96)

⁴⁶ *Сабха*, *ура* и *деваками* — руководящие органы брахманской общины, шудрянской общины и храма. О них пойдет речь в соответствующих главах

⁴⁷ ARE, 683 of 1909 (SII, XIII, p. 100–101, no. 182)

⁴⁸ ARE, 474 of 1937/38

Раджараджа II приказал провести упорядочение владений, чтобы все прежние собственники получили свои земли. Урарам удалось доказать, что внук того магната имеет законное право на участок, о чем они с гордостью и сообщают⁴⁹.

Подчиненную собственность мог иметь и храм. В 1153 г. сабха Урумуре (Ю. Аркат), задолжавшая храму некую сумму, согласилась в погашение долга платить за храм налоги *кадамей* и *падикавал* с некоторых земель *девадана*⁵⁰. Таким образом, фигурирующие тут земли *девадана* — это храмовая подчиненная собственность, а не полная.

В 1213 г. местный магнат с титулом Тондайманар накупил несколько участков земли общей площадью 77 с лишним *вели* и подарил ее 106 брахманам, при этом он «удалил» как прежних «господ» (*удеияров*), так и наследственных владельцев (*канияларов*) и предоставил землю на условиях «и наследственной собственности, и освобождения от налогов» (*kāi iyum āaiyiliyum āka*)⁵¹. В данном случае также видно, что две типа собственности могли быть в одних руках, но они ясно различались.

К концу XII в. учащаются упоминания о крупной частной податной собственности. Вельможи скупают права общинников или приобретают их другими способами. От 1195 г. мы имеем две надписи из Тирумалама (Танджавур) примерно одинакового содержания. Храм требует вернуть ему земли, незаконно занятые частными лицами. В одном случае сообщаются подробности, позволяющие узнать кое-что новое о формах собственности. Некий Раджаваллала Паллавараян (судя по имени, довольно знатная личность) владел землей, которую храм считал своей. Расследовать казус стал Вешалиппараияр (видимо, лицо еще более высокое). Раджаваллала утверждал, что купил спорную землю на аукционе при 4-х свидетелях, когда те собрались в «зале для благородных» перед входом во дворец в Перумбаттрапулиуре, и представил соответствующий документ. Однако храмовые настоятели твердили, что храм купил эту землю тоже на аукционе, но гораздо раньше, еще в 4 год правления Раджараджи I, и до 13 года владел этой землей, но потом земля каким-то образом перешла в руки Раджаваллалы, и теперь надо восстановить справедливость. Посредник больше поверил храмовым настоятелям, чем частному лицу, и земля

⁴⁹ SII, XVII, no. 244 (Tirumalai 1987, p. 29)

⁵⁰ ARE, 397 of 1913 (Tirumalai 1987, p. 133). *Кадамей* — это наиболее частый термин для обозначения совокупности государственных налогов. *Падикавал* — плата за охрану, означающая, что храм был «под покровительством» некоего вельможи.

⁵¹ SII, II, p. 114–115, no. 22, (1213 г., Танджавур)

была передана храму⁵². Впрочем, если бы решение было другим, этот казус не попал бы в надпись.

В 1213 г. Нандиварман, влиятельный слуга Кулоттунги III, подарил храму 67 *вели* «из своей собственной деревни»⁵³.

Дж. Хайтцман считает важнейшим процессом в период Чолов развитие частной собственности на землю. Он считает, что показателем этого является количество упоминаний о *кани*. Он распределил сведения по тем периодам, которые предложили Карашима и его группа. В изученных им районах в первый период Чолов (846–985 гг.) *кани* вообще не встречается. Во второй период (985–1070) этот термин содержится в 5% надписей. В третий период (1070–1178) — в 19%. В четвертый период (1179–1279) — в 51%, особенно часто в Кумбаконаме и Тируттураипунди, т. е. в районах речного орошения. Владельцы *кани* начинают упоминаться чаще, чем чиновники налогового аппарата⁵⁴. Карашима тоже отмечает, что к концу Чольского периода упоминания о *кани* и о *канияларах* встречаются чаще⁵⁵.

Каранмей и миятчи. Кадамей и кудимей

Два типа собственности на землю еще в период Паллавов получили четкое терминологическое различие. Верховная собственность называлась *миятчи* (что буквально и означает «верхняя собственность»), подчиненная же собственность была известна под термином *каранмей* (букв. «черное владение»)⁵⁶.

В 759 г. один из Пандийских придворных получил деревню, которая когда-то принадлежала его предкам и на тех же условиях, а именно с правом полной собственности, включающим *каранмей* и *миятчи* (*pōmi kārāi mai mēyāōci uēāāēga*)⁵⁷. По-видимому, это самое раннее упо-

⁵² ARE, 111, 112 of 1910

⁵³ ARE, 290 of 1909. 1910

⁵⁴ Heitzman 1997, p. 188–189

⁵⁵ Karashima 1983, p. 140

⁵⁶ Это значение приводится в большом тамильском словаре (Tamil Lexicon). Индийские коллеги его игнорируют и предлагают весьма спорные и довольно бессмысленные этимологии, поскольку им «черное владение» ни о чем не говорит. Для русского историка этот термин весьма значим. Он напоминает «черное» или «черносошное крестьянство», т. е. практически похожий институт государственной эксплуатации селений, жители которых имели земли как *вотчины*.

⁵⁷ ARE, 1908, p. 63 (EI, XVII, p. 302–308, no. 16)

минание этой важной пары терминов⁵⁸, понимание значения которой решает вопрос о правах собственности на землю в раннесредневековой Южной Индии. Из данной надписи бесспорно вытекает, что это именно разные права на землю (*пуми*, т. е. санскр. *бхуми*), а не разновидности налогов, как их склонны переводить некоторые индийские эпиграфисты.

В период Паллавов эта пара терминов встречается еще дважды, именно в VIII в. и тоже на самом юге Тамилнада. Права *каранмей* и *миятчи* получил один из храмов в Пудукоттае⁵⁹, а также брахманская община в Тирунелвели (*kàràĩ maiyum mèyàcciyum uṇṇāṇēga sarvva-parihāram āēa*)⁶⁰.

Каранмей и *миятчи* включаются иногда и в формулы об удалении прежних землевладельцев, с которыми мы уже знакомы. Дарение в полную собственность означает отрицание всех предыдущих прав на данный участок земли, что и утверждается: «прежних господ удаляя, права земледельцев отменяя, *каранмей* и *миятчи*, со всеми превышениями и недостатками, всё включая» (*muṣ-ṣ-uṇṇaiyārai māāi-k-kuṇ-nēkki-k-kàràĩ mai mèyakātcium mèkūti-k-kuṇaimaiyum uṇṇāṇēka*)⁶¹. В другом месте той же надписи говорится только об удалении *удеияров*, без упоминания об удалении *куди*, но и там утверждается, что даруется и *миятчи*, и *каранмей*.

Случаи, когда четко указывается, кому принадлежит податная собственность, а кому — верховная, наиболее убедительно свидетельствуют о таком разделении. Так, в 966 г. в Амбасамудрам право на 10 вели распределено так: *каранмей* принадлежит *кудигал*, а *миятчи* — Богу, а вместе всё это — *девадана* (*kuṇkaē-itu kàràĩ mai-ākavum devar-itu mèyāccī-y-ākavum dāvatācam-āka*).

В данном случае под *кудигал* имеются в виду храмовые служащие: земля распределяется между ними — от жреца и управляющего

⁵⁸ Р. Гуруккал утверждает, что деление прав на землю между обладателями *каранмей* и *миятчи* (между *куди* и брахманами) впервые встречается в надписях из Пуланкуриччи, датированных примерно V–VI веками (Gurukkal 1994, p. 30). Но он не дает сносок, и нам не удалось проверить его утверждение.

⁵⁹ IPS, no. 13 (IP, no. 260)

⁶⁰ IA, XXII, p. 71. См. также EI, XV, p. 44–72, no. 5 (960 г., медная табличка из района Тиручирапалли — Танджавура); SII, III, p. 302, no. 151 (973 г., Конериаджапурам)

⁶¹ SII, II, p. 425, no. 92. Здесь вместо *mèyātcī* стоит *mèyakātcī*. Подобного рода разночтения в надписях обычны. См. также ARE, 463 of 1908. 1909 (по копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре)

делами до ремесленников и прачек. Налоги с этой земли расписываются «по богам» — кому сколько *калам*ов падди полагается⁶².

В 999 г. в Сучиндраме коллективный орган, управлявший храмом Шивы, отказывается далее вести дела, поскольку ни налогообязанные собственники, ни их арендаторы-*куди* не могут платить наложенные на них подати. Указывается, что «люди, владеющие правами низшего *каранмея*» (*kēekàràĩ mai-uṇṇaiya kuṇkaē*) платят «обладателям верхней собственности» (*mālāccī-uṇṇaiyār*). В связи с этим «дефолтом» низовые собственники лишаются своих прав, и если они потом снова заявят о своих правах, они должны коллективно платить штраф в 50 *кажанджу*. Арендаторы же передаются вновь образованной «кризисной администрации»⁶³.

Бытовали и иные способы обозначить понятия верховной и податной собственности. Например, путем противопоставления терминов, означавших доходы, связанные с этими собственностями. Такую пару образуют термины *kaḍamai* и *kuṇmai*. *Кадамей* в некоторых контекстах означает не один из налогов, а всю совокупность налогов и податей в пользу центральной или любой другой власти⁶⁴. *Кудимей*, когда он идет в этой связке, означает подати и сборы, которые платит арендатор хозяину, обладателю низовой собственности⁶⁵. Например, храму могли передаваться «все виды *кудимей*, включая сборы (*varip-pāṇu*), налагаемые *уром*, и все другие виды *кудимей*»⁶⁶. В 1200 г. из-за голода в дельте Кавери нельзя было собрать налоги по обычной ставке. Приказано в счет *кудимей* взимать только половину обычных сумм⁶⁷.

Могли противопоставляться и налог (*кадамей*) низовой собственности (*каранмей*). Например, *кадамей* поселка принадлежит храму, а право *каранмей* на тот же поселок — местному магнату Дайваччилай Перумал Илаиялвану, он же Калангараиян⁶⁸.

В период поздних Пандьев, в XIII в., двойственность права земельной собственности сохраняется. Подчиненная собственность в этот

⁶² EI, XXV, p. 38–41, no. 6

⁶³ TAS, II, p. 2–9 (TAS, IV, pt 2, p. 128–129; EI, V, p. 45 no. 6-d)

⁶⁴ Букв. «долг», «обязательство»

⁶⁵ Tirumalai 1987, p. 90

⁶⁶ ARE, 121 of 1925 (Sastri 1955, p. 505)

⁶⁷ SII, VIII, no. 263 (Tirumalai 1987, p. 70–71)

⁶⁸ ARE, 368 of 1916. 1917

период отмечена у брахманской общины⁶⁹, у служащего храма⁷⁰, у держателей храмовой земли⁷¹ (в том числе у женщины⁷²), у храма⁷³, у васала местного магната⁷⁴ и у самого магната⁷⁵. Когда магнат имеет землю в податной собственности, верховная собственность, как правило, принадлежит храму, т. е. магнат со своей земли просто платит храму полагающиеся налоги.

Знаменательно, что в начале XIV в. формируется пара однотипных терминов для двух собственности: *миятчи* и *каниятчи*⁷⁶. Это значит, что податная собственность стала рассматриваться как столь же значимая, как и верховная. Она уже теперь не *анмей* («владение»), а *атчи* («собственность», «власть»). *Каниятчи* стало основным термином для прав полноправного общинника. С приходом мусульман оно было переименовано в *мираси*, и в таком виде стало известным британским колонизаторам.

Землевладение *куди*

Обладатели «черного владения» вовсе не обязательно были крестьянами. Они нередко сдавали землю в аренду. Это обстоятельство не всегда отмечается исследователями, поскольку надписи очень скупо освещают само существование низших слоев общества. Но иногда многослойность сельчан, имеющих интересы в земле, выявляется. Например, в 1036 г. Раджендра I распределил 10 *вели* храмовых земель между 6 лицами, предоставив их им на правах *kuññēkà-k-kàràl mai*⁷⁷. Т. е. они получили землю на правах подчиненной собственности, при этом без права сгонять арендаторов.

Держатели земли от *канияларов* обычно называются *куди*. Но, как уже говорилось, это термин настолько общий, что им могут называться также жители вообще, причем не самые низкие по статусу. Так, в надписи из Чидамбарам *кудигал* — это довольно уважаемые

⁶⁹ ARE, 550 of 1916. 1917; 4, 41 of 1924; 208 of 1932/33

⁷⁰ ARE, 524 of 1916. 1917; ARE, 232 of 1924; 243 of 1936/37

⁷¹ ARE, 4 of 1924

⁷² ARE, 41 of 1924

⁷³ ARE, 5, 39 of 1924; 274 of 1941/42. 1939/43

⁷⁴ SII, I, p. 105, no. 74; ARE, 258 of 1936/37

⁷⁵ ARE, 27, 30, 42 of 1924

⁷⁶ ARE, 27, 30, 39 of 1924 (1325 г.); ARE, 258 of 1936/37

⁷⁷ SII, XIV, no. 133, 154 (TAS, II, p. 2–9; Tirumalai 1987, p. 49)

горожане — купцы (*vyàpàri*), *веллалы*, *шанкараппади* (о них поговорим в главе о купеческих корпорациях), ткачи и торговцы тканями. Им противопоставляется «низший слой» (*kāḷakaḷaṣaikal*) — плотники, кузнецы, золотых дел мастера и некие *коли*⁷⁸.

Арендаторы были, по-видимому, наименее защищенным слоем деревенского населения. Довольно часто, хотя и не всегда, дарения храмам сопровождаются выражениями *куди-никки* (*kuḍi-nēkki*) или *куди-нинга* (*kuḍi-nēṅka*). Первое из них означает, что получатель свободен согнать прежних арендаторов, второе — что он не может этого сделать. Надпись 959 г. из Тирувидаимарудура выражает разницу между владением землей на правах *куди-никки* и *куди-нинга* грубо и зримо. Пока считалось, что храм владеет землей не на условиях *кудиникки*, брахманы *аграхары*, в которой была эта земля, платили храму только 160 *каламов* с *вели*, когда же было установлено, что земля эта подарена как *куди-никки*, уплата была повышена до 256 *каламов*⁷⁹.

Тирумалай, видимо, прав, заявляя, что арендаторы не сгонялись в обоих случаях⁸⁰. Но в первом случае они должны были договариваться с собственником заново, а во втором продолжали владеть землей на прежних условиях. Практически первый вариант, как мы видим, приводил к повышению арендной платы.

Можно утверждать, что арендаторы подразделялись на две категории: имеющие некоторые права на обрабатываемые ими земли, и издольщики, не имевшие таких прав. В одной из надписей упоминаются «арендаторы, имеющие низший *каранмей*» (*kāḷaḷaṣaikal mai-uāiṣa-kuḍikaḷ*)⁸¹. Как мне представляется, этим выражением составитель надписи хотел подчеркнуть, что *куди* тоже имеют некоторые права на землю. Эти права имели рыночную ценность и *куди* могли ими распоряжаться. Кроме пахотных участков в их владении находилось также определенное количество необработанных земель, видимо, пустошей и выгонов. В 913 г. *куди-маккал аграхары* Тируттанял продали некому Намби Аппи 1000 *кужи* пустошей (*pālai-seāuvu*), при этом *сабхаияры* за отдельное вознаграждение освободили эти земли от податей⁸².

⁷⁸ SII, IV, no. 223

⁷⁹ ARE, 214 of 107 (SII, III, p. 380–381, no. 203; Tirumalai 1987, p. 44)

⁸⁰ Отдельные случаи сгона арендаторов с земли в надписях упоминаются. О них ниже.

⁸¹ ARE, 75 of 1896 (EI, V, p. 45)

⁸² SII, XII, no. 95 (IP, no. 246)

Примерно в 968 г. царица, жена Партхивендравармана, чтобы подарить участок земли храму Вишну, выкупила его у *кудигал*, а у *сабхи*, на землях которой эти *куди* сидели, выкупила налоги, так что участок стал свободным от обложения⁸³.

О существовании слоя «защищенных арендаторов» (если употреблять терминологию колониального периода), отличных от низовых собственников, говорят хотя бы надписи, в который употреблен термин *куди-нинга*, «без права удаления *куди*»⁸⁴. Храмовые земли, на которых сидели «защищенные» арендаторы, назывались *kuṭṭinēṭṭā-kāi*⁸⁵ или *kuṭṭinēṭṭā-dāvadāna*⁸⁶.

Уникальная надпись из Ковилура (Танджавур) от 1016 г. дает представление о том, как арендаторы могли отстаивать свои права. Изложим ее позже, при описании храмового землевладения⁸⁷.

Тяжесть арендной платы, выраженной в *каламах* с *вели*, оценить нелегко. Ясно, что она должна была превосходить ставки налогов. В одном случае собрание брахманской деревни сдает землю за 2/3 урожая⁸⁸.

В одном из храмов в Лалгуди (Тиручирапалли) в X в. держатели храмовой земли получали *sev-varam* («равную долю», некоторые понимают это как «половину урожая»), а храм — *ciāu-kuṭṭi-varam*⁸⁹. Размер этой доли не уточняется. По контексту это что-то меньшее, чем *sev-varam*.

Интересный казус представляет одна из ранних надписей Раджараджи I. Его старший брат Карикала был убит в результате некоего заговора. Раджараджа установил, что в этом убийстве были замешаны три брата, жители *аграхары* Шри-Виранараияна-чм, брахманы, имевшие там земли. Он приказывает *сабхе* конфисковать земли «изменников» и их родственников и продать их «по цене, по которой один *куди* продает другому *куди*» (*kuṭṭiyōṭṭi kuṭṭipeṭṭum vilaikku*)⁹⁰. Видимо, для вящего унижения изменников их собственность как бы переводится на более низкий статус, и затем уже продается.

⁸³ ARE, 49 of 1898 (SII, III, p. 370–371, no. 194; Sastri 1932, p. 124)

⁸⁴ Помимо упомянутых выше, см. ARE, 283 of 1917

⁸⁵ ARE, 57 of 1946/47; 196 of 1980/81 (Sampath 1991)

⁸⁶ ARE, 46 of 1946/47

⁸⁷ ARE, 185 of 1908. 1909 (по копии с факсимиле в Офисе главного эпиграфиста в Майсуре)

⁸⁸ SII, III, p. 244–245, no. 110

⁸⁹ ARE, 104 of 1929 (SII, XIII, p. 35, no. 74)

⁹⁰ EI, XXI, p. 165–170, no. 27

В 1002 г. в Ю. Аркате упорядочивает расходы в храме некий *мувендавелан*⁹¹, но делает это с помощью управителей храма (*девар-канмигал*) и «пашущих земледельцев» (*uṭṭi-k-kuṭṭikāṭṭi*)⁹². Это указывает, что даже простые земледельцы обладали определенным социальным статусом, позволявшим им принимать участие в имущественных делах храма.

По подсчетам Хайтцмана, в четвертый период Чолов начинает также чаще прежнего встречаться выражение *куди кани* (т. е. *куди* получают наследственные права на арендованную землю) и распространяются дарения земли *kuṭṭi nēṭṭā*, т. е. «без устранения *куди*». Иногда сами *куди* дарят землю⁹³.

Купля-продажа земли

Надписи дают много примеров купли-продажи земли. Насколько она была развита? Можно ли говорить о широком развитии этого института, о существовании рынка земли? Какие физические и юридические лица покупали и продавали землю? Можно ли видеть тенденцию, скажем, развития частной собственности или концентрации земли в результате актов продажи?

Продавали и покупали «все». В одной из чольских надписей рассказывается о судьбе участка земли, который, в конце концов, был подарен храму, почему и попал в надпись. Но до этого он был куплен купцом у брахманского собрания (*сабхи*), отдан этим купцом в приданое (*стридхана*) за своей дочерью, продан зятем купца некоему частному лицу, которое и подарило его храму⁹⁴. Но все же, насколько оправдано считать, что движению земли являлось обычным явлением?

Воспользуемся работой Й. Суббараялу, который произвел статистические подсчеты актов купли-продажи в период Чолов⁹⁵. Изучив примерно 3000 чольских надписей, в основном из центральных и северных районов Тамилнаду, он нашел в них 276 случаев покупки, главным образом земли, а также усадеб. Распределил их по четырем периодам, на которые принято делить период Чолов, а также по субъектам

⁹¹ *Мувендавелан* — «веллала трех царей». Значение этого титула будет рассмотрено ниже.

⁹² ARE, 28 of 1919 (По копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре)

⁹³ Heitzman 1997, p. 189

⁹⁴ SII, XIX, no. 113 (Subbarayalu 1997, p. 156)

⁹⁵ Subbarayalu 1997, p. 151–162

продажи и покупки. Выяснил, сколько случаев продажи и покупки относится к 1) брахманским общинам (субъектом выступает *сабха* или *мулапарудай*), 2) индивидуальным брахманам, 3) небрахманским общинам (*ур* и *нагарам*), 4) индивидам-небрахманам (включая членов царской семьи), 5) храмам.

Главный вывод оказался, с моей точки зрения, неожиданным: количество упомянутых в надписях случаев отчуждения земли явственно уменьшается со временем. Для первого периода зафиксировано 139 случаев, для второго — 55, для третьего — 53, для четвертого — 29. Движение земли явно замедляется.

Второй вывод также не выглядит тривиальным: в первый период больше всех продавали *сабхи* (52,5% случаев) и индивидуальные брахманы (28,8%), а покупали небрахманы (64,0%) и храмы (18,7%). *Сабхи* продолжали продавать землю в значительном количестве и в последующие периоды, хотя их доля в общем объеме продаж сокращалась. **Продажа** земли индивидуальными брахманами показывает ту же тенденцию: она продолжается, но снижается ее доля в общем обороте земли. И нет ни одного случая **покупки** земли *сабхой* или брахманом в третий и четвертый периоды. *Ур* (и *нагарам*) почти не покупают землю в течение всех периодов, а продают довольно много. На их продажи приходится примерно четверть всех продаж во все периоды. Индивиды-небрахманы всегда остаются главными покупателями: на них приходится по периодам от 2/3 до 3/4 всех покупок. Храм почти не продает свои земли, но его доля в покупках земли неуклонно возрастает — от 18,7% в первый период до 34,5% — в четвертый.

Сравнительно большой процент земельных продаж брахманскими *сабхами* и индивидуальными брахманами по сравнению с подобной же активностью *уров* и их жителей может быть объяснен двумя противоположными допущениями: либо это объясняется характером источников (надписи сохранились на стенах храмов и фиксируют преимущественно события, происходившие в брахманско-храмовой среде), либо брахманы были не так привязаны к земле, как члены земледельческих каст, и расставались с ней более легко. Вынужденные продажи земли брахманами, вызванные тяжелым экономическим положением, фиксируются только в третий и четвертый периоды, которые и по другим сведениям оказались тяжелыми для населения.

Если выделить из общих цифр для небрахманских общин продажи торговых городков (*нагарам*), увидим постепенное увеличение их доли

(5,8; 7,2; 7,44, 10,3%). Не зафиксировано ни одного случая продажи земли индивидуальным торговцем.

Среди покупателей земли больше всего лиц высокого социального статуса (обладателей титулов), царских слуг, членов царской семьи и купцов. Заметной группой среди покупателей являются женщины из царской семьи. Зафиксирован один случай покупки земли лично царем⁹⁶. В четвертый период заметно увеличение числа покупателей-купцов.

При всех этих подсчетах следует принимать во внимание, что в надписях фиксируются только те купли-продажи, которые имеют своей конечной целью дарение купленного участка земли храму или другое благотворительное деяние. С помощью надписи стремятся оповестить о дарении, а не о покупке, которая его предваряет. Поэтому в надписи иногда не упоминается ни точный размер купленной земли, ни ее цена. Таким образом, изучаемый корпус никак не может представлять собой репрезентативную выборку, если мы поставим цель изучить процесс движения земли в целом.

Скажем, сокращение продаж со временем, отмеченное выше, может свидетельствовать не о сокращении торговли землей, а о повышении престижности иных форм дарения. Например, к концу периода Чолов заметно увеличение дарений не земли, а налогов с нее.

Указывая на все эти возможные «искажения» картины «земельного рынка», Й. Суббараялу все же считает возможным предложить следующие выводы:

Брахманы и их общины являлись влиятельными землевладельцами уже в X в. В *аграхарах* преобладало индивидуальное землевладение, отчуждение земель являлось довольно распространенной практикой. Со временем влияние брахманов как землевладельцев уменьшалось и достигло низшей точки к концу XIII в.

В небрахманских поселениях в начале периода превалировало общинное землевладение, и потому отчуждение земли не было распространено. Но во второй половине чольского периода частное землевладение и там стало обычным явлением.

Храмы на протяжении всего периода продолжали аккумулировать землю, как через дарения, так и путем покупки.

Общее сокращение купли-продажи земли в течение чольского периода «может быть симптомом неких значительных изменений, происходивших в социально-экономической системе»⁹⁷. Но каких?

⁹⁶ SH, XII, no. 79

⁹⁷ Subbarayalu 1997, p. 156

Возникает некоторое противоречие, или, по крайней мере, вопрос. Если в брахманских аграхарах индивидуальная собственность существовала с самого начала, а в небрахманских деревнях она, как полагает Суббараялу, развивалась,⁹⁸ это должно было бы привести к расширению рынка земли. Многими исследователями, в том числе и Суббараялу, отмечается также усиление налогового гнета в XII–XIII вв. Чаше появляются сведения о продаже земли из-за невозможности уплатить налоги. Это также должно было способствовать увеличению продаж. Однако мы видим противоположную динамику.

Возникает опасение, что по такого типа надписям вообще нельзя судить о распространенности купли-продажи земли в обществе, что приведенные выше абсолютные и относительные числа для продаж характеризуют лишь один, весьма специфический и сравнительно незначительный сектор этого рынка, связанный с религиозными дарениями.

Н. Карашима проделал тщательный анализ 16 надписей, говорящих о переходе ряда земельных участков храму Джамбукешварама в 7 деревнях, расположенных вокруг него⁹⁹. Часть этих надписей не опубликована. Все они относятся к сравнительно краткому периоду от 16 года Раджараджи III до 3 года Раджендры III, т. е. от 1231 до 1249 г.

Надписи в каждой из деревень представляют целые «имущественные истории». Так, в деревне Исанаиккурей три надписи говорят о продаже храму земли тремя наследственными владельцами (*kāi i-y-uñaiyār*) и еще одна — о продаже участка собранием деревни (*ur*). Всего продается 7 участков.

В деревне Карисаттангурей три надписи фиксируют продажу храму своих долей (*paēku*) группами собственников (3, 6 и 7 человек, всего 16 человек), каждый раз по 4 доли. Так как известно, что деревня состоит из 12 долей, получается, что вся деревня продается в ходе этих трех сделок.

В деревне Раджараджакутрангуди пять надписей фиксируют продажу земли храму группами лиц (8, 2, 1, 14 и 14, всего в качестве продавцов выступают 39 человек). Продается около 21 *вели*, что составляет всю площадь деревни, включая само поселение, но исключая земли деревенских храмов и деревенского писца. Эти 39 человек ранее купили деревню у двух братьев. Другими словами, деревня Раджараджакутрангуди была частным имением, затем стала общинным и, наконец, превратилось в имение храмовое.

⁹⁸ Считая, что он подтверждает аналогичный вывод, сделанный Н. Карашимой (См.: Karashima 1984, p. 1–15)

⁹⁹ Karasima 1984, p. 15–21

В деревне Сембиянгуруп всего одна надпись. Она рассказывает, что некое лицо купило всю площадь деревни (ок. 33 *вели*) у четырех *кижаванов* этой деревни и их трех младших братьев, а теперь продает ее храму.

В деревне Сембияналлур тоже только одна надпись. Частное лицо продает храму землю (ок. 14 *вели*), которую оно четыре года назад заложило в этом храме за половину продажной цены. Продаваемая площадь составляет все земли деревни за исключением служебных участков и застроенного места. Продавец унаследовал деревню от своего предка, который купил ее у лиц, в свою очередь купивших деревню с аукциона.

Тот же человек, который продал землю в Сембияналлуре, продает еще 3 *вели* в соседней деревне Таттаналлур. История та же: этот участок был продан с аукциона, потом куплен неким предком нынешнего продавца, затем заложен в храме и, наконец, перешел в собственность последнего.

Тот же человек дарит храму землю в деревне Тандангурей. Эта земля (два участка сухоходольной земли общей площадью около 7 *вели*), унаследованная от предка, который купил ее у нескольких человек (не менее трех), находилась в собственности дарителя «и его матерей»(?) долгое время.

Всего в этих надписях зафиксированы 16 сделок по переходу земли из рук индивидуумов в руки храмовых властей, и более 10 земельных сделок между частными лицами, произведенных до этого. Лишь одна сделка заключена от имени деревенского собрания. В ряде случаев прямо указывается, что продают землю обладатели права *кани*. В других случаях это подразумевается.

Таких собственников в рассмотренных надписях насчитывается 61 человек. Еще 16 человек упоминаются как прежние собственники участков или как собственники участков, соседних с продаваемыми. Имена этих 77 собственников указывают на их довольно высокий статус. 55 из них имеют титул *удеиян*, из них у 47 этот титул присоединяется к названию населенного пункта, т. е. они принадлежат, по крайней мере, к владельческому коллективу в соответствующем селении. 7 человек имеют титул *кижаван* («старейшина»). Этот титул понимают по-разному, иногда как «староста» (*headman*). У этого мнения нет другого подтверждения, кроме буквального значения термина. Но все же ясно, что это уважаемый человек.

Среди продавцов и дарителей 19 *араиянов*. Этот титул часто присоединяется к имени царя или князя. Т.е. его обладатель хочет подчеркнуть свою близость к правителю.

Встречаются 11 носителей титула *велан*, из них три *мувендавелана*¹⁰⁰. Восемь из них прибавляют свой титул *велан/мувендавелан* к названию той или иной *наду*. Т.е. они прокламируют свою принадлежность к той или иной местности. Возможно, подобный титул указывал на важную роль, которую его обладатели играли в управлении *наду*.

Наконец, 6 продавцов носят титул *надажван*, «глава *наду*». Конечно, этот титул не следует понимать буквально. Карашима трактует его осторожно: человек, занимающий важную позицию в управлении *наду*.

Сделки удостоверяются многими свидетелями. Их в рассматриваемых надписях более 100, среди них встречаются также и те, кто фигурирует как продавцы в других надписях. Это представители того же слоя частных земельных собственников, носящие те же титулы.

Собственность и права собственности. Индийский вариант

Схема трех слоев владельческих прав на землю представляется мне несомненной. Различались и имели разную «владельческую историю» (выражение по аналогии с «финансовой историей») право на налоги, право на землю как объект хозяйства и право на ведение хозяйства на арендованной земле. Первый комплекс прав можно назвать верховной собственностью, при этом нужно учитывать, что ею могли обладать самые разные юридические и физические лица — от царя до деревенской шудрянской общины, — и что она могла быть раздробленной между несколькими лицами.

Налогоплательщиками, т. е. субъектами низовой собственности, выступали все перечисленные выше юридические лица, а, кроме того, индивидуумы, члены разнообразных общин. В их числе мог оказаться и царь, когда он покупал землю у своего подданного. Эта собственность отличалась наследственностью и отчуждаемостью. При всех оговорках, которые были сделаны выше, все же размах сделок с землей в изучаемый период впечатляет.

Кроме того, имели определенные права на постоянное пользование землей земледельцы (*куди*).

Но все это не было закреплено в писаном праве. А обычное право отличалось амбивалентностью: оно признавало собственником того, кто обрабатывает землю или организует ее обработку и, в то же время, не ставило под сомнение право царя раздавать земли и отменять любые права. Надо полагать, что основание брахманских аграхар и обеспечение храмов средствами для организации обрядов имели столь высокую социальную престижность, что при совершении таких дарений обычное право отступало на второй план. И все же, в реальной жизни, в практике жителей Тамилнаду (как и других областей Индии) частная собственность существовала и играла существенную роль во всех жизненных коллизиях населения.

¹⁰⁰ О значении этого термина идет дискуссия. Поговорим о ней в главе о государственном аппарате.

Глава 3

Макрообщины. *Наду* и *наттар*

Предваряя те выводы, которым мы придем в результате исследования, надо дать читателю общее представление о том, что именно подразумевается здесь под «общинными организациями» и как они соотносятся между собой на первый взгляд.

Один ряд организаций составляют территориальные общины — крупные и мелкие. В Тамилнаду окружная (областная) община, или макрообщина охватывала область, называвшуюся чаще всего *наду* (*nāḍu*) — термином весьма широкого значения, означающем в тамильском языке территорию любого размера (в том числе и страну тамиллов — Тамил-*наду*). Представителем (руководителем?) такой общины выступает коллективный орган, обозначаемый в надписях тем же именем «наду», стоящем в 3-м лице множественного числа — *наттар* (*nāṭṭar*) или *наттавар*, что можно перевести как «те, кто имеют отношение к наду»¹.

Однако не вся страна тамиллов делилась на области, названные *наду*. В одном из основных районов Тамилнаду — Тондаймандалам территориальное деление было иным. Эта область делилась на *коттамы*. Соответственно, там окружная община могла называться именно так — *коттам* или *кутрам*. Ее коллективный орган, тем не менее, чаще всего называется так же, как и в других районах, — *наттар*. Это слово, видимо, приобрело, помимо буквального значения, более узкое техническое — «руководство широкой общиной».

Окружные макрообщины состояли из деревенских общинных организаций. В Тамилнаду они фигурируют под название *ур* (*ūr*) — «деревня», а также любое иное поселение вплоть до крупного города (см. Танджавур, Бангалур и т. п.). Во главе деревенской общины стоял

¹ Когда *наттары* издают надпись от своего имени, они употребляют первое лицо множественного числа: *nāṭṭāṅṁ* («мы, имеющие отношение к наду»)

коллективный орган, также обозначавшийся просто 3-м лицом множественного числа от *ур*, а именно *урап* (*ūrār*) или *уравар*. Когда фиксируется их собственное решение, они тоже называют себя в первом лице: «мы, жители деревни» (*ūrīṁ*).

Это была одна линия общин, которых можно считать территориальными, сельскими. Впрочем, это наименование не совсем точное, поскольку руководство такими общинами находилось обычно в руках одной касты, т. е. деревенские и областные советы были одновременно кастовыми советами этой касты.

В определенных (не совсем ясных, это будет одним из предметов последующего рассмотрения) отношениях к перечисленным территориальным общинам находились городские общины (*нагарам*) во главе с *нагараттар* и брахманские поселения, имевшие свои органы самоуправления (*сабха*, *сабхайя*).

Другая линия общин — профессиональные, организации купеческие, ремесленные, скотоводческие и т. п. Они пересекались с первыми.

Рассмотрение существовавших в то время и взаимодействующих общин начнем с *наду*, как представляется, первой по времени возникновения и «базовой» для всех остальных.

Сделано в изучении этого института очень много. Определены названия и местоположение многих *наду* (возможно, были еще и другие, не попавшие в надписи, но их число должно быть невелико). Установлено, что *наду* состояли из 5–10 деревень и занимали площадь от 8 до 40 кв. миль. Й. Суббараялу нанес на карту все упоминания о *наду* (включая *кутрам*, *кандам* и *ваттам*) и установил, что в Чоламандалам существовало 140 *наду*, в Надувилнаду (территории между Чоламандалам и Тондаимандалам, между реками Юж. Пеннером и Сев. Веллару) — 65, в Тондаимандалам — 203, в Конгумандалам — 32, Пандьямандалам — 95, Гангавади (Ю. Карнатака) — 11, в других местах — 20. Всего до 1300 г. в надписях упоминается 556 *наду*.

Понятия «граница *наду*» не существовало. Границы *наду* устанавливаются современным исследователем только по расположению селений, которые упоминаются в надписях и объявляются входящими в то или иное *наду*. Обычно *наду* располагались по обоим берегам реки или притока. Даже Коллидам (совр. Колерун), наиболее крупный рукав Кавери, и р. Веллару, служившая символической границей между Пандьямандалам и Чоламандалам, не стали границами *наду*. Те располагались на обоих берегах рек. Только такие крупные реки, как Кавери и Пеннару, служили границами *наду*.

Суббараялу считает, что *наду* являлась группой селений, сформировавшейся вокруг того или иного ирригационного ресурса — вокруг канала или оросительного водоема². Он полагает также, что первоначально *наду* были «этнически сплоченными», а позднее «они стали мультиэтническими по составу». Б. Стайн, выделяя *наду* как основную социальную единицу в период Чолов, также несколько раз упоминает, что коллектив одной *наду* этнически отличался от другой³.

Есть примеры, что селение переходит из одной *наду* в другую. За более чем 300 лет существования Чольской имперской династии, по подсчетам Й. Суббараялу, нам известно 14 таких случаев. Это немного, но для понимания существа *наду* как общины весьма значимо. Это подрывает мнение, что *наду* было поселением близких родственников семей, чуть ли не территорией этноса или рода.

Понятно, что возникновение широких объединений сельского населения уходит в далекое прошлое. Появление *наду* в источниках мало говорит о том, когда оно возникло. Но не следует и на основании только отсутствия сведений относить это возникновение к первобытным временам. Чампакалакшми справедливо замечает, что древнее происхождение не изменяет того факта, что «развитие *наду* как аграрных регионов, ресурсной базы и культурных субрегионов происходило в течение ряда столетий (1–13 вв.)»⁴.

В поле нашего зрения органы самоуправляющихся крупных общин появляются тогда, когда Паллавы овладевают собственно тамильскими районами и начинают издавать надписи на тамильском языке. В первых своих надписях, на санскрите, они, даруя земли и деревни брахманам, оповещают об этом должностных лиц и, иногда, некоторых «деревенских владетелей» (*gāmāgāmabhojake*).

В дарениях IV–V вв. на территории Андрхы исполнение дара поручается *grāmeyika* и *āyukta*⁵, либо властям области и жителям даруемой деревни (*Karmma-rāṣṭra adhikṛtā āyuktakāḥ Oī goḍu-grāmāu-*

² Subbarayalu 1995, p. 1

³ Мне совершенно не ясно, на чем в данном случае основываются столь маститые ученые, и какие этносы в Тамилнаду они подразумевают. Возможно, они имеют в виду различные племена или патронимии, но и этом случае неясно, на каких данных они основываются.

⁴ Chāmapakalakshmi R. The Study of Settlement Pattern in the Cola Period: Some Perspectives // *Man and Environment*, XIV, no. 1, 1989, p. 92. Цит. по: Chattopadhyaya 1996, p. 146

⁵ IP, no. 4

са)⁶, либо жителям деревни (*Muī āa-rāṣṭre Uruvupalliye grāmeyakāḥ*) с оповещением ряда должностных лиц, функционирующих в области (*viśaie, rāṣṭre*)⁷.

Обращения к жителям деревни означают, что некая степень общности на уровне отдельного поселения существовала. Но сведения о функционировании деревенского органа самоуправления появляются существенно позже — в VIII в.⁸

В надписях Паллавов на территории Андрхы и в VII в. сохраняется тот же формуляр: обращение к жителям конкретной деревни и к должностным лицам *раштры*⁹.

Первая же Паллавская надпись, изданная на территории южного Тамилнада, в Танджавуре, обнаруживает, что там существует коллективный орган, пользующийся определенной автономией.

Я. В. Тарасюк утверждает, что в период Паллавов создавалась стройная система общинных организаций. Первоначально существовали соседские общины (*ур*), брахманские общины также в масштабах деревни (*брахмадея*) и городские общины (*нагарам*). Соседские общины — *уры* объединялись в более крупные единицы в масштабах некоей местности — *наду*. «Примерно в VI в., — пишет он, — начинается процесс образования *коттамов*, в рамках которых объединялись все упомянутые типы общин»¹⁰.

Мне кажется, что эта гипотеза не может быть убедительно доказана на базе надписей, а никакой иной базы в нашем распоряжении нет. Во-первых, сведения о сельских общинах появляются **не раньше**, чем данные о роли *коттама* как общинной организации. Во-вторых, нет доказательств того, что со временем роль *коттамов* возрас- тала, и они становились наиболее распространенным видом крупных общинных объединений. Конгломерат общин, как я постараюсь показать, не составлял стройную систему и имел гораздо более сложное устройство.

Бёртон Стайн, напротив, придает значение в общинной структуре южноиндийских государств прежде всего *наду*, которая, по его мнению,

⁶ EI, XV, p. 249–252, no 11-A (IP, no. 5)

⁷ IA, V, p. 50–53 (IP, no. 6). Так же оформлены дарения других деревень в той же Мундарастре (IP, no. 7, 13), а также дарения в Венгорастрe (no. 14).

⁸ «Фактически мы не слышим о деревенских собраниях ранее, чем VIII в. н. э.» (Minakshi 1938, p. 121)

⁹ EI, XXXII, p. 91–98, no. 9 (IP, no. 45) (надпись 687 г.)

¹⁰ Тарасюк 1999

была основной социальной ячейкой. Увлеченный этой идеей, которая представляется в целом довольно здоровой, он принижает значение других уровней общинной жизни, в частности, последовательно проходит мимо сведений о собраниях отдельных поселений (*ур*). Роли *брахматей*, правда, в своей конструкции он придает большое значение, связывая само их возникновение с социальными потребностями руководства *наду*.

Представляется, что этот подход также страдает односторонностью. Но следует признать, что сведения о существовании, причем в весьма развитом виде, *наттаров*¹¹ появляются **раньше**, чем мы встречается с *урарами*, *сабхаярами* и *нагараттарами*.

Итак, примерно в 546 г. Симхаварман III издал приказ *наттарам* Перунагаранаду, расположенной в Венкундракоттаме, о том, что одна из деревень этого *наду* и 16,5 *натти*¹² земли в другой деревне подарены в *палличандам* (принято считать, что так обозначались владения джайнских религиозных учреждений) брахману. Наттары приняли «царский указ», поместили его на головы, обошли границы подаренных владений, пометили их межевыми знаками и издали свой собственный указ (*aāiyī lai*), утверждающий этот дар¹³.

Функции *наттаров* указаны здесь сразу весьма определенно. Они выполняют указ царя, но действуют при этом самостоятельно, определяя на месте, что именно составляет дар. Именно эти выражения будут затем повторяться во многих последующих надписях¹⁴. *Наду* появляется в источниках как вполне сложившаяся организация. О других функциях *наттаров* поговорим позже.

Й. Суббараялу, с одной стороны, придерживается мнения, что *наду* — поселение небольшого клана, группы родственных семей, т. е. имеет естественное происхождение, не связанное с какими-то мерами центральной власти¹⁵, а с другой стороны, считает, что оно было полностью вписано в административную и налоговую систему государства: *ур* уплачивает налоги *наду*, та передает суммы (и зерно?) царскому сборщику налогов. Суббараялу находит в надписях термины *pāṇṇi-p-purava*

¹¹ *Nāṭṭar* — это уже множественное число от *pāṇi*. Но мы будем употреблять этот термин в форме русского множественного числа (*наттары*), с тем, чтобы сделать яснее согласование слов в предложении. То же относится к терминам *урары*, *сабхаяры*, *нагараттары* и т. п.

¹² Значение употреблявшихся тогда мер — площади, веса, объема и др. объясняется, насколько это возможно, в Приложении.

¹³ IP, p. 92, no. 17

¹⁴ Например, SII, II, p. 351–359, no. 73, (IP, no. 77)

¹⁵ Subbarayalu 1973, p. 36

и *pāṇṇi-vari*, которые можно понять как «налоговые отчеты *наду*»¹⁶, а также находит **один** пример: в 917 г. некоему Паллаварайяру поручается собирать налоги в конкретном *наду*. Сама единичность такого приказа должна была бы насторожить исследователя. Раз это специально оговаривается в надписи, значит, это представляло собой исключительный случай. А так как нет никаких оснований считать, что налоговый чиновник назначался в каждую *наду*, Й. Суббараялу приходится фантазировать: чиновник назначался в несколько *наду*.

Вместе с тем Й. Суббараялу вовсе не хочет свести всю территориально-социальную структуру Южной Индии к государственной. Он отмечает, что отсутствие понятия «граница *наду*», идущей, скажем, по реке или другому заметному рубежу, означает, что *наду* не создавались сверху, а возникли естественным путем в ходе расселения некоторых кланов или каст. Суббараялу настаивает на том, что *наттары* не относились к административному аппарату, вводимому властью. Даже когда они выступают как исполнители указаний царских людей, они всегда в надписи отличны от последних. Они образуют местное управление, параллельное с царским, если последнее вообще упоминается. Есть несколько надписей, в которых *наттары* занимаются сбором налогов, но если при этом надпись содержит подробное описание функций, явственно видно, что *наттары* действуют отдельно от правительственных лиц¹⁷.

К. Холл тоже возражает против рассмотрения *наду* как введенного сверху административного деления. «*Наду* была не просто административным приспособлением, наложенным сверху имперским режимом для удобства управления, но она была частью базисной ткани аграрного общества того времени. Государство должно было приспособливаться к существующим условиям в сельском обществе, а не наоборот»¹⁸. Но Холл увлекается своей идеей о системе торговых связей. Он вообще считает *наду* главным образом «базисным крестьянским рыночным регионом», она возникла «органично в процессе развития крестьянской экономики», «ее экономические функции имели приоритет перед другими функциями — административными, религиозными и, возможно, даже родственными»¹⁹.

¹⁶ Subbarayalu 1973, p. 41

¹⁷ ARE, 282 of 1943/44

¹⁸ Hall 1982, p. 395

¹⁹ Hall 1980, p. 187. Мы остановимся подробнее на этой идее Холла в главе о роли городского самоуправления.

Подсчеты иного типа осуществил Хайтцман. Он избрал для исследования пять районов в разных концах равнинного Тамилнаду с разными экологическими условиями, но все же в пределах основной территории Чольского государства (Кумбаконам, Тиручираппалли, Тирукойилур, Тируттураиппунди и Пудуккоттай), и подсчитал упоминания о *наду* как организации в период Чолов. Всего в 2391 надписи *наду* упоминается 43 раза, причем почти ровно половина (21) из этих упоминаний относится только к одному из изученных районов — Пудуккоттаю. Больше всего упоминаний относится к X и XIII вв., а в промежутке между этими веками, в XI–XII вв., их явно меньше. От периода наиболее сильной центральной власти (985–1070 гг.) сохранилось всего 5 упоминаний об окружном собрании²⁰.

Это нельзя объяснить исчезновением областных общин в период Чолов. Общинная структура социального устройства явно выступает из документов Чольского периода даже в период наибольшего усиления государства. Нельзя это объяснить и перениманием функций *наду* другими общинами — *аграхарами*, *урами*, *нагарамами*, храмами, купеческими и ремесленными корпорациями. Хотя их упоминания становятся очень частыми, не заметно, чтобы они вторгались в компетенцию областных общин. И все же факт заключается в том, что другие общины — территориальные и профессиональные — ведут себя в период Чолов, судя по эпиграфике, гораздо активнее, чем *наду*.

Наду — организация доминирующей касты

Как правило, *наду* есть окружная организация доминирующей касты, т. е. для большинства районов равнинного Тамилнаду — касты веллалов. Впрочем, в роли доминирующей может выступать и иная каста. В 1184 г. в Шрирангаме (Тиручираппалли) упомянуто собрание Валлуваппадианаду, состоящее из *gî pàlar*, т. е. касты, объявляющей себя скотоводческой. Этот коллектив имеет «собственность» (*кани*) на Валлуваппадианаду. Собрание *гопалов* соглашается платить налоги с 250 *вели* храмовых земель. Надпись подписана 96-ю лицами, происходящими из 67 деревень. Видимо, в данном случае они и составляют коллектив *наттаров*²¹. Наименование *гопалы*, конечно, не местное. Санскритский термин использован для повышения

²⁰ Heitzman 1997, p. 184

²¹ ARE, 61 of 1936/37; см. также 81 of 1940/41 (Karashima 1993, p. 25)

статуса какой-то скотоводческой касты. Но надпись свидетельствует, что она сумела конституировать себя как доминирующая в некоторой местности.

В Раманатхапуре, а позже в Мадураи, Танджавуре и Тирунелвели стали доминировать *каллары* и *мараваы*. Они были разделены на 10 эндогамных групп, одно из подразделений в каждой из групп носило титул *наттар* и обладало определенной властью над другими подразделениями²².

Однажды в Ратнагири (Тиручираппалли) действуют *ôràî-nàðavar*, что Карашима понимает как «*наттары* из крестьянской касты»²³. В районе Адутурай упорядочивают храмовые службы *pan-nàðavar* нескольких местностей²⁴. Несколько раз вместо *пан-наттавар* употреблено *pañ-nàðavar*. Карашима считает, что имеется в виду довольно низкая каста, которая поселилась в этих местах в XI в. и стала доминирующей в некоторых *наду*²⁵.

Кастовый характер окружных советов признается не всеми исследователями. Н. Карашима, например, рассуждает логически: раз *брахмадеи* располагались на территории той или иной *наду*, а *наттары* — это представители всех селений, то брахманы тоже должны были включаться в этот коллективный орган местного самоуправления, а раз так, то, «будучи элитой данной местности, должны были играть ведущую роль в его функционировании и, таким образом, оказывать значительное влияние на местную администрацию»²⁶. Впервые Карашима высказал эту мысль в докладе на II Международном конференциисеминаре тамильских исследований в 1968 г., который был опубликован в виде статьи в 1972 г.²⁷

Позже вышла монография Й. Суббараялу²⁸, в которой он доказал, что *наду* как орган самоуправления не включал в себя иных каст, кроме шудрянской доминирующей. Обращения чольских царей четко различают *наттаров* и представителей *аграхар* (*брахмадеи-кижаваргал*)²⁹.

²² Stein 1980, p. 109–110

²³ ARE, 373 of 1913 (Karashima 1993, p. 26)

²⁴ ARE, 35 of 1913

²⁵ Karashima 1993, p. 24

²⁶ Karashima 1984, p. 40

²⁷ Karashima 1972a

²⁸ Subbarayalu 1973

²⁹ EI, XV, p. 70, no 5

Карашиме пришлось отказаться от своего мнения по вопросу о составе *наду* как органа местной власти, однако он все же оставил в соответствующей главе в монографии прежнюю формулировку, процитированную выше, снабдив ее сноской, в которой признал эту формулировку неверной, но повторив, что его мнение о том, что брахманы играли важную роль в местном самоуправлении, не изменилось³⁰.

Наттар — орган *наду*

Источники крайне лаконичны, когда речь касается устройства общинного окружного совета. Если о *сабхе* известно многое, об *уре* тоже можно сказать нечто определенное, то *наттар* никак не раскрываются.

Хотя некоторые *наду* носят название одной из входящих в них деревень, можно лишь предположить, что такая деревня — материнская, от которой отпочковались другие селения *наду*. Ни разу нет упоминания, что *наттары* собираются в центральной деревне и имеют там свою штаб-квартиру. Кажется, нет ни одного упоминания о «главном селении» *наду*, не служит обычно «столицей» и «город» (*нагарам*), включенный в *наду*. Из последнего правила есть исключение: в 1087 г. Амбарнагара объявлен центром Амбарнаду³¹.

Давно уже высказанное мнение, что *наттары* состояли из представителей всех деревень, составлявших *наду*, кажется наиболее логичным³². В то же время, нет никаких данных о выборах или другой процедуре выдвижения представителя селения в областной совет. Отсутствовал статус «члена собрания *наду*», соответствующий термин мог бы звучать *наттан*³³. Члены *сабхи* или *ура* как индивидуумы встречаются в надписях. Но нет фигуры «член *наду*», «один из *наттаров*». Решения *наду* иногда подписываются участниками заседания. В этих случаях мы видим большей частью одного представителя от селения. Но и это не общее правило: одно селение может делегировать в совет *наттаров* четырех человек³⁴.

³⁰ Karashima 1984, p. 187

³¹ ARE, 98, 100 of 1910

³² Sastri 1955, p. 503–504; Subbarayalu 1973, p. 35, 39

³³ Такой термин встречается на всем протяжении исследуемого периода лишь однажды — в паллавской надписи 867 г. в довольно неясном контексте (IP, no. 141)

³⁴ ARE, 508 of 1912; 598 of 1908

В Больших Лейденских табличках Раджараджи I (1005 г.) говорится об осуществлении царского дарения *наттарами*, старейшинами *брахмадей*, жителями других привилегированных селений и *нагараттарами*. Но в числе конкретных лиц, подписавших этот «акт передачи», из 27 имен (из 26 селений) 10 — члены брахманских *сабх*, а остальные — выходцы из различных *уров*³⁵. По контексту среди подписантов не может не быть *наттаров*, которые в надписи играют главную роль. Следовательно, жители различных *уров*, деревень — это и есть те самые *наттары*. Другими словами, они — *наттары*, пока выступают коллективно, но как индивидуумы, от которых требуется личная подпись, они — представители деревень.

Надо еще раз подчеркнуть, что нет никаких данных, например, о делегировании жителя деревни в состав «вышестоящего органа», о процедуре выборов или ином способе определения достойного представлять селение. Нет намеков на то, что таким представителем являлся староста деревни, в то время как относительно *аграхар* в подобных формулировках фигурируют именно «старейшины брахмадей».

Это, вообще-то, понятно. Шудрянские общины имели этот самый «вышестоящий орган» как постоянно действующий, *аграхары* же такого органа в масштабе области/округа не имели, были каждая сама по себе, и их «старейшин» нужно было специально созывать в случае необходимости.

Встречаются термины, которые можно понимать как «глава *наду*». Однако такой человек не выступает как руководитель общины или ее общего собрания. В 792 г. некий человек, который в санскритской части надписи носит титул *Maëgala-raòra-bhartöi*, а в тамильской — *Maëkala-nàòavaç*, с разрешения царя подарил брахманам 16 вели в деревне Тажиккотрангуди (остальные 24 вели в той же деревне уже являлись *брахмадеей*), назвав эту новую *аграхару* Паттаттал-мангалам. Но приказ царя направляется *наттарам* Арвалакутрама, а исполняют его *наттары* Тенкарей-Арвала-кутрама («Южнобережной части Арвала-кутрама»): они фиксируют границы подаренной земли, наделяют новых поселенцев домами и усадьбами и объявляют об освождении их от многих налогов.³⁶ Обращает на себя внимание то, что *надажван* дарит землю не в том территориальном подразделении, где он — *ажван*.

³⁵ EI, XXII, p. 213–266, no. 34

³⁶ ARE, A 5 of 1922/23 (EI, XVIII, p. 115–124, no. 14; SII, XII, no. 37; IP, no. 90)

В 1090 г. в Валикандапураме фигурирует некий *nāḍuḍaiyan*, который дарит храму на условиях *ираййили* (т. е. с освобождением от налогов) по 1 *вели* в каждой из 20 деревень этой наду. Его право на эти земли называется *кани*. Через 9 лет тот же *надудеиян* дарит тому же храму деревню «из своего собственного *кани*» в качестве благодарности за то, что бог послал ему сына³⁷. Скорее это все же не староста *наду*, а крупный землевладелец, который имел как верховное право на деревни, так и подчиненное, был полным собственником большого земельного участка, охватывавшего как минимум 20 селений.

Н. Карашима произвел подсчет частоты упоминаний термина *nāḍu* по четырем периодам, на которые он делит историю Чольской державы. По его данным, этот термин не встречается ни разу в первый период, появляется во второй, и частота его появления увеличивается в остальные периоды. Карашима делает вывод, что государственные чиновники становились крупными землевладельцами. Чиновничье происхождение *надажванов* никак не доказывается³⁸. Для нас важно, что Карашима видит в этой фигуре не чиновника и не общинного вождя, а крупного землевладельца.

Встречаются лица, носившие титулы *nāḍu-vakai* («улаживающий *наду*») или *nāḍu-kankani-nāyakan* («главный наблюдатель за делами *наду*»), но они занимаются ревизией храмовых дел, и никаких функций по контролю за окружными общинами не выполняют³⁹.

В целом сохраняется четкое представление, что *наттары* были именно коллективным органом самоуправления в сельской местности. Они находились в сложных отношениях с представителями центральной власти (если последние в данной местности появлялись) и с местными магнатами. Правда, мы практически не имеем данных о противоречиях и конфликтах между этими тремя силами. Я даже склонен верить в данном случае надписям: возникавшие противоречия, скорее всего, разрешались мирным способом, без открытых столкновений. *Наттары* выражали свою лояльность царским людям и уважение местным магнатам. Но они сохраняли автономию, отдельное существование. Дальнейшая история окружной общины это подтверждает.

³⁷ ARE, 283 of 1943/44; 274 of 1943/44 (Karashima 1984, p. 28)

³⁸ Karashima 1984, p. 63

³⁹ Heitzman 2001, p. 152

Наттары и араияры

Трудно возразить против мнения, что представителями селений в совете *наду* должны были быть наиболее состоятельные общинники, и в этом смысле **знатные** люди областного масштаба. Но совершенно очевидно, и это надо отметить, что *наттары* не принадлежали к правящему слою государства, к вельможам или магнатам, как я их называю, или местным вождям и князькам. Один из *наттаров*, возглавляющий процессию, идущую по границам подаренного участка (об этой процедуре уже говорилось), заявляет о себе, что он «рожден в четвертой касте» (*caturthānvaya*)⁴⁰, т. е. что он является шудрой. Такого не могли себе позволить члены правящего слоя в Тамилнаду, хотя они, по брахманским представлениям, так и не добились кшатрийского статуса.

Но так как существование вельмож и магнатов несомненно, и так же несомненно доминирование *наттаров* в своих местностях, у некоторых исследователей возникает стремление объединить эти два социальных слоя в своих рассуждениях.

Стайн постоянно, как заклинание, повторяет, что *наду* возглавлялись местными вождями (князьками), «которые происходили из доминирующей касты крестьян». Так он называет *веллалов*. А Чолы — не более чем лидеры областных вождей (*наттаров*) их собственной *наду* — в дельте Кавери⁴¹. Другими терминами для вождей *наду* он считает *арасар*, *муммуди*, *мувендавелар*. Предваряя наше собственное исследование, следует сразу же сказать, что лица с подобными титулами упоминаются всегда как внешняя по отношению к *наду* сила. Они могут иметь власть на некоторой территории, но никогда не говорится, что их территория — это *наду*. Тоже без всякой уверенности, но можно предположить, что сфера их власти простиралась на несколько *наду*, т. е. что они представляли собой иной уровень власти.

Однажды Б. Стайн даже допускает оговорку, называя «базой» сегментной структуры государства не *наду*, а «местного вождя (например, *удеияра*)»⁴². Но если это так, то рушится вся концепция, основанная на выдвижении *наду* как основной социальной единицы. Получается, что коллективность и общинность местного уровня власти не имеют значения.

⁴⁰ ARE, A 10, 14 of 1958/59 (SII, III, p. 401, no. 132)

⁴¹ Stein 1980, p. 286

⁴² Stein 1980, p. 272

Другие исследователи, исходящие из бюрократической модели государства, также не могут себе представить властных полномочий у общественного органа. Если они допускают не бюрократическую модель, то склонны рассматривать *наттаров* как коллектив местных вождей, своего рода шляхетское собрание. Хайтцман прямо отождествляет *наттаров* со слоем *удеяров*, понимая под последними крупных землевладельцев⁴³. Но для серьезного обоснования такого тезиса также нет ни малейших данных.

Суббарайялу удалось вычислить индивидуальные земельные владения лиц, которые называли себя *наттарами*, в Чиббернаду. Оказалось, что они владели участками от 13 до 65 акров⁴⁴. Это соответствует общему впечатлению, что члены окружного общинного «комитета» являлись состоятельными жителями, но не магнатами.

Бесспорно, что *наттары*, не принадлежа к правящему слою, тем не менее, занимали высокое социальное положение. В надписи из Пиранамала в Раманатхапураме производят дарение *нагараттары*, города которых расположены в разных *наду*. Грамота подписана, в числе прочих лиц, представителями упомянутых в надписи *наду*. Все они имеют титул *vāṭṭar*, т. е. принадлежат к высокому подразделению касты *веллалов*⁴⁵.

Махалингам, видимо, предлагает достаточно приемлемую формулировку: *наттары* состояли из «наиболее влиятельных жителей местности»⁴⁶. Однако это тоже не разъясняет вопрос о том, как же составлялся этот орган.

Наттары как собственники

Наду можно назвать частичным верховным собственником. Она взимает в свою пользу некие сборы, называемые в совокупности *nāḍu-viniyī kam*⁴⁷ или *nāḍu-sammadam*⁴⁸, а освобождение от них обозначается специальным термином *nāḍuāiyili*⁴⁹. В числе таких сборов и налог на ткацкие станки⁵⁰, и на маслопрессы, в том числе расположенные

⁴³ Heitzman 1997, p. 192

⁴⁴ Subbarayalu 1983, p. 173

⁴⁵ ARE, 154 of 1903 (SII, VIII, no. 442; Hall 1980, p. 145)

⁴⁶ Mahalingam 1967, p. 369

⁴⁷ ARE, 285 of 1923. 1924

⁴⁸ SII, VIII, no. 251 (Tirumalai 1987, p. 74)

⁴⁹ ARE, 234 of 1924; см. также ARE, 146 of 1935/36

⁵⁰ ARE, 72 of 1934/35

на «внутренней территории» (*тиру-мадаи-вилагам*) храма⁵¹, а также пошлины на товары⁵². Судя по тому, что *наттары* иногда дарят храму падди, они собирали некоторые подати в натуре⁵³.

В 1015 г. *наттары* в районе Тиртхампаду (Неллур) продают деревню Богу, т. е. храму, при этом освобождая ее от всех налогов⁵⁴.

Надпись 1275 г. из Тиручирапалли рассказывает о том, как деревня могла попасть в собственность окружной общины. *Наттары* заплатили недоимки за деревню Марудур, и она стала принадлежать им. Они подарили ее, т. е. налоги с нее, храму. Впрочем, в таком случае требовалось разрешение правящего царя⁵⁵. Около 1286 г. в Раманатхапураме участок земли, купленный у деревенского собрания (*ур*) собранием городским (*нагарам*) освобождается от сборов решением сразу трех *наду*⁵⁶. В 1296 г. деревню храму дарят одновременно две *наду*⁵⁷.

С правом на налоги всегда в Индии сочеталось право на пользование разного рода привилегиями. Об этом мы узнаём обычно из случаев передачи этих привилегий от одного юридического лица другому. На своей территории *наттары* имели достаточно большую свободу действий. Так, они вместе с *нагараттарами* присваивают одному из селений статус «торгового города» и в связи с этим переименовывают его в Тайилунарапурам⁵⁸.

К позднечольскому периоду относится надпись из Пиллаиярпатти (Раманатхапурам), где *наттары* выделяют землю *нагараму* Аиеннуттрува-п-перундеруву для того, чтобы он основал другой *нагарам* — Раджанараянапурам. «Материнский» *нагарам* кроме того купил для нового *нагарам* земли на условиях низовой собственности в другом селении. *Наттары* получали с выделенной ими земли некую «ренту», теперь они отказываются от нее⁵⁹.

Правда, *наттары* никогда не фигурируют в качестве распорядителей храмового имущества, в каковой роли иногда выступают *сабхаияры*

⁵¹ ARE, 483 of 1926. 1927

⁵² SII, XVII, p. 37, no. 141

⁵³ ARE, 99 of 1920

⁵⁴ ARE, 290 of 1949/50. См. также ARE, 159 of 1935/36; 174 of 1938/39; 594 of 1908. 1909; 116, 146 of 1924; 63 of 1932/33

⁵⁵ ARE, 354, 355, 357 of 1922. 1923

⁵⁶ ARE, 147, 150 of 1935/36; см. также 591 of 1908

⁵⁷ ARE, 734 of 1909. 1910. Другие случаи дарений земли *наттарами* см. ARE, 60 of 1908; 59 of 1909; 205 of 1910 (1249/50 г.); 184 of 1940/41 (1227 г.)

⁵⁸ ARE, 521 of 1912 (Hall 1977, p. 223)

⁵⁹ ARE, 150 of 1935/36 (Hall 1977, p. 227)

или *нагараттары*. Но иногда они помогают храмам сдавать свои земли в аренду или продавать их, выступают охранителями дарений.

Единичная надпись из Конаду позволяет полагать, что *наттары* осуществляли определенный контроль над торговлей в своем округе. В этой надписи они продают свое (!) право на сбор комиссионных, или пошлин с торговли бетелевыми листьями двум приезжим торговцам, которые тем самым получают монополию на торговлю листьями а этом *наду*⁶⁰. В другом случае *наттары* запрещают местным торговцам иметь деловые отношения с пришлыми торговцами⁶¹.

Конечно, *наду* была, прежде всего, организацией налогоплательщиков. Ее участие в верховной собственности, наверное, было минимальным. Но она могла владеть землей на праве подчиненной собственности. Эту землю она предоставляла для обработки на различных условиях⁶², могла дарить⁶³, а также продавать⁶⁴. У *наду* есть свой писец (*nàṭṭu-k-kaī akku*)⁶⁵.

Иногда уточняется, что земля эта принадлежала *наттарам* на правах *каранмей*⁶⁶. Со своих земель *каранмей наттары* платили налоги, в том числе могли платить их храму⁶⁷. Но это были налогоплательщики особого рода. Налоги с них не только могли быть уменьшены приказом царя⁶⁸, но они и сами могли зафиксировать ставки налогов с себя в надписи на каменной стене храма⁶⁹ и дополнить решение недвусмысленной фразой: «А произвольных приказов царских чиновников мы исполнять не будем»⁷⁰.

Иногда эти общие земли *наду* составляют целую деревню, которую можно было подарить и в *девадану* и в *аграхару*⁷¹.

⁶⁰ IPS, no. 125 (Hall 1977, p. 215)

⁶¹ ARE, 151 of 1934/35 (Hall 1977, p. 223)

⁶² SII, XIX, no. 378 (Tirumalai 1987, p. 109); см. также: SII, VI, no. 48, 50, 57, 58 (Tirumalai 1987, p. 64–68, 142–143)

⁶³ ARE, 233, 234 of 1924. См. также ARE, 58 of 1907; 108 of 1924; 276 of 1910. 1911; 52 of 1946/47; 407 of 1954/55; IPS, no. 385

⁶⁴ ARE, 525 of 1958/59

⁶⁵ ARE, 191 of 1938/39

⁶⁶ ARE, 49, 59 of 1924

⁶⁷ ARE, 598 of 1908. 1909

⁶⁸ ARE, 150 of 1927; 67 of 1924

⁶⁹ ARE, 598 of 1908. 1909; 536 of 1921. 1922

⁷⁰ ARE, 282 of 1943/44

⁷¹ ARE, 91 of 1941/42. 1939/43. См. также 734 of 1909. 1910; 115 of 1939/40. 1939/43

Доходы *наду* собирались в его «казну» (*nàṭṭu-p-rai ṭāram*). В ней в 1122 г. находится необрушенный рис (падди), измерять который назначен человек, наследственно занимающийся этим делом в храме⁷².

В надписи на медной табличке Нандивармана III (846–869), найденной в С. Аркате, среди привилегий (иммунитетов), предоставленных храму в подаренной ему деревне, которая «исключена из *наду*» (*nàṭṭu-nēēkal*), список этих уступок начинается с *nāāṭṭi* и *ōrāṭṭi*⁷³. Я понимаю эту пару терминов как совокупность имущественных и иных прав, принадлежавших ранее *наду* и селению.

Āṭṭi — это «власть, господство» и «собственность». Неразделенность этих понятий — довольно распространенное явление во всех традиционных обществах⁷⁴. *Надатчи* можно понять и как «окружающая администрация». Однако контекст все-таки таков, что речь идет о передаче имущества. Об *уратчи* поговорим в главе о деревенской общине.

Суммируем все, что мы знаем об имуществе областной общины. Оно состояло из:

- земель, сдававшихся в аренду от имени *наду*;
- поборов со всех земель, входивших в *наду*;
- пошлин с товаров, продававшихся на территории *наду*.

Этот фонд тратился на нужды *наду* в целом. Какие именно были статьи расходов, можно понять косвенным образом из уяснения функций *наду*.

Наттары как организаторы сельской экономики

Три копии текста, зафиксировавшего решение *махасабхи* и *наттаров* пяти *наду*, принятое в 1169 г., выбиты на стенах вишнуитских и шиваитских храмов в Маннаргуди в Танджавуре. Эта надпись подробно разбирает вопрос об обязанностях собственников разных

⁷² SII, II, p. 310, no. 68

⁷³ SII, II, p. 509, no. 98; III, p. 305, no. 151; p. 436, no. 205; EI, XXII, p. 250, no. 34; ASI, 1903/04, p. 233–235 (Время Уттамы Чолы, Раджараджи I и Раджендры I.); см. также IP, no. 152,

⁷⁴ Некоторые исследователи считают сочетание власти и собственности в одних руках («власть-собственность») специфической чертой традиционного Востока. (Васильев 1982; Васильев 2007, с. 137–141). Но это сочетание наблюдается во всех странах, считающихся феодальными (См. Гуревич 1968, с. 97–99, 103; Гуревич 1970, с. 44–46, 59; Павлов-Сильванский 1988, с. 288–290)

уровней, а также держателей земли. Здесь фигурируют три категории лиц: брахманы, *веллалы* и земледельцы. Земледельцы должны выполнять трудовую повинность и не заменять ее денежными сборами. Но трудовая повинность должна не превышать обычных норм. Они не должны платить дополнительные сборы, если их будут требовать солдаты, сборщики налогов, местные вельможи и царские люди, а также «селения» (! — общинные советы тоже могли быть вымогателями). Они не несут податной ответственности за пришлых держателей земли (т. е. «местные» арендаторы все же связаны круговой порукой). Не следует требовать с *веллалов* налоги, которые должны платить брахманы, а с арендаторов — то, что должны платить брахманы и *веллалы*. Царскую барщину и работы по укреплению дамб на Кавери должны нести *веллалы* пропорционально площади их владений. Кормить царских посланников и очищать каналы на полях должны все по очереди.

Для доставки собранного по налогам зерна в царские закрома в Раджараджапураме нужно выделять по 1 человеку с 1 *ма* земли, но не больше. Тут же следует оговорка: если там, в месте сбора налогов, действительно нужны дополнительные рабочие руки, соответствующее число людей может быть послано. При доставке плату за выючный скот не следует взимать (непонятно, авторы надписи отказываются платить за скот, или отказываются от того, чтобы им платили за использование их скота).

Для обслуживания членов царской семьи (*makkaē-cāvaṅka-p-pāṇu*) их слуги пусть собирают по 1 *куруни* падди с *ма*; денежных сборов для этой цели быть не должно. Устанавливается сбор в 1 *кашу* деньгами и 1 *нажи* риса с *ма* для организации праздников в вишнуитских и шиваитских храмах. Солдаты могут собирать деньги в качестве гарантии за тех, кто не платит налогов, (т. е. возлагать недоимки на тех, кто может платить; имеется в виду круговая порука) только по распоряжению царского слуги. Никакие иные перекладывания обязательств не допускаются.

Следует предоставлять только такое количество соломы, которое необходимо для ремонта *амбалам*, места для собраний

Никаких иных платежей в падди или в деньгах, — сборщикам, писцам или солдатам — не собирать не следует.

Ответственный за *кудумбу* (группу брахманских родственных семей) должен меняться каждый год, на эту должность нужно назначать самых достойных.

Чери (выселки, где живут веллалы и другие небрахманы) не должны объединяться с брахманскими *кудумбу*.

Рента в пользу *аграхары* (т. е. брахманов) должна оставаться как прежде 30 *кашу* с *мадакку ма*⁷⁵ в осенний урожай и 50 *кашу* — в весенний урожай. Существовавшую практику взимания по 1 *кашу* с 1 *ма* по площади следует отменить.

Кто будет нарушать это постановление, кто пойдет против брахманов и веллалов, тот будет считаться врагом селения и *наду*⁷⁶.

Из этой надписи ясно, что функции *наду* были довольно широки. *Намтары* определяли правила землевладения и землепользования, в том числе и внутри аграхар, методы сбора налогов и наложения повинностей и многие другие стороны жизни.

В 1301 г. веллалы *наду* Килпутру, составлявшей восточное подразделение Джайянгондачоло-валанаду⁷⁷, заключают соглашение с брахманами-землевладельцами о новом испомещении на землю арендаторов. Сообщается, что данная местность долгое время находилась в хаосе, видимо, произошло повышение налогов, и многие арендаторы и собственники покинули ее, переселившись в другие места. Но потом царь утвердил свой контроль над территорией и убедил население вернуться. Поэтому и появилась необходимость в новом наделении земель арендаторов⁷⁸.

В другом случае они определяют форму взимания налогов: с одних земель должен взиматься *vāram*, т. е. доля урожая, а с других — *kaṭamai*, т. е. фиксированный налог⁷⁹.

Наду играла некую роль при сооружении каналов, проходящих по нескольким деревням. Каналы и водоемы, находящиеся в «общей собственности» наду, упоминаются не раз⁸⁰. *Намтары* могут устроить самообложение, чтобы полученные средства употребить, например, на ремонт храма⁸¹, или на устройство праздника⁸², или на обвалование берегов реки во избежание наводнений⁸³. Возможно, функция

⁷⁵ О способах измерения земли с целью налогообложения см. в главе об административном аппарате.

⁷⁶ SII, VI, no. 48, 50, 58 (Tirumalai 1987, p. 158–160)

⁷⁷ О роли валанаду в административной истории Тамилнаду будет сказано в главе о государственном аппарате.

⁷⁸ SII, XXII, no. 46

⁷⁹ ARE, 8 of 1913

⁸⁰ ARE, 12 of 1926

⁸¹ ARE, 88 of 1914. 1915

⁸² ARE, 96 of 1906 (SII, XII, no. 191)

⁸³ ARE, 404 of 1911. 1912

организации орошения была одной из основных в деятельности окружных общин, хотя она и недостаточно освещена в надписях.

Наттары на страже закона и порядка

Обязанностью *наттаров* считалось поддержание порядка на своей территории, наказание воров и грабителей. Они осуществляли эту функцию, правда, несколько странно с нынешней точки зрения, что объясняется спецификой тогдашней жизни. Например, *наттары* постановляют, что те, кто станет заниматься угоном скота, должны будут отдать 2 *ма* орошаемой земли храму в качестве штрафа⁸⁴. Таким образом, предполагается, что угонять скот у своих соседей будут «мирные» землевладельцы. Если они будут на этом пойманы, они отделаются сравнительно легким штрафом.

Несколько случаев, когда *наттары* выносят вердикты, может быть, говорят о том, что им поручались дела и о тяжелых уголовных преступлениях. В 1076/77 г. *наттары* улаживают конфликт, связанный с тем, что Палли Ужуккей-надажван на охоте, устроенной *наттарами*, по ошибке подстрелил человека⁸⁵.

Однажды *наттары* разбирают дело о смерти одного из жителей и приходят к выводу о том, что обвиняемая в этой смерти сторона не виновна, а смерть произошла в результате несчастного случая. Поэтому причастный к этому делу человек не приговаривается к смертной казни, а его семья обязуется передать храму некоторое количества коров для поддержания лампы в поминовение погибшего⁸⁶.

В селении Джамбай (Ю. Аркат) представители *наду* и *нагарам* собрались для разбирательства дела об убийстве. Они пришли к решению, что член местного совета *нагараттаров* не может быть судим за то, что зарезал купца, прибывшего из Тирунаманаллур (в том же дистрикте), который хотел изнасиловать любовницу обвиняемого. Чтобы загладить грех преступления, убийца и родственник убитого в память жертвы должны сделать совместный дар местному храму⁸⁷.

Наттары Вала-Панангадунаду разрешают спор в одном из входящих в это *наду* селений (*уров*). Постановление гласит, что любое

⁸⁴ IPS, no. 176, 186 (Balaji 2002, p. 57–58)

⁸⁵ ARE, 179 of 1904 (SII, XVII, no. 200)

⁸⁶ ARE, 64 of 1900 (SII, VII, no. 68; Hall 1980, p. 45)

⁸⁷ ARE, 77 of 1906 (Hall 1977, p. 222–223)

преступление против собственности или личности должно наказываться конфискацией собственности преступника и передачей ее храму⁸⁸.

Они играли важную роль в разрешении споров между различными юридическими лицами, находившимися в их округе. Однажды случился крупный спор, переросший в скандал, между шиваитским и вишнуитским храмами в Тирумаяме (Пудуккоттай). *Наду* принимает участие в разрешении спора наряду с *samayamanti* (?), жрецами обеих групп храмов и местными магнатами (*araiyār*)⁸⁹.

Наттары понимались как «вечный» институт, как хранитель традиций и памяти обо всем. Показателен такой пример. Недунджадайян Пандья примерно в 759 г. согласился возратить деревню потомку ее прежнего владельца в том случае, если жители *наду* и *ура* подтвердят, что деревня действительно когда-то (по контексту — примерно 200 лет тому назад) принадлежала данной семье⁹⁰.

Наду и другие общины

Некоторые виды дарений требовали участия не только *наттаров*, но и других общин, действующих в данной местности.

Так, в 960 г. Парантака II подарил своему советнику (*сачива*) — ученому брахману — 10 *вели* в полную собственность, т. е. с правами *карамей* и *миятчи*. Оповещает он об этом живущих в *наду* Аландур старшин брахманских общин (*brahmadāya-k-kiāvarukum*), *наттаров* (*nāṭṭarkkum*), жителей селений, принадлежащих храмам, джайнским храмам и астрологам (?) как единой категории жителей (*dāvadānap-paēccanda-k-kaī imuāōōū-ōrkaēllārkkum*). Все эти группы людей, а не одни *наттары*, как было во времена Паллаво, получают царский указ на околице деревни, приветствуют его, помещают на головы (один указ на столько голов!), несут к зданию деревенского собрания (*ōr-maī āpam*) и там громко читают. Затем пускают слониху, которая должна пройти по границе подаренного участка⁹¹.

Зарождение широких объединений сельского населения, нескольких *наду*, относится ко второй половине XI в. В 1062 г. В Тамарайпаккам

⁸⁸ IPS, no. 186 (Hall 1980, p. 29–30)

⁸⁹ IPS, no. 340–341 (Venkatasubrahmanian 1950, p. 12–53)

⁹⁰ ARE, 1908, p. 63 (EI, XVII, p. 302–308, no. 16)

⁹¹ EI, XV, p. 44–72, no. 5. Такая же формула в надписях от 963 г. из Тирумалпурама [ARE, 286 of 1906 (SII, III, p. 289, no. 142)] и от 1005 г. (Большие Лейденские таблички, EI, XXII, p. 213–266, no. 34)

(С. Аркат) *наттары* нескольких *коттамов* и *валанаду*, расположенных в бассейне верхнего Пеннара и к северу от него, решают вопрос о том, сколько следует платить в качестве основного земельного налога: 50 *каламов* с *вели* орошаемой земли, 40 *каламов* с урожая *кар*, 3 *кашу* с *вели* с суходольных земель. Ничего не говорится о том, что это решение принято по инициативе центральных властей, и представители этих властей не упоминаются. При этом, правда, *наттары* клянутся в верности царю⁹².

В конце XII в. в городе Валикандапураме распоряжалось подразделение межстрановой корпорации «Восемнадцать областей» (о ней — в главе о купеческих корпорациях), которая иногда действовала вместе с «79-ю *наттарами*»⁹³. Непонятно, как относиться к последнему выражению. Хотел ли автор надписи сказать, что корпорация сотрудничала с (земледельческими) общинными советами 79-ти *наду*, или же с торговцами, живущими в 79-и *наду*.

В случае серьезных дарений, например, передачи целого населенного пункта, *наттары* опираются обычно на авторитет других общинных собраний, деревенских и городских, *ура* и *нагарам*⁹⁴.

В 1259 г. решили организовать праздник «3 группы *палли*, 6 групп ремесленников, 4 группы *иратикарар*» из Вирудараджа-бхаянкара-*валанаду*, и с этой целью обложить каждую семью, живущую в этой *валанаду*, сбором в 1 *панам* в год⁹⁵.

В том же районе во 2 год Вира Пандьи широкое собрание, включавшее *наттаров*, *нагараттаров* и *урагов* Конаду, было созвано для разбирательства по факту хищений в одном из храмов. Его *пуджари* (жрецы) скрылись с деньгами и драгоценностями. Один из них признался в этом преступлении, вернул часть пропавших денег и разделил их с плотником. Другие отказались признаться и указать, где деньги. Их подвергли божьему суду. Им в руки дали раскаленные лемехи. Руки оказались обожженными, и тогда они признались в своем преступлении. Они были признаны виновными по отношению к Шиве (*шивадрохин*) и казнены⁹⁶.

В 4 год Паракрамы Пандьи *наттары*, *нагараттары* и *паннаттавары* из 16 *наду* собрались, чтобы разобрать вопрос о преступлениях некоторых своих членов⁹⁷.

⁹² ARE, 188 of 1973/74 (Subbarayalu 1995, p. 3; Santhalingam 1999, p. 97)

⁹³ ARE, 268 of 1943/44

⁹⁴ ARE, 354 of 1922. 1923

⁹⁵ IPS, no. 362

⁹⁶ ARE, 372 of 1906. 1907 (Balambal 2002, p. 59)

⁹⁷ ARE, 35 of 1913

В 1275 г. деревню двум брахманам дарят коллективно *уры*, *нагарамы* и *наттары* одного из *валанаду*. Целая «деревня» оказалась в распоряжении *наду*, поскольку она была покинута из-за тяжелого налогообложения, *наду* заплатила недоимки, и теперь деревня стала заселяться усилиями всех окружающих общин⁹⁸.

В 1286 г. совместное решение принимают *наттары* трех *наду* и *нагараттары*⁹⁹.

Наду в XIII в.

В государствах поздних Пандьев макрообщина *наду* стала, как представляется, играть еще более важную роль, чем в государстве Чола. Но мы узнаем из надписей немного нового о ее деятельности.

Как и прежде, она служит представителем власти на местах. Например, царь, желающий подарить храму земли, конфискованные у некоего изменника, обращается к *наттарам*, чтобы они провели эту операцию¹⁰⁰. Они исполняют и другие царские распоряжения¹⁰¹. Местный магнат, решив изменить ставки налога (путем удлинения шеста, которым мерили землю), также обращается к *наттарам*¹⁰².

Наттары пользовались солидным авторитетом. Например, им поручалось рассматривать споры между брахманами и храмами. В 3 год Викрамы Пандьи возник спор между храмом и брахманами селения по поводу принадлежности участка земли в 2 *ма*. Ожесточение спора дошло до того, что один из *махешваров* (поклонников Шивы) покончил с собой в знак протеста против вздорных, по его мнению, требований *аграхариков*. Царь приказал двум своим людям разобрать конфликт. Но само следствие поручил не им, а *наттарам* окружающей местности. В надписи зафиксированы именно вопросы последних к брахманам и к храмовым властям. Из контекста ясно, что именно дотошность *наттаров* позволила решить этот спор в пользу храма¹⁰³.

Аналогичный случай рассматривает и другая надпись. Спор между храмом и *брахмадейей* обострился из-за самоубийства некоего *андара*

⁹⁸ ARE, 354, 355, 357 of 1922. 1923

⁹⁹ ARE, 147 of 1935/36

¹⁰⁰ ARE, 100 of 1926

¹⁰¹ ARE, 3, 4 of 1924; 382 of 1939/40. 1939/43

¹⁰² ARE, 406 of 1954/55; A 174 of 1936/37

¹⁰³ SII, VII, no. 759 (Tirumalai 1987, p. 24—25)

(верующего, адепта). Разбираться стали *наттары*¹⁰⁴. Решение *сабхи* о запрете продажи земли чужакам утверждают *наттары* пяти *наду*¹⁰⁵.

Но в других ситуациях *сабха* оказывается более авторитетной, как бы более главной. Например, она решает вопрос о ставках арендной платы со стороны *куди* собственникам земли и сообщает об этом своем решении *наттаварам* трех *наду*¹⁰⁶. Та же ситуация имеется в виду, наверное, в 1232 г., когда Раджараджа III в ответ на жалобу *наттаров* о том, что подати с них слишком велики, направил указ о фиксации налогов не им и не неким налоговым органам, а *махасабхе*, приказав ей выбить этот указ на стене храма¹⁰⁷.

Однако если 5 *наду*, собравшись вместе, выступают на защиту *веллалов* — держателей брахманской земли, они добиваются успеха. Именно такое представительное собрание состоялось в 1239 г. по просьбе *веллалов*, которые пожаловались на притеснения со стороны брахманов. Собрание постановило, что расходы по поддержанию дамб по берегам реки должны нести *веллалы* пропорционально площади облагаемых земель, которыми они владеют. Видимо, до этого эта обязанность распределялась неравномерно. Вообще налоги должны исчисляться только по площади земли, и никаких дополнительных взносов не следует требовать. Вместе с тем, брахманы не должны вмешиваться в сборы, которые держатели их земель собирают для себя¹⁰⁸.

К 1228 г. относится надпись из Пудуккоттая о том, что «все группы, живущие в селениях, городах и военных поселениях (*падай-патру*) Конаду», расположенных в радиусе 24 *кадамов* от храма Тируналлакундрам-удеияр Найянара, согласились платить некий сбор для оплаты ремонта этого храма по ставкам, зависимым от касты и занятия. Брахманы, *четти* (купцы) и *веллалы* будут платить по ½ *панамы*, а *iṭamaiyar* («юные»?) и *paāiṟaāṭukaē* («жители военных поселений») — по ¼ *панамы*. За отказ платить устанавливается довольно странное наказание: у отказника будет разбита хозяйственная посуда, т. е. горшки и плошки¹⁰⁹.

¹⁰⁴ SII, VIII, no. 193

¹⁰⁵ Karuppiā 1996

¹⁰⁶ ARE, 536 of 1921 (Tirumalai 1987, p. 169)

¹⁰⁷ ARE, 150 of 1927 (Tirumalai 1987, p. 148)

¹⁰⁸ ARE, 96 of 1897 (SII, VI, no. 48); 98 of 1897 (SII, VI, no. 50; Stein 1980, p. 224–225)

¹⁰⁹ IPS, no. 285 (Balaji 2002, p. 59)

В 1258 г. в соперничество двух магнатов оказались втянутыми «все касты» (*aṭaittu-jatikaē*)¹¹⁰. Карашима делает из этого вывод, что в это время другие касты, кроме брахманов и веллалов, тоже стали весомой социальной силой¹¹¹.

Наттары сохраняли контроль над соответствующими местностями и после того, как государства Пандьев были разбиты мусульманскими войсками Делийского султаната, на территории Тамилнаду образовался султанат с центром в Мадурай и установилась, казалось бы, совершенно враждебная власть. Имеется надпись от 1359/60 г., иллюстрирующая эту живучесть: «Мы, *наттавары* Пон-Амаравати-*наду*, пришли к соглашению с жителями Вираиччилей с [прилегающими] селениями и с жителями Коттиюра с прилегающими селениями в следующем:

Господин царей¹¹² приказал разрушить Сурайккуди, послав [туда] во главе своих войск Манджими Али-хана, Азам-хана и Муаззам-хана под [общим] командованием Раджатти-хана. Разрушив Шураккуди, эти [военачальники] стали лагерем в Муттуркуламе и собрали [туда] жителей Вираиччилей и Коттиюра. Вследствие этого, поскольку упомянутый Господин царей возложил на Дхунад-хана и на нас обязанность защиты его подданных, и мы соответствующим образом уверили его [что выполним свои обязанности], то мы постановили, что жители Вираиччилей и жители Коттиюра, собравшись по своим *наду*¹¹³, пусть платят нам то, что положено нам выплачивать по давнему обычаю. Пусть они платят как один человек¹¹⁴. Было также решено, чтобы этот документ был высечен на скале, образующей храм Тирукколалаккуди-Найянара. Итак, мы, созвав это собрание, приказали высечь эту надпись и согласились исполнять обязанности, возложенные на нас, до тех пор, пока существуют луна и солнце»¹¹⁵.

Нельзя не вспомнить слова К. Маркса, сказанные как будто именно по этому поводу: «Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сосредоточив все свои интересы на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как рушились целые империи, как совершались

¹¹⁰ SII, VII, no. 118

¹¹¹ Karashima 1993, p. 27

¹¹² Имеется в виду султан Мадурай Факр-ад-дин Мубарак-шах (1359–1368)

¹¹³ Яркое свидетельство того, что слово *наду* было довольно многозначно. Так могли называть и одну деревню с ее выселками.

¹¹⁴ Устанавливается, таким образом, круговая порука.

¹¹⁵ Aiyangar 1921, p. 226–227

невероятные жестокости, как истребляли население больших городов, — спокойно наблюдали все это, уделяя этому не больше внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной жертвой любого захватчика, соблаговолившего обратить на них свое внимание»¹¹⁶.

Дальнейшая судьба *наду* ясна в целом, но не в деталях. Ясно, что *наду* как локальная община в XIII в. изжила себя. Любая община, даже и расширенная, существует только в условиях определенной замкнутости. В XIII же веке связи между не только соседними, но и отдаленными местностями стали обыденным явлением. Образуются аграхары, охватывающие селения разных *наду*.

Хорошая иллюстрация — надпись 1214 г. из Шиваганги (Раманатхапурам). В ней говорится о создании аграхары, включающей 140 деревень из 5 *наду*. Свидетелями выступают 76 человек. Из них 11 «наблюдателей» (*kaikāi*) и 65 представителей деревень, которые не объявляют себя *наттар*ами. Именно эта толпа людей разного социального статуса выполняет функцию, которую издавна, еще с Паллавских времен, исполняли *наттары* — сопровождают слониху и показывают границы подаренных деревень¹¹⁷.

Вводятся регулирования налогов, также затрагивающие широкие территории. Возникают крупные поместья-княжества (я их называю магнатствами), которые аккумулируют власть на территориях, не совпадающих с древними *наду*. *Наттары* не могут решать многие вопросы, не обращаясь к помощи *уров* (мощь которых возросла), *нагарамов*, *сабх* могущественных *аграхар*, представителей местных магнатов.

Читрамежи перия-наттар

К концу XII в. появляется новый тип территориальных общин — так называемая *перия-наду* («великая *наду*»), которую возглавляют *читрамежи периянаттар*. Приведенные выше случаи совместного выступления нескольких общин — *наду* и других — позволяют говорить, что появление «межрайонной» корпорации *читрамежи перия-наттар* было подготовлено процессами установления широких территориальных связей.

¹¹⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 9, с. 135–136

¹¹⁷ EI, XXV, p. 107–121, no. 11

Упоминания о *перия-наду* встречаются и раньше — в XI — начале XII вв., но до XIII в. они редки¹¹⁸. Можно предположить, что она возникла как попытка защиты низших слоев населения от налоговой эксплуатации¹¹⁹.

Например, надпись 1047 г. повествует о тяжелом положении *вел-лалов*. Будучи не в состоянии уплатить налоги, они мигрировали в соседние деревни. В 1043 г. они заняли в храме 30 *кашу* и расплатились с недоимками. Но теперь они не могут вернуть долг храму. Чтобы расплатиться с храмом, *урары* продали 3000 *кужи* орошаемой земли храму.

Через 10 лет, в 1057 г., *урары* столкнулись с новыми проблемами. Храм в их селении не мог функционировать, поскольку его земли были розданы решением властей храмовым служащим. Тогда и собралась *читрамежи перия-наду*, чтобы урегулировать вопрос. Представитель центральной власти Раджараджапидаран отказывался вернуть земли храму. Тогда *читрамежи перия-наттар* решили поддерживать храм сами.

В том же году *читрамежи* разбирают уголовный казус. Между двумя братьями произошла ссора, в результате которой старший брат был убит. *Читрамежи* решили, что, так как оставшийся в живых брат является единственной опорой престарелых родителей, он приговаривается к оплате половины расходов на лампаду в храме и обязан ухаживать за своими родителями до их смерти¹²⁰.

В надписи 1168 г. из Ю. Арката *читрамежи периянаттар* объявляют, что они выделяют своей богине Бхуми Деви («Богине земли») ежегодный взнос в рисе с каждого плуга¹²¹.

Как обычно, подлинное лицо этой организации не поддается точному определению. Мы имеем несколько ее решений, соглашений (*вявастха*) или приказов (*шасана*) без какого бы то ни было разъяснения внутреннего устройства этой организации и ее взаимоотношений с другими. Это явно могущественное объединение, коль скоро оно составляет собственные панегирики (*прашастти*, или *мейкиртти*) и издает указы, не ссылаясь ни на какие власти и упоминая государя только для того, чтобы датировать надпись по году его правления, а часто не делая даже этого (из-за чего многие их надписи остаются недатированными).

¹¹⁸ ARE, 179, 183, 188 of 1973/74

¹¹⁹ См., например, ARE, 282, 286 of 1943/44 (Tirumalai 1987, p. 135)

¹²⁰ Santhalingam 1999, p. 97

¹²¹ ARE, 154 of 1903 (SII, VIII, no. 442)

Восхваления примерно одного содержания содержатся в нескольких надписях. Очень знаменательно, что они составлены на санскрите и традиционным размером в стихах (шлоках). Это повышает «святость» текста.

Некоторое представление, о чем идет речь, дает их самоназвание — *cittramāṭ periya-nāḍḍār* («великие *наттары* красивого плуга»). На камнях, на которых выбиты их надписи, нередко для ясности выбит и символ организации — плуг. Из названия ясно, по крайней мере, что речь идет о людях, причастных к земледелию, и что они ставят себя выше обычных общинных советов на уровне *наду*. Они называют себя также «сыновьями Земли» (*pómiputtirar*¹²², *бхумипутра*) и поклоняются Богине Земли (Бхуми Деви). Кроме того, они гордо называют себя членами «четвертой варны»¹²³, т. е. шудрами.

Пониманию этой структуры как «крупных провинциальных организаций», т. е. как промежуточного звена управления между центральной властью и местным населением, не соответствует, во-первых, период, когда *перийя наттары* становятся заметным явлением — период упадка Чольского государства, когда власть вряд ли смогла бы организовать такой промежуточный орган управления, а во-вторых, уже отмеченная подчеркнутая самостоятельность организации. Собственно, уже и первому исследователю этой организации было ясно, что это «народные собрания ... не назначенные государством»¹²⁴.

Эта организация задает исследователям немало загадок. Она совершенно не вписывается ни в концепцию централизованного государства, ни в концепцию феодального государства (в его обычном понимании), ни в уже ставшее общим местом представление о постепенном подчинении общин государственным аппаратом. Она была бы прекрасным аргументом в пользу «крестьянского государства», но история этого института оказалась слишком короткой — примерно один век.

Тон их *прашастти* заставляет думать, что это был коллектив знатных лиц, хотя и не княжеского или вельможного уровня. Приведем одну из их надписей почти целиком. По палеографическим данным она относится к первой четверти XIII в.

«Бог Хари! Приветствуем! Процветания! Это указ *читрамежи*, справедливых и добрых по отношению ко всем людям, процветающих

¹²² ARE, 209 of 1936/37 (по копии с факсимиле в Эпиграфическом центре в Майсуре)

¹²³ SII, V, no. 496; VII, no. 129; VIII, no. 291. 442

¹²⁴ Aiyer 1955, no. 1. p. 35

сыновей земли и всех, кто питается коровьим молоком. Пусть этот приказ, направленный на защиту и усиление сынов земли, рожденных в четвертой варне, пребудет в этом мире. Мы, *читрамежи периянаттары*, являющиеся сыновьями богини Земли; изучившие правильный тамильский язык (*сентамиж*) и северные науки (т. е. санскритские книги); приверженцы соблюдения законов; сыновья богини Богатства, чьи цветы никогда не вянут; распространяющие свет во всех направлениях; употребляющие добрые слова в отношении хороших людей и искоряющие зло грубыми словами; процветающие в этом мире, ограниченном четырьмя морями, где бог Ветра дует нежно, где бог Вод (т. е. Варуна) орошает дождем, бог Небес освещает все, где люди всех стран живут в мире ... возрастая в числе и не убывая, где справедливость возрастает, а несправедливость уменьшается, где их слава распространяется, а их враги сдаются, где скипетр их власти [даже] предшествует их появлению; имеющие своим Богом лемех, а своей целью — золотое изобилие полного богатства; ведущие дела своей организации с терпимостью и доброжелательностью; имеющие источником своей возвышающейся славы высокую и истинную справедливость; полностью изучившие *муттамиж малей*¹²⁵ — совершили настоящий акт благотворительности.

Поскольку ранее были сооружены ворота, украшенные плугом и изображением богини Бхуми Деви, и поскольку наша организация несет ответственность за храм бога Перумаля, оказывающий честь тем, что расположен в Тирувидаикали в [местности] Тирукойилур в [округе] Куруккайкуттрам в [области] Миладу, [называемой также] Джананатхаваланаду, т. е. в Читрамеживиннагаре, охватывающем 18 земель (*бхуми*) и 79 *наду*, и поскольку пожертвования, которые мы уже сделали, были утеряны во время беспорядков, мы вновь жертвуем 1 *падакку* падди с плуга и 1 *куруни* падди с человека, включая тех, кто не входит в нашу организацию»¹²⁶. *Читрамежи*, таким образом, считают себя вправе распоряжаться и средствами чужаков.

Очень подозрительно выглядит утверждение этой надписи, что грамоты о всех предшествовавших дарениях храму пропали из-за нашествий. Надо это понимать, по-видимому, так, что *периянаттары* хотят

¹²⁵ «Гирлянда тройственного тамильского языка», т. е. языка поэзии, прозы и драмы.

¹²⁶ ARE, 117 of 1900 (SII, VII, p. 54–55, no. 129; Aiyer 1955, no. 2, p. 70–71; Stein 1980, p. 220–221). Данный перевод уточнен по сравнению с тем, который содержится в книге (Алаев 2003, с. 72)

представить себя более древней организацией, чем они есть на самом деле.

В другой надписи, 1168 г., эта организация устанавливает такое же самообложение: 1 *падакку* падди с плуга и 1 *куруни* падди с человека, но при этом чужаки перечислены более подробно: по 5 *кашу* с делателя цветочных гирлянд, по 2 *кашу* со слуги и по 5 *нажи* гхи с пастуха¹²⁷.

Б. Стайн считал, что надстроившаяся над *наду* структура *периянаттар* свидетельствует о том, что правящая в сельской местности «элита все больше разводилась с местным крестьянством»¹²⁸. Этому трудно возразить, хотя у нас нет сведений о противоречиях между верхушкой и основной массой веллалов.

Холл выдвигает несколько противоположных объяснения этому явлению: либо это еще одна попытка центральной власти поставить макрообщины (*наду*) под государственный контроль, либо это попытка местных землевладельцев противостоять централизаторским усилиям царской власти, либо это ответ землевладельческой элиты на вызов со стороны городов (которые приобретали излишнюю самостоятельность), либо это свидетельство установления союза между землевладельцами и городами, а также межгородскими торговыми корпорациями¹²⁹. Он склоняется к тому, что *периянаду* — это реакция сельского населения, прежде всего, конечно, его верхов, на централизаторскую политику Чолов, которая выражалась в поддержке *брахмадей* и *нагарамов* и противопоставлении их сельским общинам типа *наду*. Создание *брахмадей* и *нагарамов*, по его мнению, подрывало автономию *наду* и являлось попыткой нарушить взаимодействие между разными *наду*, осуществлявшемся через храмы. *Наттары* ответили на это созданием межобластных организаций — *перийянаду*.

Сантхалингам подсчитал, что на территории Тондаимандам эта организация упоминается в 13 местах. Он считает эти упоминания первыми симптомами того антибрахманского движения, которое развернулось в Тамилнаду в конце XIX—XX вв.¹³⁰ Пожалуй, это излишняя политизация и модернизация средневековых реалий.

У исследователей возникает естественное желание преуменьшить значение института, которого они не понимают. Так, не придает ему значения Й. Суббараялу. Он утверждает, вопреки очевидности,

¹²⁷ ARE, 21 of 1903 (SII, VIII, no. 291; Aiyer 1955, no. 2, p. 76–77)

¹²⁸ Stein 1980, p. 223

¹²⁹ Hall 1980, p. 31, 203

¹³⁰ Santhalingam 1999, p. 98

что *читрамежи перия-наттар* возникли главным образом в периферийных для государства Чолов областях, в более засушливых районах — в Конгу и к северу от р. Кавери¹³¹. Но все же это не случайное явление — оно связано с развитием частной собственности на землю, появлением крупных землевладельцев, которые и составили, как можно понять, этот коллективный надлокальный орган самоуправления.

Некоторые надписи породили сомнения в том, что *перия-наттар* представляли собой организацию земледельцев или землевладельцев. Знаменательно и вместе с тем загадочно то, что символами организации служат не только плуг, но и мешок торговца-разносчика. Это намекает на то, что *перия-наттары* занимались и торговлей. В 1295 г. надпись буквально гласит, что *читрамежи перия-наттар* состоит из *наду*, *нагарам*, *агарам* (т. е. аграхариков, брахманов) и земледельцев из аграхар¹³². Подобные упоминания позволяют некоторым историкам считать, что *перия-наттар* появляются тогда, когда в сельской местности возникает несколько каст, претендующих на доминирование, в частности, появляется деление на «правые» и «левые» касты. *Перия-наттар* — результат компромисса между этими группами каст, в нее входят и те, и другие¹³³. Суббараялу также видит отличительную черту *перийя-наттаров* в том, что они, в отличие от *наттаров*, включали людей разных каст, в том числе и брахманов¹³⁴. Однако другие надписи не позволяют считать *читрамежи* «клубом» каст. Все же совершенно ясно, что это особая организация, в которую входят не все.

Почти всегда *читрамежи* действуют совместно с другими организациями, прежде всего местными и приезжими торговцами¹³⁵. В таких случаях контекст таков, что *читрамежи* занимают ведущее положение среди других организаций¹³⁶ и создается впечатление, что это именно они принуждают купцов отчислять в пользу храма часть прибыли¹³⁷.

Р. Чампакалакшми специально проблемой *перия-наду* не занималась, но в статье об урбанизации в Тамилнаду она высказывает мнение, что *перия-наду* — это «нечто вроде гильдии земледельцев, или, более

¹³¹ Subbarayalu 1995, p. 1, 3

¹³² ARE, 189 of 1938/39

¹³³ Karashima 1993

¹³⁴ 99 of 1920; 173 of 1938/39 (Subbarayalu 1995, p. 3)

¹³⁵ ARE, 601 of 1902 (SII, VIII, no. 198); 701 of 1902 (SII, VII, no. 198); 21 of 1903 (SII, VII, no. 291); 154 of 1903 (SII, VIII, no. 442)

¹³⁶ Stein 1980, p. 229

¹³⁷ ARE, 285, 286, 296 of 1964/65 (Aiyar 1955, no. 4, p. 272; Abraham 1988, p. 66)

правильно, торговцев сельскохозяйственными товарами»¹³⁸, и считает появление этого института свидетельством развития в стране товарных отношений и вариантом урбанизации. Такой легкий перескок от земледельцев к торговцам вызывает недоумение. Это один из примеров легковесного формулирования выводов.

Н. Карашима, Й. Суббараялу и П. Шанмугам предлагает столь же экзотическое решение вопроса о сущности *периянаду* — это организация новых *джати*, которые незадолго до этого были горными племенами¹³⁹.

В XIII и начале XIV вв. активность этой организации резко увеличивается, и она начинает действовать совместно с купеческими гильдиями. Чампакалакшми считает, что можно проследить некую эволюцию. Первоначально в случае одновременного дарения храму торговые организации и *читрамежи* действуют по отдельности, позже они предоставляют совместные дары, в частности, дарения сборов и пошлин. Так как это происходит в позднечольский период, т. е. когда центральная власть слабеет, Чампакалакшми предполагает, что возможности местных органов самоуправления по распоряжению ресурсами возрастают. Остается неясным, какая группа — землевладельцы или купцы — играет в этом симбиозе ведущую роль. Чампакалакшми сначала выражает мнение, что главную роль играла землевладельческая часть местной элиты, видя свидетельство этого в том, что в *прашастти* надписей, фиксирующих такие совместные дарения, восхваление *читрамежи* предшествует восхвалению купеческих корпораций¹⁴⁰. Она делает вывод, что мощная и разветвленная землевладельческая организация начинает контролировать торговую активность в своей местности¹⁴¹. Однако позже она заявляет, что совместные дарения, о которых шла речь, — «это первые известные свидетельства доминирования торговых групп в преимущественно аграрном обществе»¹⁴².

Будучи организацией влиятельной и, судя по ее *прашастти*, могущественной, *читрамежи перия-наттар* становятся, естественно, донорами храмов. Как уже говорилось, *читрамежи* с самого начала считали себя адептами Богини Земли. Усилившись, они начинают организовывать храмы в честь этой богини, или посвященные им самим. Например, в Тирукойилуре появляется храм Эжупаттонбаду-натту

¹³⁸ Champakalakshmi 1986, p. 36, 54; Champakalakshmi 1999

¹³⁹ Karashima 2008, p. 30

¹⁴⁰ ARE, 96 of 1974/75 (SII, VIII, no. 442; Champakalakshmi 1986, p. 53)

¹⁴¹ ARE, 10 of 1924; 193 of 1939/40; 286 of 1964/65; (Champakalakshmi 1986, p. 53)

¹⁴² Champakalakshmi 1986, p. 54

Падинен-бхуми Читрамежи-виннагар, т. е. вишнунитский храм, посвященный «*читрамежи* 79-ти *наду* и 18 *бхуми*», причем в нем Бог Земли (*bhómideva*) получает символ — плуг¹⁴³. Другой храм, сооруженный в честь *читрамежи*, находился в Пойхее¹⁴⁴. Они могли также основать на свои средства *матху* (тип монастыря)¹⁴⁵.

Они, видимо, дарят земли и в аграхары, судя по тому, что в надписях появляются брахмадеи с характерным названием Читрамежиналлу¹⁴⁶, Читрамежи-чвм¹⁴⁷

Б. Стайн связывает с возникновением широких небрахманских объединений многие социальные и культурно-религиозные процессы XII–XIII вв., появление небрахманской и антибрахманской субкультуры. Он видит в движениях тамильского *бхакти* подъем более низких каст к руководству храмами, *матхами* и *гхатиками* (учебными заведениями). Впрочем, он признает, что проследить этот процесс по документам затруднительно. Кроме того, брахманы вскоре перехватили инициативу и вновь оттеснили веллалов и людей других каст от руководства храмами и учебными заведениями¹⁴⁸.

Возможно, это объясняет исчезновение широких межрайонных объединений землевладельцев в последующие века.

Касты правой и левой руки

Деление каст в Тамилнаду на две группы — касты «правой руки» (*valaêkai*) и «левой руки» (*iiaêkai*)¹⁴⁹ пока не объяснено удовлетворительным образом. Чампакалакшми выразилась очень точно: «Это деление заводит в тупик (*has baffled*) все попытки ясно определить кастовые группировки»¹⁵⁰.

Высказаны предположения, что это деление возникло как перенос на кастовую систему построения армии Раджараджи I: левый и правый

¹⁴³ SII, VIII, no. 291 (Abraham 1988, p. 83)

¹⁴⁴ SII, I, p. 87–89, 91, no. 59, 61, 64

¹⁴⁵ ARE, 343 of 1939/40. 1939/43

¹⁴⁶ ARE, 172 of 1941/42. 1939/43

¹⁴⁷ ARE, 91 of 1941/42. 1939/43

¹⁴⁸ Stein 1980, p. 230–241

¹⁴⁹ Принято их так называть, поскольку *kai* по тамильски — «рука». Однако значение этого слова шире, это «вся» рука, т. е. и кисть, и предплечье, и плечо, вообще вся левая или правая сторона тела. Вполне можно называть их просто «правые» и «левые» (См. Beck 1972, p. XIV).

¹⁵⁰ Champakalakshmi 1986, p. 51

фланги и центр. *Валангей* действительно иногда сопряжено с терминами, имеющими отношение к армии.

Очень забавна надпись из Тирувалишварама. Храм Шивы в этом селении был передан под опеку *mōṣāukai mahācāṣai* («Великой армии третьей руки»!)¹⁵¹. Возможно, именно в связи с этим селение Тирувалишварам получило статус *eāivērappāṭṭaṣa* (букв. «город великих героев», трактуется многими эпиграфистами как «торговый город, имеющий вооруженные силы»)¹⁵². «Армия третьей руки» выглядит загадочно. Понятно, что третьей руки не бывает. Но, учитывая, что «праворукие» и «леворукие» армии имелись, «третья рука» приобретает некий смысл. Возможно, это некое объединение каст, почему-либо не включенных в упомянутое дуальное распределение. Некая «третья сила». Конечно, в таком случае «великую армию» не следует понимать буквально.

Чампакалакшми обращает внимание на то, что «леворукие» и «праворукие» касты часто упоминаются в документах из тех районов, где отмечена большая активность купеческих корпораций. Она упоминает надпись из Тенкарей в Мадураи, в которой правила для левых и правых каст вырабатываются гильдией *аяволе*¹⁵³.

Известно, что брахманы не входили в эти подразделения, они стояли как бы «над схваткой». Замечено также, что среди «правых» значится больше земледельческих каст, а среди «левых» — больше ремесленных и служебных. Однако такое профессиональное распределение не абсолютно. Это не корпорации, их состав не постоянен. Возникает впечатление, что это «потенциальные» группировки, которые возникают в случае необходимости объединения в масштабах, больших, чем привычные общины, состав их меняется в зависимости от стоящей задачи, и они впадают в пассивность, если условия меняются, и в них нет надобности.

Они не упоминаются в дочольский период, а в новое время это деление уже не существовало, о нем остались только воспоминания. Воспоминания во множественном числе, поскольку легенды о происхождении этого деления в различных рукописях XVI–XVIII в. довольно противоречивы. Эти кастовые общности, по легендам, имеют, конечно, божественное происхождение. Но по одной из версий «левых» создали Шива и Индра, а «правых» — Брахма и риши Бхригу,

¹⁵¹ ARE, 120 of 1905 (Champakalakshmi 1986, p. 42)

¹⁵² ARE, 335, 348 of 1916 (Champakalakshmi 1986, p. 42)

¹⁵³ ARE, 138 of 1910; SII, XIV, no. 251 (Champakalakshmi 1986, p. 64)

а по другой — это результат спора между Шивой (Парамешварой) и его супругой Парвати¹⁵⁴.

Известно, что первоначально в надписях появляются «праворукие». В одной из надписей Раджараджи I они появляются как соединение царской армии (*valaēkai-vālaikkāra-paṭaikaē*)¹⁵⁵. В XI в. *валангей* иногда как коллектив совершают дарения храмам¹⁵⁶. В 1072 г. в талукке Мулбагал дистрикта Колар появляется надпись, которая служит объектом различных трактовок. В ней говорится: «Мы, [жители] 18-ти *вишай*, великая армия правых, вооруженная великим оружием (*perumpāṭai-valaēkai mahācēṣai*)» решили, что не должно быть налога на коров и буйволиц, что с продукции лесных и сухоходных земель надо платить 1/5, с земель, расположенных ниже водоемов, где выращивается рис, — 1/3 (затем перечисляются еще несколько ставок налогов с земель более низкого качества), что каждый дом служанки и каждый дом, где есть две женщины, должен нести трудовую повинность [бесплатно], что 1/4 *кашу* нужно платить с каждого дома кроме домов храмового учителя, храмового настоятеля, деревенского сторожа и домов, которые несут мелкие налоги; что земля должна быть измерена шестом длиной 18 пядей, каждая пядь равна ширине 12 пальцев¹⁵⁷.

В XIII в. мы имеем серию надписей из Перунгулама в дистрикте Тирунелвели, изданную «Великой армией правой руки» (*valaēkai-mācāṣaiyīm*). Она имеет некоторую землю в качестве жалованья (*дживитам*) и продает ее по частям в 1215 и 1228 гг.¹⁵⁸. В 1260 г. тот же полк продает еще земли, при этом сообщается, что подписи под документом поставили представители всех 8 подразделений (*paṭai*) полка. Среди них трое имеют титул *надажван*¹⁵⁹.

Идангей появляются позднее и тоже как военная часть. В недатированной надписи из Читтура община *iṭaēkai-mācāṣaiyār* («воины великой армии левых»), живущая в Чандрагири и вокруг него, получает в свою пользу некий специальный сбор (*iṭakkai-vari*) с одной из деревень и ее выселков, и жертвует часть этого сбора на ремонт храма

¹⁵⁴ Stein 1980, p. 184–185

¹⁵⁵ SII, II, p. 99, no. 13 (Stein 1980, p. 173)

¹⁵⁶ ARE, 341 of 1907 (Rangacharya, II, p. 1287) (1014 г.)

¹⁵⁷ EC, X, no. 49a, p. 86–87

¹⁵⁸ ARE, 231, 229 of 1932/33

¹⁵⁹ ARE, 232 of 1932/33. Я присоединяюсь к мнению Карашимы, что этот термин означал крупного землевладельца, магната.

в этой деревне¹⁶⁰. *Идангей* сразу же выступают как ярые враги *валангеев*. В 1072 г. надпись сообщает о стычке между двумя группами каст, во время которой деревня была сожжена, священные места разрушены, изображения богов и храмовые сокровища — украдены. Понятно, что надпись выбита по случаю умиротворения этого конфликта¹⁶¹. Этот случай вспоминают и в надписи 1080 г., где говорится, что *сабха* той деревни, где произошли эти события, чтобы храм мог возместить убытки, освободила некоторые земли храма от налогов¹⁶².

Возможно, что *идангей* представляли все же в целом более низкие слои населения, чем *валангей*. Во-первых, никак нельзя забыть о том, что для индуса правая и левая рука не равнозначны. Левая рука ритуально нечиста. Во-вторых, судя по надписям, именно *идангей* более агрессивны в отстаивании своих прав. Надпись из Ураттура в Тиручираппалли отстаивает «честь и достоинство» «леворуких» в выражениях, видимо, понятных тогдашнему читателю, хотя для нас несколько туманных: «Мы появились из жертвенной огненной ямы. Мы сопровождали жрецов, которых привел в [данную] аграхару Чакравартин Ариндама, несли их тапочки и зонтики, и поселились с ними вместе в тех же селениях... Мы получили общее название *идангей*, потому что поддерживали святых, когда они сходили с повозки, с левой стороны. Наши предки потеряли наши документы и знаки отличия в лесах и зарослях, и мы забыли о нашем происхождении. Узнав об этом, мы, члены 98 каст, сегодня, в 40 год правления царя [Кулоттунги III] решили, что отныне мы будем вести себя как дети одних родителей. Если что-либо, доброе или злое, коснется одного из нас, оно будет разделено всеми. Если что-либо неподобающее будет совершено против *идангей*, мы совместно будем отстаивать свои права, пока не утвердим их. Также решено, что только те, кто во время собраний для решения общинных конфликтов имеют при себе отличительный рог, горн и зонтик, относятся к нам. Те, кто хочет узнавать нас теперь и впредь, может сделать это по нашим отличительным признакам — перу журавля и распущенным висящим волосам¹⁶³. Нашему появлению [на людях] должны предшествовать

¹⁶⁰ ARE, 115 of 1942/43. 1939/43

¹⁶¹ Sastri 1955, p. 551

¹⁶² ARE, 31 of 1936/37

¹⁶³ Не очень уверенно, но можно предполагать, что в данном случае «леворукие» стремятся специально подчеркнуть свое низкое социальное положение. В Тамилнаду считалось, что люди высокого статуса имеют право и должны

звучи горна и раковины, а на роге надо играть в соответствии с обычаями людей *идангей*. Те, кто действуют вопреки предписанным здесь правилам, должны рассматриваться как враги нашего сообщества. Те, кто ведет себя отлично от правил, предписанных группам *идангей*, должны быть изгнаны и не должны признаваться благочестивыми. Мы будем считать их рабами противоположной группы»¹⁶⁴. Это решение приняли «леворукие» 6 деревень, расположенных в Шентвалакуттрам.

Идангей также демонстрируют, что они готовы принять в свои ряды новые группы. Надпись 1227 г. из Ю. Арката рассказывает о редком событии. Представители 11 *наду* (перечислено поименно только 10) собрались в одном из селений и постановили, что *malaiya-makkaē* и *nāṭṭa-makkaē* принимаются в состав *iṭṭēkai-taṭam*. «Их следует считать глазами и руками *идангеев*»¹⁶⁵. Эти две группы вступают в объединение каст «левой руки», но явно занимают в нем несколько неполноправное, зависимое положение, как бы поступают «на службу» тем, кто входил в это объединение ранее.

А входили в него, как ясно из этой же надписи, *кайкколы*, *шаллары* (т. е. обе конкурировавшие между собой группы ткачей), *ванигар* (торговцы) и другие. Впрочем, списки каст правой и левой руки, встречающиеся в рукописях XVI–XVIII вв., не идентичны¹⁶⁶.

История с принятием *малай-маккал* и *натту-маккал* в касты «левой руки» на этом не закончилась. Примерно через 30 лет, около 1257 г. (датировка не очень уверенная) в двух деревнях, расположенных поблизости от той, где было записано постановление об их приеме в *идангей*, *натту-маккал* заявляют в двух надписях, что они тоже

завязывать волосы в пучок. Распущенные волосы означали простолоудина. *Кондэйкаттикараран* — там. — «мужчина, собирающий волосы в пучок, уважаемый человек». Такая прическа свидетельствовала о высоком социальном положении и потому не разрешалась «низким» людям.

¹⁶⁴ ARE, 489 of 1912. 1913 (Sastri 1955, p. 551–552)

¹⁶⁵ ARE, 184 of 1940/41. 1939/43 (Sastri 1955, p. 552; Stein 1980, p. 183). Буквально *малай-маккал* — «жители гор», горцы; *натта-маккал* — «жители равнин». В XIX в. эти группы сохранились как низкие касты, которые были так близки по статусу, что могли заключать браки между собой (Thurston 1909, p. 206)

¹⁶⁶ Stein 1980, p. 184–185; Чичеров 1965, с. 34–37. В рукописи XVIII в. «*Идангей-валангей джаттияр варалары*» («История каст левой и правой руки») эти *малай-маккал* и *натту-маккал* зачислены в касты «правой руки». Упоминаю об этом, чтобы еще раз подчеркнуть, что это деление никогда не было оформлено.

pómi-puttirar («дети земли»)¹⁶⁷. Известно, что этот титул принадлежал *веллалам*, доминирующей касте в Восточном Тамилнаду, возглавляющей во многих списках именно другую сторону — касты «правой руки». Эти две надписи отражают борьбу между кастами и кастовыми объединениями за социальный статус.

Но «правые» и «левые» не всегда конфликтовали. Эпиграфика сохранила нам свидетельства того, что они иногда приходили к соглашениям по поводу неких прав и обычаев. Правда, имеющаяся в виду надпись из Назаретхпеттай (в Ченгалпатту) не датирована и неясна по содержанию¹⁶⁸. Приблизительно (XIII—XIV веками) датирована и другая надпись из Джайянгондачоллапурама (Тиручиралли), в которой о соблюдении неких правил поведения и о единстве действий договариваются «98 каст правой руки и 98 каст левой руки»¹⁶⁹. У них есть общие враги. В надписи, возможно, периода Кулоттунги III из Адуттура (Тиручиралли) они достигают согласия в вопросе об общем сопротивлении *канияларам* — брахманам и веллалам по касте¹⁷⁰.

Остается непонятным, почему решение о приеме новых групп в объединение *идангей* в надписи 1227 г. принимают *наттары* многих *наду*. То, что в XIII в. *наду* стали объединяться для различных действий, отнюдь не только религиозно-дарственного типа, нам уже известно. Но почему *наттары* в данном случае принимают решение, относящееся к *идангей*? Что, *наттары* этих 11-ти (или 10-ти) *наду* сами принадлежали в «леворучникам»? Очень сомнительно. Все, что мы знаем о *наттарах*, говорит о том, что это местная элита. Землевладельческая, конечно. Они должны бы принадлежать к «праворучникам». Данная надпись не дает ответа на эти вопросы. Решение *наттаров* удостоверяют, помимо самих *идангей*, брахманы (*antaí ar*), аскеты (*ákayar*) и *niyâyattâr* («судьи»?). Таким образом, остается неясным, кто в данном случае имеется в виду под *наттарами* — некая промежуточная социальная группа между «леворучниками» и ритуально высокими группами, или же все они совместно называются *наттарами*.

Более всего «левая» и «правая» группы напоминают современные кастовые ассоциации — временные объединения нескольких каст, которые на это время принимают, что они имеют одинаковый статус,

¹⁶⁷ ARE, 206 of 1936/37; 117 of 1900 (Rangacharya 1915, I, p. 226, no. 845)

¹⁶⁸ ARE, 204 of 1949/50

¹⁶⁹ ARE, 355 of 1950/51

¹⁷⁰ ARE, 34 of 1913 (Stein 1980, p. 180)

для достижения каких-то общих целей, чаще всего — поднятия своего статуса и более действенного участия в общественной жизни¹⁷¹. Очень похожи создание красивой легенды о происхождении, изобретение символов и т. п. Мне представляется, что эта аналогия весьма значима.

* * *

Наду понимали по-разному. Традиционная точка зрения рассматривает ее как административную единицу, введенную властью для удобства управления. Б. Стайн предложил считать ее этнически единой территорией, связанной родством и свойством и находящейся под управлением группы местных магнатов. Холл считал, что подобную территорию связывают экономические отношения: это сфера действия местного рынка. Суббарайялу брал за основу другой экономический фактор, он считал *наду* конгломератом поселений вокруг общего ирригационного сооружения. Конечно, все эти факторы могли играть роль в складывании макрообщины, которая естественно получала и все другие функции общины, включая политические. Основное, что, как мне представляется, удалось установить специалистам по истории Южной Индии, это отрицание создания системы *наду* сверху. Как формулирует Г. С. Дикшит, «Не было элемента принуждения ни при формировании *наду*, ни при их интеграции в группы *наду*. Это было вполне добровольное усилие, предпринятое, потому что люди сами поняли ценность кооперации... Правительство вступало в действие, только когда возникали споры между *наду*. В остальном правительству не было никакого дела до того, как эти региональные ассоциации вступали в союзы между собой»¹⁷².

Степень общинности и корпоративности, «плюрализма», свободы социальной активности именно к XII—XIII вв. достигла такого уровня, что ее можно сравнить с демократической атмосферой в современной Индии. Населению стали доступны многие формы защиты своих интересов.

В дальнейшем общественная активность снижается под гнетом централизации государства, милитаризации господствующего класса и бюрократизации системы управления.

¹⁷¹ Куценков 1983, с. 262–264

¹⁷² Dikshit 1964, p. 181

Глава 4.

Небрахманская деревенская община.

Ур и урар

Как известно, в Тамилнаду понятие *небрахманы* довольно определенно и всем понятно. Это чистые касты. Не неприкасаемые, но в то же время, естественно, не брахманы. На Юге нет кшатриев, торговые касты могут считать себя вайшьями, но они не ставят себя выше *веллалов*, которых брахманы считают шудрами. Таким образом, «небрахманы» — единственный способ определить эту прослойку. Для краткости мы будем иногда называть их селения «шудрянскими».

Небрахманские деревни составляли, по всей вероятности, подавляющее большинство селений, но в надписях они появляются не так уж часто. Й. Суббараялу насчитал в надписях Чолов, найденных в центре государства, в Чоламандам, 1300 упомянутых населенных пунктов. Среди них 250 — *брахмадеи*, 50 — *деваданы*, 26 — *нагарам*. Деревень других категорий, таких как *канимутрутту*, *палличандам* и *веттапетру*, практически не было. Из этого следует, что примерно 900 с лишним было деревнями *веллан-вахей*, т. е. селениями, принадлежавшими тем или иным группам небрахманских каст¹.

Напомню читателям, что речь идет об упомянутых в надписях селениях. *Брахмадеи* должны быть упомянуты все (если только не предполагать, что до нас не дошел какой-то документ). То же можно сказать о *деваданах*. *Нагарам* тоже вряд ли пропущены, потому что городское население обычно активно и каким-нибудь дарением обязательно отмечено. Количество же неупомянутых простых деревень не поддается оценке.

¹ Subbarayalu 1977, p. 36

Ур и наду. Существовала ли иерархия территориальных общин?

Взаимоотношения *ураров* и *наттаров* по материалам надписей остаются неясными. В главе о *наду* мы говорили о том, что в нашем распоряжении нет сведений о порядке представительства отдельных деревень в совете округа. Хотя жители деревень, входящих в *наду*, среди *наттаров* упоминаются, так что логичному предположению о некоей субординации между деревенским и окружным органами самоуправления ничто не противоречит. Но когда мы переходим к рассмотрению деятельности *ура*, *ураров*, мы эту иерархию перестаем замечать. Нет таких случаев, чтобы *урары* действовали по указаниям *наттаров*, выполняли их распоряжения или согласовывали с ними свои действия.

Правда, *урары* и *наттары* могли совершать совместные дарения. Так, уже в 746 г. в дистрикте Неллур (территория Андхры, граничащая с Тамилнадом) *наттары*, *урары* и некие *алувалы* (*nāḍḍarum ōṟarum āḷuvāḷum*) дарят храму 55 золотых монет (*кажсанджу*) и, возможно, некую землю, чтобы на доходы от этого дара храм содержал постоянную лампаду². И позже встречаются такие дарения, в которых *наттары* и *урары* выступают как равные партнеры.

В период Чолов некоторые брахманские *аграхары* выводились из-под юрисдикции *наду* и объявлялись «самостоятельными селениями» (*таниюр*). В период поздних Пандьев статус *таниюр* имели и некоторые шудрянские деревни³.

Невозможно представить себе, чтобы *ур* и *наттар* действовали совершенно самостоятельно, но впечатление таково, что они обладали значительной свободой действий в отношении друг друга.

Деревня как поселение

Редкую возможность представить себе внутреннее строение этой социальной ячейки дают надписи от 29 года правления Раджараджи I из Танджавурского храма (1014 г.)⁴ и надпись периода Вираараджендры

² ARE, 488–515 of 1908 (IND, I, p. 429; IP, no. 75). Высказано несколько предположений, как понимать *алувалы*. Но все они мало обоснованы. Оставим этот термин необъясненным.

³ SII, XII, no. 190 (1259 г.)

⁴ SII, II, p. 42–68, nos 4,5

(1063–1070) из Гангаикондачолапурама⁵. Эти надписи в совокупности дают описания 40 деревень в разных частях Тамилнада. Описания построены по следующему плану: дается общая площадь поселения (деревни или города — *нагарам*), затем перечисляются земли, освобожденные от налогов, их площадь вычитается из общей и указывается облагаемая территория, наконец, записывается общая сумма налога, который отныне должен идти храму. Для нас сейчас имеет интерес перечисление необлагаемых земель. Среди них:

ór-nattam или *ór-irukkai* — собственно деревня, место расположения домов высших и средних каст. Почему в одних случаях это *ур-наттам*, а в других — *ур-ируккей*, неясно. Однажды два термина объединены: *ór-irukk-nattam*. В двух деревнях не отмечено наличие ни *наттама*, ни *ируккей*. Это очень мелкие деревни (6 и 3 *вели*). Возможно, что это участки, принадлежащие какой-то более крупной деревне, и в них нет постоянных домов;

kuñi-y-irukkai, поселок арендаторов или иных низкостатусных лиц. Он упомянут лишь в трех деревнях, но говорит о многом. О том, что арендаторы земель общинников отличались от них не только объемом прав на землю, не только имущественно, но и в кастовом отношении. Именно поэтому у них особый поселок;

pañai-c-cāri, поселок неприкасаемых-*пареянов*. Упоминается в 20 деревнях, т. е. в половине из обозреваемых. В одной из деревень упомянуты два поселка *пареянов*, причем специально уточняется, что эти *парайяны* заняты в земледелии: «восточный поселок пашущих *пареянов*» (*uā-p-pañaiyar-irukkum kēai-c-cāri*) и «западный поселок пашущих *пареянов*» (*uā-p-pañaiyar-irukkum mālai-p-pañai-c-cāri*);

kammāi a-c-cāri, поселок ремесленников пяти основных специальностей, *каммаланов*. Отмечен в 7 поселениях;

ēai-c-cāri, поселок производителей *тодди*, пальмового вина. Отмечен в 6 поселениях.

Tēi āa-c-cāri (поселок неприкасаемых), *talaivāy-c-cēri* (поселок лиц, следящих за главным шлюзом канала), *taēi-c-cāri* (поселок лиц, связанных с храмом?), *vai ī āra-c-cāri* (поселок прачек) упоминаются редко, все вместе — пять раз.

Люди кончали свой жизненный путь на площадке, выделенной для сожжения трупов. Такие площадки отмечены в 24 деревнях, причем не самых крупных. Остается догадываться, где прощались со своими

⁵ SII, IV, no. 524

отошедшими в мир иной родственниками жители многих, в том числе больших деревень. Если принимать статистику, извлекаемую из этих надписей, за достоверную, то возникает желание домыслить, что места кремации «обслуживали» несколько населенных пунктов и что, следовательно, различные селения были связаны не только экономически и политически, но и ритуально. При этом снова нельзя обойти вопрос о кастовой сегрегации. В 8 деревнях фиксируются по два места для кремации — для кастовых индусов и для *пареянов*. Они есть не во всех деревнях, где существуют поселки *пареянов* или других неприкасаемых каст. Здесь также «возможны варианты» понимания того, где сжигали своих родственников неприкасаемые других деревень.

В число освобожденных от налогов земель включены пространства под прудами, другими водоемами и каналами. *Kuñam* (водоем) отмечен в 29 деревнях, *karai* (плотина) — в 11 деревнях, *vāykkāl* (канал) — в 16 деревнях. Кроме того, иногда упоминаются реки, каналы иного типа, колодцы и т. п. 7 деревень, судя по этим надписям, не имели средств искусственного орошения. Некоторые водоемы имеют более подробную характеристику («для орошения», «для питьевой воды», «священный водоем для омовений»). Однажды водоем охарактеризован как *pañaikulakuñi*, что можно перевести как «водоем для париев». Здесь мы видим еще одно свидетельство кастовой сегрегации.

Освобождалась от налогов и площадь под храмами. Из 40 изучаемых деревень храмы имели 22, из них в 14 отмечено более одного храма.

Среди освобождаемых от налогов площадей также место для молотбы, ток (5 деревень), зернохранилище (4 деревни), пастбище для телят (в одной деревне), дорога (в двух деревнях), храмовые цветники (в 3-х деревнях) и «груда камней» (в одной деревне).

Н. Карашима, анализируя эти данные, приходит к выводу, что «деревни не были основными единицами, в которых осуществлялось социальное воспроизводство людей, и которыми была ограничена их социальная активность. Напротив, социальное воспроизводство могло быть возможным только на территории, большей, чем деревня»⁶.

Не были деревни автономны и экономически. Водоемы для орошения наличествуют в небольшом количестве деревень, чаще упоминаются каналы, идущие сквозь деревню и несущие воду в другие селения. И здесь кооперация нескольких деревень необходима.

⁶ Karashima 1984, p. 54

Здесь мы возвращаемся к вопросу о роли *наду*. Была ли она той единицей, внутри которой происходило «социальное воспроизводство»?

При освещении вопроса об общине на уровне отдельного поселения надо учитывать, что тамильское *ур*, переводимое обычно как «деревня», имеет более широкое значение — любое населенное место. Мы увидим в дальнейшем, что деревни по указу сливались в одну территориальную единицу, или же одна деревня делилась на части, и каждая из них получала свое название. Поэтому мы никогда не можем быть уверены, когда встречаем в надписи тот или иной *ур*, имеем ли мы дело с одной деревней, или же с более широким (или более узким) объединением. Р. Тирумалай, изучая надписи, постоянно использует для обозначения населенных пунктов английское township⁷. Это слово с расплывчатым значением, по-моему, весьма подходит к данной ситуации. Мы придадим такое же широкое значение слову «селение».

В надписях, о которых шла речь выше, даны описания населенных пунктов, физических деревень, а не сельских общин, которыми мы будем заниматься в данной главе.

Вопрос о возникновении деревенской общины

Если исходить из логичного предположения, что сельские земледельческие общины — это нечто первоначальное, возникшее естественным путем, а остальные виды общин создавались в ходе диверсификации общества, а часто, как брахманские и храмовые общины, — при непосредственном участии, если не по инициативе, власти, местной или центральной, — то сведения о функционировании первых должны бы появляться в источниках раньше всего. Однако собрание поселения (*урар*) впервые упомянуто только в 745 г. в надписи из Шаттамангалама в дистрикте С. Аркат⁸.

Оно выступает в ней как гарант дарения золота джайнским монахам (даритель не указан), на проценты с которого монахи будут получать ежедневно 1 меру (*ужакку*) риса и 1 монету. Собрание соглашается на это, а также на уплату штрафа в размере 1 *кади* риса тоже ежедневно правителю, «чтобы искупить грех разрушения Камак-коттама».

⁷ Tirumalai 1987

⁸ IP, no. 74

Видимо, в данном случае произошло какое-то возмущение, мятеж, в ходе которого сельские жители разрушили административный центр, и *урары* взяли на себя ответственность за это разрушение. Специально оговаривается, что подаренное золото «не должно стать товаром для ювелиров». Оно должно быть каким-то образом инвестировано, чтобы приносить искомые проценты.

Таким образом, первая же надпись, упоминающая *ураров*, представляет эту организацию как довольно самостоятельный орган с широкими и разнообразными функциями.

Не следует рассматривать деревенскую общину этого времени как институт, происходящий из некоей глубины веков. Общины эти возникали буквально в рассматриваемое время. Например, в 1232 г. некие 7 человек, имена которых даются в подробностях, позволяющих судить, что до этого они не являлись сложившимся коллективом, покупают у брахманского собрания Уккала деревню Пуней за 42 000 *пудукашу* («новых монет»). Через 3 года эти семь домохозяев уже выступают как *ур*, дарящий участок земли (500 *кужи*) храму как *девадана-ирайили*, включая *кадамей* и *кудимей*⁹.

Урары Шаттамангалама появляются вновь в 764 г., когда они принимают важные решения по перераспределению владений в своем селении. Они передают 2 *pamti* земли из клина *aâa-p-puram* (?), 2 *pamti* из *iâamakkâe-paûi* («поле молодых людей»), доходы от ряда сборов, в том числе от *iâamakkâe-kâi am* («сбор с молодых»), три усадьбы и рошу пальмиры на сооружение и содержание танка (водоема). Говорится, что распорядителями (*nâykar*) дарения должны быть упомянутые «молодые», а не *maçââuvâr*. Устанавливается, что передача имущества носит «целевой» характер: его нельзя продавать, а если его все же продадут, то и продавец, и покупатель будут оштрафованы на 100 золотых монет, которые пойдут храму¹⁰.

Вряд ли можно понимать слово «молодые» в данном контексте буквально и предполагать, что в селении была отдельная социальная группа молодых жителей, которые имели свой клин земель, платили некий подушный налог и могли коллективно строить водоемы. Во всяком случае, никаких других подтверждений такое предположение не имеет.

⁹ ARE, 136, 137 of 1923 (по копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре.)

¹⁰ IP, no. 82

Иламаккал означает также «солдаты». Предположение, что в селении была выделена земля для некоего военного контингента (подчинявшегося то ли центральным властям, то ли деревенскому собранию), гораздо правомернее. Самооборона, как мы увидим впоследствии, была одной из важных функций всех типов общин. Такой контингент под контролем собрания (выделенные ему земли *урары* перераспределяют) мог выполнять и другие работы, в частности, сооружать водоемы.

Мандрадувар в данном противопоставлении — это, видимо и есть члены *урар*. *Мандради* — общинное собрание, место для общинных собраний.

Урары Шаттамангалама фигурирует также в 787 г., когда они берут на себя ответственность за исполнение дара денег под проценты в пользу джайнского храма¹¹.

Урар — орган самоуправления

Собрание селения чаще всего называлось *ур*, его члены — *урар*, *уравар*. Могли употребляться и иные наименования, например, *гана*, или *gaíattār* («члены *ганы*»). Большей частью это второе название для брахманской *сабхи*. Однако так может называться и собрание *ура*, шудрянского селения¹². Встречаются и иные термины.. Например, в надписи 1304 г., в соглашении относительно испомещения (поселения) ткачей-кайкколов вступают *махасабха* и *muppadu-vaṭṭatti-kāi iyāṭar* («круг 30-ти *канияларов*»)¹³.

Поскольку *урар* можно понять как «все, имеющие отношение к деревне», а также потому, что индийские историки озабочены проблемой демократии в древней и средневековой Индии, имеется тенденция понимать *урар* как общее собрание всех жителей деревни, принимающее коллективные решения в интересах всех жителей¹⁴. Махалингам видит доказательство этого понимания в выражении *ōṛaka icainda ōṛi m* (можно понять примерно так: «мы, члены ура, являющиеся [все] деревней»). Но он же отмечает, что если в селении жили представители двух религиозных групп, они образовывали отдельные *уры*. Непонятно, как индийский исследователь такой величины

¹¹ IP, no. 88

¹² ARE, 109 of 1932/33 (SII, XII, no. 34; IP, no. 83)

¹³ ARE, 172 of 1935/36

¹⁴ Sastri 1955, p. 49

не учитывает кастового состава индийских деревень. Кастовые различия, конечно, были неизмеримо глубже, чем религиозные (между вишнуитами и шиваитами, например), и *веллалы* не могли образовывать единое собрание с низкастовыми. Он же указывает, что встречается и выражение *nāṭaka icainda nāṭṭi m* («Мы, *наттары*, являющиеся [все] *наду*»), но это не значит, что на собрание собирались все жители *наду*, поскольку это было физически невозможно. Очевидно, что выражение «все жители» в индийском контексте вовсе не означает «все жители», а означает что-то вроде «все достойные жители».

В один из *уров* входят *araicumakkal* и *mutalikāṭṭi*¹⁵. Эти слова означают «раджи» и «начальствующие лица». В 1264 г. в Ю. Аркате вступают в переговоры с храмом *ōr-mutalir* («начальники деревни»)¹⁶. Из этого можно заключить лишь то, что члены деревенского собрания не были «мужичьём», «деревенщиной». Они были преисполнены самоуважения, и потому вполне могли присваивать себе титулы «раджей» и «глав». Вопрос о наличии в тамильских деревнях того периода старост будет рассмотрен ниже.

Достаточно данных в пользу того, что *урары* составляли слой частных землевладельцев высокого по тамильским представлениям кастового статуса. Например, в одной из надписей VIII в. из района Тирунелвели деревенское собрание названо *pārōrār*, т. е. «великими жителями деревни»¹⁷. В одной из надписей 903 г. из Тирувоттриюра *урары* названы также *karma-k-kiāvar* («старейшинами над работами, или работниками»)¹⁸.

Урар мог существовать не только в деревнях, но и поселках городского типа. Крупный религиозный центр Тирувоттриюр в Чингалпатту имел несколько пригородов, обладавших собственной общинной организацией. Несколько этих пригородов были брахманскими поселениями и управлялись *сабхой*, а пригород Вайкаттур управлялся *урарами*¹⁹.

Обычай обозначения коллективных органов различными числами, означавшими условное количество членов советов, или же количество деревень, входивших в подведомственную совету территорию, распространенный в Карнатаке, в Тамилнаду был почти неизвестен. Однако

¹⁵ ARE, 81 of 1916

¹⁶ ARE, 151 of 1904 (SII, XVII, no. 171)

¹⁷ ARE, 863 of 1917 (SII, XIII, no. 42)

¹⁸ SII, XII, no. 92 (IP, no. 243)

¹⁹ SII, XII, no. 103 (IP, no. 219)

однажды и здесь, в районе Тиручирапалли в 800 г. собрание селения Теннур названо «три тысячи семьсот» (*móvâyirattu eanóâûvar*)²⁰. Это крупное число говорит только о том, что собрание *ура* понималось как многолюдное²¹.

Вопрос о том, насколько типичной была фигура старосты деревни, остается неясным. *Урары* действует обычно как коллектив без упоминания о его руководителе. Однако встречаются термины, которые можно понять как «староста деревни». Одним из таких терминов является *кижар*²². Так, в 796 г. горожанин из Маммалапурама (Маха-балипурама) купил землю «у Кон-Кондана, сына Илам-Падуринара, *кижара* деревни Кундраттур в *наду* Амур». В той же надписи упоминается «глава» (*talaivaç*) селения Мандай, что тоже можно понять как «староста»²³.

В надписи 819 г. сообщается, что некий Этти Чаттан соорудил несколько плотин и каналов от них. За это благородное дело пандийский царь даровал ему титул «*кижаван* [селения] Ируппаккуди»²⁴.

В 845 г. в округе Калахасты (дистрикт Читур, Андхра) подвизается некий Аияппорри, который является одновременно членом *ганы* (собрания) (*âûê-kai attâr*) селения Тирувиппирамбеду и *кижаром* другого селения Кажиямангалам²⁵.

В 793 г. упоминается некто Мандради, «сын младшего старейшины» (*iâêkiar makan*), продавший 1 *патти* земли золотых дел мастеру²⁶. Этого одного свидетельства, пожалуй, недостаточно, чтобы утверждать, что старосты деревни делились на «старших» и «младших».

В 894 г. в одной из *аграхар* в С. Аркате ответственным за исполнения *сабхой* обязательств по уплате процентов *матхе* назван человек, носящий титул *ôr-âvâç* («глава деревни»)²⁷. Не исключено, что это староста тех земледельцев, которые живут на землях брахманов, однако вполне возможно, что это один из функционеров *сабхи*.

²⁰ ARE, 541 of 1905 (SII, XII, no. 40; EI, XI, p. 1–15, no. 1; IP, no. 98)

²¹ Суббараялу утверждает, что *ур* являлся узким органом, состоявшим не более чем из 6 человек. Непонятно, откуда взялась цифра 6. (Subbarayalu 1989, p. 37)

²² *Kiâr*, *kiâvar* — там. — букв. «пожилой, старший». Видимо, этимология та же, что и у русского «староста».

²³ ARE, 666 of 1922 (SII, XII, no. 38; IP, no. 92)

²⁴ SII, XIV, no. 43, 44 (Gurukkal 1986, p. 156)

²⁵ EI, XI, p. 225–226, no. 22-b (IP, no. 110)

²⁶ SII, III, p. 91, no. 42 (IP, no. 91)

²⁷ SII, XII, no. 79 (IP, no. 186)

Вместе с тем, в Тамилнаду коллективные органы самоуправления на уровне деревень, городов и областей почти никогда не имели индивидуального руководителя, старосты, старейшины или чего-то в этом роде. Нет выражений типа «*сабха* во главе с тем-то», или «*урар*, возглавляемые тем-то», как это почти всегда говорится в надписях из Карнатаки. Но различные, может быть, местные, особенности организации управления иногда упоминаются в надписях. Например, в надписи, которую можно датировать неуверенно 954 годом, ответственными за дарение названы члены трех групп: *ôrkiâr-makkaë* («люди — старейшины ура»), *kiâvarkaë* («старейшины») *брахмадеи*, а также *урар*²⁸. Т.е. «старейшины деревни», которых, подчеркивается, много (*маккал*), существуют отдельно от «деревенского собрания».

Проблема общинной и частной собственности

Эта проблема, как я убедился после многих лет исследований, существует только для ученых, затронутых европейскими теориями социальной эволюции, по которым считается непреложным, что собственность на землю эволюционирует от общинной к частной. С этих позиций две собственности — общинная и частная — служат отрицанием друг друга. Чем больше общинных прав на землю, тем меньше частных, и наоборот. Между тем, многие общины, и, прежде всего, индийские, существуют и процветают, и, безусловно, осуществляют определенный контроль над правами своих членов, не ограничивая существенно этих прав. Общинные права (на землю и на некоторые сборы) существуют в интересах частной собственности членов общины.

Случается, что общинная собственность ограничивает частную и иногда даже подчиняет ее себе, но только в тех случаях, когда складываются чрезвычайные ситуации: начинает ощущаться нехватка земли, увеличивается налоговая или рентная эксплуатация и т. п.²⁹

В обычной ситуации община выступает на первый план в случае нарушения частным собственником своих обязательств, при этом не только перед общиной, но и перед государством, например, в случае

²⁸ ARE, 139 of 1931

²⁹ Такие ситуации, возникавшие в социальной истории (а, следовательно, и в истории общины) Германии, России и Индии, разобраны в [Алаев 2000, с. 86–201]

неуплаты налогов. Раджараджа I в 1008 г. издает указ о том, что земли тех жителей деревень, которые не уплатили налоги в течение трех лет, переходят в собственность общин, те их продают любому, за исключением недоимщиков³⁰.

Давняя статья Н. Карашимы «Аллур и Ишанамангалам»³¹ до сих пор фигурирует в историографии как неоспоримое доказательство того, что в период Чолов общинная собственность на землю постепенно замещалась частной. Разберем его данные. Он изучил надписи из двух деревень — брахманской общины Ишамангалам (21 надпись) и шудрянского Аллур (9 надписей), обе расположены в талуке Тиручирапалли. Надписи датированы не очень определенно, но представляется оправданным отнесение их к раннечольскому периоду (X–XI вв.).

В деревне Аллур из 11 участков, отчуждение которых зафиксировано, 7 принадлежали коллективу общины в целом (*ур*) и 2 — некоему коллективу «следящих за каналами» (*talaivà-c-càçâr*). В Ишамангалам из 23 отчужденных участков индивидуальными являются 13, 2 участка дарятся группой лиц (с перечислением их имен), 3 участка принадлежат общине (*сабхе*) и 4 — *pàruðai*, который Карашима в данном случае понимает как совет во главе храма.

Столь же внимательно Карашима рассматривает вопрос о принадлежности участков, граничащих с теми, которые являются объектами тех или иных сделок. И здесь он убедительно показывает, что в деревне веллалов по существу нет индивидуальных владений, а в брахманской деревне они имеются.

Далее он показывает, что по некоторым намекам в надписях из Ишамангалама можно судить, что брахманы-владельцы не работали сами, а присваивали лишь «долю собственника» (*svàmi-bhî gam*), и что, следовательно, у них были арендаторы.

Относительно же Аллур он делает противоположный вывод. Он упоминает вскользь, что в одной из надписей встречается выражение *kuñ-nèkkà*, означающее «с сохранением прежних земледельцев», т. е. содержится явное указание, что *ур* передает храму землю, на которой сидят некие *куди*, но Карашима не придает этому случаю большого значения. Он находит в той же надписи иную фразу *órà uatu-koí àu* («ур

³⁰ ARE, 1897, p. 1 (Saletore 1934, p. 163)

³¹ Karashima 1966. Впоследствии он включил эту статью в качестве главы в свои книги. См. Karashima 1984; Karashima 2001

сам [будет] обрабатывать [землю]») и делает вывод, что в шудрянской деревне «члены *ура*, которые, вероятно, владели всей землей в Аллуре, были сами земледельцами», и что в этой деревне существовала «лишь одна социальная страта»³².

Чуть ниже Карашима ссылается еще на одну надпись, в которой подаренную храму землю предлагается обрабатывать *kîyil-p-paḍ-ūḍaiyàrkal*, т. е. обладателям «доли» в храмовых доходах, храмовым служащим довольно высокого статуса. В данном случае он уже не может утверждать, что храмовые служащие действительно сами работали на земле. Ему приходится предположить, что на них работали некие служки более низкого ранга или сельскохозяйственные рабочие. Таким образом, в индийских условиях и выражение «сам обрабатывает» не имеет буквального значения. Это выражение означает нечто вроде «ответственен за обработку».

Затем Карашима возвращается к вопросу о том, кто же работал в Аллуре и признает, что «должна была иметься группа сельскохозяйственных рабочих, которые не были членами *ура*. Хотя кажется, что она была небольшая (интересно, почему это кажется? — Л. А.), само их существование может быть показателем того, что социальная стратификация в какой-то мере наличествовала и в Аллуре»³³.

Итак, по Карашиме, члены *ура* были обыкновенными крестьянами. Возникает вопрос: как же они обрабатывали свои земли — коллективно, бригадами, или все же распределяли их между хозяйствами? Ни первое предположение, ни второе не выглядят правдоподобными. Об обработке земли всеми жителями деревни сообща в Индии никогда не слышали. А если бы сельское собрание дарило храму землю, которую до этого обрабатывали его члены, нужно было бы их куда-то перемещать, заменять их участки другими, и это попадало бы в надписи, хотя бы изредка. Но этого нет.

Отрицать данные Карашимы не приходится, они убедительно показывают, что среди дарений и продаж земли первоначально преобладают коллективные, а затем, к XIII в., число индивидуальных отчуждений земли увеличивается. Но необходимо эти данные правильно интерпретировать. Из них прямо следует, что *ур*, распорядившийся общинной землей, не был организацией крестьян. Это был коллектив рентополучателей, деливший ренту с «общих» арендаторов среди

³² Karashima 1984, p. 10–11

³³ Karashima 1984, p. 11

своих членов по неким долям. Такую «общинную собственность» следует называть **коллективной частной собственностью**.

В то же время не следует считать, что частное землевладение общинников вообще отсутствовало в более ранний период. И при Паллавах существовали частные земли общинников, наследственные и отчуждаемые. Например, в надписи 876 г. из Пудуккотта впервые упоминается *kāi i* — наследственное право на участок. Дочь местного князя покупает 1/4 *ñeu* земли из участка в 3 вели, который принадлежал Саваину Чаттану на правах *кани* в деревне Перувелаттур. Налоги с этой земли должен по-прежнему нести ее хозяин и его потомство³⁴. Получается, что дама купила не землю как таковую, а право на налоги с земли, которые она потом и подарила храму.

Дж.Хайтцман, проведя специальное исследование о частоте упоминаний *кани* в Чольских надписях, о котором речь шла в главе 2, делает знаменательное наблюдение: право *кани* никогда не принадлежит группе лиц, общине, оно всегда характеризует права индивида. Общины продают и покупают земли, но они при этом не передают или не приобретают права *кани*³⁵.

К концу XIII в. (примерно к 1299 г.) относится надпись, где говорится, что жители деревни продали земли «после приглашения покупателей однажды, дважды и трижды в соответствие с обычаем этих мест»³⁶. Мы можем понять это таким образом, что преимущественное право на покупку земли имели родственники и соседи, и надо было несколько раз объявлять о продаже, чтобы убедиться, что нет иных претендентов. *Ур* выступает также в качестве свидетеля при продаже собственной земли одним из его членов³⁷.

Эти сведения могут быть восприняты читателем как сохранение древних представлений о роли общины в контроле над земельной собственностью. Ведь еще в «Артхашастре» говорится, что земля может отчуждаться чужаку, только если ее не хотят купить родственники и соседи³⁸. Но к таким сближениям материала разных веков (или даже эпох) следует относиться осторожно. Нельзя отбрасывать простой факт, что с начала эпиграфической традиции в Южной Индии в III в. и до самого конца XIII в. при массе документов об отчуждении земли

³⁴ SII, XII, no. 63 (IPS, no. 19; IP, no. 154)

³⁵ Heitzman 2001, p. 62

³⁶ ARE, 1916, p. 124

³⁷ ARE, 261 of 1913. 1914 (SII, XII, no. 166)

³⁸ КА, III.8.1.

нет другого случая, чтобы продажа земли сопровождалась процедурой троекратного оповещения. Я воспринимаю этот факт как новое явление для Южной Индии, не как сохранение прежней общинности, а как возникновение новой формы общинных уз. Если раннечольские надписи свидетельствуют, что общинники-землевладельцы (*урар*) владели землей как единым поместьем и делили между собой только ренту, то позднее разделение совместной частной собственности на индивидуальные владения происходило. И это вызывало потребность выразить роль общины как контролера неким иным способом.

Землевладение деревни

Чтобы читатель получил более выпуклое представление о роли *ура* на земельном рынке, приведем ряд примеров, рискуя утомить его подробностями. В 1075 г. некий купец подарил храму цветник. *Ур* Орируккай (около Канчипурама) решил снабдить работников этого цветника и их семьи одеждой, и для этого продал 2000 *кужи* земли, освободив ее от налогов³⁹.

В 1046 г. *урары* Кидангала в Ю. Аркате продали храму некоторые земли за 100 *кашу*, получив «сумму за продажу и сумму за налоги» (*vilai-p-poruñm iñai-p-poruñm àga-k-koī ãu*), т. е. они продали свои низовые права и согласились продолжать платить налоги с этого участка, получив за это некоторую сумму⁴⁰. В 1101 г. такую же сделку заключили *уравары* Палайура (Ченгалпатту)⁴¹. В 1113 г. *урары* Калашаппаккама (Ю. Аркат) продали 2000 *кужи* земли, чтобы погасить долг, в который они влезли, чтобы заплатить недоимку по налогу⁴². Серия надписей от 1122–1126 гг. говорит о продаже земли и *аграхарами*, и *урами*, поскольку иначе они не могли уплатить налоги. Тирумалай считает, что в это время, после смерти Кулоттунги I, налоги резко возросли⁴³.

Урары Нейдалвайила (в Ченгалпатту) в 1114 г. продали землю местному вождю, но, так как он подарил ее храму, взяли на себя за отдельную плату обязанность уплачивать налоги с нее⁴⁴.

³⁹ ARE, 17 of 1893 (SII, III, p. 142–143, no. 68)

⁴⁰ SII, VII, no. 842 (EI, XXIII, p. 24, no. 4.)

⁴¹ ARE, 26 of 1932/33. См. также ARE, 388, 389 of 1958/59 (1111 г.)

⁴² SII, VIII, no. 324 (Tirumalai 1987, p. 130)

⁴³ SII, VII, no. 96, 97 (Tirumalai 1987, p. 63)

⁴⁴ ARE, 392 of 1958/59. См. также примеры продажи земли *уром*: ARE, 87, 88 of 1900; 73 of 1909. 1910; 112 of 1914 (SII, XIII, no. 166); 26, 94, 154, 210 of 1932/33;

Случаи дарений земли *уром* храму или другим юридическим лицам в чольский период встречаются довольно редко⁴⁵. Они учащаются в период Пандьев⁴⁶.

В 1125 г. *урар* утверждают разнообразные дарения земли, сделанные многими частными лицами, в том числе неким довольно знатным лицом — Тируччирамбалам-удейяном, он же Шембийян-мувендавелан из Алаттура⁴⁷.

В 1081–1082 гг. одна брахманка захотела, чтобы в храме постоянно горела лампада в ее честь. Она дала определенную сумму денег пастухам селения Эдайярпаккам (Ченгалпатту), чтобы те приобрели на них овец, молоко которых даст масло, и это масло будет гореть в лампаде. Но пастухи вернули деньги, заявив, что на такую сумму невозможно купить нужное количество овец. Тогда дама на эти деньги купила участок земли в 1 *вели* у деревенского собрания и подарила его храму, чтобы лампада горела на доходы с этого участка. Однако вскоре выяснилось, что этот участок невозможно оросить, поскольку он высоко расположен, а также что он находится далеко от селения, и никто не хочет его обрабатывать. Бедная женщина была просто обманута коварными *урарами*: они продали ей неудобь! Храмовые власти попросили *ураров* взять этот участок снова себе, а взамен выделить нужное количество коров, чтобы полученное из их молока масло позволяло поддерживать постоянную лампаду. *Урарам* пришлось согласиться⁴⁸.

Надпись из Тирувоттура (С. Аркат) рассказывает, что большое наводнение смыло деревню и уничтожило урожай. Жители, чтобы заплатить налоги, продали часть своих орошаемых земель в 1125 г., а на следующий год — также и часть богарных земель⁴⁹.

Такая же сделка зафиксирована в Эрумбуре (Чидамбарам) в 1153 г.⁵⁰

Таким образом, *ур* в целом (напомню, речь идет о верхней прослойке деревни) обладал общими землями, которыми довольно свободно распоряжался. Основную часть общинного имущества составляли

135, 208 of 1939/49; 11, 277 of 1940/41. 1939/43; 134 of 1941/42. 1939/43; SII, III, p. 45–46, no. 24

⁴⁵ ARE, 321 of 1939/40. 1939/43; 217 of 1940/41. 1939/43; 146 of 1942/43. 1939/43

⁴⁶ ARE, 105, 107, 108 of 1945/46; 259, 277, 279 of 1950/51

⁴⁷ ARE, 30 of 1940/41

⁴⁸ ARE, 253–254 of 1910. 1911

⁴⁹ ARE, 88 of 1900 (SII, VII, no. 97)

⁵⁰ ARE, 397 of 1913. 1914

именно пахотные земли, как видно из содержания дарений. Понятно, что в распоряжении собрания оставались также прочие уголья — леса, пастбища и пустоши. Вода местного водоема также представляла собой общинный «актив». Бывало, что *ур* торговал этой водой⁵¹.

В начале XIII в., когда появились индивидуальные участки, уже надо было пояснять, что деревенское собрание отчуждает ту землю, которая находится в его «общей собственности»⁵². Земли в общинном владении сохраняются⁵³. В период поздних Пандьев довольно часты данные о покупке и продаже земли *урарами*⁵⁴, причем иногда они продают⁵⁵ или дарят⁵⁶ целые деревни.

Коллективную частную собственность в южноиндийской деревне (и брахманской, и небрахманской) можно при желании рассматривать как форму присвоения земли, более низкую, чем индивидуальная частная собственность. В этом смысле можно говорить об определенном развитии частной собственности от ее коллективных форм к индивидуальным. Надписи позволяют зафиксировать такой процесс. Но важно отметить, что это процесс шел **внутри** эксплуататорских видов собственности, происходил переход от коллективной частной собственности к индивидуальной, а не **узурпация** общинных прав частными лицами.

Понятно, что деревенская собственность на землю была податной, низовой. Она была обременена обязанностью уплаты государственных налогов. Собрание несет ответственность за уплату налогов своими членами. Когда один из жителей деревни сбежал, так как убил человека, и, следовательно, не платил налогов, *уравары* продали принадлежавшую ему землю⁵⁷.

Но *ур* был странным с сегодняшней точки зрения плательщиком. Например, он может решить, выплачивать налоги царю, или же храму⁵⁸. Он также сам принимает решение, какие налоги будет платить. Например, в 1256 г. жители деревни торжественно заявляют, что будут платить все стандартные налоги, но «не платить дополнительные налоги

⁵¹ ARE, 376 of 1909. 1910

⁵² ARE, 279 of 1909. 1910 (1215 г.)

⁵³ ARE, 54 of 1908. 1909; 2 of 1924; 2 of 1926; 124, 147, 150 of 1935/36; 274, 284 of 1940/41. 1939/43; 245 of 1941/42. 1939/43

⁵⁴ ARE, 240 of 1941/42. 1939/43; 332, 357 of 1949/50; 504 of 1958/59; 186 of 1960/61; IPS, no. 568 (Tirumalai 1987, p. 34)

⁵⁵ ARE, 42 of 1946/47

⁵⁶ ARE, 52 of 1946/47; 510 of 1958/59

⁵⁷ ARE, 505 of 1958/59

⁵⁸ ARE, 593 of 1916. 1917

кроме сборов в пользу храма и царя. Если кто-нибудь заплатит эти дополнительные налоги, он будет изгнан, и будет считаться ниже собак и свиней»⁵⁹.

Степень самостоятельности деревенского собрания в XIII в. в налоговых вопросах можно ощутить по следующей надписи. В правление Ви́ра Пандьи его вассал из династии Шамбуварайев приказывает *ураварам* одной из деревень нести расходы по проведению одного из храмовых праздников в счет полагающихся с них налогов⁶⁰. Здесь мы видим обыкновенный дар части налогов магнатом храму. Но этот магнат не может приказать перечислять налог некоему своему налоговому чиновнику. Такового просто нет. Деревня самостоятельно собирает налог с себя, но теперь часть его передает не властям, а храму. Деревня, таким образом, находится во власти князя, но при этом играет роль субъекта налогообложения, а не просто его объекта.

Такое же впечатление оставляют две надписи 1224 г. В одной из них местный магнат дарит деревню Тиндурай как *сарваманию*, т. е. освобождает ее от налогов в свою пользу и передает это право храму. В другой — жители этой деревни утверждают это решение⁶¹.

И этот случай не исключительный. В Амбасамудре при Джагадекавармане Сундаре Пандье царь также передает некоторые налоги храму, но сообщает об этом деревенскому собранию⁶². В 1271 г. другая деревня в Танджавуре, подарив храму сбор с 2 *вели*, сама вносит соответствующее изменение в реестр налогов (*oëugu*)⁶³.

В 1264 г. местный магнат, обладатель пышных титулов, дарит храму 3 *ма* земли. Но после этого храмовым властям приходится договариваться с «начальниками деревни» о способе использования этого участка⁶⁴.

Ур как получатель сборов и налогов

Кроме земель как объекта хозяйствования, *ур* имел «активы» в виде налогов и сборов в свою пользу. Их состав формировался спонтанно, стихийно, поэтому нельзя определить «долю деревни» в общих

⁵⁹ ARE, 282 of 1943/44 (Tirumalai 1987, p. 171)

⁶⁰ ARE, 178, 180 of 1939/40. 1939/43

⁶¹ ARE, 489, 490 of 1919. 1920

⁶² ARE, 593 of 1916. 1917. (По копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре.)

⁶³ ARE, 85 of 1931/32 (SII, II, p. 146, no. 233)

⁶⁴ ARE, 151 of 1904 (SII, XVII, no. 171)

объемах налогообложения. Но эта важная деталь говорит о социальной роли деревенского собрания как одного из юридических лиц, участвующих в распределении прибавочного продукта.

Более того, деревенское собрание могло отменять государственные налоги с той или иной площади. Например, в 1123 г. в Ченгалпатту *урары* сокращают налоги на участок, подаренный неким частным лицом храму⁶⁵.

Можно привести только отдельные отрывочные данные о сборах, оставшихся в деревне.

В недатированной надписи периода Чолов *ур* освобождает подаренные им земли от 9 сборов, составляющих две более крупные группы: *antarāyam* и *kuāimai*⁶⁶. Первый из этих терминов буквально значит «внутренний доход», второй понимается как средства, остающиеся в деревне после уплаты централизованных налогов (*кадамей*). Можно принять, что в данной надписи эти два термина призваны объять понятие «сборы в пользу *ура*». В одной из надписей Раджараджи I сборы в пользу *ура* (*vari-p-pāāu*) составляют часть *кудимей*⁶⁷.

В другой недатированной надписи *ур* продает храму сборы с лавок (*aēgāi-k-kōli*), торгующих такими наиболее ходовыми товарами, как рис, падди, бетелевые листья и орехи арека⁶⁸. *Ур* вместе с купеческой организацией контролирует сборы с лодок и других судов⁶⁹. Следовательно, деревенское собрание могло получать отчисления с торговли, ведущейся в пределах его юрисдикции.

Ур получал некие сборы не только с жителей своей деревни, но и с окружающих, в частности, с жителей брахманских *аграхар*. В дистрикте Тирунелвели в XIII в. имелся такой *ур*, который собирал подати в свою пользу с *кудимаккал*, живущих в *pura-paāū*, *brahmai a-paāū*, *paāi-paāū* и *nāāāēgāl*⁷⁰. Не все эти термины понятны. Ясно, что это земли, имеющие разный статус. Среди них такие, как «брахманские поселения» и «военные поселения». В 1235 г. члены *сабхи* дарят храму свои земли, но при этом оговаривается, что сборы в пользу *ура* они будут вносить по-прежнему⁷¹.

⁶⁵ ARE, 122 of 1940/41. 1939/43

⁶⁶ EI, XXIII, p. 24, no. 4

⁶⁷ ARE, 121 of 1925 (Sastri 1955, p. 505)

⁶⁸ ARE, 321 of 1910. 1911

⁶⁹ ARE, 78, 79 of 1963/64 (Hall 1978, p. 91)

⁷⁰ ARE, 588 of 1917

⁷¹ ARE, 311 of 1949/50

Создается впечатление, что при поздних Пандьях, в XIII в. позиции *уров* окрепли. Они начинают играть роль в управлении храмами, отстаивать свои права (или претензии) в спорах с храмом. Например, в 1239 г. *махешвары* и *уравары* совместно решают вопрос о наказании двух шивабрахманов, которые отдали ожерелья, висевшие на статуе богини, своей наложнице⁷². *Ур* наряду с *махешварами* и *наттарами* участвует в суде над человеком, присвоившим храмовых коров⁷³.

В период Пандьев учащаются споры *ураров* с храмами по поводу собственности на те или иные земли⁷⁴. Одна из пандийских надписей сообщает, что некое селение было когда-то дано брахману как *экабхогам-брахмадея*, т. е. в единоличное владение. Но позже часть этого селения была захвачена шудрами, отграничена от брахманского владения и получила собственное название⁷⁵.

Другая надпись рассказывает похожую историю деревни Перунгандур. Она была еще в 808 г. подарена 52-м брахманам. Через много лет после этого пришли некие *велама* (телужская каста, аналогичная тамильским веллалам) и стали арендаторами брахманов в этой деревне. Но как-то настал голод, и брахманы ушли, спасаясь от него. Когда они вернулись, то обнаружили, что *велама* заняли их земли, переименовали деревню в Кодуру и отказываются платить ренту. Брахманы пожаловались местному магнату. Тот собрал тяжущиеся стороны и свидетелей, понял, что решить вопрос о том, кто истинный владелец, обычным путем невозможно, и предложил *веламам* и брахманам пройти через божий суд огнем. *Велама* отказались, и магнат подарил заново деревню брахманам⁷⁶.

В 1209 г. *урары* Пулийура спорят из-за участка земли с соседними *нагарамом* и *аграхарой*⁷⁷.

В 1259 г. *урары* Вайялура в Ченгалпатту принимают специальное решение освободить земли, принадлежащие 4-м храмам, и расположенные в данном селении, которые они, члены *ура*, держали в аренде или как купленные, и впредь не брать эти земли либо через заклад, либо путем покупки, и считать того, кто это делает, «предателем

⁷² ARE, 278 of 1927

⁷³ ARE, 543 of 1921. 1922

⁷⁴ ARE, 416 of 1921. 1922; 290 of 1968/69 (IPS, no. 145, 546)

⁷⁵ Gurukkal 1985, p. 161–163

⁷⁶ SII, XXIII, no. 580 (Tirumalai 1987, p. 60)

⁷⁷ Tirumalai 1987, p. 29

Шивы» и «предателем царя»⁷⁸. Ясно, что надпись эта фиксирует неблаговидное поведение жителей деревни, которые под видом безобидных заклада и покупки по существу разграбили храмовые земли.

В надписи примерно 1311 г. рассказывается, что *урары* шести селений (перечисленных) требовали уплаты им *кадамея* с деревни, которая еще в 1186 г. была дарована храму как *девадана*. Потребовалась совместная акция совета храма, властей *наду*, местной гильдии ткачей и местного магната Кулашекхары Ванавадарайяра, чтобы убедить *ураров* через 125 лет (!) пойти на соглашение. *Урары* согласились уплачивать храму 1200 *панамов* деньгами и передать храму 20 *ма* земли (т. е. платить налоги с этой земли), а также отремонтировать две статуи. Но деревню в целом они, следует из надписи, сохранили за собой⁷⁹.

В другом случае границы между землями деревни и землями храма в Ю. Аркате были установлены в 1306 г., но жители деревни не согласились с тогдашним решением. Были проведены еще два размежевания, но теперь на них не согласились власти храма. В 1319 г. спор решили 4 местных магната⁸⁰.

В 3 год своего правления Джатаварман Кулашекхара Пандья подарил деревню храму. В 13 год правления того же царя оказалось, что два человека из этой деревни не соглашались передать свои земли храму иначе, как за плату. Наложница из гарема царя выкупила эти земли и подарила их храму⁸¹.

П. Шанмугам обращает внимание на то, что когда речь идет об отмене сборов в пользу деревни (*сабхи* или *ура*), царский чиновник никогда не упоминается. Это может означать, что эти сборы понимались как неоспоримая собственность селений (их общин), и даже формальное утверждение таких дарений не требовалось⁸².

Урары устанавливали в нужных случаях самообложение. Один из таких сборов в размере 1 *кади* с каждой *патти* земли *урары* Пожпондай (около Канчипурама) в 871 г. продали одному из своих членов, который употребил эти средства на ремонт водоема. Предусмотрены санкции в отношении тех, кто не будет платить этот сбор⁸³.

⁷⁸ ARE, 363 of 1908. 1909

⁷⁹ ARE, 290 of 1968/69 (IPS, no. 145, 546; Tirumalai 1987, p. 32)

⁸⁰ ARE, 416 of 1921. 1922

⁸¹ ARE, 310, 311 of 1924

⁸² Shanmugam 1985, p. 177–181

⁸³ SII, XII, no. 97 (IP, no. 196)

В 880 г. подобную сделку совершили *урары* соседнего селения Килпудур. Сбор в 1 *кади* с *патти* земли купил у них Мадеванар, сын князя династии Бана, вассальной Паллавам. Эта надпись интересна еще в одном отношении. Из нее следует, что составляющие деревню два слоя — «господа» и «земледельцы» (*kīvum kuāiyum poduvāy*) данный налог на поддержание танка должны были платить одинаково.⁸⁴

Фразеология, употреблявшаяся в отношении прав сельских общин на окружающие земли, иногда совпадает с той, которая характеризует права царя. Так, например, недатированная надпись из района Ченгалпатту говорит о том, что *урары* Ужалура предоставили «все иммунитеты» (*sarvaparīhāram*) участку земли, который подарил один из придворных⁸⁵. Можно предполагать, что *парихары*, которые предоставляло деревенское собрание, не аналогичны тем, которые предоставляли цари, когда они одаривали брахманов. Но все же совпадение терминов многозначительно. Некоторые иммунитеты могли предоставлять именно не царские власти, а местные общины. Это значит, что они владели некоторыми прерогативами в отношении населения, которыми и могли поделиться.

Термин *ирайили* буквально означает «нет налога». Он применялся к землям, которые с момента дарения переставали платить налог. Понятно, что этот термин чаще всего встречается в дарениях, производимых царем или таким магнатом, который неким образом уполномочен раздавать подобные освобождения. В этой ситуации весьма интересно, что тот же термин употреблялся, когда деревня освобождала тот или иной участок или то или иное лицо от сборов в свою пользу: *ōrkē-īāiyili* («деревенское низшее освобождение от налогов»)⁸⁶.

Мы не можем не заключить, что, подобно *наду*, *ур* также участвовал в дележе верховной собственности.

Совокупность имущественных прав ура (земли, сборы и привилегии) называлась, как упоминалось выше, *ōrāṇci* («собственность деревни»)⁸⁷.

⁸⁴ ARE, 1923, no. 116 (SII, XII, no. 102; IP, no. 212)

⁸⁵ ARE, 17 of 1899 (SII, VI, no. 453; IP, no. 94)

⁸⁶ ARE, 224 of 1917. 1918

⁸⁷ SII, III, p. 305, no. 151; ASI, 1903/04, p. 233–235 (SII, III, p. 436, no. 205); SII, XII, no. 98 (IP, no. 197); EI, XXII, p. 250, no. 34

Хозяйственные функции ура

Урары, подобно другим общинам, могли быть **депозитариями средств**, выделяемых храмам. Они брали на себя обязанность выплачивать проценты (обычно в виде животного или растительного масла на поддержание лампы в храме) на депозит денег или риса. Такая практика была широко распространена уже с периода Паллавов⁸⁸.

В период Чолов⁸⁹ и поздних Пандьев⁹⁰ *ур* продолжал быть депозитарием сумм, проценты с которых должны были идти на нужды храма.

Урары Чаммалалая в Сев. Аркате, получив от дочери правящего царя 30 *кажанджу*, обязуются снабжать вечную лампаду растительным маслом (1 *ужакку* ежедневно). Кроме того, они обязаны кормить дважды в день тех, кто придет за этим маслом. Если они нарушат обет, они заплатят штраф некоему Совету по дхарме (*dharmāsanam*)⁹¹. Такое же обязательство берет на себя *ур* Урадагама, расположенный в другой *наду* и другом *коттаме*, чем первое поселение⁹². *Урар* Мейура (Ченгалпатту), получив от местного магната 90 овец, обязуется поддерживать постоянную лампаду в храме своего селения⁹³.

Другое направление деятельности коллектива ура — быть гарантом тех дарений под условием уплаты процентов храму, которые получают его члены индивидуально. В надписи 802 г. из Ю. Арката сообщается, что некие двое членов *ура* получили 16 *кажанджу* золотом с условием, что они будут снабжать храм ежедневно определенным количеством риса. Они стали «распорядителями-исполнителями» (*nāyakaā-ceyvār*) дара. Однако, видимо, сорвали «поставки», и *ура* принял на себя ответственность за уплату процентов, более того, постановил, что если он не справится с их уплатой, то будет платить на четверть больше, а кроме того, заплатит штраф в 4 1/4% от основной суммы долга⁹⁴.

⁸⁸ SII, XII, no. 50 (IP, no. 126); SII, XII, no. 103 (IP, no. 219); SII, XII, no. 89 (IP, no. 240). Этот вид дарения — *akāya-nēvè* («нерасходуемый капитал») подробно проанализирован в статье: Тарасюк 2004

⁸⁹ ARE, 33 of 1940/41. 1939/43

⁹⁰ ARE, 275 of 1941/42. 1939/43

⁹¹ EI, XXVI, p. 234, no. 29-a

⁹² EI, XXVI, p. 235, no. 29-b

⁹³ ARE, 399 of 1958/59; см. также ARE, 280 of 1959/60

⁹⁴ ARE, 283 of 1916 (SII, XII, no. 42; IP, no. 100). Мнение Я. В. Тарасюка, что штрафы за прекращение выплаты процентов накладывались лишь на *сабху*, но не на *ур* (Тарасюк 2004, с.212) является, таким образом, ошибочным.

Выполнение подобных обязательств предполагает некую хозяйственную деятельность, приносящую доход.

Сферой хозяйственной активности деревенских собраний являлась также **забота об орошении**⁹⁵.

В 768 г. собрание селения Пайямур (в Ченгалпатту) (которое в данном случае носит название *ōr-gaī am*) получило от купца из Маммалапурама 6 400 *кади* неочищенного риса (*падди*) и согласилось в счет процентов на эту сумму ежегодно чистить водоем в своем селеении. Проценты эти получатся за счет того, что *ур-ганаттар* будут взимать по 16 *кади* риса с 1 *патти* орошаемой из этого водоема земли⁹⁶.

В 895 г. *урары* клянутся, что будут поддерживать водоем на доходы от земли, подаренной им частным лицом⁹⁷. В 985 г. некий купец из Кулаттура купил у *ураров* этого селения участок земли и подарил его той же деревне, чтобы на доходы с него поддерживался танк⁹⁸.

В недатированной надписи периода Чолов из С. Арката сообщается, что *урары* соорудили водоем и канал от него⁹⁹. В 1201 г. жители деревни сооружают водоем в одном из принадлежавших им поселков, чтобы оросить земли этого и еще одного поселка, который тоже принадлежал им, но почему-то одновременно считался *деваданой*¹⁰⁰.

В 1228 г. некие главы военного поселения (*paḍai-p-raāṇu*) Вирайячилаи получили «плату за воду» (*nē-vilai*) от жителей деревни Куматтаккуди¹⁰¹. *Уравары* Арайшура согласились прорыть канал от Кавери до некоего храма, когда этот храм в оплату работ передал им некоторые земли из своей *деваданы*. *Уравары* могли также выделять средства на поддержание водоема чистой воды, т. е., видимо, предназначенного не для орошения, стирки и водопоя скота, но для бытовых нужд¹⁰². А в 1221 и 1230 г. жители другой деревни, напротив, расстались с частью воды из своего водоема, подарив ее храму¹⁰³.

⁹⁵ IP, no. 83

⁹⁶ ARE, 109 of 1932/33 (SII, XII, no. 34, IP, no. 83)

⁹⁷ SII, III, p. 226, no. 93 (Gupta, 1933, p. 93)

⁹⁸ SII, XII, no. 110 (IP, no. 232). Аналогичный эпизод см. EI, XXVIII, p. 267–272, no. 43-a

⁹⁹ ARE, 198 of 1939/40. 1939/43

¹⁰⁰ ARE, 295 of 1909. 1910

¹⁰¹ ARE, 90 of 1916

¹⁰² ARE, 7 of 1926

¹⁰³ ARE, 399 405 of 1916. 1917

В 992 г. по решению деревенского собрания «пашущие земледельцы» (*uākuāigal*) должны выделять на поддержание деревенского водоема по 1 *куруни* с каждого *ма* земли¹⁰⁴.

Это достаточно скандально: господа деревни снимают с себя обязанность поддерживать оросительную систему и перекладывают ее на плечи реальных земледельцев.

Неточно датированная чольская надпись сообщает, что некий Вимадигала, сын Тевади Бхаттана, *paṇṇi-uāaiyāṣ* данного селения, дал *урарам* Пандийура некоторое количество золота, чтобы те могли поддерживать водоем в деревне¹⁰⁵.

В 1013 г. жена местного магната выделила 500 *кужи* земли в *āri-paṇṇi* (земля, предназначенная для сооружения или поддержания водоема) к югу от селения Пуннайпаккам и, чтобы освободить эту землю от налогов, заплатила некоторую сумму золотом местному *уру*¹⁰⁶.

Среди этих примеров значительная часть говорит о том, что деревенские власти занимаются орошением не по собственной инициативе и не на свои деньги. Возможно, такое впечатление возникает оттого, что надписи фиксируют не хозяйственную деятельность как таковую, а акты благотворительности. Поэтому в них много упоминаний о предоставлении деревне средств со стороны.

Самостоятельность и ответственность *ура* за дела деревни проявлялась в том, что **в случае неурожая** (засухи или наводнения) он **принимал меры для облегчения ситуации**, не ожидая помощи ни от каких внешних институтов.

Выше упоминались случаи, когда *урары* закладывали или продавали свои земли, чтобы «перебиться» в голодные годы¹⁰⁷. В 1188 и 1215 гг. жители Тирукаччура, также испытывая затруднения в выплате налогов, заняли некоторую сумму у местного магната¹⁰⁸.

Здесь важно, что в надписях такого рода нет и намека на попытки добиться освобождения от налогов или их сокращения. Такая ситуация находится в резком контрасте с подобными случаями в более поздние времена. Засуха или наводнение в мусульманский период вызывала первую мысль о том, нельзя ли добиться сокращения налогов за этот

¹⁰⁴ SII, XIII, no. 165 (Tirumalai 1984, p. 62, 103)

¹⁰⁵ ARE, 84 of 1947/48

¹⁰⁶ ARE, 251 of 1952/53

¹⁰⁷ ARE, 5 of 1899 (1054 г.); 88 of 1900 (SII, VII, no. 97) (1126 г.); 397 of 1913. 1914 (1153 г.)

¹⁰⁸ ARE, 274, 279 of 1909; 1910

год. И государство, или налоговый аппарат, чаще всего шли на это. Здесь же деревня рассчитывает только на свои силы.

То, что южноиндийские государства не считали своей обязанностью помогать сельским жителям в случае неурожая, подметил еще Нилаканта Шастри. Его объяснение того, что мы не встречаем в надписях упоминаний о мерах правительства по смягчению голода, весьма остроумно и даже убедительно: надписи — это не «отчеты о моральном и материальном прогрессе» (такие ежегодные отчеты издавали в его время английские власти), у них гораздо более узкая задача¹⁰⁹. Справедливость этого замечания не снимает того факта, что вопрос о снижении налогов в случае неурожая в южноиндийской эпиграфике Чольского периода не обсуждается.

Важно не то, что южноиндийских царей можно обвинить в жестокосердии, а то, что в негласном распределении функций между центральной властью и сельчанами финансовое положение деревни находилось полностью в ведении деревни. Другими словами, она была гораздо более самостоятельной и самодостаточной в этом отношении, чем она стала позже.

Другие функции *ура*

Мне кажется, что главной задачей деревенских собраний в то время должна была быть **защита жителей селения** от налогового гнета и нападений грабителей.

Что касается сопротивления повышению налогообложения, сведений о нем немного. По-видимому, такие случаи не являлись сюжетами, достойными запечатления на долговременном материале. Собственно восстания, сопротивление властям, наверное, тоже случались, но о них мы можем догадываться, если в надписи упоминаются некие «беспорядки».

Судя по другим данным, в Индии довольно распространенным способом протеста против несправедливого, по мнению жителей, налогообложения был уход жителей из своего в другое селение или даже в леса. В надписи такие случаи попадают, если конфликт счастливо разрешается благодаря вмешательству благочестивого царя. Например, в 1161 г. жители улицы Ванавакая-п-перундери в селении Тирумандурей ушли из своих домов из-за высоких налогов,

¹⁰⁹ Sastri 1955, p. 399

но Раджараджа II снизил *кадамей* с них до 60 *каламов* с *вели*, и их уговорили вернуться¹¹⁰. По моим понятиям, 60 *каламов* — это действительно легкий налог, который обычно несли привилегированные владения.

Но иногда по каким-то соображениям *ур* занимает иную позицию: становится на сторону эксплуататоров. Очень яркий эпизод случился в 1037–1039 гг. в селении Каллур (Тирунелвели). Там Джатаварман Сундара Пандья, вассал Чолов, выделил из земель деревни 2 *вели*, назвал их как отдельное поселение Шивападешекхараналлуром и подарил храму, установив грабительский налог. Через два года местные землевладельцы (9 человек, из которых один ясно объявляет себя *веллалой*) заявили, что они не могут платить такой налог и отказались от своих прав на землю. Это заявление землевладельцев сопровождается решением *ура*ров. Они соглашались платить штрафы, если какие-либо из землевладельцев деревни «выступят против тех арендаторов, которых посадят *деваканми* (распорядители храмового имущества) для обработки этих двух *вели*, или будут требовать каких-либо прав на те земли как на свои, или будут чинить препятствия тем, кто будет пахать и обрабатывать эти земли или побуждать других чинить препятствия»¹¹¹. *Ура*ры, таким образом, не берут под защиту права своих прежних и, может быть, сегодняшних членов, но в то же время соглашались взять на себя ответственность за их возможное «неэтичное» поведение.

Самооборона селений, скорее всего, обеспечивалась ополчением жителей. Во всяком случае, это наиболее логичное предположение. Надпись Кулашекхары Пандьи из Раманатхапурама объявляет, что два храма и *ур* Шривиллипуттура должны рассматриваться как «убежище» (*abhayam*) для жителей семи (перечисленных в надписи) *наду*¹¹². Остается только догадываться, что же случилось такого, что жители большого района оказались под некой угрозой, и им потребовалось «убежище». Но решимость деревенского собрания выступить в качестве такого гаранта неприкосновенности говорит о многом. Очевидно, *ур* имел возможность защитить беженцев.

Уры могли брать на себя обязанность охранять значительную округу. Около 1254 г. *ур* селения Каландай получил право *надикавал* от *нагараттаров* Сундарапандьяпурама, т. е. право на получение 20 *панамов* за то, что будет защищать жителей города, их скот

¹¹⁰ ARE, 234 of 1927 (Tirumalai 1987, p. 64, 134, 143)

¹¹¹ SHI, XVI, no. 157; XIV, no. 164 (Tirumalai 1987, p. 51)

¹¹² ARE, 587 of 1926. 1927

и имущество¹¹³. Деревня Каландай вообще, видимо, отличалась воинственностью или мужеством. Позже имеются еще две надписи, в которых она берет на себя защиту двух аграхар¹¹⁴.

Члены *ура*, видимо, бывали иногда столь решительны в своих охранительных действиях, что наносили ущерб имуществу окружающих. В 1201/2 г. они договариваются с *наттарами*, что не будут причинять вреда деревьям, колодцам и водоемам, а если все же нанесут ущерб, будут наказаны конфискацией части земли в пользу храма. В этом контексте заявление нескольких *уров*, что они будут защищать от угонщиков скот своих *кудимаккал*¹¹⁵, выглядит как само собой разумеющееся.

Однако в надписях отмечаются и другие формы организации защиты.

В 992 г. в селении Тирумалавади (в Тиручирапалли) получил дом некий Кутрур-удеян Тетри-периян, он же Эдирилишола-мувенда-велан. Он имел земли и дом совсем в другой деревне в другой области, но призван был охранять Тирумалавади, где не имел своего угла¹¹⁶. Судя по имени «стражника», это довольно знатный человек. Он *удеян* селения Кутрур¹¹⁷. Можно полагать, что этот Тетри-периян — офицер, командир некоего отряда.

Один из вариантов такой защиты — плата магнату, имевшему вооруженные силы, за защиту¹¹⁸. Другой вариант — наем стражников и содержание их за счет особых сборов, примерно по системе *джаджмани*¹¹⁹. В 1333 г., уже в то время, когда пандийские княжества были разбиты и аннексированы Мадурайским султанатом, *уравары* Велангуди дарят участок земли некоему человеку, оказавшему деревне большую услугу во время нашествия мусульман. По-видимому, он сумел как-то защитить деревню¹²⁰.

В надписи 993 г., доступной нам, к сожалению, только в пересказе, говорится, что некий человек пожертвовал собой, чтобы спасти селение

¹¹³ ARE, 173 of 1927

¹¹⁴ ARE, 165, 166 of 1927

¹¹⁵ ARE, 373 of 1914 (IPS, p. 19, no. 156; Balaji 2002, p. 57–58)

¹¹⁶ ARE, 91 of 1920

¹¹⁷ О значении титула *мувендавелан* ведутся споры. Мы коснемся их в главе о государственном аппарате.

¹¹⁸ ARE, 295 of 1949/50

¹¹⁹ ARE, 407 of 1921. 1922

¹²⁰ Raman 1972, p. 35

от разрушения. Благодарные *урары* учредили в его честь постоянную лампаду в храме и выделили землю для ее поддержания¹²¹.

В полях Тамилнаду и в селениях встречаются камни, на которых высечены краткие панегирики людям, погибшим в различных столкновениях — против войск государя или магната, при защите деревенского скота от угона. Это обычно «простые люди», — крестьяне и ремесленники. Камни эти получили среди эпиграфистов наименование «камни героев». Они остаются до сего дня объектами поклонения. Их не так много, как в Карнатаке, где, по-видимому, в средние века отряды феодалов и шайки грабителей действовали с большим размахом. Но все же только от Паллавского периода их сохранилось около 60 (большая часть — около 40 камней — в южной части дистрикта С. Аркат). Встречаются также «камни героев», относящиеся ко времени Чолов.

Некоторые надписи рассказывают о сражениях более подробно. Чольская надпись из Ченгалпатту повествует о том, что Каливирия Муттараян погиб, сражаясь с *калларами* на стороне *перумаккал* селения Каккалур. *Каллар* по тамильски просто «воры», но так же называется племя или каста, живущая в основном в районе Пудуккоттая, традиционным занятием которых действительно является воровство (тайное, не грабеж). *Перумаккал* — как мы знаем, это и есть члены деревенского собрания. Они в признание подвига дарят сыну погибшего участок земли на условиях *kalippaṭṭi*¹²².

Нет прямых сведений, что шудрянские собрания осуществляли суд по уголовным делам, как это делали *наду*, *сабхи* и купеческие корпорации. Ко времени правления Викрамы Чолы (1118–1135) относится надпись из Ю. Арката, говорящая о том, что муж ударил свою жену так, что она упала и позже умерла. Собрались «1500 человек из всех четвертей (или кварталов)» и приговорили преступника к штрафу в виде снабжения храма маслом для лампад¹²³. Но в данном случае это собрание никак не названо, поэтому нельзя решить, было ли оно деревенским, или же более широким.

Ур наряду с *махешварами* и *наттарами* участвует в суде над человеком, присвоившим храмовых коров¹²⁴.

¹²¹ ARE, 411 of 1912 (Tirumalai 1983)

¹²² ARE, 54 of 1947/48

¹²³ ARE, 91 of 1906. 1907

¹²⁴ ARE, 543 of 1921. 1922

Иногда *урары* принимали **решения по вопросам бытового или ритуального характера**. В 889 г. *урары* Пиллайпаккама выбили надпись с проклятиями тем жителям, которые хранили *падди* в местном храме (*talam*)¹²⁵. Это показывает, что *урары* могли заниматься вопросами наведения элементарного порядка в селении.

В том же году в другом селении *урары* возвеличили некоего Паттайпоттана и провели праздник в его честь с битьем в барабаны, а затем соорудили его гробницу за то, что он отрезал куски мяса от 9 различных частей своего тела, а затем и вообще себя зарезал в качестве жертвы богине Бхатари (Дурге)¹²⁶.

Ур в аграхаре и в девадане

При дарении селения брахманам или храму *урары*, как правило, об этом не оповещаются. Нам известен лишь один случай (в С. Аркате), когда местный князь, даруя деревню монастырю (*матхе*), оповещает об этом именно *ураваров*, а не руководителя *матхи* или кого-то еще¹²⁷.

Но органы самоуправления небрахманских землевладельцев продолжали, конечно, существовать в деревнях, попавших в *брахмадеи* и *деваданы*, и, по крайней мере, первое время сохраняли некоторый авторитет. Так, в 922 г. *ур*, сохранившийся в Уттарамеруре (об этом поселении пойдет подробный рассказ в главе об аграхарах), продает некоторые земли двум храмам с тем, чтобы на доходы от них поддерживались лампы и предоставлялись весьма определенные культовые услуги. *Ур* будет сам, а не *махасабха*, следить за правильным расходованием этих доходов¹²⁸. Несколько позже *ур* Уттарамерура получает от некоей брахманки депозит в золотых монетах и обязуется следить за горением лампы, которая будет содержаться в счет процентов¹²⁹. В 957 г. *сабха* освобождает некоторые земли от налогов, и *ур* соглашается не собирать сборы в свою пользу с этих земель¹³⁰. В 946 г. *сабха* и *ур*, сдав землю в аренду, получают равные доли арендной платы, т. е. выступают как «сдвоенный» хозяин земли¹³¹. Когда *сабха* подарила

¹²⁵ SII, XII, , no. 72 (IP, no. 170)

¹²⁶ SII, XII, no. 106 (IP, no. 226)

¹²⁷ ARE, 114 of 1941/42. 1939/43

¹²⁸ ARE, 8 of 1898 (Sastri 1932, p. 121)

¹²⁹ ARE, 89 of 1898 (Sastri 1932, p. 122)

¹³⁰ SII, III, p. 324, no. 152

¹³¹ SII, III, p. 245, no. 110

участок земли храму и объявила его свободным от налогов, *ур* собственным решением соглашается, во-первых, платить Богу все виды сборов (которые он, по-видимому, платил ранее *сабхе*), а во-вторых, не собирать с этого участка сборов в свою пользу (которые он собирал ранее)¹³². В другой надписи *ур* Уттарамерура передает храму сборы, которые он получал с поселения Оллийур. При этом декларируется: «Жители Оллийура будут сами опекать этот храм, и никакой господин (выше говорилось, как можно понимать термин *kî* — Л. А.) впредь не должен входить в храм» (*eppārppāṭṭa kî vum puga-p-peāḍāgavum*)¹³³.

В 1042 г. в районе Негапаттама *сабха* и *ур брахмадеи* Раджараджа-чм совместно подарили землю храму¹³⁴. Это значит, что в данном селении имелись земли, находившиеся в совместной собственности брахманской и шудрянской организаций.

В 1069 г. местный вождь приказал *сабхаиярам* и *урарам* Улаганаллуре (Ю. Аркат) отменить налоги на 1000 *кужи* храмовой земли¹³⁵. Из этого можно заключить, что *сабха* и *ур* совместно взимали налоги с храмовых земель.

Две надписи период Чолов из Тируверумбура (Тиручирапалли) упоминают о земле, спорной между *сабхой* Шрикантха-чм и *уром* Эрумбийура. Конфликт был улажен тем, что оба собрания вместе продали этот участок местному вельможе с тем, чтобы он подарил его храму¹³⁶.

В 1177 г. в другой аграхаре *сабха* и *ур* тоже делят поровну арендную плату после уплаты налога¹³⁷. *Веллалы*, живущие в *брахмадеи*, могут самостоятельно дарить храму часть своего риса¹³⁸. В 1069 г. *сабхаияры* и *урары* вместе по указанию местного магната сокращают сборы в свою пользу с храмовой земли, находившейся в податной собственности храма (*тиру-наматту-к-кани*, об этой форме владения — в главе о храме)¹³⁹.

¹³² SII, III, p. 323–324, no. 152

¹³³ ARE, 41 of 1898 (Sastri, 1932, p. 122–123)

¹³⁴ ARE, 92 of 1946/47

¹³⁵ ARE, 173 of 1940/41. 1939/43

¹³⁶ ARE, 123, 129 of 1914 (SII, XIII, p. 22–24, no. 50, 51)

¹³⁷ ARE, 129 of 1927 (по копии с факсимиле в Эпиграфическом центре в Майсуре)

¹³⁸ ARE, 729 of 1909. 1910

¹³⁹ ARE, 683 of 1909. 1910; 261 of 1910. 1911; 173 of 1940/41. 1939/43. См. также ARE, 123 of 1914 (SII, XIII, no. 50); 88 of 1926; 170 of 1940/41. 1939/43; SII, III, p. 133, no. 164

Урары деревни Палайпаккам (в Ченгалпатту) отдают некие распоряжения относительно участка в 5 *ма*, подаренного местным вождем храму¹⁴⁰, а *урары* Палкалама в С. Аркате договариваются с храмом о передаче участка, подаренного этому храму одним из жителей¹⁴¹. В начале X в. *ураров* одного из селений просят не препятствовать поступлению воды из канала на земли храма¹⁴².

В конце X в. *сабха* и *ур* Тируваданная действуют совместно, как две самостоятельные организации¹⁴³.

В 993 г. в Танджавуре *веллалы* (*veṭṭaḷar*) издают свой «указ» («бумагу», *īlai*), в котором перечисляют подати, которые они согласны платить с земель, принадлежащих храму¹⁴⁴.

Довольно многочисленны случаи, когда *ур*, находящийся в аграхаре, продает земли на сторону¹⁴⁵.

Все же факт подчинения местных жителей брахманам в случае дарения деревни в *аграхару* не следует отрицать. По концепции Б. Стайна в Чольский период, и даже еще раньше, устанавливается союз между веллалами и брахманами, и это именно веллалы охотно предоставляли земли и деревни брахманам за их культовую (ритуальную) поддержку. Предполагается, что аграхары возникали не столько в результате царской политики утверждения брахманизма, сколько как добровольные дарения собственных деревень веллалами, доминировавшими в масштабах *наду*.

Б. Стайн вынужден признать, что со временем *ур* в брахманских деревнях теряет значение и исчезает, но это обстоятельство не колеблет его мнения, что все это — в интересах «крестьян», как он их понимает, а именно в интересах властной верхушки доминирующей касты. «*Ур* не был просто деревенским институтом в том смысле, в каком им была *сабха*. *Урары* были членами социальной системы той местности, в которой была расположена деревня, подаренная брахманам. Лишаясь некоторых прав в этих деревнях, они не теряли своих прерогатив как члены локального общества. Упадок *ура* в брахманских деревнях не означает сокращение возможностей составляющих их крестьянских элементов

¹⁴⁰ SII, XII, no. 81 (IP, no. 193) (время Нрипатунгивармана, 869–910 гг.)

¹⁴¹ SII, XII, no. 114 (IP, no. 265) (IX в.)

¹⁴² EI, XXVIII, p. 92, no. 17-a,

¹⁴³ ARE, 269 of 1910 (SII, III, p. 356–357, no. 180)

¹⁴⁴ ARE, 8 of 1946/47

¹⁴⁵ ARE, 287 of 1906. 1907; 485 of 1926. 1927; 222 of 1932/33; 31, 314 of 1940/41. 1939/43

осуществлять воздействие на эти селения и на те земли, которые были за пределами юрисдикции *сабхи*»¹⁴⁶. Мне кажется, что все это — безосновательные натяжки. Это случай, когда концепция побеждает (конечно — призрачно, обманчиво) данные источников.

Индивидуальное землевладение в общине

Постепенно частнособственническое начало стало брать верх. Все чаще в роли собственников и, в частности, продавцов земли, мы видим *канияларов*.

Право *каниялара* на распоряжение своей землей обычно не ставится под сомнение. При отчуждении этих прав мы видим частную сделку, в которой община не участвует. Например, в 946 г. наследственный владелец (*kāi i-y-uṭaiya*) в деревне Каругувур продал свою землю служанке княгини¹⁴⁷.

Права *кани* по определению наследственные. В Южной Индии они наследуются не только по прямой мужской линии, но и по женской. В 5 год Раджадхираджи (неизвестно, I или II, т. е. 1023 или 1168 это год) в селении Килапалувар (Тиручирапалли) жила женщина, которая унаследовала земли от своего мужа и от брата¹⁴⁸.

Надписи чольского периода не дают также оснований считать, что существовала круговая порука в уплате налогов — наиболее частый признак наличия общинного контроля над частными владениями. А те остатки представлений о коллективной ответственности, которые еще сохранились, быстро изживались. Один из Чольских государей в 971 г. исправил решение деревенского совета. Некий Нараянан Мадхаван скрылся из деревни Тируппундурути (Танджавур), не заплатив штраф, наложенный на него деревенским собранием. Тогда *урары* требовали сумму штрафа с его двух братьев, оставшихся в деревне. Братья вынуждены были, чтобы заплатить штраф, продать все свои земли, не только унаследованные от общего отца, но и приобретенные. Царь решил, что это несправедливо и приказал вернуть братьям прежние права собственности¹⁴⁹.

Общинные права на регулирование землевладения выступают также в некоторых особых случаях. В результате различных продаж

¹⁴⁶ Stein 1980, p. 166–167

¹⁴⁷ SII, III, p. 244–245, no. 110

¹⁴⁸ ARE, 258 of 1926

¹⁴⁹ ARE, 80 of 1931/32 (SII, XIII, no. 260)

права землевладельцев могли оказаться запутанными. *Ур* мог произвести проверку документов на владение и утвердить прежних владельцев, если они потеряли земли не по закону. Такую проверку произвел *ур* Аркарамура в 1167 г. Правда, утверждается, что он это сделал по приказу Раджараджи II¹⁵⁰.

В 1174 г. обладатели права *кани* района Кил-Палувур на северном берегу реки Колеруна (Колледама, рукав Кавери) испытывали какие-то затруднения, так что некоторые из них даже лишились этих прав. Царь приказал: «на права *кани* в этом районе не должен претендовать никто, кроме тех, кто обладает этими правами издавна, даже если кто-то скажет, что он царского рода (*irāsukulavar*, эквивалент *раджпуты*), или что он пришел с южного берега Коллидама, или что он купил землю на царском аукционе, или у земледельцев (*kuāivilai*), или у тех, кто купил на аукционе до 10 года правления царя»¹⁵¹.

Кроме того, надпись утверждает, что в пяти (перечисленных) деревнях, которые были подарены храмам и джайнским монастырям (*девадана*, *палличчанда* и т. п.) на условиях *кудиникки* (т. е. с прекращением договоров с прежними земледельцами), владельцы права *кани* стонать не должны, а кто лишился в результате таких дарений своей земли, должен получить ее обратно.

Это одно из убедительных свидетельств того, что владельцы права *кани* и земледельцы (*куди*) — два разных слоя с разными правами, а также, что это обстоятельство не всегда учитывали не только современные исследователи, но и тогдашние власти.

Та же надпись содержит курьезное запрещение покупать земли к северу от Коллидама людям с южного берега той же реки. Карашима пытается это объяснить, указывая, что земли к югу от реки были более плодородными, и их обладатели имели больше возможностей разбогатеть и могли захотеть скупать земли на севере от реки. Но это лишь пример того, что исследователи не могут отказаться от попыток объяснения всего, что встречается в надписях даже тогда, когда данных для толкования сведений нет.

Надпись того же года говорит о том, что селения вокруг Киж-Палувура были превращены в «военное поселение» (*paāai-paāū*). По каким-то причинам это привело к тому, что местные *каниялары* прекратили организовывать обработку своих земель. Царю пришлось

издавать специальный указ, определяющий права *канияларов*, с тем, чтобы они получили возможность вновь оживить свои земли¹⁵².

Вместе с тем, некоторое возрастание значения частного интереса или личностного начала в индийских условиях, имеет, конечно, свое значение. Благотворительные и религиозные дарения, столь многочисленные в изучаемый период, в общем, тоже преследуют индивидуальный интерес — получение личной религиозной заслуги (*пунья*). Но все же, поскольку эти дарения и накопления религиозных заслуг служат поддержанию всеобщей *дхармы*, их можно воспринимать как общественно значимые акции.

Но вот в 1106 г. некое лицо жертвует в храм Шрирангама деньги и 1 *вели* земли, чтобы на полученные таким образом средства устраивали подношения Богу ежегодно в день рождения дарителя. Он же дарит еще 1000 *кашу* для оплаты службы в честь звезды, под которой он родился¹⁵³. Здесь частный интерес явно превалирует.

Интересна надпись из Пандаравадай (Танджавур), выбитая в 3 г. правления чольского царя Паракесаривармана (но такой титул носил каждый второй чольский государь, так что надпись не датирована). Она составлена от первого лица некоего *веллалы* по имени Джаярантивакаран. Он сообщает: «Я купил 1 *ма* земли за 9 *кашу*» и подарил их храму, чтобы на доход с этой земли бог Махадева мог купаться в водах Кавери¹⁵⁴. Надпись от имени простолюдина, составленная в первом лице единственного числа — это большая редкость среди южноиндийских надписей.

Мне кажется, что сюда подверстывается фрагмент из надписи 1005 г., в которой содержится указ о дарении деревни Анаймангалам буддийскому храму (*палли*) местным магнатом Чуламаниварманом из Кадарама. Даритель сообщает о своем решении *наттарам* соответствующей *наду*, жителям *девадан*, и т. п., *нагараттарам*. Царский указ получают, как и положено, *наттары*, и они обходят по границам подаренной земли, тем самым на месте утверждая эти границы. Опять-таки, как и положено, они «просто» сопровождают слониху, которая де-юре и является исполнительницей царской воли. Этот сюжет повторяется в надписях много раз, начиная с эпохи Паллавов, о чем уже говорилось. И вот в этой надписи появляется фрагмент, ранее немыслимый:

¹⁵⁰ SII, XVII, no. 244 (Tirumalai 1987, p. 29)

¹⁵¹ ARE, 259 of 1926 (Karashima 1984, p. 29)

¹⁵² ARE, 257 of 1926 (Karashima 1984, p. 30)

¹⁵³ ARE, 50, 51 of 1948/49

¹⁵⁴ ARE, 238 of 1923 (SII, XIII, no. 66)

«Я, Кон Путан, *веллала*, проживающий в этой [самой] Анаймангалам, ехал на слонихе, присутствовал там со всеми [свидетелями] и показал границы ясно, и это моя подпись»¹⁵⁵.

Из известных медных табличек Раджендры I от 7 (?) года его правления (1018 г.) подобную роль играет другой шудра: «Написано Утамачолой Тамизада-раей по просьбе Тируккалатти Ричча. Остальное (т. е. проведение слонихи вокруг дарованного участка — Л. А.) сделал Аранери, сын Майяны, рожденный в четвертой касте (*caturthānvaya*), чистого происхождения с обеих сторон»¹⁵⁶.

В XIII в. появляется термин *kāi iyāṣi*¹⁵⁷. Это можно рассматривать как усиление права подчиненной собственности, поскольку к *кани* — наследственному праву — добавляется еще и *атчи* — «власть». *Каниятчи* становится полноправным в своем противопоставлении *миятчи*, верховной собственности. К владельцам подчиненной собственности все чаще начинает применяться титул *удеиян*.

Появляются сведения о **долевом распределении земли в шудрянских селениях**. В храме в Уттатуре сохранилась любопытная надпись 17 года правления Раджараджи III (1233). В ней говорится, что некий *удеиян* из Дарумапурама продал храму Джамбукешварам некие земли в Валади, которые он купил у семерых *удеиянов* этого селения и пользовался «как своими собственными» (*ennuāiṣi*). Эти земли включают земли *нанджей* (орошаемые), *пунджей* (суходольные), собственно земли под деревней (*ур-наттам*), земли в поселке пулайянов (*пулай-ч-чери-наттам*) и дом (*манайвиды*). Размер орошаемых земель указан (2 ½ *вели* с небольшим), а относительно других земель сказано, что их размеры зависят от доли продаваемой земли *нанджей* в общей земле *нанджей* деревни¹⁵⁸.

Уже упоминалось о том, что в 1232 г. *махасабха* Уккала, который был *аграхарой*, продала деревню Пуней в семи долях семи лицам, которые, судя по именам, принадлежат к *веллалам* или близким им по статусу кастам. В 1235 г. эти семь дольщиков уже в качестве коллективного органа (*ōṇavarom*) подарили храму 500 *кужи* земли только ради того, чтобы надпись об их покупке была выбита на стене храма. Видимо, такая процедура рассматривалась ими как закрепление своих прав¹⁵⁹.

¹⁵⁵ EI, XXII, p. 213–266, no. 34 (Stein 1980, p. 121)

¹⁵⁶ ASI, 1903/04, p. 233 (SII, III, p. 426, no. 205)

¹⁵⁷ ARE, A 10 of 1945/46

¹⁵⁸ ARE, 37 of 1937/38 (Karashima 1984, p. 25)

¹⁵⁹ ARE, 136, 137 of 1923

В 1263 г. половину деревни Веткайпаккам покупает у *махасабхи* некий купец, а другую половину — семеро веллалов равными долями¹⁶⁰. В 1255 г. жители одной из деревень в С. Аркате разделяют земли между собой на 6 частей¹⁶¹.

В деревне Карисаттангурей три надписи годов правления Раджараджи III¹⁶² фиксируют продажу храму своих долей (*paēgu*) группами собственников (3, 6 и 7 человек, всего 16 человек), каждый раз по 4 доли. Так как известно, что деревня состоит из 12 долей, получается, что вся деревня продается в ходе этих трех сделок. Здесь интересен, во-первых, термин для «доли» (*пангу*), которая, оказывается, в шудрянских деревнях, по крайней мере в XIII в., называлась так же, как и в *аграхарах*. То, что в этих надписях не говорится о площади продаваемой земли, свидетельствует, что продается не только земля, но и все права, связанные с членством в общине. Весьма любопытно, что эти двенадцать долей составляют три равновеликие клена (по 4 доли в каждом), но находящиеся во владении трех разных по численности групп. Дальнейшего разделения между семьями внутри групп не произведено.

Все это очень напоминает деревни типа *наттидари* в Северной Индии в XIX в.¹⁶³ Британские чиновники в XIX в. заметили, что в Северо-Западных провинциях (большая часть будущего штата Уттар Прадеш) формы землевладения на уровне деревни эволюционировали от имения, принадлежавшего одному человеку или коллективу и не разделенному на доли (деревни типа *заминдари*), к деревням *наттидари*, в которых поля и все прочие угодья и доходы разделялись между членами землевладельческого коллектива по наследственным долям, и затем к деревням *бхаячара*, в которых объем прав и обязанностей общинника определялся размером участка, которым он реально владел.

В связи с этим вспомним, что в период Чолов преобладали дарения и продажи общей земли деревенских общин над индивидуальными отчуждениями. Это должно означать, что полноправные общинники владели всей или большей частью земли коллективно и сдавали земли в аренду от имени общины в целом. Это ситуация, напоминающая деревни *заминдари* на Севере. В XIII же веке появляются долевые деревни, доли в которых состоят из прав на различные земли, угодья

¹⁶⁰ ARE, 230 of 1922

¹⁶¹ ARE, 237 of 1921. 1922

¹⁶² ARE, 499 of 1964/65 (SII, VIII, no. 336, 340; Karashima 1984, p. 16)

¹⁶³ Алаев 2000, с. 30–36

и доходы, и эти доли можно отчуждать индивидуально. Наличие долей также вовсе не предполагает личной работы на полях их хозяев.

В случае если общинник уходил из деревни, не заплатив налоги, его земля и дома продавались (чаще всего храму) «его друзьями»¹⁶⁴. Данная надпись оставляет впечатление, что это происходило только по истечении нескольких лет.

Низовая собственность *каниялана*, члена *ура*, материально овеществлялась в ренте. Как и в *брахмадеях*, реально на полях работали не собственники, а арендаторы¹⁶⁵ и безземельные работники. О низших слоях деревни, конечно, известно меньше всего. Но иногда они прорываются в надписи. Не будем повторять те свидетельства о существовании земледельцев-*куди* на землях общинников, которые приводились выше, при обсуждении проблемы собственности. Думаю, что даже эпизодические упоминания о низших слоях деревни должны восприниматься как свидетельства широкого распространения этих слоев.

В 1008 г. общинники одной из деревень Танджавура, которые в данной надписи называются *кутумбинами*, т. е. так, как они назывались в Северной Индии и на Декане (хотя данная надпись на тамильском языке) фиксируют соглашение с *кудимаkkal* относительно ставок арендной платы, размерах мер зерна и т. п.¹⁶⁶

В 1073 г. *урары* Эннура продали 2 *вели*, 1,5 *кани*, 50 *кужи* земли за 40 *кашу* для поселения земледельцев (*uāi-kuāi*), согласившись платить с этой земли *кадамей* и *антараиям*¹⁶⁷. В данном случае ясно, что этими двумя терминами составители надписи хотят выразить всю совокупность государственных и местных налогов. Цена, указанная в документе, крайне мала. Она указана только для того, чтобы привлекаемые арендаторы чувствовали себя «собственниками» хотя бы домов, в которых они будут жить. Перед нами типичный случай испомещения «помещиками» крестьян на свои земли.

Куди могли быть «пашущими» (*uāvu-kuūi*) и «работающими руками» (*kai-viçai-k-kuūi*)¹⁶⁸. По-видимому, последний термин означал безземельных работников.

В надписи 1311/12 г. из Маннаргуди *наттары* Параккарамбай-*наду* устанавливают размеры арендной платы с земель разного качества

¹⁶⁴ ARE, 93 of 1911

¹⁶⁵ ARE, 219 of 1980/81 (Sampath 1991)

¹⁶⁶ ARE, 154 of 1911

¹⁶⁷ ARE, 133 of 1912 (Tirumalai 1987, p. 99–100)

¹⁶⁸ ARE, 581 of 1893 (SII, V, no. 257)

и с разных культур. Предусматривается два вида ренты: либо из доли реального урожая (*variūai*), либо по письменному договору (*aāaii lai*). В первом случае арендная плата (здесь она названа *мелварам*) определяется путем оценки (*puēiparta*) непосредственно на поле при участии арендатора. Условия держания по договору также перечислены. Опустим их, поскольку невозможно установить их сравнительную тяжесть. Важно отметить, что ставки закрепляются, и все дополнительные мелкие поборы отменяются, в том числе даже *nāṭṭu-sammadam*, т. е. от сбор в пользу *наду*. Кроме того, указывается, что если владелец снабжает арендатора семенами, их следует возместить в период урожая. Если арендатор уплачивает ренту не падди, а очищенным рисом, то его лущение и перевозку оплачивает собственник. Поручительство действует только между жителями деревни и ее выселков и не распространяется на чужаков. По-видимому, имеется в виду круговая порука: местные жители не несут ответственности за пришлых земледельцев. Перевод падди в деньги производится по рыночным ценам. Договора об аренде устанавливаются ежегодно в месяцы *вайкаси* или *ани* (т. е. с середины мая по середину июля). Должен выдаваться документ, фиксирующий условия держания. В другом месте говорится даже, что расписки должны выдаваться каждый день.

Не совсем понятно, какие расчеты могут производиться «каждый день».

Если урожай гибнет, следует произвести снижение ставок. Расходы по оплате охраны урожая во время его созревания несет собственник, но арендаторы должны кормить охранников. Земледельцы не должны кормить и ставить на постой проходящих мимо солдат¹⁶⁹.

Система *джаджмани*

Система нетоварного разделения труда между членами разных каст, которой знаменита именно индийская сельская община, система, получившая в социологической литературе наименование *джаджмани*¹⁷⁰, в изучаемый период явно существовала, хотя сведений о ней немного.

¹⁶⁹ SII, VIII, no. 251 (Tirumalai 1987, p. 74–76, 175)

¹⁷⁰ О ней на материале многих районов Индии написано так много [из отечественной литературы см.: Алаев 1976, с. 224–242; Алаев 1981, с. 67–71, 125–133, 183–186, 205–212; Алаев 2000, с. 300–302, 317, 374–379, 394–398; Кудрявцев 1971, с. 99–166; Кудрявцев 1992, с. 50–72], что в данном случае можно обойтись без ее детального изложения.

Ясно, что в состав сельских поселений входили отдельные поселки (*чери*), в которых жили ремесленники разных специальностей и неприкасаемые касты. Они упомянуты в параграфе о структуре селения.¹⁷¹

Они упоминаются и в других надписях, показывающих, в частности, что этими кварталами распоряжалось то же деревенское собрание. В 993 г. *ур* одной из деревень в Танджавуре продал местному магнату пустующие участки в *каммана-чери*, *ваннара-ч-чери* и *парей-ч-чери*.¹⁷²

Вознаграждались сельские ремесленники либо отчислениями от урожая, либо участками земли. В одной из надписей Чольского времени упоминается земля кузнеца (*karumàç*)¹⁷³, в другой — плотника (*taccàç*)¹⁷⁴. В 1154 г. в надписи из Манимангалама (Ченгалпатту) содержится любопытная формулировка: некий плотник, выступающий свидетелем при дарении, владеет, оказывается, «лучшей частью земли, предназначенной для плотников этой деревни» (*ivvór-t-tacca-k-kâi i cempâti-y-uðaiya taccàç*)¹⁷⁵.

В 1203 г. деревенское собрание *ур* продает храму «орошаемую землю деревенского охранника» (*pàâikàppà-çañjeu*)¹⁷⁶. И наоборот: ремесленник мог купить землю в деревне, а с нею, видимо, и «должность». Так, некий горшечник, проживавший в деревне, купил у собрания участок земли размером в 400 *кужи* в качестве *kuûa-k-kâi i*, т. е. как наследственное владение, предназначенное именно для содержания горшечника¹⁷⁷.

Система *джаджмани* складывалась не только естественным путем установления личностных отношений между коллективами землевладельцев и некоторыми профессиональными кастами. Этому процессу активно помогали государство и даже местные князьки, магнаты. В 16 год правления Кулоттунги (неясно, I, II, или III) местный магнат назначил кузнеца в одну из деревень с ее выселками, так как жители пожаловались ему, что у них нет своего кузнеца, и они испытывают в связи с этим некоторые неудобства¹⁷⁸.

¹⁷¹ См. также: EI, XXII, p. 249, no. 34

¹⁷² ARE, 328 of 1927

¹⁷³ SII, III, p. 105, no. 51

¹⁷⁴ SII, III, p. 108, no. 53

¹⁷⁵ SII, III, p. 80, no. 35

¹⁷⁶ SII, III, p. 45–46, no. 24

¹⁷⁷ ARE, 4 of 1940/41. 1939/43

¹⁷⁸ ARE, 7 of 1940/41. 1939/43

В одной из надписей времени Раджендры I (1012–1042) жителям *тинда-ч-чери* и женщинам других каст запрещается участвовать в общественных работах, таких как очистка пруда от ила т. п.¹⁷⁹ Такое запрещение выглядит странным, поскольку с нашей точки зрения это отнюдь не престижные и довольно грязные работы. Однако у тогдашних сельчан было другое мнение.

В период поздних Пандьев появляются более определенные сведения о существовании системы *джаджмани*. Например, *урары* выделяют свободную от налогов землю *àcàri* (ремесленнику) этого селения в вознаграждение за то, что тот соорудил водоем и предусмотрел в нем ступени для омовения бога¹⁸⁰.

Упоминаются деревенские стражники, принадлежавшие к касте *веллалов*¹⁸¹.

Появляется деревенский писарь (*òr-kaí akku*). Он выглядит как уважаемый человек — *удеиан* нескольких населенных пунктов¹⁸².

Начинают проявляться противоречия между кастовыми общинниками и неприкасаемыми. В 1330/31 г. отмечено одно из первых столкновений между этими группами каст. Возмутились *параианы* в 24 деревнях, что привело к убийствам с обеих сторон. Существо конфликта, по-видимому, заключалось в том, на каких условиях *параианы* могут и должны участвовать в торжественных событиях в качестве барабанщиков. Соглашение, которое сумел навязать обеим сторонам местный магнат Гангейярайян, заключалось в следующем: *параианы* играют на барабанах в необходимых случаях (хороших и плохих, т. е. во время как свадебных, так и похоронных церемоний) и получают за это 1 *падакку* падди и 1 птицу. Кроме того, каждый житель, которому оказали такую услугу, должен отмерить 1 *калам* и 1 *туни* падди во время урожая¹⁸³. Здесь мы видим отношения между кастами, типичные для системы *джаджмани*.

¹⁷⁹ ARE, 198 of 1976/77. По мнению К. С. Кришнана, президента IX конгресса Эпиграфического общества Индии, эта надпись — единственное (?) свидетельство дискриминации неприкасаемых в Южной Индии в средние века (SIE, IX, p. IX).

¹⁸⁰ ARE, 38 of 1946/47

¹⁸¹ ARE, 67 of 1945/46

¹⁸² ARE, 158 of 1904 (SII, XVII, no. 178). Повторю, что титул *удеиан* мог означать любого собственника каких-то прав на землю. Пожалуй, лучше всего ему соответствует английский *эсквайр*.

¹⁸³ ARE, 69 of 1924

* * *

Ясно, что южноиндийский социальный строй не был массой замкнутых деревень. Но коллектив индивидуального поселения играл в нем определенную роль, и поскольку он был низовой ячейкой структуры, его можно рассматривать как базовый для общин, надстраивавшихся над ним. Ур выполнял важную функцию первичной социализации личности и в буквальном смысле становился опознавательным знаком человека — происхождение человека навсегда запечатлевалось в его имени. В надписях это хорошо видно. Указание на деревню/город, откуда человек родом, становилось частью его имени. До сих пор у каннада и тамилы первая часть личного имени — название места, где он родился.

Роль деревни в тогдашнем социальном строе станет яснее после рассмотрения всех иных форм общин.

Глава 5

Сельская брахманская община. *Брахмадея и сабха*

Значение *брахматей* в социальной
и административной
истории Тамилнаду

Селения (или группы селений, или отдельные участки земли), выделяемые брахманам для поселения, носили название *брахмадея* («данное брахманам»). Они же часто называются *аграхара* («то, что должно быть дано в первую очередь»). Б. Стайн видит разницу в значении этих двух терминов. *Аграхара*, по его мнению, это комплекс привилегий, получаемых брахманами, живущими не в *брахмадеях*, а в деревнях, которые они не контролируют. При этом он ссылается на санскритский словарь Мониер-Вильямса и на отчет Ф. У. Эллиса 1818 г.¹ Однако в тогдашних надписях мы не находим подтверждения подобной трактовке. Мы будем употреблять термины *брахмадея* и *аграхара* как синонимы.

Брахманские общины пользуются наибольшим вниманием индийских ученых, изучающих социальную историю Южной Индии. Этому есть два объяснения. Во-первых, обычное для индийцев уважительное отношение к брахманам (тем более, что большинство исследователей — тоже брахманы), и, во-вторых, значительное преобладание в наличном историческом материале сведений именно об этих общинах. Так как государство, государи, частные лица, да и общины, чаще всего проявляют себя в фактах дарения земель и деревень брахманам (такова специфика источников), то именно эти действия вольно или невольно воспринимаются как наиболее

¹ Stein 1980, p. 145

важные с точки зрения строительства политики. Дарениям брахманам приписывают, в зависимости от научных интересов автора, либо возникновение феодальных отношений, либо расширение освоенной Индийской цивилизацией территории, либо распространение брахманических идей, либо поддержание социального порядка, либо установление государственного суверенитета над окраинами государства и т. п.

Наиболее часто брахманы-аграхарики (землевладельцы в *брахмадеях*) фигурируют в исторических сочинениях как агентура государей (государства) в среде местного населения (общинного крестьянства), способствующая установлению административного контроля над ним. Б. Стайн рассматривает всю аграрную историю раннесредневековой Южной Индии как создание союза между доминирующей кастой *веллалов* и брахманами. Он полагает, что территориальные «локальности» (*наду*) для упрочения своего социального статуса выделяли из своих земель некоторую часть для испомещения брахманов и сохраняли над новыми поселениями действительный контроль. Он утверждает, что *аграхары* основывались в каждой *наду*, и брахманские органы самоуправления действовали согласованно с «крестьянскими» коллективными органами, прежде всего с *наттарами* и *урарами*. Мои наблюдения над текстами дарений брахманам не подтверждают таких определенных выводов.

Еще раз подчеркнем, что эта трактовка данных надписей не получила развития, в отличие от концепции «сегментного государства» того же автора. Последняя служит объектом серьезных дискуссий

Н. Карашима считает основание брахманских деревень результатом сознательной политики центральной власти, которая, создавая одну-две аграхары в каждой *наду*, тем самым пыталась ставить областные общины под свой контроль. Этот вывод поразителен, поскольку делается на основе данных, которые его совершенно не подтверждают. Карашима пользуется списком деревень, упомянутых в надписях Чолов, обнаруженных в Чоламандалам, т. е. в современных дистриктах Танджавур и Тиручираппалли, составленным В. Венкаия еще в 1899 г.² Он приводит таблицу, показывающую, сколько аграхар было в каждой из известных тогда *наду*. И делает из нее вывод: «Из таблицы видно ... что существовало две-три *брахмадеи* в большинстве *наду*»³. Но таблица показывает совершенно иное. Из перечисленных в ней 106 *наду* имеют

² SII, III, p. 21–29

³ Karashima 1984, p. 39

«одну-две» аграхары только 50, т. е. меньше половины. 23 *наду* вообще не имели на своей территории *брахмадей*. Остальные имели от 3-х до 11-ти брахманских деревень. Другими словами, по крайней мере, эти подсчеты никак не могут подтвердить предположение, что центральная власть целенаправленно размещала *брахмадеи* по *наду* с целью установления своей реальной власти над ними.

Надо еще учитывать, что данные подсчеты ведутся по Чоламандаламу, т. е. по дельте Кавери, району наиболее плодородной земли и наиболее продуктивного земледелия, где брахманы как раз и стремились получить земли. Однако Б. Стайн, который убедительно показывает, что концентрация брахманских общин зависела именно от продуктивности земли, и что их было меньше там, где было меньше возможностей орошения⁴, цитирует Карашиму (по докладу 1968 г.) без комментариев, как бы соглашаясь с ним, поскольку для его концепции такая трактовка данных тоже подходит.

Роль брахманских поселений в консолидации тамильского общества вряд ли стоит отрицать. Безусловно, брахманские общины крепили идеологическое единство тамиллов, распространяя единые религиозные представления и единообразные обряды, утверждая новую, индусскую, интерпретацию традиционных тамильских богов. Такое представление также вполне вписывается в концепцию Стайна о ритуальном сюзеренитете, которым, по его формулировке, обладали Чольские цари в X–XII вв. на всей территории Тамилнаду. Не видно лишь наличия определенного плана «идеологического» или иного подчинения *наду* центральной власти.

Другие исследователи придают распространению брахманских деревень еще большее значение. Желание централизовать управление, поставить его под свой контроль, которое должны были испытывать Чолы, и их политика дарений селений в *аграхары* в головах исследователей сливаются воедино. Ученые брахманы, озабоченные, прежде всего, собственным пропитанием, но также и распространением «правильных» ритуалов и идей храмового индуизма, превращаются под пером исследователей в носителей имперской идеи и агентов центральной власти. Кэтлин Гаф заявляет, что брахмадеи заменяли бюрократический аппарат⁵. Н. Карашима по существу с ней солидаризируется⁶.

⁴ Stein 1980, p. 150–151

⁵ Gough 1980, p. 63

⁶ Karashima 1984, p. XXI–XXII

Но роль брахманов и их *сабх* в разрушении местной автономии не получает серьезного документального подтверждения. Да, мы видим, что царские люди, направляясь «на места», предпочитают останавливаться в аграхарах, обсуждать местные проблемы именно с *сабхайя-рами*, привлекают их лично к обсуждениям наряду с *наттарами*, *нагараттарами* и *урарами*, используя их авторитет, если им надо «провести» какое-то решение от имени «всего народа». Но в то же время брахманы держатся особняком, никоим образом не стремятся стать частью *наттаров* и включиться, таким образом, в местное самоуправление.

Более того, они добиваются исключения своего селения из *наду*, объявления аграхары *taṣiyōṭ* — «самостоятельной деревней». Впрочем, таких случаев (выделения селений из юрисдикции *наду*) всего 22 на протяжении X–XII вв.⁷ Всего же Стайн нанес на карту почти 300 аграхар, упоминаемых в Чольских надписях. Из этого ясно, что выделение аграхар в самостоятельные административные единицы было редким явлением, и это означало лишь сокращение территории, подчиненной *наду*, но не подрыв ее роли в управлении и самоуправлении.

Если же упомянутые выше авторы правы, и сеть брахманских общин «заменила» бюрократический аппарат, то это свидетельство в пользу того, что утверждает Б. Стайн, и в чем я с ним согласен — бюрократический аппарат в течение большей части Чольского периода практически отсутствовал и создавался медленно. Об этом мы поговорим ниже.

Тот же Стайн приводит конкретные данные о том, что подавляющее число *аграхар* отмечено в благодатной дельте Кавери и по берегам этой реки, а также по берегам других рек Тамилнаду. Они явно не распределены равномерно по всей территории, контролировавшейся областными собраниями веллалов. Д. Ладден позже провел еще одно исследование экологических зон Тамилнада и подтвердил это впечатление: в хорошо орошаемых районах глубже стратификация сельского населения, больше брахманов и общинников, не обрабатывающих земли своим трудом, а в «сухих» зонах их меньше и, напротив, больше реальных крестьян⁸.

Кроме того, случаи предоставления земель брахманам непосредственно *наттарами* крайне редки. Такие дарения обязательно попали бы в надписи, если принять гипотезу Б. Стайна.

⁷ Champakalakshmi 2001, p. 73–74

⁸ Ludden 1985, p. 96

Размер и состав брахманского селения

Территория, подпадавшая под юрисдикцию *сабхи*, могла быть самой разнообразной. Визуально различные жилые комплексы, то, что по-русски называется деревней, могли делиться между несколькими *аграхарами*, или между *аграхарой* и шудрянской общиной, или же несколько поселений могли составлять официальную «деревню».

Объединение нескольких поселений в одну административную единицу могло производиться как по решению властей (при самом образовании *аграхары*), так и по согласию общинников значительно позднее возникновения *аграхар*. Так, к надписи Нандивармана I Паллава из Удайендирама в С. Аркате примерно от 459 г., сообщающей о дарении деревни Канчивайил брахману той же деревни, присовокуплена надпись времени Парантаки I Чолы от 933 г. В ней говорится, что две *сабхи* — из Канчивайила и Удайячандра-мангалам — решили слить две деревни вместе и впредь считаться единым селением⁹.

В так называемых Больших Лейденских табличках Раджендры I зафиксирован, может быть, исключительный случай, когда для образования новой брахмадеи были взяты земли у 26 деревень!¹⁰

Объединение нескольких деревень в одну *аграхару*, формально говоря, — в одну «деревню», — довольно частый сюжет в надписях. Но *аграхара* могла также занимать лишь часть населенного пункта, несколько *вели* земли, или, например, пригород. Так, отдельной *брахмадеей* был пригород Тирувотрийура Манали¹¹.

В 863 г. образована *брахмадея* Виделвидугу-чвм в С. Аркате как «единая деревня» (*ākagrāma*) в составе трех селений, одно из которых уже была *деваданой* храма Парамешвары, подаренной тому местным князьком. *Сабха* вновь образованной *брахмадеи* обязуется выплачивать храму прежние суммы в рисе и деньгах, которые он получал ранее. Подробно расписывается, на что должны идти эти деньги и рис¹².

Отмечаются случаи, когда *сабхе* крупной аграхары подчиняются брахманские и иные деревни, разбросанные по значительной территории. Б. Стайн, проанализировав надписи на стенах храма

⁹ ARE, 10 of 1962/63 (EI, III, p. 142–147, no. 23); IA, VIII, p. 50–55, 273 (SII, II, p. 374, no. 74; IPS, no. 10, 76)

¹⁰ EI, XXII, p. 237–238, no. 34,

¹¹ SII, XII, no. 70 (IP, no. 168); SII, XII, no. 99 (IP, no. 200)

¹² SII, III, p. 93–94, no. 43 (IP, no. 132)

в Тируваттутурае (талук Маяварам, Танджавур), показал, что *сабху* в этом селении считали «головной» брахманские собрания 12-ти деревень, расположенных в разных *наду*¹³.

В XIII в. основывались новые *брахмадеи*, причем создается впечатление, что они становятся все крупнее, все реже охватывают лишь одно селение¹⁴.

Весьма важным в данном контексте представляется то обстоятельство, что при создании *аграхары* даже на базе конкретной деревни она получала новое название, обычно производное от имени дарителя, т. е. она становилась как бы «его» деревней, конечно, не в буквальном, а в духовном, или «виртуальном» смысле. Почти всегда к такому избретенному названию прибавлялось выражение *чатурведимангалам* («убежище [знатоков] четырех Вед»)¹⁵. Выше мы уже стали заменять это длинное название аббревиатурой *чвм*.

Вопрос о противоречиях между разными конфессиями, о соотношении дарений брахманам-индусам и джайнам, в данной работе не рассматривается. Однако одно из проявлений борьбы разных конфессий нельзя не упомянуть. В 867 г. царь по просьбе одного из местных вождей дарит брахманам деревню, при этом среди прав новых владельцев упомянуто право сгона с земли тех, кто придерживается «другой дхармы» (*anyānadhamma-kōṭyānvināṭṭya*)¹⁶.

Первые сведения о брахманских общинах

Одна из первых пространственных надписей Паллаво — медная табличка, найденная в дистрикте Беллари, т. е. на территории Андхры, датирована 8 годом правления Шиваскандавармана, т. е. может относиться к 338 г.¹⁷ В ней говорится о дарении дохода с сада группе брахманов (сохранились имена 23 получателей). Каждому выделены доли — от одной до четырех. Кроме того, дарятся 1 *нивартана* земли для устройства тока, 1 *нивартана* — для строительства дома, а также 4 *addhikā* (санскр. *ardhikāḥ* — исполщик) и 2 *kolikā* (некие зависимые люди).

¹³ Stein 1980, p. 158–159. См. также ARE, 615 of 1920. 1921

¹⁴ ARE, 533 of 1926; IA, VI, p. 141, 143; SII, V, nos 446, 448 (Tirumalai 1987, p. 18)

¹⁵ Практика переименований населенных пунктов в связи с разного рода дарениями подробно проанализирована в статье: Цыганков 1973. С. 130–146

¹⁶ SII, II, p. 368, no. 74

¹⁷ EI, I, p. 2–10, no. 1 (IP, no. 3)

Старшим этой группы брахманов назначается некто, то ли носящий имя Апитти, то ли происходящий из деревни Апитти. Брахманы получают эти земли в селении Чиллерекакодунка, в которой они и до этого являлись землевладельцами (*bhojaka*). Они получают все обычные в то время иммунитеты, освобождения от налогов и от обязанности несения трудовых повинностей, а кроме того, от обязательств в отношении «жителей области, жителей Апитти и жителей Чиллерекакодунка» (*viṣayavāśēni apiṭṭivāśēni cillerekakoṭṭavāśēni ca pariharitai*).

Дарение земли в коллективную собственность, распределение дохода по долям указывают на то, что брахманы составляли общину, однако в надписи об этом не говорится. Назначается старший, но нет сведений об общинном совете (*сабхе*, которая вскоре появляется в надписях). Подразумевается, что земли могут нести некоторые повинности в пользу жителей области и деревни, но эти жители также еще не имеют «юридического лица».

К 755 г. относится первое упоминание о *сабхе* как коллективном органе управления брахманской *аграхарой*. Она действует в Уттарамеру-*чатурведимангаламе* (Уттарамерур, Уттарамалур) — большом брахманском поселении недалеко от Канчипурама, которое, как мы увидим, вообще играет выдающуюся роль в комплексе сведений о брахманских общинах.

В этом селении сохранилось множество надписей, относящихся к периодам Паллаво и Чолов, отличающихся значительной подробностью в освещении внутренней жизни *аграхар*. Мы в дальнейшем будем неоднократно обращаться к материалам из этой *аграхары*.

Появляется это селение как уже сформировавшийся комплекс. В нем есть владения отдельных брахманов, состоящие из «четвертей» (*pāṭakam*), которые их владельцы могут продавать, есть собрание этих брахманов (*махасабха*), имеется некий «посредник» (*мадхьястха*). Этот *мадхьястха* покупает три участка земли у трех брахманов селения и дарит их одному из храмов, расположенных там же. «Мы, члены *сабхи*, — говорится далее в надписи, — распорядились, чтобы из продукта этих земель священные подношения в размере 3 *нажи* риса, включая гхи, приносились дважды в день». И они же решают освободить эти земли от всех налогов. Таким образом, *сабха* претендует на управление делами храма¹⁸.

¹⁸ ARE, 72 of 1898 (SII, VI, no. 356; Aiyer, 1967, p. 215; IP, no. 78)

В 866 г. *сабхаияры аграхары* Курам около Канчипурама получают приказ «устранить прежних больших людей» (с этой формулой мы уже знакомы) в связи с дарением 6 *патти* земли в их деревне храму на условиях *arccanà-bhî ga* («владение жреца»)¹⁹. *Сабхаияры* другой *брахмадеи* Тирукандиур в Танджавуре продают участок земли одному из жителей того же селения, с тем чтобы тот подарил его богине²⁰.

Сабха

Орган самоуправления брахманской аграхарой в Тамилнаду чаще всего называется *сабхой*. Понятно, что достаточно часто он фигурирует под названием *махасабха*, поскольку для индийцев характерно присваивать эпитет «великий» всему, чему угодно. Имелись и другие обозначения, как тамильские варианты санскритских слов *самити*, *паришад* (*парудей*) и др., так и тамильские эквиваленты санскритских слов: *kuai* вместо *сабха*, *peruêkuai*, *peruêkuai-makkaë* вместо *махасабха*.

В одной из *аграхар* Чидамбарам этот орган носит название *môla-parucaiyâr*, т. е. «корневые (коренные) члены *паришада*»²¹. В надписи Недунджадаияна Пандьи примерно от 773 г. член совета *брахмадеи* Кожувур называет себя *saêgaç*, т. е. «член *сангхи*»²². Довольно часто высший орган брахмадеи носит наименование *âûêkaî am*, а его члены — *âûêkaî attâr*²³.

Как правило, состав сабхи в надписях не раскрывается. В лучшем случае утверждается, что «все члены присутствовали»²⁴. Нет, конечно, и отчета о происходивших, возможно, дебатах. «Сабха постановила ...» — вот что сообщается читателям. Однако иногда кое-какие сведения о том, кто же собирался и принимал решения, просачиваются.

Сразу надо сказать, что состав был жестко ограничен брахманами. Попытки индийских ученых утверждать, что в собрании участвовали и представители других каст (в духе доказательства существования «демократии» в средневековой Индии) обычно базируются на весьма

¹⁹ IP, no. 140

²⁰ SII, V, no. 572 (IP, no. 171)

²¹ SII, III, p. 214–216, no. 87 (IP, no. 119)

²² IA, XXII, p. 71

²³ ARE, 711 of 1909. 1910; 136, 138, 148 of 1911; 236 of 1923; 62, 63, 64, 65, 230 of 1926; 121 of 1932/33; 265 of 1938/39; 86, 96, 110 of 1941/42. 1939/43; 32, 33, 36 of 1947/48; SII, III, p. 250–251, no. 114

²⁴ SII, III, p. 55, no. 28

сомнительных данных. Были и другие «цензы» для полноправных членов сабхи, о чем будет сказано.

Правда, встречаются выражения, говорящие об участии в собрании всех брахманов от мала до велика. Так, однажды в Уттарамеруре «все, включая юных и старых, собрались и сели полным собранием» (*âbâla vâddhar-amaiya-ep-pâr-p-paâtum niramba-k-kôî-y-irundu*)²⁵.

Иногда *сабха* собиралась «методом битья в барабан»²⁶, т. е. собрание ожидалось многолюдное. Но все понимали при этом, что созывают только брахманов. В деревне мог быть специальный глашатай, который собирал членов *сабхи* на заседание. Он получал ежедневное пропитание из общинного фонда²⁷. Собрание важной аграхары Уккала состояло, судя по количеству подписей под одним из решений, из 98 человек²⁸.

Сабха заседала либо в храме, либо в специальном помещении, сооруженном для этой цели — *дхармастхане*²⁹.

Довольно часто подчеркивается, что *сабху* составляют не все брахманы, проживающие в аграхаре, а лишь самые достойные. В 877 г. *сабха* Уттарамеру-чм продала участок земли трем братьям, лишь один из которых назван *алун-ганаттар*³⁰. Из этого можно заключить, что младшие братья в *гану* не включались.

К IX в. относится надпись от 31 года правления Маранджадаияна Пандьи, в которой содержатся редкие данные о том, как составлялась сабха. В годовом отсчете о надписях, скопированных в 1913/14, приводится близко к тексту ее содержание.

Из дольщиков деревни (*iv-v-ôr paêk-uaiyâr makkaë*) только один, известный хорошим поведением, начитанный в «мантрах-брахманах», включая одну «дхарму»³¹, представляет одну долю (*oru paêkiçôkku orutare sabhayil*).

Из тех, кто получил долю через покупку, дарение или в приданое, только тот, кто начитан в «мантра-брахманах», включая одну «дхарму», может принимать участие в обсуждениях. Ни в коем случае четверть,

²⁵ ARE, 62 of 1898 (Sastri 1932, p. 121)

²⁶ ARE, 553 of 1921

²⁷ ARE, 156 of 1919 (Gupta 1933, p. 77–78)

²⁸ ARE, 351 of 1923. 1924

²⁹ SII, III, p. 55, no. 28,

³⁰ SII, VI, no. 370 (IP, no. 206)

³¹ Передаю термины, как они звучат в тексте. Не будем вдаваться в выяснение того, что тогдашние тамилы понимали под этими наименованиями.

половина или три четверти права собственности (*ūravaī ai*)³² не должны признаваться.

Среди тех, кто купил доли, только те могут участвовать в собрании, которые выдержали экзамен по всей Веде вместе с Паришиштой.

Те, кто не обладает полным *шраванам*, не могут быть избраны ни к какой комитет (о «комитетах» чуть ниже) для управления деревенскими делами.

Те, кто удовлетворяет указанным условиям, не должны ни в коем случае постоянно противиться обсуждению в собрании, говоря «нет, нет» на каждое выдвинутое собранием предложение. Те, кто делает это, вместе с поддерживающими их, должны заплатить штраф по 5 *кашу* за каждый случай и продолжать подчиняться тем же правилам³³.

Эту декларацию не следует воспринимать как документ в привычном нам виде. Насколько я понимаю характер эпиграфического материала, это скорее плод размышлений некоторых «теоретиков» на тему об одном из идеалов. Но направление мысли интересно и по-своему информативно. Видно стремление зафиксировать деление землевладельцев на полноправных общинников и не совсем полноправных в зависимости от размера владения. Видно стремление ввести «образовательный ценз», хотя требования о прохождении неких экзаменов по ведической литературе являются, по-видимому, чисто декларативными.

Исполнительная власть в *брахмадеях*

В некоторых *аграхарах* (мы не можем утверждать, что во всех) ряд функций по управлению общим имуществом выполняли создаваемые *сабхой* исполнительные органы, носившие название *vāriyam*. Этимология этого слова неясна. Принято условно переводить его как «комитет».

Впервые это слово употребляется в надписи 805 г. из Уттарамерура. В ней *сабхайяры* обязываются на доходы от полученных ими 20 золотых монет поддерживать функционирование водоема. Оговаривается, что эта работа будет поручена комитету, действующему на соответствующий период³⁴.

³² Перевод *шраванай* как «право собственности» основан на контексте, он не имеет этимологического обоснования в имеющейся литературе.

³³ ARE, 1913/14, p. 98

³⁴ ARE, 74 of 1898 (SII, VI, no. 359; IP, no. 102)

В 885 г. золото, подаренное храму, передано под покровительство *vāriya-p-perumakkaē* («больших людей-комитетчиков») *сабхи* Уттарамерура³⁵. Имеется в виду, наверное, специальный комитет по управлению храмами. Он упоминается в других надписях под разными названиями. В недатированной надписи Нрипатунгавармана (869–910) из Танджавура сообщается, что такой комитет в *брахмадейе* Шрикантапурам состоит из 12 членов (*варияр*). Они наблюдают за исполнением дара вместе с *панмахешварам* и охранниками храма³⁶.

В 879 г. в Уттарамеруре упоминаются «члены комитета водоемов» (*āri-vāriya-p-perumakkaē*), которые должны организовывать регулярную чистку водоема от ила на доходы от участка земли, подаренного для этой цели одним из членов *āṇṇēgaī a* (*сабхи*)³⁷. Ту же задачу выполняет этот комитет в 887 и 890 гг.³⁸

В другой знаменитой аграхаре Уткап (Уккал) в С. Аркате в 884 г. упоминаются «члены годового комитета» (*saī vatsara-vāriya-p-perumakkaē*). Судя по более поздним надписям, о которых будет еще речь, «годовой комитет» был как бы выше остальных, но в данном случае он исполняет те же функции, что и «комитет водоемов»: он берется за укрепление берегов водоема на проценты, которые можно получить от 1000 *кади* неочищенного риса (падди), полученных от некоего Садаияна³⁹.

Итак, *вариямы*, «комитеты» *сабхи*, появились еще в период Паллавов. Тогда же начинают разрабатываться и правила их формирования. Эти правила не были одинаковыми во всех селениях. Хотя в их утверждении порой принимали участие царские люди, ничто не указывает на то, что они диктовали брахманам некий «примерный устав» ведения общинных дел. А расхождения в этих правилах, напротив, указывают на то, что их выработка была делом местного юридического разума. Ясно лишь общее направление этого коллективного ума: в комитеты должны избираться достойнейшие.

Когда речь заходит о комитетах *сабхи*, все исследователи неизменно в наибольшей степени опираются на две надписи из Уттарамерура времени Раджараджи I от 918 и 920 г.⁴⁰ Изложим их подробно, чтобы затем

³⁵ SII, VI, no. 346 (IP, no. 163)

³⁶ SII, VII, no. 527 (IP, no. 194)

³⁷ SII, VI, no. 294 (IP, no. 211)

³⁸ SII, VI, no. 348 (IP, no. 223); SII, VI, no. 389 (IP, no. 227)

³⁹ SII, III, p. 9, no. 5 (IP, no. 215)

⁴⁰ Эти надписи и их переводы публиковались много раз. Берем за основу первую публикацию (ASI, 1904/05. Calcutta: 1908. p. 136–142) с учетом последующих предложений по интерпретации.

сравнить их с другими надписями и попытаться понять характер самоуправления брахманского поселения.

В 918 г. сообщается, что члены *сабхи* Уттарамерура приняли решение о процедуре ежегодного формирования трех *вариямов*, а именно «годового», «садов» и «водоемов». Правда, потом оказывается, что фиксируются правила образования еще двух комитетов. Сразу возникает вопрос, почему перечислены пять конкретных комитетов. Если бы в селении не существовало иных комитетов, было бы достаточно сказать, что зафиксированы правила выборов комитетов вообще. Однако специально указывается, каких именно комитетов эти правила касаются. Из этой же серии вопросов: используемая земля обычно классифицируется как «мокрая» (т. е. орошаемая), «сухая» (т. е. богарная) и садовая. Если есть комитет, занимающийся садами, т. е. организацией эксплуатации садовых земель, то должны быть комитеты по «мокрым» и «сухим» землям. В другой аграхаре однажды упоминается Комитет орошаемых земель⁴¹. Однако в Уттарамеруре о таком комитете не слышно.

Тут же указывается, что сабха решает этот вопрос вместе с неким Таттанур-мундавеланом, «который присутствует среди нас в соответствии с царским указом». Таким образом, представитель центральной власти присутствовал при выработке решения сабхи, но роль его при этом не ясна.

Далее сообщается, что селение (т. е. именно брахманское население этого селения) состоит из 30 *кудумбу*⁴². «Члены каждого из этих 30 *кудумбу* должны собраться и написать на специальных жеребьевых билетах⁴³ имена тех, кто [1] имеет более четверти поля⁴⁴ облагаемой земли, [2] живут в домах, построенных на их собственных участках, [3] находятся в возрасте от 30 до 60 лет, [4] известны своими познаниями в ведах и шастрах, [5] сведущи в делах, [6] обладают телесной и духовой чистотой, [7] не выполняли общинных обязанностей в течение

⁴¹ ARE, 692 of 1904 (SII, III, p. 328–329, no. 156)

⁴² Буквально термин означает «семейство», чаще всего в смысле большой патриархальной семьи. Однако Й. Суббараялу убедительно доказывает, что в данном контексте это блок полей, а также коллектив, совсем не обязательно родственник, состоящий из лиц, имеющих земли в этом блоке [Subbarayalu 1989, p. 4–5].

⁴³ Перевод по смыслу. Речь идет о части пальмового листа около центральной жилы, используемой для письма. Подобный жеребьевый билет, за ненадобностью, автору подарили в одной из брахманских деревень Танджавура.

⁴⁴ Употреблено слово *пйлам*, которое в широком значении — просто орошаемая земля, обычно под рисом. В данном случае *нилам* — некая мера земли, конечно, орошаемой.

последних трех лет и [8] не являются близкими родственниками лиц, выполнявших общественные обязанности раньше». Ниже еще раз утверждается, что в билеты не следует вносить имена родственников тех лиц, которые однажды уже были в комитетах. Еще ниже выдвигается новое ограничение, непонятно как согласующееся с предыдущими: тот, кто был однажды в одном из комитетов, не должен избираться в тот же комитет, кроме «Комитета года».

Из последующего выясняется, что каждое *кудумбу* выдвигает только одного кандидата, но как члены *кудумбу* определяют этого своего единственного представителя, в документе не поясняется.

Затем эти билеты собираются в каждом «квартале» (*чери*; ниже выясняется, что кварталов в селении 12), кладутся в кувшин, и мальчик, еще не умеющий читать, вытягивает билеты один за другим, так, чтобы от каждого квартала было избрано по одному человеку. Первые 12 человек, имена которых вытянуты из 12 кувшинов, образуют «Комитет года», следующие 12 человек, избранные таким же образом, образуют «Комитет садов». Те, чьи имена значатся на оставшихся 6 билетах, образуют «Комитет водоемов».

Когда эта процедура закончена, вдруг оказывается, что нужно образовать еще два комитета — *панчавара* и «Комитет монет». Функции «Комитета монет» можно вычислить легко — скорее всего, имеется в виду проверка веса и качества разнообразных монет, находившихся в обращении. Возможно, что в других аграхарах подобный орган создавался иным способом, как об этом рассказывается в надписи, рассмотренной ниже.

Что же касается *панчавара*, то смысл этого комитета совершенно не ясен. *Панчавара* («пятая доля») упоминается иногда как один из налогов, от которого освобождаются те или иные земельные дарения. Однажды мы встречаемся с ним в близком к нашему случаю контексте. Некая сабха имеет право удерживать в свою пользу сбор *панчавара* с храмовых земель, причем его ставка довольно высока — 50 каламов падди с вели⁴⁵. Это совсем не «пятая доля», а, скорее всего, половина, поскольку стандартная ставка налога в то время была 100 каламов. Возможно, что этот сбор играл такую большую роль в бюджете брахмадеи, что для его реализации стоило иметь отдельный комитет. Однако в другом случае сабха соглашается на то, чтобы платить храму налог *панчавара* по повышенной ставке⁴⁶.

⁴⁵ SII, III, p. 302, no. 151

⁴⁶ ARE, 219 of 1921. 1922

Членов этих двух комитетов должны избирать подобным же образом. 30 кудумбу выдвигают 30 билетов, из них отбирается путем жребия 12 человек, представляющих 12 кварталов. Из них 6 человек составляют «Комитет *панчавара*» и 6 человек — «Комитет монет».

Наконец, надпись заканчивается уверениями, что, «начиная с этого года», комитеты сабхи будут образовываться только путем жеребьевки. Но мы уже знаем, что в Уттарамеруре комитеты действовали еще в VIII в. Значит ли это, что они стали формироваться путем жребия только в начале Х в.?

Я не думаю, что читатель, даже внимательно изучивший вышеприведенное изложение правил выбора комитетов, уяснил, как же они реально составлялись. Создается впечатление, что составители надписи не ставили перед собой задачи дать четкие инструкции; надпись должна была создать **впечатление**, что в ней заложены жесткие правила, изложить **идею** народного представительства.

Чтобы проверить это впечатление, обратимся к следующей надписи, которая была выбита через 2 года после первой. В 920 г. та же *сабха*, но уже в присутствии другого царского слуги, Каранджея Кондайя Крамавитта-бхаттана, он же Сомасиперуман из Шриваньянагара в Пурангарамбайнаду, устанавливают правила выбора комитетов заново.

Что меняется в прежних правилах? Возраст кандидатов увеличивается: теперь в жеребьевый билет можно вносить кандидатов от 35 до 70 лет. Возрастает роль знаний по отношению к имущественному положению: если человек знает хотя бы одну *самхиту* и имеет опыт ее толкования, то его можно записывать в билет, если даже у него не четверть «поля», а восьмушка. Повторяется требование не включать в билеты лиц, которые состояли в комитетах ближайшие три года, но уточняется, что исключаются из списка кандидатов также те, кто состоял в комитетах ранее, но не представил отчета. Уточняется понятие «близкие родственники», которых тоже нельзя избирать. К ним относятся: сыновья сестер матери и братьев матери, сыновья сестер отца, брат матери, брат отца, собственный брат, тесть, брат жены, муж сестры, сыновья сестры, зять, отец, сын.

Далее добавляются ограничения, которые заставляют некоторых исследователей думать, что в промежутке между двумя надписями в селении произошли некие драматические события, которые и заставили издавать вторую надпись. «Те, против которых выставлено обвинение в кровосмешении, или в одном из четырех первых

из пяти великих грехов⁴⁷ и все их родственники, перечисленные выше, не должны избираться. Те, кто поставил себя вне общины из-за общины [с преступниками]⁴⁸, не должны избираться, пока не совершат очистительных обрядов. Не должны избираться вспыльчивые. Не должны избираться укравшие чужую собственность. Съевшие запретную пищу, [даже если они] очистились путем церемонии с употреблением коровьего масла⁴⁹, не должны избираться до конца их дней. Те, кто совершили [...] преступления и очистились путем соответствующих обрядов; ставшие врагами деревни⁵⁰ и очистившиеся; виновные в кровосмешении и очистившиеся — все эти люди не могут быть избраны ни в какой из комитетов до конца их дней».

Уточняется, что билеты каждого *кудумбу* должны быть связаны вместе и снабжены отличительными ярлыками.

Процедура жеребьевки описывается детальнее: во время этого действия обязаны присутствовать все члены «великого собрания», «стар и млад»; все храмовые жрецы должны быть посажены в центр собрания; «старший среди храмовых жрецов должен встать и, глядя вверх, поднять сосуд, чтобы все люди его видели». Мальчик, который не умеет читать, должен вынуть из сосуда одну связку, положить ее в другой сосуд, этот второй сосуд следует встряхнуть и вынуть из него один билет, который передать *мадхьястхе*. Тот должен принять его «открытой ладонью с растопыренными пальцами» и прочесть имя на билете, после чего тот же билет зачитывается жрецами, сидящими в центре собрания. Оглашенное имя записывается. Затем процедура повторяется, пока не будут избраны члены всех трех комитетов. В «Комитет года» предпочтительно избираются те, кто уже состоял в «Комитете садов» или «Комитете водоемов».

Снова, как и в первой надписи, вопрос о формировании комитетов *панчавара* и монет вынесен в конец надписи, составляет как бы приложение к ней.

⁴⁷ «Пять великих грехов», по классическим сочинениям, следующие: убийство брахмана, употребление алкогольных напитков, воровство, прелюбодеяние с женой духовного наставника, а также общение с людьми, совершившими перечисленные преступления.

⁴⁸ Т.е. совершившие пятый по перечислению грех

⁴⁹ Имеется в виду, по-видимому, обряд *тантакричха*. Он заключался в употреблении в течение трех дней воды, молока и коровьего масла в горячем виде.

⁵⁰ «Врагами деревни» (*грамадروхин*) в некоторых надписях объявляются любые лица, не следующие предписаниям деревенского собрания.

Возможно, эти три комитета составляли верхнюю часть всей системы управления аграхары. Во всяком случае, совсем в другой *аграхаре*, знаменитой *брахмадее* Уккал, те же три комитета в 944 г. решают вопрос о дарении земли и об освобождении ее от налогов⁵¹.

Итак, в большом брахманском поселении Уттарамерур действовали «органы исполнительной власти» (*вариям*), формируемые сабхой ежегодно путем жребия.

Метод жеребьевки не означает, что брахманы полагались на волю случая. Напротив, жребий полагался более надежным способом определения достойного, поскольку при этом подразумевалась воля богов — гораздо более надежный инструмент, чем человеческий выбор, который всегда может быть ошибочным.

Некоторые намеки позволяют полагать, что «комитет года» выступал как ведущий, «головной» орган. Он осуществлял общий надзор за деятельностью всех комитетов и служащих брахмадеи. Поручалось «комитету года» также наблюдение за тем, чтобы постоянно горели лампы в храме, за которые заплачены деньги⁵². Другие комитеты были «профильными», или специализированными, но уловить их специализацию не всегда удается. Скажем, комитет водоемов (*эри-вариям*) платит деньги рабочим, которые очищали водоем от ила⁵³. Он же получает деньги, которые тратит на снабжение жителей питьевой водой⁵⁴. Он же собирает по 1 *каламу* падди с каждых 6 *ма* земли, орошаемой из конкретного водоема, как *эри-аям* («плата за водоем») ⁵⁵. Это понятно. Но почему «садовому комитету» в Уттарамеруре поручается руководить работами по расширению улицы⁵⁶, не совсем понятно.

Жесткие ограничительные «цензы» для кандидатов на выборах не следует понимать буквально. Особенно это касается моральных качеств. Кто должен определять, обладает ли кандидат «телесной и духовной чистотой» или не «вспыльчив» ли он? Но наибольшие сомнения в практической значимости записанных правил выборов вызывают запреты на участие в комитетах тех, кто входил в них ближайшие три года и их ближайших, а также и не очень близких

⁵¹ SII, VI, p. 18–20

⁵² ARE, 10 of 1898 (Sastri 1932, p. 120)

⁵³ ARE, 693 of 1904. 1905

⁵⁴ ARE, 75 of 1898 (Sastri 1932, p. 191). См. также ARE, 58 of 1898 (Sastri 1932, p. 122)

⁵⁵ ARE, 192 of 1919 (Gupta 1933, p. 83)

⁵⁶ ARE, 9 of 1898 (Sastri 1932, p. 122)

родственников. Такая система могла бы работать при огромной численности брахманов в селении. Но ведь в том же селении обязательно жили члены других каст, численно значительно превосходящие брахманов.

Нилаканта Шастри установил площадь этого селения в X в. (по расположению храмов того времени). У него получилось 5/8 на 1/2 мили⁵⁷. Это означает 0,8 кв. км, или 80 *га*. Это, конечно, очень крупное селение. Но все же вряд ли в нем жили сотни тысяч человек, которые требуются, чтобы селение существовало, если выполнять все правила.

Все эти суровые правила отбора записывались только для того, чтобы подчеркнуть эту самую суровость, чтобы выразить «идею» строгого отбора, чтобы подчеркнуть, что члены *вариямов* — это «самые, самые». Если такая интерпретация правильна, то причина, по которой через два года была выпущена вторая надпись, заключается в том, что сами жители решили, что эта идея была недостаточно четко выражена в первой надписи.

Роль царских посланников в составлении обеих надписей неясна. С одной стороны, в каждой надписи дважды подчеркивается, что эти посланники принимают участие в выработке решения и действуют при этом по приказу царя. С другой стороны, мы не видим никакой «направляющей руки» с их стороны. Правила явно индивидуальны применительно к данному поселению, не стремятся к унификации процедур. В другой аграхаре, расположенной недалеко от Уттарамерура, в 996 г. *сабха* дважды принимала решения о том, кто же достоин работать в комитетах. В 164 день этого года она решила, что достойны быть членами комитетов и принимать участие в обсуждении вопросов только владельцы полных долей и сведущие в «мантрах-брахманах». А в 220 день «вспомнила», что преступники тоже должны быть дисквалифицированы⁵⁸.

В *аграхарах* функционировали комитеты и с иными функциями. В надписи Партхивендравармана, который был современником Адитьи I (871–907), из Тируппаркадала встречается редкое перечисление комитетов и других групп, составляющих *сабху*. *Сабху* составляют «большие люди» из комитетов: годового (*samvatsara-vàriyam*), садов (*tīṇṇa-vàriyam*), водоемов (*āri-vàriyam*), орошаемых земель

⁵⁷ Sastri, 1932, p. 98–99

⁵⁸ ARE, 240, 241 of 1922

(kaṇṇi-vàriyam), vaāa-vèṇàrayaī a-vàriyam (?), paācavāra-vàriyam (?), писцовый (kaī akku-vàriyam), наблюдения за затворами на арыках (kaliēgu-vàriyam), наблюдения за полями (taāivai-vàriyam, возможно, организующий охрану созревающего урожая); некие группы: брахманов и *ваишиитов*, также два индивидуума, один из которых удостоен титула «господин деревни», а другой — *кангани*, т. е. «наблюдателя» или «надсмотрщика»⁵⁹.

Вернемся в Уттарамерур. Еще через 2 года, в 922 г. сабхайяры того же селения принимают еще одно важное решение, теперь уже вполне самостоятельно, без участия царских людей. Они образуют коллективный орган (не называя его *вариям*), который должен заниматься проверкой чистоты золота, поступающего в казну брахмадей.

Процедура напоминает выборы комитетов, но в то же время существенно отличается от нее тем, что выбирают членов этого органа **не из брахманов**. Итак, предлагается жителям *чери* (поселка, квартала) Мадавиди⁶⁰ написать на пальмовых листьях имена «куди-налогоплательщиков (iāai-k-kuūkaēl), не слишком юных и не слишком старых, способных оценивать золото», положить эти билеты в горшок и избрать путем жребия 4 человек. Таким же образом 2 человека должны быть избраны от *cācāiyilum* (воинов?) и 3 человека от *caēkarappādi*⁶¹. Эти 9 человек должны производить беспристрастно пробы золота. Они должны ежедневно передавать Комитету водоемов воск, употребляемый для натирания⁶², и не присваивать кусочки золота. Через три месяца они должны на заседании Комитета года заявить «Если вопреки установлению, содержащемуся в этой надписи, мы присвоили сколько-нибудь [золота] ... мы будем жить [вечно] голодными».

Фразеология надписи позволяет полагать, что члены этого органа получают жалование по 7,5 *манджади* в месяц⁶³.

Эта надпись немного приоткрывает завесу над организацией управления брахманским селением. Помимо «комитетов», в которых уважаемые люди работают «на общественных началах», *сабха* образует

⁵⁹ ARE, 692 of 1904 (SH, III, p. 328–329, no. 156). См. также ARE, 63 of 1945/46

⁶⁰ Это название можно перевести как «улица больших домов, дворцов»

⁶¹ Существо этой корпорации служит предметом дискуссии. О ней ниже. Некоторые (Karashima 2008) считают их корпорацией торговцев растительным маслом.

⁶² Видимо, это имеет отношение к способу, каким определялась чистота золота.

⁶³ ARE, 12 of 1898 (SH, VI, no. 295; EI, XXII, p. 145–150, no. 24)

рабочие органы наемных специалистов, которым поручает конкретные задания. Эти органы работают под руководством одного из «комитетов» (в данном случае — «Комитета водоемов»; почему — об этом мы не догадаемся), но отчитываются перед главным из них — «Комитетом года».

Правила выборов все разные. Создается впечатление, что каждое брахманское селение имело свою «конституцию»⁶⁴.

Большинство надписей, говорящих о выборах комитетов, относятся к X в., позже их упоминания сокращаются. Но они встречаются. В одной из аграхар наряду с *сабхой* — общим собранием — упоминается *nirvāha-sabhai*, что можно понять как «исполнительный комитет»⁶⁵. Упоминается также *nilam-aūvupada-p-perumakkaē*, что эпиграфист переводит как «комитет земельного уложения». Он занимается также и храмовыми землями⁶⁶. В 1236 г. *мулапаришад* из Тирувеллари образует комитет из 8 человек, вместо прежнего, который насчитывал всего 4 человека, чтобы они наблюдали за землями, сданными в аренду некоему лицу с титулом *наянар* (т. е., возможно, речь идет не о частном лице, а о боге, т. е. о храме)⁶⁷.

В 1190 г. при Кулоттунге III появляются три идентичные надписи в разных селениях Танджавура, вновь трактующие вопрос о правилах выдвижения людей в комитеты *сабхи*. Документ составлен от имени царя по инициативе двух его слуг, написан *тирумандира олей*, т. е. храмовым писцом, и подписан 9-ю чиновниками. Комитеты названы здесь уже не *вариям*, а *kōṭṭam*. По этим правилам нельзя избирать в комитеты того, кто был в них в последние 10 лет. Кандидаты должны быть не моложе 40 лет, ученые (*vidvān*) и беспристрастные (*samar*). Не могут быть избраны совершившие преступления⁶⁸.

Кулоттунга III пытался, видимо, реанимировать «демократию» в *аграхарах*, но уже под своим жестким контролем.

В одной из надписей Раджараджи III утверждается, что члены комитетов должны избираться ежегодно, а тот, кто пытается продлить свое пребывание в комитетах на следующий срок, должен рассматриваться как «враг деревни» (*grāma-drīhin*). Это правило сопровождается другим, не очень понятным: тот, кто стал членом *сабхи* «обманным путем»,

⁶⁴ ARE, 120 of 1928; 5 of 1945/46

⁶⁵ ARE, 449 of 1906. 1907

⁶⁶ ARE, 262 of 1913. 1914

⁶⁷ ARE, 204 of 1938/39

⁶⁸ ARE, 148 of 1927 (Mahalingam 1997, p. 186–187)

должен быть объявлен изменником, и вся его собственность должна быть конфискована⁶⁹. К сожалению, не поясняется, какие нечестные пути существовали, чтобы попасть в собрание брахманов-землевладельцев. В одной из аграхар в Тиручирапалли в 1236 г. установлено правило, что человек может быть избран в комитет только раз в 5 лет⁷⁰.

В некоторых *аграхарах* существовал особый судебный орган — *nyāyam*. Он, а также его члены — *nyāya-mudaliyar* или *nyāyattar* — упоминаются как дарители в серии надписей из Перумбаккама (талук Тируваллур, дистрикт Ченгалпатту)⁷¹. В Уттарамеруре в XIII в. среди *ньяяттар* фигурирует женщина Перунгара-*няятти*⁷².

К «исполнительным органам» *сабхи* можно отнести и *мадхьястху* (*madhystha*). Этот функционер упоминался при изложении второй надписи из Уттарамерура о выборах комитетов. Там уточняется, что данное лицо должно составлять финансовые отчеты, причем делать это без помощи других писцов (?). Однако ему помогает «Комитет документов». Это вообще непонятный орган. Нет ничего ни в этой надписи, ни в других, о том, как он образуется и каковы его функции.

Мадхьястха упоминается в ряде надписей Чолов. Обычно он записывает решения *сабхи*⁷³ и должен неукоснительно их исполнять. Его функции выглядят очень скромными. Он явно выше простого писца⁷⁴, но все же непонятно, чем он отличается от *karaī attāṣ*⁷⁵.

По подсчетам Карашимы, упоминания о *мадхьястхах* на протяжении Чольского периода уменьшаются. Эта должность как бы постепенно исчезает. Карашима считает, что это свидетельствует о «лишении деревенской общины автономии»⁷⁶, однако это звучит небедительно. Карашима сам предлагает понимать этот термин не буквально как «посредник», а скорее как «писец», «регистратор». А такое должностное лицо должно было быть в общине даже и при лишении ее автономии. По-видимому, просто термин *мадхьястха* вышел из моды и был заменен синонимами, которые, как мы видели, существовали.

Писцы, которых нанимали *аграхарики*, иногда оказывались проходимцами. В 1117/8 г. *сабха* была вынуждена продать земли двух

⁶⁹ Mahalingam 1997, p. 187

⁷⁰ ARE, 204 of 1938/39; см. также 500 of 1925. 1926

⁷¹ ARE, 66, 67, 72, 74, 75 of 1947/48

⁷² ARE, 259 of 1909. 1910

⁷³ SII, VII, no. 39 (IP, no. 174). См. также ARE, 12 of 1898 (SII, VI, no. 295)

⁷⁴ SII, III, p. 154–155, no. 71

⁷⁵ EI, XI, p. 292–298, no. 30

⁷⁶ Karashima 1984, p. 63

писцов, которые, наделав долгов, скрылись. Таким образом была покрыта задолженность⁷⁷. В 1234/35 г. уже собрание *брахмадеи* увольняет писца, который обманывал членов общины, и запрещает ему и его родственникам занимать впредь «материально-ответственные» должности⁷⁸.

Сабха как землевладелец и налогоплательщик

В надписи 1233 г. одна из *сабх* (в данном случае она называет себя *ambalam*) обобщила свои функции. Она заявляет, что занимается вопросами двух типов: *грама-карьям* и *кадамей-карьям*, т. е. внутридеревенскими и налоговыми, связанными с внешним миром⁷⁹. Обе эти группы проблем связаны с землевладением и налогообложением.

Брахмадеи пользовались значительной автономией. Нандиварман II Паллава уже в 764/65 г. приказывает, чтобы власти *наду* не входили на территорию образованной им *брахмадеи*⁸⁰. Как уже упоминалось, некоторые *аграхары* добивались статуса *таниюр*, «отдельного поселения», формально выходя из юрисдикции *наду*.

Аграхара являлась землевладельцем, имевшим право продавать⁸¹ и дарить⁸² свои земли. Она также покупает земли, чтобы поместить на них арендаторов⁸³. Ее права на землю могли быть как подчиненными, так и верховными. Ее верховная собственность видна тогда, когда она дарит целые деревни, или же предоставляет права *каранмей*, оставляя за собой права *миятчи*⁸⁴.

Сабха Уккала подарила принадлежавший ей поселок храму в 944 г. Формулировки дарения составлены по образцу царских дарений:

⁷⁷ ARE, 164 of 1906, 1907

⁷⁸ ARE, 583 of 1904. 1905 (Saletore 1934, p. 336)

⁷⁹ ARE, 500 of 1925. 1926. Подкупает один из пунктов этого решения: заседать только в дневное время, потому что вечерние заседания предполагают не предусмотренную бюджетом трату масла для освещения. См. также ARE, 210 of 1925 (Tirumalai 1987, p. 169)

⁸⁰ EI, XXXVI, p. 144–163, no. 20 (I. P., no. 81)

⁸¹ ARE, 449 of 1906. 1907; 741 of 1919. 1920; 414 of 1921. 1922; 229 of 1922; 137 of 1923; 15, 16, 83 of 1924; 11 of 1926; 548 of 1926. 1927; 55 of 1932/33; 273 of 1941/42. 1939/43; 312 of 1949/50; SII, XXIII, no. 90 (Tirumalai 1987, p. 36)

⁸² ARE, 545 of 1922. 1923

⁸³ ARE, 432 of 1917. 1918

⁸⁴ ARE, 37 of 1946/47

подробно перечисляется, что имеются в виду «само поселение, водоем при нем, орошаемые земли, богарные земли, все в этих границах, где бы ни бегали ящерицы и ползали черепахи». При этом опять же специально оговаривается, что комитеты *сабхи* (уже знакомые нам комитеты года, водоемов и садов) теряют тем самым право требовать с жителей (*кудигал*) поселка *veṭṭi* (трудовую повинность) и еще два налога, смысл которых неясен. Кроме того, брахманы передают богу, т. е. храму, право судить жителей и накладывать на них наказания и штрафы⁸⁵. Понятно, что до того всеми этими правами в отношении жителей поселка обладала *сабха*.

Кроме того, бывало, что брахманы получали право на сбор податей с земель, находившиеся в собственности других общин. Так, в 1118 и 1169 гг. *махасабха* Раджадхираджа-*чм* принимает решения о распределении доходов, которые она получает с земель, включенных в *нагарамы*, в общины *калларов* и считающихся землями *наду*⁸⁶. Однажды *сабха* получала *кадамей*, т. е. государственный налог, с земель, подаренных в *ирайиши девадану*, т. е. получала его незаконно⁸⁷.

Сабха Уттарамерура в 1116 г. продала магнату участок земли, а так как он подарил этот участок храму, освободила его также от налогов. Однако только на один год. А на второй год и далее храм будет платить *сабхе* налог с очень курьезным названием *iāaiyili-k-kācu* («деньги с [имущества], освобожденного от налога»)⁸⁸. Ясно, что *сабха* продала низовую собственность, но затем отказалась (почти совсем!) и от верховной.

Сборы в пользу *сабхи* с жителей, не входящих в *аграхару*, назывались *sābhā-viniyīgam*⁸⁹.

Ученые брахманы, случалось, вступали в острые столкновения из-за земли с не менее учеными соседями из соседних *аграхар*. В 1090 г. *аграхарики* 4-х селений претендовали на один и тот же участок земли и серьезно рассорились из-за этого. Наконец, они решили положить конец склокам. Они собрались и решили передать спорную землю храму. Тут выступил некий Акали-*бхаттан* (судя по имени —

тоже брахман) и предложил купить эту землю, чтобы подарить ее храму от своего имени⁹⁰.

Брахманское землевладение было привилегированным. Были случаи, когда брахманы получали землю, освобожденную от налогов, но чаще налоги они платили. Однажды брахманы даже торжественно клянутся: «Мы, члены *махасабхи*, обязаны платить налог с этой земли пока существуют луна и солнце»⁹¹.

Забавно то, что такая формула обычно употребляется для разного рода дарений и освобождений: в грамотах из Северной Индии брахманы что-то получают или освобождаются от налогов навечно, «пока существуют луна и солнце».

Хотя никакого общего правила о снижении налога на *аграхары* не существовало, из сопоставлений данных надписей можно понять, что стандартной ставкой налога с рисовых полей была 100 *калам* с 1 *вели*, с брахманских же владений брали только 60 *калам*⁹². *Сабха* в пределах общей суммы налогов, которые она должна была уплачивать, могла варьировать ставки. Например, *сабха* Уттамачола-*чм* в 1010/11 г. снизила наполовину налог (*iāai*) с земель под бананами до их созревания и под арековыми пальмами — на 10 лет⁹³. *Ирей* — это государственный налог. Следовательно, *сабха* могла манипулировать даже им. В 1114 г. *сабха* одной из *аграхар* около Шрирангама перевела некоторые пахотные земли из категории *iāaikāval* в категорию *iāaiyili*, т. е. из налогообязанных в свободные от уплаты налога. Указывается, что эти земли были *ирейиши*, но со 2 по 40 г. правления Кулоттунги I были обращены в *ирейкавал*⁹⁴. *Сабха* возвращает участкам прежний, как бы более законный статус.

Однако уплата налогов оставалась для брахманов довольно тяжелой обязанностью и нередко приводила к накоплению недоимок и иным неприятностям.

В 1006 г. в Ю. Аркате с брахманами, не заплатившими налоги, разбирался *адхикари* Паракрамачола-*мундавелар*. Он приказал, чтобы собственность тех лиц, которые убежали, не заплатив налоги, была продана за любую цену, а деньги переданы в храм. *Махасабха* Нрипатунга-*чм*, получив этот приказ, переправила его в одну

⁸⁵ SII, III, p. 19–20, no. 12

⁸⁶ SII, VI, no. 48, 50, 57, 58 (Tirumalai 1987, p. 64–68, 142–143)

⁸⁷ SII, XXII, no. 105, 106 (Tirumalai 1987, p. 31)

⁸⁸ ARE, 168 of 1923 (Sastri 1932, p. 127)

⁸⁹ ARE, 206 of 1932/33; см. также 109 of 1924; 119 of 1926

⁹⁰ ARE, 338 of 1909. 1910

⁹¹ SII, III, p. 68, no. 30 (Hall 1980, p. 33)

⁹² Соображения в пользу этого вывода см. Алаев 1992

⁹³ SII, VII, no. 412 (Tirumalai 1987, p. 62)

⁹⁴ ARE, 22 of 1948/49

из подчиненных ей аграхар, где действительно нашелся задолжник. Его земли, которые были *бхатта-вритти*, т. е. именно специальным владением, предназначенным для брахмана, были проданы храму как *ājāyakraiyam* («незная покупка», может быть, имеется в виду «анонимная покупка», т. е. храм покупает не у собственника, а «у никого»)⁹⁵.

В 1117 г. некоторые брахманы Ванаванмадеви-*чм* оказались неспособными платить налоги. Их земли по приказу царя были проданы храму в Тируччирае⁹⁶.

В 1121 г. сильнейшая засуха случилась в местности около Алангуди. Пришлось *сабхе* продать часть земли храму за некоторое количество драгоценностей, которыми она и расплатилась за налоги⁹⁷.

В 1213 г. местный князек Ядаварайяр ввел новый налог *пон-вари* («букв. «налог в деньгах») в размере $\frac{1}{4}$ *мадай* на одну из аграхар, причем обложил этим налогом не только обрабатываемые земли, но, вопреки обычаю, и необработанные. Брахманы не смогли заплатить полностью и отказались платить вообще. Присланный сборщик налогов арестовал членов *сабхи*, после чего они согласились продать одну из своих деревень и уплатить налог из вырученных денег⁹⁸.

Выше уже упоминался случай, когда в 1117/18 г. два писца в аграхаре Шричولاкула-*чм* (Ю. Аркат) селения исчезли, не заплатив царские налоги и не предоставив отчета. Но *сабхаияры* отреагировали на это происшествие только через два года. Чтобы заплатить недоимку, им пришлось продать некоторые земли вместе с колодцем, дом в квартале, предназначенном для писцов, и сад⁹⁹.

Брахманские деревни, по крайней мере, не в меньшей степени, чем шудрянские, пытались отстаивать «справедливые» ставки налогов с себя. Одна из *сабх*, например, принимает решение платить только с обработанных полей¹⁰⁰.

Надпись 1227 г. фиксирует, что Мараварман Сундара II Пандья отвергает предложения одного из брахманских собраний по поводу того, сколько с него надо собирать налогов. Сама возможность

⁹⁵ ARE, 379 of 1922. 1923

⁹⁶ ARE, 620 of 1909. 1910

⁹⁷ ARE, 521 of 1920. 1921

⁹⁸ ARE, 202 of 1912. 1913 (SII, VI, no. 77; Aiyangar 1921, p. 24; Gupta 1933, p. 9; Stephen 1999, p. 19)

⁹⁹ ARE, 164 of 1906. 1907 (SII, XXII, no. 164; Tirumalai 1987, p. 119)

¹⁰⁰ ARE, 430 of 1917. 1918

представлять свои предложения по поводу обложения говорит об определенной свободе действий брахманской общины. Впрочем, как и шудрянской, о чем уже говорилось.

Когда возникла идея классификации земли по *тарамам*¹⁰¹, *сабха* нередко определяла *тарам* земель, правда, при этом всегда отмечается, что она действует по приказу царя¹⁰². Для этой цели при *сабхе* создавался специальный комитет «по учету земли» (*nilam-aēvupaāa-perumakkaē*)¹⁰³.

Ослабление центральной власти в начале XIII в., возможно, выразилось вообще в исчезновении централизованных кадастров земли, если они существовали ранее. Мы еще порассуждаем на эту тему, когда перейдем к рассмотрению налоговой системы Чолов. Но несколько надписей XIII в. позволяют предположить, что кадастры находились не в столице, а на местах, в самих деревнях. В 1232 г. Раджараджа III получил жалобу от *наттаваров* одной из *наду* о том, что налоги стали слишком высоки. Но ответ он направил не им, а *махасабхе* близлежащей аграхары, приказывая ей выбить на стене храма новые ставки налогов¹⁰⁴. Так же поступает князь Копперунджинга в 1271 г., приказывая брахманскому собранию перевести 2 *вели* храмовой земли в другую категорию и внести соответствующие изменения в земельный кадастр (*oṇku*). Получается, что этот кадастр находился не в каком-то налоговом управлении, а в деревне, у брахманов¹⁰⁵.

Другие функции *сабхи*

Как и другие общины, о которых шла или пойдет речь, брахманские могли совершать дарения, служить *депозитариями* для дарений иных лиц и т. п. Например, *сабха* следит за лампадой, подаренной храму вельможей и его матерью¹⁰⁶. Или ей поручают наблюдать, чтобы *иривайшнавы*, живущие в *матхе* (монастыре или школе) при храме

¹⁰¹ Об этом в главе 10. Мы предполагаем, что это произошло в середине XI в. в правление Раджадхираджи I

¹⁰² ARE, 186 of 1917; 178 of 1919; 198 of 1919 (Tirumalai, 87, p. 110)

¹⁰³ ARE, 262 of 1013. 1914

¹⁰⁴ ARE, 150 of 1927 (Tirumalai 1987, p. 148)

¹⁰⁵ Ситуация с налоговыми реестрами вообще остается неясной. В 1287 г. сообщается, что некие *палли* незаконно захватили земли брахмадеи, подделав налоговые реестры, внеся в них запись, что эти земли они купили. Опять возникает вопрос, где же эти записи хранились? (ARE, 98 of 1946/47)

¹⁰⁶ EI, III, p. 280–281, no. 38-b (920 г.)

получали содержание, соответствующее тому, которое установил некий магнат¹⁰⁷. *Сабхаияры* принимали деньги и иное имущество, обязуясь выплачивать проценты с полученной суммы, обычно храму, иногда на содержание водоема¹⁰⁸. *Сабха* могла также выступать гарантом исполнения условий дара храму другими лицами¹⁰⁹. Если храму дарится право на обработку налогообязанной земли, *сабха* соглашается платить налоги с этого участка¹¹⁰. Она же может освобождать подаренные храму земли от «всех налогов»¹¹¹.

Брахманы **контролировали местную торговлю**. В 873 г. они продают «базарные сборы» (*aēkāi-k-kōli*), собираемые на «базарных улицах» их брахмадеи храму Махадевы за 25 *кашу*. Сообщаются ставки пошлин с товаров, принесенных извне селения и измеряемых мерами сыпучих тел, таких как падди, рис; с товаров, разложенных на земле; с товаров, продающихся на вес, отдельно с корзин бетелевых листьев¹¹². Раз *сабха* эти пошлины продает, значит, они ей принадлежат, т. е. она собирала их прежде в свою пользу. Низкая цена объясняется либо тем, что объем продаж в данном селении невелик, либо тем, что продают все же храму, что необычно, поскольку обычно пошлины ему дарят. Низкая цена свидетельствует, что это тоже не просто сделка, а форма благотворительности.

Некоторые действия *сабх* граничат с самоуправством, Впрочем, достаточно часто встречающемся в общинной жизни. В 971 г. брахманское собрание решило конфисковать и продать (храму, конечно, иначе эта история могла бы не попасть в надписи) землю своего члена, который не уплатил штраф в 72 *кажанджу* и исчез: то ли убежал, то ли умер. Заодно решено было продать и земли его трех братьев, которые в свое время (видимо, когда накладывался упомянутый штраф) «сильно ругались» по этому поводу. Двое из братьев пожаловались царю, утверждая, что они пострадали без вины, и приказом царя Сундары Чолы земли им были возвращены. Третий брат почему-то не подавал «апелляцию»¹¹³.

Сабха решала также вопросы, возникавшие в экстраординарных обстоятельствах. Надпись из Ю. Арката рассказывает,

¹⁰⁷ ARE, 349 of 1921. 1922

¹⁰⁸ SII, XII, no. 53 (IP, no. 131); no. 57 (IP, no. 142)

¹⁰⁹ SII, IV, no. 531 (IP, no. 180)

¹¹⁰ SII, XII, no. 76 (IP, no. 183)

¹¹¹ SII, VII, no. 420 (IP, no. 214)

¹¹² ARE, 321 of 1910. 1911 (SII, III, p. 222–223 no. 90)

¹¹³ ARE, 80 of 1931 (SII, XIII, no. 260)

что в брахманском поселении Аракандаллур случился голод. Многие жители продали свои усадьбы и куда-то ушли. *Сабха* перераспределила опустевшие 25 долей, передала их другим лицам. При этом, правда, обусловила получение пустующих участков необычным обязательством: не продавать продукцию на сторону. За нарушение этого запрета виновный заплатит штраф в 64 *кажанджу* и лишится права владения землей¹¹⁴. Подобный довольно редкий в Индии запрет, видимо, вызван конкретными обстоятельствами: тяжелым продовольственным положением в округе.

Усилия *сабхи* по **организации орошения**, как и подобная деятельность шудрянского *ура*, о чем уже говорилось, большей частью связаны с пожертвованиями частных лиц. Возможно, это объясняется характером наших источников, надписей, которые фиксируют не хозяйственную деятельность, а благотворительную. Впрочем, в 857 г. *сабха* Синнаманура принимает решение касательно регулирования стока шлюзов на оросительных каналах по собственной инициативе.¹¹⁵

Постоянной заботой *сабхи*, как и остальных общин, была **оборона против разбойников** и иных непрошенных гостей. «Камни героев» рассказывают и о подвигах жителей *аграхар*. Среди погибших — лица самых разных статусов, от старост деревень до неприкасаемых. Камни эти, в частности, показывают, что деревенская элита, которая, конечно, в основном страдала от набегов, защищая себя, очень широко использовала военную силу низших слоев деревенского населения. Аграхары в этом смысле не были исключением.

Одна из недатированных надписей периода Чолов говорит о гибели *vañuṇaṣ*'а (трактуют этот термин как «жрец для неприкасаемых»), сражавшегося против «воров» (*kaṇṇar*) по поручению *перумаккал* селения. В вознаграждение за этот подвиг его сын получил от *сабхи* кусок земли¹¹⁶.

Иногда *сабха* предоставляла какому-нибудь достаточно могущественному магнату право *kāval-kāi*, т. е. право на сбор некоторого налога за обязанность защищать поселение¹¹⁷.

¹¹⁴ ARE, 151 of 1934/35 (Hall 1977, p. 214–215)

¹¹⁵ SII, XIV, no. 78

¹¹⁶ ARE, 54 of 1947/48

¹¹⁷ ARE, 135 of 1932/33

Общинная и частная собственность в *брахмадее*

Брахманы получали земли обычно коллективно, естественно возникали общинные отношения между членами коллектива. Но в то же время, как правило, земля и прочие угодья при самом акте дарения распределялись по долям (*пангу*) и в дальнейшем рассматривались как частная собственность даже не семьи, а индивидуума. Нередко мы встречаемся с отдельными земельными участками братьев, сыновей и матери. Участки переходили по наследству. Если же собственник участка земли в аграхаре умирал без наследников, то его земля либо продавалась *сабхой* любому желающему¹¹⁸, либо царь передавал ее дальнему родственнику¹¹⁹.

Иногда по разным причинам (в основном, за особую святость или ученость) один человек получал несколько долей. Как мы видели, в дальнейшем в результате раздела при наследовании или покупки могли появляться половинные доли и четверти долей. Нилаканта Шастри, основываясь на надписи Кампавармана от 875 г., считает, что *пангу* состояла из двух элементов — дома и права *шраванай* (*maṣaiyūm ūṛavaī aiṇum uṇṇāṇaṇṇu paṇṇu*)¹²⁰.

Доля включала поля разного качества, доли в других доходах, а также обязательствах общины¹²¹. По долям распределялись также суммы, которые *аграхарики* получали с соседних селений¹²². Это была часть их коллективной частной собственности. В одной из аграхар доля составляла 4 *ма* орошаемой земли, 1 *ма* сухоходольной земли и, наверное, соответствующие доли в прочих угодьях и рентах¹²³.

Сабхаияры могли продавать часть своей земли¹²⁴ или часть своих доходов от тех или иных сборов частному лицу¹²⁵. Владелец мог продать свою долю своей же общине¹²⁶; *сабха*, в свою очередь, продавала

¹¹⁸ ARE, 116 of 1926 (SII, XII, no. 73)

¹¹⁹ SII, V, p. no. 579

¹²⁰ ARE, 64 of 1898 (SII, VI, no. 347; IP, no. 199; Sastri 1932, p. 11). Точное значение термина *шраванай* ни Шастри, ни другие комментаторы не предлагают. Как уже говорилось, это некое «право собственности».

¹²¹ Иногда упоминается, что доля брахмана состояла из парцелл в землях лучших, средних и худших (ARE, 24 of 1898)

¹²² ARE, 68 of 1898 (1133 г.)

¹²³ ARE, 462 of 1921. 1922

¹²⁴ SII, XII, no. 58 [IP, no. 143 (868 г.)]

¹²⁵ SII, VII, no. 80 (IP, no. 120)

¹²⁶ ARE, 32 of 1947/48

доли брахманам, членам общины и посторонним¹²⁷. Два члена (видимо, братья) *сабхи* Нрипатунга-Джайянтанги-чм продали храму несколько участков земли, некоторые из которых были ими куплены у *сабхи*, а другие были ими унаследованы от отца, который также купил их у *сабхи*¹²⁸.

Доли принадлежат членам аграхары на правах подчиненной собственности, т. е. наследственной, отчуждаемой, но обязанной налогом. В 1287 г. один из брахманов продает свою землю храму как *каранмей*¹²⁹. Когда брахман-землевладелец умирает, его обязанности по уплате налогов переходят к его сыновьям и вдове. Если они не могут заплатить, то вынуждены уйти из селения¹³⁰. Член *сабхи* может заложить свои земли, взяв у собрания кредит. Но в этом случае при просрочке платежа собрание вправе распорядиться участком¹³¹.

Ряд данных свидетельствует, что брахманы в своем селении образовывали некие «блоки», *кудумбу*. Уже говорилось, что это санскритское слово употреблялось не в его основном значении (дом, хозяйство, семья), а для обозначения группы семей, связанных соседством их участков. После X в. этот термин начинает заменяться другим — *kaṇṇāṇai*. В 1239 г. в Маннаргуди оба термина употребляются в одной надписи как синонимы. Там же встречается «собрание *катталей*», тем самым подтверждается мнение Суббараялу, что *кудумбу* и *каталей* — блок полей и коллектив владельцев земли в этом блоке¹³². Так же, как и *кудумбу*, *каталей* перенумерованы — первый, второй и т. д.¹³³ В *брахмадее* Талайчангаду было 10 *катталеев*¹³⁴. Но материала слишком мало, чтобы уверенно говорить о роли этого объединения в составе *аграхары*.

Возникнув из разношерстных элементов (брахманов разных готр, происходящих из разных селений), *аграхарики* начинали развивать общинный дух, старались замкнуться в своем коллективе. Возможно, это отразилось в правиле, выраженном еще в V в.: землю «могут использовать только те, кто проживает» в данном селении (*vasad-*

¹²⁷ ARE, 33 of 1947/48

¹²⁸ ARE, 36 of 1947/48. См. также 110 of 1941/42. 1939/43

¹²⁹ ARE, 460 of 1916. 1917

¹³⁰ ARE, 194 of 1927/28 (SII, XII, no. 224); см. также 401 of 1916. 1917; 127 of 1927

¹³¹ ARE, 322 of 1923. 1924

¹³² SII, VI, no. 58

¹³³ SII, XXIII, no. 384; ARE, 538 of 1918 (Subbarayalu 1989, p. 5–6)

¹³⁴ ARE, 210 of 1925

bhoga-maryyàdaya sampràdāma)¹³⁵. В 966/7 г. сабха Каванура в С. Аркате решила, что отчуждения земли в пределах ее юрисдикции должны происходить исключительно в пределах одной профессиональной группы. Продавать и закладывать землю можно, только если оба контрагента либо врачеватели, либо *ājivika*¹³⁶.

В XII—XIII вв. отмечаются дальнейшие попытки ограничить свободу отчуждения земли в *аграхаре*, идущие, надо сказать, снизу. В 1132 г. *сабха* Тируккойиура, наряду с прочими решениями о перераспределении землевладения в аграхаре, приняла и такое: «Никто не может продать или обменять земли в пользу чужака. Продавец, покупатель и писец, составившие запродажную запись, не только потеряют, таким образом, отчуждаемую землю, но и заплатят штраф в 64 *кажанджу*»¹³⁷. Но чужаки продолжали покупать землю в *аграхарах* и позднее.

В XIII в. другая *сабха* издает подобный же указ, но более взвешенный. Судя по тому, что решение утверждают *наттары* 5 *наду*, оно относится не к одной деревне, а ко многим.¹³⁸ В нем говорится, что внутри деревни землю можно продавать без ограничений. Но если возникнет необходимость продать ее чужаку, то землю можно продать только *бхагавату* (здесь, скорее всего, — вишнуит) и лицу из той же *даршаны* (придерживающемуся той же философской школы)¹³⁹.

Доли членов брахманской общины, видимо, не всегда были определены на площади. Они могли быть идеальными: земля находилась в хозяйственном управлении (и в подчиненной собственности) небрахманов, рента с них обеспечивала уплату налогов, а остаток распределялся между брахманами по долям. Как мы знаем, так было устроено землевладение даже в небрахманских общинах. Такая практика известна по общинам более поздних времен и на Юге, и на Севере Индии.

Сабха часто дарит или продает свои земли. Это значит, что значительная часть земли в селении оставалась неподеленной между *аграхариками*. Обычно нет специальных указаний, что продается участок общей земли — это само собой разумелось. Но иногда на это указывается:

¹³⁵ IA, V, p. 156 (IP, no. 14)

¹³⁶ ARE, 159 of 1921 (Tirumalai 1987, p. 117). Имеются ли в виду члены известной индуистской секты, непонятно

¹³⁷ ARE, 151 of 1934/35 (по копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре)

¹³⁸ Karuppiyah 1996, p. 139–140

¹³⁹ ARE, 42 of 1936/37

продается «общинная земля» (*samuḍāya nilam*)¹⁴⁰ или «земля из общей собственности собрания» (*sabhai-p-poduvāy-k-kiānta-nilam*)¹⁴¹.

Выше уже говорилось о выводах ранней статьи Н. Карашимы. По его данным, частное начало в брахманских общинах было выражено ярче, чем в шудрянских. Это вполне логично. Небрахманские деревни принадлежали кастам, имеющим прочную клановую связь внутри себя. Брахманские же коллективы, получавшие дарения, были случайными конгломератами лиц, происходящих из разных *готр* и не имевших иной спайки, кроме необходимости совместно обеспечивать свое **частное** землевладение.

Индивидуализм брахманского сознания в *аграхарах* проявлялся в том, что брахманская *сабха* не стремилась нести ответственность за уплату налогов своими членами, хотя иногда бывала принуждена к этому. Раджараджа I в 1009 г. посылает приказ, чтобы по всему царству, в Чоланаду, Тондайнаду и Пандинаду, в имениях, предоставленных в благотворительных целях (т. е. брахманских аграхарах, джайнских владениях и т. п.) при неуплате налогов одним из членов общины, община в целом выкупала бы его землю¹⁴². Это означает, что круговая порука в брахманских поселениях не была само собой разумеющейся. Но на практике она существовала: *сабха* несла ответственность за уплату налогов всеми членами брахманской общины, и платила за тех, кто не мог, и за тех, кто ушел из деревни, не заплатив¹⁴³.

В 926 г. *сабха* Ниндравура постановила, что налоги следует платить не индивидуально, а коллективно, через специальный «комитет»¹⁴⁴.

Землевладение и землепользование небрахманских слоев в *аграхаре*

Как уже говорилось в главе о деревенской шудрянской общине, деревня, возглавлявшаяся *урарами*, попадая во владение брахманов в результате основания *аграхары*, сохраняла самоуправление. Во всяком случае, мы видим деятельность *ура* в *брахмадеях*, причем не как подчиненного органа, а более или менее равноправного с *сабхой*.

¹⁴⁰ SII, VIII, no. 303; VII, no. 496 (Tirumalai 1987, p. 132). См. также 80 of 1935/36

¹⁴¹ SII, III, p. 16–17, no. 10. См. также ARE, 1899, p. 20 (Gupta 1933, p. 80)

¹⁴² SII, III, p. 14, no. 9 (Tirumalai 1987a, p. 64)

¹⁴³ ARE, 4 of 1914 (Tirumalai 1987, p. 131)

¹⁴⁴ ARE, 176 of 1929/30

Как на самом деле развивались отношения между двумя собраниями, представляющие разные касты, в одной деревне, узнать нельзя. Я встретился только с двумя случаями работы в аграхаре *ór-vàriyam*, что можно понять примерно как «комитет сабхи по связям с уром»¹⁴⁵. Можно заключить, что *сабха* должна была выстраивать отношения с организацией землевладельцев, которая попадала в ее юрисдикцию.

Тот же Уттарамерур дает нам возможность заглянуть в организацию землепользования в *аграхаре*. В 817/18 г. сабха этого поселения производит упорядочение владений своих арендаторов. «*Куди*, владеющие землей в этой деревне» (*emmór bhómi-uðaiya kuñkaē*), границы участков которых были установлены соседями (*sāmanta*), но которые оставили свои земли, не уплатив денежный налог, — и теперь этот налог должна платить вся деревня в целом (*óṛī māy*), через три года лишаются права на землю. Сабха продаст участки, чтобы покрыть дефицит в налогах. В течение трех лет *куди* могут вернуться и получить свои земли обратно, если заплатят недоимку. Если кто-нибудь из *мадхьястх* (значит, их было несколько) вернет земли *куди* после истечения трехлетнего срока, он должен быть уволен. Нарушитель этого постановления должен считаться предателем деревни (*grāma-kāi ōka*)»¹⁴⁶.

В Уттарамеруре в 922 г., как мы знаем, «платящие налог *куди*» (*iāai-k-kuñkaē*) выдвигают своих кандидатов в состав коллективного органа, проверяющего качество золота, поступающего в *аграхару*¹⁴⁷. Это показывает, что *куди* пользовались определенным авторитетом и доверием в среде брахманов. Интересно, что большим доверием пользовались налогоплательщики, чем освобожденные от уплаты налога.

Та же *сабха* Уттарамерура в 923 г. решила отремонтировать и расширить одну из улиц своего селения. С этой целью она покупает земли вдоль этой улицы у своих арендаторов. Таким образом, права держателей на их земли признавались¹⁴⁸.

Сабха Уккала в 944 г. подарила храму один из своих поселков (*piñakai*) и объявила, что не будет брать с него податей *veññi*, *vātiñai* и *vālakkaī am*. Кроме того, «если случится преступление или грех, то только Бог сам (т. е. власти храма — *Л. А.*) может наказывать жителей этого селения»¹⁴⁹. Что касается перечисленных податей, то их значение

¹⁴⁵ ARE, 38 of 1911 (Ченгалпатту); 495 of 1925/1926 (1221 г., Танджавур)

¹⁴⁶ SII, VI, p. 161, no. 344 (EI, XXIV, no. 7-A; IP, no. 109)

¹⁴⁷ ARE, 12 of 1898 (SII, VI, no. 295; EI, XXII, p. 145–150, no. 24)

¹⁴⁸ ARE, 9 of 1898 (Sastri 1932, p. 122)

¹⁴⁹ SII, VI, p. 18–20

не ясно, кроме одного термина. *Ветти* — это трудовая повинность. В этом контексте передача храму прав юрисдикции над населением весьма красноречива. *Сабха*, таким образом, имела феодальные права на поселок и имела возможность отчуждать эти права.

В 954/5 г. *сабха* Уккала столкнулась еще с одной трудностью и должна была решать вопрос об организации обработки земли. Некоторые земли, предоставленные во владение неким лицам, «вернулись к *сабхе*», т. е. остались необработанными, и их владельцы куда-то исчезли. *Сабха* решила вновь продать эти земли тем, кто согласен платить подати. «И никто не вправе претендовать на эти земли на основе прежних купчих или договоров». А если кто-то все же станет претендовать, апеллируя к тому, что он когда-то имел владельческие права, то он должен заплатить штраф *сабхе* в размере 1 *кажанджу*, и штраф *дхармасане*, размер которого не указан¹⁵⁰.

В 1191 г. *сабха* Пелангавура вынуждена была продать храму некоторые земли, чтобы покрыть недоимки от налогов, образовавшихся оттого, что некоторые владельцы участков покинули деревню из-за плохого урожая¹⁵¹.

Арендную плату со своих арендаторов брахманы регулировали самостоятельно¹⁵². В 1176 г. *перунгуди перумаккал*, т. е. брахманское собрание *аграхары* Эдиричала-чэм пришло к соглашению с *веллалами* принадлежавших сабхе поселков о порядке и размерах уплаты за землю. Оно подписано 5-ю писцами брахманского селения, 40 брахманами-землевладельцами, двумя местными магнатами (*vāññarar*), старейшинами (*ór-kiññavar*) пяти поселков и несколькими веллалами из других селений.

Общий смысл надписи в том, что брахманы соглашались уменьшить платы. С тех, кто снимает землю из доли урожая и действительно сам обрабатывает землю (*uññarkku*), взимается 3/5 урожая. Оставшиеся 2/5 называются *кудиварам*, и говорится, что они включают плату наемным работникам (*kuññi-vāññatāñ-kóli*).

Арендаторы земель, принадлежащих членам *сабхи*, получают 1/3 урожая (тоже включая плату *кули*).

На землях, орошаемых при помощи водоподъемных сооружений, *кудиварам* («доля *куди*») составляет «целых» 1/2 урожая. Арендатор,

¹⁵⁰ SII, III, p. 12, no. 7 (Tirumalai 1987, p. 116–117)

¹⁵¹ ARE, 688 of 1962/63 (Tirumalai 1987, p. 134)

¹⁵² ARE, 129 of 1927; 553 of 1926. 1927

несогласный с указанными ставками налога и ренты, должен быть лишен права на аренду и заменен другим, который согласится на предложенные условия.

Семенное зерно должно доставляться землевладельцем (брахманом или *веллалой*?).

Недоимки, накопившиеся до предыдущего года, должна уплатить *аграхара* в целом (т. е. принцип коллективной ответственности за налоги существует), но тут же провозглашается, что один земледелец (не землевладелец!) не должен отвечать по обязательствам другого.

Собирая налоги, чиновники не должны входить в дома тех, кто платит, а только в дома недоимщиков, и не употреблять бранных слов.

В случае смерти землевладельца его земля, рабы, личные украшения их жен, а также скот переходят к его сыну. Если он задолжал, то все его имущество переходит к кредитору.

Брахманы не должны обрабатывать землю сами, употребляя буйволов и плуг.

Люди, являющиеся работниками, не должны становиться *vāṭṭi* и *araṇṇu* (т. е. приобретать титулы знатности).

*Kāviti*¹⁵³, горшечники, барабанщики, ткачи и прачки не должны связывать волосы¹⁵⁴. Во время их печальных и радостных мероприятий не следует бить в большой барабан. Они не должны иметь рабов.

Скот, пасущийся вблизи деревенских каналов, должен содержаться в загонах. Скотные дворы и усадьбы в деревне не должны превращаться в рисовые поля¹⁵⁵.

В 1176 г. *махасабха* Тируккадувур оповещает о новых условиях аренды своих земель и правилах реализации бесхозной собственности 240 *pāriṇamaiyar*¹⁵⁶. В следующем году та же сабха заключает соглашение с арендаторами (*peṇṇēkuṭṭiyum kuṭṭiyum*) о ставках арендной платы с земель разных типов, в частности, с земель, орошаемых при помощи водоподъемных сооружений. В осенний урожай арендаторы отдают

¹⁵³ Это слово упоминается в «Шилаппадикарам» (XXII, 9) в значении «привилегия, освобождение от некоторых налогов».

¹⁵⁴ Волосы, забранные в пучок, считались показателем высокого социального статуса. См. примечание 163 в главе 3.

¹⁵⁵ ARE, 429, 538 of 1918. 1919 (ARE, 1923/24, p. 99; Tirumalai, 87, p. 144–145, 163–166, 181–186)

¹⁵⁶ ARE, 253 of 1925. Тирумалай переводит это выражение как «собрание старейшин земледельцев» [Tirumalai 1987, p. 162]

половину урожая, с некоторых других категорий земель — только 1/3. Солому брахманы и их арендаторы делят пополам¹⁵⁷.

После 1176 г. в течение примерно 50 лет идет серия надписей о пересмотре ставок арендной платы в аграхарах. Можно ли это считать свидетельством сопротивления арендаторов усилению эксплуатации, или же их борьбы за улучшение своего положения, т. е. была ли это оборонительная, или наступательная активность, узнать, конечно, невозможно.

Одна из надписей из Пудуккотта от 1218 г. сообщает об еще одном аспекте отношений между брахманами и земледельцами в аграхаре. *Сабха* заявляет, что она впредь будет защищать земледельцев (*кудимаккал*). Конкретно это будет выражаться в том, что, если один из *сабхачиаров* займется грабежом, захватом скота у земледельцев или другими пакостями, собрание передаст храму 2 *ма* земли в качестве штрафа¹⁵⁸.

Надпись 956 г. из Велачери рассказывает о довольно редком явлении — выкупе *веллалами* права собственности на свои земли у брахманской общины. Два брата из касты *веллала* обрабатывали землю в брахмадее (*i-p-pōmi uṇṇakkum irai ṭu-kuṭṭi*), имея на нее некоторые права (в надписи оговаривается, что прежние привилегии при данной сделке они сохраняют, в чем получают от *махасабхи* письменный документ), но не полную собственность. Теперь они эти права собственности (видимо, верховной, т. е. право на налоги) выкупают и дарят их храму. Теперь они будут платить налоги не брахманам *аграхары*, а Богу. Видимо, в этом смысл сделки для них. Для нас же важно, что выкуп земли ее пользователями в полную собственность был возможен.

Аграхара Тируккойлур (Ю. Аркат) в 1131 г. встретила с трудностями, потому что многие *куди* покинули селение и вообще, как явствует из последующего текста, создалась большая неразбериха в землепользовании. *Сабха* решает: «владельцам домов, земли не имеющих, владельцам земель, домов не имеющих... [предоставить] *кудиям* дома, и земли, и сады, несоответствие уборов, утвердить для занятия земледелием ... среди имеющих лиц на 24 доли (*bhāga*) разделив...»¹⁵⁹.

¹⁵⁷ ARE, 129 of 1927 (по копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре). Соглашение (*vyavasthai*) об условиях держания между *куди* и *сабхой* см. также [ARE, 87 of 1946/47 (Раманатхапурам)]

¹⁵⁸ IPS, no. 176 (Aiyangar 1921, p. 24–25)

¹⁵⁹ ARE, 151 of 1934/35 (SII, VII, no. 496 и по копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре)

В 1145 г. один из князей династии Самбувараев (Ю. Аркат, известные вассалы Чолов) организовал *аграхару*, выделив 12-ти брахманам по усадьбе и по 2 *вели* земли, а также распределил те же земли между теми, кто их будет обрабатывать — *веллалов* (*brāhmaī āku... vēṭṭāāku*), причем и тем, и другим — «в собственность»! (*svamam-āka*)¹⁶⁰.

Имущественные и социальные отношения между тремя основными слоями населения брахматей иногда регулировались соглашениями, заключаемыми между *сабхами* и другими заинтересованными общинами. Уже излагалось соглашение между *махасабхой* и *наттарами* 5 *наду*, принятое в 1169 г. относительно обязанностей брахманов, *веллалов* и земледельцев в ряде селений¹⁶¹.

В 1232 г. *махасабха*, состоявшая из 700 *перумаккал*, приказывает выбить на стене храма следующее постановление. Оно явно предназначено для исполнения на территории, по крайней мере, трех *наду* и касается многих аспектов регулирования экономических отношений между собственниками (*перунгуди*) земли и их арендаторами (*кудигал*). Она объявляет *наттаварам* трех *наду*, *кудумбарам* (от «семья»? главам родственных групп?) и *караиярам* (владельцам долей?), что *кудигал* должны платить *перунгудиям* сборы *кудимей*, *велли-кашу* и *винийогам* (указываются ставки), царские же люди эти сборы не должны взимать.

Те, кто запрягает плуг, и те, кто приводит скот для молотбы, не должны получать за это плату дважды (следует понимать так, что *перунгуди* своего тяглового, или вообще крупного рогатого, скота не имели, и их арендаторы пахали и молотили, используя свой скот, но за это были уполномочены получать некоторую оплату.)

Зерно и зеленый грам (вид бобовых) взвешивают *перунгуди*, но отвозят эти грузы *куди*.

Для слежения за урожаем (чтобы его не потравили животные) *куди* бесплатно выделяют по одному человеку с *мадакку кани* (стандартной земельной меры, вводившейся для исчисления обложения) в сезон (т. е. два раза в год). Если для охраны требуется более одного человека, *перунгуди* оплачивают его отдельно.

Перунгуди платят *кадамей*, и ответственность за его уплату не следует перекладывать на *куди*.

¹⁶⁰ ARE, 512 of 1937/38 (по копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре)

¹⁶¹ SH, VI, no. 48, 50, 58 (Tirumalai 1987, p. 158–160)

Если *куди* распашут пустующие земли, они получают половину урожая.

Если какие-либо требования к *куди* предъявляются по линии *куṭṭirai-kāṭu* (?), то эти сборы также платят *перунгуди*.

Если *кудигал* платят жалованье (т. е. если они нанимают рабочих!), то жалованье должно вычитаться из урожая наряду с посевным зерном (т. е. до раздела зерна между собственником и арендатором).

Посланцам, приносящим письменные приказания, следует платить 4 *кашу*. Царским слугам и солдатам следует платить, как скажет царь.

Если кто-нибудь оскорбит *наттаваров*, ему не разрешается селиться в данной местности¹⁶².

Можно сделать вывод, что брахманские собрания рассматриваются как законотворческие органы на местном уровне. Но и на них можно было искать управу. В 1239 г. *веллалы*, державшие земли (видимо, в виде аренды, а не подчиненной собственности) от брахманов Маннаргуди, пожаловались *наттарам* на незаконные вымогательства со стороны своих хозяев. Собрались *наттары* 5 *наду* и заключили с *сабхой* соглашение, которое проливает некоторый свет на внутреннюю жизнь *аграхары*. Было решено, что *веллалы* несут расходы по поддержанию дамб на реке в пропорции к размерам их облагаемых земель. Другие обязанности также должны точно соответствовать площади земли, обрабатываемой *веллалой*. Новые *кудумбу* должны включать только тех, кто способен обрабатывать землю.

Это правило не совсем понятно. Мы уже видели, что слово *кудумбу* (санскр. «семья») употреблялось в наших надписях для обозначения некоего коллектива, связанного экономическим интересом. Например, имеющих рядом лежащие земли. До сих пор мы встречались с *кудумбу* в среде самих брахманов-землевладельцев. Здесь этот термин относится к их крестьянам, даже в контексте, который позволяет перевести это слово как «рабочая группа», «бригада». Тем более, что далее говорится: брахманы не должны вмешиваться в структуру этих *кудумбу*. Получается, что *кудумбу* структурируют именно земледельцев. Примем такое понимание, поскольку другого не просматривается, и продолжим изложение надписи.

¹⁶² ARE, 536 of 1921 (Tirumalai 1987, p. 169); см. также надпись 1317 г. (509 of 1920. 1921)

Брахманы не должны также вмешиваться в сбор таких повинностей как *ór-viniyogam*, *kuḍumbu-kācu* и еще нескольких сборов в пользу храмов. Получается, что веллалы хотели бы сохранить автономию в управлении деревенскими делами (распоряжаться сборами в пользу деревни) и в управлении теми же *кудумбу*. Запрещено также взимать с веллалов *brāhmaī ar-pār-k-kaāmai* (подушный сбор в пользу брахманов?).

Далее идут несколько положений, направленных на восстановление мира в селении. Если какой-нибудь брахман или веллала выдвинет ложные обвинения в отношении других брахманов или веллалов, или против тех, кто управляет *кудумбами*, или тех, кто заведует сбором налогов или ведет отчетность для властей (*mudali*) за пределами деревни, они будут рассматриваться как предатели по отношению к деревне и к *наду*¹⁶³.

Система джаджмани

Если для индийской общины характерно кастовое разделение труда и взаимное обслуживание друг друга людьми разных специальностей (вернее — кастовых дхарм), то для брахманских общин эта черта должна быть особенно заметной. Сведений о системе джаджмани немного, но они все же позволяют утверждать, что она существовала.

Деревенские служащие имели наследственное право на занятие своим ремеслом и на соответствующую оплату. Так, деревенский плотник имел *tacca-k-kāi*¹⁶⁴. В надписи времени Раджендры II (1052–1063) рассказывается, что *сабхаияры* селения Калаппаж отобрали участок земли и усадьбу у лекаря деревни (*vaitya*). Тот обратился к царю за защитой. Прибыл царский посланец, который путем опроса местных жителей установил, что участок лекаря был пустошью, не приносящей урожая. Чиновник обязал *сабхаияров* выделять лекарю пропитание из дохода с общих земель селения¹⁶⁵.

В *брахмадее* Сирупажувур упомянут «кузнец этой деревни» (*iv-v-ór karumāç*), который играет определенную роль при продаже *сабхой* земли. Он вместе с *мадхьястхой* и еще 5 людьми подписывает документ в качестве свидетеля¹⁶⁶.

¹⁶³ ARE, 98 of 1897 (SII, VI, no. 50; Stein 1980, p. 224–225)

¹⁶⁴ ARE, 19 of 1940/41. 1939/43

¹⁶⁵ Tirumalai 1987, p. 29

¹⁶⁶ SII, III, p. 154–155, no. 71

В надписи времени Раджендры I *махасабха* Трибхувани (Ю. Аркат) выделяет некоторые сборы в пользу золотых дел мастера для его содержания¹⁶⁷.

В 1113 г. та же *махасабха* приказала лицам, «назначенным исполнять службу» *bhaḍḍavṛtti* (жреца), *kiḍai-p-paām* (пастуха?), *iḍaiṭṭu* (?), *kōḍam* (члена собрания?), *kaī akku* (писца), *taccu* (плотника), и другим (*uṇṇiḍa*), «исполнять эти службы только в селении. Те, кто занимается тем же за пределами деревни, должны рассматриваться как нарушители закона, как совершившие проступок против махасабхи и как разрушители деревни»¹⁶⁸.

Есть и другие случаи фиксирования «штата деревенских слуг». Так, в надписи 13 года правления Конеринмаикондана Сундары I Пандьи (это может быть 1229 или 1264 г.) говорится о дарении 108 брахманам земельного имения около Чидамбарам общей площадью в 117 $\frac{3}{4}$ *вели*. Кроме указанных брахманов, землю (участки разного размера) получили 3 учителя вед, учитель сутр, 2 доктора, деревенский писец, барабанщик, горшечник, кузнец, плотник, золотых дел мастер, цирюльник, прачка, столяр, а также ряд лиц, названия занятий которых трудно перевести¹⁶⁹.

В другой надписи того же типа (примерно 1261 г.) говорится о наделении земель, кроме брахманов, врача, писца, плотника, кузнеца, цирюльника, повивальной бабки и нескольких других специалистов. Кроме того, выделяются земли для выгона и под место для сжигания трупов¹⁷⁰.

Писцов в аграхаре могло быть несколько. В одной из надписей 1117/18 г. упоминаются два писца, которые сбежали, не выплатив налоги, и, кроме того, специальный квартал в селении, предназначенный для писцов¹⁷¹.

Общинные служащие занимали в целом более низкое положение, чем общинники-брахманы. В надписи 1176 г., зафиксировавшей решение *сабхи* Эдириличола-чм о правилах землепользования и упоминавшейся выше в другой связи, содержатся и положения, относящиеся к «общинному штату». Утверждается, что лица, имеющие

¹⁶⁷ ARE, 210 of 1919 (Sastri 1955, p. 585)

¹⁶⁸ ARE, 205 of 1919 (по копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре). Как видим, тенденция к возрастанию замкнутости деревни, которую мы отметили при изучении земельных прав брахманов, прослеживается и в отношении к служебным кастам.

¹⁶⁹ ARE, 277 of 1913. 1914 (по копии с факсимиле в Эпиграфическом центре в Майсуре)

¹⁷⁰ ARE, 1958/59 (Raman 1972, p. 58)

¹⁷¹ ARE, 164 of 1906 (SII, XXII, no. 164; Tirumalai 1987, p. 119)

«должности» в деревне, а именно kavidiyar (?), плотники, барабанщики, ткачи и цирюльник, не могут пользоваться некоторыми «показателями чести» (*veāumar, aracum*). Например, они не должны носить пучок волос, бить в барабаны по случаю их праздников или печальных событий, и они не должны иметь зависимых или рабов. Пастухи, которые получили скот для выпаса, должны держать скот в загонах и следить за тем, чтобы их скот не повредил дамбы у каналов. Другие «слуги деревни» не должны выращивать скот, если им не поручили это делать. Горшечники должны выделывать глиняные лампы и горшки и получать за это пищу и одежду, которую обязаны носить¹⁷².

В 1241 г. упоминается деревенский писец аграхары, который по приказанию *махасабхи* отменяет некие налоги с храмового сада, чтобы пустить эти деньги на другие нужды¹⁷³. В брахманских селениях продолжает упоминаться *мадхьястха*¹⁷⁴.

Известно, что система *джаджмани* может давать сбои, если лица, принимающие услугу (*джаджманы*), или лица, оказывающие услугу (*камины*) отказываются участвовать в обмене услугами и платами. Такие нарушения обычаев случались и тогда. Некие земледельцы (*uāi-kuṭi-makkaē*) пожаловались пандийскому царю на то, что брахманы аграхары не принимают теперь их услуги (в чем они заключались, неясно) и не платят им за это натурой, а вместо них нанимают наемных работников. Царь приказал восстановить старый обычай. Мы не знаем, конечно, насколько этот приказ возымел действие¹⁷⁵.

Брахмадея и храм

Эти два института определенно различались. *Девадана* — это «данное Богу». Выражение это понималось буквально. Дарения осуществлялись именно Ему, и Он отдавал распоряжения об использовании своего имущества. *Брахмадея* же — владение совокупности лиц, хотя бы и очень близких к Богу, но все же лишь людей. Юридически это также были два разных института, категории земель *девадана* и *брахмадея* четко различались и никогда не объединялись единым термином. Правда, нередко одно и то же селение объявляется и *деваданой*

¹⁷² ARE, 429, 538 of 1918. 1919 (ARE, 1923/24, p. 99; Tirumalai 1987, p. 144–145, 163–166, 181–186)

¹⁷³ ARE, 75 of 1922

¹⁷⁴ ARE, 5, 11, 12 of 1932/33

¹⁷⁵ ARE, 85 of 1946/47

и *брахмадеей* одновременно. Очевидно, при этом между двумя контрагентами делились права на землю, о чем уже говорилось в главе о земельной собственности.

Насколько переплетались храмовое и брахмадейское хозяйства, видно из надписи 1001 г. из Тирувадаттура. *Сабха* выплачивала некоторые деньги своим *кайкколам* (ткачам). Царь потребовал платить их в казну. Будучи не в состоянии выплатить их, и не желая собирать их с *кайкколов*, так как те могли бы в этом случае уйти из селения, *сабхаияры* заняли соответствующую сумму в храме, а за это согласились освободить некоторые храмовые земли от сборов в свою пользу¹⁷⁶.

В одной из чольских надписей говорится об основании *брахмадеи*. Но земля дается брахманам на условиях *кудининга тиру-видаяттам*, т. е. как владение храма. *Сабхаияры* должны поэтому выплачивать храму 20 *калам* с *вели* и денежный сбор по ставке, «принятой в этом *наду*»¹⁷⁷. Или же держатели храмовых земель платят также и в казну *аграхары*¹⁷⁸. Права на землю иногда разделялись между *сабхой* и храмом в четкой пропорции. В 1044 г. участок в 9 *ма* и ½ *кани сабха* и храм разделили между собой пополам. Налоги с этой земли они тоже будут платить пополам¹⁷⁹, правда, дополнительные сборы и трудовые повинности будет нести только *сабха*, она же заплатит дополнительные суммы, если в будущем ставки налогов увеличатся¹⁸⁰.

В других случаях земля считалась только храмовой, но передавалась в «оперативное управление» брахманскому собранию ближайшей *аграхары*, которое выплачивало храму причитающиеся ему суммы. Во всех таких случаях могли возникать конфликты по поводу правильности плат. Один из таких конфликтов между *сабхой* Пудупаккама и храмом Махадевы в Тирумалперу был урегулирован лично царем Уттамой Чола¹⁸¹.

Интересы, если говорить о земных интересах, у брахманов *аграхар* и настоятелей храмов также были различны. Так, в 1033/34 г. *махасабха* Раджараджа-чвм продала храму в том же селении земли в разных

¹⁷⁶ ARE, 105 of 1905 (Sastri 1955, p. 498; Stein 1980, p. 161)

¹⁷⁷ SII, XVII, no. 170 (Tirumalai 1987, p. 45)

¹⁷⁸ ARE, 101, 103, 104, 116 of 1908; 119 of 1926; 82 of 1924

¹⁷⁹ Это, кстати, показывает, что раздел был чисто финансовый, а не землемерный.

¹⁸⁰ SII, V, no. 633

¹⁸¹ ARE, 286 of 1906 (SII, III, p. 289–293, no. 142)

поселках, входящих в *аграхару*, в целом 14 + 17/20 вели. И получила «всю сумму»¹⁸². Это означает, что отношения между храмом и *брахма-дейей* были вполне рыночными. Продажи земли *сабхой* храму упоминаются неоднократно¹⁸³.

Собрание *аграхары* Тирувандакойил в Пондичерри в 967/8 г. взяло у храма займы золотые и серебряные украшения для своих нужд, но потом не смогла отдать долг, и в 990 г. отдала храму участок земли в его погашение¹⁸⁴.

Подобная же история, но произошедшая уже в XI в. рассказывается в надписи из Алангуди. В 1021 г. *сабха* взяла займы у храма золотые и серебряные украшения общим весом в 1 011 *кажанджу* и стоимостью 464 *палам*. Точно указан вес каждого предмета. Украшения нужны были *сабхе*, чтобы оплатить закупки семенного риса и строительство плотин. Таким образом, предметы культа были использованы как простые деньги. В залог за вещи и проценты по ним *сабха* передала храму 8¾ *вели* земли, взяв на себя уплату налогов с этого участка.

Будучи не в состоянии погасить этот долг, *сабха* в 1062 г. продала эти земли храму. Но они были рассеяны по многим селениям, и это было неудобно храмовым хозяйственникам. В 1105 г. *сабха* пошла навстречу храму и обменяла земли так, что они стали составлять единый блок. В 1152 г. все эти сделки были еще раз подтверждены, и *сабха* добавила в *девадану* еще некоторые земли, освободив их от налогов¹⁸⁵.

Сабха Чандралекхай-*чвм* около Шрирангама в 1080 г. продала храму 6 *вели* в счет процентов на 400 *кажанджу*, которые она заняла у Бога в 10 год Мадирайконду Паракесаривармана¹⁸⁶. Под этим титулом чаще всего выступает Парантака I. Если в данном случае имеется в виду именно он, то *сабха* заняла деньги в 917 г., т. е. не погашала долг в течение 163 лет!

В то же время эти два института, храмовое и брахманское землевладение, были, по понятным причинам, очень близки. Брахманы *аграхары* могли выполнять определенные службы в храме и заботились о процветании храма в их селении, поскольку это увеличивало их престиж.

¹⁸² EI, XI, no. 30

¹⁸³ SII, III, p. 55–58, no. 28 (1047 г.)

¹⁸⁴ ARE, 359 of 1917. 1918

¹⁸⁵ ARE, 521 of 1920. 1921 (SII, VI, no. 440; Tirumalai 1987, p. 128–129). Продажи земли *сабхой* из-за недоимок см. также: ARE, 171 of 1908 (1121 г.); SII, VIII, no. 303 (1125 г.); no. 304 (1124 г.); no. 305 (1122 г.); ARE, 485 of 1905 (Sastri 1955, p. 618).

¹⁸⁶ ARE, 18 of 1948/49

Брахманы, организованные в *аграхары*, считали своим долгом печься о делах храма. В начале X в. *сабха* Кавирипаккама обнаружила, что участок *арчана-бхога*, т. е. служебная земля храмового жреца, занесен песком и стал неплодородным. Она поручила своему комитету орошаемых земель выделить жрецу замену из других земель деревни размером в 1400 *кужи*¹⁸⁷. Храм и *сабха* могли обмениваться участками земли¹⁸⁸.

В одном случае *сабха* даже продала один из своих поселков, чтобы поправить храмовые дела, чтобы лампы продолжали гореть, чтобы храмовые праздники продолжали проходить¹⁸⁹.

В 961 г. *сабха* Шрикантха-*чвм* в Тиручирапалли отказалась от своего права, которое она, видимо, имела, конфисковывать земли храма за неплатеж налогов по идейным соображениям: «потому что Бог не может быть обязан платить какие бы то ни было налоги». Более того, она намеревается наказывать любого человека, который предложит, прикажет или сам конфискует храмовую собственность¹⁹⁰. Это эмоциональное заявление не соответствует тогдашней практике. Храмовые земли действительно отбирались редко, но достаточно обычным делом была продажа храмовых земель для того, чтобы погасить задолженность по налогам. Нас сейчас интересует то, что некая *сабха* считала себя вправе принимать такие широковещательные заявления.

Надпись чольского наместника в стране Пандьев примерно в XI в. рассказывает о том, что *сабха* наделяет участками земли храмовых служащих — садовников, барабанщиков, горшечников, делателей гирлянд, факельщиков и храмовых рабов (*деварадияр*)¹⁹¹. *Сабха* могла назначать жрецов в храм¹⁹², переводить их из одного храма в другой и делить долю жреца между несколькими лицами¹⁹³.

Надпись от 1291 г. из Тирупуттура (Мадураи) показывает, что *сабха* считала своим долгом следить также и за нравственностью храмовых настоятелей. Она зафиксировала жалобу *сабхи* на одного из настоятелей. Если верить надписи, он привез к себе в храм брахманскую вдову

¹⁸⁷ ARE, 692 of 1904 (SII, III, p. 328–329, no. 156); см. также ARE, 204 of 1938/39

¹⁸⁸ ARE, 308 of 1960/61

¹⁸⁹ ARE, 322 of 1911. 1912

¹⁹⁰ ARE, 133 of 1914 (SII, XIII, no. 114)

¹⁹¹ ARE, 107 of 1905 (SII, XIII, no. 132); 4 of 1927; 172 of 1923 (Sastri 1932, p. 130)

¹⁹² ARE, 53 of 1989 (Sastri 1932, p. 127)

¹⁹³ ARE, 71 of 1923 (Sastri 1932, p. 125)

и живет с ней, и даже (!) поселил ее в деревне. Кроме того, он со своими братьями забирает себе то, что дарят богу, берет взятки с храмовых арендаторов и за это позволяет им накапливать недоимки и не платить в храмовую казну, а также срубил деревья на земле храма и построил из них себе дом. Видимо, этот настоятель получил по заслугам за свои прегрешения. Но конец надписи утерян, и мы об этом уже никогда не узнаем¹⁹⁴.

Но в случае неурядиц внутри *сабхи*, на помощь для разрешения конфликта приходил храмовый совет¹⁹⁵.

Махасабха Уттарамерура в 1018 г. вошла в положение четырех вишнуитских жрецов, которые по неясной причине потеряли доходы в другой *аграхаре* (Арасани-мангалам, в талуке Куддалур, Ю. Аркат), и выделила им *arcanà-vritti*, служебную землю для выполнения функций жреца¹⁹⁶.

Расстояние между Уттарамеруром и Арасани-мангалам — около 50 миль. Этот случай показывает, насколько были налажены связи в сельской местности между различными селениями.

В 1036 г. один из *махешваров* обратил внимание Раджендры I на то, что *сабха* Тирукколликкаду незаконно захватила храмовые земли уже 35 лет тому назад. Была устроена проверка и жалоба подтвердилась. На *сабхаияров* наложили штраф в 400 *кашу*. Денег у них не оказалось. В счет 100 *кашу* они передали храму некоторые земли, а 300 они остались должны и согласились платить на них проценты¹⁹⁷.

Сабха не являлась частью органов храмового управления. И, тем не менее, она часто определяла расходование средств, при этом нередко в свою пользу и в ущерб храму, т. е. Богу (!). В главе о храме будет подробно рассказано о государственных и иных властных инспекциях храмовых финансов. Почти неизменно оказывается, что *сабха* виновата в «нецелевом расходовании средств». Возможно, загадка заключается в том, что местные общины — *сабха* и *ур* — собирали налоги с храмовых земель, заменяя собой налоговый аппарат. Так можно понять надпись из Улаганаллура (Ю. Аркат), в которой вассал

¹⁹⁴ ARE, 125 of 1908. 1909

¹⁹⁵ Mahalingam 1997, p. 187

¹⁹⁶ ARE, 171 of 1923 (Sastri 1955, p. 544)

¹⁹⁷ Tirumalai 1987, p. 23; о захвате *брахмадейей* земли храма см. также ARE, 106 of 1907. 1908; 305 of 1923. 1924

Вирараджендры объявляет о снижении налогов с 1000 *кужи* храмовой земли, но сообщает об этом *сабхаиярам* и *урарам*¹⁹⁸.

Решение *махасабхи* Трибхуван Махадеви-чм около Пондичерри от 996 г. дает представление о том, как брахманы пеклись о храмовом имуществе и как они его присваивали. *Сабха* узнала, что некоторые из ее членов незаконно собирают налоги с храмовых земель. Она собралась и приняла решение (*вьявастхай*): «Указанное собрание не должно собирать никаких других налогов кроме *сиддхья*, *дандая* и *панчавара*¹⁹⁹. Противозаконно нарушать [это постановление] и взимать любые другие налоги, например, *силлирай*, не перечисленные выше. Члены комитета водоемов, комитета по делам деревни и *ōramaiceyvār*²⁰⁰, работающие в данный год, не должны получать никакой платы в виде риса или падди в качестве *аманджи*²⁰¹. Те из членов комитетов, кто будет собирать незаконные налоги и подпишет приказания об их сборе, должны быть оштрафованы на 25 *кажанджу* золотом, которые пойдут *деваканми*²⁰². После уплаты этого штрафа они должны заплатить еще один штраф в пользу *дхармасана*²⁰³ в том месте, которое они выберут, по ставке, зафиксированной в решении *сабхи* (*сабха-вьявастхай*). Писцу комитета (*вариям*), который позволил производить незаконный сбор налогов, должно быть предложено заплатить *ветти*²⁰⁴. Тех, кто говорит “нет” на этот указ, и тех, кто подстрекает их, следует при-

¹⁹⁸ ARE, 173 of 1940/41. 1939/43

¹⁹⁹ *Сиддхья* обычно переводится как «постоянный налог»; *дандая*, может быть, налог для обеспечения правосудия или штрафы; о *панчавара* («пятая доля») уже говорилось. Забегая вперед, хочу предупредить, что работа по установлению значения терминов для разных налогов и сборов проводилась многими и неизменно кончалась фиаско.

²⁰⁰ Очень интересный термин, который может звучать как «служащие по делам деревни». Можно пофантазировать, что *ур*, попавший в *аграхару*, образовывал свой орган по координации действий с брахманской *сабхой*. Но этот институт упоминается настолько редко, что о его составе, функциях и распространенности можно только гадать.

²⁰¹ *Ал-аманджи* — это трудовая повинность. В данном случае отсутствует *ал* — «человек». Возможно, это продуктовое возмещение трудовой повинности.

²⁰² *Деваканми* — одна из групп храмовых управляющих. См. главу о храме.

²⁰³ *Дхармасана* — некий общественный судебный орган. Упоминается иногда в связи с храмовыми делами. Судя по этой надписи, «филиалы» или «отделения» этого органа могли находиться в разных местах, но составляли единую сеть. Впрочем, как уже говорилось, опасно строить предположения на базе одной надписи.

²⁰⁴ *Ветти* — это санскр. *вишти* — принудительный труд. Возможно, писец должен был «отработать» штраф.

нудить уплатить штраф в 15 *кажанджу* в пользу *дхармасаны* для передачи *деваканми*, но после этого они должны быть принуждены выполнять этот указ»²⁰⁵.

И сама *сабха* могла действовать незаконно. *Махасабха* в Анбиле требовала подати с собственных земель храма (*тиру-наматту-к-кани*), и ничто не могло ее убедить, что она поступает, по крайней мере, неэтично. Тогда один из верующих (*āi ōar*) в знак протеста покончил с собой. Только тогда у членов *сабхи* проснулась совесть. Они отказались от незаконных требований и решили на свои средства воздвигнуть статую этого *андара* в храме²⁰⁶. В другом случае спор между храмом и аграхарой за мизерный участок земли в 2 *ма* привел к самосожжению одного из *махешваров*²⁰⁷.

Б. Стайн высказывает мнение, что первоначально (в период Паллаво и в раннечольский период) основным институтом контроля за местностью были *брахмадеи*, которым храмы подчинялись. Со временем храмовые власти добились самостоятельности, освободились от контроля со стороны *сабх*, и храмы стали основными агентами проведения государственной власти на местах²⁰⁸. Это мнение, хотя его так же трудно документально доказать, как и многие другие высказывания Стайна, представляется вполне правдоподобным. Во всяком случае, Стайн показывает определенную эволюцию: в X–XI вв. храмами управляют главным образом *сабхи*, а к XII в. храмы приобретают собственные коллективные органы управления, отличные от *сабх*, которые и получают дарения²⁰⁹. Другие исследователи также отмечают падение роли *сабх* в позднечольский период и возрастание роли храмов.

Аграхара и власть

Брахманские общины обладали значительной автономией и большинство своих проблем решали совершенно самостоятельно. Но никаких законов, которые ограничивали бы степень вмешательства царя и его администрации, не существовало.

В земельные дела *брахмадеи* в чрезвычайных случаях мог вмешиваться царь. В 988 г. Раджараджа I пишет *махасабхе* Шри-Виранаяна-

²⁰⁵ ARE, 362 of 1917. 1918

²⁰⁶ SII, VIII, no. 193

²⁰⁷ SII, VIII, no. 759 (Tirumalai 1983, p. 31)

²⁰⁸ Stein 1980, p. 162–163

²⁰⁹ Ibid., p. 153

чэм, предлагая ей передать собственность трех братьев, которые замешаны в убийстве Карикалы Чолы, старшего брата Раджараджи, «а также собственность их братьев, сыновей, жен, дядьев по мужской линии и их детей, тестьев, дядьев по материнской линии, мужей их сестер, мужей и жен их детей» двум своим доверенным лицам, с тем, чтобы затем продать это имущество. Это общая формулировка, очерчивающая круг родственников, ответственных, по представлению того времени, за акт государственной измены. Реально речь идет о продаже земли одного из «изменников», его сына и его матери. Продать приказано не по высокой цене, и не с аукциона (что было тогда обычно), а «по цене, по которой один *куди* продает другому *куди*» (*kuōiyōū kuōipeāum vilaikku*), т. е. не как собственность, а как крестьянское право держания. По-видимому, это условие должно было подчеркнуть позорный характер продажи, ее связь с конфискацией прав.

Земли общей площадью $2\frac{3}{4} + 1/20$ вели, а также 6 домов купил некий человек из другой местности. Он заплатил 112 *кажанджу* золотом. Деньги было приказано передать в *tālam*. Нилаканта Шастри переводит «в казну»²¹⁰.

В 1006 г. тот же Раджараджа I приказывает продать земли еще двух изменников в другой аграхаре. На сей раз они продаются именно с аукциона (*peruvilai*), чиновники записывают цену, по которой продажа была совершена, и выдают купившему документ о владении²¹¹.

По приказу Раджараджи I в 1002 г. были проданы земли членов аграхары в пригороде Танджавура, поскольку они их забросили. Земли купила сестра Раджараджи I²¹².

Этот царь вообще известен стремлением навести порядок в своем царстве. В 1008/9 г. он приказывает отобрать и продать земли недоимщиков в деревнях брахманов, *вайкханаси* и джайнов, задолжавших подати за три года. При этом сами должники не имеют права выкупить свои земли. Царь требует, чтобы земли недоимщиков выкупали жители соответствующих селений²¹³.

На фоне благостных отношений между обладателями власти на всех уровнях и учеными уважаемыми брахманами (по определению, иным деревни не дарились!) иногда проскакивают сообщения о крайних мерах воздействия властей на брахманов, если они бывали

²¹⁰ EI, XXI, no. 27, p. 165–170 (SII, III, p. 290–291, no. 142)

²¹¹ ARE, 244 of 1917. 1918

²¹² SII, V, no. 1409 (Tirumalai 1987, p. 9)

²¹³ SII, III, p. 14, no. 9

недостаточно послушны в отношении царских указаний. В одном случае сабха не торопилась наложить какое-то взыскание на писца (видимо, члена данной общины), участвовавшего в составлении отчета о расходах казны. Он, видно, был замешан в каком-то преступлении. Воины царя применили к *сабхаиярам* пытки, «подвергая их воздействию воды и солнца». После этого *сабхаияры* решились-таки продать землю провинившегося писца²¹⁴. В другом случае, тоже в 1001 г., один из членов *аграхары* задолжал (казне?), и долг его с процентами возрос в два раза. Солдаты требовали от *сабхаияров* погасить задолженность своего коллеги, и, чтобы побудить их согласиться на это предложение, привязывали *сабхаияров* к манговому дереву²¹⁵.

В конце XII — начале XIII вв. налоговый гнет, по-видимому, возрос. Отражением этого процесса может служить надпись 1212 г., в которой сообщается, что на *брахмадею* был наложен новый сбор, который *сабхаияры* отказались платить. Царь арестовал членов *сабхи* и заставил их заплатить²¹⁶.

Таким образом, хотя мнения о ведущей роли брахманских общин в консолидации государства мне представляются неправильными, все же их значение в социальной жизни было велико. Они формировали аграрные отношения в своих владениях, вступали в сложные отношения с другими общинами, с представителями власти, с храмами, и неизменно играли заметную роль.

Глава 6. Городская община. *Нагарам и нагараттар*

Третьим типом локальной общины в Тамилнаду, помимо *ура* и *брахмадеи*, был *нагарам*. Слово означает просто «город» (от санскритского *нагара*), однако в изучаемые века оно приобрело терминологическое значение поселения городского типа, имеющего орган самоуправления — *нагараттар*. В ходу были и иные наименования городов — *пурам*, *паттана* и др., но не все города имели самоуправление, как и *нагараттары* действовали не только в *пурамах*.

Например, большое экономическое значение имел порт Тирувадандай (к северу от нынешнего Ченная). При Раджарадже I здесь зафиксированы дарения приезжими купцами из Малайянаду, Майлапура, Алайпура в Конаду, Тирувотрийура¹. Там действуют как *сабха*, так и *ур* — видимо, объединения брахманов и небрахманов. Но Тирувадандай не имел *нагарам*. Можно предположить, что совет *нагарам* возникал не естественно со специализацией поселения на торгово-ремесленных функциях, а по некоему решению, с присуждением «статуса» города. Возможно, что отсутствие «городского» самоуправления в Тирувадандае объясняется тем, что он потерял значение после правления Раджараджи I. Но, как мы увидим, присуждение статуса могло производиться отнюдь не только центральной властью, но и местными общинными органами.

Не имел городского совета и Нагапаттинам — главный порт периода Чолов. Он считался «деревней», «селением», и орган местного самоуправления в нем назывался *ур*. Этот совет занимался сбором налогов²,

²¹⁴ SHI, V, no. 723 (Tirumalai 1987, p. 120)

²¹⁵ ARE, 27 of 1906 (SHI, XXII, no. 27)

²¹⁶ SHI, VIII, no. 77 (Stephen 1999, p. 19)

¹ ARE, 260, 261, 262, 263, 267, 273 of 1910 (Hall 1980, p. 170)

² ARE, 158, 162 of 1956/57; 298, 299, 300, 310 of 1964/65 (Hall 1978, p. 84; Hall 1980, p. 167, 170)

а по распоряжению Раджараджи I от 1014 г., наряду с другими *урами*, его кварталы снабжали «государственный» храм в Танджавуре танцовщицами³. Другими словами, власти относились к Нагапаттинаму как к одной из деревень. Город делился на кварталы (*cāri*), из которых нам известны два: Сенамукам и Мадигай Ариччалай, в которых жили члены *ура*.⁴

С другой стороны, различные кварталы города Танджавура (*peruēṭṭeṇuṇi*, букв. «большие улицы») имели свои общины (*нагарам*), которые могли действовать совместно, либо порознь⁵. Они участвуют в разнообразных социальных акциях, пользуются большим уважением и доверием жителей, храмовых и светских властей, когда дело касается денежных дел. А в Тирувоттриуре три *перундеруву* составляли единую общину, хотя в одном из них жили ткачи (*салия-нагараттар*), в другом — скотоводы (*мандради*), а в третьем — скульпторы и ремесленники⁶. В Канчипураме в X в. *нагарам* охватывал два района (*чери*) города. А остальные 4 района к этой организации не относились⁷. А в Чидамбаре отдельный *нагарам* был основан в 1036 г. в восточном поселке этого города⁸. В селении Мелаппалувар отмечено действие одновременно двух *нагараттаров*⁹. В 994 г. *iraī ōi nakarattār* («обе [группы] нагараттаров») принимают дар денег для поддержания лампы в храме¹⁰.

В 1213 г. в состав города (*нагара*) Карундиттайкуди входили селения Кулоттунгашола-наллур, Гангайкондачолан-тирунандаванам и Сунгандавитта-чоланаллур¹¹.

По-видимому, город как организация и город как населенный пункт не совпадали. Это ситуация, аналогичная той, какую мы наблюдаем в отношении «деревень» и *аграхар*. Административные или социальные рамки объединяли разные населенные пункты по причинам, которые мы понять не можем.

³ SII, II, p. 279, 288, 290, 292, 295, no. 66

⁴ ARE, 158, 168 of 1956/57

⁵ SII, II, p. 151–152, no. 37

⁶ ARE, 136 of 1912 (Hall 1980, p. 53)

⁷ SII, III, p. 274–275, no. 128 (Hall 1980, p. 53)

⁸ ARE, 118 of 1888 (SII, IV, no. 223; EI, XXII, p. 146, no. 24; Hall 1980, p. 52)

⁹ ARE, 365, 367 of 1924 (SII, XIII, no. 208, 215)

¹⁰ ARE, 382 of 1924 (SII, XIII, no. 201)

¹¹ SII, II, p. 114–115, no. 22

Основание *нагарам*

Статус «города», видимо, имел какое-то значение. Совет города (*нагараттар*) имел «наследственное право» управлять городом (*nakara-k-kāi*)¹². Это многозначительно для тех условий. *Кани* — это единственное право, которое в ту пору имело некоторую прочность.

Нагарам могли основываться различными физическими и юридическими лицами. Так, в 1036 г. наложница Раджендры I купила один из выселков Чидамбарама площадью в 44 *вели* и объявила его *нагарамом* Гунаменагайпурамом. Она пригласила поселиться в нем торговцев, земледельцев, *шанкарападияров*, ткачей, которые образовали верхний слой населения, а также плотника, кузнеца, ювелира и ткача более низкого статуса, которые образовали низший слой (*kāṇkalanai*)¹³. Из этого перечисления видно, что вновь образованный город не слишком отличался от деревни по составу населения. Особенно красноречиво перечисление ремесленников, обычно составляющих систему *джаджмани*.

В XIII в. на землях, предоставленных одной из деревень, по приказу царя основан город, получивший название Конгукондачоллапурам, и указаны налоги, которые он должен платить — в пади и в монетах¹⁴. Примерно в 1200 г. Джатаварман Кулашекхара Пандья основал новый *нагарам*, соединив для этого территории нескольких деревень¹⁵.

Но не следует и преувеличивать роль центральных властей в основании городов. В 1286 г. *ура*ры Марудангуди продали *нагараттарам* Аиннутрувар-перундеруву [«улицы (квартала) 500»] селения Энкарриккуди 4 *ма* земли, на которой будет основан новый *нагарам* под именем Раджанараянапурам. *Наттары* со своей стороны освобождают данный участок земли, а, следовательно, и вновь образованный город, от налогов¹⁶.

И по внешнему виду *нагарам* не отличался от деревни. Рассказывая выше об обычной тамильской деревне, я ссылался

¹² ARE, 264 of 1943/44 (Hall 1980, p. 55, 65)

¹³ ARE, 118 of 1888 (SII, IV, no. 223; EI, XXII, p. 146, no. 24). Что касается перечисления «благородных» жителей, составляющих *нагараттаров*, то оно достаточно условно, отражает не столько конкретные решения женщины, сколько традиционные представления о том, кто входит в это понятие (Hall 1980, p. 52). Но все же интересно, что этот орган понимался как составленный из представителей разных общностей. См. также SII, V, no. 465

¹⁴ ARE, 388 of 1939/40. 1939/43

¹⁵ ARE, 243 of 1941/42. 1939/43

¹⁶ ARE, 147, 150 of 1935/36 (Hall 1977, p. 227)

на дарения Раджараджи I Танджавурскому храму. Там перечислены различные населенные пункты с указанием того, из чего они состоят. В числе прочих селений значатся также три *нагарам* и пять поселений, «включенных» (*iv-v-ōṟī ū āiṣa*) в *нагарамы*. Они отличаются от деревень хотя бы тем, что налог с них исчисляется в деньгах, а не в натуре. Но при описании того, что составляет село или город, удивительно мало отличий. Так, город Венни, главный город Венни-*куттрам* в Наттавинода-*валанаду*, имеет площадь ок. 22 *вели* и включает дома, пруды, два храма, *пареичери*, место для кремации трупов, и *paṭṭavāy*(?).

Другой город Венелвидугу-Паллавапурам в Таккалурнаду в Ажумориде-*валанаду* имел ок. 28 *вели* земли, включая дома, *пареичери*, *камманачери*, водоемы, пруды на полях, храм, его цветники, другой храм с его двором и поселком, место кремации¹⁷.

Функции *нагарам*

Не отличались *нагарамы* от прочих общин и по своим функциям. Например, в первые столетия своего бытия, при Паллавах, служили депозитариями, принимали деньги под условием уплаты процентов с них храмам¹⁸. Это более понятно, чем в отношении других общин, поскольку ясно, что купцы могли пустить деньги в оборот и реально получить доход, часть которого выплачивать. Но храм в то время не интересовали деньги. *Нагараттары* обязываются снабжать храм на получаемые ими проценты семенами кардамона, бутонами цветка *чампака* и бананами¹⁹.

Интересна в этой связи надпись Варагуны II Панды из Тируччендура (дистрикт Тирунелвели). Махараджа через своих трех вассалов роздал 1400 *кашу* (видимо, большая сумма, однако обычно *кашу* — это мелкая монета) в 16 общин, среди которых 4 *ура*, 11 *сабх* и 1 *нагарам*. Последние населяют Маназирапаттинам. Подробно указано, какими продуктами должны эти общины снабжать храм. *Нагараттары* должны ежедневно поставлять определенное количество цветов²⁰. Здесь опять

¹⁷ SII, II, p. 65–67–68, no. 5

¹⁸ EI, VII, p. 139, no. 20-a; XXXII, no. 10; SII, VII, no. 924, 925, 926, 934 (IP, no. 124, 129, 130, 151, 165, 172); IP, no. 134; SII, VIII, no. 308; XII, no. 71 (IP, no. 162, 167); ARE, 401 of 1921. 1922 (1021 г., Ю. Аркат); см. также ARE, 124 of 1932/33

¹⁹ SII, II, p. 123–124, no. 24; p. 132, no. 27

²⁰ EI, XXI, p. 101–116, no. 17

видно, что власти никак не выделяют *нагарам* из ряда других населенных пунктов.

Нагарам наряду с другими общинами принимал участие в судопроизводстве. Уже упоминалось о казусе, когда *наду* и *нагарам* совместно разбирали дело об убийстве²¹.

Как и другие общины, они занимались самообороной. Сведений о вооруженных силах или ополчении города немного. Но некоторые косвенные данные позволяют утверждать, что «горожане» не были только мирными жителями. В 1016 г. *нагараттары* г. Амбар освободили от налогов собственность четырех купцов, погибших в бою. Кто именно напал на город, из аннотации не ясно²².

По общему мнению, власть Чолов в период от Раджараджи I до Куллотунги I (985–1122) укрепились, стала реальной по всему Тамилнаду. Самостоятельность территориальных общин была значительно урезана. Однако и в этот период городские общины продолжали содержать собственные военные отряды²³.

Методы защиты своих интересов и прав жителей города часто не отличаются от методов, применявшихся сельскими жителями. Так, однажды купцы оставили селение потому, что местный магнат поднял налоги. И тот обратился к ним с просьбой вернуться, потому что он потерял вообще доходы с этого селения²⁴.

Холл полагает, что *нагарам* привлекал странствующих торговцев тем, что предлагал им охрану, условия для торговли, уборку мусора и т. п., за что взимал определенные сборы²⁵. Это вполне правдоподобно, но такие подробности в надписях не сообщаются.

Но все же *нагарам* выделялся особым авторитетом. *Нагараттары* часто фигурируют как коллектив, опекающий храмы. Например, в 934 г. *нагараттары* участвуют в выделении участка земли храмовому барабанщику²⁶. Другие *нагараттары* в 950 г. решают вопрос о переносе на другую стену надписей о дарениях храму в связи с его ремонтом²⁷. В 959 г. *нагарам* Тирувидаймарудура вместе с *сабхаярами*, храмовыми властями и чиновником распределяют несколько молодых

²¹ ARE, 77 of 1906

²² ARE, 431 of 1954/55

²³ Hall 1980, p. 193

²⁴ ARE, 375 of 1902 (SII, VII, no. 1005; Hall 1980, p. 198.)

²⁵ Hall 1977, p. 219

²⁶ SII, V, no. 721

²⁷ SII, III, p. 261, no. 124

женщин по разным службам храма²⁸. Тот же городской совет в том же году выступает как свидетель и, может быть, даже утверждает решение, принятое по поводу ставок налога, взимаемого в пользу храма, расположенного в этом городке, с деревни брахманов где-то поблизости²⁹.

В следующем году те же *нагараттары* принимают участие вместе с государственным чиновником, *сабхой* Тираймура и храмовыми «наблюдателями» (*devakāi mi*) в выделении участка земли танцору, который за это должен исполнять вполне определенные танцы в храме³⁰.

В 974 г. *нагараттары* Тирувидаймарудура участвуют вместе с *сабхой*, *уром* и *деваканми* в решении вопроса о принадлежности участка земли храмовому служащему³¹.

В 986 г. четырем *нагарамам*, которые существовали в Канчипураме, поручается опекать знаменитый храм Кайласанатхи в этом городе, особенно следить за тем, чтобы средства, ассигнованные в разное время для поддержания неугасимых лампад, тратились именно на это цели³².

В главах о *наду*, *уре* и *сабхе* говорилось о том, что *нагарам* нередко привлекается к разбирательству в тех или иных спорах, касающихся этих общин и, казалось бы, не затрагивающих интересы города. В 19 г. правления Джатавармана Кулашекхары *нагараттары* Виндавура решают вопрос о принадлежности участка земли, за который спорили *ур* и *сабха*. *Нагараттары* выступают как незаинтересованные, объективные посредники³³.

В период Раджараджи I один из местных вождей проводит повышение налогов в подчиненных ему областях, но после переговоров с *нагарам*³⁴.

Город — землевладелец

Характер источников таков, что торговая или производственная деятельность горожан отражена в них меньше всего. Гораздо выпуклее роль города как землевладельца. Впрочем, если бы города не имели своей земли, которую они могли дарить и продавать, то мы бы знали

²⁸ SII, V, no. 716

²⁹ ARE, 214 of 1907 (SII, III, p. 381–382, no. 203)

³⁰ SII, V, no. 718

³¹ ARE, 216 of 1907 (SII, XIII, no. 270)

³² SII, III, p. 272–275, no. 128

³³ ARE, 402, 403 of 1916. 1917

³⁴ ARE, 365, 367, 374 of 1924 (SII, XIII, no. 344; Hall 1980, p. 196)

об их существовании еще меньше и не смогли бы оценить в должной мере их роль в обществе и в экономике.

Нагараттары Маммалапурама (Махабалипурама), который имел статус *манагарам* («большой город»), получали подати с 50 селений в Амур-коттаме³⁵. Это значит, что они имели верховное право собственности на них. Но, кроме того, город имел и другие земли, на праве подчиненной собственности, которыми пользовались индивидуальные горожане.

В 1010 г. в этом городе был произведен передел земель. Надпись нетипичная, можно сказать, редкая. Поэтому имеет смысл привести главную ее часть целиком: «Мы, не старые и не молодые горожане этого города³⁶, собравшись в *тирунандаванаме* («священном цветочном саду») к югу от храма Джашаяна-девы в Мамаллапураме, главном городе Пудуккудаян-Экадхира-50³⁷, которое входит в Амур-коттам, единогласно приняли следующее решение: Орошаемая земля, белая (?) земля, садовая земля, сухоходльная земля и все другие несущие налоги земли нашего города да будут разделены на 4 *kôâu* (доли) по 100 *maçai* (букв.: «домов», видимо, в значении «усадб» — Л. А.) в каждом. Эти доли да будут разделены на 4 части (тоже *kôâu*) по 25 *маней* в каждой, и одна часть пусть принадлежит жителям Кудумбидугу-чери, она же Шанкарапади³⁸. Оставшиеся три части пусть состоят из 75 *маней*. Эти *маней*, подвергнувшиеся переделу, могут быть проданы, заложены или подарены с благочестивой целью. Но земли *маней* могут отчуждаться только в соответствии с этим разделом по долям. Прежнее распределение полностью отменяется. Фруктовые деревья, стоящие на различных участках, должны использоваться собственниками соответствующих долей. Те [деревья], которые стоят на межах между рисовыми полями, должны принадлежать всем 100 *маней*». Далее следует перечисление сборов, которые должны ежегодно платить те, кому больше 16 лет и кто не имеет земли. По-видимому, предполагается, что имеющий землю платит поземельный налог, и это исчерпывает его налоговые обязательства. Итак, безземельные торговцы платят по ½

³⁵ SII, I, p. 64–65, no. 40 (Hall 1978, p. 83)

³⁶ Ниже в той же надписи дважды повторено, что *нагараттары*, решающие дела города, это люди «средних лет». Любопытно сравнить эти формулировки с выражениями в брахманских *аграхарах*, где собираются «все, от мала до велика».

³⁷ Редкое в Тамилнаду обозначение территориального подразделения с числовым индексом

³⁸ Община *шанкараппади*, которую Карашила предлагает считать торговцами маслом, могла иметь свой квартал в городе.

кажданджу, а работающие по найму (*kólituceya*) — по 1/8 *пона*, плюс еще «с каждого поворота пахаря» — 3/8 *пона*. Ясно, что под *кули* автор надписи имеет в виду, прежде всего, сельскохозяйственных рабочих. «Поворот пахаря» — своего рода измерение рабочего времени или объема выполняемой работы. Пахарь поворачивает свой плуг, окончив борозду и начиная следующую.

Нередки упоминания о дарениях *нагараттарами* земель и целых населенных пунктов. Это может означать лишь то, что в их коллективной собственности находились земли, обрабатываемые другими лицами.

Возможно, о полной собственности на землю, включающей верхнюю и подчиненную, свидетельствует надпись из Телингакулака-лапураме (Пудуккоттай). В ней говорится, что два торговца (*вяяпари*) откупили у *нагараттаров* «верхнюю долю», которую последние получали с большого клена земли, за 68 000 *кашу* золотом. Торговцы обязуются платить с этой земли 60 *каламов* (видимо, с *вели*) в урожайный год и 2 1/2 *калама* с *ма* (т. е. 50 *каламов* с *вели*) в неурожайный год и только с обрабатываемой земли (т. е. в неурожайный год не вся земля может быть обработана)³⁹.

Нагараттары Мелпади в С. Аркате в 1014 г. подарили храму 5136 1/2 *кужи* земли⁴⁰, а на следующий год — «поселок Пуликкундрам, один из поселков (*пи́аккай*), которыми владеет наше селение, который не разделен на усадьбы (*ма́чай*) и который — общая собственность нашего города (*nakara-p-potuvây-k-kiñanta pulikku çaattu-k-kukku-k-kiapâakallai*)⁴¹.

В 1018 г. *нагараттары* Тирунавалура (Ю. Аркат) один участок земли подарили храму, а другой — продали некоему военачальнику (*сенапати*), который, впрочем, тоже подарил его храму⁴².

Но встречаются и противоположные ситуации. Шивапурам в Ченгалпатту, который был важным городом, поскольку его орган самоуправления назывался *манагараттар*, был одновременно *деваданой*, т. е. владением храма⁴³. Это означает, что храм получал налоги с этого города, которые могли бы идти в казну.

³⁹ IPS, no. 170 (Hall 1970, p. 61)

⁴⁰ SII, III, p. 23, no. 15

⁴¹ SII, III, p. 25, no. 16

⁴² ARE, 225 of 1939/40. 1939/43

⁴³ ARE, 284 of 1959/60. Подобные случаи см.: ARE, 265 of 1943/44 (Hall 1980, p. 43)

Нагараттары остаются крупными землевладельцами и в XIII в. Они дарят земли⁴⁴, продают их⁴⁵, покупают⁴⁶.

«Горожане», как уже ясно, платили налоги, иногда довольно для них обременительные. Но особенность тогдашней ситуации заключалась в том, что налогоплательщики в некоторых случаях имели возможность отстаивать свои интересы, в буквальном смысле сами определяли величину налогов с себя. *Нагараттары* Аванигандхарвапурама (Тиручирапалли) в 967 г. постановили, и выбили свое постановление на камне, что налоги с них не должны превышать ставки (*ма́çâpââu*), издавна существующие в другом городе — Нандипураме⁴⁷. На следующий год это решение было утверждено местным магнатом⁴⁸.

Довольно распространена была практика самообложения купцов, когда они принимали решения добровольно отдавать часть выручки храму на те или иные богоугодные дела⁴⁹.

Какую роль играли земельные владения в благосостоянии *нагараттаров*, показывает надпись 1159/60 г., которая фиксирует, что у *нагараттаров* Тируккадайура пропали оба урожая, осенний и весенний, в результате чего они не в состоянии уплатить налоги иначе, как продав часть своей земли храму⁵⁰.

Органы городского самоуправления

Что из себя представлял орган самоуправления города, мы не знаем так же, как не знаем состава *ура* или *наттаров*. Ясно, что, в отличие от других, рассмотренных выше, общин, городской совет не был кастовым. В нем могли принимать участие как представители разных торговых сообществ, так и земледельческих и ремесленных.

В упоминавшейся выше надписи из Мамаллапурама городское собрание состоит из «всех», правда, за исключением старых и молодых. Это подразумевает многочисленность собрания. Но иногда

⁴⁴ ARE, 380, 410 of 1909. 1910; 84 of 1911; 616, 617 of 1926. 1927; 237, 248, 255, 257 of 1940/41. 1939/43; 354 of 1950/51

⁴⁵ ARE, 432 of 1917. 1918; 283 of 1923. 1924; 260, 261, 269 of 1940/41. 1939/43; 389 of 1959/60; IPS, no. 487;

⁴⁶ ARE, 124 of 1935/36; IPS, no. 288

⁴⁷ ARE, 365 of 1924 (SII, XIII, no. 208)

⁴⁸ ARE, 367 of 1924 (SII, XIII, no. 215)

⁴⁹ ARE, 490 of 1909. 1910

⁵⁰ SII, XXII, no. 41 (Tirumalai 1987, p. 133–134)

из контекста надписи выясняется, что *нагараттаров* не так уж много. В 1012 г. в Муммудичолапураме их всего 4, все они «купцы» (*viyàpàri*), но два из них просто *четти*, один — *kavare-œèi* (?) и один — представитель *шанкараппади*⁵¹. В другом городе в 1035 г. управляющий совет состоит из 9 *вияпари*, в том числе 5 *четти* и 2 *шанкараппади*⁵². В 1039 г. в Тируваннамалае *нагараттары* насчитывают 6 человек⁵³. В 1121 г. в Ванаванмадевипураме их тоже 6⁵⁴. *Нагараттары* Тирукажукундрама в 1044 г. состояли из 5 человек: 2 *вияпари*, 1 *sàliyan* (ткача) и 2 *шанкараппади*.

В состав *нагараттаров* включались не только лица, связанные с торговлей. Уже в начале VIII в. в районе Тирунелвели *нагараттаном* селения Тиручурийял назван брахман по имени Мани Шанкаранараянан⁵⁵.

Однажды упоминается *nagara-k-kai akku*, городской писец, который занимает свою должность «по совместительству», а вообще-то он Пуливалам-удеиян и имеет *кани* на деревню Тируваранганери, принадлежащую (на правах верховной собственности) храму⁵⁶. Таким образом, он не просто писец, а довольно состоятельный землевладелец. Принадлежность к городскому самоуправлению возвышает человека, дает ему дополнительный статус. Некий *четти* с гордостью сообщает, что он — член совета *нагараттаров* данного селения⁵⁷.

В городах были свои «комитеты» (*вариям*)⁵⁸. Один из них печется о храмовых землях *девадана* и их населении⁵⁹. Он нанимал «городского наблюдателя» (*nagara-kai kai i*), который эту опеку непосредственно осуществлял. Есть упоминание о «главе города» (*mà-nagaram-àëvàç*)⁶⁰, но какими прерогативами он располагал, мы не знаем.

Другой термин, который может быть понят как «мэр города», тоже встречается в чольских надписях. Недатированная надпись из талука Ченгалпатту сообщает, что некий *четти*, сын *четти* получает *paðai asvami-uvvandiram*, т. е. вознаграждение за исполнение

⁵¹ SII, XVII, no. 313

⁵² SII, XVII, no. 326

⁵³ SII, VIII, no. 68

⁵⁴ SII, VII, no. 774

⁵⁵ ARE, 863 of 1917 (SII, XIII, no. 42)

⁵⁶ ARE, 235 of 1940/41. 1939/43

⁵⁷ ARE, 264 of 1940/41. 1939/43

⁵⁸ ARE, 31, 40 of 1895 (SII, V, nos 588, 597)

⁵⁹ IP, no. 112

⁶⁰ SII, III, p. 269, no. 128

обязанностей главы торгового селения. Оно состоит из сборов с продаваемых товаров: орехов арека, тамаринда и др. Часть этих доходов благочестивый *четти* дарит храму⁶¹. *Нагараттары* могли также вводить подушный налог как на тех, кто занимается торговлей (т. е., по нашему пониманию, своих членов), так и на ремесленников и работников по найму⁶².

Встречаем мы дважды в разных городах две должности, которые могут совмещаться. Некий брахман в 1025 г. занимал должность городского управляющего (*nagara-k-karai attaç*) Шивапурама (Ченгалпатту). Он купил также должность еще и городского писца (*nagara-k-kai i akku*) на правах аренды у *манагараттаров*⁶³. Обе эти должности упоминаются и в другой надписи⁶⁴.

ДискуSSIONен вопрос о степени контроля над самоуправляющимися городами со стороны центральной власти или магнатов. Карашима и его соавторы утверждают, что они находились «под строгим бдительным оком государства», «под государственным контролем», и «не пользовались свободой в том объеме, который имели некоторые средневековые города в Европе и Японии»⁶⁵. Доказывается это двумя случаями, произошедшими в одном и том же городе в 932 и 950 гг., когда чиновники, проверяя финансы храма, находили «нецелевое использование средств» и винили в этом, кроме прочих, также и *нагараттаров*, накладывая на них штрафы⁶⁶. Мы увидим в главе о храме, что этот институт действительно находился под пристальным вниманием как властей, так и общественности. Его активами «помогали» управлять многие физические и юридические лица, в том числе *нагараттары*. И именно эта деятельность естественно подпадала под надзор властей. В то же время *нагараттары* решали разнообразные вопросы самостоятельно, нигде не говорится, что они заседали «в присутствии» официального лица, как это нередко бывает, когда речь идет о заседаниях брахманских *сабх*.

Другие примеры контроля центральных и местных властей, которые приводят авторы, сводятся к тому, что города платили налоги и штрафы в казну и местным магнатам, что говорит, по-моему, только о признании ими сюзеренитета властей.

⁶¹ ARE, 10 of 1934/35

⁶² SII, I, p. 64–65, no. 40 (Hall 1978, p. 83)

⁶³ ARE, 285 of 1959/60

⁶⁴ ARE, 35 of 1895 (SII, V, no. 592; Hall 1980, p. 56–57)

⁶⁵ Karashima 2008, p. 7–8

⁶⁶ SII, V, no. 588, 592

Конечно, вряд ли южноиндийские города имели свободы, сопоставимые с европейскими, но не следует и преувеличивать степень их подчиненности, умалять их автономность.

Союзы городов

Город по самой своей сути не терпит изоляции. Ведение торговли означает установление связи с другими центрами обмена в широкой округе. Возможно, что первые поселения, концентрировавшие торговую деятельность, были просто местами обмена между жителями узкого района вроде *наду*. Но вскоре эта деятельность должна была выйти за подобные пределы, тем более, что в Южной Индии появились торговые корпорации, связавшие товарными связями все ее регионы и даже вышедшие в своей деятельности за пределы Индии.

Это приводило и к установлению социальных, культурных (культурных) и экономических (помимо торговых) связей между городами, кои выражались их, в частности, в совместных дарениях. Например, в 1128 г. 5 *нагарамов* выступают с совместной инициативой — переселить в одну из *брахмадей* Маругалнаду 20 семей ткачей, по 4 из каждого города, с тем чтобы они вошли в штат местного храма⁶⁷.

Надпись из Пиранамалей в Раманатхапураме от 1168 г. фиксирует совместные действия *нагарамов*, расположенных в самых разных провинциях государства Чолов. Сначала перечисляются 9 *нагараттаров* из конкретных городов, затем упомянуты «12 *нагарам*, включая Джайягондачоллапурам», наконец, *нагарамы* из Конгу-мандалам, число которых даже не названо⁶⁸. Судя по этой надписи, *нагараттары* всех городов Тамилнада в XII в. постоянно поддерживали связи и могли выступать с совместными инициативами. Данная надпись интересна еще тем, что вместе с торговыми организациями выступают *читрамежи периянаттар*, подарившие со своей стороны некоторое количество риса с каждого плуга.

В XIII в. связи между городами упрочиваются. В 15 год Вира Пандьи совместный дар производят *нагараттары* двух городов⁶⁹. В 36 год Кулашекхары Пандьи купеческие общины нескольких селений

⁶⁷ ARE, 508 of 1922. 1923 (по факсимиле надписи в Эпиграфическом центре в Майсуре)

⁶⁸ ARE, 154 of 1903 (SII, VIII, no. 442; Aiyer 1955, no. 4, p. 272; Hall 1980, p. 145; Abraham 1988, p. 66)

⁶⁹ ARE, 140 of 1909. 1910

договариваются, какую долю цены с каждой продажи они будут отдавать храму⁷⁰. В 1306 г. проводят совместное заседание *нагараттары* 4-х городов⁷¹. Интересно, что это одно из 9-ти селений в стране Пандьев, в которых до сих пор живут члены купеческой касты *наттукоттай-четтиар*, называющие себя также *нагараттарами*⁷².

Больше примеров сотрудничества городов будет приведено в главе о купеческих корпорациях.

Нагарам в историографии

Конечно, большинству исследователей, занимавшемуся городом в раннесредневековой Южной Индии, интересен, прежде всего, вопрос о том, какую роль играли самоуправляющиеся города в экономической жизни, насколько их существование способствовало развитию торговли и производства. Надо сказать, что эти вопросы изучены неплохо при данном состоянии источников. Но и этот сюжет, как и проблема сельских общин, часто рассматривается с неправомерным использованием логики вместо данных источников.

К. Холл⁷³ предпринял первую в современной историографии попытку представить роль городов в социальной структуре раннесредневековой Южной Индии. Ему принадлежит несколько весьма ценных наблюдений о взаимоотношениях *нагарамов*, *наду*, властей. Но он, как и многие другие исследователи южноиндийского общества, торопился прийти к выводам, выдать концепцию. «Закономерности», которые он открыл, не подтвердились последующими исследованиями.

Основная его идея заключалась в том, что *нагарамы* возникали как торговые центры окружной общины — *наду*. Он считал, что его открытие заключается в том, что в каждой *наду* имелся один *нагарам*. В статье 1977 г. он пишет уверенно, не допуская сомнений: имелся «во времена Чолов максимум один *нагарам* в каждой *наду*»⁷⁴. Однако при публикации книги он формулирует это «открытие» гораздо менее уверенно. Дальнейший сбор данных показал, что нет четкого распределения *нагарамов* по *наду*. И Чампакалакшми⁷⁵, и группа исследователей

⁷⁰ ARE, 490 of 1909. 1910

⁷¹ ARE, 125 of 1935/36

⁷² Raman 1972, p. 60

⁷³ Hall 1980

⁷⁴ Hall 1977, p. 29

⁷⁵ Champakalakshmi 1986

во главе с Н. Карашимой⁷⁶ приведа весь имеющийся материал, доказали, что во многих *наду* имелось по два и три *нагарама*, большинство же макрообщин «своего» города не имело. Чампакалакшми насчитала за весь раннесредневековый период в Тамилнаду 92 *нагарама*, группа Карашимы за несколько более короткий период — ровно 100. Это никак не соотносится с числом известных *наду*. Их, как уже говорилось, известно 556.

Экономическая роль самоуправляющихся городов вычисляется Холлом чисто логически. Он набрасывает следующую картину. Разъезжающие торговцы привозят в *нагарама* товары, в данной местности не производимые или вообще заморские. Тут они продают их оптом местным купцам. Те распродают те же товары в розницу по окружающим деревням. Мобильные торговцы закупают местные товары у *нагараттаров* и переправляют их в другие местности, где имеют дело с другими *нагараттарами*. Картина весьма правдоподобная, однако же чисто умозрительная. Но на ее основе он начинает размышлять дальше. Почему мобильные торговцы должны продавать товар оптом «горожанам», а не связываться непосредственно с потребителями? «У нас сложилось впечатление (? — А. Л.), что это местная политическая структура препятствовала проникновению неместных людей»⁷⁷. По модели Холла, на местах реальной властью обладали коллективные органы большой общины (*наттары*), а *нагаратары* были с ними очень тесно связаны и поэтому имели возможность строго контролировать местную торговлю и не допускать в нее чужаков. Доказывается это тем, что встречаются надписи, в которых *нагараттары* и *наттары* совершают совместные дарения (такие случаи выше упоминались).

Непонятно, как местные власти могли монополизировать местный рынок, скажем, риса, в условиях преобладания частных мелких хозяйств, которые значительную часть урожая отдают сборщикам налогов. Если налоги, упоминаемые в надписях, идут не в центральную казну, а коллективу местных вождей, которые носят обобщающее название *наттары* (это если следовать концепции Б. Стайна), то монополия возможна. Но Холл, соглашаясь со Стайном в том, что касается роли *наду*, в то же время нигде не говорит о том, что согласен с ним также и в отрицании, фактически, Чольской государственности. Если же налоговое зерно шло в центр, то на каком-то этапе этого

⁷⁶ Karashima 2008

⁷⁷ Hall 1977, p. 222

движения оно должно быть продано, и никакой местной монополии в этом случае не может быть.

По-видимому, *наду* как организация действительно имела преимущество перед любыми другими корпоративными органами на своей территории. Можно сказать, что в ее «ведении» находилось все население соответствующей территории. Поэтому она разбирает проблемы, связанные не только с сельскохозяйственным населением, но и с городским. Некоторые *брахмадеи* добивались статуса «независимого поселения» (*таниюр*), но таких же данных нет о городах. Следовательно, они продолжали находиться в юрисдикции *наду*, так же как и *уры*. Но из этого вовсе не следует, что *наттары* монополизировали сельскохозяйственные товары своего *наду*, и *нагараттары* имели монопольное право купить эти товары, а приезжие купцы не имели доступа к данной монополии и т. п. Все это уже является домыслом.

В поддержку своей схемы К. Холл предлагает интересное наблюдение за судьбой одного из городов, а именно Валикандапурама. К периоду Адити I и Парантаки I (871–955) в этом городе относится около 20 надписей, в которых фигурируют *нагараттары*, опекающие храмы и принимающие дары для них. Одновременно в городе активны *маниграматтары*, организация межрайонная, можно сказать межнациональная⁷⁸. Иногда *нагараттары* действуют вместе с *наттарами*⁷⁹. Видимо, в этот период Валикандапурам — заметный торговый центр. Затем следует перерыв в надписях до конца XII в., когда этот город снова становится заметным, но он уже имеет иную организацию. Он становится одним из городов, на которые опирается межнациональная корпорация *patineī bhōmi-vāniya-nakarattār* («Купцы-горожане 18-ти областей»), для которой Валикандапурам — один из «городов, находящихся в наследственной собственности» — *nakara-k-kāi*⁸⁰.

Глубокое исследование данных надписей о функционировании городских центров в Тамилнаду с Паллавского периода до начала XIV в. проделала З. Чампакалакшми⁸¹. Эта работа выполнена в духе последних тенденций работы над эпиграфикой: ставится цель собрать все имеющиеся данные, классифицировать их по хронологическим периодам

⁷⁸ ARE, 241, 251, 259, 261 of 1943/44; 298, 299, 300, 305, 310 of 1964/65. О ней пойдет речь ниже, в главе о торговых корпорациях, и в главе по Керале.

⁷⁹ ARE, 261 of 1943/44

⁸⁰ ARE, 264 of 1943/44. О купеческих корпорациях и, в частности, об объединении «Восемнадцать областей», речь пойдет ниже.

⁸¹ Champakalakshmi 1986

и по географическим регионам и получить насколько возможно убедительные выводы об эволюции институтов и их пространственному распространению. Автор упрекает К. Холла в том, что тот рассматривает период Чолов целиком, приводя данные разных периодов, и, таким образом, создает концепцию, которая может оказаться искусственной и, следовательно, не отражающей многообразную реальность⁸².

Материалы Чампакалакшми дают основу для выявления динамики развития городов в Тамилнаду. Она выделяет два основных периода урбанизации: первые века н.э. (период Сангама) и IX–XIII вв. (период Чолов). Типы урбанизации в эти два периода были различными. Если в период Сангама это была урбанизация в процессе преобразования племенного строя, основанная, главным образом, на внешней торговле, то при Чолах урбанизация базировалась на развитом аграрном обществе с хорошо сформированными институтами. Основа для этого процесса была заложена в предшествовавшие века в ходе значительной сельскохозяйственной экспансии⁸³. Довольно убедительно показывается, что первым этапом этой второй урбанизации явилось возникновение центров обмена местными продуктами (*нагарамов*) на уровне отдельных местностей, затем стали возникать гильдии, связавшие эти центры с более обширными регионами и доставлявшие товары, на месте не производившиеся.

Подчеркивается роль храмов в процессе урбанизации. Особенно храмов, связанных с культами типа бхакти, которые стали возникать, по ее мнению, в IX в. Чампакалакшми не поддерживает идею Холла, согласно которой при Паллавах возникла, а при Чолах развилась пирамидальная система торговых связей: в каждом наду имелся один нагарам, он имел торговые связи с более крупными урбанизированными центрами, а через них — с гильдиями, ведущими межобластную торговлю. По ее мнению, торговлю и в крупных центрах контролировали местные купцы, а гильдии, в свою очередь, проникали и в мелкие центры. Кроме того, имелись многочисленные населенные пункты, не получившие статус *нагарамы*, в которых тем не менее отмечена торгово-ремесленная активность. Таким образом, попытка Холла предложить стройную и простую систему торговых связей в Южной Индии, уложить многообразие реальности в схему, выглядит неубедительно.

⁸² Champakalakshmi 1986, p. 35

⁸³ Champakalakshmi 1986, p. 36

Выделение двух различных, как бы противостоящих друг другу социальных групп — местных и пришлых купцов — в построениях Холла выглядит искусственным. Понятно такое деление, когда его производит автор надписи. В каждом данном городе и данное время проживают местные и пришлые купцы и они, конечно, должны быть упомянуты отдельно, даже если они совершают совместное дарение. Но купец, как правило, не может сидеть на месте. Местный купец в другом городе окажется «пришлым». Так что это различие чисто ситуативное. Что касается межгородских корпораций, например, торговцев одной специализации, напоминающих касту или являвшихся кастами, то они, по всей вероятности, объединяли своих членов, живших в разных городах и там входивших в местные свои *нагарамы*.

Развитие урбанизации и распространение городов типа *нагарам* Чампакалакшми рассматривает, распределяя материал по пяти периодам. Она выделяет: 1) Дочольский период (время Паллавов и Пандьев) — 600–850 гг.; 2) Раннечольский период — 850–985 гг.; 3) Среднечольский период — 985–1150 гг. (для некоторых задач этот период подразделяется на два: 985–1070 гг. и 1070–1150 гг.); 4) Позднечольский период — 1150–1250 гг.; 5) Постчольский период (Период поздних Пандьев) — 1250–1350 гг.

Составленная ею таблица показывает, что в первый период отмечено возникновение только 5 *нагарамов* (плюс два главных города Паллавов — Канчипурам и Мамаллапурам), во второй — 15, в третий — 30, в четвертый — 18, в пятый — 17. Возникшие в один из периодов *нагарамы*, как правило, продолжали существовать и позже. Так, в четвертый период всего имелось 70 *нагарамов*, в пятый период — 60.

Чампакалакшми, как и многие другие авторы, рассматривает основания *аграхар* и *нагарамов* как проявления государственной политики, направленной на подрыв авторитета и автономии территориальных общин землевладельцев (*наду*). Такой взгляд имеет право на существование, но не более того. Источники не позволяют утверждать, что основание *аграхар* и *нагарамов* увеличивало возможности центральной власти контролировать территории⁸⁴.

Можно утверждать лишь то, что с XI в. *нагарамы* становятся сетью торговых пунктов, связанных торговлей далеко за пределами

⁸⁴ Карашима и его соавторы утверждают, что не было четкой политики насаждения *нагарамов* во все наду, и эти *нагарамы* не играли существенной роли в администрации. Правда, при этом они приписывают такую роль брахманским *аграхарам* (Karashima 2008, p. 5)

их регионов. Происходит специализация производства в разных районах. Монеты начинают распространяться в качестве средства обмена с X в.

Члены *нагарама* вели торговлю разнообразными продуктами. При этом интересно, что некоторые товары были зарезервированы за казной (или за специализированными корпорациями?). Так, соль считалась настолько важным товаром, что торговля ею специально регламентировалась. Один из *нагарамов* (Веллур в Тиручираппалли) мог назначать пошлины на любые товары, кроме соли⁸⁵.

Расширяется география самоуправляющихся городов. По наблюдениям Чампакалакшми, в XIII в. они появляются на крайнем Юге — в дистриктах Мадураи, Раманатхапурам и Тирунелвели.⁸⁶ Она отмечает также как новое явление создание ассоциаций городов, которые, может быть, были в состоянии отстаивать сословные интересы горожан. О них шла речь выше.

Н. Карашима, Й. Суббараялу и П. Шанмугам⁸⁷ предприняли попытку дополнить исследования К. Холла и Р. Чампакалакшми, подробнее изучив как историческую динамику, так и географические параметры урбанизации. Правда, они взяли для рассмотрения только период Чолов и поздних Пандьев. Они делят его на три подпериода — 850–1000 гг., 1001–1200 гг., 1201–1350 гг. Их данные показывают, что в первый период на территории Тамилнаду существовало 28 *нагарамов*, во второй — 48, в третий — 53. Всего в их списке ровно 100 городов с самоуправлением (многие города существовали на протяжении двух и более периодов).

Что касается эволюции *нагарама*, то отмечается, что в первый период, выделяемый Карашимой, город немногим отличается от деревни. Он выполняет те же функции и находится под таким же строгим контролем со стороны государства. Мы уже отмечали, что последнее положение не получило достаточных доказательств. По нашим материалам, степень «присутствия» чиновников в земледельческих общинах гораздо выше, чем в городах. Первый период в своей схеме авторы настойчиво сравнивают с третьим периодом, поскольку второй период не дает материала для его особой характеристики. В третий период возрастает роль межгородских корпораций,

⁸⁵ ARE, 309 of 1968/69 (Hall 1980, p. 66)

⁸⁶ Champakalakshmi 1986, p. 49

⁸⁷ Karashima 2008

города связываются в сети, охватывающие значительные пространства. В связи с этим расширяется самостоятельность городов в отношении политических сил. Авторы формулируют вывод, который, как мне кажется, противоречит их высказываниям выше в статье: «Нагарам был одной из организаций, использовавшихся государством для [осуществления] местной администрации»⁸⁸ в ранний и средний Чольские периоды, но в XII в. и позже *нагарам* изменил свой характер и стал активатором торговли, ассоциировав себя с купеческой гильдией *ainnôâuvâr*⁸⁹.

Авторы находят некоторую разницу между положением городов и гильдий в северных и центральных областях Тамилнаду. На севере они продолжают находиться под властью разного рода владетелей, а на юге получают большую свободу действий. Но авторы сами признают, что эта разница «неуловима» и требует дальнейшего подтверждения.

Мы не можем утверждать, что южноиндийский город, даже если он имел орган самоуправления, играл некую особую, разлагающую роль в традиционном (феодальном) обществе, которую он сыграл в Западной Европе. Конечно, он стоял особняком среди других локальных общин хотя бы потому, что во главе его не стояла доминирующая каста, многофункциональность населения была его встроенной чертой, его существование не просто предполагало товарные связи, но основывалось на них. И все же он был **одной из локальных общин**, плоть от плоти той социальной структуры, которая его породила.

⁸⁸ Выше мы приводили их высказывание, что город «не играл большой роли в местной администрации» (Karashima 2008, p. 5)

⁸⁹ Karashima 2008, p. 31. Авторы в этой статье сводят различные гильдии, действовавшие в то время в Южной Индии, в одну. Проблема гильдий будет рассмотрена в главе 8.

Глава 7

Храм как социальный институт

Храм как социально-хозяйственный комплекс начал складываться, по крайней мере, в период Паллавов. Недатированная медная табличка Парамешваравармана I, который правил примерно в 670–690 гг., найденная около Канчипурама, рассказывает об основании одного из шиваитских храмов, который одновременно предназначается для поселения ученых брахманов (*чатурвединов*). Подаренная пахотная земля должна быть разделена на 25 долей (*раёку*) «для исполнения священных ритуалов» и для ремонтных работ в храме и для дарения в *брахмадею*. Из них 3 доли — для священных ритуалов и ремонта; 1 доля — для снабжения водой и огнем *мандапы* в Кураме; 1 доля — для декламации *бхаратам* в *мандапе*; остальные 20 долей — как *брахмадея* для 20 *чатурвединов*. Таким образом, храм возникает как частный случай *брахмадеи*. Вместе с тем, в хозяйственном отношении это именно храмовая община, поскольку упоминается наделение земель и домами «тех, кто выполняет службу в храме».¹

Храм занимал особое место в ряду других общностей, имевших коллективное руководство. Надписи создают впечатление, что вся общественная и государственная жизнь вращалась вокруг храмов. В порыве совершить дарения в пользу храмов соединялись официальные и частные лица, и общины всех иных типов. В дела храмов считали своим долгом вмешиваться также все физические и юридические лица, которые имели такую возможность. Возможно, что такой взгляд создают источники, среди которых преобладают дарственные надписи. Но впечатление очень стойкое, тем более что нет материала, который мог бы его «исправить». С течением времени роль храмов усиливалась. Поддержка храмов служит одним из главных направлений внутренней

¹ EI, XVII, p. 340–344, no. 22 (IP, no. 46). Другие ранние примеры основания храмов см. EI, VIII, p. 290–296, no. 29; SII, II, p. 511–513, no. 98

политики царей и их вассалов. Всем было дело до того, как идет храмовая служба и ведется храмовое хозяйство. В некотором смысле храмы стали носителями закона и порядка. Именно они получали штрафы за проступки и преступления, а не государственные органы или государственная казна. Может быть, будет справедливым сказать, что храм стал основной осью общества.

Центральное положение в социальной системе, которое храм постепенно занял, приводит к тому, что невозможно дать четкое представление о том, как он управлялся. Создается впечатление, что распоряжаться храмовыми делами могли все и каждый из заинтересованных лиц.

Храмовые власти

Формально имущество храма принадлежало лично тому Богу, которому храм был посвящен. На практике, конечно, этим имуществом распоряжались разного рода власти, почти неизменно коллективные. Большую роль в решении храмовых проблем играли местные общины — брахманов и веллалов, *сабха* и *урар*, а также *нагараттар*. Это уже отмечалось в главах, посвященным этим общинам.

Формы управления храмами не отличались единообразием.

В храме селения Шайлешварам в 885 г. распоряжаются *gaia-p-perumakkaë* («собрание больших людей» или «собрание многих людей»)². Однако они лишь принимают золото, на проценты с которого обязуются оплачивать ежедневную полдненную трапезу в храме, причем под контролем *махасабхи*, т. е. органа самоуправления *брахмадеи*³. В Уттарамеруре *гана-перумаккал* возвели один из храмов и получили дарение ему, но это дарение также берут под контроль *сабхаияры*⁴.

При дарениях храму в паллавский период нередко упоминаются *paç-màhàñvarar*⁵. Они, например, накладывают штрафы на тех, кто не исполняет условия дара⁶, или сами берут на себя снабжение храма оговоренным продуктом⁷. При дарении храму в Тиручченнампунди

² Так же могло называться, как мы видели, и собрание брахманского селения. Но в данном случае это именно храмовый управленческий орган.

³ SII, XII, no. 69 (IP, no. 161)

⁴ SII, VI, no. 354 (IP, no. 267)

⁵ Например, SII, VII, no. 524 (IP, no. 146). (Период Нандивармана III, Танджавур)

⁶ SII, XII, no. 61 (IP, no. 149) (871 г., Тиручирапалли); SII, IV, no. 531 (IP, no. 180) (892 г., Тиручирапалли)

⁷ SII, VIII, no. 308 (IP, no. 162); SII, VII, no. 521 (IP, no. 175); SII, XII, no. 74 (IP, no. 178); SII, XII, no. 78 (IP, no. 184)

(Танджавур) в правление Нрипатунгавармана (869–910) говорится, что этих *панмахешваров* было 18 000⁸. В 851 г. интересы храма в Лалгуди (Тиручираппалли) защищают 48 000 *панмахешваров*⁹. В 867 г. в Наллимангалам (в том же дистрикте) *панмахешваров* тоже 48 000.

Числа эти фантастические, но они все же позволяют считать, что имелся общественный контроль за деятельностью храмовой администрации. Эпиграфисты предполагают, что этот термин следует понимать как «верующие», или «прихожане», в данном случае все шиваиты определенной местности.

При Чолах *махешвары* или *панмахешвары* продолжают фигурировать в качестве покровителей шиваитских храмов и в качестве гарантов исполнения обещанных им даров¹⁰.

Аналогичные группы покровителей вишнуитских храмов (*шривайшнав*) встречаются гораздо реже. В 1116 г. в Уттарамеруре опекать пожалование храму обязуются местные *шривайшнав*, но под контролем *шривайшнавов* 18-ти *наду*¹¹. Это заставляет предполагать, что некое объединение вишнуитов на значительной территории существовало и действовало как еще одна «общественная организация» того времени.

Эти термины, которые можно понимать как неопределенное «прихожане» храмов Шивы или Вишну, фигурируют почти всегда во множественном числе. Обозначаемые ими коллективы не предпринимают никаких собственных акций. Они лишь «наблюдают» или объявляются гарантами правильного использования подаренного имущества. Но однажды *махешвара* по имени Аннаданайоги фигурирует как конкретное лицо. Он пожаловался царю Раджендре I на *сабху*, которая захватила храмовую землю, и добился наказания для нарушителей права¹².

В качестве единоличного распорядителя храмовым имуществом выступает *sthānattar* (*tānattar*). Может быть, этот термин можно перевести как «настоятель». Он редко встречается в чольских надписях¹³, но при поздних Пандьях *стханаттары* становятся более обычными. Они принимают земельные дарения¹⁴, покупают землю для храма¹⁵,

⁸ SII, VII, no. 527 (IP, no. 194)

⁹ EI, XX, p. 52, no. 3-a

¹⁰ EI, VII, p. 141–144, nos 20-e (935 г.); 20-g, (960 г.); 20-j (994 г.) (Все это — Тирукковалур в Ю. Аркате)

¹¹ ARE, 168 of 1923 (Sastri 1932, p. 127)

¹² Tirumalai 1987, p. 23

¹³ ARE, 368 of 1911. 1912; 143, 149, 161 of 1940/41. 1939/43

¹⁴ ARE, 156 of 1940/41. 1939/43

¹⁵ ARE, 277 of 1910. 1911

распределяют ее среди держателей и определяют размеры их арендной платы¹⁶, наделяют землей храмовых ремесленников, например, каменщика¹⁷, продают землю¹⁸. Они решают предоставить «первый дом» в *тиру-мадай-вилагам*¹⁹ и почетное место в праздничных процессиях храмовой рабыне²⁰, т. е. в их компетенции находятся как имущественные, так и ритуальные аспекты жизни храма. Они продают часть украшений, чтобы пережить период голода, а когда получают деньги на возжигание лампы, честно предупреждают, что потратят их не по назначению, а на выкуп проданных когда-то драгоценностей²¹. Вероятно, вариантом того же наименования храмового настоятеля являлось *sthānika*²².

Весьма часто органом, решавшим хозяйственные вопросы храма, выступает коллектив *деваканми* (*dāvakaṣmi*). Термин переводится просто — это «божьи наблюдатели» или «божьи надсмотрщики». В вишнуитских храмах их могли называть *āṇārkaī mi*²³. Но их конкретные функции довольно неопределенны. Непонятно, чем от них отличаются *kaēkaī i*, буквально означающие примерно то же и действующие в схожих ситуациях.

Однажды мы узнаем, кто подразумевается под обобщающим словом *деваканми*. Оказывается, в Шрирангаме в 1088 г. в их число входили:

- комитет *шривайшнавов* (*ṛēvayīōī ava-vāriyam*) из 6 человек;
- комитет священной казны (*ṛēpaī āra-vāriyam*) из 6 человек;
- писцы *сабхи* (*sabhai-k-kaī akku*) — 2 человека и — писец *шривайшнавов* (*ṛēvayīōī ava-k-kaī akku*) — 1 человек.

Таким образом, управляющий орган этого одного из наиболее известных храмов состоял из 15 человек, причем среди них были не только «официальные лица», но и представители «общественности» (*шривайшнавов*).

Впрочем, это лишь один эпизод, который не дает нам права делать выводы о типичном способе управления храмовыми делами. В том же Шрирангаме в 1156 г. действует коллективный орган, состоящий

¹⁶ ARE, 56 of 1946/47; 112 of 1934/35 (SII, XII, no. 226)

¹⁷ ARE, 501 of 1925. 1926

¹⁸ ARE, 60 of 1932/33 (SII, XII, no. 187)

¹⁹ Трактровка этого термина будет предложена ниже.

²⁰ ARE, 29 of 1940/41. 1939/43

²¹ ARE, 291 of 1949/50

²² ARE, 503 of 1922. 1923

²³ ARE, 108, 110, 113 of 1947/48

из *urivaiṭi ava-vāriyam, ùrēpaī àra-vāriyam, poā-paī àrikaē, kaēkai i-ūeyvār* и храмовых писцов²⁴. Здесь, по сравнению с надписью 1088 г., помимо «Комитета священной казны», перечислены простые работники казначейства, а также люди, «служащие наблюдателями» (*кангани-сейвар*).

Есть одна чольская надпись 12 года Раджендры из Ю. Арката, в которой упоминается *kaēkai i-nāyakaç* как распорядитель храмовыми доходами, но он действует совместно с *karai attaç* (писцами), *bhai àari* (казначейми), *vāriyar* (членами комитетов) и *нагараттарами* соседнего города²⁵. Хайтцман, ссылаясь на эту надпись, утверждает, что главным распорядителем в храме был *kai kai i-nāyakaç*²⁶.

«Комитет вишнуитов» (*ùrē-vaiṭi ava-vāriyam*) мог действовать и самостоятельно — продавать храмовую земли в подчиненную собственность²⁷. В других надписях (1130 г.) землями того же храма распоряжается орган, называющий себя *шривайшнава-канми*²⁸.

В одной из недатированных надписей периода Чолов принимают дар и обязуются на эти средства поддерживать три лампы перед божествами *paī àrattār*, т. е. «казначей»²⁹. Однажды за правильным использованием храмовых земель *тиру-видаяттам*³⁰ следят *irai àyiravar*, т. е. некий коллектив, который называет себя «две тысячи»³¹.

В Ю. Аркате в 885 г. управляет делами храма группа *tirukī yil-uṭaiyār*. Они получают проценты (в виде топленого масла *гхи*) от *нагараттаров*, которые получили некую сумму денег.³² Однажды фигурирует *тиру-койил-удеиян* в единственном числе³³.

В 963 г. обращаются к царю (по поводу незаконного присвоения храмовых доходов *сабхой*) *деваканми*, *uī i àṅkai-y-uṭaiyār* и все *махешвары*³⁴. *Уннажигей-удеияр* можно перевести как «господа центрального святилища» или «хранилища». Возможно, они образо-

вывали «комитет» (*uī i àṅkai-vāriyam*), как в Тирувадандае в 991 г.³⁵ В Тирукковалуре этот «комитет» назван *сабхой*: *tiru-v-uī i àṅkai-sabhaiyī m*. Эпиграфист переводит: «собрание, ответственное за склад в храме»³⁶.

В 969 г. решение о предоставлении земли крупному съемщику (24 *вели*, это, возможно, 63,4 *га*) в наследственное владение под условием уплаты 120 *каламов* с *вели* принимается *devanmikaēi mum, patipāta muṭṭi mum, paḍ-uṭaiyī mum, eppārppaḍi mum*³⁷. Что означают эти коллективы, не ясно. Первый термин, возможно, просто описка, имелись в виду *деваканми*. *Патт-удеийом* — «мы, владельцы долей» — может означать лиц, внесших значительные вклады в храмовую казну и потому претендующих на участие в управлении. Но их роль остается неясной.

В надписи X в. из Лалгуди (Тиручирапалли) такой «дольщик» (*it-taēi-p-paḍ-uṭaiyaç*) выступает просто как даритель нескольких участков земли³⁸. В 989 г. некий *патт-удеиян* получает из рук *шрикарьякрита* («управляющего», о нем ниже) должность *кангани*³⁹. В 994 г. деньги на поддержание лампы были дарованы *нагараттарам*, но они передали эти деньги *taēi-p-paḍuṭaiyār*, которые и будут реально поддерживать лампаду⁴⁰.

Викрама Чола в 1122 г. шлет приказ об утверждении нового измерителя зерна «исполняющим священную службу» (*ùrēkariyā-seeuvānukkum*), а также трем коллективам, представленным одним сложным словом, т. е. представляющим собой нечто единое — *pariyāra mōla-p-paḍuṭai-p-paācācariya-t-tevarkaçmikaēukkum*). Здесь видны, помимо уже знакомых нам *деваканми* и *патт-удеиянов* — еще и *панчачарья*, т. е. «пять жрецов»⁴¹.

Коллективный орган по управлению храмом мог называться также *taēi-uṭaiyār* («обладатели храма») ⁴². В храме Шивы в Сучиндраме управляющим органом некоторое время был *мулапарудей* (*парудей* — иска-

²⁴ EI, XXXIII, p. 159–162, no. 30

²⁵ ARE, 228 of 1939/40, 1939/43

²⁶ ARE, 228 of 1939/40; SII, VII, no. 988; VIII, no. 580-a (PI, no. 90; Heitzman 1997, p. 74)

²⁷ ARE, 111 of 1947/48

²⁸ ARE, 339, 340 of 1952/53

²⁹ ARE, 198 of 1939/40. 1939/43. См. также ARE, 194, 198 of 1924

³⁰ Об этой категории храмовых земель тоже будет рассказано ниже.

³¹ ARE, 150 of 1904 (SII, XVII, no. 170)

³² SII, VIII, no. 308 (IP, no. 162)

³³ SII, V, no. 609 (IP, no. 122) (856 г., Танджавур)

³⁴ ARE, 286 of 1906 (SII, III, p. 290, no. 142)

³⁵ ARE, 268 of 1910. 1911

³⁶ EI, VII, p. 144, no. 20-j

³⁷ ARE, 370 of 1924 (SII, XIII, no. 236)

³⁸ ARE, 104 of 1929 (SII, XIII, no. 74)

³⁹ ARE, 394 of 1924 (SII, XIII, no. 98)

⁴⁰ ARE, 382 of 1924 (SII, XIII, no. 201)

⁴¹ SII, II, p. 310, no. 68

⁴² ARE, 4 of 1947/48. Еще раз обращаю внимание на многозначность титула *удеиян* (*удеияр*).

женное от санскр. *паришад*)⁴³. Правда, это собрание не справилось с делами и предало управление *сабхе* соседнего брахманского селения. Об этом расскажем позже.

Имелось некое понятие о совокупности «храмовых дел» (*шри-карьям*), которые исполняет служащий, получающий за это содержание в виде денег или земельного участка наряду с другими храмовыми слугами вроде садовников или кузнецов⁴⁴. Например, в 1088 г. в Шрирангаме «исполнял священные обязанности» (*irēkārīyāā-ceykiāā atikārīkaē*) некий Нишадхараджар, который приказывает *деваканми*⁴⁵. В 1090 г. *шрикарьям* этого храма исполнял уже Вира Виччадирамундавелар⁴⁶. В другом храме в 1014 г. эту должность занимал тоже *мундавелан*, который одновременно был *кижаваном* (старейшиной) Пойхайнаду⁴⁷, а в третьем в тот же год подобные обязанности выполнял «старейшина селения Палур»⁴⁸.

Тирумалай считает, что *шрикарьям-адхикаригал* был лицом, посторонним храму. Он назначался властями или избирался другими храмовыми органами из числа знатных лиц и часто смешался, в среднем через 1–2 года⁴⁹. Тирумалай серьезный исследователь, и его вычислениям я склонен доверять, хотя в данном случае он вычислений не приводит.

Наряду с прочими коллективными органами и наемными «менеджерами» во многих храмах упоминаются «комитеты» (*вариям*), создававшиеся, видимо, по образцу комитетов брахманской сабхи. Например, в 932 г. финансовые отчеты служащих храма в Тиллайстханам заслушивает «городской комитет» (*nagara vāriyam*)⁵⁰. Почему этот орган, не являющийся органом самоуправления какого-нибудь города, называется именно так, не ясно.

Как и в случае с комитетами в аграхарах, не всегда ясны конкретные функции комитетов в храмах при наличии множества управляющих агентов.

Приведенные примеры, число которых можно легко умножить, показывают, что в разных храмах распоряжаются делами различные

⁴³ TAS, II, p. 2–9. См. также TAS, IV, pt. 2, p. 128–129 (EI, V, no. 6-d)

⁴⁴ ARE, 394 of 1924 (SII, XIII, no. 98)

⁴⁵ SII, III, p. 149–150, no. 70

⁴⁶ ARE, 118 of 1947/48; 169 of 1951/52

⁴⁷ SII, II, p. 168, 169, 246, 408, nos. 38, 40, 41, 60, 85

⁴⁸ SII, II, p. 149, no. 36

⁴⁹ Tirumalai 1985, p. 68

⁵⁰ SII, V, no. 588 (Tirumalai 1987, p. 119)

наборы из коллективных органов. Возможно, что каждый из этих органов имел свою сферу компетенции, но их функции могли и пересекаться. Скорее всего, ситуация в разных храмах складывалась по-разному. И решения принимались теми советами, комитетами, общинами, которые представляли реальную власть в данном месте.

Некоторую роль в храме играют *шивабрахманы* (конечно, в шиваитских храмах). Им, например, даются деньги или земельные участки, чтобы на проценты или доходы с них они поддерживали «вечную» лампаду в храме⁵¹. Согласие выполнять такую работу говорит о том, что шивабрахманы были как-то организованы, имели общую казну и т. п. Их функции позволяют им, например, сдавать храмовые земли в аренду⁵².

Они пользовались определенной властью в храме, о чем свидетельствует один из конфликтов, который произошел в храме в Сивапураме (Танджавур) в 1239 г. *Шивабрахман* по имени Тируччиттрамба-бхаттан и его сообщник (имя утеряно) вели себя разнузданно. Они не только подарили украшения богини наложнице одного из них, отказывались выдавать пищу одному из слуг храма, а когда тот потребовал свою долю, схватили его с помощью «малайлийцев» и засадили в подвал в одиночку. Более того, они изготовили фальшивые отчеты, о том, что они будто бы тратили на мази для статуй богов по 2 *кажанджу* в день, в то время как они тратили только ½ *кажанджу*. Они начали игнорировать распоряжения царя. Тех, кто привозил царские указы, они били, окунали в воду, а приказы царя насильно отбирали. А когда от них потребовали заплатить земельные налоги, они ругались нехорошими словами. Кроме того, они продали свои земли (может быть, храмовые земли, предоставленные им?), украли гонг и падди, складированное для нужд храма, спрятали в овраге золотую статую⁵³. Так они при помощи «каннадиев» совершили неопишуемые преступления и накопили 50 000 (монет).

Как видим, двое *шивабрахманов* имели достаточно власти, чтобы совершить все эти действительно неблагоприятные поступки. Действовали они при помощи неких чужаков, которых составитель надписи называет сначала *малайлийцами*, а потом — *каннадигами*. Ему неважно, откуда эти злые люди — из Кералы или из Карнатаки, главное, что они чужие.

⁵¹ ARE, 151 of 1904 (SII, XVII, no. 171); 26, 125, 265, 286 of 1940/41, 1939/43

⁵² ARE, 384 of 1959/60

⁵³ Список их прегрешений настолько всеобъемлющ и лишен логики, что закрадывается мысль, а не сфабрикованы ли обвинения?

Но кроме этих нечестивых *шивабрахманов* в храме нашлись другие власти, которые и навели порядок. *Стханаттары*, *махешвары* и *ур* собрались вместе и решили изгнать преступников из храма, конфисковав всю их собственность, движимую и недвижимую, включая слуг⁵⁴.

Именно так, усилиями нескольких коллективов, обычно управлялись храмы. В надписи 1249 г. из Чидамбарама дается классификация функций, которые должны исполнять различные органы храмового самоуправления. Эти функции суть следующие: *ùrikàryam*, *samutàyam* и *kīyilnàyakam*⁵⁵. Эту тройственную формулу можно понять так: 1) дела, связанные с отправлением культа, 2) управление храмовым персоналом («общиной», именно такой термин употреблен) и 3) имущественные дела. В 1252 г. вопрос об обмене землями между двумя храмами в Чидамбарама решают не только три группы, «исполняющие службу» (*ceyvārkaē*) в перечисленных направлениях (*шрикарьям*, *самудаям* и *койилнаякам*), но еще и *шримахешвара-кангани*, *tirumāē-kaikkōāu-ceyvārkal* и писцы⁵⁶. Эта классификация, как и многие другие, встречающиеся в надписях, может не иметь универсального значения. Разобраться, какой орган какими функциями был наделен, видимо, не представляется возможным.

Во главе вишнуитского храма могли стоять *ùrivaioīava-k-kaikāi* и *tala-karai attar*⁵⁷. Дела одного из вишнуитских храмов в Раманатхапураме решают несколько общин: местные *шривайшнав*ы, храмовые писцы, исполнители гимнов, чиновник местного магната, ткачи-*кайкколы*, странствующие *шривайшнав*ы⁵⁸.

В IX–X вв. при храмах упоминается некий «совет дхармы» (*dharmāsana*). Он мог принимать штрафы за неисполнение обязательств перед храмом⁵⁹. Ему на рассмотрение передавались некоторые спорные вопросы⁶⁰. Но больше о нем ничего не известно.

В целом, как мне кажется, на протяжении VI–XIII вв. можно заметить увеличение «общинности» в управлении храмами. Множество

⁵⁴ ARE, 279 of 1927

⁵⁵ ARE, 303 of 1913. 1914

⁵⁶ ARE, 296 of 1913 (SII, XII, no. 149); 312 of 1913 (SII, XII, no. 159)

⁵⁷ ARE, 363 of 1953/54

⁵⁸ ARE, 303 of 1923. 1924

⁵⁹ SII, VII, no. 420 (IP, no. 214) (883 г.); SII, VII, no. 421 (IP, no. 222) (887 г.) (обе надписи из Кавангандалама близ Канчипурама)

⁶⁰ ARE, 262, 263, 268 of 1910. 1911, p. 27–28 (989, Ченгалпатту)

различных коллективных юридических лиц оказываются в той или иной степени связаны с храмовыми делами.

Виды храмового землевладения

Земли храма принадлежали ему на разных условиях. Наиболее часто они называются, как мы уже знаем, обобщающим термином *девадана*. Неясно, чем отличалось от деваданы владение храма, называвшееся *dāvabhī ga*⁶¹ или *dāvarbhoga*⁶². Некоторые дарения земли храмам были «целевыми», например, *arcanā-bhī ga* — для содержания жреца⁶³; *бхатта-вритти* («доля брахманов») ⁶⁴ и др.

Дарение Богу могло выражаться в части налогов с какой-то земли, во всех налогах, в праве собственности, подверженной налогообложению и в сочетании всех этих прав в любой пропорции.

Наиболее типичный случай, конечно, — это наделение храма правами верховной собственности, т. е. получение храмом налогов с собственников — *канияларов*, которые сами организуют хозяйство.

Речь идет о верховной собственности в тех случаях, когда храм уполномочивается получать налоги с участка земли⁶⁵ или когда он сам раздает или продает участки в подчиненную собственность⁶⁶. Иногда при дарении храму прямо говорится, что храму предоставляется *миятчи*, а *каранмей* дается другому лицу⁶⁷. Храм может собирать налоги даже с земель, низовая собственность на которые принадлежит местному магнату⁶⁸.

Приведем конкретный пример. Некоторые земли были куплены неким Вижумияном, он же Бхуванамуж-удеиян, но покупатель и его потомки оставили деревню. Кангеяраян, вассал Пандьев, узнав о том, что земли лежат бесхозными, подарил их храму. Но тут появился

⁶¹ SII, XII, no. 105 (IP, no. 224) (888 г.)

⁶² IP, no. 246

⁶³ SII, VI, no. 347 (IP, no. 199) (875 г.); SII, VII, no. 420 (IP, no. 214) (883 г.); SII, V, no. 572 (IP, no. 171); ARE, 71 of 1898 (Sastri 1932. p. 118)

⁶⁴ SII, XII, no. 76 (IP, no. 183)

⁶⁵ ARE, 552 of 1922. 1923; 300 of 1924 (Gupta 1933, p. 192)

⁶⁶ ARE, 128 of 1908. 1909; 66 of 1915. 1916 (Gupta 1933, p. 210–211); 64 of 1916 (Gupta 1933, p. 211; Mahalingam 1940, p. 301); 456, 457, 458, 459 of 1916. 1917; 566 of 1922. 1923; 288, 289, 299, 300, 337 of 1923. 1924; 544 of 1926. 1927; 241 of 1932/33; 151 of 1935/36; 271, 272 of 1941/42. 1939/43

⁶⁷ ARE, 27, 30 of 1924

⁶⁸ ARE, 312 of 1923. 1924; 42, 43 of 1924

Удеиянаяр, он же Джаяитунгараян, представивший документ, согласно которому он купил земли у наследников Бхуванамуж-удеияна. Тогда Кангеяраян изменил условия дарения. Истец получил права *каранмей*, а храм — *кадамей*⁶⁹.

Храм в Сучиндраме в 999 г. испытывал какие-то сложности в отношениях с землевладельцами и земледельцами. Местный магнат Перийя-мувендавелан попытался упорядочить эти отношения, установив фиксированную плату с *вели* с собственников *каранмея*. На тех же землях храма, на которых нет владельцев, *деваканми* сами должны организовывать обработку, видимо, сажая арендаторов⁷⁰.

Однако этот приказ не дал результата. На следующий год *мулапару-дай* храма передал все права на управление землями храма *махасабхя-рам* Сучиндрама, заявив: «Мы не можем ни платить сборы Богу с земель *девадана*, ни вести храмовые дела. Владельцы земли под *парудай* и привлеченные ими земледельцы не будут платить сборы Богу». «Мы, таким образом, упраздняем наши права и наши функции, и если кто-либо из нас будет в дальнейшем претендовать на какие-либо права, каждый из нас обязан будет заплатить штраф в 10 *кажанджу*. Если кто-нибудь из прежних владельцев земли будут претендовать на какие-то права, они должны коллективно выплатить 50 *кажанджу* в качестве штрафа. Даже после уплаты штрафа они не должны требовать прав в храмовых делах и в его собственности. Присягаем в том, что храмовые дела поручаются *махасабхе*». *Махасабха* образовала тогда комиссию из двух человек с писцом, чтобы они взяли на себя управление храмом⁷¹.

Знаменитый храм в Шрирангаме в конце XI — начале XII вв. произвел несколько продаж земли в подчиненную собственность разным лицам, обязавшимся либо платить храму обычные налоги, либо снабжать храм определенными видами продуктов: зерном, цветами или плодами⁷². В 1115 г. «Комитет вишнуитов» храма в Шрирангаме продал участок земли, причем покупатель согласился устроить на нем «священный цветник» (*tiru-nanda-vaṣam*)⁷³. Земля, таким образом, осталась в верховной собственности храма. Была продана только низовая собственность⁷⁴.

⁶⁹ IPS, no. 517 (Tirumalai 1987, p. 59)

⁷⁰ TAS, IV, pt 2, p. 128–129 (SIE, XIII, p. 59–60)

⁷¹ TAS, II, p. 2–9 (EI, V, p. 45, no. 6-d; SIE, XIII, p. 61)

⁷² ARE, 106, 108, 110, 112–114, 116, 118, 119, 121, 126, 127 of 1947/48; 10, 38 of 1948/49

⁷³ ARE, 111 of 1947/48

⁷⁴ Другие случаи продажи храмом земли в податную собственность см.: ARE,

Если низовые землевладельцы под храмом не платили налогов, их земли выкупались (правда, за недоимки, т. е. владелец ничего не получал, но и сам освобождался от долгов, отказавшись от земли)⁷⁵. Владельцы подчиненной собственности на землях храма бывали связанными круговой порукой. Если кто-то из них уходил, не заплатив положенных налогов, за него должен был платить тот, кто поручился⁷⁶.

Держатели земли от храма могли продавать и передавать земли друг другу⁷⁷. Это значит, что их податная собственность не страдала от того, что они выплачивали налоги не в государственную, а в храмовую казну.

Случалось храму делиться своей верховной собственностью с местными влиятельными лицами, уступать им часть доходов. Примером такого деления служит установление отношений «защиты» (*pāṭkaval*). Местный магнат обязывался обеспечивать охрану храма или местности от шаек бандитов или от войск других князьков (которые ничем не отличались от шаек) и за это получал специальный сбор⁷⁸.

Были и противоположные случаи: храм выкупал (или получал в дар) низовую собственность на землю, на которую он уже имел верховную собственность⁷⁹.

Иногда подчеркивается, что храм получает и *миятчи* и *каранмей*⁸⁰.

В недатированной надписи из Пудуккоттая, относимой эпиграфистами к VIII в., храм получил деревню как *uī ī āṭkai-puram*, включая права *kārāi mai* и *mēyāṭci*⁸¹. Следовательно, по смыслу надписи, *уннажигей-пурам* — это земля на условиях полной собственности. Мы помним, что эпиграфисты понимают *уннажигей* как «центральное хранилище». Каким-то образом смыслово связаны эти два понятия: хранилище и полная собственность на землю.

В XIII в. потребовался новый термин *muāāōōū-dāvadāna* («полная, совершенная девадана»), видимо, обозначавший полную собственность

337 of 1923/1924 (Gupta 1933, p. 191); 502 of 1922. 1923, (1128 г.)

⁷⁵ ARE, 92 of 1920 (1148 г., Тиручирапалли)

⁷⁶ ARE, 426 of 1912. 1913 (Appadorai 1936, p. 286)

⁷⁷ ARE, 437 of 1917. 1918; 243 of 1936/37

⁷⁸ ARE, 70 of 1946/47

⁷⁹ ARE, 123 of 1908/1909 (по копии с факсимиле в Эпиграфическом центре в Майсуре); 262 of 1940/41. 1939/43

⁸⁰ TAS, IV, p. 126

⁸¹ IPS, no. 13 (IP, no. 260)

храма. Интересно, что через 10 лет после дарения деревни в такую «полную» собственность два жителя деревни протестуют против включения их земель в дар без денежной компенсации⁸².

Другие земли храм держал на подчиненном праве, платил с них налоги. Это были либо земли, подаренные рядовыми землевладельцами, которые только такое подчиненное право и имели, либо площади, по какой-то причине не занятые *канияларами*. Иногда прямо говорится, что храм получает подчиненную собственность (*каранмей*), с которой благочестивый господин (даритель) может скостить налоги⁸³.

Надпись 1325 г. сообщает о следующем казусе. Две деревни находились во владении Гурукула-*раяра*, который не смог заплатить с них налоги и оставил землю необработанной. Храмовые власти заплатили причитавшиеся с этих земель налоги и взяли их в свое владение, но тоже не смогли организовать их обработку. Они сдали некоторые участки в аренду из доли урожая, сохраняя за собой право *каранмей*. Потом все же они продали водоемы и земли под ними (речь идет все о тех же землях) двум братьям, на вырученные деньги соорудили статую в храме, а покупатели обязались уплачивать в храмовую казну основные налоги (*кадамей*, *антараиям* и *понвари*)⁸⁴.

Такие земли предоставлялись мелкими участками арендаторам (этим занимаются *деваканми*)⁸⁵. Общее наименование арендаторов было *куди*, или *кудимакал*. Чтобы было ясно, что речь идет об арендаторах, а не подчиненных собственниках, их иногда называют «пашущими куди»⁸⁶.

Часть арендаторов имела постоянные права на землю, и в этом случае храмовые земли, находившиеся в его подчиненной собственности, могли называться, как уже говорилось, *kuññēgā-kāi*⁸⁷ или *kuññēgā-dāvadāna*⁸⁸. Уникальная надпись из Ковилура (Танджавур) от 1016 г. показывает, как это могло быть. Она составлена от имени арендаторов на землях *девадана* (*devadāṇa-k-kōṭṭimakkaṇṇam*) и настолько необычна, что процитируем ее основную часть: «Мы, *куди*, живущие в *брахмадее* Учакканамана Кералакулачани-*чм*, на землях *девадана* этого храма Тирувучатанам-

⁸² ARE, 310, 311 of 1923/24

⁸³ ARE, 327, 488 of 1916. 1917; 186 of 1935/36; 69 of 1946/47

⁸⁴ ARE, 39 of 1924

⁸⁵ SII, XVI, no. 157; XIV, no. 164 (Tirumalai 1987, p. 50–51)

⁸⁶ ARE, 28 of 199 (по копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре)

⁸⁷ ARE, 57 of 1946/47; 196 of 1980/81 (Sampath 1991)

⁸⁸ ARE, 46 of 1946/47

удеияра, исполняющие священную службу в храме этого бога, происходящие из 79 *наду* и из 18 стран (*patineī pómi*), сообщаем наблюдателям за священными работами (*tiru-paī i kaēkai iyum*), что будем платить с наших земель *jēvitam* следующую долю урожая». И далее идет перечисление ставок с земель разного сорта⁸⁹. Судя по тому, что даются ставки арендных плат, но вместе с тем участки называются *дживитам* («средства к жизни»), в этой акции принимают участие и арендаторы-земледельцы, и служащие, несшие трудовые обязанности перед храмом. Поражает претензия этого коллектива на то, что он представляет жителей многих «стран». Конечно, числа здесь совершенно условны. Но они необычны. «79» — так никогда не называются другие объединения. Это позволяет предположить, что за этим числом стоит некая реальность. «18», напротив, число весьма традиционное, но относящееся, как правило, к купеческим объединениям, где оно уместно, поскольку торговцы из многих областей собирались в каком-то торговом центре и совершали разного рода дарения⁹⁰. В данном случае крайне интересно, что *куди* именно одного храма (это подчеркивается в надписи) пытаются укрепить свои позиции в конфликте с храмовыми властями, объявляя, что за ними, мол, стоят их собратья из «79 наду и 18 стран».

Некоторые виды аренды были «специализированы». В надписи 1021 г. говорится, что *вайкханасы* (*vaikhānasa*) храма⁹¹ с орошаемых земель под рисом получают в качестве жалования определенную долю пади, но предоставленные им садовые земли должны обрабатывать сами. Понятно, что сами *вайкханасы* ничего обрабатывать не собирались. Они нанимали рабочих, которые поливали сад, поднимая ведрами воду из некоего источника внизу, вскапывали землю, устраивали ограды и производили иные необходимые работы. Они же соглашались внести в землю 7000 корзин удобрений. При этом *деваканми*, т. е. администрация храма, сохраняли право «низшего владения» (*kēpokam*), а *вайкханасы* имеют только права аренды (*aṇavu*) для ведения земледелия (*uṇavu*). «Низшее владение» — это, конечно, то же, что *каранмей*, т. е. низовая собственность. Значит, *вайкханасы* на садовых землях находятся еще на ступеньку ниже, чем налогоплательщики.

⁸⁹ ARE, 185 of 1908. 1909 (по копии с факсимиле в Офисе главного эпиграфиста в Майсуре)

⁹⁰ Существовала ли отдельная корпорация, называвшаяся *падинен бхуми*? Об этом поговорим в главе о надлокальных объединениях.

⁹¹ Они понимаются эпиграфистами как «жрецы». Данная надпись такому переводу противоречит. *Вайкханасы* — известная вишнуйская секта.

Забавен еще один пункт принятого решения. Каждый арендатор должен поставлять *вайкханасам* по охалке соломы весом в 1 *калам* падди⁹². Эту солому *вайкханасы* должны употребить в интересах сада (в качестве удобрения?), но никоим образом не продавать ее в Канчипураме или еще где-то⁹³.

Надпись из Канчипурама от 1110 г. рассказывает о судьбе участка земли. Он был некогда подарен храму, но оставался необработанным, поскольку храм не мог найти земледельцев. Храм предоставил эти земли некоей общине ткачей, видимо, без всяких условий. Ткачи тоже не сумели оживить эту землю. Тогда две царицы обратились с просьбой возобновить дар участка храму и отобрать землю у ткачей⁹⁴.

В 1099 г. территория усадьбы, принадлежавшей нескольким храмовым служащим, потребовалась для строительства пристройки к храму. Участок был конфискован. Правда, его жителям была дана другая усадьба из числа принадлежавших храму⁹⁵.

Бесправные арендаторы храмовых земель обычно являлись самыми угнетенными группами населения. Если они снимали землю из доли урожая⁹⁶, то назначались специальные надсмотрщики, следившие за тем, чтобы земледельцы не утаивали часть зерна. Надсмотрщики оплачивались за счет арендаторов⁹⁷.

Коллизия, сообщаемая в надписи 1220 г. из Тиручирапалли, возможно, фиксирует возможность для храмовых властей согнать арендаторов с земли. Власти храма дали своим арендаторам (*девадана-кудимаккал*) некоторое количество монет и забрали их земли в *пеарай-аарам* («рисовую казну»), «переписав их имена»⁹⁸. Судьба данных арендаторов не ясна. Стали ли они работниками в хозяйстве, ведущемся храмовыми властями непосредственно?

Арендная плата, наверное, сильно варьировала в зависимости от многих факторов. Все попытки на основе многочисленных цифровых данных надписей придти к неким средним или типичным числовым выражениям величины налогов или рент оканчивались неудачей.

⁹² Это требование довольно удивительно: *калам* — мера сыпучих тел, и сколько весит необрушенный рис такого объема — это само по себе еще нужно установить.

⁹³ ARE, 172 of 1915. 1916

⁹⁴ ARE, 39 of 1921

⁹⁵ ARE, 441 of 1921. 1922

⁹⁶ ARE, 220 of 1980/81 (Sampath 1991)

⁹⁷ IPS, no. 435

⁹⁸ ARE, 92 of 1920 (по копии с факсимиле в Эпиграфическом центре в Майсуре).

Но несколько примеров можно привести. В 1249 г. один из храмов решает упорядочить свои отношения с арендаторами. Выбивается надпись, в которой говорится, что арендаторы должны платить по 120 *калам*ов с *вели*, но эту ставку надо разделить пополам. Очевидно, между налогом, идущим в казну, и рентой храму. Из ренты надо вычесть сбор в пользу *наду*. Оставшееся снова надо разделить пополам. Половину платить натурой (падди), а другую половину — деньгами «по благоприятным ценам». Сбор в пользу царских слуг не должны добавляться к бремени земледельцев. Службу *кудимей* они должны либо исполнять во время ежемесячных и годовых храмовых праздников, либо в счет ее платить еще 3 *куруни* с *ма*⁹⁹. Солому для ремонта крыши *амбалам* (помещения для собрания) отныне они доставлять не должны¹⁰⁰.

В одной из надписей, к сожалению, не датированной, проводится различие между *кадамеем*, который арендатор платит царю, и *мелварам*, который идет храму. Последний составляет 1/3, неясно, от урожая или от *кадамея*¹⁰¹.

С разницей в правах собственности, вероятно, связано то, что земли *девадана* не всегда называются одинаково. Иногда храм получает земли на условиях *tiru-nāṁattu-k-kāi* ¹⁰². Буквально это означает «наследственное право на священное имя». *Кани*, как мы знаем, чаще всего означает наследственную собственность. Поэтому я понимаю этот термин как означающий землю, принадлежащую храму на праве низовой собственности, на условиях уплаты полных налогов. Но в этом толковании я не имею поддержки со стороны коллег, поскольку они не предполагают «низшую» собственность для Бога, хотя, конечно, факт уплаты храмом налогов никто не может отрицать. Есть также и более прямое доказательство подобной трактовки. Землю *тиру-наматту-к-кани* в одной из надписей называют также *kārāṇ-kīāmai*, т. е. прямо указывают на ее однотипность с податными землями общинников¹⁰³.

В надписи 1202 г. из Тирувалангаду (Танджур) содержится своеобразная инвентаризация земель храма, которые оказываются

⁹⁹ *Кудимей*, как мы знаем, это обычно все то, что арендатор платит хозяину сверх государственного налога. В данном случае так называются, судя по контексту, отработки.

¹⁰⁰ SH, VII, no. 1039 (Tirumalai 1987, p. 170–171)

¹⁰¹ ARE, 196 of 1980/81 (Sampath 1991)

¹⁰² Например, ARE, 34 of 1926; 260 of 1939/40. 1939/43; 173 of 1940/41. 1939/43; 140 of 1942/43. 1939/43

¹⁰³ ARE, 1939/43, p. 82

состоящими из разнообразных кусков, приобретенных разными способами. Среди них — участки, купленные настоятелями храма в качестве *тиру-наматту-к-кани* на деньги, вырученные от продажи некоторых храмовых драгоценностей¹⁰⁴.

Другая форма храмовой собственности — *тиру-видаяттам* (*tiru-viṭai-y-āṭṭam, tiruviṭaiyāṭṭam*)¹⁰⁵. Удовлетворительного толкования значения этого термина не предложено. В качестве гипотезы предложу такое толкование: это тоже низовая собственность, но немного ограниченная снизу признанием права арендаторов на постоянную аренду. Если дарение в *тиру-наматту-к-кани* часто сопровождается формулой *куди-никки*, то *тиру-видай-яттам*, напротив, нередко дается с условием *куди-нинга*, т. е. без расторжения договоренностей с прежними *куди*.

Так, например, в одной из чольских надписей говорится об основании *брахмадеи*. Но земля дается брахманам на условиях *куди-нинга* *тиру-видаяттам*, т. е. как владение храма. *Сабхаияры* должны поэтому выплачивать храму 20 *калам* с *вели* и денежный сбор по ставке, «принятой в этом *наду*»¹⁰⁶.

В какой-то степени загадочной остается и такая категория храмовой собственности как *tiru-maṭai-viṭṭam*. Один из вариантов перевода — «священное внутреннее пространство». На английский язык этот термин переводят как «premises». Предположительно синонимом этого «внутреннего пространства» служило *tiru-c-cuāu* («священный круг»). Это не просто улица или улицы близ храма или вокруг его стен. *Тиру-мадай-вилагам* должно быть специально «устроено», и такое «устройство» само по себе рассматривается как богоугодное дело¹⁰⁷. В одном случае *тиру-мадай-вилагам* образуется на землях *тиру-наматту-к-кани*¹⁰⁸. Эту ситуацию трудно понять. По нашей трактовке, *тиру-наматту-к-кани* — это «неполная собственность» храма, а *тиру-мадай-вилагам* — это в некотором смысле сердцевина храмового пространства.

Это территория, на которой расположены дома неких «приближенных» к храму лиц, а также ткацкие станки и маслопрессы (конечно,

вместе с хижинами ткачей и маслоделов)¹⁰⁹. На участках в *тиру-мадай-вилагам* растут кокосовые пальмы, с которых храм собирает некий сбор¹¹⁰, иногда в натуре — кокосовым маслом — для горения в лампадах¹¹¹. Там же может быть расположена *матха*, учебное заведение¹¹². На «священной территории» могут жить также аскеты, *шивабрахманы*, танцовщицы, барабанщики, слуги,¹¹³ торговцы, бродячие торговцы, ремесленники (*каммаланы*), прачки, сторожа, кузнец, горшечник и прочие, «снабжающие бога пищей и одеждой»¹¹⁴. Из этих сведений возникает впечатление, что на «внутренней территории» размещались специалисты, устанавливающие с храмом отношения типа *джаджмани*. Это дополнительное соображение в пользу того, чтобы рассматривать южноиндийский средневековый храм как разновидность индийской общины.

Жить в *тиру-мадай-вилагам* считалось честью. Однажды в Шрирангаме возникла идея создать вокруг храма пояс домов, в которых поселить исключительно достойных брахманов, чтобы защитить его (от злобных сил?)¹¹⁵. В 1213 г. сын владельца дома в *тиру-мадай-вилагам* украл налобное золотое украшение статуи божества. За это его семья была изгнана из дома, и дом был продан другому. Тяжесть преступления подчеркивается тем, что это сын такого уважаемого человека, который даже получил право жить в *тиру-мадай-вилагам*¹¹⁶. В 1231 г. храмовая танцовщица, рабыня, совершившая дарение, получает «первый дом» в *тиру-мадай-вилагам* и место во главе процессии во время празднества. За это она заплатила всего 1100 *кашу*¹¹⁷.

Храм требует, чтобы жители домов в *тиру-мадай-вилагам* платили ренту и следили за их состоянием¹¹⁸. В 1230 г. храм в Тируканнапуре (Танджавур) сдал участки на одной из своих улиц купцам для сооружения на них лавок. От платы за землю и дома они освобождаются, но распоряжаться ими, т. е. продавать, отдавать в залог или дарить

¹⁰⁴ ARE, 92 of 1926

¹⁰⁵ ARE, 127 of 1904 (SII, XVII, no. 147); 150 of 1904; 288 of 1923. 1924; 21, 27, 28 of 1926; 166 of 1935/36

¹⁰⁶ SII, XVII, no. 170 (Tirumalai 1987, p. 45)

¹⁰⁷ ARE, 111 of 1924; 129 of 1940/41. 1939/43

¹⁰⁸ ARE, 267 of 1936/37

¹⁰⁹ ARE, 172 of 1935/36, p. 83; 35 of 1940/41. 1939/43; 218 of 1934/35, p. 76; 483 of 1926. 1927

¹¹⁰ ARE, 354 of 1927

¹¹¹ ARE, 512 of 1922. 1923

¹¹² ARE, 233, 234 of 1924

¹¹³ SII, III, p. 48, no. 26; ARE, 15 of 1926

¹¹⁴ ARE, 119 of 1904 (SII, XII, no. 221)

¹¹⁵ ARE, 377 of 1953/54

¹¹⁶ ARE, 149 of 1932/33

¹¹⁷ ARE, 29 of 1940/41, 1939/43

¹¹⁸ 511 of 1920 (Appadorai 1936, p. 285)

они могут только с разрешения *стхаников* и *ура*, а, кроме того, должны платить пошлины с продаваемых товаров — золота, бронзы и тканей¹¹⁹.

Впрочем, *тиру-мадай-вилагам* — это и улица тоже. Храмовые *каниялары* предлагают в 1200 г. построить дома, чтобы удлинить улицу около храма и проложить вторую улицу. Храмовые власти соглашались оплатить строительство домов для своих *канияларов*. А другим лицам предлагают выкупить участки и строить дома самостоятельно¹²⁰. Если кто-либо продает дом на улицах вокруг храма, он может делать это только после согласования цены с храмовыми казначеями и половину вырученных денег отдавать в казну храма. Если же он нарушит эти правила, то заплатит вдвойне и лишится усадьбы¹²¹.

* * *

Земли *девадана* обладали определенной святостью. Захватывать их считалось большим грехом. Но в реальной жизни случалось, что разные лица, в том числе, как мы видели, и благородные брахманы, покушались на храмовую собственность. Видимо, в связи с этим в правление Кулоттунги II это священное правило о неприкосновенности собственности храмов и брахманов было подкреплено письменным указом: «земли *девадана* не должны продаваться даже в случае неурожая в результате засухи или наводнения, или же в целях получения средств для ремонта храма... Права тех лиц, которые приобрели храмовые земли насильственными методами, не должны признаваться. Они не только потеряют свои владения, но и будут признаны преступниками против царя и Бога»¹²².

Храм как землевладелец нередко вступал в конфликты с соседними землевладельцами. В 1250 г. был разрешен спор между *сабхой* и храмом относительно участка земли, который *сабха* незаконно облагала в свою пользу 5 лет. Некий *Пажудай-андар* в знак протеста покончил с собой. В коллизии разбирались *шримахешвары*, *мудалияры* («главы») *матхи* и *наттавары*. *Сабха* признала свою вину, согласилась не превышать согласованных сборов, установить статуя самоубийцы

¹¹⁹ ARE, 503 of 1922. 1923

¹²⁰ ARE, 407, 408 of 1925 (Tirumalai 1987, p. 100)

¹²¹ SII, VIII, no. 75 (Tirumalai 1987, p. 100)

¹²² ARE, 48 of 1931

в храме и подарить храму кусок земли как *тиру-наматту-к-кани* для финансирования нового культа (самоубийцы)¹²³.

Надпись из Тирувади в Ю. Аркате рассказывает о земельном споре между тремя храмами и жителями окрестных селений. Границы владений были первый раз определены в 1306 г., но с ними не согласились жители. Позже были приняты еще два решения, но с ними не согласились настоятели храмов. Наконец в 1319 г. спор решили четыре местных магната, видимо, встав на сторону одной из споривших сторон¹²⁴.

Бывают случаи и спекуляции землей со стороны храма. Так, один из храмов купил участок земли у деревенского собрания в 5 год правления Джатавармана Паракрамы, а в 9 год продал его более чем в 12 раз дороже¹²⁵.

Храмовую собственность можно считать общинной в полной мере. Если *уры* и *брахмадеи* состояли из **частных** собственников, и их общие земли можно охарактеризовать как совместную частную собственность, то храм представлял собой корпорацию лишь пользователей земли Бога (за исключением права на должность, о чем пойдет речь ниже). Его тоже можно было бы назвать **частным** собственником, но в силу особого статуса этого «субъекта собственности» его имущество реально рассматривалось как общественное достояние.

Храмовые сети

Храмы и другие места поклонения могли составлять некую иерархическую структуру. Сущность «подчинения» одних храмов другим не ясна, но о ней надо упомянуть в контексте данной книги, пытающейся вскрыть социальную ткань тогдашнего общества. Связь различных храмов, видимо, имела какую-то экономическую или ритуальную подоплеку, раз она существовала.

В одной из надписей периода Чолов из Танджавура приводится список земель, принадлежавших главному храму и его дочерним святым местам¹²⁶. В другой, из Читтура, один храм передает другому некоторые земли и несколько усадеб¹²⁷. Очевидно, между упомянутыми

¹²³ SII, VIII, no. 193 (Tirumalai 1987, p. 31); см. также SII, VIII, no. 759

¹²⁴ ARE, 416 of 1921. 1922

¹²⁵ ARE, 15, 16 of 1924 (Sastri 1929, p. 224)

¹²⁶ ARE, 66 of 1911

¹²⁷ ARE, 192 of 1942/43, 1939/43

здесь двумя храмами существовали некие связи, которые выражались, в частности, в имущественных счетах.

В 1232 г. *махешвары* храма Перумбаттрапулиур в Чидамбараме по просьбе настоятелей (*махешваров* и *танаттаров*) храма Раманандишварам-удеияра, которые испытывали трудности в оплате расходов на службы, наложили сбор на различных храмовых служащих в Чоламандалам, Раджараджапандимандалам, Вирачиоламандалам, Надувилнаду и Джайянгондачоламандалам, т. е. практически по всему Тамилнаду. Каждый человек, имеющий храмовую должность, должен вносить по 20 *кашу*, а простой брахман — по 10 *кашу*. Этот сбор можно вносить и деньгами, и натурой. Сбор должны организовать *стханики* и *вира-махешвары*, которые получают за свои труды с храмов, имеющих более чем 10 *вели*, по 1 *каламу* риса, а с более мелких храмов — по 1 *тунни* 1 *падакку*. *Деваканми* и писцы должны помогать в этой работе¹²⁸. Судя по надписи, это было грандиозное предприятие: поддержка одного из храмов всеми храмами Тамилнада. Правда, можно сомневаться в практической значимости этого постановления. Надпись датирована 16 годом правления Раджараджи III Чолы, когда он не имел власти не только по всему Тамилнаду, но и на своей родовой территории. Скорее всего, решение это было мертворожденным, но само его появления мне представляется очень знаменательным. Устанавливалось некое чувство солидарности между храмами на обширной территории.

При храмах нередко имелись *матхи*, которые называют индуистскими монастырями, но их скорее можно назвать школами или семинариями. Возможно, что их можно понимать как общины ученых-брахманов, которые почему-либо не получили собственных поселений (*аграхар*). Их материальное обеспечение тоже являлось объектом забот благочестивых правителей и храмовых властей.

Сабха Кавидипаккама (С. Аркат) в 894 г. снабжала растительным маслом *саṁṁ-p-perumakkaṭṭi* («ученых больших людей»), живших в *матхе* при местном храме¹²⁹.

Одна из надписей времени Раджендры I из Эннайирама (Ю. Аркат) представляет подробный реестр, сколько риса и денег должны получать в день и в год 340 учеников, изучающих веды, *вякарану*, *прабхакару* и *веданту*, и 13 учителей, преподающих эти дисциплины. В обеспечение

этих выплат семинарии выделено 45 *вели* земли¹³⁰. В другой надписи из того же селения уточняется, что 50 человек из числа насельников этой обители должны получать рис (именно очищенный от шелухи, а не падди) от торговцев, «которые получают деньги от рынка»¹³¹. В этих надписях не упомянут руководитель школы. Но он вполне мог быть, и в этом случае назывался *maḥādhipatya-kōṭṭi*¹³².

Храм в Тирумуккудале (Ченгалпатту) в 1069 г. имел школу и больницу. Среди расходов на школу перечислены жалованья учителей и стипендии 60-ти учеников, а также платы повару и служанкам. Предусмотрено, что студенты должны мыться 51 субботу в году! Дело в том, что «официальный» год при разного рода выплатах считался равным 360 дней.

Расходы на больницу в том же храме предусматривают содержание 15 кроватей, врача, помощника врача, 2-х поставщиков целебных трав, 2-х медсестер, цирюльника, водоноса. Кроме того, заложены средства на питание больных, оплату горения лампы по ночам, расходы на создание запаса лекарств. Подробно перечисляется, какие лекарства должны быть в аптечке¹³³.

Храмовый штат служащих (храмовое хозяйство)

С точки зрения чисто экономической главной отраслью храмового хозяйства было земледелие. Об организации обработки храмовой земли рассказано, насколько это возможно, в предыдущем параграфе.

Надо упомянуть также о скотоводстве. Как в период Паллавов, так и при Чолах, храму дарилось много скота — овец и коров, которые должны были снабжать храм молоком, кислым молоком и маслом для горения лампад. По всем данным, у храма должны были быть крупные стада. Однако эта сторона хозяйственной жизни храма отражена в надписях слабо. Можно заметить, что сведения эти со временем сокращаются, т. е. что роль скотоводства уменьшалась.

Дарения скота, как и иные, были обычно четко обусловлены: на что должны идти средства, полученные от содержания скота, или же непосредственно на что должно идти молоко. Проверки храмовой документации и финансов, которые уже упоминались, но ниже

¹³⁰ ARE, 333 of 1917. 1918; см. также 176 of 1919

¹³¹ ARE, 343 of 1917. 1918

¹³² ARE, 273 of 1950/51

¹³³ ARE, 1916, p. 118 (EI, XXI, p. 220–250, no. 38)

¹²⁸ ARE, 537 of 1923

¹²⁹ SII, XII, no. 79 (IP, no. 186)

будут показаны подробнее, заключались именно в том, чтобы установить, выполняются ли условия дарений: получает ли храм оговоренные в дарственных рис, деньги, продукты и горят ли лампы, зажженные в свое время по воле дарителя «навечно».

Стада храмового скота обычно раздавались общинам и индивидуальным жителям на выпас, с тем чтобы храм получал готовый продукт — молоко и гхи¹³⁴.

Иногда пастухам, получившим скот от храма, предоставлялось право пасти его на землях ряда деревень бесплатно¹³⁵. Члены пастушеских каст (*iḍaiyar*), получавшие храмовый скот на выпас, в некотором смысле являлись служащими храма, снабжая его регулярно маслом для лампад¹³⁶. Ту же услугу оказывали храму *veṭṭi-k-kuṭi*, если они получали стадо овец¹³⁷.

Другая известная каста пастухов — *maṣāṭṭai* — также получала храмовый скот и снабжала храм коровьим маслом в качестве процентов для постоянного горения лампад. В надписи от 9 года Раджендры Чола эта корпорация выступает поручителем за одного из своих членов, который получил от храма 90 овец и обязан снабжать храм маслом¹³⁸.

В 1102 г. храмовый комитет постановил, что Аруттимуккитадана, брахман-вишнуит из Тирукковалура (Ю. Аркат), должен вернуть храму 10 коров. Комитет установил по старым документам, что эти десять коров (не буквально эти коровы, а такое их количество) были переданы храмом деду упомянутого брахмана под условием снабжения кислым молоком брахманов в *mathe*¹³⁹. Видимо, внук забыл об обещании деда и не давал кислого молока.

Но и земледелие, и скотоводство, и ремесло (сведения о котором будут представлены ниже) в глазах властей храма, да и всех других жителей Тамилнада, служили лишь базисом собственно культовой роли и деятельности храма. Для выполнения этой основной функции требовались мастера многих специальностей. Они привлекались в храмы добровольно или принудительно.

Оптимальный набор храмовых служащих, которые могли бы обеспечить каждодневные нужды храма, сложился не сразу. Впечатление

¹³⁴ ARE, 94, 96, 98, 101 of 1939/40. 1939/43

¹³⁵ ARE, 623 of 1919. 1920

¹³⁶ SII, II, p. 249–252, no. 63, 64

¹³⁷ ARE, 224 of 1932/33

¹³⁸ SII, III, p. 28–29, no. 18

¹³⁹ ARE, 327 of 1921. 1922

таково, что первоначально, в Паллавский период, этого набора не было, и храму для функционирования не хватало множества продуктов. Именно этому обстоятельству мы обязаны массой надписей о вложениях средств в разнообразные общины, которые снабжали храм продуктами в качестве процентов. Ссудные операции, столь распространенные, судя по надписям, объясняются не глубокой товаризацией экономики, а, напротив, господством натуральных отношений. Деньги сами по себе имели малое значение, если их нельзя было обменять на обязательства регулярно снабжать храм нужными продуктами и услугами. Когда богобоязненные люди дарили деньги (золото) для поддержания лампы, храм оговаривал, что проценты должны уплачиваться «никоим образом не деньгами», а именно растительным маслом¹⁴⁰.

Если у храма образовывались запасы золота, он старался эти деньги отдать кому-нибудь под проценты. Так, в 887 г. 30 *кажанджу* получила от храма *сабха* брахманского поселения Чатурведимангалам около Канчипурама и согласилась предоставлять храму некоторые продукты и услуги¹⁴¹.

Среди этих надписей абсолютное большинство говорит о снабжении храма растительным и коровьим (гхи) маслом для горения лампад. Думается, что это преобладание данных о масле и лампадах объясняется только тем, что поддержание постоянной лампы давало дарителю особую заслугу перед богами. Другие продукты были нужны храму не менее, а, скорее, более, чем масло.

Помимо масла проценты исчислялись в рисе, цветах (известно, какую роль и тот, и другие играют во многих индуистских обрядах), бананах, пизанге, молоке, кислом молоке, листьях бетеля, сахаре, орехах арека, кокосах, кокосовом молоке, куркуме, имбире, овощах, зеленом грэме (род гороха), лайме (род лимона), камфоре, сандаловом дереве, белой ткани и многих других продуктах, названия которых трудно идентифицировать.

В Чольский период этот депозит, предполагавший постоянное поступление процентов на вложенную сумму в виде продуктов (чаще всего масла), назывался «непогашаемым долгом» (*vāṭṭakkāṭṭ*)¹⁴².

Но постепенно развивалась тенденция иметь «все свое». Подобно тому, как сельская община обеспечивала себя необходимыми ей (по воззрениям того времени) ремесленными и служебными кастами

¹⁴⁰ ARE, 268 of 1910.1911 (991 г., Ченгалпатту)

¹⁴¹ SII, VII, no. 421 (IP, no. 222)

¹⁴² ARE, 267 of 1910. 1911 (1004 г., Ченгалпатту)

(и создавала систему *джаджмани*), так и храм создавал свой «микрокосм» в соответствии со своими нуждами и представлениями о «самом необходимом».

Самая ранняя из Чольских надписей, подробно расписывающая весь храмовый «штат», относится к 977 г. Перечислены вознаграждения следующим служащим (сохраняем порядок перечисления, как в оригинале. Возможно, он имеет какой-то смысл, нам недоступный): обрушиватели риса; брахманы, измельчающие сандал; 5 *māi* (категория брахманов); 3 человека, которые рвут цветы; 3 человека, которые их нанизывают, делают гирлянды; 3 человека, делающие уборку в храме и смазывающие его коровьим навозом; 14 музыкантов; 4 человека, играющие на ударном инструменте *kāṇam*; 2 человека, бьющие в гонг; 3 человека, охраняющие святыне изображения; 2 человека, поющие гимны *тируппадигам*; 2 брахмана — члена «храмового комитета» (*kīyil-vāriyam*); писец для горшечников; горшечники (число не указано); брахман, приносящий воду из Кавери¹⁴³; управляющий делами храма (*ūṛekārya*); астролог, следящий за календарем; 3 поливальщика священного цветника; 2 поливальщика другого цветника; «изготовитель деревянного дома»; плотник; кузнец; ремесленник (неизвестной специальности); 2 *tirukīyil-uṇaiyār* («собственника, господина храма», эпиграфист переводит «жреца»).

Указаны площади домов всех этих служащих. Они расположены в *maṇai-viṇṇam* («внутреннее пространство») храма¹⁴⁴.

Раджараджа I на 29 году царствования предпринял попытку превратить построенный им храм Раджараджешвары в своей столице Танджавуре в «супер-храм», своего рода центр уже значительной к тому времени империи Чолов. Это случай познакомиться с «программой максимум» обеспечения храмовых нужд. Было издано несколько указов (все они зафиксированы на стенах этого действительно величественного сооружения), указывающие, сколько разнообразных храмовых должностных лиц и слуг должно быть переведено в этот храм. Богатейшие *брахмадеи* должны были перевести в этот храм 4-х человек для занятия должности храмовых казначеев (*ūṛe-bhaī āraāceyya*), 180 брахманов (*māi*) на другие должности, 6 писцов и 12 их помощников для ведения храмовых дел. Указано, сколько надо платить казначеям,

¹⁴³ В другой надписи фигурирует конкретный человек, получивший землю за то, что ежедневно должен был приносить воду из Кавери для мытья статуи бога (ARE, 20, 22 of 1920)

¹⁴⁴ SII, III, p. 317–322, no. 151-A

мани, писцам и их помощникам. Причем *мани* получают свое жалованье из казны *ура* (*uṇṇōr-p-paī āratte*, т. е. города Танджавура?), а казначеи и писцы — из средств *наду* (*nāṇṇu-paī āratte*)¹⁴⁵.

Другая надпись того же года содержит широкий список лиц, переводимых в храм в Танджавуре из других храмов и аграхар. Они называются *nivanta-k-kàrar*, т. е. «получатели пожалования», как и вассалы царя, получавшие право собирать налог в свою пользу. В то же время их жалованье называется *paēku*, т. е. «долей» в некоей общей собственности, а также *kāi*, т. е. наследственной собственностью. Стандартное *пангу* определяется в 1 *вели* земли, или в 100 *калам*ов дохода. Многие получают такую долю, другие — по полдоли или три четверти, некоторые — полторы или две доли. Этот «долевой подход» к наделению средствами храмовых служащих в очередной раз подчеркивает, что храм воспринимался как община.

Среди служащих, переведенных в этот храм, упоминаются: 400 танцовщиц; 8 учителей танцев и 4 их помощника; 5 певцов; 7 флейтистов; 2 барабанщика на малом барабане; 2 играющих на *вине*; 3 поющих гимны на санскрите, 4 поющих гимны на тамильском; 2 бьющих в большой барабан; 3 играющих на раковине; 5 *pakkavādyar* (?); 3 музыканта; 17 барабанщиков; 5 *tiru-vāy-kāvi* (?); 2 надсмотрщика за храмовыми женщинами и музыкантами; 4 писца и 8 их помощников; 66 барабанщиков (6 групп по 11 человек); 1 «носящий священный зонтик» и его 10 помощников; «зажигаящий лампаду» и его 7 помощников; 4 «брызгающих водой»; 2 *saṇṇāliyaē* (?); гончар из священной кухни и его 10 помощников; 2 прачки (имеются в виду мужчины из соответствующей касты); 2 исполняющих обязанности писца (?); 2 цирюльника; астролог и два его помощника; еще один астролог с помощником; 2 лица неизвестной профессии; еще один цирюльник; 2 портных; ювелир; медник; старший плотник и его два помощника; еще два плотника; 4 портных; надсмотрщик за ювелирами¹⁴⁶.

Жителям *брахмадей*, т. е. брахманам в них, приказано выделить для охраны храма в Танджавуре сторожей (*tiru-mey-kāppār*). Всего в двух надписях перечислено 148 охранников из 131 селения-*брахмадеи*¹⁴⁷.

¹⁴⁵ SII, II, p. 313–328, no. 69

¹⁴⁶ SII, II, p. 261–278, no. 66

¹⁴⁷ SII, II, p. 227–228, 328–338, no. 57, 70. «Охранники» (*mey-kāppār*) упоминаются и в других храмах. Там они вместе с *панмахешварами* наблюдают за правильным исполнением дарения [SII, VII, no. 527 (IP, no. 194)]

Раджараджа I подарил тому же храму 50 музыкантов (*piṭṭarar*). Каждый из них получает по 3 *куруни* падди в день. Если кто-то из них умрет или уйдет, то его место займет его ближайший родственник, а если тот бездарен в музыкальном отношении, то на это место может быть избран другой¹⁴⁸.

Эта серия надписей обычно приводится в исследованиях как наиболее яркая иллюстрация того, что храмы имели обширное хозяйство и громадный штат служащих. Но надо учитывать, что создание храма Раджараджешвары в Танджавуре — это исключительный случай, уникальная попытка Раджараджи I и его сына Раджендры I создать новую основу легитимности своей власти, отождествить себя с Шивой под именем Раджараджешвары. Зная, как коварны надписи, если их понимать буквально, я даже сомневаюсь, что эти приказы о переселении людей неукоснительно соблюдались. Исполнить некоторые приказания гораздо труднее, чем их отдать.

В мелких храмах служащих было гораздо меньше. В одном из храмов в 1000 г. имелось 24 человека, получавших жалованье в деньгах (*akkam*)¹⁴⁹. В другом храме в 1008 г. имелся 21 служащий¹⁵⁰. Одна из чольских надписей сообщает о наделении участками земли и домами 200 лиц, служащих богу¹⁵¹.

Разнообразие должностей в храмах, степень «разделения труда» между служащими, проиллюстрируем еще одним списком, составленным по материалам многих иных надписей (его составим уже в том порядке, который представляется логичным — от более уважаемых к менее): жрецы (*ācārya*); писцы, казначеи (*pala-pai āāēkal*) и писцы казначейств (*kaēakka-pai āaram*); астрологи; садовники (цветочники); «охраняющие главный канал» (*talavāy-c-cāçāîr*); «ответственные за горение лампад» (*pāriēamaiyār*); «имеющие наследственное право мерить падди» (*kār-āāvukku-kāi i*); музыканты¹⁵², певцы, танцовщики

¹⁴⁸ SII, II, p. 254, no. 65

¹⁴⁹ SII, XIV, no. 492 (SIE, XIII, p. 62)

¹⁵⁰ ARE, 22 of 1922

¹⁵¹ ARE, 417 of 1919. 1920

¹⁵² Они составляли несколько групп по роду инструментов или по другим признакам. Эти группы назывались *paṭai* (SII, II, p. 276, no. 66), т. е. словом, которое обычно понимается как «воинский отряд», «войско»; это может означать, с одной стороны, что музыканты подчинялись строгой дисциплине, а с другой стороны, что встречающиеся в других контекстах слово *падей* не обязательно понимать как «отряд», но, может быть, как «бригада», «сообщество». Среди них могут встретиться, например, «имеющие право играть на *вине*» (*vē ai-k-kāi i*).

(иногда точно указывается, какие именно танцы и сколько должен исполнять каждый), барабанщики; ремесленники: горшечники, масленщики, золотых дел мастера, плотники, кузнецы; прачки, пастухи, поставщики дров (*virakiōuvāç*); уборщики («дворники») (*tirumea-k-kuppuāam*); низкокастовые (*ēavar, paāmba, paāiya*)¹⁵³.

Многие из них жили во «внутреннем пространстве» храма (*тиру-мадай-вилагам*). Они уже упоминались в связи с анализом этого термина.

Храмовые служащие вознаграждались, как правило, либо участками земли, либо натуральными выплатами из казны храма. Весьма интересно, что в качестве служебных пожалований могли служить доли земельного налога, который храм получал как верховный собственник, или же права и *каранмей* и *миятчи*, хотя земля продолжала считаться храмовой. Так, некий брахман получил землю с правом и на *мелварам* и на *кижварам* в качестве платы за то, что он читает гимны Ригведы. Говорится, что его предки за эту же работу получали ежедневную оплату в падди¹⁵⁴.

Некоторые категории служащих трудились лишь за пищу и одежду. Трое таких рабочих упомянуты в надписи 887 г. из Кижура (Ю. Аркат)¹⁵⁵. К этой же категории относились, вероятно, певцы тамильских гимнов в селении Кадуванур (Ю. Аркат). 16 слепых и их 2 поводыря получали за то, что пели гимны перед статуей бога трижды в день, 1 *падакку* падди в день для еды и 1 *кашу* деньгами для покупки одежды. Но в 1135 г. царь приказал их уволить (*tavirttu*) и на их место назначить одного, который и будет исполнять те же гимны и получать доход с 12 *вели*¹⁵⁶.

Известны и более изощренные способы оплаты: иногда служащие получали жалованье через посредство других служащих. Из надписи 1010 г. из Тирувамааттура (Ю. Аркат) мы узнаем, что *раē* занимаются тем, что меряют зерно (падди) местных жителей, за что получают часть этого зерна. Местный вельможа обязывает их из этих натуральных комиссионных выделять часть для оплаты барабанщиков, которые

¹⁵³ ARE, 154 of 1895; 375 of 1903 (SII, VIII, no. 689); 260 of 1907 (SII, XIII, no. 195); 47 of 1910; 112 of 1914 (SII, XIII, no. 166); 1916, p. 118 (EI, XXI, p. 230–250, no. 38); 163 of 1923; 343 of 1927; 82, 226 of 1939/40. 1939/43; SII, II, p. 310–312, no. 68; EI, XXV, p. 35–42, no. 6

¹⁵⁴ ARE, 339 of 1916. 1917

¹⁵⁵ IP, no. 165

¹⁵⁶ SII, VIII, no. 749 (Tirumalai 1987, p. 13–14)

будут нести изображение божества трижды в день во время церемонии *шрибали*¹⁵⁷.

Наконец, храму приходилось иногда и просто нанимать людей для производства тех или иных работ. Так, в храме в Тируккажуккундрам (Ченгалпатту) не было своих каменщиков. Настоятели продали усадьбу, чтобы на вырученные 400 *кашу* нанять каменщиков, которые отремонтировали *мандану* (крытое помещение для сбора верующих)¹⁵⁸.

Управляющие (*irikāriyaāṣeyvār*), контролировавшие работу крестьян на землях, которые сам храм сдавал в аренду, не имели твердого жалования. Их труд оплачивался «сдельно» самими крестьянами: по 1 *куруни* пади в день с каждой *тади* земли в период жатвы и 1 *куруни* в день в период молотбы. Указаны также сборы во время уборки других культур. Кроме того, крестьяне должны были этих управляющих кормить¹⁵⁹.

Положение храмовых служащих представляло собой причудливое сочетание (с нашей точки зрения) высокого социального статуса и полной зависимости, доходившей до рабства.

Храмовые служащие обыкновенно работали в храме наследственно, имели *кани*¹⁶⁰ на свою должность и соответствующее вознаграждение. Употреблялись также термины *jaṣma-k-kāi* («наследственное владение по праву рождения»)¹⁶¹ и *jēvita-k-kāi* («наследственное владение для пожизненного содержания»)¹⁶². Жалование конкретному специалисту нередко называлось по этой специальности или характеру службы. Так, земля храмового врача называлась *vaidya-vōitti*¹⁶³, жалование каменщиков — *tacca-k-kōāu*¹⁶⁴, певец в храме имел «наследственное право петь» (*pāṭavya-kāi*)¹⁶⁵.

Таким образом, право на службу в храме рассматривалось как имущество слуги. Он мог его продать полностью или частично и передать по наследству. Так образовывались дробные части наследственного права на жалование. Одна из надписей времени Кулоттунги (неясно — I, II, или III) из Ю. Арката сообщает, что некий *шивабрахман* имел

¹⁵⁷ ARE, 16 of 1922

¹⁵⁸ ARE, 144 of 1932/33

¹⁵⁹ IPS, no. 435

¹⁶⁰ ARE, 158 of 1904 (SII, XVII, no. 178); ARE, 68 of 1918 (SII, XII, no. 131); 22 of 1920; 323 of 1921 (SII, XII, no. 147); SII, III, p. 88, no. 41

¹⁶¹ ARE, 175 of 193 (1214 г.)

¹⁶² ARE, 276, 277 of 1941/42. 1939/43

¹⁶³ IPS, no. 575

¹⁶⁴ ARE, 295 of 1940/41. 1939/43

¹⁶⁵ SII, V, no. 705; XXIII, no. 264 (Heitzman 2001, p. 59)

право на богослужение в течение 35/8 дней в месяц. Если понимать это буквально, получится, что он служил 4,375 дня в месяц. Как он и его дольщики высчитывали эти доли, останется тайной. Интересно другое: он еще более раздробил свою долю. Получив 4 *кажанджу* от местного торговца, он согласился на проценты с этой суммы поддерживать лампаду в храме, а в качестве обеспечения этого обета заложил право на богослужение в течение 2 дней!¹⁶⁶

В другом храме несколько брахманов имели наследственное право (*кани*) на ведение службы, каждый на несколько дней. За некую провинность они были оштрафованы (на разные сроки), в сумме на 20,5 дней¹⁶⁷.

Наследственное право на должность могло оказаться выморочным. По логике вещей, оно в таком случае должно было бы возвращаться храму, который мог бы заполнить вакансию, предоставив это право другому лицу. Однако эта логика не всегда работала. Одна из пандийских надписей сообщает, что некоторые должности в храмах трех селений оказались вакантными за отсутствием претендентов, и право на них перешло к царю, который и подарил эти должности некоторым *шивабрахманам*¹⁶⁸.

В этом аспекте храмовый служащий выглядит как собственник, обладающий твердой опорой в жизни, как человек, имеющий серьезные социальные привилегии. Но, с другой стороны, многие служащие были рабами, дарились храму как имущество, и они, наверное, были значительно ущемлены в правах человека. По всей видимости, это сочетание привилегированного и рабского состояния было разным для танцовщицы-*девадаси* и храмового жреца, но где провести грань среди храмовых служащих между рабами и почтенными священнослужителями, совершенно неясно. В списках храмовых служащих нет таких градаций. В них попеременно (с нашей точки зрения) перечисляются люди физического труда и те, кто выполняет явно священнические или управленческие функции.

Это характерная черта феодального общества: зависимость понимается как привилегия. Включения в храмовый штат добивались. В правление Кулоттунги I в 1114 и 1118 гг. были проведены царские аукционы (*Kulottuēga-cī æ-p-peruvilai*) на замещение должности писца в храме Сурьядевы (Танджавур). Эту должность получили, выдержав

¹⁶⁶ ARE, 259 of 1939/40. 1939/43

¹⁶⁷ ARE, 267 of 1911. См. также 46 of 1914; 115 of 1931/32 (Heitzman 2001, p. 60)

¹⁶⁸ ARE, 646 of 1922, 1923

конкуренцию, один человек единолично в одних деревнях *девадана* и два человека совместно в других деревнях¹⁶⁹.

Все же некоторые категории храмовых служащих именно так и назывались «божьими рабами» (*dāvaraḍḍiyār*) и могли быть принудительно переведены из храма в храм, или даже в другие места. В 1088 г. Кулоттунга I узнал, что несколько женщин-*деварадияров* были привезены к царскому двору из разных храмов. Они были клеймены знаком царского двора (*ilaicciṭai*, санскр. *lāṅcana*). Кулоттунга приказал отправить женщин обратно, знак царского двора свести и клеймить их шиваитским знаком трезубца (*ūṭṭa*)¹⁷⁰. В 1119 г. местный магнат Ачча Пидаран Ганавади Намби, он же Ажагийя Пандья Паллаварайян подарил несколько женщин «из своей семьи» храму в качестве *деварадияр*, после того как заклеил их знаком трезубца¹⁷¹.

В 1098/99 г. три человека — *веллалы* по касте, возможно, братья, судя по именам, — «посветили» в *деварадияры* Богу в храме в Тируваккарей некую Ангади, ее дочь Перангади и ее дальнейшее потомство¹⁷².

Дарились храму, т. е. были несвободны, также звонари и трубачи¹⁷³.

В 1198 и 1208 гг. некий Вайирадаияр, староста селения Аллур (Танджавур) подарил храму в качестве рабов (*maāa-aḍḍimai*) в несколько приемов всего 39 человек. Одновременно был издан указ Кулоттунги III, разрешающий храмовым властям возвращать и наказывать рабов, подаренных Вайирадараияром, а также купленных самим храмом, если они убегут¹⁷⁴.

В 1201 г. некий *веллала* продал себя и двух дочерей в рабы (*aḍḍimai*) храму за 110 *кашу*, чтобы не умереть с голоду¹⁷⁵.

В XIII в. практика торговли людьми продолжается. В 1239/40 г. местный магнат (*надажван*) продал храму 5 мужчин и 5 женщин вместе с их родственниками (!) за 1000 *кашу*¹⁷⁶. Есть еще надпись времени Раджараджи III, в которой говорится о передаче храму более

сотни рабов, купленных до этого у разных лиц Кулоттунгой III, Раджадхираджей II и Раджараджей III¹⁷⁷.

Храмовые танцовщицы (*девадаси*, «рабыни бога», в надписях изучаемого периода они назывались чаще всего *dāvar-aḍḍiyāḍi*) были одновременно и самой угнетенной и самой привилегированной частью храмового штата. Они передавались храму вместе с землей¹⁷⁸ или покупались отдельно от земли¹⁷⁹. Они отнюдь не были бедными¹⁸⁰. Они имели в наследственной собственности значительные участки земли, которые могли продавать¹⁸¹. Многие, прославившиеся своим искусством за пределами своего храма, снискали царское расположение и получали земельные дары непосредственно от правителя¹⁸². Уже приводилась по другому поводу надпись, в которой *махешвары* 18-ти областей даровали семье одной из танцовщиц в ознаменование ее прекрасной службы право, чтобы при ее вступлении в храм звучала музыка на рожке и на барабане.

Одна из 24-х *деварадиялов*, имевших *кани*, т. е. наследственное право служить в храме в Тируваннамалае, сделала несколько дарений, в том числе подарила коров и посуду¹⁸³.

В правление одного из царей по имени Кулоттунга настоятели храма (*танаттары*) в Наллуре (Ю. Аркат) в течение нескольких лет распродавали право исполнять те или иные гимны и право сопровождать пешком изображение божества, когда его вывозили из храма на колеснице, конкретным храмовым рабыням¹⁸⁴. В том же храме одна из *деварадиялов* купила у храма 7 *ма* земли и подарила ее тому же храму¹⁸⁵.

Храмовая община, в свою очередь, состояла из микрообщин. Храмовые служащие одного ранга или специальности (можно подразумевать — и одной касты) иногда получали служебные земельные участки одним клином, образуя некий поселок, и должны были распределять землю между своими членами. В этом случае могла

¹⁶⁹ ARE, 229, 231 of 1927

¹⁷⁰ ARE, 141 of 1922

¹⁷¹ ARE, 230 of 1921. 1922

¹⁷² ARE, 183 of 1904 (SII, XVII, no. 204)

¹⁷³ SII, XIII, no. 85

¹⁷⁴ ARE, 90, 91, 94 of 1926

¹⁷⁵ ARE, 86 of 1911

¹⁷⁶ ARE, 499, 502 of 1904. 1905

¹⁷⁷ ARE, 223 of 1917. 1918; см. также ARE, 1905, p. 54; ARE, 1913, p. 108. Все эти случаи в Танджавуре.

¹⁷⁸ ARE, 217 of 1932/33

¹⁷⁹ ARE, 95 of 1926; 217 of 1932/33

¹⁸⁰ ARE, 29, 262 of 1940/41. 1939/43

¹⁸¹ Wilks 1810, p. 489–490

¹⁸² ARE, 242 of 1941/42. 1939/43

¹⁸³ ARE, 70 of 1945/46

¹⁸⁴ ARE, 143, 144, 149, 160, 161 of 1940/41. 1939/43

¹⁸⁵ ARE, 154 of 1940/41. 1939/43

образовываться поземельная община внутри храмовой организации и храмовой земли.

Интересный казус сообщает надпись 2001 г. из Тируварура. В местном храме было 100 *андаров*¹⁸⁶. Им выделили участки земли в качестве оплаты, всего 31 3/4 с лишним *вели*, но эти земли были расположены отдельными участками в трех деревнях. Трое из *андаров* каким-то образом выделили себе отдельные участки общей площадью примерно в 1 *вели*. Но остальные 97 никак не могли прийти к соглашению о разделе оставшихся земель (30 3/4 *вели* с лишним в двух деревнях) между собой и даже о разделе получаемого с этой земли риса. Каждый год (!) менялись участки, выделенные отдельным семьям и доля риса, приходящаяся на каждого. В результате никто не хотел обрабатывать землю и урожаи стали снижаться, так что риса просто не хватало на всех. Тогда божество (неясно, кто скрывался под этим эвфемизмом) **убедительно попросило андаров** прийти к соглашению. Решение было найдено, но довольно необычное. Андары были разбиты на пары, и долю получила пара. (*Андаров* было нечетное число, поэтому неясно, как был обеспечен землей 97-ой!) Доля приносила 93 *калама* риса ежегодно. Далее идет добавление, возможно, разъясняющее ситуацию. «Оставшийся рис» распределили между собой управляющий (*педдэ*), деревенский писец (*ór-kaí akku*), плотник и цирюльник¹⁸⁷. Можно понять, что земля никак не делилась так, чтобы получилось 97 участков совершенно равных по продуктивности и при этом не было бы остатка. Решили установить доли в рисе, не распределяя землю, а не делящееся без остатка распределить среди других служащих храма. Получилась поземельная община, но, конечно, индийского типа, т. е. когда общинники сами не работают, а лишь получают ренту.

Общественная опека над храмом

Храмы контролировались самыми разными физическими и юридическими лицами: землевладельцами (брахманами и веллалами), членами царской семьи, чиновниками, членами слоновьих отрядов (?), вельможами и купцами из других частей Тамилнаду, местными купцами, торговцами лошадьми из Кералы, гильдиями развозных купцов.

¹⁸⁶ *Āi ōṭṭar* — слуги, помогающие жрецам во время богослужений

¹⁸⁷ SH, XVII, no. 599 (Tirumalai 1987, p. 57–58)

Б. Стайн в соответствии со своей концепцией считает, что храмы, как правило, находились под опекой властей *наду*, т. е., по его пониманию, местных вождей, и последние нанимали человека, *pāyakam*, который и осуществлял эту опеку¹⁸⁸. В очередной раз приходится отмечать, что его мнение не обосновано.

В 974 г. в дела храма в Тирувидаймарудуре (Танджавур) вмешался некий Пирантака-мунендавелан, по настоянию которого *сабха*, *ур*, *нагарам* этого городка и *tevar-kaí mikaē* («божьи наблюдатели», интересно, что собственно храмовые власти идут в этом перечислении на последнем месте) отобрали 10 *ма* земли у *mālaikāraç* («изготовителя гирлянд»), который пользовался ими без документов, и отдали участок двум лицам для выращивания храмового жасминового сада¹⁸⁹.

В 1096 г. *ачарьи* и *пуджари* (священнослужители) того же храма обращаются с просьбой побудить пастухов поставлять в храм масло для священных лампад к тем же организациям: *сабхе* селения, *уру* этого же селения, *нагараттарам*, кроме того, еще к управляющему храмом (*ширкариян*), наблюдателю (*кангани*) и писцу (*каранаттан*)¹⁹⁰.

Храм Шивы в Тирувалишвараме был передан под опеку *mōçaukai mahāsānai* («Великая армия третьей руки»!)¹⁹¹. Возможно, именно в связи с этим селение Тирувалишварам получило статус *эзивиранаттана*¹⁹².

Уже говорилось, что в делах храма в Тирувидаймарудуре активное участие принимали *нагараттары* этого городка. Они вместе с *сабхой* близлежащего села, являвшегося и *брахмадеей* и *деваданой*, и вместе с правительственным чиновником (*atikārikaē*) и храмовыми «наблюдателями» (*деваканми*) решают вопрос о том, сколько *брахмадея* должна платить храму, а также выделяют участок земли храмовому танцору¹⁹³.

В 993 г. продали землю храма в подчиненную собственность (на следующий год покупатель заплатил храму ренты 150 *каламов* с *вели*) *сабхаяры*, *урары*, и *деваканми*¹⁹⁴.

¹⁸⁸ Stein 1980, p. 117

¹⁸⁹ ARE, 216 of 1907 (SH, XIII, no. 270; Hall 1980, p. 24, 77)

¹⁹⁰ SH, III, p. 157, no. 72

¹⁹¹ ARE, 120 of 1905 (Champakalakshmi 1986, p. 42). Мы уже обсуждали вопрос о «третьей руке» в главе 2, где шла речь о кастах «правой» и «левой» руки.

¹⁹² ARE, 335, 348 of 1916 (Champakalakshmi 1986). *Eāi-vēra-ppattana* (букв. «город великих героев») трактуется многими эпиграфистами как «торговый город, имеющий вооруженные силы»

¹⁹³ ARE, 154 of 1895; 214 of 1907 (SH, III, p. 379–382, no. 202, 203)

¹⁹⁴ ARE, 683 of 1909 (SH, XIII, no. 182; Tirumalai 1982, p. 36)

Имущественные споры между храмами разрешались в ходе дискуссий между представителями *наду*, жрецами и местными магнатами¹⁹⁵.

В 1239 г. существенную роль в наведении порядка в храме сыграли *уравары*. Вместе с *махешварами* они изгнали двух *шивабрахманов* из храма и конфисковали их имущество¹⁹⁶.

В XIII в. «общественность» привлекалась к храмовым делам еще интенсивнее. В 1219 г. *махешварам* храма помогали разбирать случаи невыполнения своих обязательств перед храмом деревенское собрание и *наттары*. Случай состоял в том, что некий Манган получил от храма 7 коров и 5 телок для снабжения молоком священной ванны божества. Но он присвоил этих коров. Теперь он обязан вернуть взятое, т. е. 7 коров и 5 телок, которые являются потомками тех, взятых у храма¹⁹⁷.

В 1239 г. *танаттары* и *махешвары* вопрос о наказании двух шивабрахманов, совершивших страшные преступления, решают вместе с *уром*¹⁹⁸.

В 1245 г. в Тирумаяме (Пудуккоттай) в то время, когда в данном районе управлял хойсальский генерал (*данданаяка*) Равви Дева, возник спор по поводу земель между шиваитским и вишнуитским храмами. Равви Дева собрал *наттаров* нескольких *наду*, *нагараттаров* нескольких городов, *уров* нескольких деревень, *араияров*, «которые правят наду» (местные магнаты), *самая-мантри* («общину министров»), двух *мудалияров*, *танаттаров*, *шивайшнавов*, *шримахешваров*, *шрирудрамахешваров* и еще некоего Бхарадваджи Нараянана. И это невиданное (я не встречал столь же представительного собрания в других надписях) собрание решило:

«Чистый доход от земель *девадана* да будет разделен между храмами Шивы и Вишну в соотношении 2:3;

— земли *девадана* и *тиру-видай-яттам*¹⁹⁹ должны быть размежеваны таким образом, чтобы ни один участок, принадлежащий одному храму, не был окружен землями другого храма;

¹⁹⁵ IPS, no. 340–341 (Venkatasubramanian 1950, p. 12–53)

¹⁹⁶ ARE, 279 of 1927. Этот случай изложен более подробно выше, когда речь шла об органах управления храмом.

¹⁹⁷ ARE, 543 of 1921

¹⁹⁸ ARE, 278 of 1927

¹⁹⁹ Интересно, что *девадана* и *тиру-видай-яттам* в данном случае разделены. Это указывает еще раз на то, что четкой классификации категорий землевладения не сложилось, и к этому не стремились.

— между двумя святыми строениями да будет воздвигнута раздельная стена; расходы на нее пусть несут оба храма в пропорции тех налогов, которые они уплачивают;

— водоем с восточной стороны храма Вишну должен отойти к нему с условием, что вода из него будет вычерпана и статуи, сброшенные в него во время столкновений (?! — Л. А.), будут [извлечены] и установлены в соответствующих храмах²⁰⁰;

— колодец по ту сторону входа в храм Шивы объявляется его собственностью;

— усадьбы, примыкающие к храмам, а также земли и сады, которыми два храма владели совместно, должны быть распределены между шиваитами и вишнуитами;

— все земли, которые попали в общую собственность по причине того, что их владельцы не смогли заплатить налоги, должны отойти обоим храмам с правом пользования ими в равных долях;

— отдельное жалованье должно быть положено барабанщикам;

— старые надписи, включая ту, что на незнакомом языке (? — Л. А.), должны быть уничтожены, а надписи, выбитые на стенах не того храма, должны быть скопированы в нужном храме²⁰¹.

После уплаты налогов рента со спорных земель будет делиться между вишнуитским и шиваитским храмами в пропорции 2:3.

Зафиксированы также доли в водоеме и в воде из колодцев²⁰².

Детальность решения впечатляет. В данном случае нам важно подчеркнуть, что «общественные организации» реально участвовали в решении храмовых дел.

Государственная опека над храмом

Примеры вмешательства царских людей в дела храма еще более многочисленны. Власти считали себя вправе вмешиваться в храмовые

²⁰⁰ Видимо, в данном месте происходили весьма бурные события, о которых мы, к сожалению, ничего не узнаем, кроме этого краткого решения общественности, подводившего их итоги.

²⁰¹ IPS, no. 340, 341 (Venkatasubramanian 1950, p. 12–53). Фантастическое свидетельство. Оказывается, что решения, выбитые на камне «навечно», могли быть легко уничтожены и заменены другими. В частности, это означает, что те надписи, которыми мы располагаем, не вызвали негативной реакции последующих поколений.

²⁰² IPS, no. 340, 341 (Venkataraman 1968. p. 3–7; Balaji 2002, p. 60)

имущественные дела не только потому, что вообще в средневековой Индии не было сфер, куда власти не могли бы вмешаться, но и потому, что материальное благополучие храма (Бога!) полагалось необходимым в общественных интересах. Более того, царь понимался как лицо, подобное Богу. И царь, и Бог назывались одним словом — *ко*. *Койил* означал и храм, и дворец. Поэтому внимание царя к делам храма воспринималось как должное и даже как его обязанность.

Впрочем, сведений о царских инспекциях при Паллавах нет. Они начинаются при Чолах. В 932 г. Барадаия Накканар по поручению Парантаки I произвел аудит деятельности храмовых властей в Тиллаистханам и оштрафовал на 12 *кажанджу* тех, кто не смог отчитаться на заседании «городского комитета»²⁰³. Я уже писал о том, что в данном случае это не орган городского самоуправления, а один из органов храмовой администрации наряду с другими комитетами. Почему отчеты заслушивает именно «городской комитет», не ясно.

В 958 г. по приказу царя Уттамы Чола некий Манаккуррей Виранараяннар произвел ревизию дел храма Махадевы в Тируналлуре (Танджавур)²⁰⁴.

В 965 г. при том же Уттаме Чола его вассал Каниччан из Шикала обратился с предложением упорядочить дарения и подношения одному из храмов в Канчипураме. Чола согласился, чтобы вассал такую работу проделал. Надпись представляет собой опись прежних дарений с обязательствами различных лиц и общин по отношению к храму. Интересно, что дальнейшее наблюдение за правильным поступлением средств в казну храма поручается общественным организациям — *нагараттарам* и жителям двух кварталов этого города²⁰⁵.

Царский слуга (*atikāram-ceykiçāa*) в 967 г. оформил дар 959 года, по которому храм получил 10 *вели*. Он подробно расписал, на что надо потратить суммы (в *каламах* падди), которые следуют с этих земель в счет налога (они идут собственно божествам — на обеспечение поклонения им), и как следует распределить сами земли между служащими храма²⁰⁶.

При Раджарадже I чиновники инспекции храмовых хозяйств развернулись заново. В 987 г. местный магнат Араиян Ачараканда Брахмадираян приказал брахманскому собранию (*мула-парудайяр*)

²⁰³ SII, V, no. 588 (Tirumalai 1987, p. 119)

²⁰⁴ ARE, 41 of 1911

²⁰⁵ ARE, 128 of 1967 (SII, III, p. 267, no. 128)

²⁰⁶ EI, XXV, p. 35–42, no. 6

тщательно переписать все дарения *девадана*, чтобы все доходы от этих дарений направлялись на службы и другие нужды в соответствии с желаниями дарителей. *Мула-парудайяры* образовали специальный комитет (*вариям*), придав ему писца, который и упорядочил доходы храма²⁰⁷.

В 989 г. такое же упорядочение дарений в храме Агнишвары в Тирумалапураме (С. Аркат) произвел Мадурантакан Гандарадитьян вместе с комитетом из 5 человек²⁰⁸. В 997 г. он же оштрафовал лиц, ответственных за хранилища храма Агнишвары, за несоблюдение достигнутых решений²⁰⁹. Он же провел инспекцию храма Билванатхешвары в Тирувалламе в том же году²¹⁰.

В 990–991 гг. сам Раджараджа I провел ревизию в нескольких храмах, добиваясь, главным образом, чтобы конкретные люди были назначены для проведения определенных служб и на подсобные работы. Особенно живо звучит требование, чтобы те, кто живет в усадьбах, принадлежащих храму, но не выполняет конкретных работ, являлись в храм ежедневно для поддержания горения лампад²¹¹. Исполняйте, мол, хотя бы это! В другом случае он приказал выделить земли, с которых полагается предоставлять пищу Богу, в самом селении, а не на отшибе, чтобы пищу для Бога было удобно собирать и Он не испытывал бы перебоев в снабжении²¹².

В 991 г. местный вельможа Мадхурантакан Кандарадиттанар пришел как-то в храм в Тиккали-Валламе. Совершил там омовение, но «в то время как он стоял [в храме, он] отметил, что приношения Альвару (изображению Тируттиккали Альвара — Л. А.) сократились до 2 *нажи* риса, что приношения овощей, гхи и кислого молока также уменьшились и что постоянные лампы горят, но тускло. [Он] созвал *шивабрахманов* этого священного храма и членов *сабхи* Тиккали Валлама и попросил: “Установите доходы и расходы этого храма в соответствии с царским указом и царским письмом”. Просьбой дело не ограничилось. Он оштрафовал *шивабрахманов* на 74 *кажанджу* золотом, а также внес сам для покрытия дефицита 7 *кажанджу* 5 *манджади*. Кроме того, он назначил следить за правильным распределением доходов 4-х «членов комитетов» (*vāriyar*)

²⁰⁷ SII, XIII, no. 3 (SIE, XIII, p. 62)

²⁰⁸ ARE, 283 of 1906. 1907 (Tirumalai 1985)

²⁰⁹ ARE, 282 of 1906. 1907

²¹⁰ SII, III, p. 102, no. 49

²¹¹ SII, V, no. 610, 625 (SIE, XIII, p. 62; Tirumalai 1985)

²¹² SII, V, no. 612

из Тиккала-Валлама, 2-х *варияров* из Мандирам (близлежащее селение, одновременно *брахмадея* и *девадана*) и 2-х *кангани*²¹³.

Чиновник Раджараджи I в 1000 г. произвел ревизию наемного храмового персонала. Он узнал, что в данном храме получают жалование («денежное довольствие», *аккам*) 24 человека. Он счел необходимым увеличить это жалование на 10 *кашу*, т. е. в 6 раз. Следовательно, до его распоряжения служащие этой категории получали в деньгах только по 2 *кашу*. Кроме того, тем же решением было санкционированы расходы на обливание Бога 108 кувшинами воды²¹⁴.

В 1001 г. инспекцию храма в Сомуре (Тиручирепалли) произвел чиновник с титулом *улахалавитта*. Он обнаружил неправильности в измерении земли и «нецелевое использование средств». На храмовых служащих, виновных в этих нарушениях, были наложены штрафы в золоте, и из этого золота чиновник приказал изготовить диадему, которую и подарили божеству²¹⁵.

В 1002 г. *деваканми* храма Бхумишвары в Тиндиванаме (Ю. Аркат) сообщили некоему *мувендавелану*, что доходы с деревни Маракканам, подаренной храму, не расписаны по статьям расходов. Тот разработал схему расходов в присутствии *деваканми* и «пашущих арендаторов» (*uā-k-kuṭṭal*)²¹⁶. В другом храме поблизости в том же году также чиновник проводит перепись земель и устанавливает ставки поборов в пади и деньгах с *вели*²¹⁷.

В 1003 г. Арулможи-*мувендавелан*, имевший резиденцию в Перумандае, центре одноименной *наду* (талук Сеньджи), получил жалобы от двух настоятелей храма, которые указывали, что в их храме не установлено распределение средств по службам и ставки оплаты служащих. Он произвел такую роспись²¹⁸. Через 5 лет другой магнат, Сунда Чола-*мувендавелан*, дополнил это уложение²¹⁹.

Разные чиновники понимали интересы храма, которые они преследовали, не одинаково. Так, один из них в 1008 г. приказал перераспределить доходы между служащими храма, а другой через 4 года

²¹³ ARE, 218 of 1921. 1922 (SII, III, p. 102–103, no. 49)

²¹⁴ SII, XIV, no. 492

²¹⁵ ARE, 199, 285 of 1917. 1918

²¹⁶ ARE, 28 of 1909 (по копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре)

²¹⁷ SII, VII, no. 100 (Tirumalai 1985, p. 63)

²¹⁸ SII, XVII, no. 243–244 (Tirumalai 1985, p. 63)

²¹⁹ SII, XVII, no. 234

признал первое решение противоречащим *шастрам* и отменил его. Он произвел новую ревизию храмовых финансов в присутствии *сабхи* местной *аграхары* и «жителей деревни» и нашел, что зерно мерили не той мерой, в результате чего образовался излишек в 213 *калам*. Было решено, как распределить этот излишек²²⁰. Подобный же случай произошел в 1056 г. в Тируверкаду (Ченгалпатту), когда новый чиновник изменил решение о порядке распределения доходов, принятое год назад другим чиновником²²¹.

При Раджендре I ревизии в храмах продолжались. В 1016 г. некий Пуваттабхатта Сомаяджияр из Коттаиюра проверял правильность расходов двух храмов, сидя в помещении одного из них²²².

При Раджадхирадже I (1018–1054) тоже отмечено несколько инспекций храмовых дел чиновниками. В 1044 г. два *адикари*, оба имеющие титул *мувендавелан*, организовали продажу некоторых храмовых земель, которые не обрабатывались, некоему военачальнику (*данданаяка*)²²³.

Вассал Раджендры II Корамандалам-удеян в 1059 г. произвел инспекцию в храме Тирумалай в присутствии налоговых чиновников и храмовых представителей. Выяснилось, что только 2 лампы горели вместо 21-ной, которые должны бы быть, если следовать условиям всех дарений. Для исправления положения он приказал *сабхе* передать храму 23 *кажанджу*²²⁴.

Обратим внимание на то, что в подавляющем большинстве случаев неурядицы в храмовой отчетности, судя по результатам инспекций, связаны со злоупотреблениями или некомпетентностью *сабхи*, т. е. органа самоуправления *аграхары*, организации, формально не составляющей часть храмовой администрации и не выступающей от его имени при различных сделках. Мы уже отмечали это в главе об *аграхарах*. В то же время *сабхи* считались наиболее подходящими контрагентами для общественного контроля над храмами. Неоднократно подчеркивается, что тот или иной царский чиновник производит инспекцию в присутствии или с участием брахманов соседних селений. Очевидно, авторитет брахманов как людей исключительно честных и объективных, оставался непоколебимым.

²²⁰ ARE, 21, 22 of 1922

²²¹ ARE, 386, 387 of 1958/59

²²² ARE, 227 of 1921. 1922

²²³ ARE, 103 of 1912. 1913

²²⁴ SII, IV, p. 293 (Tirumalai 1987, p. 122)

Однажды в правление Кулоттунги I (точная дата неизвестна) храм в Шрирангаме стал испытывать затруднения, поскольку несколько держателей земли не платили ему ренту. Раджендрачола-мунендавелар вынужден был помочь храму выбить недоимки. Он даже посадил под арест одного из задолжников. В результате проблема была решена²²⁵.

В правление Кулоттунги III (1178–1216) власть Чолов укрепляется в последний раз. Соответственно мы имеем несколько свидетельств усиления государственного контроля над храмами.

В свой 14 год он, например, назначил еще одного брахмана на должность наследственного жреца (*ūaivācārya-k-kāī*) в храм в Тирумалавади (Тиручирапалли)²²⁶. Правда, в его 17 год он попытался назначить двух лиц на такую же должность в храм в Тируккадаиюре, однако некий Свамидевар отменил его указ и назначил на эти должности тех, кого он считал нужным²²⁷. Эти две надписи показывают, что вопрос о степени независимости или автономности храмов (как и других общинных коллективов) от центральной власти не может быть решен однозначно.

Сам Кулоттунга III посетил однажды храм в селении Аданпаккам в наду Сурааттур по случаю праздника Ани²²⁸. Глава местной *матхи*, *стханаттары*, *деваканми*, *ширикарьям*, главный писец и держатели храмовых земель обратились к нему с просьбой помочь сдать кому-нибудь те земли храма, которые лежат пустые, потому что некому их обрабатывать. Царь приказал продать деревню нескольким лицам. Смысл распоряжения в том, что землей следует наделять крупных владельцев, а не мелких земледельцев²²⁹.

Власть была готова придти на помощь храмам в трудных и скандальных ситуациях. Однажды выявилось, что управитель храмовых цветников срубил арековые пальмы, продал их и исчез в неизвестном направлении с вырученными деньгами. Царь пытается возместить потери храма²³⁰.

При Пандьях проверки храмов продолжались. Земли храма в Килаттуре (Мадураи) были обследованы в 10 год Вира Пандьи

²²⁵ ARE, 168 of 1951/52

²²⁶ ARE, 19 of 1920

²²⁷ ARE, 40 of 1906. 1907

²²⁸ На 18-ый день месяца *ани* отмечается праздник рек. Им поклоняются и приносят цветы.

²²⁹ ARE, 368 of 1911. 1912

²³⁰ ARE, 189 of 1929 (Hall 1980, p. 20)

и храмовые доходы с них (в рисе) были распределены по статьям расходов — на различные службы²³¹.

Храм в Муннуре (Ю. Аркат) был проинспектирован в 1252 г. местным магнатом, который хотел удостовериться, что он получает причитающиеся ему сборы с храмовых земель в полном объеме²³². Во время инспекции храма в Танджавуре в 1259 г. служащим местного магната было установлено, что один из брахманов не платил храму за три участка, которые он держал от храма. Упущение, очевидно, было исправлено²³³. В 1306 г. служащий местного магната устанавливает размеры жалования служащих (*шири-карьян-сейвар*)²³⁴. Но, как уже говорилось, можно полагать, что государственный или магнатский контроль над храмами в XIII в. ослаб, роль же общин в этом деле возросла.

От перечисления всех этих случаев может возникнуть впечатление, что храмовое хозяйство находилось в запущенном и хаотическом состоянии. Впечатление, конечно, обманчивое, поскольку случаи упорядоченного ведения храмовых дел просто не попадали в надписи. Но все же, наверное, храмовая бухгалтерия была довольно сложным делом, и с ней не всегда справлялись храмовые власти.

* * *

Таким образом, храмы представляли собой сложные ритуально-земледельчески-скотоводчески-ремесленные хозяйства, центры знаний, распространения индуизма, центры социальной жизни, вокруг которых группировались иные властные и общинные структуры.

Некоторые исследователи считают, что в XIII в. храм как институт начинает играть большую роль, чем *аграхара* (*брахмадея*). По их подсчетам, в правление Раджендры I (1012–1045) 36% надписей говорят о брахмадеях, а в правление Раджараджи III (1216–1256) — только 14%²³⁵. Храмы становятся крупнее, привлекают массу разнообразного населения, лиц разных профессий, часто становятся градообразующим элементом. Таковыми становятся, помимо храма Раджараджешвары (или Брихадишвары) в Танджавуре, храмы в Чидамбараме, Дарасураме, Трибхуванами (Пондиччери), Тируванайккавал (или Джамбукешвара)

²³¹ ARE, 624 of 1926 (SII, XIII, no. 86)

²³² SII, XII, no. 158

²³³ ARE, 432 of 1929 (SII, XII, no. 199)

²³⁴ IPS, no. 434, 435

²³⁵ Stein 1980, p. 244

в Шрирангаме, основанные Рамануджей в Тирупати храмы Тирумалай, Венкатешвары и Говиндараджасвами. Вокруг храмов возникли города Тируккажуккундрам и Тирувоттриур (дистрикт Ченгалпатту). Важным культурным и экономическим центром стал храм в Сучиндраме на крайнем Юге вблизи мыса Коморин.

Все это вписывается в наблюдаемый также процесс консолидации землевладельческих слоев, купеческих и ремесленных гильдий, о чем пойдет речь ниже. С точки зрения основной задачи, поставленной в данной монографии, можно сказать, что это означало повышение степени **общинности** социума²³⁶.

²³⁶ ARE, 33 of 1924

Глава 8

Надлокальные общины и корпорации. Гильдии и касты

Развитие товарно-денежных отношений и внутренней и внешней торговли

Торговля издавна играла большую роль в экономике Южной Индии и влияла на социальные отношения и культуру. В период Сангама (первые века н. э.) установились тесные торговые отношения с Римской империей, т. е. в некотором смысле — со всем миром. В городах Тамилнаду *яваны* (греки) составляли заметную часть населения. Купцы занимали почетное место в обществе. Однако о городских или купеческих организациях литература того времени нам не сообщает.

В период Паллавов-Пандьев произошел, вероятно, спад внешнеэкономических связей, что отразилось и на внутренней торговле. Период Чолов явился временем расцвета Тамилнаду в политическом и экономическом отношениях. Вслед за чольскими войсками, вторгавшимися на Ланку, на Суматру, на Декан и в Северную Индию, шли не только религиозные проповедники, но и тамильские торговцы. XIII век показывает дальнейшую динамику в экономике.

На базе этого развития возникают и активизируются различные профессиональные (торговые и ремесленные) общности, общины, корпорации, некоторые из них развиваются в касты. В литературе их принято называть также гильдиями, но материалов об их внутреннем устройстве нет, так что такое название чисто условное и применяется только для удобства¹. Характер материалов не дает также возможности различать добровольные ассоциации (корпорации)

¹ Champakalakshmi 1996, p. 81

и замкнутые аскриптивные общности (касты). На основе надписей не удастся проследить возникновение позднейшей кастовой системы.

Конечно, не следует думать, что товарные отношения пронизали все общество. Забавный случай в этом контексте представляет надпись от 1004 г. из Тируваданая (в Ченгалпатту). Сообщается, что два купца, один из Тирувоттриюра (восточное побережье, недалеко от современного Ченнаи), другой из Кералы, дали жителям селения Падувур **деньги**. Те в качестве процентов на эту сумму стали снабжать брахманов этого селения **рисом**. Брахманы смогли поменять этот рис на гхи, овощи, творог, соль, топливо, бетель и платить рисом повару, горшечнику и другим². В этом случае валютой оказываются не деньги, а рис.

Торговля в те времена не была похожа на современную. Цены оставались стабильными многие годы, если не десятилетия. Смысл торговли был не в игре на движении цен, а, напротив, в знании неких постоянных цен в разных районах и в попытках доставить товар из одного района в другой. В надписях нередко приводятся списки цен на различные товары³. Поскольку надпись выбивалась на камне, авторы ее, видимо, исходили из презумпции постоянства цен. Холл приводит и конкретный пример: цена на гхи в Алангаду (Ченгалпатту) оставалась стабильной (1/3 *калама* падди за 1 *нажи* масла) на протяжении по крайней мере 31 года, с 1094 по 1125 г.⁴

Установление постоянных торговых связей между районами Южной Индии приводило к возникновению купеческих землячеств. Так, в 867 г. дарит деньги землячество торговцев из страны Пандьев (т. е. из Южного Тамилнаду), обосновавшееся в городке недалеко от современного Ченнаи, т. е. в Северном Тамилнаду⁵. В 890 г. в том же районе упомянут квартал, занятый купцами из страны телугу⁶. В том же IX в. несколько раз активными дарителями выступают торговцы лошадьми (*kutirai-ceññi*)⁷. Иногда разъясняется, что эта корпорация происходит из Кералы (Малаймандалы)⁸. Видимо, лошади поступали в порты Западного побережья, откуда они и попадали в Тамилнаду.

² ARE, 273 of 1910. 1911

³ См., например, ARE, 118 of 1888 (SII, IV, no. 228; Hall 1977, p. 210)

⁴ ARE, 506, 518, 515, 512 of 1920 (Hall 1977, p. 210)

⁵ SII, XII, no. 53 (IP, no. 131)

⁶ IP, no. 332

⁷ SII, VIII, no. 442 (Abraham 1988, p. 37)

⁸ ARE, 201 of 1905; 161 of 1907; 182 of 1926; 196 of 1928; 15, 16 of 1935/36; 77 of

В Чольских надписях упоминаются даже персы⁹. С какими товарами они приезжали, неизвестно.

Торговые корпорации

Трудно оценить количество торговых объединений, действовавших на территории Южной Индии, потому что они появляются то как самостоятельные, то как часть других, более крупных. Многие торговые общины встречаются в надписях эпизодически, и мы знаем их только по названиям¹⁰. Но некоторые оставили гораздо больший след в источниках.

Маниграмам как коллектив, связанный с торговлей, появляется сначала в Керале, но уже в VIII–IX вв. распространяет свою активность на всю Южную Индию и даже на территорию современного Таиланда. В надписи из Такуа-Па, которая датирована правлением Нандивармана III Паллавы, говорится, что водоем, сооруженный Нангур-удеянном, помещается под защиту «*маниграмам*, жителей военного лагеря и... (еще кого-то)» (*maçikkirāmattār-k-kum ùācamukattār-k-kum...*)¹¹.

В период Чолов мы имеем несколько свидетельств благотворительной деятельности этой ассоциации¹² и ее членов¹³.

Маниграмам была межгородской ассоциацией, но в то же время отдельные ее члены, обосновавшиеся в том или ином населенном пункте, считали себя местными жителями и образовывали локальную общину, принимавшую коллективные решения о тех или иных дарах. В таком качестве выступают *маниграмам* из Кодумбалура¹⁴, из Ураиюра, из Валикандапурама¹⁵, из Шринивасаналлура. Один из купцов, упоминаемый в Тирувелларае, представляется как член общины *маниграмам*

1936/37; 186 of 1938/39; 322 of 1958/59 (Champakalakshmi 1986, p. 50)

⁹ ARE, 709 of 1962/63. (Champakalakshmi 1986, p. 50) (Надпись времени Кулотунги I из Гангайкондачолапурама).

¹⁰ SII, V, no. 567 (IP, no. 135); SII, VII, no. 523 (IP, no. 145, 146); SII, VII, no. 528 (IP, no. 177)

¹¹ JRAS, 1904, p. 247 (Ibid., 1913, p. 337; Ibid., 1914, p. 397; EI, XVIII, p. 71–72, no. 9; IP, no. 148)

¹² ARE, 598 of 1926/27; 186, 285, 288, 305 of 1964/65; 519 of 1905 (SII, XIII, no. 28); 305 of 1964/65 (Champakalakshmi 1986, p. 51; Abraham 1988, p. 25, 37)

¹³ ARE, 439 of 1917. 1918

¹⁴ ARE, 154 of 1903 (SII, VIII, no. 442; Hall 1980, p. 145)

¹⁵ ARE, 241, 251, 259, 261 of 1943/44; 298, 299, 300, 305, 310 of 1964/65

из Ураиюра¹⁶. В той же надписи совет города Кодумбалур называет себя *mānigrāmam-nakarattī m*.

В XIII в. *маниграмам* перестают упоминаться.

Гильдия *аяволе* возникла в Карнатаке и основные ее надписи находятся на территории этого историко-культурного региона, ныне штата. Поэтому подробнее о ней поговорим, когда обратимся к Карнатаке. Но ее деятельность распространилась также и на Тамилнаду, причем здесь она стала одной из наиболее влиятельных и заметных общин. Ее основали в *аграхаре* Айхоле «500 *свами*», т. е. брахманов, которые, видимо, серьезно занялись торговлей. Конечно, к числу «500» следует отнести так же, как к другим числам в надписях, да и вообще в индийских источниках: не принимать его за чистую монету, а постараться понять, какую «идею» закладывали в него отцы-основатели организации. Распространяясь по Южной Индии и основывая свои опорные пункты, которые иногда восхвалялись как «Южные Айхоле», корпорация, несомненно, росла в числе, но неизменно сохраняла название «500 *свами* из Айхоле».

В Тамилнаду она называлась просто «Пятисот» (*aiāāōōḍḍuvar*). Как и в Карнатаке, в нее входили, помимо выходцев из торговых слоев и каст, брахманы — землевладельцы из *аграхар*¹⁷.

В некоторых контекстах синонимом «пятисот» служит слово *nānādāi* («жители разных стран»). Например, надпись, по палеографическим данным относимая к XI в., повествует о том, что *нанадеш*, или «500 купцов», проживающие в Майиларпили, объявили городок Каттур *eāi-vēra-paḍḍiṣam* («городом героев») и предоставили тем самым жителям города ряд привилегий. Они освобождаются, в частности, от «общинных платежей» и станут получать «вдвое больше того, что они имели прежде».

Нас интересует в данном случае, кем представлены столь щедрые *нанадеш*. Они, оказывается, состоят из общин, «происходящих из 1000 областей из всех четырех стран света, 18-ти городов, 32-х *vāṇarpuram* и 64-х *ghaṭṭikā-sthāna*»¹⁸. Оставим пока в стороне трактовку терминов, поймем основную мысль: люди собрались действительно «из разных стран». И они берут город под свое покровительство.

¹⁶ ARE, 597 of 1904 (SII, XIII, no. 26); 519 of 1905 (SII, XIII, no. 28); 247 of 1943/44 (Hall 1980, p. 150)

¹⁷ Чампакалакшми ссылается на диссертацию М. М. Абрахам, которая была позже опубликована, см. Abraham 1988 (Champakalakshmi 1986, p. 540)

¹⁸ ARE, 256 of 1912. 1913

В ряде надписей «500 *свами*» имеют «логичную» структуру: они состоят из *свадеш*, *парадеш* и *нанадеш*¹⁹, т. е. «местных жителей», «чужеземцев» и «людей разных стран».

Но «из разных стран» приехали люди разнообразных сообществ. Это *ceṇṇi* (купцы), *ceṇṇi-putra* («дети купцов»), *kavar*, *kaī āāi*, *bhadraka*, *gāvūi āe-svamin* («старосты-собственники»), *ciēgam*, *cirupuli*, *valattuk-kai*, *vāriyaṣ* «и другие»²⁰.

Надписи не позволяют отделить «500» от *нанадеш*, и в то же время не дают уверенности, что это одно и то же²¹. В 1050 г. 1500 купцов, представителей всех «общин» (*samaya*) со всех четырех сторон света, включая *nāṇu*, *nakara* и *nānādāi* собрались в Ширавалли в Мугай-наду и решили объявить это селение *nānādēṇṇiya-dāṇamaāi-eāivērapaḍḍiṣa* и закрепить за жителями этого «города героев из разных стран» некоторые привилегии. Привилегии заключаются в том, что с них запрещается требовать налоги под угрозой оружия, путем захвата или путем лишения их пищи. Те, кто нарушит это решение, будет изгнан из общины *vaṇāṇṇiya* (купцов). Остается предположить, что мучить недоимщика могли свои же собратья-купцы: только для них угроза изгнания из общины могла быть значимой.

В выработке решения участвовали также *eāi-vēra*, *muṣai-vēra*, *iāāciēga-vēra*, *koēkavāṇa* и другие общины, в том числе «ткачи правой руки»²². Установить значение этих обозначений трудно. Ясно лишь, что все они о себе высокого мнения (раз они *вира* — «герои», или «муж»).

В 1051 г. *нанадеш* в Калашипаккам (С. Аркат) дарят землю, которую они предварительно купили, храму для проведения ежегодных праздников в двух *мандапах* храма. Эти две мандапы называются *nānādēṇṇiya-ṣālai* и *aiāāōōāuvaṣ-ambalam*²³. Эти названия говорят о том, что мандапы сооружены не без участия *нанадеш* и «500», т. е. гильдии *аяволе*. Это два разных юридических лица, но они каким-то образом тесно связаны.

Надпись из Пиранамалай в Раманатхапураме (поздние Чолы) рассказывает о совместном действии организации, претендующей

¹⁹ IP, nos. 61, 67 (Hall, 80, p. 147)

²⁰ ARE, 256 of 1912. 1913 (Hall, 80, p. 144)

²¹ Впрочем, Н. Карашима и его соавторы уверенно приравнивают эти две организации (Karashima 2008, p. 17)

²² ARE, 342 of 1912. 1913. О кастах «правой» и «левой» руки говорилось в главе о макрообщинах

²³ ARE, 291 of 1938/39

на объединение чуть ли не всего торгового сообщества на большой территории. Эта организация называет себя *tikai-y-àiratt-aiāāôâuvâr* — «500 [человек] с 1000 направлений» и декларирует, что в нее входят:

- 18 *paññam* (понимается обычно как торгово-ремесленный центр) «с улицами с многоэтажными домами, достигающими луны»;
- 32 *vañarpuram* («процветающие города»);
- 64 *kañkai-tavañam* (понимается как место ярмарки или просто как временный базар на месте остановки торгового каравана), «населенные процветающими *четти*».

Далее идет текст от первого лица множественного числа («Мы, *нагараттары...*»), в котором 9 городских общин выступают индивидуально, 12 городских общин не перечисляются, а лишь говорится, что среди них есть Джаянгондачоллапурам-*нагараттом* (все это города в Пандьямандалам, т. е. на самом юге Тамилнада), а затем идет список из 6 городов, оканчивающийся словами «и другие», которые расположены в Конгумандалам²⁴.

В разбираемой надписи основной деятель — «500». Следует ли понимать данную надпись как свидетельство того, что «горожане» стран Пандья и части Конгу ощущали себя членами всеюжноиндийского объединения *аяволе*?

По подсчетам Чампакалакшми всего в надписях встречаются 46 различных групп и корпораций, так или иначе связанных с «500». Среди них значатся не только купеческие, но и ремесленные: *панчала*, *кумбхалика*), а также группы наемников, сопровождавших и охранявших караваны. К. Индрапала считает, что все эти группы не составляют конфедерацию, не входят друг в друга. Не исключено, что в длинных списках гильдий, действующих вместе с *аяволе*, значатся и «мертвые души» — названия неких виртуальных общностей, добавленных для придания решению, зафиксированному в надписи, большей фундаментальности²⁵.

Попытки внести некий логический порядок в наше понимание системы южноиндийских торговых гильдий натываются на многие необъяснимые феномены. Например, Мараварман Сундара Пандья I (1216–1235) обращается к *aiāāuāuppaççiruvar*, т. е. к «Пятьсот двенадцати»²⁶. Что это? Отдельная корпорация (о которой больше ничего не известно), или вариант «500»?

²⁴ ARE, 154 of 1903 (SII, VIII, no. 442; Hall 1980, p. 145). См. также EI, XXVIII, p. 267–272, no. 43-a

²⁵ Indrapala 1970, p. 31–32, 37–38; Champakalakshmi 1996, p. 81, 83

²⁶ ARE, 429 of 1917. 1918

В XIII в. деятельность *тисай-айират-м-аиннуттрувар* в Тамилнаду расширяется, и она явно играет ведущую роль среди других корпораций. Надписи этой корпорации или упоминающие ее встречаются на территориях дистриктов Койямпуттур, Танджавур, Тиручирапалли, Тирунелвели, Раманатхапурам и Пудуккоттай²⁷. Если дарителями выступают несколько гильдий, то «500» упоминаются первыми.

Устанавливается тесная связь между двумя основными организациями общинно-корпоративного типа: *читрамежи периянаттар* (надлокальной структурой земледельчески-землевладельческого населения) и *аиннуттрувар*. Они выступают с совместными дарениями. При этом *читрамежи* обычно упоминается первой, а затем уже *аиннуттрувар*. Соответственно, в качестве символов этой двойственной общности надписи украшают сначала плуг, а затем уже — мешок разносчика²⁸.

Эти две организации являлись центрами притяжения и для остальных. В надписи, датированной XIII в., решают отчислить ряд пошлин на товары в пользу храма *читрамежи*, *наду*, *валанаду*, 11 групп *нагараттаров* и 5 групп *аиннуттрувар*²⁹.

В 1235 г. в Анбиле (Тиручирапалли) *читрамежи* и «пятисотники» выступают вместе с *nāñu-ceññikāē* (местными купцами), *dāvañ-ceññikāē*, *jayapālār* (другими группами купцов), *kañçai* (ремесленниками), 64 *muçai* (военных), *muçai-vēra-k-koāiyār* («знаменосцами армии»), *pār-arumciāppar*³⁰.

Остальные купеческие объединения известны гораздо меньше.

Корпорация с безликим названием *vāi iya nakarattar* («купцы-горожане»)³¹ оставила свои надписи во многих местах Тамилнада. Иногда они называют себя «*Вания нагараттар* из 18 областей» (*patineç-viçayattar*)³² или «из 18 стран (*patiçei-bhōmi*)»³³. Для составителей надписей не было разницы между *бхуми* и *вишай*. Условное число «18 стран» принимается разными объединениями, когда они хотят подчеркнуть свою распространенность. Например, «иностранцы из всех 18 стран»

²⁷ Abraham 1982, p. 4

²⁸ ARE, 285, 286, 296 of 1964/65; SII, VIII, no. 291 (Abraham 1988, p. 82)

²⁹ SII, VIII, no. 442 (Aiyer 1955, no. 4, p. 272; Abraham 1988, p. 66)

³⁰ ARE. 601 of 1902 (SII, VIII, no. 198; Aiyer, 1955, no. 2, p. 74; Stein 1980, p. 228)

³¹ 432 of 1913; 141 of 1974/75; 507 of 1958/59 (Champakalakshmi 1986, p. 50)

³² ARE, 263, 264 of 1943/44; 227 of 1916 (Champakalakshmi 1986, p. 50)

³³ ARE, 264 of 1942/43 (SII, VI, no. 553; EI, XXXI, p. 269–276, no. 37) (1180 г., Анантапур); 268 of 1943/44

устанавливают пошлины в пользу храма вместе с *урарами* (*ōrvarum patiṭeī bhōmi samasta paradecikalum*)³⁴ или вместе с местными *нагарат-тарами*³⁵. Или выражение «из 18 стран» вставляется в описание гильдии *аяволе*, о которой уже говорилось³⁶.

Вания нагараттары, фиксируя дарения храмам, снабжают свои надписи обширными панегириками, прославляя себя не только как торговцев и людей высоких моральных качеств, но и как могущественную организацию, способную защитить себя и других³⁷.

Во всех случаях, когда *вания нагараттары* упоминаются в надписях, речь идет о снабжении ими храма маслом. Поэтому многие эпиграфисты считают, что это была корпорация торговцев растительным маслом³⁸.

Еще одна корпорация под невыразительным названием *валанджияр* (*valaṇṇiār* — «торговцы») действовала в Тамилнаду по крайней мере с X в.

В надписи 1081 г. фигурирует община *валанджияров* из Южной Ланки (*karuī ākaravēṇar teṇṇiāṇkai vaṇṇiāciyar*). Следовательно, она распространяла свои операции на ту часть Цейлона, которая не была тамильской и не подчинялась Чолам. Утверждается, что *валанджияр* вместе с *тишай-айирамт-аиннуттрувар* ответственны за четверть строительных работ в храме в Тирувилаккуди (Танджавур)³⁹. Ясно, что в данном случае *валанджияр* отличны от *аяволе*.

Из других надписей известно, что они жили «по всей стране» и были вождями *vāṇaiṅkārār* и других общин⁴⁰.

Другая корпорация оставила от себя две надписи в двух городках к югу от Пудуккоттая от X и от XIII вв. (разрыв между этими двумя датами крайне загадочен). В них она заявляет, что объединяет торговцев из 18 *paṭṭiṇam*, 32 *vaṇṇapuram* и 64 *kaṭṭikai-t-tāvaṇṇam*⁴¹. Мы видим, что она в точности копирует мифическую структуру корпорации «500».

Эта и другие надписи убеждают в том, что иерархии купеческих или городских организаций установить невозможно. Если в одном

случае одна организация объявляется частью другой, то в другой надписи обе выступают как вполне самостоятельные⁴².

Общность *шанкараппадияр* довольно часто уже встречалась нам в различных контекстах. В литературе шла дискуссия о том, кем могли бы быть члены этой общины. Выяснилось, что они жили чаще всего в крупных городах, по крайней мере некоторые из них были купцами и принимали участие в деятельности городских общин *нагарам*⁴³. В 1044 г. несколько купцов (*vyāpārī*), составляющие *нагарам* городка Тируккажукундрам, продали участок земли. Имена этих купцов снабжены различными титулами, некоторые имеют деноминатив *ūḷiyaṇ* (ткачи или торговцы тканями), а двое — *ūṇkara-p-pāḍiyaṇ*⁴⁴.

В 1072 г. один из настоятелей храма в Тирувалангаду поселил на землях этого храма 25 семей *шанкараппадиев* (*irupattaiācu saēkarappāḍi-k-kuṇi*). Они образуют отдельный поселок под названием Раджендрачолаппади и будут снабжать храм маслом для поддержания 15 постоянных лампад⁴⁵. *Шанкараппади* Северного базара в Уттарамеруре приняли от дарителя 15 *кажанджу* золотом за обязательство снабжать храм маслом для лампады⁴⁶.

В одной из надписей из Чидамбарам *шанкараппади* перечислены среди тех категорий жителей (купцов, *веллалов*, ткачей), которые принадлежат к более высокой страте, чем *kēkālāṇai* — плотники, кузнецы, золотых дел мастера и *коли*(?)⁴⁷.

Название объясняют так: члены смешанной касты (*saēkara*), живущие в поселках (*pāḍi*)⁴⁸. Объяснение не слишком убедительное, но, по крайней мере, ясно, что это одна из многочисленных корпораций, составлявших общественную ткань.

Что собой представляли «купеческие корпорации», это отдельный вопрос. Холл справедливо подметил, что нет данных ни об общем имуществе таких объединений, ни о доле участия их членов в бизнесе,

³⁴ IND, I, p. 412, no. 39

³⁵ ARE, 89 of 1897 (SII, VI, no. 40); 119 of 1935/36

³⁶ ARE, 601 of 1902 (SII, VIII, no. 198); ARE, 193 of 1939/40. 1939/43

³⁷ SII, XII, p. 148 (С Аркат, 1272 г.); ARE, 88 of 1914. 1915; 197 of 1940/41. 1939/43; 337 of 1960/61

³⁸ Hall 1980, p. 55

³⁹ ARE, 505 of 1922. 1923

⁴⁰ ARE, 1913, p. 102; 1915

⁴¹ ARE, 359 of 1904 (SII, XVII, no. 442; Champakalakshmi 1986, p. 58)

⁴² Н. Карашима в недавней работе приводит множество примеров совместных дарений купеческих общин. Эти списки еще раз убеждают, что некоей системы взаимоотношений между ними установить невозможно (Karashima 2009b, p. 144–146)

⁴³ ARE, 285 of 1959/60

⁴⁴ SII, V, no. 465

⁴⁵ SII, III, p. 135–136, no. 65

⁴⁶ SII, VI, no. 363. Н. Карашима и его коллеги безоговорочно считают *шанкараппади* торговцами маслом (Karashima 2008, p. 16–17)

⁴⁷ SII, IV, no. 223

⁴⁸ EI, XXII, p. 146–147, no. 24 (SII, XVII, no. 310)

ни о дележе прибылей⁴⁹. Общие интересы возникали у их членов в сфере культа, в проблеме отстаивания своего социального статуса, а не в экономической сфере. Поэтому, строго говоря, их не следует называть корпорациями или гильдиями. Это именно общины. Но внутреннюю жизнь этих коллективов мы практически не видим. Нельзя установить, какие из терминов — корпорации, гильдии, общины, касты — более пригодны для их характеристики.

Не нужно представлять их себе как мирных торговцев, заинтересованных лишь в торговых операциях. Торговать без вооруженного сопровождения в то время было невозможно. Добраться из Вирунчипурама в Канчипурам буквально «с божьей помощью» пытался торговец перцем по имени Данапалам. Он обещал подарить местному божеству 8 мешков перца, если благополучно закончит свою поездку⁵⁰.

Корпорации в сотрудничестве с местными властями (*наттарами*, *урарами* и *нагараттарами*) организовывали *эри-вира-наттаны*, укрепленные городки в районах, не подчинявшихся никакой власти, где особенно бесчинствовали разбойники⁵¹. Гильдии имели собственные вооруженные силы (возможно, речь идет о купеческом ополчении), которые охраняли караваны во время переходов, а также составляли гарнизоны укрепленных городков⁵².

В чольский период социальный статус некоторых общин торговцев поддерживался на достойном уровне. Они получают привилегии, обычно присущие верхам общества: право ходить под зонтиком, а также по ковру, передвигаться в паланкине или на слоне, жить в многоэтажном доме, иметь украшенную арку при входе, жечь лампу в дневное время, использовать во время семейных праздников барабан и «пять музыкальных инструментов»⁵³.

Панегирики, которые содержатся в надписях, составленных от имени корпораций, какими преувеличениями они бы ни страдали, все же явственно показывают чувство уверенности в своих силах и гордость своим положением. Они «известны по всему миру». Они ведут свое происхождение от Васудевы, Кхандали и Мулабхадры, являются последователями Вишну, Махешвары и Джины (т. е. вишнуитами, шиваитами и джайнами!)

⁴⁹ Hall 1980, p. 147

⁵⁰ ARE, 193 of 1939/40 (Hall 1980, p. 151)

⁵¹ Hall 1980, p. 188

⁵² ARE, 213 of 1976/77 (Hall 1980, p. 52)

⁵³ Hall 1980, p. 147–148

У них есть своя собственная *дхарма* (*vèra-baí āḍu-dharma*), которая изложена в 500 *vèra-ḷasana* («указах героев») ⁵⁴.

Отстаивая интересы бизнеса и своих членов, гильдии не останавливались перед самыми крайними мерами. Некая гильдия в 1304/5 г. устанавливает правила ведения торговли. Здесь же сообщается, что один из ее членов был казнен по ложному обвинению в предательстве. Гильдия признается в своей ошибке и дарует семье казненного и его потомкам право торговать беспопытно⁵⁵. Та же корпорация в 1322 г. издает документ, прославляя в нем другого своего члена за то, что он убил двух нечестных сборщиков пошлин⁵⁶. Таким образом, южноиндийские торговцы не показывали пример всепрощения и следования принципу *ахимсы*.

Нобору Карашима собрал 314 надписей IX–XV веков, в которых упоминаются торговые гильдии, и проанализировал их территориальное и хронологическое распределение. Оказалось, что наибольшее количество надписей торговых организаций найдено в Карнатаке (132), несколько меньше, но все же много, — в Тамилнаду (118), гораздо меньше — в Андрхе. На территории Кералы отмечены лишь единичные надписи, относящиеся к ранним векам (IX–XI). Хронологически надписи группируются в основном в X–XIII вв. Раньше и позже этого времени их число незначительно⁵⁷.

Ремесленные общины и касты

Объединения ремесленников появляются в надписях реже, чем корпорации торговцев, что неудивительно, поскольку у ремесленников было меньше возможностей что-нибудь подарить храму. Однако они все же появляются, и это свидетельствует о том, что определенные возможности «заявить о себе» у них все же были.

Некоторые ремесленники обладали довольно высоким социальным статусом. Надпись из Бахура (около Пондичерри) от 877 г. была составлена золотых дел мастером (*suvarī akṛt*) Нрипатунгой из семьи Удитодита, указаны его отец и дед, о которых сказано, что они происходят из Канчипурама⁵⁸. И имя мастера, совпадающее с именем

⁵⁴ Sastri 2002, p. 300–301

⁵⁵ ARE, A 10 of 1919 (Stephen 1989/99, p. 20)

⁵⁶ ARE, A 11 of 1919 (Stephen 1989/99, p. 20)

⁵⁷ Karashima 2009b, p. 137

⁵⁸ SII, II, p. 516–517, no. 98

правившего тогда царя, и указание на фамильное имя, и перечисление его непосредственных предков, и упоминание того, что семья происходит из столицы, — все это должно было подчеркнуть, что данный мастер занимает высокое социальное положение.

Чольский период отмечен несколькими попытками ряда ремесленных объединений добиться повышения статуса методами, напоминающими *санскритизацию*, известную по процессам в кастовой системе в новейшее время⁵⁹. В 1118 г. почему-то ученые брахманы (*бхатта*) из Раджашрая-чвм (в Тиручирапалли) стали обсуждать статус ремесленников, включавших золотых дел мастеров, плотников, каменщиков, резчиков по камню, которые называли себя *ратхакарами*. *Ратхакары* — древний термин, буквально означающий «изготовители колесниц». В санскритских текстах они упоминаются весьма уважительно. Наши *ратхакары* XII в. в Тамилнаду занимались, как свидетельствует та же надпись, сооружением повозок и колесниц (упоминание о колесницах нужно только для привязки к древним *ратхакарам*; колесницы уже давно не употреблялись в военных действиях, а в Южной Индии — никогда), строительством храмовых башен-*гопурам* со скульптурами на них, строительством *мандап*, изготовлением приспособлений для брахманских ритуалов, изготовлением украшений для царей.

Главная аргументация ученых брахманов, как увидим, основана не на реалиях, а на древних манускриптах. Но для них не кажется излишним подчеркнуть сиюминутную, весьма материальную, сторону рассматриваемого вопроса: *ратхакары* делают вещи «для брахманов» и «для царей».

Итак, *бхатты*, изучив дхармашастры Яджнявалкьи, Гаутама, сочинения Каутильи и Бодхгаяны, установили, что *ратхакары* — высокого и «правильного» происхождения. Отец *ратхакаров* происходил из *махишья*, а мать — из *карани*. А *махишья* — это потомки отца кшатрия и матери вайшийки, а *карани* — это потомки отца вайшьи и матери шудрянки. Таким образом, во всех случаях смешения варн и каст отец был выше по касте, чем мать, во всех случаях браки были *анулома* (законными, допустимыми). Из этого ученые брахманы

⁵⁹ Термин *санскритизация* предложил М. Н. Шринивас для обозначения методов повышения статуса касты внутри кастовой системы путем фабрикации легенды о происхождении от брахманов или кшатриев и имитации их образа жизни. См. Srinivas 1964, p. 42–62. Изложение этой теории см. Куценков 1983, с. 227–233, Алаев 1985, с. 232

делают вывод, что *ратхакары* имеют право носить священный шнур и принимать участие в важных ритуалах⁶⁰. В конце XII в. власти другого храма тоже даруют некоторые привилегии членам *анулома ратхакара*, которые включают кузнецов, золотых дел мастеров, плотников и каменщиков⁶¹.

Эти надписи на самом деле надо понимать так, что к славе древних колесничих решили присоединиться *каммаланы* (или *канмалары*), как в Тамилнаду называли объединение пяти ремесленных каст: кузнецов, плотников, золотых дел мастеров, медников и каменщиков. До XIX в. эти касты считались «родственными», их члены могли принимать пищу в присутствии друг друга и даже менять специальность⁶². Они часто выступали совместно.

В 1264 г. в Алангуди (Танджавур) «*ратхакары* 4-х групп, выполняющие 6 видов работ, происходящие из Арья-наду», решили, что нужно обложить особым налогом (*инавари*) всех жителей нескольких *наду*, чтобы на эти средства они, *ратхакары*, соорудили пристройку к храму. Смешное упоминание о северном происхождении (из «страны ариев»), как и санскритское наименование объединения, должны подкрепить их претензии на высокий социальный статус. Почему они делятся на «четыре группы» и что имеется в виду под «шестью видами работ», не совсем ясно, но в общем можно предположить, что имеются в виду обычные ремесленные специальности, перечисленные выше. В данном случае надпись подписана несколькими людьми, представляющими, по-видимому, это объединение: *periyanaṭṭu-ācāri* («плотником великой *наду*»), *rathakāra-cakravartti* («императором *ратхакаров*»), *paṭṭeṭi bhōmirathakāra-cakravartti* («императором *ратхакаров* из 18-ти стран»), *kīyil-kāi iyūṭaiya-peruntaccāṣ* («главным плотником, имеющим наследственное право в храме»), *periyanaṭṭu-peruntaccāṣ* («главным плотником великой *наду*») и *taṭṭāṣ* («кузнецом», в ряду предшествующих пышных титулов хочется написать «просто кузнецом»)⁶³.

В XIII в. *ратхакары*, подобно другим корпорациям, устанавливают связи с коллегами на обширных территориях. В районе Сеньджи (Ю. Аркат) совершают дарение «*ратхакары* 18-ти стран» (*падинен-бхуми*)⁶⁴. Есть еще две надписи примерно одного времени из одного

⁶⁰ ARE, 479 of 1908. 1909

⁶¹ ARE, 198 of 1925 (Champakalakshmi 1986, p. 64)

⁶² Алаев 1964, с. 38

⁶³ SII, VI, no. 439 (Aiyer 1955, no. 2, p. 75–79)

⁶⁴ ARE, 522 of 1937/38

и того же храма, в одной из которых земли храма берут «под свою защиту» «каммаланы 18-ти стран», а в другой — «ратхакары 18-ти стран»⁶⁵.

В других случаях *каммаланы* выступают под своим местным именем. Они составляют сообщество в пределах города⁶⁶ или в пределах пяти *наду*⁶⁷. В последнем случае выясняется, что ремесленники имеют собственную запашку, поскольку они обязуются выплачивать храму небольшой сбор с каждого из двух урожаев. Выясняется также, что объединение *каммаланов* не очень сплоченное. Они предоставляют право разрешать споры, возникающие внутри общины, настоятелям храма и местным магнатам.

Отмечено еще несколько случаев, когда ремесленники добиваются повышения статуса методами *санскритизации*.

Например, в 1127 г. группа ткачей касты *кайкколов* получает землю от храма в Трибхувани (ок. Пондичери), чтобы на доходы с нее снабжать храм тканями. Но смысл надписи не в этом. Это лишь предлог, чтобы сообщить читателям, что эти ткачи — потомки брака брахмана с вайшьейкой, и что в *агамах* и *смиритах* говорится, что они имеют исключительное право ткать и снабжать тканями богов и царей⁶⁸.

В 1128 г. в районе Наннилама (Танджавур) в одной из *брахмадей* по инициативе *нагараттаров* пяти близлежащих городов поселяются 20 семей ткачей, которых называют *айогава*. Здесь тоже довольно тривиальная картина: храм обеспечивают ткачами. Но в надпись включена целая поэма, прославляющая *utkōṭṭa-āyogava*, они же *paṭṭaṣavar*, которые снабжают тканями богов, царей и простых людей⁶⁹.

Добиться признания ремесленники могли, только консолидируясь в общины, в индийских условиях превращавшихся в касты.

Уже в XII в. крепкой организацией отличались *тели* (или *телики*), община или каста то ли маслобойщиков, то ли торговцев растительным маслом. Она была распространена на территории Андхры и Тамилнаду.

⁶⁵ ARE, 124, 125 of 1937/38

⁶⁶ ARE, 98 of 1907. 1908

⁶⁷ ARE, 201 of 1932/33 (Champakalakshmi 1986, p. 65; Stephen 1999, p. 26)

⁶⁸ ARE, 208 of 1919

⁶⁹ ARE, 508 of 1922 (по копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре). *Айогава* упоминается в «Манавадхармашастре» как одна из «смешанных каст», потомки брака шудры и вайшьейки, т. е. брака «незаконного», *прапилома*. (Ману, X. 12). Тем не менее, в данном случае ткачи не стыдятся называть себя *айогава*.

В 1171 г. *тели* Канчипурама и его пригородов, вместе с *тели* еще 24 городов встретились в храме в Канчи-манагарам (т. е. Канчи в данном случае фигурирует не как просто город, а как «главный» самоуправляющийся город) и приняли решение, что маслобойщики Тирукаччура должны обеспечить приношения богам и поддержание лампад в храме в этом селении. Наряду с обычным налогом на маслопрессы они должны отмерять храму некоторое количество масла и уплачивать еще 1 *кашу* с каждого маслопресса. И это является для членов корпорации *jātidharma*, «кастовым долгом»⁷⁰. Здесь мы уже видим возникновение касты с кастовой солидарностью и кастовым самоуправлением. Отметим, что более ранних свидетельств об активности касты маслобойщиков мы не имеем.

Ткачи консолидировались в основном в две группы: *салия* (мн.ч. *салияр*, *салия-нагараттар*, *cāliya-nakarattār*)⁷¹ и *кайкколар*. Эти две общины конкурировали за социальный статус.

Салияры, как и другие общины, становятся нам известны, если они совершают дарение или обязываются чем-либо снабжать храм⁷². Они нередко жили в тех же селениях или при тех же храмах, что и *кайкколы*, и несли одинаковые повинности⁷³. Иногда для них сооружался отдельный квартал, и они обязывались снабжать богиню четырьмя новыми сари и пятью более короткими тканями ежегодно⁷⁴.

Но в 1190 г. *салия-нагараттары* Тирупалаттура и его пригородов выступают совсем в ином качестве — как община землевладельцев. Они объявляют, что их земли ранее были распределены среди семей, но сейчас, в 12 год правления Кулоттунги III, они производят передел сухоходольных земель (*пунджей*) и земли внутри селений (*наттам*)⁷⁵. Интересно, что до сих пор ткачи-*салия*, населяющие этот городок, ссылаются на ту надпись XII в. в подтверждение своих прав на земельные участки⁷⁶.

В. Рамасвами считает, что в период Чолов *салияры* имели большую известность, *кайкколы* же стали их оттеснять лишь в XIII в.⁷⁷ У меня такого впечатления не сложилось. *Кайкколы* и при Чолах упоминаются

⁷⁰ ARE, 261 of 1909. 1910

⁷¹ SII, VII, no. 901 (Champakalakshmi 1986, p. 50)

⁷² ARE, 136 of 1912. 1913 (1065 г., Ченгалпатту)

⁷³ ARE, 300 of 1909. 1910; 609 of 1919. 1920

⁷⁴ ARE, 269, 308 of 1913. 1914 (SII, XII, no. 154)

⁷⁵ ARE, 441 of 1912. 1913

⁷⁶ Appadorai 1936, p. 131

⁷⁷ Ramaswamy 1985

довольно часто, причем в разнообразных контекстах. Но возрастание их роли в дарениях, храмовых ритуалах и в землевладении в XII–XIII вв.⁷⁸ и сокращение упоминаний о *салиярах* заметно

Община *кайкколов* имела внутреннюю структуру, смысл которой неясен. Они часто говорят о себе как о членах неких «отрядов». Это дает основания считать их в то время не столько ткацкой кастой, каковой они стали впоследствии, сколько военным образованием. Среди упомянутых в разных надписях в разное время «отрядов» *Tānatoēka-terinca-kaikkī ēar*⁷⁹, *Madhurāntaka-teriāja-kaikkī ēar*⁸⁰, *Rajaraja-t-teriāja-kaikkī ēar*⁸¹, *Samarakāsari-teriāca-kaikkī ēar*, *Vikramañēga-teriāca-kaikkī ēar*, *Vēracōa-teriāca-kaikkī ēar*⁸², *Pārthivaiāgara-t-teriāca-kaikkī ēar*⁸³. Удовлетворительного объяснения смысла этих подразделений пока не предложено.

«Великая армия кайкколов» (*kaikkī la-p-perumpatayar*) в 1014 г. совершает дарение «в честь» своих «защитников» (т. е. сюзеренов — ?) — купеческой гильдии *тикай*-1500⁸⁴. Эта надпись заставляет думать, что *кайкколы*, когда они выступают как военная сила, — это военизированная часть купеческих общин.

Они часто выступают как довольно крупные землевладельцы. Сведения об их поселениях на землях храмов или в самоуправляющихся городах встречаются многократно⁸⁵. Их репутация была довольно высока. Так, указ Уттама Чолы от 986 г., подробно расписывая обязанности городского самоуправления Канчипурама и жителей отдельных кварталов, в частности, указывает, что деньги в размере 200 *кажанджу* с целью выплаты процентов по ним предоставляются двум семьям ткачей (*paññasaliṭ*). Именно из этих семей царь назначает *ūrēkārya*, т. е. управителя храма. Ткачи из четырех кварталов должны ежемесячно проверять отчеты о расходах и доходах храма⁸⁶. Они

⁷⁸ ARE, 613 of 1920; 248 of 1916; 117, 223, 224, 225 of 1973/74 (Champakalakshmi 1986, p. 63)

⁷⁹ ARE, 208 of 1917 (913 г., Тиручирепалли)

⁸⁰ ARE, 240 of 1923/24 (980 г., Танджавур)

⁸¹ ARE, 627 of 1909. 1910 (997 г.)

⁸² ARE, 228, 278, 279 of 1911. 1912 (Кумбаконам)

⁸³ ARE, 491 of 1918. 1919

⁸⁴ SII, XIX, no. 4

⁸⁵ ARE, 310, 312, 454 of 1916; 58 of 1926; 201 of 1932/33; 35 of 1933/34; 70 of 1934/35; 289 of 1939/40; 141 of 1941/42; 507 of 1958/59; SII, XXVI, no. 341 (Stephen 1999, p. 27); ARE, 215 of 1976/77 (Champakalakshmi 1996, p. 87)

⁸⁶ SII, III, p. 275, no. 128

на равных принимают участие в коллективных дарениях нескольких гильдий⁸⁷. Индивидуальные члены этого объединения тоже нередко выступают как самостоятельные дарители⁸⁸, но чаще они действуют коллективно, при этом могут подарить, например, деревню, которую только что купили⁸⁹.

Некоторые их владения получали привилегированный статус, хотя и временно. Селение Кулоттунгачоланаллур в 1099 г. было предоставлено одной группе *кайкколов* как *vērabhoga* («владение героев»)⁹⁰, а в 1121 г. оно же было передано на тех же условиях другой группе *кайкколов*⁹¹. В чем смысл этого дарения, не сообщается, ясно лишь, что это вознаграждение за какую-то службу.

Кайкколы играют заметную роль во внутренних храмовых делах. Они селятся на храмовой земле, в том числе и в *тиру-мадай-вилагам*⁹², но там они имеют собственные земли, видимо, на правах подчиненной собственности, поскольку могут жертвовать ее в *тиру-намматтук-кани*⁹³.

Такие ткачи считались находящимися под защитой храма. И за эту защиту платили ему $\frac{1}{4}$ *панамы* в первый год поселения, затем — полный *tari-kaṭamai* («налог на станок»)⁹⁴. В данном случае размер полного налога не указан. Но иногда об этом говорится: 6 *панамов* в год с ткацкого станка⁹⁵.

Они принимали деятельное участие в имущественных делах храма⁹⁶. На их средства могли проводиться некоторые храмовые праздники⁹⁷.

⁸⁷ ARE, 598 of 1926. 1927

⁸⁸ ARE, 460 of 1919. 1920; 34 of 1920; 114 of 1934/35 (SII, XII, no. 145). Надо специально упомянуть один случай, когда два кайккола, происходившие из разных местностей, совместно приобрели 3 участка земли и подарили их храму с обязательством уплачивать с них налоги. Эти ткачи действуют как индивиды, добровольно объединяющиеся для некоего совместного действия (ARE, 232 of 1924)

⁸⁹ ARE, 394 of 1909. 1910; 248 of 1916

⁹⁰ ARE, 72 of 1926

⁹¹ ARE, 69 of 1926

⁹² ARE, 499 of 1926

⁹³ ARE, 172 of 1932/33

⁹⁴ ARE, 228 of 1902; 269 of 1913; 194 of 1923; 499 of 1926; 141 of 1941/42 (Stephen 1999, p. 27–28)

⁹⁵ ARE, 300 of 1909. 1910

⁹⁶ ARE, 467 of 1916. 1917

⁹⁷ ARE, 281 of 1921. 1922

В главе о храмовой общине говорилось о двойственности положения слуг и служащих храма. С одной стороны, это были уважаемые и, наверное, обеспеченные по тем понятиям люди, с другой стороны, под большим вопросом находилась их личная свобода, а многие прямо считались рабами.

Ткачи при храме находились, скорее всего, именно в таком двойственном положении. Например, в 12 год Маравармана Сундары *кайк-колы* получили от настоятелей храма в Пулиппаракойиле ряд привилегий, в том числе «сыновьям их дочерей и сыновей да будет разрешена полная свобода действий в храме и в деревне. В праздник *тируволаккам* они будут получать [в знак уважения] листья бетеля»⁹⁸. Речь идет, по-видимому, об обыкновенной личной свободе, свободе уходить из селения и с храмовых земель. По точному смыслу надписи, сами кайкколы и их дети такой свободы были лишены, получили ее только внуки.

В районе Кудалура на берегу моря несколько деревень специализировались на производстве соли. Их жители обязуются отдавать храму некоторое количество соли с каждой проданной ими партии⁹⁹. Они, следовательно, тоже представляли собой общину или корпорацию, имевшую общую собственность и могущую принимать совместные решения.

В 1122 г. способность к коллективным действиям проявили *палли*, которые по более поздним материалам известны как одна из низких каст тамиллов. В надписи рассказывается, что несколько семей *палли* имели *кани* в различных деревнях современного дистрикта Тиручирапалли. Неясно, являлись ли они землевладельцами на правах подчиненной собственности, или же их *кани*, т. е. «наследственные права», простирались на занятие каким-либо родом деятельности в деревне по системе *джаджмани*. Они приняли решение опекать храм Куттрамפורуттарулия Наянара. Рассказывается об их подвигах: когда храм был разграблен и статуи богов и *наянаров* (шиваитских святых-бхактов) были увезены Хойсалами в Дварасамудру, эти *палли* отбили статуи и снова водрузили в храм. Итак, они решили снабжать храм ежегодно 100 *каламами* риса и 5000 *кашу* деньгами. С этой целью они устроили сбор средств среди семей *палли* в различных деревнях по ставке 1 *куруни* риса и 50 *кашу* с семьи¹⁰⁰. Это решение

⁹⁸ ARE, 296 of 1910. 1911

⁹⁹ ARE, 404, 405 of 1921. 1922

¹⁰⁰ К вопросу о точности количеств в надписях: чтобы собрать заявленное количество риса, нужно, как минимум, 1200 семейств; чтобы собрать деньги — только 100 семей.

было принято на собрании всех *палли* «из *наду* и *нагарамов* всех *мандаламов*», живущих на территории между горами Паччей на западе, водоемом Виранараяна-перери на востоке, рекой Пенней на севере, и рекой Кавери на юге. Эту территорию можно обозначить на современной карте: это возвышенная сухая местность примерно в 100 км с юга на север и 80 км с запада на восток к востоку от Тиручирапалли в дистрикте Южный Аркат. Удивительное начинается далее: эти влиятельные в касте люди собирали средства на религиозные цели с жестокостью, которую сами авторы надписи сравнивают с поведением злых сборщиков налогов (*veēkāl meūttum*) : «отбирая посуду, разбивая кувшины, избивая и требуя недоимок»¹⁰¹.

Около 1315 г. те же *палли* вспоминают о своем даре 1122 года и решают его обновить. На сей раз они решают собирать по 1 *панаму* с каждого лука. Выясняется, что это корпорация лучников, которые, видимо, предлагают свои услуги нуждающимся в них правителям¹⁰².

Из надписи 1139 г. мы узнаем, что некий Алаппирандан Элисаймоган, он же Кулоттунгачола Кадавараан, *палли* по касте, имеет право *кани* в *брахмадее* Урумур, она же Чолапандьа-чэм в Ю. Аркате, и он же получает ряд сборов, в том числе *pātikaval*, с храмовых земель. Впрочем, эти сборы он дарит храму¹⁰³. *Падикавал* — это «сбор за защиту», способ оплаты охранника, часто в этом сборе выражается вассальная зависимость от «защитника». В данном казусе некий *палли* выглядит как высокопоставленное лицо, тем более, что он имеет несколько имен, в том числе связывающих его с правящим царем Кулоттунгой II.

Упомяну эти мелкие факты для иллюстрации положения, что социальная жизнь того времени была пронизана общинностью и корпоративностью¹⁰⁴.

Скотоводческие общины

Наиболее часто встречающейся общиной скотоводов были *maçāṭṭi* (*мандрадигал*). Они имели и свой скот, но чаще упоминаются как община, берущая скот у храма на выпас и под условием уплаты

¹⁰¹ ARE, 35 of 1913

¹⁰² Karashima 2008, p. 205–206

¹⁰³ ARE, 232 of 1916

¹⁰⁴ Об объединениях, известных только по названиям, см., в частности: ARE, 393 of 1921. 1922; 389 of 1922. 1923; 68, 69 of 1947/48; SII, II, p. 96, no. 11

процентов в виде молока, масла или приплода. Впрочем, в 864 г. «скотоводы Амур-коттама» (*Āmōr-kī ūa-maṣāṇkaē*) сами дарят храму 90 овец¹⁰⁵. Недатированная надпись периода Паллаво, примерно IX в., сообщает о сделке иного рода: овцы, подаренные храму, были переданы группе пастухов, но они умерли, и тогда овец передали другой группе пастухов, очевидно, чтобы они за это снабжали храм маслом¹⁰⁶.

Одна из надписей из Мелпади проливает некоторый свет на корпоративный дух этой организации. Надо напомнить, что Мелпади был в то время городом, имел статус *нагарама* и управлялся *нагараттарами*. В этом городе жила и община *мандради*. В надписи от 9 года Раджендры Чола 10 членов этой корпорации, перечисленных поименно, выступают поручителями за одного из них, Эрана Саттана, который получил от храма 90 овец под условием поставки в храм коровьего масла. Десять его сотоварищей обязуются заставить Эрана Шатана поставлять это масло, «а если он умрет, сбежит или попадет в тюрьму, в оковы, в цепи, мы, все перечисленные лица, обязаны поставлять масло»¹⁰⁷.

Одна из общин *мандради* устанавливает самообложение в размере 1 *панамы* в год с каждых 10 коров, с каждых 5 буйволов, и с каждого стада из 50 овец, при этом молодняк не учитывался¹⁰⁸.

Другая корпорация скотоводов, называвшая себя *нандапутра* или *вандаваранади*, жившая в Тирувайпада-наду в С. Аркате, в 1314 г. соглашается выделять храму с каждого стада в 80 овец, 80 коров и 80 буйволов по одной телке, ягненку и буйволёнку¹⁰⁹.

Воинские общины

Надо еще упомянуть некие объединения, имевшие воинские функции. И в Чольский период, и в XIII в. иногда упоминаются *падай-патру* (*paḍai-paṇṇu*), характер которых остается невыясненным. Во всяком случае, в работах моих индийских и западных коллег я не встречал сколько-нибудь серьезного рассмотрения того, что они из себя представляли. При Пандьях встречаются сведения, которые можно интерпретировать как данные об общинном характере таких поселений. Некий коллектив *perumpāḍayar*, состоявший из 8 «отрядов» (*paḍai*),

¹⁰⁵ SH, XII, no. 54 (IP, no. 136)

¹⁰⁶ IP, no. 350

¹⁰⁷ SH, III, p. 28–29, no. 18

¹⁰⁸ ARE, 307 of 1909. 1910. См. также Santhalingam 1999, p. 96

¹⁰⁹ ARE, 92 of 1939/40. 1939/43

жил в специальном селении. Представители «отрядов» образовывали *сабху*. В селении есть *senapati* («военачальник», возможно, соответствующий старосте в обычной общине), *paḍai-k-kāi akku* («воинский писарь», тоже лицо, аналог которому можно найти в любой общине)¹¹⁰. Можно предполагать, что некие отряды жили в основном за счет доходов с земли своего селения, «подрабатывая» также оказанием «воинских услуг» тем или иным местным магнатам или даже общинам мирных земледельцев.

Я думаю, материалы доказывают, что вся социальная ткань Тамилнада была сплетена из многочисленных общин и корпораций, действовавших поодиночке и вместе¹¹¹, обладавших значительной самостоятельностью в отношениях с любыми уровнями власти. Хотя и не следует противопоставлять их властям, видеть в них противовес власти.

¹¹⁰ ARE, 1932/33, p. 69 (Raman 1972, p. 47)

¹¹¹ См. ARE, 10 of 1924; 598 of 1926/27

Глава 9

Вассальные князья, местные вожди, вассалы и магнаты

Средневековые индийские государства не были централизованным монархиями. Каждое крупное государство опиралось на свой «домен», родовую территорию, ядро, осуществляя лишь некоторую степень контроля за «завоеванными» или «присоединенными» землями. «Вертикаль власти» существовала только в этом ядре, на остальной территории правили местные вожди.

Вассальные князья

На всем протяжении изучаемого периода они пользовались значительной самостоятельностью. Некоторых из них можно назвать князьями, так как они обладали царскими титулами и образовывали династии. Другие появляются в надписях эпизодически. Последних я называю в данной работе магнатами. Но, конечно, провести грань между мелким князем и крупным землевладельцем в то время было бы невозможно.

В период Сангама упоминаются около 120 вождей (*вел*), находившихся в сложных отношениях с каждым из трех царей, подчиняющихся им или враждующих с ними. Реальный суверенитет зависел от соотношения сил. Современный исследователь делает вывод: «Цари правили территориями, размеры которых не были им точно известны»¹.

О реальных размерах государств нельзя узнать из надписей. Скажем, Нандиварману II (731–796), по словам составителей одной из его надписей, подчинялись правители Кералы, Чолов, Пандьев, Малавов, Калабхров, Банов, Андхров, Саиндхавов (Синда?), Гангов, Кадамбов².

Что касается Кералы и Малвы (Малавы), то сюзеренитет Паллаво над этими территориями — явная выдумка. Князей династий Чолов в этот период не отмечено, хотя на традиционных территориях Чолов Паллавы, и правда, господствовали. Часть Андхры также издавна подчинялась Паллавам. Там мы находим и их надписи, и надписи местных князей, признававших власть царской династии. Калабхров давно уже не было в Тамилнаду, и их упоминание — дань традиции, согласно которой Калабхры некогда там господствовали. Ганги и Кадамбы, правившие в южной части Карнатаки, действительно, временами признавали сюзеренитет Паллаво. Пандьи на крайнем юге Тамилнада VIII–IX вв. действительно правили. Некоторые из них датировали свои надписи годами правления паллавских государей, т. е. признавали их суверенитет, другие считали себя независимыми и не упоминали Паллаво.

Вассальные правители упоминаются постоянно. Они издавали надписи от своего имени, включая в них восхваления верховному царю, или же обходясь просто упоминанием его имени и года правления, но не забывая прославить и себя, и свою семью. Так, в 852 г. в районе Тиручирапалли некий Иланговелан Саттан представлен как «закаленный воин» (*toī maāvaṣ*), «раджа веллалов» (*vāṭṭā-raiyar*) и «покровитель деревни» (*uā-uāiyāṣ*, имеется в виду *брахмадея* Дантимангай)³.

Вассалы совершали дарения либо от имени царя, который будто бы действует «по просьбе» вассала, либо самостоятельно.

Они предоставляли займы общинам с условием выплаты процентов храмам.

В 869 г. Викрамадитья Мавали Ванарая управлял в районе Читтура территорией, носившей название Вадугавали-*мерку*, т. е. «Западное Вадугавали». Характер его прав передан выражением *pōthivi-rājyaā-ceya*, т. е. «правление землей»⁴.

Один из местных правителей в районе Пондичерри в 877 г. составил *брахмадею* из трех селений, входивших в «его *раштра*» (*sva-rāṣṭre*)⁵. В данном случае *раштра* означает, конечно, не административную единицу, а «владение».

В Тамилнаду не употреблялись обозначения территориальных делений с указанием числовых индексов, столь модных в Карнатаке.

¹ Subrahmanian 1966b, p. 33

² ARE, A 9 of 1939/40, p. 229

³ SH, XII, no. 48 (IP, no. 119)

⁴ EI, XI, no. 22–4 (IA, XL, p. 104–114; IP, no. 144)

⁵ SH, II, p. 513–517 (EI, XVIII, p. 5–15, no. 2; IP, no. 155)

Но однажды в районе С. Арката в надписи IX в., датированной годом правления князя из боковой ветви Паллавов, упоминается некто Нандиперуманар, управлявший двумя территориями — Венаду-300 и Эйлинаду-500⁶. В конце IX в. упоминается еще Вадугаважи-12000 в С. Аркате⁷.

Особенно учащаются сведения о самостоятельных дарениях вассалов в IX- начале X вв., когда паллавские цари слабеют. Б. Стайн заметил, что до времени правления Нандивармана II (731—796) наибольшее внимание в царских дарениях (помимо самого царя) уделяется *аджнапти* — исполнителю его воли. Позже в таких же надписях *аджнапти* вообще не упоминается, а внимание переключается на *виджнапти* — лицо, которое «просит» о дарении. Это обычно сильный местный вождь, реальный даритель. Его прославление становится важной частью надписи. Царь лишь «соглашается» с его дарением⁸.

По-видимому, рост сепаратизма вассалов стал главной причиной падения государства Паллавов.

Государство Чолов не было исключением. Его ядро располагалось в дельте Кавери и чуть севернее. Там были их столицы — сначала Танджавур, затем — Гангайкондачоллапурам. Но номинально (ритуально, как выражается Б. Стайн) государство охватывало (во всяком случае, в период с X по XII вв.) не только собственно Чоламандалам, но также Пандьямандалам, Тондаймандалам (Джаянгондачоламандалам, как она стала называться при Чолах) и Конгунаду, временами далеко выходя и за эти пределы. Управление на этих землях могло быть только косвенным, через посредство местных властей.

Да и ядро Чольских владений тоже не представляло собой единой картины в административном отношении. Возвышение Чолов началось после того, как Виджалая отнял Танджавур у местной династии Муттараяров, но последние стали вассалами Чолов и правили небольшой округой в самом центре Чоламандалы до времени Кулоттунги I.

Сохранялось еще некоторое количество старинных родов. На границе с Андхрой правили Баны. Эта династия упоминается с IV по XVI вв. Они оказывались вассалами Паллавов, Пандьев, Чолов, а позднее — Виджаянагара и государства *наяков* из Мадурай.

⁶ IP, no. 311

⁷ SII, III, p. 90, no. 42

⁸ Stein 1980, p. 296

Династия Ноламбов дала название стране, которой она правила с VIII по XI вв. — Ноламбавади. Она охватывала современные дистрикты Анантапур в Андхра-Прадеше и Читрадурга и Тумкур в Карнатаке. Ноламбы считали себя ветвью Паллавов, носили соответствующие титулы и тоже меняли свою лояльность в зависимости от силы окружающих империй — Западных Гангов, Раштракутов и Чолов.

Другой ветвью Паллавов считались Кадавы, правившие частью современного Ю. Арката. Они были верными вассалами Кулоттунги I.

Несколько ветвей имел род Вайдумбов. Одна из них правила в Ренаду (части дистриктов С. Аркат, Читтур, Неллур, Каддапа), другая — около Тируваллама (С. Аркат), третья — в Калакадапуре (Каддапа). Впервые Вайдумбы появляются как вассалы Западных Чалукьев из Кальяни в IX в. В 1001 г. один из Вайдумбов признал себя вассалом Чолов. В XII в. появляется еще одна ветвь Вайдумбов — в Тондаймандалам.

На границе собственно Чольских и Пандийских владений, между реками Вайгей и Палар, правили Ирукку-*вели*, или Кодумбалур-*велиры*. Мы помним, что Кодумбалур являлся крупным торговым городом. Он упоминается как центр, куда сходятся четыре дороги, еще в «Шилаппадигарам»⁹. В период Чолов именно в нем обосновалась межнациональная корпорация *маниграмм*. Кодумбалур-*велиры* вели свой род от Кришны и сохраняли легенду, что они пришли сюда с севера в составе 18 семей *велиров* вместе с мудрецом Агастьей. Во время борьбы Чолов с Пандьями они помогали первым, благодаря чему сохранили свои владения (Конаду) в течение нескольких веков.

В дистрикте Тиручираппалли в районе радиусом около 4 км., где были расположены 3 деревни, правила семья Палуветтараяров. Есть основания приписывать им происхождение от Черов. Они породнились также и с Чолами. После правления Раджараджи I их следы теряются¹⁰.

На крайнем Юге никогда не исчезали полностью мелкие княжества во главе с династиями Пандьев. В XIII в. они снова вышли на авансцену тамильской политики.

Когда Пандьи стали доминирующей династией в Тамилнаду, отмечено процветание ряда вассальных князей. Сохранились

⁹ Шилаппадикарм 1966, с. 84

¹⁰ Обзор составлен в основном по книге Balambal 1978

Ирукку-велы в Кодумбалуре. Появились Пажуветтараяры в Палувере (Тиручирапалли), Миладураяры в Миладу (Ю. Аркат)¹¹, Шамбувараяры в С. Аркате¹². Надпись из Тирупаттура перечисляет 12 вассалов в разных концах владений Маравармана Сундары I Пандьи (правил с 1215 г.). Из контекста надписи ясно, что это были могущественные правители¹³.

Можно было бы перечислить еще ряд династий, но и так ясно, что местные правители, иногда претендовавшие на значительную знатность, играли важную роль в чольской и пандийской политике.

Й. Суббараялу заметил, что местные династии заметны в Чольском государстве до 1000 г. Затем, в период между правлениями Раджараджи I и Кулоттунги II, они исчезают из источников, но позже появляются снова¹⁴. Тэлбот пытается из этого наблюдения сконструировать закономерность: индийские государства развивались циклично — от феодального строя с вассалами-зависимыми государями к бюрократической системе и снова к системе вассалитета¹⁵. Как мне представляется, эта флуктуация есть результат нашего восприятия источников. В период усиления царской власти местные правители «как бы» пропадают. Но всем понятно, как тогдашним жителям, так и современным исследователям, что эти династии никуда не исчезают, а просто перестают упоминаться, чтобы в другие времена, когда центральная власть ослабевает, снова появиться на авансцене.

Магнаты

С другой стороны, представляется оправданной мысль Карашимы и Суббараялу, что в поздний чольский период появилась новая страта крупных землевладельцев, выдвинувшихся на государственной службе или скупивших землю и затем получивших придворные и другие почетные титулы. Правда, к таким мнениям надо относиться с осторожностью, поскольку почти все исследователи, кроме Б. Стайна, склонны переоценивать роль центральной власти и чиновничьего аппарата.

Кроме князей, в надписях постоянно встречаются некие крупные землевладельцы (магнаты), украшенные разного рода титулами,

¹¹ Govindasamy 1979, p. 31

¹² ARE, 181 of 1939/40, 1939/43

¹³ ARE, 176, 186 of 1935/36. (Raman 1972, p. 28–29)

¹⁴ Subbarayalu 1982, p. 270

¹⁵ Talbot 2001, p. 172–173

указывающими на их властные полномочия. Такими титулами являлись *араян*, *арасу* (и др. от санскр. *раджа*), *вел*, *велир* («вождь»), *удеиан* (в одном из значения этого слова), *ажван* и др. Это был заметный социальный слой, игравший немаловажную роль во всех сферах социальной жизни.

Если классифицировать их права на землю, то обнаружится уже знакомая нам картина: они собирали налоги с некоторой территории, т. е. осуществляли на нее верховное право собственности, и вместе с тем имели участки земли в подчиненной собственности. Уже упоминались надписи от 20 и 29 гг. Кулоттунги (неясно, I или III), из которых выясняется, что некий Чуттамалан, он же Джаянгондачола Ваннадудеиан имеет право *кани* на всю Ваннаду — верховную собственность на все земли округа, состоявшего как минимум из 20 деревень, а также подчиненную собственность на отдельные участки во всех деревнях и на одну-две деревни целиком¹⁶.

В правление Раджараджи II (1146–1173) мы имеем случай скупки земель знатным лицом в районе Лалгуди. Некий *мувендавелан* Кутрудеиан Периян купил в качестве *кани* четыре больших участка земли (16, 46, 8 и 54 с лишним *вели*). Каждому из этих участков он дал новое имя и получил разрешение царя владеть всеми ими как своей деревней¹⁷.

Совершая дарения или наводя порядок в храме, магнаты часто ссылаются на то, что действуют «по указанию» царя. Но такие ссылки не могут служить доказательством, что они при этом выполняют чужую, а не свою волю. Многие исследователи согласны, что подобные ссылки часто носят ритуальный характер и призваны лишь добавить легитимности действиям, совершаемым местными магнатами.

К понятию «ритуальный суверенитет», введенному Б. Стайном, следует относиться весьма серьезно. Всякого рода символические связи в то время могли быть гораздо прочнее материальных. Тамилы никогда не забывали, что Пандьи, Черы и Чолы — это законные, извечные, природные цари, а все остальные — всего лишь временные правители.

Гораздо более важным аргументом в пользу того, что местные владыки подчинялись центральной власти, служат, как это ни странно звучит, не их вербальные заявления в надписях, а их имена. Местные магнаты включали в свое имя имена или титулы правящих царей. Тем самым

¹⁶ ARE, 283, 274 of 1943/44 (Karashima 1984, p. 28)

¹⁷ ARE, 128 of 1929 (Karashima 1984, p. 28)

они давали понять, что признают верховенство царя и согласны быть его слугами. Так, из 307 *мувендавеланов*, упомянутых во всех Чольских надписях, у 288 этому титулу предшествует имя того или иного (чаще всего — правящего) царя, а из 94 *брахмараянов* поступают так же 83¹⁸. Примеров таких имен было много в предыдущих главах.

Термин *мувендавелан* служит предметом споров уже долгое время. Те, кто не представляет себе общественную жизнь без государственных решений, считают его титулом, которым наделялись высокопоставленные чиновники. Б. Стайн видит в обладателях этого звания местных вождей, независимых по происхождению от властей предрежащих. Странное звучание титула «слуга трех царей» (явно имеются в виду и Чолы, и Черы и Пандьи) заставляет сомневаться в том, что им наделялись слуги одного из этих царей. Пока не будет показано, что некто получил такой титул от такого-то Чолы, я позволю себе принимать точку зрения Б. Стайна. Пока что нет сведений о том, что те или иные титулы **присваивались** царем.

Мало данных также о наделении служилых людей землей в качестве жалования. Выше говорилось, что земля *дживитам*, скорее всего, служила формой оплаты за службу. Но случаи применения этого термина в Чольский период единичны. Это заставляет думать, что служебное землевладение не было распространено.

Есть одна уникальная надпись от 1171 г. в одном из селений округа Танджавур. В ней объявляется об освобождении от налогов земли вельможи по случаю его смерти — в награду за верную службу. Говорится, что он сыграл большую роль во время смены власти после смерти Раджараджи II, выполнив волю умершего и возведя на трон Эдирили Перумала из боковой ветви Чолов. Его имение, охватывавшее 40 *вели*, и теперь освобожденное от налогов, распределяется среди родственников следующим образом. Трем вдовам — по 3 *вели*. Двум дочерям второй жены — по 2 *вели*. Сыновьям третьей жены — 3 *вели*. Трем дочерям третьей жены — по 2 *вели*. Четвертой жене — 3 *вели*. Дочери сына четвертой жены и ее дочери — 2 *вели*. Жене Раджараджадвара (?) и ее сыновьям — 8 *вели*. Матери — 1 *вели*. Одной из сестер — 2 *вели*. Далее следуют подписи свидетелей и чиновников¹⁹.

Данная надпись показывает, что довольно видный политический деятель мог обладать крупным имением на условиях подчиненной

собственности. Такие имения могли быть и у других вельмож. Но их было немного, поскольку надписей такого типа, с указанием на порядок наследования имений, больше не встречается.

Свое преобладание в некоей местности магнаты устанавливали сами, например, добиваясь права «защищать» местное население. В 1088 г. Раджараджадеван Понпараппинан Ванаковараян подарил храму то просо, которое он получал как сбор *pàikāval* с каждого *вели* под обработкой храмовых земледельцев²⁰. В 1089 г. Шенгени Аммайппан Каннудайпперумал, он же Викрама Чола Шамбувараян, передал храму в Тирувалламе несколько налогов, которые он до этого с него получал, а также две должности: *кани* деревенского писца и *кани* храмового писца²¹. Эти должности, видимо, до этого также были его собственностью. Эти и другие надписи показывают, что местные вожди претендовали на сюзеренитет над храмами и добивались его совершенно безотносительно к государственным решениям.

Со стремлением ассоциировать себя как с местной элитой, так и с правящим кланом связан, видимо, обычай носить двойные имена. Примерно в половине случаев, когда мы встречаем вождя, крупного магната или чиновника, он имеет два имени, каждое из которых тоже состоит не из одного слова. Эти две части соединены причастием *ākiya*, или *āsa* («ставший», «являющийся [также]»). Приведем два примера таких имен: Пуран Адиттадеванар, он же Раджараджендра-*мувендавелар*; Видиян Тирумалирунчолай, он же Илаянкудей-удеияр Кулавайадивакара-*мувендавелан*²².

Вообще средневековые тамилы придавали именам и названиям огромное значение, в том числе политическое. Раджараджа I переименовал основные провинции своего государства (знакомые уже нам *мандаламы*), назвав каждую одним из своих имен или эпитетов. Часто переименовывались *наду* в зависимости от политической конъюнктуры. При дарении деревень в аграхару они обязательно получали иное имя в честь дарителя. Как и в личных именах, наблюдается употребление двух названий одновременно: старого, исконного, — и нового, пышного, связанного с дарением²³. Переименование населенного пункта с включением в его название имени царя или вельможи означало **присвоение** этого пункта на ритуально-мистическом уровне.

²⁰ ARE, 152 of 1940/41. 1939/43

²¹ SHI, III, p. 121–122, no. 61

²² SHI, III, p. 115, no. 57

²³ Все это прекрасно изложено в статье: Цыганков 1973

¹⁸ Karashima 1984, p. 60

¹⁹ EI, XXI, p. 184–193, no. 31

Точно так же принятие человеком второго имени, в котором слышались имя или эпитет царя, означало символическое подчинение, создание связи сюзерен — вассал.

Индийские и некоторые западные ученые видят в распространении «процарских» имен расширение и развитие административного аппарата, втягивание местных магнатов в централизованную управленческую структуру. Разветвление аппарата и втягивание в него местной знати происходили, и об этом мы поговорим в следующей главе. Это выражалось в появлении терминов, обозначающих **должности**. Связь же мистическая — через идентификацию имен, имела, как мне кажется, иное значение, а именно, установление вассальных отношений. Другими словами, я вижу происходящие одновременно и процесс феодализации и процесс бюрократизации господствующего класса. В борьбе этих двух тенденций победила бюрократизация. Но это произошло не скоро, за пределами не только периода, рассматриваемого в этой книге, но и за пределами периода Виджаянагара. Об этом поговорим позже, в Заключение.

Дополнительный аргумент в пользу скорее феодализации властных отношений, чем их бюрократизации, служит то, что знать оставалась в значительной мере **местной**, т. е. тесно связанной с местностью, конкретно, с деревней, из которой магнат происходит или в которой он имеет землю. Это тоже отражается в именах. Какой бы пост ни занимал чиновник, куда бы ни забросила его чиновничья судьба, он сохраняет в своем имени указание на место своего происхождения. Обычно это название деревни, предшествующее титулу *удеян*.

Например, в 1072 в Ченгалпатту (т. е. в Тондаймандаламе) дарит храму 240 золотых монет *сенапати* («военачальник»), который своим именем показывает, что он происходит из Чоламандалы и дает «адрес» конкретной деревни, в которой он «старейшина» (*киар*). Его зовут Раджараджан Парандрипаракшасанар, он же [из] Чоламандалама, Уйякондар валанаду, Тираймур *наду*, *кижар* [деревни] Надар, Вира-Чола Иланговелар²⁴.

Мы уже говорили о многозначности термина *удеян*. В таких сочетаниях его переводят или как «владелец [такой-то] деревни», или как «один из владельцев в деревне», или просто как «происходящий из такой-то деревни».

²⁴ SHI, III, p. 133–134, no. 64

Н. Карашима подсчитал частоту упоминаний деноминатива *удеян* в связке с названием деревни. У него получилось, что на территории, приблизительно совпадающей с Чоламандаламом, количество таких упоминаний на протяжении Чольского периода растет. Например, на территории современного дистрикта Танджавур с 11,4% от всех надписей первого периода до 22,9% в четвертый период. В дистриктах же, примерно совпадающих с Тондаймандаламом, частота упоминаний в целом сокращается²⁵. Это может свидетельствовать о том, что в центральных районах государства в связи с бюрократизацией скапливалось значительное количество «провинциалов», которые не собирались отказываться от своего происхождения и, напротив, подчеркивали его.

Надо сказать, что место происхождения до сих пор играет важную роль в формировании личных имен в Тамилнаду и Карнатаке. Географическое наименование (деревни или города) обычно служит первой частью имени. В Андрхе этого нет.

Дж. Хайтцман тщательно изучил титулатуру и конкретные акции, которые предпринимали разнообразные магнаты. Он пришел к выводу, что на протяжении Чольского периода заметно возрастание связи этой прослойки с царской властью. В именах подчеркивание местного лидерства сменяется упором на связь с дворцом. В XI–XII вв. местные магнаты начинают уделять меньшее внимание своему происхождению, чем связям со столицей, хотя связь с местным уровнем сохраняется. А в XII–XIII вв. указания на местные позиции магната «погребаются» под титулами «государственного» значения. Даже если удастся установить несколько поколений одной семьи, оказывается, что почетные титулы сына не совпадают с титулами его отца, и действуют они в разных районах.²⁶

Совершенно неясен вопрос о том, как соотносились или взаимодействовали магнаты и коллективные общинные органы, прежде всего *наду*. Они не могли не взаимодействовать, поскольку представляли собой два центра власти на одной территории со сходными функциями. Много примеров свидетельствуют, что они могли совершать совместные действия, но это ни о чем не говорит, поскольку в такие совместные действия могли быть вовлечены самые разные юридические лица, независимые друг от друга.

²⁵ Karashima 1987, p. 57

²⁶ Heitzman 2001, p. 202–203

В главе о *наду* уже говорилось, что имеющиеся данные не позволяют отождествить местных магнатов и *наттаров*. Остается только констатировать определенное двоевластие в сельской местности, оставляя попытки разъяснить, как же оно работало. После рассмотрения сведений о государственном аппарате (см. следующую главу) придется говорить о троевластии.

Как говорилось, к концу XII в., когда имперская власть Чолов стала слабеть, появляется гораздо больше сведений об активности магнатов, чем раньше²⁷. В период Пандьев эта активность еще усиливается. Они выступают дарителями, гарантами других дарений, контролируют деятельность храмов, разрешают споры, наказывают преступников. Нельзя сказать, что они оттесняют общины (*ур*, *наттар*, *нагараттар*) от выполнения этих функций, поскольку последние, как мы уже видели, тоже усиливаются и даже получают новое развитие в виде объединений на больших территориях. Видимо, и магнаты, и общины усиливаются в этот период за счет центральной власти.

Надажваны

Выше нередко упоминались люди, носившие титул *надажван*. Буквально это «глава *наду*», и, естественно, появляется желание трактовать его буквально, т. е. что во главе макрообщины стоял некий «окружной староста». Однако *надажван* нигде не действует как глава или вождь *наттаров*. Он не «возглавляет» их, не действует «по их поручению», не представляет *наду* перед другими властями. Даже те исследователи, которые склонны понимать термины буквально, не утверждают, что в его лице мы имеем главу конкретной *наду*. Мне кажется, что титул *надажван* употреблялся в техническом значении местного магната. Убедительных аргументов для такой трактовки нет, но в работе с надписями нужны гипотезы, которые потом подтверждаются или же не подтверждаются материалом. Мне представляется, что такую трактовку допускают те казусы, в которых встречаются *надажваны*.

В 1219 и 1240 гг. в Танджавуре упоминается *надажван*, охраняющий порядок на некоторой территории. Он продает храму своих рабов: пять мужчин и пять женщин «с их родственниками»²⁸.

²⁷ Хайтцман тоже признает, что после падения Чолов значение коллективных органов типа *наду* усиливается (Heitzman 2001, p. 172).

²⁸ ARE, 499, 502 of 1904. 1905

Джайянгондан Шиваллаван Калавали-*надажван* имел собственную деревню в Раманатхапураме²⁹. В 1201 г. он продает земли³⁰. Он же собирает пошлыны с ряда рынков³¹. В 1203 и 1209 г. по его инициативе производится новый обмер земель, в результате чего налогообложение уменьшается³². Он же дарит храму землю, которая до этого была *дживитам* другого лица. Можно понять это так, что он имел вассалов, которых наделял временными держаниями за службу, и этими наделами он мог распоряжаться в случае смерти или измены вассала³³. Его сын получает в *каранмей* земли *девадана* и обязуется платить с них налоги в пользу храма³⁴. Сестра того же *надажвана* дарит храму землю³⁵.

Примерно в это же время тоже в Раманатхапураме процветал еще один магнат — Кандан Алудаян Калвайил-*надажван*. В 1208 г. он продает настоятелю *матхи* в «низший *каранмей*» (*kàràī-kēṇmai*) половину деревни, которая находилась в его *kāi i-p-paāṇu*, т. е. в наследственной собственности³⁶. В 1213 г. он продает такие же земли на тех же условиях в другой деревне³⁷. В 1215 г. он приказывает сократить платежи в пользу храма с земель, подаренных двумя частными лицами и собранием Кананаду³⁸. В том же году он сам дарит землю храму, освобождая ее от налогов³⁹. В 1221 г. он определяет, сколько должен платить купец, купивший землю на правах подчиненной собственности⁴⁰. В 1222 г. он передает храму налоги, которые до этого сам получал с храмовой земли, чтобы на эти средства горели две постоянные лампы⁴¹, в том же году продает землю, с которой налоги идут храму (т. е., видимо, право низовой собственности)⁴², регистрирует покупку земли другими лицами⁴³. Через несколько месяцев он отменяет некоторые

²⁹ ARE, 316 of 1923

³⁰ ARE, 313, 339 of 1923

³¹ ARE, 314 of 1923

³² ARE, 1939/40, p. 245; 323, 329 of 1959/60

³³ ARE, 338 of 1923. 1924

³⁴ ARE, 312 of 1923. 1924

³⁵ ARE, 315 of 1923, 1924

³⁶ ARE, 168 of 1935/36

³⁷ ARE, 187 of 1935/36; см. также 348 of 1916. 1917

³⁸ ARE, 27, 28 of 1926

³⁹ ARE, 31 of 1926

⁴⁰ IPS, no. 260 (Tirumalai 1982, p. 31); см. также 165 of 1935/36

⁴¹ ARE, 25 of 1926

⁴² ARE, 16, 39 of 1926

⁴³ IPS, no. 261, 262, 265

сборы с тех земель, которые только что продал⁴⁴. Еще через несколько месяцев, уже в 1223 г. он выкупает сборы, которые шли с тех же земель *наттарам* Нелвайила⁴⁵. В 1224 г. он распоряжается по поводу платежей некоего *шивабрахмана*⁴⁶. В 1228 г. он продает участок *шивабрахману*⁴⁷. Он же в надписи, которая точно не датируется, определяет долю владельца «низшего *каранмея*» в 1/5 продукта⁴⁸. Наконец, в 1246 г. он распоряжается, чтобы *наттавары* Адараиюрнаду изменили ставки налогов, так как введен новый метод измерения земли⁴⁹.

Три надписи, все 1244 года, из Периякоруккай (Тиручирапалли) повествуют о деяниях некоего Соккана Малайкаландана Теннавараияна, он же Сокка-*надажван*. Он дарует храму землю, назначает туда настоятеля и охранника и выделяет земли для их содержания⁵⁰.

Валлува-*надажван* захватил Тирупуттур в 1301 г. и отобрал собственность у двух брахманов. Брахманы *аграхары* не подчинились ему. Тогда он посадил двух упомянутых брахманов и членов *сабхи*, которые не успели убежать, под замок. Спустя два года сведения об этом беззаконии дошли до царя. Он приказал восстановить отобранную собственность, но ни о каком наказании *надажвана* не упоминается⁵¹.

Есть надпись о том, что *надажван* сокращает основные налоги (*кадамей* и *антараям*) с храмовых земель⁵².

Нередко в качестве активных участников тех или иных сделок упоминаются родственники *надажванов* — их сыновья, жены, сестры⁵³. Это наблюдение ассоциируется со случаями, когда такую же роль играют родственники царя. Желание упомянуть свое родство с *надажваном* может означать намерение подчеркнуть свой социальный статус. Статус *надажвана* облагораживал всю его семью. Дочь местного магната могла получить деревню от своего отца в личное владение⁵⁴.

⁴⁴ ARE, 39 of 1926

⁴⁵ ARE, 41 of 1926

⁴⁶ IPS, no. 269 (Tirumalai 1982, p. 33)

⁴⁷ IPS, no. 277. См. также no. 292, 293, 306, 307, 328, 329 (Tirumalai 1982, p. 33)

⁴⁸ ARE, 100 of 1945/46

⁴⁹ ARE, 174 of 1936/37; 406 of 1954/55

⁵⁰ ARE, 267, 268, 270 of 1926

⁵¹ ARE, 133 of 1908. 1909, p. 82

⁵² ARE, 81 of 1924

⁵³ ARE, 68 of 1918 (SII, XII, no. 131); 312, 315 of 1923. 1924; 162 of 1932/33

⁵⁴ ARE, 494, 495 of 1921. 1922

Феодалная вольница

Но гораздо более существенной чертой тогдашнего положения дел были многочисленные более мелкие владельцы, представлявшие собой феодалную вольницу.

Выше несколько раз упоминались «военные поселения» (*падай-наттру*). Удовлетворительного объяснения этого института не предложено. Можно связать его со слоем воинственных магнатов, которые опирались на эти поселения. Один из них в 1255 г. в Танджавуре имеет «свое *падай-наттру*», с которого собирает налоги⁵⁵.

Магнаты сами разрешали проблемы, связанные с распрями. В 1139 г. сообщается, что Викрамадиттан Камбан, *палли* из Кундраттура, ночью напал на Малаанур-удеяна Амбалакуттана, военачальника (*падай-т-малайван*) в войсках Шамбувараяров, и убил его. Старший брат этого *удеяна*, который был *надажваном* в Ирунголаппади, решил мстить убийце. Но Эдирили Чола, который был сюзереном обоих (*iruvarkku mutalikaēṣa*), а также «люди *наду*» (*in-pāṭṭu-p-puṇṇarāṣār*) уладили распрю. Убийца согласился за свой счет содержать в храме две неугасимых лампы (для этого подарил храму 90 овец и 1 корову), а *надажван* отказался от мести⁵⁶.

В 1174 г. был заключен договор между Шенгени Аттималланаяком, он же Раджендрачола Шамбувараяр, и его младшим братом Одуваном, он же Раджагамбхира Шамбувараяр, с одной стороны, и Шенгени Минданом Шьян Паллавадараяном, он же Шамбуварая, в том, что они будут вместе стоять против Аттияндана, он же Викрамашола Шамбуварая. Высокие договаривающиеся стороны не предадут друг друга, не будут нападать на земли друг друга, не будут требовать деревень дополнительно к тем, которые они уже получили, никогда не заключат союз с Аттиянданом, и они немедленно присоединятся к царю, если он пойдет на Аттияндана⁵⁷. Привлекает внимание, что здесь мы узнаем о распре между членами одной семьи.

Одна из надписей (возможно, 1263 г.) в районе Пудуккоттая позволяет увидеть состояние «закона и порядка» в этом районе. Некие *araiyar* (т. е. «*раджи*») из Ирандумалай-*наду* заверяют местное население, что когда они будут воевать друг с другом, они будут воздерживаться от разрушения деревень, которые находятся под их охраной

⁵⁵ ARE, 194 of 1926

⁵⁶ ARE, 162 of 1932/33

⁵⁷ ARE, 100 of 1939/40. 1939/43

(kàval), и от причинения вреда постоянным и временным земледельцам (нужно понимать — землевладельцам и их арендаторам). Если же кому-то все же будет нанесен ущерб, они заплатят штраф в 100 *панамов*, а если будет разрушена вся деревня, то 500 *панамов*. И после уплаты штрафа они будут продолжать защищать деревни и земледельцев, как бы они ни бились друг с другом⁵⁸. Пудуккоттайские *араяры* еще несколько раз встречаются в надписях. В 1300 г. они собирают некий сбор с деревенских кузнецов⁵⁹. В надписи 1381 г. сообщается, что они делились на две враждующие группы⁶⁰.

Здесь мы видим, во-первых, длительную феодальную уособицу, два враждующих клана профессиональных военных. Во-вторых, остальное население находится под их «защитой».

В том же районе в конце XIII в. подобная описанной выше ситуация складывалась в борьбе за преобладание между *aracu-makkaē* (можно перевести как «сыновья раджей», т. е. *раджпуты*) и *maāa-muḍaliyar* (один из вариантов перевода — «враждебные вожди»). Во время стычки между ними одним из магнатов был утерян документ на владение деревней. Он просит его восстановить⁶¹.

Надпись от 1219 г. из Танджавура фиксирует редкое для индийского средневековья явление: клятву трех магнатов быть верными Раджарадже III Чоле, а кроме того, установить своего рода «оборонительный и наступательный союз»: «Тот, кто станет врагом одного из нас, будет врагом всех трех, а кто станет другом одного из нас, будет другом всем трем». Трое феодалов (трудно трактовать их иначе) происходят из разных деревень, расположенных в разных *наду* или *кутрамах*, причем они и жители этих деревень и владельцы (*удеяны*) их⁶².

Атмосфера разбоя, несколько умеряемого разнообразными «центрами силы», вырисовывается и из надписи 1313 г. из Раманатхапурама. Храмовый жрец Ваманабхатта был убит вооруженными людьми Алиянганияна Саттияनावана. Организатор убийства, будучи схвачен, бежал. «Поэтому имущество Саттияनावана в Каруверкуриччи, состоящее из земель, домов, садов и слуг мужского и женского пола, было конфисковано» и передано храму. Затем убийца был в свою очередь убит. Через 20 дней после первой надписи издается вторая,

⁵⁸ ARE, 359 of 1914. 1915 (Saletore 1934, p. 356–357; Balaji 2002, p. 58)

⁵⁹ IPS, no. 427

⁶⁰ IPS, no. 683

⁶¹ IPS, no. 393 (Balaji 2002, p. 58)

⁶² SII, II, p. 498, no. 96

в которой устанавливаются платежи в пользу храма с конфискованных земель и сообщается о возвращении конфискованной ранее деревни (за исключением 1 *ма* и под обязательство уплачивать ряд сборов) одному из сообщников убийцы. А через 4 месяца сын убийцы обратился к храмовым жрецам; *шривайшнавам*; храмовому писцу; «лицам, симпатизирующим ему среди храмовых служащих»; исполняющим гимны; некоему Нараянадасу, служащему князя Тондайманара; *агамбади кайкколам* и к пришлым *шривайшнавам* с просьбой вернуть ему имение отца. Они согласились с условием, что он заплатит 800 золотых монет и обязуется оплачивать одну из служб в храме⁶³. Здесь мы видим магната, разбойничавшего в данной местности, и отношение «общественности» к нему. Сыну убийцы брахмана-жреца возвращают конфискованные было земли, и он отделяется сравнительно легким штрафом.

* * *

Из приведенных уже примеров вырисовывается роль магнатов в тогдашней социальной жизни. Сошлемся еще на несколько примеров, иллюстрирующих их возможности. Из некоторых надписей мы узнаем, что местные князьки скупали земли⁶⁴, собирали подати (*āyam*) с земель *девадана*, в том числе налоги с ткачей, живущих в *тирумадай-вилагам*, и с маслоделов⁶⁵, что магнаты могли устанавливать справедливость, наказывать преступников⁶⁶, регулировать налогообложение так, чтобы оно не вредило храмовым делам⁶⁷, устанавливать не только ставки налогов в казну, но и размер сбора в пользу *наду*⁶⁸, разрешать споры между *урарами* и храмом⁶⁹. В 1236 г. два брата, являющиеся вассалами некоего Пиллаи Паллавараяра, организуют сооружение канала для орошения храмовых земель⁷⁰. В 1255 г. некий Периян Ажагияперуман обязуется не поднимать налоги выше устанавливаемого максимума⁷¹. Некий *удеияр* по имени Раджендра Чола (какое

⁶³ ARE, 301, 302, 303 of 1923. 1924 (Sastri 1929, p. 225; Saletore 1934, p. 367)

⁶⁴ ARE, 414 of 1921. 1922; 254 of 1926

⁶⁵ ARE, 35 of 1940/41. 1939/43

⁶⁶ SII, XXVI, no. 393 (Karashima 1993)

⁶⁷ ARE, 339 of 1925 (Tirumalai 1987, p. 71)

⁶⁸ ARE, 73 of 1924 (Tirumalai 1978, p. 153)

⁶⁹ ARE, 290 of 1968/69 (IPS, no. 145, 546; Tirumalai 1987, p. 32)

⁷⁰ ARE, 355 of 1927, p. 85

⁷¹ ARE, 194 of 1926

он имеет отношение к Чолам, неясно. Это происходит в правление Пандийского царя) регулирует землевладение в одной из деревень. Он отбирает земли у тех, кто покинул эту местность, наделяет землей тех, кто сюда переселился. Причем он именно «дарует» права землевладения⁷². Другой магнат в подобном же положении продает участки, покинутые хозяевами, пришедшим лицам⁷³.

Два селения, брахманское и шудрянское, спорили относительно принадлежности одного из полей. Спор решили *нагараттары* Винданура, он же Аванимарттандапурам. Они присудили участок Сенгалангадарасару, видимо, местному вельможе. Царь отменил с этого участка *кадамей*, а Бог (!) подарил этот *кадамей* тому же вельможе⁷⁴.

Некоторые казусы, о которых нам сообщают надписи, свидетельствуют о том, что местные власти, как общинные, так и магнатские, оказывались слабыми при столкновении с разбойными бандами. В надписи Джатавармана Сундары II Пандьи (1276–1290) рассказываются страшные вещи. 5 брахманов (позже выясняется, что они были братьями) и некоторые *веллалы* «оставили обычаи, приличествующие их касте, и стали следовать образу жизни низших каст». Они «носили оружие, убивали брахманов, отрезали у них уши, оскорбляли брахманских женщин, грабили, угоняли и продавали скот». Когда жители, наконец, доложили об этом местным магнатам (указаны два имени «и другие»), последние «схватили оскорбителей, избили их, обложили их штрафом, снесли их дома и держали их под наблюдением». Но эти лихие люди не были арестованы и продолжали свои бесчинства. Жители пожаловались Поттапираяру, который стал управлять этой местностью. По его приказу отряд солдат-малабарцев направился, чтобы захватить бунтовщиков. Но они, убив нескольких солдат и обезоружив остальных, подались в горы. Все же двое из братьев-брахманов были захвачены и помещены в тюрьму в Тирукаччуре. Но когда их решили отправить в столицу княжества Каннаттур, по дороге через лес трое других братьев, собрав большое количество людей, напали на конвой, перебили его и освободили заключенных.

Только тут дело дошло до царя, и он приказал арестовать разбойников, где бы они ни были, наказать их «по правилам, предназначенным для низших каст», продать их дома и другую собственность храмам, вырученные деньги направить в казну в качестве штрафов

⁷² ARE, 531, 532 of 1921

⁷³ ARE, 316 of 1940/41. 1939/43

⁷⁴ ARE, 402, 403 of 1916. 1917

на преступников, а остаток подарить двум названным храмам. Этот дар храмам, совершенный жителями брахманских селений, селений земледельцев и жителями городов, и зафиксирован в данной надписи⁷⁵.

Этот случай можно рассматривать под разными углами зрения. Он может служить показателем исключительной неприкосновенности, которой пользовались брахманы, даже отпетые негодяи; насколько прочны были их права на землю. Они конфисковывались только после тяжелейших преступлений⁷⁶. А можно видеть в этом свидетельство слабости власти на местном уровне, ситуацию разгула преступности.

В 1214 г. два магната берут на себя обязанность «при помощи слона» определить границы деревни, подаренной царем частному лицу⁷⁷. Это важное свидетельство. Здесь впервые мы встречаемся со случаем, когда древняя prerogative *наттаров* (провести слонику по границам подаренного участка) переходит к местным магнатам. *Наттарам* отказывают в признании их права распоряжаться в пределах своего *наду*!

Нередко случаи налогового гнета и других беззаконий связываются с именами таких вельмож. В 1239 г. наступил голод, и местный магнат Андарандан и другие повели себя бесчестно. Они открывали сундуки храма, искалечили статую божества и разбазаривали храмовые земли. На следующий год некие «судьи» и другие жители потребовали призвать их к ответу⁷⁸.

Около 1290 г. Тирунелвели-удеияр, вассал Кандиядевана, захватил страну вокруг Вираячилая, в том числе Кананаду, и установил нереально высокий налог в 4000 (неких монет). Деревенскому собранию («мы, *урóm*») ничего не оставалось делать, как продать храму имущество, скот и, наконец, землю, чтобы заплатить этот налог⁷⁹.

Но и ослабление налогового гнета приписывается тоже им. В конце XIII в. в правление Маравармана Сундары Пандьи жители двух деревень в Раманатхапураме были обложены такими высокими налогами, что «жизнь в джунглях стала бы предпочтительней». Местный магнат Кандан Алудаян Гангеян согласился с ними и установил новые налоги, значительно ниже прежних⁸⁰.

⁷⁵ ARE, 315 of 1909. 1910

⁷⁶ См. также ARE, 254 of 1920 (SII, XII, p. 159)

⁷⁷ ARE, 107 of 1924

⁷⁸ ARE, 225 of 1927

⁷⁹ ARE, 81 of 1916, p. 124

⁸⁰ ARE, 91 of 1924, p. 107 (Sastri 1929, 219); см. также 73 of 1924

Распространенным способом установления гегемонии магната над некоторой территорией было принятие селений «под защиту» (*кавал*). Покровитель обязывался защищать население от грабительских набегов разнообразных шаек, а жители должны были платить ему определенный взнос. В 20 год Маравармана Сундары Панды сбор в 4 1/8 *аччу* взимал с деревень и храмовых земель «за защиту» хойсальский военачальник *маханпрадхани* Бхога-данданаяка⁸¹.

Так как такие отношения «защиты» устанавливались на постоянной основе, право на получение сборов за защиту становилось наследственной собственностью, и его обладатель получал наименование *kāval-kāi iyaṅar* или *kāval-k-kāi i-uṇaiya*⁸². Один такой «стражник» в трудный год помог жителям материально, удержал задолжавших земледельцев от ухода, обеспечил бесперебойность храмовой службы и позаботился о брахманах и веллалах, которые пришли в деревню извне. За это он получил дом во «внутреннем пространстве» храма и возможность сдавать его внаем, а также право входить в храм, вооруженным луком. Он переназначил всех храмовых служащих и сделал храмовое хозяйство прибыльным⁸³. Я понимаю данный случай так: местный магнат, имевший частичный контроль над деревней (право ее «охраны»), из-за голода получил полный контроль и над деревней, и над храмом.

Мы видели, что в сферах регулирования землепользования, налогообложения, недоимок по налогам, наказания преступников значительную роль играли разного рода общины. Если они не могли справиться собственными силами, они обращались к местным магнатам. По указанию одного из них, например, конфискованы и проданы земли недоимщиков в Шевалуре в 1223 г.⁸⁴ В другом случае местный магнат, носящий титул *удеияр*, проводит устройство деревни, испытавшей какой-то катаклизм, — отбирает земли у тех, кто ушел, наделяет землей тех, кто поселился⁸⁵. Довольно свободно действует как даритель земли и распорядитель налогов вассал Пандьев Кулашекхара Шамбувараяр⁸⁶.

Можно считать установленным, что в XIII в. в дельте Кавери (по крайней мере) сложился слой (класс) крупных частных собст-

венников земли — нередко индивидуальных, но иногда и объединенных в кланы, — которые занимали ведущие позиции в управлении периферийными территориями, но в то же время все более сближались с государственным аппаратом.

Мир южноиндийских мелких князей и земельных магнатов представляется чрезвычайно важным для понимания тогдашнего социума. Но он явно неадекватно отражен в источниках. Персонажи этого мира появляются чуть ли не в каждой второй надписи, но каждый из них встречается однажды, редко дважды или трижды. Нет возможности проследить «землевладельческую» и «властную историю» (по аналогии с выражением «кредитная история») хотя бы некоторых из них. А вполне возможно, что именно сумма таких историй и есть подлинная история Южной Индии в средние века. Пока можно ограничиться тем, что на словах признать их важную роль в системе властных сетей тогдашнего общества.

⁸¹ ARE, 295 of 1949/50

⁸² ARE, 68 of 1918 (SII, XII, no. 131)

⁸³ ARE, 1 of 1918 (Gupta 1933, p. 74–75; Appadorai 1936, p. 176, 287)

⁸⁴ IPS, no. 401 (Balaji 2002, p. 59)

⁸⁵ ARE, 531, 532 of 1921. 1922

⁸⁶ ARE, 178, 180 of 1939/40; 28 of 1940/41. 1939/43

Глава 10

Государство. Аппарат и налоги

Итак, функционировала сеть общин (коллективов), территориальных и профессиональных, имевших «юридический статус», земли и средства и, следовательно, возможности развития самоуправления. Что же представляла собой государственная власть в то время? Традиционная точка зрения заключается в том, что она ничем принципиально не отличалась от современной государственной организации. Государь обладал неоспоримой властью, имел при себе штат министров, назначал областных начальников, которые собирали установленные властью налоги и отчитывались перед правительством. Подавляющее большинство индийских историков именно так рассматривали индийские государства, и продолжают работать в этой же парадигме. Их задача сводится к тому, чтобы установить по редким упоминаниям, как именно назывались те или иные посты в государственном аппарате и административные деления соответствующего государства.

Они испытывают свои трудности, поскольку упоминаемые в надписях посты или титулы многообразны, никак не объясняются, противоречивы, многозначны.

Для накопления терминов, предположительно охватывавших государственный аппарат, наиболее продуктивны списки должностных лиц, которых царь оповещает о том или ином своем дарении. Если эти списки достаточно длинны, то в них можно обнаружить и «членов царской семьи», и «министров», и «губернаторов», а также весьма второстепенных должностных лиц. Формула оповещения в надписях подвергалась изучению неоднократно. Можно считать установленным, что она подчинялась правилам, далеким от стремления представить нам государственный аппарат в реально существовавшем виде. В ней использовались традиционные термины, заимствованные из классической

санскритской литературы, она подчинялась также желанию сделать ее красивой, ввести элементы ритмики и стихосложения.

Опираясь на исследования А. А. Столярова по надписям династии Палов из Бенгалии¹, я изучал подобные формулы оповещения из надписей иных династий и пришел к выводу, что они отражают не реальный государственный аппарат, а «административный миф», который каждая династия складывала по своему вкусу, ничуть не заботясь о его соответствии реальности².

Первым против традиционного подхода к индийским государствам восстал Бёртон Стайн³. В ряде своих работ, из которых наиболее содержательной является монография «Крестьянское государство и общество в средневековой Южной Индии»⁴, он предложил совершенно иное видение индийских государств в раннее средневековье. С ним не во всем можно согласиться. Прежде всего, научную общест-венность шокирует выражение «крестьянское государство», но главный его вклад, именно идея о том, что общинные организации доминирующих сельскохозяйственных (вернее сказать — землевладельческих) каст существовали практически автономно, с минимальным вмешательством государства, никак нельзя отрицать.

Администрация Паллаво

Что касается государства Паллаво, то предпринимался ряд попыток представить его как «нормальное» государство. Г. Гопалан утверждает, что в государстве Паллаво существовало регулярное административное деление на *раштры*, которые также назывались *мандалы* (*мандаламы*), а эти крупные провинции делились на *вишай* во главе с *вишаика*⁵.

При этом одна из *раштр*, Тондаймандалам, делилась на 24 *коттама*, которые назывались также *коштাকা*. Он даже перечисляет названия всех 24 *коттамов*, которые также отнюдь не все упоминаются в источниках. В данном случае он пользуется, видимо, традицией, историческая основа которой сомнительна. Гопалан обнаруживает

¹ Столяров 1978

² Alayev 1985

³ Stein 1975

⁴ Stein 1980

⁵ Этот термин встречается в надписях лишь однажды, при этом вне связи с *вишайей*.

также некоторые следы иных государственных органов, например, «таможни», которые, по его мнению, назывались *мандапа*, а во главе их стояли *мандапи*. Кроме того, он обнаружил таких представителей власти, как «начальник над местами купания» (*тиртхика*), «заведующий лесами» (*гумика*) и некоего «военачальника» (*неика*)⁶. Видно, что при самом горячем желании найти «государственный аппарат», обнаруживаются лишь весьма жалкие свидетельства о нем.

Ч. Минакши предлагает свою версию административного деления Паллавского государства. Но в ее схеме *вишайя* — более крупная единица, чем *раштра*. Уже из этого противоречия между двумя исследователями видно, что попытки предложить стройную систему управления встречают большие трудности. Минакши хотя бы признает, что в тамильских районах «сохраняется» прежнее традиционное деление территории на *коттамы*, *наду* и *уры*⁷.

Уже упоминалось, что в ранних надписях, когда Паллавы опирались в основном на телужские районы и там издавали свои надписи, они обращались, помимо деревенских жителей, к неким лицам, которых можно принять за государственных служащих. Это *ayukta*⁸, *adhikōtaō ayuktakaō* определенной *раштры*⁹, *sarvv-ayuktakaō*, *sarvva-naiyyokāō*, *rājavallabhāō* определенной *вишайи*¹⁰, *sarvva-mahāmātr-ādhyakōa*, *rājapurusaō*, *saācarantaūceinam* определенной *раджьи*¹¹, *sarvva-naiyogika-vallabhān-vaiṣayikān* определенной *раджьи*¹², *grāmeyaka*, *atr-ādhiḱōta*, *sarvv-ādhyakōa*, *vallava ūasana saācārīa* определенной деревни, включенной в *раштру*¹³, *sarvva karaī ayukta*, *sarvva niyogaka*, *rājavallabha*, *saācaranta*¹⁴.

Переводить эти термины не имеет смысла, поскольку каждый из них может обозначать начальственное лицо любого типа. Привлекает внимание, пожалуй, только *санчарина*, или *санчарантака*, который может означать служащего, разъезжающего по стране с целью сбора налогов. Подобная система «мобильных» чиновников характерна

⁶ Gopalan 1928, p. 147–148

⁷ Minakshi 1938, p. 37

⁸ IP, no. 4

⁹ IP, no. 5

¹⁰ IP, no. 6

¹¹ IP, no. 8

¹² IP, no. 9

¹³ IP, nos 7, 13, 14

¹⁴ IP, nos 45, 53

для ранних стадий формирования государственности. Намеки на ее существование находим и в более поздних надписях.

Из этих перечислений видно, во-первых, что термины *раштра*, *вишайя* и *раджья* означали территориальные деления одного порядка, т. е. что утвержденной терминологии для «провинций» не существовало. Во-вторых, что терминология для «государственных служащих» также не была точно установлена. Наконец, все эти перечисления, несмотря на их разнообразие, явно следуют неким канонам, заложенным в эпиграфической традиции Севера, которым Паллавы следуют по инерции.

Уже говорилось, что, обосновавшись на территории собственно Тамилнаду, в Тондаймандаламе, со столицей в Канчипураме, и начав издавать свои надписи там, Паллавы резко меняют формуляры своих эдиктов, в частности, перестают обращаться к «аппарату». Конечно, это не может означать, что он у них был до VIII в., а затем они по каким-то причинам от него отказались. Они отказались от **северо-индийского «административного мифа»**, и стали иметь дело с органами, реально существовавшими, от взаимодействия с которыми действительно зависела их власть.

Власть царя, конечно, можно считать абсолютной, поскольку она не ограничивалась законами. Однако реально она была ограничена общинами и местными вождями.

Цари могли раздавать селения брахманам и храмам, при этом прежние землевладельцы иногда лишались своих прав, могли объединять селения в единую административную единицу и, напротив, разделять одно поселение на несколько «официальных» деревень, вмешиваться во многие дела местного самоуправления. Некие «царские люди» довольно часто фигурируют в надписях, фиксирующих решения местных советов и собраний. Однако при этом зависимость этих советов и собраний от распоряжений властей была довольно слабой.

Упоминаемая в одной из надписей покупка земли царем¹⁵ возвращает нас к проблеме двойственной собственности на землю. Царь мог дарить любые земли государства, но это относилось только к его правам на землю, а именно к праву взимать с жителей налоги. Кроме того, существовала низовая, податная собственность на землю, собственность «господ» (*ко*), или «великих людей» (*неттмпар*), которые платили налоги. Кроме того, имели определенные права на постоянное

¹⁵ SH, XII, no. 79 (IP, no. 186)

пользование земель земледельцы (*куди*). Чтобы получить «религиозную заслугу» путем дарения храму земли, царь должен был выкупить права подчиненного собственника у своего подданного. Среди паллавских надписей мы находим лишь одну, в которой говорится о существовании собственно царских земель в одной из деревень Андхры. Кумаравишну III, правивший в середине VI в., имел в деревне Сендалура в Карманкараштре 800 *паттика* земли в качестве «царского домена» (*rāja-vastu*). Из них он дарит брахману 432 *паттика*¹⁶.

Концепции двухуровневой собственности противоречат приводившиеся выше факты, когда «прежние владельцы» просто «устраняются». Видимо, основание брахманских *аграхар* и обеспечение храмов средствами для организации обрядов имели столь высокую социальную престижность, что при совершении таких дарений обычное право отступало на второй план. Можно только предположить, что испомещение брахманов и создание условий для функционирования храмов представлялось всем жителям столь важным, что они в случае таких дарений не протестовали даже против экспроприации их наследственных освященных обычаем прав.

Соглашаясь с тем, что государственные органы в раннее средневековье в Индии были довольно слабы, противники «сегментного государства» сделали упор на **процессе** их развития и укрепления. Они стали тщательно фиксировать все новшества в административном устройстве и однозначно трактовать их как выражение процесса централизации и становления государственности более привычного типа. Это привело к существенному шагу вперед по сравнению с прежними работами по проблемам социальной истории Индии. Содержание работ перестало ограничиваться фиксацией некоторого состояния, появилось представление о прогрессивном развитии индийских политических институтов.

Но в этом стремлении показать динамику выявилась и его ограниченные возможности. Получилась парадоксальная картина: государство все укреплялось и, наконец, развалилось. В период Чолов государство установило (по мнению ряда историков) полный контроль над местными общинами — *наду*, но позже, в государстве Пандьев, *наду* как автономная община пережила свой расцвет. Делая упор на мероприятия государства по укреплению «вертикали власти», исследователи не воздают должное другим процессам противоположного

направления, намеки на которые тоже содержатся в источниках. В государстве Чолов независимо от их усилий варился некий бульон из общин разного типа и статуса, и результаты этого процесса выявились к концу XII—XIII векам.

Итак, как же тамильские правители пытались «управлять» этим бульоном? Попытаемся оценить степень четкости административного деления, развития административного аппарата и налоговой системы.

Административное деление

По мнению Й. Суббараялу, в ранний период подъема Чольского государства Тамилнаду представлял собой весьма раздробленную территорию. Имелись небольшие государства Паллаво, Чолов, Пандьев, но практически самостоятельными от них были еще более мелкие княжества (чифдомы) Маланаду, Конаду, Аруванаду, Пангалаанаду, Перумбанапади, Ванакопади, Тирумунайпади и др.

Ситуация изменилась при Раджарадже I. Он ввел реальную чольскую администрацию по всей стране, разделив ее на 4 крупные провинции, которые назвал *мандаламами*. Это были традиционные деления Тамилнада — страны Пандьев, Чолов, Паллаво, а также западная, более возвышенная часть Тамилнада — страна Конгу. Но Раджараджа переименовал их, назвав каждую из них одним из своих имен или титулов. Земли Пандьев были названы Раджараджамандалам, земли Паллаво — Джайянгондачоламандалам, Муммудичоламандалам и т. п.

Он ввел также промежуточную между *мандалой* и *наду* административную единицу *валанаду* («прекрасная» или «процветающая *наду*»). Она охватывала несколько *наду*, а также бывшие владения князей. Так, Маланаду, бывшее княжество, стало называться Раджараджа-валанаду.

Центральная часть государства Чолов, равнинная прибрежная часть Тамилнада, состоявшая из трех исторических регионов — стран Пандья, Чола и Тондай, — как будто бы имела четкое административное деление. При дарении или ином упоминании населенного пункта почти всегда указывается, к какой *наду* он относится, а *наду* — к какому *валанаду* или *коттаму*, и в какой *мандале* все это происходит. Создается впечатление, что все деревни «расписаны» по *наду*, *коттам* и *мандалам*.

Однако территориальные единицы не были четко фиксированы. Можно быть совершенно уверенными, что *наду* не создавались указом властей. Нет ни одного свидетельства, чтобы правители

¹⁶ EI, VIII, p. 233–236, no. 23 (SH, XII, no. 2; IP, no. 11)

учреждали *наду*, сливали их или делили на части. Между тем, происходило постепенное увеличение числа *наду* на территории восточного Тамилнада. Стоит не согласиться с Й. Суббараялу, который исходит из того, что дата первого упоминания той или иной *наду* в надписях есть дата ее учреждения, и согласиться с Б. Стайном, который отметил необоснованность такого заключения¹⁷. Однако все же увеличение со временем названий известных нам *наду* должно отчасти быть связанным с их разукрупнением и созданием новых. Убеждает в этом и появление нескольких *наду* одинакового имени, различающиеся эпитетами «Северная» и «Южная», или «Западная» и «Восточная» и т. п.

То же можно сказать о *коттаме*. Во всяком случае, мы знаем, что *коттам* не был введен Чолами, а существовал, по крайней мере, с периода Паллавов.

Нет уверенности в том, что *валанаду* ввел именно Раджараджа I. Во-первых, опять-таки, нет никакого указа об их введении. Во-вторых, первые упоминания о такой территориальной единице появляются еще до правления Раджараджи I, на юге Тамилнада в надписях Пандьев, современников Парантаки I¹⁸.

Вполне возможно, что Раджараджа сделал внедрение *валанаду* частью своей административной политики. В чольских надписях первые упоминания об этой единице появляются в 989 и 992 гг.: Конаду переименовывается в Кералантакаваланаду¹⁹.

По мнению большинства историков, это была попытка подчинить государственному аппарату традиционные общинные власти. Введению этой промежуточной между *наду* и *мандалом* административной единицы многие историки придают очень большое значение. Венкайя утверждал, что ядро государства Чолов, дельта Кавери, было четко разделено на 6 *валанаду*, каждая из них была названа по одному из эпитетов Раджараджи²⁰. К. Холл утверждает, что с введением *валанаду брахмадеи* и *нагарамы* вышли из подчинения *наду*. Брахмадеи стали получать отдельный административный статус (*таниюр*), а *нагарамы* стали локализоваться не по *наду*, а по *валанаду*²¹. Однако,

¹⁷ Stein 1980, p. 96–97

¹⁸ EI, XXVIII, p. 86–87, no. 17-a, 17-b

¹⁹ ARE, 457 of 1908; IPS, no. 23 (Hall 1980, p. 30–31)

²⁰ Venkayya 1899

²¹ Hall 1980, p. 31. Выше говорилось, что «самостоятельных деревень» (*таниюров*) на всем протяжении Чольского периода известно не более десятка. Полу-

как показывают те же надписи, эта попытка унифицировать административное деление не удалась. Холл связывает эту неудачу с процессом объединения *наду* снизу, вопреки инициативе властей, с так называемыми *периянаду*, о которых шла речь в главе о макрообщинах²².

Конаду вскоре возвращает себе свое исконное имя. *Валанаду* как регулярное административное деление исчезают, а *наду* продолжают действовать, приобретя после падения Чолов, как мы видели, еще большее значение. Вассальные князья и магнаты, будто бы ликвидированные при Раджарадже I и его сильных потомках, появляются вновь.

Таким образом, административное деление Чолов представляло собой приспособление центральной власти к тем локальным общностям, которые существовали помимо властных решений. Тирумалай весьма элегантно охарактеризовал взаимоотношения местных и центральных властей: «Инициатива и влияние высоких лиц — чиновников и лиц, имеющих статус, были явно инструментами или каналами, обеспечивавшими исполнение царских дарений»²³. Я понимаю это так: без «инициативы и влияния» местных властей центральные власти были бессильны.

Ниже мы попытаемся показать, что отдельные намеки на существование административного аппарата являются, скорее всего, отражением «административного мифа». Это может показаться спорным. Но что касается административных делений и органов управления ими, то не создалось даже соответствующего мифа. Никто из правителей Южной Индии не претендовал на то, что он «установил границы *наду*», или «ввел *валанаду*», или «упорядочил управление *наду*». Сетка крупных общин и магнатских владений создавалась стихийно, и государство приспособлялось к ней.

Разветвленный аппарат?

Надписи как источники для изучения административного мифа

Подавляющее большинство документов о купле-продаже и дарении земли и других ценностей составлено весьма просто: перечисляются продавец и покупатель (или даритель и одариваемый) и условия

чение такого статуса никак не могло быть значимым явлением.

²² Hall 1980, p. 204

²³ Tirumalai 1987, p. 36

дарения/продажи. Иногда упоминается некий «царский человек», который санкционирует дарение. Нет впечатления, что при этом работал разветвленный аппарат.

Но иногда надпись содержит текст совершенно иного типа. Составители ее преисполнены рвения показать, что указ прошел сложный бюрократический путь и потому абсолютно надежен как имущественный документ.

Такого рода надпись имеется в храме в Тируналламе от раннего периода возрождения Чольского государства. Документ о даре 12 *вели* царем Мадхурантакой Уттамой в 978 г. составлен по указанию Кодукулавана Саттана, он же Паракесари-*мундавелан* из Параттиккуди, храмовым писцом (*mandira-v-īlai*), подписан двумя *īlai-nāyakam* («старшими писцами»?), при этом присутствовали: два *puravuvāri*, *vari-p-pottakamkaēkai*, *vari-p-pottakam*, *vari-p-pottaka-kai akku*, *mukavetti*, *variylaiu*, *paṭṭ-īlai*²⁴. Предлагаются разные переводы этих терминов, но гадать здесь бессмысленно, потому что функции носителей этих должностей все равно неясны. Ясно, что все они «вращаются» вокруг слов *oley* (документ) и *вари* («опись», или «кадастр»).

В 963 г. в Тирумалпуре решение о восстановлении прав храма на участок земли подписывается одним *oley-найягам'ом*, 4-мя *пуравувари*, одним *вари-поттагам'ом*, 8-ю *мугаветти*, один из которых назван также *пуравувари*, а также *варийилиду* и *патт-oley*²⁵.

Так называемые Большие Лейденские таблички, датированные 1005 г., описывают сложный, во многом, как мне кажется, воображаемый, порядок издания царского указа при Раджарадже I. Устный приказ царя

- записывается специальным чиновником,
- подписывается 4-мя главными секретарями,
- направляется в регистратуру 4-мя служащими из Налогового департамента и 3-мя другими, должности которых буквально означают «поддерживатели налоговой системы»,
- некий высокопоставленный чиновник и еще 5 других делегируются для выделения подаренной деревни на месте,
- царский приказ направляется *паттарам*, которые уполномочиваются присутствовать при выделении дарованных земель и выдать даримое получателю²⁶.

²⁴ SII, III, p. 312, no. 151

²⁵ ARE, 286 of 1906 (SII, III, p. 289–293, no. 142)

²⁶ EI, XXII, p. 213–268, no. 34

Медные таблички Раджендры Чолы от 1018 г. также содержат упоминания о длинной лестнице чиновников, которые записывают и осуществляют царский указ²⁷.

Надпись Раджадхираджи I от 1053 г. доводит описание бюрократической машины при издании указа царя до бессмыслицы. Фиксируемое событие крайне незначительно: царь одобряет дар в пользу храма нескольких налогов с профессий, совершенный кем-то другим, и выражает свое желание, чтобы полученные средства были истрачены на праздник в честь звезды, под которой он родился. Здесь процедура выглядит так:

Царь отдает устное приказание, которое записывает *тирумандира-oley*.

Затем 7 *тирумандира-oley-найков* сличают устное распоряжение с записанным.

Они передают свое заключение 15-ти *удан-куттатту адигаригал*.

Документ идет к 4-рем *наду-в-ируккай*.

Затем он попадает к 15-ти *видай-адигаригал*, и снова к 2-м *наду-в-ируккай*, но уже к другим.

Документ получают 4 *пуравувари-т-тинайкалатту-кангани* и 3 *пуравувари-тинайккалам*.

Затем он проходит 2 *вари-поттагам*, 4 *мугаветти*, 3 *варийилиду*, 3 *вари-п-поттага-к-канакку*, 2 *паттолей*, 2 *кижмугаветти*,

и снова он попадает в руки двух *варипоттагам*, но уже иных, и одного *паттолей*, опять-таки не из тех, которые уже упоминались.

Всего упомянуто 70 чиновников. Документ прошел через все эти инстанции за 52 дня!²⁸ Рационально объяснить эту процедуру и употребленную терминологию невозможно. Остается предположить, что проблема рациональности не интересовала того, кто составлял надпись, и он не размышлял о том, получит ли читатель его надписи представление об административном аппарате Чолов. Важно было выразить *идею* многочисленного аппарата, подчеркнув тем самым величие царя Чолов.

Есть еще три надписи периода правления Раджендры I и Раджадхираджи I, составленные на тамильском, но расположенные в Карна-таке (дистрикт Колар), которые рассказывают о многоступенчатом

²⁷ ASI, 1903/04, p. 233–235 (SII, III, p. 426–439, no. 205.)

²⁸ SIE, XII, p. 89–105

прохождении документов²⁹. Это еще более подозрительно, поскольку на окраинах империи существование такого аппарата сомнительно вдвойне.

Но, с другой стороны, имена всех этих чиновников приведены. Это были реальные лица, имевшие конкретные «должности». Каким образом их реальное существование сочеталось с их мифологической деятельностью, очень трудно понять.

Есть еще одна надпись, на этот раз Вирааджендры, от 1069 г., которая носит такой же характер. Устный приказ царя записывает *тирумандира-oley*, согласовывает его с 3-мя *тирумандира-в-oley-найками*. Затем некие *эвал* направляют документ 38-ми другим чиновникам: 6-ти *уданкуттам*, 28-ми *видайил*, 4-рем *наду-в-ируккай*. Далее 32 чиновника из 10 департаментов собираются вместе, из них 4 человека регистрируют поступление документа, один его громко зачитывает, один заносит его в некий реестр, и один издает исправленный документ. При этом присутствуют в качестве свидетелей 16 лиц с названиями их должностей и 31 человек без указания на должности³⁰.

Эти надписи, рисующие чиновничий аппарат совершенно невообразимой сложности, не смогли обмануть пытливых исследователей. Надписи такого рода слишком единичны, чтобы перевесить множество свидетельств того, что государственные служащие не играли большой роли в поддержании порядка и имущественных сделках.

Нельзя отрицать, что нечто вроде административного аппарата существовало. Налоги, в общем и целом, собирались. Но решения центральной власти если и доходили до отдельных селений, то отнюдь не моментально. В 1048 г., т. е. в период, когда Чольская держава была могучей, появляется любопытная надпись, фиксирующая приказ Раджадхираджи I о том, что храмовые земли должны облагаться по самой низкой ставке. Этот приказ был дан в 137 день 27 года правления Раджадхираджи, а достиг одной из *брахмадей*, где и был зафиксирован, в 240 день 30 года правления, т. е. для его поступления «на низы» потребовалось 3 года и 103 дня³¹.

Манера работы административного аппарата Чолов ярко показывает надпись одного из их вассалов. Деревня была подарена

²⁹ EC, X, p. 5, 41–42, nos 19, 111, 112a

³⁰ ARE, 1916, p. 118 (EI, XXI, p. 220–250, no. 38). См. также SII, VIII, no. 222 (Время Раджараджи I); ARE, 74 of 1931/32 (время Кулоттунги I); Heitzman 2001, p. 157–158

³¹ ARE, 330 of 1917, 1918

одновременно в *девадану* и *брахмадею* в 892 г. Брахманская *сабха*, которой эта деревня была реально передана, должна была делиться рентой с храмом. На следующий год границы этой самой подаренной деревни были окончательно определены. Но, как потом выяснилось, она не вошла в список *девадан-брахмадей*. В 911 г. эта ошибка была исправлена и *сабха* стала выплачивать храму причитающиеся тому суммы. В 943 г. царь добавил еще один сбор с деревни в пользу храма, но *сабха* не выполнила этот приказ и не увеличила свои выплаты храму. В 963 г. царь оказался недалеко от данной местности, в Канчипураме, и храмовые власти сумели пожаловаться ему на поведение *сабхяров*. Царь решил спор, конечно же, в пользу храма и оштрафовал *сабху*³².

Термины, означающие то ли должности, то ли титулы, то ли прозвища, не составляют единой картины. Н. Карашима не согласен с мнением Б. Стайна, что Чолы вообще не имели своего аппарата, но и ему приходится признать, что «бедность сведений, показывающих наличие бюрократии при Чольской династии, является суровой проблемой»³³.

Н. Карашима и Й. Суббараялу решили идти другим путем, трудоемким, но обещавшим более надежные данные. Они составили список (конкорданс) всех имен, встречающихся в надписях Чолов вместе с их титулами и званиями, которые затем были подвергнуты компьютерной обработке. Были выявлены 70 титулов, обладатели которых, по всей вероятности, являлись влиятельными людьми в соответствующей местности. Из них лишь 4 титула дополнены указанием на занимаемую должность, что может означать принадлежность данных лиц к административному аппарату³⁴. В целом эта работа не дала результатов, на которые рассчитывали ее инициаторы.

Суббараялу считает, что этот аппарат постепенно становился все более громоздким. Он указывает на то, что если при Раджарадже I мы знаем по именам 25 *адикари*, то при Раджендре II — уже 90³⁵. Статистически устанавливается, что число носителей должностных и официальных титулов со временем возрастает. Но Суббараялу признает, что в деревнях чиновники появлялись «время от времени», а судебные функции оставались «местными по существу»³⁶.

³² ARE, 286 of 1906. 1907

³³ Karashima 1984, p. XXI

³⁴ Karashima 1984, p. XXII

³⁵ Subbarayalu 1989, p. 11

³⁶ Subbarayalu 1977, p. 293–294

Хайтсман также задается вопросом о степени развитости аппарата Чолов. Он совершенно обоснованно оставляет в стороне надписи, в которых аппарат выглядит перераздутым (подробное изложение которых см. выше), и идет другим путем. Он подсчитывает количество лиц, упоминаемых в надписях, имеющих титулы и звания. Последние распадаются, по его мнению, на две группы: «расширенный двор» и, предположительно, налоговый аппарат. Он отмечает, что после XI в. роль «расширенного двора» уменьшается, а количество профессионального чиновничества растет³⁷. Кроме того, его цифры показывают, что это относится лишь к центральной зоне государства, вдоль реки Кавери. В периферийных же районах, завоеванных Чолами у Пандьев, Чалукьев и на Цейлоне, упоминаний чиновников почти нет³⁸. Таким образом, можно считать доказанным, что бюрократизация происходила только в центре государства, и это объясняет, почему, когда Чолы были сметены Пандьями, был сметен и налоговый аппарат³⁹.

К. В. Раман, попытавшись выискать в надписях Пандьев термины, которые могли бы означать «министров» или «военачальников», приходит к выводу, что о централизованном аппарате Пандьев «известно немного»⁴⁰.

Некоторое значение для оценки разветвленности аппарата имеет трактовка термина *мунендавелан*. Он часто встречается, как читатель уже заметил, и в качестве титула и в качестве части имени различных высокопоставленных лиц. Б. Стайн видит в них «исполнительную власть» коллективного органа *наттар* (что никак не может быть подтверждено), а также местную знать, независимую от благоволения правящих Чолов («веллала **трех** царей!»). Однако другие исследователи обращают внимание на то, что именно *мунендавеланы* часто принимают чольские имена, чтобы подчеркнуть противоположное — их лояльность

³⁷ Heitzman 1997, p. 177–178

³⁸ Heitzman 2001, p. 161

³⁹ Хайтсман выполнил еще одну важную работу. Он сравнил буквальное значение нескольких титулов с теми функциями, которые носители этих титулов выполняют в надписях. Выяснилось, что обладатель титула *сенapati* («военачальник») часто фигурирует как глава храмовой администрации (см, например, ARE, 46 of 1914) и ни разу не упомянут как лицо, связанное с войсками. А носители титулов *наду-вагей* («улаживающий наду») или *наду-кангани-наякан* («главный наблюдатель за делами наду») занимаются исключительно ревизией храмовых имуществ (Heitzman 2001, p. 151–152)

⁴⁰ Raman 1972, p. 47

Чолам (по Стайну — всего лишь «ритуальное подчинение»)⁴¹. Кажется логичным предположить, что включение в имя вельможи имени правящего сюзерена означает вассальную верность первого второму.

Примерно в середине XI в. появляется представление о государственных служащих как о едином социальном слое. Он выступает под терминами «наши исполнители», или «наши деятели» (*nam karumamàràyum*), или «наши писцы» (*nam-î lai-eattum*)⁴². Тогда же государственные служащие получают обобщающее наименование «родственники». Раджадхираджа I, выделяя земли храмовым певцам, обращается «ко всем нашим родственникам» (*nam tamar ep-pâr-p-paṭṭarkkum*), под которыми понимаются, конечно же, его служащие⁴³. В XII в. появляется термин «родственники дворца» (*kî yîâamar*, от *koyil* + *tamar*), и он уже утверждается как технический термин и начинает собственную эволюцию, отрываясь от своей этимологии: *kî nuâavar*, *kî muâamar*, *kî muâavam* и др.⁴⁴

Налоги

Споры о степени государственного контроля над территорией, считавшейся принадлежавшей тому или иному государю, в конце концов могут быть решены, если мы обнаружим налоговую систему и докажем, что в принципе (за исключениями, которые не влияют на правило) налоги поступали в центральную казну.

В этом вопросе, как и в других, значительное неблагоприятное влияние на объективность суждений оказывает твердое убеждение исследователей, что мы имеем дело с обычным государством. Раз было государство, значит, был административный аппарат, значит, было регулярное административное деление территории, значит, была налоговая система и пр. Подобная убежденность заставляет исследователей прилагать максимум усилий, чтобы все это показать. Наиболее самоуверенные из них не сомневаются, что все это и доказали. Другие, сохранившие научную объективность, остаются на уровне «уверенных предположений» о том, что все это существовало.

⁴¹ Stein 1980, p. 113, 117

⁴² SII, III, p. 402, no. 205

⁴³ SII, VIII, no. 675

⁴⁴ SII, VI, no. 57; VII, no. 87; VIII, no. 252; IPS, no. 135, 190; ARE, 163 of 1938/39 (Subbarayalu 1989, p. 110)

При дарении земли или при основании аграхары довольно часто говорится об отмене налогов с земли или деревни. Большей частью при этом нет никакой детализации. Земля или селение освобождается «от всех налогов» (*sarvva-kara-pariharaṁ pariharantu*)⁴⁵.

Но уже в период Паллавов в ряде случаев подробно перечисляется, какие именно налоги перестают взиматься. Логически из этого вытекает, что налоги под такими названиями существовали и собирались на других землях.

По этим спискам можно было бы судить о налоговой системе государства. Однако исследований, которые освещали бы эту проблему, нет, и это не случайно. Длинные и короткие списки налогов, встречающиеся в надписях, не позволяют представить себе какую бы то ни было систему. Конечно, вполне правомерно предполагать, что в каждой местности налоги и сборы отличались своеобразием, однако и местные системы не поддаются определению. Создается впечатление, что списки налогов составлялись произвольно и небрежно.

Так, в одной из ранних надписей V в. в качестве *брахмадеи* предоставляется право на сбор налогов: с кузнецов; с кожевников; с лавок торговцев тканями; со шпионов, ходящих в масках и свободных одеждах (другой перевод — с торговцев одеялами и танцовщиков на канатах); с торговцев веревками или лавок вообще; еще один налог с тех, кто живет с дохода от лавок; с варваров и внекастовых; с актеров в масках; с водоносов; с ткачей; налог на азартные игры; на свадьбы; на цирюльников; с ремесленников, имеющих привилегии (?) (*sarvaparihāra*); «и другие налоги, причитающиеся мне» (т. е. царю)⁴⁶. Возможно, данный список налогов отражает реальность в том смысле, что поселение Вилаветти в Мундарахт্রে являлось ремесленным и культурным центром с весьма разнообразным населением. Однако все же поражает прихотливый выбор объектов обложения. Можно объяснить это тем, что надпись относится ко времени, когда паллавская государственность еще только складывалась.

Однако в 753/4 г., т. е. в период расцвета государства, другой, еще более обширный список налогов, поражает той же бессистемностью. В надписи Нандивармана II из Карикала перечисляется более 40 сборов. Открывается список понятными терминами, означающими сборы с маслопрессов и ткацких станков; затем идет «плата копателей

⁴⁵ EI, XXIX, p. 89–97, no. 11 (IP, no. 53)

⁴⁶ EI, XXIV, p. 296–303, no. 43 (IP, no. 15)

колодцев»; далее — «доля брахманов и царя»; следом сборы с неких деревьев, определить которые не удастся; затем «доля от колосьев», «доля старосты», «доля горшечника», «сбор с просеивания падди», «цена гхи», «цена ткани», «доля тканей»; затем непонятный сбор *iāamay* (который потом в списке повторяется 4 раза!), затем сборы с охотников, посыльных, танцовщиц; затем, после ряда непонятных терминов, сборы, называвшиеся «лучшая корова», «лучший бык», с хлопчатобумажной пряжи, со слуг, с сока пальмиры, «штраф с писца», «штраф с *адикари*», «сбор с водяных лилий» и «доля от водяных лилий» и т. д.⁴⁷

Чолы не намного упорядочили номенклатуру налогов. Огромное количество названий налогов, содержащееся в Чольских надписях, большинство из которых упомянуты лишь однажды или всего несколько раз; то, что основной налог носил несколько названий (*кадамей*, *ирей* и т. п.), — уже эти два наблюдения говорят о том, что системы налогообложения при Чолах не сложились, что в каждой местности, а может быть и в каждой деревне, и даже, может быть, с разных участков в одной деревне, взимались самые разные взносы и платежи, под одним названием, или под разными названиями.

Ситуация иллюстрируется случаями, когда издаются специальные надписи, вводящие в одной деревне такую же систему налогов, как в другой⁴⁸, или уравнивающие налоги в двух соседних районах⁴⁹. Это показывает, что, по крайней мере, до этого оно было не одинаковым. Постоянно встречаются частичные сокращения налогов, распространяемые на некоторые земли⁵⁰. Это вело, наоборот, к возникновению неравномерности в обложении. Регулированием ставок всякого рода платежей, в том числе и государственных налогов, занимались, как было показано, самые разные физические и юридические лица, что создавало значительную чересполосицу в налоговой системе. Поэтому, в частности, невозможно, несмотря на значительное количество цифровых данных в надписях, определить уровень налогообложения или арендных плат. Во всяком случае, это не удавалось еще ни одному исследователю. Поэтому и я стараюсь опускать цифровые данные, встречающиеся в использованных надписях, т. к. они

⁴⁷ SII, II, p. 352–353, no. 73 (IP, no. 73). См. также еще один список: EI, VI, p. 88, no. 8 (IP, no. 257)

⁴⁸ ARE, 376 of 1924 (SII, XIII, no. 215)

⁴⁹ ARE, 152, 153 of 1935/36

⁵⁰ ARE, 541, 554, 556 of 1926. 1927; SII, III, p. 123, no. 63

будут только порождать у читателя ложные надежды на возможность их проанализировать.

Кроме собственно государственных налогов («царской доли»), как мы уже знаем, вводили дополнительные поборы разного рода магнаты, существовали сборы в пользу *наду*, в пользу *ура*, в пользу *нагарам* и т. п.

Карашима и Ситараман⁵¹ провели компьютерную обработку списков налогов, содержащихся в чольских надписях, и выяснили, что 1) всего упомянуто около 420 терминов, но 80% из них упомянуты только раз или дважды;

2) налоговая терминология в двух основных областях Чольской державы — в Чоламандалам и Тондаймандалам — не совпадает, т. е. в них действовали **разные системы обложения** (если их можно назвать системами); некоторые налоги вводились, а затем отменялись или переставали собираться;

3) семь терминов, наиболее часто встречаемые в обоих изученных районах и во все периоды чольской власти, это *кадамей* (основной налог в натуре или деньгах), *эччору*, *мутта-й-ал*, *ветти* (все это — трудовые повинности, может быть, разного характера), *антараям* (можно понять как сбор в пользу местных органов власти), *кудимей* (значение этого термина обсуждалось в параграфе о системе собственности на землю) и *таттар-паттам* (налог на золотых дел мастеров).

Остальные термины, означающие подати, налоги и сборы, упоминаются редко, по-видимому, нигде не составляя некий утвержденный набор налогов⁵².

Группа в составе Й. Суббараялу, П. Шанмугама и руководителя проекта Н. Карашимы проделала аналогичный анализ надписей Пандьев⁵³. Чтобы работа была подъемной, они взяли не все пандийские надписи, а только из дистрикта Тиручираппалли и бывшего княжества Пудуккоттай. Это ядро пандийских княжеств XIII–XIV вв. Для уверенных выводов материал, представленный в данной выборке, вполне достаточен.

Они сравнили номенклатуру налогов в этих двух районах по семи подпериодам времени господства Пандьев. Исследователи насчитали

⁵¹ Karashima 1972; см. также Karashima 1984, p. 69–93

⁵² Суббараялу на основе этих данных попытался все же создать «систему налогов» Чолов. Но его допущения не выглядят убедительно. (См. Subbarayalu 1985, p. 172–176)

⁵³ Karashima 1980; см. также Karashima 1984, p. 105–128

198 терминов для обозначения налогов, податей и повинностей. Среди общего списка 85% — новые термины, не встречающиеся в период Чолов. Более 10 раз встречается 31 термин, из них 6 появляются впервые, но они обозначают явно второстепенные налоги. Исследователи также отмечают значительную разницу между названиями налогов в Тиручираппалли и Пудуккоттае.

Это говорит о том, что и в XIII в. система налогов не устоялась, новая династия вводит новые налоги, не зная о том, что подобные уже существовали. Но вводит их не регулярно, а *ad hoc*, в данном месте в данное время, не заботясь о том, чтобы создать единообразную систему податей.

Земельные кадастры (сопровождавшиеся, можно предположить, фиксированием определенных налогов с участков земли) производились, судя по глухим упоминаниям в надписях, в правления Раджараджи I и Кулоттунги I (в 16-ый и в 40 годы правления соответственно). Поверим надписям. Но эти попытки, судя по статистике наименований налогов, сразу же по смерти этих энергичных государей забывались, и ситуация возвращалась к прежней — полному произволу в начислении и взимании податей⁵⁴.

То и дело встречаются сообщения, что некий магнат вдруг наложил дополнительный налог, и жители не смогли его заплатить и вынуждены были продавать землю. Так, в 1152 г. некий Виджаяраджendra остановился лагерем в Венгаймандалам и ввел дополнительный налог в 1 золотую монету *кажанджу* с каждого *ма* земли. *Сабха* заняла золото в храме, чтобы расплатиться⁵⁵. В 1212 г. другой местный князек вдруг наложил на *аграхару* дополнительный денежный налог, который брахманы платить не могли и не хотели. Их заключили в тюрьму, заставили продать одну из их деревень, чтобы налог все же уплатить⁵⁶.

По указаниям одного из местных владетелей, например, конфискованы и проданы земли недоимщиков в Шевалуре в 1223 г.⁵⁷ В другом

⁵⁴ Эту ситуацию хочется сопоставить с одной из характерных черт западноевропейского феодализма, отмеченной Ю.Л. Бессмертным — крайней неравномерностью рентных обязанностей крестьян, невозможностью при феодализме высчитать типичный объем рентных платежей (Бессмертный 1969. С. 287, 306)

⁵⁵ ARE, 521 of 1920. 1921

⁵⁶ ARE, 202 of 1912. 1913 (SH, VI, no. 77; Aiyangar 1921, p. 24; Gupta 1933, p. 91; Stephen 1999, p. 19)

⁵⁷ IPS, no. 401 (Balaji 2002, p. 59)

случае местный магнат, носящий титул *удеияр*, проводит устроение деревни, испытавшей какой-то катаклизм, — отбирает земли у тех, кто ушел, наделяет землей тех, кто поселился⁵⁸. Довольно свободно действует как даритель земли и распорядитель налогов вассал Пандьев Кулашекхара Шамбувараяр⁵⁹.

«Царские люди» фигурируют в таких случаях не часто. Иногда по разным поводам жители жалуются «царю», и он разрешает инцидент ко всеобщему удовлетворению. Но как именно он это делает, остается неясным.

Регулярного кадастра земель просто не могло быть, поскольку меры земли, меры объема и монетная система могли изменяться по решению местного магната. Один из них, стремясь облегчить участь ряда деревень, своим решением изменил

- земельные меры (в *ма* считалось 18 кв. пядей, стало 24),
- курс обмена *дирамам* в *кашу* (приказано считать в 1 *кашу* не 5, а 7 *дирамам*),
- размер мешка, которым меряется налоговое зерно,
- т. е. полностью перестроил всю систему исчисления налогов — и все это без всякой санкции сверху⁶⁰.

Этому ходу рассуждений и этим выводам вроде бы совершенно противоречат данные о дарениях 40 деревень храму Раджараджешвары в Танджавуре в 29 год правления Раджараджи I⁶¹ и примерно таком же массовом дарении деревень (приблизительно 39, надпись сильно повреждена) храму в Гангайкондачолапураме Вирааджендрой Чола и его предшественниками на престоле⁶². Все деревни в этих надписях имеют точно высчитанную площадь орошаемых, неорошаемых и прочих земель и точный размер консолидированного налога (*kāi i-k-kaṇan*), выраженного в *каламах* с *вели* или в монетах (*кажанджу*) с той же земельной меры.

Эти надписи демонстрируют нам фантастическую точность измерения земли. Площадь деревень выражена в *вели*, с точностью до его 1: 52 428 800 000 части⁶³. Если принять, что имеется в виду *вели*, равное 6,6 акра (наибольшее из имеющихся значений этой земельной

⁵⁸ ARE, 531, 532 of 1921. 1922

⁵⁹ ARE, 178, 180 of 1939/40; 28 of 1940/41. 1939/43

⁶⁰ ARE, 73, 91 of 1924 (Tirumalai 1987, p. 73, 151–152)

⁶¹ SHI, II, p. 42–68, no. 4,5

⁶² SHI, IV, no. 529

⁶³ SHI, II, p. 62

меры), получится, что земля измерена с точностью до 1/500.000 кв. фута, т. е. 0,00186 кв. см⁶⁴. Надписи с такими данными на фоне тысяч надписей, где земля продается и дарится, измеренная приблизительно или вообще без указания площади, выглядят странно и неправдоподобно. Я склонен считать, что эти данные являются не чем иным, как **мифом**, выражением **желания**, чтобы земли были измерены как можно тщательнее.

При Пандьях скрупулезные измерения земли с бессмысленной точностью не упоминаются.

Суммы налогообложения, содержащиеся в тех же надписях, выглядят значительно разумнее, но тоже вызывают вопросы. С одной стороны, мы видим значительную стандартность в размерах налогов: 100 *каламов* падди или 5–10 *кажанджу* золотом с 1 *вели* орошаемой земли. С другой стороны, встречаются необъяснимые исключения из этого как бы правила.

Есть целые группы деревень, обложенные по средней ставке в 88 *каламов*, по 50 *каламов*, по 20 *каламов*. В одной из деревень значится 39 с лишним *вели* орошаемой земли и 12 с лишним *вели* неорошаемой (всего чуть больше 52 *вели*). Налог со всей этой площади — 2500 *каламов*, т. е. в среднем по 48 *каламов* с *вели*. Это значит, что в данном селении и с орошаемой земли брали значительно меньше 100 *каламов*. Конечно, никаких данных, которые могли бы объяснить исследователям, почему допущен такой разноречивый в ставках, надписи не содержат. Условия дарений во всех случаях одинаковые. Карашиме приходится высказывать предположения, что эта разница зависит от местности, в которой расположены дарованные деревни, что эти местности имеют разную продуктивность земли. Он прилагает к своим рассуждениям карту, на которой обозначены эти местности⁶⁵. Действительно, селения, отличающиеся ставками налога, расположены в разных частях дельты Кавери. Но все же, нет никаких оснований считать, что это расположение существенно влияло на продуктивность земли. Возникает совершенно противоположное предположение: ставки различались просто потому, что в разных местностях бытовали разные обычаи. Местная практика имела приоритет перед

⁶⁴ Эти подсчеты на полном серьезе производит Т. В. Махалингам (Mahalingam 1967, p. 162). Интересно, что подобная подача размера земельного участка (с точностью до 1/12800 *вели*) встречается в упоминавшейся надписи Уттамы Чолы от 978 г., когда никаких земельных кадастров мы не знаем (SHI, III, p. 312, no. 151).

⁶⁵ Karashima 1980b

какими бы то ни было уложениями или распоряжениями. Напомним, что в данном случае речь идет о времени Раджараджи I — периоде наибольшего усиления центральной власти.

Й. Суббараялу пытается сконструировать систему сбора налогов из имеющихся данных: *ур* уплачивает налоги *наду*, та передает суммы (и зерно?) царскому сборщику налогов. Суббарайялу находит в надписях термины *nāḍu-p-purava* и *nāḍu-vari*, которые можно понять как «налоговые отчеты *наду*»⁶⁶, а также находит **один** пример: в 917 г. некоему Паллавараяру поручается собирать налоги в конкретном *наду*. Я уже писал о том, что по единичным данным нельзя судить о распространенности какой бы то ни было системы.

Весьма недостаточные данные мы имеем также по вопросу об организации сбора налога в чисто физическом отношении. В большинстве случаев речь идет о наложении платежей в необрушенном рисе (падди). Если сбор налогов был централизован, то должны были производиться грандиозные перевозки зерна, связанные с огромными массами тяглового скота, строительством складов и т. п., мы слышали бы что-то об обозах, дорогах и т. п. В общем и целом надписи об этом молчат. Есть единственная, которая затрагивает эту проблему. Она уже упоминалась. В 1169 г. некоторые *аграхары* вблизи Танджавура составили развернутые правила о взаимоотношениях брахманов, веллалов и *куди* (земледельцев)⁶⁷. В числе прочих обязанностей там упоминается доставка зерна в царские закрома. Для этого жители должны выделить скот, а также по одному человеку с каждого *ма* деревенских угодий. Эта надпись весьма красноречива, но единична. Как заметил читатель, данные надписей можно уверенно принимать, только если они массовы.

К. Велудат оценивает ситуацию в изучении налоговой системы раннесредневековых тамильских государств так: «Следует полагать, что различные виды налогов, собиравшиеся на местах, достигали царской казны через местных вождей... хотя мы не знаем практически ничего о способах таких переводов»⁶⁸.

Невольно хочется вернуться к идеям Бёртона Стайна. Может быть, эти массы зерна никуда не увозились из сельской местности, а попадали в руки местных властей, тех же *наттаров*?

⁶⁶ Subbarayalu 1977, p. 41

⁶⁷ SII, VI, nos 48, 50, 58

⁶⁸ Veluthat 1993, p. 129

Тирумалай пытается из данных надписей сконструировать «налоговый департамент», систему учета земли, дарений и платежей. По его мнению, существовали:

- реестр владений и пользований (*oṇku*);
- реестр обложения, фиксирующий права каждого владельца и сумму, которую он должен платить (в него вносились все изменения во владениях. Этим занимался *варийилар*. Этот документ был базой для дарений);
- *puravu* — «возможно», реестр земель, обложенных по полной ставке,
- *tara-pottakam* — реестр всех земель в соответствии с классификацией по *тапам*.

Все это построение зиждется на отдельных упоминаниях терминов и является результатом умозрительных рассуждений. Например, надпись времен Раджендры I из Танджавура рассказывает, что храм получил землю для цветника в 3 год правления этого царя, другой дар земли — в 6 год, а в 8 год царь издал распоряжение занести эти пожалования в книги учета. Это одна из надписей, в которых предусматривается сложная система прохождения документов через руки многочисленных министров и секретарей⁶⁹.

В Уттарамеруре есть две надписи, фиксирующие отчуждение земли от 1113 и 1214 гг., в которых говорится о фиксировании этих сделок в неких документах: в одном случае — передаче земли жрецам 4-х храмов, в другом случае — продаже земли за долги. Эти изменения в статусе участков заносятся в «земельный кадастр» (*pottakam*) и в «налоговую роспись» (*vari*). Во всяком случае, так понимает эти термины Нилаканта Шастри. Но странно то, что эти записи осуществляют не чиновники, а сама *сабха*. Это «деревенский земельный кадастр», находящийся именно в деревне!⁷⁰

При Пандьях, как и при Чолах, несколько раз упоминается некий документ, куда вносятся все изменения в статусе земли — *oṇgu*⁷¹. Но подавляющая часть дарений производится без упоминания этого реестра. А однажды (Танджавур, 1271 г.) издается царский указ о переводе участка в 2 *вели* из храмовой земли в другую категорию, и запись об этом в *ожугу* поручается внести *сабхе* деревни⁷². Из контекста

⁶⁹ ARE, 645 of 1909. 1910

⁷⁰ ARE, 68, 76 of 1898; 175 of 1923, (Sastri 1932, p. 128–129)

⁷¹ ARE, 125 of 1927

⁷² ARE, 85 of 1931/32 (SII, XII, no. 233)

следует, что официальный реестр земель находится не в некоем государственном учреждении, а в общине, на руках у тех землевладельцев, которые могут быть объектом царских дарений.

Более того, имеется прямое указание (правда, единичное) что никакой регистрации отчуждения земли в каком-либо государственном офисе не требовалось. *Сабха* Сирупажура (в Тируччирапалли) в 1090 г. продает небольшой участок земли в 1/20 *вели* (непонятно, почему не сказано: 1 *ма*?) матери местного вельможи. В ней содержится приписка: «Относительно этих 1/20 [*вели*] земли только это должно быть документом о продаже и только это должно быть документом об окончательной уплате денег, и они (вельможа и его мать? — Л. А.) не обязаны предъявлять никакой иной документ о полной уплате денег, кроме данного»⁷³. Такая запись может означать, что купля-продажа земли не требовала официальной регистрации. Во всяком случае, *сабха* заявляет, что она никакой официальной регистрации не признает и документ, выданный ею, достаточен для признания сделки валидной.

Выше уже приводились случаи, когда земля, принадлежащая по документам или по воспоминаниям свидетелей одному юридическому лицу, захватывалась другим, и это беззаконие не исправлялось годами и даже десятилетиями.

Классификация земли по *тарамам*

Есть еще одна группа сведений, которые по идее должны продемонстрировать глубокое проникновение государственного аппарата в деревню, но оказываются еще одним свидетельством отсутствия упорядоченной системы обмера земли и системы ее обложения. После 950 г. появляются данные, что часть земли была классифицирована по «сортам» (*taram*). Сортов было около 20. Само по себе интересно, что нельзя установить, сколько же их было. Эта классификация то ли была введена, то ли постоянно находилась «в процессе введения». В одном и том же селении могли быть земли, классифицированные по *тарамам* (*taramiṇ*), и другие, которые облагались просто в соответствии с площадью (*taramili*)⁷⁴.

Суббараялу подсчитал, что из 4000 опубликованных надписей, относящихся к X—XIII вв., термин *тарам* и связанные с ним термины

⁷³ SII, III, p. 154–155, no. 72

⁷⁴ SII, XXIII, no. 375 (Tirumalai 1987, p. 103); ARE, 303, 304 of 1960/61

мадакку ма, *вириву* и *паранпу* упоминаются только в 65, причем распределенных не равномерно. Большинство их в дистриктах Танджавур, Ю. Аркат и Ченгалпатту, т. е. в политическом ядре государства. 4 надписи такого рода найдены в Тирунелвели, на крайнем юге полуострова⁷⁵. Иными словами, этот институт был распространен крайне мало.

Итак, существовали некие градации земли, «сорта», называвшиеся *тарам*. Обычное измерение площади земли (в *вели*, его 1/5 части *кани*, его 1/20 части *ма*, его 1/2000 части *кужи*) иногда дополнено или заменено другим измерением — в *мадакку ма*, мерах, размер которых зависел (по смыслу слова «сорт») от качества земли, и каждое из которых несло одинаковый налог, хотя было разной по площади. Есть случай, например, когда 15 *вели* земли, измеренной «по площади», пересчитанные в *мадакку ма*, стали числиться как 5 *вели*⁷⁶. Но это не сулило налогоплательщикам облегчения бремени. Ставка с *мадакку ма* была не менее чем в 3 раза выше, чем с обычного *ма*.

Эта роспись земель по сортам не была постоянной. По крайней мере, мы узнаем о ней из контекстов, которые предполагают изменение *тарам*-классификации.

В отсутствие объяснений, которые нам предлагали бы источники, приходится обратиться к отдельным примерам бытования этого института. Так, в 1048 г. Раджадхираджа I приказывает, чтобы *тарам* земель, выделенных храму и школе в Трибхувани, не изменялся, даже если изменится классификация земель во всем селении⁷⁷. Таким образом, имплицитно полагается, что изменение *тарам* — это увеличение налогообложения. Через 5 лет выяснилось, что Раджадхираджа был предусмотрителен: махасабха Трибхувани изменила классификацию земель, правда, «в соответствии с указанием царя»⁷⁸. Еще через 5 лет та же сабха изменяет классификацию земель в Путтуре, селении, принадлежавшем храму⁷⁹.

В другой надписи того же 1048 г. в другом районе Раджадхираджа I приказывает, чтобы земли храма в Тируваипаидеваре, как и земли других вишнунитских храмов, были обложены налогом по наименьшему *тараму*⁸⁰.

⁷⁵ Subbarayalu 1977, p. 341–346

⁷⁶ SII, IV, no. 223; V, no. 633; VIII, no. 248; XXIII, no. 257, 303

⁷⁷ ARE, 176 of 1919 (Tirumalai 1987, p. 110)

⁷⁸ ARE, 188 of 1919 (Sastri 1955, p. 583)

⁷⁹ ARE, 11 of 1919

⁸⁰ ARE, 330 of 1917 (Tirumalai 1987, p. 12, 109–110)

Наттары Мелаппалувур, предоставив общинную землю для обработки некоему частному лицу, зафиксировали его ренту в размере 25 *кажанджу*, оговорив при этом, что она останется прежней, даже если ставка налога повысится в соответствии с *тарамом*⁸¹.

В 1050 г. Виранаяна-мундавелар собрал *махасабху* Уттамачола-чм (Ченгалпатту) и, терпеливо выслушав жалобы на то, что проведенная классификация земель привела к хаосу, переквалифицировал участки, назначил им правильные налоги. Он же разъяснил, что новому обложению подвержены только те земли, которые были выявлены в ходе проведения кадастра⁸².

В 1074 г. *сабха* перевела землю 14-го *тарама* в 20-ый, чтобы легче было платить налоги⁸³.

В 1079 г., уже в правление Кулоттунги I, земли, подаренные двум храмам, велено было считать относящимися к 12-му *тараму*⁸⁴. В 1097 г. земли, выделенные некоему поэту, также были записаны в 12-ый *тарам*⁸⁵. Оба эти решения принимались *сабхой* по указанию царя.

В 1141/42 г. *махасабха* Куллотунгачола-чм продала частному лицу несколько участков земли общей площадью 12 *вели* 8 *ма*. Эти земли, видимо, были крайне неудобны, так как никто не брался их обрабатывать, а налоги с них продолжали требовать. Участки были классифицированы по разным *тарамам*: 10-му, 11-му, 12-му и 13-му. По такому измерению, не по площади, а по «налоговой ценности», эти земли составляли всего 4 *ма* 3 ³/₄ *кани*, т. е. «как бы» в 62 раза меньше. С такого «средневзвешенного *ма*» полагается платить 158 с лишним *каламов* падди в качестве *кадамея* и 4 6/20 *кашу* деньгами в качестве *антараям*⁸⁶.

И в этой надписи предусматривается пересмотр классификации по *тарамам*, и тоже все уверены, что этот пересмотр не сулит ничего хорошего. Оговаривается, что купивший эти бросовые земли будет платить по прежним ставкам, даже если изменится классификация, а разницу будет покрывать *сабха*.

Другой случай настороженного отношения к обложению по *тараму* зафиксирован в надписи из Мелаппалувур. *Наттары* сажают держателя на землю и фиксируют налог с него — 25 *кажанджу*, заявляя

⁸¹ SII, XIX, no. 378 (Tirumalai 1987, p. 109)

⁸² ARE, 239 of 1922, p. 102

⁸³ SII, IV, no. 508 (Subbarayalu 1977, p. 342)

⁸⁴ ARE, 186 of 1917; 178 of 1919 (Tirumalai 1987, p. 110)

⁸⁵ ARE, 198 of 1919 (Tirumalai 1987, p. 110)

⁸⁶ SII, XXIII, no. 303 (Tirumalai 1987, p. 63, 101–102, 132–133)

при этом, что если по системе *тарам* ставка налога окажется больше, все равно с него не будут брать больше 25 *кажанджу*⁸⁷.

В 1143/44 г. в другом районе снова идет речь о фиксации налоговых ставок с определенных земель, подаренных храму, и о том, что они не будут увеличены даже при пересмотре классификации земель⁸⁸.

Остается неясность, как соотносились номера *тарамов* и качество земли: считались ли лучшие земли «первоклассными», или наоборот, первые номера присваивались наихудшим землям. В 1180 г. Кулоттунга III соглашается с тем, чтобы земли храмов не классифицировались ниже 8 *тарама*. Земли храмов, обложенные выше, чем по 8-му *тараму*, должны быть переквалифицированы в 8-ой *тарам*, а те земли, которые имеют *тарам* меньше 8-ми, должны остаться таковыми⁸⁹. Получается, что высокий номер *тарама* означает более высокий налог. Однако в одной из надписей перевод земли из 14-ого *тарама* в 20-ый выдается за сокращение налога⁹⁰.

Опять возникает крамольная мысль: а может быть, не было правил и здесь? В одних местностях первые номера присваивались лучшим землям, а в других местностях — худшим?

Еще важнее то, что не утвердились критерии разделения земли по качеству. Тирумалай уверенно заявляет, что номера *тарамов* (и, соответственно, ставки платежей) не зависели от продуктивности земли. Они устанавливались *оценочно*. «Никакого точного соотношения между классификацией земли и ее обложением невозможно установить»⁹¹. Сначала определялся общий объем платежей, а затем классификация по *тарамам* подгонялась под эту сумму⁹². Я не знаю, какие данные или соображения заставили Тирумалай сделать такое заключение, но я отношусь к его работе с особым уважением, поскольку те его заключения, которые я сумел проверить, оказались строго выверенными. В любом случае, никаких иных мнений по данному вопросу ученые не предлагают (потому что не хотят в этом разбираться, потому что вопрос крайне запутан в надписях). Поэтому я склонен

⁸⁷ SII, XIX, no. 378 (Tirumalai 1987, p. 109)

⁸⁸ SII, XVII, no. 597 (Tirumalai 1987, p. 111)

⁸⁹ ARE, 262 of 1913. 1914 (Tirumalai 1987, p. 111). Для понимания соотношения функций аппарата и местной общины важно, что соответствующий приказ издает не царь, а комитет *сабхи* — *nilam-aṭṭavuraṇ-p-perumakkaē* («великие люди по учету земель»).

⁹⁰ SII, XXIV, no. 57 (Tirumalai 1987, p. 109)

⁹¹ Tirumalai 1987, p. 103, 108

⁹² Tirumalai 1987, p. 109

присоединиться к его мнению, которое можно выразить и иначе: Чолы сделали попытки ввести строгую систему сбора налогов, но эти попытки были не очень настойчивые, а местная администрация (различить в ней чиновников и магнатов совершенно невозможно) им противилась, поскольку в условиях неопределенности налоговых ставок можно было легко «выкроить» себе маленький (или не маленький) куш.

При Пандьях классификация земли по *тарамам* упоминается крайне редко и в контекстах, которые только подтверждают выводы, сделанные об этой системе на чольском материале⁹³.

Армия

В соответствии с общей для индийской историографии нацеленностью на поиски государства и всех его функций и ведомств, подразумевается, что у Чолов имелась регулярная армия.

Встречаются термины, которые можно перевести как «армия» или «военный отряд». Например, «великая армия каст правой и левой руки» (*valaēkai-itaēkai-mācācai*), но эта «великая армия» в надписи не воюет, а совершает дарение. Так что ее воинские качества остаются за кадром.

Б. Стайн обращает внимание на то, что многие подразделения чольской армии называются *vāṇai-k-kārar*. Индийские ученые видят в этих подразделениях регулярную армию⁹⁴. Стайн переводит *велей* как «временный, по случаю» и считает эти войска ополчением, милицией веллалов, которую цари мобилизовывали на ту или иную конкретную военную операцию⁹⁵. Эпиграфисты, переводившие соответствующую надпись, употребляли выражения «войско слуг» или «добровольцы»⁹⁶.

Таким образом, наличие регулярной армии в период Чолов вызывает сомнения.

Государство и правосудие

Одним из важнейших прерогатив государства является возможность и обязанность наказывать преступников и взимать штрафы

⁹³ SII, V, no. 413, 414 (Tirumalai 1987, p. 72)

⁹⁴ Sastri 1955, p. 454

⁹⁵ Stein 1980, p. 190–191. *Vāṇa* — там. — «время».

⁹⁶ EI, XVIII, p. 334, no. 38

за нарушения законов. Однако в Южной Индии изучаемого периода государства не обладали монополией на такую функцию. Правда, в ряде случаев, относящихся главным образом к XIII в., преступники несут ответственность перед центральной властью. Например, в 1222 г. вскрылось, что два магната разворовали статуи, украшения и утварь храма. Их земли и дома были проданы, а вырученные деньги переданы в царскую казну (*rājabhāi āra*)⁹⁷. Земля других «царских врагов» (*rājadrohin*), преступления коих не раскрываются, была продана с публичного аукциона в 1230 г., и вырученные деньги тоже пошли в казну⁹⁸.

Но государственной судебной системы не существовало. Даже дела, связанные с убийствами, решают *сабхаяры*, *нагараттары*, торговые корпорации, а не государственные чиновники. Более того — и это особенно важно с точки зрения уровня зрелости государственности — штрафы и пени за преступления, проступки и иные нарушения порядка чаще всего получают не государственные ведомства, не «царь», а храмы⁹⁹. Например, 1201/02 г. *ур* селения Киранур и *наттары* Ведаширавайилнаду приходят к соглашению, что они не будут причинять вреда деревьям, колодцам и водоемам. Если же они нарушат это соглашение, то их земли будут конфискованы в пользу храма¹⁰⁰.

Другие примеры, когда любые преступления заглаживались взносом неких материальных ценностей в храм, приведены выше в ходе рассмотрения функций многочисленных общин.

Раджан Гуруккал, специально занявшийся вопросом о том, как поддерживался «закон и порядок» в период Пандьев, пришел к выводу, что нет оснований считать, что имелась царская армия или полицейские отряды, которые защищали бы население. Функции *kāval* или *rakṣai* («защиты») осуществляли некие отряды, банды, которых нанимало местное население в лице разнообразных общин¹⁰¹.

Надо еще раз процитировать Й. Суббараялу, который пытается — в пределах разумного — отстоять идею о существовании административного аппарата у Чолов. Он признает, что судебные функции оставались «местными по существу»¹⁰².

⁹⁷ ARE, 308 of 1927

⁹⁸ ARE. 112 of 1911

⁹⁹ ARE, 301 of 1923. 1924; 194 of 1927/28 (SII, XII, no. 224)

¹⁰⁰ IPS, no. 156 (Balaji 2002, p. 58)

¹⁰¹ Gurukkal 1987, p. 194

¹⁰² Subbarayalu 1977, p. 293–294

Понятно, что в Индии любой неблагоприятный поступок расценивался, прежде всего, как нарушение *дхармы*, т. е. носил не столько антигосударственный, сколько антиобщественный, или даже антирелигиозный характер. Но «царь», по индийским традиционным воззрениям, и есть, прежде всего, защитник *дхармы*. Так что именно он обязан восстанавливать справедливость и налагать наказания. В частности, получать штрафы. Однако вопреки индуистским догматам, а также вопреки современной теории государства и права, южноиндийские государства того времени не обладали монополией на насилие и на установление правопорядка.

* * *

Все государства, рассматриваемые здесь, были довольно рыхлыми образованиями. Центральная власть действовала в условиях серьезных материальных и идеологических ограничений. Социальную жизнь того времени вполне возможно рассматривать в рамках традиционной европоцентристской феодальной концепции. «Феодальная раздробленность», если понимать это выражение как содержательное понятие, явно присутствовала. Но эта модель не может описать всю многообразную реальность. «Восточная деспотия» в совокупности с морем вассалов существовали в условиях богатой общественной активности общин и корпораций самых разных типов. Феодальные круги или представители госаппарата принимали в этой деятельности участие, но явно не играли руководящей роли.

Глава 11

Особенности страны Конгу

Конгу (Конгунаду, Конгумандалам) охватывает западные районы Тамилнаду. Это современные дистрикты Коямпуттур, Ироде, Селам и Дхармапури (на прилагаемой карте это территория только двух дистриктов: Койямпуттур и Селам). Они расположены на возвышенностях Восточных Гат и по своему климату отличаются от влажных и жарких равнин прибрежного Тамилнаду. «Конгу» буквально означает на тамильском «мед», «аромат», «благоухание», «цветочная пыльца». Страна, называвшаяся так, по-видимому, представлялась равнинным тамилам как обладающая отличным климатом.

Историческая судьба этой страны была особой. Поэтому мы и рассматриваем ее отдельно. Она славилась лесными продуктами, шелком и бериллом, а также хорошим скотом (о достоинствах коров и быков из Конгу упоминается в литературе Сангама).

Она была заселена тамилами и стала, таким образом, частью Тамилнаду сравнительно поздно. Современные ученые выделяют несколько волн иммиграции сюда. Эти волны привели к созданию особой кастовой системы.

Ранняя история Конгу, как и полагается, теряется в легендах. Историческая работа позднего средневековья «Конгудеша-раджаккал» («Правители страны Конгу») утверждает, что первые 7 царей в первые века н.э. происходили из рода Редди, или Ратта и принадлежали к раджпутской династии Сурьявамша. Но эти правители не оставили по себе никакой иной памяти, кроме упоминания в этой хронике. А кроме того, имена пяти из них подозрительно совпадают с именами царей династии Раштракутов, правивших в VII–X вв. совсем в другом месте. Так что историчность этой версии начала государственности в Конгу остается под большим вопросом. Однако затем идут имена правителей из династии Западных Гангов, которые оставили после себя надписи,

так что начиная с Конганивармана, который правил, как принято считать, в 350–400 гг., «Конгудеша-раджаккал» помогает установить хронологию, близкую к истинной.

Более того, эта хроника явилась доказательством того, что надписи Западных Гангов, относящиеся к IV–VI вв., являются подлинными. Ранее они были поставлены под сомнение на том основании, что их датировка не всегда регулярна: не совпадают, например, числа и дни недели. Получилось интересное источниковедческое явление: два сомнительных источника, но явно имеющие разные истоки, взаимно подтвердили собственную аутентичность.

Ядро государства Западных Гангов находилась на территории Майсура, т. е. южной части Карнатаки, и поэтому мы к ним вернемся, когда речь пойдет о Карнатаке. Но Конгу тоже длительное время входила в их государство, там есть их надписи, которые используются в данном случае.

В ходе соперничества между Паллавами и Чалукьями из Ватапи территория Конгу несколько раз переходила из рук в руки. Затем Адигайманов из Тагадура и других мелких магнатов Конгу подчинил Недуншежиян Пандья. Адитья I Чола вытеснил Пандьев и Западных Гангов.

С IX по XIII вв. Конгу считалась провинцией Чольской империи. Она официально сменила несколько названий: Малайнаду, Викрамачоламандалам, Адхираджараджамандалам (IX в.), Чолакераламандалам (XII в.). Фактическая власть Чолов распространялась, возможно, только на восточные и северные части провинции. Там обнаружены чольские надписи. В западных и южных районах чольских надписей нет.

Демографическая история Конгу

Этнографические данные говорят, что первыми насельниками территории будущей Конгу были охотничьи и пастушеские племена. В литературе Сангама их называют *ведарами* (или *ирулар* — «темными») и *курумбарами*.

Первая волна иммиграции приходится именно на период Сангама. Появляются племена или общины *maavar* — воины на лошадях, слонах и колесницах, возможно, из страны Чера; *kīcar* — о них практически ничего не известно; *koēkar* — пастухи, их потомками считают современных жителей Курга *кодагу*.

Чольское время было периодом значительной миграции сюда тамильского населения. По выражению Арокиасвами, Конгу в то время представляла собой вакуум, поглощавший народ из других провинций. При этом Конгу сохраняла значительную изолированность от равнинного Тамилнаду, и тамильские касты, осваивая просторы Конгу, начинали осознавать свою отдельную идентичность. Образовались подкасты *конгу-веллала*, *конгу-четти*, *конгу-цирюльники*, *конгу-прачечники* и *конгу-параияны*. Эти пять каст (*панча джати*) считали себя исконными жителями страны. Есть даже основания считать, что они пришли сюда не в качестве отдельных каст, а как некая нерасчлененная масса народа, и уже здесь распались на профессиональные касты. Наблюдались конфликты между местным населением (*ведарами*) и пришлыми¹.

Определенным основанием верить этой версии служит то, что в Конгу эти пять каст сохраняют некоторое единство. *Веллалы* и *четти* называют друг друга братьями, столь же близки *цирюльники* и *прачечники*. *Конгу-параияны* подносят огонь к погребальному костру — обязанность, которую в других районах исполняет старший сын умершего. Тесное переплетение каст в Конгу подтверждается и эпиграфическими данными. В надписи 1034/35 г. фигурирует *веллала* по имени Удайяманмашила-*четти*². Судя по этому имени, член землевладельческой касты, не порывая с ней, занимается на самом деле торговлей, и это признано окружающими как нормальное явление. Обращает на себя внимание отсутствие брахманов в этих сведениях о миграции. Их действительно мало в местном населении, и они играют незначительную роль в политике и экономике³.

При Чолах Конгу правили их наместники, которые принимали имена, идентичные с именами их сюзеренов в Гангайкондачалапуре, но называли себя Конгу-Чолами. Впрочем, насколько полно подчинялись Конгу-Чолы Чолам имперским, мы не знаем. С одной стороны, нет указов о назначении их вице-королями, и они датируют свои

¹ Есть легенда, что однажды *ведар*, который считал себя главным местным жителем, увидел, что брадобрей бреет *веллалу*. Он отослал брадобрея куда-то с поручением, и *веллала* остался недобритым. Тогда *веллалы* выбрали брадобреев из своей собственной касты. И сейчас в Коямпуттуре две касты *цирюльников*: *веттува* и *конгу-цирюльники*. Сейчас никто из *панча джати* не пользуется услугами *веттува*.

² ARE, 140 of 1920

³ Очерк заселения Конгу дан также в Murton 1979

надписи годами своего правления, а с другой стороны, они не образуют династии, не упоминают о своих родственных связях. В данном случае подходит формулировка Б. Стайна — «ритуальный сюзеренитет».

Около 1120 г. Баллала II Хойсала включил Конгу в свое государство, но затем снова началась борьба за эту местность между Хойсалами и Пандьями, которые, как мы знаем, сменили собою Чолов в восточном Тамилнаду. Третья волна иммиграции относится ко второй половине XII — началу XIII вв. На сей раз волны идут и с запада, и с востока. Появляются новые группы веллалов (*тентисай чолия веллалар* и *падайяччи-веллалар*), новые группы *четти*, *кайкколы*. Возникает деление на касты правой и левой руки. Еще одна группа каст — *каммаланы*, объединяющие ремесленников пяти специальностей, появляется еще в X в., но становится заметной в XII и XIII. Они добиваются предоставления им ряда социальных привилегий и поднимают свой социальный статус.

В Виджаянагарский период (вторая половина XIV—XVI вв.) укрепляются связи Конгу не только с Карнатакой, но и с Андрой. Появились телужские брахманы, другая группа пяти ремесленных каст — *панчала*, телужские ткачи, землевладельческая каста *редди*, неприкасаемые касты. Телужские кожевники совершенно вытеснили тамильских.

До 1950 г. в районах Конгу было обнаружено около 900 надписей, относящихся к периоду до XIV в. Очень показательно, что из них только 630 принадлежат определенным династиям. Остальные изданы местными вождями, видимо, не признававшими над собой никакого сюзеренитета. Из числа «официальных» надписей 10 принадлежат Конгу-Гангам, 300 — Конгу-Чолам, 120 — Конгу-Пандьям.

Наду

Наду как территориальные единицы и как органы местного самоуправления в Конгу существовали. Б. Стайн относит эти наду к промежуточному типу между так называемыми «центральными» (в дельте Кавери) и периферийными наду. По его мнению, меньшее количество воды (как речной, так и дождевой) делало земледелие здесь более рискованным. Было меньше ресурсов, чтобы поддерживать разветвленное иерархическое общество и царские и религиозные институты.

Но в общем *наттары* действовали здесь примерно так же, как и в равнинном Тамилнаду. Они дарят деревню храму в *тиру-*

*наматту-к-кани*⁴, вводят дополнительные сборы с населения, чтобы оплатить службу в храме⁵, освобождают земли храмов от некоторых налогов⁶. Жители двух *наду* освобождают четырех человек (эпиграфист считает, что это четыре семейства, *kuñi*) от неких обязательств, предположительно, в пользу храма⁷.

В Мулбагале (дистрикт Колар) есть интересная надпись, которая подвергалась многочисленным различным трактовкам. Видимо, потому, что сообщаемое ею резко контрастирует с обычными представлениями о государстве и его налогах. Колар расположен в Карнатаке, но он граничит с Конгу и по характеру (во всяком случае, по языку — тамильскому) эта надпись может быть отнесена к реалиям Конгу. В ней сообщается, что собрание 18-ти *вишая* приняло решение о том, что земледельцев угнетают брахманы и *каниялары*. Они налагают незаконные поборы. Поэтому собрание само устанавливает ставки налогов и запрещает взимать больше.

Для интереса приведем эти ставки:

- 1/5 продукта с лесных площадей и с сухоходного земледелия;
- 1/3 — с орошаемых земель под рисом;
- кусок ткани с каждых 1500 *кужи* земли под подсечным земледелием, которым занимаются горные племена;
- 1 монета (*кашу*) с каждого джайна;
- трудовая повинность — с дома служанки (или рабыни) и с дома, где две женщины;
- 1/4 *кашу* с каждого дома, кроме домов храмового учителя, храмового управляющего и деревенских стражников.

Земля должна измеряться шестом длиной в 18 пядей, каждая пядь равна ширине 18 пальцев⁸.

В отличие от равнинного Тамилнада, где *наттары* действовали, как правило, коллективно и при этом никакой их глава, староста или вождь не предусматривался, в Конгу гораздо чаще активным деятелем выступает один глава наду — *нажгавунда*, *наллрабху* или *наду-перггаде*. Забегая вперед, сразу скажем, что и деревенский староста

⁴ ARE, 372 of 1954/55

⁵ ARE, 167 of 1910. 1911

⁶ ARE, 205 of 1910. 1911 (1249/50 г.) В этом случае совместно действуют власти 79 наду.

⁷ ARE, 184 of 1909. 1910

⁸ EC, X, p. 86–87, no. 49a (1072 г.)

Аграхар в Конгу, как уже говорилось, меньше, чем на равнине²⁹. Но они есть и действуют примерно так же. Принимают вклады, с которых платят проценты³⁰; дарят землю храмам³¹; предоставляют участки земли храмовым служащим³²; получают арендную плату со своих земледельцев и отбирают у них земли, если они не платят³³; собирают пошлины с товаров, продающихся в их селении. В одном случае в этом контексте упоминаются ткани, пряжа и соль³⁴. Князь из династии Вайдумба, бывший вассалом Кришны III Раштракуты, около 961 г. купил у брахманской сабхи участок земли в 3 вели, конечно, чтобы подарить его храму³⁵.

Храмы в общественной жизни

В роли храмов в жизни общества тоже не было большой разницы. В качестве управляющих храмов выступали *стханаттары*³⁶.

Среди надписей в Конгу есть такие, которые рассказывают об инспекциях, проводимых в храмах некими вельможами — либо царскими людьми, либо местными магнатами, подобные тем, какие мы встречаем в восточных областях³⁷. Однако наблюдались ситуации и противоположного характера. В правление Вира Раджендра Конгу-Чола (1207–1249) издается указ, согласно которому царские люди уполномочиваются собирать некоторые налоги с *тиру-мадай-вилагам* и передавать их храму. Но при этом им запрещается вступать на территорию, с которой они эти налоги собирают. Точно описаны четыре границы этой «внутренней территории» храма (что уже достаточно необычно); указывается, что инспекции доходов с этой земли могут делать только настоятели; уплата налогов в царскую казну отменяется, но собственность слуг храма, если они не оставили потомства, должна конфисковываться в казну³⁸. Такой же запрет проверять документы

²⁹ По подсчетам Б. Мёртона, брахманских селений в Конгу было в 4 раза меньше, чем небрахманских (Murton 2001, p. 163)

³⁰ EI, XXX, p. 109, no. 19–VI; IA, XL, p. 109–110

³¹ ARE, 7 of 1910; 141 of 1910/1911

³² ARE, 370 of 1909. 1910

³³ ARE, 1923, p. 128 (Gupta 1933, p. 209)

³⁴ ARE, 128 of 1920

³⁵ Altekar 1934, p. 237

³⁶ ARE, 162 of 1909. 1910

³⁷ SII, III, p. 137–138, no. 66

³⁸ ARE, 154 of 1909. 1910

храма в другой надписи наложен на действия вассалов (*sàmantā*)³⁹. Эти запреты можно трактовать так, что некоторые храмы в Конгу получали феодальные иммунитеты.

Большая автономия храмов по сравнению с их положением на равнине подтверждается и другой надписью 1181 г. В ней освобождаются от налога *voṭṭassu* (?) шиваитские храмы в 20 *наду* и 7 населенных пунктах. Но кроме этого в надписи содержатся другие весьма любопытные положения. Например, храмы не должны платить никаких других налогов, «даже если им предъявят царский указ»; никакие требования вельмож, которые управляют округами, не должны исполняться; в качестве вознаграждения служащим, которые доставят царский указ, следует платить 1 *панам*, если этот указ скреплен царской подписью, и 1 *панам*, если он издан с согласия царя (непонятно, почему надо разделять два вида указов, если плата за них одинаковая); посланник царя не должен получать никаких вознаграждений за его поездку и пищу, даже горстки риса; при уплате налогов царю и Тондайманару (местному магнату) никаких дополнительных поборов в пользу сборщиков налогов платить не надо; эти правила должны быть выгравированы на меди и камне⁴⁰.

Храмы имели штат слуг и служащих, из которых в надписи попали не все. Однажды мы узнаем, что два плотника были наняты произвести десять работ в храме, за что получили служебный участок земли на правах наследственной собственности (*tacc-àcàriya-k-kāi i*)⁴¹. Некий горшечник, получив сумму денег, обязуется поставлять храму (для живущих в нем верующих) 5 глиняных тарелок каждый месяц⁴². Храм покупает участок земли с тем, чтобы предоставить его в качестве наследственного служебного участка барабанщику (*uvacca-k-kāi i*)⁴³. В другой надписи фиксируется дарение храму нескольких женщин вместе с их потомством неким частным лицом⁴⁴.

Право служить в храме являлось ценной собственностью. Оно, видимо, могло продаваться по частям и дробиться при наследовании. Поэтому мы встречаемся, например, со случаем, когда некая женщина имела право служить в храме 3 1/8 дня в месяц. Мы узнаем об этом

³⁹ ARE, 99 of 1915. 1916

⁴⁰ ARE, 185 of 1910. 1911

⁴¹ ARE, 188 of 1909. 1910

⁴² ARE, 620 of 1922. 1923

⁴³ ARE, 376 of 1954/55

⁴⁴ ARE, 594 of 1922. 1923

из надписи, которая говорит о том, что ее лишили этого права за кражу драгоценностей. *Урары* выкупили это право за 250 *панамов*⁴⁵.

Торговля и города

Конгу расположена на торговых путях, связывающих Западное и Восточное побережья. Через нее также проходил один из маршрутов из равнинного Тамилнаду в Карнатаку и Махараштру. Плотное использование этих торговых путей относится уже к Чольскому периоду, после X века. Ранее это была территория без городов.

Но в чольский период появляются города, имеющие статус *нагарам*, т. е. обладающие самоуправлением. *Нагараттары* дарят храму золото⁴⁶, собирают налог с ткацких станков, расположенных в *тиру-мада-вилагам* храма⁴⁷. *Нагараттары* двух городов просят царя разделить сборы, которые идут с них двух храмам, между этими двумя храмами поровну⁴⁸. Городская община могла иметь земли, которые обрабатывались арендаторами. Мы узнаем об этом из надписей, когда горожане дарят часть арендной платы храму⁴⁹.

В период Чолов попытки упорядочить налоги выразились в том, что ставки, установленные для города Нандипурама, были распространены еще на несколько других городов, о чем надписи и сообщают горожанам⁵⁰.

Отмечена в Конгу и деятельность широких надлокальных купеческих корпораций. Это «торговцы из 18 стран»⁵¹, «торговцы из 18 городов к северу от Кавери, включая город Талайккаду (Раджараджапур), и 18 городов к югу от той же реки, включая Мудигондачочапурам»⁵².

Уже известная нам гильдия *аяволе* действовала и здесь. Около 1100 г. «500 *свами*» объявили «Южным Айхолом» одну из аграхар около Мулбагала⁵³.

⁴⁵ ARE, 439 of 1913 (Arokiaswami 1956, p. 306)

⁴⁶ ARE, 372 of 1939/40. 1939/43

⁴⁷ ARE, 194 of 1910. 1911

⁴⁸ ARE, 218 of 1920. Еще один случай, когда *нагараттары* двух селений выступают совместно, см.: ARE, 140 of 1909. 1910

⁴⁹ ARE, 445 of 1925. 1926

⁵⁰ SII, XIII, no. 208, 215, 344

⁵¹ SII, XII, p. 148

⁵² ARE, 3 of 1910

⁵³ EC, X, p. 129 no. 247 (~ 1100 г.)

Неясно, являлась ли отдельной корпорацией *нанадеши*, или это была одно из названий тех же *аяволе*. Во всяком случае, М. Арокиасвами считает именно так. Он приводит случай, когда некую корпорацию называют *nānādāi-ticaiyāyirattu-ainnuāuvar*, т. е. «Пятьсот из разных стран и с тысячи направлений»⁵⁴. Однажды несколько купцов (их имена кончаются на «*четти*») заселили некую деревню, долгое время покинутую, «беженцами» (*aāciçaç-pukaliōam*), тем самым превратив ее в *nānādāi-p-paṭṭanam*, т. е. как бы в «свой» город⁵⁵.

Ремесленники также нашли отражение в надписях — как дарители и члены неких общин, которые можно считать кастами.

Ткачество было представлено в основной *кайкколами*. Чаще всего упоминаются кайкколы, живущие «во внутреннем пространстве» храма (*тиру-мадай-вилагам*)⁵⁶. Ткачи касты *шедар*, или *шалияр* были здесь каннада-говорящие. Они появляются только со времени Хойсалов и, видимо, мигрировали из Карнатаки.

Интересны события, связанные с судьбой касты *каммаланов* — объединявшей ремесленников пяти специальностей. До XII в. это одна из низких каст, почти не упоминаемая в надписях. Ясно только, что они жили в отдельных поселках, подобно неприкасаемым. Но к XII в. относится серия надписей, в которых либо *каммаланы* требуют предоставления им ряда знаков благородства, либо цари эти знаки им даруют. Большинство их относится к правлению Кулоттунги III (1178—1218). Приведем для примера надпись из Карура от 1195 г., обращенную к *каммаланам* Венгаланаду: «Мы приказали, чтобы, начиная с месяца Ади 15 года [нашего правления], на ваших свадьбах и похоронах звучали двойные раковины и барабаны, чтобы вы могли носить сандалии, когда посещаете какие-то места, чтобы вы могли штукатурировать ваши дома»⁵⁷. Подобные надписи высечены также в Перуре⁵⁸ и Модаккуре⁵⁹. Последний из этих документов предоставляет такие же привилегии *каммаланам* шести *наду*, в том числе и уже упоминавшейся Венгаланаду. Подобная надпись из Парияюра добавляет к списку местностей, в которых *каммаланы* получают привиле-

⁵⁴ Arokiaswami 1956, p. 287—288

⁵⁵ ARE, 395 of 1954/55

⁵⁶ ARE, 185 of 1927

⁵⁷ SII, III, p. 47, no. 25. См. также 562 of 1893

⁵⁸ ARE, 562 of 1893

⁵⁹ ARE, 151 of 1905

гии, еще и Канчиккувалнаду⁶⁰. При Конгу-Пандьях в XIV в. к *наду*, в которых *каммаланы* признавались высокими по социальному положению, прибавились еще две⁶¹.

Магнаты

Как уже говорилось, в Конгу были значительно заметнее, чем на равнине, вожди или старосты общин — как деревенских, так и окружных. Обычным титулом для них служил *гавунда* (*гавундан*, *гамунда*, *гауда*). Этот каннарский термин демонстрирует то, что Конгу находилось все же на границе собственно Тамилнаду и Карнатаки. Если вождь обладал властью над территорией в несколько деревень, он получал приставку *наж-* (от *наду*) (*нажгавунда*).

Если в равнинном Тамилнаду титул *нажалван* не обнаруживает тесной связи с определенной наду и его понимание как «глава (определенной) наду» основывается только на буквальном значении термина, то в Конгу связь *нажгавунды* с управленческими функциями в определенной наду гораздо более ясна.

Возможно, первое упоминание об этой фигуре в Конгу относится к 1010 г., когда Нанни-*гамундан*, сын Эримаю-*нажгавундана* (он же — *Вирачила-гамундан*) из Ариюра в Пурамалайнаду, подарил землю храму⁶². В 1043 г. соорудил водоем Раджараджа-*велан*, сын *pāḍu-k-kāmuī āṣ* в Шеннайнаду и внук *гамундана*⁶³. Мы видим, что титул (и должность?) *гамундана* разных рангов довольно прочно находилась в руках определенных семей.

Гаудами назывались и вожди скотоводческих общин и лесных племен. Сохранился договор между *гаудами* оседлого селения Умматур и *гаудами* племени (или касты) *куруба*⁶⁴.

Возможно, старосты различных рангов составляли определенный социальный слой, промежуточный между деревенскими землевладельцами и верхним слоем налогоплательщиков.

Этот последний слой также прослеживается в Конгу с гораздо большей отчетливостью, чем в равнинном Тамилнаду. В уже упоминавшейся надписи 1010 г. говорится, что фиксируемое дарение

⁶⁰ ARE, 186 of 1910. 1911

⁶¹ ARE, 186 of 1911; 25 of 1967/68 (Champakalakshmi 1996, p. 88)

⁶² ARE, 254 of 1909. 1910

⁶³ ARE, 170 of 1911 (EC, IX, p. 107, no. 142); см. также EC, VI, p. 83, no. 41 (1090 г.)

⁶⁴ ARE, 180 of 1910. 1911

произведено тогда, когда Тагадурнаду находилась в управлении Панчавана Брахмадираяна, который получил ее в кормление (*jēvitam*)⁶⁵. В 1050 г. другой вельможа «согласился» получать с Маннайнаду в качестве *мелварама* 2/5 урожая с орошаемых земель и 1/4 — с неорошаемых⁶⁶. В 1190 г. Гангайкондан и его потомки «пользуются» всеми землями, орошаемыми из определенного танка (водоема)⁶⁷. В 1227 г. некто Брахмачакраварти собирает падди с двух *наду* и одной *валанаду*⁶⁸.

Хотя данных по Конгу гораздо меньше, чем по многим иным районам Южной Индии, все же можно сделать осторожный вывод, что социальная система там напоминала феодальную. О налогах известно так мало, что нельзя даже сделать вывод, что они не представляли собой систему. Упоминания о налогах редки, нет длинных списков налогов, которые мы видим хотя бы иногда в надписях Чолов и Пандьев на их родовых территориях. Калимукха Викрама Конгу-Чола в 1046 г. говорит о себе, что он «забирал себе только 1/6 продукта земли, отказываясь от всего остального»⁶⁹. Но это всего лишь декларация, часть панегирика, и к реальной жизни может не иметь никакого отношения.

⁶⁵ ARE, 254 of 1909. 1910

⁶⁶ EC, IX, p. 33, no. 25 (Saletore 1934, p. 192; Appadorai 1936, p. 171–172) (1050 г.)

⁶⁷ ARE, 437 of 1925. 1926

⁶⁸ ARE, 127 of 1909. 1910

⁶⁹ ARE, 183, 185 of 1920

ЧАСТЬ II КАРНАТАКА

Глава 12 Политическая история Карнатаки

Карнатака исторически явственно делится на две части. Южная часть (территория княжества, а затем штата Майсур с середины XVIII в. до 1956 г.) и северная, тесно исторически связанная с Махараштрой. Эта часть в колониальный период входила в Бомбейское президентство и называлась Southern Maratha Country или Bombay-Karnatak. Государства, складывавшиеся в Карнатаке, постоянно имели своими центрами либо Майсур, либо область к северу от р. Кришна.

Считается, что государственность на Декане и вообще в Южной Индии начинается с Сатаваханов. Однако в Махараштре имперские традиции были подхвачены только в VI в. (Чалукьи из Ватапи). А старейшими государственными образованиями оказались Кадамбы и Ганги (последних, чтобы отличить от более поздней династии, правившей совсем в другом месте, называют Западными), которые базировались на районах много южнее, в Майсуре.

Кадамбы (345–525) были первой каннадской династией. Они правили в Банаваши (сев. Майсур) как независимые правители, потом как вассалы Чалукьев и Раштракутов, разделившись на две династии — в Гоа и в Ханагале.

Возникновение государства Кадамбов связано с легендой. В надписи 450 г. рассказывается, что брахман Маюрашарма из Талагунды решил расширить свое образование, знание Вед, и с этой целью отправился учиться в *гхатику* в Канчипурам, тогда — столицу Паллавов. Произошло это примерно в 345 г. Таким образом, легенда эта возникла через 100 лет после событий, в ней описываемых. При входе в город он был остановлен и оскорблен одним из стражников. Обиженный Маюрашарма вернулся в родные места, собрал отряд воинов и решил наказать гордых Паллавов. Он нанес им поражение, подчинил несколько вождов в окрестностях и провозгласил независимость.

Наибольший расцвет этого государства падает на правление Какустхавармана (435–455), когда оно охватывало почти всю Карнатаку.

Кадамбы были индусами, но впоследствии приняли джайнизм. Их имя явно происходит от названия дерева *кадамба*, которое растет только в Южной Индии. Первые их надписи называют их брахманами, но вскоре после обретения независимости Кадамбы изменили свою «фамилию» с Шармы на Варму, что должно было означать их принадлежность к кшатриям.

Кадамбы стали первыми использовать язык каннада в официальных документах. Основная часть ранних надписей (до подчинения Чалукьям) составлена на санскрите, но найдены также три надписи на каннада.

Западные Ганги (350–1000 н.э.) были независимыми только до середины VI в. Сначала их владения находились в районе современного дистрикта Колар, затем столица была перенесена в Талакад на берегу р. Кавери. С возвышением Чалукьев из Ватапи Ганги стали их верными и наиболее видными вассалами и стойко воевали вместе со своими сюзеренами против Паллавов. Наиболее успешным князем того времени был Дурвинита (529–579). Когда же Чалукьев сменили Раштракуты, Ганги сначала примерно столетие боролись с ними за свою независимость, а затем добились видного положения в пределах Раштракутской империи, и стали вместе со своими сюзеренами воевать с Чолами, Гурджара-Пратихарами и Парамарами. Некоторые гангские князья получали в жены принцесс из рода Раштракутов.

Но Раштракуты вновь были сменены Чалукьями, Чолы значительно усилились, и около 1000 г. нанесли Гангам столь сильное поражение, что династия прекратила существование. Территория бывшего государства Гангов находилась под контролем Чолов, пока Вишнувардхана Хойсала не нанес им поражение при Талакаде в 1116 г.

Гангские князья проявляли терпимость ко всем религиям. Но особенно покровительствовали джайнизму. При них возникли священные места джайнов в Майсуре, такие как Шравана Белгола и Камбадахалли. В их государстве начала развиваться литература каннада.

Ранние надписи Гангов содержат богатую информацию, но многие из них (10 штук) до недавнего времени считались подделками. Это мнение обосновывалось тем, что надписи отличались весьма небрежной орфографией; палеографически относились к периоду не ранее IX в.;

хронология надписей такова, что невозможно установить последовательность царей; во всех случаях (их четыре), когда данные надписей могли бы позволить датировать надпись с точностью до дня, не совпадают число и день недели. Была обнаружена еще одна деталь, заставлявшая отнестись к данной серии надписей с подозрением: в двух надписях, разделенных, судя по упомянутым в них датам, 218 годами, приведены абсолютно идентичные списки свидетелей дарения.

Дж. Ф. Флит, обнаруживший эти нестыковки, полагал, что фиктивная генеалогия Западных Гангов была изобретена при Марасимхе II Сатьявакье (963–975), который и приказал изготовить несколько поддельных надписей, долженствовавших подкрепить легендарную генеалогию. Очень интересно его наблюдение, что этот период вообще отличался фабрикацией нескольких легенд, связавших южноиндийских царей с пураническими кланами. Пураническая генеалогия Раштракутов появляется впервые в грамоте из Сангли от 933 г., Чалукьи приписывают себе кшатрийское происхождение впервые в 1022 г., Чолы измышляют нечто подобное в правление Кулоттунги I, Восточные Ганги из Калинги (Орисса) создают мифическую генеалогию в 1118/9 г.¹

Сейчас найдены аргументы, позволяющие считать данную серию надписей достаточно аутентичной. Возможно, это были копии, изготовленные поздно, но их оригиналы действительно довольно древние.

Ганги давно исчезли с политической карты, но их территория была на многие века «закреплена» за ними, получив название Гангавади-96 000.

Чалукьи из Бадами (Ватапи) стали подниматься с упадком государства Кадамбов из Банаваши. Они считали себя принадлежащими к той же семье и той же готре, что и Кадамбы. Тесные матримониальные связи они поддерживали с Алурами (Алурами) в Южной Каннаре и Гангами из Талакада. Они основали первое в истории Декана крупное государство, империю, которая простиралась от реки Нарбада до Кавери. В правление Пулакешина II (609–642) государство достигло зенита могущества. Оно охватывало всю Махараштру, Андхру (после разгрома Вишнукундинов), почти всю Карнатаку и часть Гуджарата. Пулакешину удалось отбить нападение Харшавардханы в 620 г. в битве на р. Нарбада, тем самым ознаменовав выход южных государств

на общеиндийскую политическую арену. Пулакешин выделил уделы своим братьям — Андхру и Гуджарат. Гуджаратская ветвь Чалукьев довольно быстро пресеклась. Телужская же продолжала править долго. Она стала известна как Чалукьи из Венги, или Восточные Чалукьи. В 1070 г. эта династия слилась с Чолами, о чем уже говорилось в главе о политической истории Тамилнаду.

После серии громких побед Пулакешин II кончил жизнь печально: он погиб, когда его столица была взята штурмом Нарасимхаварманом Паллава. Государство сумело преодолеть кризис в правление Викрамадитьи I (655–680), а при Викрамадитье II (733–746) даже нанести поражение постоянным врагам Паллавам и захватить их столицу Канчипурам. Но при следующем монархе вассалы Чалукьев Раштракуты свергли своих хозяев и основали новую империю.

Раштракуты правили в Западном Декане более 200 лет (753–982). Как и в отношении всех иных династий, идут дискуссии о происхождении этого клана. Точки зрения многообразны и, как правило, безосновательны. В данном случае загадка заключается в том, что фамильное имя означает буквально «глава области», и некие вельможи с таким титулом действительно прослеживаются в это время как местные магнаты или чиновники довольно низкого ранга. С трудом верится, что могущественные правители, присвоившие себе императорские титулы (*махараджадхираджа парамешвара парамабхаттарака*), мирились с тем, что их родовое имя напоминало всем об их низком происхождении. Пока эта загадка не разгадана.

Столицами Раштракутов были сначала Насик (Нашик), потом — Маньякхета. Они были индусами, чаще всего шиваитами, но покровительствовали также джайнизму. Взлет Раштракутов был стремительным. Уже второй правитель династии Кришна I (756–774) поставил под свой контроль северную часть Карнатаки и Конкан. Дхрува Дхараварша (780–793) объединил земли от Центральной Индии до Кавери. Ему подчинялись Восточные Чалукьи и Ганги из Талакада. При нем началась борьба за Канаудж между Палами, Пратихарами и Раштракутами. Он разбил Пратихаров и Палов, захватил большую добычу, но ушел обратно к себе на Декан.

При Говинде III (793–814) события повторились. Пратихары разбили Палов, захватили Канаудж, но явился Говинда, разбил обе державы и занял Канаудж — опять на время. Его слоны пили священную воду Ганга, а его лошади пили воду из ледяных ручьев, стекающих с ледников Гималаев.

¹ EI, III, p. 159–173, no. 25

Третий раз Раштракуты вторглись на Гангскую равнину при Индре III (914–929). Снова североиндийские державы были разбиты, и снова был занят Канаудж. Но затем государство Раштракутов стало слабеть. При Хоттиге Амогхаварше (967–972) оно потерпело поражение от Сияки Харши Парамары, который разграбил Маньякхету. Начались восстания вассалов. В 982 г. Тайлапа II из рода Чалукьев сверг последнего Раштракутского царя и основал новую империю под старым названием. Индра IV кончил жизнь самоубийством, уморив себя голодом, как это делали некоторые джайнские монахи.

Раштракутская империя сыграла важную роль в истории Индии. Помимо того, что она продемонстрировала северным государствам силу Декана, ее время явилось этапом в развитии языка каннада. Остались интереснейшие архитектурные памятники: храм Кайласанатха в Эллоре, пещеры Элефанты, джайнский храм в Паттадакале и др.

Алувы (Алупы) правили в Алувакхеда на Западном побережье в течение нескольких столетий после Читраваханы II (ок. 800). Их страна присоединена к государству Хойсалов в XIV в.

Династия **Чалукьев из Кальяни (или Западных Чалукьев)** была основана в 973 г. вассалом Раштракутов Тайлапой II, правившим до этого одной из провинций — Тардавади-1000 (дистрикт Биджапур). Их родственные связи с ранними Чалукьями не бесспорны. Но все же ученые ввели сплошную нумерацию царей двух династий (например, Викрамадитьи I и II относятся к ранней династии, а последующие — вплоть до VI — к новой).

Некоторые видят основной нерв борьбы Западных Чалукьев и Чолов в конкуренции за плодородную дельту Кришны-Годавари, т. е. за влияние в государстве Восточных Чалукьев. Это не очевидно, поскольку основные битвы между двумя державами происходили не там, а на границах Тамилнада и Карнатаки, около Тунгабхадры и Кришны, на линии кратчайшего расстояния между двумя столицами. Однако общий ход событий скорее подтверждает, что основным яблоком раздора была именно территория Восточных Чалукьев. Наблюдалась явное тяготение Восточных Чалукьев к Чолам, объясняемое, видимо, тем, что первые постоянно опасались своих могущественных родственников. Поэтому Восточные Чалукьи постоянно брали жен из чольских принцесс. Слияние Чолов и Восточных Чалукьев при Кулоттунге I означало победу Чолов в этой борьбе за дельту Кришны-Годавари. А последующая потеря Чолами дельты означала, что Западные Чалукьи все же одержали окончательную победу.

Северными соседями Чалукьев были Парамары из Малвы. Многочисленные войны с ними отражены как в панегириках, включенных в надписи, так и в исторической поэме Билханы «Викраманкадевачарита».

Расцвет государства Западных Чалукьев приходится на правление Викрамадитьи VI. Он пришел к власти в 1076 г., свергнув своего старшего брата. Как говорится в одной из надписей Викрамадитьи VI, его брат Сомешвара II «стал обуреваем гордостью, игнорировал тяготы подданных» и потому лишился престола². Викрамадитья VI оставался у власти 50 лет, с года его восшествия на престол начался отсчет введенной им новой эры — эры Чалукья-Викрама.

Он завоевал почти весь Декан, неоднократно наносил тяжелые поражения Чолам, но именно военные успехи истощили страну. И после его смерти могущество Чалукьев стало уменьшаться. Начались постоянные войны с вассалами, которые, правда, воевали также друг с другом. При Джагадекамалле II (1138–1151) Чалукьи потеряли контроль над Венги. В Андрхе утвердились Какатьи. Прола Какатья нанес поражение Тайлапе III (1150–1163), взял его в плен и отпустил за выкуп. После этого Тайлапе нанес поражение Нарасимха I Хойсала.

Но плодами этой победы воспользовались не Хойсалы, а другие вассалы — Калачури. Бидджала II Калачури использовал замешательство и в 1157 г. захватил Кальяни. Господство Калачури в стране продолжалось до 1183 г. Династия Чалукьев не была уничтожена. Они перенесли свою столицу в Аннигери и потом вернули власть, хотя и ненадолго.

Калачури мигрировали на Декан из Центральной Индии. В их титулатуре сохранилось упоминание об их прежнем центре — Каланджаре. Под Чалукьями они правили провинциями Кархад (Карахаде)—4000 и Тардавади-1000 (на границе Карнатаки и Махараштры).

Бидджала II остался в истории главным образом благодаря своему министру, Басаве (1106–1167), который основал новую секту в шиваизме — секту *вира-шайвов* или *лингаятов*. Этой секте суждена была славная судьба. Лингаяты сейчас составляют значительную часть населения штата Карнатака и играют важную роль в экономической и политической жизни штата.

Подобно тому, как джайны считают, что их религия основана задолго до Вардхаманы, и перечисляют предыдущих проповедников,

² EI, XV, p. 357, no. 24

так и *вира-шайвы* считают, что Басава только продолжил проповедь, ведущуюся задолго до него 5-ю проповедниками. Однако о них не осталось иных сведений, кроме легендарных.

В 1183 г. внук Тайлапы III Сомешвара IV вернул столицу, но все вассалы за истекшие два с лишним десятилетия усилились настолько, что не желали теперь подчиняться. В 1200 г. Сомешвара IV умер в изгнании. На месте империи Чалукьев образовались новые государства.

XIII век — это время соперничества в Южной Индии четырех государств: Ядавов (Сеунов) из Девагири в Махараштре и Северной Карнатаке, Какатьев из Варангала в Андхре, Пандьев в Тамилнаду и Хойсалов (1026—1343) в Южной Карнатаке.

Реальный основатель династии **Хойсалов** Вишнувардхана (1106—1141) вначале являлся верным вассалом Викрамадитьи VI, но к концу его правления стал проявлять признаки неповиновения. Смерть сюзерена развязала ему руки. Вишнувардхана нанес поражения Чалукьям и Чолам, и сумел утвердиться на территории, которая позже стала княжеством Майсур. Его наследники вели нескончаемые войны с Ядавами за междуречье Кришны и Тунгабхадры. Расцвет государства приходится на правления Нарасимхи II (1220—1235) и его сына Сомешвары (1235—1254). Нарасимха вмешался в борьбу в Тамилнаду, где агонизировало государство Чолов. Последний государь Чолов Раджараджа III оказался в плену у Паллавы Перунджинги, вассала Пандьев. Нарасимха освободил Раджараджу из плена, восстановил его на престоле, но фактически страной Чолов стали управлять хойсальские генералы, опираясь на несколько гарнизонов. Сомешвара распоряжался в Тамилнаду, сделав своей ставкой там Каннанур. Он нанес также поражение Ядавам и продвинул границы государства до Кришны.

Сыновья Сомешвары разделили царство между собой. Нарасимха III получил северные районы, а Раманатха — южные. При Баллале III (с 1292 г.) государство снова было объединено, но в 1310 г. потерпело сокрушительное поражение от войск Делийского султаната и фактически перестало существовать, хотя Баллала III дожил до 1342 г.

Ядавы вели свое происхождение от Яду, предка бога Кришны, и развивали легенды о своем переселении на юг из района Матхуры в Северной Индии. Они появляются на политической арене Махараштры и Карнатаки под именем Сеунов в период Раштракутов. Верно служили они и Чалукьям из Кальяни, участвуя в их войнах с Парамарами. Когда Чалукьи были свергнуты Калачуриями, Ядавы во главе с Бхилламой IV около 1180 г. объявили себя независимыми.

Битва за «чалукийское наследство» между Хойсалами и Ядавами в 1187 г. окончилась в пользу последних. Бхиллама короновался в качестве императора и начал с 1187 г. новое исчисление своих лет правления. Однако в дальнейшем, как уже говорилось, борьба между Хойсалами и Ядавами шла с переменным успехом.

В начале XIV в. все они были разбиты войсками Делийского султаната и исчезли с политической карты.

Каждое из этих государств заслуживает отдельного рассмотрения, но на данном уровне анализа имеющегося материала специфические особенности строя каждого из них выявляются весьма слабо. Так же как при рассмотрении Тамилнаду, мы вынуждены брать в качестве объекта изучения всю Карнатаку и на всем протяжении ее истории до периода Виджаянагара.

Глава 13

Виды собственности на землю

Один из «вечных» вопросов востоковедных исследований — кому принадлежала собственность на землю. Принципиально система собственности в Карнатаке была такой же, как и в других регионах Индии. Она состояла из двух основных «этажей», типов прав: права верховной собственности (на налог с земли) и права на саму землю, ее хозяйственное использование.

Конкретные примеры и той и другой собственности нетрудно привести. Например, в 709/10 г. Притхвичандра Бхогашакти, вассал Зап. Чалукьев в Конкане-14000, строит храм и приписывает ему налог с 8 перечисленных деревень и отчисления еще с нескольких налогов; сборы с лавок и усадеб; пошлины на поступающие и увозимые товары; горсть зерна и некоторое количество *гхи* с каждого двора главной деревни в округах Гопараштра, Амрааджи и Майтрика; 100 рупий с округа Вост. Трикута; 200 рупий с округа Зап. Махагирихара; 100 рупий с Вост. Махагирихара; 50 рупий с округа Палла-Адхамба. 8 указанных деревень освобождаются от принудительного труда. Комитет из 5 или 10 купцов обязан организовать праздник колесниц бога Вишну в течение 2 недель в месяц *маргаширша* (ноябрь-декабрь). Управление храмом доверено купеческой общине Джайяпуры, местные купцы освобождаются от налогов¹.

Верховная собственность, право «власти», могла принадлежать целым общинам вельмож, которые делили ее между собой по неким долям. Так, в деревне Синникхеда в 1122 г. «право власти» (*прабхутва*) имели несколько человек из известной княжеской семьи Шилахара (перечислены 8 человек, некоторые из них близкие родственники. Все имеют титул *араса*, т. е. *раджа*). Они продали *махамандалешваре*

Тиндарасе свои земли, в том числе свои доли в семейном владении (*dāyigasudda-gaī asuddhavāgi*)².

Низовая же собственность выражалась в конкретных участках. Скажем, при описании границ участка, подаренного джайнскому храму в X веке, упоминаются «на востоке — поле Киннари, на юго-востоке — земля Джьештхалинги, на юге — поле *гхатики* (религиозного учебного заведения), на юго-западе — земля купца Дандиши, на западе — поле Рамешвары, на северо-западе — поле Хобешвары, на севере — поле Синдешвары, на северо-востоке — поле Бхаттари»³.

Однако терминологически это разделение двух типов собственности прослеживается не так ярко, как в Тамилнаду.

Наместники областей и округов владели территориями на разных условиях. Их власть могла называться *адхипатья* («господство»), *раджья* («государство»), *адхикарика* («управление»), *прабхавам*, *прабхутвам* («сила, власть»)⁴. Можно предположить, что все эти термины означали примерно одно и то же: некоторые государственные привилегии, делегированные на более низкий уровень. Возможно, что наличие разных видов «господства» объясняется обычаем, распространенным в Карнатаке, разделять административные и фискальные функции, более того, даже расщеплять между разными лицами право и обязанность собирать тот или иной конкретный налог. К этой же группе относится, может быть, и *вритти* («доля», «надел»). Это ситуация, хорошо известная по средневековым обществам Европы, находившимся в состоянии феодальной раздробленности.

Но с верховными правами на землю связана и другая группа терминов, которая может относиться и к низовой собственности. Это *маннея* и *мел-алке*. Они не являлись синонимами. *Мел-алке*, возможно, соответствует тамильскому *мелварам* и, следовательно, может означать «верхнюю долю», материальное выражение «верховой собственности» по моему словоупотреблению.

Но слово *маннея* гораздо многозначнее. Это и некое право на землю, и обладатель такого права и, наконец, коллектив землевладельцев, организованный в масштабе округа.

Оно могло применяться и к верховной, и к подчиненной собственности. Например, наместник иногда называет часть территории,

² KI, II, p. 62–71, no. 16

³ IA, VII, p. 106

⁴ Все эти переводы сугубо приблизительные. Нет никакой уверенности, что русские эквиваленты точно передают содержание терминов.

¹ EI. XXV, p. 226–227, no. 22-A

находящейся под его управлением, *маннея-самья*⁵ (т. е. «собственностью в виде *маннеи*»). А вассал Западных Чалукьев *махамандалешвара* Мунджа из династии Синда в 1082 г. *купил* округ Вайявада-12 за исключением деревни Таккалика и подарил его «за подвиги» своему вассалу Канна-*саманте* «со своими правами собственности в виде *маннеи*» (*ātmēya-manneya-sāmya*)⁶. Конечно, трудно себе представить частное имение в масштабе 11 деревень, но указание на покупку земли говорит о том, что речь идет именно о податной собственности.

В 1054 г. жена *махамандалешвары* основала храм и дала ему 1000 *маттаров* земли, расположенной в трех селениях, на правах *manneya-sāmya*⁷. Ясно, что речь идет о конкретных участках земли, а не о передаче части налогов.

Право *маннея* обладало известной прочностью и могло быть наследственным. Когда в 1104 *махаджаны аграхары* Гандарадитьяна-Холал (современный Холалу, в дистрикте Беллари) пожаловались Викрамадитье VI, что Боппаия, *маннея* этого селения, «злоупотребляет своей должностью, нападая на деревню, грабя жителей и отбирая у них все имущество и даже убивая брахманов», император в присутствии всех *прадханов* (министров?) «наказал» Боппаию и приказал «отменить должность» *маннея* в этой аграхаре и «взять у Боппаи клятву (путем выпивания воды в присутствии божества) отказаться от *маннея* от имени себя и от имени своих наследников»⁸. Понятно, что в данном случае речь идет не о простом наместничестве, которое можно отменить одним движением пальца владыки.

Маннея как лицо имеет право на взимание тех или иных налогов, выступает в качестве дарителя⁹, может быть одновременно также *махасамантой*¹⁰ или *арасой*, т. е. «раджей»¹¹. Мог обладать таким правом даже *махамандалешвара*.¹² *Маннея* как владение — обычно мелкое, но могли

⁵ ARE, 206 of 1946/47; 196 of 1947/48; 49 of 1950/51

⁶ EI, III, p. 306–311, no. 43 (IA, I, p. 81–82). См. также: EI, XIX, p. 182–183, 187–188, nos 29-A, 29-C; BK, 45 of 1929/30; SII, XV, no. 58

⁷ EI, XII, p. 292, no. 32

⁸ ARE, 214 of 1918 (SII, IX, I, no. 169; Dikshit 1964, p. 14)

⁹ Yazdani, 1960, I, p. 414 (1045 г., Беллари); BK, 123 of 1932/33 (1055 г., Дхарвар); EI, XV, p. 85–91, no. 6-F (1060 г., Дхарвар)

¹⁰ SIE, XXV, p. 71, no. 11 (1115 г.) EI, XIX, p. 187–188, no. 29-C (1079 г.)

¹¹ KI, IV, p. 24–30, no. 10 (1121 г.)

¹² EI, XIX, p. 196–197, no. 29-F (ок. 1210–1246 гг.)

быть и исключения. В 1049 г. Арикесариदेва правил Банаваси-12 000 и Панумгал-500 «как своей *маннея*»¹³.

Издатель одной из надписей переводит этот термин как «феод»¹⁴. Но в этом случае это также и «феодал» и «феодальный доход». Л. Д. Барнетт дает такое пояснение: «сеньория, что-то вроде современного *инама*»¹⁵. Он обозначает отношения, отличные как от разного рода «господств», так и от получения «верхней доли» (*мел-алке*), поскольку эти три вида доминирования в одно время могут иметь разные лица¹⁶.

Наконец, термин *маннея* мог означать некий коллектив, играющий определенную руководящую роль в округе. В 1054 г. в районе Шимоги дарение совершают «*маннея* Джиддулиге-70, а именно... (идет перечисление нескольких имен, в основном *гавунд*, т. е. сельских вождей) и *маннея* Нагараханды-70 во главе с Сови-девой».

Обладатели права *маннея* собирательно называются *маннеуар* («господа»). В 1060 г. *маннеар* селения Сиванур передали свои права на сборы с этого селения храму¹⁷. Ясно, что здесь идет речь о верховной собственности, хотя и принадлежавшей мелким вассалам. В 1164 г. Сови-дева и другие *маннеары* напали на крепость¹⁸. Эта ситуация напоминает феодальную вольницу. В 1165 г. *маннеары* (вместе с *уродейми*) выступают как группа. Они дарят земли, маслопресс и усадьбы храму¹⁹. Может быть, *маннеары* в Карнатаке — примерно то же, что *удеары* в Тамилнаду? Или, может быть, это слой, соответствующий *натта-рам* Тамилнаду?

Если слово *маннея* означало (в современном каннада его, кажется, нет) «руководство», то значение права *маннея-самья* может быть передано известным словосочетанием «власть-собственность». Такое же значение, скорее всего, имело словосочетание *prabhu-sāmya*²⁰.

¹³ ARE, 210 of 1946/47

¹⁴ Dikshit 1964, p. 14

¹⁵ EI, XIX, p. 179. *Инамами* в доколониальной и ранней колониальной Индии назывались мелкие владения, выданные с благотворительной целью, освобожденные от налогов.

¹⁶ EI, XVI, p. 31–35, no. 7-A; p. 35–44, no. 8-B

¹⁷ EI, XV, p. 89, no. 6-F

¹⁸ KI, IV, p. 59–60

¹⁹ ARE, 17 of 1960/61

²⁰ BK, 30 of 1932/33. Интересно, что средневековые составители надписей понятие «власть-собственность» выработали значительно раньше современных мудрых историософов.

Конечно, такая терминология только подкрепляет мою позицию: и верховная, и низовая собственности считались **собственностью**, потому к ним и применялись одинаковые обозначения. То, что это создает определенные трудности у исследователей, создателей надписей не должно было волновать.

Самья (санскр. *свамья* — «собственность») могла принадлежать и другим слоям населения. И в таких случаях она имела другие определители.

Брахманы имели *теджа-самья* (можно примерно перевести как «собственность достойных»). В надписи 1077 г. из Гулбарги утверждается: «*tāja-svāmya* на земли брахманов принадлежит брахманам, все остальное принадлежит Богу (т. е. храму)»²¹. «Если кто-либо из тех, кто имеет *теджа*, укажет пальцем на это и скажет “Я не согласен”, то его заявление не будет действительным»²². Смысл надписи, по-видимому, в том, чтобы оградить храмовые земли от поплзновений окружающих брахманов-землевладельцев.

У золотых дел мастера (*maī gāāa*) по имени Мадди-четти «из квартала золотых дел мастеров в Сунди» в 1075 г. имелось несколько лавок в Сунди и даже в столице (*rājadhāni*) Викрамапуре. Они принадлежали ему как *ceṭṭi-sāmya*²³.

Употреблялись также термины, несущие именно смысл владения или собственности на землю: *трибхог-абхьянтара-сиддхи*²⁴ и *убхая-самья*. Повторю еще раз, что «три типа владения» (*трибхога*) пока не нашли убедительной расшифровки. «Двойная собственность» (*убхая-самья*) тоже в надписях не расшифровывается. Как и в других случаях трактовки надписей, нахождение буквального значения терминов не так важно, как понимание намерения составителя надписи. Подобные выражения были призваны подчеркнуть «полноту» собственности данного лица.

Но все же по-настоящему «полная собственность» встречается только в случае храмовых земель: *sarva-bādhā-parihāram sarva-namasya-mam sarva-mānyamam*²⁵.

²¹ EI, XII, p. 273, no. 32-B

²² EI, XII, p. 290

²³ EI, XV, p. 95, no. 6-G

²⁴ *Трибхогабхьянтара* иногда сочетается, так же, как и в североиндийских надписях, с выражением *аштабхога* («восемь прав владения»). (KI, II, p. 106–114, no. 29). Оставим в стороне вопрос о том, какие именно права составляли наборы из «трех прав» и «восьми прав». Для нас важно лишь то, что в этих выражениях в североиндийской эпиграфической традиции (в эпиграфической дипломатике) вводилось понятие «полной собственности».

²⁵ SHI, IX, I, no. 267 (Yazdani, 1960, I, p. 403–404) (1160 г.)

Частная собственность, конечно, в те времена не была «священной и неприкосновенной». Наверное, она не было ограждена от вмешательства разного рода сил, способных эту собственность разрушить. Очень интересна в этой связи надпись из Белгаума от 988 г. Трое купцов (*шрештхинов*), не являющиеся родственниками (у каждого свои отец и дед), имеют наследственные права на селения Кимджала и Пулиса, которые служат им «средствами к жизни» (*jēva-līka*). Эти два селения делятся, видимо, на три «доли» (*bhāga*), т. е. одна из долей, принадлежащая Нагаи-шрештхину, как говорится, освобождена от налога (*namasya*). Эти торговцы обращаются к князю (из династии Шилахаров) с просьбой подтвердить их наследственные права. Чтобы добиться положительного решения, они преподносят царю 40 *динаров* и обязуются снабжать царскую кухню 200 000 орехов арека. Документ составлен по инициативе *нагара-сандхивиграхи* («городского министра мира и войны») Девапалы. Документ заверен многими свидетелями, среди них *мантри*, *шрештхин*, *аматья*, *прадхана*, *раджа-пуруша*, старейшины, *nagara-haājāmāna*, руководство *панча-матха*²⁶.

Имеются случаи, когда низовая собственность покупается царем или князем у частного лица. Например, князь династии Восточных Гангов купил участок земли, которым до этого владел купец (*четти*) глава города (*патманасвами*) на правах *умбали* (обычно небольшой служебный лен). Процедура была обставлена торжественно. Князь «омыл ноги» купцу в присутствии жрецов и жителей города²⁷.

Владельцы податной собственности обязаны были платить налог. Это обязательство касалось и брахманов. Так, брахманы одной из аграхар, которых в 1087 г. насчитывалось 300 душ, а в 1123 г. стало 500 (конечно, числа эти условны), должны платить «господину этой страны» (*tad-dāṭa svāminā*) 400 золотых²⁸.

Как и в Тамилнаду, два типа собственности проявлялись при купле-продаже земли, когда каждое из этих прав продавалось отдельно. В 1048 г. некий покупатель, купив 5 *маттаров* земли и усадьбу, заплатил за них 30 *гадьян*, а за *сиддхаю* (т. е. как выкуп основного налога) — 100

²⁶ EI, XXXVII, p. 58, no. 12. Надпись проливает некоторый свет на систему управления городов, поэтому мы к ней вернемся в соответствующей главе. *Панча-матха* («Пять монастырей») — некий особый, чисто карнатакский, институт. Ниже мы постараемся приблизиться к пониманию его характера и функций.

²⁷ EC, VII, p. 66–67, no. 99 (Rao 1936, p. 162, 1113 г.)

²⁸ EI, XII, p. 145–146, 154, no. 19

гадьян. Оказалось, что сама земля стоит более чем в три раза дешевле, чем капитализация налога с нее²⁹.

Податная собственность, как обычно в Индии, отличалась значительной прочностью и постоянством. Сохранились «указы» или декларации, утверждающие широкие права собственности. Сангама Калачури в 1178 г. шлет послание *махаджанам* (т. е. брахманам) селения Манигавалли во главе с *маханпрабху* Ишварадевой и его сыном Мадираджей, а также *mólīga*, руководителям 5 *матх* и «всем людям из всех каст» (*samasta-prajegaṅgam samasta-jāti-varggakkam*): «После смерти человека, умершего без сыновей, пусть его жена, дочери, живущие отдельно родители, братья и их дети ... и любые родственники и члены той же *готры* возьмут все наследство, включая двуногих, четвероногих, монеты, зерно, дом и поля. А если никого из них не окажется, нужно отдать эту собственность как религиозный дар тем, кто держит дарения Богу»³⁰.

Собственность могла переходить по наследству и по женской линии. Надпись, палеографически относимая к X в. и принадлежащая, по всей видимости, одному из князей династии Алула, рассказывает, что некая женщина получила кусок заброшенной земли в приданое (*kanyādāna*) и превратила его в цветущий сад. Было постановлено, что эта земля будет наследоваться только дочерьми, а сыновьями только в случае отсутствия дочерей³¹.

Подобного рода постановления могли исходить отнюдь не только от власти. В 1181 г. на большом съезде разнообразных корпораций и представителей городов и селений городского типа «со всех сторон света» было решено: собственность *банаджигов* (членов одной из торговых корпораций), умерших без сыновей, должна идти богу Гаварешвара; собственность членов *нагарам* — богу Нагарешвара. Если же обнаружится выморочная собственность в *пяти матхах*, в 3 *пурах* и 7-ми *брахманпурах* — ее судьба решается на собрании «больших людей», включающих чиновников и *муммуриданов*. Она пойдет богам соответствующих мест³².

Эти декларации, кажется, претворялись в жизнь. В период Хойсалов даже при жизни хозяина земли продаются «с согласия жены,

²⁹ EI, XXXVI, p. 219–221, no. 28

³⁰ EI, V, p. 28, no. 3-C

³¹ EI, XXIX, p. 209, no. 29. Надпись из Ю. Канары, граничащей с Кералой. Возможно, на такое решение повлияли обычаи Малабара, где существовал матриличный счет родства.

³² EC, VII, p. 88–91, no. 119 (Kuppuswamy 1997, p. 169, 1181 г.)

сына, родственников, зависимых и наследников»³³. Другая надпись 1140 г. из Хассана позволяет Куппусвами утверждать, что в то время могли наследовать **свою** собственность рабы и дети рабынь³⁴.

Податная собственность была также отчуждаемой, причем не только путем продажи, но и заклада. Серия надписей из Юж. Канары, датируемая, к сожалению, только названиями лет (по шестидесятилетнему циклу — *тарана*, *свабхану*, *нандана* и *юва*) и потому не могущими быть привязанными к конкретным годам, фиксирует заклады земель. Их хозяева получают денежные суммы и обязуются снабжать храм определенным количеством риса³⁵.

Таким образом, и при анализе данных об имущественных отношениях в средневековом Карнатаке следует учитывать, что «земля» понималась как два различных объекта собственности, каждый из которых мог иметь собственную «кредитную историю».

³³ EC, V, p. 115, no. 9 (Kuppuswamy 1997, p. 168, 1286 г.)

³⁴ EC, V, p. 110, no. 219 (Kuppuswamy 1997, p. 168)

³⁵ BK, A 9, 11 of 1940/41. 1939/43

Глава 14

Области с числовыми индексами

Социально-экономическая, да и административная история Карнатаки изучена гораздо поверхностней, чем история Тамилнаду. Трудно судить, чем это вызвано. Здесь обнаружено не намного меньше надписей, чем в Тамилнаду. Они не менее информативны. Может быть, развитие тамильской идентичности несколько обогнало подобные же процессы среди каннада, и интерес к прошлому пробудился там позже. Но факт заключается в том, что **уникальная** карнатакская социальная система пока не исследована в полной мере. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что и специфика Тамилнада после сотен исследований остается загадочной. И все же Кесаван Велудат справедливо замечает: «Несмотря на значительные успехи в концептуальном осмыслении истории других частей Индии, историография Карнатаки остается в целом на принятом прежде уровне»¹.

Наиболее интересная особенность территориального устройства Карнатака, несомненно, связанная с его социальным строем, — это функционирование округов, областей, провинций (как их лучше называть — это и есть одна из формулировок проблемы) с числовыми индексами. Начнем анализ карнатакского средневекового строя с рассмотрения данных об этих территориальных образованиях, которые, по нашему мнению, дадут ключ к рассмотрению как характера государственности, так и специфики общинного устройства в этом регионе.

Смысл подобных наименований территориальных единиц не поддается однозначному и рациональному объяснению. Предпринимались попытки связать эти территориальные подразделения с рекомендациями «Законов Ману» и «Артхашастры». Ману рекомендует назначать управляющих над 10-ю, 20-ю, 100 и 1000 деревень², а Каутилья

упоминает округа в 10, 200 и 400 деревень³. Но ссылки на классические трактаты ничего не объясняют. Станным образом территориальные деления с числами получили широкое распространение только в одном районе Декана, и при этом употреблялись в основном иные числа.

Встречаются упоминания о подобных областях в Раджастхане и Гуджарате, но их гораздо меньше. Так, в «Сканда-пуране» упоминаются Вачури-80 000 и Вирата-36 000 на территории Раджастхана⁴. Числами обозначались наделы, которые получали отдельные отряды во время завоевания раджпутами Северной Индии⁵. Так, княжество Чахаманов с центром в Надоле, после того, как расширилось за счет нескольких окружающих деревень, получило название *saptasahasrika*, т. е. «семи тысячник»⁶. Однако территории с числовыми индексами на территориях Южной Махараштры, Карнатаки и Андхры имели какой-то иной смысл, и их роль в устройстве государств несколько загадочна.

Они появляются в самых первых надписях в этом регионе и существуют вплоть до падения Ядавов и Хойсалов⁷.

Выборка надписей, которыми мы оперируем в данной работе вообще, и при рассуждениях на тему об областях с числами, в частности, не может считаться полной, поскольку собраны лишь надписи, попавшие в поле внимания автора. Однако моя «база данных» все же, я полагаю, достаточно велика и довольно репрезентативна: 1143 надписи от древних Гангов до Ядавов и Хойсалов, в которых упоминаются области с числами — либо в качестве территорий, кем-то управляемых, либо в качестве адресов подаренных деревень.

Их распределение по векам довольно любопытно. От V века я зафиксировал только 2 надписи с числовыми индексами, от VI в. — 9, от VII в. — 18, от VIII в. — 25, от IX в. — 63, от X в. — 160, от XI в. — 369, от XII в. — 398, от XIII в. — 95. Уже в начале XIV в. южноиндийские государства были разгромлены Делийским султанатом. В изучаемый нами период вошли лишь первые десятилетия XIV в., поэтому к этому периоду относятся только 4 упоминания об округах с числами.

³ КА, II.1.4

⁴ Rajasthan 1966, I, p. 19

⁵ О раджпутской системе деления владений кланов см. Алаев 1981, с. 84–85; Алаев 2003, с. 69

⁶ Sharma 1959. p. 189

⁷ Dikshit 1964, p. 18–19, 28

¹ Veluthat 1990, p. 118

² Ману, VII, 115

Расклад по векам показывает, что речь на данной главе пойдет, главным образом, о XI–XII веках. Возможно, что малые количества соответствующих упоминаний в предыдущие и последующие века объясняются просто тем, что от этих веков сохранилось меньше надписей, чем от периода имперских Западных Чалукьев. Но вполне допускаю и то, что система таких областей с числами до X в. лишь складывалась, а в XIII в. уже уходила в прошлое.

Еще раз подчеркнем, что регион бытования числовых индексов при географических названиях четко ограничен: это территории государств Западных Чалукьев (ранних и поздних), Раштракутов, Калачури, Ядавов и Хойсалов. Эти индексы почти не употреблялись в Восточном Декане — в государствах Восточных Чалукьев и Какатьев, — а также в более южных областях.

Вопрос о значении чисел

Значения чисел, прилагаемых к географическим названиям, трудно объяснить. С одной стороны, все, как будто бы, ясно. Иногда, особенно в ранний период, прямо говорится, что имеется в виду количество селений, включенных в данную территориальную единицу.

Иногда сама эта единица называется «десять деревень» (*daṣa-grāma*)⁸ или «12 деревень» (*dvādaśa-grāmyāḥ*)⁹, или «36 деревень» (*muṣvattarumbada baḥi*)¹⁰. В других случаях надпись убеждает, что, например, под «Арбале-70» действительно понимается 70 деревень: несколько общин назначают «окружного начальника» (*над-хеггаде*) с правом собирать 1 *панам* с каждой из 40 деревень и по 1/2 *панам* с каждой из 30 деревень¹¹.

Иногда довольно ясно, что и при солидных числах, обозначающих области, имеются в виду именно деревни. В 748 г. в медной табличке Западных Гангов свидетелями дарения выступают «жители области 96 тысяч» (*śai ī avati-sahasra-viṣaya-prakṛtayaḥ*)¹². Более того, в виде определенного числа деревень воспринимались и тогдашние государства. Так, Пулакешин II (609–642) правил, как тогда

⁸ EC, VIII, p. 7, no. 33 (~ 420 г., Кадамбы)

⁹ ARE, A 11 of 1949/50; EI, XIV, p. 144–152, no. 8; EI, IV, p. 286, no. 40 (958 г.)

¹⁰ KI, II, p. 48–51, no. 13 (1115, Белгаум); BK, 46 of 1937/38 (1134 г., Биджапур)

¹¹ EC, XI, p. 138, no. 137 (1307 г.)

¹² EI, XXXVII, p. 133, no. 23. См. также IA, II, p. 160–161; VI, p. 102; ARE, A 23 of 1934/35 (EI, XXXVI, p. 97–99, 109, no. 13)

понимали, «тремя Махараштрами» (*Mahārāṣṭra*), состоявшими из 99 000 деревень¹³. А Западные Чалукьи в XI в. «управляли страной 7,5 лакхов», т. е. 750 000¹⁴. Интересно, что Чолы тоже признавали, что в стране их противников Чалукьев — 750 000 деревень. Когда Раджараджа I Чола нанес Чалукьям поражение в 1003 г., он объявил, что завоевал Раттапади-750 000¹⁵. В 1054 г. точно так же «завоевал страну Раттапади (Раттавади)—750 000» Раджендра II в 1054¹⁶. Однажды «страной, состоящей из 750 000», названа Кунталадеша¹⁷, однако нет оснований утверждать, что Раттапади и Кунталадеша — это одно и то же.

Г. С. Дикшит приходит к выводу, что нынешняя Карнатака в период Западных Чалукьев состояла из Кунталы (куда входили подразделения Кунди-3000, Паласиге-12 000, Банаваси-12 000 и Ноламбавади-32 000), а также Гангавади-96 000, Конкана-900, Пайве-500 и Алувакхеда-6000¹⁸. Мне пока не ясно, основательно ли такое мнение. В имеющихся у меня материалах Кунталадеша упоминается редко, и перечисленные Дикшитом будто бы составные части Кунталы выступают в изученных надписях как самостоятельные единицы¹⁹.

Довольно сильно смущало исследователей то, что количества, присоединяемые к географическим названиям, слишком большие, явно нереальные. Например, понятно, что Западные Чалукьи не могли владеть 750 000 деревень, если их во всей современной Индии насчитывается только 600 000. Поэтому выдвигались разные иные предположения о смысле этих цифр. Дж. Ф. Флит еще в конце XIX в. высказал мнение, что мелкие числа — десятки и сотни — могут действительно обозначать количество деревень, а более крупные числа являются чистой условностью. А. С. Алтекар и У. Н. Гхошал уже в середине XX в.

¹³ IA, VIII, p. 244

¹⁴ BK, 65 of 1932/33, (1102 г.); EI, XVI, p. 31–35 no. 8-A, 8-F (1002, 1003 гг.); MI, p. 141, no. 68

¹⁵ ARE, 333 of 1927

¹⁶ EI, XXI, p. 221, no. 38. См. также EC, X, p. 42, no. 112b; EC, V, p. 127, no. 48

¹⁷ ARE, 1914, p. 88

¹⁸ Dikshit 1964, p. 19

¹⁹ Надо еще отметить, что Дикшит рассматривает только территорию Карнатаки, не затрагивая Махараштру. Поэтому, в частности, он не упоминает, что кроме Конкана-900, расположенного в районе Гоа, существовал еще Конкана-1400 в районе современного Мумбаи. Мне представляется, что для того времени нет оснований четко разделять Карнатаку и Махараштру, коль скоро их части входили в состав одного и того же государства.

присоединились к этому мнению Флита²⁰. Л. Райс считал, что мелким административным единицам (*наду*) условно присваивалось значение «тысяча», и из этих «тысяч» складывались многотысячные области. В. Прананатха предложил считать, что «деревни» в то время были мелкими, часто однодворными, и потому их вполне могло быть так много, как значится в числовых индексах. Высказывались мнения, что числа означают суммы налога в неких денежных единицах, полагающегося с области, или площадь обрабатываемой земли, тоже выраженную в неких мерах и т. п., или даже количество населения²¹. Эти предположения имели некоторые основания, но убедительностью не отличались.

Не избегал «рационалистического» подхода к числовым индексам и Б. Стайн. Он предположил, что небольшие числа означают количество «корпоративных групп крестьянских дворов в пределах местностей или *наду*», а крупные числа типа 96 000 «относятся к принятым способам выражения соединения таких местностей»²². Правда, его мнение в данном случае не имеет большого веса, потому что Карнатакой он специально не занимался. В любом случае делить числа при географических названиях на «мелкие» и «крупные» — довольно субъективный прием. Надо искать общий принцип формирования подобных чисел.

Сомнения в значении чисел при географических названиях вызывались, в частности, тем, что южноиндийцы обозначали числами и другие феномены, например, корпорации или общины. Скажем, деревней могли управлять «60 *оккалу*», а брахманской деревней — «120 *махаджанов*» (все объяснения потом). Известная купеческая гильдия, как мы уже знаем, называла себя «500 *свами* из Айхола», гильдия или каста маслобойщиков была известна как *тели*-1000. И так далее²³.

Богатый торговый город Теридала, судя по его описанию, в 1123 г. управлялся 12-ю *гавундами*, и потому назывался Теридала-12²⁴. Так что четкое размежевание между территориями с индексами и общинами с числовыми обозначениями провести тоже нельзя.

²⁰ Altekar 1934, p. 139; HCIP. Vol. IV, p. 245

²¹ Обзор мнений по этому вопросу см. Prananatha 1929, p. 26–33; Rao 1936, p. 139–140; Dikshit 1964, p. 26–28, 75

²² Stein 1980, p. 129

²³ Во время одного из ранних подступов к этой проблеме я попытался логически сочетать числа, присваивавшиеся деревенским советам, с числами, присоединявшихся к названиям областей (История 1968, с. 108; Алаев 2000, с. 224). Сейчас я вижу, что это была бесплодная попытка.

²⁴ IA, XIV, p. 14

Кроме того, встречаются, хотя и редко, именно названия округов с числами, которые обозначают нечто иное, чем деревни. Например, в 1102 г. около Лакшмешвара обнаруживается «округ в 48 000 *мамтаров*». *Мамтар* — это мера земли. Это вносит неуверенность: а вдруг существовали, пересекаясь, две системы числовых коэффициентов — по деревням и по площади?

Или еще пример. В 1063 г. в Банаваши-12 000 правят Ангхаракка Индапаия-наяка и *махамандалешвара* Чавундараяраса (публикатор надписи не уверен, что это два человека. Возможно, это только два имени одного лица). Его вассалом является его сын *махасаманта* Джомадевараса, который заведует более мелкими единицами: Белавуру-140, Белмахе-70 и Шатталиге-70. А у него есть подчиненный Локанатхия, который служит *перггаде* (неким начальственным лицом) в «370»²⁵. Понятно, что подчиненный не может контролировать больше деревень, чем его сюзерен. Следовательно, имеются в виду какие-то иные счетные единицы. Возникают сомнения: а во всех ли случаях, когда мы встречаемся с числовыми коэффициентами, они имеют одинаковый смысл? Южноиндийцы в изучаемые века имели склонность считать многое. С. С. Мангалам, предложивший несколько довольно экзотических решений этого вопроса, приходит к окончательному выводу: «Все числовые обозначения не могут трактоваться одинаково»²⁶.

Дикшит, поставив своей целью согласовать все точки зрения, останавливается на варианте трех разных принципов образования числовых индексов: числа до тысячи обозначают поселения; тысячи в названиях областей вроде Банаваши-12 000 обозначают количество включенных в эту область *наду*; числа в сотни тысяч означают суммы налога с соответствующей территории. Ощущая слабость такой позиции, Дикшит уверяет, что «данные не оставляют нам никаких альтернатив»²⁷.

Но альтернатива есть, и она заключается в ином взгляде на сведения, сообщаемые надписями. Составитель надписи не стремится быть точным. Даже те числа, которые кажутся разумными — 12, 30, 300 и т. п., — совершенно очевидно, не всегда соответствовали действительности, особенно если вспомнить, что эти числа не менялись в течение столетий. Крупные же числа, не меняя своего виртуального

²⁵ BK, 32 of 1932/33

²⁶ Mangalam 1979, p. 53

²⁷ Dikshit 1964, p. 27

значения («деревни»), выполняли чисто символическую роль, выражая могущество владельца соответствующей территории, или — даже более вероятно — значение данной крупной общины среди других общин.

Индийские историки рассматривают эти территории как провинции, введенные государством. То, что это не так, совершенно ясно из материала. Но, кроме того, при таком подходе совершенно отбрасывается роль населения этих образований как общин, обладающих известной правоспособностью.

Вопрос остается спорным. В коллективном труде «Карнатака на первый взгляд», изданном к 65 сессии Индийского национального конгресса в Бангалуре, авторы в главе «Административная система Карнатаки» косвенно проявляют свое знание о территориях с индексами, но не упоминают их²⁸. Г. Р. Куппусвами, автор своего рода энциклопедии или справочника по социальной и экономической истории Карнатаки, заявляет, что вопрос о значении числовых индексов при географических названиях должен стать предметом последующих исследований²⁹. А в популярном учебнике «История Южной Индии»³⁰, авторы которого Р. К. Маджумдар и А. Н. Сривастава делают «основной упор на Карнатаку», о территориях с числовыми индексами вообще ничего не говорится. В книге, как обычно в индийских «Историях», основное внимание уделяется политической истории, и здесь главы по карнатакским династиям гораздо крупнее, чем главы по истории Тамилнаду. Но в разделах об «администрации» или о «системе управления» говорится только о *наду*, *нагарам*, *сабхе* и *уре* в период Чолов в Тамилнаду, а систему управления карнаткских государств авторы опускают. Это можно объяснить лишь тем, что этот сюжет не смог бы обойтись без упоминания о территориях с числами, а авторы не знали, как их подать.

Мы принимаем, что числа, присваивавшиеся территориям, имеют одинаковую счетную единицу, и этой единицей является деревня. Для этого только нужно отказаться от представления, что надписи прямо отражают реальность. Да, имеются в виду деревни. Но не реальные, а воображаемые. Это условное, мифологическое количество населенных пунктов, которое «должно содержаться» в том или ином территориальном округе.

²⁸ Glimpses 1960, p. 129

²⁹ Kuppuswamy 1975, p. 15

³⁰ Majumdar 1994

Области с числами как не государственные и не феодальные образования

Какие же это числа? Среди них сложно увидеть систему, но все же можно сделать любопытные наблюдения о том, какие числа были наиболее «ходовыми», «символизировавшими» в умах людей территориальные единицы разного размера. См. Таблицу 1.

Таблица 1

Числовые индесы, прилагавшиеся к территориям	Количество территорий, имевших данный индекс
5	1
6	1
7	1
10	2
12	38
24	2
30	22
36	3
40	2
50	5
60	1
70	43
80	2
84	9
90	1
100	1
116	1
140	4
300	28
400	1
500	17
504	1
600	1
700	3

750	2
800	1
900	1
1000	12
1400	2
1500	1
1600	1
2000	3
3000	2
4000	3
6000	54
7000	2
12 000	2
16 000	1
30 000	1
32 000	3
70 000	1
96 000	1
750 000	2
990 000	1
Всего	2364 территорий

Я предупреждал выше, что в данной главе анализируется выборка из 1143 надписей, составленная довольно случайно (по тем изданиям, которые попали мне в руки в Москве, Ленинграде и индийских библиотеках). Таким образом, таблица может служить лишь формированию примерного представления о том, какие числовые группы встречались чаще других. Но я не думаю, что эти представления окажутся далеки от того, что можно было бы получить при сплошном анализе всех надписей.

Мы видим, что жесткости в распределении чисел нет. Грубо говоря, любое число могло оказаться индексом округа в зависимости от местных условий. Но все же видно, что, во-первых, роль «элементарной ячейки» всей системы играло представление о «12 деревнях», общее с системой раджпутских надделов в Северной Индии³¹. Нередко это реальное число деревень, все двенадцать перечислены в документе³².

³¹ EI, III, p. 306–311 no. 43 (1083 г.); IV, p. 286, no. 40

³² EI, I, p. 350, no. 40 (EI, VI, p. 49–50, no. 6-B) (X в.)

Обращает на себя внимание и присутствие среди числовых индексов «84» (знаменитого *чаураси*, здесь *caturāṣṭya*), наиболее крупной территориальной единицы раджпутских надделов в Северной Индии. Представительство этого индекса среди некруглых цифр заметно. Это означает, что раджпутская система распределения владений в какой-то степени повлияла на деканские представления о «естественных», «логичных» округах. Однако она, во-первых, не была перенята целиком («24» встречается редко, а «48» отсутствует), а во-вторых, явно противоречила иной системе числовых соотношений, почему-то любимых людьми каннада, а именно 30–70–300 (500) — 1000.

Г. С. Дикшит считает, что при группировке деревень в более крупные единицы, хотя и употреблялась двенадцатичная система, все же десятичная система «более заметна». Десятки деревень группировались в сотни, а сотни — в тысячи³³. Такой вывод продиктован только стремлением связать этот институт с рекомендациями Ману, Артхашастры и Манасолассы (II. 159), которые придумывали «идеальное» государство. Я думаю, читатель согласится, что материал показывает совершенно противоположное: структура территории, если она существовала, никоим образом не соответствовала рекомендациям *смирити*. В подтверждение своей позиции Дикшит указывает на пример того, как два округа, Раттапалли-70 и Иттаге-30 в 1069 г. слились и образовали округ «Сто деревень» (*Nóāuī bàāa*)³⁴. Но по моим данным Иттаге-30 упоминается еще и в 1117 г.³⁵, так что непонятно, на чем основано мнение о слиянии двух округов. В любом случае, это ничего не доказывает, потому что округа с индексами «70» и «30» явно существовали во многих районах Карнатаки. И то, что они не воспринимались как части «сотни», говорит довольно широкое бытование индекса «140», что, возможно, означало объединение двух округов по «70».

То, что количество территориальных делений с индексом выше 1000 невелико, не удивительно. Ясно, что их и не могло быть много.

Надо еще отметить, что раджпутская система была более «заземлена». В ней тоже не могло быть точного соответствия между числовым обозначением феода и количеством входящего в него деревень.

³³ Dikshit 1964, p. 20

³⁴ BK, 29, 30 of 1934/35

³⁵ BK, 5 of 1932/33

Но все же это были конкретные феодалы, от размеров которых зависело благосостояние реальных подразделений раджпутского клана. Здесь же числа более оторваны от реальности. Они существуют сами по себе, они не обязаны соответствовать определенному уровню дохода.

Прежде всего, территории с числами не представляли собой готовые наделы, которые надо было только распределить среди вассалов (или чиновников, или наместников). В управление передавались территории, очень часто не совпадавшие с традиционными областями. Приведем несколько примеров.

В 997 г. вассал Тайлы II (Западные Чалукьи) правил Банавази-12 000, Шанталиге-1000, Кисукаду-70, и аграхарой Самаси-Гудигере³⁶. Отметим, что Кисукаду-70 входила в Банавази-12 000. Возникает вопрос, осуществлял ли этот наместник власть над другими составными частями Банавази-12 000?

В 1117 г. некий Банкаияраса правит в Белгахе-70 и Иттаге-30, а также некоторыми деревнями в Банавази-12 000 и несколькими аграхарами³⁷. В 1047 г. *махамандаleshвара* Гандарадитьяраса правит Синдавади-1000 и двумя аграхарами³⁸.

В 1018 г. вассал Западных Чалукьев Джагадекамалла Ноламба-Паллава Перманади, он же Удайдитьева, правил Гангавади-96 000, Кадамбалиге-1000, Когали-500³⁹, 5-ю деревнями в Масиявади-140⁴⁰, Баллакунде-300 и Кудихара-70, входившей в Эдадоре-2000⁴¹. В 1045 г. его наследник (?) Трайлокьямалла Нанни Ноламба-Паллава Перманади правил Баллакунде-3000, Когали-500, Кадамбалиге-1000, Кудияхара-70, Каривиди-30 и Ноламбавади-32 000⁴².

³⁶ EI, VI, p. 254, no. 24-B

³⁷ BK, 5 of 1932/33

³⁸ ARE, 484 of 1914 (SII, IX, I, no. 192). Отметим, что в Карнатаке аграхары нередко выступают как объект управления чиновником-наместником наряду с областями, чего никогда не встречается в Тамилнаду

³⁹ Эти два округа, как мы знаем из таблицы 2, входили в другую крупную область — Ноламбавади-32 000

⁴⁰ Этот округ входил в Когали-500. Следовательно, его отдельное упоминание, а тем более 5-ти деревень в нем, с сугубо логической точки зрения, представляется излишним

⁴¹ ARE, 87 of 1904 (SII, IX, I, no. 80; SIE, XXII, p. 72, no. 14). Округ Эдадоре-2000 является частью Гангавади-96 000, поэтому упоминание его или его подразделения тоже кажется нелогичным.

⁴² ARE, 443 of 1914 (SII, IX, I, no. 101). Наблюдается та же картина: перечисляется как крупная область, так и некоторые входящие в нее округа. Другие упо-

В 1165 г. семья Синдов правила Кархада-4000 как вассалы Калачури. Тесть одного из них, Аллама, правил Масавуру-12, Эдеватта-Баллаве-70, Нариялиге-70 (все в Банавазинаду), Эдемале-12, Мудувара-30 (обе в Шанталиге-1000), Холалуру-12 в Мандалинаду, Манидеволалу, Коллига-70, Аракере-12, Бхранти-30, Кундур-70, Айваттарубада, Атигере-12, Падугалу-12 (все в Ноламбавадинаду), Арабала-70, Каликатти-12 (обе в Асандинаду)⁴³.

Нет необходимости, множить примеры. Вывод однозначен: деление территории государства на области с числовыми индексами не совпадало с делением той же территории на вассальные владения, и даже, как представляется, создавало неудобства при наделении чиновников-вассалов управленческими округами.

Итак, мы увидели некоторую структуру, схему построения соотношения разных территориальных единиц. Это вовсе не значит, что тогдашние индийцы эту систему видели или ее вводили. Наличие многих «несистемных» чисел в качестве индексов показывает, что территории такого рода создавались не по какому-то плану, не подчиняясь некоей закономерности, а возникали спонтанно, по условиям данной местности.

Традиционность областей с числовыми индексами

Числовой индекс при названии округа обладает почти абсолютной стабильностью. Он почти всегда сохраняет «свое» число на протяжении столетий. Встречающиеся изменения крайне немногочисленны. Скажем, есть пример того, что округ Сагара изменил свое число, возможно, в результате роста населения или присоединения к нему какой-то дополнительной территории. В XI в. он выступает как Сагара-300⁴⁴, а в XII и XIII вв. — как Сагара-500⁴⁵.

Однако другие изменения такого рода можно считать ошибкой гравирующего надписи. Так, Каратикаллу (Карадигал) — 300 в Райчуре известна именно так с 1024 до 1220 г.⁴⁶ Однако в 1125 и в 1191 гг. этот округ назван Карадигал-400⁴⁷. Округ Амкулаге (он же Анкалге) в 1114

минания о разбросанных владениях этой семьи см.: SIE, XXII, p. 72, no. 14)

⁴³ KI, IV, 13, p. 34–39

⁴⁴ ARE, 644 of 1958/59; EI, XII, p. 269, 291–292, no. 32-B

⁴⁵ ARE, 446, 448 of 1959/60; 518 of 1960/61; EI, XII, p. 308, no. 34

⁴⁶ ARE, 342, 353 of 1957/58; 594, 711, 714, 715 of 1958/59; BK, 50 of 1928/29 (SII, XV, p. 208, no. 164); EI, XII, p. 303, no. 34; IA, VIII, p. 18

⁴⁷ ARE, 240, 241 of 1953/54

и в 1122 г. несет число «50»⁴⁸, в 1150 и 1177 г. — «80»⁴⁹, но 1178 г. он называется снова «Анкулаге-50 кампана»⁵⁰, а в 1220 г. — снова «80»⁵¹.

С. С. Мангалам, предпринявший очередную попытку рационально объяснить числовые индексы при наименованиях территорий, утверждает (без сносок), что провинция Карахаде (Карахатака) при ранних Чалукьях из Бадами носила индекс «1000», при Раштракутах стала «Карахатака-10 000», при Чалукьях из Кальяни — 4000, а при Ядавах — 2000. Он делает вывод: «Изменения в числовом индексе объясняются расширением или сокращением провинции соответствующими правителями, находившимися, что это будет соответствовать целям администрации»⁵². Произвольность такого вывода очевидна. Но главное — непонятен источник этого утверждения. В нашем распоряжении имеются 15 надписей, в которых упоминается Карахатака, относящихся к периоду от 958 до 1306 г., и в 14 из них провинция имеет индекс 4000⁵³. И лишь однажды, в 1147 г., упоминается Карахада-3000⁵⁴. Это различие вполне можно объяснить элементарной опiskeй гравера. Обращает на себя внимание проявившаяся в этом утверждении Мангалама тенденция, свойственная большинству индийских историков, объяснять все изменения решениями государства.

Постоянство чисел указывает на их традиционность, на то, что они не явились результатом некоего государственного регулирования. Впрочем, об этом же свидетельствуют и другие факты, о которых пойдет речь ниже.

Названия округов могли употребляться и без числовых индексов. В этом случае территории называются *деша*, *раштра*, *вишая*, *наду*, *кампана*, *стхала*, *вентха*, *бхага* («часть») ⁵⁵ и даже *раджья* («царство») ⁵⁶. Некоторые исследователи пытаются найти здесь систему. Яздани, например, считает, что при Раштракутах *бхукти* объединяли 50–70

⁴⁸ ARE, 92 of 1954/55 (KI, II, p. 38–48, no. 12); KI, II, p. 62–71, no. 16

⁴⁹ ARE, 104 of 1954/55; 375 of 1957/58

⁵⁰ BK, 107 of 1940/41

⁵¹ KI, II, p. 122–125, no. 34; см. также ARE, 370 of 1960/61

⁵² Mangalam 1978, p. 51

⁵³ ARE, 182, 189 of 1953/54; BK, 118, 124, 128 of 1940/41. 1939/43; ; EI, IV, p. 286 no. 40; KI, II, 13, 18, 21, 25, 27, 38, p. 48–51, 72–74, 79–85, 93–95, 102–103, 129–137, 144–147; KI, IV, 13, p. 34–39

⁵⁴ BK, 127 of 1940/41. 1939/43

⁵⁵ IA, VI, p. 93; EC, X, p. 62–63, no. 66 (694 г.)

⁵⁶ EI, XXXIV, p. 35, no. 7 (1247 г., Дхарвар, Белувала-раджья)

деревень, *вишая* — от 1000 до 4000⁵⁷, а *раштра* была крупным делением, охватывавшим несколько современных дистриктов. К этому он добавляет «от себя», что правитель *раштры* (*раштрапати*) «обладал всей полнотой власти» (?), но при этом не мог назначать нижестоящих управленцев. Посты *раштрапати*, *вишаяпати* и *бхоганати* могли становиться наследственными⁵⁸. А Кармаркар с той же степенью обоснованности утверждал, что *бхукти* состояла из 100–150 селений⁵⁹.

Терминология, применявшаяся к различным территориям, не имеет прямых соответствий в численных индексах. Например, Коланур-30-*кампана* включена в Белвола-*наду*, а та — в Кунтала-*дешу*. Белвола имеет индекс 300 и называется также Белвалавишая⁶⁰. Она же может называться *деша*⁶¹. Кунталадеша называется иногда *вишаей*⁶². Термин *наду* применяется к округам и областям самого разного размера — с индексом от 10 до нескольких тысяч. Попытки индийских историков установить смысловые различия между терминами, обозначавшими некую область, округ, район, неизменно заканчивались полным провалом.

Иерархия округов и областей

Упомянутые области и округа, как уже ясно читателю, разные по размеру. Логично предположить, что мелкие из них входят в состав крупных. Иногда это отражается в надписях, но не всегда. Ниже приводится список областей, о которых нам известно, что они были связаны в иерархические структуры. Под названием крупной единицы с отступом идут более мелкие, входящие в нее, а те, которые расположены на еще более низком уровне, перечислены с отступом по сравнению со вторыми. Для большей наглядности области разного уровня отличаются также и шрифтом. Предупреждая еще раз, что моя выборка данных неполна, вновь выражаю надежду, что она достаточно представительна, чтобы по ней судить о наличии материала.

⁵⁷ Он ссылается на IA, XI, p. 111

⁵⁸ Yazdani 1960, II, p. 303

⁵⁹ Karmarkar 1947, p. 64

⁶⁰ KI, I, p. 38, 41–42; EI, XIII, p. 192, no. 15-K (902/3 г.)

⁶¹ BK, 31 of 1940/41 (1209 г.)

⁶² BK, 98 of 1940/41

Таблица 2
Соподчинение территорий с числовыми индексами

Гангавади-96 000 (Гангамандала)

Эдедоре (Пададоре) — 2000 (район Райчура)
 Каратикаллу (Каратиканну, Карадигал) — 300
 (Карадикал-400)
 Келавади-300
 Аваравади-700
 Саккараге-90

Себби-300 (Саббидеша)

Аткуру-70
 «18 вишая»
 Маругаравишая
 Сулдохатави-70
 Бемпур-12

Ноламбавади-32 000

Кадамбалиге-1000
 Хонганде-30
 Каниякал (Каниякам) — 300
 Когали-500
 Балгули-50
 Масийявади-140
 Соге-12
 Биккига-70 *кампана*
 Мандалинаду
 Холалуру-12
 Манидевогалу
 Коллига-70
 Кундур-70
 Дакивадулунке-70
 Бхранти-30
 Аракере-12
 Аттигере-12
 Падугалу-12
 Айваттарубада

Кунди деша (Кунди-3000)

Алатаге (Алактак) — 700
 Бадхамале-12
 Кумбайиджа-12
 Шрипура-12
 Коравалли *кампана*
 Хорагхатте-70
 Хуввали-12
 Кундуриге *кампана*
 Хамгараге-12
 Курумбетта-30 *кампана*
 Хуввали-12

Кунтала деша (Кунтала вишая)

Аланде-1000
 Манийуру-12
 Кампанавата
 Белвала-300 (Белвалавишая)
 Атактура-12
 Коланур *кампана*
 Мулгунд-12
 Нараямгал-12
 Карахаде-4000 (Карахатевишая) (Сатара — Белгаум)
 Каламбаде (Канамбаде) — 300 *кампана* (Каламбаденаду)
 Умбаравани-36
 Тангула-30
 Торегалунаду
 Калли-12 («12 деревень группы Калли»)

Банаваси-12 000 (Банавасимандала, Банавасинаду)

Панунгал (Ханунгал) — 500 *кампана*
 Аннига-100
 Эламби-70 *кампана*
 Эдавогал (Эдайолал, Эдевогал) — 70 *кампана* (бхага, наду)
 Кандавура-30
 Эламби-20
 Недугундаге-12

«6 000»
 Нирумбада (Нурумбада) *кампана*
 Сатталиге (Шатталиге, Шатталигенаду)- 70
 Белавуру-140 *кампана*
 Басавура-140
 Кагенеле-12
 Нагаракханда-70 *кампана*
 Кадуваннаганда (Кудувеннеганда) — 70
 Эдеветта (Эдеватта) — 70
 Сатьялиге-70
 Раттапалли (Раттахалли) — 70
 Белмахе (Белгахе) —70
 Кисукаду-70
 Баллава-70
 Джиддулиге-70 *кампана*
 Эдуватта-Баллаве-70
 Нарийялиге-70
 Кукканур-30
 Иттаге-30
 Мугунда (Мукунд) — 12
 Масавуру-12
Паласиге-12 000 (Паласикавишая)
 Кундур-500
 Даравадавишая
 Сабби-30
 Соллундурака-70
Сеуна деша (от Чандора (дист. Насик) до Доулатабада)
 Шринагара-2500
 Самгаманера (Самгаланера)- 84
Пунаду-10 000 (Пуннаду-6000)
 Эденаду-70
Пратьяндака-4000 (Биджапур-Сатара)
 Баявада (Ваявада) —12
Вишая 2000
 Авараводи-700
 Саккараге-90

Конкана-1400
 Самьянапаттана-700 (Самьянамандала) (район Тханы)
 Калимахаявишая
Шанталиге-1000
 Эдемале-12
 Мудувара-30
 Темгере-30
Тарддавади-1000 (к ю.-ю.-в. от Торагале, на берегу Бхимы)
 «600 селений»
 Баге-50 *кампана*
 Муттану-30 *кампана*
 «36 деревень»
 Хеббалу-12 *кампана*
Маннедади-1000
 «сто деревень»
Синдавади-1000 (Синдавадинаду)
 Адавани-500
 Каватала-12
Конкана-900 (Конканамандала)
 Мараджавадинаду
 Мугунда-30 *кампана*
Шри-Харшапура-750 деревень (Гуджарат)
 Карнатаваниджья
 Руридха-10 деревень
Аварантавишайя (в районе Тханы)
 «12 деревень»
Виратанагари-500
 Кондарате-70
Атралуру-300
 Котралуру-12
Сагара-300
 Кембави-24
Анандуру-300
 Анкулаге-50 *кампана*
Уппалика-300
 Баддулатала (Ваввулаталла) — 12

Асанди наду

Арабала-70

Каликатта-12

Маругаравишайя

Эдединдевишайя

Прагитханабхукти (Пайтхан)

Саракачча-12

«6 деревень»

Пулигере (Пуригере, Хулигере) —300

Саратавуранадуду

Тарикаде кампана

Анкуллаге-50

В этом списке значатся 152 наименования из общего списка известных мне в 302 единицы⁶³. Таким образом, почти точно половина упомянутых в использованных надписях территориальных делений выступают как самостоятельные, не входящие в более крупные единицы. Естественно, мы не можем на этом основании утверждать, что так оно и было. Гораздо логичнее предполагать, что составители надписей нередко не считали нужным приводить «полный адрес» даруемой деревни или округа, предоставлявшегося в лен. Довольно часто округа с индексами «140», «70» и «12» перечисляются как однопорядковые величины, но возможно, что это не говорит об их действительной равнозначности. Если из надписи следует, что округ с числом «12» непосредственно входит в область «4000» или «1000», а тем более в «96 000», то, скорее всего, в тексте просто опущены промежуточные звенья.

И все же, общий взгляд на список соподчиненных областей создает впечатление некоторой иррегулярности. Может быть, это впечатление объясняется крайней неполнотой списка. Но все же мы не можем даже предполагать, что, скажем, Ноламбавади-32 000 делилась на 32 области по 1000, а те на три (или четыре?) округа по 300, а последние на округа по 70 и т. д., или же что Банаваси-12 000 делилась на «500», те на «140», затем на «70», и в основе всей этой структуры лежали тысяча

⁶³ Эта сумма отличается от итоговой суммы таблицы 1, потому что в таблице учтены только те подразделения, которые сопровождаются числом, но, как мы видим из схемы их взаимоподчинения, в административную систему на разных уровнях включались и территории без чисел, или индекс которых не указан.

округов по 12 деревень. Данные надписей не позволяют составить более или менее полную картину деления территории Декана на области в периоды Раштракутов, Западных Чалукьев, Калачури и других династий VIII—XIII вв.

Итак, простой обзор сведений об округах и областях с числовыми индексами, говорит о том, что они имели естественное, нерегулярное происхождение, не являлись плодом законодательной деятельности царей или правительств. Это не было «административным делением» государства. Области с числовыми коэффициентами сохранялись на протяжении существования ряда государств, не перекраиваясь и не сливаясь. Можно предположить, что и возникли они безотносительно к государствам и до их образования.

Они выполняли функции территориальных подразделений страны (государства). Они также служили единицами наделения пожалованиями верхнего слоя господствующего класса. Но они существовали не по законам административного деления и не по закономерностям земельных пожалований. У них есть какая-то собственная жизнь, не зависящая от решений центральной и любой другой власти. Они возникли спонтанно, они существовали сами по себе, они исчезли не по решению власти, а в результате процесса внутренней перестройки всего общества, который пока совершенно не изучен. Что же было существом этих общностей, что их держало в государствах или в условиях хаоса? Это их роль широких общин, прослеживаемая с трудом, но в то же время несомненная. В следующей главе мы попытаемся сопоставить данные об общинной ипостаси областей с индексами с другими данными о существовании макрообщин в Карнатаке.

Глава 15

Макрообщины

Крупные общины, охватывавшие каждая несколько десятков селений, безусловно, существовали в Карнатаке в IX–XIV вв., а может быть также и раньше, и позже данных рамок, но сведений о них значительно меньше, чем в Тамилнаду, и стройную систему из общин разных уровней построить не удается.

Индийские историки, пытаясь упорядочить имеющиеся данные, иногда произвольно приписывают «общинность» тем или иным территориальным делениям. Например, Г. С. Дикшит считает, что *наду* (или *над*, как это слово часто употребляется в каннада) как община существовала в пределах территориального деления, называвшегося *кампана*, а несколько *наду* формировали «ассоциацию *наду*». Однако, по его мнению, ничто не указывает на то, что эти общины и их ассоциации образовывались спонтанно, по воле населения¹. Иными словами, он хотел бы «вставить» *наду* в схему регулярного административного деления. Это затруднительно, поскольку регулярного деления на провинции и округа не было создано ни в одном из государств Карнатаки в средние века. Области и округа с числовыми индексами, на которые эти государства явственно делились, как было показано, не составляли единой схемы, были крайне разнообразны по размеру и по формам управления. Некоторые из них назывались *наду* или *кампаной*, но и в этом отношении нет никакой регулярности. Вместе с тем многие области с числовыми индексами выступают как коллективы, как общины окружного или областного размера, как институты, соответствующие *наду* в Тамилнаду.

Впервые *наду* как определенная единица на территории Карнатаки упоминается в надписи V в. В ней говорится, что некие Мригеша

и Нагендра управляли Наридавиленаду². В одной из надписей из Кадура, относящейся, возможно, к VII в, по поводу одного из решений говорится: «Тот, кто нарушит это решение, разрушит *наду* и будет виновен в 5 великих грехах»³. *Наду* и *махаджаны* объявляются свидетелями дарения в 690/91 г. в районе Анантапура⁴.

Следующее упоминание относится примерно к 750 г. В надписи фиксируется некое решение, а затем возможным в будущем нарушителям этого решения сулятся моральные наказания: они будут виновны в «пяти великих грехах». Среди возможных нарушителей «правитель *наду*, правитель деревни или жители деревни»⁵. Какое содержание вкладывалось в то время в понятие «управления» округом или деревней, мы не можем знать. Явно лишь то, что главную роль в подобных случаях играют некие индивидуумы, главы, вожди или назначенные из центра чиновники. Они могут быть и «старостами», т. е. представителями местного населения, общинников. Но коллективного органа во главе *наду* (подобного *наттар* в Тамилнаду) здесь явно нет. Существование некоего коллектива на уровне деревни, впрочем, подразумевается.

Только лишь в 950 г. мы видим *наду* как распорядительный коллектив. Дарение земли сопровождается разъяснением: «Обработку этой земли будут организовывать *над* и деревня»⁶. Затем упоминания о коллективных действиях *наду* учащаются. Они выступают как свидетели дарения⁷ или даже публикуют правила пользования дарениями⁸.

«Общее собрание» окружных общин

Широкий управляющий орган в окружных общинах Карнатаки существовал, хотя он выступает не часто. Он мог называться обобщающим термином *над*, или же состоять из нескольких групп, действовавших вместе. В отличие от Тамилнаду, здесь мы иногда имеем сведения о составе такого «общего собрания». В районе Дандапура (Дхарвар) собрание *наду* состояло из 22 жителей и нескольких

² ARM, 1936, no. 16

³ EC, VI, p. 40, no. 50 (~ 480 г.)

⁴ EI, XXXVIII, p. 333, no. 56-A

⁵ EC, VI, p. 47, no. 92 (~ 750 г.)

⁶ EC, III, p. 42, no. 41 (950 г.)

⁷ EC, VI, p. 2, no. 9 (~ 990 г.)

⁸ EC, IX, p. 102, no. 111 (997 г.)

¹ Dikshit 1964, p. 35–36

чиновников⁹. В округе Девалиге-70 (или Девалигенад) около 1074 г. собрание состояло из 70 *прабху* и одного *над-прабху*¹⁰. Дикшит считает, что это и есть собрание *наду* — по одному старосте от каждой из деревень.

Другое собрание (*samasta nāāgi neredu* — «все соседи по *наду*») в 1175 г. состояло из наместника *данданаяки* Биттимеи и нескольких *гавунд*, которые представляли конкретные деревни¹¹.

Но есть намеки и на то, что окружные собрания имели более демократическую структуру. В 1158 г. решение о предоставлении вклада в храм принимают *прабху-гавунды* и *оккалу* (общинники-землевладельцы) 30-ти деревень¹².

Дикшит считает, что собрание *наду* при Хойсалах стало называться *праджэ*. Если он прав, можно считать, что оно стало еще более демократичным, «народным собранием». Он ссылается на надпись 1286 г. (Колар), в которой действует Периянаду¹³, и надпись 1318 г. (Бангалур), в которой упоминается Сигаланаду¹⁴. Эту точку зрения трудно принять по общим соображениям: в целом социальная дифференциация росла, и руководство округами должно было все более аристократизироваться. Однако история нередко опровергает логические умозаключения.

Иногда утверждается, что решение собрания принято единогласно (*ākastharāgi*)¹⁵. Значит ли это, что в иных случаях имело место голосование и решение принималось большинством голосов?

Вожди окружных общин

Но действительными представителями общин в Карнатаке были их вожди. Они представляли собой слой, промежуточный между служилой (придворной, титулованной) верхушкой и слоем деревенских землевладельцев. Сведения о существовании такого слоя появляются

⁹ ВК, 65 of 1933/34

¹⁰ ЕС, VI, p. 36, no. 15 (1074 г.); Dikshit, 1962, p. 44

¹¹ ЕС, III, p. 1, no. 8 (1175 г.)

¹² ЕС, III, p. 18, no. 62 (ARM, 1938, p. 170–171, no. 42)

¹³ ЕС, X, p. 6–7, no. 27

¹⁴ ARM, 1922, p. 11. Другие примеры, по его мнению, см. ЕС, IX, p. 30, no. 7-а (1038 г.); p. 106, no. 139 (1314 г.); ЕС X, p. 165, no. 38 (Dikshit, 1964, p. 45, 1284 г.).

¹⁵ ЕС, VI, p. 42, no. 67 (1281 г.)

в период Раштракутов. Возможно, он подразумевается, когда правители этой династии обращаются в своих надписях к *грамабхогикам*¹⁶ или к *грамакутам*¹⁷. Позже, при Раштракутах и Чалукьях из Кальяни, вырабатывается стандартная формула обращения к сельскому населению: *grāmakōta-yuktaka-niyuktā-adhikārika-mahattar-ādi*, т. е. оповещали «*грамакутов*, назначенных и неназначенных начальников, *махаттаров* и других»¹⁸. В свое время я предложил понимать эту формулу как относящуюся как в верхам деревни (*махаттарам*), так и к вождям окружных общин (*грамакутам*). Раштракуты избегали употреблять более подходящий для этих вождей термин *раштракута*, поскольку тогда они ставили бы себя на одну доску с сельской аристократией¹⁹. Однако совсем избежать появления этого термина в надписях оказалось невозможным, поскольку такой статус действительно имели главы округов. Скажем, упоминается *раштракута* округа в 300 деревень²⁰. В 742 г. Дантидурга Раштракута убеждает местных *раштракутов* не вмешиваться в дела сделанного им дарения²¹.

В надписях на каннада часто встречаются термины *nāāgaū āa*, *nāāaprabhu*, *nāāaperggaāe*, каждый из которых можно перевести как «глава *наду*».

Правда, Дикшит делает оговорку: *перггаде* (писался также *хеггаде*, *верггаде*) отличался от *гаунды* (*гауды*, *гавуды*) и от *прабху* тем, что первый термин указывал на государственную службу. Так мог называться не только глава *наду*, но и сборщик пошлин, писец в налоговом департаменте, вассал магната и т. п.²² Общим термином для любых должностей был также *адхикари*. Он также мог возглавлять *наду* или *кампану*²³.

Во главе *наду* мог стоять и феодал (так часто переводят слово *маннея*). Но в таком случае из текста надписи ясно, что данное лицо совмещает два статуса: оно и *маннея*, и *над-гаунда* одной и той же территории (в данном случае — Мулгунда-12)²⁴.

¹⁶ IA, XVIII, p. 234

¹⁷ IA, IX, p. 112

¹⁸ EI, IX, p. 36, no. 4; XVIII, 249, no. 26; IA, VIII, p. 18, 20; XVI, p. 24; EI, XII, p. 154, no. 19; p. 283, no. 32; p. 313, no. 34. Несколько измененную формулу см. IA, XII, p. 251; EI, IV, p. 285, no. 40

¹⁹ Алаев 1981, с. 94

²⁰ ВК, 29 of 1935/36

²¹ EI, XXV, p. 25, no. 4

²² Dikshit 1964, p. 37

²³ SII, IX, I, no. 380

²⁴ ЕС, VII, p. 57–58, no. 83 (1058 г.); p. 85–86, no. 118 (1054 г.; ~ 1150 г.)

Рассматриваемые термины в некотором смысле говорят сами за себя. *Гауда* и *прабху* не связаны с идеями государственного назначения и смещения. Они явно местного происхождения. Этими должностями или титулами не наделяют. Таким образом, мы имеем возможность предположить, что если *наду* возглавляют *над-гауда* или *над-прабху*, то перед нами автономно управляемая община. Если же во главе *наду* стоит *перггаде* или *адхикари*, то община, может быть, и существует, но она полностью подчинена аппарату.

Однако такой вывод нельзя обосновать уверенно.

Дикшит полагает, что рядом с общинным вождем, *над-гавундой* или *над-прабху*, как правило, находился и чиновник, присланный из центра, который назывался *nāārasa*²⁵. Конструирует «административную систему» и Яздани. Он считает, что *над-араса* и *маханад-прабху* — это были чиновники, ведавшие «общей администрацией», а *над-гавунда* им подчинялся и ведал сбором налогов²⁶. Все это, конечно, полная импровизация. Иногда эти две должности совмещались в руках одного человека²⁷.

Подход Дерретта отличается некоторыми особенностями. Он утверждает, что *над-прабху* назначались снизу, деревенскими собраниями, и действовали на уровне округов вместе с *паттанасвами* и другими, например, ежемесячными²⁸ управляющими *аграхар*. А за ними присматривал назначенный правительством *над-хеггаде*²⁹.

Но любопытно, что такие *арасу* (т. е. «раджи») как на уровне *наду*, так и на уровне деревни, занимаются таким деликатным делом, как проверкой «моральной устойчивости». В 1045 г. в районе Беллари *над-араса*, действуя вместе с *маннея*, «12-ю из Моригере» и *уродейей*, должен прогнать лиц, нарушивших обет безбрачия в монастыре, и найти вместо них других, которые будут соблюдать целибат³⁰. А в 1049 г. в районе Биджапура изгонять аскетов, нарушивших обет безбрачия, из *матхи* должны *грама-раджи*³¹. Наконец, в 1077 г. в районе Гулбарги «тех из монастыря, которые не будут соблюдать целибат, жители деревни, горожане и царь (*ḡrum nagaramum arasum*) — все

²⁵ ВК, 8 of 1934/35; SII, XI, I, no. 65 (1028/29 г.), no. 101 (1045 г.)

²⁶ Yazdani 1960, I, p. 400

²⁷ EI, XVI, p. 84, no. 11-C

²⁸ О главах *аграхар*, назначавшихся на месяц, см. в главе 17

²⁹ Derret 1957, p. 190

³⁰ ARE, 443 of 1914 (SII, IX, I, no. 101)

³¹ SII, XI, I, p. 85

вместе — должны изгнать»³². Эту фразу без контекста можно понять как обобщающую максиму: за нравственностью должны следить народ (селяне и горожане) и царь. Но, как видно из сопоставления с другими надписями, имеются в виду жители конкретных сел и городов и конкретный чиновник, в функции которого входило быть «полицией нравов».

С одной стороны, *над-гавунда* понимается как наследственный глава *наду*³³. В надписи 1220 г. упоминается династия *над-гавунд* из четырех поколений³⁴. В надписи от 1242 г. фигурируют 5 поколений *над-прабху*. Последний из них «Келле-гауда — древо изобилия для своих подданных, волшебный камень (видимо, исполняющий желания — Л. А.) для родственников»³⁵. С другой стороны, известны случаи, когда человек **становится** *над-гавундой* разными путями. Некий Басава-гаунда стал *над-прабху* (и *над-хеггаде*) по решению *четтигуттов* из Арабала-70, *паттанасвами*, храмовых жрецов и «всех 18 каст». Затем эта должность сохранилась в его семье³⁶. В другой надписи говорится, что положение *svāmīta* («господства, собственности») было «даровано» («предоставлено») жителями одного из *наду* (название не сохранилось) в дистрикте Колар двум купцам (*четти*)³⁷. Дикшит приводит эти две надписи как доказательство того, что глава *наду* мог быть избран³⁸.

Наверное, надо трактовать эту коллизию иначе. Выборы, как бы мы их себе ни представляли, не могли происходить с участием столь разных «банков голосов». Здесь и купеческая гильдия, и «городской голова», и жрецы, которых, наверное, не так много, но которые пользуются большим авторитетом, и, наконец, жители округа (Дикшит совершенно правильно, как мне кажется, понимает «18 каст» как обозначение всех жителей). Наверное, речь может идти не о выборах, а о компромиссе, достигнутом путем переговоров между этими контрагентами. Но это еще интереснее, чем модель широкой общины, выбирающей старосту из своей среды. Из этой картины вырисовывается ситуация, когда самые разные организации и слои населения считают

³² EI, XII, p. 284, no. 32-B

³³ EC, VII, p. 130–131, no. 219 (918 г.)

³⁴ EC, VII, p. 192, no. 72

³⁵ EC, IV, p. 111, no. 76. См. также EC, VI, p. 35, no. 1 (1257 г.)

³⁶ EC, VI, p. 36, no. 15 (1074 г.); EC, XI, p. 138, no. 137 (1037 г.)

³⁷ ARM, 1925, p. 82

³⁸ Dikshit 1964, p. 38–39

данную *наду* «своей», и принимают участие в ее управлении, по крайней мере, в решении вопроса о том, кто будет ею управлять. Получается модель территориальной, но не сельскохозяйственной или землевладельческой, а «многоотраслевой» общины, объединяющей общими интересами земледельцев, торговцев, горожан, клерикальные слои, базирующиеся на данной территории. Мы попытаемся показать справедливость такой трактовки и на базе иных материалов.

В IX— начале XI вв. весьма многочисленны случаи, когда *над-гавунда* перечисляется в связке с именем царя, именем наместника, а ниже его в этом списке стоит *гавунда*, видимо, отдельной деревни. Получается контекст «вертикали власти». Например, в 859 г. при Раштракутах наместником Банаваши-12 000 был Банкея, *над-гавундой* — Пурушоттама, *ур-гавундой* — Калиямма³⁹. В 895 г. Банаваши правил уже Локадитья из семьи Челлакетана, Алагия Гова и Калпата были *над-гавундами* (другой *наду*), а *ур-гавундой* той деревни, где совершается дарение, был Манушудара Айича-*гавунда*⁴⁰. Позже такие перечисления исчезают. «Вертикаль власти» ломается. *Над-гавунды* приобретают иное качество.

Лица с титулами *над-гавунда*, *над-прабху*, *нада-перггаде* становятся частью именно верхней прослойки господствующего класса. Например, Чауунаия в 1115 г. был *нада-перггаде* Карахаданаду, но в то же время он объявляет себя вассалом *ювараджи*, сына Викрамадити VI и носит титулы *маханпрадхана* *махасаманта* *данданаяка*, т. е. занимает положение наместника гораздо более высокого ранга⁴¹. Трипурантака-девараса, *маханпрабху*, не имел высоких титулов, но из приведенной его генеалогии выясняется, что его отец и дед были *данданаяками*⁴². Один из *над-прабху* в 1205 г. называет себя прямым вассалом царя Баллалы III («сидящим у его ног»)⁴³.

Интересна история семьи Маналера (Манала, Маналара), которую можно проследить на протяжении более чем двух столетий. В 866 г.

³⁹ ARE, 207 of 1945/46

⁴⁰ EI, XVI, p. 279–280, no. 21–1. См. также ARE, 285, 288 of 1945/46 (обе — 896 г.); BK, 31 of 1934/35 (915 г.); ARE, 203 of 1947/48 (924 г.); EI, XVI, p. 283, no. 21–2c (X век); ARE, 399 of 1960/61 (943 г.); EI, XVI, p. 281–282, no. 21–2a, 21–2b (945/46 г.); EI, XVI, p. 284–285, no. 21–2d (970 г.); EI, XVI, p. 285, no. 21–2e; ARE, 62 of 1950/51 (981 г.); 69 of 1950/51 (984 г.); ARE, 255 of 1957/58 (EI, XXXIII, p. 131–133, no. 24) (995 г.); BK, 117 of 1932/33 (1026 г.); BK, 122 of 1932/33 (1035 г.)

⁴¹ KI, II, p. 48–51, no. 13

⁴² EI, XII, p. 340, no. 37–G (1179 г.)

⁴³ EC, VI, p. 25, no. 130 (1205 г.)

Маналера Гудига был *над-гамундой* в Пуригере-300⁴⁴. В 949/50 г. его потомок, тоже Маналера, — видный вельможа при дворе Буттуги II Ганги, который, в свою очередь, является вассалом Кришны III Раштракуты. Буттуга получил от Кришны обширный лен, состоявший из Банаваши-12 000, Белвола-300, Пуригере-300, Кисукаду-70 и Багенаду-70 за то, что лично убил Раджадитью Чолу⁴⁵. Маналера, видимо, тоже принимал участие в этой битве, поскольку ему Буттуга выделил Атакур-12 и еще одну деревню в Белволанаду. Этот дар назван «обмывание меча» (*bàḡaccu*)⁴⁶.

В 1038 г. Белвалой-300 и Пуригере-300 правил военачальник Ваванараса. *Над-гавундой* Пуригере-300 при этом был Джаякеши из семьи Маналера. Сообщается, что ранее *над-гавундой* был *махасаманта* Иривабеданга Марасинга-дева из той же семьи Маналера⁴⁷. Он же оставался *над-гавундой* и в 1077 г. под другим сюзереном — младшим братом Викрамадити VI⁴⁸.

И вместе с тем, представители этого слоя не стыдились указывать на свое шудрянское происхождение. *Над-прабху* Малла-*гавунда* заявляет, что происходит «из четвертой касты»⁴⁹. Другой *маханпрабху* совершает богатое дарение, приводит генеалогию, начиная с прадеда, причем прадед и дед его были *наяками*, и тоже с гордостью сообщает, что он «из четвертой касты»⁵⁰.

Глава *наду* вознаграждался за свои руководящие обязанности примерно тем же способом, как и все остальные старосты в Индии. Упомянувшиеся выше два купца, ставшие обладателями *свамитаны* в наду, получили одновременно земельный участок посевной вместимости в ½ *кхандуги*, право взимать *ауа* (обычное название для жалованья общинного слуги), налог на дома и пошлины с товаров⁵¹. В 945 г. *над-гамунда* в Белвола-300 и 6 *гамунд* более низкого ранга дарят храму

⁴⁴ EI, XXXV, p. 86, no. 10; KI, I, p. 14–15, no. 14

⁴⁵ В битве при Такколаме в 949 г.

⁴⁶ EI, II, p. 167–174, no. 40; IV, p. 354, no. 50; VI, p. 54–57, no. 6–C. Не могу не упомянуть красочную подробность, хотя она не относится к основному сюжету главы. Буттуга подарил Маналере также своего любимого пса. Его натравили на большого кабана. В стычке оба погибли. В честь этого события был водружен камень и сделан дар храму. Сюзерен и вассал развлекались.

⁴⁷ EI, XVI, p. 332–334, no. 25

⁴⁸ EI, XVI, p. 330, no. 24

⁴⁹ BK, 61 of 1933/34 (Yazdani 1960, I, p. 400) (1147/48 г.)

⁵⁰ KI, I, p. 38–51, no. 25

⁵¹ ARM, 1925, p. 82

участок пахотной земли и земли под сад и под дома. *Над-гамунда* делит с царем *сиддхая* (налог в деньгах) пополам: по 2 золотых *гадьяны*, видимо, с 1 *маттара* земли⁵².

Надпись из Хоннейкере от 1307 г. наделяет *над-хеггаде* Арбале-70 правом собирать 1 *панам* с каждой из 40 деревень и по 1/2 *панамы* с остальных 30 деревень, а также торговые пошлины во время ярмарки⁵³. Права окружного вождя на разного рода сборы иногда назывались *нибандха*⁵⁴, т. е. так же, как право на получение в свою пользу налогов с земель, пожалованных в военный лен.

Права *над-гавунды* на вознаграждение, в том числе на участок земли назывались *nārggāvū āike*. *Над-прабху* Бамма-гаунда в 1130 г. подарил храму землю, «которую может на полном скаку объехать его конь». В 1144 г. сообщается, что этот храм находился под покровительством и отца и деда Бамма-гаунды⁵⁵. Земля *над-прабху* была освобождена от налогов⁵⁶, наследовалась в семье, но в то же время могла по решению царя быть изъята для общественных нужд⁵⁷.

Вместе с тем есть сведения, что *над-гавунды* вознаграждаются лишь сбором одного из налогов, причем эта оплата зависит от «качества» их управления. Когда Гандарадитья Шилахара даровал одному из своих вассалов удел, он, видимо, подчинил ему местных *над-гавунд* и приказал: «Если *над-гавунды* этой местности служили активно, то получатель дара не обязан платить им золотом в оплату их службы, так как они должны содержать себя за счет налога *kodevaī a*, который они получают в их положении как *над-гавунды*. А если они не хотели продолжать исполнять их должности, они не должны получать также и *кодевана*»⁵⁸.

Ясно, что *над-гавунда* должен был играть важную роль в местном самоуправлении. Логично предположить, что он представлял собой «исполнительную власть», в то время как собрание жителей (если оно случалось) давало ему общие указания. В надписях отразились лишь некоторые его функции. Когда жители *наду* обязались снабжать храм каждый вторник одной овцой (или козой), *над-гамунда*

⁵² EI, XIV, p. 365–366, no. 28

⁵³ EC, XI, p. 138, no. 137

⁵⁴ EC, XV, p. 71, no. 298

⁵⁵ EI, V, p. 232–233, no. 25-C

⁵⁶ EI, XXIII, p. 34, no. 5 (1126 г.)

⁵⁷ SIE, XIV, p. 96, no. 15 (1054 г.)

⁵⁸ EI, XXVII, p. 176–182, no. 32 (1115 г.)

обязуется следить за исполнением этого обязательства⁵⁹. Он участвует в процедуре установления новых ставок налогов⁶⁰. Иногда сам выходит с инициативой по снижению налогов⁶¹. Контролирует работы налоговиков, когда они проводят работы по установлению конкретных ставок⁶². Устанавливает правила расходования средств в местном храме⁶³. Логично предположить, что и сбор налогов был в его руках, однако прямых свидетельств этого нет. Есть косвенные данные: два *над-прабху* Чавудаия и Калаия, собрав один из налогов (*сиддхая*), не захотели встретиться с чиновником, назначенным царем Сингханой Ядавой. За это наместник *махамандалешивара* Лакшмипаладева сурово их наказал⁶⁴.

В 970 г. в округ приезжают 32 *арасу* («раджи»), чтобы провести какое-то обследование (установление налогов?). *Над-гавунда* должен снабжать их рисом в течение года⁶⁵.

Что касается дарений земли, то в этих акциях глава *наду* тоже участвует, но либо выполняя указания властей⁶⁶, либо вместе с общим собранием общинников (300 *оккалу*, «семей») ⁶⁷.

Вожди *наду* занимались также проблемами ирригации. *Перггаде* Шанталиге-1000 соорудил водоем и предоставил земли для его поддержания⁶⁸. Кампая-данданаяка, устанавливая ставки налогов в Маругаленаду, приказал также отремонтировать местный водоем⁶⁹. Дикшит считает, что эти два примера относятся к деятельности *над-гаунды*⁷⁰.

Над-прабху разрешал также споры и противоречия между жителями подведомственной ему территории. Когда один из жителей продал земли, а другие выступили с заявлением, что они тоже имели доли

⁵⁹ EC, X, p. 6, no. 26 (1017 г.)

⁶⁰ EC, III, p. 37, no. 1 (1277 г.)

⁶¹ EC, VII, p. 158, no. 7 (1204 г.)

⁶² EI, XVI, p. 284, no. 21–2D

⁶³ EI, XV, p. 82, no. 6-E (1) (1054 г.)

⁶⁴ EC, VIII, p. 74, no. 425 (1242 г.)

⁶⁵ EI, XVI, p. 284–285, no. 21–2d

⁶⁶ EC, X, p. 59, no. 186 (1128 г.); XI, p. 79–80, no. 153 (1058 г.); XII, IX, I, no. 126 (1064 г.)

⁶⁷ EI, XIV, p. 190–191, no. 14

⁶⁸ EC, VII, p. 123, no. 194

⁶⁹ EC, XII, p. 6, no. 17 (1287 г.); см. также EC, IX, p. 94, no. 56 (1330 г.); p. 97, no. 81 (1330 г.); p. 99, no. 96 (~ 1334 г.); p. 106, no. 139 (1314 г.)

⁷⁰ Dikshit, 1964, p. 41

в этих землях, *над-прабху* Трибхуванамалла Притхви-четти и другие знатные люди решили конфликт ко всеобщему удовлетворению⁷¹.

Поддержание порядка в округе осуществлялось иногда методами довольно суровыми. Некий *тхаккура*⁷², получивший землю на условиях *умбали* в *тхане* Таравур, стал вести себя враждебно, *над-прабху* выступил против него, убил одного из его вассалов (видимо, было военное столкновение), и принудил его к покорности⁷³.

Окружная община имела некоторый штат служащих. Среди них был писец (*nāsānabī va*), который получал за работу освобожденный от налогов кусок земли — *sarvamānya koāage*⁷⁴.

Функции окружных общин и их вождей

Окружная община имела земли, которыми распоряжалась. Право *наду* продавать деревню не совсем понятно. Собрание Сигаланаду, состоявшее из *nāāāēva* («глава *наду*», аналогично тамильскому *нада-жван*) Марадевы, нескольких *маханпрабху* и *прадже-гавунд*, продало деревню Ачалу, сыну «великого министра», с тем чтобы уплатить долг в 5000 *гадьян*, образовавшийся в 1315 и 1316 гг.⁷⁵ 5000 золотых — это значительная сумма. Значит, было продано существенное имущество. Можем ли мы понять так, что *наду* обладало подчиненной собственностью на деревню, которая целиком состояла из арендаторов? Около 1207 г. «700 из Хосавура, возглавляемые Махабала-гавундой», продали участок земли сыну хойсальского царя⁷⁶.

В 1216 г. подарили храму деревню *прабху* Асандинад-500 по имени Хеббари Марканда Дева, еще несколько вождей и «все подданные и земледельцы»⁷⁷.

Отдельные формулировки надписей заставляют думать, что для дарения некоторых земель требовалось согласие как «царя», так

⁷¹ ЕС, VIII, р. 37, no. 237 (1221 г.)

⁷² Этот термин употреблялся для крупных землевладельцев примерно в это время в Центральной Индии (см. Алаев 1981, с. 86). В Карнатаке его употребление крайне необычно.

⁷³ ЕС, VIII, р. 33, no. 217 (1243 г.). Другой пример гибели *над-гавунды* в битве см.: ARM, 1928, р. 76, no. 76

⁷⁴ ЕС, XI, р. 4, no. 12 (1286 г.); ВК, 8 of 1934/35; ЕС, IV, р. 7–8, no. 65 (1295 г.); ЕС, IX, р. 6–7, no. 12 (1300 г.). См. также: ЕС, VI, р. 47, no. 89 (1265 г.)

⁷⁵ ЕС, IX, р. 128< no. 68 (ARM, 1922, р. 11, 1319 г.)

⁷⁶ EI, XXXII, р. 173–174, no. 20

⁷⁷ ЕС, VI, р. 30, no. 151 (1216 г.)

и *наду*. Не стоит утверждать, что эти две инстанции были равноправны, но все же необходимость формального согласия общины представляется важной особенностью правовой системы в то время⁷⁸. В 1129 г. Мани-гаунда просил *наду* и царя предоставить землю для сооружения водоема. От обоих он получает некие участки⁷⁹.

Та же надпись позволяет понять и другие функции окружной общины. *Прабху-гавунды* Басавур-140 и Эденад-70 выделили земли, доходы с которых пойдут на поддержание водоема и канала, сооруженных Мани-гаундой.

Наду могла участвовать в упорядочении храмового хозяйства совместно с землевладельцами-вассалами⁸⁰. В 1290 г. жители Илайппаканаду (около Бангалура) увидели, что доходы храма в Томбалуре недостаточны для проведения служб. Они обратились к царю Раманатхе Хойсале с просьбой помочь. И царь скостил с суммы налогов, платившейся селением, 10 *пон* (золотых монет)⁸¹.

Наду могло вводить дополнительные сборы. О них мы узнаем, если средства шли в пользу храма⁸².

Окружные собрания участвовали также в перераспределении налогов с различных земель, дарениях земель и деревень. Но в этих случаях трудно решить, насколько самостоятельно они действовали. Как правило, такого рода акции производится общинами совместно с чиновниками, так что неясно, кто являлся действительным инициатором подобного решения⁸³. Некий *махамандаешвара* или *данданаяка*, явно представитель центральной власти, как читатель уже, наверное, заметил, почти всегда присутствует на заседаниях *наду* и, скорее всего, играет там не последнюю роль.

Но при этом все понимают, что он — лицо временное. Представители власти на местах сменялись часто. Общинные же власти — постоянны, при обычных обстоятельствах несменяемые. Поэтому гарантия с их стороны куда весомее, чем со стороны официальных властей. Это отчетливо выражено в одной из надписей от 1328 г.:

⁷⁸ ЕС, VI, р. 48, no. 96 (1141 г.); VII, р. 134–135, no. 235 (1207 г.)

⁷⁹ ЕС, VIII, р. 64, no. 359 (Dikshit, 1964, р. 51; 1129 г.)

⁸⁰ SII, IX, I, no. 172

⁸¹ ЕС, IX, р. 6, no. 11 (1290 г.)

⁸² SII, IX, I, no. 172; ЕС, X, р. 6–7, no. 27 (1286 г.)

⁸³ ЕС, VIII, р. 7, no. 33 (~ 420 г.); VI, р. 33, no. 162 (~ 450 г.); III, р. 78, no. 58; VII, р. 91–95, no. 123 (1159 г.); IV, р. 13, no. 98 (1167 г.); X, р. 166–167, no. 45 (1271 г.); IX, р. 11–12, no. 53 (1304 г.); VII, р. 13, no. 19 (1309 г.); XII, р. 79–80, no. 27 (1232 г.); ARM, 1931, р. 148–149, no. 50

«Мы, жители Теккалнаду, даровали [данному] Богу (перечисленные) орошаемые и сухоходные земли... Мы также обязуемся платить любые незаконные сборы, которым эта деревня может быть подвержена из-за перехода этой *наду* в другие руки, и восстановить деревню [в качестве храмовой]». Надпись подписана восемью жителями и писцом *наду*⁸⁴.

Однако впечатления, которое получаешь на материале Тамилнада, что окружные общины действовали самостоятельно и мало обращали внимания на центральную власть, в Карнатаке не создается. В этой связи приведу пример, наверное, уникальный. Дарения брахманам обычно (почти всегда) объясняется желанием поддержать знатоков *дхармы* или получить религиозную заслугу. Но вот в 1284 г. жители Периянаду и Теккалнаду передают в пользу брахманов некоторые налоги «для успеха священного тела, меча и руки царя» (Раманатхи Хойсалы)⁸⁵. Жители ассоциируют себя с правителем, им зачем-то нужно благополучие Раманатхи.

В округе мог находиться довольно большой штат функционалов, который значительно ограничивал компетенцию общинных властей. Так, в 1172 г. Биджайя-*найка* был *маханпрабху* Тарикадунада и *прабху* селения Малиге. Дана его генеалогия начиная с прадеда. Все его предки имели статус *гауды*. При этом он сам стоит «во главе всего населения» этой деревни (*Māṭṭigeṇa-prabhu Bijjaya-nāyakaṇ mukhya samasta-prajegaṇ*). Но кроме него в том же Тарикадунаде есть «сборщики пошлин» (или «сборщики налогов», букв. «распорядители налогов») (*Tarikāā-nāā suī k-ādhikāṇigaṇ*), которые делают дар некоторых сборов совместно. Кроме того, отдельные *сунк-адхикари* с титулами *найка* делают индивидуальные дарения бетелевыми листьями. Кроме того, есть некие Бхайя-*найка* и *адхикари* Кешавадева, которые имеют возможность подарить земельный налог (*nela-meṇṇu*), каждый — с 4 домов⁸⁶.

Оборона *наду*. Главы *наду* как военные вожди

Мы отмечали в соответствующей главе по Тамилнаду, что там не употребляется понятие «граница *наду*». В Карнатаке такое

⁸⁴ ЕС, X, р. 158, no. 11 (1328 г.)

⁸⁵ ЕС, X, р. 165, no. 38 (1284 г.)

⁸⁶ EI, XV, р. 317–329, no. 20

понятие существовало. В медной табличке от 962 г. даны границы *наду*: на востоке — ручей Маникаволал; на юге — река Кавери; на западе — место, называемое Балаяпалла; на севере — река Пеннер⁸⁷. Эти границы надо было защищать. И жители *наду*, возглавляемые своими вождями, отстаивали их, как, впрочем, и все другие общины, о которых шла речь выше.

В правление Амогхаварши I (814–878) *над-гавуда* Калирупа пал в битве, когда местный магнат Калига напал на Банавадинаду⁸⁸. В надписи, датированной примерно 900 г., говорится, что некий Маливалли был назначен царем из династии Ганга править Асандаинадом. Он со своими «слугами и соседями» (вассалами?) отбил нападение некоего Аяппы, пришедшего «со всей своей семьей и армией»⁸⁹.

Саттараса Нагарджуна был *над-гавунда* в Нагаракханда-70. Губернатор Банавадинаду поручил ему какую-то военную операцию, которую он выполнил ценою собственной жизни. Царь утвердил должность *над-гавунды* за его женой Джаккияббе. «70» и «300»⁹⁰ выделили ей селение Аватавуру, доходы с которого должны были служить ей жалованьем. Богобоязненная женщина отказалась от этих доходов в пользу храма и даровала ему участок земли. Она проявила, судя по надписи 918 г., «хорошие способности к управлению». Но заболела, передала заботы по управлению своей дочери и ее потомству и удалилась в джайнский храм, где и умерла⁹¹.

Споры о границах *наду* иногда разрешались мирно, под эгидой центральной власти⁹², но часто приводили к вооруженным столкновениям. Например, воевали между собой Маллигенаду в Аттахалиге-1000 и Неманаду в союзе с Бекунаду⁹³. *Надпрабху* Кала-*гауда* храбро сражался против хойсальского военачальника, когда тот вторгся в округ Эдавате, границы которого Кала должен был охранять⁹⁴.

⁸⁷ EI, XXXVI, р. 97–99, no. 13

⁸⁸ ARE, 195 of 1947/48

⁸⁹ ЕС, VI, р. 52–53, no. 129 (~ 900 г.)

⁹⁰ Понятно, что «70» — это собрание округа Нагаракханда-70, а «300», — может быть, собрание более крупного округа, куда Нагаракханда входит, а может быть — обозначение деревенского собрания (см. ниже)

⁹¹ ЕС, VII, р. 130–131, no. 219 (918 г.)

⁹² ЕС, VII, р. 191–193, no. 72 (1220, 1225 гг.)

⁹³ ARM, 1926, р. 44, no. 18. Другой случай военных столкновений *наду* см. ЕС, VI, р. 46, no. 83 (1196 г.).

⁹⁴ KI, IV, р. 92–93, no. 43 (1264 г.)

В 1166 г. местный магнат *махамандаleshвара* Синдха Говинда Ишвара Девараса, разгневавшись на Аракеренад (?!), приказал напасть на нее. Его войска захватили две деревни. Тогда ювелир Камоджа, сын Рамоджи, взяв щит и меч, погиб в битве⁹⁵.

Конфликт между жителями селений Индавара и Уппавалли в 1190 г. привел к гибели Чанда-*гавунды*. Тогда люди 9-ти *наду*, включая Декана-*хеггаде* из Кенегила, собрались и сказали: «обе стороны не должны погибнуть». *Наду* и *перггаде* выступили и, изучив границы, решили: «Жителям Уппавалли не принадлежит ни клочка земли от водоема вверх ..., но так как они (жители Уппавалли) претендуют на некоторые земли, пусть им выплатят золото жители Индавара как компенсацию за убийства в Уппавалли»⁹⁶.

В 1196 г. Бантая (он же Банта-*верггаде*), сын Бика-*гауды*, погиб в битве между Тагунадом и Кодагинадом⁹⁷. В 1292 г. объединенные силы Хиренада и Демалигенада напали на правителя Таруталаленада, сына Калала Деви. Произошла битва при Вегадеяхалли⁹⁸.

В 1264 г. погиб *над-прабху* Кала-*гауда*, отбив скот, который пытался угнать Сингея-*даннаяка*, *маханпрадхана* царства Хойсалов⁹⁹.

Прабху-гавунды могли иметь свою свиту (*parivāra*), которая вступала в кровавые стычки, если начинался спор о границах *наду*¹⁰⁰. В Шатталиге-70 (район Дхарвара) в 1226/27 г. случились столкновения между жителями двух деревень по поводу границ селений. В стычке погиб сын плотника. Конфликт разбирали «все *прабху-гавунды* и *parivāra*»

Паривара было не только обобщающим названием для отряда (дружины), но и обозначением социального положения конкретных людей. Так, в 1210 г. в дарении участвуют, кроме брахманов аграхары, шудрянского деревенского собрания и деревенских ремесленников, еще и «14 *париваров*», возглавляемых двумя *гавундами*¹⁰¹.

⁹⁵ EC, VII, p. 176–177, no. 98 (~ 1166 г.)

⁹⁶ ARM, 1932, p. 169, no. 12

⁹⁷ EC, VI, p. 46, no. 83. Обращает на себя внимание то, что сын *гауды* (т. е., скорее всего, старосты деревни) носит титул *верггаде*, означающий, как правило, государственного чиновника. Общинные и государственные власти были тесно переплетены.

⁹⁸ EC, VI, p. 50, no. 106 (1172 г.)

⁹⁹ ARE, 575 of 1958/59

¹⁰⁰ BK, 3 of 1934/35 (1226/27 г.)

¹⁰¹ EI, XIX, p. 196–197, no. 29-F

Области с индексами как общины

Области с числами, вне сомнения, являлись в государствах Карнатаки объектами управления, находившимися в распоряжении местных властей разного статуса — наместников, местных династов, чиновников центрального правительства и даже, как мы увидим, их жен.

Однако, как ясно из материала, сами эти территориальные единицы не учреждались государством, возникли и существовали как автономные социальные единицы. Возникает предположение, что они имеют общинное происхождение. Это предположение подкрепляется некоторыми данными, которые показывают, что и в изучаемое время они сохранили некоторые общинные функции и играли определенную социальную роль.

Собственно, проблемы общинного характера округов и областей с числовыми индексами и проблема существования макрообщин типа *наду* (и нередко выступавших именно под этим термином) сливаются воедино. Они представляли собой один и тот же институт. Но так как вопрос о характере территорий с числами крайне сложен, запутан и спорен, я рассматриваю здесь эти две формы общины раздельно. Именно для того, чтобы показать, что различия фактически нет.

Например, в качестве коллектива выступают «жители области 96 тысяч» (*śaī ī avatī-sahasra-viśaya-prakṛitayaō*) (явно имеется ввиду Гангавади-96 000). Четыре надписи, в которых упоминается как свидетель этот удивительный коллектив, относятся к раннему времени (748, 777, 857/8 и 962 гг.) и к району г. Майсур, где тогда правили Западные Ганги¹⁰². Но общинные отношения сохранились в Гангавади и позже. При Хойсалах (дата не очень определенная, может быть и XII, и XIII в.) «96 000» вместе с купеческими гильдиями и «всеми жителями» выступают как опекуны дарения¹⁰³.

Асандаинад-500 в дистрикте Кадур совершенно определенно являлась как общиной, так и наместничеством. Около 990 г. она вместе с жителями Майсурнад-70 и Баллавинад выступает как свидетель дара¹⁰⁴, а в 1216 г. имела наместника Харихару-*даннаяка*, но также

¹⁰² ARE, A 23 of 1934/35; EI, XXXVI, p. 97–99, 109, no. 13; EI, XXXVII, p. 133–138, no. 23; IA, II, p. 160–161; VI, p. 102

¹⁰³ ARE, 38 of 1904 (SII, IX, I, p. 331, no. 317)

¹⁰⁴ EC, VI, p. 2, no. 9 (~ 990 г.)

и *прабху* Хеббари Марканду Деву, а в дарении принимали участие еще несколько вождей и «все подданные и земледельцы»¹⁰⁵.

Жители областей с числовыми индексами либо выступают как единый коллектив (естественно, мы не можем утверждать, что в мероприятии участвуют все), либо его представляют некие старосты (*прабху*). В 1166 г. в Дхарваре объединяются, чтобы сделать совместный дар богу, 16 представителей из 8 *наду*, местное подразделение торговой гильдии *аяволе*, *прабху* из Белвала-300, Кисукаду-70 и Багадаге-70, а также *мумуридан* и *нанадеш*¹⁰⁶.

В 1178 г. неподалеку, в Райчуре, дар совершают две окружные общины, но одна из них представлена «всеми» жителями Билла-300, а другая, Мората-300, — только своими *прабху* и *гавундами*¹⁰⁷.

Подобная ситуация наблюдается и в округе Аттинур-80. Им управляет некий *махамандалешвара*, но представители этого округа присутствуют при дарении¹⁰⁸.

Девалигенад-70 в дистрикте Кадур в 1074 г. имела руководящий орган, состоявший из 70 *прабху* и одного *над-прабху*, по смыслу — главы совета¹⁰⁹.

В 1185 г. в дистрикте Кадур в правление Хойсалов чиновник центрального «аппарата» совершил дар вместе «со всеми вождями и земледельцами Талигенад-1000, Эдавале-70, Харавале-30, Волагунда-70, и Кадагула-70»¹¹⁰.

В 1052/53 г. в числе других гарантов дара упоминаются «500 из Панунгала». Это значит, что число при географическом названии воспринималось и как количество деревень, и как численность общинного совета этого округа¹¹¹.

В надписи 1060 г. из Кадура в качестве общины выступают Эдемале (Эдевала)—1000. Они делают коллективный дар храму по одной *джакки-колаге* риса с каждого из своих полей с каждого урожая. Кроме того, в надписи фиксируются подобные дарения от индивидуальных лиц¹¹².

¹⁰⁵ EC, VI, p. 30, no. 151 (1216 г.)

¹⁰⁶ BK, 135 of 1926/27 (SH, XV, no. 106)

¹⁰⁷ ARE, 556 of 1960/61

¹⁰⁸ Desai 1962, p. 47, no. 15

¹⁰⁹ EC, VI, p. 36, no. 15 (1074 г.); Dikshit 1964, p. 44—45

¹¹⁰ EC, VI, p. 45, no. 78 (1185 г.). Община Телигенад действует и в 1141, 1218 и 1265 гг. (EC, VI, p. 42, 47, 48, nos 67, 89, 96)

¹¹¹ EI, XVI, p. 337—339, no. 26

¹¹² EC, VI, p. 43—44, nos 75, 76 (1060 г.)

Жители Тардавади-1000 (Биджапур) в 1163 г. тоже выступают как единый коллектив, способный гарантировать сохранность дара¹¹³.

Жители Анур-6000 выделили деревню наследникам некоего Банны, который пал в битве, защищая свою деревню¹¹⁴.

Таким образом, области и округа с числами служили не столько административными единицами или наделами высокопоставленных лиц, сколько общинами, имевшими определенные прерогативы. Надписи сохранили следы общинной активности практически по всем направлениям, обычно связанным с общиной. Это и коллективное владение землей, и возможность самообложения, и выполнение ролей гарантов (опекунов) дарений и свидетелей при дарениях. Иногда такие общины выступают как широкий по составу орган, весьма вероятно, состоящий из представителей входящих в округ деревень, в других случаях общину представляют старосты — *прабху* или *над-прабху*. Правда, таких сведений мало, гораздо меньше, чем свидетельств активности тамильских *наду*.

Макрообщины и торговые корпорации

Для Карнатаки было характерно тесное взаимодействие земледельческих и торгово-ремесленных слоев. Когда различные общины и корпорации проводят совместное мероприятие, нелегко решить, является ли оно общинным, административным или корпоративным. Так, в 1145 г. *над-прабху* Гадиянка Мали-*четти* возглавлял 500 *свами* из Кадалипуры¹¹⁵. «500 *свами*» — это принятое в то время обозначение всеюжноиндийской гильдии *аяволе*. Следовательно, в данном случае местное отделение этой гильдии возглавляет купец, который к тому же имеет должность главы *наду*. В 1204 г. *наду* Нагаракханды-70 собралось в составе *махаджанов* пяти *аграхар*; наместников, глав купеческих гильдий и «всех» *прабху-гавунд*¹¹⁶. В 1241 г. Бомми-*четти* занимал пост *над-прабху* округа Нагаракханда, в то же время его бабка стояла во главе торгового селения Конаватти¹¹⁷. В 1307 г. другое подобное собрание состояло из *четтигунтов* (иногда переводят как «лидеры купеческих гильдий»), *паттанасвами* («господин города»), храмовых

¹¹³ IA, V, p. 23

¹¹⁴ ARM, 1927, p. 54, no. 35

¹¹⁵ ARE, 179 of 1947/48

¹¹⁶ EC, VII, p. 132, no. 225 (1204 г.)

¹¹⁷ KI, IV, p. 13—16

жрецов, а также «многих» из «восемнадцати общин»¹¹⁸. Больше число таких примеров будет приведено в главе о торговых и ремесленных гильдиях.

Отдельно надо отметить такую черту социального строя Карнатаки, как регионализация купеческих и иных профессиональных корпораций, которые по определению должны были бы быть экстерриториальными. Члены корпораций объявляют себя принадлежащими той или иной местности.

Например, в 1100 г. среди дарителей упоминаются «четти-гутты из Пагалиттаге-300»¹¹⁹.

В 1161 г. гильдии, совершающие дарение в одной из деревень Тарддавади-1000, говорят о себе, что они принадлежат этой провинции¹²⁰. В 1190 г. в той же Тарддавади-1000 присутствуют при дарении, помимо прочих, торговые гильдии «округа 36 деревень»¹²¹. Тарддавади-1000 служила местом «прописки» множества межстрановых гильдий¹²².

В 1126 г. «500 *свами*», т. е., как мы уже знаем, члены гильдии *аяволе*, распространявшей свою деятельность на всю Южную Индию, объявляют, что они «из Паласиге-12 000»¹²³. В 1220 г. в том же районе *убхая-нанадешы*, т. е. торговцы явно пришлые (букв. «обе группы людей из разных стран»), заявляют, что они «из Банаваши-12 000 и Паласиге-12 000»¹²⁴. В 1223 г. *муммуриданда*, *нанадешы* и другие гильдии, живущие в пределах Банаваши-12 000, объединились для совершения совместного дарения¹²⁵.

В 1173 г. «500 *свами* из *Айхола*» «возглавляют» купцов (*четти*) из Камнада-4000 и Эдадоре-2000¹²⁶.

Будучи каким-то образом «привязаны» к определенной местности, купеческие организации играли в ней заметную роль. В 1238 г. упоминается община *четтигуттов* из Хагариттаге-300. И оказывается, что определенную руководящую должность (*махапрадхана*

¹¹⁸ ЕС, XI, p. 138, no. 137 (1037 г.)

¹¹⁹ EI, XXV, p. 70, no. 11

¹²⁰ EI, V, p. 21–23, no. 3-A

¹²¹ BK, 36 of 1937/38

¹²² IA, V, p. 23 (1163 г.); BK, 36 of 1937/38 (1190 г.)

¹²³ EI, XIII, p. 316–325, no. 28-B

¹²⁴ BK, 50 of 1928/29 (SII, XV, no. 164)

¹²⁵ SIE, XI, 1984, p. 92–93

¹²⁶ ARE, 32 of 1942/43. 1939/43

и *сарвадхикари*) в этом округе занимает купец Париса-*четти*¹²⁷. Мы вернемся ниже к вопросу о роли купечества в управлении в государствах Карнатаки.

Конгломераты *наду*

В главах о Тамилнаду упоминалось, что иногда *наду* объединялись в конгломераты для достижения каких-то целей. Но это были лишь отдельные свидетельства. В Карнатаке появление в надписях целых групп окружных общин гораздо более привычное явление. Встречаются совместные действия четырех¹²⁸ и восьми *наду*¹²⁹, девяти¹³⁰, десяти¹³¹ и четырнадцати¹³². Большей частью не уточняется, какие именно *наду* составляют эту группу. Однажды, когда упоминаются 14 *наду*, указаны названия трех из них: Торе, Тагадур и Могур¹³³. Надпись 1162 г. из Майсура утверждает, что Аридавалке — наиболее процветающая среди 14 *наду*. Ее *над-прабху* «был как если бы солнце цвело в золотом цветке»¹³⁴. Качества данного должностного лица нас мало интересуют. Важно то, что данная *наду* отмечена как лучшая именно в среде 14-ти. По-видимому, эта группа *наду* составляет некое единство.

Такие группы общин, каждая из которых была довольно крупна, могли реально действовать лишь в виде собрания их представителей, о чем иногда упоминается¹³⁵. Однако нередко надписи уверяют нас, что на собрании присутствовали «все»¹³⁶. Более понятно, когда все жители девяти *наду* (*ombattu nāāu samasta prajegañi*) объявляются опекунами сделанного дарения¹³⁷. Опекать можно и на расстоянии, не собираясь всем вместе.

Вообще реальное существование многосоставных общин остается под вопросом. Как показано выше, области с числовыми индексами и по происхождению были широкими общинами, и в изучаемое

¹²⁷ ARE, 474 of 1959/60

¹²⁸ ARE, 68 of 1904; SII, IX, I, no. 334 (1217 г.)

¹²⁹ BK, 32 of 1942/43. 1939/43 (1173 г.); BK, 1 of 1937/38 (1109 г.)

¹³⁰ EC, V, p. 53, no. 25 (1173 г.); ARM, 1932, p. 169, no. 12 (1190 г.)

¹³¹ EC, III, p. 73–74, no. 31 (1196 г.)

¹³² EC, IV, p. 71, no. 25 (1211 г.)

¹³³ EC, IV, p. 7–8, no. 65 (1295 г.)

¹³⁴ EC, IV, p. 97, no. 137

¹³⁵ ARM, 1945, p. 122–123, no. 18

¹³⁶ EC, VI, p. 45, no. 78 (1185 г.)

¹³⁷ EC, V, p. 53, no. 25

время сохранили общинные функции, несмотря на наложение на них административного аппарата. В этих условиях объединения нескольких *наду* не могло быть настоящим требованием дня. Очень может быть, что фигурирующие среди дарителей или свидетелей дарения «восемь *наду*», «четырнадцать *наду*» и т. п. являются просто фигурами речи, роль которых лишь в том, что сообщить, что всех «было много». Возможно, так надо понимать, например, упоминание «глав и жителей четырнадцати *наду*» в надписи 1211 г., где они вставлены в перечень, между *сарвадхикари*, *данданаяками* и «всеми торговцами и горожанами Каламбалы»¹³⁸.

Конечно, могли быть и реальные коллективные деяния нескольких соседних окружных общин или даже их слияние. Возможно, таково происхождение округа Падинад-70, название которого и значит «десять *наду*»¹³⁹. Кажется, что реальные события описываются в надписи 1190 г.: представители 9 *наду* разбираются в пограничном конфликте между двумя деревнями¹⁴⁰. Случай, произошедший в 1205 г., крайне необычен, поэтому тоже хочется верить его описанию. Ассоциация одиннадцати *наду* воспротивилась назначению наместником над ними некоего Лаккайи, вассала Кумары Лакшмидхары-даннаяка. Будто бы произошло военное столкновение между населением и наместником, после которого жители согласились с назначением¹⁴¹.

Макрообщины в Карнатаке имели много общих черт с тамилнадскими. Но видна и разница. Они были гораздо глубже увязаны с административным аппаратом, находились под контролем разного рода вождей и чиновников. Кроме того, они не были строго сельскохозяйственными, их связь с торговыми корпорациями также была очень тесной. Впрочем, ниже мы увидим, что и управленческие слои не отделялись стеной от торговых. Социальная ткань в Карнатаке демонстрирует значительную степень переплетения различных социальных слоев.

¹³⁸ ЕС, IV, р. 71, no. 25

¹³⁹ ЕС, IV, р. 48, no. 72

¹⁴⁰ ЕС, VI, р. 38, no. 30 (1190 г.)

¹⁴¹ ARM, 1929, р. 143, no. 35

Глава 16

Деревня: управление и самоуправление

Общинное собрание в обычных (не брахманских) селениях носило в Карнатаке разные названия: *óru* («деревня»), *halaru* («многие»), *hadineí òjàti* («восемнадцать каст»), *samudàya* («община»), *samóha* («множество, объединение»), *jagat* («мир»), *janani* («люди?»), *praje* («народ»). Многие из этих терминов применялись к сельской общине и в других областях Индии. Но один из способов обозначения деревенского собрания был характерен только для Карнатаки: путем указания на некое количество семей (*okkalu*). Мы встречаемся с решениями, принятыми «сорока *оккалу*», «шестьдесятю *оккалу*» и т. п.¹

Гауды

Особенностью Карнатаки, как об этом уже говорилось, была большая роль всякого рода индивидуальных начальников и вождей. Если в Тамилнаду *наттары* и *урары* действуют самостоятельно, то в Карнатаке у всяких собраний почти всегда есть некий лидер. Им может быть и местный староста (*гауда* и прочие названия) и чиновник (вассал) с пышными титулами.

Поэтому мы начнем изучать деревенское общество не с коллективных органов, а с их глав.

Деревенским собранием (*уру*) могла называться группа людей, носивших титул *гаунда* (обычно понимаемый как «старейшина»,

¹ Сейчас в Карнатаке есть крупная землевладельческая каста *оккалига*, являющаяся доминирующей во многих районах, особенно в южной части штата. Ее название происходит от *оккалу* — «семья». Совершенно идентично произошло название касты *кунби*, занимающей такую же социальную позицию, что и *оккалига* в Карнатаке, в Махараштре и ряде других районов: *кутумба* («семья») — *кутумбин* («домохозяин») — *кунби* (член земледельческой касты).

«староста»)². Эта группа могла быть значительной и представлять собой действительно общее собрание. Например, в 965 г. в селении Камбадуру (район Анантапура) имелось 106 *гаундов*³. Можно не доверять точности этой цифры, но намерения составителя надписи ясны: дать представление о многолюдности схода. Г. С. Дикшит на основании этой надписи делает «логичный» вывод: так как 106 старост в деревне быть не может, то *гаунда* здесь означает земледельца (*farmer*)⁴. Конечно, это пример подхода к надписям как к иллюстрациям того социального строя, который заведомо заранее известен: в деревне живут «земледельцы», которых возглавляет «староста», и дело исследователя только «распределить» втекающие термины между этими двумя единственно возможными стратами.

Гауда — титул, весьма распространенный в Карнатаке, прилагавшийся к лицам разного статуса. Конечно, 106 *гауд* в одном селеении не могут быть крупными землевладельцами. Но, например, имеется медная табличка, выданная Мадхавой III из династии Западных Гангов нескольким *гавундам*, удостоверяющая, что они получили деревню за храбрость, проявленную в борьбе с врагами царя (которых они истребили)⁵. В 899 г. в районе Кадура некий Марасинга-*гавунда* получил селение Басанур с освобождением от всех налогов⁶. В данных случаях *гаунды* видятся не как деревенские старосты, но и не как мирные земледельцы, «фермеры», а как рыцари, военные вассалы царя. Вассалы Чалукьев Кадамбы в 941 г. утвердили за неким Рачеей, сыном Пулиянна из Деварако, титул *ратта-гавунда*⁷. Мы знаем, что Ратты были одним из имен имперской династии Раштракутов. Можно предположить, что *ратта-гавунда* был высоким титулом знатности.

Надпись 992 г. из Когали (район Беллари) освобождает от трудовой повинности *накага* (членов городских советов), *gāmuī āa* (членов деревенских советов), *mahājana* (членов советов аграхар) и *pañsa-madha* (в данном контексте можно понять как «членов советов пяти монастырей»)⁸. Этот перечень показывает, что *гауды* могли пользоваться привилегиями, но не были заведомо привилегированным слоем. С другой стороны,

² SII, IX, I, no. 24. Это слово имеет несколько написаний, употребляемых без каких-либо ограничений: *гауда*, *гаунда*, *гавунда*, *гамунда* и т. п.

³ SII, IX, I, no. 30

⁴ Dikshit 1964, p. 69

⁵ ARE, A 1 of 1939/40. 1939/43

⁶ EC, VI, p. 26, no. 141 (899 г.)

⁷ EC, XI, p. 16, no. 75 (941 г.)

⁸ SII, IX, I, no. 77. Контексты, в которых встречается *панча-матха*, довольно противоречивы. Мы посвятим этому вопросу отдельный параграф.

если бы имелись в виду простые земледельцы, то после освобождения их от трудовой повинности просто некому было бы ее нести.

Думаю, что о «нерядовом» статусе *гавунды* свидетельствует и то, что жена одного из них тоже имеет соответствующий титул (*гавунди*) и в 1006 г. (С. Канара), будучи на смертном одре, дарит участок земли храму, как сказали бы мы, «за упокой души»⁹. Женщины довольно часто появляются в канарских надписях, но это, как правило, жены и сестры царей и губернаторов. Но вот среди них и жена *гавунды*. Титул *гавунди* могла носить и мать *гавунды*¹⁰. Ниже мы увидим, что женщина могла быть *гаудой* и сама.

В надписи из Майсура от 1122 г. Чати-*гавунда*, сын Чавунда-*гавунды*, и Дева-*гавунда*, сын Катайи-*гавунды*, названы «старшими господами» (*heroāeyaru*) в деревню Угуне в Энненад¹¹. Это, наверное, наиболее точное обозначение социального положения *гауд* в деревне: они были «старшими», «первыми среди равных» среди остальных общинников.

Сын *гауды* тоже носил этот титул, даже если не унаследовал еще должность. Так, в 1162 г. в районе Кадура дар совершают Гулга-*гавунда*, его мать, его отец, его две жены, его старший брат и жена старшего брата¹². Кажется ясным, что упомянутый Гулга не мог стать старостой при жизни и отца, и старшего брата.

«106 гаунд» из предыдущей надписи явственно образуют деревенское собрание, но это не значит, что они были крестьянами. Реальную работу на земле могли выполнять другие люди, их слуги и подчиненные. Об этих слоях деревенского населения сведений, как всегда в таких случаях, мало. Однако они есть, и мы их приведем позднее.

В селении Соратур (талук Гадаг, дистрикт Дхарвар), который в средние века назывался Саратапура, имелось собрание из 50 *gāmuī āa*. Они действовали вместе с *praṇe*. В 867/8 г. они дают согласие на то, чтобы налоги с них были подарены¹³. В 983 г. они присутствуют при даре¹⁴. В 1071 г. их уже двести, и они сами совершают дарение¹⁵. Еще раз «200 из Саратпуры» фигурируют в 1092 г.¹⁶

⁹ BK, 12 of 1939/40. 1939/43

¹⁰ ARE, 63 of 1950/51 (1072 г.)

¹¹ ARM, 1937, p. 195, no. 46

¹² EC, VI, p. 13–14, no. 72 (1162 г.)

¹³ BK, 71 of 1927 (SII, XI, I, no. 12)

¹⁴ BK, 73 of 1927

¹⁵ BK, 79 of 1927

¹⁶ BK, 75, 76 of 1927

«106 гаунд» или «200 гавунд» — это, конечно, крайние случаи, но группы из 4 *гавунд*¹⁷, 5 *гавунд*¹⁸, «6 гавунд»¹⁹, «7 гавунд»²⁰, «8 гавунд»²¹ или «12 гавунд»²² выступают как деревенские власти довольно часто. Какие-то из этих чисел могут быть условными, другие — реальными.

Наличие нескольких «старост» в одном селении не означает, что они обязательно были родственниками, поделившими должность и доходы при наследовании, как это бывало во многих индийских деревнях. В 1148 г. в Белгауме в селении Пирисинге было буквально 6 *гавунд*, и все они перечислены: Кава-*гавунда* из семьи Толаха; Боси-*гавунда* из семьи Ариндака; Падма-*гауда*; *мулига* («коренной житель»?) Бомма-*гауда*, а также одна женщина — Сори-*гавунди*, жена Согулада Раджи-*гавунды*. Мы видим именно коллегиальный корпоративный орган, а не просто доминирующую семью²³.

Довольно логично, что *гаунды* возглавляли деревенское ополчение, которое стояло на страже деревенской собственности, прежде всего, скота. В Махараштре и Сев. Карнатаке обнаружено примерно 60 каменных стел (*viragal*) периода VIII—XI вв., воздвигнутых в память героев, погибших во время угона скота или в сражениях против угонщиков. Большая их часть расположена на окраинах Раштракутской империи — в дистриктах Майсур, Колар, Хассан, Шимога.

Цари или местные правители упоминаются в таких надписях не всегда, только для того, чтобы точнее датировать надпись. В 17 надписях имя правителя не упоминается совсем²⁴. В 1106 г. в районе Биджапура два *гавунды* погибли в сражении с войсками Чагаладеви, жены наместника в Торагале²⁵. В 1157 г. в Сев. Канаре героически сражался с пехотой и кавалерией Маллидевы, сына Кавадевы, и погиб некий Комма-*гауда*²⁶. В таких сражениях погибали и *над-прабху*²⁷.

¹⁷ ВК, 11 of 1939/40. 1939/43 (1072/73 г., С. Канара); ARE, 226 of 1945/46 (1120 г., Дхарвар)

¹⁸ EI, IV, p. 350—356, no. 50 (975 г.)

¹⁹ ARE, 698 of 1920 (SII, IX, I, no. 54); EI, XV, p. 95, no. 6-G (1075 г., Дхарвар)

²⁰ KI, II, p. 14—16, no. 5 (859 г.)

²¹ ВК, 64 of 1926/27 (SII, XV, no. 25)

²² ВК, 70 of 1940/41. 1939/43 (Колхапур); ВК, 51 of 1941/42. 1939/43 (Дхарвар); IA, XVIII, p. 37 (1076 г., Дхарвар); ВК, 215 of 1928/29 (SII, XI, II, no. 138) (1093 г., Дхарвар); ARE, A 12 of 1940/41. 1939/43

²³ KI, I, p. 33—38

²⁴ Elizabeth, 1990, p. 828—833

²⁵ ВК, 166 of 1928/29

²⁶ ВК, 14 of 1939/40. 1939/43

²⁷ ARE, 575 of 1958/59 (1264 г.)

В 1219 г. погибли братья Мача и Гома, сражаясь под командованием Бира-*гауды* (который описывается именно как староста деревни), когда на их деревню напал, чтобы украсть скот, местный князь Ишварадева вместе со многими *маннея* и многими *наяками* из Шанталигенада, с 10 000 людей и 1000 лошадей²⁸.

Вирагалы не только прославляют героя, но и сообщают, какие земли или другие материальные ценности получила его семья²⁹.

Гауды не были только пассивными объектами нападений. Они и сами нападали на соседние деревни, угоняя скот, и их имена значатся на тех *вирагалах*, которые повествуют о гибели оборонявшихся³⁰. *Вирагал* 1229 года сообщает о гибели одного из *гавунд* в битве с другими *гавундами* и о мести убийце со стороны, видимо, родственника убитого³¹.

* * *

Несколько уклоняясь от основного сюжета, остановимся на взаимоотношениях между соседними деревнями. Серьезных противоречий здесь не должно было быть, потому что, по общему впечатлению, земли было еще много и границы между населенными пунктами не были четко демаркированы. Однако столкновения все же случались. Например, в 1230 г. в районе Кадура две деревни вели войну за равнину Камматигере. По всей вероятности, их ополчения возглавляли *гауды*³². В столкновении между жителями селений Хонनावура и Халавери (район Хассана) погиб Хонна-*гауда*. Его родственники получили от жителей Хонनावура землю для пропитания³³.

Пограничная война между деревнями Куппатур и Нералиге в районе Шимоги продолжалась два года (предположительно с 1141 по 1143 гг.) и тоже привела к многочисленным жертвам³⁴.

Возник обычай разрешения межевых споров при помощи жителей четырех соседних деревень. Термин *caugāve* (или *caugrāma*, «четыре деревни») стал означать некий институт по улаживанию споров.

²⁸ ARE, 66 of 1951/52 (EI, V, p. 261—265)

²⁹ SIE, XXXI, p. 119, no. 16—2 (X в.)

³⁰ ARE, 296 of 1957/58 (ок. 1190 г.)

³¹ ARM, 1932, p. 180, no. 22

³² EC, VI, p. 43, no. 72 (1230 г.)

³³ EC, V, p. 20, no. 68 (1174 г.)

³⁴ Подобные случаи см. также: EC, III, p. 48, no. 85 (1221, 1242 гг.); V, p. 22, no. 70 (1180 г.); ВК, 3 of 1934/35; ARM, 1926, p. 45—46, no. 21

В 1178 г., например, староста и жители (*gàuí āa-praje*) из *чаугаве* «одобряют» дарение земли со стороны *паттанасвами* («главы города»), по имени Сови-четти³⁵. В 1255 г. дар земли был осуществлен старостами и жителями селения Эрадумуттана Хосавуру (дистрикт Хассан) в присутствии *чаугаве*, а именно ряда *гавунд*, по всей вероятности, соседних деревень³⁶. В 1265 г. *махаджаны* селения Ануджаи подарили храму некий налог в присутствии «четырех деревень» (*āsanna caugāveya samakoadoū*)³⁷. Неясно, насколько массово были представлены на этом мероприятии жители, но во всяком случае, представители соседних деревень свидетелями служили. Это, пожалуй, единственный случай, когда мы видим применение на практике формул и советов, содержащихся в *смити*. «Старейшины соседних деревень» играют важную роль при разрешении пограничных споров в «Артхашастре»³⁸ и в «Законах Ману»³⁹. Иногда жители четырех близлежащих деревень выступают как свидетели, хотя термин *чаугаве* может не употребляться⁴⁰.

Однажды *чаугаве* принимает участие в весьма необычном для наших источников решении. Обычно конфликты, отраженные в надписях, кончаются либо юридической победой храма, либо умиротворением сторон, увенчанным вкладом в храм. Но однажды, а именно в 1215 г. в районе Хассана «возник спор относительно доходов и потерь, связанных с землей храма Каматешвары. Жители селения Каликатти, *jēya*, *гауды* и *чаугаве*, собравшись и осмотрев место, увидели, что [данная земля] с самого начала не была частью владений Бога, и сказали тем *стханикам* (настоятелям храма): “Вы неправы, что оспариваете эти земли”, на что *стханики*, согласившись, ответили: “Мы не будем предъявлять никаких претензий”»⁴¹.

* * *

Впрочем, бывало и так, что *гавундам* приходилось отстаивать от захватчиков свое собственное имущество, и тогда мы узнаем об их земельных правах. Так, в 1059/60 г. трое *гавунд* отбили земли,

³⁵ ЕС, IV, р. 130, no. 70 (1178 г.)

³⁶ ЕС, V, р. 156, no. 108 (1255 г.)

³⁷ ЕС, XI, р. 81, no. 162 (1235 г.)

³⁸ КА, III, 9.3

³⁹ Ману, VIII, 258

⁴⁰ ЕС, III, р. 46, no. 70 (1276 г.); EI, XXIX, р. 209, no. 29

⁴¹ ЕС, V, р. 128, no. 49

которые принадлежали им на правах *umbāēi*, но которые три года тому назад захватили два брахмана⁴². В 1076 г. 12 *гавунд* деревни в районе Дхарвара распоряжаются разнообразными землями. Во-первых, они управляют 7 *маттарами* земли, выделенной для ученых (т. е. брахманов). Во-вторых, они наблюдают за тратой доходов с других 15 *маттаров*, тоже выделенных святым, правда, в данном случае совместно с царем, *пандитами* «и всеми набожными людьми». В-третьих, они получают в дар коллективно 111 маттаров на условиях *умбали*. В-четвертых, они имеют «совместное поле» (*pasugeya-polam*). Наконец, в той же надписи упоминается «обработанная земля» одного из них⁴³.

Умбали — это некрупный наследственный лен, выдававшийся за ту или иную службу⁴⁴. Таким образом, и эти случаи указывают на «благородный» статус некоторых *гавунд*. Они были людьми, если можно так выразиться, «средней знатности».

Случаи коллективного землевладения нескольких *гавунд* довольно многочисленны⁴⁵. Надпись 1221 г. свидетельствует о том, что *гауды* могли иметь доли в общей земле. Когда некоторые *гавунды* продали земли «по сегодняшней цене», другие заявили, что они тоже имеют доли в этом участке, и пришлось *над-прабху* и «другим уважаемым людям» убеждать продавцов произвести раздел земель «к удовлетворению всех»⁴⁶.

Были среди них и довольно состоятельные люди. Один из *гавунд* в 1147 г. в районе Беллари построил 8 храмов, соорудил водоем и колодец, правда, продав для этого все свое имущество⁴⁷.

Формы подчинения деревенских старост вышестоящим властям были разнообразны. Некие чиновники и вожди уровня округа часто присутствуют при решении деревенских дел и, таким образом, можно считать, что они могли вмешиваться в эти дела. Уже говорилось, что иногда прослеживается вертикаль власти *над-гавунда* — *ур-гавунда*. Скажем, в 1026 г. *над-гавунда* Басавуры-140 назначает *гавунду* в селение Карббуру⁴⁸, хотя, конечно, мы не знаем реального распределения

⁴² ARE, 392 of 1920 (SII, IX, I, р. 104–105)

⁴³ IA, XVIII, р. 37

⁴⁴ Подробнее см. Алаев 1964, с. 183, 200. См. также ЕС, VI, р. 110, no. 43 (1210 г.)

⁴⁵ ARE, 88 of 1949/50 (1116 г.); JBBRAS, XI, р. 237–246

⁴⁶ ЕС, VIII, р. 37, no. 237 (1221 г.); Diksit, 1964, р. 41–42

⁴⁷ ARE, 241 of 1913 (SII, IX, I, no. 249)

⁴⁸ BK, 117 of 1932/33

прерогатив между двумя уровнями *гавунд*⁴⁹. Но совершенно нет оснований предполагать существование повсюду в государствах этой вертикали. Эти два уровня вполне могли сливаться. Так, Кешава-*гавунда* из Хоттура был *гавундой* в Поттиюре, и он же — *над-прабхутвой*⁵⁰.

Люди с титулом *гауда* весьма часто указывают в надписях своих отцов и дедов, делают ударение на имени своего рода, претендуют на родовитость⁵¹. *Над-гавунды* тоже принадлежали к неким местным знатым семьям. Например, мы узнаем, что Санка-*гавуда* был *над-прабху* в Хириюре, у него было 6 сыновей. В 1173 г. его должность унаследовал один из них Боппа-*гавуда*⁵². В 1184 г. эту должность занимает уже Басава-*гауда*, сын *надпрабху* Санка-*гауды* и внук Рами-*четти*. В 1216 г. упоминаются 6 *гавунд* Хириюра, т. е. все 6 сыновей Санка-*гавуды* унаследовали его должность.

Необычно построена надпись 1121 г., тоже из Дхарвара. Сначала утверждается, что «Собхана-*гауда* был **источником величия** (?) [округа] Кагенеле-12». Он получил от царя *aēgacitta* (?) и право на белый зонтик (т. е. властные полномочия). Приводится генеалогия его потомков. Но затем внимание составителя надписи переключается на боковую линию этой семьи. Сообщается, что праправнучатый племянник Собхана-*гауды* соорудил храм, и этому храму предоставляются дары разными лицами, в том числе Бамма-*гавундой* и Била-*гавундой*, (среди потомков Собхана-*гауды* они не упоминаются), которые исполняли *gauāike* в Кагенеле-12, Пандиюре и Куппагаде. Из этих данных как будто бы вырисовывается большая разветвленная семья потомственных *гауд*, занимавшая влиятельное положение в местности на протяжении, по крайней мере, 6 поколений⁵³.

Многие надписи показывают, что слово *гауда* могло составлять часть имени, и в то же время, у того же человека — служить обозначением его должности в деревне⁵⁴. Именно в этих случаях требовалось уточнение: *ур-гамунда*, т. е. гамунда данной деревни, а не просто человек, носящий имя, включающее элемент *гамунда*⁵⁵. Или же человека, унаследовавшего

⁴⁹ ARE, 52, 53 of 1950/51, p. 15 (986 г.)

⁵⁰ EI, XVI, p. 87, no. 11-E (Yazdani, 1960, I, p. 400). См. также KI, IV, p. 98–102, no. 48 (1247 г., Дхарвар, время Ядавов)

⁵¹ ARE, 241 of 1913 (SII, IX, I, no. 249) (1147 г., Беллари); ARE, 81 of 1949/50; 273 of 1957/58 (1143 г., Дхарвар); BK, 109 of 1926/27 (SII, XV, no. 36)

⁵² EC, VI, p. 26, nos. 136 (1173 г.), 137 (1216 г.), 139 (1173 г.)

⁵³ ARE, 431 of 1960/61; KI, IV, p. 24–30, no. 10

⁵⁴ EI, XV, p. 335, no. 22 (1040 г.)

⁵⁵ 222 of 1947/48; 49 of 1950/51

титул *гаунда* от отца, называли *прабху* селения, чтобы было ясно, что он не просто носитель титула, но и занимает должность⁵⁶.

Итак, *гаундами* могли называть 1) верхний землевладельческий слой деревни, 2) распоряжающуюся в деревне группу лиц (большую семью или неродственников) и, наконец, старосту деревни. Кроме титулов имелась еще и должность — *gavuāike*, которую утверждали за кем-либо решением вышестоящих властей. Так, в 1180 г. некий Бомма-*гавунда* получил *гавудике* селения Семболале благодаря покровительству [бога] Амарешварадевы в присутствии знатных людей и местных торговых гильдий⁵⁷. А в 1254 г. некие вассалы царя из династии Ядавов Боммидева и Чаттамадева даровали *гаудике* деревни Таланавалли и 5 *маттаров* земли на условиях *умбали* Лакума-*гавунде*, сыну Харихары⁵⁸. Видимо, *умбали* было довольно распространенным названием для служебного участка деревенского старосты.

В 1308 г. князь Гаддада Деварая даровал землю, назвав ее отдельной деревней Девараяпура, своему вассалу Тирумале Сомаяджи. А тот утвердил должность *гаудике* за своим слугой Садара Муддумаллой и его потомками. Последний в присутствии жителей 4-х деревень (*cau-grāma*) назначил *аягаров* (*āyagāra*, общинных слуг): сторожа, кузнеца, цирюльника, прачку, гончара, уборщика⁵⁹.

Должность эта могла принадлежать не одному человеку, а группе лиц, и даже служить предметом спора между группами. В надписи времен Западных Чалукьев, но не датированной, сообщается о споре о *гаудике* селения Бедаге между двумя группами из Хоммаруди. Комитет из знатных людей окрестных деревень (не говорится, что это некий постоянный орган типа *наду*) собрался в храме в Бедаге, присудил *гаудике* одной группе и взял торжественное обещание с другой группы, что она будет уважать это решение⁶⁰.

Вожь деревни в надписях нередко носит и другие наименования: *прабху*⁶¹, *маханпрабху*⁶², *grāmarāja*⁶³.

⁵⁶ ARE, 228 of 1957/58 (1113 г.); BK, 61 of 1927 (1118 г. Обе — Дхарвар)

⁵⁷ ARE, 227 of 1945/46

⁵⁸ ARE, 400 of 1960/61

⁵⁹ ARE, A 17 of 1916/17 (по копии с факсимиле в Эпиграфическом центре в Майсуре)

⁶⁰ ARE, 248 of 1946/47

⁶¹ ARE, 89 of 1949/50 (1131 г.); BK, 46 of 1937/38 (1134 г.); ARE, 673 of 1917. 1918 (1934, 35 г., Карнул)

⁶² BK, 108, 115 of 1926/27 (SII, XV, no. 51, 52) (1155 г., Дхарвар). ARE, 197 of 1947/48

⁶³ SII, XI, I, p. 85 (1049 г.)

Деревенские власти и торговые слои

Мы уже видели, что в Карнатаке купеческие слои были тесно связаны, можно сказать, переплетены, с кругами управленческими или землевладельческими. То же можно сказать о связях купцов с деревенской администрацией. *Гауды* часто одновременно носят титул *четти*, или наоборот. Например, *над-прабху* Санка-гауда был сыном Рами-четти и был известен как «защитник дхармы *вира-бананджу*», т. е. купеческой гильдии⁶⁴. Однако эти группы не сливались: в 1060 г. селением Суды управляли 6 *гавунд* и 8 *четти*⁶⁵.

Медная табличка от 1247 г. из Дхарвара рассказывает, что Малли-четти, получивший *адхипатья* от своего тестя, приобрел также земли у Бомма-гавунды и Мала-гавунды, которые были «первоначальными собственниками деревни» (*grāma-mōla-svāmin*), оставив им по 4 *нивар-таны*, «и тем оказал им честь и удовлетворил их»⁶⁶. *Адхипатья* может быть любым видом «владычества» или «господства». Позволю себе предположить, что тестем Мали-четти был какой-то *гауда*, который и передал первому должность. Ну а тот уже развернулся во всю силу своего предпринимательского таланта и захватил почти всю деревню.

Точно так же персонально не отделялись общинные власти от государственных, хотя терминологически это были все же разные слои. Сыном Бика-гауды в 1196 г. был Банка-верггаде, т. е. представитель аппарата⁶⁷. Амитея-данданаяка, т. е. человек, имевший официальный титул «военачальника», в 1210 г. имел участок служебной земли старосты деревни (*gauāike-umbali*), который вместе с садом составлял 5 *маттаров*⁶⁸.

Гауды и оккалу

Итак, один вариант, это когда деревни представлены *гавундами* — одним, несколькими, или даже сотней.

В других ситуациях *гавунды* возглавляют некое более широкое собрание, одним из вариантов обозначения которого является

⁶⁴ ЕС, VI, p. 104, no. 10 (1184 г.)

⁶⁵ EI, XV, p. 93, no. 6-F; см. также EI, XV, p. 75–77, no. 6-C

⁶⁶ EI, XXXIV, p. 35, no. 7

⁶⁷ ЕС, VI, p. 46, no. 83 (1196 г.) О терминах, характеризующих налоговый и иной аппарат, см. соответствующую главу.

⁶⁸ ЕС, VI, p. 110, no. 43 (1210 г.)

то или иное количество «семей» (*оккалу*). Наиболее частое число семей при этом — 60⁶⁹. *Оккалу* могло быть 70⁷⁰, 120⁷¹ и другое количество. Это слово, сохраняя буквальное значение, приобрело также конкретный смысл местного собрания, юридического лица. *Оккалу* именно «собирались» на заседания⁷², присутствовали при дарениях других лиц⁷³, их согласия испрашивали при совершении дарения⁷⁴.

Как и числа при географических названиях, деревенские числовые коэффициенты были традиционными и поэтому не реальными. Г. С. Дикшит, отмечая, что одна из деревень сохраняла одинаковое число *оккалу* на протяжении 133 лет, вынужден признать, что число это было чисто условным⁷⁵. Впрочем, иногда даже условный размер деревенского совета менялся, как мы увидим ниже.

Оккалу иногда действуют вполне самостоятельно, считая себя способными оказывать сопротивление магнатам. Например, «30 из Сола», которые ниже называются *ур*, в 980 г. принимают участие в межевании участка, подаренного храму. Кроме того, устанавливается система «сдержек и противовесов»: если знатные люди (магнаты) будут причинять вред дарению, его защитят настоятель и «лучшие люди из 30 из Сола» (*uttama-puruṣar-s-sol-mōvattar*); если «Тридцать» будут причинять вред дарению, настоятель защитит его; если настоятель будет причинять вред, «Тридцать» защитят его⁷⁶.

Собрание дарит земли, продает их, опекает дарения иных лиц⁷⁷. Оно может также конфисковать землю за неуплату налогов⁷⁸.

Оккалу брались также и за регулирование обычаев наследования. В 1330 г. они постановляют «Если кто-то из них (жителей данной деревни) умрет, не имея детей, его старшие или младшие братья пусть

⁶⁹ BK, 62 of 1926/27 (SII, XI, I, no. 50); BK, 64 of 1926/27 (SII, XV, no. 229); BK, 23 of 1927/28 (SII, XV, no. 43); BK, 2 of 1937/38 (Dikshit — 1960, p. 60); BK, 54 of 1941/42. 1939/43; EI, XIX, p. 232–236, no. 38-B

⁷⁰ ARE, 82 of 1950/51; EC, VII, p. 150, no. 295 (1074 г.)

⁷¹ ARE, 83 of 1926/27 (SII, XI, I, no. 193)

⁷² SII, XI, II, no. 163

⁷³ EC, VI, p. 2, no. 8; XI, p. 12–13, no. 47 (1067 г.)

⁷⁴ JBBRAS, X, p. 294

⁷⁵ Dikshit 1964, p. 75

⁷⁶ EI, XVI, p. 8, no. 1

⁷⁷ EC, III, p. 112, no. 164 (1092 г.); IX, p. 118, no. 80 (1302 г.); p. 159–160, nos 128–130 (1007–1014 гг.) (Rao 1936, p. 151)

⁷⁸ EC, IX, p. 102, no. 111 (997 г.); p. 98–99, nos 94, 95, 97 (1050, 1084, 1137 гг.) (Rao 1936, p. 152)

возьмут имущество. Если нет родственников, пусть имущество пойдет на благотворительность в соответствии с решением *оккалу*. Если правила этой общины будут нарушены, *оккалу* пусть обсудят вопрос и накажут виновного»⁷⁹.

Все же из многих примеров ясно, что собраниями руководили *гауды*. Например, «60 *оккалу*, роководимые Чауда-*гавундой* и Кета-*гаундой*» (*cauāgāvūī āa ketagāuī āa pramukha aravattokkalum*)⁸⁰. В 1144 г. в районе Дхарвара деревенские власти имеют «пирамидальную» структуру: некий Далавара Санта-*гавунда*, ниже его еще 8 *гавунд* и, наконец, 60 *оккалу*⁸¹. В 1093 г. в одной из деревень округа Беллари *пуджари* (жреца) в храм назначают *гауда*, его дядя, 60 *оккалу* и 12 *хитту*⁸². В 1144 г. 70 *оккалу* заявляют, что они происходят «из рода *сеūgutta*»⁸³, т. е. ассоциируют себя с одной из известных в то время торговых гильдий. Возможен такой вариант, что данная группа, происходя из торговцев, осела на землю и стала полу-земледельческой.

Деревни, в которых значительную роль играли собрания *оккалу*, как и те, где во главе стояли *гауды*, могли быть тесно связаны с купеческими или ремесленными корпорациями. В 1063 г. выделяют землю для сооружения колодца 60 *оккалу*, 200 *гавунд* и *paḍḍagāra samaya* («община ткачей») ⁸⁴. В 1160 г. вместе действуют Чунчин Ади-*четти* и 50 *оккалу*⁸⁵.

То же можно сказать о переплетении общинных властей с государственным аппаратом. В 1118 г. совместный дар пошлин храму совершают сборщик податей Сами-*четти* (т. е. сам торговец или бывший торговец), 60 *оккалу* и *prabhu-gāvūī āa* («главные *гауды*») ⁸⁶.

В 1236 г. дарение совершают 12 *гавунд* вместе с корпорациями *uguga-300* (сборщиков бетелевых листьев) и *ḍī ī i-1000*⁸⁷ (лодочников).

Оккалу имело также и более общее значение непривилегированных слоев населения. В 949/50 г. перечисляются лица, которые

⁷⁹ Kuppaswamy 1995, p. 168–169

⁸⁰ EC, VIII, p. 57, no. 328 (1159 г.). Другие примеры действий *оккалу* «под руководством» *гауд* см.: ARE, 622 of 1958/59 (IX в.); ARE, 82 of 1050/51 (1079 г.); BK, 23 of 1927/28 (SII, XV, no. 43)

⁸¹ BK, 64 of 1926/27 (SII, XV, no. 25)

⁸² BK, 124 of 1940/41. 1939/43. О термине *хитту* будет сказано ниже.

⁸³ EI, V, p. 232–233, no. 25-C

⁸⁴ BK, 36 of 1933/34 (Dikshit, 1960, p. 60)

⁸⁵ BK, 62 of 1928/29 (SII, XV, no. 88)

⁸⁶ BK, 2 of 1937/38

⁸⁷ BK, 58 of 1927; SII, XV, no. 176

не должны нарушать условия дарения. Они суть следующие: *оккалу*, *надалвары*, *ураналвары*⁸⁸. Перечисление явно призвано охватить некую общность, состоящую из должностных лиц разного уровня (не выше уровня *наду*), а также лиц, должностей не имеющих.

Сохранило это слово, как уже говорилось, и буквальное значение, и в этом значении прилагалась ко многим общностям, к земледелию не имеющим отношения. О них пойдет речь в главе о торгово-ресесленных корпорациях. Важно отметить, что в изучаемое время этот термин еще не приобрел четкого кастового значения.

И все же, весьма интересно отметить, что уже в X в. значение «землевладелец» (а потому и «полноправный член общины») слово *оккалу* имело. Соответственно, право такого общинника на землю получило уже тогда обозначение *okkaltana*⁸⁹.

Гауды и прадже

Третий вариант устройства деревенских дел — совмещение *гауд* с *прадже* («народом»). Заметить разницу между этим вариантом и предыдущим довольно трудно. Все же она, вероятно, была.

Впервые *прадже* в интересующем нас значении появляется в надписи около 685 г., когда упоминаются *pārvarum prajeyum* («брахманы и народ») как управляющие селением Баллигаве⁹⁰. Следующее упоминание относится к VIII в., когда *mahājana-praje* дают согласие на дарение⁹¹. В этой формулировке брахманы уже не противопоставляются «народу», а сами его составляют. В надписи 867/868 г. 50 *махаджанов*, *гамунды* и *прадже* совместно решают вопрос о храмовом цветнике⁹². Примерно в 913 г. *прадже* дают согласие на дарение⁹³.

Дикшит заметил, что если *оккалу* почти всегда упоминаются с числовым индексом (т. е. их вполне определенное, хотя и условное, число), то *прадже* действуют «массой», не «посчитанные»⁹⁴. Этот вывод не абсолютен, встречаются и *прадже* с числовым значением⁹⁵, но это

⁸⁸ EI, VI, p. 54–57, no. 6-C

⁸⁹ EI, XXVI, p. 59–62, no. 4 (906 г.)

⁹⁰ EC, VII, p. 109, no. 154

⁹¹ SII, IX, I, no. 48

⁹² SII, XI, I, no. 12

⁹³ ARE, 483 of 1960/61

⁹⁴ Dikshit 1964, p. 70

⁹⁵ 95 *прадже* в надписи примерно IX–X вв. (ARE, 479 of 1960/61)

исключение. Чаще всего *прадже* действительно не сосчитаны; их так и представляют: «все жители» — *samasta praje*⁹⁶.

Итак, *гавунды* часто возглавляют некую массу «подданных», «простых людей»⁹⁷. Уже говорилось, что в селении Соратур в IX в. действовало собрание из 50 *гамунд*. В XI в. их стало 200. Они действовали вместе с *прае*⁹⁸. Возможно, что в этом случае под *прадже* имеются в виду слои деревни ниже полноправных общинников.

Надпись 1179 г. из Дхарвара говорит о том, что в дарении участвовали некий вельможа с многочисленными титулами, а также 60 *оккалу* и «подданные», причем и тех, и других возглавляет *уродея* (*óroäeya mukhyaì v-aliya-aâuvatt-okkalum samasta prajegaü sahita*)⁹⁹. Напрашивается предположение, что при всей неопределенности терминологии, все же под *прадже* понимались низшие слои деревни.

Г. С. Дикшит считает, что *прадже* со временем заменил *оккалу* в качестве обозначения рядовых участников деревенского собрания. У меня сложилось такое же впечатление, хотя я не проводил статистического анализа упоминаний этих двух терминов. Если это так, то можно сделать вывод, что социальное расслоение между верхами деревни (представленными *гаудами*) и основной массой общинников возросло.

Понятие «все», «весь народ» выражалось еще несколькими способами. Употреблялось, например, санскритское слово *samudāya*. В VIII в. *самудая* управляла столичным городом Ватапи (Бадами)¹⁰⁰. В 1175 г. купцы купили землю у *самудайи* в районе Шравана-Белголы¹⁰¹.

Разного рода собрания, в том числе и деревенские, в Карнатаке иногда называли *halaru*, или *halavaru* — «многие»¹⁰². Так названы, например, *samasta-praje-gavuāa* в надписи 1278 г. из Гадихалли (Кадур)¹⁰³.

⁹⁶ ARE, 442 of 1960/61; (KI, IV, p. 103, no. 50, 1172 г.); EI, V, p. 28, no. 3-C (1178 г.); Dikshit, 1964, p. 71

⁹⁷ ARE, 418 of 1959/60 (1210–1246 гг.); KI, II, p. 144–147, no. 42 (1306 г.)

⁹⁸ BK, 71 of 1927 (SII, XI, I, no. 12); BK, 73, 75, 76, 79 of 1927

⁹⁹ EI, XIX, p. 232–236, no. 38-B. О термине *уродея* («владелец деревни») поговорим в главе о брахманских общинах, потому что он чаще фигурирует в аграхах.

¹⁰⁰ KI, I, p. 9, no. 4

¹⁰¹ EC, II, p. 104, no. 242

¹⁰² SII, VII, no. 552

¹⁰³ EC, VI, p. 119–120, no. 80 (Dikshit 1964, p. 71)

«Вся деревня» (*ór-ellāi*) в 1172 г. берет на себя обязательство следить за нравственностью аскетов в основанном рядом ашраме: «Если аскеты будут вести себя неподобающе, то вся деревня приведет других аскетов и поселит их в это убежище»¹⁰⁴. В 1209/10 г. совершается дар «в присутствии всех людей» (*sarva-jana-saì niddhau*)¹⁰⁵.

История нескольких деревень

Г. С. Дикшит подобрал материал по трем деревням, рисующий их историю¹⁰⁶. Есть смысл кратко изложить его. Все три деревни расположены в дистрикте Дхарвар, хотя и в разных талуках.

Селение Сирикура (талук Гадаг) в 1005 г. управлялось 8 *гавундами* и 60 *оккалу*. Они просят правителя области Белувала Шобханарасу сделать дар храму Муластханы. Наместник соглашается и передает настоятелю храма (который в данном случае носит титул *gogavi*) два цветника и 6 *маттаров* плужной земли. *Гавунды* и *оккалу* добавляют свой взнос: продукцию одного растения в каждом из их собственных садов¹⁰⁷.

Через столетие, в 1109 г. селение это превратилось в довольно значительный город, где обосновались несколько торговых гильдий: *накага*-500 («горожане»), *dī i*-1000 (лодочники), *угуга*-300 (сборщики бетелевых листьев), *tambuliga-ætti* (торговцы бетелевыми листьями). Они составляли некое единство — *nakara-samóha*. Но наряду с этими корпорациями продолжают действовать прежние сельские органы самоуправления — 8 *гавунд* и 60 *оккалу*. Именно они вместе с *нагара-самуха* дарят сад другому храму. Затем перечисляются дарения, сделанные каждым участником этого объединения. *Оккалу* дарят по 1 *пана* с каждого сада; «500 горожан» — натуральные сборы с товаров и по 1 *пана* с лавки; лодочники — по 1 *пана* с лодки; сборщики листьев — по 1 *пана* с каждой лестницы, торговцы листьями — по 1 *виса* с каждой связки. Из 8 *гавунд* перечислены по именам почему-то только четверо. Ниже мы снова обратим внимание на эту странность.¹⁰⁸

Через 9 лет после документа, изложенного выше, в 1118 г., появляется следующий дар, совершенный 8 *гавундами* и 60-ю *оккалу*. Они дарят сад арековых пальм третьему храму. Здесь опять перечислены

¹⁰⁴ EI, XV, p. 329, no. 20

¹⁰⁵ EI, I, p. 343, no. 39

¹⁰⁶ Dikshit 1964, p. 91–96

¹⁰⁷ SII, XI, I, no. 50

¹⁰⁸ SII, XI, II, p. no. 158

по именам 4 *гавунды* из «объявленных» восьми. Один из прежних *гавунд* заменен здесь его сыном¹⁰⁹.

Возникает подозрение, что число «8» применительно к *гаудам* столь же условно, как и число «60» применительно к *оккалу*. Четверо «старост», которых мы знаем по именам, а также сын одного из них, — это, по всей вероятности, реальные люди. А число «8» считалось одним из сакральных чисел, почему оно здесь и упомянуто. В связи с этим следует осторожно отнестись и к другим количествам *гауд*, о которых говорилось выше. Индийцы очень любили приписывать различным коллективам условные числа.

Вернемся к селению Сириура. В 1138 г. уже знакомые нам «8 *гавунд* и 60 *оккалу*» просят власти возобновить дар храму Муластханы, поскольку предыдущий документ разрушился¹¹⁰.

Мы видим значительную стабильность форм управления и характера социальной активности сельской общины на протяжении почти полутора столетий.

Селение Аббеягере было расположено в Нараямгал-12, включенной в Белвола-300. Оно, как и Сириура, управлялось 8 *гавундами* и 60 *оккалу*, но кроме них там присутствует и *pergaäe*. Они все вместе в 1113 г. обратились к *махамандалешваре* Ачарасе, прося его восстановить дар, некогда предоставленный для поддержания местного водоема¹¹¹.

В 1117 г. эта же деревня управляется 8 *гавундами*, 60 *оккалу* и *прадже*¹¹². Надпись 1125 г. из этого же селения фиксирует дарение, похожее на то, что было сделано в 1113 г., но она повреждена, и потому нельзя определить, кто назван в числе управителей деревни¹¹³. Есть еще одна надпись, не датированная, но принадлежащая к тому же периоду, времени правления Викрамадитьи VI Чалуки, которая позволяет установить, что система самоуправления осталась прежней¹¹⁴.

Еще одна деревня, материалы которой позволяют проследить «историю» самоуправления — Сирур, составляющая сейчас пригород городка Мундарги. В 1040 г. трое *гавунд* этого селения (перечисленные

¹⁰⁹ SII, XI, II, no. 167

¹¹⁰ SII, XI, I, no. 50. Что это за документ, неясно, так как дар 1005 года, как мы видели, сохранился.

¹¹¹ SII, XI, II, no. 163

¹¹² SII, XI, II, no. 192

¹¹³ SII, XI, II, no. 176

¹¹⁴ SII, XI, II, no. 205

поименно) купили у Дасайи из семьи Синда и других лиц поле в 24 *мат-тара* и передали его на содержание столовой для 12 брахманов. Сделка была совершена в присутствии 200 *махаджанов* из Джентевади¹¹⁵.

В 1042 г. шесть перечисленных поименно *гавунд* (включая тех, что были названы в 1040 г.) сократили некоторые налоги с земель того самого Дасайи, у которого был куплен участок в 1040 г., с тем чтобы он на освободившиеся таким образом средства построил «Ворота счастья» в Сируре. Возможно, что имеется в виду та самая арка, которая возвышается перед храмом Брахмадевы¹¹⁶. В 1048 г. 6 *гавунд* (перечислены лишь двое) сделали дар нескольким аскетам, находившимся в местной *матхе*¹¹⁷. Наконец, в надписи времени Викрамадитьи V (1076–1126) дар золота производят *пергаде*, 6 *гавунд* и 60 *оккалу*¹¹⁸. Только тут выясняется, что в деревне есть не только старосты, но и общее собрание.

«Восемнадцать каст», «восемь пропитаний» и система *джаджмани*

Возникновение в Южной Индии системы *джаджмани*, знаменитого института коллективного содержания ремесленников и слуг, или распространение ее на Южную Индию — это одна из проблем изучения индийского традиционного социального строя. Я в книге 1981 г. выстроил такую концепцию: эта система возникла в V–II вв. до н.э. в центральных районах Северной Индии, а затем в течение средних веков распространялась во всех направлениях, в том числе и на Юг, причем в этом процессе внедрения системы натурального обмена существенную роль играло государство¹¹⁹. В целом эти представления сохранились у меня и сейчас, после изучения дополнительного материала.

В 1981 г. я считал свидетельством о введении системы *джаджмани* дарения брахманам земли (деревень) вместе с «восемнадцатью *пракрити*», отмеченные, прежде всего, в Ориссе в VIII–X вв.¹²⁰ Идея заключалась в том, что выражение «18 *пракрити*» употребля-

¹¹⁵ EI, XV, no. 22

¹¹⁶ SII, XI, I, no. 75

¹¹⁷ SII, XI, I, no. 82

¹¹⁸ SII, XI, II, no. 206

¹¹⁹ Алаев 1981, с. 125–132

¹²⁰ EI, XXIX, p. 86, no. 10; p. 217, no. 30; JBORS, II, p. 426–427; VI, p. 239; XVI, p. 81–83; IHQ, XXI, p. 221

лось для обобщенного обозначения всех каст, живущих в деревне, но не принадлежащих к доминирующей землевладельческой касте.

В надписях из Карнатаки неоднократно упоминаются «18 *пракриту*» в качестве людей, отличных от брахманов и горожан (*mahājanakkuḥ nagarakkuḥ padineḥḥiḥ prakṛitigaluḥ*)¹²¹. В 777 г. *aṇḍaḍaḥ prakṛitayaḥ* выступают как свидетели дарения совместно с «жителями *вишайи* 96 000»¹²². «18 *пракриту*» иногда выступают как объект дарения (*sa-aṇḍaḍaḥ-prakṛityopetam*), т. е. в том же качестве, что и орисских надписях¹²³.

Наряду с этим выражением применялись другие, являвшиеся, по моему мнению, синонимичными: «18 *джати*», т. е. «каст» (*aṇḍaḍaḥ jātibhiḥ*)¹²⁴, «18 *праджэ*»¹²⁵. Возможно, это свидетельствует о существовании в деревнях Декана «штата» общинных ремесленников и слуг.

Г. С. Дикшит понимает выражение «18 каст», «или «18 *самая*» (*общин*)», или «18 *пракриту*» как синоним общего собрания деревни¹²⁶. Есть несколько контекстов, где это выражение можно так понять. Но есть и другие сочетания терминов, где «18 общин» явно отличаются от остального населения. О них пойдет речь в главе о корпорациях. Главное — понимать намерение автора, когда он употребляет те или иные числительные. Мне кажется, что средневековый южноиндеец не мог полагать, что в его обществе существуют только 18 каст. Вспомним надписи «правых» и «левых» каст из Тамилнаду: чтобы дать понять, что решение, зафиксированное в надписи, поддерживают «все», они писали: «98 каст правой руки и 98 каст левой руки...». В такой ситуации обозначение «18» означает именно ограниченный набор «каст», или «общин», стремление сказать, что имеются в виду «не все». Кроме того, число «18» тоже имело сакральное значение.

Эта манера обозначения низших слоев деревни была заимствована из санскритских текстов. Но появился и местный, карнатакский способ осмысления наличия в деревне по крайней мере нескольких каст:

¹²¹ EI, IX, p. 280, no. 38; XIV, p. 188–191, no. 14 (725 г.)

¹²² IA, II, p. 158–159; см. также IA, VI, p. 102–103; EI, II, p. 220, no. 15

¹²³ EI, II, p. 220, no. 15

¹²⁴ IA, V, p. 53, 136. Дж. Ф. Флит считал это подделкой не ранее IX в. (EI, III, p. 162), но аутентичность данной надписи отстаивается современными индийскими учеными.

¹²⁵ ARE, 313 of 1932; EC, XI, p. 138, no. 137 (Rao 1966, p. 112; 1307 г.)

¹²⁶ Dikshit 1964, p. 72–73

«8» или «12»¹²⁷ неких *хитту* (*eḥ ḥiḍḍu* или *paṇṇirāḥ ḥiḍḍu*). Еще в 1875 г. Дж. Ф. Флит предположил, что *хитту* можно понимать как «гильдию», т. е. профессиональное объединение¹²⁸. *Hiḍḍu* в каннада имеет также значение «пища, пропитание». Таким образом *paṇṇirāḥ ḥiḍḍu* (и встречающееся еще *hanni-hiḍḍu*¹²⁹) можно понимать как «12 пропитаний», что полностью соответствует позднесредневековому маратхскому *барабальята* («двенадцать плат»). Г. С. Дикшит считает, что мнение Дж. Ф. Флита «очень близко к истине», но почему-то трактует *энтту-хитту* как вариант *панчаята*, как «исполнительную власть» в общине¹³⁰.

Это мнение трудно принять, так как в Индии в средние века не могло быть *панчаятов* с участием людей разных каст. Кроме того, надписи ни разу, насколько я знаю, не фиксируют самостоятельное решение «восьми специальностей». Последние всегда действуют наряду с другими лицами и органами¹³¹. В 1093 г., например, 60 *оккалу* и 12 *хитту* назначают нового жреца (*пуджари*) в храм Бхогешвары¹³². В 1167 г. храму Рамешвары дарят землю несколько *маханпрабху*, *их* (принадлежащие им?) восемь *хитту* (*mahāprabhugaḥ tammeḥ ḥiḍḍum*) и *праджэ*¹³³. Надпись 1148 г. из Орувала (Беллари) рассказывает, что новый храм построили *махамандалешвары* Доравадианаду вместе с *прабху-гавундами*, *mōliga* (некими знатными людьми) и 8 *хитту*. А затем *мулига* Хампагауда и 8 *хитту* получили от *махамандалешваров* участок земли для содержания этого храма¹³⁴. В 1173 г. участок был подарен с согласия нескольких *прабху* и 8 *хитту*¹³⁵. В 1220 г. в Шолапуре *маханпрадхана* Магара Мурари Сангамадева-*найка* вместе

¹²⁷ IA, XII, p. 101

¹²⁸ JBRRAS, X, p. 257. Под влиянием авторитета Флита я раньше понимал *хитту* как «занятие, специальность» (см. Алаев 1981, с. 132). Теперь я придерживаюсь иной трактовки.

¹²⁹ BK, 7 of 1934/35 (1202 г., Дхарвар)

¹³⁰ Dikshit 1964, p. 60

¹³¹ См., например, ARE, 573 of 1058/59

¹³² BK, 124 of 1940/41. 1939/43 (SII, IX, I, no. 86)

¹³³ KI, II, p. 89, no. 24

¹³⁴ SII, IX, I, no. 253

¹³⁵ ARE, 98 of 1954/55; BK, 45 of 1929/30 (SII, XV, no. 58); 46 of 1929/30 (SII, XV, no. 163); 160 of 1933/34; 4 of 1937/38; 117 of 1940/41. 1939/43; BK, 163 of 1928/29 (SII, XV, no. 581); 36 of 1929/30 (SII, XV, no. 595); 7, 51 of 1934/35; 4 of 1937/38; 117 of 1940/41. 1939/43; 10 of 1941/42. 1939/43; SII, IX, I, no. 380; XV, no. 384; IA, XII, p. 101; EI, XIX, p. 196–197, no. 29-F; KI, I, p. 71–74, no. 31; II, p. 122–125, no. 34; IV, p. 105–118, no. 54

с *махамандалешварой* Каппарасой, 2 *гавундами* и 8 *хитту* дали деревню Богу¹³⁶.

Та же роль у *хитту* в аграхарах: они выступают вместе с деревенским собранием¹³⁷. В надписи 1012 г. брахманы аграхары выделяют по одному дому для содержания скотного двора, для *гамунд* (старост крестьянского населения?) и для «глав низших каст» (*keṣṭiṭi mukhyarggam*)¹³⁸.

Иногда они называются *hiṣṭubī va*, что можно понять как «обладатели жалования»¹³⁹, или *hiṣṭukāā* («получающие пропитание») ¹⁴⁰. В надписи 1174/75 г. упоминаются *eī ōu-hiṣṭu-sṭhāna*¹⁴¹. Это может быть «место [для выплаты] 8 пропитаний».

В свете более ранних, да и более поздних, сведений об индийской общине трудно представить себе полноправное участие «обслуживающего персонала», *каминов*, как их называли в Северной Индии, представителей каст, как правило, более низких, чем каста полноправных общинников, в решении общинных дел. Тем не менее, в Карнатаке в XI–XIII вв. это было именно так. Работавшие в общинах ремесленники, получавшие постоянную оплату, не воспринимались как «общинные слуги». Как мы увидим ниже, они пользовались определенной свободой договариваться о размерах вознаграждения и в случае конфликтов отстаивали свои права.

Появление, наряду с формулой «восемь *хитту*», другой — «двенадцать *хитту*» рассматривается мною как дальнейшее развитие системы *джаджмани*, ее расширение за счет включения в нее, с одной стороны, административной верхушки, а с другой — самых низших слоев, сельскохозяйственных рабочих. Система приближается к той, которая зафиксирована в Новое время в Махараштре и окружающих районах (*бара-балюта*), о которой уже упоминалось.

Подкрепляет такое мнение и социальная история Андхры. В государстве Какатьев в XII–XIV вв. группа общинных слуг (которые назывались там *аягарами*, «получающими плату», и их полагалось иметь тоже двенадцать) во главе со старостой, по существу, заменяют общинное собрание¹⁴².

¹³⁶ KI, II, p. 122–125, no. 34

¹³⁷ BK, 113 of 1935/36

¹³⁸ EI, XX, p. 68, no. 6 (Yazdani 1960, I, p. 404–405).

¹³⁹ ARE, 545 of 1958/59

¹⁴⁰ EI, XXIII, p. 195–196, no. 30

¹⁴¹ BK, 51 of 1937/38

¹⁴² Yazdani 1960– II, p. 675

Выше уже приводился пример, когда *хитту* отличны от «народа» (*праджа*). Очевидно, что в подобных формулах *праджа* относится уже к еще более низким слоям деревенского населения¹⁴³.

Довольно часты случаи, когда деревенские служащие сражаются с оружием в руках за имущество и вообще интересы общины, гибнут в этой борьбе, и в их честь возводятся «камни героев», из надписей на которых мы об этом и узнаем. Позволим себе привести эти красочные примеры.

Цирюльник Госайгулугу погиб, отбивая от врагов «женщин и коров»¹⁴⁴.

В 1172 г. Асагара Калея из касты прачечников вернул скот, угнанный магнатом *данданаякой* Кесимасей, но погиб при этом. Староста Сата-гавунда и жители деревни (*прадже*) даровали за это участок земли и место под дом его семье¹⁴⁵. В 1287 г., защищая деревенский скот, погиб Нага, сын Мары, прачка. Старосты и вожди дали землю его семье¹⁴⁶.

В правление Сингханы Ядавы (1210–1245) те же Сата-гавунда и *прадже* даровали участки земли и дома сыновьям кузнеца и медника, павшими в битве с угонщиками скота¹⁴⁷. В 1194 г. цирюльник Чикканна, сын Мача-гавунды, младший брат Мадиянны, пал в битве за коров деревни Индалвалли в Мале-над. Вторая надпись того же года тоже говорит о гибели цирюльника¹⁴⁸.

Земля, которая даровалась за пролитие крови, отличалась от служебного участка. Она давалась навечно и полностью освобождалась от налогов. Она носила специальное название *rakta-mānya*, или *rakta-koāuge* или *nettar-gey*¹⁴⁹. Привлечение ремесленников и членов обслуживающих каст к обороне деревни можно рассматривать как еще один аспект эксплуатации их труда. Однако я склонен видеть это в ином свете. В то время обладание оружием и участие в сражениях должно было возвышать человека, в некоторой степени уравнивать его с полноправными жителями.

И все же *хитту* занимают более низкое положение, чем полноправные общинники. Их называют также *besa-makkalu* («послушные

¹⁴³ KI, II, p. 89, no. 24 (Dikshit, 1964, p. 60–61)

¹⁴⁴ EC, VII, p. 123, no. 195 (1007 г.)

¹⁴⁵ ARE, 442 of 1960/61; KI, IV, p. 103, no. 50

¹⁴⁶ EC, VI, p. 112, no. 49

¹⁴⁷ ARE, 418 of 1959/60

¹⁴⁸ EC, VI, p. 59, no. 4, 5 (1191 г.)

¹⁴⁹ Ibid.

люди»)¹⁵⁰. Возможно, что именно они составляли наиболее боевую часть общинного ополчения. В битве между двумя деревнями примерно в 1141–1143 гг. предводитель ополчения брахманской деревни убил много *беса-маккалу*, сражавшихся на стороне противника, правда, и сам пал в битве¹⁵¹. Однажды при отражении нападения на деревню кузнец Кетожди остался жив. Его называют главным среди *беса-маккалу*¹⁵².

Положение общинного ремесленника понималось как постоянное, наследственное. Однако отмечаются и случаи назначения на эти вакансии, например, при основании новой деревни. Упомянуты выше случаи основания новой деревни в 1308 г., когда к ней приписываются *аягары* (*āyagāra*): сторожем (*taēvāra*) — Чинну; кузнецом (*ayaskāra*) — Лингу; цирюльником (*kōuraka*) — Чанну; прачкой (*rajaka*) — Буду; гончаром (*kulāla*) — Чанну; уборщиком (*yaāgai*) — Кадурю¹⁵³.

Храмам, хозяйство которых тоже строилось по образцу общины, ремесленники приписывались теми, кто передавал храмам деревни. В 1008 г. шиваитский храм в районе Ратнагири получает от князя династии Шилахара три деревни, право взимать пошлыны, а также по одной семье стиральщиков, горшечников, садовников и маслостроителей¹⁵⁴. Таким образом, сознательные усилия различных акторов становились причиной создания такой системы в конкретных деревнях и в храмах.

Как и в других регионах Индии, общинные «служащие» жили в особых кварталах, на отшибе от основной деревни. В 980 г. в районе Белгаума упоминается квартал цирюльников и прачек¹⁵⁵.

Вознаграждением деревенскому ремесленнику обычно служили либо участок земли, как правило, не облагаемый налогом, или регулярные отчисления от урожая его клиентов в натуре (*ая*). В исследованных надписях мы встретились с упоминаниями служебных участков писца (*сенабова*, он получает землю на условиях *сарванамасья*, т. е. сво-

¹⁵⁰ KI, II, p. 128–129, no. 37

¹⁵¹ EC, VIII, p. 39, no. 253

¹⁵² KI, IV, p. 79–80, no. 35

¹⁵³ ARE, A 17 of 1916/17 (по копии с факсимиле в Офисе Главного эпиграфиста в Майсуре)

¹⁵⁴ EI, III, p. 296, no. 40 (Mazumdar 1960, p. 110).

¹⁵⁵ EI, XVI, p. 8, no. 1

бодной от налогов)¹⁵⁶, цирюльника¹⁵⁷, ювелира¹⁵⁸, каменщика¹⁵⁹, кузнеца и плотника¹⁶⁰.

Размеры натуральных вознаграждений, которые в XIX веке воспринимались как традиционные, идущие как бы с незапамятных времен, на самом деле устанавливались в изучаемые века путем конкретных переговоров и договоров. Именно так утверждают размер *ая* в переговорах с жителями деревни кузнец Ала и стиральщик Рая в 1077 г.¹⁶¹

Однажды деревенский плотник называет свое вознаграждение *kōli*, т. е. просто «жалованье, зарплата»¹⁶². Это еще раз указывает на довольно равноправные отношения общины и ее служащих.

Размеры натуральных выплат служащим не были единообразны. Интересно, что их пытались регулировать центральные власти. В 1306 г. Баллала III Хойсала объявляет: «В царстве, которым мы правим, во всех священных местах и на территориях, пожалованных министрам, приближенным, няякам и принцам, и в великих домах Ширипуры (?) — во всех этих местах все члены *вира-панчала* будут получать оплату в соответствии с правилами “Панчакарука-хала” (некое обычное право “пяти ремесленных групп”)¹⁶³.

Должность в общине и соответствующее вознаграждение считались собственностью ремесленника. Он мог ими распоряжаться. В 1225, 1265 и 1340 гг. в Кадуре появились девять надписей об индивидуальных дарениях храму от плотников¹⁶⁴. Однако собственнические права общинных служащих имели ограничения. Об этом мы узнаём из надписи, трактующей назначение в деревню астролога. Он получает овобожденный от налогов участок земли, но жить должен обязательно в деревне и выполнять свою работу. Этот участок он не может закладывать, а продать может лишь брахману, который способен к подобной работе, т. е. может давать астрологические прогнозы¹⁶⁵.

¹⁵⁶ IA, XVIII, p. 37 (1076 г.)

¹⁵⁷ BK, 27 of 1930/31 (SII, XV, no. 645)

¹⁵⁸ BK, 84 of 1929/30 (SII, XV, no. 662)

¹⁵⁹ ARE, 556 of 1960/61 (1178 г.); BK, 46 of 1929/30 (SII, XV, no. 163) (1218/19 г.)

¹⁶⁰ ARE, 392 of 1920 (SII, IX, I, no. 123)

¹⁶¹ EC, III, p. 108, no. 131 (1077 г.)

¹⁶² BK, 112 of 1926/27

¹⁶³ EC, IX, p. 135, no. 110 (~ 1306 г.). Попытки регулирования натуральных выплат в общине отмечены и в других районах Индии примерно в это время. (См.: Алаев 1981, с. 128–132). О *вира-панчала* или *каммаланах* см. ниже.

¹⁶⁴ EC, VI, p. 12, nos 57–65 (1225–1340 гг.)

¹⁶⁵ SIE, XXXI, p. 121, no. 16–4 (1383 г.)

Что касается индивидуальных упоминаний о деревенских ремесленниках, то мы имеем в надписях *bàrika* (сменного сторожа)¹⁶⁶, *tî òga* (слуга из низкой касты)¹⁶⁷, каменщика¹⁶⁸, *kammàra*¹⁶⁹, золотых дел мастера и плотника¹⁷⁰, гончара¹⁷¹, брадобрея (*nàvida*)¹⁷², астролога¹⁷³ и писца¹⁷⁴.

Ремесленники, входившие в систему джаджмани, не были оторваны не только от рынка, но и от других социальных ролей. Они подерживали между собой связь на больших территориях и были способны к совместным действиям. В изучаемое время консолидируется общность ремесленников пяти специальностей — *каммаланы* или *вира-панчала*. Их называли также *haì yamana*¹⁷⁵. В 1306 г. в районе Бенгалуру «плотники, кузнецы, ювелиры и все *вира-панчала* из четырех *наду*» дарят храму налоги с себя¹⁷⁶.

Можно сделать вывод, что сельская община в Карнатаке принципиально не отличалась от типичной индийской модели. В качестве особенности можно указать на значительную роль старост — как деревенских, так и окружных — и большую, чем в других районах, подчиненность аппарату.

¹⁶⁶ KI, II, p. 21, no. 48

¹⁶⁷ SII, IX, I, no. 195

¹⁶⁸ EC, IX, p. 147, no. 77 (1086 г.)

¹⁶⁹ SII, XI, II, no. 127. *Каммара* переводят как «кузнец». Однако в данной надписи этот человек сравнивается с Вишвакармой, легендарным создателем всего, архитектором всего мира, за его искусство в работе с кирпичом, слоновой костью и металлами.

¹⁷⁰ BK, 3 of 1934/35; SII, IX, I, no. 123

¹⁷¹ ARE, 529 of 1960/61

¹⁷² BK, 122 of 1926/27 (SII, XI, II, no. 133); SII, XI, I, no. 133

¹⁷³ EC, XII, p. 59–70, no. 2 (1261 г.)

¹⁷⁴ IA, XVIII, p. 37

¹⁷⁵ EI, XXXII, p. 72, no. 5–3 (1053 г., район Тханы)

¹⁷⁶ EC, IX, p. 69, no. 52 (1306 г.)

Глава 17

Аграхары и махаджаны

Брахманские и шудрянские деревни немногим отличались друг от друга, что касается внутреннего социально-экономического устройства. Нельзя утверждать, что общинники-шудры представляли собой земледельцев-крестьян, а члены брахманских аграхар занимались науками и преподаванием и являлись рентополучателями. Есть достаточно материала, показывающего, что в шудрянских деревнях тоже существовал верхний слой, эксплуатировавший зависимых земледельцев и безземельных работников. Поэтому общинные порядки в тех и других, по большому счету, были одинаковыми. Но все же ряд сторон роли *аграхар* в общинно-государственном строе заставляют рассматривать их отдельно. Некоторые черты их устройства не следует переносить на остальные селения.

Формирование аграхар

Аграхары образовывались в результате дарений со стороны царей или более низких по статусу сюзеренов. В 1185 г. такое дарение совершили несколько (поименованных) *наяков* из Керегодунад¹. В 1258 г. аграхару создал Сом-даннаяка, т. е. один из вельмож на службе государя².

В средневековых государствах Карнатаки роль брахманских общин (*аграхар*, *брахмадей*) была столь же велика, как и в Тамилнаду. Но их функционирование отличалось особенностями. Во-первых, употреблялась иная терминология. В Тамилнаду брахманы-землевладельцы могли называться *аграхариками*, *сабхаярами*, а их орган самоуправления почти неизменно назывался *сабхой*, причем число членов *сабхи*

¹ EC, III, p. 45, no. 62-a

² Dikshit 1964, p. 100

не указывалось. В Карнатаке же брахманы в *аграхаре* носили наименование *mahājana* («большие люди»), и их орган чаще всего имел, в соответствии с обычаями этого региона, определенный числовой индекс: «400 *махаджанов*», «1000 *махаджанов*» и т. п. Во-вторых, аграхары нередко служили объектами управления наряду с округами и областями, чего, как правило, не наблюдалось в Тамилнаду. В-третьих, *махаджаны* в Карнатаке обычно имеют главу (чаще всего называвшегося *уродеей*), в то время как в тамильской *сабхе* староста не предусмотрен. Вообще махаджаны были тесно связаны с управленческой вертикалью, имели «своих сыновей»³ среди чиновников. Наконец, в-четвертых, аграхары не были отгорожены и от иных мирских дел. Брахманские общины настолько активно участвовали в торговле, что становились организаторами обширных торговых корпораций. Столь же активно *махаджаны* включались в административный аппарат.

Самое раннее упоминание об общинах *махаджанов* относится к VI в., к правлению Дурвиниты Ганги, когда владельцы нескольких аграхар выступают свидетелями дара⁴. В 685 г. селением Баллигаве правят *pārvarum prajeyum*, т. е. брахманы и «жители»⁵.

Затем мы встречаемся с *махаджанами* как с общиной в надписи времени Виджаядитьи Сатьяшрайи Чалукья (696–733), в которой *махаджана-прадже* дают согласие на дарение⁶.

Подобно тому, как тамильские ученые пытаются доказать, что *сабха* включала не только брахманов, но и других жителей деревни, так и карнатакские ученые ищут свидетельств, что *махаджанами* называли не только брахманов. В этом случае тезис о «традиционной индийской демократии» звучит более убедительно. В главе об *аграхарах* в Тамилнаду я уже показывал, что доказательства такого понимания крайне неубедительны. Г. С. Дикшит видит доказательство того, что все домохозяйства деревни считались *махаджанами*, во-первых, в приведенной выше надписи, в словосочетании *махаджана-прадже*, и еще в надписи времени Говинды III (793–814), в которой говорится о 10 брахманах и 40 *махаджанах* из деревни Раттаджуна (*āvam ādi pramukhānām (daṣa) brāhmaṇā am catvārimūṭ mahājana samanvitānām*

³ Можно понимать это выражение и в прямом и в переносном смысле.

⁴ ARM, 1924, p. 70–71, no. 79

⁵ EC, VII, p. 109, no. 154. Кстати, это первое упоминание о *прадже* как деревенском собрании, о чем уже говорилось

⁶ SII, IX, I, no. 48

Rattajuṭa gramāḍ)⁷. Кроме того, он указывает на словосочетание *nagara-mahājana*⁸, которое можно понять так, что все горожане считались *махаджанами*. Это тоже довольно проблематично. Впрочем, он признает, что других сведений, которые можно было бы интерпретировать подобным же образом, в распоряжении исследователей нет⁹.

Могли брахманы называть себя и просто «деревней» (*ōru*)¹⁰. Однако наблюдались ситуации, когда в селении действовали два коллективных органа: брахманский и небрахманский. В этом случае совершенно ясно, что *махаджаны* — это брахманы, а *уру* — собрание более низких по статусу лиц¹¹.

Количество *махаджанов* и состав собрания

Числовые индексы брахманских собраний разнообразны. Большинство их представляют собой круглые числа, традиционно употребляющиеся на протяжении веков: 30¹², 50¹³, 100¹⁴, 120¹⁵, 200¹⁶, 220¹⁷, 400¹⁸, 1000¹⁹, 1200²⁰, 2000²¹. Аграхара Пули (Белгаум) управлялась 1000-ю *махаджанами*, а входившие в нее поселки Равиянагари, Калашаваллигере, Гхайсасагери, Шивеягере каждый имел свое собрание по 100 человек²².

⁷ EI, VI, p. 241, no. 23

⁸ SII, XI, II, no. 179

⁹ Dikshit 1964, p. 98

¹⁰ SII, XI, I, no. 92

¹¹ SII, IX, I, no. 24

¹² SII, IX, I, no. 145, (Yazdani, 1960, I, p. 403)

¹³ SII, IX, I, no. 89 (Yazdani, 1960, I, p. 403); BK, 13 of 1942/43. 1939/43 (1051 г., Белгаум)

¹⁴ BK, 187 of 1932/33 (1136 г., Дхарвар)

¹⁵ BK, 137 of 1926/27; SII, XV, no. 6 (1111 г., Дхарвар)

¹⁶ EI, XV, no. 22 (1040 г.); SII, XI, II, no. 133 (1087 г.); BK, 76 of 1926/27; 60 of 1932/33 (1115 г.); SII, XV, no. 10 (время Викрамидитьи VI, Дхарвар); BK, 123 of 1926/27 (SII, XI, II, no. 200) (1126 г.).

¹⁷ IA, XII, p. 225 (916/17 г., Дхарвар)

¹⁸ BK, 80 of 1932/33 (1107 г., Дхарвар); EI, XIII, p. 57–58, no. 4-A (1111 г.); EI, XIII, p. 60, no. 4-B (1178 г.)

¹⁹ SII, V, no. 849, (1044 г., Белгаум); ARE, 84 of 1951/52 (1055 г., Дхарвар); ARE, 228 of 1946/47 (1126 г., Дхарвар)

²⁰ ARE, 193 of 1947/48 (XII в., Дхарвар)

²¹ SII, XV, no. 450 (VIII в., Бадами)

²² EI, XVIII, p. 179, no. 22-C (1082 г.); p. 182, no. 22-D (1097 г.); p. 196–199, no. 22-F (1107 г.); KI, I, p. 53–57 (1162 г.); BK, 17 of 1940/41. 1939/43, (1181 г.)

В этой связи надо кратко остановиться на вопросе о топоструктуре аграхар. Многие из них были крупными кластерами, насчитывавшими несколько населенных пунктов. Так, брахманское владение Кутунамаду в округе Кадур состояло из 11 поселков²³, другая аграхара Вигхнасантхе — из 9 селений²⁴. Встречались и более интересные структуры. Например, махаджаны из Тамбула делились на «десятки» (*daṇḍaka*), которые были известны по именам их глав (старост): Доная-наяка-дашака, Бхаттопадхья-дашака, Уродея-дашака и т. д. Махаджаны всей аграхары в целом могли совершать дарения, но и «десятки» тоже могли как дарить, так и продавать землю²⁵.

Наконец, аграхара Кундавице, как утверждается, имела 32 000 махаджанов²⁶. Круглые, иногда явно нереальные числа, которые часто повторяются применительно к разным деревням, наводят на мысль, что они не отражают реального численного состава собраний, что это только символы их многочисленности.

Однако, встречаются и числа, вызывающие доверие. Например, 56²⁷, 72²⁸, 84²⁹, 84 махаджана в одной аграхаре и 44 — в соседней³⁰, 102³¹, 104³², 420³³. В общем, никогда нельзя быть уверенным в том, сообщает ли надпись реальные данные, или же искажает картину.

То же можно сказать о традиционности этих чисел. Как правило, они не меняются на протяжении веков, как и число *оккалу* в шудрянских деревнях, как и числовые индексы при названиях территорий. Махаджанов в Балгули было 50, как в начале X века, так и в 30 гг. XIV столетия³⁴. С 1052 по 1106 гг. в аграхаре Белванти число махаджанов оставалось стабильным — 300³⁵. Кукканур имел 1000 махаджанов

²³ EC, VI, p. 113, no. 53 (~ 1290 г.)

²⁴ EC, XII, p. 49–50, no. 41 (1324 г.)

²⁵ SII, IX, I, no. 295

²⁶ IA, IV, p. 279 (1028/9 г., Балипур)

²⁷ BK, 194 of 1926/27 (897 г.); 101 of 1926/27 (SII, XV, no. 64) (1185 г., Дхарвар)

²⁸ BK, 9 of 1926/27 (1213 г., Дхарвар)

²⁹ IA, XII, p. 256 (971/2 г., Дхарвар); BK, 7 of 1927/28 (SII, XV, no. 53) (1156 г., Дхарвар)

³⁰ BK, 212 of 1926/27 (SII, XV, no. 13) (1130 г., Дхарвар)

³¹ ARM, 1932, p. 226–227, no. 46 (1181 г., Кадур)

³² SIE, XXII, p. 71, no. 14 (1020–1035 гг., Биджапур)

³³ IA, XIII, p. 91

³⁴ SII, IX, I, no. 59, 344

³⁵ ARE, 205, 208 of 1946/47

как в 1093, так и в 1253 гг.³⁶ «1000 из Тиливалли» упоминаются в надписях 1130, 1131, 1152 и 1155 гг.³⁷

Однако есть и обратные примеры. В одной из аграхар в 1087 г. было 300 махаджанов, а через 36 лет их стало 500. Возможно, это увеличение объясняется тем, что к аграхаре была прибавлена еще одна деревня.³⁸ В другой ранее было 50, затем стало 200³⁹. В третьей в 1184/85 г. действуют 1000 брахманов, а в 1253/54–1002⁴⁰. Этот пример особенно интересен тем, что произошел переход от круглого числа к некруглому, т. е., возможно, от символического к реальному.

Столь же противоречивы сведения о составе собрания. Включались ли в него все живущие в данном селении брахманы, или только ученая их часть? Аграхары выделялись именно ученым брахманам или с целью способствовать их научным занятиям. Однако несколько раз в надписях подчеркивается, что решают вопросы ученые брахманы «вместе с детьми и стариками»⁴¹, что на собрании присутствуют «все, старые и молодые» (*sabāla vāddha-sahita-v-aṇḍam*)⁴².

С другой стороны, в одной из надписей упоминаются одновременно 120 махаджанов и *aṇḍabrahmasabha* — «собрание всех брахманов»⁴³. В этом отношении тоже не было единообразия.

Собрание махаджанов созывалось по разным поводам: либо для того, чтобы совершить дарение⁴⁴, либо чтобы получить дарение⁴⁵, либо для разрешения споров. Один такой казус любопытен. Некто Намбиянна решил выяснить, действительно ли махаджаны подписали документ, передающий его в долговые рабы некоему махешваре

³⁶ SII, IX, I, no. 162; Corpus 1958, p. 25

³⁷ ARE, 247, 265 of 1945/46; KI, II, p. 76–78

³⁸ EI, XII, no. 19

³⁹ SII, XI, I, nos 12, 39; XI, II, nos. 137, 145

⁴⁰ IA, IV, p. 275–276

⁴¹ IA, XII, p. 221. (902/3 г., Биджапур)

⁴² SII, IX, I, no. 89, 132, 344 (Yazdani, 1960, I, p. 403) (1079 г.). См. также SII, XI, II, no. 202. Дикшит высказывает мнение, что в тех случаях, когда на собрание созывались «и стар, и млад», такие собрания имели «церемониальное значение». (Dukshit 1964, p. 110). Это ничем не подтверждается. Это отголосок уже знакомой нам позиции: стремления объяснить рационально все противоречия в надписях. Церемониальное (или ритуальное) значение имела скорее формулировка «стар и млад».

⁴³ SII, XI, I, p. 84 (1049 г.)

⁴⁴ KI, II, p. 26–27 (1075 г.); SII, IX, I, no. 198 (1119 г.)

⁴⁵ SII, IX, I, no. 80 (1018 г.); EI, XVI, p. 66 (1053 г.); SII, XI, I, no. 92 (1054 г.)

(поклоннику Шивы). С этой целью он пришел на место, где собирались *махаджаны*, и вызвал их для объяснения⁴⁶.

Местом встречи собрания были либо зал, воздвигнутый специально для этой цели (*ghaëige, óra maí ñapa, sabhà-maí ñapa, sabhà-sthaëa, prabhu-maí ñapa*)⁴⁷, храм⁴⁸, помещение брахманской школы (*bràhmaí a sàle*)⁴⁹, или же брахманы собирались под открытым небом⁵⁰.

Уродея — староста брахманов

Как и в шудрянских деревнях, большую роль играл некий глава, староста, который имел титул *уродея* («владелец деревни»). Наиболее часто встречается формулировка «махаджаны, возглавляемые *уродеей*» (*óroäeya pramukha mahàjana*)⁵¹.

Иногда *уродея* выступает дарителем наряду с *махаджанами*.⁵²

Наконец, *уродея* может выступать и как индивидуальный даритель, без связи с *махаджанами*⁵³.

Он *служит махаджанам*. Один из *уродеев* назван их «доверенным и доблестным слугой»⁵⁴. Они наделяют его землей и другими источниками дохода, оплачивая его службу. Например, надпись 1012 г. фиксирует, что *махаджаны* предоставили *уродею* 200 маттаров земли и три усадьбы. Он же получает сбор в 1 *гадьяну* для оплаты ведийского

⁴⁶ Dikshit 1964, p. 111–112

⁴⁷ EI, XIII, p. 327, no. 29 (929 г.); EI, XX, p. 69, no. 6 (1012 г.); SII, XI, II, no. 159 (1111 г.); SII, IX, I, no. 254 (1144 г.); EC, V, p. 166–167, no. 123 (1237 г.); EC, VI, p. 12, no. 57 (1340 г.); EC, V, p. 180–181, no. 158 (1324 г.); Dikshit 1964, p. 112

⁴⁸ SII, IX, I, no. 254 (1178 г.)

⁴⁹ SII, IX, I, no. 162 (1093 г.)

⁵⁰ ARM, 1915, p. 56; EI, XV, no. 21 (1028 г.)

⁵¹ SII, XI, II, no. 127, 133, 134, 137; см. также EI, XVII, p. 9, no. 2 (1004 г.); EI, XV, p. 334–336, no. 22 (1040 г.); IA, XIX, 164 (1040 г., Мудхолл); KI, II, p. 85–86, no. 22 (1042–1068); EI, XVIII, p. 177–178, no. 22-B (1043 г.); SII, V, no. 849, (1044 г., Белгаум); BK, 13 of 1942/43. 1939/43 (1051 г.); ARE, 102 of 1952/53 (1054 г.); KI, II, p. 25028, no. 9 (1075 г.); SII, IX, I, no. 145, 168 (Yazdani, 1960, I, p. 403) (1079 г.); EI, XVIII, p. 179, no. 22-C (1082 г.); IA, VIII, p. 22–23 (1091/92 г.); BK, 78 of 1926/27 (SII, XI, II, no. 145) (1098/99 г.); EI, XIII, p. 57–58, no. 4-A (1111 г.); BK, 123 of 1926/27; SII, XI, II, no. 200 (1126 г.); BK, 187 of 1932/33 (1136 г., Дхарвар); EI, XIII, p. 60, no. 4-B (1178 г.); ARE, 216 of 1952/53 (период Хойсалов)

⁵² EI, XVI, p. 27–31, no. 7 (1010 г., Дхарвар); BK, 64 of 1932/33 (1087/88 г.). HAS, 5, p. 8 (1089 г.)

⁵³ BK, 72 of 1929/30 (SII, XV, no. 523) (1014 г.); ARE, 92 of 1950/51 (XII в., Дхарвар)

⁵⁴ BK, 122 of 1926/27 (SII, XI, II, no. 133) (1087 г.).

жертвоприношения, 2 *паны* со свадьбы, 1 пану с каждого обряда *упанаяны*⁵⁵ и некоторые иные сборы⁵⁶.

Если *брахмадея* возникает как дар одному лицу, то оно обычно разделяет имение на несколько (или несколько сотен) долей и объявляет себя и своих потомков *уродеями* (или *маханпрабхами*) данного образования⁵⁷.

Но в то же время должность *уродеи* может занимать титулованное лицо. Так, Маддимая-*наяка*, сын Шанкарайи-*наяки*, в 1037 г. был *уродеей* селения Локкигунди. *Наяка* («ведущий, вождь») был довольно высоким титулом, свидетельствующим о богатстве или знатности. Данный *наяка* имел свою служебную землю (*óroäe-volada*), часть которой он продает⁵⁸. В 1170 г. *уродеей* Кудура был *сенабова* («писец»?) Гойванна, сын Боммадевы-*наяка*⁵⁹.

Уродея Мангалапнава одержал несколько побед над Чолами, Малавами и Гурджарами, поселил 1000 брахманов на подаренной им же земле и возглавил их. Он получил от царя регалии наместника: флаг, опахало из хвостов яков, диск (?), белый зонтик, сумку для бетеля, гонг, двойной рожок и прочее⁶⁰.

Уродея селения Недунегила в 1165 г. говорит о себе, что он потомок Алламы, тестя семьи Синда, которые правили Карахада-4000. Аллама тоже управлял 16-ю округами с числовыми коэффициентами⁶¹. Таким образом, разделить слои населения на высокие, средние и низкие зачастую бывает невозможно.

Неясна ситуация, когда *уродеев* в селении много. Их может быть 4⁶², 24⁶³, 1000⁶⁴. В последнем случае речь, видимо, идет не о штате руководителей одного селения, а о совместных действиях старост на большой территории, хотя, как всегда, к числам в надписях не следует относиться слишком серьезно. Но если такое предположение пра-

⁵⁵ Упанаяна — обряд «второго рождения», совершался над мальчиками-брахманами в возрасте 8–12 лет.

⁵⁶ EI, XX, 67–70, no. 6 (Yazdani 1960, I, p. 404–405)

⁵⁷ EI, V, p. 21, no. 3-A (1161 г.); XV, p. 28, 30, no. 3-A (1110 г.); XX, p. 69, no. 6 (1012 г.); HAS, no. 5 (1088 г.)

⁵⁸ EI, XIX, p. 219, no. 37 (1037 г., Дхарвар)

⁵⁹ BK, 203 of 1926/27 (SII, XV, no. 114)

⁶⁰ EI, XVIII, p. 189–196, no. 22-E (1162 г., Белгаум)

⁶¹ KI, IV, 13, p. 34–39

⁶² BK, 115 of 1929–30 (SII, XV, no. 46)

⁶³ BK, 29 of 1929/30 (SII, XV, no. 539)

⁶⁴ ARE, 460 of 1960/61 (1123 г., Дхарвар).

вильно, то можно говорить о межобщинных связях и о возможности совместных действий населения больших районов.

Иногда во главе *махаджанов* стоит *прабху*, или *маханпрабху* (санскр. «господин») ⁶⁵. Возможно, это просто санскритский эквивалент каннадигского *уродея*. Однажды *уродея* несет и титул *маханпрабху* ⁶⁶.

Однако возможно, что *прабху* употреблялся для обозначения не столько административного, сколько духовного лидера. В 1181 г. в районе Кадура *прабху аграхары*, имеющий к тому же титул *хеггаде*, «контролирует страсти, [ответственен за] обуздание, изучение, медитацию, концентрацию, молчание, исполнение религиозных обязанностей, повторение священных формул, погруженность разума в Бога, правильность поведения и другие хорошие свойства, осуществляет наблюдение над *аупасана* ⁶⁷ и *агнихотра* ⁶⁸; преданный наставникам и богам, обладатель славы, сверкающий, как солнце» ⁶⁹.

Употреблялся для старосты аграхары и санскритский термин *грамадхикари* ⁷⁰.

Г. С. Дикшит обнаружил также несколько надписей из дистриктов Тумкур и Майсур XIII в., т. е. из южных провинций государства Хойсалов, в которых говорится о «ежемесячных управляющих» (*māsavēggade*) в брахмадеях ⁷¹. Пока что мы имеем лишь термин и имена ряда лиц, которые занимали этот временный пост в 1263, 1267 и 1309 гг. Выборы такого функционера не упоминаются. Остается предположить, что все брахманы занимали этот пост по очереди. Но в любом случае это частное явление, не изменяющее общее впечатление, а именно, что управление аграхар находилось под жестким контролем старост и вышестоящих властей, о чем см. ниже.

Когда мы видим в деревне одного или нескольких *уродеев* и нескольких *гавунд* ⁷², это можно понять как вариант самоуправления

⁶⁵ ARE, 228 of 1946/47 (1126 г., Дхарвар); BK, 25 of 1930/31 (SII, XV, no. 105); (EI, V, p. 23, no. 3-A); EI, V, p. 26–31, no. 3-C (~ 1200 г., Биджапур); BK, 94 of 1929/30; SII, XV, no. 169 (1223 г., Биджапур)

⁶⁶ BK, 65 of 1926/27; SII, XV, no. 107 (1167 г., Дхарвар)

⁶⁷ Обряд поклонения огню в сумерках.

⁶⁸ Обряд жертвоприношения на огне.

⁶⁹ ARM, 1932, p. 226–227, no. 46. Еще один *прабху*, он же *хеггаде* упомянут в ARE, 460 of 1960/61 (1123 г., Дхарвар)

⁷⁰ KI, II, p. 89 (1167 г., Белгаум)

⁷¹ EC, XII, p. 31, no. 39 (1328 г.); p. 42–43, nos 2,3,4 (1263, 1267 гг.); p. 69–70, no. 2 (1261 г.); IV, p. 124, no. 41-b (1309 г.); (Dikshit 1964, p. 106)

⁷² BK, 215 of 1928/29 (SII, XI, II, no. 138) (1093 г.) BK, 52 of 1928/29 (1014/15 г.);

деревни, состоящей из людей разных каст и имеющих как собрание *махаджанов*, так и собрание *оккалу*. Эту ситуацию мы рассмотрим ниже. Но в таком понимании тоже нельзя быть уверенным. В 947 г. действует «Локая-гавунда, добродетельный брахман, возглавляющий селение Картикея-Тапована» ⁷³. В 1232 г. *махаджаны* назначают на пост *гавунды* некоего человека и наделяют его землей для оплаты его труда ⁷⁴.

Брахманы и *оккалу*, или брахманы и *прадже*

Деревни, получаемые брахманами в *аграхары*, имели собственную общинную организацию, которая рассмотрена в предыдущей главе. Иногда получалось так, что эта организация долгое время сохраняла возможность влиять на решения, касающиеся деревни. В этом случае мы видим совместные действия *махаджанов* и *оккалу*, или же участие в сделках, наряду с *махаджанами*, *прадже*. О том, следует ли видеть разницу в значении терминов *оккалу* и *прадже*, мы уже говорили.

Махаджаны вместе с *оккалу* принимают совместные решения ⁷⁵, в том числе дарят землю ⁷⁶ или принимают дары ⁷⁷, вводят сборы в пользу храмов ⁷⁸. Иногда *оккалу* принимают решения о сборе пошлин вместе с купцами, но без участия *махаджанов* ⁷⁹.

Но чаще эти два органа не равноправны. *Махаджаны* управляют деревнями, которые имеют свои общинные органы. 500 брахманов из Хосаволала имели несколько деревень под своей властью. Они приказывают нескольким общностям (60 *оккалу*, 504 *оккалу*, 300 *оккалу* и арендаторам сада) выплатить храму денежные и натуральные сборы для проведения некоторых специальных служб ⁸⁰. Когда брахманы селения Ниргунда в 1324 г. решили сгруппировать свои 100 долей в 4 блока, то они специально оговорили, что права проживающих на этой земле *оккалу* сохраняются, и они будут

ARE, 205 of 1955/56 (1280 г., Райчур)

⁷³ ARE, 53 of 1904 (SII, IX, I, no. 65)

⁷⁴ EC, IX, p. 156–157, no. 112 (1232 г.); V, p. 136, no. 67 (1324 г.)

⁷⁵ ARE, 250 of 1945/46 (KI, II, p. 20–25, no. 8) (1072 г., Дхарвар)

⁷⁶ ARE, 298 of 1918 (SII, IX, I, no. 107) (1050 г., Беллари); ARE, 216 of 1947/48

⁷⁷ ARE, 364 of 1957/58 (1065 г., Райчур).

⁷⁸ KI, II, no. 8 (Dikshit 1960, p. 62)

⁷⁹ BK, 212 of 1928/29 (SII, XV, no. 49) (1154 г., Дхарвар).

⁸⁰ IA, XI, p. 274 (1158 г., Беглаум-Дхарвар)

«принадлежать» тем дольщикам и тем блокам, куда они включены. А если кто-то из *оккалу* захочет переместиться в другой блок, дольщики (брахманы) и блоки будут совместно нести расходы по переезду⁸¹. Видимо, была не исключена возможность, что эти права при переделе не сохранились бы.

Функции *махаджанов*.

Аграхара как поземельная община

Аграхара становилась официально «деревенской общиной» (*grāmasamaya*)⁸². Свидетельств того, что брахманы, получившие селение или группу селений в аграхару, образовывали поземельную общину и вводили некоторое регулирование индивидуальных прав, немного, но они достаточно красноречивы.

Медная табличка от 1107 г. сообщает, что вассал Кадамбов из Гоа по имени Трибхуванамалла Келима скупил участки в разных частях области Гоа и основал поселение брахманов для 12 семейств. «Все земли и дома должны считаться общей собственностью, и доход с них должен распределяться поровну среди 12 семейств. Тот, кто продаст или купит часть этого имущества, подвергнется штрафу в 500 монет. Член [общины] владеет долей, только пока он живет здесь. Если он оставит это место, его доля распределяется среди остальных, и если он потребует свою долю обратно, он заплатит штраф. Нового человека можно принимать на освободившееся место с согласия всех жителей и особенно ближайших соседей»⁸³. Такая степень «общинности» необычна для индийских деревень. Чаще фиксируется долевое землевладение с широкими правами дольщиков.

Но ограничения права отчуждения в *аграхаре* встречается еще в одной надписи. В 1148 г. в районе Беллари деревня подарена ученым брахманам, при этом она поделена на 80 долей (*vṛtti*), которые нельзя продавать и закладывать⁸⁴.

В 1194 г. упоминается, что брахманы наделяются землей, состоящей из 20 долей (*вритти*)⁸⁵. В 1223 г. в Белгауме Сингханадева

⁸¹ ЕС, XII, p. 49–50, no. 41 (1324 г.) (Kuppuswamy 1995, p. 176)

⁸² ARE, 430 of 1926

⁸³ EI, XXX, p. 74, no. 15

⁸⁴ ARE, 503 of 1915 (SH, IX, I, no. 250)

⁸⁵ ARM, 1923, p. 49

Ядава дал брахманам 16 наделов по 200 *камма* в 4 селениях⁸⁶. В 1251 г. в государстве Ядавов некий купец подарил брахманам землю в 180 долях⁸⁷.

Имеются данные и о переделах. В 1215 г. в районе Кадура 60 брахманов аграхары Хирия-Наллур постановили, что в каждой из составляющих ее деревень — Туяларакере и Баттеюр — будет значиться по 30 долей. Доход с 30 долей одной деревни идет брахманам этой деревни. Доход с 30 долей другой деревни идет брахманам той деревни. Налоги властям должны делиться поровну между держателями 60 долей. Если царь или власти Наллура сократят налог, 60 брахманов пусть платят таким же образом (т. е. поровну)⁸⁸. В 1247 г. те же брахманы решили, что ни одна из 12-ти «пятерок» не может односторонне снижать ставки налогов⁸⁹.

В другой *аграхаре* брахманы в 1231 г. обнаружили, что наделы членов общины крайне неравномерны. Они провели новое измерение орошаемых и сухоходных земель и разделили их на равные 158 доли. «Все *махаджаны* Диндугуру ... согласившись между собой, что все они равны и должны быть наделены поровну, произвели данное постоянное уложение желаемых долей». Но этот передел должен быть окончательным и не пересматриваться в дальнейшем ни при каких обстоятельствах⁹⁰.

Иногда разделение на доли происходило в присутствии должностного лица: «Все *махаджаны* Кутанамадуву, собравшись на совет, в присутствии *маханпрадханы* Харихара-даннаяки, разделили деревни на доли и распределили их следующим образом навечно, пока существуют солнце, луна и звезды»⁹¹.

В 1263 г. брахманы аграхары Тирувекере разделили свою землю на 95 (очевидно, равных) долей, которые группируются в 8 блоков по 12 долей в каждом (в этом случае долей должно быть 96, но составителей надписи это не смущает). Каждый блок должен соорудить новый водоем или поддерживать уже существующий. Ставятся условия сдачи в аренду, правила проезда и распределения воды⁹².

⁸⁶ IA, V, p. 12

⁸⁷ ARE, A 4 of 1926

⁸⁸ ЕС, VI, p. 25, no. 132 (1215 г.)

⁸⁹ ЕС, VI, p. 25, no. 133 (~1247 г.)

⁹⁰ ЕС, V, p. 200, no. 170 (Kuppuswamy 1995, p. 175–176).

⁹¹ ЕС, VI, p. 113–114, no. 55 (~1291 г.)

⁹² ЕС, XII, p. 42, no. 2 (1263 г.) (Kuppuswamy 1995, p. 165–166)

Куппусвами⁹³ приводит еще две надписи, свидетельствующие о том, что при Хойсалах распространилась практика нарезания равновеликих наделов в аграхарах. В одной из них говорится, что в 1333 г. «все брахманы незапятнанной аграхары Хирия-Нарасимхапура, которая является [деревней] Карувиди, придя к всеобщему согласию, решили разделить имущество поровну между семьями ... Собрав воедино все садовые, орошаемые и суходольные земли и все иные угодья Халлиюра и Хириюра, они разделили их на 125 долей. Кто нарушит установленные правила пользования по этому документу, тот будет изгнан из общины 32000⁹⁴ и станет преступником против аграхары. Кто нарушит эти правила, будет выдан Вира-Баллала-Деварасе (царю) и Тоя-Сингея-даннаяку [для наказания]»⁹⁵.

В 1290 и 1291 гг. *махаджаны* одной из *аграхар* произвели расклад долей между составлявшими ее поселками на 5 *тамту* неравного размера. Двум поселкам было выделено 65 долей, еще двум — 68 долей, две другие пары получили по 65 и 45 долей, наконец, три поселка были оценены в 57 долей. Итого вся *аграхара* содержала 300 долей. Очевидно, что по этим долям делился доход, который получали брахманы, или же уплачивался налог, если они платили налоги. В соответствии с количеством долей жители этих деревень должны нести обязанности по сооружению водоемов и каналов, разбивке садов и организации складов, а также жить в мире. Уплата штрафов и прочих налогов должна производиться тоже соответственно долям. Эти правила установлены навечно. Дальнейших переделов не предусматривается. *Махаджаны* должны платить жалованье сторожу, а также возмещения за грабежи со стороны *bāār* и *kaṭṭara*⁹⁶.

В 1324 г. произошел подобный же раздел другой аграхары на 4 *тамту*. Три поселка получили вместе 24 доли, а остальные 6, сгруппированные по парам, получили 25, 24 и 27 долей. Всего эта аграхара насчитывала 100 долей.⁹⁷

⁹³ Kuppuswamy 1995, p. 174

⁹⁴ Я уже упоминал выше, что некая деревня Кундавиге, как заявляется в надписи, имела 32000 *махаджанов*. Здесь тоже употреблено это число для обозначения «общины в целом», несмотря на то, что из надписи совершенно ясно, что в ней могло быть только 125 семей.

⁹⁵ ЕС, XII, р. 59, no. 83 (~ 1333 г.)

⁹⁶ ЕС, VI, р. 113–114, no. 53, 55. *Бедары* и *каллары* — касты профессиональных воров и грабителей

⁹⁷ ЕС, XII, р. 49–50, no. 41 (Kuppuswamy 1995, p. 176)

Обращает на себя внимание то, что большинство данных о переделах земли относятся к довольно позднему периоду — XIII–XIV векам — и главным образом к государству Хойсалов.

Коллективы брахманов стремились не допустить в свою среду людей более низких каст, однако это было не так просто сделать в условиях, когда не было легальных ограничений отчуждения земли. Мы привели выше пару примеров, когда *махаджаны* пытались ограничить отчуждение земли, но эти запреты мало помогали. Член дружной брахманской общины в принципе мог продать землю презренному шудре. На этот случай принимались такие решения: «Если кто-нибудь из дольщиков продаст или заложит свою долю шудре, он будет исключен из брахманской общины, и эта доля перестанет принадлежать этому месту»⁹⁸. Судьба исключенного брахмана будет, конечно, плачевна, но знаменательно то, что *махаджаны* не могут отменить сделку. Все, что они могут, это исключить проданный таким образом участок из состава своих земель, т. е., в определенном смысле, признать акт продажи.

Право наследования доли было очень широким, но подчинялось тем же ограничениям: «В этой *шивапура*⁹⁹ могут наследовать и женщины, и даже сыновья служанок, если только они *бхакты* (в данном случае — последователи Шивы)»¹⁰⁰.

Другие функции *махаджанов*

Формально говоря, основная задача или обязанность брахманов, получивших аграхару, заключалась в изучении ведической и прочей классической литературы и обучение ее чтению. Это подразумевается, хотя редко артикулируется.

Но все же смыслом наделения брахманов землей и властью в отношении населения являлось обеспечение их средствами к жизни. Дарения могли быть разных типов. Иногда дарились именно налоги с селения. Тогда они поступали брахманам, или делились между ними и казной в оговоренной пропорции¹⁰¹. Конечно, экономические вопросы находились в центре внимания общинных властей. Дарение иногда сопровождалось резким повышением податей с прежних хозяев.

⁹⁸ ЕС, III, р. 68, no. 121 (1174 г.)

⁹⁹ Т.е. *аграхаре* шиваитов

¹⁰⁰ ARM, 1933, p. 252

¹⁰¹ ЕС, V, р. 201, no. 172; p. 226, no. 242; (Rao 1936, p. 152)

Об этом говорится не всегда. Но в 1194 г. в районе Хассана Баллала II Хойсала подарил брахманам деревню, состоявшую из 202 *вритти*, и приказал увеличить *сиддху* (основной «фиксированный» налог) с держателей с 400 *гадьян* до 1000 *гадьян*, причем платить ее теперь надо не в натуре, как раньше (рисом, сезамом и проч.), а деньгами. Теперь этот налог пойдет не в казну, а дольщикам¹⁰².

За неуплату ренты собрание могло отбирать земли у держателей¹⁰³. Оно же могло освободить от податей часть деревенского населения, например, кожевников¹⁰⁴, или ввести дополнительные сборы, скажем, с горшечников¹⁰⁵. Налоги в казну *махаджаны* платили единой суммой, собирая ее по долям с членов общины. Если один из дольщиков не мог выплатить свою долю, земля передавалась другому, который эту сумму мог заплатить, причем, по крайней мере, в одном случае земля при этом передавалась новому владельцу навечно и с правами отчуждения¹⁰⁶.

Они организовывали обработку как своих, так и храмовых земель. В 987 г. в районе Беллари «50 из Балгули» выделили храму цветочный сад, установили, сколько денег следует с этого сада платить, и назначили семью арендаторов, которая будет наследственно обрабатывать этот сад и выплачивать оговоренные суммы¹⁰⁷.

Понятно, что *махаджаны* получали земельные дарения, дарили землю сами. Они также могли арендовать землю у других общин. Например, в 1010 г. они взяли в аренду 114 *маттаров* земли у 6 *гавунд* и 8 *четти*¹⁰⁸.

Довольно часто они оплачивали разные мероприятия вскладчину, устраивая для этого самообложение. В 929/30 г. 220 *махаджанов* выделяют землю и вводят дополнительные сборы для поддержания в порядке водоема: на свадьбу между брахманами — 3 *драммы*; на каждого мужчину — 2 *драммы*; на свадьбу среди шудр — 1 *драмму*, с каждого обряда покаяния — 2 *паны*¹⁰⁹.

¹⁰² ARM, 1923, p. 36

¹⁰³ ARE, 1922/23, p. 128 (Gupta-1933, p. 209); ARE, 103 of 1904 (SII, IX, I, no. 132) (1068 г., Беллари).

¹⁰⁴ SII, XV, no. 450 (VIII в., Бадами)

¹⁰⁵ ARE, 529 of 1960/61 (1100 г., Гулбарга).

¹⁰⁶ EC, V, p. 161, no. 113 (1318 г.)

¹⁰⁷ SII, IX, I, no. 75

¹⁰⁸ EI, XV, p. 75–77, no. 6–C

¹⁰⁹ IA, XII, p. 223–224. См. надпись того же типа: KI, II, p. 11–14, no. 4 (918 г., Дандапур)

Но *махаджаны* и сами платили налоги, о величине которых часто заключали соглашения с наместниками¹¹⁰, иногда вступая с ними в конфликт. Джаясимха II в 1020 г. приказал, чтобы 104 брахмана аграхары платили 100 золотых *гадьян* в пользу одного из своих *наяков*, одновременно освободив их от ряда других налогов. Но в 1035 г., когда здесь правил Джагадекамалла Ноламба Перммададева, *перггаде* Нагаварма силой пытался заставить брахманов платить отмененные налоги. Возможно, он хотел захватить деревенский скот в счет недоимок, поскольку началось столкновение, и в нем погиб один из брахманов¹¹¹.

Как и в других индийских общинах, в карнатакских *аграхарах* действовала система содержания разного рода специалистов, так называемая система *джаджмани*. Имеющиеся данные о ней собраны в главе, посвященной шудрянским общинам. Там есть материал и по *аграхарам*. Особенностью Карнатаки было, при этом, значительное вмешательство в дела брахманских общин со стороны разного рода наместников, а особенностью именно брахманского поселения было то, что требовалось обеспечить средствами не только ремесленников и слуг, но и различные культурные и религиозные нужды дольщиков. Как уже говорилось, в качестве «наемника» *махаджанов* рассматривался даже *уродея*, староста, хотя эту должность нередко занимали весьма знатные лица.

В 1012 г. некий наместник получил от Викрамадитьи V Чалукьи деревню, которую он передал 104 брахманам (*махаджанам*), но при этом разработал правила поведения, относящиеся как к *махаджанам*, так и к «простым» жителям — *гражегам*, и зарезервировал 500 *маттаров* земли и 13 домов за различными лицами, группами и учреждениями. А именно:

50 *маттаров* и 4 дома выделены шести мелким храмам и для содержания столовой и переданы тем, кто дал обет безбрачия;

12 *маттаров* и один дом — храму Бхарати;

100 *маттаров* и два дома — на нужды образования, а именно 50 *маттаров* и дом — учителю, преподающему *ньясу* и *прабхакару*¹¹², 25 *маттаров* его ученикам, 25 *маттаров* — Нагадешие, который преподает математику, астрологию, просодию и риторику, а также чтение

¹¹⁰ BK, 184 of 1932/33 (918 г., Дхарвар)

¹¹¹ SIE, XXII, p. 71, no. 14

¹¹² *Ньяса* — обряды посвящения человека или частей его тела божеству. *Прабхакара* — основатель одного из направлений философской школы *миманса*. Здесь имеются в виду, наверное, его труды.

и письмо. Он же должен кормить учеников раз в день и выдавать одну одежду в год;

12 *маттаров* и дом — для снабжения (брахманов?) кокосами;

6 *маттаров* и дом — для снабжения сосудами для *абхишеки*¹¹³;

8 *маттаров* и дом — цирюльнику;

12 *маттаров* и дом — барабанщику;

100 *маттаров* и 2 дома для столовой.

Он же определил ставки вознаграждения для *уродеи*. Об этом уже говорилось.

Поддержание в порядке деревенского водоема должно было производиться за счет доходов от штрафов: 2 *пана* за словесное оскорбление, 12 *пана* — за избиение, 3 *гадьяны* — за угрозу обнаженным кинжалом; 12 *гадьян* — за нанесение раны. Но эти ставки разные для разных каст. 3 *гадьяны* платит холостяк за изнасилование и еще оплачивает обряд очищения от греха. Но если он успел укрыться в *мандане* (павильоне или ротонде, примыкающей к храму), то он освобождается от наказания.

По одному дому выделяется для содержателя скотного двора, *гамунд* и «глав низших каст» (*kṣātrīya mukhyarggam*)¹¹⁴.

Роль аграхар в экономической и социальной жизни Карнатаки, наверное, даже недостаточно освещены в наших источниках, поскольку они в основном посвящены дарениям храмам и благотворительным учреждениям. Но высокий авторитет ученых брахманов, их широкие связи с торгово-ремесленными кругами и властными структурами, о которых еще пойдет речь, финансовые возможности — все это позволяло *махаджанам* выполнять много дополнительных функций. Можно привести несколько примеров, явно не исчерпывающих всех их возможностей.

В 1055 г. в районе Дхарвара 1000 *махаджанов* получают землю с условием, что на доходы с этой земли они будут кормить проходящих путников¹¹⁵. В другом случае *махаджаны* выступают как третейские судьи по поводу выплаты долга. Некий *гауда* выплатил брахману долг с процентами, но кредитор отказался выдать ему документ, удостоверяющий это. Факт выплаты долга был удостоверен *махаджанами*¹¹⁶.

¹¹³ *Абхишека* — окропление, центральный элемент обряда царского посвящения.

¹¹⁴ EI, XX, p. 68, no. 6 (Yazdani 1960, I, p. 404–405)

¹¹⁵ ARE, 84 of 1951/52

¹¹⁶ ARM, 1924, p. 38, no. 29

Махаджаны как воины

Существенной частью коллективных усилий любых общин в то время была организация самообороны. Надписи полны упоминаний о битвах брахманов и их слуг с угонщиками скота, с другими нападавшими, в том числе с царскими или княжескими войсками. Примеры столь красноречивы, что хочется привести часть из них. В 986 г. в районе Беллари некий Калига напал на *аграхару* Синдамуге. 120 махаджанов выделяют средства для вознаграждения некоего Баче за его героизм и другому человеку за то, что он убил Калигу¹¹⁷. В 1088/89 г. в районе Дхарвара погибли Джога и Синга, «верные слуги» *уродеи* Девуги, которые героически сражались с некими врагами¹¹⁸. В 1195 г. в районе Кадура погиб, отбивая скот *аграхары* у угонщиков, Мадиг-*гаунда*, сын Мара-*гауды*. Брахманы за это дали ему (? видимо, его отцу) коня, барабан и *кодаге* (т. е. землю на привилегированных условиях)¹¹⁹. В 1342 г. *прабху аграхары* Куруваге по имени Аллала-*гауда* пал в стычке между селениями Куруваге и Наллур¹²⁰.

Трагический, но вместе с тем забавный случай произошел в 1287 г. в районе Кадура. Некий человек был убит, когда он хотел совершить грабеж в *аграхаре* Гудиюхалли-Куруваге и с этой целью проделал дыру в стене (заборе?), по-видимому, ограждавшей это брахманское селение. Тогда жители двух деревень, из которых происходил убитый грабитель, решили за него отомстить и осадили Куруваге. Против них храбро сражался и пал как герой Бачи-*четти*, сын Мандила-Бомми-*четти*. Брахманы дали его жене большой паланкин и балдахин¹²¹. Во-первых, мы видим свидетельство того, что деревни имели иногда стены, т. е. были своего рода городками. Во-вторых, рисуются нравы того времени. Воровать нехорошо, но можно, если нужно. А за своего надо мстить, даже если он неправ. Наконец, очень интересно, что храбро сражался человек из купеческой семьи, которая, очевидно, жила постоянно в деревне и считала ее своей.

Защита жизни и имущества не могла быть в те времена обеспечена официальными властями. Некий Нарага, глава *наду* (неясно, насколько официально было его положение), «разрушал» *аграхары* в этом округе.

¹¹⁷ SH, XVII, no. 118

¹¹⁸ BK, 63, 65 of 1932/33

¹¹⁹ EC, VI, p. 10, no. 47 (~ 1195 г.)

¹²⁰ EC, VI, p. 39, no. 45 (1342 г.)

¹²¹ EC, VI, p. 39, no. 44 (1287 г.)

Не будучи в состоянии выносить эти нападения, жители *аграхар* обратились к наместнику Нарасинге Перммади. Тот выслушал жалобы и обещал защиту: «Я буду в будущем сам править коровами и брахманами, и армией и казной, пехотинцами и ... Нарагой. Я удовлетворю ваше ходатайство». Но Нарага, узнав, что на него пожаловались наместнику, поджог дома тех брахманов, которые ходили жаловаться. И тогда брахманы начали действовать самостоятельно. Сославшись на «приказ Перммади», «они убили Нарагу, его зятя, его детей и всю его семью, его приверженцев и рабов»¹²².

Умиляют, конечно, сведения о личном участии брахманов в сражении, или о героизме какого-нибудь стиральщика или купца. Но есть намеки и на содержание махаджанами профессиональных воинских отрядов. У 1000 *махаджанов* Тиливалли в 1072 г. имелись 1000 *baī ña* («воинов», «героев»), которые служили «чуткими слонами» *махаджанов*¹²³. В 1126 г. один из них пал в битве с угонщиками скота. Его семья получила участок земли в возмещение¹²⁴. В одной из надписей, датированной приблизительно XI–XII вв., из района Шимога термин для охранника в деревне употреблен другой — *далара*. Семье одного из них *махаджаны* предоставили участок сухоходольной и орошаемой земли, освобождение от налога на дом и на семью. Он погиб, но одержал победу над княжескими угонщиками скота и вернул коров, когда Тайлапа Кадамба напал на деревню¹²⁵.

В 1088 г. 200 *махаджанов* Саванура собрались и избрали Мадхусудану (Маддигу) из Парашара-готтры и Ваджи-вамши «защитником пограничного города Саванур», т. е. назначили его своего рода офицером или генералом¹²⁶.

¹²² EC, VI, p. 28, no. 147 (972 г.)

¹²³ ARE, 250 of 1945/46 (KI, II, p. 20–25, no. 8). Г. С. Дикшит, не допуская и мысли, что армии в государстве могут быть и частными, дает этой надписи удивительную интерпретацию. Он понимает ее так, что брахманы имели «некоторый контроль» над правительственными войсками, расположенными в их местности, и идет дальше в придумках, предполагая, что эти войска располагались «в тханах или военных городках» под контролем местных властей. Этот пример ярко показывает способ мышления индийских историков. Надо было, по крайней мере, поинтересоваться, есть ли иные данные о «тханах» или «военных городках» (Dikshit 1964, p. 108).

¹²⁴ KI, II, p. 71–72, no. 17

¹²⁵ ARM, 1923, p. 74, no. 62

¹²⁶ ARE, 64 of 1953/53

Существенно даже не то, что брахманы, как мы видим, отбивали конкретные атаки. Важнее, что аграхары рассматривались, подобно другим деревням, гильдиям и вельможам, как убежища для тех, кто ищет защиты. В надписи 1041/2 г. из Беллари махаджаны селения названы победоносными (*vijaya kirtiñilaru*), доблестными (*mahaprasanda*) и защитниками сдавшихся на их милость¹²⁷. Другие 1000 *махаджанов* в 1088 г. носят эпитеты «защитники беженцев, щедрые дарители... разрушители корней их врагов»¹²⁸. 200 *махаджанов* Манголы были «как алмазное укрытие для тех, кто подчиняется им или ищет убежища у них»¹²⁹. Эти претензии на сюзеренные права и возможности со стороны общины весьма характерны для феодального менталитета.

Махаджаны и торговые слои

Материал Карнатаки удивляет отсутствием социальных (сословных) перегородок между слоями деревенскими и городскими, землевладельческими и торговыми. Большое число надписей говорят о совместных действиях землевладельцев, общинных властей с торговцами — индивидуальными и корпоративными. Выше мы употребляли термин *оккалу* как означающий деревенское собрание. Однако, как мы увидим в главе о торговых гильдиях, этот термин сохранял и изначальное значение «сэмы», и в этом смысле применялся также и к ремесленным и торговым объединениям. Точно так же термин *махаджаны*, обозначая, как правило, орган самоуправления в аграхаре, не утратил и более широкого смысла — «большие люди», и в этом значении мог употребляться в отношении общин торговцев. Например, в правление Амогхаварши I (814/5–877/8) опекать дарение берутся 6 *гамунда* и 25 *махаджана-баланджиги*¹³⁰, т. е. деревенская верхушка и группа купцов. В 1126 г. ту же задачу берутся выполнять 200 *махаджанов* и *дони*-1000 («лодочники» — то ли изготовители лодок, то ли перевозчики товаров по воде)¹³¹.

¹²⁷ ARE, 501 of 1914 (SII, IX, I, p. 65)

¹²⁸ KI, IV, p. 71–73, no. 32. См. также: ARE, 213 of 1918 (SII, IX, I, no. 165) (1099 г. Беллари)

¹²⁹ ARE, 122 of 1913 (SII, IX, I, no. 195) (1116 г., Гунтур). См. также: ARE, 213 of 1918; SII, IX, I, no. 165) (1099 г., Беллари)

¹³⁰ ARE, 698 of 1920 (SII, IX, I, no. 54).

¹³¹ ARE, 213 of 1918 (SII, IX, I, no. 165) (1099 г., Беллари)

В одной из надписей из Маддур (Майсур) говорится, что *махаджаны* этого селения были так довольны работой медника Мамбоджи, что дали ему свободный от налогов участок земли с правом пользоваться им ему и его однокастникам¹³².

Брахманы получали право взимать пошлины в свою пользу с проживающих в *аграхаре* ремесленников, а также с проезжающих купцов. Право на эти пошлины нередко дарилось храмам. В этом случае сделка оформлялась как совместный дар *махаджанов* и соответствующих профессиональных объединений, например, *tî tîga, konekââa, telliga* (последние — маслобойщики), *ugura-300* (собиратели бетелевого листа) и других¹³³. В 1092 г. около Читапура 400 *махаджанов* и «все местные горожане» (*alliya samasta-nakaramum*), возглавляемые вельможей с пышными титулами (*маханпрадхана раджадхьякша кадитаверггаде каннада-сандхивиграхи данданаяка*)¹³⁴, дали храму пошлины с товаров (тканей и орехов арека) местных купцов и приезжих¹³⁵.

Совместные дарения земли и других материальных ценностей *махаджанами* и городскими собраниями (*накара*) также нередки¹³⁶.

Как уже говорилось, старосты брахманских деревень иногда происходили из купеческих семей. Торговцы жили в деревнях и даже принимали участие в сражениях против врагов деревни.

Аграхары и управленческий аппарат

Не было барьера и между брахманскими землевладельцами и высшими слоями общества — чиновниками и магнатами.

Уже говорилось, что *аграхары* иногда выступали как объект управления. Чиновникам (или наместникам), а также и иным вассалам и их женам, раздавались в управлении не только округа и области, но и *аграхары*.

¹³² ЕС, IV, р. 30, no. 38 (1336 г.)

¹³³ ARE, 118 of 1913 (SII, IX, I, no. 141) (1079 и 1136 гг., Беллари); BK, 122 of 1926/27 (SII, XI, II, no. 133) (1087 г.); BK, 78 of 1926/27 (SII, XI, II, no. 145) (1098/99 г., Дхарвар); ARE, 213 of 1918 (SII, IX, I, no. 165) (1099 г., Беллари); BK, 33 of 1932/33 (1233 г., Дхарвар); BK, 58 of 1927 (SII, XV, no. 176) (1236 г.)

¹³⁴ Расшифровка этих терминов не сложна, но бессмысленна, потому что неизвестно, какие именно должности или статусы они обозначали. Об этом будет подробнее сказано в главе об административном аппарате.

¹³⁵ HAS, no. 8, р. 4, no. 3 (Yazdani, 1960, I, р. 408)

¹³⁶ SII, XV, no. 31 (1146 г., Дхарвар)

В качестве единицы управления в пределах Белволе-300 встречается выражение «восемнадцать аграхар» (*padineî ò-agrahàra*, или *hadineî ò-agrahàra*)¹³⁷. Это понятие с большей точностью не локализовано. Число 18, как мы уже знаем, не обязательно принимать за «чистую монету». Некий конгломерат аграхар, не обязательно расположенных рядом, иногда выделялся в качестве лена (феода).

Отдельные аграхары тоже могли входить, конечно, в «феоды» (*маннея*), и владельцы таких феодалов (тоже называвшиеся *маннея*) несли определенную ответственность за состояние дел в подведомственной аграхаре. Например, в 1054 г. *махаджаны* Тамрагунди (район Дхарвара) обязуются опекать дарение. При этом говорится, что если они по каким-то причинам не смогут защитить права получателя дара, то их защитит *маннея* этой *аграхары*¹³⁸. Надписи сообщают много примеров, когда *маннея* совершают дарения или улучшения в подведомственных им аграхарах¹³⁹.

Но попал в эпиграфику и случай противоположного рода. *Маннея* Боппая а аграхаре Гандарадитьянахолал (Холалу) грабил подведомственную ему деревню и убивал брахманов, которых он должен был защищать. Брахманы пожаловались Викрамадитье VI. Тот «наказал» преступника (по смыслу, может быть, даже выпорол) и приказал «взять у Боппая клятву отказаться от *маннея* от имени себя и от имени своих наследников». Боппая поклялся в присутствии людей из окрестных селений и, выпив воды в храме, приказал выбить всю эту историю в камне¹⁴⁰.

Принимались и «превентивные меры» по защите брахманов от угнетения. Надпись примерно X в. из Ю. Канары предупреждает: «Когда царские люди входят в деревню, то если они унесут охапку соломы или если они возьмут что-нибудь силой, они достойны смерти». В то же время *аграхара* может временно защитить бежавшего от правосудия человека: «Кто совершит какое-нибудь преступление, если он придет в деревню и вступит [в нее], должен быть защищен в течение трех дней и, после освобождения от всех взысканий, отослан прочь»¹⁴¹.

¹³⁷ IA, XII, р. 47

¹³⁸ SII, XI, I, no. 92

¹³⁹ SII, XI, II, no. 174 (1124 г.); no. 136

¹⁴⁰ SII, XI, I, no. 169

¹⁴¹ EI, XXIX, р. 209, no. 29

В 1124 г. аграхарой управлял Суригея Пермадияраса, имевший придворные чины — *махаматья* и *антахпурадхьякша* (*antahpurādhyakṣa*)¹⁴².

Аграхарой Нидугунди в 1076 г. управляла Суггаладеви, дочь Ахавамалладевы и сестра правящего Сомешвары II Чалукья. *Махаджаны* платили ей 500 *гадьян*¹⁴³.

Аграхара Мангола в Гунтуре в 1116 г. находилась под управлением Падмаладеви, жены Викрамадитьи VI. 200 *махаджанов* обращаются к ней с просьбой помочь им материально, чтобы они могли отправлять культ Нарасимхадевы. Она приказывает выделить некоторый участок земли, а некий Пулияма-*наяка*, по-видимому, ее подчиненный, этот приказ выполняет. Мы видим здесь серьезную степень зависимости. А, между тем, это те самые *махаджаны*, которые заявляют, что они — «как алмазное укрытие для тех, кто подчиняется им или ищет убежища у них»¹⁴⁴.

Даже если такого сюзерена не было, все равно его можно было (видимо, нужно!) придумать. Так, во времена Викрамадитьи VI (1076–1126) аграхара Соратур «управлялась» богиней Махалакшми и 200 *махаджанами*¹⁴⁵.

В государстве Ядавов старосты брахманских поселений довольно регулярно называются *хеггаде* (*перггаде*). Этот термин применялся в Карнатаке как самое общее наименование государственного служащего. Его функции, как мы увидим в главе о государственном аппарате, невозможно определить, поскольку они были крайне разнообразны. Но в данном случае, в Северной Карнатаке в XIII в., термин применялся явно к руководителю брахманской общины. В 1251 г. 400 *махаджанов* из Хавери и *махамандалешвара* Харппанадева назначили на должность *хеггаде* селения Каббуру некоего *сенабову* (писца) Лаки-*четти*¹⁴⁶, т. е. выходца из купеческой семьи. В 1259 г. *махаджаны аграхары* Хавари предоставляют землю и усадьбу «их слуге Муддада Чанди-*шетти* как *heggaṇike* (жалование за исполнение функций *хеггаде*) деревни Алур¹⁴⁷. В данном случае тоже выбор падает на некоего

¹⁴² ВК, 86 of 1927/28 (SII, XI, II, no. 174)

¹⁴³ ВК, 202 of 1926/27 (SII, XI, I, no. 117)

¹⁴⁴ ARE, 122 of 1913 (SII, IX, I, no. 195)

¹⁴⁵ ВК, 76 of 1926/27 (SII, XV, no. 10)

¹⁴⁶ ВК, 118 of 1932/33

¹⁴⁷ ВК, 106 of 1932/33

четти. В 1261 г. 300 из Кудиккура и *хеггаде* этой деревни установили, какой налог эта деревня будет платить¹⁴⁸.

Наконец, члены общины *махаджанов*, не порывая с ней, становились знатными людьми (*араса, наяка*)¹⁴⁹. Служащие аппарата часто называют себя «любимыми сыновьями» того или иного количества *махаджанов*¹⁵⁰. По всей вероятности, это надо понимать так, что чиновник гордится своим происхождением из аграхары. В 1162 г. приводится генеалогия из 5 поколений *перггаде* Дасираджи. Причем упоминается, что часть его родственников живет в пригороде данной аграхары¹⁵¹.

Таким образом, *аграхары* в Карнатаке находились в значительной зависимости от властей или официальных лиц. Пожалуй, нельзя назвать их автономными организациями.

¹⁴⁸ ARE, 370 of 1927 (SII, IX, I, no. 395 (Ю. Канара)

¹⁴⁹ ARE, 503 of 1915 (SII, IX, I, p. 258–259) (1148 г., Беллари)

¹⁵⁰ ВК, 81 of 1929/30 (SII, XV, no. 113) (1170 г., Биджапур); ВК, 54 of 1926/27 (SII, XV, no. 48) (1152, Дхарвар); 40 of 1926/27 (SII, XV, no. 60) (1184 г., Дхарвар)

¹⁵¹ KI, I, p. 53–57

Глава 18

Городская община

Города также имели самоуправление. Оно не слишком отличалось по функциям от сельских собраний, но осознавалось как особый институт.

Основание городов

Деревни иногда превращались в города, если в них начинали проходить регулярные ярмарки, и они получали некую грамоту, удостоверяющую их новый статус. Так, в правление Нарасимхи III Хойсала (1254—1291) «*прабху* и жители Могуру согласились в том, чтобы превратить свою деревню в город и учредить ежегодную ярмарку и издать соответствующую грамоту. Те, кто построит дома в городе, освобождаются от налогов на первый год, а если это новые пришельцы — то на два года»¹.

Махаджаны Упендрапуры (округ Майсур) решили построить на участке суходольной земли новый город Упендрапаттана. 6 домов площадью 12 на 20 локтей выделяются для *paṇḍai asvami*. Еще два поменьше — 6 на 20 локтей — для некоего Масы Бираны. Эти 8 домов предоставляются без арендной платы. Остальные дома освобождаются от платы только на три года, после чего с них начинают взиматься некоторые сборы².

Иногда сообщается, по чьей именно инициативе возникает город, и такой активный человек получает некоторое возмещение своих усилий. Например, в 1319 г. учредил город Чандимадилахалли и ярмарку в нем некий Рамалинга-*бхатта* (т. е. брахман), за что получил дарения

от главы Теллинаду и ее жителей³. Санкция властей в таких случаях была необязательна.

Но власти тоже, конечно, выступали в качестве инициаторов появления новых городов. В 1074 г. территория вокруг джайнского храма в Пулигере была превращена в *pura* (т. е. «город») наместником в Пулигере-300, носившим титул *raṣṭrakuta*, по просьбе некоего брахмана⁴. В 1318 г. два *четти* получают санкцию на превращение деревни в *nāṇāḍāṇipadaī a* («город торговцев из разных стран») ⁵.

Первое документальное свидетельство о городском самоуправлении относится к VI в. Удьявара назван городом (*naḡara*), которым управляют «сорок семей-горожан» (*nakara-deṣṭattokkalu*)⁶.

Дикшит считает, что первоначально члены городского собрания в Ю. Канаре носили общее с сельскими жителями наименование *оккалу*. Но в XII в. они стали называться *nakara* (*nagara*) или *nakara samōha*⁷, или даже просто *samōha* («все, община») ⁸. Городское собрание Дхармаволала носило гордое наименование *mahānagaram*⁹.

Количество городов в Карнатаке и, соответственно, их роль в экономике и социальной жизни, увеличивалась. По подсчетам Ом Пракаша Прасада, если в VII в. этом регионе существовало 17 городов, то в VIII в. уже 21, в IX — более 25, в X — 42, в XI — более 78, а в XII — более 120-ти¹⁰. Пракаш подразделяет учтенные им города на административные, религиозные и коммерческие центры. Он не сообщает критерии, по которым производит это деление, но, во всяком случае, ясно, что исследуемый период отмечен прогрессирующим развитием городской жизни.

³ EC, IX, p. 138, no. 12 (1319 г.)

⁴ BK, 29 of 1935/36

⁵ EC, IX, p. 146, no. 73 (1318 г.); см. также ARE, 242 of 1913; EC, IX, p. 145, no. 71 (1331 г.)

⁶ ARE, 96, 99 of 1901 (SII, VII, no. 279; Saletore 1936, p. 176). Возможно, это еще один отзвук традиции «Артхашастры». Именно там предписывается, чтобы кварталами города управляли «сорок семейств» (КА, II.36.2; III.9.1—3; III.20.15)

⁷ ARE, 100 of 1901 (SII, VII, no. 284; Dikshit, 1960, p. 63); EC, VIII, p. 17—18, no. 135 (1217 г.); SII, XI, II, no. 179

⁸ Corpus 1958, no. 7

⁹ SII, XI, II, no. 175

¹⁰ Prasad 1977, p. 151—152

¹ ARM. 1912, p. 45

² EC, IV, p. 31, no. 39 (1328 г.)

Органы управления и самоуправления городов

Накара каннадигских надписей, конечно, имеет полную аналогию с *нагараттарами* в Тамилнаду. Но, в отличие от последних, в Карнатаке совет, называвшийся недвусмысленно «городским», обычно не является единственным органом власти в городе. Даже в Айхоле, который, как мы знаем, был штаб-квартирой могущественной торговой корпорации *аяволе*, делами города руководили не только 500 *свами* (орган гильдии), но и 8 *накара* и 120 *urāṇ*¹¹. Дикшит отмечает, что «можно только удивляться широкому разнообразию городских организаций»¹².

Имелась категория городов, которые носили название *baīaējuraḍḍaīa* (*vaḍḍaīa*) — «купеческий город»¹³. Возможно, в этих городах располагалась лишь одна купеческая община.

Но большей частью городское собрание действует в связке с другими общинами. Например, Баллигаве (район Шимоги) в 685 г., когда он впервые упоминается в надписях, управлялся *pārvarum prajeyam*, т. е. «брахманами и жителями»¹⁴. В 1080 г. это уже большой город во главе с *нагара* и *паттанасвами*¹⁵. В 1094 г. он уже называется «великим городом» (*маханаттанам*), имеет троих *паттанасвами*, *saudore* Биттимаю, господина *наду* (*nāāsavāmi*) Шанкарая, писца (*sānabīva*) тоже по имени Шанкарая, и некоего распорядителя (управляющего делами? — *maīigāra*) Наги-*четти*, а городское собрание включает представителей ряда корпораций, таких как *аяволе* и *муммуриданда*¹⁶. Через 4 года те же лица занимают должности *паттанасвами*, *манигару* и *саудоре*. Но появляются новые «должностные лица»: *togara* Мачи-*четти*, *mōliga* Хоннеяджия, и *mīīāa-guddali* Неми-*четти*¹⁷. Еще через 15 лет, в 1113 г., в городское собрание включаются жрецы *панчаматхи* и ряда других *матх*, а также жители трех *пура* (видимо, пригородов)¹⁸. В 1131 и 1181 гг. упомянуты только два *раḍḍanaṭṭeṇṇi* (наверное, то же, что и *паттанасвами*)¹⁹. В 1160 г. «горожане» лишь упоминаются

¹¹ ВК, 289 of 1927/28; IA, VIII, p. 286

¹² Dikshit 1964, p. 145

¹³ IA, XIV, p. 25; ARE, 96 of 1901 (SII, VII, no. 279)

¹⁴ EC, VII, p. 109, no. 154

¹⁵ EC, VII, p. 82, no. 111 (~ 1080 г.)

¹⁶ EC, VII, p. 61, no. 94 (1094 г.)

¹⁷ EC, VII, p. 79, no. 106 (1098 г.)

¹⁸ EC, VII, p. 65–67, no. 99 (1115 г.)

¹⁹ EC, VII, p. 88–91, no. 119; p. 101, no. 133. *Четти* было обыкновенным обозначением человека из мира торговцев, но оно же имело значение некоей долж-

как свидетели, когда *taḥāra* (стражник) этого города дарит храму часть жалованья, которое он получает за исполнение своих обязанностей²⁰. Наконец, в 1199 г. надпись упоминает только Хириямму, который имеет статус *хеггаде* и должность *адхикари* города Баллигаве (Белгами)²¹.

Конечно, данных не так много, чтобы делать твердые выводы о судьбе этого города. Многие из встречающихся терминов непонятны. Но все же возникает впечатление, что в отношении развития общественных организаций город пережил периоды расцвета и упадка. Из селения, где бурлила общественная жизнь, он стал одной из единиц административного управления.

В одном из городов в 1109 г. совместное дарение осуществляют 8 *гавунд*, *накара-самуха* («весь город»; их «всех» насчитывается 500), 60 *оккалу*, *дони-1000* и *угура-300*. Каждое из этих объединений дарит то, что может: 60 *оккалу* — сад, 1 *пану* с каждого плуга и 1 *пану* с сада; 500 *накара* — часть ренты, которую они получают с земель и с лавок и пошлины с товаров; *дони* дарят 1 *пану* с каждой *дони* (лодки?), *угура* — 1 *пану* с каждого *eīi* (?)²².

Познакомимся с историей еще одного важного центра административной и экономической жизни — городом Талакаду. Самоуправление в нем зафиксировано в 933 г. *Маханагара* Талакаду, *raḍḍana-vasantara* (еще один вариант «мэра города»?) Манчая и «25» заплатили за ремонт водоема²³. Но через два с половиной столетия, в 1180 г. Вира Баллала II назначил некоего *стхананати* править городом, а также 7-ю *пурами* и 5-ю *матхами*. Город управлялся *стхананати* до конца XIV века²⁴. Между 1290 и 1337 гг. их сменилось 4 человека. *Стхананати* — весьма редкий термин для административного управляющего. Чаше это настоятель храма.

Сунди был главным городом Касукаду-70. Его тоже называют *раджаджани*, столицей, хотя это был сравнительно небольшим город. В его составе было поселение брахманов — *брахманури*, которое управлялось отдельно *махаджанами*. Остальной город

ности в городе, вероятно, синонимом *паттанасвами*. Так, один из торговцев, Джакки-*четти*, имел должность *ceṭṭana* г. Кодиябиду (ВК, 3 of 1932/33).

²⁰ EC, VII, p. 108, no. 146 (1160 г.)

²¹ ARM, 1911, p. 46

²² ВК, 66 of 1926/27 (SII, XI, II, no. 158)

²³ ARM, 1911/12, p. 37

²⁴ EC, III, p. 66–67, no. 83, 99, 104, 107; ARM, 1917, p. 47; 1920. p. 35

в 1010 г. находился под руководством 6 *гаунд* и 8 *четти*²⁵. Через 40 лет, в 1050 г., власти города состояли из 8 *четти* и 80 *оккалу*²⁶. Изменения в составе руководящих органов, может быть, объясняется тем, что город был разрушен в результате нашествия Чолов, и теперь восстанавливался. Наместник округа Кисукаду-70 приказывает построить дома в селении Карагамбаду, отменить на два года всякие налоги с них, после чего взимать по 18 золотых *гадьян* с дома. Если будет украдена какая-либо собственность, *àra-taëara* (вариант стражника) должен либо найти украденное, либо возместить его стоимость. Той же грамотой устанавливаются ставки различных штрафов за правонарушения.

В 1075 и в 1084 гг. снова во главе города 6 *гаунд* и 8 *четти*²⁷.

Несколько раз попадает в надписи и городок Мулугунда в округе Дхарвар. В 902 г. им управляют 120 *нагара-махаджанов*²⁸. В 1062 г. эти 120 *махаджанов* — лишь одна из руководящих организаций. Они входят в «300 из первоначального города» (*àdi-paṭṭana*). Наряду с *махаджанами* в те же «300» включены *гавунды*, 50 *sàliga* (ткачей), 120 *telliga* (торговцев растительным маслом) и 52 изготовителя гирлянд, а также *панча-матха*²⁹. В городе имеется, кроме того, брахманский квартал (*брахматури*), которым управляют 1000 *махаджанов*³⁰.

Пулигере (современный Лакшмешвар, район Дхарвара) тоже назывался столицей — *раджадхани* — одноименного округа. В 725 г. властями в нем были царские люди (*раджапуруша*), городской совет (*нагара*), *махаджаны* и простые люди (*prakṛti*)³¹. Около 1111 г. тут распоряжаются *нагара-махаджаны* и *гаунды*³². В этом городе тоже был брахманский квартал³³.

Шравана Белгола имела статус *дхармастхалы*, религиозного центра джайнов. Поэтому ее управление имело свои особенности. Во главе находился *ачарья* (духовный руководитель, наставник). В 1206 г. он в присутствии Рамадевы-*наяка*, который занимал должность главного казначея (*māi ikya bhaī āari*) у сына хойсальского царя,

²⁵ EI, XV, p. 76–77, no. 6–C

²⁶ EI, XV, p. 79, no. 6–D

²⁷ EI, XV, p. 99–100, no. 6–H

²⁸ EI, XIII, p. 190, no. 15–K

²⁹ SII, XI, I, no. 97

³⁰ SII, XI, I, no. 64

³¹ EI, XIV, p. 190, no. 14

³² ВК, 2 of 1935/36

³³ ВК, 15, 29 of 1935/36

издал постановление, регулирующее сбор налогов с жителей города³⁴. В 1250 г. человек, занимающий этот пост, носит еще более пышный титул: *mahāmaī ālācārya paī āita-dāva*. Обращает на себя внимание крайне необычный титул *махамандаalachарья*, несомненно, синтез *ачарьи* и *махамандаleshвары*. Этот титул должен был подчеркнуть соединение в одних руках как административной, так и духовной власти. Но наряду с духовно-административным главой в том же городе действуют *паттанасвами*, *нагара* и *гауда*³⁵.

Бидире, современный Мудабидаре в дистрикте Юж. Канара, тоже был центром паломничества джайнов, но статуса *дхармастхалы* не имел. В надписи времен Хойсалов говорится, что этот город имел 8 *mānisa ceṭṭikāra*, 4 *eṣame* (?) и общее собрание (*халару*)³⁶. Первый из этих терминов поддается предварительному пониманию, поскольку в других надписях из того же места он имеет синонимы: *praje ceṭṭikāra* и *maī āi ceṭṭikāra*³⁷. Первый из них включает слово «народ», второй — слово «рынок». Напрашивается современное выражение «люди базара». А так как их немного, всего 8, то это, скорее всего, «вожди людей базара».

В Нараянгале руководящими органами были «шестнадцать» и «восемнадцать»³⁸. Для современников все было ясно, мы же должны строить предположения, кто скрывался под этими числами. Предположение Г. С. Дикшита вполне правдоподобно: «16» — это «16 *четти*», т. е. орган самоуправления купеческого слоя городского населения³⁹, а «18» — это «18 каст», т. е. обозначения жителей города — членов ремесленных и других каст⁴⁰.

Заявления о том, что в принятии решения участвовали «все», конечно, не следует понимать буквально. Реально делами города распоряжались, скорее всего, несколько лиц, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры.

³⁴ ЕС, II, p. 140–141, no. 333

³⁵ ЕС, II, p. 169–170, no. 397; p. 171, no. 407

³⁶ SII, VII, no. 213

³⁷ SII, VII, no. 209 (1476 г.); no. 210 (1571 г.)

³⁸ SII, XI, I, no. 38

³⁹ «16 *четти*» распоряжаются в 1055 г. в Банкаруре (KI, I, p. 24), и в 1059 г. — в Дхармавалале (SII, XI, I, no. 94)

⁴⁰ Dikshit 1964, p. 154

Количество «мэров» городов (*паттанасвами*) могло быть различным: два, три⁴¹, четыре⁴². В некоторых, видимо, крупных городах своего *паттанасвами* имела каждая улица⁴³.

Наиболее важный вопрос для нас: насколько автономным было городское самоуправление. *Паттанасвами* часто становится тот человек, который основывает или предлагает основать город. Он, как правило, стоит во главе некоего коллективного органа, эту должность занимают лица с титулом *четти*, т. е. выходцы из торговой среды. Он «глава всей *нагары* (т. е. городского собрания)» (*paṭṭaī asvāmi mukhyavāgi samasta nagarangaṁ*)⁴⁴. Мы можем считать, что данный термин означает представителя именно горожан. Сведения о наследовании этой должности не очень убедительны. Например, в Баллигаве жил некто Мечи-*четти*, дед которого, тоже Мечи-*четти*, получил должность *паттанасави*⁴⁵. Вместе с тем, должность эта доставалась, видимо, члену знатной купеческой семьи, которая была известна за пределами конкретного города. Так, примерно в 1142 г. *паттанасвами* в Халебиде и в Дварасамудре были родные братья⁴⁶.

Можно предположить, что передача этой должности происходила путем процедуры, напоминавшей выборы. Все это можно воспринять как свидетельства определенной самостоятельности городского головы. Но он одновременно и «украшение лица горожан», и «находящийся у ног Вира Шанкарадевы», вассала Зап. Чалукьев⁴⁷. Степень его самостоятельности остается неясной.

Но от имени города выступают и другие лица, которые обладают авторитетом, скорее всего, иного рода, а именно проистекающим из назначения сверху. Г. С. Дикшит приводит сводку терминов, обозначавших такого назначенца. Это *наяка*⁴⁸, *пурапати*⁴⁹, *пурада перггаде*⁵⁰,

⁴¹ ЕС, VII, р. 80–81, no. 108 (~ 1164 г.)

⁴² ARM. 1920, р. 35

⁴³ ЕС, IV, р. 18, no. 137 (1317 г.)

⁴⁴ ЕС, VII, р. 70, no. 106 (1098 г.)

⁴⁵ ЕС, VII, р. 65–67, no. 99 (1113 г.). О семье, в которой родился нынешний *паттанасвами*, см. также ЕС, IV, р. 130, no. 70 (1178 г.)

⁴⁶ ЕС, VI, р. 19, no. 102 (~ 1141 г.)

⁴⁷ Так надпись характеризует *паттанасвами* Ноккаю из Помбуччи в 1062 г. (ЕС, VIII, р. 153–154, no. 57) (~ 1077 г.)

⁴⁸ ARE, 102 of 1901 (время династии Алюпа, VII–IX вв.)

⁴⁹ EI, III, р. 274, no. 37 (997 г.)

⁵⁰ EI, XIII, р. 172, no. 14 (1055 г.)

*нагара перггаде*⁵¹, *паттанада хеггаде*⁵², *нагарапати*⁵³, *полала-прадхана* (*poḷāla pradhāna*)⁵⁴ *полала-хеггаде* (*poḷāla heggaāe*)⁵⁵, *паттана-верггаде*⁵⁶, *нагара-прадхана*⁵⁷. Эти термины скорее указывают на то, что управление городом находилось в руках централизованной бюрократии.

Однако и выборные, и назначенные власти в какой-то мере действовали и в интересах горожан. «Власти (*prabhugaē*) города для жителей все равно, что бивни для слона», — говорится в одной из надписей⁵⁸.

«Городское право»

Города имели свой «свод законов» (*nagara-samudāya-dharmmam*)⁵⁹, некоторые положения которых выявляются из надписей.

В VIII в. Теджаварман из семьи Харишчандра освободил от пошлин купцов Самагирипаттана по всему своему княжеству. Эта же надпись сообщает правила поведения, выработанные, очевидно, купцами самими для себя. Их собственность в случае отсутствия мужского потомства не отходит государству. Они не платят налог на разделение большой семьи. Они не должны предоставлять жилье и питание государственным служащим. Городской совет взимает штраф в 108 рупий в случае сожительства купца с носильщицей. Если кто-нибудь будет застигнут с чужой женой, то «8 или 16» старейшин города должны решить вопрос о наказании⁶⁰.

В 709/10 г. «купцы-горожане» города Джаяпуры (*Jayapura-vāī iā-nāgarasya*) (район Насика) получили от наместника области Конкана-14 000 компенсацию в 100 рупий за то, что часть их земель была преобразована в пастбище. В другой надписи того же года он

⁵¹ EI, XV, р. 32, no. 3-B (1189 г.)

⁵² Вариант этого титула — *paṭṭana-verggaāe* (BK, 199 of 1928/29 (SII, р. 130, no. 102) (1162 г., Дхарвар)

⁵³ IA, IX, р. 33–35 (1094 г.)

⁵⁴ Около 1100 г. Dikshit 1964, р. 155

⁵⁵ SII, IX, I, no. 395 (1261 г.)

⁵⁶ BK, 199 of 1928/29 (1162 г.)

⁵⁷ Около 1233–1254 гг. (Dikshit 1964, р. 156)

⁵⁸ ЕС, VII, р. 67–68, no. 100 (1129 г.)

⁵⁹ IA, XII, р. 222 (911/12 г.)

⁶⁰ EI, XXV, р. 225–238, no. 22-B

доверяет этой городской общине управлять храмом и освобождает их от налогов⁶¹.

Правила поведения горожан устанавливаются в том же VIII в. и в другом конце царства Чалукьев. В 725 г. в районе Дхарвара *юва-раджа* Викрамадитья II правил округом Пулигере. В главном городе этого округа упоминаются 300 *оккалу* и *над-гамунда* (*mónórvvarum okkaluī nàægāmuī āanum*). *Ювараджа* издал правила (*ācāra vyavasthe*) для брахманов, горожан и 18 профессиональных каст (*Porigēāeyā mahājanakkuī nagarakkuī padineī ūī prakṭigaluī*)⁶². Согласно уложению, царские люди (*rājapurūṣar*) обязаны опекать пустующие дома, царские дарения, следить за исполнением царских указов, собирать свидетельства добрых людей, следить за соблюдением установленных обычаев (*maryāde*), за сохранностью медных табличек (на которых записаны дарения), обеспечивать непрерывность владения [имуществом] и «жизненность пяти дхарм»(?). Сфера городского самоуправления включает право осуществлять правосудие в своей среде, путем наложение пеней и штрафов. «Все они должны платиться общине в месяц *картика* (октябрь-ноябрь)». Еще одна часть наставления относится к обязанностям отдельных гильдий, но эта часть надписи повреждена, так что не получается понять детали.

В грамоте о правах горожан от 1050 г., выданной общим собранием чиновников феода, состоявшего в этот момент из Касукаду-70, Торугара-60 и Масавати-140, определяются не только размеры налога с горожан (18 золотых *гадьян*), но и такие любопытные правила, как: «Если что-либо потеряно в пределах города, это должен возместить *arataāā*»; «Проступок отца не должен падать на сына, а проступок сына — на отца»; «Если кто-либо ударит [оружием] вора, грабителя, взломщика, врага, человека с дурными намерениями в лавке, под навесом, на веранде — [с него полагается штраф], но [на нем] нет вины. Штраф на ударившего — 3 золотых *гадьяны*. Если ударяет рукой [без оружия], штраф ...» (обрыв текста)⁶³.

В этой надписи содержится фраза, недвусмысленно говорящая о том, что городское право (в тогдашнем понимании) отличалось от общегосударственного (или сельского): «устав для 8 *четти* не должен применяться в *наду*, а устав *наду* — к этим 8» (*seṇṇiyara*

⁶¹ EI, XXV, p. 226–227, 233, no. 22-A

⁶² EI, XIV, p. 188–191, no. 14

⁶³ EI, XV, p. 77–80, no. 6-D

maryāde nāḥ-illa nāā maryādey-eī bargg-illa)⁶⁴. К сожалению, подобных утверждений в других надписях не встречается, так что нельзя утверждать, что правовые отличия города и деревни были общей практикой.

Функции городских общин

Городские общины никак не отличались от других общин — шудрянских и брахманских — по своим возможностям. Они договаривались с властями о размерах платежей в казну (которые иногда устанавливались как некая фиксированная сумма золотых монет, а иногда как перечень пошлин на товары, продающиеся в городе). Викрамадитья II, будучи уже государем (733–743/44), устанавливает размеры пошлин на товары, но не единоличным указом, а по соглашению с советом города, возглавляемого *махаджанами* (*initum rājā-ūrāvitam mahājanamuī -nakara-ūrāvitai*)⁶⁵.

В 1261 г. чиновники и горожане приходят к соглашению, что с города Кудикра будет взиматься 180 *гадьян* (видимо, в год)⁶⁶. В следующем году другой город по соседству, Кундапур, обязуется платить местному царьку из династии Алула 140 *гадьян*⁶⁷.

Некоторые налоги шли в казну города, например, налог на дома⁶⁸. Некоторые дома в городе освобождались от этого налога — дома учителя, управляющего храмом и сторожа⁶⁹. Упоминается также налог на лавки⁷⁰.

Горожане устанавливали также пошлины в свою пользу. В одной из ранних надписей периода Алулов двум городам в Южной Канаре и Шимоге дается право удерживать у себя половину пошлин с товаров, перевозимых как по морю, так и по суше⁷¹. Случаи дарений горожанами пошлин храмам слишком многочисленны, чтобы их приводить. В таких случаях неясно, отчуждают ли они часть пошлин,

⁶⁴ EI, XV, p. 79

⁶⁵ IA, VIII, p. 286

⁶⁶ SII, IX, I, no. 395 (Юж. Канара)

⁶⁷ SII, IX, I, no. 396

⁶⁸ ARE, 204, 236 of 1946/47 (обе — 1053 г., Дхарвар); EI, XV, p. 80–83, no. 6-E(1) (1050 г.)

⁶⁹ EC, X, p. 86–87, no 49-a (1072 г., Мулбагал)

⁷⁰ EI, XIII, p. 15–27, no. 3-A (1204 г., Белгаум)

⁷¹ ARE, 97, 98 of 1901 (EI, IX, p. 22–24, no. 3 –VI–VIII) (~750–770 гг.)

которые раньше получали сами, или же учреждают дополнительное самообложение.

Накара берут вклады, обязуясь на проценты с них, например, кормить аскетов и студентов в *матхе*⁷².

Города, как и в Тамилнаду, коллективно владели разнообразными землями, очевидно, сдавая их в аренду. В 1144/45 г. упоминается «обработанное поле 104 купцов, во главе с *уродеей* Умачиге»⁷³. Эту землю⁷⁴, а также движимое имущество⁷⁵ они могли дарить храмам.

Накара нередко выступает как свидетель дарений⁷⁶, а также как опекун дара⁷⁷.

Из хозяйственных функций *накара* в надписях упоминаются работы по снабжению города питьевой водой путем строительства каналов и колодцев⁷⁸, сооружение прудов (*aravaṇṇige*) для отдыха путников на их берегах⁷⁹.

Не уступали горожане другим общинам в воинственности и готовности отстаивать свои права. 16 *четти* из Дамбала, образовывавшие руководящий орган этого города, говорят о себе, что они «облагорожены величием зонтика и опахала и указами, которые они приобрели благодаря милости прославленного Джагадекамаллы» (т. е. Джаясимхи II Чалуки, 1015–1042). Они добры к ученым людям и служат поддержкой хорошим людям, «смелые в бою, поддержка для жителей многих стран»⁸⁰. Есть и конкретные примеры защиты, оказывавшейся горожанами: в 1064 г. они взяли под защиту шиваитский религиозный центр *kālamukha-sthāna*⁸¹.

⁷² BK, 70 of 1940/41. 1939/43 (1053 г., Белгаум)

⁷³ JBBRAS, XI, p. 257–258

⁷⁴ SII, XV, no. 31 (1146 г., Дхарвар): ARE, 224 of 1918 (SII, IX, I, no. 380) (1282 г., Беллари)

⁷⁵ BK, 90 of 1932/33 (1228 г., Дхарвар)

⁷⁶ ARE, 35 of 1904 (SII, IX, I, p. 112)

⁷⁷ EI, XV, p. 94–95, no. 6-G

⁷⁸ ARM, 1911, p. 51 (1300 г.); SII, IX, I, no. 131 (время Сомешвары I, 1042–1068), no. 116 (1055 г.); BK, 12 of 1935/36 (1082 г.); EI, XVIII, p. 212 (1162 г.)

⁷⁹ EC, VII, p. 100, no. 131 (1107 г.); SII, XI, II, no. 196

⁸⁰ IA, X, p. 185

⁸¹ SII, XI, I, p. 126 (Yazdani, 1960, I, p. 407). Каламукха («Чернолицые») — шиваитская секта, существовавшая примерно в VII–X вв. Их тексты не сохранились, они известны лишь по косвенным данным в других источниках. Отличались экстравагантным поведением: ели из человеческих черепов, обмазывали себя пеплом от погребальных костров, носили дубинки и рваную одежду.

Жители Баллигаве в 1129 г. давали себе следующую характеристику: «Гостеприимные к приходящим, единые в речи, источник благоразумия, обитель *дхармы*, аудитория для выступлений прекрасных поэтов, сокровищница чести, исполнители чистого служения Хари, Харе, Панкаджасане (Брахме), Джине и другим богам, — кто на этой земле, окруженной морем⁸², может сравниться с жителями Баллигаве? Так как дарениями преходящих вещей нельзя достичь ни этого мира, ни следующего, они время от времени наполняют свои лавки нетленными вещами⁸³ — горожане этого знаменитого города»⁸⁴.

В Карнатаке, как и других регионах, есть намеки на образование широких объединений городов, создания конфедераций, которые могли бы в дальнейшем отстаивать общие интересы горожан на больших территориях. Например, в 902/03 г. дарение одного купца в городе Мулагунда поддерживают «четыре главных купца (*шреитхины*) из 360 городов» (*triūata śaṣṭhi-nagaraiḥ caturbhi śreṣṭhibhiḥ*)⁸⁵. Однако подобных сведений очень мало. Объединение торгово-ремесленных слоев происходило, но на основе отдельных корпораций-общин. Об этом одна из следующих глав.

Сведений о городских общинах в Карнатаке меньше, чем в Тамилнаду. Возможно, это связано с тем, что больше были развиты межгородские гильдии, и местные купцы выступают в надписях не как «горожане», а как части, ответвления общеюжноиндийских корпораций, о которых ниже, в главе 20.

⁸² Согласно географическим понятиям тогдашних южноиндийцев, Индия представляла собой остров Джамбудвипа, окруженный океаном.

⁸³ Возможно, имеются в виду молитвы и другие обряды.

⁸⁴ EC, VII, p. 69, Sk. 100 (1129 г.)

⁸⁵ EI, XIII, p. 190–194, no. 15-K

Глава 19

Храм как община

Храмы в Карнатаке играли не меньшую роль, чем в Тамилнаду, и многое, что о них можно рассказать, повторяет то, что нам уже известно по другому региону.

Особенностями можно счесть только то, что, помимо индуистских, очень заметны в надписях джайнские храмы, гораздо выпуклее выступает их научно-образовательная активность, а также то, что в связи с вообще меньшей автономностью общин от административного аппарата в Карнатаке храмы также нередко фактически управляются не собственными настоятелями, а представителями властей и окружающих общин.

Управление храмами

Все же настоятели храмов иногда упоминаются. Они носят разные наименования, наиболее частое, как и в Тамилнаду, *стханapati* или *махастханадхипати* (*mahāsthānādhipati*)¹. Настоятель мог носить и более простые титулы *стханачарья*², *ачарья*³, *стханика*⁴. Также употребляется знакомый нам по Тамилнаду термин *деваканми* (иногда в написании *девакарми*)⁵.

В шиваитских храмах настоятель или главный жрец имел помощников — *горава*. Например, пользовался их помощью настоятель Гокарна Пандит. «Пусть *горавы*, которые управляют этой собственностью, соблюдают обет воздержания. *Горавы* этой группы должны

отвергнуть тех, кто не соблюдает обета воздержания. Уважаемый Пандит да закрепит это правила в письменной форме на камне»⁶.

Нравственность *горавов*, очевидно, вызывала большие подозрения. В другой надписи говорится, что 6 *гавундов* и 8 *четти* из Сунди, которым поручено опекать дарение, должны, в частности, следить за ними. «Если *горава* не будут набожными, если они настолько будут небрежны, что их станут посещать женщины в течение трех дней, или если все учащиеся перестанут усердно учиться, уважаемые опекуны не должны позволять им оставаться [в пределах храма и монастыря]»⁷.

Но большей частью распоряжаются в храме «общественные организации» и чиновники. Около 780 г. местный магнат приказывает, чтобы *гамунда-прадже* из Алампура-30 снабжали храм рисом и гхи, *теллигар* (торговцы растительным маслом) поставляли масло; цветочники (*мулагарар*) — цветы для выделявания гирлянд. Кроме того, он наделяет храмовых слуг землей: барабанщиков (*pareyavar*), скульпторов (по 50 маттаров 4-м лицам), писца (*сенабова*), *гамунда-сами* («старост-собственников»?) и *перггаде*⁸.

В 931 г. некий купец Курула Кама-*четти* даровал храму 500 *маттаров* земли и распределил ее между храмовыми служащими — каменщиками, астрологами, певцами гимнов и другими⁹.

Махамандаleshвара Харикесариदेва Кадамба, управлявший Банаваси-12 000, вместе с женой и руководством 5 монастырей (*панча-матха-стхана*), *нагара-махаджанами* (т. е. городской общиной) и *padinaāuvuru* («шестнадцатью»?) даровали деревню и несколько налогов храму и сами распределили землю: 12 *маттаров* — для студентов, 12,5 *маттара* — как *умбали* для *гавунд*, 12 *маттаров* — торговцу тканями Кети-*четти*, которому поручается управлять [имуществом] Бога (*dāvāra-perggaāe dusiga Kāti Seṭṭi*), 10 *маттаров* — барабанщикам, 6 *маттаров* — музыкантам, 6 *маттаров* — управляющему, 24 *маттара* — для лиц, обслуживающих 6 храмовых танцовщиц, и 5 *маттаров* — для надзирателей за куртизанками. Многие позиции в этой раздате непонятны¹⁰.

¹ ARE, 50 of 1953/54 (1068 г., Карнул)

² ARE, 222 of 1947/48 (1111 г., Дхарвар); BK, 56 of 1932/33 (1213 г., Гутта)

³ KI, II, p. 88–92 (1167 г., Белгаум)

⁴ ARE, 224 of 1918 (SII, IX, I, no. 380) (1282 г., Беллари).

⁵ ARE, 69 of 1941/42. 1939/43 (1120 г., Анантапур)

⁶ EI, VII, p. 201, no. 28-D. См. также EI, VI, p. 54–57, no. 6-C (949/50 г., Майсур); XV, p. 329–333, no. 21; VII, p. 202, no. 28-D (865 г., Дхарвар); IA, XII, p. 257 (951/52 г., Дхарвар)

⁷ EI, XV, p. 93, no. 6-F (1060 г., Дхарвар).

⁸ Sampath 1979, p. 1086, 1088 (Махбубнагар).

⁹ ARE, 512 of 1915; SII, IX, I, no. 60

¹⁰ EI, XIII, p. 168–177, no. 14; KI, I, p. 20–25, no. 17 (1055 г., Дхарвар).

В другой надписи из Сунди от 1054 г. распределение средств храма производят: «все министры» (*samasta-pradhànarui*); *нада-перггаде* Нагадевая; *сенабова* Ревадасая; Мадхавая — главный судья, возглавляющий писцов (*dharmm-ādhyakṣai Mādhavayyan-int-i pramukha karaī amui*). Среди получателей — храмовых служащих много куртизанок (*sōē*), танцовщиц (*pātra*), один пандит, один флейтист, *перггаде* и др.¹¹

Уже упоминавшаяся надпись 1060 г., помимо заклинаний в адрес *горавов*, содержит также указания по распределению подаренных земель между Богом и храмовыми слугами. Богу (а именно, на ремонт храма) выделяется 150 *маттаров*, аскетам — 300 *маттаров*, наставникам аскетов — только 30. Наставникам юношей в монастыре — 8, двум брахманам, совершающим омовение статуй — 8 *маттаров*, 4-м юношам в зале собраний — 20 *маттаров*, различного рода публичным женщинам — несколько участков (в том числе двум женщинам, «находящимся в употреблении» — 24 *маттара*). Барабанщику — 24 *маттара*, флейтисту — 12, надзирателю за публичными женщинами — 12, каменщику — 30. Опекать дар будут 6 *гавундов* и 8 *четти* из Сунди¹².

Уникальный случай произошел примерно в 1215 г. в районе Хассана. Совет жрецов, состоявший из 5 человек, признал, что некие земли, на которые храм претендовал, на самом деле ему не принадлежат, а являются собственностью известной *аграхары* Виджая-Нарасимхапура. Это нелегкое решение жрецы приняли под давлением общественности: торговцев, в том числе «главных торговцев, *гаудов* и жителей этого места»¹³.

Храмовые служащие

Каменщик Гангоджа получил в 1172 г. участок поля и усадьбу за сооружение *манданы* (открытой террасы для статуи бога) и под условием совершения дальнейших ремонтных работ¹⁴.

Более 40 надписей упоминают цирюльников (*payinda*) в храмах Карнатаки¹⁵. Один из них получал 4 *гадьяны* в год за то, что должен был по понедельникам стричь ногти 30 брахманам¹⁶.

¹¹ EI, XV, p. 80–83, no. 6-E(1)

¹² EI, XV, p. 90, no. 6-F

¹³ EC, V, p. 128, no. 49

¹⁴ Desai 1962, p. 62–63, no. 20

¹⁵ Girijamma 1995, p. 202

¹⁶ EC, VII, p. 116–120, no. 185 (1158 г.)

Имеется несколько надписей, в которых распределение участков между храмовыми служащими и слугами производится не внешними силами, а властями самого храма. Но они не прибавляют много нового в список обычного храмового штата¹⁷.

В одной из надписей дан полный список штата небольшого храм. Он состоял из 52 семей: 4 шивабрахманов, 5 барабанщиков, учителя танцев, 24 танцовщиц, певца, постановщика мистерий, 12 брахманов — чтецов гимнов, садовника, 2 семей гончаров, писца¹⁸.

Если храм имел собственный скот, то его выпасал постоянный пастух¹⁹.

Служебные участки храмовых служащих могли быть освобождены от налогов (*сарванамасья*)²⁰, но некоторые дополнительные налоги они платили. Например, в 1054 г. 4 храмовые танцовщицы (*dāvadāsi*) освобождаются от налогов на дома (*mane-vaī a*) и на зеркала (*kannaāi-vaī a*)²¹.

Как и в Тамилнаду, храмовые служащие, с одной стороны, занимали почетное положение в обществе, но, с другой стороны, они были людьми подневольными, подаренными храму как рабы. Так, в 1008/9 г. храму в Ратнагири подарили несколько семей служанок и садовников, семью маслобойщика, семью горшечника, семью прачки²².

Храмовые земли подвергались атакам разнообразных банд реже, чем другие земли. Все же они имели статус владений Бога. Но такие нападения бывали. И тогда все члены храмовой общины вставали на защиту. Мы узнаем об этом из надписей, прославляющих их защитников. В других главах работы приводились примеры защиты храмовой собственности жителями.

Но храм не только защищался. В 1281 г. управляющий храма Каллая погиб, пытаясь силой заставить жителей деревни Сигалуру платить храму *сиддхаю*, основной налог в то время. Он считал, что храм должен получать этот сбор, а сельчане, видимо, этого не считали²³.

¹⁷ EI, IV, p. 350–356, no. 50 (975 г., Дхарвар) EI, XV, p. 332–334, no. 21 (1028 г., Дхарвар)

¹⁸ EC, X, p. 146, no. 38-a (~ 1280 г.). Подробную роспись храмового штата с размером оплаты каждого служащего см. также EC, XII, p. 69–70, no. 2 (1261 г.).

¹⁹ EI, III, p. 303–306, no. 42 (Yazdani, 1960, I, p. 432) (Время Викрамидиты VI, Нагпур)

²⁰ HAS, no. 7, p. 7 (1056 г., Низамабад)

²¹ SH, IX, I, p. 113 (Yazdani 1960, p. 414–415).

²² EI, III, p. 292, no. 40

²³ ARM, 1927, p. 41, no. 11 (Хассан)

Гхатики, шалы и матхи. «Пять монастырей»

Храмовый комплекс включал в себя не только собственно святилище, но еще и школы (*гхатики*)²⁴, постоянные дворы (*ūālā*) и монастыри (*матха*). Некоторые из этих учреждений имели собственные органы самоуправления, тогда структура управления храмовым комплексом приобретала сложно-составной вид. Так, в 1058 г. постоянный двор, в котором жили *māī* («холостяки»), имел свой *паришад*, который получает в дар 1000 *маттаров* орошаемой земли²⁵.

Иногда встречается выражение, что один храм «прикреплен» (*pratibaddha*) к другому. Смысл этого «прикрепления» неясен. Серия надписей из Тердала показывает, что некие «общественные организации» могут «открепить» храм от одного храма и «прикрепить» к другому. *Eḍḍī* (?), возглавляемые *ачарьями* из *гхатикастханов* храмов Агастьешвары, Канагилешвары и Махалакшмидеви в Колхапуре и Махалингадевы в Гокаге, и множество *ган* встретились в *махамандале* и решили, что Гонка-джинендра-мандира в Теридале прикреплен к храму Муластхана Калидевасвами в том же селении. Раньше она была прикреплена к Рупанараяна-басади в Колхапуре. Т.е. джайнский храм прикрепили к шиваитскому. Гопал утверждает, что это отражение борьбы поднимавшего голову шиваизма с джайнизмом²⁶.

Матхи являлись учреждениями, роль которых в социальной жизни Южной Индии не совсем ясна. Эпиграфисты понимают их как «монастыри». Но монахов как таковых в индуизме нет. Есть аскеты (*саняси*), которых можно считать аналогом христианских или буддийских монахов. Эти аскеты поселялись в *матхах*, для их содержания были нужны определенные средства. Поэтому *матхи* тоже получали пожертвования, наряду с храмами. Кроме того, *матхи* были центрами обучения, и средства требовались на содержание учителей и учеников.

Матха Каутука (по имени ее основателя), или *Деву-матха* в Санджане на побережье Конкана, процветала в X–XI вв. Она получила за это время несколько существенных дарений. Но в правление Кришны III Раштракуты (939–967) выяснилось, что одно из ее полей на самом деле принадлежит не ей, а храму Бхилламадевы. Конфликт был урегулирован таким образом, что поле осталось в пользовании

²⁴ ARE, 259 of 1905. 1906 (1122 г., Карнул).

²⁵ HAS, VIII, p. 16 (Yazdani, 1960, I, p. 406)

²⁶ Gopal 1970, p. 131

матхи, но она должна будет платить храму 40 *драмма* (серебряных монет)²⁷.

Мы уже знакомы с правилами, согласно которым аскеты в *матхах* должны были соблюдать обет безбрачия под угрозой высылки в случае его нарушения. Причем следить за этим должны были, почему-то, *над-араса, грама-раджа, манья, уродеи*²⁸, а иногда даже все жители городов, сел и «цари»²⁹.

В карнатакских государствах на протяжении всего изучаемого периода фигурирует институт, характер которого неясен. Это «руководство пяти монастырей» (*paācamadha-sthana*). Это не конкретные пять монастырей, расположенные по соседству в каком-то определенном регионе. Они встречаются в самых разных частях страны: в Белгауме, Беллари, Биджапуре, Дхарваре, Гулбарге, Шимоге, Читрадурге, Мандье, княжестве Джатх, Кадуре. Таким образом, в разных местах имеется некое образование, пользующееся значительным авторитетом, поскольку часто фигурирует в надписях.

Чаще всего *панча-матха-стхана* выступает в качестве свидетеля при дарениях наряду с другими чиновниками и общинами³⁰. Она также нередко присоединяется к дарениям, делающимися крупными вельможами и/или другими общинами — городскими, сельскими, купеческими и т. п.³¹ Присоединяется она и к другим решениям, принимаемым многочисленными частными лицами и объединениями.

Но характер этого института остается загадочным. Это одно из юридических лиц, которое достойно того, чтобы получать привилегированные земельные владения наряду с брахманами, *четти, гавундами* и др. В то же время в пределах *панчаматхи* могут образовываться выморочные земли³², это значит, что в ней существуют частные

²⁷ EI, XXXII, p. 60, no. 4–2

²⁸ ARE, 443 of 1914 (SII, IX, I, no. 101) (1045 г., Беллари); SII, XI, I, p. 85 (1077 г., Гулбарга)

²⁹ EI, XII, p. 284, no. 32-B

³⁰ EI, XXXVII, p. 58, no. 12 (988 г., Белгаум); BK, 29 of 1929/30 (SII, XV, no. 539) (I в., Биджапур); EI, XV, no. 22 (1040 г., Дхарвар); SII, XI, I, p. 97 (Yazdani 1960, I, p. 407) (1062 г., Дхарвар); SIE, XXV, p. 71, no. 11 (1115 г., Гулбарга); EI, XVII, p. 117–120, no. 9 (1124 г., Дхарвар); KI, I, p. 38–51, no. 25 (1186 г., Белгаум); ARE, 232 of 1946/47 (1273 г., Дхарвар)

³¹ KI, I, p. 20–25, no. 17 (1055 г., Дхарвар); BK, 117 of 1940/41. 1939/43 (1176 г., кн. Джатх); BK, 86 of 1926/27 (SII, XV, no. 131) (1178 г., Дхарвар); EC, XI, p. 71, no. 105 (1218 г.); KI, I, p. 71–74, no. 31 (1252 г., Белгаум);

³² EC, VII, p. 90–91, no. 119 (1181 г.)

наследственные владения. В 992 г. держатели этих земель освобождаются от *biññi* — принудительного труда в пользу царя³³. Это часть города наряду с *пурами* и *брахманпури*, имеющая, конечно, свое самоуправление³⁴. Это учреждение, подобное храму в том смысле, что имеет своего *стханадхипати*³⁵. Но в 1184 г. этот *стханадхипати* управляет не только *панчаматхой*, но и еще 7-ю *пурами* (пригородами)³⁶.

Это объединение может управляться и пятью *ачарьями*, т. е. выступать буквально как объединение пяти монастырей, каждый из которых управляется автономно³⁷. Наконец, руководство пяти монастырей может быть представлено 12-ю лицами³⁸. Это именно коллективный орган наряду с «16-ю» и «18-ю», действующими рядом с ним³⁹.

Можно сделать предварительный вывод: *панчаматха* — это одна из форм общины, которая существовала в Карнатаке наряду с храмами. Они образовывались в разных концах государств. Конечно, число монастырей в каждой из них совсем не обязательно было равно пяти. Но так было принято называть монастыри, расположенные поблизости.

³³ ARE, 36 of 1904 (SII, IX, p. 47, no. 77) (Беллари)

³⁴ SII, XI, I, no. 97; EC, III, p. 64, no. 83. См. также ARM, 1917, p. 47; 1920, p. 35; EC, III, p. 66–67, nos. 104, 107; VII, p. 65–67, no. 99 (1113 г.)

³⁵ ARE, 36 of 1904 (SII, IX, I, no. 77 (Беллари); ARM, 1920, p. 35 (1339 г., Мандья)

³⁶ EC, III, p. 64, no. 83. См. также ARM, 1917, p. 47; 1920, p. 35; EC, III, p. 66–67, nos. 104, 107; EC, VII, p. 65–67, no. 99 (1113 г.)

³⁷ EC, VI, p. 27, no. 143 (1275 г.)

³⁸ KI, IV, p. 105–118, no. 54 (1245 г., Карвар)

³⁹ SII, XI, II, no. 149 (JBBRAS, XI, p. 246)

Глава 20

Торговые и прочие корпорации

Проблемы развития товарно-денежных отношений, торговли, городов как экономических центров не входят в задачи настоящей монографии. Нас интересуют социальная роль торговых и ремесленных организаций и вопрос о том, как они взаимодействовали с другими институтами — как земледельческо-землевладельческими, так и административными.

Вопросы терминологии

Я употребляю слова «гильдия» и «корпорация» для тех общин торговцев и ремесленников, которые действовали в Южной Индии в изучаемый период, хотя и понимаю, что фактов недостаточно, чтобы доказать их идентичность европейским средневековым гильдиям или позднейшим корпорациям. Вполне допуская такую специфику, мы все же не найдем иных слов для их обозначения. Слово «община» вполне применимо, но оно слишком общо, не показывает особый характер профессиональных объединений. Возможно, что многие из них, особенно ремесленные, превращались в касты, но в этом мы тоже не можем быть уверенными. Совместные дарения, свидетельства о наличии у объединений общего имущества не соответствуют обычному представлению о функционировании касты.

Широко распространенный санскритский термин для купеческих (и вообще профессиональных) объединений — *шрени* — в карнатаских грамотах практически не употребляется. Некоторые эпиграфисты считают, что в каннада имелся специальный термин для подобных корпораций — *kottañi* (*gottañi*) — «множество, собрание», но он употребляется тоже не часто, к тому же в спорном контексте. Скажем,

в 1169 г. в районе Биджапура совершают дар 500 *kottaḥ*¹. Это больше похоже на название одной конкретной корпорации, которой приписано число 500, подобно, скажем, гильдии *аяволе*, которых тоже «500 *свами*». Однако не исключено, что составитель надписи хочет уверить нас, что именно 500 гильдий участвовало в дарении. Как мы уже знаем, точность в числах не считалась необходимой, и преувеличение было основным методом работы с числами. Заявляет же та же *аяволе*, что она получает поклонение «от 32 000 общин (*самая*)»¹².

В одной из ситуаций, когда дар совершает гильдия *нагари-муммури* с примкнувшими к ней различными другими физическими и юридическими лицами, «60 *коттали* и *вашаварти*» упоминаются в самом конце списка, и эпиграфист переводит оба термина как «находящиеся под контролем, в подчинении»³.

Слово *самая* в значении объединения купцов и ремесленников употреблялось значительно чаще⁴. Некоторые гильдии выступают под именем того или иного количества «семей» (*оккалу*). Мы знаем, что это слово чаще всего означало сельский сход, а в дальнейшем превратилось в название земледельческой/землевладельческой касты. Но в этот период оно еще не потеряло своего исконного значения и как исключение могло применяться и к горожанам (*angadi-okkalu* — букв. «люди базара», или *sārige-okkalu*) и к отдельным несельскохозяйственным объединениям, скажем, к каменщикам (*kalkutigara-okkalu*)⁵. Дикшит считает, что если перед *оккалу* нет обозначения профессии или занятия, то в этом случае это землевладельцы. Однако он же признает, что «50 *оккалу*» без всякого упоминания о профессии часто обозначают гильдию маслобойщиков⁶.

Отдельные гильдии

Уже в VI в. начинаются дарения джайнским храмам земли и добровольные взносы со стороны местных властей и профессиональных корпораций⁷. В конце VII в. самые разные объединения просят Винаядитью

¹ BK, 80 of 1929/30 (SII, XV, no. 112).

² KI, IV, p. 76–79, no. 34

³ IA, V, p. 342–343

⁴ EI, V, p. 23, no. 3–A

⁵ SII, IX, I, no. 118 (Dikshit, 1960, p. 59) (1109 г.)

⁶ Dikshit, 1960, p. 62 (Надписи 917, 1123 и 1240 гг.)

⁷ IA, I, p. 365

Чалукью отменить некоторые налоги (на обряд «второго рождения», на соль и налог на бездетных). Среди этих юридических и физических лиц *dāsadiyūm* (*дасы* — «рабы», т. е. адепты конкретного божества) из селения Валлигаме; *dāvadiyūm* (храмовые власти?) селений Амали и Ведевалли; некие вожди Равичандра, Соркка-*гавунда*, Эдея-*гамунда*, Моледжарамания-*гамунда* из селения Алавалли; [жители] селения Навали; *gāmiga* (?) из Андуги; *sindera-gāmiga* (?) из Нирилли⁸. Надпись показывает, что общественная жизнь в данном районе бурлила. «Подписантами» жалобы выступают коллективы из разных деревень, люди разного социального статуса и частные лица, местные вожди.

В надписи, относимой по палеографическим данным к VIII в., зафиксирован дар богине от 500 *махаджанов* (брахманской общины), 8 *нагара* (городов) и 320 *urāḥ*⁹.

Специализация или некая иная специфика той или иной корпорации из надписей часто не выясняется. Одна из них носила название *муммури-данда* или *нагара-муммури*. В 1093/94 г. они дарят сборы с лавок и с продавцов, утверждая при этом, что в дарении принимает участие «вся гильдия *нагара-муммури*, которую называют славным именем «дерево с 32 стволами»... почитаемая во всем мире; имеющая свои поселения в 18 городах». Но конкретно перечисляются Хануманта-*четти*, *паттанасвами* столицы, большого процветающего города Баллиграмы; Барми-*четти*; Меби-*четти*; Сауваравиддия; Свами-Шанкарая-*гаунда*; Шанкарая-*сенабова* (т. е. деревенский писец); ювелир Наги-*четти*; и еще 4 человека, вместе с 4 носильщиками и 60-ю *коттали* и *вашаварти*¹⁰.

Итак, эта гильдия претендует на то, что состоит из многих дочерних организаций («стволов»). Еще раз повторю, что числа в надписях несут специфическую нагрузку. Они отражают не реальность, а эмоциональное восприятие этой реальности. Позволю себе предположить, что «32 000», которые «поклоняются» гильдии *аяволе*, упомянутые выше, и «32» в данной надписи означают одно и то же: торговых общин в Карнатаке было «очень много».

Они могут делать дарения и вместе с «500 *свами* из Айхола» и с другими гильдиями как равноправные партнеры¹¹. В главе об областных

⁸ ARE, 8 of 1902 (IA, XIX, p. 144–145; EC. VII, p. 109, no. 154

⁹ BK, 289 of 1927/28

¹⁰ IA, V, p. 342–343. См. также BK, 82 of 1928/29 (SII, XV, no. 65); BK, 127 of 1940/41. 1939/43 (1147 г., кн. Джатх); ARE, 513 of 1915 (SII, IX, I, no. 295) (1172, Беллари)

¹¹ SII, IX, I, no. 391 (ок. 1181, Беллари); SIE, XI, p. 92–93 (1223 г., Сев. Канара).

общинах говорилось, что торговые корпорации, по определению действующие на большой территории, в Карнатаке имели и местную привязку. Они — жители конкретной области или округа, или города, и действуют в связке с местными властями. Это полностью относится и к *муммури-дандам*¹².

Четти-гутты тоже иногда фигурируют в качестве отдельной гильдии, хотя это может быть и почетный титул или обозначение видного общественного положения. Например, в 1035 г. *гамунда* Чамундама говорит о себе, что он сын *четти-гутта* Сахадева¹³. Но в 1100 г. в районе Гулбарга *четти-гутты* из Пагалиттаге-300 упомянуты как коллектив, участник дарения¹⁴.

Среди других корпораций, о которых мало что известно, можно упомянуть *тотига* (*tī tīga*)¹⁵, называвших себя также «500 *tī ī āga*»¹⁶; *конекара* (*konekāra*)¹⁷.

В 1179 г. в районе Дхарвара действуют как юридическое лицо «100 представителей *māṇeyagāri*». Этот термин можно понять как «улица, квартал малаяли», т. е. выходцев из Кералы¹⁸. В таком случае мы имеем дело с керальским землячеством, которое тоже действует как гильдия.

Загадочной остается также корпорация, означающая себя просто числом: «504»¹⁹. Такая необычная точность числа заставляет отнести к нему с доверием. Однако больше ничего сказать об этой гильдии нельзя.

Аяволе — брахманы-«олигархи»

Но «зонтичной» организацией для всех торговых ассоциаций служили «500 *свами* из Айхола», или гильдия *аяволе*. Мы уже знакомы с ней по той активности, какую она проявляла в Тамилнаду. Но центром ее деятельности была Карнатака. Ядром корпорации явились брахманы, жители городка Айхол (он же Арьяпура, Ахичхатра,

¹² ВК, 45 of 1929/30 (SII, XV, no. 58) (1184 г., Биджапур)

¹³ ВК, 122 of 1932/33

¹⁴ SIE, XXV, p. 70, no. 11; см. также: ARE, 431 of 1959/60 (1096 г., Гулбарга)

¹⁵ ARE, 118 of 1913 (SII, IX, I, no. 141) (1079 г., Беллари);

¹⁶ ARE, 464 of 1926 (SII, XV, no. 229) (1158 г., Дхарвар)

¹⁷ ARE, 118 of 1913; SII, IX, I, no. 141

¹⁸ ВК, 43 of 1926/27 (SII, XV, no. 135)

¹⁹ EI, XIII, p. 15, no. 2 (KI, I, p. 26–28, no. 19) (1107 г., Дхарвар); JBBRAS, XI, p. 257–258 (1144/45 г.); ARE, 437 of 1926 (SII, XV, no. 233) (1203–1216 г., Дхарвар); IA, p. 12 (1223 г., Белгаум); KI, I, p. 71–74, no. 31 (1252 г., Белгаум)

Аяволе) в междуречье Кришны и Тунгабхадры. Эта гильдия известна как «500 *свами*», что ясно говорит, что ее основатели были брахманами. Надписи, упоминающие эту гильдию, относятся к VIII–XII вв.

Распространяя свою торговую деятельность по Карнатаке, а затем и по другим районам, корпорация чаще всего опиралась на другие брахманские селения — аграхары²⁰. Уже в этом сочетании брахманского статуса и торговой деятельности заложена значительная загадка. Ясно, что такая крупная организация не могла состоять только из брахманов. Это значит, что существовало профессиональное объединение, состоявшее из лиц разных каст, что еще более интересно. В своих панегириках они подчеркивают как свою ученость, так и торговые успехи, а также военную силу²¹.

В качестве примера приведем панегирик *аяволе* из надписи в Хеггададеванкоте от 1033 г.: «Знаменитые во всех землях, приобретшие 500 свидетельств о героизме (*vēra-ūśaśa*), украшенные многими хорошими качествами, отличающиеся благочестивым и чистым поведением, правдивые, умеренные, мудрые, следующие дхарме *вира-баланджа*, блистающие флагом *gudda* (?), обладающие неисчерпаемой доблестью, широкие в груди, мужественные в мире, рожденные от Кхандали-Васудевы и Мулабхадры»²².

Более того, гильдия не была замкнута и конфессионально. В ней участвовали джайны. Один из панегириков *аяволе* утверждает, что члены гильдии «постоянны в поклонении Хари, Брахме, Шиве и великим Джинам»²³.

Конечно, к числу «500» следует отнести так же, как к другим числам в надписях, да и вообще в индийских источниках: не принимать его за чистую монету, а постараться понять, какую «идею» закладывали в него отцы-основатели организации. Распространяясь по Южной Индии и основывая свои опорные пункты, корпорация, несомненно, росла в числе, но неизменно сохраняла название «500 *свами* из Айхола».

²⁰ ЕС, X, p. 129, no. 247 (~ 1100 г.)

²¹ KI, IV, p. 76–79, no. 34 (1109 г., Дхарвар)

²² ЕС, III, p. 30, no. 59. Близкие по содержанию панегирики см. также: ЕС, V, p. 39, no. 45; IX, p. 15, no. 31; XI, p. 39, no. 25

²³ Абрахам приводит несколько ссылок на надписи, которые подтверждают тесную связь *аяволе* с джайнами (Abraham 1988, p. 98)

В 1055 г. они называют себя *pura-paramaiva*, т. е. «верховными властями [этого] города»²⁴. Кроме того, они основывают опорные пункты, «базарные города» (*baī āṇṇu-vaṇṇa*) по всей Карнатаке, которым присваивают «почетный титул» «Южный Айхол». Это Кургод в дистрикте Беллари, Пириякириору в Дхарваре, Каурур в Райчуре, Арасикере и др.²⁵. «Самым главным из *baī āṇṇu-vaṇṇa* в Тадавади-1000», как утверждает одна из надписей, была *аграхара* Ингалешвар. Там дарение совершают «двое по 500». Имеются в виду, несомненно, как «500 *свами* из Айхола», так и 500 местных брахманов-*махаджанов*²⁶.

Надпись 1054 г. дает представление о географическом кругозоре индийских купцов и, в какой-то степени, — о действительном ареале их действий. Оказывается, что они «посещают Черу, Чолу, Пандью (эти три понятия охватывают Тамилнаду), Малею (возможно, что имеется в виду Малайя, но может быть, что это просто «горная страна», район Западных Гат, Малабар), Магадху (Бихар), Каусалу (восточная часть Уттар Прадеша), Саураштру (часть Гуджарата, полуостров Катхиявар), Дхануштру («страна луков, лучников?»), Курумбу (?), Камбоджу (имеется в виду область в современном Афганистане), Гауду (Бенгалия), Лалу (Южный Гуджарат), Барввару (возможно, Барбарикон в устье Инда), Парасу (Персия?), Непалу, Экападу («страну людей с одной ногой»), Ламбакарну («страну длинных ушей»), Стри-раджия («царство женщин»), Гхоламукха («страну людей с лицами из пахты») и многие другие страны, и *грамы* (деревни), и *нагары* (города), и *khāda*, *kharvvaāa*, *maāmba*, *vaṇṇa*, *drī ī āmukha* и *saī vahana* (различные типы поселений)... по наземным и по водным путям проникающие в пространства 6 континентов»²⁷. Итак, если не считать сомнительных упоминаний о Малайе и Персии, кругозор членов самой могущественной из южноиндийских торговых корпораций не выходил за пределы Индии, правда, включал несколько сказочных стран.

Но Северную Индию они знали, наверное, понаслышке. Во всяком случае, их деятельность там не зафиксирована. Свои форпосты они неизменно называли «Южными Айхолами», но не северными, западными или восточными. Видимо, им все же представлялось, что Айхол

занимает самое северное положение, и можно развивать свою торговлю только в южном направлении.

Аяволе претендовала на исключительное положение как «всеобщая» купеческая организация, куда все остальные включаются. В той же надписи дается перечисление коллективов, «аффилированных» с *аяволе*. Говорится, что решение принимают 16 *четти* из 8 *наду*, *gavaāega*, *gātriga*, *ceṇṇi*, *ceṇṇigutta*, *ankakāāa*, *bēra* («герои», «отважные»), *bēra-vaī iga* («герои-торговцы»), *gaī āiga*, *gāvūī āa*, *gāvūī āa-svāmī* и другие. Как я уже неоднократно отмечал, заниматься трактовкой значения каждого из этих терминов нет смысла. Успехами в этом направлении не могут похвастаться и индийские эпиграфисты и историки, понятно, знающие родной язык и весь корпус надписей соответствующего времени неизмеримо лучше меня. Важно понять задачу составителя надписи. Явно стремление перечислить различные общности, занимающиеся торговлей, а также не забыть местные власти, именно вождей на местном уровне.

В 1074 г. в районе Беллари землю дарят совместно 120 *махаджанов*, 60 маслбойщиков, *муммуриданды* и четверо *четти-путра*, а «500 *свами*», т. е. местные представители гильдии *аяволе* добавляют к этому пошлины на некоторые товары²⁸.

В XIII в. деятельность *аяволе* затухает. От 1196 г. мы имеем одну из последних надписей этой гильдии, где она заключает некое соглашение с *махаджанами* Билла-300²⁹. Следы этой организации прослеживаются еще в XIV в. (надпись 1382 г. из Белура)³⁰.

Бурная деятельность купеческих объединений в сфере богоугодных дарений создает впечатление о значительном развитии обмена и товарно-денежных отношений в Карнатаке в раннее средневековье. Однако это впечатление может быть обманчивым. К. М. Шримали исследовал упоминания о монетах в надписях трех ветвей рода Шилахаров — в Южном и Северном Конкане и в районе Колхапура. Всего было изучено 64 надписи за период 843—1260 гг. В них упоминается более дюжины различных монет, но при этом в период с 877 по 988 гг. — ни одного упоминания. Монеты употреблялись

²⁴ ARE, 645 of 1958/59

²⁵ EC, X, p. 129, no. 247; ARE, 478 of 1914. 1915 (1178 г., Беллари)

²⁶ BK, 7 of 1930/31; SH, XV, no. 195 (1265 г., Биджапур).

²⁷ EC, VII, p. 85—86, no. 118 (MI, p. 122—126, 1054 г.)

²⁸ ARE, 475 of 1914 (SH, IX, I, no. 139; Yazdani, 1960, I, p. 407). *Четти-путра* — «сыновья купцов» — очень необычная группа в таких перечислениях. Видимо, существовала социальная группа «младших купцов»

²⁹ BK, 58 of 1927/28 (SH, XV, no. 211).

³⁰ Abraham 1988, p. 67—68; есть и более поздние надписи: 1680 г. из Анантапура (ARE, 18 of 1918) и 1706 г. из Бангалура (ARM, 1927, p. 33—34). Но нельзя сказать, что гильдия продолжает играть важную роль в XVI—XVIII вв. (Nanjundappa 1979)

в определенных районах. Так, *драмма*, *кумарагадьянака*, *пуруттха-драмма* упоминаются только в надписях из Северного Конкана; *хонга*, *суварна*, *раджатанишка* — только в Колхапуре; *дхарана*, *динара* и *гадьяна* — только в Южном Конкане. Это наблюдение относится не только к золотым и серебряным монетам, но и к медным, которые, казалось бы, должны быть гораздо более употребительными. В Южном Конкане медные монеты вообще не упоминаются; монета *висова* (1/20 *драммы*) известна только в Северном Конкане, но зато в Колхапуре отмечено множество медных монет: *пана*, *хага*, *адда*, *соласа*, *помма*, *бисиге*³¹.

Ситуация, если можно так выразиться, скандальная. Деньги, по определению являющиеся «всеобщим эквивалентом», вызываемые к жизни, как правило, необходимостью установления связей между различными местными рынками, оказываются локальными инструментами. При том, что речь идет о Конкане и прилегающих районах, Западном побережье Индии, имевшем многовековые связи с внешними рынками в Аравии, Египте и Африке. Это не какая-то глубинка, сохранявшая натуральность хозяйства. Возникает парадокс: **денежное** обращение на Конкане в X — начале XIII в. было по существу глубоко **натуральным**.

Уже упоминалось в главе о корпорациях в Тамилнаду, что, по подсчетам Н. Карашимы, наибольшее число надписей, упоминающих торговые общины, найдено именно в Карнатаке. Наибольшее их число в Карнатаке падает на XI—XIII вв.³²

«Отраслевые» корпорации

Специализация отдельных гильдий известна хорошо. Во-первых, это *тели*, или *телики* (*теллига*) — производители растительного масла и торговцы им³³. Каста с таким названием известна и в Тамилнаду, и в Андхре. В карнатакских надписях их обычно «50»³⁴. Их иногда даже не называют по имени гильдии, а пишут просто «50 *оккалу*». Но когда эти «50 семей» дарят храму растительное масло, ясно, что мы имеем дело

³¹ Shrimali 1996, p. 107

³² Karashima 2009b, p. 137

³³ ARE, 118 of 1913; SII, IX, I, no. 141 (1079 г., Беллари); BK, 126 of 1940/41. 1939/43 (1146 г., кн. Джатх)

³⁴ EC, VII, p. 85–86, no. 118 (MI, p. 122–126); BK, 65 of 1927/28 (SII, XI, II, no. 144) (1098 г., Дхарвар)

с маслобойщиками³⁵. Иногда они называют себя «полностью»: *теллига-50 оккалу*³⁶.

Их конкурентами, возможно, были *угура-300*. Однажды они дарят храму сборы с маслопрессов³⁷. Из этого можно заключить, что это была еще одна группа маслобойщиков. Но обычно они выступают в составе большой группы дарителей, так что выяснить их специфику не всегда удается³⁸.

Профессиональная специализация ясна также у *тамбулига-1000* — продавцов бетелевых листьев. Этот лист, необходимый для изготовления традиционной индийской жвачки — *пана*, играл важнейшую роль в экономической и — шире — социальной жизни Индии. Это был предмет первой необходимости, «лучший подарок» Богу, т. е. обитателям храма. Поэтому этот лист так часто фигурирует в дарениях, в списках устанавливаемых пошлин и «налогов на продажу». Сады, в которых выращивалось это выющееся растение, составляют неперенную часть храмовых земель и т. п. Поэтому и *тамбулиги* часто упоминаются в надписях, большей частью как дарители листьев или же отчислений от цены тюков этих листьев³⁹.

Гильдия «лодочников» (*дони-1000*) также нередко значится среди дарителей или опекунов дарения⁴⁰. Неясно, идет ли речь о простых перевозчиках чужих товаров по воде, или же о купцах, специализировавшихся на торговле с лодок. Они платят взносы «с лодок», подобно тому, как «сухопутные» торговцы платят с тюков или с выючных животных.

Корпорация изготовителей спиртных напитков⁴¹, видимо, состояла из реальных изготовителей этих напитков. Они собирали пальмовый сок, сбразивали его и готовили либо не очень крепкий напиток типа пива (*тодди*), либо перегоняли его в пальмовую водку (*арак*).

³⁵ EI, XVIII, p. 183–188, no. 22-D (1097 г., Белгаум); IA, XII, p. 225 (XI–XII вв., Дхарвар); ARE, 212 of 1945/46 (1125 г., Дхарвар).

³⁶ BK, 7 of 1030/31; SII, XV, no. 195 (1265 г., Биджапур)

³⁷ BK, 194 of 1926/27 (SII, XV, no. 28) (1144 г., Дхарвар).

³⁸ EI, XIII, p. 15, no. 2; KI, I, p. 26–28, no. 19 (1107 г., Дхарвар); ARE, 222 of 1947/48 (1111 г., Дхарвар); BK, 10 of 1932/33 (1161 г., Дхарвар); ARE, 437 of 1926; SII, XV, no. 233 (ок. 1203–1216, Дхарвар); IA, p. 12 (1223 г., Белгаум); BK, 58 of 1927; SII, XV, no. 176 (1236 г., Дхарвар); KI, I, p. 71–74, no. 31 (1252 г., Белгаум)

³⁹ EI, XVI, p. 81, no. 11-B (1037 г.); BK, 194 of 1926/27 (SII, XV, no. 28) (1144 г., Дхарвар).

⁴⁰ SII, XI, II, no. 200 (1126 г., Дхарвар); BK, 58 of 1927 (SII, XV, no. 176) (1236 г., Дхарвар)

⁴¹ IA, V, p. 23 (1163 г., Биджапур).

В число профессиональных торговых организаций занесем также пастушеские объединения. Это не скотоводческие касты, они представляют собой тоже юридических лиц, имеющих общее имущество. Называют они себя не кастой (*джати*) и не общиной (*самая*), а именно гильдией (*шрени*).

Кооперироваться могли даже самые низкие по положению люди. Например, в 1143 г. некие *галея-300*, «любимые сыновья 1000 *махаджанов* великой *аграхары* Кукканур», подарили храму часть своего вознаграждения за работу садовниками. Эпиграфист полагает, что это название происходит от *gāṇa* (санскр. *hala*, «плуг»), и это «пахари», предтечи современной неприкасаемой касты *холея*⁴². Оборот «любимые сыновья» нас здесь не должен смущать. Так могли обозначать именно зависимых лиц. Но в данном случае это садовники, а не пахари.

Ремесленные корпорации

Среди ремесленных объединений в надписях из Карнатаки упоминаются ткачи — *paṭṭagāṇa*⁴³ и *sāliga*⁴⁴. Последние, например, образуют «ткацкую общину аграхары Пули» (*Ṭṛe Pōliya sāliga-samayai*)⁴⁵.

В 1110 г. общее решение принимают несколько ремесленных объединений: каменщики выделяют для храма по 1/4 золотой монеты; медники — известь для нанесения узоров перед входом в дом; плотники, кузнецы, ювелиры, *beṇḍāṇḍumbar* (?) и другие — по одной мелкой монете (*адда*) с каждого жилого дома⁴⁶.

Панчалы, или *каммаланы* (ремесленники пяти основных специальностей) тоже встречаются в карнатакских надписях как уважаемые общины. О них шла речь в связи с системой *джаджмани* в деревнях. Возможно, они же имеются в виду под *aimai īḷiga*, или *aimiēga* — пяти неких *маннига* или *минга*. Они появляются как свидетели при вынесении окружным собранием какого-то решения⁴⁷, или при акте покупки земли. Требуется их согласие на работы по расширению местного водо-

⁴² Desai 1962, p. 29, no. 5

⁴³ EI, VI, p. 166, no. 16-C (793 г., Дхарвар)

⁴⁴ BK, 115 of 1929–30; SII, XV, no. 46 (ок. 1138–1155)

⁴⁵ EI, VIII, p. 193, no. 22-E (1224 г., Белгаум).

⁴⁶ EI, XII, p. 333, no. 37-D

⁴⁷ EC, IX, p. 102, no. 111

ема⁴⁸. Могут они также сами участвовать в дарении вместе с деревенским собранием⁴⁹.

Дикшит включает эту группу или эту общность в «исполнительные органы» деревенского собрания⁵⁰. Мне кажется, что имеющийся материал не требует такого вывода. Вполне возможно, что это другое название для *панчала*.

Положение купцов в обществе

Торговцы занимали видное положение в обществе и гордились своей варновой принадлежностью. В 902/03 г. о купце Чандрарая из города Мулгунда говорится, что он «рожден в прекрасной касте вайшьев» (*vara-vaiṇya-jāti-jātaō*)⁵¹. В 1147 г. о другом купце, который возглавляет торговую гильдию «500», тоже говорится, что он происходит из вайшьев. Это, по крайней мере, не умаляет его достоинства⁵².

Надпись 1187 г. из Арсикере посвящена, по сути, одной семье торговца. После упоминания царя приводится генеалогия не его, а купца и брахмана Чатти-*четти*, который привозит лошадей морем, а также «с удовольствием» продает слонов и жемчуга царям. Упоминается жена Чатти-*четти*, его младший брат, 5 дочерей и один сын. Он построил несколько водоемов, *мандану*, и храм богу Чаттешвары (т. е. в свою честь)⁵³.

Некоторые купеческие организации получали от властей особые знаки достоинства (например, зонтики) и грамоты (*шасаны*)⁵⁴. Они вполне осознают важность своей деятельности для экономики и для процветания государства, выражая это доходчивыми для того времени словами. Оказывается, они «препятствуют уменьшению таможенных сборов, наполняющих золотую сокровищницу царя, его сокровищницу драгоценных камней и его склады оружия...»⁵⁵.

В надписи из Анантапура примерно XII в. местные (*деши*) торговцы говорят о себе, что они происходят «из семьи Куберы» (бога

⁴⁸ EC, VIII, p. 17, no. 132 (1151 г.)

⁴⁹ EC, VIII, p. 17–18, no. 135 (1217 г.); p. 31, no. 193 (1163 г.); KI, IV, p. 54–58, no. 22

⁵⁰ Dikshit 1964, p. 60

⁵¹ EI, XIII, p. 190–194, no. 15-K

⁵² KI, II, p. 79–85

⁵³ EC, V, p. 119, no. 22 (1188 г.)

⁵⁴ IA, X, p. 186 (Yazdani 1960, I, p. 394) (1095 г.)

⁵⁵ EC, VII, p. 85–86, no. 118

богатства), что они говорят «на четырех разных языках», и что они «испытывают удовольствие от трех целей человечества — *дхармы*, *артхи* и *камы*, — продавая и покупая товары»; они из тех, «кто никогда не боится и не скупится; чьим единственным наслаждением является распределение пищи среди нуждающихся, сирот и просящих подаяние; кто смотрит на чужих жен как на своих матерей; чья слава бросает блестящий свет на весь мир, как если бы он был единым домом; кто подобен пчелам у лотосоподобных ног Ишвары (т. е. Шивы — Л. А.); они — великие *махешвары* (в данном случае — последователи Шивы — А. Л.), любящие богов и дваждырожденных; кто обладает бесчисленными прекрасными качествами, такими как честность, личная чистота, хорошие манеры, занятия и поведение»⁵⁶.

Для получения или сохранения высокого статуса в тогдашнем (феодалном по многим показателям) обществе существенное значение имело владение землей и воинственность. Из надписи 988 г. из Белгаума мы узнаём, что три купца, имеющие родословную (указаны их отцы и деды) и титулы (*шрештхин*) имели наследственные права на две деревни, которые разделены между ними на три доли. Они просят царя утвердить за ними это право и в связи с этим преподносят ему крупный «подарок». Эту просьбу поддерживают *нагара-сандхивиграхи* («градоначальник»?), *мантри*, один *шрештхин*, один *аматья*, *прадхана*, многие *раджа-пуруша*, старейшины, а также *nagara-haājamaṇa* (члены пяти ремесленных каст, проживающие в городе) и руководство пяти *матх* (О значении этого последнего института мы уже говорили)⁵⁷. Лавки в городе принадлежали торговцам, были их «купеческой собственностью» (*ūcāi-sāmya*). Существовала такая категория земель, хотя в данном случае речь идет о лавке не купца, а ювелира⁵⁸.

Воинственность и умение постоять за себя (и даже за других) с оружием в руках неоднократно подчеркивается в панегириках различных торговых корпораций. Например, они «слоны для врагов, защитники тех, кто ищет убежища после совершения проступков», «преисполненные неисчерпаемой храбростью, объятые госпожой Славой, несущие в груди богиню Победы, достигнутой собственными руками, высочайшие в отваге, распространяющейся на весь мир»⁵⁹. В таких формулах,

⁵⁶ ARE, 16 of 1917. См. также панегирик купцам: ARE, 290 of 1952/3 (1967 г., Карнул)

⁵⁷ EI, XXXVII, p. 58, no. 12

⁵⁸ EI, XV, p. 95, no. 6-G (1975 г., Дхарвар)

⁵⁹ KI, IV, p. 76–79, no. 34 (1109 г., Дхарвар)

которые встречаются, как нам уже известно, в панегириках общин разного рода, привлекает внимание то, что община готова защищать не только невинных людей, но и преступников, если они попросят защиты.

В 1093/94 г. гильдия *нагара-муммури* объявляет себя «сосудом со стрелами молний [для защиты] тех, кто ищет у них убежища, предоставляющая приют и убежище»⁶⁰. В 1177 г. *муммури-данды* из Куругоду объявляют, что они «храбрейшие из храбрых, защитники смиренных, жестокие по отношению к порочным, хорошие в отношении хороших и победители могущественных врагов»⁶¹.

В одной из надписей периода Хойсалов несколько корпораций, берущие на себя опеку над дарением, сделанным храму, видят себя как «блистающих безмерным воинственным духом» (*udagra-viravibhavî dbhāsigaḥ*)⁶².

К таким утверждениям некоторые свидетельства заставляют относиться весьма серьезно. Например, где-то в начале XI в. «500 *свами* из Айхола» послали некоего Ревана в деревню Самнанаки с весьма зловещим поручением. Вернувшись, он клятвенно заверил, что в отместку за убийство бродячего торговца он убил Самнанаку и еще 13 человек, в том числе 7 мужчин, 4 детей и 2 младенцев в колыбели. За это 500 *свами*, *четти-гутты*, староста селения и другие даровали ему титул «Истребитель врагов» и право ввозить товары в это селение беспошлинно. Подписали эту грамоту 11 купцов и сопроводили изложение фактов обширным восхвалением самих себя, заявляя, что они отличаются «поддержанием *дхармы вира-баланджей*», правдивостью, чистым поведением, «соблюдением моральных норм» и «украшены неисчислимыми хорошими качествами»⁶³.

Нанимая вооруженную охрану караванов и торговых городков, рачительные купцы не забывали снабдить охранников всем необходимым: одеждой, маслом для лампы богу, пищей и свиньями на поминки павших героев⁶⁴.

Торговцы наравне с другими слоями населения участвуют в отпоре угонщикам скота. Из подобных надписей мы узнаем, что торговые

⁶⁰ IA, V, p. 342–343 1185. См. также BK, 82 of 1928/29 (SII, XV, no. 65).

⁶¹ ARE, 56 of 1904 (SII, IX, I, no. 297). См. также ARE, 58 of 1904 (SII, IX, I, no. 296) (1176 г.)

⁶² ARE, 38 of 1904 (SII, IX, I, no. 317)

⁶³ KI, IV, p. 118–126, no. 55

⁶⁴ Indrapala 1970, p. 101–113

корпорации имели стада скота. Впрочем, может быть, это были выючные животные — «средства производства» для торговцев⁶⁵. В подобных битвах почему-то героически вели себя именно торговцы браслетами⁶⁶.

В таких условиях не могло быть четкого размежевания между правящей бюрократией и торговыми слоями. Выходцы из купцов, сохраняя свой «профессиональный» (или родовой) титул *четти*, становились иногда влиятельными вельможами. В 1178 г. мы видим некоего *mahā-vaāā-vyavahāri*, явного купца, но претендующего на принадлежность к правящему слою, поскольку его имя Нагадевая-наяка⁶⁷.

Один из вассалов Ядавов в 1240 г. по имени Париса-*четти* имел титулы *маханпрадхана бахаттара-нийог-адхипати* и занимал должность *сарвадхикари* в Хагаритиге-300⁶⁸. В 1249/50 г. Мали-*четти* имел титул *маханпрадхана* и управлял *вишаей* Кухунди (*sv-ādhikāra-viṣaye Kuhuī āi-dāue*)⁶⁹.

Неудивительно, что купцы через свои организации могли отстаивать свои интересы. Сообщения о том, что после петиций корпораций цари снижают пошлины, могут, конечно, иметь чисто пропагандистский характер, однако же такие сообщения есть, и соответствующие указы выбивались на стенах храмов, так что им можно в какой-то степени доверять⁷⁰.

Когда речь идет о воинских качествах торговых гильдий, почти всегда формулируется, что они грудью стоят на защите *вира-баланджа-дхармы*, некоей особой дхармы торговцев⁷¹. Иногда эта особая дхарма расшифровывается. Она заключается в «правдивости, чистом поведении, блестящих достижениях, соблюдении моральных норм и умеренности»⁷². Настоячивое провозглашение следования «своей» дхарме, возможно, означает также и наличие собственных правовых

⁶⁵ EI, XVI, p. 73–75, no. 11-A); EC, VI, p. 25, no. 55 (1205 г., Кадур); BK, 36 of 1929/30 (SII, XV, no. 595) (XII в., Биджапур)

⁶⁶ EC, VIII, p. 87, no. 530 (Altekar 1934, p. 190)

⁶⁷ EI, XIII, p. 60, no. 4-B

⁶⁸ EI, XII, p. 308, no. 34

⁶⁹ IA, VII, p. 304–305 (SII, IX, no. 363)

⁷⁰ ARE, 101 of 1904 (SII, IX, I, no. 76, 77; Yazdani 1960, I, p. 386) (991 г., Беллари);

⁷¹ IA, X, p. 186 (Yazdani 1960, I, p. 394) (1095 г., Дамбал); EC, XI, p. 138, no. 137 (1307 г.)

⁷² IA, V, p. 342–343 (1185 г.). См. также BK, 82 of 1928/29 (SII, XV, no. 65)

норм, отличных от обычаев других слоев населения, но об этом ничего не говорится.

Возможно, что надпись 1181 г. из Шимоги приоткрывает завесу над особым правовым кодексом торговых гильдий. В ней фиксируется решение нескольких гильдий относительно правил наследования выморочного имущества: «Вся собственность *банаджигов* из Баллигаве, умерших без сыновей, [пойдет] на праздники и священные обряды богу Гаварешвара; собственность тех, кто умрет без сыновей в *нагара* — богу Нагарешвара; и во всех 5 *матхах*, 3 *пурах*, и семейных *брахманури*, ежели объявится ничейная собственность — [пусть пойдет] богу соответствующего места». Надо отметить, во-первых, что выморочная собственность отходит не царю, не государству, а Богу, вернее, богам. Во-вторых, привлекает внимание «локализация» этих божеских прав: каждый бог имеет «права наследования» в «своем» селении. Документ этот претендует на то, что его утвердило чрезвычайно представительное собрание. Здесь и представители местной административной власти Кешавадева-данданаяка, Тайлахадева (по смыслу — брат предыдущего), их зять Эрахараса; *паттанасвами* царского города Баллипура Мали-*четти*; *паттанасвами* Мечи-*четти*; жрец *матхи*; жрец *линги*; жрец храма; другие «главные лица»; *хеггаде* города; 5 *матх* и 3 *пура*; Савидева; его подчиненный Чатина-Типпана; жители Айхола, Чаллунки и многих других главных *грама*, *нагара*, *кхеда*, *кхарвада*, *мадамба*, *дронамукха*, *пура* и *паттана*, находящихся в Лате, Гауде, Карнате, Бангале, Кашмире, и других странах во всех частях света; две группы *нанадеши*; местные *маневарате*(?) и *джоруна*(?); *манигара* Манника-*четти* и другие *четти* (перечисленные); «все торговцы, составляющие огромное [собрание]»⁷³. Этот перечень показывает, что перемешиваются реальные участники акции и «виртуальные», добавленные для придания перечню большей солидности.

Деятельность корпораций на уровне областей

Когда речь шла о формах самоуправления на уровне округа или области, мы уже отмечали «территориальность» по идее экстерриториальных гильдий. Здесь тоже надо остановиться на этом вопросе, поскольку он, наверное, тесно связан с пониманием социальной структуры государств Карнатаки в целом.

⁷³ EC, VII, p. 90–91, no. 119

Гильдии, жившие в соседних селениях, поддерживали тесную связь между собою. Интересный пример относится к 22 октября 1173 г. В этот день в двух деревнях были сделаны аналогичные дары налога *bṛavaīa* с храмового сада. В одной деревне в дарении участвуют 12 *гавунд*, 60 *оккалу*, *угура-300*, «1000» (видимо, *тамбулига*) и *хеггаде* Реммараса⁷⁴. В другой деревне неподалеку — уже другие 60 *оккалу*, *гаунди* (жена или вдова старосты) из Канияхалли, те же *угура-300*, «1000» и другие⁷⁵.

Местные общинные власти, чиновники и гильдии совместно решают вопросы сбора пошлин с товаров⁷⁶.

Нередки совместные дарения *махаджанов*, городских общин и межгородских гильдий⁷⁷. Уже упоминался совместный дар в 1109 г. 8-ми *гавунд*, *накара-самуха* («всех горожан», их 500 чел.), 60 *оккалу*, *дони-1000* и *угура-300*⁷⁸.

Селение Хулунгур являлось *бананджу-ваттана* (*паттана*) гильдии *бананджу*, или *вира-валанджияр*. Однако в 1255 г. некий министр Ядавов по имени Типпараса и его жена подарили водоем для скота 12-ти *гавундам*, а также всему населению, горожанам и *муммури-дандам* (*samasta-praje nakhara muī uridaēdai gaēge*)⁷⁹.

В другой связи упоминалось также, что однажды *четти-гутты* из Арбала-70, гильдия, защищающая *вира-бананджу-дхарму*, а также глава города (*паттанасвами*), храмовые жрецы, и «все 18 каст» утвердили Мара-гавуду в должности *над-хеггаде*⁸⁰. В данном случае взаимодействие общин разных размеров и статусов позволяет назначить угодного им человека даже на такую довольно высокую чиновничью должность, как управитель *наду*.

Руководителями *наду* нередко становились выходцы из купцов. В 1241 г. Бомми-*четти* был *над-прабху* Нагаракханды, причем его отец Шанкара-*четти* тоже занимал пост *над-прабху*, а его бабка возглавляла город Конаватти, торговый центр в Банаваши-12000⁸¹.

⁷⁴ ВК, 57 of 1926/27 (SII, XV, no. 240)

⁷⁵ ВК, 119, 119A of 1926/27 (SII, XV, no. 121)

⁷⁶ EI, XVI, p. 82–88, no. 11-C (1066/67 г., Дхарвар); ВК, 78 of 1926/27 (SII, XI, II, no. 145) (1098/99 г., Дхарвар)

⁷⁷ ARE, 520 of 1960/61 (1100 г., Гулбарга)

⁷⁸ ВК, 66 of 1926/27; SII, XI, II, no. 158. См. также Gopal 1970, p. 130 (1123 г., Теридала); ARE, 464 of 1926 (SII, XV, no. 229) (1158 г., Дхарвар)

⁷⁹ EI, XVI, p. 336–337, no. 25

⁸⁰ ЕС, XI, p. 138, no. 137 (1307 г.)

⁸¹ ARE, 306 of 1957/58 (KI, IV, p. 13–16, no. 2)

Маханаду, или маханагарам

На территории Карнатаки в средние века совместные действия гильдий и общин особенно распространены.

При Западных Чалукьях собрания нескольких гильдий, местных общин и местных вождей стало называться *маханаду*. В этом конгломерате купеческие гильдии играли ведущую роль. Например, в одной из надписей из Белгаума решение принимается «всеми жителями округа, возглавляемыми всеми гильдиями этого места»⁸².

В 1095 г. 16 *четти* из Дхармаволала (совр. Дамбал), «храбрые в бою», которые составляют «большое городское собрание» (*mahānagaram*), и которые «составляют собрание людей, живущих во многих странах на обеих сторонах (моря?), кто охраняют *дхарму вира-баланджей*,... кто приобрел исключительное благоволение богини Бхагавати, состоящие из 32 морских городов (*vāṇṇapura*), 18 городов (*paṭṭana*), 64 мест йоги (*yīgapāṭha*) и учебных заведений (*ghaṭikāsthāna*) в четырех сторонах света ... которые родились от тех, кто принадлежит ко многим различным странам, кто является господами Айхола, лучшего из городов...», сообщают, что получили от Джаясимхи II привилегии — зонтик, *cāmara* и *ūāsana* (грамоту)⁸³.

Ко всякого рода перечислениям в надписях надо относиться как к условному обозначению множества. В 1099 г. в районе Дхарвара «500 *свами*» имеют те же 18 *паттанов*, 32 *велануров*, 64 *гхатикастханов* и 64 *йогастханов*⁸⁴.

Колхапурская надпись 1135 г. описывает собрание, в котором участвовали «500», включающие *гаваре* (*горава* ?), *гатрига*(?) и т. п., а также *четти* (торговцы) из Коллапура (т. е. совр. Колхапура) и Мириндже (совр. Мираджд), «царский купец» (*раджа-шрештхи*) из свиты Гандарадитьядевы Шилахары, наместник в Коллапуре, и представителей городов Кунди, Торамбаге, Майисиге, Балеяпаттана и Кавадеголла, которые представляют «всю страну» (*samasta dāṭam neredu*).

Некоторые из индивидуальных участников дарения, сохраняя титул *четти* как часть имени, обладают также и другими чинами, указывающими на их управленческие функции — *хеггаде*, *прабху*, *kājagār*. Эта разношерстная компания устанавливает сборы в пользу храма с различных товаров, продающихся в городе, большей частью в виде

⁸² JBBRAS, X, p. 238

⁸³ IA, X, 186 (Yazdani, 1960, I, p. 394)

⁸⁴ ВК, 22 of 1927/28 (SII, XI, II, no. 148). См. также Gopal 1970, p. 130

доли этих товаров, т. е. в натуре. Но она же объявляет о сборах с лавок торговцев тканями, ювелиров, плотников, гончаров, т. е. лиц, не принимавших участия в выработке решения⁸⁵. Из этого можно заключить, что торговые корпорации, выступающие вместе с местной властью, доминировали над местностью в целом, могли принуждать и других жителей, не входивших в их объединения, выполнять их решения. Впрочем, этот авторитет не являлся властью как таковой. В надписи допускается возможность невыполнения кем-то данного решения. В этом случае предусматриваются наказания морального свойства: «Тот, кто не выполнит данного решения, совершит смертный грех, как от убийства тысячи коров на берегу Ганга, в Праяге, в Варанаси, на Курукшетре; как от убийства своего старшего сына в святилище Солнца и еды из его черепа»⁸⁶.

Подобное сборище состоялось через 9 лет, в 1144 г., в Седбале, около Мираджа. Содержание надписи подобно предыдущей: это дарение купеческими гильдиями сборов с товаров в пользу храма. Но она составлена от имени самих купцов, правящий князь из династии Шилахара упомянут в самом конце просто для датировки. И в этом случае члены гильдий, объединенные «пятьюстами учеными из Аяволе», «пришли из разных стран» и населяют 32 *веллапу-ров*, 18 *паттинамов*, 64 *гхатикастханов*. Как видим, это перечисление — просто формула, означающая, что опорных пунктов у данных гильдий «много».

Далее идет список корпораций и отдельных лиц, которые собрались для вынесения решения. Этот список во многом повторяет тот, который содержится в надписи 1135 г. из Колхапура, но он более пространственный и, поэтому, менее понятный. Прибавлены отдельные гильдии продавцов браслетов (*balegàra*) и торговцев благовониями (*gai dhigara*), что кажется логичным. Но здесь же «раджи» и «сыновья раджей» (*arasugañum arasu-makkañum*), что не совсем понятно в компании купцов. Впрочем, сращивание купеческой и властной элиты в средневековой Карнатаке уже несколько раз отмечалось. И данная надпись добавляет подтверждений этому.

Список разнообразных общин заканчивается перечислением 15 имен, которые на самом деле и «собрались» и составляют «*маханаду*,

⁸⁵ Интересны «взносы» ремесленников: от плотников — по одной табуретке и одному трехногому стулу каждые полгода и по кровати каждый год; от горшечников — по горшку с мастерской.

⁸⁶ EI, XIX, p. 33, no. 4-A

главных лиц местности» (*samasta-taëa-mukhyav-àgi mahànàäu-àgi*) (эпиграфист предлагает понимать *mala* как «округ»). Среди них лица с титулами *прабху*, «царский купец» (*ràja-ùràòdhi*), «великий купец» (*mahà-vàääa-vyavahàri*)⁸⁷, *нада-пергаде*.

В отличие от предыдущей надписи, здесь к конгломерату купеческих и профессиональных общин присоединяются «жители», которые от своего имени дарят тому же храму некоторые сборы: по $\frac{1}{4}$ *фанама* с каждой свадьбы, $\frac{1}{4}$ *фанама* с дома, отчисления в натуре с мастерских гончара, кожевника, корзинщика⁸⁸.

В 1147 г. в районе Белгаума дарят храму доходы с торгового места: две корпорации по «500»: одна во главе с Кешавая-*четти* из вайшьев, другая — *махаджаны* Теласангавы; местные *четти* из 36 «лагерей» (*móvattàäuì bēäu*); местные *бананджиги-четти*; и все *накара*. Непосредственно осуществлять дар будут *накара* (т. е. они будут собирать взносы и передавать их храму?)⁸⁹.

В 1161 г. в районе Биджапура состоялось коллективное дарение двух групп юридических и физических лиц, и эта группировка позволяет понять устройство «корпоративной жизни» вообще. Во-первых, собралась группа, возглавляемая «Пятьюстами из Айхола» и включающая «*гаваре* из многих стран и *муммуридандов*». Эта группа называет себя *маханаду*. Но, во-вторых, там же собрались, под руководством *прабху* этого селения, «два по 500» (скорее всего, имеются в виду уже упомянутая гильдия из 500 купцов и местное собрание из 500 *махаджанов*), *четти* этого селения, *накара* («горожане») и *четти*, которые занимаются транспортировкой, и торгующие листьями бетеля *гамрига*, и гильдия (*kottaä*) маслобойщиков, и *барика* (?) из Тарддавади-1000⁹⁰. Видно противопоставление пришлых и местных бизнесменов. Последние, естественно, опираются на местную администрацию. Это некоторое отчуждение не мешает двум группам совершить совместное дарение.

⁸⁷ *Маха-вадда-вьявахари* встречается еще в ряде надписей. В 1176 г. этот титул носит *маханпрадхана* Нагадевая-наяка (BK, 117 of 1940/41. 1939/43; EI, XIII, p. 60, no. 4-B. Трудно решить, имеем ли мы дело в данном случае с купцом, получившим придворный титул, или же с чиновником, назначенным «возглавлять» купцов.

⁸⁸ EI, XIX, p. 38, no. 4-B (Dikshit 1964, p. 30–31). Похожую надпись 1150 г. см. EC, VII, p. 85–86, no. 118

⁸⁹ KI, II, p. 79–85

⁹⁰ EI, V, p. 23, no. 3-A

В 1166 г. коллектив дарителей выглядит так: 16 представителей от 8 *наду*, корпорация *аяволе*, *прабху* («старшины») из Белвала-300, Кисукаду-70 и Багадаге-70, а также *муммуридан*ды и *нанадеши*⁹¹.

В 1168 г. объединяются для дарения местный магнат Чавудараса, *махаджаны*, *муммуридан*ды, *ubhayamàrga tuāiva* («жители страны Тулу, пришедшие двумя дорогами?»), *ubhaya-nānādāiis* («обе группы из разных стран»)⁹².

Другой вариант широкой общности, создающейся для разового действия: орехи арека в 1172 г. дарят «все жители страны, обе группы иноземных купцов и все *муммуридан*ды» (*samasta-nāūgaē ubhaya-nānādāi samasta-mummuri-dai āai gal*)⁹³.

В 1173 г. «500 *свами* из Айхола» возглавляют «представителей четырех *наду* и восьми *наду*», а также *четти* из Камнада-4000 и Эдадоре-2000 и несколько иных общин⁹⁴. Смысл группировки *наду* на «четыре» и «восемь» не ясен. В данном случае нам важно участие населения, крупных территориальных общин, так как предметом надписи является дарение земли.

Следующее собрание *маханаду* произошло в Хирисинги (Сирсанги, Белгаум) в 1186 г. Присутствовали представители 500 *свами* из Айхола; *четти*, *четти-гутты* из 8 городов из «двух, вместе 600» (т. е. расположенных в Пулигере-300 и Белволе-300); *муммури-дан*ды из всех мест; *четти-гутты* четырех городов из Кунди-3000; главные купцы из Латы (Южный Гуджарат) и Малаялы (т. е. Кералы, Малабара); общины, составляющие 500 из *аяволе*, и, конечно, «принимающая сторона», — торговцы города Хирисинги. Джаямая-*четти* объявляется при этом *samaya-sakravarti*. Это можно перевести как «император общин». Понятно, что столь пышный титул мог реально означать всего лишь некое «председательствование» на собрании разнородных общностей. Но существование такого «императора» весьма красноречиво: общины стремились к координации действий, к организационному оформлению своей общности⁹⁵.

В 1204 г. *маханаду* состоялось в Венуграме (совр. Белгауме). В нем участвовали «все *муммури-дан*ды Венуграмы; *муммури-дан*ды обеих групп странствующих торговцев, включая торговцев из Кунди-3000

⁹¹ ВК, 135 of 1926/27 (SII, XV, no. 106)

⁹² ВК, 83 of 1932/33

⁹³ EI, XV, p. 323, no. 20

⁹⁴ ARE, 32 of 1942/43. 1939/43

⁹⁵ KI, I, p. 40–41

и других, во главе с *самая-чакраварти* Джаяпати-*четти* (далее следует панегирик этой группе торговцев), а также все торговцы из Лалы, возглавляемые Парашурама-*наяком*, Помманна-*наяком* и Аммути-*наяком*; все торговцы из Малаялы во главе с Падана-*наяком*; Конда Намби-*четти*; Пориячча-*четти* и другие; а также прочие торговцы из Венуграмы, возглавляемые ювелирами и торговцами тканями и растительным маслом, и *diī ka-sāliga* (?)⁹⁶. Остается неясным, одно ли лицо Джаяпати-*четти* из надписи 1204 г. и Джаямая-*четти* из надписи 1186 г., но это, в конце концов, и неважно. Главное, что купеческие корпорации почувствовали необходимость иметь «императора», т. е. координатора, связующее звено, которое могло бы объединить их усилия⁹⁷.

Исчезновение купеческих и прочих профессиональных корпораций в Южной Индии происходило уже в XV–XVI вв. и, насколько я знаю, его невозможно проследить, можно только констатировать.

⁹⁶ EI, V, p. 26, no. 3–A

⁹⁷ Другие случаи заседаний *маханаду* см.: SII, IX, I, no. 391 (время Викрамадхити VI); IA, V, p. 23 (1163 г., Биджапур); JBRRAS, IX, p. 298–299 (1164 г.); ВК, 58 of 1927/28 (1178 г.); IA, XIV, p. 25 (1182 г.); JBRRAS, X, p. 220 (1205 г.), p. 248 (1219 г.); ARE, 518 of 1960/61 (1218 г., Гулбарга); ЕС, XI, p. 71, no. 105 (1218 г.); ВК, 50 of 1928/29 (SII, XV, no. 164) (1220 г., Биджапур); EI, XIX, p. 29–30, no. 3 (1244/45 г.); XXI, p. 16 (1260 г.); ЕС, XI, p. 59–60, no. 59 (1280 г.); SII, IX, I, no. 350 (1282 г.); ARM, 1915, p. 56 (время Вира Баллалы III).

Глава 21

Формы бытования государственной власти

Вассальные князья

Территории государств находились «под управлением» различных лиц. Это были либо вассальные князья, либо временные «губернаторы». Различать их нелегко, поскольку они могли носить совершенно разные звания, и не всегда прослеживается наследственность этого «управления». Большинство мелких династий VIII—XIII в. нельзя привязать к какому-то конкретному крупному государству. Они возникали и пропадали из источников на всем протяжении периодов Раштракутов, Чалукьев, Ядавов и Хойсалов. Их наличие никто не может оспаривать, но так как внимание индийских ученых приковано в основном к крупным государствам, составлявшим каждое эпоху в истории Южной Индии, и структуру этих государств они стремятся представить как зрелую бюрократическую, централизованную, то вассальным княжествам уделяется недостаточное внимание. Они плохо изучены. Впрочем, этому есть и объективные причины: мелкие династии оставили несравненно меньше надписей, чем великие правители основных государств.

При Раштракутах и Западных Чалукьях сохранялась династия **Западных Гангов**, которая правила территорией, получившей по этому случаю наименование Гангавади-96 000. Гангамандала появляется в надписях в IX в.¹ Она сохраняла некую общинную организацию. Ее «96 000» жителей могли быть свидетелями при дарениях². Но Раштракуты отдавали под управление этой династии и другие области: Банавази-12 000, Белвола-300, Пуригере-300, Кисукад-70, Багенад-70³.

¹ EI, I, p. 346–351, no. 40

² EI, XXXVI, p. 97–99, no. 13

³ EI, IV, p. 354, no. 50; VI, p. 55–57, no. 6–С. Впрочем, в 1077 г. Белволой-300

У Западных Гангов были свои вассалы. Одним из них были **Сендраки**, правившие в 681–696 гг. с титулом *махараджа* Нагаракхандой-70 и Джеджугуром-70 (округ Шимога)⁴.

В Юж. Канаре с древних времен существовала династия **Алува** (Алупа), столицей которой был Барахаканьяпура. Эта территория была присоединена Хойсалами только после 1262 г.⁵ Севернее Алувов располагались **Кадамбы из Гоа**. Они базировались на области Конкана-900, но иногда владели и соседними областями Халасиге (Паласиге)-12 000, Кундуру-300 (или 500) и даже Кавадидви-125 000. Кадамбы из Гоа носили титул *махамандалешвара*, который обычно понимается как аналог «губернатора», т. е. их княжеский статус не подчеркивался⁶. В IX в. Алувы и Кадамбы заключают между собой соглашение о прекращении вражды. Позже такие соглашения повторяются⁷.

Другая ветвь Кадамбов правила в Банавази-12 000 (часть Северной Канары и Шимоги)⁸. Их вассалами были **Ганги** из Джидувадге-наду и одна из ветвей **Шилахаров**⁹.

Шилахары состояли из множества родов. В 1292 г. упоминаются «главы 18-ти семейств клана Шилахаров»¹⁰. Наиболее известные из них две: одна правила Конканом-1400, другая — на Декане, между Сатарой и Белгаумом¹¹. Конканские Шилахары появляются в надписях X–XI вв. Они тоже носили титул *махамандалешвара*¹².

Семья **Модха** правила областью Самьяна (Самьянапаттана-700, дистрикт Тхана) в IX–XI вв. Они временами подчинялись Шилахарам

и Пуригере-300 правит уже князь из другой достаточно известной династии — Ноламба Паллава (EI, XVI, p. 330, no. 24)

⁴ ARE, 8 of 1902 (IA, XIX, p. 144–145; EC, VII, p. 109, no. 154)

⁵ ARE, 364 of 1927

⁶ EI, XIII, p. 168–177, no. 14 (KI, I, p. 20–25, no. 17 (1055 г.); BK, 51 of 1941/42. 1939/43 (1072 г.); SI, XV, no. 225 (1081 г.); ARE, 56 of 1951/52 (1096 г.); ARE, 404 of 1965/66 (EI, XXXVII, p. 308, no. 53) (1103 г.); EI, XIII, p. 298–325, no. 28-A, 28-B (1125, 1126 гг.); ARE, 450 of 1926 (1128 г.); IA, XI, p. 274 (1158 г.); ARE, 73 of 1952/53 (1166 г.)

⁷ ARE, 385, 392, 393, 406 of 1927/28

⁸ ARE, 222 of 1947/48 (1111 г.); 607 of 1958/59 (1174 г.)

⁹ EI, XIX, p. 180–181, no. 29-A

¹⁰ Desai 1962, p. 47, no. 15

¹¹ IA, V, p. 276

¹² ARE, A 17 of 1959/60 (993 г.); EI, III, p. 270, no. 37 (997 г.); XII, p. 250, 266, no. 31 (IA, V, p. 278, 280) (1026 г.); EI, XXXII, p. 45, no. 5–1 (1034 г.); XXXII, p. 73, no. 5–3 (IA, IX, p. 351) (1053 г.)

из Гоа, но иногда не признавали их верховенства и подчинялись напрямую Раштракутам или Чалукьям¹³.

Деканская ветвь Шилахаров, тоже *махамандалешвары*, известна по надписям XII в., как собственным, так и надписям их вассалов **Ноламба-Паллаво**¹⁴.

Эта последняя династия известна несколькими семьями, правившими как в Северной Канаре с центром в Пайвегунду¹⁵, так и в районе Дхарвара (округ Шанталиге-1000)¹⁶.

Семья **Синда** (Синдавамша) имела также несколько мелких княжеств на территории от района Пуны до Айхола и Паттадакаля. Одна из семей этого клана называла себя *дешадхипати* (*devādhipati*) Пратьяндаки-4000¹⁷.

Ратты из Саундатти базировались на Кунди (Кухунди)—3000. Кунди-деша впервые упоминается в 1009/10 г.¹⁸ Но династия Раттов фиксируется здесь с 1043 по 1246 гг. Они называли себя либо *махасамантами* (т. е. «великими вассалами»), либо *махамандалешварами*¹⁹.

Среди вассальных князей можно еще упомянуть **Гуттов** из Гуттала²⁰, **Тьягов** (Чаги) из Натавади (с 1161/62 по 1293/94 гг.)²¹, **Брахмаваков** в занятом Раштракутами Гуджарате²², Рукамангадеву из Ахичапуре (Дхарвар)²³, **Сетти** в районе Кунди²⁴. В районе Анантапур-Беллари в 60—70 гг. XII в. правила династия, называвшая себя **Чолы из Урейюра**. Имеют ли они отношение к имперским Чолам, неизвестно²⁵. Некий

¹³ EI, XXXII, p. 61–62; p. 74, no. 5–3

¹⁴ BK, 1 of 1937/38 (1109 г.); KI, II, p. 38–48, no. 12 (1114 г.); EI, XXVII, p. 176–182, no. 32 (1115 г.); SIE, XIV, p. 95, no. 15 (1154 г.)

¹⁵ EI, XXI, p. 179, no. 29

¹⁶ ARE, 63 of 1952/53

¹⁷ EI, XXV, p. 164–171, no. 15 (965 г.); EI, XVI, p. 52–57, no. 9-A (1053 г.); EI, III, p. 230–235, no. 33; p. 306–311, 43 (IA, I, p. 81–82) (IX–XII вв.)

¹⁸ IA, XVI, p. 24 (EI, XVI, p. 37, no. 8)

¹⁹ EI, XVIII, p. 177–178, no. 22-B (1043 г.); ARE, 33 of 1951/52 (1080 г.); BK, 69 of 1940/41. 1939/43 (1085 г.); Gopal 1970, p. 130, 133 (1123 г.); ARE, 51 of 1952/53 (1170 г.); ARE, A 25 of 1949/41. 1939/1943 (1180 г.); BK, 10 of 1940/41. 1939/43; ARE, 151 of 1955/56 (EI, XIII, p. 26, 34–34, nos 3-A, 3-B (1201–1204 гг.); BK, 9 of 1942/43. 1939/43 (1237 г.); KI, I, p. 76–80, no. 33 (1246 г.)

²⁰ BK, 54 of 1932/33 (1188 г., Дхарвар)

²¹ ARE, 1923/24, p. 116–117

²² EI, I, p. 52–58, no. 8

²³ ARE, A 26 of 1940/41. 1939/43 (1267 г.)

²⁴ EI, XIX, p. 26–30, no. 3

²⁵ ARE, 15 of 1917 (1161 г.); 461 of 1923. 1924 (1169 г.); 104 of 1927 (1179 г.)

Калигора II, вассал Чалукьев, правил 2000 деревень и считал, что он принадлежит к «третьей династии», а именно к *Агникула*²⁶. Наш нескромный владетель «3000 деревень» демонстрирует знакомство с легендами и хочет причислить себя к кшатриям. В целом «кшатрианизации» Южной Индии не произошло, и, как мы увидим, многие весьма видные вельможи не гнушались признаваться, что они выходцы из «четвертой варны», т. е. из шудр.

В конце концов, именно вассальные князья погубили государство Западных Чалукьев. Сначала скромные вассалы Шилахаров **Хайхайя** (или **Калачури**), правившие в Эддоре-1000²⁷, захватили их трон на несколько лет (1157–1183 гг.), и это предопределило окончательное поражение династии от других вассалов — Ядавов из Сеунадеша около 1200 г.

Вассальные князья, выпуская надписи, не забывают упомянуть не только своего сюзерена, но и своих предков, лелея память о былом могуществе. Один из Шилахаров в 1114 г., приводя свою генеалогию, утверждает, что один из его предков имел кавалеристов «не менее 18 тысяч», копейщиков — 80 000, а также «бесчисленную пехоту»²⁸. Князья вели собственную «внешнюю политику». Уже упоминалось, что Шилахары из Гоа и Алувы заключали между собой соглашения «о ненападении». Видимо, какой-то договор был заключен и в 1072 г., когда в Банкапуре собрались и расположились лагерями *махамандалешвара* Харикантадева Кадамба; Бхуванайкамалла Паллава Вира Ноламба Удайдитьядева, который правил Банаваси-12 000 и Шанталиге-1000, а также его брат *данданаяка* Сомешварабхатта, который правил в Панунгал-500²⁹. Наверно, шли постоянные войны между князьями. Мы знаем только о тех из них, в которых гибли знатные люди и в их честь воздвигались «камни героев» (*vēra-gal*)³⁰.

²⁶ EI, XXXV, p. 160–161, no. 21–1. Как известно, древние кшатрии возводили себя либо к Солнечной (*Сурьявамша*), либо к Лунной (*Сомавамша*, или *Чандравамша*) династии. Раджпуты, захватив территории Северной и Центральной Индии в VIII–X вв., тоже стали возводить свои роды к Солнцу или Луне. Но не все кланы, считавшие себя кшатрийскими, «уложились» в эти две династии, и в средние века возникла легенда, что есть и третья кшатрийская династия, произошедшая из священного огня, который развел на горе Абу в Раджастане великий святой Агастья.

²⁷ SIE, XXV, p. 71, no. 11 (1102 г.); SIE, XXII, p. 111, no. 25 (1166 г.)

²⁸ KI, II, p. 38–42, no. 12

²⁹ ARE, 198 of 1947/48

³⁰ BK, 59 of 1941/42. 1939/43; SII XI, I, no. 36 (942 г.); EI, XVIII, p. 172, no. 22 (985 г.)

Отметим еще любопытный случай, который указывает либо на крепкую верность вассала своему сюзерену, либо на крайнюю небрежность в составлении надписей. В 988 г. Авасара II Шилахара пишет в своей надписи, что является верным вассалом Раштракутов³¹. Но достоверно из многих источников известно, что власть Раштракутов была свергнута Чалукьями в 973 г. Вассальный князь 15 лет не замечал, что у него сменился сюзерен? В 997 г. следующий князь Шилахаров Апараджита уже признает приход к власти Чалукьев, но и через 24 года скорбит о Раштракутах: «Царь Каккала³² был свергнут Тайлапой, как будто бы огонь задут страшным ветром, и от некогда процветающего правления Раттов осталась только память». И еще раз, датируя свою надпись, осиротевший Шилахара не может не упомянуть, что все это происходит «после падения власти Раттов»³³.

Вассальное положение князя обычно обозначалось формулой, что он «правит, испытывая удовольствие от милой и дружественной связи с ...» сюзереном³⁴. Чаще всего эта формула употребляется, конечно, при описании отношений царя и его крупных вассальных князей. Но она же применима и к отношениям более низкого уровня. В 1012 г. вассал Западных Чалукьев Кешавая правил в своем уделе (Белвола-300 и Пулигере-300), тоже «наслаждаясь приятными разговорами» со своими подданными³⁵.

«Центральное правительство»

Многие индийские историки пытаются соорудить государственный аппарат из отдельных упоминаний о должностных лицах. Например, Яздани пытается сделать это на материалах чалукийских и ядавских надписей³⁶. Но ему самому ясно, что попытка не удалась. Он, например, с удивлением отмечает, что в надписях Ядавов нет упоминаний о чиновниках местного уровня — *раштрапати*, *вишаяпати* и *бхогапати*, в то время как они не могли не существовать.

Дж. Д. М. Деррет находит, что государство Хойсалов в XII–XIII вв. находилось на уровне патримонии: «Расширенная семья, к которой

³¹ EI, XXXVII, p. 58, no. 12

³² Он же Карка II, он же Амогхаварша IV, последний чалукийский царь

³³ EI, III, p. 267–275, no. 37. Ратта — одно из имен Раштракутов.

³⁴ См., например, EI, XII, p. 289–290, no. 32-B; XX, p. 69, no. 6

³⁵ EI, XVI, p. 75–81, no. 11-B

³⁶ Yazdani 1960, I, p. 388–389; Yazdani, 1960, II, p. 558

царь, как и его подданные, принадлежал, имели *раджью*, т. е. царство, как семейное имущество, в котором все мужские члены нераздельной семьи имели право по рождению»³⁷.

Однако нет никаких оснований считать, что государственный аппарат, создавшийся, по крайней мере, еще в VIII в., к XIII в. исчез, и произошла примитивизация государственности. Дело в том, что Раштракуты и Западные Чалукьи имели обыкновение снабжать свои надписи «адресными формулами» или формулами оповещения, где перечисляли «всех», имеющих по идее отношение к данному дару, создавая «административный миф»³⁸. Термины для «аппарата» Раштракутов и Западных Чалукьев взяты именно из этих формул³⁹. Последующие же династии изменили дипломатику грамот, перестали вставлять в них оповестительные формулы, и многие чиновники «исчезли» из источников. Чиновники в карнатакских надписях упоминаются гораздо чаще, чем в тамилнадских. Но их структура совершенно не ясна. Дж. Хайтцман приходит к выводу: «Носители высоких титулов, таких как *адхикари* или *сенапати*, действовали как посредники от имени царя в местных диспутах и занимали высокие административные или даже военные посты. Но нет сведений о рациональных методах набора на службу, о жалованьи или даже о процедуре определения ранга»⁴⁰.

Если судить не по спискам вельможных титулов в формулах уведомлений, а по упоминаниям конкретных людей, то можно утверждать, что некое «центральное правительство» существовало, однако сведений о нем мало и они не составляют общую картину. Впрочем, данные говорят о довольно раннем зарождении аппарата в Карнатаке.

Уже в надписи Девараджи Бходжи, правившего в районе Гоа примерно в IV в., упоминается *sarvatantradhikṛta* Амарешвара («управляющий всеми ведомствами») ⁴¹.

В надписи Мригеша Кадамбы (V в.) при дарении джайнскому монастырю фигурирует некий Джиянта, который тоже заправляет «всем» (*jiyantaṭ-c-āyuktakaṇ sarvvasyaṇuṇḍhātā*) ⁴².

³⁷ Derret, 1957, p. 178

³⁸ Подробнее см. Alayev 1985

³⁹ См., например: IA, XVIII, p. 234 (ок. 708–710 гг.); IA, XI, p. 112 (753/54 г.)

⁴⁰ Heitzman 2001a, p. 153

⁴¹ EI, XXIV, p. 144, no. 22

⁴² IA, VI, p. 25

Во второй половине VI в. при Конгани II Ганга дарит деревню «министр суверена всех континентов» (*akala [akhila] varṣa pṛthuvī [pṛthivī] vallabha mantri*)⁴³.

В дальнейшем количество членов «правительства» увеличивается, номенклатура их титулов и должностей расширяется. Появляется понятие «72 ведомства», которые никак не расшифровываются, но зато все эти ведомства имеют единого начальника. Некий Мадхава оказал Совидеде Калачури серьезные услуги, предотвратил опасность военного переворота, за что и получил звания не только *данданаяки*, *маханпрадханы*, *сенадхипати*, но и *bāhattaryniyī gādhipati*, т. е. «господина 72-х ведомств»⁴⁴. Понятно, что это лишь изобретенный новый титул.

В 1181 г. при царе династии Калачури состоялась группа лиц, которых можно назвать «правительством»: Лакшмана-*дандеша*, *данданатха* Чандуги-дева, Речана-*данданатха*, Сована-*раштрапати*, Кавана-*данданатха* и Кешимая-*данданаяка* (он же Кришна Кешавадева-*данданатха*). Этот последний одновременно правит Банаваши-12 000, в чем ему помогают: Нарасимха-*наяка*; казначей Совидеда; *каранамы* (писцы), возлюбленные брахманскими собраниями; Хирия Виттараса — воплощение царской славы Лакшмидевы-*данданатхи*; Чандугидева-*данданаяка* — воплощение свирепой мощи; дорогой сын Дуги-*четти* из Иттиге — украшение семьи Ваджи; *дешия-данданаяка* Чикка Виттхараса; Речаная-*данданаяка*; Кешавадева; Каваная-*наяка* и другие⁴⁵.

Анализировать перечисленные здесь термины не имеет смысла, поскольку мы, как правило, ничего не знаем об этих лицах, кроме буквального значения их должностей. А метод исследования системы должностей через буквальное значение титулов, как показывают работы индийских коллег, ни к чему не ведёт. Ясно лишь, что центральное «правительство» было тесно, лично связано с провинциальным, и последнее было разветвленным.

Сатьянараяна вынужден признать, что при Чалукьях из Бадами «не было никакого Совета министров. Управление находилось большей частью в руках царской семьи»⁴⁶.

Р. Инден принимает адресные формулы за перечисление реальных лиц: членов царской семьи, министров, губернаторов представителей

⁴³ IA, I, p. 365; XII, p. 13

⁴⁴ Desai 1962, p. 61–62, no. 20

⁴⁵ EC, VII, p. 90–91, no. 119 (1181 г.)

⁴⁶ Satyanarayana 1975, p. 304

«народа» и т. п., которых раштракутский царь реально собирал, чтобы сообщить о дарении⁴⁷. Уже говорилось, что такой бесхитростный подход не имеет ничего общего с анализом надписи как источника.

Временные наместники и вассальные отношения

Отдельными частями страны (мы видели, что это могли быть традиционные округа с числовыми индексами, или несколько таких округов, или другая территориальная единица, созданная *ad hoc*) управляли «губернаторы», или «наместники». Я предпочитаю второй термин как менее нагруженный смыслами. Они были по определению временными правителями. Данные показывают, что их действительно смещали или переводили в другое место очень часто.

В Западном Декане нередко в качестве наместников выступали члены семьи царя — братья, сыновья, и даже сестры и жены. По мнению одного из эпиграфистов, в государстве Раштракутов отмечен лишь один такой случай⁴⁸. Я обнаружил еще один, относящийся ко времени правления Раштракутов. Около 915 г. Раджадитья из семьи Салуки правил Банаваши-12 000, а его жена Шри Мадеви правила Самакариге (возможно, то же, что и Саккараге-90)⁴⁹. Но при поздних Чалукьях правление женщин уже никого не удивляло.

В 1019 г. в Банаваши-12 000 правил Кундараджа, а его жене Джогаббараси были выделены в удел, по крайней мере, две деревни. Она дарит храму земельный участок⁵⁰.

Уже упоминалось о том, что в 1037 г. Аккадеви, сестра двух императоров, правила Банаваши-12 000 и Панунгал-500, правда, совместно со своим мужем, отпрыском династии Кадамбов.

В 1049, 1054 и 1056 гг. теми же территориями управляет *махаманда-лешвара* Харикесариदेва Кадамба вместе со своей женой Лаччала-деви (или Махадеви). Они даруют деревню в Нидугундаге-12 в Панумгал-500⁵¹. В 1052/53 г. она упоминается как единоличная правительница Банаваши-12 000⁵².

⁴⁷ Inden 1990, p. 222, 232

⁴⁸ EI, XXII, p. 105, no. 17

⁴⁹ ARE, 227 of 1947/48

⁵⁰ BK, 9, 124 of 1932/33

⁵¹ ARE, 204, 210 of 1946/47; EI, XIII, p. 171–175, no. 14

⁵² EI, XVI, p. 337–339, no. 26

В другой надписи XI в. упоминается жена *махамандалешвары* Тайлапы Кадамбы, дочь *мандалешвары* Джогама Рамы, которой поручили управлять аграхарой Нараямгал⁵³. В 1111 г. другая жена того же Тайлапы по имени Лакшмидеви правила деревней Ниттасинги. Упоминается староста этой деревни (*ур-гавунда*)⁵⁴. В чем заключалось «управление» деревней, в которой существовало, очевидно, самоуправление, неясно. Наиболее очевидное предположение — оно заключалось в присвоении налогов с данной деревни.

Сын Сомешвары I, будущий Викрамадитья VI, при жизни своего отца правил Гангавади-96 000 и Банаваши 12 000⁵⁵. 1067 г. другой сын Сомешвары I Вишнувардхана Виджадитья правил Вагали-500, Кадамбалиге-1000, Баллакуде-300, Каньякаллу-300⁵⁶. В 1079 г. Ноламбавади-32 000, Шанталиге-1000, Пулигере-300 и другими территориями правил *ювараджа* Трайлокьямалладева, младший брат Викрамадитьи VI⁵⁷. В 1081 г. он правил Белвола-300, Пулигере-300, Банаваши-12 000, Шанталиге-1000, Кундур-1000⁵⁸.

Не думаю, что отношения таких наместников и царя регулировались какими-либо формальными правилами. По-видимому, мы можем предположить, что родственники царя, с одной стороны, обладали фактически большой степенью самостоятельности, а с другой — могли быть отозваны в любой момент. Впрочем, мы увидим, что «губернаторство» редко бывало продолжительным и для других деятелей.

То обстоятельство, что в роли наместников в государствах Декана нередко выступали женщины — члены правящего рода или родственницы вассалов, — возможно, тоже значимо при попытке определить характер «наместничеств» и уделов.

Жена *махамандалешвары* Бармы по имени Суггаладеви в 1187/88 г. правила Торагаледеша (то ли это Торега-6000, то ли Торугаре-60). Возможно, это крупная провинция, т. к. надпись содержит красочный панегирик этой стране, понятное дело, лучшей из всех стран на Земле⁵⁹.

⁵³ ARE, 227 of 1946/47

⁵⁴ ARE, 222 of 1947/48. Еще один случай, когда деревней управляет жена правителя Банаваши-12 000 см.: ВК, 9 of 1932/33

⁵⁵ EI, XIII, p. 171–175, no. 14; KI, I, p. 20–25, no. 17

⁵⁶ ARM, 1935, no. 40; EC, XI, p. 12–13, no. 47 (1067 г.)

⁵⁷ EI, XIX, p. 187–188, no. 29–C (KI, IV, p. 73–75, no. 33)

⁵⁸ EI, XVI, p. 58–66, no. 9–B

⁵⁹ IA, XII, p. 98

При Хойсалах довольно широкое и заметное участие жен правителей и вельмож в администрации продолжалось. «Царицы вплоть до последних правлений не только проявляли административную власть, имея каждая своих собственных министров и вассалов, но при случае даже возглавляли военные экспедиции не очень изнурительного характера»⁶⁰.

Следует ли называть эти наместничества «феодами», «кормлениями», «губернаторствами»? Забегая вперед, надо сразу же сказать, что однозначная характеристика типа отношений правителей областей с правителем центральным невозможна. Эти отношения не встраиваются в известные модели.

В определенном смысле они были вассалами. Вассальные отношения выражались формулой «живущие у лотосов его ног» (*tat-pàda-padm-îpajëviga*)⁶¹. Таким был, например, Нараяна, правивший Багадаге-вишай (она же — Багадага-70, Багадиге-70) при Викрамадитье VI. При этом он носил весьма высокие титулы *маханпрадхана* («министр»), *данданаяка* (военачальник), *махасамантадхипати* («глава вассалов»)⁶².

Формула «находит пропитание у ног» несколько раз употребляется в надписи 1037 г. В ней говорится, что Аккадеви, сестра Викрамадитьи V и правящего ныне царя Джаясимхи II, правит в Банаваши-12 000 и Панунгал-500. Она «находит пропитание у ног царя», т. е. подчеркивается, что она такой же вассал, что и прочие. Правда, одновременно теми же территориями правит *махамандалешвара* Маюравармадева. Эпиграфист полагает, что это муж Аккадеви. Но «находит пропитание у ног царя» и Маара-гавунда из Поттиюра, обладатель права *prabhutanai* («главенство») над Панунгал-500.

Тут же сообщается, что *каннада-сандхивиграхи* («министр мира и войны в стране каннада») *данданаяка* Чаванараса правил Белвола-300 и Пуригере-300⁶³, а «находят пропитание у ног» Чаванарасы по крайней мере четверо: *перггаде* Акалимая, ведающий налогами в «600»; Сангавая, тоже заведующий пошлинами (*сунка-верггаде*); Чавундамая, заведующий налогами в Банаваши-12 000, и Дудиямма, *манняя сунка-верггаде* в Панунгал-500. Эти 4 человека, собравшись вместе, издали

⁶⁰ Derret 1957, p. 187

⁶¹ HCIP, IV, p. 255

⁶² IA, VI, p. 139

⁶³ Эти две территории весьма часто объединяются в едином наделе, так что их перечисление нередко заменяется выражением «две, [вместе] 600».

указ (*lāsana*), устанавливающий размеры сборов с товаров в 5 городах⁶⁴. Надпись показывает, что вассальные отношения могли складываться не только между царем и его наместниками, но и на более низких ступенях иерархии.

Многочисленные вассалы Шилахаров (*мандалики* и *саманты*) тоже «находили пропитание у ног» сюзеренов и «испытывали страх» перед ними⁶⁵.

Вассал для демонстрации своей службы сюзерену мог называть себя «тигром царя» или «львом царя»⁶⁶. Забавно, что в этом же ряду стоит выражение «скорпион для *мандалешваров*»⁶⁷, т. е. собирательное *мандалешвары* употреблялось для обозначения врагов царя.

В раннесредневековой Карнатаке существовала формула службы сюзерену, заключавшаяся в трех словах *jī ēāvāēi, vāēāvāēi, leēkavāēi*. Тех, кто погиб, защищая жизнь, страну или город своего благодетеля или господина, который их кормил, называли *джолавали*. *Велавали* называли тех слуг, которые были готовы пожертвовать своими жизнями за своего господина. *Ленкавали* были те, кто жертвовал жизнью добровольно — прыгая на пики, сгорая на костре мужа (в случае обряда *сати*), прыгая в огонь во время солнечного затмения, бросаясь в реку в благоприятный для этого день⁶⁸. Это была теория, моральные нормы, практика была не так красочна и драматична.

Известна корпорация *ленка-1000*, которая отличалась воинственностью. В одной из надписей говорится, что они имеют 6 деревень на условиях *aī uga-jivita* («пожизненные средства пропитания»), имея во главе *данданаяка* Тиканну⁶⁹. Это, скорее всего, военный отряд, но не просто наемники, а коллектив, осознающий свою общность.

Вассальные отношения обозначались также и термином, общим с Северной Индией того же времени — *самантике*⁷⁰. Слово *саманта* («сосед») приобрело в средние века значение «вассал»⁷¹. Соответственно

⁶⁴ EI, XVI, p. 75–81, no. 11-B (1037 г., Дхарвар)

⁶⁵ EI, XIX, p. 32, 38, nos 4-A, 4-B

⁶⁶ EI, XVI, p. 82–88, no. 11-C

⁶⁷ EI, III, p. 217–220, no. 30 (1193 г., Дхарвар)

⁶⁸ Annigeri 1976, p. 103–104

⁶⁹ ARE, 443 of 1914 (SII, IX, I, no. 101, 104) (1045 г., Беллари)

⁷⁰ ARE, 186 of 1958/59. Термин *самантике* приобрел технический смысл, оторвался от своей этимологии («соседство») и применялся не только к землевладельцам или военачальникам. В 1113 г. деревню получает некий пандит для того, чтобы служить в храме, но на условиях *самантике* (ARE, 191 of 1958/59)

⁷¹ См.: Yadava 1973, p. 136–200

появилась иерархия вассалов, некоторые из них стали *махасамантами* («великими вассалами»), а наиболее выдающиеся среди последних — *махасамантадхипати* («главами над *махасамантами*»).

В 1121 г., например, Банаваши-12000 управлялась *махасамантадхипати* Ишвараей, а под ним *маннеей* Басавуры-140 владел *махасаманта* Хермадияраса⁷². В 1152/53 г. в Хулигере-300 правит *махасаманта* Магара Махадевараса⁷³. В 1067 г. «великим вассалом» назван управитель Хонганде-30⁷⁴.

Но нередко титул управителя говорит лишь о его высоком положении и не имеет значения «вассала» или «губернатора». В этом случае он выглядит как временный назначенец. Так, Банаваши-12000 в 1079 г. управлял Баладевая, имевший только титул *махасенадхипати* («великий военачальник») ⁷⁵. А Кешимая, правивший в 1143 г. сразу пятью округами, носил титул *хери-лала-сандхивиграхин* (примерно можно перевести как «заведующий миром и войной в Гуджарате») ⁷⁶.

В правление Вира Баллала II Хойсалы (1173–1220) Велувалой-300 управлял вассал царя с титулами *маханпрадхана сенадхипати бхаттаранийог-адхипати* («великий министр, военачальник, досточтимый имеющий должность руководитель») без указания на конкретную должность ⁷⁷.

⁷² EI, XIX, p. 193–194, no. 29-E. Другой *махасамантадхипати* в качестве наместника упоминается в 1074/75 г. (IA, X, p. 122)

⁷³ BK, 78 of 1932/33

⁷⁴ ARM, 1935, no. 40; EC, XI, p. 12–13, no. 47. *Саманта* в качестве наместника Мугунды-30 упоминается также в 1046 и 1125 гг. (ARE, 458, 459 of 1926). Нет никаких оснований считать, что *самантадхипати* являлся представителем царя, направлявшимся в регионы для контроля над *самантами* (См. Dikshit 1964, p. 17).

⁷⁵ EI, XIX, p. 193–194, no. 29-E

⁷⁶ ARE, 696 of 1919. 1920. *Сандхивиграхин* многие индийские ученые, неизменно ищущие точного смысла титулов и должностей, упоминающихся в надписях, переводят как «министр иностранных дел». Но так как эта трактовка даже на взгляд наиболее националистически мыслящих ученых достаточно смешна, учитывая уровень тогдашних дипломатических отношений, то ему пытаются придать значение министра, ответственного за отношения с вассалами. (Yazdani 1960, I, p. 388–389; Satyanarayana 1975, p. 311–312) Даже Р. Инден трактует его как «ответственный за разрешение споров». Но случаев, когда бы *сандхивиграхин* выступал в подобной роли, нет. Пока что можно говорить лишь о том, что это был высокий придворный чин.

⁷⁷ ARE, 72 of 1952/53. Еще примеры наместников с обширными придворными титулами см.: EC, VII, p. 150, no. 295 (1074 г.); SIE, XXV, p. 70, no. 11

В 1102–1115 гг. Паласиге-12000 в качестве вассала Западных. Чалукьев правил *махасамантадхипати* Бхиваная из Кашмира⁷⁸. В другой надписи, выступая тоже в качестве наместника, он носит только титул *маханпрадхана*⁷⁹. Это значит, что подразделение титулов на придворные и «наместнические» не проводилось строго.

В 1157/58 г. вассал Биджаладевы Калачури с титулом *данданаяка* управлял Белваланаду в должности *раджадхьякша*, и он же был *хеггаде* Хулигеренаду⁸⁰. В упомянутой выше надписи 1143 г. фигурирует *данданаяка*, служащий в должности *хеггаде* в Синдавади-1000. В данных случаях, по крайней мере, ясно различие между титулом (военачальник) и должностью. *Раджадхьякша* буквально можно перевести как «царский управляющий», а *хеггаде* (встречающийся также в форме *перггаде*) — это «начальник» в самом широком смысле. Этот термин будет нам часто встречаться в разнообразных контекстах.

Знатный человек Кесимая упоминается в ряде надписей 1143–1145 гг. Он имел несколько титулов: *маханпрадхана шрикарана херилала-сандхивиграхи сенадхипати*, но по должности он был *херггаде* в Манедадунаду, Миритинаду, Колипаканаду, Синдавадинаду, Каллакелагунаду, а его сын *данданаяка* Чиямараса был *херггаде* в одном из округов, входивших в удел отца — Синдавади-1000⁸¹.

Но должность наместника и *херггаде* могли и разъединяться. В 1072 г. *махамандалешвара* Парикантадева Кадамба правил Банавази-12000 и Панумгал-500, но *перггаде* Банавази был Мадираджа⁸². Уже упоминалось, что младший брат Викрамадитьи VI правил несколькими крупными территориями, но *перггаде* при нем был *данданаяка* Баладеварая⁸³.

Надпись от 1249/50 г. фиксирует дарение некоего Мали-четти, который носит титул *маханпрадхана*, имеет «под своим управлением Кухундидешу» (*sv-ādhikāra-viṣaye Kuhuṭi āi-dāṭe*) (известную по многим надписям как Кунди-3000) и дарит брахманам некоторые земли в этой области⁸⁴. Очень возможно, что Мали-шрештхин и Мали-четти — одно и то же лицо. В таком случае он либо правил двумя территориями

⁷⁸ EI, XVI, p. 31–35, no. 8-A

⁷⁹ BK, 5 of 1926/27 (EI, XVI, p. 50, no. 8-C)

⁸⁰ ARE, 214 of 1953/54

⁸¹ ARE, 696, 701 of 1919. 1920

⁸² ARE, 63 of 1950/51; ARE, 250 of 1945/46; KI, II, p. 20–25, no. 8

⁸³ KI, IV, p. 73–75, no. 33

⁸⁴ IA, VII, p. 304–305 (SII, IX, no. 363)

на разных условиях, либо в тогдашнем понимании *адхипатья* и *адхикари* практически употреблялись как синонимы. Эти надписи интересны еще и с точки зрения общественного положения купцов.

Наместник мог считать, что получает на подведомственную ему территорию царские права. Один из них говорит о себе, что он «имеет силы и власть царя Хойсалы Вишнувардханы»⁸⁵.

Таким образом, мы не можем выделить некий термин, который бы всегда, или часто, употреблялся в значении «наместник». Очевидно, что такого понятия не существовало. Каждый обладатель властных полномочий на местах имел их на индивидуальных основаниях⁸⁶.

Властные полномочия наместников

Наместники содержали собственный аппарат, в составе которого были «министры» (*pradhāna*), главные писцы (*ur̥ṣakarana*), просто писцы (*караны*), другие служащие (*перггаде, адхьякши*)⁸⁷.

В Белволадеше (Белвола-300) в 1072 г. вокруг наместника группировались *daēādhīva-sāmanta-maēāāṣkar* — «военачальники, вассалы, управляющие округами». В 1074 г. тот же наместник имеет в подчинении нескольких *прадханов*, среди них одного *шрикарана*, двух *перггаде*, одного *карану* и одного *mapasāyita*⁸⁸.

Содержание «властных полномочий» могло быть разным, и полномочия могли принадлежать одновременно разным лицам.

Так, в 1152 и в 1153 гг. *махамандалешвара* Вира Пандья-бхупалака, вассал Кадамбов (которые, в свою очередь, подчинялись Чалукьям), имел право *маннея* над Пулигере, *данданатха* Махадевараса управлял Пулигере и Банавази как своей *māl-āṣke*, а *данданатха* Биддараса и *прадханасенадхипати данданатха* Аддираджа имели *prabhāvam* («сила, власть») над той же Пулигере⁸⁹.

⁸⁵ ARE, 209 of 1910. 1911

⁸⁶ Разнообразные сочетания титулов наместников см. также: SIE, XXV, p. 70, no. 11 (1143 г., Гулбарга); EC, VII, p. 150, 152, nos 295, 299 (1074 г.); ARE, 63 of 1952/53 (1081 г.); IA, VI, p. 140–141 (1139/40 г., Бадами); EI, XIII, p. 57–58, no. 4-A (1111 г., Дхарвар); EI, VIII, p. 189–190, no. 22-E (1104 г., Белгаум)

⁸⁷ EI, XV, p. 80–83, no. 6-E(1) (1058 г., Суди); ARE, 364 of 1957/58 (1065 г., Райчур); SII, IX, I, p. 113 (1074 г.); EI, V, p. 23–26, no. 3-B (1165 г., Биджапур); BK, 118 of 1940/41. 1939/43 (1167 г., кн. Джатх)

⁸⁸ SII, IX, I, p. 113

⁸⁹ EI, XVI, p. 31–35, no. 8-A; p. 35–44, no. 8-B

Махамандалешвара Пермади из семьи Калачури в 1126 г. правил Карахада-4000 как вассал Западных Чалукьев, имея на эту область право *bēānu-vōtti*⁹⁰. *Вритти* — это «доля, надел», обычно так назывались доли в деревнях, подаренных брахманам. На каких условиях предоставлен «надел», в данном случае, неясно.

Тайла II Чалукья, который в 973 г. сверг Раштракутов и основал династию Чалукьев из Кальяни, до этого, в 965 г. фигурирует еще как верный вассал Раштракутов, правивший в Тардавади-1000 на условиях *aī uga-jivita*⁹¹. Это значит, что он претендует только на «средства к жизни», т. е. на пожизненное владение.

Когда владельцем территории выступает лицо, представляющее династию (например, Ноламба-Паллаов, Кадамбов и т. п.), то подразумевается наследственная власть. Иногда даже мелким округом может править не только конкретный *махамандалешвара*, но и «его род»⁹². Любопытный случай произошел в 1144 г. в государстве Западных Чалукьев. Джагадекамалла II назначил *дандадхишу* Баммадеву править Банавази-12000, но тот передал управление своему брату Мадхаве⁹³.

В 1247 г. вассал Ядавов Мали-*шрештхи*, носящий титул *сарвадхи-кари*, имел *ādhipatya* над Белувала-*раджьей*⁹⁴. И он передает это право своему зятю Бичи-*шрештхи*⁹⁵.

Таким образом, семейственность была задействована в текстуру этого способа управления. Психологически допускалось, что «управление» может быть наследственным, родовым. Впрочем, мы видим, что правилом было скорее краткосрочное правление.

Иногда права «наместника» на удел понимаются как *tribhī gābhyantara-siddhi*, т. е. «полная собственность», такая же, какая давалась брахманам в *аграхари*. На таком праве примерно в XI в. правил округами Эдаватта-70, Раттапалли-70 и Мугунда-12 некто *махасаманта* Бидджараса⁹⁶, а в 1115 г. — областью Карахада-4000 *юва-раджа* Малликарджунадева⁹⁷. Точное содержание понятия «трех прав

⁹⁰ ARE, 182 of 1953/54

⁹¹ SII, XI, I, no. 40

⁹² ARE, 94 of 1951/52 (1174 г.)

⁹³ BK, 19 of 1948/49

⁹⁴ Имеется в виду область Белвола-300

⁹⁵ EI, XXXIV, p. 35, no. 7; ARE, 426 of 1926

⁹⁶ KI, IV, p. 89–91, no. 41

⁹⁷ KI, II, p. 48–51, no. 13

владения», как я уже писал, не установлено, но ясно, что некоторые наместники претендовали на большее, чем временное кормление.

Некоторые вассальные правители действительно рассматривали свои владения как собственность. Тайлападава Кадамба, правивший Банавази-12000 как вассал Западных Чалукьев, в надписи 1108 г. объявляет, что Панунгал-500 — это его *ubhaya-sāmya* («двойная собственность», «собственность обоюродного рода»)⁹⁸. Это выражение иногда встречается в надписях и означает, по моему мнению, права собственности как на налог, так и на саму землю. Насколько обоснованы были претензии князя Кадамбов на «полную» собственность, решить трудно, но, во всяком случае, такие претензии были высказаны.

Иногда собственнические права «наместников» получали практическое выражение. Они дарили земли и деревни брахманам. В 1133 г. *маханпрадхана* Шридхарая имел право *самантике* на Аваравади-700, и он дарит доход с деревни в Саккараге-90⁹⁹.

Вассал Западных Чалукьев *махамандалешвара* Вирупараса, управлявший в 1184 г. Хагариттаге-300, дал храму землю, усадьбу, лавку, сады, маслопресс, пошлины с ряда товаров и 1 *гадьяну* (монету) с каждой из деревень этого округа¹⁰⁰.

Довольно часто наблюдается «разделение властей»: административных и фискальных. Это трудно себе представить в любой восточной стране, тем более в Индии, но из карнатакских надписей совершенно ясно, что налоги наряду с территориями (и отдельно от них) являлись объектами «кормлений». Это настолько важная особенность карнатакской политико-экономической жизни, что мы на ней остановимся ниже подробнее.

Выдача ленов или феодалов под условием несения военной службы или содержания военного отряда не практиковалась. Но зафиксированы многочисленные дарения в награду за воинские подвиги, при этом подразумевается, что служба будет продолжаться.

Например, в 860 г. Амогхаварша I подарил деревню и по 12 *нивартанов* в каждой из 30 деревень, составлявших Мадджантия-70-*бхукти*. Соответствующая грамота была выгравирована на медной табличке, но в XII в. по просьбе *маханпрабху* этой деревни («глава», скорее всего — потомок первоначального получателя грамоты) текст был перенесен

⁹⁸ EI, XIII, p. 15, no. 2; KI, I, p. 26–28, no. 19. См. также: BK, 3 of 1932/33

⁹⁹ ARE, 186 of 1958/59

¹⁰⁰ BK, 68 of 1929/30 (SII, XV, no. 56)

на камень¹⁰¹. Надо полагать, что, по крайней мере, 3 века деревня и поля в других деревнях оставались во владении одной семьи.

Князь Эреяппа из Западных Гангов (ок. 908–938) утвердил за командиром отряда округ Бемпур-12 для борьбы с Вирахендрой (эпиграфист предполагает, что это иное имя Бхимы II из Восточных Чалукьев)¹⁰².

Боммая-наяка из Торахары в 1086 г. осаждал вражескую крепость и взял ее. Царь вознаграждал его несколькими титулами, паланкином, зонтиком, утвердил свиту из 50 всадников и 100 пехотинцев, подарил ему деревню и право взимать пошлыны с нескольких товаров¹⁰³.

Хеггаде Гетана, сын *перггаде* Биккимая, со своими младшими братьями Марей и Девана, участвовал в войнах своего господина Говидеви и получил за это в 1148 г. свободный от налогов участок земли¹⁰⁴.

Вассал мог иметь больше одного сюзерена. Чалукья Ганга Вермади Кесава-гавунда из Поттиюра в 1067/68 г. получил знаки высокого достоинства от Харикесари Кадамбы и от Викрамадитьи VI, который был в тот момент еще *ювараджей*. От Кадамбы он получил несколько опahal из хвостов яков, флаг, «дворец» (?), барабаны, горны, зонты из павлиньих перьев и белый зонтик. Викрамадитья же пожаловал его прекрасным белым зонтиком, парой золотых опahal из хвостов яков, флагом, военным барабаном и зонтом из павлиньих перьев¹⁰⁵. Нам трудно решить, чей дар был ценнее, не говорится также о том, чем скромный гавунда заслужил такие почести.

Церемония, напоминавшая французский *оммаж*, также однажды отражена в надписях. У вассала Баллала II Хойсалы по имени Чикка Чаликея-наяка родились два сына — Нонабея-наяка и Мачея-наяка. В 1215 г. отец послал их к царю «обнять [царские] ноги». Баллала был доволен, признал братьев своими вассалами и вознаграждал их, предоставив Чаликея-вритти (т. е. прежние владения их отца!). Благочестивые братья отдали две деревни для устройства

¹⁰¹ EI, VI, p. 34–38, no. 4

¹⁰² EI, VI, p. 49–50, no. 6-B

¹⁰³ ARE, A 3 of 1925/26

¹⁰⁴ EC, VI, p. 7, no. 34 (1148 г.). Случай предоставления земли военачальникам, вероятно, за военные успехи см. также: EC, IV, p. 118, no. 28 (1125 г.); ARE, 478 of 1915 (SII, IX, I, no. 377 (1278 г., Беллари); EC, IV, p. 122–123, no. 38 (1284 г.); ARE, 718 of 1919. 1920 (SII, IX, I, no. 384) (1287 г., Беллари)

¹⁰⁵ EI, XVI, p. 87, no. 11-C

матхи, а остальное стало их *умбали*, т. е. военным леном, свободным от налогов¹⁰⁶.

Лестница вассалов

Иногда ясно, что вельможи в провинциях составляли лестницу вассальных отношений. Уже приводились данные, свидетельствующие о том, что сюзереном мог быть не только царь, и не только вассальный князь, но и «наместник».

Лестница вассалов начала создаваться еще при Раштракутах. Например, в 918 г. Дорапая правил Банаваши-12 000, под ним находился *махасаманта* Банкея из семьи Мугула, владевший Эдевоал-70, а его подчиненным был *сунка-верггаде* (сборщик пошлыны) Камараса¹⁰⁷.

В 949/50 г. вассал Кришны III Раштракуты *дхарма-махараджа-дхираджа* Пермади Бутуга Ганга (правивший и до того Гангавади-96 000) получил от царя в управление еще Банаваши-12 000, Белвола и Пуригере (по 300), Касукад-70 и Багенад-70. После этого Пермади Бутуга уже от своего лица выдал группу деревень Атакур-12 и еще деревню Котеюр в стране Белвола своему вассалу Маналарате из семьи Сагара¹⁰⁸.

Но большинство сведений о подвассалитете относится ко времени Западных Чалукьев.

В 1046–1048 гг. под *махамандалешварой* Чамундараярасой, правившим в Банаваши-12 000 и Шанталиге-1000, находились его сын Бармадева, и его внук *махамандалешвара* Кумара Джомадевараса. Другая лестница его вассалов состояла из *махасаманты* Бхавы Биджарасы в Эдаватта-70, Раттапалли-70, Мугунда-12 и Аянадевы, который имел удел в составе некоторого округа с индексом «30», а также Масур-12. Аракере-12. Кундур-12, Каллиганур-70¹⁰⁹.

В 1063 г. фигурировавший выше Джомадевараса, который в данном случае называется *махасаманта*, правит над Белавуру-140, Белмахе-70 и Шатталиге-70, подчиняется своему отцу, который стоит во главе Банаваши-12 000, и имеет подчиненных Лонатхаю, чиновника (*перггаде*) в «370» и *над-гамунду* Раджадитьярасу, который стоял во главе Басавуру-140¹¹⁰.

¹⁰⁶ EC, VI, p. 20, no. 111 (~ 1215 г.)

¹⁰⁷ ARE, 87 of 1949/50

¹⁰⁸ EI, II, p. 167–174, no. 11

¹⁰⁹ BK, 153 of 1932/33; 8 of 1948/49; KI, IV, p. 87, 89–91, no. 40, 41

¹¹⁰ BK, 32 of 1932/33

Встречаются случаи, когда вассал вассала получает надел от своего непосредственного сюзерена. Около 1082 г. *махамандалешвара* Мунджа из династии Синда, правивший Пратъяндакой-4000, выделил своему вассалу Канна-*саманте* округ Вайявада-12 за исключением одной деревни¹¹¹.

В правление Джагадекамаллы II (1136–1155) территориями Банаваши-12000 и Шанталиге-1000 правил Йогешвара-*данданаяка*. Его вассал *махасаманта* Калиямараса из семьи Кхачара правил в Басавуре-140. Вассалом последнего был Тикада из Кадирмиди, сын Сомы из семьи Килара¹¹².

В 1179 г. в правление Калачури *маханпрадхана* Камана-Сомана-Кесираджа-*данданаяка* правил Банаваши-12000; Ишварадева из семьи Синда правил Эдеватта-70, Баллаве-70 и другими округами. Вассалами последнего являлись Лакумана-*наяка* и его сыновья и племянники, которые управляли Кирия-Ханамдже¹¹³.

В 1026 г. Конканом-1400 правил *махамандалешвара* Чхиттараджа Шилахара. У него в подчинении находились *сарвадхикарин* Наганая, *сандхивиграхика* Сихапая, *карната-сандхивиграхика* Капардин, а также *ширикарана* и еще 5 *прадханов* («министров») ¹¹⁴. В 1034 г. упоминаются *махаматья* Наганая, *махасандхивиграхика* Наупья, *махамандалешвара* Чамундараджа из семьи Модха, которому Чхиттараджа Шилахара подарил город Самьянапаттана¹¹⁵.

Постоянство/временность наместничеств

Важным критерием для понимания характера наместничества могли бы стать данные о продолжительности правлений вельмож. Несколько областей или округов с числовыми индексами упоминаются в надписях достаточно часто, чтобы можно было надеяться проследить их «управленческую историю». Наиболее часто упоминаются область

¹¹¹ EI, III, p. 306–311, no. 43

¹¹² ARE, 429 of 1960/61; KI, IV, p. 31–32, no. 11

¹¹³ ARE, 454 of 1960/61. Еще случаи вассалитета см.: ARE, 696, 701 of 1919. 1920 (1143–1145 гг.); 63 of 1950/51 (1072 г.); BK, 83 of 1926/27 (SII, XV, no. 40 (примерно 1140-е — 1150 гг.); EI, V, p. 213–230, no. 25- A, B (1107 г.); XIII, p. 171–175, no. 14 (KI, I, 17, p. 20–25) (1055–1056 гг.); EC, XI, p. 12–13, no. 47 (ARM, 1935, no. 40, 1067 г.); EI, XVI, p. 58–66, no. 9-B (1081 г.); KI, II, p. 48–51, no. 13 (1115 г.); IV, 16–17, 98–102, no. 3 (1114 г.), no. 4

¹¹⁴ IA, V, p. 278, 280; EI, XII, p. 266

¹¹⁵ EI, XXXII, p. 45, no. 5–1

Банаваши-12000 и ее управляющие. В моей «базе данных» 175 надписей с именами «губернаторов» Банаваши. Довольно хорошо представлены имена управителей Белволы-300 и Пулигере (Пуригере, Хулигере)—300. Эти две провинции часто объединялись — «двое [вместе] 600» (*eraä-arunóru*). Их упоминания вместе или по отдельности встречаются в 140 надписях. Кроме того, можно было бы составить списки правителей Панунгала (Ханунгала)—500 (52 надписи), Басавуру-140 (30 надписей), Кисукаду-70 (26 надписей) и ряда других территорий.

Однако попытки представить темп смены власти в провинциях и округах не увенчались успехом. Главным препятствием, очевидно, послужило все же недостаточное количество сведений, которые неравномерно распределены на 6 с лишним веков. Но есть и трудности более глубокого порядка, связанные с особенностями того самого социального и политического строя, который мы предполагаем исследовать. Во-первых, один человек мог носить разные имена, в то же время одно и то же имя могло принадлежать разным лицам. Как правило, в надписи сообщается имя лишь одного, правящего в данное время, лица, его генеалогии не дается. Во-вторых, и это главное, на одну и ту же территорию распространялась власть разных лиц, имевших разные права. При сопоставлении надписей получается немыслимая чехарда лиц, которые либо правят одновременно, либо сменяют друг друга по несколько раз на протяжении нескольких лет.

В качестве примера приведу две надписи одного 1072 года. По одной из них, в Панунгал-500 правил *данданаяка* Сомешварабхатта, брат Бхуванайкамаллы Паллава Вира-Ноламба Удаядитьядевы. Последний правил над Банаваши-12000 и Шанталиге-1000¹¹⁶. По другой, в Панунгале правил *махамандалешвара* Мавакетараса, который подчинялся губернатору Банаваши-12000 и Панунгала-500 *махамандалешваре* Парикантадева Кадамбе¹¹⁷.

Общее впечатление (подчеркну еще раз, что оно может оказаться ложным) таково, что наместники провинций, областей и округов менялись с калейдоскопической быстротой. Кроме того, их «должности» (приданные именам титулы и звания) не отличались постоянством. Это можно понять только на примере. Скажем, округом Басавура-140 в 1062 г. правил *махамандалешвара* Раджадитьядева¹¹⁸,

¹¹⁶ ARE, 198 of 1947/48

¹¹⁷ ARE, 63 of 1950/51

¹¹⁸ ARE, 417 of 1960/61

в 1063 г. — *над-гамунда* Раджадитьяраса¹¹⁹, а в 1065 г. — *махасаманта* Раджадитьяраса¹²⁰. Скорее всего, это один и тот же человек, но он имеет вариации в имени и обладает многими титулами, не все из которых упоминаются одновременно.

Переплетение социальных слоев в администрации

Существовали и взаимодействовали несколько «вертикалей власти». Вертикаль феодальных (вассальных) отношений между царем и крупными князьями и прочими традиционными (наследственными) правителями; административная (бюрократическая) вертикаль: царь — назначенные им наместники (которая продолжалась лестницей вассалов под последними); общинная вертикаль — от *над-гавунд* к *гавундам* и *уродеям* деревень. Эти три вертикали можно выделить аналитически, но никоим образом их нельзя понимать как отделенные друг от друга. Особенно тесная связь прослеживается между брахманами *аграхар* (*махаджанов*) со всеми этажами власти. Ситуация была такова, что брахманы, получившие *аграхары*, представляли собой неистощимый источник кадров для бюрократического аппарата, а, может быть, и для всех социально значимых постов. Чиновники часто упоминают в надписях, что они произошли из такой-то *аграхары*¹²¹. Кроме того, в администрации занимали видное положение торговцы или, по крайней мере, выходцы из торговых слоев, не гнушавшиеся своего происхождения¹²².

Скажем, в 1048 г. свидетелями дара выступают «1000 из Пирия-Кириюра, Исавуры и Тиливалли», т. е. брахманы трех *аграхар*; 32 *махаджана* из Танагундура; *каннада-сандхивиграхика* Нараяна; *верггаде* Бхогаварая; некий Гундая, занимавший пост *перггаде* в Мудравана, и *пурохита* Даванагахисаса¹²³.

В 1098 г. брахман Сомешвара-бхатта был *дхармадхикари* (духовным наставником?) императора Викрамадитьи VI. При этом он имел титулы (или должности) *прадхан-махаматья*, *маханпрадхана* (оба титула

можно перевести как «главный министр»), *данданаяка* («военачальник»), а также непонятный титул *àrādhyā*¹²⁴.

Вместе с тем, небрахманская часть чиновничества вовсе не пасовала перед брахманами. Она имела «собственную гордость». В 1203 г. в надписи Баллалы II Хойсалы упоминается некий *маханпрадхана сарвадхикари* Амитая-данданаяка и его четыре брата, которые, как утверждается в надписи, происходили «из четвертой варны», т. е. из шудр¹²⁵.

Налоги как объект собственности

Карнатака отличается от Тамилнаду тем, что здесь мы видим развитую систему наделения придворных, чиновников, военачальников («феодалов») земельными владениями, которые носили характер либо временного «кормления», либо условного владения, либо даже «собственности» в тогдашнем, конечно, ее понимании. Но еще одним характерным отличием Карнатаки было отдельное от земельных и административных отношений существование налогов как самостоятельных объектов, которыми можно было наделить того или иного вельможу.

Налоговая система карнатакских государств представляется еще более аморфной, чем тамильских.

Крайне отрывочны и неубедительны сведения о каком-то учете земель и их измерении. Можно видеть какое-то мероприятие по учету налоговых возможностей округа в надписи 970 г., где говорится, что некое обследование проводят «32 *арасу*», и глава этого округа, *над-гавунда*, должен кормить их в течение года¹²⁶. В 1120/21 г. в качестве дарителя выступает некий Моллея Барманна, «начальник департамента оценки» (*àkàra-hakka*)¹²⁷. По сути, это все, что известно об аппарате налогообложения. В государстве Чолов, хотя деятельность аппарата оценки тоже неясна, все же мы встречаем довольно много терминов, которые можно перевести как «работники налогового аппарата», «держатели документов» и т. п. В данном случае этого нет. Р. Инден, справедливо замечает: «Какие именно способы употреблялись для сбора налогов с обширной “срединной” территории империи Раштракутов, — неизвестно»¹²⁸.

¹¹⁹ ВК, 32 of 1932/33

¹²⁰ ВК, 12 of 1932/33

¹²¹ ARE, 102 of 1952/53

¹²² Помимо примеров, приводившихся выше, см. ВК, 114 of 1929/30 (1251 г.)

¹²³ EI, XXXVI, p. 219–221, no. 28

¹²⁴ EI, XV, p. 348–363, no. 24; см. также ARE, 97 of 1951/52

¹²⁵ EC, VI, p. 8, no. 36 (1203 г.)

¹²⁶ EI, XVI, p. 284–285, no. 21–2D

¹²⁷ JBBRAS, XI, p. 251–252

¹²⁸ Inden 1990, p. 243

Предметами дарений часто служат земельные площади в несколько *маттаров* или *нивартан*, но остается неясным, как они измерялись. В хойсальской надписи из Кадура в 1181 г. говорится, что земля была измерена «шестом Гангов», и рядом с надписью на стене высечена линия, указывающая, какой длины этот шест был. «Шест Гангов» упоминается еще в надписи 1210 г. из этого же места¹²⁹. Этот факт свидетельствует скорее не о том, что практиковалось регулярное измерение земли, а об обратном — что это было исключительным явлением. Помимо земельных мер, известных хотя бы по названиям и употреблявшихся во многих регионах Индии, могли использоваться и весьма экзотические, например, «поле, размером в 1000 бетелевых растений»¹³⁰.

Деррет, стремившийся представить Хойсальское государство как хорошо организованное, в данном вопросе крайне осторожен. По его мнению, «имеются данные, позволяющие предполагать, что при Хойсалах существовал некий реестр земель, в котором регистрировались транзакции с землей»¹³¹.

Не выявляется также единая система налогов — ни для Карнатаки в целом, ни для отдельных государств, при том, что картина в целом рисуется довольно стабильная вне зависимости от времени и государственности.

Начнем с изложения попыток такую систему нащупать. Яздани пытается классифицировать те названия налогов и сборов, которые встречаются в надписях Западных Чалукьев. Он считает, что в то время все они распадались на две группы: *āya* и *ūnka*. *Āya* объединяла *siddhāya* (фиксированный земельный налог), *pannāya* (налог на торговлю) и *daī āya* (штрафы). Возможно, что *панная* — это сбор с торговцев натурой, потому что встречается также *ассу-паннāya* — «панная монетами». Разновидности *шунки* он объясняет так: *пердджунка* (*херд-джунка*) («высокая *шунка*») идет местным органам власти, а *vaāā-rāvula-ūnka* — в пользу государя. Впрочем, сам Яздани указывает, что в некоторых случаях *шунка* включается в понятие *панная*¹³². Деррет перечисляет 109 налогов, упоминания о которых он встретил в хойсальских надписях, но остерегается как-то обобщать эти данные¹³³.

¹²⁹ EC, VI, p. 110, no. 43 (1210 г.)

¹³⁰ EI, XIII, p. 190–191, no. 15-K

¹³¹ Derret 1957, p. 184

¹³² SII, IX, I, p. 223; Yazdani 1960, I, p. 389–390

¹³³ Derret 1957, p. 199–200

Посмотрим, что можно извлечь из надписей по вопросу о налоговой системе.

В раштракутской надписи примерно 865 г. идет речь об отмене налогов с одного из селений. Отменяются налог *kaēvaēa*, а также «мелкие сборы» (*kiāu-deāe*)¹³⁴. Можно понять так, что *калавалла* являлся основным налогом. Значение его не ясно. В другой надписи упомянут *пердджунка* как основной налог, и некий сбор *bilkoāe* — как второстепенный¹³⁵.

В 1047 г. правитель Банаваси-12000 *махамандалешвара* Чавундарая имел также и право собирать *сиддху*. Во всяком случае, его младший брат, даря этот налог храму, заявляет, что делает это «от имени» своего старшего брата¹³⁶.

Винаядитья Хойсала (1040–1100) освобождает храм от *сиддхаи* и от множества иных налогов¹³⁷. В 1072 г. в качестве основного налога, помимо остальных, выступает *mālvaēe*¹³⁸. В 1106 г. некий *дан-данаяка* собирал *вадда-равула* и *пердджунка* в Ноламбавади-32000. Неясно, собирал ли он их в свою пользу, или в казну¹³⁹. Другой *дан-данаяка* в 1107 г. контролировал налоги *вадда-равула* и *панная*¹⁴⁰. В том же году другой вельможа правит Банаваси-12000, а также «заведует» налогами *вадда-равула*, *пердджунка* и *eraūm-bilkoāe*¹⁴¹. Такая же совокупность налогов фигурирует в надписи 1123 г. И здесь более ясно, что налоги собираются в пользу частного лица. Два *дан-данаяка* и один *махамандалешвара* дарят отчисления от налогов, явно вычитая их из *своего* дохода¹⁴². Так же можно понять и надпись 1072 г. из Дхарвара, где *караны* (чиновники) коллективно и индивидуально дарят части от причитающихся им налогов¹⁴³. Такая же ситуация рисуется в надписи 1172 г. из Биджапура. Сборщики налогов, которые здесь называются *suī k-ādhikārigaēu*, дарят отчисле-

¹³⁴ EI, XXXV, p. 86, no. 10

¹³⁵ SIE, XXV, p. 73

¹³⁶ ARE, 49 of 1950/51

¹³⁷ ARM, 1932, p. 173–174, no. 16

¹³⁸ ARE, 250 of 1945/46 (KI, II, p. 20–25, no. 8)

¹³⁹ SII, IX, I, no. 170 (Yazdani, 1960, I, p. 391). См. также ARE, 521 of 1960/61 (1146 г.); EC, VII, p. 85–86, no. 118 (1150 г.)

¹⁴⁰ BK, 80 of 1932/33

¹⁴¹ EI, V, p. 218, no. 25-A,B

¹⁴² ARE, 70 of 1941/42. 1939/43

¹⁴³ ARE, 250 of 1945/46 (KI, II, p/20–25, no. 8)

ния от своих доходов от сбора налогов храму как коллективно, так и по отдельности¹⁴⁴.

В 1127 г. *аччу-панная* выступает как составная часть *вадда-равула-шунки*¹⁴⁵. Сбор *bṛavaī a* упомянут как пошлина с продажи бетелевых листьев¹⁴⁶. В 1053 г. один чиновник «заведует» налогами *панная* и *вадда-равула*, а другой — *пердджункой*. В данном случае *пердджунка* выступает как нечто принципиально иное, чем *панная* и *вадда-равула*¹⁴⁷. Но в другом случае они объединяются в руках одного чиновника. В 1165 г. *шунка-верггаде* («заведующий налогами типа *шунки*») Дасимая подарил храму доходы от *хедджунка*, *вадда-равула*, *koāvēsa*, *kudureya-suī ka* и *kiāukuē-suī ka*¹⁴⁸.

Все эти подразделения на налоги разного свойства теряют значение, если деревня облагается единой суммой. Например, в 1076 г. налог с *аграхары* установлен в 500 *гадьян*¹⁴⁹. В другом случае *аграхара* платит 50 *гадьян* в качестве основного налога и 100 *гадьян* в счет дополнительных сборов¹⁵⁰. В 1261 и 1262 гг. в княжестве Алула устанавливаются фиксированные налоги с двух деревень — 140 *гадьян* с одной и 180 *гадьян* с другой¹⁵¹.

В 1194 г. при дарении деревни брахманам, превращении ее в *аграхару*, прежний налог в 400 *гадьян* увеличивается до 1000, правда, оговаривается, что платиться он будет натурой — зерном и другими продуктами¹⁵².

Такие суммы, несомненно, назначались произвольно, вопреки любым «правилам», кадастрам и нормам, и еще раз подчеркивают, что налоговой системы по существу не было.

Я думаю, что Яздани точно выразил впечатление от данных надписей: «Центральное правительство не имело монополии на фискальные права. Каждой местное собрание или корпорация могло осуществлять подобные права в пределах их сфер для целей, соответствующих их намерениям и обязанностям»¹⁵³. О возможностях получения разного рода

¹⁴⁴ EI, XV, p. 317–329, no. 20. Группа сборщиков налогов, составлявшая некий коллектив, могла называться и *ṭunkadavaru* (EI, XVI, 79)

¹⁴⁵ SII, IX, I, no. 223 (Yazdani 1960, I, p. 390)

¹⁴⁶ BK, 64 of 1926/27 (SII, XV, no. 25)

¹⁴⁷ BK, 72 of 1932/33

¹⁴⁸ BK, 111 of 1929/30 (SII, XV, no. 104)

¹⁴⁹ BK, 202 of 1926/27 (SII, XI, I, no. 117)

¹⁵⁰ EC, VI, p. 106–107, no. 20 (1185 г.)

¹⁵¹ ARE, 364, 370 of 1927 (SII, IX, I, no. 395. 396)

¹⁵² ARM, 1923, p. 33–36

¹⁵³ Yazdani 1960, I, p. 410

сборов местными собраниями уже много говорилось в предыдущих главах. Здесь важно подчеркнуть, что и сами сборщики налогов, казалось бы, призванные обеспечивать доходы казны, собирали налоги в свою пользу. Верховная собственность на землю дробилась на права на те или иные сборы. И вассалитет мог выражаться как в поземельных, так и в «поналоговых» (если можно так выразиться) отношениях. Это надо проиллюстрировать, чтобы понять, как такие отношения были устроены.

Так, *махасамантадхипати* Бхиваная из Кашмира в 1102–1115 гг. при Викрамадитье VI выступает, с одной стороны, как наместник в Паласиге-12 000, но одновременно как «владелец» налога *аччу-панная* в «стране 750 000», т. е. по всей державе Чалукьев. Эту часть своего «феода», а именно сбор *аччу-панная*, он поручает вассалу Мадхаве, который в связи с этим наделяется должностью *accupannāyad-adhiṣṭhāyaka*¹⁵⁴. Такая же ситуация у Анандапала-*дандадхиши* в 1103 г. Ему поручено управлять Пулвала-300, Пулигере-300, Банаваси-12 000, но также и налогом *панная* в «750 000». Последнее не просто показатель статуса, но реальное поручение, поскольку под Анандапалой находится некий Говиндараджа, который собирает *vaāā-rāvūē* на территории Банаваси и *панная* в «56 [областях]»¹⁵⁵.

Данданаяка Анантапалаля управлял Банаваси-12 000, а, кроме того, контролировал налоги *ваддаравула* и *панная*. Его вассал Нимбараджа, сын *данданаяки* Мадхава-*бхатты*, «управлял» налогом *панная*¹⁵⁶.

Вассал Западных Чалукьев из рода Пандьев управлял в 1111 г. Ноламбавади-32 000. Его вассал *махасаманта* Маллараса «управлял» *пердджункой* по всей провинции. Но у него был вассал *перггаде* Хемма-*четти*, который «управлял» *пердджункой* в подразделении Ноламбавади — Кадамбалиге-1000¹⁵⁷.

Министр Бхогабхаттая получил право собирать *вадда-равула-шунка* по всей стране. Один из его подчиненных с титулом *данданаяка* собирал *аччу-панная* в Ноламбавади-32 000¹⁵⁸.

Некий вельможа, титулы которого заняли бы несколько строк, имел вассалов, один из которых «заведовал» налогом *аччу-панная* (*accupannāyad-adhiṣṭhāyaka*) в районе Бахаттаратхана, а другой был «распо-

¹⁵⁴ EI, XVI, p. 31–35, no. 8-A

¹⁵⁵ MI, p. 141, no. 68

¹⁵⁶ BK, 80 of 1932/33 (1107 г., Дхарвар)

¹⁵⁷ EC, XI, p. 85, no. 9 (1111 г.)

¹⁵⁸ SII, IX, I, no. 223 (Yazdani, 1960, I, p. 390)

рядителем» (*kāi ikāra*) налога *панная* в районах Кумтиге и Раджавуре¹⁵⁹. Следовательно, и «распоряжение» налогом могло по-разному называться, и, следовательно, могло быть разным по содержанию.

Отдельные налоги «выдавались» разным лицам. Так, Перггаде¹⁶⁰ Бичимая был *перггаде* налогов *панная* и *вадда-равула*, а другой Перггаде Ваваная, был *перггаде* сборов *пердджунка* в той же Банаваси-12 000¹⁶¹.

Особые чиновники по сбору налогов с титулами *данданаяка*, *данданатха*, *перггаде* и *маневерггаде*, помимо наместников в территориях, действовали также в Кадамбалиге-1000¹⁶², в Ноламбавади-32 000¹⁶³ Белухиге-70¹⁶⁴ и в Банаваси-12 000¹⁶⁵. Они подчиняются наместнику области, но распоряжаются собранными суммами иногда без его разрешения. Не было четкого разграничения «частного» и «государственного». Можно было распоряжаться государственным имуществом, если оно было тебе поручено. Такие поступки не рассматривались как злые, наносящие ущерб государству, поэтому о них и сообщалось в надписях, для всеобщего сведения.

Государство и право

Итак, государство не имело монополии ни на насилие, ни на взимание налогов. Последний штрих к этой картине: у него не было также монополии на установление законов и вершение суда. Каждый брахман, получивший деревню для испомещения своих собратьев, мог сам распределять земли между брахманами и дома между членами обслуживающих каст, а также устанавливать наказания за различные проступки. Наместник в провинции также имел возможность устанавливать законы в масштабах деревни. Пример такого законотворчества уже приводился в главе об аграхарах.¹⁶⁶

В 1050 г. хартию прав и обязанностей одного из городов (который представляют 8 *четти* и 80 *оккалу*) устанавливает большое собрание, состоящее из чиновников разного ранга (все участники поименованы

¹⁵⁹ BK, 24 of 1927/28 (SII, XV, no. 27) (1144 г., Дхарвар)

¹⁶⁰ В данном случае это часть имени.

¹⁶¹ BK, 72 of 1932/33

¹⁶² ARE, 113 of 1913. 1914

¹⁶³ SII, IX, I, no. 170; EC, XI, p. 85, no. 9 (Yazdani, 1960, I, p. 391)

¹⁶⁴ BK, 163 of 1932/33. См. также: BK, 78 of 1932/33 (1152/53 г.)

¹⁶⁵ BK, 82 of 1932/33. См. также: ARE, 87 of 1949/50

¹⁶⁶ EI, XX, p. 67, no. 6 (Yazdani 1960, I, p. 404–405) (1012 г.)

отдельно). В ней содержатся и ставки налогов, и правила поведения в общине¹⁶⁷.

В 1207 г. общины и корпорации, собравшись в едином центре, единодушно решили, что все случаи нарушения порядка и нанесения оскорблений должны рассматриваться местным аскетом Вишнукарой Брахмачари¹⁶⁸.

Около 1215 г. случилась распря между храмом и аграхарой по поводу земельных владений. Дело разбиралось «общественностью» — жителями местности, «великим главным купцом» Понначачетти, храмовыми жрецами (*джия*), *гавудами* и *чаву-гавейя* (?). Ознакомившись с ситуацией на месте, «комиссия» обратилась к храмовым властям: «Вы не правы, продолжая спорить». А жрецы повинились: «Мы не спорим. С этого дня все храмовые земли, которыми мы пользуемся — наши. А земли, которыми пользуются брахманы с тех пор, как основана эта *аграхара*, — их»¹⁶⁹. Земельный спор решается без вмешательства властей.

В надписи, датированной приблизительно XIII веком, обнаруженной в Ратнагири, т. е. уже на территории Махарштры, *наду*, *грамм* и *нагаграм* заявляют, что если их решение будет нарушено брахманом, то ему надо выколоть глаза и отрезать нос, и вообще считать его свиньей¹⁷⁰.

Мы видим, что государство устраняется также из проблематики поддержания порядка и судопроизводства. Эти функции оставлены местным властям: низовым административным, общинным или даже духовным. Как именно последние выполняли эти функции, мы показали на многих примерах.

Карнатакские средневековые государства (как и рассмотренные выше тамильские) не выполняли также функцию защиты подданных от внешних и внутренних врагов, поддержания закона и порядка. При описании функций любых общин мы обязательно останавливались на вопросе о необходимости вооруженного отпора грабителям и вообще агрессивным силам со стороны самих членов данных общин. Царская армия, так же как и вооруженные отряды вассальных князей и наместников, совершенно не ставили перед собой цели охраны порядка на всей территории государства. В лучшем случае они охраняли столицу и ставки вассалов.

¹⁶⁷ EI, XV, p. 77–80, no. 6-D

¹⁶⁸ ARE, 55 of 1904 (SII, IX, I, no. 327)

¹⁶⁹ EC, V, p. 128, no. 49

¹⁷⁰ ARE, 153 of 1914 (Karashima 2009, p. 266)

В стране царила феодальная вольница. В 1007 г. наместник в Шанталиге-1000 по имени Оддаммана увел «приятно выглядевших женщин и храмовых коров». Его остановило, видимо, ополчение жителей, потому что в битве погиб цирюльник Госаси Гулуга¹⁷¹. В 1163 г. вассал Хойсалов, которые в это время были вассалами Калачури, воевал с другим магнатом и пытался увести скот и «развязывал пояса женщин». Нападение было отбито местным вождем¹⁷². Ополчения жителей — включая брахманов и последних неприкасаемых — вот кто боролся за имущество и сами жизни селян и горожан¹⁷³.

* * *

Карнатака в раннее средневековье демонстрирует еще более мозаичную картину устройства социально-политической жизни, чем Тамилнаду. Сменяющие друг друга довольно мощные государства (судя по их успехам в борьбе как с южными, так и с северными соседями) оказываются конгломератами вассальных княжеств, составленных, в свою очередь, из более мелких политических единиц. Спонтанно возникшие крупные территориальные единицы с числовыми коэффициентами выступают одновременно и как макрообщины, и как лены, раздаваемые в управление наместникам. Управление территорией не обязательно связано со сбором налогов с этой территории. Нет единой номенклатуры налогов не только на протяжении всего изучаемого периода, но даже в сравнительно кратких пределах существования одного государства. И даже в соседних, одновременно существующих деревнях. Самоуправление в пределах деревень и округов (*наду*), без сомнения, существует, но оно подчинено неким вождям (старостам), а также чиновникам и торговцам. Не прослеживается социальных граней между обычно четко различаемыми слоями: деревенскими жителями, торговыми людьми и управляющим слоем. Это особенно удивительно в индийском контексте, когда вполне актуально варновое деление на брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр.

Общее впечатление таково, что общинные институты в Карнатаке были слабее и менее автономны, чем в Тамилнаду.

ЧАСТЬ III АНДХРА

Глава 22 Территориальная структура и территориальные общины

История Андхры до завоевания ее Делийским султанатом состоит из следующих крупных периодов: 1) время политической раздробленности после крушения государства Сатаваханов до возникновения государства Восточных Чалукьев (III–VII вв.), 2) государство Восточных Чалукьев (VII–XI вв.), 3) период Чалукьев — Чолов, когда эти две династии слились (XI–XII вв.), 4) государство Какатьев (конец XI — начало XIV в.).

От первого периода сохранились несколько надписей и, соответственно, имен различных мелких династий. Это Вишнукундины, Шаланкаяны, Брахатпалаыны, Вайгеяки, Икшваку. Составить себе представление об общественном строе региона по этим отрывочным материалам трудно. В Южной Андхре возникает государство Паллаво, от которых осталось несколько информативных надписей. Но они рассмотрены в части, посвященной Тамилнаду, поскольку Паллавы распространили свою власть на юг и «ушли» из Андхры.

В VII в. Восточный Декан был присоединен к державе Пулакешина II Чалукьи. Своей обширной империей он не мог управлять из одного центра, поэтому он отдал Андхру в управление своему брату Кубдже Вишнувардхану (624–641). От него пошла династия Восточных Чалукьев. Они вскоре отсоединились от материнского государства, а позже даже вступили с ним в конфронтацию. Один из поздних царей Восточных Чалукьев Вималадитья (1011–1018) даже «забыл» о своем происхождении от брата Пулакешина II и утверждал, что династия происходит от Джаясимхи I (641–673), который, оказывается, был царем Айодхьи¹. Эта фантастическая версия неверна не только

¹⁷¹ ЕС, VII, р. 123, no. 195

¹⁷² ЕС, VIII, р. 31, no. 193

¹⁷³ Помимо того, что сказано выше, дополнительные материалы, относящиеся к самообороне деревень, содержатся в: Gurukkal 1987

¹ EI, VI, р. 351; SII, I, р. 58, no. 39

с исторической, но и с мифологической точки зрения: Чалукьи претендовали на принадлежность к Лунной династии, а она связана с Хастинапурой, а не с Айодхьей².

Государство Восточных Чалукьев можно считать первым государством народа телугу. В нем язык телугу стал официальным наряду с санскритом. Государство не было централизованным. Не менее 70 князьков упоминаются как вассалы Восточных Чалукьев и Чалукьев-Чолов.

После того, как Раджендра II в 1070 г. стал чольским государем под именем Кулоттунги I, он сначала оставил свою прежнюю вотчину под управлением дяди Виджаядити VII, а после его смерти в 1076 г. назначал вице-королями Андрхи одного за другим своих четырех сыновей. Удержать эти районы было трудно, так как Западные Чалукьи в Западном Декане и Восточные Ганги в Ориссе усилились и часто совершали набеги в Андрху. Кулоттунга и его потомки стали опираться на местных князьков (*мандаликов*), и это позволило Чолам сдерживать набеги и даже совершить несколько удачных походов против Восточных Гангов. В 1135 г. ополчение *мандаликов* само, без помощи имперских войск, отбило нападение Западных Чалукьев. Но усиление вассалов имело и оборотную сторону — ослабление роли центральной власти. Вторая половина XII — начало XIII вв. — время господства в Андрхе мелких князьков. Около 1173 г. они сбросили даже формальное подчинение Чолам и стали в основном воевать друг с другом³.

Этим воспользовалось княжество Какатьев с центром в Варангале. Они до XI в. были вассалами Западных Чалукьев. Их грамоты написаны на каннада с употреблением западночалукийской дипломатики. Их первая надпись на санскрите с перечислением генеалогического древа появляется в 1163 г. Они уже называли себя «царями Андрхи» или «царями страны телугу» и не стеснялись причислять себя к шудрам⁴, и в то же время называли свое государство «Каката-раджья» и, вопреки всякой логике, считали себя отпрысками Лунной династии⁵.

Первый известный представитель этой династии Гундая известен тем, что пал в битве на стороне Кришны II Раштракуты в борьбе с Восточными Чалукьями примерно в 950 г. Пользуясь противоречиями

между «великими державами» этого региона, династия крепла и становилась все более независимой. Прола II (1110–1158) объявил о своей независимости. Его сын Рудрадева (Пратапарудра I) (1158–1195) расширил пределы владений, вышел к морю, но погиб в битве с Ядавами из Девагири.

Его сын Ганапатидева правил 62 года. Он объединил под своей властью почти все земли, населенные телугу. В 1262 г. он передал бразды правления своей дочери Рудрамадеви (1262–1295), хотя жил еще до 1269 г. У него не было сыновей, и он объявил свою дочь сыном (обряд *путрика*) и дал ей мужское имя Рудрадева. Она мужественно давала отпор внешним врагам, и Чолы и Ядавы ее уважали. Она доказала вассалам, которые восставали против самой возможности быть под властью женщины, что она решительный и сильный правитель. Но погибла в битве с одним из восставших вассалов.

Ей наследовал ее внук Пратапарудра II, который еще расширил пределы государства, воевал далеко на западе и на юге. В 1303 г. войска Какатьев дали отпор отрядам Делийского султаната под командованием Малика Фахраддина. Но в 1309 г. Малик Кафур разграбил всю страну и Варангал и взял огромную контрибуцию. Пратапарудра восстановил свою независимость в 1320, но в 1323 г. Улуг Хан (будущий Мухаммад Туглак) полностью уничтожил государство. Пратапарудра был взят в плен и утопился в реке Нарбада, когда его везли в Дели.

Редди — двуликий социальный слой

Чтобы понять систему функционирования сельской общины в Андрхе, необходимо сначала разобраться с теми социальными слоями (кастами), которые составляли страту полноправных общинников. Если в Тамилнаду и Карнатаке этот вопрос сравнительно ясен [в Тамилнаду такую роль выполняли главным образом *веллалы*, в Карнатаке — *оккалу* (*оккалиге*, *воккалиге*)] то в Андрхе он изрядно запутан. В качестве верхушки упоминаются три группы, ставшие впоследствии кастами — это *редди*, *велама* и *капу* (*кампу*). Они и сейчас составляют основной контингент сельских землевладельцев, занимая в кастовой иерархии примерно то же положение, что и в вышеприведенном перечислении. *Редди* — наиболее высокая землевладельческая каста, *велама* занимает среднее положение, а *капу* (или *камма*) — это главным образом простые крестьяне.

² Sundaram 1968, p. 40

³ Sundaram 1968, p. 5–7

⁴ HСIP, V, p. 198

⁵ EI, XXXVIII, p. 77, no. 16

Группа *редди*, конечно, составляла некое единство, что показывает хотя бы единый применявшийся к ним термин (он мог выглядеть также как *радди*, *ратти*, *иратти*, *раттади*, *редлу*), но она распадалась на сельских жителей (членов сельских общин) и крупных землевладельцев, некоторых из которых можно назвать князьями. Еще при Какатьях известны династии с родовым именем Радди⁶. Множество магнатов с именем Редди упоминается в качестве дарителей крупных даров (например, деревень) и наблюдателей за правильным использованием дарений⁷. При этом они действуют нередко вместе с другими людьми, носящими титул *наяду* (т. е. *найка*), который явственно относится к верхнему слою общества, военачальникам и крупным землевладельцам.

За пределами изучаемого периода, в XV–XVI вв., на территории Андрхи возникло крупное государство с династией Редди из Раджахмандри, что свидетельствует, по крайней мере, о том, что титул *редди* воспринимался как властный. Но в то же время эта династия не претендовала на кшатрийский статус⁸.

В одной и той же надписи действуют совместно и конкретный человек с именем, включающим «Редди», и группа лиц, коллективно обозначаемая как *редди*⁹. Последние могли быть и простыми сельчанами, дольщиками в деревнях. Они иногда называются *dāṇi-raṇṇadi*, т. е. «местными *редди*»¹⁰. Они, например, дают согласие на строительство храма (видимо, на их земле) или обязуются соорудить водоем на полученные деньги, т. е. ведут себя как деревенское собрание. Люди с именем Редди появляются в надписях как дольщики земель деревни¹¹, обладатели права *кани* (*kāi iyālar*)¹², свидетели при дарении наряду со «всеми жителями» и деревенскими писцами¹³.

⁶ Talbot 2001, p. 155

⁷ IND, III, p. 1083, no. 100; ARE, 43 of 1941/42. 1939/43 (1064 г.); IND, II, p. 866, no. 103 (1218/19 г.); IND, III, p. 1330, no. 3 (1244/45 г.); IND, III, p. 1347, no. 14 (1245/46 г.); IND, III, p. 1085, no. 101 (1273/74 г.); IND, II, p. 716, no. 22 (1275/76 г.); IND, III, p. 1082, no. 99 (1290/91 г.)

⁸ Stein 1969, p. 52

⁹ IND, II, p. 994–995, no. 58 (1310 г.)

¹⁰ SII, X, no. 655 (1105 г.); no. 710 (1178 г.)

¹¹ ARE, 60 of 1917, p. 76

¹² IND, III, p. 1291–1293, no. 66 (1215 г.); p. 1323, no. 17

¹³ IND, II, p. 902, no. 8 (1317/18 г.)

Эти *редди* тоже совершают дары. Но гораздо более скромные: лампаду, участок земли, корову и т. п.¹⁴

В какой-то степени различие между двумя слоями в касте *редди* осознавалось и нашло отражение в формулировках. Например, о некоем Виттаи Редди, сыне Ваираппа Редди, сообщается, что он *reṇṇikuṇi*, т. е. «редди-земледелец», или «редди-простой человек»¹⁵. Другие *редди* сообщают о себе, что они не только *куди*, но и сыновья *куди*¹⁶.

Веламы

Веламы, возможно, представляли собой телужскую ветвь тамильской касты *веллала*. Они занимали в кастовой иерархии почти такую же позицию, как и *редди*. Эти две группы, которые уже консолидировались в касты, находились в состоянии соперничества или даже вражды. В XIII в. произошло большое сражение между *веламами* и *редди* в районе Паланадуду. Некоторые ученые считают, что эта вражда подрывала единство государства Какатьев и послужила причиной его краха в начале XIV в.¹⁷ В 1258 г. *веламы* (в телужском тексте — *velumalu*, в тамильском тексте — *veṇṇalar*) вступили в конфликт с брахманами, чьи земли они явочным порядком заняли, когда брахманы оставили эти места из-за эпидемии чумы и последующего голода. После вмешательства Вира Раджендры Чолы Девы III землю пришлось вернуть¹⁸. *Веламы* в ряде надписей выступают как часть деревенского собрания¹⁹.

Среди *веламов* тоже, наверное, происходила дифференциация, имущественная и социальная. Известно, что *веламы* в середине XIV в. образовали что-то вроде государства на территории современной Телинганы, сопротивляясь как притязаниям Бахманидской державы, там и натиску Виджаянагара. Это образование не имело династии, представляло собой, по-видимому, некую «крестьянскую республику», но именно поэтому не оставило после себя документов, так что ее изучение практически невозможно.

¹⁴ IND, II, p. 724, no. 31 (1217/18 г.); p. 716, no. 22 (1275/76 г.)

¹⁵ IND, III, p. 1414, no. 20 (1238 г.). О многозначности слова *куди* говорилось в главах о Тамилнадуду.

¹⁶ IND, II, p. 888–889, no. 121 (1243/44 г.); II, p. 794–795, no. 36 (1284/85 г.)

¹⁷ Suryanarayana 1996

¹⁸ ARE, 580 of 1907. 1908

¹⁹ Sreenivasachari 1942, p. 89–90, no. 26

Капу

Первоначальной формой этого названия, по мнению Рамачандры Рао, являлось *kāi pulu*, что значило «защитники» или «сторожа»²⁰. В надписях это слово и его варианты означают «жители», «общинники», «земледельцы». *Кампулу* нередко действуют самостоятельно, как корпорация или община, имеющая собственность и возможность ею распоряжаться. Они покупают землю и передают ее храму²¹. Дарят храму коров. При этом оказываются в некоей связи с общиной скотоводов²². Видимо, они взимают некоторый сбор с пастухов и брахманов, коль скоро они могут дарить эти сборы²³. Они могут также дарить сборы с продажи товаров, т. е. либо продают их сами, либо держат под контролем торговлю в пределах деревни²⁴. Много надписей упоминает *кампу* как получателей скота, ответственных за бесперебойное снабжение «вечных» лампад в храме топленным маслом²⁵. Им поручают опекать другие дарения²⁶.

Во всех этих ситуациях *капу* действуют как обычное деревенское собрание доминирующей касты. Не противоречат такому пониманию и случаи, когда они упоминаются не единолично, а наряду с *karai ālu* (писцами)²⁷. Логично, что в решении деревенского собрания некую роль играют писцы.

В других ситуациях *капу* составляют часть более общего собрания, называемого, например, «восемнадцатью видами подданных» (*aṣṭādaiva-graja*)²⁸. На этих случаях мы остановимся позже, поскольку они представляют особый интерес с точки зрения особенностей устройства деревенской жизни в Андхре.

Но есть целая серия надписей, где *капу* выступают как земледельцы, причем довольно низкого статуса. В одной из надписей они противопоставляются брахманам, *наякам*, *четти* и *раттади* как лица,

²⁰ Rao 1967, p. 76

²¹ SII, X, no. 477 (1294 г.)

²² SII, V, no. 1294 (1245 г.)

²³ SII, IV, no. 934 (1263 г.)

²⁴ SII, X, no. 527 (1319 г.)

²⁵ SII, V, nos 162, 1016, 1018, 1029, 1080, 1138; X, nos 671, 674, 689; IND, II, p. 742–743, no. 43

²⁶ IND, II, p. 607, no. 67

²⁷ IND, I, p. 213, no. 11 (1279 г.); II, p. 876, no. 110; III, p. 1158, no. 6 (1312 г.)

²⁸ ARE, 313 of 1932/33 (1318 г.)

не имеющие своей земли, как арендаторы²⁹. В другой, недатированной, надписи *капу* получают *kavulu*, т. е. с ними заключают договор об аренде³⁰.

В другой надписи *капу* обязываются обрабатывать храмовые земли и не позволять им оставаться необработанными. Однако тут же признается, что эти *капу* «управляют деревней». Они могут взять в залог участки храмовых танцовщиц, и в этом случае считать их *сарваманья*, т. е. не платить с них никаких налогов³¹.

В 1303 г. общее собрание нескольких каст (о нем пойдет речь ниже) устанавливает сбор в свою пользу, и при этом делает несколько уточнений, которые кажутся непонятными. Сбор с земель шиваитского храма не взимается, если эти земли обрабатываются *кампулу* или же самими жрецами (конечно, не в буквальном смысле — а в смысле организации хозяйства). Не подлежат этому сбору и земли, обрабатываемые брахманами. С их черных (хлопковых) земель сбор полагается, если они обрабатываются не собственниками, а *кампу*³².

В таких контекстах *капу* можно перевести просто «крестьяне». Но *капу* или *камма* в то время еще не приобрели четкого кастового значения. Они употреблялись также в значении «люди, народ, жители такого-то селения». Этим можно объяснить термины типа *kamma-kî mañi*³³ или *teliki-kai pulu*³⁴, когда названия торгово-ремесленных гильдий сопровождаются указанием, что имеются в виду простые люди.

Собрание «всего народа»

Материал заставляет предполагать, что кроме однокастовых общинных органов (*редди*, *велама* и *капу*) параллельно существовали собрания на уровне деревни, в которых объединялись члены нескольких каст. Например, в 1119 г. в Перуре действует *игу-самаяу* («деревенское общество»). В него входят землевладельцы: брахманы, *найки*, *четти* и *редди*³⁵. Это общее собрание имеет разные наименования:

²⁹ Prasad 1985, p. 111–117 (1119 г.)

³⁰ ARE, 285 of 1935/36

³¹ IND, I, p. 232–233, no. 25

³² Rao 1967, p. 112–113; Talbot 2001, p. 102

³³ SII, IV, no. 1012, 1091; V, no. 179; VI, no. 136

³⁴ SII, V, no. 1051, 1076. О гильдиях *комати* и *телики* см. ниже.

³⁵ Prasad 1985, p. 911–917

grāma («деревня»)³⁶, aṣṭadaṇḍa-praja («восемнадцать [групп] подданных»), aṣṭadaṇḍa-jatī («восемнадцать каст»), aṣṭadaṇḍa-samaya («восемнадцать общин»), samasta-praja («все подданные»), bhōmi-prabhu («господа земли»). С. Тэлбот, прибавив к этому списку kāmpu и mahājana, насчитывает в период Какатьев 31 дарение, выполненное деревенскими собраниями разнородного состава. Из них 3 — до 1263 г. (не упоминающие правившего царя Ганапати); 4 — в период правления Рудрамадеви, все из них упоминают царицу; 24 приходится на правление Пратапарудры II (не упоминает о нем лишь одно из них). Эти подсчеты дают определенный материал для размышления о степени независимости деревенского собрания. В четырех случаях деревенское собрание дает свое согласие на дарение налогов, платимых им, в пользу храма³⁷.

Тэлбот отметила также, что *аштадаша-праджа* встречается только в центральной части государства (дистрикт Налгонда) и в дельте Кришны (дистрикт Гунтур)³⁸.

Аштадаша-праджа в телужских надписях следует понимать как общее собрание, включающее влиятельные касты, а не только служебные, как я пытался интерпретировать этот термин в других районах. Конечно, число «18», как и в других случаях, имеет иносказательный характер, означает просто «многие» или «все достойные». Один из списков этих «восемнадцати» включает *махаджанов* (возможно, здесь, как и в Карнатаке, это брахманы), «горожан», *кампу* и купцов³⁹, другие — пастухов, ювелиров, *комати* (торговцев), производителей *тодди* (пальмового вина)⁴⁰. Никому из составителей надписей не приходит в голову перечислить все 18 групп, охватываемых этим понятием. Но все же надписи убеждают, что под этим наименованием имеется в виду вполне дееспособный орган. В нем явно участвуют разные касты, и он отдает распоряжения, касающиеся этих разных каст. В 1214 г. *самаста-праджа* даруют сборы с домов торговцев, земледельцев, скотоводов, брахманов, ткачей и других⁴¹. В 1299 г. *самаста-праджа* включали как *наянкулу* («вождей»), так и *кампулу*

³⁶ EI, V, p. 33–34, no. 4–A

³⁷ Talbot 2001, p. 167, 277; SII, X, no. 508 (1314 г.); Rao 1967, p. 112

³⁸ Talbot 2001, p. 167

³⁹ Rao 1967, p. 112–113

⁴⁰ Talbot 2001, p. 82

⁴¹ SII, X, no. 507

(«крестьян»)⁴². В 1311 г. в *самаста-праджа* входят ткачи⁴³. В 1317 г. это объединение включает *редди* и *karaī ālu* (писцов)⁴⁴. В 1323 г. включены купцы, собирающие некую плату с ткацких станков⁴⁵.

Однажды жители двух деревень совместно принимают решение отчислять в пользу храма 1/16 денежного налога⁴⁶. В 950/51 г. жители 4-х деревень служат свидетелями при дарении на содержание водоема⁴⁷. В 1314 г. совершают совместный дар *аштадаша-праджалу* 12-ти деревень⁴⁸. Таким образом, могли существовать имущественные связи между соседними деревнями. Впрочем, о более широких общинах речь пойдет ниже.

Общинная верхушка

В перечисленных выше случаях деревенское собрание действует без какого бы то ни было главы. Однако в других местностях упоминается староста, носящий разные титулы: *талайван*⁴⁹, *грамакута*⁵⁰, *граманаяка*⁵¹. В районах, граничащих с Карнатакой, которые подолгу находились в составе государства Западных Чалукьев и где много надписей на каннада, деревня нередко представлена *гавундами*⁵². Их может быть 5⁵³ или даже 106⁵⁴. Подобные случаи, когда, по-видимому, весь коллектив землевладельцев зовется «старостами», мы отмечали в Карнатаке.

Упоминается еще и термин *grāmaī è*, который обычно переводят как «деревенский староста», но тут он встречается в контекстах, не совсем обычных. Амма I (921–927) дарует статус *грамани* заслуженному воину Вемарадже и дает ему полный контроль над деревней Умикили в *вишае* Гудравара. Вемараджа будет платить только символическую дань в 8 *гадьянака*. Тут же выясняется, что дед Вемараджи

⁴² SII, X, no. 488

⁴³ Rao 1967, p. 83

⁴⁴ IND, II, p. 902–903, no. 8

⁴⁵ SII, X, no. 533

⁴⁶ Talbot 2001, p. 161

⁴⁷ ARE, 726 of 1916 (SII, IX, I, no. 26)

⁴⁸ Rao 1967, p. 112

⁴⁹ IND, II, p. 877–878, no. 111 (1204/05 г.)

⁵⁰ EI, VII, p. 183–185, no. 25 (X в.)

⁵¹ Murty 1977, p. 338–339

⁵² ARE, 759 of 1916. 1917 (936 г., Анантапур)

⁵³ ARE, 12 of 1958/59 (1147 г., Адилабад)

⁵⁴ ARE, 93 of 1913 (SII, IX, I, no. 30 (965 г., Анантапур))

по имени Чандеярджа занимал высокое положение при Виджаядитье III (849–892) и даже получил от него в подарок слона и при этом уже был *грамани* той же деревни Умикили⁵⁵. Это скорее напоминает отношения сеньора и вассала, чем отношения царя и низшего чиновника или общинного вождя. Другой царь Восточных Чалукьев Шактиварман I (1000–1011) смещает некоего *грамани* за нелояльное и предательское поведение и назначает другого человека на это место. Индийские исследователи единодушно цитируют этот случай как доказательство того, что деревенские старосты могли быть смещены царями⁵⁶. Но это тоже больше похоже на вассальные отношения, чем на административные.

Упомянуты также деревенские писцы⁵⁷. Мы помним, что *карнамы* часто фигурируют в тех случаях, когда дарителями выступают *редди* или *капу*.

Функции деревенских властей были такими же, как и в других регионах. Мы узнаем о них из дарений, которые совершали или в которых участвовали деревенские собрания разного состава или их старосты. Как и везде, важной функцией была военная или оборонительная. Как и в Карнатаке, битвы с ворами скота или с отрядами феодалов отмечались «камнями героев», воздвигавшихся в честь павших. Особенно много таких камней в Раяласиме, т. е. в районе Андхры южнее р. Кришны⁵⁸. Среди павших встречаются и *карнамы* (писцы)⁵⁹ и золотых дел мастера⁶⁰. К сожалению не датированная надпись из Анантапура сообщает интересную коллизию. Два брахмана незаконно забрали участок земли у трех *гавунд* и пользовались им уже три года. *Гавунды* решаются напасть на брахманов и отнять землю силой. При этом они договариваются, что если кто-то из них падет в бою, то его сын получит долю отца (т. е. треть) и еще треть от трети⁶¹.

⁵⁵ EI, XXVII, p. 42, no. 10

⁵⁶ Yazdani 1960, II, p. 499; Rao 1967, p. 120; Satyanarayana 1975, p. 301; Murty 1977, p. 339

⁵⁷ IND, I, p. 214, no. 12; II, p. 587, no. 53 (1273/74 г.);

⁵⁸ Satyanarayana 1975, p. 316

⁵⁹ ARE, 339 of 1940/41. 1939/43 (VIII в.)

⁶⁰ ARE, 55 of 1917

⁶¹ Satyanarayana 1975, p. 322

Система *джаджмани* и неполноправные в общине

В книге 1981 г.⁶² я сделал предположение, что система *джаджмани*, т. е. обычай содержать в деревне ряд ремесленников и членов служебных каст, распространялся в средние века из Северной Индии через Ориссу на Декан, причем в этом процессе активную роль играло государство. Основанием послужила серия надписей из Ориссы середины VIII — середины X вв., в которых получатели земельных дарений наделялись также несколькими ремесленниками «и другими подданными» (*ādi-prakṛitikaṇ*). Иногда уточняется, что этих *пракрити* восемнадцать. *Пракрити* в этих формулах я интерпретировал как «низшие или профессиональные касты».

В целом я не отказываюсь от этих предположений, хотя они остаются слабо обоснованными.

В средневековой Андхре система *джаджмани* существовала, но число «18» стало применяться к понятиям *праджа* и *джати* и, как мы видели, означать действительно многокастовое деревенское собрание⁶³.

Среди ремесленников и слуг, обычно составляющих деревенский «штат», в наших надписях встречаются маслобойщик, горшечник, ювелир, кузнец, медник, цирюльник, стиральщик, корзинщик, кожевник, садовник кокосовых пальм, садовник арековых пальм,⁶⁴ каменщик,⁶⁵ строитель-архитектор⁶⁶, неприкасаемые (*veṇi*)⁶⁷.

Они получали вознаграждение либо в виде необлагаемого участка земли⁶⁸, либо отчислениями от урожая, которые получили специальное название *māra*. Высказанное выше предположение, что система *джаджмани* распространялась при активном участии государства в данном случае подтверждается надписью 1269 г. из Висакхапаттинама, где брахманам дается деревня вместе с «деревенскими ремесленниками» (*grāma-kārukāṇ*)⁶⁹, а также серией надписей, в которых при дарении деревни тем же указом устанавливается размер *мера*. Например,

⁶² Алаев 1981, с. 125–128

⁶³ ARE, 313 of 1932/33; Talbot 2001, p. 52

⁶⁴ Satyanarayana 1975, p. 329

⁶⁵ SII, X, no. 61

⁶⁶ SII, X, no. 66

⁶⁷ IND, III, p. 1287, no. 62

⁶⁸ ARE, 42 of 1912; 396 of 1940/41. 1939/43; 142 of 1959/60; SII, X, no. 61, 66

⁶⁹ EI, V, p. 112, no. 14

один из *наяков* (о них ниже) Пратапарудры Какатьи устанавливает *мера* в размере одного *тума* с каждой кучи зерна⁷⁰. А другой *найка* распоряжается, что для поддержания водоема в деревне следует взимать *мера* в 2 *кунча* с каждого *путти*⁷¹. В той же надписи деревенские власти (в данном случае *кану* и *карнамы*) предупреждаются, что если они нарушат данное постановление, то они будут считаться рожденными в касте *ветти* и теми, кто отдал *ветти* своих жен.

Как упоминалось выше, общинные слуги принимали участие в обороне деревни, проявляя героизм, за что им воздавались почести.

К концу изучаемого периода вознаграждения общинным слугам стали называться *ауам*, а их самих — «получателями *аяма*» (*ayagar*). Было принято считать, что таких *аягаров* в деревне 12, хотя точный их состав, если он сообщается, не совпадает в разных случаях. «12 *аягаров*» стали властным органом в деревне, заменив собою собрания *кану*, *велама* и *редди*⁷². Но эти явления выходят за пределы освещаемого периода.

Наду, вишай, раштра

Окружная общность в Андре тоже осознавалась, хотя нелегко установить ее реальное содержание, т. е. неясно, можно ли говорить об окружной общине.

Округ в государствах Паллаво, Восточных Чалукьев и Какатьев носил разные названия: *наду* (по-телужски часто — *nai āu*), *вишай*⁷³, *раштра*⁷⁴, *стхала*⁷⁵, *вади (нади)*⁷⁶, *сима*⁷⁷, *бхуми*⁷⁸. Индийские ученые,

⁷⁰ IND, I, p. 334–335, no. 35 (1310 г.). Именно такой ритуал выделения платы деревенским ремесленникам зафиксирован этнографически: земледельцы при обмолоте образуют зерновые кучи примерно одинакового размера, и к ним подходят по очереди слуги и ремесленники, начиная с брахмана, и им отсыпают в приготовленную посуду положенное количество горстей.

⁷¹ IND, III, p. 1287, no. 62. См. также IND, II, p. 539, no. 28 (1330 г.). Мы не вдаемся в подсчеты относительно величины этих чисел, поскольку это невозможно при имеющихся знаниях о средневековых мерах и весах. Нам важно лишь то, что величину сборов пыталась фиксировать та или иная власть.

⁷² Yazdani 1960, II, p. 675

⁷³ ARE, A 14 of 1917/18; A 11 of 1919/20; EI, V, p. 87, no. 10 (1101 г.)

⁷⁴ EI, XVIII, p. 228, no. 25

⁷⁵ ARE, 565 of 1909. 1910

⁷⁶ ARE, 298 of 1932/33

⁷⁷ IND, II, p. 539, no. 28

⁷⁸ ARE, 5 of 1939/40. 1939/43

верные тенденции конструировать регулярную административную систему, пытались систематизировать и эти данные. Дх. Ч. Гангули утверждает, что государство Восточных Чалукьев подразделялось на *вишай* и приводит названия многих из них. Они группировались в *деша*⁷⁹. Г. Яздани перечисляет низшие единицы административного деления — *стхалы*, которые, по его словам, включали от 10 до 60 деревень, и заявляет, что несколько *стхала* составляли *наду*. Но и он упоминает, что были еще *кампаны*, которые, видимо, равнялись *стхале*, и *пади* и *бхуми*, видимо, равные *наду*. А, кроме того, были еще и провинции, называвшиеся по главному городу⁸⁰. Уже эти примеры показывают бесперспективность попыток увидеть во множестве терминов для «провинции» какую-либо систему.

С. Тэлбот, проработавшая все надписи Какатьев, приходит к окончательному выводу, что не было иерархии территорий, вводимой сверху. Ни разу не упоминается, что *стхала* входит в *вишай*⁸¹. Еще разбирая паллавские надписи, изданные на территории Андры, мы установили, что эти термины употреблялись как синонимы, иерархия упоминаемых административных единиц не просматривается. Все они служат как обозначение местности, как «адрес» той или иной деревни, или как обозначение некоего коллектива, общины.

Местности, упоминаемые в надписях Какатьев, такие как Венги, Камманату, Натавади, Паканату, Ренату, Веланату, существовали еще до возникновения этой династии. Другие подразделения территории тоже не были результатом государственного регулирования.

Как и в Карнатаке, территориям иногда присваивался числовой индекс, но эта система обозначений в Андре была распространена значительно меньше. Восточные Чалукьи называли свою страну очень скромно: «Венги-1000 *вишай*»⁸². Но в XIV в. сравнительно мелкий князь из неизвестной династии правил «всей страной Венги», которая, по его словам, состояла из «1,5 *лакша* (150 000) деревень»⁸³. Паланату в Неллуре в 1218 г. названа «страной 21 000»⁸⁴. Из крупных территориальных

⁷⁹ Ganguli 1937, p. 161

⁸⁰ Yazdani 1960, II, p. 674–675

⁸¹ Talbot 2001, p. 278

⁸² ARE, A 3 of 1938/39 (время Виджаядиты III, 844–888 гг.)

⁸³ ARE, 56 of 1941/42. 1939/43 (1323 г.)

⁸⁴ ARE, 22 of 1956/57 (IND, III, p. 1129–1130, no. 39). Надпись Западных Чалукьев от 1118 г. из этого же района называет эту местность Анмаконда-7000 (ARE, 13 of 1957/58)

единиц можно упомянуть еще Ренаду (или Ренанду)—7000 в районе Читура⁸⁵, Махараджавади-7000 в дистрикте Каддапа⁸⁶ и «страну шести тысяч» (*ṣaṭśahasra-viśaya*) без названия на южном берегу р. Кришны, существовавшую и во времена Кулоттунги I, и в 1250 г.⁸⁷

Упоминаются и более мелкие подразделения. Венгипуравишая насчитывала 1000 деревень⁸⁸. Наравади (или Налавади, Нирувади)—500 находилась на берегу Тунгабхадры⁸⁹. Рядом располагалась Педекал-800⁹⁰. Как и в Карнатаке, популярным был индекс «300». Такие индексы имели Аядж (Аядже)⁹¹, Канне⁹², Поттапинаду около Висакхапатнама⁹³.

В отличие от тех областей, которые можно себе представить как «провинции», естественно возникшие территории с числовыми индексами могли входить друг в друга. Однажды отмечается три уровня подчиненности: деревня включена в Кудукули-13, та — в кампану Элтапи-90, а последняя — в Вадавана-500⁹⁴. Интересно, что встречаются индексы «12» и «24»⁹⁵. Видимо, система чисел, кратных дюжине, проникла из Северной Индии не только в Карнатаку, но и в Андхру.

Округа с индексами находились под управлением тех или иных вассалов или чиновников. Ренаду представляла собой вассальное княжество с династией Вайдумба. Махараджавади упоминается в надписях как вассальное княжество со времен Раджараджи I (985—1014), а также при Раджадхирадже I (1018—1054) и при Кулоттунге III (1192/93). «Страна 6000» тоже являлась княжеством и передавалась по наследству. Аядж-300 тоже имела правителя из семьи Вайдумба с титулами *махамандалешвара* и *махараджа*⁹⁶. Но в этом округе одновременно действовал некий *прабху*, который дарит храму по одной монете с каждой деревни (*ур*)⁹⁷. Мы полагаем, что *прабху* в данном случае — вождь

⁸⁵ ARE, 339 of 1940/41. 1939/43 (VIII в.); 314 of 1922. 1923 (IX в.); 466 of 1906/07

⁸⁶ ARE, 279 of 1895; SII, III, p. 106, no. 52; Sastri 2000, p. 259—260, 390

⁸⁷ ARE, 266, 267 of 1893; EI, III, p. 95, no. 16; VI, p. 223—227, no. 21-A; Satyanarayana 1975, p. 284

⁸⁸ ARE, A 3 of 1921/22

⁸⁹ ARE, 65 of 1953/54 (1071 г.); 130 of 1959/60 (XII в.)

⁹⁰ ARE, 116 of 1959/60 (1073 г.)

⁹¹ ARE, 115, 119, 128 of 1959/60

⁹² ARE, 122, 123, 124, 125, 126 of 1959/60

⁹³ ARE, A 26 of 1937/38

⁹⁴ ARE, 87 of 1960/61 (1048 г., район Махбубнагара)

⁹⁵ ARE, 107 of 1960/61

⁹⁶ ARE, 119 of 1959/60

⁹⁷ ARE, 115 of 1959/60

существующей или сохранившейся в пережитках окружной общины. К этому вопросу мы еще вернемся.

Так же я склонен понимать и другой случай. В Чирапи-12 правил некто Маллана Сивари. Но там же имелся *гавунда* Кадиянна, который дарит участок орошаемой земли, чтобы на получаемые с него доходы можно было отремонтировать водоем⁹⁸.

Как и в Карнатаке, округа, имели они числовые индексы или нет, не являлись феодами. Их происхождение не связано с раздачей земель в управление представителям знати. Такой вывод вытекает из того, что вельможи часто владели не одним таким округом, а несколькими, или же деревнями, разбросанными по нескольким округам. Так, в 1073 и 1074 гг. *махамандалешвара* Чидда Чола-*махараджа* правил Канне-300, Педекал-800, Нирувади-500 и Айядже-300⁹⁹, а другой магнат, видимо, вассал первого, владел 4-мя деревнями в Аядже-300 и одной — в Канне-300¹⁰⁰.

В Тамилнаду, как мы знаем, возникла примерно в VIII в. и долго играла серьезную роль в политико-социальной жизни общества окружная община (*наду*) во главе с коллективным органом управления (*наттар*). Как мне кажется, я привел убедительные свидетельства того, что и в Карнатаке округа и даже большие области имели естественное, общинное происхождение и сохранили ряд общинных функций, даже превратившись в наместничества.

Логично ожидать, что и в Андхре, разделенной на такие же естественно возникшие территории, последние должны были бы представлять собой общины. Однако свидетельств этого мало. В ранних паллавских надписях на территориях, прилегающих к Тамилнаду, встречаются *наттары* как один из субъектов дарения¹⁰¹. В 690/91 г. *наду* упоминается как свидетель дарения, т. е. как коллектив¹⁰².

Но чаще всего, напомним, в этот период Паллавы, даруя земли и деревни брахманам, оповещают об этом должностных лиц и, иногда, некоторых «деревенских владетелей» (*gāmāgāmabhojake*).

В дарениях IV—V вв. на территории Андхры исполнение дара поручается *grāmeṣika* и *āyukta*¹⁰³, т. е. либо властям области и жителям

⁹⁸ ARE, 726 of 1916 (SII, IX, I, no. 26) (950/51 г.)

⁹⁹ ARE, 116 of 1959/60; 81 of 1960/61

¹⁰⁰ ARE, 125 of 1959/60

¹⁰¹ IND, I, p. 429, no. 54

¹⁰² EI, XXXVIII, p. 333, no. 56-A

¹⁰³ IP, no. 4

даруемой деревни (*Kamma-ràṁṁra adhikṛṭaḥ àyuktakaḥ Oḥ goāu-grāmāṁsa*)¹⁰⁴, либо жителям деревни (*Muī āa-ràṁṁre Uruvupalliye grāmeyakāḥ*) с оповещением ряда должностных лиц, функционирующих в области (*вишае*)¹⁰⁵. Тот же формуляр сохраняется и в VII в.: обращение к жителям конкретной деревни и к должностным лицам *раштры*¹⁰⁶.

Гораздо чаще, чем *наду*, в Андхре окружная община называется *стхала*. Например, «жители округа» (*стхала-праджа*) могут совершить коллективный дар¹⁰⁷. Жители *стхалы* нередко называются *pekkaēāru* («многие»). Вспомним, что и в Карнатаке слово «многие» (*халару, хала-вару*) часто означало деревенское или иное собрание.

Нарасимха Рао считает, что *пеккандру* называлась то ли специфическая торговая община, распространенная только в Андхре, то ли это было местное название для корпорации *аяволе*-500, известной по всей Южной Индии¹⁰⁸. Однако в данном случае мы видим пример конструирования виртуального института из разнородных, не связанных между собой фактов.

«Многими» могут быть члены торговых организаций. В качестве юридических лиц выступают, например, *nānāḍāṁi-pekkaēāru* («многие из разных стран») или *ubhaya-nānāḍāṁi-pekkaēāru* («многие из обеих [групп] жителей разных стран») или *Нанадеши*, как мы знаем, термин, широко используемый для обозначения приезжих купцов и в других районах Южной Индии. Некоторые *пеккандру* объявляют себя «защитниками *дхармы вира-баланджей*», т. е. это явно торговые объединения.¹¹¹

Но чаще *пеккандру* привязаны к определенной местности, как правило, к той или иной *стхале*: например, *пеккандру* из Янамадаластхалы¹¹² и Алампуристхалы¹¹³.

Иногда «многие» некоей местности принимают решения, относящиеся к торговле, и в этом случае нелегко судить, имеем мы дело

¹⁰⁴ EI, XV, p. 249–252, no. 11-A (IP, no. 5)

¹⁰⁵ IA, V, p. 50–53 (IP, no. 6). Так же оформлены дарения других деревень в той же Мундарапаштре (IP, no. 7, 13), а также дарения в Венгорапаштре (no. 14).

¹⁰⁶ EI, XXXII, p. 91–98 (IP, no. 45; 687 г.)

¹⁰⁷ См. Talbot 2001, p. 82

¹⁰⁸ Rao 1967, p. 11–32

¹⁰⁹ SII, X, no. 473, 565

¹¹⁰ ARE, 387 of 1926 (SII, X, no. 495); SII, IV, no. 939; X, no. 381, 422, 480

¹¹¹ SII, IV, no. 935 (Talbot 2001, p. 74–75); Reddy 1975, p. 18

¹¹² SII, IV, no. 935

¹¹³ Rao 1967, p. 113

с территориальной общиной или купеческой корпорацией. Например, «все *пеккандру* из Нандьяластхалы» предоставляют двум индивидуумам право торговать беспошлинно¹¹⁴. *Пеккандру* из Сураварама разрешают проблему неуплаты долга торговцем некоему лицу. Третий человек поручился за заемщика, и, когда тот не отдал долг в размере 1200 монет, вынужден был возместить эту сумму. Однако затем гарант обратился к *пеккандру* с жалобой. Собрание решило, что должник должен дать гаранту документ, удостоверяющий долг в размере основной суммы, а в счет процентов совершить ряд добрых дел, например, соорудить водоемы¹¹⁵.

Анка Телунгари-четти и 11 групп *пеккандру* из района между Йендапи и Раяварамом освободили *пеккандру* из Дракшарама и *пеккандру* из деревень, принадлежащих богу Бхимешваре, от уплаты сбора *virāṁ-pannu*. Этот взнос собирался общинами для исполнения *rāsa-kārya* (работ на царя?) и *samaya-kārya* («работ на общину»?)¹¹⁶. Из этой надписи вырисовывается некая структура, состоящая из территориальных ячеек (причем одна из них определена тем, что селения принадлежат одному храму), но объединенных некими общими экономическими и социальными узами, могущая принимать решения в пределах своих компетенций.

В 1292 г. некие *пеккандру* собрались для решения «общинных дел» (*samaya-kāryamu*). Участники собрания перечислены по именам и многие имеют титулы *редди, четти*, несколько человек значатся как *найки*, и один — *bīya*¹¹⁷. Как видим, компания довольно разношерстная. В данном случае мы никак не можем утверждать, что перед нами купеческая организация.

Термин *пеккандру*, видимо, употреблялся в разных значениях. Возможно, так («многие») могли называть и сходку сельской общины, и группу лиц разного положения, собравшуюся по конкретному поводу. Последнее предположение особенно интересно. Может быть, человек в средневековой Андхре не был накрепко привязан к общине, касте, гильдии, а действовал также самостоятельно, образуя с подобными себе новые объединения?

В более поздние времена упоминания об активности жителей округов весьма отрывочны. Например, в 1258 г. «жители Пакканаду»

¹¹⁴ ARE, A 10, 11 of 1918/19

¹¹⁵ SII, IV, no. 784 (Rao 1967, p. 22–23)

¹¹⁶ SII, IV, no. 1375

¹¹⁷ SII, X, no. 473 (Talbot 2001, p. 81). О термине *бая* см. ниже

принимают участие в разрешении спора между *веламами* и брахманами¹¹⁸. Все же некоторые косвенные данные позволяют предполагать существование некоей общинности на уровне округа.

Кутумбины и раштракуты

В ранних работах я попытался проанализировать формулировки обращений «ко всем заинтересованным лицам», которые употребляли различные династии, оповещая о дарениях, в том числе и на территории Восточного Декана¹¹⁹. Позволю себе повторить данные, приведенные в той работе, с добавлением, конечно, нового материала.

Вишнукундины, владевшие территориями Андрхы в VI–VII вв., оповещали, наряду с чиновниками, и местное население, но без всякой спецификации. Они уведомляли «всех жителей деревни» (*grāma-janān-sarvvān*)¹²⁰, «народ в деревне» (*grāme janān*)¹²¹, «собранных в деревне кутумбинов» (*grāma-savametān kuṭumbīnas*)¹²². В одной из надписей VI в. из Гумсура содержится очень сложное уведомление, в котором к сельскому населению относится, по-видимому, следующее выражение: *brāhmaī a-pōrvvaājjanapada-mānyān* («уважаемых [членов] *джананапеды*, [среди которых] первыми [являются] брахманы») ¹²³. Следует ли в данном случае под *джананапедой* понимать окружную общину, неясно, термин *джананапада* очень многозначен. Ясно лишь, что Вишнукундины стали обращаться, помимо служилых лиц, также и к местному населению (*грамаджана*), которых они же расшифровывали как *кутумбины*.

Восточные Чалукьи на протяжении VII–VIII вв. употребляли разные формулы, но все они ограничивали адресат жителями отдельной деревни: «живущих в деревне кутумбинов» (*grām-ādhivāsī ā kuṭumbīnas*)¹²⁴, «[находящихся] в деревне деревенских жителей» (*grāme grāmeyakān*)¹²⁵.

Затем правители Восточных Чалукьев приходят к выводу, что не только жители отдельной деревни, но и всего округа должны

знать о дарении — они начинают оповещать «в области и районе проживающих кутумбинов» (*rāṣṭra-viṣaya-nivāsi kuṭumbīnam*)¹²⁶.

С начала IX в. и до конца XII устанавливается формула *viṣaye nivāsino rāṣṭrakōṭa-prāmukhān kuṭumbīnas sarvvān* — «кутумбинов, возглавляемых *раштракутами*, проживающих в [данной] области, всех»¹²⁷. Даже Западные Чалукьи, пользовавшиеся в своих коренных областях иными формами оповещения, выбивая надписи в Восточном Декане, обращались к тем же «кутумбинам, возглавляемым *раштракутами*»¹²⁸.

(Иногда кутумбины при этом возглавляются «деревенскими *кутаками*» (*grāmasya kōṭaka*)¹²⁹. В 945 г. некий Кусумаюджа получил должность грамакуты «навечно», и за исполнение обязанностей — освобожденное от налогов поле¹³⁰. Этот вариант я рассматриваю, как случайное отклонение от основного: кутумбинов возглавляют раштракуты.)

В этой формуле содержится представление, что, во-первых, есть два уровня «народовластия» в сельской местности: деревенский и окружной, а во-вторых, что оба эти уровня составляют некоторое единство — *раштракуты* составляют часть *кутумбинов*, хотя и возвышающуюся над последними. Термин *кута*, составляющий часть обозначения возвышающихся над деревней властей, означает, скорее всего, некоего главу.

Я интерпретирую эти два термина как представляющие общинников на деревенском уровне (*кутумбины*) и на уровне округа (*раштракуты*). При этом надо помнить, что терминология надписей причудлива. Если в формулах уведомлений Восточных Чалукьев было принято их так называть, это не значит, что они так именовались в жизни. Конкретных лиц, носящих титул *раштракута*, я в надписях из Восточного Декана не встречал. Я ранее показал, что, например, в Западном Декане в соответствующих формулах уведомлений применялась иная терминология: *махаттары* для деревенских общин-

¹²⁶ EI, XVIII, p. 315, no. 33; SII, I, p. 40; IA, XIII, p. 52

¹²⁷ IA, VII, p. 16; VIII, p. 75, 77; X, p. 244; XII, p. 92; XIV, p. 203; XIX, p. 431; XX, p. 416; XXXII, p. 283; EI, IV, p. 92, no. 10; p. 307, no. 43; V, p. 79, 95, no. 10; p. 121, no. 16-A; p. 124, no. 16-B, p. 129, no. 16-C; p. 133, no. 16-D; p. 137–142, no. 16-E; VII, p. 187, no. 25; IX, p. 56, no. 7; XVII, p. 121–123, no. 10; XVIII, p. 231, no. 25; SII, I, p. 33, no. 35; p. 45, no. 37; p. 48, no. 38; IND, I, p. 179, no. 18; ARE, A 26 of 1937/38

¹²⁸ SII, IX, I, p. 188

¹²⁹ EI, V, p. 118, 120, 121, no. 16-A

¹³⁰ EI, VII, p. 188, no. 25

¹¹⁸ ARE, 580 of 1907. 1908

¹¹⁹ Алаев 1981, с. 91–93

¹²⁰ ARE, A 11 of 1919/20; EI, XVII, p. 336

¹²¹ EI, XVII, p. 339, no. 21

¹²² EI, XII, p. 134, no. 17. См. также EI, XXXI, p. 9, no. 1-B

¹²³ EI, III, p. 44, no. 6

¹²⁴ IA, XX, p. 16; см. также EI, XVIII, p. 56, no. 5 (632 г.); SII, I, p. 40, no. 36

¹²⁵ EI, VIII, p. 238, no. 24

ников и *грамакута* для окружных общинных властей, хотя термин *раш-тракута* был известен и в жизни употреблялся¹³¹.

Если формулы оповещений могут служить источником для изучения строения социума, то излюбленная формула Восточных Чалукьев свидетельствует, что окружная община на ранних этапах не просматривается (или власти ее не замечают), а с начала IX в. становится заметной, и ее власти не могут игнорировать.

Читра-меди перия-наттар

Еще одним доказательством сохранения общины на уровне *наду* является распространение на Андхру организации *читра-межи перия-наттар* (в телужском варианте — *читра-меди*¹³²). Она прослеживается в южных районах Андхры, смежных с Тамилнаду, с XII по XIV вв., правда, чаще всего в надписях, составленных либо на каннада, либо на тамильском¹³³. В надписи 1197/98 г. из Неллура *читрамежи* называют себя «сыновьями богини Бхудеви (т. е. Богини Земли), которые происходят из четвертой группы, которая создана для блага всего мира»¹³⁴. Здесь они недвусмысленно называют себя шудрами, явно имеют в виду соответствующие шлоки *дхармашастр*, предписывающие шудрам быть слугами более высоких варн, но видят в этой своей «пользе» для остальных предмет для гордости.

В этой надписи *читрамежи* объединяют жителей 8 *наду* и дарят храму 2 200 *кужи* свободной от налогов земли.

Серия надписей (1220, 1227 гг. и одна недатированная) из трех разных деревень района Анантапурама упоминает храм Читрамеди Шри-Джасамешварадева в центре «столицы» (*раджадхани-паттана*) Веллануру. Освятил его *paṇṇasāhaī ādhipati* Маллея Сахани. Храму дана деревня Медикуру¹³⁵. В недатированной надписи говорится, что члены *cittira-māyūṭi* («Мы, *читрамежийцы*...») назначили в храм Читтирамеди Дешамишварам-удеяра в Велланур-паттанаме управителя (*ширикарьям*) и выделили ту же деревню Медикуру и еще несколько участков в других селениях, а также несколько денежных сборов. Сверху надписи

¹³¹ Алаев 1981, с. 93–94; см. также главу 15 в данной книге

¹³² ARE, 19 of 1953/54

¹³³ ARE, 83 of 1953/54; 70 of 1963/64; 23 of 1968/69 (Abraham 1988, p. 81); Rao 1967, p. 76

¹³⁴ IND, II, p. 824, no. 55

¹³⁵ ARE, 18 of 1953/54

символ лемеха. Свидетели: Типпи-редди, Мали-наякан, Потти-четти, Куни-четти¹³⁶. А в деревне Кодумурти в 1227 г. существовал храм Читрамеди Шримал Лалитешварадева, который получает деревню Сеттихалли, водоем и несколько садовых земель и усадеб в деревне Кодимиру¹³⁷.

В 1235 г. в районе Тирупати *читрамеди* издают «эдикт» (*шасану*), призванный регулировать *дхарму* всех четырех варн. Здесь эта организация выступает как крепко спаянная, собравшаяся «в полном составе без изъятия» и имеющего своего главу (*periya-nāḍu-vāṇ*)¹³⁸.

Характерно, что многие надписи *читрамежи* не датированы. Это значит, что они не считают нужным ссылаться на правление того или иного государя.

Мы не можем утверждать, что макрообщина в Андхре функционировала как живой институт, но некое общинное единство в масштабах округов осознавалось, и с IX в. стало признаваться центральной властью.

Аграхары

Брахманские общины в Андхре не слишком отличались от тамилнадских и карнатакских, хотя имели некоторые особенности. Они состояли из некоторого количества брахманов, которое нередко точно указывается, и обслуживающих каст. *Аграхариков* называли здесь *махаджаны*, как и в Карнатаке (телугу — *mahājanulu*). Их могло быть 12¹³⁹, 18¹⁴⁰, 44¹⁴¹, 50¹⁴², 84¹⁴³, 120¹⁴⁴, 200¹⁴⁵, 300¹⁴⁶, 500¹⁴⁷, 536¹⁴⁸, 1000¹⁴⁹. Институализированного общего собрания (*сабхи*) в Андхре,

¹³⁶ ARE, 6 of 1953/54

¹³⁷ ARE, 15 of 1953/54

¹³⁸ Stein 1980, p. 222–223. К сожалению, эта надпись осталась мне недоступной.

¹³⁹ SII, IX, I, no. 101, 379

¹⁴⁰ ARE, A 2 of 1919/20

¹⁴¹ IND, I, p. 146–147, no. 17

¹⁴² SII, XVII, no. 92–94

¹⁴³ ARE, 264 of 1918 (SII, IX, I, no. 248)

¹⁴⁴ SII, IX, I, no. 115, 118, 195, 254; XVII, no. 118;

¹⁴⁵ SII, IX, I, no. 102, 165, 195

¹⁴⁶ EI, V, p. 150, no. 17; SII, X, no. 37

¹⁴⁷ SII, X, no. 79, 319

¹⁴⁸ EI, V, p. 96, no. 10

¹⁴⁹ ARE, 779 of 1922. 1923

по-видимому, не существовало, но брахманы выступают как коллектив, принимающий решения. Очень редко они действуют вместе с «простым народом» (*praje*)¹⁵⁰. Большей частью они не имеют номинального главы, но иногда «возглавляются» *уродеей*¹⁵¹ или *хеггаде*¹⁵². Иногда аграхара дарилась одному лицу, и оно выделяло другим брахманам несколько долей, оставляя себе большую часть¹⁵³. Так естественно возникала структура с вождем или руководителем.

Как и в других регионах, аграхары имели долевою структуру землевладения¹⁵⁴. Доли равновелики, но один человек может иметь более одной доли. Доли наследственны, и при наследовании могут делиться между сыновьями¹⁵⁵.

Махаджаны предоставляют и получают дарения, иногда регулируют распределение земель по долям среди своих членов. Одна из *аграхар* запрещает своим членам продавать и закладывать доли¹⁵⁶. Другая запрещает продавать земли только новоприходцам. Кроме того, собрание решает не принимать приданое за девушек, выходящих замуж. Эта надпись, к сожалению, неточно датированная, содержит редкую перепись всех полей, домов и садов деревни¹⁵⁷.

Встречаются некоторые намеки, что в Андхре, как и в Тамилнаду, существовали «комитеты», создаваемые общим собранием для наблюдения за отдельными сторонами управления. В надписи времени Бхимы II Чалуки (935–947) прославляется получатель дара, «сыновья и внуки которого, молодые и красноречивые в собрании комитетов (*гоштхи*), почитаемые *махаджанами*, которые послали их служить в комитет *панчавара*» (*yat-putra popautravatavo vara-goodhiṣṭu yagminah paāvari samapayya sampujyante mahajanaīḥ*)¹⁵⁸.

Аграхары представляли собой типичные индийские общины — с эксплуатацией низших слоев населения (арендаторов и рабов)

¹⁵⁰ SII, IX, I, no. 48 (Dikshit 1964, p. 70)

¹⁵¹ SII, IX, I, nos 197, 135, 165, 286

¹⁵² SII, IX, I, no. 195

¹⁵³ EI, XXXVIII, p. 76–77, no. 16 (1290 г.)

¹⁵⁴ EI, V, p. 96, no. 10 (1103 г.); ARE, 291 of 1932/33, p. (1153 г.); EI, XXXI, p. 250, no. 34 (1199 г.); SII, IV, no. 667; VI, no. 662; X, p. 146, no. 279; no. 435; IND, I, p. 147, no. 17 (1254/55 г.); II, p. 721, no. 27 (1278/79 г.)

¹⁵⁵ IND, II, p. 793, no. 30 (1268/69 г.)

¹⁵⁶ SII, IX, I, no. 250 (1226 г.)

¹⁵⁷ ARE, 779 of 1922. 1923. (По копии с факсимиле в Эпиграфическом центре в Майсуре.)

¹⁵⁸ EI, V, p. 135–138, no. 16-E (Satyanarayana 1975, p. 303)

и с обслуживанием верхней брахманской прослойки по системе *джаджмани*. Иногда эту черту можно проследить по надписям. Например, еще в IV в. Виджая Деваварман из династии Шаланкаяна дарит брахману 20 *нивартанов* земли с усадьбой, а также с домом для издолыщика (*addhika*), который будет работать из половины урожая, и с домом для стражника (*parihara-rakkhai ai*)¹⁵⁹. В 1068 г. мельком упоминается, что шудры в аграхаре должны платить брахманам ренту в натуре¹⁶⁰. В 1431 г. брахманам предоставляется деревня «вместе с пахарями» (*sa halikai*)¹⁶¹.

Система *джаджмани* в любой индийской деревне включает в себя лиц таких специальностей, которые представляются совершенно необходимыми доминирующей касте. В брахманской деревне, *джаджмани*, конечно, несла на себе печать брахманских предпочтений. Так, однажды в новой *аграхаре* получают отдельные доли учителя грамматики, *мимансы*, *веданты*, *Ригведы*, *Яджурведы*, *пуран*, а также врач, цирюльник, врачеватель отравлений, астролог. Это перечисление, содержащее 9 «позиций», тем не менее, заканчивается фразой: «Таковы 12 долей для поддержки служб» (*iti guṇi avṛtibhāgā dvādaṁ*)¹⁶². (Напомним, что число «12» традиционно применялось для обозначения «штата» деревенских слуг: *бара-балута*, *панниранду-хитту*, 12 *аягаров* и т. п.) Оно указывает, что в данном случае перечисленные специалисты воспринимаются как полный набор служащих, необходимых для функционирования общины.

Аграхары Андхры, как и брахманские поселения в других регионах Южной Индии, как и любые иные общины, должны были заботиться об обороне. В 986 г. в районе Беллари 120 *махаджанов* подарили доход от нескольких сборов некоему Баче за то, что он отбил нападение «Калиге и других». А Манеяру Баллахе удалось убить самого Калиге, за что он получил почетный титул Ирммади-гадамба¹⁶³.

Для того, чтобы занимать достойное место в феодальном обществе, нужно было обладать также возможностями, хотя бы воображаемыми, защиты неких преследуемых лиц. *Махаджаны* аграхар претендуют именно на такие возможности. В 1147 г. 84 *махаджана* Аламбуру считают, что они «подобны алмазной клетке для тех, кто ищет у них

¹⁵⁹ EI, IX, p. 58–59, no. 7

¹⁶⁰ SII, IX, I, no. 132

¹⁶¹ EI, V, p. 59, no. 9

¹⁶² EI, V, p. 94–96, no. 10

¹⁶³ SII, XVII, no. 118

убежища»¹⁶⁴. Другие *махаджаны* в 1258/59 г. считают, что они «разрушительны для врагов, как слоны для роши бананов, кольчуга для тех, кто ищет у них защиты»¹⁶⁵. Одна из аграхар имела 10 стражников, которые «пришли из страны Чолов, имеют спутанные волосы, принадлежат к одной из четырех каст (?)»¹⁶⁶ и готовы отрезать (себе?) яйца, живот или голову, чтобы защитить деревню»¹⁶⁷.

Мы уже отмечали на материале Тамилнаду, что аграхары и храмы взаимодействуют так тесно, что зачастую трудно определить, какая организация главенствует в этом тандеме: *сабха* или храмовые настоятели. В Керале ситуация более ясная: храмы и брахманские поселения образовывали единый комплекс. В Андхре ситуация похожа на тамильскую: храм и *аграхара* представляют две разные организации, но зачастую их деятельность и бытие пересекаются. Скажем, *махаджаны* могут выделить на содержание храмового настоятеля (*стханапати*) участок земли из храмовых же земель¹⁶⁸, т. е. выступать как распорядители храмового имущества. С другой стороны, они могли находиться в подчинении храма, выплачивая ему четверть своих доходов¹⁶⁹. Одна и та же брахманская община, а именно 50 *махаджанов* из Багули, и принимает дарения, предназначенные храму¹⁷⁰, и сама дарит храму земли¹⁷¹.

Нарасимха Рао считает, что уже при Какатях началось размежевание брахманской касты на *вайдигов* и *нийюги*. Первые остались при традиционном занятии — жили в аграхарах и изучали веды и другие священные тексты. Вторые пошли служить в государственный аппарат, стали получать титулы *найка*, *сенапати*, *мантри* и т. п.¹⁷² Доказать эту концепцию невозможно, как и все другие теории о мобильности внутри касты, но существование в сегодняшней Андхре этих двух брахманских подкаст несомненно, как и сосуществование служащих и неслужащих брахманов при Какатях.

Мы встретим брахманов и при анализе военно-вассальной системы, и при описании аппарата.

¹⁶⁴ SII, IX, I, no. 248

¹⁶⁵ SII, IX, I, no. 371

¹⁶⁶ Может быть, «принадлежат в четвертой касте»? Во всяком случае, подчеркивается, что они не из кшатриев.

¹⁶⁷ ARE, 94 of 1917 (1261 г.)

¹⁶⁸ IND, II, p. 926, no. 18 (1155/56 г.); p. 929, no. 20

¹⁶⁹ EI, V, p. 150, no. 17 (1213/14 г.)

¹⁷⁰ SII, XVII, no. 94 (1065 г.)

¹⁷¹ SII, XVII, nos 92, 93 (1031 и 1032 гг.)

¹⁷² Rao, 1967, p. 87, 103

Храм

Роль индуистских храмов в Андхре существенно не отличалась от их роли в других регионах Южной Индии. Наибольшее их число было шиваитскими. С. Тэлбот подсчитала, что они составляют 67% упомянутых в надписях. Вишнуитские составляли 19%, остальные были либо совместными храмами Шивы и Вишну, либо принадлежали иным богам¹⁷³.

Во главе храмового хозяйства стояли *стханапати*. Употребляю множественное число, потому что их могло быть несколько. Они назначались, насколько можно судить, местными магнатами¹⁷⁴, но занимали свои должности наследственно¹⁷⁵. Однажды упоминаются 300 *стханапати*¹⁷⁶. Среди них мог быть «главный» — *махастханадхипати*¹⁷⁷. В ряде случаев получателями дара значатся 300 *sàni*¹⁷⁸. Возникает вопрос, не являются ли *стханапати* и *сани* одними и теми же людьми? Нет, они различаются. В 1141 г. один *стханапати* и 300 *сани* упоминаются отдельно¹⁷⁹. С. Тэлбот считает, что *сани* — это коллектив храмовых женщин, которые совместно опекают дарения. Среди них, по ее мнению, встречаются дочери уважаемых людей — *наяков* и *четти*. Однажды даже замужняя женщина¹⁸⁰.

Жрецы храма делили между собой функции (службы) и соответствующие доходы в жертвоприношениях. Свою долю жрец мог продать¹⁸¹.

Как и в других регионах, храм был большим хозяйством, в котором трудились лица, связанные с отправлением культа, а также обыкновенные земледельцы и ремесленники. Имелся обобщающий термин для храмовых слуг — *sthànèkuāu*¹⁸². Они же, если их рассматривали

¹⁷³ Talbot 2001, p. 90

¹⁷⁴ IND, I, p. 334–335, no. 35; ARE, 575 of 916. 1917

¹⁷⁵ ARE, 459 of 1940/41. 1939/43; 50 of 1953/54; 157 of 1959/60; IND, II, p. 96, no. 34; III, p. 1030, no. 74; p. 1045, no. 79; p. 1048, no. 82; p. 1059, no. 88; EI, XXXI, p. 273, no. 37

¹⁷⁶ EI, VI, p. 223–227, no. 21-A

¹⁷⁷ ARE, 142 of 1959/60; 60 of 1960/61

¹⁷⁸ ARE, 848 of 1917 (SII, X, no. 115); ARE, 815 of 1922 (SII, X, no. 80); SIE, VIII, p. 106

¹⁷⁹ ARE, 743 of 1920 (SII, X, no. 110)

¹⁸⁰ SII, V, no. 161; no. 1102; Talbot 2001, p. 84

¹⁸¹ ARE, 327, 328 of 1940/41. 1939/43

¹⁸² IND, III, p. 1082, no. 99

со стороны их прав, могли называться *kāi iyāār*, так как они имели *кани*, наследственное право на занятие должности¹⁸³. Детальные списки распределения земель между храмовыми служащими¹⁸⁴ показывают, что среди них танцовщицы и учителя танцев и музыки, барабанщики, флейтисты, певцы, ювелиры, медники, каменщики, работники по бамбуку, кузнецы плотники, архитекторы, цирюльники, повара, стражники, и т. п.¹⁸⁵

В 1235 г. храм строит «двухэтажные дома для прекрасных танцовщиц» (*dvibhōmika-gōhāi i vara-gaī ikānāi*)¹⁸⁶.

Но «прекрасные танцовщицы» были бесправны. Надпись 1088 г. из Читура показывает, что практически значило их «наследственное право». Некоторые рабыни храма в Тируккапатти были насильственно переведены в царское хозяйство. Но царь (Куллотунга I), разобравшись в ситуации, был столь добр, что отослал этих женщин из дворца и возвратил их к службе в храме. При этом было приказано вытравить с их тела клеймо дворцовой службы и вновь заклеить их клеймом храма¹⁸⁷.

Храмовые земли, как находившиеся под его прямым управлением, так и распределенные между служащими, обрабатывались арендаторами¹⁸⁸, иногда уточняется, что из касты *кану*. Они не должны допускать, чтобы земли Бога оставались необработанными. И они не должны продавать телят, принадлежащих Богу¹⁸⁹. Одну из надписей 1237/38 г. можно понять так, что земля храма сдавалась из половины урожая¹⁹⁰. В другом случае рента фиксирована: некий арендатор Рами-*редди* обязан каждый год платить по 120 монет «независимо от превратностей погоды, деяний царя или бога, избытка дождей или засухи. Да будет это держание вечным, как Луна и Солнце»¹⁹¹.

¹⁸³ IND, I, p. 237, no. 26; III, p. 1404, no. 7

¹⁸⁴ ARE, 277 of 1899; ARE, 350, 393 of 1915 (SII, X, nos 97, 107) (1135, 1139 г.); ARE, 83 of 1917; IND, II, p. 622, no. 79

¹⁸⁵ ARE, 94 of 1917; A 14 of 1917/18; 142 of 1959/60; SII, V, no. 158; EI, V, p. 148, no. 17

¹⁸⁶ EI, VI, p. 38–39, no. 5 (1235 г.)

¹⁸⁷ ARE, 141 of 1922

¹⁸⁸ IND, I, p. 207, no. 7; II, p. 901, no. 7

¹⁸⁹ IND, I, p. 232–233, no. 25

¹⁹⁰ IND, II, p. 516, no. 22

¹⁹¹ IND, I, p. 207, no. 7 (1246/47 г.)

Скот, который дарили храму, он также сдавал на выпас касте пастухов¹⁹². Одна из надписей детализирует условия, на которых выдается храмовый скот. Пастухи не могут его продавать. В каждом поколении они должны оставлять по два бычка для размножения, остальных бычков они могут кастрировать и продавать как волов. В этом заключается их доход¹⁹³.

По наблюдениям С. Тэлбот, после 1000 года уменьшается количество медных табличек, и в телужской эпиграфике еще в большей степени, чем раньше, начинают преобладать надписи на камне. Она связывает это явление с уменьшением количества дарений брахманам и увеличением значения храмов, дарения которым можно было записывать на храмовых стенах¹⁹⁴. Примерно такую же эволюцию мы наблюдаем и в других областях Южной Индии. Храмы решительно выдвигаются на роль главных центров не только религиозной, но и экономической жизни.

¹⁹² IND, I, p. 334–335, no. 35;

¹⁹³ ARE, 323 of 1937/38 (Talbot 2001, p. 104)

¹⁹⁴ Talbot 2001, p. 89

Глава 23

Торговые, ремесленные и другие межрегиональные объединения

Торговля играла важную роль в жизни Андхры на протяжении всей ее истории. Правда, в период с III—IV по XI вв. археологически наблюдается упадок городов и сокращение торговли¹, но торговцы и в эти века сравнительного упадка продолжали делать дарения храмам и развивать свои корпоративные связи. В XI—XIII вв. торговля возрождается в расширенном объеме. После объединения династий Чолов и Восточных Чалукьев расширились связи между Тамилнаду и Андхрой. Порт Висакхапатнам был переименован в Кулоттунгачолапаттинам и стал центром деятельности корпораций *аяволе* из Карнатаки и *анджуваннам* из Кералы². Крупным эмпорием в Бенгальском заливе становится порт Мотупалле, растет также столица Какатьев Варангал.

К середине XIII в. относится любопытная надпись на медной табличке: «Эта выгравированная на меди гарантия дарована Его Величеством царем Ганапати торговцам по морю, которые ходят туда и обратно, на все континенты, во все страны и города. В прошлом цари захватывали весь груз, такой как золото, слоны, кони, драгоценности и т. д., когда корабли, шедшие по морю из одной страны в другую, попадали в шторм, терпели крушение и выбрасывались на берег. Но Мы, оберегая нашу репутацию и религиозное достоинство и из жалости к тем, кто предпринимает рискованные морские путешествия, думая, что богатство ценнее даже жизни, отказались от этого обычая, и будем брать лишь обычные пошлины». Впрочем, затем приводится солидный список товаров, с которых следует платить пошлины³.

¹ Sakuntala 1996, p. 105

² SII, X, no. 651; Champakalakshmi 1986, p. 57

³ ARE, 600 of 1909. 1910; EI. XII, p. 188—196, no. 22

Городские общины

Городское самоуправление существовало и в Андхре. Довольно часто среди дарителей и наблюдателей за дарами выступают *nakaram*, *nakaramgañi* («горожане»)⁴. Этот орган мог называться «городской *сангхой*» (*nakaramu-saì ghānanu*)⁵. Он мог создаваться временно, например, на время работы ярмарки, и тогда носить название *saēta-nakaramu*⁶. Совет города мог насчитывать как 12⁷, так и 120 членов⁸. Иногда в надписи подчеркивается, что решение принимается «всеми членами *накарама*» (*nakara-samóha* или *samasta-nakaramu*)⁹.

В других случаях во главе города и его совета стоит некий глава, своего рода староста: *nakara-svāmulu*, *pañāna-svāmlu*, *pramukha-nakaramu*¹⁰. Возможно, что Брамми-*четти* был «первым среди равных» в годе Канупарти, хотя он назван всего лишь *nakara-puruṣa*, т. е. «горожанином». Он носит несколько пышных титулов и «известен среди всех купеческих общин (*ceñi-gaīa*) от Гималаев до Сету», т. е. Раманатхапурама¹¹.

Как и другие общины и корпорации, городская община была высокого мнения о своих нравственных качествах, роли в обществе и воинских доблестях, о чем и сообщает в пространных *прашасти*¹². Она основывала храмы в честь «своего» бога, носящего «городское» имя — Нагарешвара¹³.

⁴ HAS, no. 13, p. 52—54; no. 18, no. 8; SII, X, no. 115, 294. Нарасимха Рао, изучая этот феномен, проявляет совершенно поразительное невежество. Он считает это объединение одной из торговых гильдий и гадает, что бы могло значить слово *накарам*. Ему не приходит в голову, что это местное звучание санскритского слова *нагара* («город»); он не знает, что точно так же назывались городские общины в Тамилнаду и в Карнатаке. Он находит в словаре слово *nakharatu* — вид оружия — и размышляет, что купцы должны были иметь оружие, чтобы защищаться от разбойников. Он находит и иной вариант: производит *накарам* от *akaramu* — свободный от налогов — и предполагают, что их могли так называть, потому что они были освобождены от налогов (Rao 1967, p. 33—34). В предыдущей главе уже упоминалось еще об одной невероятной ошибке Нарасимха Рао: он рассматривает слово *pekkaēaru* как название торговой корпорации (Rao 1967, p. 11—32), в то время как оно означает просто «многие» и применялось к разным коллективам, как торговым, так и территориальным общинам.

⁵ SII, X, no. 429

⁶ Rao 1967, p. 42

⁷ ARE, 99 of 1909 (SII, X, p. 351, no. 651) (1180 г., г. Висакхапатнам)

⁸ SII, X, nos 115 (1182 г.), 264 (1220 г.)

⁹ HAS, no. 18, p. 1—5; Reddy 1975, p. 6

¹⁰ HAS, no. 12, p. 28; Rao 1967, p. 42

¹¹ SII, VI, no. 136

¹² SII, IV, no. 972

¹³ SII, X, no. 429

Однажды Кали Вишнувардхана, царь из Восточных Чалукьев, принимает участие вместе с *накарам* в установлении статуи этого бога¹⁴.

«Вайшья-пурана» рассказывает, что торговой касте *комати* принадлежало 18 городов, в каждом из которых она составляла орган самоуправления — *накарам*. Центральным городом этого множества была Пенугонда, где находился *samaya-mantri* — «министр общины»¹⁵. В Коллатурае в 1256/57 г. собрались не только местные горожане, но и торговцы из «18 стран», чтобы совершить коллективное дарение¹⁶.

Значительной известностью пользовался *накарам* Неллура, причем там имелся не только общегородской совет (*Nelluri nakaramvaru*), но и советы отдельных улиц¹⁷.

Перур в округе Налгонда был важным торговым центром со своим «муниципалитетом», где встречались, как подчеркнуто в надписи, торговцы из Андрхи и Тамилнаду¹⁸.

В Висакхапатнаме *накарам* состоял из 12 человек, но он совершает дарение в пользу человека из Кералы совместно с купцом из корпорации *анджуваннам*, прибывшим из Матоттама, он же Рамакулаваллипаттана, на Цейлоне¹⁹. Мы видим широкие связи этого порта с различными районами Южной Азии.

Торговые корпорации

В Андрхе не наблюдалось чувство варнового превосходства. Даже цари не чурались признания, что они происходят из «четвертой варны», т. е. из шудр. Тем более торговцы с гордостью причисляют себя к вайшьям, и это служит им знаком признания своего высокого положения²⁰. Различные *четти*, т. е. купцы, получают земельные дарения и выступают в качестве дарителей деревень и прав на сбор пошлин²¹. Их сыновья становятся *найками*, т. е. членами господствовавшего слоя,

¹⁴ ARE, A 1 of 1953/54

¹⁵ Venkataramanaya 1950, p. 285

¹⁶ IND, I, p. 410, no. 39

¹⁷ IND, II, p. 590, no. 55; p. 839, no. 69;

¹⁸ Reddy 1975, p. 7; Prasad 1985, p. 911–917

¹⁹ ARE, 99 of 1909 (SII, X, no. 651) (1180 г.)

²⁰ Acharya 1993; EI, XXXIII, p. 142; SII, X, nos 115, 357, 446; Talbot 2001, p. 50

²¹ SII, X, nos 115, 141, 427, 429; IND, II, . 589, no. 54; ARE, 395 of 1915 (SII, X, no. 82); 298 of 1932/33; E. I., XXXI, p. 269–273, no. 37 (SII, VI, no. 553); HAS, no. 13, p. 31, 187

и получают титулы *данданаяков*²². Лица с именами, оканчивающимися на *четти*, фигурируют иногда в качестве наместников провинций²³.

Коллективные дарения, говорящие об определенном уровне корпоративной жизни, тоже зафиксированы во множестве²⁴.

Как уже упоминалось, купеческие корпорации нередко назывались термином, общим для многих разновидностей общин — *пеккандру* («многие, множество»). Например, «18 общин» и *убхайя-нанадеши-пеккандру* решили отчислять в пользу храма процент с цены всех проданных товаров²⁵. Упоминался выше и случай, когда *пеккандру* из Сураварама решают вопрос о погашении долга одним из купцов²⁶.

Гильдия *аяволе*, с которой мы знакомы по ее деятельности в Тамилнаду и Карнатаке, в Андрхе тоже прослеживается²⁷.

Она сохранилась дольше других. Ее последняя надпись относится к 1680 г. Она участвует в дарениях самостоятельно или в содружестве с другими гильдиями, присваивает селениям статус *эри-вира-паттана* («город героев»), как это делали их собратья в Тамилнаду²⁸. Жители этого селения будут защищены от того, чтобы с них собирали налоги насильственными методами. Л. Д. Барнет считает, что *аяволе-500* имеются в виду и тогда, когда действуют *баланджу* или *вира-баланджияр*²⁹. М. С. Шарма высказал мнение, что *вира-баланджияр* — более широкое понятие, включающее *аяволе-500* в качестве одного из составляющих частей³⁰. Абрахам почему-то считает, что здешние «500» были телужскими купцами, не имевшими связи с центром гильдии в Айхоле, а просто использовавшими популярный «бренд»³¹. Эти мнения не слишком обоснованы.

Явно телужская корпорация, а впоследствии каста — *комати*. Она упоминалась выше, когда речь шла о городских общинах (*накарам*), поскольку *комати* в разных селениях такие общины образовывали.

²² ARE, A 230 of 1918 (SII, IX, I, no. 149)

²³ IND, III, p. 1129, no. 139

²⁴ ARE, 47–49 of 1957/58 (Talbot 2001, p. 105)

²⁵ ARE, 387 of 1926 (SII, X, no. 495)

²⁶ SII, IV, no. 784 (Rao 1967, p. 22–23)

²⁷ ARE, A 8 of 1917/18; 216 of 1918 (SII, IX, I, no. 391); A 9 of 1918/19; 157 of 1959/60; SII, X, no. 651 (ок. 1090 г.); IA, VI, p. 136; Talbot 2001, p. 96

²⁸ ARE, 342 of 1912. 1913 (1050 г.)

²⁹ EI, XVI, p. 332, no. 27

³⁰ Sharma M. S. History of the Reddi Kingdoms. Waltair, 1948, p. 397. Цит. по: Reddy 1975, p. 10–11

³¹ Abraham 1988, p. 68, 97

Но Пенугонда была для них главным городом, они считали себя «господами Пенугонды», и член касты, где бы он ни проживал по делам своего бизнеса, мог величать себя «господином Пенугонды»³². Они составляли велеречивые панегирики сами себе³³, в которых, в частности, утверждали, что они тоже следуют *вира-баланджа-дхарме*, происходят от Куберы и вышли из Айодхьи, «господами» которой они тоже являлись³⁴. В надписях они появляются с XI в.³⁵

Корпорация производителей растительного масла и торговцев им (*тели*, *телики*) была, напротив, распространена по всей Южной Индии, и мы с ней уже встречались в главах по Тамилнаду и Карнатаке. Но в Андрхе был ее центр, а главным городом гильдии являлась Виджаявада. Храм Маллешвары в Виджаяваде *телики* считали своим³⁶. Если в Карнатаке они представлены как *телики*-50, то в Андрхе их «1000», или «1000 семей» (*teliki-vevura-kula*)³⁷.

Упоминания о них в Андрхе начинаются с XI в.³⁸ Их легенда, отраженная в «Манувамша-пуране», гласит, что *телики* происходят с севера и были некогда кшатриями. Они совершили массу подвигов, и Вишнувардхана привлек их к управлению княжеством Айодхья. Затем он отправил их в качестве авангарда завоевывать Венги (т. е. Андрху). Но до этого они вызвали какими-то поступками гнев святого Вишвамбхары, который проклял их, повелев превратиться в выжимальщиков масла. Это заветное должно было начать действовать с наступлением Кали-юги. И вот по дороге в Андрху они превратились в маслоделов³⁹. Это типологически обычная легенда, которую измышляют себе самые разные касты, претендующие на более высокий статус, проявление так называемой «санскритизации», как этот процесс называют в современной индийской социологии. А *телики* действительно занимали положение гораздо более высокое, чем другие

³² ARE, 147, 101, 154 of 1917; SII, X, no. 82 (1124 г.); nos 114, 115 (1144 г.); no. 16 (1145 г.); ARE, 364 of 1915 (1151 г.); SII, X, no. 161 (1167 г.); no. 205 (1186 г.); SII, VI, no. 99 (1230 г.); SII, X, no. 293 (1242 г.); ARE, 101 of 1917 (1279 г.); 183 of 1897 (1314 г.); SII, IV, no. 940 (1338 г.); no. 660 (1378 г.); Talbot 2001, p. 53. Эта торговая корпорация продолжала существовать и в XV–XVI вв. (Sundaram 1968, p. 64)

³³ SII, X, no. 82

³⁴ ARE, 1916, p. 82; 1918, p. 85

³⁵ SII, IV, no. 1021 (1068 г.)

³⁶ Talbot 2001, p. 109

³⁷ ARE, 270 of 1924; SII, no. 544

³⁸ Sundaram 1968, p. 37

³⁹ Sundaram 1968, p. 38–39

ремесленные касты. Их кшатрийский статус отчасти признавался⁴⁰. Впрочем, это могло объясняться тем, что они были не столько ремесленниками, сколько торговцами. Они называли себя *Cāṇṇya-rājya-mōlasthambhāya-mānulu* — «колоннами, поддерживающими царство Чалукьев»⁴¹.

Имеются свидетельства и «с другой стороны» о роли *телики* в государстве Восточных Чалукьев. В 1084 г. сын Кулоттунги I Раджараджа Чода Гангадева, назначенный наместником в Венги, пишет: «Среди слуг [есть такие, которые] всегда намереваются ублажить царей моей династии великим преклонением, силой и смысленностью, кто защищал Чалукийских царей с самого начала своими имуществом, жизнями, мужеством и достоинствами ... кто рожден в клане *телики*, чей ум нацелен на исполнение долга, кто известен как разделенный на тысячу семей...» Далее идет перечисление нескольких десятков этих семей.

Эта надпись закрепляет за *телики* права: брачующаяся пара в Виджаяваде и «во всех остальных городах, селениях и поселках может ехать верхом на лошади, а в конце свадебной церемонии они имеют право положить к ногам царя пару ценных тканей и простереться ниц перед ним, и получить [от него] бетель на золотом блюде»⁴². В надписях фигурируют явно зажиточные люди, совершающие ценные дары храмам и горделиво извещающие, что они принадлежат к «*телики*-1000 из Виджаявады»⁴³.

Эпиграфика сохранила нам несколько решений гильдии *телики*-1000, которые очерчивают ее компетенцию. Они, конечно, в соответствии с характером источников, чаще всего появляются как дарители имущества храмам⁴⁴. Кроме того, они устанавливают, например, выкуп за невесту при первой и второй свадьбе, не забывая при этом обозначить и сбор в пользу гильдии в целом⁴⁵.

Другое решение тоже не тривиально. *Телики*-1000 из Виджаявады решают, что драгоценности умершей жены принадлежат мужу, а родственники жены не должны на них претендовать⁴⁶.

⁴⁰ Durga 2001, p. 141–174

⁴¹ SII, V, no. 774

⁴² EI, VI, p. 346–347, no. 35. (Satyanarayana 1975, p. 332–333)

⁴³ ARE, 270 of 1924

⁴⁴ SII, IV, nos 668, 774, 812; VI, nos 149, 152; ARE, 327 of 1924 (SII, X, no. 209) (1202 г.)

⁴⁵ SII, IV, no. 797

⁴⁶ ARE, 392 of 1915 (SII, X, no. 221)

Существовало много объединений торговцев по видам предлагаемых ими товаров, о которых мало что известно помимо наименования: продавцы сандалового дерева, продавцы медных и латунных изделий, продавцы *тодди* (опьяняющего напитка), скотоводы⁴⁷, торговцы солью⁴⁸, маслоделы (*gānugalavāru*), садоводы⁴⁹, торговцы овощами, торговцы растительным маслом (*nōne*, помимо *телики* и *ганугала*)⁵⁰.

В одной местности действовало несколько корпораций или общин. Как и в других рассмотренных регионах, они часто действовали согласованно, совершали совместные дарения⁵¹. Объединяли свои усилия в обеспечении храмов средствами также общины разных типов: торговые организации выступали совместно с *наду*, *нагарамами* и другими территориальными общинами⁵². Это говорит о значительных социальных связях между различными общинами.

Купеческие корпорации отстаивали свои интересы нередко самыми жесткими мерами. «Купцы 18-ти *самая* из всех стран, проживающие в Нандьяластхала» в начале XIV в. дважды принимают решения о вознаграждении своих членов за то, что они убили «изменников по отношению к общине» (*samaya-drī hulu*). Первый раз был убит Карапакала Кати-*наяка*, который, несмотря на свой воинский титул, представлен как член общины. Во второй раз зафиксировано и прославлено убийство двух человек: Аннамараджи и Сингараджи, которые были сборщиками пошлин (*suēka-karāī a*)⁵³. Бизнес безжалостен, когда затрагиваются его интересы.

Ремесленные объединения

Положение ремесленников было довольно высоким. Отмечается уважительное отношение к некоторым специальностям, прежде всего к ткачеству. В правление Ганапати Какаты, в 1228 г., в Варангале были освящены три статуи богов. Одну из них называли Салешвара в честь объединения ткачей (*салея*), вторую — Ганапатишвара (в честь царя), третью — Сакалешвара (в честь всех верующих; *sakala-jana* — каждый,

⁴⁷ HAS, no. 13, p. 95

⁴⁸ ARE, 300 of 1936/37

⁴⁹ SII, X, no. 528

⁵⁰ HAS, no. 13, p. 58 (Rao 1967, p. 18)

⁵¹ ARE, 227 of 1934/35 (Rao 1967, p. 18; Prasad 1985, p. 911–917)

⁵² IND, I, p. 412, no. 39 (1256/57 г.); p. 415, no. 45 (1279/80 г.)

⁵³ ARE, A 10, 11 of 1918/19 (1304/1305, 1322 гг.);

всякий человек)⁵⁴. Царь, народ вообще и ткачи ставятся как бы на одну доску.

Некий Сурана служил Этрамананде, вассалу Кулоттунги I. Он был наместником в Гирипасчиманаду, имел должность (или звание) главнокомандующего и главного министра и получил от князя «знаки царского достоинства». А между тем он принадлежал к общине *виш-вакарма*⁵⁵. Это значит, что он признает свое происхождение из ремесленников, но при этом не называет своей настоящей касты, а пользуется мифологическим названием божественных умельцев во всех ремеслах.

Объединение пяти ремесленных каст (*pañcanuvaru*) — кузнецов, плотников, горшечников, медников и ювелиров — и под своим именем пользовалось тоже некоторыми знаками уважения. Они претендовали на единство в масштабах всей Андхры и на наличие собственной «столицы» — городка Вара Пемдота в дистрикте Гунтур⁵⁶. В одной из надписей они утверждают, что представляют «54 страны мира», хотя практически решение о сборах в пользу храмов принимают ремесленники 19-ти «и других» населенных пунктов, расположенных в провинции Удаягири⁵⁷. Они издавали свои *прашастхи* с самовосхвалениями⁵⁸.

Надписи об активности *панчавару* относятся в основном к более позднему периоду, к XV–XVI вв., когда выявляются их противоречия с землевладельцами-общинниками⁵⁹.

Сравнительно мало данных о деятельности объединений ткачей-*салия*⁶⁰. Только по названиям нам знакомы объединения горшечников (*kumara*)⁶¹ и работников по металлу⁶².

В целом создается впечатление, что корпоративная жизнь в Андхре в изучаемые века была развита в меньшей степени, чем в Тамилнаду и в Карнатаке. Но все же и здесь она играла важную роль в функционировании общества.

⁵⁴ ARE, 39 of 1957/58

⁵⁵ Sundaram 1968, p. 28–29

⁵⁶ Sundaram 1968, p. 30

⁵⁷ IND, III, p. 1362, no. 21

⁵⁸ SII, VI, no. 209 (Sundaram 1968, p. 29, 31)

⁵⁹ Sundaram 1968, p. 31, 89

⁶⁰ ARE, 388 of 1911; HAS, no. 19, p. 10 (1228 г.); SII, X, no. 507, 533 (1323 г.); Rao 1967, p. 83–84

⁶¹ IND, I, p. 295, no. 11

⁶² HAS, no. 13, p. 59

Глава 24

Государственное устройство

Разного рода общины взаимодействовали друг с другом, но, кроме того, они находились под объединяющим началом, которое мы привыкли называть государством. Мы тоже будем называть его так, чтобы не ввязываться в бесплодную терминологическую дискуссию, но все же сразу отметим, что эта полиция была лишена ряда признаков, которые обычно связываются с понятием государства — регулярного административного деления, организованного управленческого аппарата и монополии на судопроизводство и применение насилия.

Что касается территориальных подразделений, мы показали выше, что они существовали, но не были результатом законодательных усилий центральной власти. Среди многочисленных областей и округов, которые могли называться самыми разными терминами (*наду*, *раштра*, *вишья*, *стхала* и т. п. или иметь числовой индекс) не наблюдалась единообразия и упорядочения. Они даже были неудобны и для администрирования, и для раздачи в лены. Что касается системы суда и наказаний, то мы видели, что различные общины имели свою «юстицию» и открыто, гласно приводили в исполнение даже смертные приговоры. Сравнительно слабое отражение в надписях судебной деятельности общин объясняется только тем, что не все приговоры сопровождались религиозными дарениями и потому не оказывались достойными, чтобы их фиксировали в камне или на меди. Во всяком случае, заявления, встречающиеся в некоторых индийских работах, что суд находился в руках царя или назначенных им лиц¹, не встречает никаких подтверждений в источниках.

Вопрос же о наличии государственного чиновничьего аппарата не столь ясен. Лица, выполняющие указания царя или носящие титулы,

которые обычно означают служилого человека, в надписях встречаются. Попытаемся понять, сколь велика их роль в управлении.

Государственный аппарат

Государства Андхры пользовались сразу несколькими административными мифами в своих надписях. Один из них заключался в провозглашении «правительства» из пяти министров: *мантри*, *пурохита*, *сенапати*, *ювараджа*, *дауварика*². Расшифровывать эти термины нет необходимости, хотя кое-что из терминов можно извлечь. *Пурохита* — это духовный наставник царя, *сенапати* — военачальник, *ювараджа* — наследник престола. Уже включение в список «министров» наследника говорит о том, что это скорее некое представление о том, кто окружает царя, а не описание рабочего органа управления.

Другой миф представлял «правительство» как состоящее из «12 министров» (*dvadaiia sthanadhipati*). Состав этих двенадцати вообще неизвестен. Исследователи пытались обнаружить их список в формулах оповещений чалукийских царей. Эта попытка была заведомо обречена на неудачу, потому что адресные формулы состоят из штампов и не являются перечислением реальных людей.

Третий миф расширяет состав «правительства» до «18 министерств» (*aotadaiatirtha*).

Наконец, время от времени встречаются упоминания о «72 ведомствах» (*нийога*), которыми руководит некий высокопоставленный чиновник (*niyî gâdhikôta*)³. Мы помним, что и в Западном Декане, по крайней мере под Калачури, отмечаются «72 департамента», начальник которых (*bâhattaryniyî gâdhipati*) одновременно являлся *данданаякой*, *маханпрадханой* и *сенадхипати*⁴. «72 департамента» — это, конечно, всего лишь «фигура речи», материального составляющего не имеющая. Но Сатьянараяна конструирует из этих смутных упоминаний стройную картину: «Служащие всех классов, обслуживавшие двор, были разделены на различные категории, называвшиеся *нийоги*, каждое во главе с управляющим»⁵.

«Управляющий 72 *нийогами*» мог вообще не иметь отношения ко двору. Так, подобную «должность» имели в течение нескольких

² ARE, 1 of 1916/17; EI, IV, p. 307, no 43 (Venkataramanaya 1950, p. 279)

³ ARE, 729 of 1920

⁴ Desai 1962, p. 61–62, no. 20

⁵ Satyanarayana 1975, p. 297

¹ Satyanarayana 1975, p. 294

поколений представители семьи Паттавардхани, которые управляли собственным княжеством⁶. «Управлял 72 ведомствами» в 1244/45 г. при Какатях некий Педди-наяка, который был всего лишь вассалом вассального князя из династии Чода⁷.

Центральный аппарат, наверное, имел какую-то организацию, но мы практически ничего о нем не знаем. В надписях встречаются лица, носящие титулы, которые можно принять за должности в аппарате: *мантри*, *махапрадхани*, *сандхивиграхика*, *сарвадхикари*⁸ и т. п. Но и при Чалукьях, и при Какатях административной деятельности центрального аппарата не видно.

Удивляет также слабое представительство в числе упоминаемых в надписях лиц деятелей аппарата на местах. Они существовали, например, сборщик пошлин (*suêka-verggaäe*) с четырех *наду*⁹. Канарский термин для чиновников всех рангов *перггаде* (*прегаде*) употреблялся и в Андхре¹⁰, но крайне редко можно уверенно относить его к представителю централизованного аппарата. Индийские ученые признают, что о провинциальном аппарате Восточных Чалукьев известно крайне мало¹¹.

Единичны при Какатях упоминания таких чиновников, как *kolakāi āru* (переводят как «измеритель царской доли зерна») и *tāparulu* («следящий за справедливым разделением») ¹². Материала слишком мало, чтобы построить даже умозрительную картину государственного аппарата. Вместе с тем ничто не мешало царю действовать на любом уровне. В главе 22 уже упоминались надписи, в которых говорится о замене царями «деревенских старост» (*грамани*)¹³. Впрочем, там же я отмечал, что вся фразеология таких надписей заставляет думать, что под термином *грамани* в данном случае скрывается не скромный деревенский староста, а военный вассал.

Гораздо больше данных о чиновниках, служивших не центральной власти, а вассальным князьям. О них позже.

⁶ Satyanarayana 1975, p. 297–298

⁷ IND, II, p. 719, no. 25

⁸ ARE, 537 of 1925. 1926

⁹ ARE, 112, 117 of 1959/60

¹⁰ SHI, V, no. 110; Talbot 2001, p. 57

¹¹ EI, VIII, p. 239, no. 24

¹² SHI, X, no. 480 (Yazdani 1960 II, p. 683)

¹³ EI, XXVII, p. 42, no. 10; Venkataramanaya 1950, I, p. 282; Yazdani 1960, II, p. 499; Rao, 1967, p. 120; Satyanarayana 1975, p. 301; Murty 1977, p. 339

Система собственности в Андхре, по всей вероятности, не отличалась принципиально от подобной системы в других районах Индии, т. е. состояла из верховной собственности (на налог или налоги) и подчиненной собственности налогоплательщиков. Однако сведений об этом мало. Буквально несколько случаев можно перечислить, когда правители или члены их семей покупали землю, тем самым признавая право собственности за подданными, или подданный покупал землю у царя¹⁴, таким образом приобретая некоторые права по отношению к сюзерену¹⁵.

О налоговой системе телужских государств мы знаем еще меньше, чем о налогах в других районах.

Неясно, во-первых, практиковалось ли измерение земли. Такая земельная мера как *нивартана* была крайне неопределенной по происхождению (площадь, которую можно обойти за день вокруг) и, видимо, не требовала измерения в квадратных единицах. Другие упоминаемые в надписях земельные меры: *марутту*, *кхандика*, *путти*, *кунчам* были мерами сыпучих тел и означали количество зерна, которое можно посеять на данной площади¹⁶, или же количество зерна, которое можно было собрать с данной площади¹⁷. Эти два разных способа измерения, которые по определению должны были давать разные результаты, не всегда различаются в надписях. Если речь шла о саде, его площадь измерялась количеством деревьев, которые можно было посадить¹⁸. Если же эти «сыпучие» меры применялись как меры земельные, их надо было специально определять, при этом их размер зависел от типа измеряемой земли. Например, в 1246/47 г. при дарении налогов в пользу храма их ставки одинаковы для *путти* орошаемой и богарной земли, но при этом *путти* орошаемой земли равно квадрату со стороной в 20 пядей (457,2 см.), а *путти* богарной земли — 26 пядей (594,4 см)¹⁹.

Земли все же измерялись. Осуществлялось это при помощи некоего шеста, но употреблялось несколько шестов разной длины, называвшихся по имени того или иного царя, в правление которого они были введены, или по каким-то иным именам: Муммуди Бхима-кола,

¹⁴ ARE, 1953/54, p. 2; 111 of 1958/59

¹⁵ ARE, 136 of 1921/22 (EI, XXXII, p. 142)

¹⁶ EI, XVIII, p. 60, no. 6 (~719–755 гг.)

¹⁷ Satyanarayana 1975, p. 327

¹⁸ ARE, A 14 of 1817/18 (892 г.)

¹⁹ IND, I, p. 207, no/7

Джина-кола, Саниварисиддхи-кола, Сатъярагнакара-кола, Раджараджа-кола и др. Употреблялся и некий «стандартный», или «царский» шест (раджамана-кол), но каково его соотношение с другими, неясно²⁰.

По-видимому, не существовало кадастра земель с указанием их хозяев. В 1257 г. произошел такой казус. Некогда группа земледельцев арендовала у брахманов определенные земли. Потом разразился голод, и брахманы ушли, спасаясь от него. Когда они пришли обратно по окончании лихих лет, земледельцы уже считали земли своими и отказались платить брахманам ренту. Царю пришлось вмешаться и заново подарить эту землю брахманам²¹.

В этих условиях налоговая эксплуатация населения могла носить только беспорядочный характер. В надписях, как и везде в других районах Индии, упоминаются различные сборы, пошлины и налоги, главным образом, когда право на их сбор дарится религиозным учреждениям, или земли освобождаются от налогообложения. Но таких упоминаний сравнительно мало, что не позволяет осуществить даже такую работу, которую проделали Н. Карашима и его соавторы над налогами Чолов, Пандьев и Виджаянагара. М. Кришна Кумари собрала наименования налогов, упоминающихся в надписях Чалукьев-Чолов, Какатьев и в период Виджаянагара. Но не смогла выстроить какую-либо систему. О периоде Восточных Чалукьев она говорит: «Их документы почти полностью молчат по поводу названий налогов и их сбора»²².

Можно предположить, что существовало некое общее понятие о налогах в пользу царя, и это понятие выражалось в терминах *rāca-suēkamu*, *rāca-siddhaya*, *rāja-pālu*²³. Яздани считает, что в период Какатьев общим термином для земельного налога был *agī*, а налогоплательщики назывались *arigāpulu*²⁴. Этот консолидированный налог мог фиксироваться в определенной сумме. Например, говорится, что брахманы *аграхары* должны платить *puāvu* (тамилский термин для обложения) в размере 500 *кади* неочищенного риса и 5 золотых монет²⁵. Так как налог нередко исчислялся в определенном количестве риса или денег с земельной меры *путти*, то иногда совокупность

²⁰ Satyanarayana 1975, p. 328

²¹ ARE, 580 of 1908 (Talbot 2001, p. 78)

²² Kumari, p. 2

²³ Talbot 2001, p. 161

²⁴ Yazdani 1960, II, p. 684

²⁵ ARE, A 1 of 1919/20

натуральных и денежных сборов обозначалась как *puñi-kolucu* и *puñi-pahī āi*²⁶. Термин *сунка* (*шунка*) мог означать и налог на садовые земли, и торговые пошлины, и разного рода акцизы²⁷. Термин для совокупности пошлин на самые разнообразные товары звучал как *kōpa-ūlka*²⁸.

Как с этими обобщающими терминами соотносились конкретные налоги, которые упоминаются в надписях, совершенно не ясно, перечислять эти налоги и сборы не имеет смысла. Важно отметить, что сокращения налогов проводят не только центральная власть²⁹, но и вассальные князья³⁰, владельцы *наянкар*³¹, корпорации купцов³².

Есть одна интересная надпись, которая позволяет нескольким индийским ученым утверждать, что налогообложение в Андре в начале XIV в. было низким, не превышало 1/6 урожая. Это надпись Пролая Наяка, который около 1325 г. освободил территорию в районе Восточного Годавари от мусульманской власти, основал собственное государство и претендовал на то, что воссоздал старые порядки, в частности, восстановил брахманские *аграхары*. И далее следует стих: *kōēvalāu-c-āpi kōāō phalānām yath ī dītai bhāgam-adaō prabōōō/tapasvinaō-ōāōham-iva prabhāgam pōthvē-bhujā-'smai tapasāō phalānānim* // («Подобно тому, как земледельцы с плодов земледелия верховную долю продуктов предоставляют, так и святые люди шестую часть плодов аскезы тому владыке земли приносят положенное».)³³ Как видим, здесь прямо не говорится о взимании 1/6 урожая. Но читателя отсылают к положениям *дхарамашастры*, которые горят о праве царя на 1/6 всех продуктов, в том числе торговой прибыли и религиозной заслуги святых людей. Если бы это был современный текст, то закралось бы подозрение, что пропуск величины доли, который требует царь с земледельца, не случаен, а намеренно оставляет царю свободу рук в установлении ставок налога. Но подозревать средневековых индийцев в таком коварстве нет никаких оснований. Скорее всего, Пролая Наяка действительно провозглашает, что будет собирать не более 1/6. Другое дело, как это выглядело на практике.

²⁶ SII, X, p. 509. (Yazdani 1960, p. 683)

²⁷ Yazdani 1960, II, p. 684

²⁸ ARE, 600 of 1909.1910 (1244 г.)

²⁹ ARE, 64 of 1958/59; EI, V, p. 96 (Ganguli 1937, p. 165)

³⁰ ARE, 302, 303 of 1932/33, p. 38 (1256 г.); 444 of 1940/41. 1939/43, p. 125

³¹ ARE, 131 of 1917 (SII, X, p. 276, no. 509)(1314 г.); SII, X, no. 499 (Talbot 2001, p. 105) (1311 г.)

³² ARE, 216 of 1918; Sakuntala 1996, p. 110

³³ EI, XXXII, p. 262, no. 30

Вассальные княжества

Некоторые части государств находились под непосредственным управлением центральной власти. Как уже говорилось, сведений об этом мало. Но все же они есть. Некоторые *стхалы* управлялись наместниками, назначенными, по всей вероятности, царем и часто сменявшимися. Так, в 1297 г. Гундая-*найка* управлял Магаталой (район Махбубнагара, на границе с Карнатакой), а в 1298 г. здесь правит уже Гаджасахини Мада-*редди*, а Гундая-*найка* управляет двумя *стхалами* Гуриндала и Пингала в Палнаде (район Гунтура). Эта же Гуриндаластхала в 1311 г. находилась в руках другого человека — Рудрадевы, сына Мараи Сахини³⁴.

Значительные территории были свободны от царских чиновников, поскольку они находились под управлением различных династов, в той или иной степени признававших над собой сюзеренитет «больших» государств — Восточных Чалукьев, Чолов или Какатьев. О некоторых из них мы уже упоминали. Расширим этот список.

Практически на протяжении всего изучаемого периода существовали мелкие княжества Веланаду-Чолов, Хайхаев, Кондападумати, Котов, Натавади, Малаев, Кандравади, Саронатхи, различных ветвей семейства Чалукьев, Матсьев, Шилавамши, Ядавов, Нагавамши, Вайдумбов³⁵, Салуов, Телугу-Паллаов, Телугу-Чодов³⁶.

В первые века н.э. в районе Венги правили Шаланкаяны в качестве вассалов Сатаваханов, а позже — Икшваков. Во второй половине III—IV вв. они стали самостоятельными, затем исчезли³⁷.

Округом Вамганурнаду (Вамгурувишая) в районе Анантапура в конце VII в. правил вассал Чалукьев из Бадами Ванараджа (Банараджа). Он имел своих вассалов³⁸.

О периоде Восточных Чалукьев индийский исследователь пишет: «Есть веские основания считать, что в стране в целом не существовало установленной администрации, достойной такого наименования. Внутренние войны и внешние вторжения часто разоряли страну, и территория делилась на множество мелких владений, державшихся представителями воинственной знати»³⁹. Среди них были отпрыски

³⁴ ARE, 565 of 1909. 1910; A 9 of 1918/19; Talbot 2001, p. 160

³⁵ Они правили в Аядж-300 (ARE, 119 of 1959/60)

³⁶ Yasodadevi 1963, p. 1

³⁷ EI, IX, p. 58, no. 7; XXXI, p. 3, no. 1-A

³⁸ ARE, 15, 26 of 1958/59; 5, 7 of 1959/60

³⁹ Yazdani 1960, II, p. 498—499

чалукийского клана в Эламанчили, Питхапураме и Мудугонде⁴⁰; семьи, связанные с Чалукьями брачными отношениями: Саронатхи из Колану и Хайхаи из Коны⁴¹; вышедшие из служилых людей Веланаду, Кондападумати, Чаги, Париччехи⁴².

Ренати-Чоды правили частями современных дистриктов Каддапа, Карнул и Читур как вассалы Паллаов, а с середины IX в. — Восточных Чалукьев. К тому времени они были оттеснены севернее вассалами Западных Чалукьев Банами и Вайдумбами⁴³.

При Виджаядитье III (848—892) некий Пандуранга за свои воинские подвиги получил титул *саманта* и территорию 12-ти *коттамов*, которую он отвоевал у некоего Бойи⁴⁴. Его правнук Дургараджа продолжал править этой местностью⁴⁵.

С середины чалукийского периода появляется масса магнатов, признававших власть царя, но обладавших некоторой автономией: *саманты*⁴⁶, *аматы*, *махагуны*, *махасаманты* и др.⁴⁷ Они образуют при дворе «круг вассалов» (*sāmanta-cakra*)⁴⁸ или некий институт «все вассалы» (*samasta-sāmanta*)⁴⁹.

После слияния династий Восточных Чалукьев и Чолов в Андхре их вассалами были Хайхаи из Коны (талуки Амалапурам и Разоле в Восточном Годавари), Хайхаи из Палнада, Телугу-Чоды (Неллур, Каддапа и Читур), Чалукьи из Питхапурама, Йеламанчили, Шрикурмама и другие, Малаи (талуки Коввур, Нидадаволе и Элур в Западном Годавари), Кондападумати из Надендлы (Гунтур), Коты из Дхараникоты, Париччехи (Коллипака и Виджаявада), Чаги (Виджаявада и Винуконда), Натавади (Мадапалле), Кандравади (дистрикт Кришна). Многие из них демонстративно указывают, что они происходят «из четвертой варны»⁵⁰.

⁴⁰ Амма I и Амма II (947—970) хвалятся тем, что подчинили себе своих родственников (EI, XXIV, p. 268—278, no. 38; XXVII, p. 41, no. 10; SII, I, p. 40, no. 36). Семья Мудугонда-Чалукья получила утверждение своего права на Поттапиннаду-300 в 970 г. (ARE, A 26 of 1937/38)

⁴¹ В надписи 1195 г. упомянуты 5 поколений этой семьи (EI, IV, p. 84—86, no. 10)

⁴² Venkataramanaya 1950, p. 281, 287

⁴³ Satyanarayana 1975, p. 277—278

⁴⁴ EI, XIX, p. 275, no. 48. О значении термина *боя* см. ниже

⁴⁵ EI, IX, p. 56, no. 7; Satyanarayana 1975, p. 281

⁴⁶ EI, IX, p. 132, no. 16; XIX, p. 258, no. 43; XXXI, p. 43—44, no. 6

⁴⁷ EI, IX, p. 131—135, n. 16 (Sakuntala 1996, p. 107); EI, XIX, p. 154, no. 24-B. Примеры вассальных отношений см. также Satyanarayana 1975, p. 283

⁴⁸ EI, IV, p. 96, no. 10 (Ganguli 1937, p. 163—164) (конец VII в.)

⁴⁹ SII, I, p. 35, no. 35 (начало IX в.)

⁵⁰ ARE, 174, 268 of 1905 (SII, X, nos 464, 465; Yazdani 1960, I, p. 671; Satyanarayana

Какатьи, сменившие династию Чалукьев-Чолов в конце XII в., унаследовали от последних вассальные семьи Вирьяла, Натавади, Речерла-Редди (две ветви — около Варангала и в Налгонде), Мальяла, Чераци, Кота (Гунтур), Телугу-Чодов в южной Андхре, Кандури-Чодов⁵¹ в Махбубнагаре. Многие из этих семей имели брачные связи с правящим домом⁵². Нет сведений о том, что вассальные князья платили какую-либо дань Какатьям. Они имели собственных наместников в округах своего княжества⁵³. Сингаладева-махараджа, носивший также титул *махамандалешвара*, имел своего «министра» (*прегаде*), который «управлял всей страной» и приобрел титулы *махаматья*, *маханпрадхани* и *сарвадхикари*⁵⁴.

Махамандалешвара Нандьяла Нарапараджу Кришнападава-махараджа имел своего «управляющего» (*карьякартта*)⁵⁵.

С. Тэлбот проанализировала все данные о структуре государства Какатьев. Всего от этого периода сохранилось 1190 датированных надписей. Из них только 350 изданы членами царской династии или упоминают их имена. Есть еще 100 недатированных надписей, т. е. тоже не упоминающих царей⁵⁶. Уже из этого подсчета видно, что местные власти — князья и магнаты — пользовались большой свободой. Материал, освещающий политические отношения, по подсчетам С. Тэлбот, содержится в 450 надписях. Из них только около двух дюжин издано от имени царей и содержат некие указания вассалам, а остальные изданы вассалами, которые, правда, в своих надписях декларируют свою зависимость от Какатьев⁵⁷.

Тэлбот предлагает следующую классификацию вассалов Какатьев: *nobles* («благородные») и *officers* (будем переводить как «служивые»). Первые претендуют на княжеский статус, вторые не имеют подобных претензий. «Благородных» она разбивает еще на две категории: *princes* (собственно «князья») и *chiefs* (будем переводить как «магнаты»). Первые пользуются громкими титулами санскритского происхождения. Вторые довольствуются менее престижными титулами.

1975, p. 285). Очерк о роли шудр в Андхре см. Suryanarayana 1986, p. 260–264

⁵¹ Их надписи охватывают период 1100–1268 гг. (Prasad, 1985, p. 911–917)

⁵² Talbot 2001, p. 155

⁵³ ARE, 314 of 1932/33

⁵⁴ IND, III, p. 1148, no. 152 (1248/9 г.); II, p. 938, no. 27 (1253/54 г.)

⁵⁵ ARE, 429 of 1940/41. 1939/43

⁵⁶ Talbot 2001, p. 273

⁵⁷ Talbot 2001, p. 126

«Благородные» в своих надписях уделяют большое внимание генеалогии, возводя свой род к известным «кшатрийским» фамилиям: Чалукьям, Чодам, Паллавам. Они обычно имеют статус *махамандалешвары* и используют титулы *махараджа*, *раджа*, *чакравартин* и т. п. Они получают от центрального правителя знаки царского достоинства⁵⁸. Магнаты не претендуют на кшатрийский статус, более того, как говорилось выше, нередко гордятся своей принадлежностью к шудрам, и имеют титулы не выше *махасаманты* и *мандалики*⁵⁹. Они могут быть вассалами не царя, а князей или даже служивых. Последние упоминают в надписях лишь одно-два поколения своей семьи и фигурируют в качестве дарителей лишь однажды⁶⁰.

Военные вассалы

Служивых вассалов, *officers* по классификации С. Тэлбот, отличает от «благородных» не только сравнительная скромность титулов, но и роли, в которых они выступают в надписях. Если князья просто **существуют** и совершают дарения, то служивые **вознаграждаются** земельными владениями и прочими видами дарений. Впрочем, в качестве дарителей они также выступают.

Пожалуй, нигде в Индии за пределами Андхры не встречается столько дарений военным. Поскольку этот вопрос — о наличии в средневековой Индии вассалов и дарений светским лицам — один из самых дебатруемых, хочется привести побольше примеров таких дарений.

Еще Викрамадитья I (655–681) из династии Ранних Чалукьев, контролировавший также некоторые районы Андхры, дарует своему военачальнику за военные подвиги в управление *вишаю* Эрува (дистрикт Карнул). У этого генерала есть свой вассал с титулом *махасаманта*⁶¹. Вишнувардхана (видимо, V, 847–849) из Восточных Чалукьев дарит военачальнику и его двум сыновьям, тоже военным, деревню, свободную от всех налогов «в признание их доблести в поражении моих врагов в нескольких битвах»⁶².

Виджаядитья III (844–888) даровал деревню брахману-военачальнику Раджадитье, который отличился в войнах «своей доблестью

⁵⁸ Satyanarayana 1975, 276

⁵⁹ Talbot 2001, p. 155

⁶⁰ Talbot 2001, p. 156–157

⁶¹ EI, XXIX, p. 162, no. 21 (Satyanarayana 1975, p. 276–277)

⁶² ARE, A 3 of 1939/40. 1939/43

и обеспечил царю огромную добычу, отнятую у враждебных царей». Интересно, что прадед этого Раджадитьи переехал из государства Паллавов, где он владел двумя городами (или областями) к Восточным Чалукьям, «будучи не в состоянии переносить обращение со стороны царя Тондаймана»⁶³. Здесь мы видим очень типичный для феодальных отношений «отъезд» вассала от одного сюзерена к другому.

В правление Аммы I (921–927) мы встречаемся еще с одним случаем «отъезда», теперь уже не с юга, а с запада. Деревню получает Индапараджа, дед которого принадлежал к *Махаратта-вамша* и был «господином города Маньякхета»⁶⁴. В данном случае семья приехала из Махараштры, отказавшись служить то ли Западным Чалукьям, то ли Раштракутам (время жизни деда не уточняется). Амма I вознаградил землями нескольких своих офицеров⁶⁵, притом, что ни разу, насколько мы знаем, не дарил земли брахманам в *аграхари*.

По крайней мере на протяжении трех веков служила Восточным Чалукьям семья Паттавардхика (Паттавардхичи)⁶⁶. В надписи в качестве преамбулы утверждается, что предок нынешней семьи Калакампа верно служил еще Кубдже Вишнувардхане, основателю династии Восточных Чалукьев. Тем самым утверждается «изначальность» этих вассальных отношений. Затем перечисляются несколько поколений семьи, и отмечается, что все они, бывало, «получали назначения со стороны процветающих наследников нашей династии», т. е. что они были постоянно на службе. Последний из генеалогического древа получает деревню с 12 выселками, освобожденную от всех налогов⁶⁷.

Бхима I вознаградил своего военачальника деревней, выданной как *аграхара*, и правом управления округом в 18 деревень за «блестящую службу, оказанную его мечом»⁶⁸.

Гунага Виджаядитья III (849–892) отблагодарил своего брахмана-генерала «за ценный совет, данный на поле боя, благодаря которому удалось одержать победу»⁶⁹.

⁶³ ARE, A 3 of 1938/39. Тондайман — так часто называли паллавских царей, поскольку они владели Тондаймандалой.

⁶⁴ ARE, A 3 of 1923/24

⁶⁵ EI, V, p. 131–134, no. 16-D ; XXII, p. 41–47, no. 10; SII, I, p. 38, no. 36; ARE, 1923/24, p. 98

⁶⁶ EI, VII, p. 182, no. 25

⁶⁷ IA, XIII, p. 52, 54 (SII, I, p. 43, no. 36)

⁶⁸ Vijaya 1992, p. 179

⁶⁹ EI, V, p. 122–127, no. 16-B (Vijaya 1992, p. 181); см. также ARE, A 3 of 1939/40. 1939/43

Сын Кулоттунги I в 1079 г. даровал некоему Муммади Бхеме из Солнечной династии (?)⁷⁰ 12 деревень, освобожденных от налогов, и *maī ī iya-nibandham-ādhipatyam* (что-то вроде «верховного права на налоги с») над 1000 деревнями, составляющими Венгипурувишаю⁷¹.

Анандаварман Чода из династии Восточных Ганга, подчинив часть Андхры, тоже в 1118 г. дает деревню, свободную от всех тягот, своему «любимому родственнику» (*priye-bāndhava*) Улахияконда Перумалю, который отличился в нескольких битвах и принадлежит к благородной семье⁷². Эта надпись особенно интересна в свете дискуссии о том, можно ли по надписям о дарениях брахманам судить о дарениях светским лицам. Это дарение не брахману, но составленное совершенно в тех же выражениях, которые столь характерны для дарений в *аграхари*.

В 1249 г. Ваджрахаста II Ганга выделяет в районе Висакхапатнама 10 деревень «Бали-наяку, отличившемуся в битвах», его сыну Итана-наяку и его внуку Ганда-наяку, причем Ганда-наяку отходят 9 деревень, а Итана-наяке — одна⁷³.

Пожалования царя могли выражаться не только в земле, но и в присвоении более высокого ранга в феодальной иерархии. Амма II (947–970) присваивает своему *саманте* титул *махасаманта* за верность Тайле II⁷⁴.

Подобные дарения совершались не только царем. Его вассалы создавали собственный «круг». В 1122 г. *махамандалешвара* Чода-махараджа выделяет две деревни своему вассалу⁷⁵. В 1254 г. дарение совершает сын вассала Ганапати Какатья⁷⁶.

Вассалы в своих владениях чувствовали себя хозяевами. Они строили храмы, дома для храмовых служащих, дарили храмам деревни⁷⁷. С. Тэлбот приводит и другие случаи таких дарений⁷⁸.

⁷⁰ Возможно, имеется в виду отпрыск Чалукьев.

⁷¹ ARE, A 3 of 1921/22

⁷² ARE, A 2 of 1935/36

⁷³ JAHRS, IX, pt 3, p. 25–26

⁷⁴ Satyanarayana 1975, p. 282

⁷⁵ ARE, 12 of 1960/61

⁷⁶ IND, I, p. 140, no. 17

⁷⁷ IND, II, p. 979, no. 50 (1154/55 г.); EI, V, p. 148–150, no. 17 (1213/14 г.); VI, p. 39, no. 5 (1235 г.)

⁷⁸ Talbot 2001, p. 163

Сомнения в том, можно ли считать практику наделения военачальников земельными владениями вассальной системой возникают в связи с тем, что перечисленные случаи говорят о вознаграждении за уже совершенные подвиги или проявленный героизм, а не под условием дальнейшей службы. Однако эти дарения не имеют характера заслуженной пенсии. Дальнейшая служба явно подразумевается, тем более, когда речь идет о сыновьях и внуках бенефициария. Мне кажется, что разница с наделением вассала феодалом здесь не принципиальная.

Социальный слой *наяков*

Практика наделения земель под условием службы также возникла. В XI в. в Андрхе и на прилегающих землях Ориссы появляется слой, претендующий на благородство. Они стали называться *наяками* («вожди», от санскр. *nè* — вести). На телугу это слово пишется *nàyaāu*, множ. число — *nàyakulu*, статус *наяка*, его положение или его земля — *nàyaèkaramu*. По мнению Ш. К. Панды, систему военных вассалов, наделенных земель для несения службы, изобрел Ваджрахаста III (1038–1070) из Восточных Гангов⁷⁹. С. Тэлбот признает, что владения военных вассалов — *наянкары* — упоминаются с начала XII в., но в то же время утверждает, что самое раннее упоминание *наянкар* относится к 1269 г. в правление Рудрамадеви⁸⁰. К ее правлению относится 7 из общего количества 23 упоминаний о *наянкар* при Какатях. Все эти мнения кажутся странными в свете того, что дарение земли из своей *наянкар* неким Нагараджаей Махадевой встречается еще в X в.⁸¹

Так или иначе, именно при Какатях этот институт получил распространение, хотя и не охватил всех военных⁸². Позже, при Виджаянагаре, он стал основой административно-земельного устройства, охватив всю Южную Индию. Для периода XV–XVI вв. мы имеем достаточно подробные и неоспоримые данные о его характере. Это было долговременное, иногда даже наследственное владение под условием содержания воинского отряда, уплаты в казну примерно 1/3 доходов с территории и экономического развития этой

⁷⁹ Panda 1991, p. 49

⁸⁰ SHI, X, no. 423, 424

⁸¹ ARE, 13 of 1939/40. 1939/43 (Satyanarayana 1975, p. 278)

⁸² Talbot 2001, p. 277

территории⁸³. Тэлбот утверждает, что в надписях периода Какатьев нет сведений о том, что владельцы *наянкар* обязаны были содержать войска или выплачивать что-то в казну⁸⁴. Но, скажем, один случай наделения *наянкар*ой при Пратапарудре свидетельствует о том, что получатель стал расчищать леса и основывать новые деревни⁸⁵.

Нарасимха Рао высказывает мнение, что *наяки* происходили из шудр и получили свое почетное наименование, поскольку стали служилыми людьми⁸⁶. Это мнение нельзя обосновать, но звучит оно довольно правдоподобно. Есть случаи, когда *наяки* выступают коллективно, как некая группа, имеющая корпоративную спайку. Несколько *наяков*, перечисленные по именам⁸⁷, или «наяки такого-то селения (или территории)» коллективно совершают дары или их опекают⁸⁸.

То, что *наяки* составляли некие общины, имеющие территориальную основу, свидетельствует надпись 1230 г. из Шрикурмама. В ней *наяки* Калингамандалы улаживают конфликт между *наяками* Тодиторитимандалы и *наяками* Поннади относительно границы между Поннади и Бонталакоти⁸⁹. Не вдаваясь в детали тогдашнего территориального деления, отметим лишь, что группы *наяков* действуют подобно коллективным органам окружных общин, вроде *наттаров* в Тамилнаду.

С. Тэлбот заметила, что с течением времени в государстве Какатьев уменьшается число «благородных» княжеских фамилий и возрастает количество служилой знати⁹⁰. Яздани утверждает, что страна Какатьев в конце концов была разделена между *наяками*, и административное устройство стало полностью военизированным⁹¹.

Подчинение вассала сюзерену выражалось несколькими способами. Один из них состоял в том, что вассал делал богоугодный дар для «увеличения религиозной заслуги» не своей, а своего господина. Есть несколько дарений «в честь» царей — Ганапати Какатьи⁹²

⁸³ Подробнее см. Алаев 1964, с. 181–201

⁸⁴ Talbot 2001, p. 166

⁸⁵ Yazdani 1960, II, p. 681

⁸⁶ Rao 1967, p. 108

⁸⁷ IND, II, p. 873, no. 108

⁸⁸ SHI, V, nos 1037, 1052, 1135, 1343; X, nos 86, 712, 713

⁸⁹ SHI, V, no. 1290

⁹⁰ Talbot 2001, p. 156, 158

⁹¹ Yazdani 1960, II, p. 668

⁹² IND, II, p. 972–973, no. 45; III, p. 1055, no. 86; p. 1059, no. 88; p. 1064, no. 89; p. 1129, no. 139

и Пратапарудры Какатьи⁹³, но по большей части такая форма связи устанавливается на более низком уровне — между князьями и магнатами, с одной стороны, и их вассалами, — с другой⁹⁴. Для правильной оценки этого обычая следует учесть, что во многих районах Индии встречаются дарения с целью увеличения религиозной заслуги родителей — отца или матери, или обоих родителей вместе. Можно предположить, что дарения вассалом «в честь» сюзерена демонстрировали род «кровной» связи между ними.

Наблюдались и более экзотические способы доказать верность. Некий Джаямаган сжег себя на костре, прославляя имя своего сюзерена из семьи Бана. В ознаменование этого события была воздвигнута стела⁹⁵.

Если верить надписям, сюзерен окружал себя вассалами, чтобы было с кем «приятно поговорить». Эта формула, знакомая нам уже по материалам Карнатака, встречается и в Андрхе⁹⁶. Как мне кажется, эта формула долженствует отразить некоторое равноправие сторон. Они не подчиняются друг другу, а просто беседуют. Кроме того, царь — «защитник жизни своих вассалов»⁹⁷, а вассалы мелких князей «почитают» или «славят» своего патрона⁹⁸.

По мнению С. Тэлбот, государство Какатьев можно назвать феодальным, если понимать под феодализмом политическую систему, систему вассалитета. Но сторонники концепции «индийского феодализма» подходят к проблеме с марксистских позиций и считают признаками феодализма угнетение крестьян, экономический застой и дезурбанизацию. А эти явления обнаружить по источникам затруднительно⁹⁹. Она предлагает, по-видимому, точную, но несколько усложненную формулировку: «“Государство” Какатьев наилучшим образом можно понять как неустойчивую политическую сеть, состо-

⁹³ IND, II, p. 902, 903–904, 8,9; III, p. 1057, no. 87; p. 1142, no. 149

⁹⁴ IND, II, p. 929, no. 20; p. 938, no. 27 (1253/54 г.); p. 961, no. 34 (1248/49 г.); III, p. 1083, no. 100; p. 1088–1089, no. 103 (1250/51 г.); p. 1116, no. 129 (1293/94 г.); p. 1191–1192, no. 32 (1289/90 г.)

⁹⁵ SII, IX, I, no. 9. Еще один подобный случай см. Ibid., no. 35 (Satyanarayana 1975, p. 279)

⁹⁶ IND, I, p. 206, no. 7 (1246/47 г.); p. 294, no. 10; p. 297, no. 13 (1384/85 г.); II, p. 589–590, no. 54, 55 (1320/21 г.); p. 983, no. 53 (1293/94 г.); III, p. 1115–1116, no. 129 (1293/94 г.)

⁹⁷ IND, III, p. 1009, no 67 (1254/55 г.); p. 1084, no 101 (1273/74 г.)

⁹⁸ IND, III, p. 1143, no. 150 (1256/57 г.); p. 1265, no. 47 (1211/12 г.)

⁹⁹ Talbot 2001, p. 167–168

явшую в значительной степени из личных уз между лордами и нижестоящими. Некоторые из нитей в ткани какатиевской политики связывали правителей непосредственно с первичными зависимыми, другие вели от этих зависимых к различным этажам партнеров в густо разветвленной структуре. Связи простирались как горизонтально, интегрируя местности на большой территории, так и вертикально, достигая деревень и поселений¹⁰⁰.

Помимо основной структуры вассальных взаимоотношений, по возможности освещенной выше, существовали еще некоторые группы, игравшие в общей структуре второстепенную роль, но все же требующие упоминания. Один из загадочных терминов — *bīya* (мн. ч. *bīyalu*). Он встречается в Андрхе с VII по XV вв. как имя скотоводческого племени, которое занимало некоторую территорию в дистрикте Неллур¹⁰¹. Но этот же титул *боя* имеют многие брахманы. Б. С. Л. Ханумантха Рао придерживался мнения, что это некоторые члены племени достигали статуса кшатрия или брахмана¹⁰². Между тем, подобного типа социальная мобильность в Индии, насколько мне известно, невозможна. Подъем социального статуса происходит только коллективно в результате процесса санскритизации, о котором я уже писал. Невозможно, чтобы человек добился высокого статуса, сохраняя терминологическую связь со своими братьями, которые остаются на уровне по меньшей мере шудр, если не еще более низком.

Термин *боя*, скорее всего, имел разные значения. Некоторые производят его от *boḥ* — уважительного обозначения жителя, и *боя* означает жителя той или иной деревни¹⁰³. Другие считают, что это искаженное *бхогика*, т. е. «владелец» и, следовательно, этот титул в сочетании с названием деревни означает ее владельца¹⁰⁴. Действительно, кроме племени *боя* в надписях фигурируют частные лица, явно связанные с населенными пунктами. Например, около 673 г. 6 человек получают дарение. Они представлены как *боя* различных деревень, при этом отсутствуют их личные имена. Таких сведений составителю надписи

¹⁰⁰ Talbot 2001, p. 172

¹⁰¹ EI, III, p. 145, no. 23; XIX, p. 275–277, no. 48. Из этого племени набиралась часть воинов в армии Хайдара Али и местных магнатов еще и в XVIII в. (EI, XIX, p. 274, no. 47)

¹⁰² Proceedings of South Indian History Congress. Hyderabad, 1986. p. 58–64. Цит. по: Rao, p. 1; такого же мнения придерживается В. Сакунтала (Sakuntala 1996, p. 106)

¹⁰³ EI, XVIII, p. 2, no. 1

¹⁰⁴ ARE, 1921/22, p. 97; EI, XXXI, p. 77; Satyanarayana 1975, p. 365

показалось достаточно для идентификации данных лиц¹⁰⁵. Среди них и Чоде-боя, сын Энджали-боя, принадлежащий к «четвертой варне»¹⁰⁶, и раджа Камая-боянду из Алинананду¹⁰⁷, и Гонкая-боя, являющийся управителем округа (*мандаликой*) под князем Веланаду¹⁰⁸ и многие брахманы¹⁰⁹. Калияма-боя, сын Трикоти-бои из Печчавады, вел свое происхождение от *якши* (мифического приспешника бога богатства Куберы), показавшего правильный путь героям «Махабхараты» Арджуне и Индракиле¹¹⁰.

Видимо, прав Парабрахма Састри, который утверждает, что боя-брахманы и другие высокостатусные люди не имеют никакого отношения к племени боя. Это просто омонимы¹¹¹.

Еще один термин, который имеет двойное значение, — *leēka*. Он употреблялся и как военный титул частного лица, и как обозначение неких особых воинских отрядов, телохранителей царя¹¹². По мнению Яздани, это *ангаракша* (букв. «телохранители»), «сыновья царя», рабы, принявшие присягу считать его *гуру* и богом. Они должны были умирать, если сюзерен погибал¹¹³. Но в то же время носители такого титула, получали высокие должности и земельные владения. Например, Эттрая-ленка, привратник царя, имел *наянкар* из 22 деревень¹¹⁴. Махапрадхани Джуттая-ленка в 1319 г. правил округами Поттапи, Сакхали и Мулкинанду. Его младший брат Рудрая-ленка дарит храму доходы от нескольких налогов¹¹⁵.

Надо специально остановиться на таком феномене, как высокий социальный статус шудр в средневековой Андхре. Нигде больше в Индии мы не встречаемся с таким настойчивым утверждением, что шудры чуть ли не наиболее чистые создания по сравнению с членами других варн. Какаты с гордостью заявляют во многих надписях,

¹⁰⁵ EI, VIII, p. 238–240, no. 24

¹⁰⁶ SII, X, no. 327

¹⁰⁷ IND, II, p. 987, no. 54; см. также II, p. 929, no. 20

¹⁰⁸ SII, IV, no. 90

¹⁰⁹ EI, XVIII, p. 1–4, no. 1 (673 г.); XXXI, p. 74–80, no. 12 (конец VII в.);

¹¹⁰ SII, X, no. 33

¹¹¹ Proceedings of Andhra Pradesh History Congress. Guntur Session, 1986, p. 70–75. Цит. по: Rao, p. 1

¹¹² Talbot 2001, p. 157

¹¹³ Yazdani 1960, II, p. 670. О них, видимо, сообщает Марко Поло, когда рассказывает о Короманделе (Поло 1955, с. 184)

¹¹⁴ ARE, 131 of 1917 (SII, X, no. 509) (1314 г.)

¹¹⁵ ARE, 5 of 1939/40. 1939/43; см. также SII, X, nos 489, 533 (1300, 1323 гг.)

что они происходят из «четвертой касты»¹¹⁶. Что, впрочем, не мешает им в медных табличках, при дарениях земли брахманам, возводить себя к Лунной династии, т. е. претендовать на кшатрийский статус, копируя соответствующие формулировки Чолов¹¹⁷. Дело в том, что, согласно *дхармашастрам*, брахманы могут принимать дары только от истинных кшатриев.

Как уже говорилось, многие вассальные князья того периода также не гнушались называть себя шудрами. Князья Дханьякатаки Бхима, «равный Индре», Рудрадева — муж сестры Ганапати Какаты (1199–1262) — и его сын Кета II происходили из шудр (*caturthakula*)¹¹⁸. Веланати Чоды вели свое происхождение «из четвертой варны» (*caturthanvaya*)¹¹⁹. Амбадева, правитель Валлурупаттана, объявляет себя, во-первых, *каятхой* (членом касты писцов), а во-вторых, принадлежащим к четвертой варне (*catur-varī a-samuddharaī a*)¹²⁰. Князь Вандувараджа, вассал Кулоттунгги I, происходил «из хорошей шудрянской семьи» (*sacchudracudamani*)¹²¹. Князь Притхвишвара признавал, что он принадлежит к варне шудр, которая «вышла из ног Вишну», но свою династию он ведет от Индрасены, который был приемным сыном Юдхистхиры, героя «Махабхараты»¹²².

В Андхре не было значительной прослойки кшатриев. Военными вассалами и чиновниками были в основном брахманы и шудры¹²³. Слуга основателя Восточночалукийской династии Кубджи Вишнувардханы Буддхаварма был «украшением четвертой касты». Он был для своего сюзерена «как Анджапея для Рамы, как Вайнатая для Вишну»¹²⁴, на поле битвы служил как панцирь для своего господина и получил

¹¹⁶ HAS, no. 13, p. 54; XIX, no. 46; SII, IV, no. 1053; EI, XIII, no. 24

¹¹⁷ EI, V, 17, no. 3-A; XII, p. 188–197, no. 22; XVIII, p. 346–356, no. 41 (Talbot 2001, p. 57)

¹¹⁸ EI, III, p. 95, no. 16; VI, p. 39, no 5; p. 157–159, no. 15-B (Kotiyal 1974, p. 84)

¹¹⁹ Satyanarayana 1975, p. 283

¹²⁰ ARE, 174, 268 of 1905 (SII, X, no. 464, 465 ; Yazdani 1960, II, p. 671). Совершенно необычно то, что даже члены купеческих каст, в частности, *комати*, относят себя к шудрам (IND, I, p. 489–490, no. 15)

¹²¹ EI, XXII, p. 143, no. 23 Другие примеры князей из шудр см.: EI, VI, p. 269, no. 26; XXV, p. 272, no. 27

¹²² EI, IV, p. 47–54, no. 4

¹²³ Sakuntala 1996, p. 106

¹²⁴ Анджапея и Вайнатая — мифологические помощники эпических героев и богов. Анджапея — «сын Анджаны», т. е. Хануман, помощник божественного царя Рамы; Вайнатая — одно из имен Гаруды, мифической птицы, которая служит средством передвижения для бога Вишну.

в удел округ, состоявший из 73 деревень¹²⁵. Кулоттунга I имел генерала по имени Карунакаран, происходившего из тамилгов и являвшегося «драгоценным украшением шудрянской семьи», который разбил армии Восточных Гангов¹²⁶. Маидева, тоже из шудр, в 1253/54 г. занимал должность *преггада* (некий чиновник), имел титулы *маханпрадхани* и *сарвадхикари*, а также был известен как «любитель знания»¹²⁷.

Династия Редди из Кондавиду, владевшая частью Андхры в XIV в., тоже принадлежала к шудрам, «которые отличаются большой доблестью и чье занятие достойно уважения»¹²⁸. Правители этой династии разработали идеологическую основу высокого статуса шудр. Один из них, Анनावота Редди, в 1358 г. пишет в своей надписи: «Из лотосовых ног возлежащего на лотосе Вишну была рождена для благополучия этого мира благородная четвертая варна, доблестная и прославленная богатой жизнью, раздробленная на сотню ветвей. В этой касте рожден царь по имени Пролая Вема» (основатель династии Редди)¹²⁹. Через 10 лет другой правитель этой династии еще более красноречив: «Брахманы, а затем кшатрии и вайшьи были произведены из лица, рук и бедер Ишвары, и для их поддержки — четвертая группа. То, что эта каста чище, чем другие три, очевидно, потому что, истинно, эта каста рождена вместе с рекой Бхагиратхи (Гангом), очищающей три мира. Члены этой касты ревностно выполняют свой долг, не злые, имеющие чистые помыслы, свободные от гнева, и потому лишь они несут груз защиты мира, помогая тем, кто рожден в царской касте. Кругооборот Криты и других *юг* оборачивается подобно колесу, и защитники мира оборачиваются так же»¹³⁰.

В целом можно сделать вывод, что общество средневековой Андхры демонстрирует меньшее развитие общинных коллективов, чем рассмотренные выше общества Тамилнаду и Карнатаки. Но, вместе с тем, оно никоим образом не более бюрократическое, чем те общества, с которыми мы его сравниваем. Слабые общины и слабое государство вызвали к жизни феодальные отношения (систему военного вассалитета) или позволили им развиваться.

ЧАСТЬ IV КЕРАЛА

Глава 25

Особенности общинно-государственных отношений в Керале

Малабарское побережье, на котором расположен историко-культурный регион Керала, отделено от остальной Южной Индии довольно высокими Западными Гатами, что, возможно, стало причиной существенных отличий общественного строя и самого хода истории здесь. Керала по большей части не входила в империи, возникавшие на Деканском плато и на Коромандельском побережье. Особая каста брахманов-*намбудури* получила здесь могущество, несопоставимое с ролью брахманов в других областях Южной Индии. Еще более экзотическая каста *наяров*, примерно соответствующая по социальному положению землевладельческим кастам *веллалов* в Тамилнаду, *оккалиге* в Карнатаке и *редди* в Андхре, отличается от всех других материнским счетом родства и исключительной воинственностью. Здесь возникла форма частной собственности на землю, больше нигде в Индии не существовавшая. На Малабаре значительную прослойку населения составляют «неприкасаемые» касты, что определило невиданное в других частях Индии развитие рабско-крепостнических отношений. И в то же время история Кералы исследована в наименьшей по сравнению с другими регионами степени.

Лишь с конца XIX в. начинается сбор материалов для освещения доколониальной истории этой области. Серьезный вклад в эту работу внес У. Логан, собравший множество документов, главным образом относящихся к XVII–XVIII вв., но включавших и более ранние¹. «История Кералы» в 4 томах К. П. Падманабха Менона² собрала все имевшиеся в то время сведения по истории региона, но не дала

¹²⁵ JAHRS, XIX, p. 49; Satyanarayana 1975, p. 276

¹²⁶ EI, XXII, p. 139, no. 23; другой пример военачальника из шудр см. IND, III, p. 1045, no. 79

¹²⁷ IND, II, p. 938, no. 27

¹²⁸ EI, III, p. 287, no. 39; IND, II, p. 549, no. 35

¹²⁹ EI, XXV, p. 143

¹³⁰ EI, XIII, p. 270–271, no. 24 (Kotiyal 1974, p. 83)

¹ Logan 1887

² Menon 1916

о ней общего впечатления. Она написана в форме заметок на «Письма с Малабара» Я. К. Виссера³ и состоит из отрывочных эссе по различным аспектам истории Кералы. Кроме того, она в большей мере опирается на легенды, чем на исторические источники.

Новое дыхание исследованиям по истории Кералы придал Эламкулам П. Н. Кунджан Пиллаи, который в 1950-е — 1960 гг. опубликовал несколько памятников на малаялам и статей, составивших некую стройную концепцию социальной истории региона⁴. Он собрал и проанализировал большинство имеющихся средневековых надписей, доказал существование государства Поздних Черов, Перумалов со столицей в Кодангаллуре (Макотаи, или Маходаяпурам) в период с IX по XII вв.

Наконец, последние достижения индийских историков в отношении изучения истории Кералы связаны с именами М. Г. С. Нараянана и Кесавана Велудата.⁵ Они во многом исправили некоторые ошибочные выводы Кунджана Пиллаи и дали убедительную, хотя и во многом предположительную, картину развития социального строя средневековой Кералы.

В отечественной историографии лишь глава в ранней монографии нынешнего автора в какой-то мере освещает географические и социальные особенности Кералы, правда, она в основном ориентирована на более поздние века, предшествовавшие колониальному подчинению⁶.

Многие аспекты керальского средневекового общества остаются непонятными, а сведения о них — противоречивыми.

Мифическая и реальная история Малабара

Особенности социального устройства и хода истории в Керале имеют легендарное обоснование. В поэме XVI в. «Кералотпатти» рассказывается, что некогда бог Вишну, увидев, что на Земле кшатрии стали угнетать брахманов, воплотился в образе Парашурамы («Рамы с топором») и уничтожил многие тысячи кшатриев. Затем он, стоя на вершине Западных Гат, забросил свой топор в море, и оно

³ Visscher 1862

⁴ Его работы были переведены на английский и изданы отдельным томом. См. Pillai 1969

⁵ См. в Библиографии Narayanan и Veluthat

⁶ Алаев 1964, с. 289–325

отступило до того места, куда упал топор, обнажив полосу земли, ставшую Малабарским побережьем. Парашурама отдал эту полосу земли в полное и безраздельное владение брахманам. Но они, не желая сами заниматься государственными делами, решили поставить над собой правителей, приглашаемых из соседних стран на 12 лет. Эти правители носили титул Перумал, их сменилось 21 человек, и правили они с 216 по 428 гг. Правление последнего из них, Черамана Перумала, было столь успешным, что брахманы решили сделать его пожизненным царем.

Но Чераман в конце жизни оставил трон, разделил свое царство на 3 части и отправился в паломничество. Куда именно он направился, по этому вопросу легендарные сведения расходятся. Христиане считают, что он обратился в христианство, мусульмане, — что в ислам и отправился в Аравию, индусы уверены, что он стал индусским садху. А некоторые ученые настаивают, что Чераман обратился в джайнизм.

Три княжества (северное, центральное и южное), в свою очередь, состояли из более мелких владений, создалась система вассалитета.

Анализ сведений из тамильских и малаяльских источников привел многих индийских историков к мнению, что хронология, предлагаемая «Кералотпатти», не может быть принята. Все эти сведения и предположения не имеют документального подтверждения. Более надежные данные никак с ними не стыкуются.

О стране «Чера» или «Кералапутра» мы впервые узнаем из надписей Ашоки (III в. до н.э.). Понятно, что это лишь упоминание, которое не дает более подробных сведений. Затем мы встречаемся с Черой в литературе эпохи Сангама. В ней Чера — одно из тамильских потестарных образований наряду с Чолами и Пандьями. Упоминаются цари этой династии, они активно участвуют в политической жизни Тамилнаду. Хотя в существовании этих государств особых сомнений нет, все же налет легендарности на эпохе Сангама остается. От процветавших тогда, судя по художественной литературе, государств не осталось иных свидетельств, никаких материальных остатков.

Само географическое положение древнейшей Черы неясно. Традиционно считается, что она находилась на Западном побережье, на территории современной Кералы. Но есть веские основания считать, что она располагалась по другую сторону Гат, и ее столицей был Карур в верховьях Кавери (дистрикт Тиручираппалли)⁷.

⁷ См. Sastri 2002, p. 112; Nagaswami 1995

Весьма странно, что материальные следы пребывания греко-римлян, которые относятся как раз к эпохе Сангама, в основном сосредоточены на Восточном побережье, хотя было бы более логично встретить их на Западном берегу просто из географических соображений. Малабар не только ближе к Африке (Египту), чем Коромандель, но и гораздо удобнее для устройства портов, что впоследствии и обеспечило бурное развитие внешней торговли именно в данном регионе. Греко-римляне действительно попадали на Западное побережье и неплохо его знали⁸, но почему-то продолжали свой путь вокруг мыса Коморин (и вокруг Цейлона, потому что Полкский пролив непроходим даже для судов того времени) и основывали свои поселения в будущем Тамилнаду, в том числе в Каруре, куда они попадали, бесспорно, с востока. Степень участия древней Черы в политической и культурной жизни Тамилахама была бы невозможна, если бы она была отгорожена от Чолы и Панды Западными Гатами. Остается предположить, что в те века жители Малабарского побережья находились на низкой стадии развития и не представляли интереса с точки зрения коммерции.

М. Г. С. Нараянан считает, что примерно до VIII в. нынешняя Керала представляла собой территорию с племенным населением. Керала как особый этно-культурный регион появилась безотносительно к древней Черы. Это произошло где-то в промежутке между эпохой Сангама и VIII веком в результате миграции сюда брахманов из Гуджарата и Конкана и основания ими поселений на Малабарском берегу⁹. Брахманы, которых потом стали звать *намбудури*, сами расчищали и осваивали землю, не нуждаясь ни в деньгах для покупки земли у туземцев, ни в царских земельных дарениях. Поэтому мы и не имеем дарственных грамот от того периода¹⁰. Позднейшие гордые *наяры*, возможно, происходят из местных кочевых племен, которых брахманы подчинили и взяли на службу для защиты от прочих племен¹¹.

Исторически достоверна династия Поздних Черов со столицей в Макотаи (Маходаяпураме), которые правили примерно с 800 г. до 1122. Отсутствие в Керале обычных для других регионов Индии дарственных грамот с подробными восхвалениями-генеалогиями (*прашастии*, *мейкиртти*) затрудняет датировку правлений и восстановление костяка политической истории. И надписей эта династия оставила

⁸ Бонгард-Левин 2002, с. 245; Вигасин 2007, с. 163–260

⁹ Narayanan 1976, p. 446

¹⁰ Narayanan 1997, p. 88

¹¹ Narayanan 1997, p. 89

немного — всего 150¹². Все же М. Г. С. Нараянану удалось в серии статей и докладов воссоздать историю этого государства как в политическом, так и в социальном ракурсе. Он, в частности, отождествил легендарного Черамана Перумаля с основателем династии Поздних Черов в самом конце VIII в.¹³

Характер этого государства нам предстоит оценить в ходе дальнейшего изложения. Пока можно лишь упомянуть, что оно не представляло собой централизованной структуры. У Черов было много вассальных династий, одной из которых была династия Ая (Ай) со столицей в Вижинджаме. Она правила, возможно, с периода Сангамы до X в. Отмечены также Черы на территории Конгу в XI–XII вв.

После распада государства Поздних Черов на мелкие владения начинается «брахманский период». *Намбудури* из 32 селений (*грама*), основанных, по преданию, еще Парашурамой, а также новых *аграхар*, которые основываются выходцами из «основных» *грама* (интересно, что коллективы новых общин состояются выходцами из разных *грама*), создают храмово-брахманские центры, которые претендуют на роль властителей не только дум, но и всей социально-политической жизни. Царь осуществлял номинальную власть по отношению к местным магнатам *надуважи* (*nāḍuvaṇi*), но его решения во многом зависели от мнения «совета четырех» — представителей четырех брахманских храмовых поселений (*nālu taṭi*) вокруг столицы Макотаи¹⁴. А на юге, в Венаде, будущем Траванкуре, князь признавал над собой верховенство «совета восьми» (*eṭṭarayogam*) настоятелей храма в Тируванантапураме (Тривандруме), который столицей Траванкура в то время еще не стал¹⁵. Соперничество между двумя брахманскими *грама* — Панниюром и Шукапуром — стало основным содержанием истории¹⁶.

К. Велудат сравнивает роль брахманской общины в Керале с ролью католической церкви в средневековой Европе¹⁷. Он считает, что брахманские поселения составляли «сеть», которая служила

¹² Нараянан объясняет это тем, что в Керале нет гранита. Храмы строились из дерева или кирпича. Поэтому на их стенах нет надписей (Narayanan 1998, p. 28)

¹³ Narayanan M. G. S. Perumals of Kerala. 1996. Цит по: Veluthat 2009, p. 6

¹⁴ EI, XVIII, p. 342, no. 40; Veluthat 1978, p. 63; Narayanan 1998, p. 29

¹⁵ Veluthat 1978, p. 79

¹⁶ Veluthat 1978, p. 9

¹⁷ Veluthat 1978, p. 80

объединительной силой для всей Кералы¹⁸. Впрочем, это скорее результат воображения. Данных о связях аграхар в масштабах региона нет. Нараянан делает подобное же заключение из того факта, что дипломатика грамот, происходящих из разных *грама*, совпадает. Могушество брахманских храмовых советов в этот период, по мнению другого исследователя, иногда становилась угрозой для общественной безопасности и хорошего управления¹⁹.

Ситуация, возникшая после XII в., весьма вероятно, послужила основанием для возникновения легенды о Парашураме, о том, что вся Керала «отдана» брахманам и что некий Чераман Перумал разделил ее на мелкие княжества²⁰. Есть основания считать, что керальские брахманские поселения возникли **не так**, как в других местах Индии. Как уже говорилось, мы не имеем грамот, фиксирующих их основание кем-либо из государей²¹. И новые брахманские поселения, о которых мы имеем сведения, возникают не в результате дарений, а путем простого передвижения брахманов из старых селений на новое место.

Храмово-брахманские деревни

Специфика Кералы заставляет начать обзор общественного строя не с деревни и округа, как построены другие части работы, а с института, бывшего, судя по многим данным, ключевым для этой части Индии. Это брахманские поселения, концентрировавшиеся вокруг храмов, «храмовоориентированные деревни», как их называют М. Г. С. Нараянан и К. Велудат.

Почти все надписи периода Поздних Черов — это решения храмово-брахманских советов, регистрирующих дарения храмам, регулирующих внутрихрамовые взаимоотношения. Поэтому в источниках эта социально-экономическая единица затмевает все остальные.

Парашурама, как мы знаем, поселил брахманов-*намбудури* в 32 *грамах*. В Керале, в отличие от других районов Индии, *грама* — это не просто деревня, а именно брахманское поселение, группирующееся вокруг храма, имеющее, конечно, жителей и из других каст. Но доминирующая каста здесь — брахманы. Они могут

¹⁸ Veluthat 1978, p. 8–9

¹⁹ Menon 1937, p. 65

²⁰ Правда, эта легенда упоминается уже в надписи Раджендры I Чолы от 1018 г. (SHI, III, p. 423, no. 205)

²¹ Narayanan 1998, p. 29

называть себя и *аграхарой*, но только в санскритских частях надписей²². А по-тамилски (или по-малаялам, тогда эти языки не очень отличались) они называют себя *ур*, *уралар*, *ур-куттам*. Таким образом, в отличие от Тамилнада, в Керале не прослеживается по историческим источникам обычная шудрянская деревня.

Впрочем, и деревень в смысле компактного скопления домов в Керале также почти нет. Первым обратил внимание на эту особенность Ибн Баттута: «Каждый человек имеет собственный сад с домом посередине и с деревянным забором вокруг всего этого»²³. В 1349 г. другой путешественник отмечал: «Места обитания людей разбросаны близко друг от друга по обеим сторонам [дороги] с достаточным количеством земли для нужд каждой семьи, хотя почва далеко не хороша для пахоты»²⁴.

Подобный тип поселений сохранился до Нового времени²⁵. Несколько «хуторов» объединялись в налоговый округ (*дешам*).

Деревни обычного вида были свойственны поселениям только торговцев (в частности — сирийских христиан), ткачей, горшечников, а также тамилских брахманов, селившихся по окраинам Кералы — в Палгхате, Южном Траванкуре и т. п.²⁶

Первоначальные брахманские *грама* располагались группами, кластерами по плодородным берегам рек. Велудат, идентифицировавший 31 из легендарных 32 брахманских поселений, указывает, что 9 из них расположены в долине Пампы, 11 — в долине Перияра, 5 — в долине Перара²⁷. Затем от первоначальных селений отпочковывались новые, иногда получавшие самостоятельность, а иногда сохранявшие связь с материнскими. Дочерние селения назывались *унаграма*²⁸. Коллекция медных табличек из Тируваллы позволяет проследить, как одна из *грам* постепенно стала огромной сельскохозяйственной корпорацией, имевшей земли по всей Керале²⁹.

Грамы могли сливаться и образовывать «единую деревню» (*ākagrāma*)³⁰, могли создаваться путем переселения. Так, в 1020 г. новое

²² Narayanan 1997, p. 90–91

²³ Ibn Battuta 1929, p. 231–232

²⁴ Rockhill 1915, p. 453

²⁵ Raju 1941, p. 12

²⁶ Narayanan 1997, p. 91

²⁷ Veluthat 1978, p. 31

²⁸ Narayanan 1997, p. 87

²⁹ Veluthat 1978, p. III

³⁰ Veluthat 1978, p. 32

селение образуют 24 брахмана, происходившие из 5-ти других *грам*. Причем материнские *грамы* расположены в центральной и южной Керале, а новое поселение образуется на севере³¹. В 1169 г. 10 брахманов из 8 разных селений образуют новую общину вокруг вновь построенного храма³². Весьма знаменательно, что керальские брахманы, сообщая о себе, упоминают не свою готру, как брахманы повсюду в Индии, а название своего прежнего селения³³.

Итак, в Керале нельзя разделить храмовую и брахманскую общину. Правда, отмечается некая разница между *деवासвамом* и *брахмасвамом* (собственническими комплексами храма и брахманов)³⁴, но в чем она заключается, не совсем понятно, поскольку совет брахманской общины — *уралар* или *сабхаяр* — представлял собой и коллективный орган управления храма. Он был сравнительно небольшим. Иногда коллектив брахманского селения считает нужным сообщить свою численность: «18 *наттаров*» (*patineṭṭu nàṭṭar*)³⁵, «16» (*patinaāṭumār*), «27» (*irupatteāṭṭvār*)³⁶. Как уже говорилось, храм в Тируванантапураме управлялся 8-ю *ураларами*³⁷.

В надписи примерно X века из Палгхата вопросы управления храмом решает собрание из 3000 лиц. Среди них как светские люди, так и жрецы, а также храмовые слуги³⁸. Возможно, что это некое «общее собрание» (*mula-paridai*), упоминаемое в другой надписи из противоположного конца Кералы, из Сучиндрама³⁹. Такое собрание формально могло считаться «высшим органом» храмового самоуправления, которому «подчинялся» узкий совет настоятелей. Велудат считает, что это общее собрание после X века исчезает и заменяется на систему из нескольких «комитетов» (*вариям*)⁴⁰.

Оперативной работой по управлению занимались отдельные назначенные советом лица, из числа самих *ураларов* или нанятые.

³¹ ARE, 477, 478 of 1926 (Veluthat 1978, p. 32)

³² TAS, I, p. 63, no. 24; V, p. 71

³³ ARE, 477, 478 of 1925 (TAS, IV, p. 22–65 no. 7; V, p. 65; Narayanan 1997, p. 91)

³⁴ Menon 1937, p. 65; Veluthat 1978, p. 92

³⁵ Нараянан считает, что имеются в виду не «жители 18 *наду*», а управляющий совет храма из 18 человек. В другой надписи те же 18 человек названы *сабхой* храма в Тируватрувай (Narayanan 1997, p. 90)

³⁶ Veluthat 1978, p. 55; Narayanan 1997, p. 87; Gurukkal 1997, p. 292

³⁷ Veluthat 1978, p. 79

³⁸ Nayar 1988, p. 760

³⁹ K. K. Pillai. The Sucin dram Temple. Madras, 1953. p. 143–150. Цит. по: Stein 1980, p. 161

⁴⁰ Veluthat ?

Не раз упоминается, что таких лиц должно быть двое. При основании нового храма 10-ю брахманами, пришедшими из разных мест в 1168 г., о чем уже говорилось, уточняется, что 10 *уралар* разбиты на 5 групп по 2 человека. Каждая пара управляет храмом в течение года. Затем ее сменяет другая пара⁴¹. Также два члена собрания управляют другим храмом в 1188 г.⁴² Может распоряжаться и один из *ураларов* единолично. Тогда он называется *самудаям*⁴³. Собрание могло выбрать себе председателя (*rakṣa-puruṣa*), который работал совместно с «главой храма» (*taēyāḍirimār*, или *taēyāḍēvāṣ*)⁴⁴.

Нанятый управляющий назывался обыкновенно *poduvāṭṭē*⁴⁵. Их могло быть несколько (*poduvāṭṭamar*). Они «опекали» храмовых арендаторов и собирали подаренные в пользу храма царские налоги (*rakṣabhoga*)⁴⁶.

Мог быть и специальный служащий, распределяющий землю для обработки и собирающий ренту. Его называли *pāḍamāṭṭē*. Интересно, что в одной из надписей эту должность запрещается занимать «тем, кто правит страной, и тем, кто действует по их поручению»⁴⁷.

Как и в других районах Южной Индии, не следует искать единообразия в формировании храмовых властей. В надписи XI в. из района Кочина совместное решение принимают два храма. При этом одним из них руководят *mōttar*(?), *iēaiyar*(?), *paradaiyār* («члены *паришада*») и «две семьи *подувалов*», а другим — *ōr*, *vāriyar* и один *подувал*⁴⁸.

Существовали определенные правила (*каччам*), по которым должна была строиться система взаимодействия собственно храмовых служащих и «наблюдательного» брахманского собрания⁴⁹. Каждый храм мог иметь свой *каччам*. Некоторые из них сохранились от XI и XII вв. Но большинство из них ссылается на некий «типовой» *кач-*

⁴¹ TAS, V, p. 73

⁴² TAS, IV, p. 42

⁴³ Menon 1937, p. 69–70

⁴⁴ EI, XVIII, p. 343, no. 40

⁴⁵ TAS, II, III, p. 154

⁴⁶ TAS, III, p. 188–189

⁴⁷ TAS, III, p. 168–169; Menon 1937, p. 69–70

⁴⁸ ARE, 359 of 1927

⁴⁹ *Каччамы* назывались также и санскритским словом *vyavastha* — решение, установление.

чам, принятый когда-то в Мужиккаламе. Он упоминается в надписях более 20 раз⁵⁰.

Сохранившиеся *каччамы* перечисляют некоторые обязанности *ураларов* и накладывают на них обязанности и запреты. Мы не можем утверждать, что положения, содержащиеся в одной надписи, имели широкое применение. Но вот что содержится в отдельных надписях. Например, что *уралары* должны ухаживать за изображениями богов, как за царями⁵¹. Они должны следить за тем, чтобы усадьбы, принадлежащие храму, не пустовали⁵². В сезон засухи и неурожая члены *сабхи* и *ура*⁵³ осматривают поля и устанавливают, какие из них пострадали от засухи. Такие поля облагаются по 1/5 обычной ставки, но остальные 4/5 раскладываются на остальные поля, не пострадавшие от засухи. Если же все земли селения не дали урожая, то *сабха* и *ур* должны доложить об этом *tuvāmi*, т. е. «свами» — то ли главному жрецу, то ли царю⁵⁴. Они наделены также правами отбирать землю у храмовых служащих за неуплату ренты⁵⁵ или за оскорбление жреца⁵⁶. Однажды арендатор был согнан с земли за то, что заплатил ренту не рисом, а *падди*. А молочник был подвергнут пыткам за то, что поставил некачественное молоко⁵⁷. Решением совета *ураланов* утверждались также размеры вознаграждения храмовым служащим, «от главного жреца до уборщика», как говорится в одной из грамот. Эту же грамоту можно понять так, что члены совета в качестве вознаграждения за свои труды получали ежедневно одну еду бесплатно⁵⁸.

Как и в других районах Индии, брахманские советы принимали деньги в депозит, обязываясь производить определенные траты в храме в счет процентов⁵⁹. Наиболее важным считалось снабжение храма маслом для неугасимых лампад в счет процентов с вложенного капитала. В одном случае это дело было организовано с размахом. Некие люди, видимо арендаторы или зависимые храма, были разбиты на 20 групп

⁵⁰ Nayar 1988, p. 763

⁵¹ Narayanan 1988, p. 127

⁵² TAS, IV, p. 42 (1188 г.)

⁵³ Здесь *сабха* и *ур* выступают как две разные организации. Но индийские историки все же не допускают, что в Керале это были советы разных каст.

⁵⁴ Aiyā 1906, p. 197; TAS, III, p. 59

⁵⁵ TAS, VI, no. 26

⁵⁶ TAS, VI, no. 25

⁵⁷ Nayar 1988, p. 764

⁵⁸ TAS, VI, I, p. 64; Veluthat 1978, p. 31–32 (1189); см. также ARE, 344 of 1924, p. 72

⁵⁹ TAS, III, p. 42 (Subramaniam 2009, p. 15)

(*paāgaram*), каждая из которых состояла из 18 «долей» (*paēgu*). Всего получалось 360 *пангу*, по числу дней в индийском «финансовом» году. Каждое *пангу* должно было поставлять масло один день в году. Если масло не поставлялось 18 дней (т. е. если *падагарам* не справлялась со своими обязанностями), она лишалась прав участия в службе (*ōōu*), в общем собрании (*kōōam*) и прав на землю (*pāōam*), и эти права переходили к другим группам⁶⁰. Смысл этих прав неясен, но это были социально значимые и материально выгодные права.

Но рамки деятельности *ураланов* четко оговаривались. Они не имели права передавать свои права и функции постороннему⁶¹, даже изменять число членов своего совета⁶². Однажды даритель заявляет, что условия его дарения не могут быть изменены, средства не могут быть употреблены на иные цели, даже если такое решение примет весь совет *ураланов*⁶³. Они не могли занимать усадьбы, принадлежавшие храму, и изменять условия, на которых то или иное дарение было сделано храму⁶⁴. Они не могут увольнять храмовых служащих⁶⁵. Их присутствие на храмовых праздниках было обязательным⁶⁶. *Уралан* обязан молиться только своему богу, богу данного селения. Если же он не исполняет «того, что положено совершать для богов» (*dāva-kārya*) в своем храме, а посещает иной, то его собственность переходит к этому храму⁶⁷.

Ураланы не могут отчуждать храмовую собственность, но могут сдавать ее в аренду⁶⁸. Но если *уралары* будут чинить трудности арендаторам храма, входить в их дома, отбирать землю незаконно, то они могут лишиться места в *стханам* (в храме), в совете и в судебном заседании. Их владельческие права также могут быть аннулированы⁶⁹. Более того, если их обвинят в том, что они вошли на территорию поселения арендаторов «и причинили то ли хорошее, то ли плохое», они «не должны ничего возражать», т. е. лишены даже права оправдываться⁷⁰.

⁶⁰ TAS, II, p. 147–148

⁶¹ Menon, 1937, p. 70

⁶² TAS, III, p. 195–196

⁶³ TAS, I, p. 89, no. 16

⁶⁴ TAS, IV, p. 42

⁶⁵ TAS, VI, p. 64, no. 52

⁶⁶ TAS, III, p. 195–196

⁶⁷ IA, XX, p. 286–292

⁶⁸ Menon 1937, p. 70

⁶⁹ TAS, III, p. 195–196

⁷⁰ TAS, III, p. 196

Иногда им запрещается самим брать храмовые земли в аренду или брать в долг средства из храмовой казны⁷¹. Ясно, что в данном случае подразумевается, что *уралан*, пользуясь своим авторитетом, может злоупотребить храмовой собственностью. В другой надписи об этом говорится более прямо: запрещается производить сделки с храмовой собственностью, преследуя собственную выгоду⁷².

Вообще любая задолженность считалась предосудительной. Если чиновники дадут займы *махаджанам* (тем же *ураланам*?), то они не смогут преследовать должника по суду, если тот не отдаст долг. Если жрец взял в долг, он считается грешником и не может совершать *пуджу*⁷³. Если храмовый слуга занимал деньги, он и его кредитор платили штраф в 100 *кажанджу*⁷⁴.

Одна из надписей запрещает *ураланам* содержать в качестве любовниц женщин храмовых арендаторов⁷⁵. Видимо, такая практика существовала. Это не просто свидетельство бытовой распушенности уважаемых людей. Дело гораздо серьезнее. Дело в том, что в семьях *намбудири* только старший сын женился в своей касте, остальным приходилось сожительствовать с женщинами из более низких каст.

Это, кстати говоря, приводило к постепенному сокращению численности *намбудири*, в том числе и численности *ураланов*, что способствовало сокращению управляющих советов, сосредоточению всей власти в руках двух-одного человека, возникновению индивидуальных крупных земельных латифундий.

Так что в данном случае речь идет не о защите нравственности, а о том, чтобы не обижались арендаторы.

За нарушение всех этих запретов полагались наказания — от штрафов до изгнания из общины.

Как и в других частях Индии, керальские храмы содержали значительное количество служащих и слуг. В совокупности они носили либо скромное наименование «служилые люди» (*paí i-makkaē*)⁷⁶, либо «служители, обладающие должностью» (*paí i-y-uāiyar-cāvaium*), либо просто «обладатели службы» — *paí i-y-uāiyar*⁷⁷. Среди них были жрецы

⁷¹ TAS, II, p. 34–37, no. 7–C

⁷² ARE, 1958/59, p. 18 (Raman 1972, p. 43)

⁷³ TAS, II, p. 175–176; III, p. 41; Nayar 1988, p. 763

⁷⁴ TAS, III, p. 39 (Appadorai 1936, p. 282–283)

⁷⁵ Veluthat 1978, p. 59

⁷⁶ TAS, I, p. 5–13

⁷⁷ TAS, V, p. 183

разных статусов; ученые брахманы; казначеи; писцы; помощники писцов; надсмотрщики (*kī yil-uāiyar*); музыканты (различавшиеся по инструменту, на котором они играли); изготовители гирлянд; храмовые танцовщицы (*девадаси*); люди, снабжавшие храм бананами; дровами; орехами арека; повара; сторожа; глашатаи; обрушивающие *падди*; наблюдающие за лампадами; очищающие место для танцев; тот, кто смешивает 5 продуктов коровы⁷⁸; моющие посуду; уборщики внутри храма и за его пределами; ремесленники⁷⁹.

Они оплачивались либо выдачами риса и других продуктов из казны храма, либо служебным участком земли. Велутдат считает, что натуральное и денежное довольствие называлось *дживитам*, а служебный участок земли — *virutti* (санскр. *вритти* — доля)⁸⁰. Иногда разъясняется, что участок дается на праве *каранмей*⁸¹. О значении этого термина говорилось выше, когда речь шла о Тамилнаду. Мы еще вернемся к вопросу об использовании этого термина в Керале.

Надо упомянуть еще об одном учреждении, нередко фигурирующем в храмовом «хозяйстве». Это *ghatika*, или *ūalai*. Велудат считает, что это синонимы, которые обозначали прихрамовую школу-интернат, в которой преподавали как ведические, так и воинские дисциплины. Студенты таких школ (*ūāṭṭar*, или просто *ūāṭṭa*) становились воинами, вооруженной милицией *грамы*⁸². В храме в Тирувалли их было не менее 175, в другом храме в 864/65 г. — 95⁸³. В грамотах приводятся некоторые правила поведения *шаттаров* и «расписание» их занятий. В частности, они решают, что делать с неплательщиками налогов *сабхе*. Кроме того, указан штраф за удары и нанесение увечий одним *шаттаром* другому.

Характер этого института неясен. Возможно, что он как-то связан с военно-административной организацией касты *наяров*, их «сотнями», о которых пойдет речь ниже.

⁷⁸ TAS, I, p. 5–13. «Пять продуктов коровы» (*панчагавья*) — молоко, простокваша, масло, моча и помет. Смесь этих субстанций при приеме внутрь очищает от грехов.

⁷⁹ TAS, II, p. 181–207; III, p. 56, 166; V, p. 173–179; Nayar 1988, p. 760–761; Veluthat 1978, p. 44–46

⁸⁰ Veluthat 1978, p. 46

⁸¹ TAS, IV, p. 150

⁸² Veluthat 1978, p. 5, 46

⁸³ TAS, I, p. 5–13

Храмовые земли, как правило, сдавались в долгосрочную или даже наследственную аренду⁸⁴. Это держание нередко называлось *каранмей*⁸⁵, но нет уверенности, что этот термин в Керале означал низовую собственность, как в Тамилнаду. Там земли на правах *каранмей* находились в руках полноправных общинников, главным образом из высокой касты *веллалов*, общинная организация на уровне деревни и округа служила гарантией того, что будут обеспечены основные собственные права — наследственность и отчуждаемость. В Керале, если храм получал верховную собственность, т. е. право на налоги с владельцев земли, то дарится не деревня, а держатели перечисляются поименно с указанием условий держания каждого⁸⁶. Земледельческая община не прослеживалась, держатели *каранмей* оказывались один на один с храмовой администрацией, т. е. с брахманским советом *ураларов*, который действовал достаточно решительно. Серия надписей из Хариппада, относящаяся к периоду после XII в., сообщает целый ряд случаев, когда храмовые арендаторы лишались земли: за необработку, за неуважительное отношение к жрецу. А некоторые сами убежали, будучи не в состоянии платить высокую ренту⁸⁷.

Задержка с уплатой ренты наказывалась двойным обложением, за неплатеж в третий срок арендатор лишался земли⁸⁸.

Примеры имущественных отношений храма с держателями его земель также на позволяют назвать права последних собственническими. Так, один из них платил храму 194 *калама* риса, оставляя себе лишь 29 *калам*⁸⁹.

В хозяйстве храма работали также рабы или сервы (*aäiyalàr*)⁹⁰. Довольно много надписей, говорящих о дарениях храму рабов с землей или без земли. Они называются либо по их кастовой принадлежности — *pulayar*⁹¹, *avavar*, *akkeyàr*⁹², *vaí í àr*⁹³, *tèyar*⁹⁴, — либо обобщенно

⁸⁴ TAS, II, p. 294–295

⁸⁵ TAS, V, p. 183

⁸⁶ Narayanan 1998, p. 30

⁸⁷ TAS, VI, nos 25–31

⁸⁸ TAS, III, p. 163, 217

⁸⁹ TAS, III, p. 187

⁹⁰ Narayanan 1988, p. 130

⁹¹ TAS, III, p. 170–171, 177

⁹² IA, III, p. 351; Logan 1887, p. CXVIII

⁹³ TAS, II, p. 69

⁹⁴ Ibid.

«неприближаемые» (*andilan*)⁹⁵, либо просто «люди» (*àlum*)⁹⁶. В 1168 г. при дарении храму деревни сказано, что к каждому участку прикреплены 1 мужчина и 1 женщина⁹⁷. С рабов не взимался подушный налог⁹⁸.

Дарят храмам также ремесленников и земледельцев по касте (*веллалов*)⁹⁹. В таких случаях сомнительно, что подаренных таким образом людей можно называть рабами. Степень их зависимости не раскрывается. Впрочем, составитель надписи периода Стхану Рави (IX в.) считает нужным пояснить, что подаренные *ижавары* могут приезжать со своими повозками на базар внутри храмовых стен и торговать. Прачечник тоже может приходить на базар и «заниматься своим делом», видимо, прилюдно стирать белье¹⁰⁰.

Степень автономности храмовых общин не ясна. С одной стороны, как мы видели, *ураланы* распоряжаются в храме как хозяева, подчиняющиеся только тем ограничениям, которые они сами на себя накладывают. Более того, есть основания утверждать, что брахманско-храмовые общины играли решающую роль в управлении государством. Совет представителей четырех главных храмов будто бы диктовал царю его решения. С другой стороны, люди царя почти всегда присутствуют при решении храмовых дел, видимо, не только в роли наблюдателей. Велудат подсчитал, что присутствие чиновников на собраниях *ураланов* отмечается в 55 надписях Поздних Чера¹⁰¹ (напомним, что всего их надписей известно 150). Иногда надпись прямо требует активного участия людей царя (*piëaiyàr*) в решении храмовых хозяйственных дел¹⁰². Храм уплачивал часть своих доходов в казну. Вместе с тем, влияние царских людей на храмовые дела также пытались ограничивать: им запрещалось арендовать храмовые земли, а также становиться *паттамаланами* (организаторами сдачи земли в аренду), очевидно, по той же причине, что и *ураланам*, — из опасения, что эти земли будут расхищаться¹⁰³.

⁹⁵ Logan 1887, p. CXIX (надпись IX в.)

⁹⁶ TAS, II, III, p. 154; III, p. 36–37

⁹⁷ TAS, V, p. 71

⁹⁸ TAS, II, p. 84

⁹⁹ IA, III, p. 351; TAS, II, p. 83; EI, IV, p. 296, no. 41

¹⁰⁰ TAS, II, p. 69

¹⁰¹ Veluthat 1978, p. 57

¹⁰² TAS, IV, p. 42

¹⁰³ TAS, II, p. 163; III, p. 168–169

Ясно то, что государь и совет *ураланов* делили сюзеренитет над храмами в определенной пропорции. Право царя называлось *mālkoima*, право *ураланов* — *óraiima*¹⁰⁴. В другой надписи права распределяются так: *koṽinmai* — у царя, у брахманской общины — *óranmai*, у землевладельцев на землях храма — *kàràĩ mai*¹⁰⁵.

После распада государства Поздних Чера корпоративный характер управления храмами сменился доминированием индивидуальных семей. Крупное брахманское землевладение (*джанм*), наблюдаемое в колониальные период¹⁰⁶, возникло, по мнению ряда исследователей, путем присвоения храмовых земель управляющими ими брахманами, путем превращения *деवासам* в *брахмасам*¹⁰⁷.

Виды собственности на землю

Как и в предыдущих частях работы, необходимо остановиться на проблеме прав собственности на землю, существовавших в изучаемом регионе, чтобы адекватно воспринимать дальнейший материал. В Керале также наблюдалось четкое различие двух прав на землю, верховного и низового, хотя и не было, насколько известно, социального слоя «крестьян»-общинников, которые в других регионах являлись основными носителями права подчиненной собственности.

Как и в Тамилнаду, право верховной собственности формулировалось как право на «долю царя» (*ràjabhogam*, *rakòabhî gam*) или на «верхнюю долю» (*màloāi*). Надпись на медной табличке, палеографически относимая к XIII в., не оставляет сомнения в том, что эти два термина понимались как синонимы¹⁰⁸. Это не названия конкретных налогов, а обобщающее понятие налогообложения. В надписи династии Ай в Южном Траванкуре в 864/65 г. верховная собственность носит наименование *màrpāāi* и *mèdāōci*¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Menon 1937, p. 65, 69

¹⁰⁵ Veluthat 1978, p. 61

¹⁰⁶ Подробнее см. Алаев 1964, с. 303–310

¹⁰⁷ Veluthat 1978, p. 92; Menon 1979, p. 76

¹⁰⁸ TAS, III, p. 20–21

¹⁰⁹ TAS, I, p. 10–11

Термин *aōipāāu* в Керале означал «собственность»¹¹⁰, но он применялся и к верховной собственности¹¹¹, и к подчиненной (*aōipēāu-kàràĩ mai*)¹¹².

Подчиненная собственность могла называться «правом на обработку» (*uāvoāāi*)¹¹³, «низшим правом» (*kēāū*), дающим право на «низший продукт» (*kēpāāi*)¹¹⁴. Храм мог получать целую деревню на подобном «низшем праве», обязуясь платить *ракшабхогам*¹¹⁵. Рента в пользу низового собственника называлась именно «выгодой собственника» (*svāmibhî ga*)¹¹⁶ или просто «выгодой» (*bhî gam*)¹¹⁷.

Употреблялся и знакомый нам термин *каранмей*. Как уже говорилось выше, низовая собственность в Керале могла быть необеспеченной владельческой общиной. Владелец права *каранмей*, противостоя авторитетной и могущественной храмово-брахманской общине, мог на практике иметь ограниченные права. Но право наследования и отчуждения за владельцами *каранмея* признавалось и, судя по некоторым намекам, они сами обычно не работали, либо сдавая земли в субаренду, либо привлекая труд сервов¹¹⁸.

Сам храм мог иметь земли в подчиненной собственности, и в этом случае она едва ли была ущербной. Интересно, что в IX в. торговые корпорации *анджуваннам* и *маниграмам* имели *каранмей* на город-порт Коллам¹¹⁹. Конкретно это выражалось, очевидно, в том, что эти две гильдии выплачивали в казну некую сумму в качестве налога, но зато получали свободу устанавливать ставки пошлин и акцизов внутри города. Примерно в то же время дочь *кижавана* (знатного человека местного значения) выходит за князя из династии Ай и получает в приданое несколько участков земли с правами *каранмей* и *мидатчи*¹²⁰.

¹¹⁰ TAS, III, p. 55–56; IV, p. 10–11

¹¹¹ TAS, II, III, p. 140

¹¹² TAS, III, p. 58–59

¹¹³ ARE, 463 of 1958/59

¹¹⁴ Alwaye 1979, p. 280. В данной надписи упоминаются также некие «промежуточные права» (*itaiyēāu*). Можно лишь догадываться, что керальская юридическая мысль изобрела еще одну ступеньку земельных прав. См. также TAS, I, p. 10–11

¹¹⁵ TAS, II, III, p. 146

¹¹⁶ SH, III, p. 236, no. 103

¹¹⁷ TAS, I, p. 6–12, no. 1

¹¹⁸ Veluthat 1978, p. 91

¹¹⁹ TAS, II, p. 85

¹²⁰ TAS, I, p. 17–18, no. 2

И в этом случае *каранмей* не может пониматься как простое право пользования. В XII в. жена Кодай Рави Черы передала храму в районе Кочина *ракшабхогам*, оставив себе лишь право *кижиду*¹²¹. И здесь ясно, что обладание «низшим» правом не умаляло знатности владельца.

В 866 г. князь из династии Ай даровал храму, во первых, деревню на праве *мидатчи* (*mēāāōci*), с которой храм будет получать *мерпади* (*māāpāāi*); во вторых, десять участков в полную собственность (с правами как *каранмей*, так и *мидатчи*); в-третьих, *мерпади* с некоего Теннатукона, который владеет из поколения в поколение садом а селении Килур на правах *каранмей*¹²².

Право *каранмей* могло передаваться по наследству и по женской линии¹²³. Дело в том, что в касте *наяров* и у ряда других общин практиковался счет родства по женской линии и человеку наследовал не сын, а племянник, сын сестры. Примерно в X в. местный магнат подарил храму несколько садов, но при этом оговорил, что право *каранмей* останется у его племянников, но из *мерпади* они будут оплачивать горение лампы. Если они задержат поставки масла, их нужно оштрафовать на двойное количество масла, но *каранмей* они сохраняют¹²⁴.

Храм нередко раздавал земли в *каранмей* под условием уплаты ренты в натуре¹²⁵. Но это была не обыкновенная аренда, а нечто более защищенное. Кроме владельцев *каранмея*, упоминаются и арендаторы (*pāāamāēar*)¹²⁶.

«Право на обработку», упомянутое выше, возможно, отличалось от низовой собственности в сторону меньшей обеспеченности. Но и оно оказывалось предметом отчуждения. Его можно было и приходилось выкупать, если предполагалось землю кому-то подарить¹²⁷.

Низовая собственность, по определению, обязана выплатой налога. В Керале эта обязанность, судя по некоторым выражениям в надписях, оказывалась более жесткой, чем в других районах. В одной из надписей говорится, что держатели храмовой земли, имеющие право *каранмей*, должны снабжать храм оговоренными продуктами неукоснительно. Если они задержат уплату на день или три, то заплатят в двой-

¹²¹ ARE, 362 of 1927

¹²² TAS, I, p. 6–12, no. 1

¹²³ TAS, IV, p. 150 (1364 г.)

¹²⁴ TAS, III, p. 46; см. также II, III, p. 140

¹²⁵ TAS, II, p. 293–294; IV, p. 16

¹²⁶ TAS, II, p. 23; IV, p. 68 (1209 г.)

¹²⁷ ARE, 463 of 1958/59

ном размере. Если же задержка будет превышать 10 дней, то, помимо уплаты в двойном размере, они будут подвергнуты более суровому наказанию¹²⁸.

В другой надписи прямо указывается, что в случае накопления недоимок в течение одного года право *каранмей* ликвидируются¹²⁹.

С другой стороны, некоторые надписи пытаются защитить владельцев низового права собственности от вмешательства более высоких по положению землевладельцев. Например, *ураламам* и *идайида-рам* (обладателям «промежуточного» между верховной и подчиненной правом собственности — *iāaiyēāu*) запрещается входить на земли, находящиеся на праве *kēāu*, сгонять владельцев с земли и требовать с них дополнительные денежные сборы¹³⁰.

Одна из надписей, к сожалению, не датированная, может быть интерпретирована как свидетельство отсутствия низовой собственности. В ней неких «распорядителей земель» (*annilamatikāri*) обязуют заселить указанные земли некими людьми (*kuñi*) которые будут платить *kaāmai*¹³¹. *Кадамей*, как мы знаем, это «налог вообще». Его обычно платят полноправные общинники, обладатели подчиненной собственности. Но *куди* — это чаще всего арендаторы, сидящие под общинниками. У них тоже есть некоторые права на землю, но довольно слабые. В данном случае наличие промежуточного слоя землевладельцев не предусматривается.

Материальное соотношение ренты и налога, конечно, установить невозможно. Во-первых, потому что просто обычно нет данных о величине того и другого, а во-вторых, потому, что это соотношение не было единообразным, зависело от многих факторов. Но однажды встречается намек на то, что рента и налог были примерно сопоставимы. Некий «господин *наду*» (*nāāuāaiya*) даровал храму землю и расписал, на что надо тратить как налог (*māāpāāi*), так и «другую половину»¹³². Конечно, из этого нельзя делать вывод, что налог был абсолютно равен ренте.

За пределами изучаемого периода (1494 г.) низовая собственность, как и в Тамилнаду, начинает называться *kāi iyāōci*. В этой надписи сообщается, что Джатаварман Трибхувана-чакраварти Перумал

¹²⁸ TAS, II, III, p. 136–137

¹²⁹ TAS, III, p. 177

¹³⁰ TAS, IV, p. 10–11

¹³¹ TAS, V, p. 146

¹³² TAS, III, p. 168

Кулашекхарадева (видимо, довольно крупный князь; мне не удалось найти его династийную принадлежность) купил участок земли в 1½ ма за 550 панамов, и передал его на правах *каниятчи* ученому брахману для владения им из поколения в поколение¹³³.

В средневековой Керале существовала категория земельных владений, совершенно выбивающаяся из схемы двух видов собственности на землю. Это так называемые *sanketām*. Это были территории, полностью исключенные из государственной юрисдикции. Туда не имели права входить государственные служащие, они служили убежищами для совершивших проступки или бежавших из других мест по иным причинам. *Санкетамы*, принадлежавшие первоначальным 32 брахманским поселениям (*грамм*) назывались *grāmasanketām*; возникшие позже при храмах, вокруг которых формировались новые брахманские поселения — *kōetrasanketām*¹³⁴.

Но сведений о них в надписях почти нет.

Есть еще один загадочный институт, неизвестно как вписывающийся в систему земельных прав и отношений, это *cārikkāḍ*. Это некий участок земли, который может находиться в собственности царя, отдельных его чиновников (*āikārar*)¹³⁵, местного магната¹³⁶. Нараянан понимает этот термин как обычную деревню, не имеющую общинного совета¹³⁷.

Торговые гильдии и межрегиональные корпорации

Деревенские земледельческие общины в средневековой Керале не прослеживаются. Окружные общины (*наду*), возможно, имели общинный характер, но были тесно связаны со структурой касты *наяров* и составляли часть потестарной системы, о которой пойдет речь ниже. Общинно-корпоративными структурами, игравшими существенную роль в Керале, были купеческие объединения.

Городские общины (*нагарам*) имелись в Керале, но их было немного. Как и в Тамилнаду, они имели общинные земли, которые

могли сдавать в аренду¹³⁸ или отдавать в *аттинеру-каранмей*¹³⁹, устанавливали размеры акцизов на базарах своих городов¹⁴⁰. Но все же и *нагарам* не нашли широкого отражения в надписях.

Велика и в некоторой степени загадочна роль торговых ассоциаций. Гильдия *аяволе*, столь широко представленная в Тамилнаду и в Карнатаке и явно присутствовавшая в Андхре, практически неизвестна в Керале. Существует лишь одна надпись этой корпорации. Она не опубликована, относится к XII в., хранится в Кожикод (Каликуте). Ее видела Абрахам, хотя она не сообщает подробностей ее содержания¹⁴¹. Встречаются также отдельные надписи «500 из тысячи направлений и 18 стран», которые тоже, скорее всего, относятся к *аяволе*¹⁴².

В одной из надписей из Кочина объектом дара со стороны *урар* (руководителей храмово-брахманской общины) выступают торговцы «вообще». Они получают от *урар* землю для устройства рынка (*pēṭigai*) и иммунитет от вмешательства этих *урар*. Право торговли на территории этого *пидигей* предоставлено «всем». Торговцы освобождены от ряда налогов. Двое из них принадлежат к общине *маниграмм*. К ним явно иное отношение. Они освобождены от ряда сборов, которым подвержены другие торговцы¹⁴³.

Некую особую роль играли в Керале две корпорации, почему-то тесно связанные друг с другом: *маниграмм* и *анджуваннам*. Когда были обнаружены первые грамоты, предоставляющие этим общинам серьезные привилегии, на основании некоторых данных было принято считать, что первая из них являлась объединением сирийских христиан, а вторая — евреев Кочина. Встречающиеся в этих грамотах имена похожи на христианские и еврейские. Соответственно, эти грамоты — от 5 года правления Стхану Рави (IX в.) и времени Виравгхавы (1320 г.) были переданы сирийской церкви и еврейской общине.

Маниграмм нам уже встречалась на материалах Тамилнаду. Но она имела, конечно, малаялийское происхождение. Ее надписи встречаются по Южной Индии, а также в Таиланде¹⁴⁴. Встречаются и инди-

¹³³ TAS, XV, p. 266

¹³⁴ Veluthat, 1978, p. 10, 91; Menon 1937, p. 71, 86, 87

¹³⁵ TAS, III, p. 33; Pillai 1943, p. 41 (1196 г.)

¹³⁶ EI, XVI, p. 332–345, no. 27 (1020/21 г.)

¹³⁷ Narayanan 1998, p. 33

¹³⁸ Pillai 1930, p. 309 (1273 г.)

¹³⁹ TAS, III, p. 58–59

¹⁴⁰ TAS, II, p. 84

¹⁴¹ Abraham 1982, p. 4

¹⁴² ARE, 402 of 1939/40. 1939/43

¹⁴³ ARE, 358, 359 of 1927 (IA, LVIII, p. 159)

¹⁴⁴ ARE 597 of 1904 (SII, XIII, p. 26); 519 of 1905 (SII, XIII, p. 28); 474 of 1926; Appadorai 1936, p. 399

видуальные дарения членов *маниграм*, которые имеют вполне индийские, а не христианские имена, например, Дхарма-*четти*¹⁴⁵ или Саттан Вадуган и Ирави Саттан¹⁴⁶. Уже в новое время некоторые семьи из касты *наяров* носили «фамилии» *Maí igràmmakkàrar*, что указывает, что они некогда входили в эту корпорацию¹⁴⁷. Можно предполагать, что это была именно добровольная корпорация, куда вступали люди разных каст и конфессий.

Другая корпорация, *анджуваннам*, видимо, включала в свой состав и евреев, но тоже нет оснований считать, что это единая конфессиональная общность. Само название (*añjuvai íam*), которое можно понять как «пять общин (каст)», никоим образом не указывает на конфессиональную принадлежность. И главное, как уже упоминалось, эти две общины, как правило, идут «в связке»: привилегии предоставляются им вместе. Й. Суббараялу пришел к выводу, что *анджуваннам* представляла собой объединение иностранных купцов — евреев, христиан и мусульман, приехавших на Западное побережье в разное время¹⁴⁸.

В грамоте Стхану Равви *маниграм* и *анджуваннам*, во-первых, поручается (вместе с рядом других общностей) опекать дарение нескольких семей жителям города Тарусапалли; во-вторых, они «должны делать все согласно грамоте» для храма и его земель «пока существуют луна и солнце»; в-третьих, они получают права *каранмей* на пустующие земли храма и могут получать *patippadavàram* («долю хозяина»), отдавая *kīppadavàram* («долю господина») ¹⁴⁹. Если будет совершено какое-либо беззаконие в отношении них, они имеют право отвечать на это прекращением торговли и уплаты пошлин, пока не придут к соглашению (с обидчиками). Если же они сами совершат «ошибки», то эти казусы разбираются только внутри общин. Более того, им дается вообще полный карт-бланш на решения в отношении города Коллам: «Какие бы установления эти две общины, *маниграм* и *анджуваннам*, которые имеют *каранмей* на этот город, ни принимали, эти решения должны считаться правильными»¹⁵⁰.

¹⁴⁵ ARE, 439 of 1917. 1918 (SII, XIX, p. 417) (928 г.)

¹⁴⁶ ARE, 358 of 1927 (XI в.)

¹⁴⁷ ARE. 1927, p. 94

¹⁴⁸ Subbarayalu 2009

¹⁴⁹ Неясно, кому они должны платить — храму или в царскую казну. Употребленное здесь слово *kīyēl* означает и «храм» и «дворец».

¹⁵⁰ TAS, II, p. 69–70, 83–85 (Logan, 1887, p. CXX; Appadorai, 1936, p. 401–402; Abraham 1988, p. 33–34)

Надпись Бхаскары Равивармана I, относящаяся примерно к 1000 г., предоставляет феодальные привилегии Исуппу Ираппану, т. е. Иосифу Раббану, который выступает как глава *анджуваннам*. Он и его семья (дети, племянники, зятья) освобождаются от всех налогов. Кроме того, он получает право на употребление лампы в дневное время, на хождение по ковру, на пользование паланкином, зонтиком, телужским барабаном (?) и большой трубой. Он имеет право соорудить у своего дома ворота с аркой, украсить ее гирляндами и воссесть под балдахином¹⁵¹.

Наконец, надпись Виры Рагхавы от 1320 г. утверждает за неким Ирави Корттаном титул *маниграм* и, в связи с этим, дарует право носить праздничную одежду; ступать по ковру; иметь дом с колоннами и входной аркой; право на объявление (о его появлении); на то, чтобы впереди его шли люди (об этом появлении и извещающие); право иметь пять музыкальных инструментов, раковину, право жечь лампу в дневное время; иметь зонтик, телужский барабан. Он получает в качестве рабов сколько-то «маслоделов и пять групп ремесленников» (*vāi iyarum ain-kammāṇeyum āima kuāuttom*). Он получает монополию на торговлю в четырех селениях и право на пошлины со всех товаров на более обширной территории. Он же объявляется «правителем города» (*nagarattukku kartāvāya*)¹⁵².

М. Г. С. Нараянан считает особенностью Кералы то, что гильдии там «были тесно ассоциированы с системой администрации и судопроизводства»¹⁵³.

Наду — общины *наяров*

Итак, в период Поздних Черов храмово-брахманские общины даже формально ограничивали власть царя. Их богатство и духовный авторитет подкреплялись воинскими соединениями, о которых, правда, мало что известно. В «Кералолпатти» говорится, что Парашурама, освободив землю Кералы от моря и отдав ее брахманам, выдал оружие (*ūastrabhikṣa*) 32 тысячам из них, происходившим из 10 различных селений и принадлежавших к 14 готрам. Им не надо было изучать веды. Их стали называть *ardhabrahmana* («полубрахманами»), или *ūastra-*

¹⁵¹ EI, III, p. 66–69, no. 11

¹⁵² EI, IV, p. 290–297, no. 41 (Logan 1887, p. CXVII); см. также EI, VI, p. 83–84, no. 7

¹⁵³ Narayanan 1989, p. 8

brahmana («вооруженными брахманами»). Они должны были отстаивать интересы *намбудури* силой¹⁵⁴.

При описании некоторых брахманских *грама* в «Кералотпатти» указывается, какой контингент милиции выставляет каждое селение. Так, Парувур выставляет 5000 воинов, Челлур — 3000, Панаюр — 4000¹⁵⁵. Велудат утверждает, что эти воины проходили обучение и подготовку в специальных школах (*шалай*) и назывались *шаттар* или *шаттирар*¹⁵⁶.

В надписях встречаются совсем иные «сотни» и «тысячи», как будто бы, не связанные с брахманскими поселениями, а представляющие собой ополчения воинской касты *наяров* в пределах того или иного округа (*наду*). Известны «500 (*ainnuââuvâr*) из Пурайкиланаду», «700 (*eaunôââuvâr*) из Курумпарайнаду», «300 (*muççuââuvâr*) из Нандрулайнаду». По «600» (*aâunuââuvâr*) имели Рамаваланаду, Валлуванаду, Кижмалайнаду и Венаду¹⁵⁷. Они в основном выступают как свидетели тех или иных даров¹⁵⁸, но могут также совершать дарения¹⁵⁹, возмещать недопоставки продуктов в храм¹⁶⁰ и участвовать в их распределении¹⁶¹. Правда, все это они делают не самостоятельно, а в содружестве с *ураларами*, служащими храма, иногда с купеческой общиной и т. п.

«Сотни» эти не изолированы одна от другой. В XI в. заседает совет из представителей «600» и «300»¹⁶². Одна из надписей позволяет предполагать, что выражение «300 из Нандрулайнаду» реально обозначает только трех человек¹⁶³.

Первоначально, когда начали изучать надписи из Кералы, эти «сотни» восприняли как народные собрания, большие сельские общины¹⁶⁴. М. Г. С. Нараянан и К. Велудат считают, что они доказали,

¹⁵⁴ TAS, II, p. 131–207; Veluthat 1978, p. 106

¹⁵⁵ Veluthat 1978, p. 16, 24, 27

¹⁵⁶ Veluthat 1978, p. 16

¹⁵⁷ TAS, II, p. 22, 24–25, 60–65, 192; III, p. 36, 188–189; V, p. 31–32, 40–46, 172–176, 178–180, 181–183; Narayanan 1983, p. 114

¹⁵⁸ IA, XX, p. 286–292; TAS, III, p. 33; V, p. 183

¹⁵⁹ ARE, 360, 362 of 1927

¹⁶⁰ TAS, II, p. 23; III, p. 33–37; IA, XX, p. 286–292

¹⁶¹ Logan 1887, II, p. CXXII–CXXIII; EI, XVI, p. 337–339, no. 26; p. 339–345, no. 27

¹⁶² ARE, 282 of 1958/59

¹⁶³ TAS, V, p. 34, no. 10 (Narayanan 1983, p. 115)

¹⁶⁴ Logan 1887, I, p. 131–132; II, p. CXXII; TAS, II, p. 75; IA, XXIV, p. 284–285

что это были феодальные ополчения отдельных вассалов¹⁶⁵. Они считают, что окружные вожди (*надуважи*) имели отряды по несколько сотен бойцов, а царь — «тысячу» (*âyirâm*)¹⁶⁶. Но в надписях встречается «тысяча» и не в столице, а в Аваттипуттуре¹⁶⁷, и даже «сорок тысяч» (*nââpatteî î âyiruvâr*) как юридическое лицо¹⁶⁸. Так что стройной картины вассальных отношений не получается.

Но определенные основания считать, что «сотни» — это феодальные ополчения (конечно, числа не следует принимать «по номиналу»), все же имеются. Иногда ясно, что «сотни» «принадлежат» правителям *наду*¹⁶⁹, являются их «тенью» (*niâl*), причем «тень» отличается от «слуг» (*paî iyum*)¹⁷⁰. Им поручается «защита» (*kâval, rakôa*) торговых центров, храмов и т. п., а также индивидуальных поместий (*cârikkaë*)¹⁷¹.

Каста *наяров*, конечно, в то время существовала, и, скорее всего, на них держалась политическая структура, но кроме упоминаний о роли «сотен», прямых свидетельств этого нет. Есть данные о вельможах, которых сопровождала свита («тень»)¹⁷², о местных магнатах, получающих от царя знаки княжеского достоинства («трон», опахало, паланкин, «большой дом», горн, право содержать большую армию слонов и т. п.)¹⁷³. Понятие «обладатели большого дома» (*mââambimâr*) стало термином для обозначения этих магнатов¹⁷⁴.

Однако увязать все это в единую картину феодального устройства общества не удастся. Деревенские общины *наяров* (*tara*) и фискальные «деревни» (*deâam*) появляются лишь в позднее средневековье¹⁷⁵.

Естественно видеть вождей ополчений *наду* в лице *надуважи*¹⁷⁶. Обладатели этого титула нередко участвуют в заседаниях *ураларов*, совместно решают вопросы, хотя и не говорится, что они главенствуют или председательствуют на этих советах. В то же время есть намеки

¹⁶⁵ Narayanan 1973; Veluthat, p. 9

¹⁶⁶ TAS, V, p. 45; Narayanan 1973, p. 78, 82

¹⁶⁷ ARE, 362 of 1927

¹⁶⁸ ARE, 238 of 1959/60; 241 of 1960/61

¹⁶⁹ Logan 1887, II, p. XCCII–CXXIII

¹⁷⁰ EI, XVI, p. 343, no. 27; IA, XX, p. 285–290; TAS, V, p. 63–86

¹⁷¹ TAS, II, p. 81; Narayanan 1973, p. 78, 82; Narayanan 1983

¹⁷² IA, XX, p. 286–292

¹⁷³ SII, III, p. 221, no. 89

¹⁷⁴ TAS, V, p. 66

¹⁷⁵ Narayanan 1988, p. 89. Подробнее см.: Алаев 1964, с. 291–296

¹⁷⁶ Видимо, синоним этого титула — *nââ-uâiya* (TAS, II, p. 146, 153)

на то, что *уралары* и *надуважи* находились в состоянии противостояния. Скажем, знатные люди местности просят *ураларов* защитить их от гнета князя и его вассалов¹⁷⁷. Нараянан вообще считает, что *уралары* являлись союзниками правителя, Перумала, в борьбе с *надуважи*, которые грозили как единству государства, так и привилегиям брахманов¹⁷⁸. Последний правитель династии Поздних Чера вводит даже специальный обряд покаяния (*праясчитта*) за оскорбление брахмана.¹⁷⁹

Иногда в качестве юридического лица выступает *наду*, как будто бы коллектив окружной общины. Например, в 864/65 г. опека над дарением поручается жителям нескольких *наду*¹⁸⁰. В 1099 г. дарение осуществляет «*наду*»¹⁸¹. Однако, таких случаев крайне мало. Приходится согласиться с Нараянаном и Велудатом в том, что *наду* представляло собой не общину, а политическое образование под водительством *надуважи*, которое находилось в положении своевольного вассала центральной власти. Логично предполагать, что «трехсотки», «пятисотки» и т. п., о которых говорилось выше, составляли воинские отряды феодальных баронов, которые, впрочем, действовали также и как коллектив, имеющий свои материальные и духовные интересы.

Царь и его аппарат

Правитель династии Чера был ограничен в своей власти могущественными брахманскими общинами и окружными вождями (*надуважи*), опиравшимися на свои «сотни» вооруженных *наяров*¹⁸². Но все же государственный строй оставался монархическим. Какого же рода власть сохранялась у Перумала? Нараянан признает, что исследования керальского средневекового административного аппарата еще не проведено. Но его впечатление таково, что у Поздних Чера не было чиновников кроме военных командиров и личных представителей¹⁸³. Упоминаются *пада-наяр* — военачальник, *ал-койил*, *койил*—

¹⁷⁷ Narayanan 1988, p. 130

¹⁷⁸ Narayanan 1988, p. 130

¹⁷⁹ TAS, V, p. 40–46, no. 13

¹⁸⁰ TAS, I, p. 6

¹⁸¹ TAS, I, p. 23, no. 3

¹⁸² Raja 1966, p. VII–VIII

¹⁸³ Narayanan 1988, p. 133; Narayanan 1989, p. 7

адикаригал — дворецкий, и этим ограничивается перечень должностей при Перумале¹⁸⁴.

По-видимому, Керала имела наиболее феодальную структуру из всех других областей Индии. Бюрократический аппарат прослеживается в наименьшей степени. Царь вынужден был быть «первым среди равных» своих вассалов, которые возглавляли *наярские* ополчения в различных *наду*.

Налоги

Как и везде в тот период индийской истории, мы узнаем о налогообложении либо из общих терминов для налогов вообще, либо из наименований разного рода сборов, оценить значение которых мы не можем.

Выше говорилось, что употреблялся обобщающий термин *ракшабхога* для обозначения налогообложения вообще¹⁸⁵. В таком же смысле употреблялся термин *āṇikkī*¹⁸⁶. В таком же значении употреблялся уже знакомый нам термин *кадамей*. Налог обычно выражался в определенном количестве мер объема (*paṇai*) зерна с меры земли¹⁸⁷. В отсутствие данных об урожайности и о размере *нарей* оценить тяжесть налогообложения в данном случае невозможно.

При перечислении участков, выделенных храму, указывается либо доля урожая, взимаемого в пользу храма (1/4, 1/3, 2/5 или 1/2), видимо, равная размеру налога, взимавшегося прежде в казну, либо «посевная вместимость» участка без указания на размер дохода с него¹⁸⁸.

Мелкие налоги, названия которых мы знаем, не дают возможности понять налоговую систему¹⁸⁹.

При неурожае налоги снижались до 1/5 их максимального размера, но недоимки раскладывались на земли, не пострадавшие от засухи и наводнения, и в любом случае должны были быть возмещены с урожая следующего года. Правда, при этом не взимались

¹⁸⁴ Logan 1887 II, p. CXVIII (I.A. III, p. 351); Narayanan 1988, p. 129

¹⁸⁵ TAS, III, p. 188–189; V, p. 65 (1168 г.)

¹⁸⁶ TAS, II, p. 44–45; V, p. 37–40; p. 176–178, no. 56

¹⁸⁷ TAS, III, p. 57 (1234 г.). Интересно, что мера площади при этом не упоминается. Она подразумевается.

¹⁸⁸ TAS, IV, p. 30–40. «Посевной вместимостью» я называю количество зерна, которое требуется для засева некоего участка. Так измеряли площадь в Карна-таке и в Керале.

¹⁸⁹ TAS, IV, p. 66–67; см. также Aiyar 1906, p. 192–198

проценты за отсрочку платежа¹⁹⁰. Упоминается некая фискальная бухгалтерия: при уплате налога должна выдаваться расписка, а при неуплате — составляться протокол о размере недоимок¹⁹¹.

Состояние системы права

Стало общим местом утверждение, что в Индии большое значение в отправлении правосудия играли местные советы — *панчаяты*. Мы отмечали и в других частях этой работы, что единого свода законов и единой системы судов в том или ином государстве не было, и государство не считало себя монополистом в наложении наказаний.

В Керале эта ситуация была наиболее выраженной. Многие храмово-брахманские общины (может быть, все) принимали свои «кодексы», которые здесь именовали *каччам*. Они утверждались на собрании соответствующего селения и фиксировались как решение (*вьявастхай*) общего собрания¹⁹².

Содержание одного из *каччамов* ясно из грамоты времени Стхану Рави (IX в.). Только *pañciyāl* (люди храма) имеют право наказывать преступников на этой земле, налагать штрафы, назначать «цену головы» (*talai-vilai*) и «цену груди» (*mulai-vilai*)¹⁹³. От своего имени и от имени своих родственников (в том числе наследников) Стхану Рави отказывается от права «говорить как глава земли со своими подданными» и налагать на них штрафы. Если какая-либо несправедливость совершена по отношению к «600», *анджуваннам*, *маниграмам* или жителям, они сами пусть взимают штрафы и получают компенсацию за причиненный ущерб. Люди храма, в частности, имеют право расследования в отношении лиц, приходящих на базар в пределах селения. Если же кто-то из них совершит преступление, пусть они сами его и расследуют¹⁹⁴.

В *каччаме* XIII в. устанавливаются конкретные штрафы за проступки и преступления. Если шудра нацелит стрелу в брахмана, он штрафуется на 12 *канам*. Если шудра оскорбит другого шудру, то платит

6 *кажанджу*. Если шудра убьет шудру, то платит 12 *кажанджу*. Суммы штрафов шли в храмовую казну¹⁹⁵.

Сохранившиеся решения *сабхи* по поводу тех или иных проступков отличаются суровостью. Собственность человека, обвиненного в растрате, конфискуется¹⁹⁶.

Р. Гуруккал при этом утверждает, что акты наказаний с применением силы производились местной «королевской» милицией, а не общиной¹⁹⁷. Совершенно непонятно, на каком основании сделано данное заключение. Догадываюсь, что оно продиктовано убежденностью автора в том, что, во-первых, индийское государство было таким же, как и любое другое, а во-вторых, что общины, проникнутые гуманностью, не могли взять на себя подобную задачу.

* * *

Возможно, что бросающаяся в глаза особенность общественно-политического строя Кералы объясняется спецификой сохранившихся источников. Роль брахманов и их храмовых общин в восприятии историков явно преувеличена. Определенно недостаточно известно о структуре касты *наяров*, а, следовательно, и о военно-политическом каркасе общества. Но если бы мы знали больше о «сотнях», контролировавших *наду*, то специфика Кералы, возможно, стала бы еще более заметна. И вместе с тем, малаяяли строили свое общество по неким общеиндийским стандартам, так что для его понимания вполне пригодны инструменты, применимые и в других регионах: касты, общины, взаимодействие всех со всеми, слабость политической власти.

¹⁹⁰ TAS, III, p. 57 (1234 г.)

¹⁹¹ TAS, III, p. 59 (1236 г.)

¹⁹² ARE, 98 of 1947/48

¹⁹³ Т. е. виру за убийство или нанесение телесного повреждения

¹⁹⁴ Logan 1887, II. p. CXX (TAS, II, p. 70, 83)

¹⁹⁵ TAS, III, p. 196, no. 12 (Subramaniam 2009, p. 12)

¹⁹⁶ TAS, V, p. 172–176, no. 55

¹⁹⁷ Gurukkal 1979, p. 153

Заклучение

Контуры социально-политического строя четырех регионов Южной Индии обнаруживают значительную общность. Основные параметры выглядят одинаково: некое изначальное непривилегированное землевладение доминирующих каст (кланов), рост брахманских поселений, а затем и храмов как землевладельцев и локальных общин, распространение и расширение общин всякого рода — как территориальных, так и профессиональных. Рост их значения и их выход на политический уровень. Везде «государство» на протяжении изучаемых веков оставалось весьма аморфным связующим звеном для действующих на соответствующих территориях общин, корпораций, гильдий и, возможно, каст. Тем не менее, совершенно очевидно, что это государство реально существовало и осуществляло свою власть над территориями, на которые оно претендовало. Разницу между степенью реального контроля царского двора на «домениальных» землях данной династии и на периферии этих земель вряд ли кто-либо сейчас станет оспаривать. В этом смысле термин «сегментное государство», предложенный Б. Стайном, уже прочно вошёл в обиход историков Индии. Прижился и термин «ритуальный сюзеренитет». Это выражение не означает, что государство строилось на религиозной основе, или что отношения центральной власти и ее младших союзников (вассалов) сводились к духовным, нематериальным контактам. Военное превосходство центра всегда играло главную роль. Если оно уменьшалось, вся структура «ритуального сюзеренитета» разрушалась. «Ритуальное подчинение» не было **источником** власти, а лишь ее **следствием**.

Изучение средневекового индийского социально-политического строя достигло за последние годы определенных успехов. В частности, в значительной степени преодолена модель традиционной индийской замкнутой общины, которая якобы живет своей растительной жизнью, не обращая внимания на изменения в политической сфере. Как выразился Дэвид Ладден, «изобретенная» в начале колониального периода

«традиционная индийская деревня» стала «артефактом интеллектуального прошлого»¹.

Но дальше начинаются разногласия. Считать ли раннесредневековое южноиндийское государство недостаточно централизованным, и в этом смысле просто незрелым, или же вполне «классическим», но «феодальным» и потому «феодально-раздробленным»? Или же это особый тип, который требует специального определения?

Концепция «сегментного государства» не вполне удовлетворяет многих, поскольку она связана с рядом дефиниций, к индийским средневековым реалиям мало подходящим.

Она исходит, например, из допущения значительной изолированности «сегментов» друг от друга, слабого развития социальных связей между ними, а также локальности производства и потребления основных материальных благ. Б. Стайн утверждает, что средства потреблялись в основном внутри соответствующих сегментов, что означает как отсутствие налоговой системы, так и слабое развитие товарных связей. Но это не очевидно даже для самых ранних южноиндийских государств.

Еще одно «неработающее» в индийских условиях положение концепции: представление о пирамидальной структуре «сегментного» государства, якобы составленного из одинаковых по характеру пирамидок разного размера, «вложенных» одна в другую. Но во всех рассмотренных регионах характер власти в центре и на местах разительно различается. В центре это автократия, монархия, на уровне же округов и областей — коллегиальное руководство. «Вертикаль» власти просматривается с трудом, источники рассказывают о нескольких «вертикалях» и о множестве **горизонтальных** связей. Различного характера общины и ассоциации перекрещиваются, составляя социальную ткань, сущностно независимую от какой бы то ни было «государственной политики».

«Мы не видим, — пишет Инден, — политику, состоящую из удаленного [от жителей] репрессивного государства, с одной стороны, и естественно возникшего “общества” изолированных, ориентированных вовнутрь деревень, организованных в самовоспроизводящиеся касты, — с другой». Сельские и городские общины перекрывали в своей деятельности друг друга, а также действия аппарата. Они не были исключены из индийской политики, а активно в ней участвовали. «И этим своим участием они частично формировали ее».

¹ Ludden 2002, p. 238

Не существовало противоречия между подданством и гражданством. Жители одновременно выступали и как подданные, и как граждане².

Южноиндийские государства изучаемого периода не имели монополии на осуществление правосудия и применение насилия. Даже Т. В. Махалингам, отстаивающий традиционную концепцию централизованного государства, признает, что оно «передавало на местный уровень» «администрацию правосудия» и «содержание [земельно-налоговой] документации»³. Мы видели также, что свои вооруженные силы имели все общины и корпорации страны, а наличие имперской армии хотя и подразумевается, но очень слабо проявляется. А это значит, что государство не выполняло некоторые основные функции, которые считаются его неперенным атрибутом. Даже по индийским традиционным представлениям царь получает свою долю произведенного продукта (1/6 или больше) как плату за защиту подданных от внешних и внутренних врагов. Выше приведено много данных о том, что южноиндийские цари не выполняли эту обязанность.

Что касается факта передачи «на места» обязанности ведения налоговой документации, то этот факт подрывает вообще представление о тогдашнем государстве как связующем звене между разнообразными общинами.

Начиная работу, я долгое время действовал в рамках идеи о противостоянии общины и государства. Тем более, что такова направленность практически всех работ моих коллег по изучению средневековой Южной Индии. Они продолжают выяснять, как именно государственный аппарат взрывал автономность общин, подчинял их себе. Этот процесс, наверное, происходил, как показывает материал последующих периодов. Но сочетание и переплетение общинных и потестарных институтов и функций продолжалось много веков, порядка тысячелетия, и все это время существовал, функционировал особый, уникальный общинно-политический строй, который достоин изучения сам по себе, а не только с точки зрения его распада.

Общинность в моем понимании не связана с первобытностью, или примордиальностью. Нет никаких оснований утверждать, что деревенские или окружные коллективы, не говоря уже о гильдиях и ассоциациях, унаследованы от гипотетической первобытной общины. Они формируются во вполне историческое время под влиянием разного

² Inden 1990, p. 219–224

³ Mahalingam 1967, p. 371, 513

рода факторов, удовлетворяя возникающие потребности развивающегося общества.

Организации, охватывавшие территории в сотни квадратных километров и тысячи человек, с одной стороны, как показывают материалы, возникли **до** государств и **помимо** процесса образования государств. С другой стороны, нет никаких оснований вести их происхождение с неких незапамятных времен, с эпохи первобытности. Остается предположить, что процесс формирования этих общностей шел параллельно с возникновением государства как **негосударственный политогенез**. Но он не отражен в источниках, поэтому мы лишены возможности его проследить и даже сколь-нибудь уверенно судить о нем.

Впрочем, все другие динамические процессы индийские источники тоже не отражают. О них приходится догадываться по результатам.

Общины — локальные и супралокальные — не были антагонистами государства, но не были и инструментами государственной власти, они вписывались в тогдашнюю политику. Двор, местные магнаты и коллективы общинников «проникали» друг в друга, образовывали симбиоз. Этот симбиоз, конечно, не мог существовать вечно. Баланс сил менялся. Образовывались межрегиональные советы (*периянаттар*) и межкастовые союзы («правые» и «левые» касты), которые могли бы привести к совершенно иной конфигурации общества. Но из этого ничего не вышло. Общество свернуло на дорогу военизации и бюрократизации, формирования искусственного административного деления, разрастания аппарата управления и — окостенения кастовой системы.

Основная трудность выработки определения раннесредневекового южноиндийского государства заключается в том, что взаимоотношения между участниками социально-политической жизни **не были регламентированы**. Власть царя, да и мелкого князя, не ограничивалась законом. С этой точки зрения она вполне отвечает понятию «государственная власть» или «деспотизм». Но не были ограничены также и права общин. Они могли вершить правосудие и вмешиваться в дела, с нашей точки зрения исключительно государственные, — например, устанавливать «справедливые» ставки налогов с самих себя. И то же общество при таком подходе выглядит общинным.

Иногда эта многофакторность южноиндийской политики находит прямое отражение в надписях. Например, в 959 г. в надписи князя династии Алула в Ю. Канаре формулируется максима: есть три силы, которые могут защитить дарение, стоящие на защите дхармы — царь,

окружная община и городская община (*dharmavannu arasu nāāu nakhara pālisi-baharu*)⁴.

В другой надписи, из Белгаума от 980 г., упоминавшейся в главе о деревенской общине, четко описана система «сдержек и противовесов», работавшая в индийской глубинке: деревенское собрание (*ур*) и настоятели храма (*стхана-ачарья*) должны совместно охранять дарения от вмешательства «царей»; *стханачарьи* должны защищать храмовую собственность от покушений со стороны *ура*; «30», т. е. *ур* должны беречь храмовую собственность от расхищения *стханачарьями*⁵.

В связи с этим следует вернуться к проблеме собственности в Индии. Я считаю, что в исторических работах не следует пользоваться абстрактным понятием собственности, усвоенным в Европе со времени кодекса Наполеона, опиравшегося, в свою очередь, на кодекс Юстиниана. В отечественной литературе наблюдается повышенное, я бы сказал экзальтированное, отношение к проблемам собственности, в том числе собственности на землю. Это объясняется долгим господством в науке марксистского понимания собственности на средства производства как непосредственного выражения производственных отношений, которые, в свою очередь, считались основой той или иной «формации». Сейчас появилась возможность подойти к проблемам анализа обществ с более широких позиций — учитывать исторически изменчивые социальные и правовые аспекты жизни общества.

Собственность имеет разные содержания в разные периоды и на разных территориях. Выше мы фиксировали два основных типа собственности на землю: верховную (на налоги с земли) и податную (на саму землю при условии уплаты налогов). Однако ни одна из них не имела юридического закрепления. В индийской классической литературе содержится масса заявлений и о том, что вся земля принадлежит государю, и о том, что она принадлежит всем людям, особенно тому, кто ее первым обработал. Но эти рассуждения не имели законодательной силы. Собственность существовала в отсутствие права собственности.

Видимо, «по понятиям» работала вся общинно-политическая система. Все желали консенсуса, но при этом постоянно искали тот предел, до которого они могут идти, не встречая решительного сопротивления других контрагентов. Хотя происходило постепенное

⁴ ARE, 124 of 1901 (SII, VII, p. 165, no. 134)

⁵ EI, XVI, p. 9, no. 1

усиление бюрократического начала, нельзя рассматривать историю Южной Индии VI—XIII вв. как неустанную борьбу государства с общинами и стремление их подчинить или уничтожить. Все участники этого конгломерата были необходимы друг другу, вступали в симбиотические отношения. Временами общинное начало получало преобладание, например, в период поздних Пандьев в Тамилнаду.

Государственная власть, как представляется, в данном случае устанавливается не путем разрушения и подчинения общин, а вырастает из общины, объединяет общины, которые сохраняют возможность самостоятельного развития.

Эта система, видимо, была уникальна⁶. Она не подходит под готовые модели «феодализма», «азиатского способа производства», «бюрократического» или «сегментного» государства. Это специфический общинно-государственный строй, который, возможно, имел потенциал дальнейшего развития, однако это развитие было прервано мусульманским завоеванием Южной Индии и крушением всех существовавших там прежде политий⁷.

В масштабах всемирно-исторического процесса это — общество средневекового типа, т. е. — по все еще наиболее распространенному определению — феодальное. Действительно, в нем много черт, обычно связываемых с феодализмом, хотя бы те же общинность и корпоративность. Однако применение термина «феодализм» к восточным обществам вообще, и к индийскому, в частности, встречает возражения потому, что понятие феодализма тесно связано с европейским его вариантом, вернее даже не с европейской средневековой реальностью, а с той мыслительной моделью средневекового общества, которое было выработано деятелями Возрождения в XV—XVI вв. Не вдаваясь в детали похожести/непохожести средневековых европейских и восточных обществ⁸, укажу лишь на одно важное отличие, которое, может быть, определило все остальное. В Европе важную роль играло

⁶ Некоторые данные из Северной Индии заставляют думать, что подобный строй существовал и там. Но значительно меньшее количество надписей в Северной Индии не позволяет утверждать это наверняка. (См. Лелюхин 2009а; Лелюхин 2009б)

⁷ Беркемер считает, что в раннее средневековье в Индии происходил медленный переход от сегментного к патримониальному государству. Мусульманское завоевание подтолкнуло этот процесс (Berkemer 2001, p. 136). Такого рода выводы, не имеющие подкрепления в источниках, немногого стоят.

⁸ Я об этом много писал. См. Алаев 2000, с. 523—539; История Востока 1995, с. 137—146; Алаев 2007, с. 208—220

право. Каждая привилегия или же правовое ограничение должны были находить точные формулировки в законах. На Востоке же, во всяком случае, в Индии, все общественные отношения строились на негласном договоре, на «понятиях», точности в правах старались избегать. Отсюда видимое бесправие рядового человека и тем более вельможи перед лицом любой более высокой, чем он сам, власти.

Специфика индийского общества до мусульманского завоевания так велика, что не кажутся бессмысленными такие его определения, как «средневековая индийская общественная формация» (Б. Стайн) или «индийская средневековая система» (И. Хабиб). Г. Кулке приводит слова одного коллеги, познакомившегося с материалами идущей дискуссией о характере государства в Индии: «Модель, к которой придут [участники дискуссии], может быть, будет утверждать, что государство было ни централизованным, ни децентрализованным, но чем-то, способным осуществлять арбитраж между соперничающими местными группами, племенами, кастами и т. п.; его сила была не столько его существенной чертой, сколько отражением существа общества, которым оно пыталось управлять»⁹.

Но работа над «индийской» моделью общественного и государственного устройства совершенно не решает вопроса о месте этой модели в эволюции человечества. Я исхожу из того, что человечество в лице многих своих народов (не всех, поскольку многие остановились на предыдущих этапах) проходит «докапиталистическую» стадию. Этот «некапитализм» можно назвать «феодализмом», если вложить в это понятие не конкретную (западноевропейскую) модель, а все те институты и ментальности, что мешали развитию капитализма, противостояли ему. Формулы типа «индийский феодализм», «китайский феодализм» и т. п. имеют смысл только в том случае, если мы понимаем феодализм как всемирно-историческое явление. Но в этом случае совершенно ясно, что может быть несколько моделей «некапитализма». На первый план выступают отличия разных «феодализмов», хотя, конечно, сходства остаются весьма привлекательным объектом исследования.

Неевропейские страны делали разные попытки «избежать» капитализма. Феодальный порядок держится на множественности статусов людей. В европейском варианте поддержание статусов осуществлялось при помощи права — установлением сословий и прочих социальных

⁹ Kulke 1997a, p. 47

градаций. Китайский вариант (и Токугавский в Японии) заключался во всемерном укреплении государства и стремлении регламентации всех сторон жизни, в том числе и статусных различий. В индийском варианте основной упор делался на идеологическом закреплении *чатур-варнашрама-дхармы*. Религиозные или квази-религиозные установления выполняли роль «расстановки» людей по статусам. Правовые нормы в этом случае были излишни¹⁰.

И все же каждый социум шел «от капитализма» или «к капитализму» своим путем. Даже в пределах Южной Индии каждый из рассмотренных регионов демонстрирует свою специфику.

В **Тамилнаду**, по-видимому, общинные организации были развиты в наибольшей степени. Общины возглавлялись коллективными органами без указания на чье либо личное руководство. Но и административный аппарат прослеживается, особенно в центральных районах и особенно при Раджарадже I и Раджендре I. Довольно развиты были сословные градации: достаточно четко выделялись чиновничья прослойка, титулованная знать, доминирующие на низовом уровне члены чистых небрахманских каст, брахманы-землевладельцы, наконец, торгово-ремесленные слои.

В **Карнатаке** гораздо более выражена роль «старост» разного уровня: и брахманские, и шудрянские общины, и деревенские и окружающие почти неизменно имеют главу или несколько вождей, руководящих общим собранием. Карнатакские государства имели гораздо более разветвленный административный аппарат, который проникал на низовой уровень и пересекался/срачивался с общинными вождями. Вообще в Карнатаке все социальные слои тесно переплетены: члены торговых ассоциаций могут быть как старостами территориальных общин, так и высокопоставленными чиновниками. Соответственно, общины разного характера, а также царские люди принимают совместные решения. Территориальные единицы с числовым индексом, имеющие общинное происхождение и сохраняющие некоторые функции общин, одновременно служат наместничествами. В качестве временных ленов выдавались не только территории, но и право собирать тот или иной налог в области или во всем государстве. Огромную

¹⁰ Советский вариант сходен и с китайской, и с индийской моделями: регламентация всего как через государство, так и через унификацию идеологии. Когда началась борьба с привилегиями, выяснилось, что почти все советские люди имеют те или иные «привилегии». Недаром критики «реального социализма» находили в нем черты «азиатского способа производства».

активность проявляли торговые корпорации, которые тесно сотрудничали, как уже говорилось, с землевладельческими общинами и с государственным аппаратом.

Андхра в целом похожа на Карнатаку, особенно в отношении роли старост и вождей, руководящих общинами. Здесь также тесно переплетены социальные слои и группы, значительна социальная мобильность. Купцы происходят из знатных или чиновных семейств, сами превращаются в чиновников и крупных землевладельцев. Постепенно происходит увеличение прослойки чиновников за счет размывания слоя землевладельческой знати. Некоторыми чертами Андхра больше, чем другие регионы, напоминает принятую модель феодализма — довольно распространены были дарения земли за военные заслуги, подразумевающие дальнейшую службу. Именно здесь была изобретена система *наянкара* (военных ленов), которая позже, при Виджаянагаре, объединила структуру землевладения и управления в единый комплекс.

Керала в большей мере отличалась от рассмотренных выше регионов. Там не сложилось государства даже с такой степенью централизации, как государства Чолов или Западных Чалукьев. Огромную роль играли брахманские «деревни», которые были значительно более сложными образованиями, чем деревни в нашем понимании, в частности, потому, что образовывали единые комплексы с храмами. Их происхождение теряется в глубине веков, окутано легендами, но действительность VIII—XII вв. такова, что брахманы-*намбудури* диктовали решения Поздним Черам, поставили на службу себе воинственную касту *наяров*, подчинили всю жизнь Малабарского берега ритуальному обслуживанию богов в своих храмах. Перипетии XIV в. оставили Кералу в стороне, и ее оригинальный общественный уклад дожил до эпохи колониализма¹¹.

В остальных районах Южной Индии общинно-политическая система в XIV—XV вв. разрушилась. Мы можем уверенно связывать этот результат с политическим крушением южноиндийских государств и возникновением совершенно иной политики — империи Виджаянагар, которая представляла собой новое явление хотя бы только потому, что объединила в своих пределах регионы, имевшие до того отдельные политические истории.

¹¹ Д. Дэвис подчеркивает, что документы раннего средневекового периода (VIII—XII вв.) и документы после XIII в. по существу идентичны, сохраняют прежнюю дипломатику и не свидетельствуют об изменении аграрных отношений. (Davis 2004, p. 50)

Но, как и иные изменения в Индии, это изменение происходит несомненно, но не известно, как. Мне не удалось, несмотря на серьезные усилия, показать значимую эволюцию в пределах избранного для исследования периода. Различные общины появляются в источниках вполне сформированными, — и, такими же «зрелыми», в новый период перестают упоминаться. Степень государственного вмешательства в жизнь общин увеличивалась или уменьшалась, но, в общем, принципиально не изменилась. Можно отметить усиление связей между различными общинами к XIII в., создание *читрамежу перия наттар* в Тамилнаду и *маханаду* в Карнатаке. Но изменило ли это общий ландшафт социума, мы не знаем. Отмечен рост крупного частного землевладения, но он, в конце концов, как будто бы не привел к образованию класса землевладельцев, способных отстаивать свои общие интересы. Одновременно с этим процессом «государственные администраторы» играют все более важную роль, чем местные магнаты¹².

Строго говоря, и перелом XIV века не был столь уж драматичным. *Наду* продолжает появляться в надписях в качестве свидетеля дарения и инициатора их. В 1426—1429 гг. происходит восстание жителей нескольких *наду* в районе Танджавура, требовавших снижения налога, и добившихся этого¹³. Таких акций окружные общины до этого не совершали. Впрочем, может быть, эта вспышка — как раз и свидетельство решительного наступления государства на автономию территориальных общин. Явно исчезают городское самоуправление, активность купеческих надлокальных корпораций, брахманские *аграхары* уступают лидирующую роль храмам в роли получателей дарений. Может быть, отмечаемое во всех регионах возвышение храмов и есть основной показатель эволюции, приведшей к отмеченным выше переменам. Храмы становились центрами культов типа *бхакти* и центрами паломничества, получали царскую поддержку. Все это «срачивало», спланивало государство.

Г. Кульке относит себя к группе историков, не «присоединившихся» ни к одной из обсуждаемых концепций — ни к «феодальной», ни к «сегментной», ни к «азиатской», и видит свою основную задачу в отрицании застойности индийского общества в средние века. Он видит эволюцию в централизации и интеграции, в постепенном формировании «государственного общества» (state society). Конкретно это

¹² Karashima 1992, p. 8

¹³ Karashima 1992, p. 141—158; Palat 1986; История Востока 1995, с. 485—486.

выражается, по его мнению, в бюрократизации управления в «ядерной» для данной династии зоне и расширении этой зоны. Но он тут же признает, что эти изменения прослеживаются «в некоторые периоды и в некоторых регионах и регулярно начинают идти вспять»¹⁴.

Суббараялу тоже ищет динамику. Он признает применимость «сегментной» модели к раннему периоду династии Чола (до 985 г.), но затем, по его мнению, происходит рост частной собственности, возникает развитое стратифицированное общество, сильная монархия, подчиняющая себе локальные общины (*наду*). Затем это государство постепенно ослабляется, но это уже не сегментация, а феодализация¹⁵. Это противопоставление понятно. «Сегменты», по концепции Б. Стайна, — это локальности, подвергающиеся объединению, хотя бы и «ритуальному». А «феодализация» — это распадение на «уделы» некогда единого государства. Однако впечатление движения по кругу все же возникает.

Переход к новому состоянию понимается исследователями по-разному. Н. Карашима озаглавил свою книгу, посвященную Виджаянагару, «К новой формации»¹⁶. Он знаком с марксистской терминологией и в целом работает в духе этой теории, хотя и не провозглашает себя марксистом. Вполне возможно, что заглавие книги означает, что автор имеет в виду «формацию» в марксистском понимании. Правда, он осторожен в формулировках. «Социальная формация виджаянагарского периода ... обнаруживает некоторое сходство с феодализмом, который характеризует средневековые Европу и Японию». «Образ *наяков* 16 века ... может позволить нам считать их феодалами и интерпретировать Южную Индию 16 века как период, когда феодальные отношения развились до определенной степени, по крайней мере, в одном регионе»¹⁷. Он предлагает называть этот строй, как и строй Токугавской Японии, «государственным феодализмом»¹⁸.

Впрочем, главный «месседж» Карашимы на протяжении всей его деятельности — это призыв к развертыванию эмпирических исследований. «До тех пор, пока мы не накопим много региональных исследований, основанных на изучении оригинальных источников, будет исключительно трудно говорить об индийском феодализме вообще,

¹⁴ Kulke 1997a, p. 40

¹⁵ Subbarayalu 1982

¹⁶ Karashima 1992

¹⁷ Karashima 1992, p. 37–38, 70. См. также Karashima 1996, p. 172

¹⁸ Karashima 1992, p. 8; Karashima 2001a, p. 51–52

даже если мы найдем некоторые сходства между конкретными ситуациями в индийском обществе и в феодальном обществе средневековой Западной Европы»¹⁹.

Мне представляется, что моя работа находится в русле именно этого направления. Представленный здесь материал обладает самостоятельной ценностью вне зависимости от того, какая концепция может быть на нем построена. Вместе с тем неисчерпаемое богатство материала, содержащегося в надписях, не оставляет мне надежды, что оно достойно отражено в данной работе.

Б. Стайн, как и Дж. Беркемер, называют перелом XIV века переходом от сегментного государства к патримониальному²⁰. Стайн в книге 1994 г. говорит о переходе в период Виджаянагара «от средневековья к новому порядку». «Сегментная схема» не выдержала мусульманского военного натиска. «Именно военная модернизация пришпорил перестройку позднесредневекового индийского государства»²¹. Однако в его работах не раскрыто, как происходила перестройка и в чем она заключалась.

Основной вывод состоит в том, что в Южной Индии VI–XIII вв. существовало уникальное общество, которое может быть названо общинно-политическим, или общинно-государственным. В ракурсе всемирной истории оно может быть отнесено к традиционным, или добуржуазным, или феодальным, но его классификация в пределах этой расплывчатой категории представляется затруднительной.

¹⁹ Karashima 1992, p. 6

²⁰ Berkemer 2001, p. 136

²¹ Stein 1994, p. 143

Использованные материалы

Источники

- Две надписи 2002** — Две надписи периода династии Чолов (Тамилнад, Южная Индия). Пер. с тамильского А. В. Годиной. Д. М. Голубковой. Комментар. Л. Б. Алаева // Восток (Oriens), 2002, № 4, с. 111–114
- КА** — Артхашастра или Наука политики. Перевод с санскрита Издание подготовил В. И. Кальянов. М.-Л.: Из-тво Академии наук СССР, 1959
- Артхашастра Каутильи: кн. I–II. Пер. с санскрита, введение, комментарий, исследование и приложения А. М. Самозванцева. М.: Вост. лит., 2009
- Ману** — Законы Ману. Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. М.: ВЛ, 1960
- Стихи 1979** — Стихи на пальмовых листьях. Классическая тамильская лирика. Пер. А. Наймана. Предисл. и коммент. А. Дубянского. М.: ГРВЛ, 1979
- Курал 1954** — Валлувар Ваймоли. Тируккурал. Сеннай, 1954
- Курал** — Тируккурал. Книга о добродетели, о политике и о любви. Перевод с тамильского Ю. Глазова и А. Кришнамурти. М.: ИВЛ, 1963
- Шилаппадикарам** — Повесть о браслете. Шилаппадикарам. М.: ИВЛ, 1966
- Annigere 1961** — A. M. Annigere, B. R. Joshi. The Discriptive Lists of Stone and Copper-Plate Inscriptions Examined by the Kannada Research Institute During the years 1940/41 to 1942/43. Dharwar: Kannada Research Institute, 1961
- ARE** — Annual Progress Report of the Assistant Archaeological Superintendent for the Epigraphy, Southern Circle for the years 1906/7, 1907/8, 1909/10, 1911/12, 1912/13, 1913/14, 1914/15, 1915/16. Madras: 1907–1916;
- Annual Report on Epigraphy for the Year 1919/20, 1921/22. Madras: 1920–1923;
- Annual Report on South-Indian Epigraphy for the Year 1923/24, 1924/25, 1926/27, 1927/28, 1928/29, 1929/30, 1930/31, 1931/32, 1932/33, 1933/34. Madras: 1925–1937;
- Annual Report on Indian Epigraphy for 1945/46, 1946/47, 1947/48, 1947/48, 1948/49, 1949/50, 1950/51, 1951/52, 1952/53, 1953/54, 1954/55, 1955/56, 1957/58, 1958/59, 1959/60, 1960/61. Delhi: 1951–1964
- ARM** — Archaeological Survey of Mysore. Annual Report for the Year Ending 30th June 1913, 1914, 1915, 1916;
- Annual Report of the Mysore Archaeological Department for the Year 1921, 1922, 1923, 1924, 1925, 1927, 1937
- BK** — Annual Report on South-Indian Epigraphy (ARE). Bombay-Karnatak Supplement
- Buchanan 1807** — Francis Buchanan. A Journey from Madras through the Countries of Mysore, Canara and Malabar ... Vols I–III. London
- Burgess 1886** — J. Burgess Tamil and Sanskrit Inscriptions with Some Notes on Village Antiquities, Collected Chiefly in the South of the Madras Presidency, with Translations by S. M. Natesa Sastri. Madras: 1886
- Corpus 1958** — A Corpus of Inscriptions in the Kannada Districts of Hyderabad State. Ed. by p. B. Desai. Hyderabad
- Desai 1962** — p. B. Desai. Select Stone Inscriptions of Andhra Pradesh/Andhra Pradesh Government Archaeological Series, no. 9. Hyderabad
- Discriptive Lists 1961** — The Discriptive Lists of Stone and Copper-plate Inscriptions Examined by the Kannada Research Institute during the years 1940–41 to 1942–43. (By) A. M. Annigere and B. R. Joshi. Dharwar: Kannada Research Institute
- EC** — Epigraphia Carnatica. By Lewis Rice. Vols I–XII. Bangalore: 1898–1905. Vols XIV–XVI. Mysore, 1943–1968
- <http://www.archive.org/stream/epigraphiacarnat>
- Gai 1990** — G. S. Gai. Some Select Inscriptions. Delhi: Agam Kala Prakashan
- EI** — Epigraphia Indica. Vols I–XXXVIII. Calcutta, Delhi: 1892–1970
- HAS** — Hyderabad Archaeological Series. Nos 1–18. Hyderabad, 1942–1956
- IA** — Indian Antiquary. Bombay: 1872–1933
- Ibn Battuta 1929** — Ibn Battuta. Travels in Asia and Africa, 1325–1354. Transl. and selected by H. A. R. Gibb. London
- IND** — A Collection of the Inscriptions on Copper-Plates and Stones in the Nellore District, Made by Alan Butterworth and V. Venugopal Chetty. In three parts. Madras: Government Press, 1905
- IP** — Inscriptions of the Pallavas. Ed. by T. V. Mahalingam. Delhi: ICHR, 1988
- IPS** — Chronological List of Inscriptions of the Pudukkottai State, arranged according to dynasties. Pudukkottai: 1929;
- Inscriptions (Texts) of the Pudukkottai State, arranged according to dynasties. Pudukkottai: 1929;
- Aiyar, K. R. Srinivasa. Inscriptions in the Pudukkottai State translated into English. Pt I. Early, Pallava and Cola Inscriptions. Pudukkottai, 1941

- KI** — Karnatak Inscriptions. Vols I–IV. Dharwar: 1941–1961
- Mahalingam 1985** — T. V. Mahalingam A Topographical List of Inscriptions in the Tamilnadu and Kerala States. Vol. I. New Delhi: ICHR, 1985
- Mahalingam 1988** — T. V. Mahalingam A Topographical List of Inscriptions in the Tamilnadu and Kerala States. Vol. II. New Delhi: ICHR, 1988
- Murthy 1982** — S. S. Ramachandra Murthy. Kshiraramesvara Temple Inscriptions: A Study. // SIE, VIII. p. 105–108
- MI**—Mysore Inscriptions. Mysore, 1879
- Pillai 1930** — S. Desivnayagan Pillai. A Palm-leaf Manuscript of 449 M. E. // Kerala Society Papers. Series 6. Trivandrum. p. 309–312
- Poduval 1947** — R. Vasudeva Poduval. Lexicon of Travancore Inscriptions. Trivandrum
- Ramesan 1962** — N. Ramesan. Copper Plate Inscriptions of Andhra Pradesh Government Museum. Hyderabad. Vol. I. Hyderabad: The Government of Andhra Pradesh
- Rangacharya 1919** — V. Rangacharya A Topographical List of the Inscriptions of the Madras Presidency (collected till 1915) with notes and references. I–III vols. Madras: 1919
- Rao 1933** — M. Rama Rao. List of Kakatiya Inscriptions Discovered in the Nizam's Dominions. // Journal of the Andhra Historical Research Society, 1933, vol. VII, pt II
- Rockhill 1915** — W. W. Rockhill. Notes on the Relations and Trade of China with Eastern Archipelago and the Coast of the Indian Ocean during the Fourteenth Century. Pt II, 4. Coasts of India // T'oung Pao. Vol. XVI. Sec. series. p. 435–467
- Sastry 1965** — A Catalogue of Inscriptions Copied upto 1964/Government of Andhra Pradesh Archaeological Series, no. 22. Hyderabad
- Sewell 1932** — R. Sewell. The Historical Inscriptions of Southern India (collected till 1923) and Outlines of Political History. Madras: 1932
- SI** — South Indian Inscriptions. I–XXIII vols. Madras: 1890–1953. Delhi, 1962–1979 (вышло еще до XXVI v.)
- http://www.whatisindia.com/inscriptions/south_indian_inscriptions
- Sircar 1983** — Select Inscriptions, bearing on Indian History and Civilization. From the Sixth to the Eighteenth Century A. D. Ed. By D. C. Sircar. Vol. II. Delhi: Motilal Banarsidass
- Sreenivasachari 1942** — p. Sreenivasachari. A Corpus of Inscriptions in the Telangana Districts of H. E. H. the Nizam's Dominions. Pt II. Hyderabad
- Summaries 1966** — Summaries of Inscriptions (1943–44 to 1949–50). Prepared by B. R. Gopal and Srinivas Ritti. General Editor P. B. Desai. Dharwar: Karnatak University
- Tamil** — Tamil Lexicon. Vols I–VI, Supplement. Madras: Univ. of Madras, 1924–1939
- Venkayya 1908** — V. Venkayya. Two Inscriptions of Uttaramallur // Archaeological Survey of India. Annual Report for 1904/05. Calcutta:

Исследования

- Алаев 1964** — Л. Б. Алаев. Южная Индия. Социально-экономическая история XIV–XVIII вв. М.: ГРВЛ
- Алаев 1976** — Л. Б. Алаев. Социальная структура индийской деревни (территория Уттар-Прадеша, XIX век). М.: ГРВЛ
- Алаев 1981** — Л. Б. Алаев. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М.: ГРВЛ
- Алаев 1985** — Л. Б. Алаев. Функционирование кастовой системы. // Индия 1983. Ежегодник. М.: ГРВЛ, 1985. С. 220–233
- Алаев 1992** — Л. Б. Алаев. Система прав на землю в Южной Индии X–XIII вв. // Восток, 1992, № 5, с. 18–27
- Алаев 1998** — Л. Б. Алаев. Частная собственность на землю в древней и средневековой Индии. // Частная собственность на Востоке. М.: ИВ РАН, Институт экономических проблем переходного периода, с. 94–119
- Алаев 2000a** — Л. Б. Алаев. Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. М.: ВЛ
- Алаев 2000b** — Л. Б. Алаев. Индийская сельская община в российских исторических исследованиях // Страницы истории и историографии Индии и Афганистана. К столетию со дня рождения И. М. Рейснера. М.: ВЛ. С. 107–116
- Алаев 2003** — Л. Б. Алаев. Средневековая Индия. СПб: Алетейя
- Алаев 2004** — Л. Б. Алаев. Индийские средневековые дарственные грамоты как ресурс нормативной информации. // Роль информации в формировании и развитии социума в историческом прошлом. М.: ИВИ. С. 147–158
- Алаев 2006** — Л. Б. Алаев. О методике содержательного анализа индийской эпиграфики // Теория и методы исследования восточной эпиграфики. М.: ВЛ, с. 6–29
- Алаев 2007** — Л. Б. Алаев. История Востока (первобытность, древность, средние века, новое время). М.: Росмэн.
- Альбедиль 1995** — М. Ф. Альбедиль. Царская власть в средневековой Южной Индии. Этическое и государственное // Схатакашрадха. Сборник статей памяти Г. А. Зоргафа. СПб.: 441–448 Центр «Петербургское востоковедение». С.
- Баларамамурти 1956** — Йетукури Баларамамурти. Краткая история народа андрха. М.: ИВЛ, 1956
- Бессмертный 1969** — Ю. Л. Бессмертный. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе в XII–XIII вв. М.: Наука
- Бонгард-Левин 2002** — Г. М. Бонгард-Левин, М. Д. Бухарин, А. А. Вигасин. Индия и античный мир. М.: Вост. лит-ра
- Васильев 1982** — Л. С. Васильев. Феномен власти-собственности (К проблеме типологии докапиталистических структур) // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: ГРВЛ, с. 60–99

- Васильев 2007** — Л. С. Васильев. Всеобщая история. В 6 т. Т.1. Древний Восток и античность. Учебное пособие. М.: Высшая школа
- Гуревич 1968** — А. Я. Гуревич. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // Вопросы истории, 1968, № 4. С. 88–105
- Гуревич 1970** — А. Я. Гуревич. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа
- Вигасин 1999** — А. А. Вигасин. Артхашастра и ритуалистика (две главы из «Трактата о политике» // Древние культуры Восточной и Южной Азии. Под ред. В. В. Иванова. М.: МГУ. С. 23–43
- Вигасин 2007** — А. А. Вигасин. Древняя Индия: от источника к истории. М.: Вост. лит.
- Деопик 1977** — Д. В. Деопик. Проблемы методики исследования эпиграфического комплекса применительно к задачам социально-экономического анализа (на материале бирманской эпиграфики) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1977, № 2
- Деопик 1981** — Д. В. Деопик, С. В. Кулланда. Простейшие признаки Яванского эпиграфического массива VII — начала X в. как источник по истории раннесредневековой Явы // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.
- Деопик 1983** — Д. В. Деопик. Вопросы количественного анализа эпиграфических памятников // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение, 1983, № 4;
- Деопик 1986** — Д. В. Деопик. Аграрные отношения в Бирме XI–XV вв. по данным эпиграфики // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1986, № 1
- Дубянский 1989** — А. М. Дубянский. Ритуально-мифологические истоки древнетамильской лирики. М.: Вост. лит.
- История 1968** — История Индии в средние века. Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. А. Антонова, К. З. Ашрафян. М.: ГРВЛ
- История Востока 1995** — История Востока. II. Восток в средние века. М.: ВЛ. Глава II. С. 137–146
- Киреев 2004** — В. С. Киреев. Роль торгово-ростовщических каст в формировании индийской идентичности (колониальный период). Дисс. канд. ист. наук. М.: ИСАА при МГУ
- Кудрявцев 1971** — М. К. Кудрявцев. Община и каста в Хиндустане. (Из жизни индийской деревни). М.: ГРВЛ
- Кудрявцев 1992** — М. К. Кудрявцев. Кастовая система в Индии. М.: Вост. лит.
- Куценков 1983** — А. А. Куценков. Эволюция индийской касты. М.: ГРВЛ
- Лелюхин 2009а** — Д. Н. Лелюхин. Коллективные органы управления и их роль в структуре индийского государства. // История и современность. Март. № 1. С. 56–72

- Лелюхин 2009б** — Д. Н. Лелюхин. Царь — защитник дхармы. Практический аспект идеологической концепции. // Вопросы эпиграфики. Вып. 3. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 16–29
- Одиссей 2006** — Одиссей: человек в истории. 2006: Феодализм перед судом историков. М.: Наука
- Павлов-Сильванский 1988** — Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в России. М.: Наука.
- Пятигорский 1962** — А. М. Пятигорский. Материалы по истории индийской философии. Материализм локаяты, индийская система шайва-бхакти и другие философские и религиозные системы в средневековых тамильских источниках. М.: ИВЛ
- Пятигорский 1965** — А. М. Пятигорский. Сведения о варнах и кастах в древней тамильской эпической поэме «Шилаппадигарам» // Касты в Индии. М.: ИВЛ
- Столяров 1978** — А. А. Столяров. Социально-политический строй государства Паллов (по данным эпиграфики). Диссертация канд. ист. наук. М., ИВ АН СССР
- Столяров 1998** — А. А. Столяров. Пути оптимизации анализа средневековой эпиграфики (на примере североиндийских раннесредневековых жалованных грамот) // *Эпиграфика Востока*. XXV. М.
- Тарасюк 1998а** — Я. В. Тарасюк. Социально-политическая структура Южной Индии VI–IX веков (по свидетельствам эпиграфики Паллаво). Автореферат канд. дисс. ИВ РАН
- Тарасюк 1998б** — Я. В. Тарасюк. Социально-политическая структура Южной Индии VI–IX веков (по свидетельствам эпиграфики Паллаво). Дисс. Канд. ист. наук. ИВ РАН
- Тарасюк 1998в** — Я. В. Тарасюк. Дарственные грамоты Паллаво на медных таблицах (предварительный анализ церемонии дарения земли в Южной Индии VII–IX вв.) // *Эпиграфика Востока*. XXV. М.: С. 107–128
- Тарасюк 2001** — Я. Тарасюк. Генеалогии Паллаво. Часть I. Генеалогический миф. // *Orientalistica Iuvenile*. Сборник работ молодых сотрудников и аспирантов. М., ИВ РАН, с. 201–235
- Тарасюк 2004** — Я. В. Тарасюк. Нерасходуемые пожертвования богам в Южной Индии (Материалы изучения тамильской эпиграфики Паллаво VIII — начала X в. // *Alaica*. Сборник научных трудов российских востоковедов, подготовленный к 70-летию юбилею профессора, доктора исторических наук Л. Б. Алаева. М.: Вост. Лит.
- Тарасюк 2005** — Я. В. Тарасюк. Глава 13. Сакральный аспект образа правителя в древнем и раннесредневековом Тамилнаду // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Части II, III. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований. С. 129–148
- Тюлина 2010** — Е. В. Тюлина. Храм, мир, текст: вастувидья в традиции пуран. М.: Вост. лит., 2010

- Цыганков 1973** — Ю. Я. Цыганков. Топонимика и социальная структура раннесредневекового Тамилнада // Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973
- Цыганков 1979** — Ю. Я. Цыганков. Южноиндийский средневековый город X—XIII вв. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья Мю: ГРБЛ. С. 221–229
- Abraham 1982** — Mira Abraham. A Medieval Merchant Guild of South India // Studies in History, vol. IV, no. 1, p. 1–26
- Abraham 1988** — Meera Abraham. Two Medieval Merchant Guilds of South India. New Delhi, Manohar
- Acharya 1993** — Subrata Kumar Acharya. On the Problem of the *vaiṭṭya agraḥara* // SIE, XX, no. 10
- Aiya 1906** — V. Nagam Aiya. The Travancore State Manual. Vol. I. Trivandrum
- Aiyangar 1914** — M. Srinivasa Aiyangar. Tamil Studies or Essays on the History of the Tamil People, Language, Religion and Literature. First Series. Madras:
- Aiyangar 1921** — S. Krishnaswamy Aiyangar. South India and Her Muhammadan Invaders. Oxford
- Aiyangar 1923** — Krishnaswami Aiyangar. Some Contributions of South India to Indian Culture. Calcutta
- Aiyangar 1932a** — , S. Krishnaswami Aiyangar. Panchavaraviyam. // Journal and Proceedings of the ASB. New Series, vol. XXVI, no. 1
- Aiyangar 1932b** — S. Krishnaswami Aiyangar. Uttaramallur Inscriptions on Election. // Journal of Indian History, vol. XI, pt II, Appendix 1. p. 1–28
- Aiyangar 1940** — S. Krishnaswami Aiyangar. Bhattacharji. // Indian Historical Quarterly, vol. XVI, pt 2. P. 380–384
- Aiyer 1917** — K. V. Subrahmanya Aiyer. Historical Sketches of Ancient Dekhan. Madras
- Aiyer 1946** — V. G. Ramakrishna Aiyer. The Economy of a South Indian Temple. Annamalainagar
- Aiyer 1955** — K. V. Subrahmanya Aiyer. Largest Provincial Organizations of Ancient India. // The Quarterly Journal of the Mythic Society. 1954–1955, vol. 45, no. 1, p. 29–47; no. 2, p. 70–98; no. 4, p. 270–286
- Aiyer 1956** — K. V. Subrahmanya Aiyer. Largest Provincial Organizations of Ancient India. // The Quarterly Journal of the Mythic Society. Vol. 46, no. 1, p. 8–22
- Aiyer 1967** — K. V. Subrahmanya Aiyer. Historical Sketches of Ancient Dekhan. Vol. II. Coimbatore.
- Aiyer 1946** — V. G. Ramakrishna Aiyer. The Economy of a South Indian Temple. Annamalainagar.
- Alayev 1981** — L. B. Alayev. The System of Land-Rights in Southern India (900–1300 A. D.) // Proceedings of the Fifth International Conference-Seminar of Tamil Studies. Vol. 2, part 14. Madras, p. 17–22

- Alayev 1985** — L. B. Alayev. Methods of Studying Epigraphy as a Historical Source. // Indus Valley to Mekong Delta. Explorations in Epigraphy. Madras, p. 33–40
- Alayev 2000** — L. B. Alayev. To the problem of Tamil Traditional Administrative System (10–13 centuries C. E.). // Russian Orientalists to the 36th ICANAS. M., c. 13–21
- Alayev 2003** — L. B. Alayev. Indian Village Community in Russian Historical Writings // Indian History: A Russian Viewpoint. Delhi: Pragati Publications. p. 75–84
- Ali 2007** — Daud Ali. The Service Retinues of the Chola Court: a Study of the term *velam* in Tamil Inscriptions // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 70, no. 3. p. 487–509
- Altekar 1927** — A. S. Altekar. A History of Village Communities in Western India. Bombay
- Altekar 1934** — A. S. Altekar. The *Rākṣasas* and their Times. Being a Political, Administrative, Religious, Social, Economic and Literary History of the Deccan (i.e. Southern Gujarat, Maharashtra, Karnatak, Nizam's Dominions and Northern Mysore) during c. 750 A. D. to 1000 A. D. Poona
- Anuratha 1978** — Anuratha V. Temple as a Social Service Organisation in Medieval India. — Andhra Pradesh History Congress. Vijayawada
- Appadorai 1936** — A. Appadorai. Economic Conditions in Southern India (1000–1500 A. D.). Vols I–II. Madras
- Arokiaswami 1967** — M. Arokiaswami. The Classical Age of the Tamils. Madras: University of Madras; Reprinted, 1972
- Arokiaswami 1954a** — M. Arokiaswami. Castes in South India: the Problem of their Origin. // Tamil Culture, vol, III, no. 3–4. p. 326–330
- Arokiaswami 1954b** — M. Arokiaswami. The Early History of the Vellar Basin, with Special Reference to the Irukkuvels of Kodumbalur; a Study in Vellala origin and Early History. Madras
- Arokiaswami 1956** — M. Arokiaswami. The Kongu Country, Being the History of the Modern Districts of Coimbatore and Salem from the Earliest Times to the Coming of the British. Madras
- Arokiaswami 1957** — M. Arokiaswami. Democratic Experiments in Ancient South India. // Journal of Indian History, vol XXXV, p. 335–341
- Ayyar 1947** — K. R. Venkatarama Ayyar. Medieval Trade, Craft and Merchant Guilds in South India. // Journal of Indian History, vol. XXV, pt 3. p. 269–280
- Balambal 1978** — (Mrs.) V. Balambal. Feudatories of South India. 800–1070 A. D. Allahabad: Chugh Publ.
- Bala 2002**
- Beck 1970** — Brenda E. F. Beck. The Right — Left Division of South-Indian Society. // Journal of Asian Society. Vol. 29. no. 4. p. 779–798
- Beck 1972** — Brenda E. F. Beck. Peasant Society in Kōṅku. A study of Right and Left Subcastes in South India. Vancouver: University of British Columbia

- Berkemer 2001** — Georg Berkemer. Political Systems and Political Structure of Medieval South India. // Explorations in the History of South Asia. Essays in Honour of Dietmar Rothermund. Ed. by Georg Berkemer, Tilman Frash, Herman Kulke, Jorgen Lutt. New Delhi, Manohar. p. 121–138
- Chakravarti 1990** — Ranabir Chakravarti. Monarchs, Merchants and a Matha in Northern Konkan (c/900–1053 AD) // IESHR, Vol. 27, no. 2. p. 189–208
- Champakalakshmi 1979** — R. Champak Lakshmi. Growth of Urban Centers in South India: Kudamukku-Palaiyarai, the Twin-city of the Colas. // Studies in History, vol. I, no. 1. p. 1–30
- Champakalakshmi 1983** — R. Champakalakshmi. Religion and Social Change in Tamil Nadu c. A. D. 600–1300. Synopsis. 31st International Congress of Human Sciences in Asia and North Africa (Japan) (MSS)
- Champakalakshmi 1986** — R. Champakalakshmi. Urbanisation in Medieval Tamil Nadu // Situating Indian History for Sarvepalli Gopal. Delhi: Oxf. Univ Press. p. 34–105
- Champakalakshmi 1994** — R. Champakalakshmi. Urban Process in Early Medieval Tamil Nadu // The City in Indian History. Urban Demography, Society and Politics. New Delhi: Manohar. p. 47–68
- Champakalakshmi 1996** — R. Champakalakshmi. The Medieval South Indian Guilds: Their Role in Trade and Urbanization. // Society and Ideology in India. Essays in Honour of Professor R. S. Sharma. New Delhi. p. 81–93
- Champakalakshmi 1999** — R. Champakalakshmi. Trade, Ideology and Urbanization. South India 300 BC to AD 1300. New Delhi: Oxford Univ. Press
- Champakalakshmi 2001** — R. Champakalakshmi. Reappraisal of a Brahmanical Institution: the Brahmadaya and its Ramifications in Early Medieval South India // Structure 2001. p. 59–84
- Chandrasekhar 1980** — S. Chandrasekhar. The Nagarattars of South India. Delhi.
- Chandrasekharan 1994** — p. Chandrasekharan. Land Control and Land Ownership in Medieval Pandya Times in Tamilnadu // SIE, XXI, no. 17, p. 77–80
- Chatterjee 1987** — Kumudranjan Chatterjee. Temple Offerings and Temple Grants in South India. // Essays in Indian Art, Religion and Society. New Delhi. p. 1–17
- Chattopadhyaya 1976** — B. D. Chattopadhyaya. Origin of the Rajputs: The Political, Economic and Social Processes in Early Medieval Rajasthan // IHR, III, no. 1. p. 59–82
- Chattopadhyaya 1996** — B. D. Chattopadhyaya. Change through Continuity: Notes toward an Understanding of the Transition of Early Medieval India // Society and Ideology in India. Essays in Honour of Professor R. S. Sharma. New Delhi: Manohar. p. 135–161
- Chattopadhyaya 1997** — Brajudulal Chattopadhyaya. Political Process and the Structure of Polity in Early Medieval India // The State in India. 1000–1700. Delhi: Oxford Univ. Press. p. 195–232
- Chaturvedi 2005** — Sarojini Chaturvedi. A Short History of South India. New Delhi: Samskriti

- Chibber 1998** — Vivek Chibber. Breaching the Nadu: Lordship and Economic Development in Pre-Colonial South India // The Journal of Peasant Studies, vol. 26, no. 1. October. p. 1–42
- Davis 2004** — Donald R. Davis. The Boundaries of Hindu Law. Tradition, Custom and Politics in Medieval Kerala/Corpus iuris sanscriticum et fontes iuris Asiae meridiana et centralis. A Series on Social and Religious Law, ed. by Oscar Botto. Vol. V. Torino, 2004
- Deglurkar 1979** — G. B. Degkurkar. Institution of Agrahara in Maharashtra // PIHC, A Fourtieth Session, Waltair. p. 195–202
- Derret 1957** — J. D. M. Derret. The Hoysalas. A Medieval Indian Royal Family. London
- Devakunjari 1968** — D. Devakunjari. Some Problems of Medieval Pandyan Chronology // Seminar on Inscriptions. 1966. Speeches and Papers. Madras: Books (India) Private Ltd.
- Dikshit 1959** — G. S. Dikshit. Constitution of the Trade Guilds in Medieval Karnataka // Journal of the Karnatak University. Humanities. Vol. III. Dharwar
- Dikshit 1960** — G. S. Dikshit. Okkalu — a Corporate Body of Medieval Karnataka. // Journal of the Karnatak University. Humanities. Vol. IV. Dharwar
- Dikshit 1964** — G. S. Dikshit. Local Self-Government in Medieval Karnataka. Dharwar
- Dikshit 1987** — G. S. Dikshit. Trade Guilds under the Chalukyas of Kalyani. Essaya in Ancient Indian Economic History. New Delhi: Manohar. p. 183–186
- Dirks 1976** — N. B. Dirks. Political Authority and Structural Change in Early South Indian History // IESHR, vol. 13, no. 2, p. 125–157
- Dua 1998** — J. C. Dua. Glossary of Revenue and Allied Terms of South India. New Delhi: Kaveri Books
- Elizabeth 1990** — V. S. Elizabeth. Herostones in the Rashtrakuta Period: their Implications for Society and Polity // PINH. Gorakhpur. p. 828–833
- Ganguli 1937** — Dharendra Chandra Ganguli. The Eastern Chalukyas. Benaras
- Girijamma 1995** — D. A. Girijamma. Nayindas (barbers) of Medieval Karnataka // PIHC, 55th Session, Aligarh (1994) . p. 201–206
- Glimpses 1960** — Glimpses of Karnataka. Ed. by M. V. Krishna Rao, M. Govardhana Rao, K. Jeevanna Rao. Bangalore
- Gopal 1970** — B. R. Gopal. The Later Western Chalukyas (from the Earliest Times to 1076 AD. Mysore
- Gopala 1975** — Y. Gopala Reddy. The Trade Guilds in the Age of the Kakatiyas of Warangal. // Clio. A Quarterly Journal of Historical Perspectives. Vol. I, Nos 2–3
- Gopalan 1928** — G. Gopalan. History of the Pallavas of Kanchi. Madras
- Gough 1980** — Kathleen Gough. Modes of Production in Southern India // Economic and Political Weekly. Febr. 1980. p. 337–364
- Govindasamy 1979** — M. S. Govindasamy. The Role of Feudatories in Later Chīñ History. Annamalai Nagar

- Gros 1970** — François Gros et R. Nagaswamy. *Uttaramāraṇ. Legents, Histoire, Monuments*. Pondichéri: Institut Français d'Indologie, 1970
- Gupta 1933** — K. M. Gupta. The Land System in South India between c. 800 A. D. and 1200 A. D. (in the light of the Epigraphic and Literary evidence). Lahore
- Gurukkal 1979a** — Rajan Gurukkal. Some Aspects of Early Medieval Brahman Village Legal Codes of Kerala // PIHC, 40th Session. Waltair. p. 150–156
- Gurukkal 1979b** — p. M. Rajan Gurukkal Alwaye. Medieval Land Rights: Structure and Pattern of Redistribution // PIHC, 39th Session. Osmania University, Hyderabad (1978)/Vol. I. Aligarh. p. 279–284
- Gurukkal 1980** — Rajan Gurukkal. The Socio-Economic Milieu of the Kerala Temple: a Functional Analysis c. 800–1200 A. D. // Studies in History, vol. II, no. 1, p. 1–14
- Gurukkal 1985** — Rajan Gurukkal. Non-Brahmana Resistance to the Expansion of Brahmadeyas: the Early Pandya Experience // p. I. H. C. New Delhi: 1985. p. 161–163
- Gurukkal 1986** — Rajan Gurukkal. Aspects of the Reservoir System of Irrigation in the Early Pandya State // Studies in History. New Series. Vol. 2. no. 2. p. 155–164
- Gurukkal 1987** — Rajan Gurukkal. Aspects of Warrior Power in Localised Agriculture. The Case of the Pandya Region during the Early Medieval Period // p. I. H. C. Srinagar. Vol. I. P. 192–198
- Gurukkal 1989** — Rajan Gurukkal. Forms of Production and Forces of Change in Ancient Tamil Society. // Studies in History. vol. 5, no. 2. New Series, p. 159–175
- Gurukkal 1994** — Rajan Gurukkal. From Clan and Lineage to Hereditary Occupations and Caste in Early South India. // IHR, XX, no. 1–2. p. 22–33
- Gurukkal 1997** — Rajan Gurukkal. The Socio-Economic Milieu of the Kerala Temple: A Functional Analysis c. AD 800–1200 // Land System and Rural Society in Early India. New Delhi: Manohar. p. 290–305
- Gururajachar 1974** — S. Gururajachar. Some Aspects of Economic and Social Life in Karnataka (A. D. 1000 — A. D. 1300). Mysore
- Gururajachar 1982** — S. Gururajachar. Commercial Integrity in Medieval Karnataka (A. D. 1000–1600). // SIE, VIII, p. 109–110
- Hall 1977** — Kenneth R. Hall. Price-Making and Market Hierarchy in Early Medieval South India. — IESHR, vol. XIV, no. 2, p. 207–230
- Hall 1978** — Kenneth R. Hall. International Trade and Foreign Diplomacy in Early Medieval South India. // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol XXI, Pt 1, p. 75–98
- Hall 1980** — Kenneth R. Hall. Trade and Statecraft in the Age of the Cīāś. Delhi, Abhinav
- Hall 1982** — Kenneth R. Hall. Peasant State and Society in Chola Times: A View from the Tiruvidaimaradur Urban Complex. // IESHR, vol. XVIII, Nos 3–4, p. 393–410

- Hall 1985** — Kenneth R. Hall. South and Southeast Asian Epigraphy as a Source of Economic History. // Indus Valley to Mekong Delta. Explorations in Epigraphy. Madras. p. 87–102
- Hall 2001a** — Kenneth R. Hall. Structural Change and Societal Integration in Early South India: An Introductory Essay // Structure 2001. p. 1–27
- Hall 2001b** — Kenneth R. Hall. Merchants, Rulers and Priests in an Early South Indian Sacred Centre: Cidambaram in the Age of the Cīāś // Structure 2001, p. 85–116
- Hanumanthan 1997** — K. R. Hanumanthan. Evolution of Untouchability in Tamil Nadu up to A. D. 1600 // IHR, XXIII. no. 1–2
- HCIP** — The History and Culture of the Indian People. Vol. III. The Classical Age. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1954; Vol. IV. The Age of Imperial Kanauj. Bombay: 1964; Vol V. The Struggle for Empire. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1957
- Hegde 2007** — Rajaram Hedge. Temple-Hierarchy, Mathas and Socio-Political Factors in Medieval India — A Regional Context in Karnataka. Kuvempu University
- Heitzman 1991** — James Heitzman. Ritual Policy and Economy: The Transactional Network of an Imperial Temple in Medieval South India. // JESHO, 1991, vol. 34, no. 1. p. 23–54
- Heitzman 1997** — James Heitzman. State Formation in South India, 850–1280 // The State in India. 1000–1700. Delhi: Oxford Univ. Press. p. 162–194
- Heitzman 2001a** — James Heitzman. Gifts of Power. Lordship in an Early Indian State. New Delhi: Oxford Univ. Press.
- Heitzman 2001b** — James Heitzman. Urbanisation and Political Economy in Early South India: Kāñcēpuram During the Cīāś Period // Structure 2001. p. 117–156
- Heras 1933** — H. Heras. Studies in Pallava History. Madras: Paul
- IESHR** — Indian Economic and Social History Review. New Delhi, 1963 —
- IHG** — Indian Historical Quarterly. Madras: 1925–1962
- IHR** — Indian Historical Review. Delhi, 1984 —
- Inden 1982** — Ronald Inden. Hierarchies of Kings in Early Medieval India // Way of Life: King, Householder, Renouncer. Essays in Honor of Louis Dumont. Ed. by T. N. Madan. Delhi: Vikas Publ. P 99–127
- Inden 1990** — R. Inden. Imaging India. Oxford: Basil Blackwell
- Indrapala 1970** — K. Indrapala. Some Medieval Mercantile Communities of Southern India and Ceylon // Journal of Tamil Studies, II, no. 2, pt 1
- JAHRS** — Journal of the Andhra Historical Society. Rajahmundry. Vols I–XIX
- Jaiswal 1974** — Suvira Jaiswal. Studies in the Social Structure of the Early Tamils. // Indian Society: Historical Probing. In Memory of D. D. Kosambi. Delhi: PPH. p. 124–155
- Jayadevan 1987** — Podmaja Jayadevan. Land Rights of Ay Kingdom based on Inscriptions // PIHC, 47th Session. Kashmir, Srinagar University (1986). Vol. I. P. 187–191

- JBBRAS** — The Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society. Bombay: 1865–1950
- JESHO** — Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden: 1957–2008 ([HTTP://brill.publisher.ingentaconnect.com/content/brill/sho](http://brill.publisher.ingentaconnect.com/content/brill/sho))
- Jha 1974** — D. N. Jha. Temples as Landed Magnates in Early Medieval South India (c. A. D. 700–1300). // *Indian Society: Historical Probing*. In Memory of D. D. Kosambi. Delhi. p. 202–216
- Jha 1982** — D. N. Jha. Relevance of “Peasant State and Society” to Pallava — Chola Times // *IHR*, VIII, no. 1–2
- Jha 1985** — D. N. Jha. Relevance of “Peasant State and Society” to Pallava-Chola Times. // *Indus Valley to Mekong Delta. Explorations in Epigraphy*. Madras, p. 103–140
- JIH** — Journal of Indian History. Trivandrum: 1921–1962
- JRAS** — Journal of the Royal Asiatic Society. London: 1834–1959
- Kanakasabhai 1966** — V. Kanakasabhai. The Tamils 1800 years ago. Madras
- Karashima 1966** — Noboru Karashima. Allur and Isanamangalam. Two South Indian Villages of the Cola Times // *IESHR*, vol. III, no. 2, p. 150–162
- Karashima 1967** — N. Karashima. The Power Structure of the Chola Rule. // Papers presented to the 2 International Tamil Conference. Madras, 1967
- Karashima 1972a** — N. Karashima. The Power Structure of the Chola Rule. // Proceedings of the Second International Conference-Seminar of Tamil Studies. 1968. Vol. II. Madras
- Karashima 1972b** — N. Karashima and B. Sitaraman. Revenue Terms in Chola Inscriptions. // *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 5
- Karashima 1976** — Noboru Karashima and Y. Subbarayalu. A Statistical Study of Personal Names in Tamil Inscriptions. // *Computational Analyses of Asian and African Languages*. no. 3. Tokyo. p. 9–20
- Karashima 1978** — Noboru Karashima, Y. Subbarayalu, Toru Matsui. A Concordance of the Names in the Cīñ Inscriptions. Vols I–III. Madurai
- Karashima 1980a** — Noboru Karashima. The Prevalence of Private Landholding in the Lower Kaveri Valley in the Late Cola Period and its Historical Implications // *Studies in Socio-Cultural Change in Rural Villages in Tiruchirapalli District, Tamilnadu, India*. no. 1. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 1980, p. 1–20. См. также: *Socio-Cultural Change in Villages in Tiruchirapalli District, Tamilnadu, India*. Pt 1. Pre-Modern Period. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 1983, p. 71–90
- Karashima 1980b** — Noboru Karashima. Land Revenue Assessment in Cola Times as Seen in the Inscriptions of the Thanjavur and Gangaikondacholapuram Temples // *Studies in Socio-Cultural Change in Rural Villages in Tiruchirapalli District, Tamilnadu, India*. no. 1. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 1980, p. 33–50. См. также: *Socio-Cultural Change in Villages in*

- Tiruchirapalli District, Tamilnadu, India*. Pt 1. Pre-Modern Period. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 1983, p. 53–70
- Karashima 1980c** — Noboru Karashima; Y. Subbarayalu; p. Shanmugam. The Pandyan Revenue Terms of Tiruchirapalli District and the Former Pudukkottai State // *Studies in Socio-Cultural Change in Rural Villages in Tiruchirapalli District, Tamilnadu, India*. no. 1. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 1980, p. 51–88. См. также: *Socio-Cultural Change in Villages in Tiruchirapalli District, Tamilnadu, India*. Pt 1. Pre-Modern Period. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 1983, p. 91–121
- Karashima 1982** — Noboru Karashima. The Village Communities in Chola Times: Myth or Reality // J. T. S. I., Vol. VIII. Dharwar. p. 85–96
- Karashima 1983** — Noboru Karashima and Y. Subbarayalu. Valangai/Idangai, Kaniyalar and Irajagarattar: Social Conflict in Tamilnadu in the 15th Century // *Socio-Cultural Change in Villages in Tiruchirapalli District, Tamilnadu, India*. Pt 1. Pre-Modern Period. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, p. 133–159
- Karashima 1984** — Noboru Karashima. South Indian History and Society. Studies from Inscriptions A. D. 850–1800. Delhi
- Karashima 1987** — Noboru Karashima. The Prevalence of Private Landholding in the Lower Kaveri Valley in the Late Cola Period and its Historical Implications // *Feudal Social Formation in Early India*. Delhi: Chanakya Publ. p. 113–129
- Karashima 1992** — N. Karashima; Y. Subbarayalu; p. Shanmugam; Madhav N. Katti; Synthia Talbot. A Statistical Study of Revenue Terms in Vijayanagar Inscriptions // *SIE*, XIX, p. 37–51
- Karashima 1993** — N. Karashima. Nāṭavars in Tamilnadu during the Pandya and Vijayanagar Periods // *SIE*, XXII, no. 5, p. 21–27
- Karashima 1995** — Noboru Karashima. Indian Commercial Activities in Ancient and Medieval Southeast Asia. // *Plenary Session Papers*, p. 1–25
- Karashima 1996** — N. Karashima. Vijayanagar Rule in the Lower Kaveri Valley during the Fifteenth and Sixteenth Centuries: its Changing Aspect as Seen in Srirangam Inscriptions // *Society and Ideology in India. Essays in Honour of Prof. R. S. Sharma*. New Delhi: Manoharlal. p. 175–182
- Karashima 2001a** — Noboru Karashima. History and Society in South India. The Cholas to Vijayanagar. New Delhi: Oxford Univ. Press
- Karashima 2001b** — Noboru Karashima. Whispering Inscriptions. // *Structure* 2001. p. 44–58
- Karashima 2008a** — N. Karashima, Y. Subbarayalu and p. Shanmugam. *Nagaram* during the Chola and Pandyan Period: Commerce and Towns in the Tamil

- Country A. D. 850–1350. // The Indian Historical Review. New Delhi. Vol. XXXV, no. 1, p. 1–33
- Karashima 2008b** — N. Karashima. Studying Village Economies in India. A Colloquium on Methodology. December 21 to 24, 2008. // http://agrarianstudies.org/userfiles/File/57_Karashima
- Karashima 2008c** — Noboru Karashima. Epigraphical Study of Ancient and Medieval Villages in the Tamil Country // Studying Village Economies in India. A Colloquium on Methodology. December 21 to 24
- Karashima 2009a** — Noboru Karashima. The Emergence of New Imprecations in Twelfth- and Thirteenth-Century Tamil Inscriptions and *Jāti* Formation // Mind and Matter. Essays on Mentalities in Medieval India. Ed. by D. N. Jha, Eugenia Vanina. New Delhi: Tulika Books, 2009. p. 261–273
- Karashima 2009b** — Noboru Karashima. South Indian Merchant Guilds in the Indian Ocean and Southeast Asia // Nagapattinam to Suvarnadwipa: Reflections of the Chola Naval Expeditions to Southeast Asia. Ed. by H. Kulke, K. Kesavapany, Vijay Sahuja. Singapur: Institute of Southeast Asian Studies P. 135–157
- Karmarkar 1947** — A. P. Karmarkar. A Cultural History of Karnataka (Ancient and Medieval). Dharwar
- Karuppiiah 1991** — K. Karuppiiah. Social Legislation in the Medieval Period in Tamil Country // SIE, XXIII, p. 139–140
- Kennedy 1976** — R. S. Kennedy The King in Early South India, as Chieftain and Emperor // IHR, Vol. III, no. 1. p. 1–15
- Kotiyal 1974** — H. S. Kotiyal. Sudra Rulers and Officials in Early Medieval Times // PIHC, 34th Session/Chandigarh, 1973. Vol. I. New Delhi. p. 80–87
- Krishnamurthi 1966** — S. R. Krishnamurthi. A Study on the Cultural Development in the Chola Period. Annamalaiagar: Annamalai University
- Krishnamurthy 1970** — A. V. Krishnamurthy. Social and Economic Conditions in the Deccan from A.D. 1000 to A. D. 1250. [Secunderabad]
- Krishnan 1982** — Chiōōramāip-periyanāū — An Agricultural Guild of Medieval Tamil Nadu // Journal of the Madras University. Vol. LVI, no. 1
- Krishnashastry 1917** — Rao Sahib H. Krishnashastry. The Fiscal Administration under the Early Colas. // Commemorative Essays Presented to Sir Ramkrishna Gopal Bhandarkar. Poona. p. 223–236
- Kulke 1982** — Hermann Kulke. Fragmentation and Segmentation Versus Integration? Reflections on the Concepts of Indian Feudalism and the Segmentary State in Indian History // Studies in History, Vol. IV, no. 2. p. 237–263
- Kulke 1993** — Hermann Kulke. Kings and Cults: State Formation and Legitimation in India and Southeast Asia. New Delhi: Manohar
- Kulke 1997** — Hermann Kulke Introduction: the Study of the State in Pre-modern India // The State in India. 1000–1700. Delhi: Oxford University Press, 1997. p. 1–47
- Kumar 1998** — Dh. Kumar. Private Property in Asia? The Case of Medieval South India. // Colonialism, Property and the State. Delhi. p. 135–170.

- Kumari** — M. Krishna Kumari. Land Taxes in Medieval Andhra (7th — 16th Century A. D.) (MSS)
- Kumari 1986** — Leela Shanta Kumari. History of the Agraharas. Karnataka, 400–1300. Madras, New Era Publications
- Kuppuswami 1979** — T. V. Kuppuswami. Matrix of the Social Structure of the Early Tamils // PIHC, Hyderabad, 1978. Vol. I. Aligarh
- Kuppuswamy 1975** — G. R. Kuppuswamy. Economic Conditions in Karnataka (A. D. 973 — A. D. 1336). Dharwar
- Kuppuswamy 1997** — G. R. Kuppuswamy. Landownership and Succession in Medieval Karnataka // Land System and Rural Society in Early India. New Delhi: Manohar. p. 163–177
- Liceria 1974** — Sister M. Liceria. Emergence of Brahmanas as Landed Intermediaries in Karnataka (c/A/D/1000–1300) // IHR, I, no. 1
- Liceria 1987** — M. Liceria A. C. The Migration of Brahmanas to Karnataka // Essayas in Indian Art, Religion and Society. New Delhi: Munshiram Manoharlal. p. 121–126
- Logan 1887** — W. Logan. Malabar. Vols I–II. Madras
- Ludden 1979** — David Ludden. Patronage and Irrigation in Tamil Nadu: a Long-term View. // IESHR, vol. XVI, no. 3. p. 347–365
- Ludden 1985** — D. Ludden. Peasant History in South India. Princeton: Princeton Univer. Press.
- Ludden 2002** — David Ludden. Spectres of Agrarian Territory in Southern India // IESHR, vol. 79, no. 2–3. p. 233–257
- Lakshmi 2004** — I. Lakshmi. Wet Crop Cultivation, the Brahmanas and the Cultivating Communities in Medieval Telengana // IHR. XXXI. no. 1–2
- Mahalingam 1955** — T. V. Mahalingam. Village Communities in South India. // Transactions of the Archaeological Society of South India. Vol. I. — Madras. p. 33–46
- Mahalingam 1967** — T. V. Mahalingam. South Indian Polity. Sec.ed. Madras
- Mahalingam 1997** — T. V. Mahalingam. Village Communities I in South India // Land System and Rural Society in Early India. New Delhi: Manohar. p. 178–192
- Majumdar 1922** — R. Ch. Majumdar. Corporate Life in Ancient India. Calcutta
- Majumdar 1994** — R. K. Majumdar and A. N. Srivastava. History of South India (With special Reference to Karnataka). Delhi: Surjeet Book Depot
- Malekandathil 2007** — Pius Malekandathil. Winds of Change and Links of Continuity: A Study of the Merchant Groups of Kerala and the Channels of their Trade, 1000–1800 // JESHO, vol. 50, pt 2–3, p. 259–286
- Mangalam 1979** — S. S. Mangalam. Numerical Appellation in Some Ancient Administrative Divisions. // PIHC. Hyderabad, 1978 Vol. I. Aligarh. p. 48–54
- Mazumdar 1960** — B. P. Mazumdar. The Socio-Economic History of Northern India (1030–1194 A. D.) Calcutta: K. L. Mukhopadhyay

- Menon 1878** — p. Shungunny Menon. A History of Travancore from the Earliest Times. Madras
- Menon 1924** — K. P. Padmanabha Menon. History of Kerala. A History of Kerala, Written in the form of Notes on Visscher's Letters from Malabar. Ed. by T. K. Krishna Menon. Vol. I. Ernakulam
- Menon 1929** — K. P. Padmanabha Menon. History of Kerala. A History of Kerala, Written in the form of Notes on Visscher's Letters from Malabar. Ed. by T. K. Krishna Menon. Vol. II. Ernakulam
- Menon 1933** — K. P. Padmanabha Menon. History of Kerala. A History of Kerala, Written in the form of Notes on Visscher's Letters from Malabar. Ed. by T. K. Krishna Menon. Vol. III. Ernakulam
- Menon 1937** — K. P. Padmanabha Menon. History of Kerala. A History of Kerala, Written in the form of Notes on Visscher's Letters from Malabar. Ed. by T. K. Krishna Menon. Vol. IV. Ernakulam
- Menon 1967** — A. Sreedhara Menon. A Survey of Kerala History. Kottayam: Sahitya Pravarthaka Co-op. Soc.
- Menon 1979** — A. Sreedhara Menon. Social and Cultural History of Kerala. New Delhi: Sterling Publ.
- Minakshi 1938** — C. Minakshi. Administration and Social Life under the Pallavas. Madras
- Mohan 1985** — Ram A. Mohan. Famines and Relief Measures under the Imperial Cholas (850–1279 A. D.) // PIHC, Delhi, p. 182–191
- Mohanty 1997** — Shushubna R, Mohanty and Rabindra K. Mohanty. A Socio-Economic Approach towards the Study of Feudalism under the Chalukyas of Badami // Indica, vol. 34, no. 1
- Murthy 1979** — V. Sriramachandra Murthy. Vaishnavite Grants of Kakatiyas in Guntur District // PIHC. 39th Session. Osmania University. Hyderabad, 1978. Vol. I. Aligarh. p. 71–76
- Murton 1979** — Brian J. Murton. The Evolution of the Settlement Structure in Northern Kongu to 1800 A. D. // Perspectives on a Regional Culture. Essays about the Coimbatore Area of South India. Ed. by Brenda E. F. Beck. New Delhi: Vikas Publ. House. p. 1–33
- Murton 2001** — Brian Murton. The Emergence of Sedentary Agriculture in Interior Tamilnādu in the Thirteenth Century // Structure 2001. p. 157–180
- Murty 1977** — T. S. N. Murty. Corporate Life in Medieval Andhra Village // PIHC. 38th Session. Utkal University (Bhubaneswar)
- Muthanna 1962** — Vidwan Muthanna. History of Karnataka (history, administration & culture). Mysore: Usha Press
- Nagaswamy 1995** — R/Nagaswamy. Roman Karur. A Peep into Tamils' Past. Madras: Brahat Prakashan
- Nandi 1971** — R. N. Nandi. Gotra and Social Mobility in the Deccan // PIHC. 32nd Session. Jabalpur, 1970. Vol. I. New Delhi. p. 118–124
- Nandi 1973** — R. N. Nandi. Aspects of Untouchability in Early South India. // PIHC, Chandigarh

- Nandi 1984** — R. N. Nandi. Growth of Rural Economy in Early Feudal India. PIHC, 45th Session. Annamalai University
- Nandi 1987a** — R. N. Nandi. Clan Name and Social Mobility in the Deccan. // Essays in Indian Art, Religion and Society. New Delhi: Manohar. p. 109–115
- Nandi 1987b** — R. N. Nandi. Family and Inheritance in Early South India // Essays in Ancient Indian Economic History. New Delhi: Manohar. p. 20–28
- Nandi 1994** — R. N. Nandi. Growth of Rural Economy in Early Feudal India. PIHC, Annamalai
- Nandi 2000** — Ramendra Nath Nandi. State Formation, Agrarian Growth and Social Change in Feudal South India, c. A. D. 600–1200. Munshiram Manoharlal
- Nanjundappa 1979** — M. Nanjundappa. New Light on the Last Epigraphical Reference to the Five Hundred Swamis of Ayyavole // PIHC, Fortieth Session, Waltair. p. 1130–1132
- Narasimharao 1956** — R. Narasimharao. Mercant Guilds in Medieval Andhra. // PIHC, Patna. p. 217–226
- Narasimha 1967** — R. Narasimha Rao. Corporate Life in Medieval Andhradesa. The University Grants Commission
- Narayana 1992** — Narayana Raj, Velcheru, David Shulman, and Sanjay Subrahmanyam. Symbols and Substance. Court and State in Nayaka Period Tamilnadu. Delhi
- Narayanan 1973** — M. G. S. Narayanan. The Institution of “Companions of Honor” with Special Reference to South India // PIHC, 33th Session. Muzaffarpur (1972). New Delhi. p. 74–83
- Narayanan 1976** — M. G. S. Narayanan. The Ancient and Medieval History of Kerala — Recent Developments and the Rationale for Inter-Disciplinary Approach // Journal of Kerala Studies. Vol. III. Parts 3 & 4. p. 441–456
- Narayanan 1977** — M. G. S. Narayanan. Companions of Honor in South India // Re-Interpretation of South Indian History. Trivandrum: 1977. P/99–113
- Narayanan 1978** — M. G. S. Narayanan. Recent Work and Research Problems in Social and Economic History of Ancient and Medieval India // UGC Summer Institute in History. Recent Developments in Historical Writing with Special Reference to South India. May 2–22, 1978. Calicut University (MSS)
- Narayanan 1982** — M. G. S. Narayanan. The Warrior Settlements of the Sangam Age // PIHC, Kurukshetra
- Narayanan 1983** — M. G. S. Narayanan. The Hundred Groups and the Rise of Nayar Militia in Kerala. // PIHC, Burdwan, p. 113–119
- Narayanan 1987a** — M. G. S. Narayanan. The Vedic-Puranic-Shastric Elements in Tamil Sangam Society and Culture (A Study of Purananuru — First Section) // Essays in Indian Art, Religion and Society. New Delhi: Manohar. p. 127–140

- Narayanan 1987b** — M. G. S. Narayanan. Socio –Economic Implications of the Concept of Mahāpātaka in the Feudal Society of South India // Essays in Ancient Indian Economic History. New Delhi: Manohar. p. 235–242
- Narayanan 1987c** — M. G. S. Narayanan & Veluthat Kesavan. Bhakti Movement in South India // Feudal Social Formation in Early India. Delhi: Chanakya Publ. p. 348–375
- Narayanan 1988** — M. G. S. Narayanan. The Role of Peasants in the Early History of Tamilakam in South India. // Social Scientist, no. 184, p. 17–34
- Narayanan 1989a** — M. G. S. Narayanan. Proposal for a New Approach to Epigraphy with Special Reference to the Early History of Kerala // ICHR Workshop on “Socio-Economic Terms in Ancient and Medieval Indian Inscriptions”. (Mysore, Aug. 25–27, 1989). MSS.
- Narayanan 1989b** — M. G. S. Narayanan. Review: South Indian History and Society (Studies From Inscriptions, A. D. 850–1800). By N. Karashima // Tamil Civilization, vol. 3, no. 1, p. 57–71
- Narayanan 1989c** — M. G. S. Narayanan. The God-Presidents of Agrarian Corporations in Ancient Kerala // PIHC, 48th Session. Goa 1987. Delhi.
- Narayanan 1997a** — M. G. S. Narayanan. Differential Connotation of “yr” in the Epigraphic Records of Tamilnad and Kārāṭa. // SIE, XXIII. no. 15. p. 85–92
- Narayanan 1997b** — M. G. S. Narayanan. The Role of Peasants in the Early History of Tamiṇakam in South India // Land System and Rural Society in Early India. New Delhi: Manohar. p. 237–260
- Narayanan 1998** — M. G. S. Narayanan. The Special Features of Chera Inscriptions // SIE. XXIV, no. 4. p. 28–36
- Narayanan 2002** — M. G. S. Narayanan. Further Studies in the Jewish Copperplates of Cochin // IHR, XXIX. no. 1–2
- Nayar 1988** — V. S. Nayar. Service Condition of the Employees of the Temples of Kerala: An Inscriptional Study // PIHC, 48th session Goa. p. 760–765
- Nedumaran 1998** — S. D. Nellai Nedumaran and S. Ramachandran. Decline and Fall of Veṇṇai Nāārs // SIE, XXIV, no. 8. p. 58–65
- Nedumaran 1999** — S. D. Nellai Nedumaran, S. Ramachandran. The Vāārs: were they the Velalas? // SIE, XXV. p. 139–152, no. 20
- Nellai 1998** — S. D. Nellai Nedumaran, S. Ramachandran. The Vāārs: Were they the Vāārs? // SIE, vol. XXV, p. 139–152
- Obeyesekere 1975** — G. Obeyesekere. The Left — Right Subcastes in South India: A Critique. Review Article. // Man. Vol. 10, no. 3. p. 462–468
- Ogura 1998** — Ogura Yasushi. The Changing Concept of Kingship in the Chola Period: Royal Temple Construction, ca. A. D. 850–1279 // Acta Asiatica, 74. p/39–58
- Padmanabha 1982** — C. A. Padmanabha Sastry Migrations with reference to Andhra country (based on inscriptions). // SIE, Vol. VIII, p. 46–52
- Palat 1986** — Ravi Palat. Popular Revolts and the State in India: a Study of the Vijayanagara Empire (1360–1565) // Bijtragen tot de Taal, Land- en Volkerkunde. no. 142, p. 128–144

- Panda 1991** —
- Pandeya 1979** — B. K. Pandeya. The Chola Temples and its Privileges // PIHC, Wai-tair, p. 125–128
- Pandeya 1970** — B. K. Pandeya. Classification of the Chola Temple Employees // PIHC, Jabalpur. Vol. I. p. 183–186
- Panikkar 1960** — K. M. Panikkar. A History of Kerala, 1498–1801. Annamalainagar, 1960
- Parasher 1991** — Aloka Parasher. Epigraphy as a Tool for Writing Social History. // SIE, vol. XVIII. p. 62–73
- Parasher 1992** — Aloka Parasher. Defining the Historical Village and the Epigraphical Record. // SIE, vol. XIX, p. 28–36
- Perspectives 1979** — Perspectives on a Regional Culture. Essays about the Coimbatore Area of South India. Ed. by Brenda E. F. Beck. New Delhi: Vikas Publ. House
- PIHC** — Proceedings of the Indian History Congress
- Pillai 1904** — V. Kanakasabhai Pillai. The Tamils 1800 Uears ago. Madreas
- Pillai 1930a** — S. Desivinayagan Pillai. A Rama Varma Inscription 837 M. E.// Kerala Society Papers. Series 4. Trivndrum
- Pillai 1930b** — S. Desivinayagan Pillai. A Palm-Leaf Manuscript of 448 M. E.// Kerala Society Papers. Series 6. Trivndrum
- Pillay 1969** — K. K. Pillay. A Social History of the Tamils. Pt I. Madras: University of Madras
- Prananatha 1929** — Prananatha. A Study in the Economic Conditions of Ancient India/London
- Prasad 1977** — Om Prakash Prasad. A Study of Towns in Karnataka on the Basis of Epigraphic Sources: c. A. D. 600–1200. // Indian History Congress. Proceedings of the Thirty-Eight Session. Utkal University (Bhubaneswar). p. 151–160 // Essays in Ancient Indian Economic History. New Delhi: Manohar, 1987. p. 175–182
- Prasad 1985** — B. Rajendra Prasad. Perur Inscriptions. A study // PIHC. New Delhi. p. 911–917
- Puri 1968** — B. N. Puri. History of Indian Administration. Vol. I. Ancient Period. Bombay
- Raja 1960** — K. R. Raja. Basava. Agraharas in Medieval Karnataka. // Journal of the Karnatak University. Humanities. Vol IV. Dharwar. p. 106–114
- Raja 1966** — p. K. S. Raja. Mediaeval Kerala. Calicut: The Navakerala Co-op Publishing House Ltd
- Rajan 1999** — K. Rajan. Territorial Division as Gleaned from Memorial Stones // SIE, XXV, 9. 79–91, no. 13
- Rajasthan 1966** — Rajasthan through the Ages. Ed. by D. Sharma. Vol. I, Bikaner:
- Raju 1941** — A. Sarada Raju. Economic Conditions in the Madras Presidency, 1800–1850. Madras

- Ramachandraiya 1961** — O. Ramachandraiya and K. Sundaram. The Teliki Community of Medieval Andhra. // *Journal of Indian History*, vol. XXXIX, pt 1. p. 79–87
- Raman 1972** — K. V. Raman. Some Aspects of Pandyan History in the Light of Recent Discoveries. Madras
- Raman 1983** — K. V. Raman and p. Shanmugam. Aspects of Village Settlements, Art Traditions and Village Deities in Lalgudi Taluk // *Socio-Cultural Change in Villages in Tiruchirapalli District, Tamilnadu, India*. Pt 1. Pre-Modern Period. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 1983, p. 1–52
- Ramaswami 1980** — Vijaya Ramaswami. Some Inquires into the Condition of Weavers in Medieval South India // *IHR*, VI, no. 1–2
- Ramaswamy 1982** — Vijaya Ramaswamy. Peasant State and Society in Medieval South India. A Review Article // *Studies in History*. Vol. IV. p. 307–319
- Ramaswamy 1985** — Vijaya Ramaswamy. Textiles and Weavers in Medieval India. Delhi
- Ramaswamy 2003** — Vijaya Ramaswamy. The Karashima Omnibus // *IHR*, XXX, no. 1
- Ramaswamy 2004** — Vijaya Ramaswamy. Vishwakarma Craftsmen in Early Medieval Peninsular India // *JESHO*, vol. 47, no. 4. p. 548–582
- Rao** — C. Somasundara Rao. The Connotation of the Term ‘Boya’ Occurring in Andhra Inscriptions (MSS)
- Rao 1936** — M. V. Krishna Rao. The Gangas of Talakad. A monograph on the History of Mysore from the Forth to the close of the Eleventh Century. Madras: B. G. Paul & Co. Publishers
- Rao 1966** — M. R. Rao. Social Conditions in Medieval Deccan // *The Quarterly Review of Historical Studies*. Vol. V, no. 4
- Rao 1967** — R. Narasimha Rao. Corporate Life in Medieval Āndhradāṇa. Hyderabad
- Rao 1974** — T. Venkateswara Rao. Numerical Figures affixed to the Names of Territorial Divisions in Medieval Andhra // *Itihas. Journal of the Andhra Pradesh Archives*. Vol. II, no. 1. p. 53–58
- Rao 1976** — C. V. Ramachandra Rao. Administration and Society in Medieval Andhra (A. D. 1038–1538) under the Later Eastern Gagnas and the Suryavamsa Gajapatis. Nellore
- Rao 1987** — R. Narasimha Rao. Merchant Guilds in Medieval Andhra // *Essays in Ancient Indian Economic History*. New Delhi: Manohar. p. 187–196
- Raychoudhary 1978** — S. C. Raychoudhary. Social, Cultural and Economic History of India (Medieval Age). Delhi, 1978
- Reddy 1975 a** — Y. Gopala Reddy. The Trade-Guilds in the Age of the Kākatīyas of Warangal // *CLIO. A Quarterly Journal of Historical Perspectives*. Vol. I. No. 2&3. p. 127

- Reddy 1975b** — M. Pattabhirama Reddy. Some Aspects of Agrarian Relations in Medieval Andhra // *CLIO. A Quarterly Journal of Historical Perspectives*. Vol. I, no. 4. p. 1–36
- Sahu 1995** — Bhairabi Prasad Sahu. The State in Early India: an Overview // *PIHC*, 55th Session, Aligarh (1994) Delhi. p. 88–98
- Sakuntala 1996** — V. Sakuntala Socio-Economic Formation in Vēngi-desā (7–11th centuries A. D.) // *PIHC*. Calcutta. p. 105–111
- Salem 1883** — Manual of the Salem District in the Presidency of Madras. By Le Fanu. Vols I, II. Madras
- Saletore 1934** — B. A. Saletore. Social and Political Life in the Vijayanagar Empire (A. D. 1340–1646). Vol. II. Madras
- Saletore 1939** — B. A. Saletore. Ancient Karnāṭaka. Vol. I. History of Tuluva. Poona
- Sampath 1991** — M. D. Sampath. Historical Interpretation of Agrarian and Economic System. // *SIE*, vol. XVIII. p. 74–78
- Samathi 1979** — M. Samathi. Social Status of Courtesans in Early Medieval Kerala // *PIHC*, 39th Session. Osmania University, Hyderabad (1978). Vol. I. P. 260–269
- Sampath 2004** — M. D. Sampath. Interpretation of Inscriptions for Writing History // *SIE*, XXXI, no. 5, p. 29–38
- Santhalingam 1999** — C. Santhalingam. Agrarian Unrest at Tāmaraippākkam // *SIE*, XXVIII
- Santhanam 1940** — S. S. Santhanam. Local Administration in Ancient South India. // *Quarterly Journal of the Mythic Society*. Vol. XXXI, no. 2
- Santhanam 1948** — S. S. Santhanam.. Local Administration in Ancient South India. // *Quarterly Journal of the Mythic Society*/Vol. XXXIX, no. 1; 1952
- Santhanam 1952** — S. S. Santhanam. Local Administration in Ancient South India. // *Quarterly Journal of the Mythic Society*. Vol. XLII, no. 3
- Sastri 1929** — K. A. Nilakanta Sastri. The Pandyan Kingdom. From the Earliest Times to the Sixteenth Century. L.
- Sastri 1932** — K. A. Nilakanta Sastri. Studies in Chola History and Administration. — Madras
- Sastri 1955** — K. A. Nilakanta Sastri. The Colas. Vol. I. To the Accession of Kulottunga I. Sec. ed. Madras
- Sastri 1958** — K. A. Nilakanta Sastri. A History of South India, from Prehistoric Times to the Fall of Vijayanagar. Sec, ed. Madras
- Sastri 2000** — K. A. Nilakanta Sastri. The Colas. Madras: University of Madras.
- Sastri 2002** — K. A. Nilakanta Sastri. A History of South India. From Prehistoric Times to the Fall of Vijayanagar. Fourth Edition. With a new Introduction by R. Champakalakshmi. New Delhi: Oxford Univ. Press
- Sastry 1981** — C. A. Padmanabha Sastry. Migrations with Reference to Andhra Countri (based on inscriptions). // *SIE*, vol. VIII. p. 46–51
- Satyanarayana 1975** — K. Satyanarayana. A Study of the History and Culture of the Andhras. Vol. I. From Stone Age to Feudalism. New Delhi: PPH

- Sen Gupta 1973** — Swati Sen Gupta. An Economic Analysis of Some Cola Temple Gifts (A. D. 985 — A. D. 1044). // PIHC. Chandigarh
- Shanmugam 1977** — p. Shanmugam. The Revenue System of the Cholas, 850–1279. Madras: New Era Publications
- Shanmugam 1985** — p. Shanmugam. “Tax-free” Grants during Rajaraja I // PIHC. New Delhi. p. 177–181
- Sharma 1959** — D. Sharma. Early Chauhan Dynasties. A Study of Chauhan Political History, Chauhan Political Institutions and Life in the Chauhan Dominions from c. 800 to 1316 A. D. Delhi:
- Sharma 1965** — Ram Sharan Sharma. Indian Feudalism: c. 300–1200. Calcutta: Calcutta Univ. Press
- Sharma 1987** — R. S. Sharma. Urban Decay in India (c. 300 — c. 1000). New Delhi: Manoharlal
- Sharma 1990** — R. S. Sharma. The Segmentary State and the Indian Experience // Indian Historical Review, vol. 16, p. 80–108
- Shivanna 1987** — K. S. Shivanna. Farm-Labourers of Karnatska (Ancient and Medieval Period) // Essays in Ancient Indian Economic History. New Delhi: Manohar. p. 83–87
- SIE** — Studies in Indian Epigraphy (Bhāratēya Purābhilekha Patrikā). Journal of the Epigraphical Society of India. Vols III–XXXI. Dharwar: 1974–2005
- Sinha 1964** — S. K. Sinha. Medieval History of the Deccan. Vol I. Hyderabad
- Sinha 1968** — S. K. Sinha. Medieval History of the Deccan. Vol. II. Hyderabad
- Sircar 1965** — D. C. Sircar. Indian Epigraphy. Delhi: Banarsidas
- Sircar 1974** — D. C. Sircar. Epigraphical Studies in India: Some Observations. // SIE, vol. III, 1974. p. 9–25
- Sitaraman 1976** — B. Sitaraman, N. Karashima, Y. Subbarayalu. A List of Tamil Inscriptions of the Chola Dynasty. // Journal of Asian and African Studies. Vol. 11
- Southall 1956** — A. W. Southall. Alur Society: A Study in Processes and Types of Domination. Cambridge: W. Heffer and Sons Ltd
- Southall 1987** — A. W. Southall. The Segmentary State in Africa and Asia // Comparative Studies in Society and History. 30, p. 52–82
- Spencer 1970** — G. W. Spencer. Royal Initiatives under Rajaraja I. The Auditing of Temple Accounts // IESHR, vol. VII, no. 4
- Spencer 2001** — Georg W. Spencer. In Search of Change: Reflections on the Scholarship of Noboru Karashima // Structure 2001. p. 28–43
- Shrimali 1996** — K. M. Shrimali. How Monetized was the Ūḥilāhāra Economy? // Society and Ideology in India. Essays in Honour of Professor R. S. Sharma. New Delhi: Manohar. p. 95–123
- Srinivas 1964** — M. N. Srinivas. Caste in Modern India and other Essays. Bombay: Asia Publishing House
- Srinivasachari 1950** — Ch. Srinivasachari. The Vijayanagar Empire. Bombay.
- Srinivasan 1985** — C. R. Srinivasan. Tiruvidandai Inscription of Vijayarajendra. — SIE, vol. XII. p. 89–105.

- State 1997** — The State in India. Ed. By Hermann Kulke. Delhi: Oxford University Press
- Stein 1969a** — Burton Stein. Early Indian Historiography: A Conspiracy Hypothesis. // IESHR, vol. VI, no. 1. p. 41–60
- Stein 1969b** — Burton Stein. Integration of the Agrarian System of South India. // Land Control and Social Structure in Indian History. Madison
- Stein 1975** — Burton Stein. The State and the Agrarian Order in Medieval South India: a Historiographical Critique. // Essays on South India. Honolulu. p. 64–91
- Stein 1977** — Burton Stein. Introduction. // IESHR. Special Number on South Indian Temples. Vol. XIV, no. 1
- Stein 1980** — B. Stein. Peasant State and Society in Medieval South India. Delhi, Oxford University Press
- Stein 1994** — Burton Stein. Vijayanagara. Oxford Univ. Press
- Stein 1995** — Burton Stein. Situating Precolonial Tamil Politics and Society. // Plenary Session Papers, p. 46–59
- Stein 1997** — Burton Stein. The Segmentary State: Interim Reflections // The State in India. 1000–1700. Delhi: Oxford University Press. p. 134–161
- Stephen 1999** — S. Jeyaseela Stephen. Medieval Trade of the Tamil Coast and its Hinterland, A. D. 1280–1500 // The Indian Historical Review, Vol. XXV, no. 2, p. 1–37
- Structure 2001** — Structure and Society in Early South India: Essays in Honour of Noboru Karashima. Ed. by K. R. Hall. Oxford: Oxford University Press
- Subbarayalu 1973** — Y. Subbarayalu. Political Geography of the Chola Country. Madras
- Subbarayalu 1977** — Y. Subbarayalu. Classification of Land and Assessment of Land Tax from A. D. 950 to 1300. A Study. // PIHC. XXXVIII Session. 1977. p. 341–346 // Essays in Ancient Indian Economic History. New Delhi: Manohar, 1987. p. 71–76
- Subbarayalu 1979** — Y. Subbarayalu. Mandalam as a Politico-Geographical Unit in South India // PIHC, XXXVI session. Aligarh, 1975. Vol. I. P. 84–86
- Subbarayalu 1980** — Y. Subbarayalu The Peasantry of Tiruchirapalli District from the 13th to 17th Centuries // Studies in Socio-Cultural Change in Rural Villages in Tiruchirapalli District, Tamilnadu, India. no. 1. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 1980, p. 21–32. См. также: Socio-Cultural Change in Villages in Tiruchirapalli District, Tamilnadu, India. Pt 1. Pre-Modern Period. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 1983, p. 123–131
- Subbarayalu 1982** — Y. Subbarayalu. The Cola State // Studies in History, vol. IV, no. 2. p. 265–306
- Subbarayalu 1983** — Y. Subbarayalu. The Place of the Ur in the Economic and Social History of Early Tamil Nadu from AD 750 to 1350 // Rangavalli: Recent Research in Indology. Delhi

- Subbarayalu 1985** — Y. Subbarayalu. An Aspect of the Revenue System of the Cholas // p. I. H. C. New Delhi. p. 172–176
- Subbarayalu 1989** — Y. Subbarayalu. Some Socio-Economic Terms in Tamil Inscriptions up to A. D. 1300 // ICHR Workshop on “Socio-Economic Terms in Ancient and Medieval Inscriptions”. Mysore, August 25–27, 1989 (MSS)
- Subbarayalu 1995** — Y. Subbarayalu. Nattar. A Corporate Body of Vellala Landholders in the Chola Period Tamil Nadu // Paper presented to the VIII International Conference-Seminar of Tamil Studies. Thanjavur, 1–5 Jan. 1995 (MSS)
- Subbarayalu 1997** — Y. Subbarayalu. Property Rights in Medieval Tamil Nadu as seen from the Salededs in Chola Inscriptions // Land System and Rural Society in Early India. New Delhi: Manohar. p. 151–162
- Subbarayalu 2009** — Y. Subbarayalu. Anjuvannam: A Maritime Trade Guild of Medieval Times // Nagapattinam to Suvarnadwipa: Reflections of the Chola Naval Expeditions to Southeast Asia. Ed. by H. Kulke, K. Kesavapany, Vijay Sahuja. Singapur: Institute of Southeast Asian Studies P. 158–167
- Subramaniam 2009** — N. Subramaniam. The Cheras/http://www.tamilnation.org/heritage/chera/imdex.htm
- Subrahmanian 1966a** — N. Subrahmanian. Pre-Pallavan Tamil Index (Index of Historical Material in the Pre-Pallavan Tamil Literature). Madras
- Subrahmanian 1966b** — N. Subrahmanian. Sangam Polity. The Administration and Social Life of the Sangam Tamils. Bombay, Asia Publishing House
- Subrahmanya 1967** — K. V. Subrahmanya Aiyer. Historical Sketches of Ancient Dekhan. Vol. II. Coimbatore
- Subrahmanyam 1986** — Sanjay Subrahmanyam. Aspects of State Formations in South India and South East Asia, 1550–1650 // IESHR, XXIII, p. 358–377
- Subrahmanyam 1998** — Sanjay Subrahmanyam. Reflections on State-Making and History-Making in South India, 1500–1800 // JESHO, vol. 41, pt 3, p. 382–412
- Sundaram 1968** — K. Sundaram. Studies in Economic and Social Conditions of Medieval Andhra (A. D. 1000–1600). Madras: Triveni Publishers
- Suryanarayana 1986** — Kolluru Suryanarayana. History of the Minor Chāṅkya Families in Medieval Āndhrādāya. Delhi: B. R. Publ. Corporation
- Suryanarayana 1996** — Kolluru Suryanarayana. Emergence of *Sudras* as Ruling Power and its Impact on Medieval Andhra. // p. I. H. C. Calcutta. p. 333–337
- Swaminathan 1984** — S. Swaminathan. Udvahanathasvami Temple Inscriptions — A Study. // SIE, Vol. X: 1983. Dharwar, 1984, p. 67–70
- Talbot 1991** — Synthia Talbot. Temples, Donors and Gifts: Patterns of Patronage in Thirteenth-Century South India. // The Journal of Asian Studies, vol. 50, no. 2. p. 253–279
- Talbot 2001** — Cynthia Talbot. Precolonial India in Practice. Society, Region and Identity in Medieval Andhra. New Delhi: Oxford Univ. Press
- TASSI** —

- Taylor 1862** — W. Taylor. Catalogue Raisonné of Oriental Manuscripts in the Government Library. Vol. III. Madras
- Thani 1970** — X. S. Thani Nayagam. Tamil Culture and Civilization. Readings: The Classical Period. Bombay
- Thurston 1909** — Edgar Thurston, assisted by K. Rangachari. Castes and Tribes of Southern India. Vol. I–VII. Madras
- Tieken 2000** — Herman Tieken and Katsuhiko Sato. The *Ghaṇikā* of the Twice-Born in South-Indian Inscriptions // Indo-Iranian Journal, 43. p. 213–223
- Tirumalai 1981** — R. Tirumalai. Karpura-vilai. — SIE, Vol. VIII. P. 31–38
- Tirumalai 1983a** — R. Tirumalai. Self Immolation in Chola Times and a New Inscription from Mallal. // SIE, IX, 1983, p. 29–33
- Tirumalai 1983b** — R. Tirumalai. A Note on *kandulavu* or crown lands. // SIE, Vol. X. P. 55–60
- Tirumalai 1984** — R. Tirumalai. Land Reclamation of Flood-Damaged and Sand-Cast Lands — A Study in Prices, Rentals and Wages in Later Chola Times (from A. D. 1070 to A. D. 1210) — Based on Srurangam Inscriptions. // SIE, Vol. XI: 1984. p. 65–87
- Tirumalai 1986** — R. Tirumalai. Virasomideva Chaturvedimangalam — A Pandya Township Named after the Hoysala Virasomesvara. // SIE, Vol. XII. p. 13–22
- Tirumalai 1987a** — R. Tirumalai. Rajaraja’s Measures for Administrative Control of Endowments and Temple Services. // SIE, Vol. XIII. p. 59–67
- Tirumalai 1987b** — R. Tirumalai. Land Grants and Agrarian Reactions in Cola and Pandya Times. Madras
- Tirumalai 1988** — R. Tirumalai. A Note on the Land Assessment Modes in the Chola and the Pandya Times. // SIE, vol. XIV, p. 61–68
- Trautman 1989** — Thomas R. Trautmann. Prospects for the Study of Inscriptions on an all-India Scale // ICHR Workshop on “Socio-Economic Terms in Ancient and Medieval Inscriptions”. Mysore, August 25–27, 1989. (MSS)
- Velayudhan 1979** — K. P. Velayudhan. The Role of Merchant Guilds in the Urbanization of South India // PIHC, The Fourtieth Session, Waltair P. 203–210
- Veluthat** — Kesavan Veluthat. The Character of the Agrarian Corporations and the Rise of Landlordism in Early Medieval Kerala (MSS)
- Veluthat 1978** — Kesavan Veluthat. Brahman Settlements in Kerala. Historical Studies. Calicut: Sandhya Publications
- Veluthat 1987** — Kesavan Veluthat. The Temple Base of the Bhakti Movement in South India // Essays in Indian Art, Religion and Society. New Delhi: Munshiram Manoharlal. p. 151–159
- Veluthat 1989** — Kesavan Veluthat. Landed Magnates as State Agents: the Gaundas under the Hoysalas in Karnataka // PIHC, Golden Jubilee Session. Gorakhpur. p. 118–123
- Veluthat 1993** — Kesavan Veluthat. The Political Structure of Early Medieval South India. New Delhi: Orient Longman

- Veluthat 1997** — Kesavan Veluthat. Landed Magnates as State Agents: the *Gāvūāas* under the *Hoyūāās* in Karnataka // Land System and Rural Society in Early India. New Delhi: Manohar. p. 322–328
- Veluthat 2009** — Kesavan Veluthat. Ideology and Legitimation: Early Medieval South India. // Mind and Matter. Essays on Mentalities in Medieval India. Ed. by D. N. Jha, Eugenia Vanina. New Delhi: Tulika Books, 2009. p. 3–14
- Venkataraman 1968** — K. R. Venkataraman. An Interesting Award (13th Century) // Seminar on Inscriptions. 1966. Speeches and Papers. Madras: Books (India) Private Ltd.
- Venkataramanaya 1950** — N. Venkataramanaya. The Eastern *Cāūkyas* of Vāṅgā Madras
- Venkatasubramanian 1950** — K. R. Venkatasubramanian. Hoysalas in the Tamil Country (12th–14th centuries). Annamalai Nagar
- Venkatasubramanian 1982** — T. K. Venkatasubramanian. Growth of Urban Centres in Early Tamilakam. // PIHC. Kurukshetra
- Venkatasubramanian 1993** — T. K. Venkatasubramanian. Societas to Civitas. Evolution of Political Society in South India (Pre-Pallavan Tamilakam). Delhi: Kalinga Publications
- Venkayya 1999** — V. Venkayya. Territorial Divisions of Rajaraja Chola // SII, III, p. 21–29
- Vijayavenugopal 1998** — G. Vijayavenugopal. The Rise and Fall of a *Mahāsabhā* of Tirunāāū — A Case Study. // SIE, vol. XXV. p. 51–53
- Visscher 1862** — Jacobus Canter Visscher. Letters from Malabar. Now first translated from the original Dutch; to which is added an account of Travancore and Fra Bartolomeo's travels in that country, by Major H. Drury. Madras, 1862
- Wilks 1810** — M. Wilks. Historical Sketches of the South of India? in an Attempt to Trace the History of Mysore; from the Origin of the Hindu Government of that State to the Extinction of the Muhammadan Dynasty in 1799. Vol 1. L.
- Yadava 1973** — B. N. S. Yadava. Society and Culture in Northern India in the Twelfth Century. Allahabad: Central Book Depot.
- Yamashita 1998** — Yamashita Hiroshi. God and King in Pre-Devotional Tamil Texts // Acta Asiatica, 74, p. 20–38
- Yasodadevi 1963** — V. Yasodadevi. Diplomatic Matrimonial Alliances in Medieval Andhradeva // S. V. University Oriental Journal. Vol. VI. p. 81–86
- Yazdani 1960** — The Early History of the Deccan. Ed. by G. Yazdani. Vol. 1–2. Oxford.

Приложение

Меры и веса в средневековой Южной Индии¹

Монеты

В Тамилнаду

Пон, хун, вараха, гадьяна, кажсанджу — золотая монета весом примерно 60 гран
Кажсанджу = 2 *кашу* (ARE, 228, 241 of 1923. 1924. 1052 г., Танджавур)
Кажсанджу = 20 *манджади* (ARE, 44 of 1914)
Вараха (сுவарна) = 2 *хонну (хон, пон, хана)*
Хана = 16 *виса*
Панаттукам = 2 *манджади*
Манджади = 2 *кундри*
Кашу = 12 *аккам* (время Раджараджи I)
Кашу = 5 *дирамам* (в 1225 г. соотношение изменено, = 7 *дирамам*)
Кашу — деньги вообще, монеты весом от 6 до 156 гран (Appadorai 1936, p. 711)
Кашу = $\frac{3}{4}$ *кажсанджу* = 3 *манджади* (ARE, 105 of 1925, Время Раджараджи I)
Кашу = 7 *дирамам*
Ижаккашу = 7,5 *путтаккам*
Аччу = 13 *дирамам* (XIII в.)
Дирамам = 13 *мени* (XIII в.)
Драмам = 16 *мени* (1248 г., Тирунелвели)
Драма = около 1295 г. стоимость повышена с $\frac{1}{4}$ *кашу* до $\frac{7}{20}$ *кашу*
Ма = $\frac{1}{20}$ *кажсанджу* = $\frac{1}{10}$ *манджади*
Кани = 4 *ма* = $\frac{1}{40}$ *манджади* (SII, II, p. 65, note; 1014 г.)

В Карнатаке

Гадьяна = 80 *беле* (EC, VI, p. 16, no. 92; 1259 г.)

¹ Составлено на основе материалов в Pranatha 1929, Appadorai 1936, Mahalingam 1951, Sircar 1965, Kuppuswamy 1975 и спорадических данных, почерпнутых из надписей

Гадьяна (пон) = 10 *пана* (*хана*. ЕС, V, р. 128, по. 51, 1215 г.) = 40 *пага* (*хага*) = 200 *виса* = 800 *кани*

Пана (панам) — деньги вообще. Золотая *пана* — 5,28 грана; серебряная — 57,6 грана; медная — 144 грана (SII, XI, I, по. 63)

Пана = 4 *пага* (*хага*) (Derret 1957, р. 196; Хойсалы)

Пана = 16 *виса*

Пана = 16 *тара*

Пана = 64 *кани* (EI, XIII, р. 22, по. 3-A)

Пага = 5 *виса*

Хага = 2 *беле*

Виса = 4 *кани* (Yazdani 1960 I, р. 437–438; Зап. Чалукьи, XI–XII вв.)

Нишка — золотая монета, иногда равна *гадьяне*, *варакхе*, *хону* или *пагоде*. Циркулировала только в Хасане, Шимоне, и Гоа

Драмма — серебряная монета, иногда равна 1/16 *нишки*.

В Керале

Канам = 3 *кажанджу*

Кажанджу = 2,5 *пагоды* (IA, XX, р. 291)

Меры площади

В Тамилнаду

Нивартана — букв. — «поворачивающий обратно» — количество земли, которое может быть обойдено человеком за отрезок времени с возвращением на прежнее место ~ = 40 000 кв. *хаста* (SII, II, р. 359, note)

Паттика — букв. «загон для овец» — в паллавской надписи приравнивается в *нивартане* (SII, II, р. 351)

1 *патти* = 1200 *кужи*

Различные виды *патти* в т. ч. = 80 *кунча*

Падагам — в одной из паллавских надписей равна 240 *кужи*

7 *падагам* = 1500 *кужи* (SII, III, р. 360)

Вели — букв «забор, ограда». Возможно, первоначально огороженный участок земли = 5 *кани*

Вели = 2000 *кужи* (Sastri 2000, р. 622; 1072 г.)

Вели = 6 1/8 *падагам* (ARE, 76 of 1898; 1204 г.)

Вели = 6376 *кужи*

Вели = 6400 *кужи* (SII, III, р. 344)

Кунди = 2 *кани*

Кани = 100 *кужи* (SII, I, р. 92)

Кани = 125 *кужи* (SII, I, р. 104)

Кани = 4 *ма*

Ма = 128 *кужи* (ARE, 102 of 1925; 1018 г., Танджавур; 155 of 1925, 1110 г., Уттарамерур)

Ма = 100 *кужи* (ARE, 125 of 1925, 1111 г.)

Ма = 138 *кужи* (ARE, 243 of 1925; 1097 г.)

Ма = 256 *кужи* (ARE, 261 of 1902; 1018 г.)

Ма = 200 *кужи* (ARE, 18 of 1922; 1030 г., Юж. Аркат)

Ма = 512 *кужи* (179–181 of 1918; Юж. Аркат, 1138 г.; 607 of 1902; Танджавур, 1220 г.)

Ма = 513 *кужи* (428 of 1912; Время Раджадхираджи II, Танджавур)

Ма = 18 кв. пядей (2,34 кв. м) (1225 г., Тирунелвели)

Кужи = 576 кв. футов, т. е. 48,9 кв. м

Кужи = 0,075 *га*, т. е. 750 кв. м. (Minakshi 1938, р. 108)

Ватика-вели = 5.120 кв. *данда*.

Данда = 14 локтей (по «Майямата», трактату по *шилпашастре*, по подсчетам Т. А. Гопинатха Рао, в этом случае *вели* = 4, 48 акра) (EI, XV, р. 55)

Сэй = 50 *кужи*

Сэй = 40 *ма*

Патти = 1000 *кужи* = 750 акров (Тарасюк 1998б, с. 100)

Маней = 2400 кв. футов, т. е. 223 кв. м.

В дистрикте Танджавур в новое время:

Вели = 20 *ма* = 6,6 *акра*

Ма = 100 *кужи*

Кужи — 144 кв. фута = 13, 4 кв. м

В Карнатаке

Маттар = 900 *камма* (*камбха*, *камба*) (период Западных Чалукьев)

Колага — мера сыпучих тел и мера земли, на которой можно посеять такое количество семян = 500 кв. ярдов орошаемой земли и 3200 кв. ярдов сухоходольной земли. (EI, XV, р. 327)

Колага — (санскр. adhaka) = 4 *шалла* (EI, XVI, р. 42)

Кхандука (*кхандуга*) — участок посевной вместимости 1 *кхандуки* зерна, ок. 64 000 кв. ярдов (~ 5,4 *га*) для сухой земли и 10 000 кв. ярдов (~ 0,8 *га*) для орошаемой земли в Майсуре. По измерениям Ф. Бьюкенена может быть 2/3 акра, 3,2 акра, 4,134 акра (Buchanan 1807, I, 99, 279, II. р. 332)

Виса = 2 акра

Камма = 32 кв. ярдов = 9,9 кв. м

В Андрхе

Гочарма = 10 *нивартанов*

Нивартана = 30 *дандам* (IND, I, р. 147; 1254/55 г.)

Дандам = 10 локтей (IND, I, р. 138, 142, 147. 1254 г.)

Патти — участок земли, приносящий 1 *патти* урожая. Он же может быть участком, который можно засеять 1 *патти* зерна, обычно ок. 8 акров

Путти — для орошаемой земли квадрат со стороной в 20 пядей (т. е. ~ 457,2 см, 21 кв. м); для богарной земли — квадрат со стороной 26 пядей (т. е. ~ 594,4 см, 35 кв. м.)

Гурта (*горри*, *горру*) = 50 *гунта* (*джунта*) (или 25 *гунта*) (IND, II, p. 697)

Гунта (*джунта*) = 0,633 акра, ~ 0, 26га

Тум = 1 *мунта* черной земли засеивается 1 *сола* зерна

Мунта = 152 *кунта* (*гунта*)

Тум = 30 *кунта* (*гунта*) (SII, X, p. 405)

Ватика = 20 *мана*

Манна = 25 *гунта*

Вати ~ 2 акра (EI, XXXI, p. 240)

Мурайя — мера земли неизвестной величины (SIE, XX, no. 10)

Меры объема (сыпучих тел)

В Тамилнаду

Калам = 3 *туни* = 6 куб. футов = 0,17 куб.м

Туни = 2 *падакку*

Падакку = 2 *куруни* (*мараккал*) ~ 75 л

Парей = 5 *мараккал*, или 8 *мараккал*

Мараккал (*куруни*) = 8 *пади* (*нажи*)

Нажи = 2 *ури*

Ури = 2 *ужакку*

Ужакку = 2 *ажакку*

Ажакку = 5 *шеввиду* (SII, I, p. 141; II, p. 48)

Муттей = 50 *пади*

Пади = 8 *ажакку*

Ажакку ~ 0,1 л

Калам = 3 *туни*

Туни = 2 *падакку*

Падакку = 2 *куруни*

Куруни (*мараккал*) = 8 *нажи* (*пади*)

Канна-нажи (*Паракесари-нажи*) — двойное *нажи* (EI, XXX, p. 105)

Нажи (*пади*) = 2 *ури*

Ури = 2 *ужакку*

Ужакку = 2 *ажакку*

Другая система мер:

1 *калам* = 15 *куруни* = 90 *нажи*

Куруни = 6 *нажи* (EI, IX, p. 89; IX в., Тирунелвели)

В Карнатаке

Кхандуга = 20 *колага*

Колага = 4 *балла*

Балла = 4 *шоллаге* (*манам*)

В Андхре

Патти (*кханди*, *кхандика*, *кхандука*, *кхандуга*) = 20 *тум* = 800 или 1000 *сиров*

Педдапатти = 80 *кунчама*

Бадипатти = 20 *кунчама*

Кханди в Масулипатаме: 488 фунтов для табака, 500 фунтов для железных изделий, 560 фунтов для сахара, фиников и др. мягких товаров

Тум = 4 *кунчам* (IND, II, p. 697)

Кунчам — мера зерна, различная в разных местах, обычно = 4 *маника* или *тума*

Кунчам = 4 *мунта*

Мунта = 4 *шола*

Шола = 4 *читти*

Гариса = 600 *кунчама*

Кунчам = 4 *адда*

Адда (*маника*) = 4 *тхабба*

Тхабба = 2 *сола*

Сола = 4 *гидда*

В дистрикте Кришна:

Патти = 20 *баг*

Баг (*васта*) = 20 *кунчам*

Кунчам = 2 *маника*

Маника = 2 *сира*

В дистрикте Гунтур:

Патти = 640 *маника*

Адда = 2 *маника*

Маника = 2 *тхаббе*

Тхабба (*сер*) = 2 *сола*

Сола = 2 *арасола*

Арасола = 2 *гидда*

Гидда = 2 *арагидда*

В дистрикте Неллур:

Патти (*канди*) = 2 *пандум*

Пандум = 2 *идум*

Идум = 5 *тхум*

Тхум (*тум*=*мараккалу*) = 2 *ираса*

Ираса = 2 *кунчам*

Кунчам = 4 *мунда*

Мунда = 3 1/8 *сера*

Сер = 2 *навусер*
В дистриктах Читур и Чандрагири
Патти = 2 *пандум*
Пандум = 20 *баллалу*
Балла = 1½ *мадрасских напа*

В Керале

Каришай = 80 *парай*
Парай = 5 *мараккал*
Парай = 9 *нажи* (TAS, IV, p. 11)
Парай = *калам* = 10 *нажи* (TAS, II, p. 294, 946 г.)
Калам = 16 *нажи* (TAS, I. p. 8; 866 г.)
Калам = 96 *нажи*
Калам = 48 *нажи*
Поти = 120 (*нажи, пади*)
Пара = 10 *нарайям*
Нарайям = 6 *нажи*
Эдангажи = 4 *нажи*
Нажи = 2 *ури*
Ури = 2 *ожакку*
Ожакку = 2 *ажакку*

Другая система мер:
Калам = 15 *куруни*
Куруни = 10 *нажи*
Нажи = 2 *ури*
Ури = 2 *ужакку* (TAS, III, p. 224)

Меры веса

В Тамилнаду

1 *виса* = 5 *сиров* (3 фунта 1 унция 4 драхмы)
 1 *кхандука* = ок. 60 *маундов* для шелка, сахара, лечебных товаров (наркоти-
 ков?) и хлопка.
Канди (патти) = 20 *маундов*
Маунд = 8 *виса* = 960 *тола*
Виса = 5 *сиров* = 120 *тола*
Тола = 180 *гран*

В Андхре

В дистриктах Шрикакулам и Висакхапатнам:
Патти (канди) = 20 *ман*

Кунталам = 8 *ман*
Ман = 8 *виса*
Виса = 5 *сиров*

В дистрикте Гунтур
Варва (патти) = 20 *ман*
Ман = 5 *виса*
Катту (йетту) = 2 *виса*
Виса = 5 *сер* = 4 *савасер*

В дистрикте Неллур:
Барува (патти) = 20 *ман*
Ман = 8 *виса*
Виса = 40 *палам*

В дистрикте Читур:
Барува = 20 *мана*
Манна = 4 *дхадийям* = 8 *виса*
Дхадийям = 2 *виса*

Указатель терминов, значимых имен и основных географических названий

- Абрахам М. М. 284, 491, 567, 611
 Абу гора 511
абхаям 155
абхишека 460
 Аваравади-700 394, 396, 523
 Авасара II Шилахара 27, 512
 Аваттипуттур 614
агамбади-кайкколы 317
агамы 294
агарам 121
 Агастья 305, 511
Агникула 511
агнихотра 542
аграхара 67, 72, 83, 87, 88, 98, 101, 126, 143, 147, 148, 156, 158, 160, 164, 165, 171, 174, 175, 183, 187, 189–191, 199–201, 203–205, 216, 225, 235, 244, 279, 390, 440, 445–448, 454, 456, 459, 465, 466, 482, 492, 532, 534, 535, 558–560, 576, 577, 582, 583, 595–597
аграхарики 113, 121, 172, 191, 192, 198–200, 445, 557
 Адавани-500 397
адайoley 167
 Адараиюрнаду 314
адда 494
аддхика (ардхика) 176, 559
аджнапти 304
аджня-краям 194
 Адигайманы из Тагадура 352
адигарам-шейкиндра 274
адикари, адигаригал, см. адхикари
- адимей* 40, 268, 613
ади-паттана 472
ади-праkritика 547
 Адитья I Чола 352
адиялар 604
адхикари, власть
адхикари, служилый человек 193, 271, 277, 333, 337, 404, 471, 513, 610
адхикарика 373
адхикрита аюдхака 324
адхипатья 373, 430, 522
 Адхираджараджамандалам 352
адхьякша 521
ажван 101, 307
ажвар-канми 241
 Азия 11, 40
 Азия Юго-Восточная 60
 Азия Южная 566
аимперумвелир 49
аимперунгужу 48
аинкаммалар 613
аиннутрувар 237, 284, 287
аиннутруван-амбалам 285
аиннутрупаннирувар 286
аирам 614
 Ай, см. Ая
айяр 53
 Айваттарубада 394
айманнига, айминга 496
айогава 294
 Айодхья 537, 538, 568
- Айхол, Айхоле, Арьяпура, Ахичч-хатра, Аяволе 284, 470, 490, 492, 567
 Айхол Южный 284, 360, 492
акара-хакка 529
 Аккадеви 515, 517
аккам 264, 276, 659
акшая-ниви 151
 Ала-ад-дин Хилджи 64
 Алайпур 219
ал-аманджи 215
 Алангуди 194, 211, 293
 Аланде-1000 667
 Алатаге (Алактак)-700 395
ал-койил 616
 Алтекар А. С. 383
 Алувакхеда-6 000
алувалы 131
алум 604
алунганам, алун-ганаттар 138, 178, 179, 181
 Алуны (Алуны), Алунов государ-ство 368, 509, 511
Альвар 275
 Амалапурам 579
аманджи 215
аматья 377, 498, 579
 Амбадева 589
амбалам 108, 253
 Амбарнаду 100
 Амкулаге (Анкалиге)-50 (или 80) 391
 Амма I Вост. Чалукья 545, 579, 582
 Амма II Вост. Чалукья 579, 583
 Амогхаварша I Раштракута 523
 Анандаварман Чода Вост. Ганга 583
 Анандуру-300 397
 Анантапур 287, 305, 480, 510, 545
ангади-к-кули 147, 196
ангади-оккалу 488
ангаракша 588
ангачитта 428
 Анда, андар, анданар 113, 128, 215, 256, 270
 Анджапея 589
анджинан-пугалидам
анджуваннам 564, 566, 607, 611, 612, 618
андилан 604
 Андра 20, 68, 138, 302, 303, 440, 537, 560, 564, 566, 567, 571, 575, 581, 584, 587, 588, 590, 628
 Андра Прадеш 12, 305
 Андра Южная
ани, праздник 278
анкакара 493
 Анкулаге-50 кампана 392, 397
 Анмаконда-7000 549
анмей 82
 Анनावота Редди 590
 Аннига-100 395
 Аннигери 369
анниламатикари 609
антараям 74, 147, 166, 250, 314, 338, 346
антахпурадхьякша 466
ануга-дживита 518, 522
анулома 292, 293
 Анур-6000 417
 Апараджита Паллава 60
 Апараджита Шилахара 512
 Арабала (Арбала, Арабале)-70 382, 398, 405, 408
араваттиге 478
 Аравия 593
арадхья 529
араян, араяр 89, 103, 111, 272, 315, 316
арайолай 96
арайшу-маккал 137
арак 495
 Аракере-12, Аракеренад 391, 394, 414, 525
ара-к-куди 53
ара-п-пурам 135
арасу, арасар, арасум, арасу-маккал, арашар, арашу (раджи) 50, 103,

204, 209, 307, 316, 372, 404, 409,
467, 504, 529, 624
ара-талара 471, 476
арашар-пиннор 50
Арвалакутрам 101
Арджуна 588
ардхабрахмана 613
ари 576
ари-вариям 181, 187
аригапулу 576
Аридавалке 419
арии 293
Аркат Северный 275, 285, 288, 305
Аркат Южный 265, 269, 276, 279,
293, 299, 306, 345, 661
Арокиасвами М. 353, 361
артха 44, 498
Артхашастра 23, 29, 44, 142, 380,
389, 426, 469
Аруванаду 327
арчана-бхога 212, 247
Арья-наду 293
Асандинад-500, Асандинаду 391,
410, 415
атайву 251
Атакура-12 395
Аткуру-70 394
атр-адхикрита 324
аттайкол 617
Аттигере-12 391, 394
Аттинур-80 416
аттиперу 606
аттиперу-каранмей 606, 610
Атгхалиге-1000 413
атчи 82, 107, 162, 164
аупасана 452
Аурангабад 28
Африка 33, 594
Ахавамалла Чалукия 466
ахимса 291
ачара-вьявастхе 476
ачарья, ачари 169, 264, 271, 472, 473,
480, 484, 486

аччу 659
аччу-панная 530, 532, 533
аччу-панная-адхиштхьяка 533
Ачьюта 57
ашан, см. *пурохита*
Ашваттхаман 58
ашешабрахмасабха 449
Ашока 58, 593
аштабхога 376
аштадаша джати 438
*аштадаша-праджа, аштадаша-
праджалу* 542, 544, 545
аштадаша пракрити 438
аштадаша-самая 544
аштадаша-тиртха 573
аюкта 94, 324, 551
ая, аям, плата 317, 407, 442, 443,
530, 548
Ая, Ай, династия 595, 606, 607
аяволе 124, 284—286, 288, 360, 361,
416—418, 470, 488, 490, 491, 493,
504, 506, 552, 564, 567, 610
аягары 429, 440, 442, 548, 559
Аядж (Аядже)-300 550, 578
Аянар 33
аяскара 442

Багадевишая (Багадаге-70, Бага-
диге-70) 416, 506, 517
Баге-50 *кампана* 397
Бадами, см. Ватапи
Баддулатала (Ваввулаталла)-12 398
Бадхамале-12 395
баланджу 567
балгаччу 407
Балгули-50 394
балегара 504
Балипур 448
Баллава-70, Баллавинад 396, 415
Баллакуде (Баллакунде) — 300 390,
516
Баллала II Хойсала 354, 458, 534,
529
Баллала III Хойсала 370, 443, 454

Баллигаве (Белгами) 446, 470, 471,
474, 479, 501
Банаваши-12 000 (Банавазиман-
дала, Банавазинаду) 391, 395,
413, 525—527, 531, 533, 534
банаджига-четти 505
банаджиги 378, 501
бананджу 502
бананджу-паттана (ваттана) 470,
492, 502, 668
Бангала 501
Бангалур город 92
Бангалур дистрикт 402
Банкапур 511
банта 462
Баны 302, 304
барабалюта 439, 440, 559
Барахаканьяпура 509
барика 444, 505
Барнет Л. Д. 567
Басава 370
Басавура-140 396, 527
басади 484
бахаттара-нийог-адхипати 500,
514, 573
Бахманидская держава 541
Баявада (Ваявада) — 12 396
бедары 456
Белавуру-140 *кампана* 395, 396, 525
Белвала (Белвола) — 300, Белвала-
вишая, Белволанаду 393, 395,
407, 416, 436, 506, 508, 512, 516,
517, 521, 522, 525
Белгаум 382, 395, 447, 451, 452, 478,
480, 485, 490, 495, 496, 506, 521
Белгахе (Белмахе) — 70 385, 390,
396, 525
беле 660
Беллари 176, 374, 404, 422, 427, 428,
432, 439, 453, 454, 458, 461, 463,
464, 467, 478, 485, 486, 489, 490,
492—494, 510, 518, 524, 559
Белур 493
Белухиге-70 534

Бемпур-12 394, 524
Бенгалия 323, 492
бераттумбар 496
Беркемер Дж. 37, 685, 631
беса-маккалу 441, 442
Бессмертный Ю. Л. 229
бидану-вритти 522
Бидджала (Биджаладева) II Кала-
чури 369, 520
Биджапур 368, 382, 396, 397, 417,
448, 449, 452, 467, 485, 490, 492,
495, 500, 507, 521
Биккига-70 *кампана* 394
билкоде 531
Билла-300 416
Билхана 369
бира, см. *вира*
бирована 502, 532
бира-ванига 493
бисиге 494
битти, см. *ветти*
Бихар 492
Бодхгаяна 292
Бомбейское президентство 17
боя, боялу 553, 579, 587, 588
Брахатпалааны 537
Брахма 125, 479, 491
брахмадея (брахмадеям) 36, 55, 67,
68, 71, 95, 96, 99, 101, 113, 120,
130, 139, 158, 159, 166, 171—173,
175, 176, 178, 180, 181, 186, 191,
196, 197, 208, 210, 211, 216, 218,
230, 233, 238, 239, 250, 254, 257,
262, 263, 271, 276, 279, 294, 299,
303, 328, 332, 333, 336, 445
*брахмадея-кижжар, брахмадея-к-
кижжаргал* 111
брахма-кишатрии 58
брахмана сале 450
брахмана-паттру 147
брахманар-пер-к-кадамей 207
брахманы 22, 29, 35, 36, 49—51, 55,
58, 68, 72, 74, 80, 83, 86, 94, 108,
109, 113—115, 121, 123, 128, 144,

- 148, 158, 160, 171–177, 188, 190, 192, 193, 195, 200, 201, 203, 204, 209, 212, 217, 219, 228, 239, 260, 277, 279, 282, 318, 319, 325, 326, 353, 365, 376, 377, 412, 427, 443, 447, 450, 453, 455, 457, 459, 460, 462, 463, 465, 469, 471, 476, 482, 483, 485, 491, 528, 529, 534, 536, 541, 543, 544, 546, 554, 557, 558, 563, 576, 587, 589, 590, 591–594, 596–599, 603, 606, 609, 613, 615, 618, 619, 627, 628
- брахmapура, брахmapури* 378, 471, 472, 486, 501
- брахmapаян* 308
- брахмасвам* 598, 606
- буддизм, буддисты* 45, 50
- Буттуга II Ганга 407
- бхага* 205, 392, 395, 377
- бхагават* 200
- Бхагавати 503
- Бхагиратхи (Ганг) 590
- бхадрака* 285
- бхакти* 123, 629
- бхакты* 457
- бхандари* 242
- Бхарадваджа 58
- Бхарати 459
- бхараты* 238
- Бхаскара Равиварман I Чера 612
- Бхатари (Дурга) 158
- бхатта, бхаттан* 192, 292, 468, 528, 533
- бхатта-вритти* 193, 208, 247
- бхаттара-нийог-адхипати* 519
- бхаячара* 165
- Бхиллама IV Ядава 371
- Бхима 589
- Бхима I Вост. Чалукья 582
- Бхима II Вост. Чалукья 558
- бхогам* 607
- бхогапати* 393, 512
- бхогика* 587
- бходжака* 177
- Бхранти-30 391, 394
- Бхригу 125
- Бхудеви, Бхумидеви 117–119, 556
- бхукти* 392, 398, 523
- бхуми* 80, 119, 123, 251, 287, 293, 548, 549
- бхуми-прабху* 544
- бхуми-путра* 118
- бхупалака* 521
- Вагали-500 516
- вада-виранараяна-вариям* 188
- вада-к-кадан* 261
- Ваддавана-500
- вадда-равула* 531, 533, 534
- вадда-равула-шунка* 530, 532, 533
- Ваджрахаста II Вост. Ганга 583
- Ваджрахаста III Вост. Ганга 584
- вади, пади* 289, 548, 662
- Вадугаважи-12000 304
- вадуга-дандаттар* 73
- Вайгей р. 305
- Вайгеяки 537
- вайдика* 560
- Вайдумбы 305
- вайдыя* 208
- вайдыя-вритти* 266
- вайккал* 133
- вайкханаси* 217, 251, 252
- Вайнатейя 589
- вайшьи* 49, 51, 130, 497, 536, 566, 590
- валайн* 53
- валай-п-параттавар* 53
- валакканам* 202
- валанаду* 109, 112, 113, 222, 287, 310, 327–329, 363
- валангей* 123–125, 127
- валангей-важайккара-падайкал* 125
- валангей-идангей-масенай* 348
- валангей-махасенай* 125
- валанджия, валанджияр* 285, 288, 567

- Вала-Панангадунаду 110
- валартурам* 286, 288
- валаттукей* 285
- Валикандапурам 233
- валлава шасана санчарина* 324
- валлуван* 197
- Валлувананду 614
- Валлуваппадианаду 98
- Валлурупаттана 589
- Вамганурнаду (Вамгурувишая) 578
- Ванакопади 327
- Ванараджа, Банараджа 578
- вандаваранади* 300
- Ванджи см. Карур
- Вандураджа
- ванигар* 127
- ванин-нагара* 475
- вания нагараттар* 287, 288
- ванияр* 613
- Ваннаду 307
- ваннар* 604
- ваннара-ч-чери* 132, 168
- ванчи* 53
- Вара Пемдота 571
- Варагуна II Пандья 222
- варам* 109
- Варанаси 504
- Варангал 539, 564
- вараха* 659
- вари* 54, 330, 343
- варийилар* 343
- варийилиду* 330, 331
- вари-п-паду* 81, 147
- вари-п-поттагам* 330, 331
- вари-п-поттагам-канакку* 331
- вари-п-поттагам-кангани* 330
- варишай* 167
- вариям* (территория, приносящая налог) 54
- вариям, комитет* 180–182, 186–189, 215, 228, 244, 275, 598
- вариян, вариар* 54, 181, 242, 275, 276, 285, 599
- вария-п-перумаккал* 181
- Варма, фамилия 365
- варна* 21, 49, 51, 53, 71, 118, 119, 292, 497, 511, 529, 536, 556, 557, 566, 579, 588, 589, 590
- Варуна 119
- Васудева 290
- Ватапи (Бадами) 58, 59, 352, 364–366, 392, 434, 447, 458, 514
- ватика* 662
- ватика-вели* 661
- Вачури-80000 381
- вашаварти* 488, 489
- вашишты* 188
- Ваявада-12, см. Баявада
- веда, веды* 68, 182, 258, 364
- веданта* 258, 559
- ведары* 53, 352, 353
- Ведаширавайилнаду 349
- ведилей* 202
- вела* 348
- велавали* 518
- велей-к-карей*
- велала-раияр* 303
- веламы, велумалу, веллалар* 148, 539, 541, 548, 554
- Веланаду 549, 578, 579
- Веланаду-Чолы 578
- веллапурам, валартурам* 284, 503, 504
- велан, велар, веларар* 90, 104, 203
- велейккалар* 288, 348
- вели* 75, 76, 78–80, 82–84, 88, 89, 98, 101, 102, 111, 112, 132, 142, 144, 146, 155, 163, 164, 166, 175, 193, 195, 205, 209, 211, 212, 217, 221, 222, 226, 243, 248, 253, 254, 258, 259, 263, 270, 271, 274, 307–309, 330, 340, 341, 343–346, 358, 660, 661
- веллалы* 21, 33, 35, 36, 40, 48, 50–52, 71, 83, 98, 103, 104, 108, 109, 114, 115, 128, 137, 155, 160, 163, 207, 239, 268, 318, 353, 539, 541, 591, 604, 605

веллан-вахей 67, 77, 130
веллан-урар 357
 Веллануру 556
 Веллару р. 93
 Веллару Северная, р. 93
велли-кашу 206
 Веллур 61, 236
 Велудат К. 342, 380, 595–597, 603, 605, 613, 614
велы (велир) 48–51, 204, 302, 305–307
 Венаду, Венад, Венаду-300 304, 595
 Венгаймандалам 339
 Венгалананду 361
 Венги 367, 369, 549, 568, 569, 578
 Венги-1000 *вишайя* 549
 Венгипуравишья 550
 Венгораштра 95
 Вени 48
 Венкатасубраманиан Т. К. 56
 Венкатешвара 280
 Венкаия В. 172
 Венкундракоттам 96
Вентха 392
верггаде, см. *перггаде*
верумар 209
ветти, битти (вишти) 192, 202, 215, 338, 486, 547, 548
ветти-к-куди 260
веттиял 357
веттува, веттувар 353
видай-адигаригал 331
видайил 332
видван 189
 Виджалая Чола 304
 Виджая Деваварман Шаланкаяна 559
 Виджаявада 568, 579
 Виджаядितья III Вост. Чалукья 581, 582
 Виджаядितья Сатьяшрая Чалукья 446
 Виджаянагар 12, 25, 304, 310, 354, 541, 576, 628, 630, 631

виджнанти 304
 Вижинджам
вижкуди-ужавар 51
 Викрама Чола 157
 Викрама Чола Шамбувараян 243, 309, 363
 Викрамадитья V Чалукья 459
 Викрамадитья VI Чалукья 369, 436, 507
викрамашинга-теринджа-кайкколар
вилайдравьям 72
вилей-п-порул 72, 143
вилкуди-ужавар
 Вималадितья Вост. Чалукья 537
вина 264
винай-к-кани 264
 Винаядитья Хойсала 531
 Винаядитья Чалукья 488, 489
винийогам 206
 Винуконда 579
вира 285, 493
вира-баланджа (бананджу)-дхарма 291, 430, 491, 499, 500, 502, 503, 552, 568
вира-баланджу, вира-валанджияр 288, 502, 567
 Ви́ра Баллала II Хойсала 471, 519
 Ви́ра Баллала Девараса III Хойсала 456, 507
вира-бананджу 430, 503
вира-бхога 297
вирагал 38, 424, 425
виракидуван 265
виралам-панну 553
вира-махешвары 258
 Ви́ра Пандья 119, 146, 230, 278
 Ви́ра Рагхава Чера 611
 Ви́ра Раджендра Конгу-Чола 358
 Ви́ра Раджендра Чола Дева III 541
вира-панчала 443, 444
 Ви́рараджендра Чола 151, 214, 332, 340
 Вирата-36 000 381

Виратанагари-500 397
 Ви́рачоламандалам 258, 352
вира-шайва, лингаиты 369, 370
вира-шасана 291, 491
вириву 345
вирутти, см. *вритти*
 Ви́рьяла 580
виса 659–661
 Висакхапатнам 564, 565
висова 494
 Виссер Я. К. 592
вишаика 323
вишья 9, 95, 287, 323–325, 355, 391–395, 500, 545, 548, 549, 552, 572, 581
 Вишья-2000 396
 Вишья-96 000 438
вишьяпати 393, 512
вишвакарма 571
 Вишвакарма 444
 Вишвамбхара 568
 Вишну 58, 84, 240, 272, 273, 290, 372, 561, 589, 590, 592
 Вишнувардхана 370, 568
 Вишнувардхана V Вост. Чалукья 581
 Вишнувардхана Виджаядितья Чалукья 516
 Вишнувардхана Хойсала 365, 370, 521
 вишнуизм, вишнуиты 137, 200, 240, 242, 248, 251, 260, 273, 290, 561
 Вишнукундины, Вишнукундинов государство 58, 537, 554
 Возрождение 625
 Волагунда-70 416
 Восток 11, 12, 40, 299, 626
 Восточное побережье, см. Коро-мандель
воттаччу 359
вритти 193, 247, 373, 454, 458, 522, 524, 603
вьявастха, вьявастхай 117, 204, 214, 215, 599, 618

вьякарана 258
вьяпари, вияпари 83, 226, 228, 289
гаваре, гаварега 493, 503, 505
гавундасвами, гавунде-свамин 285, 493
гавунди, гауди 423, 424, 502
 Гадаг 423, 435
гадьяна 377, 408, 410, 451, 458–460, 466, 472, 476, 477, 482, 494, 523, 532, 545, 659, 660
 Гай Г. С. 16
галея-300 496
гамагамахходжаке 94, 551
гамдхигара 504
гамига 489
гамунда-прадже 481
гамунда-сами 481
гана 136, 138, 179, 484
 Ганапати Вост. Чалукья 672
 Ганапатидева Какатья 544, 548, 564, 570, 583, 585, 589
гана-п-перумаккал 239
ганаттар 136
 Ганг 62, 504
 Гангавади 93, 415
 Гангавади-96 000, Гангамандала 366, 383, 390, 394, 415, 508, 516, 525
 Гангайкондачола, см. Раджендра I Чола
 Гангайкондачолапурам 304
 Ганги Восточные, Гангов Восточных государство 366, 538, 584
 Ганги Западные, Ганги из Талакада, Гангов Западных государство 302, 303, 305, 351, 352, 364–367, 377, 381, 382, 407, 422, 508, 509, 524, 530
 Ганги из Джидувалгенаду 509
 Гангули Дх. Ч. 549
 Гандарадитьядева Шилахара 408, 503
гандига 493
ганика 562

ганугала 570
 Гаруда 589
гатрига 493, 503, 505
 Гаты Восточные 351
 Гаты Западные 492, 592, 593
гауда, гаунда, гавунда, гавундан, гамунда 15, 362, 405, 408, 411, 421, 422, 424, 425, 428–430, 432, 441, 453, 461, 489, 493, 517, 524,
гаудике, гавудике 428, 429
гаудике-умбали 430
гаунда-прадже 426
 Гаутама 292
 Гаф, Кэтлин 40, 173
 Германия 139
 Гималаи 367, 565
 Гирипасчиманаду 571
 Гоа 364, 383, 454, 509–511, 513, 660
 Говинда III Раштракута 367
 Говиндараджасвами 280
 Годавари Восточный, дистрикт 577, 579
 Годавари Западный, дистрикт 579
 Гокаг
 Гопал Б. Р. 484
 Гопалан Г. 323
гопалар, гопалы 98
 Гопараштра 372
 Гопинатха Рао 661
гопурам 292
горава, горава 435, 480, 481, 503
готра 378, 462
гочарма 661
гоштхи 558
грама, деревня 492, 501, 535, 544
грама, брахманское селение в Керале 595–598, 613
грамабхогики 403
грамаджана 554
грама-дрохин 185, 189
грамадхикари 452
грама-кантака 202
грама-карука 547
грама-карьям 191
грамакута 403, 545, 555, 556
грама-мула-свамин 430
граманаяка 545
грамани 545, 546, 574
грамараджа 404, 485
грамасамая 454
грамасанкетам 610
грамеика, грамеяка 94, 324, 551
 Гуджарат 367, 397, 492, 506, 594
 Гудравара 545
 Гулбарга 458, 485, 490, 502, 507, 521
гумика 324
 Гумсур 554
 Гунага Виджаядитья III Вост. Чалукья 582
 Гундая Какатья 538
гунта, джунта 662
 Гунтур 463, 466, 544, 571, 579, 580, 663, 665
 Гупты 57
 Гурджара-Пратихары, Гурджара-Пратихаров государство 367
 Гуриндаластхала 578
гурта, гори, гору 662
гуру 588
 Гуруккал П. М. Раджан 53, 80, 349, 618
 Гуты из Гутталы
гхалиге 450
гхатика 59, 123, 373, 484, 603
гхатика-стхана 284, 503, 504
 Гхоламукха 492
 Гхошал У. Н. 383
 Дакивадулунке-70 394
далара (талара?) 462
 Дамбал 478, 500, 503
данда 661
дандадхиша 521, 522, 533
данданатха 514, 521, 534
данданаяка 272, 320, 406, 409, 411, 414, 415, 420, 430, 441, 445, 455,

456, 464, 501, 511, 514, 516–518, 520, 526, 527, 529, 531, 533, 534, 567, 573
 Дандапур 401, 458
данда-т-талайвар 49
дандая 214, 530
дандеша 514
даннаяка, см. *данданаяка*
 Дантидурга Раштракута 403
 Даравадавишая 396
 Дарасурам 279
даршана 200
даса 489
дауварика III 573
дашаграма 382
дашака 448
двадашаграма 382
двадаша стханадхипати 573
двадаша-грамья
 Дварасамудра (Дорасамудра) 646 474
девабхога (деварбхога) 247, 673
девабхога-аграхара 28
 Деваварман Шаланкаяна 559
девадана 67, 68, 74, 77, 78, 80, 106, 111, 130, 149, 152, 158, 162, 163, 247, 253, 256, 268, 272, 275, 276, 313, 317
девадана-брахмадея 333
девадана-ираййили 135
девадана-кудимаккал 252
девадаси 267, 269, 483, 603
деваканми, девакарми, деван-канмигал, девар-канмигал 77, 85, 155, 215, 224, 241–243, 248, 250, 251, 258, 271, 276, 278, 480
дева-карья 601
девала-четтигал 287
 Девалиге-70 (Девалигенад) 402, 416
девар-адиял, деварадияр 213, 268, 269
девар-канмигал 271
девасвам 598, 606
деви-матха 484
 Декан 59, 166, 281, 364, 366–369, 381, 384, 399, 438, 509, 547, 591
 Декан Восточный 382, 554, 555
 Декан Западный 367, 515, 538, 555, 573
 Деканское плато 591
 Дели 539
 Делийский султанат 12, 115, 370, 371, 381, 537, 539
 Демалигенад 414
 Деррет Дж. Д. М. 65, 404, 515, 530
деша 46, 392, 393, 549
дешадхипати 510
дешам в Керале 597, 615
деши 497
дешия-данданаяка 514
 Джагадекаварман Сундара Пандья 146
 Джагадекамалла, Джаясимха II Чалукья 522
джагат 421
джагир 73
джаджман 210
джаджмани 156, 167–169, 208, 210, 221, 255, 262, 298, 437, 440, 444, 459, 496, 547, 559
джайнизм, джайны 45, 50, 134, 176, 217, 365, 369, 484, 491, 593
джакки-колага 416
 Джамбудвипа 479
джанани 421
джанапада 554
джанм 606
джанма-к-кани 77, 266
 Джатаварман Вира Пандья 64
 Джатаварман Кулашекхара I Пандья 63
 Джатаварман Кулашекхара Пандья 149, 221
 Джатаварман Паракрама 257
 Джатаварман Сундара II Пандья 318
 Джатаварман Сундара Пандья 64
 Джатаварман Сундара Чола-

- Пандья 155
джати 14, 115, 122, 438, 496, 497, 547
джатидхарма 295
 Джатила Парантака Недундже-даиян (Маранджадаиян) Пандья 61, 179
 Джатх 485, 489, 494, 521
 Джаянгондачоламандалам, см. Тондаймандалам
Джаяпалар 287
 Джаясимха II Чалукья 459, 478
 Джеджугур-70
джива-лока 377
дживита-к-кани 266
дживитам 73, 77, 125, 251, 308, 363, 603
 Джидулиге-70 *кампана* 375, 396
 Джина 290, 479, 491
джия 426, 535, 535
джолавали 518
джоруна 501
 Джха Д. Н. 40
 Дикшит Г. С. 129, 383, 385, 389, 400, 402–405, 409, 422, 431, 433–435, 438, 439, 446, 449, 462, 469, 470, 473, 474, 488, 497
димка-салига 507
динар, динара 377, 494
дони-1000 432, 435, 463, 471, 495, 502
драма, драма, дирамам 28, 340, 458, 485, 494, 659, 660
дронамукха 492, 501
 Дубянский А. М. 31
 Дурвинита Ганга 365, 446
 Дхануштра 492
 Дханьякатака 589
дхарана 494
 Дхарвар 374, 392, 401, 414, 416, 423, 424, 427–430, 432, 434, 435, 439, 447, 448, 450–453, 459–461, 464, 465, 467, 472, 475–478, 480, 481, 483, 485, 490–492, 494–496, 498, 502, 503, 510, 518, 521, 531, 533, 534
дхарма 42, 44, 76, 163, 176, 179, 208, 291, 349, 412, 479, 498, 500, 557, 623, 624
дхармадхикари 528
дхарма-махараджадхираджа 525
 Дхармапури 46, 351
дхармасана, дхармасанам 151, 203, 215, 246
дхармастхала 472, 473
дхармастхана 179
дхармашастры 22, 29, 42–44, 55, 292, 556, 577, 589
дхармм-адхьякшиа 482
 Дхрува Дхараварша Раштракута 367
 Дэвис Д. 628
 Евразия 57
 Европа 11, 32, 41, 229, 373, 595, 624, 625, 630
 Европа Западная, Запад 11, 32, 68, 237, 631, 635, 636
 Египет 494, 594
заминдари 165
 Западное побережье 360, 494, 612, см. также Малабарское побережье
 Ибн Батута 597
идаияр 260
идайтпу 208
идангей 123, 125–128, 356
идангей-вари 125
идангей-махасенаяр 125
идангей-талам 127
идейидар 609
идейиду 607, 609
ижавар 265, 604, 605
ижакейяр 604
ижаккашу 659
ижа-ч-чери 132
икта 73

- Икшваку 537
илаияр, илаймаияр 114, 599
 Илайппаканаду 411
илайччиней (ланчана) 268
 Илам 62, см. также Цейлон
иламаккал 136
иламаккал-канам 135
иламаккал-патти 135
иланджинга-вира 285
иланкижар маган 138
илей 160
инавари 293
инам
 Инден Р. 14, 38, 514, 519, 529, 621
 Индия 12, 25, 29, 30, 34, 38, 45, 60, 66, 105, 129, 138, 154, 169, 178, 439, 479, 575, 581, 602, 624, 626, 629
 Индия Северная (Север) 20, 23, 36, 55, 57, 166, 167, 200, 281, 325, 329, 368, 376, 381, 437, 440, 492, 511, 518, 547, 576, 588, 620, 625, 627, 637
 Индия Центральная 367, 369, 410, 511
 Индия Южная (Юг) 12, 13, 18, 21, 25, 29–34, 36, 45, 53, 57, 66, 80, 142, 143, 169, 171, 200, 231, 234, 236, 237, 281–284, 292, 321, 349, 363, 365, 418, 437, 487, 491, 507, 552, 559, 561, 568, 584, 591, 599, 611, 620, 622, 625, 628, 630, 631
 Индра 125
 Индра III Раштракута 28
 Индра IV Раштракута 368
 Индракила 588
 Индрапала К. 286
 Индрасена 589
 индуизм, индус 126, 133, 173, 176, 279, 365, 367, 484, 593
ирамай 337
ирандайиравар 242
иранду-нагараттар 220
ирасукулавар 163
иратикарар 112
ирей 54, 193, 337
ирейили 70, 78, 102, 150, 193
ирейили-девадана 76, 192
ирейили-кашу 192
ирейдравьям 73
ирей-кавал 193
ирей-к-кудигал 188, 202
ирей-п-порул 143
 Ироде 46, 351
ируккей 132
 Ирукку-велы 305, 306
ирулар 352
ирупаттежувар 598
 Исуппа Ираппан (Иосиф Раббан) 612
 Иттаге-30 389, 390, 396
 Ишвара (Шива) 498, 590
 Йеламанчили 579
 Йенпади
йоганитха 503
кавал 316, 320, 349
кавал-кани 197
кавал-каниялар 320
кавал-к-кани-удеия 320
кавар 285
каваре-четти 228
 Каватала-12 397
 Кавери р. 46, 51, 52, 61, 81, 93, 108, 152, 162, 173, 174, 262, 299, 304, 320, 328, 334, 341, 354, 360, 365–367, 413, 593
 Каверипумпаттинам, см. Пухар
кавиди, кавидияр 204, 209
кавулу 543
 Кагенеле-12 396, 428
 Кадавы 305
 Кадагула-70 416
кадам 114
кадамба 365
 Кадамбалиге-1000

- кадамбар* 53
 Кадамбы из Гоа 509
 Кадамбы, Кадамбы из Банаваши,
 Кадамбов государство 58, 302,
 303, 364–366, 382, 422
кадамей 54, 78, 79, 81, 109, 135, 147,
 149, 155, 166, 192, 206, 248, 250,
 253, 302, 314, 318, 337, 338, 346,
 609, 617
кадамей-карьям 191
 Каддапа 305, 579
каджагар 503
кади 134, 149, 150, 152, 181, 576
кади никки
кадикей-тавалам 288
кадита-верггаде 464
каду 47
 Кадуваннаганда (Кудувенне-
 ганда)-70 396
 Кадунгон Пандья 60
 Кадур 415, 416, 434, 448, 500
кажанджу 81, 131, 151, 196, 197, 200,
 203, 212, 215, 217, 226, 245, 248,
 261, 267, 274, 275, 277, 289, 296,
 339–341, 346, 347, 602, 618, 659,
 660
кажаней 287
кажани-вариям 188
 Кажувулу Чола 48
кай-винай-к-куди 166
кайкколы 127, 210, 246, 294–298,
 354, 361,
кайккола-п-перумпатаяр 296
 Каката-раджья 538
 Какатьи, Какатьев государство 12,
 369, 440, 560, 574, 578, 580, 584,
 586, 588
 Каккала (Карка II, Амогхаварша
 IV) 512
калабхры 57, 58, 60, 302, 303
 Калакадапур
калам, мера объема 75, 76, 81, 83, 84,
 112, 155, 169, 183, 193, 211, 226,
 243, 252–254, 263, 271, 274, 277,
 340, 341, 346, 662, 664
калам, ударный инструмент 262
 Каламбаде (Канамбаде)-300 *кам-
 пана* (Каламбаденаду) 395
каламукха 478
каламукха-стхана 478
калаппалары 57
 Калачури, Калачури государство
 369, 382, 391, 399, 511, 514, 522,
 526, 536, 573
 Кали Вишнувардхана Вост. Чалу-
 кья 565
 Калигора II 511
 Каликатта (Каликатти)-12 391, 398
 Калимахаивияша 397
 Калимукха Викрама Конгу-Чола
 363
 Калинга (Орисса), Калингаман-
 дала 366, 585
калингу-вариям 188
кали-п-патти 157
 Кали-юга 568
калкудигара-оккалу 488
калавалла 531
 Каллакелагунаду 520
каллары 53, 99, 157, 192, 197, 456
 Калли-12 395
 Каллиганур-70 525
 Кальяни 62, 305, 368–370, 392, 403,
 522
кама 44, 498
 Камбадахалли 365
 Камбоджа
камины 210, 440
камма, *камбха*, *камба* 455, 661
камма-комати 543
каммаланы, *канмалары* 132, 255,
 293, 294, 354, 361, 362, 443, 444,
 496
 Камманаду 549
каммана-чери 132, 168, 222
каммаря 444
каммиар 53
 Камнад-4000 418, 506
 Кампаварман Паллава 60, 198

- кампана* 392–398, 400, 549, 550
 Кампанавата 395
кампулу, см. *капу*
 Камур 48
канакка-бандарам 264
канакку 208
канакку-вариям 188
канам 618, 660
 Кананаду 319
 Канара Северный 423, 424, 489
 Канара Южный 467, 473, 477
 Канаудж 367, 368
кангани 116, 188, 241, 243, 271, 276
кангани-наякан 242
кангани-сейвар 242
 Кандавур-70
кандали 285
 Кандравади 578, 579
кандужаву 68
 Кандури-Чоды 580
кани (мера площади) 166, 211, 345,
 346, 659, 660
кани (наследственное право)
 71, 74–79, 89, 98, 102, 142, 161,
 162, 164, 221, 228, 253, 263, 266,
 267, 269, 298, 299, 307, 309, 540,
 562
кани-й-удеия, *кани-й-удеияр* 77,
 88, 161
кани-к-кадан 77, 340
кани-мутрутту 67, 111, 130
кани-п-патру 313
кани-шейду 75
 Каниякал (Каниякам)- 300
каниялар (*каниятчикар*) 71, 72, 78,
 79, 82, 128, 160, 162, 163, 166,
 247, 250, 256, 355, 540, 562
каниятчи 71, 72, 82, 164, 609
 каннада язык 170, 365, 403
каннада-сандхивиграхика 464, 517,
 528
каннади-вана 483
каннадига, *каннадиге* 245
 Каннанур 370
 Каннахи 51, 55
 Канне-300 551
 Канчи (Канчипурам) 47, 48, 58, 295
каньядана 378
 Каньякаллу-300
капу, *кампу*, *камма*, *кампулу* 21, 539,
 542–544, 546, 548, 562
кар 112
 Карадигал-400
кар-адувукку-кани 264
караияр 206
карайор 54, 206
каралар 51
караналу 542, 545
каранам 514, 521, 531
каранаттан 190, 242, 271
карандей 53
карани 292
каран-кижанмей 253, 313, 314
каранмей 79, 80, 106, 111, 191, 199,
 247–249, 250, 265, 313, 314,
 603–604, 606, 607, 608, 612
 Каратикаллу (Каратиканну, Кара-
 дигал) — 300 (или 400) 391, 394
 Карахаде (Карахатака) — 1000
 (или 10 000, или 4 000), Карахада-
 наду, Карахатевишая 395, 406
 Карашима Н. 14, 24–27, 35, 39–41,
 59, 65, 72, 79, 88, 90, 99, 102, 115,
 122, 133, 140, 141, 162, 172, 173,
 190, 225, 229, 235, 236, 285, 289,
 291, 311, 333, 338, 576, 630
карей 54, 133
карей-виду 54
карей-п-паду 54
 Каривиди-30 390
 Карикала Чола 48
каришай 664
карма-к-кижавар 137
 Кармаркар А. П. 393
карнам 546, 548
 Карнатаваниджья 397
 Карнатака 12, 17, 18, 20, 62, 139,
 245, 284, 291, 303, 309, 352, 361,

- 362, 364, 367–370, 380, 381, 383, 386, 389, 400, 401, 415, 417–419, 421, 438, 445, 459, 460, 463, 490, 496, 501, 503, 529, 536, 564, 571, 586, 590, 627, 628
- Карнатака Северная 466
- Карнатака Южная 62, 63, 93
- карната-сандхивиграхика* 526
- карпура-вилей* 77
- каругар* 52
- каруман* 168, 208
- карунгай-винеиняр* 51
- Карур 46, 47, 593, 594
- Кархад, Карахаде (Кархада) — 4000 369, 391, 392, 395
- карькартта* 580
- каста* 14, 33, 35, 38, 40, 52, 53, 55, 56, 67, 69, 75, 86, 93, 97–99, 103, 104, 114, 115, 121, 123, 124, 126–128, 130, 132, 133, 137, 148, 157, 160, 164, 167–169, 172, 178, 187, 201, 205, 208, 209, 227, 231, 235, 237, 260, 262, 263, 265, 268, 269, 271, 281, 282, 284, 285, 289–296, 298, 299, 318, 323, 348, 351, 353, 354, 356, 361, 362, 378, 384, 405, 407, 421, 433, 437–441, 444, 453, 456, 457, 460, 464, 473, 476, 487, 488, 491, 494, 496–498, 502, 534, 539, 541–544, 547, 548, 553, 557, 559, 560, 562, 56, 566–569, 571, 589–591, 596, 600, 602–605, 608, 610–612, 614, 615, 619, 621, 623, 626, 628
- каталей* 199
- Катхиявар 492
- Каутилья 44, 292, 380
- каччам* 599, 618
- Кашмир 501, 533
- кашу* 77, 108, 109, 112, 117, 120, 125, 143, 163, 166, 180, 196, 206, 214, 222, 226, 258, 265, 266, 268, 276, 295, 298, 340, 346, 355, 659
- каятсха* 589
- Келавади-300 394
- Кембави-24 397
- кеникара* 534
- Керала 12, 46, 233, 245, 282, 291, 302, 303, 352, 560, 566, 591, 594–598, 600, 603, 604, 606–611, 613, 614, 616, 617, 619, 628, 660, 664
- Кералапутра, см. Чера
- Кета II 589
- кидай-п-парам* 208
- кижан, кижаван, кижар, кижавар, кижаваргал* 52, 76, 77, 89, 138, 244, 310, 607
- киж-богам* 251
- кижварам* 265
- кижджация-мукхьяр* 440, 460
- кижиду* 606, 607, 609
- киж-каланайгал* 83, 289
- киж-каранмей* 81, 83
- киж-к-каланай* 221
- Кижмалайнаду 614
- кижмугаветти* 331
- кижпади* 607
- кирамам (грама)* 47
- киру-дере* 531
- кирукула-шунка* 532
- Кисукаду-70 390, 396, 407, 416, 472, 506, 527
- ко* 70, 71, 150, 159, 274, 325
- Ковалан 47, 51, 55
- Коввур 579
- Когали-500 390, 394
- кодаваса* 532
- кодаге, кодагу* 352, 461
- Кодай Рави Чера 607
- Кодангаллур, Макотай, Маходая-пурам 592, 594
- кодевана* 408
- Кодумбалур 284, 305
- Кодумбалур-велиры, см. Ирукку-велы
- Кожикод (Каликут) 610
- койил* 274, 612
- койил-адикаригал* 616
- койил-вариям* 262

- койил-кани-й-удеия-перундаччан* 293
- койил-наякам* 246
- койил-п-патт-удеияргал* 141
- койил-удеияр* 603
- койинмей* 606
- кола* 575, 576
- колага* 661, 663
- колакандру* 574
- Коланур *камтана* 393, 395
- Колар 125, 331, 355, 365, 402, 405, 424
- коли* 83
- колика* 176
- Колипаканаду 520
- Коллам 612
- Коллига-70 391, 394
- Коллидам (Колерун), р. 93
- Коллипака 579
- Колхапур 424, 484, 494
- комати* 543, 544, 566, 567, 589
- Коморин, мыс 280, 594
- Конаду 106, 112, 114, 219, 305, 327–329
- конгавала* 285
- Конгани II Ганга 514
- Конганиварман Ганга 352
- конгар* 352
- конгу-веллала* 353
- Конгу-Ганги 354
- Конгукондачоллапурам 221
- Конгумандалам, Конгу, Конгу-леша 46, 61, 93, 230, 286, 304, 351, 362, 363, 595
- Конгу-Пандья 354, 362
- конгу-параияны* 353
- конгу-четти* 353
- Конгу-Чолы 353, 354
- Кондападумати из Надендлы 578, 579
- Кондараге-70
- кондейкаттукаран* 127
- конекара* 464, 490
- Конеринмаикондан Сундара I Пандья 209
- Конкан 367, 494, 594
- Конкан Северный 493, 494
- Конкан Южный 494
- Конкан-14000 372, 509, 526
- Конкана-900 (Конканамандала) 383, 397, 509
- Конутравар, комутрамар, комутравам 335
- коппадаварама* 612
- Коппам 62
- Копперунджинга 195
- Коравалли *камтана* 395
- Коркей 47
- Коромандель, Коромандельское побережье, Восточное побережье 360, 594
- Корралуру-12
- Кота
- коттали, готтали* 487–489, 505
- коттам (кутрам)* 92, 95, 112, 151, 225, 323, 324, 327, 328, 579
- Коты из Дхараникоты 579
- Кочин 599, 607, 611
- кошар* 352
- Коямпуттур 46, 351
- Крита-юга 590
- Кришна I Раштракута 367
- Кришна II Раштракута 538
- Кришна III Раштракута 61, 358, 407, 484, 525
- Кришна Кумари М. 576
- Кришна р. 364
- Кришна бог
- Кришна дистрикт 579, 669
- Кришнан К. С. 169
- Кришны-Годавари дельта 368
- Кубджа Вишнувардхана Вост. Чалукья 537, 582, 589
- Кубера 568
- куди кани* 85
- куди, кудигал, кудимаккал* 71–73, 75, 80–85, 90, 114, 140, 147, 150,

156, 162, 166, 188, 192, 202—206, 216, 250, 251, 254, 326, 342, 355, 356, 541, 609
куди-варам 203, 679
куди-вилей 162
куди-ируккей 132
куди-кадан 54
кудимей 79, 81, 135, 147, 206, 253, 338
куди-никка 76, 140
куди-никки, куди-никкия 70, 71, 73, 76, 83, 162, 254
куди-нинга 83—85, 254
кудининга тиру-видай-яттам 211, 254
кудининга-девадана 84, 250
кудининга-кани 84, 250
кудининга-к-каранмей 75, 82
кудирай-кашу 206
кудирай-четти
 Кудихара (Кудияхарави) —70 390
 Кудукули-13 550
кудумбар, 206
кудumbu 108, 109, 182—185, 199, 207
кудumbu-кашу 207
кудуреия-шунка 532
кужи 83, 135, 143, 153, 159, 164, 166, 168, 212, 214, 226, 345, 355, 556, 660
 Кукканур-30 396
 Кулала 442
 кулам 133
 Кулашекхара Пандья 63, 230
 Кулашекхара Шамбувараяр 320, 340
кули 203, 226, 443
 Кулоттунга (неизв. номер) 369
 Кулоттунга I Чола 62, 74, 268, 538, 590
 Кулоттунга III Чола 63, 126, 128, 374
 Кулоттунгачолапаттинам, см. Висакхапатнам
 Кульке Г. 33, 36, 629
кумара 571
 Кумаравишну III 326

кумарагадьянака 494
 Кумбайиджа-12 395
 Кумбаконам 98, 296
кумбхалика 286
 Кумтиге 534
кунби 421
 Кунджан Пиллаи Э. П. Н. 592
кунди, мера площади 660
 Кунди-3000, Кундидеша, Кухундидеша 383, 395, 503, 506, 510, 520
кундри 659
 Кундур-12 525
 Кундур-500 396
 Кундур-70 391, 394
 Кундуру-300 (500) 509
 Кунтала, Кунталадеша, Кунта-лавишья 383, 393, 395
кунча, кунчам 548, 575, 660
купа-шулка 577
 Куппагаде 428
 Куппусвами Г. Р. 379, 386
куравар 53
 Кург 18, 352
кури 178
куру 225
куруба (курумбар) 58, 352, 362
 Курукшетра 504
 Курумба 492
курумбар 352
 Курумбетта-30 *кампана* 396
 Курумпораинаду 614
куруни 108, 120, 153, 253, 264, 266, 298, 662
кута, кутака 555
куттам, общее собрание храма 601
куттам, куттрам, округ 47, 189, 208, 222, 316
кутумба 421
кутумбины 166, 421, 554, 555
 Кухундидеша, см. Кунди-3000
куша-к-кани 168

кхандуга, кхандика, кхандука 575, 661, 663
кхарвада 492, 501
кхеда 492, 501
кшатра 29
кшатрии 34, 35, 49, 50, 130, 365, 511, 536, 560, 568, 587, 589, 590
кшетрасанкетам 610
кшиурака 442
 Ладден Д. 29, 174
 Лакшмешвар 385, 472
 Лала, страна 492, 507
 Лалгуди 84, 240, 243, 307
 Ламбакарна, страна 492
 Ланка 281, 288, см. также Цейлон
 Ленинград 388
ленка, ленка-1000 518, 588
ленкавали 518
линга 501
лингяты, см. вира-шайва
 Логан У. 591
Ма 73, 108—110, 113, 146, 149, 153, 160, 163, 186, 198, 205, 211, 215, 221, 226, 269, 271, 317, 339, 340, 342, 344—346, 609, 659—661
 Магадха 492
маганмаи 74
мада-адимей 268
мадай 194
мадай-вилагам 262
мадакку кани 206
мадакку ма 109, 345
мадамба 492, 501
мадамбимар 615
 Мадани 58
 Мадапалле 579
 Мадджантия-70 *бхукти* 523
 Маджумдар Р. К. 386
 Мадрас (Ченнаи) 25, 46, 282
 Мадурай 43, 46, 47, 49, 51, 61, 99, 115, 124, 213, 236, 278, 304

Мадурайконда 61, см. также Парантака I Чола
 Мадурайконда Паракесариварман 212
 Мадурайский султанат 156
 Мадхава III Ганга 422
мадхьястха 177, 185, 190, 202, 208, 210
мажавар 352
 Майлапур
 Майсур г. 16, 84, 85, 146, 159, 200, 204, 205, 209, 250—252, 276, 415, 429, 442, 558
 Майсур дистрикт 419, 423, 424, 452, 464, 468, 661
 Майсур княжество 365, 370
 Майсурнад-70 417
 Майтрика 372
 Макотаи, см. Кодангаллур
 Малабар, Малабарское побережье 318, 378, 492, 506, 591—594, 628
 Малавы 302, 303, 451
малайкаран 271
 Малаймандала, Малайнаду, Маланаду 219, 282, 327, 352, см. также Керала
 малаялам язык 23, 592, 597
 малаяли 12, 245, 490, 619
малая-маккал, малай-маккал 127
 Малва (Малава) 301, 369
 Малик Кафур 539
 Малик Фахраддин 539
 Маллигенаду 413
 Мальяла 580
 Мамалла, см. Нарасимха I Паллава
 Мамаллапурам (Махабалипурам) 59, 225, 227, 235
манагарам 225, 295
манагарам-алван 228
манагараттар 226, 229
манайвиды 164
 Маналарате Сагара 525
 Маналера, Манала, Маналара 406, 407

Манасоласса 384
 мангалам 175, 214
 Мангалам С. С. 385
 мандала, мандалам 46, 47, 299, 309, 323, 327, 328
 мандала-т-талайвар 49
 мандалешвара 516, 518
 мандалика 518, 538, 581, 588
 Мандалинаду 394
 мандапа 238, 266, 285, 292, 324, 460, 482, 497
 мандати 324
 манджади 188, 275, 659
 манди четтикара 473
 мандира 484
 мандира-в-oley 330
 мандради, мандрадигал, мандрадувар 56, 135, 136, 220, 260, 299, 300
 мандрам (мандра) 56
 мандрупаду 227
 Мандья 485
 мане-вана 483
 маневарате 501
 маневеггаде 534
 Манедадунаду 520
 маней 225, 226, 661
 мани 262, 263, 484
 манигара 376, 470, 50,
 маниграмам, маниграмам-
 нагараттар маниграматтар 233, 283, 284, 305, 607, 611, 613, 618
 Манидеволалу 394
 маникья бхандари 472
 маниса-четтикара 473
 Маниюру-12
 Маннайнаду 363
 Маннаргуди 107, 166, 199, 207
 Маннедади-1000 397
 маннея 373–375, 403, 404, 425, 465, 485, 517, 521
 маннея-нибандхам-адхипатьям 583
 маннея-самья 374, 375
 манинга, минга 496

мантра-брахманы 179, 187
 мантри 377, 498, 560, 573, 574
 Ману 294, 380, 426
 Маньякхета 367, 368, 582
 мапсайита 521
 Мараварман 63
 Мараварман Сундара I Пандья 64, 286, 306
 Мараварман Сундара II Пандья 64, 194
 Мараварман Сундара Пандья 298, 319, 320
 маравары 56, 99
 Мараджавадинаду 397
 мараккал 662, 664
 мара-к-куди 53
 мара-мудалияр 316
 Маранджадаян, см. Джатила
 Парантака Недунджадаян
 маргашириша 372
 Марко Поло 588
 Маркс К. 115, 116, 586, 624, 630
 Маругаленаду 409
 Маругаравишя 394, 398
 марудам 56
 марутту 575
 марьяда 476
 Масавади (Масиявади) — 140 390, 479
 масавеггаде 552
 Масавуру-12 391, 396
 Масур-12 525
 Матсьи 578
 маттар 374, 377, 385, 408, 427, 429, 430, 435, 437, 450, 458–460, 481, 482, 484, 530, 661
 матха 123, 138, 158, 195, 255, 256, 258, 260, 278, 378, 404, 470, 471, 478, 484, 501, 525
 матхадхипатья-крит 259
 Матхура 370
 маха-вадда-вьявахари 500, 505
 Махагирихара Восточный 372
 Махагирихара Западный 372

махагуна 579
 Махадева (Шива) 74, 163, 274
 махаджана-баланджига 463
 махаджананапада 37
 махаджана-прадже 433, 446
 махаджаны 374, 378, 401, 417, 422, 426, 433, 437, 438, 445–450, 452–468, 471, 472, 476, 477, 489, 492, 493, 502, 505, 506, 528, 544, 557, 558–560, 602
 Махалакшми, богиня 466, 484
 Махалингам Т. В. 70, 104, 341, 622
 махамандала 484
 махамандалачарья 473
 махамандалешвара 409, 411, 414, 415, 436, 439, 440, 466, 473, 481, 509–511, 515–517, 520–523, 525–527, 531, 550, 551, 580, 581, 583
 махаматья 466, 526, 580
 маханагарам 469, 471, 503
 маханад-прабху 404
 маханаду 503–506, 629
 махапаттанам 470
 махапрабху 378, 406, 407, 410, 412, 429, 439, 451, 452, 523
 махапрадхана 320, 406, 414, 418, 439, 455, 464, 500, 505, 514, 517, 519, 520, 523, 526, 528, 529, 573, 574, 580, 590
 махараджа 550, 551, 580, 581, 583
 махараджадхираджа 367
 Махаратта-вамиша 582
 Махараштра 360, 364, 366, 369, 370, 383, 421, 424, 440, 582
 Махараштра Южная 381
 махасабха 107, 114, 158, 164, 165, 177, 178, 192, 193, 195, 204–206, 208, 210, 211, 213–216, 239, 248, 345, 346
 махасабхаяры 248
 махасаманта 406, 407, 519, 522, 525, 526, 528, 533, 579, 581, 583
 махасамантадхипати 517, 519, 533
 махасандхивиграхика 526

махасенадхипати 519
 махастханадхипати 480, 520, 561
 махаттары 403, 555
 Махбубнагар 481, 550, 578, 580
 Махендраварман I Паллава 59
 Махендраварман II Паллава 59
 Махешвара (Шива) 290
 махешвары 113, 148, 157, 214, 215, 240, 242, 246, 258, 269, 272, 449, 498
 Махипала Пала 62
 махишья 292
 Маходаяпурам, см. Кодангалур
 Махраджавади-7000
 Маюршарма 364
 Маяварам 176
 мейкиртти 27, 117, 594
 мел-алке 373, 521
 мелварам 167, 253, 265, 363, 373
 мелватте 531
 мелкойма 605
 мелоди 606
 мера 547, 548
 мерпади 606–609
 Мёртон Б. 358
 мидатчи 606, 607
 Миладу 119, 306
 Миладураяры 306
 миманса 459, 559
 минавар 53
 Минакши Ч. 324
 минда-гуддали 470
 мираси 82
 Миридж (Мирадж) 503, 504
 Миритинаду 520
 миятчи, миякатчи, мелатчи 79, 80, 82, 111, 164, 191, 247, 249, 265
 Могур 412, 46
 Модха 509, 526
 Моньер-Вильямс М. 171
 Мората-300 416
 Москва 388
 Мотупалле 564

Мригеша Кадамба 513
муваттарумбада бали, муваттарум-биду 382
мувендавелан, мувендавелар 85, 90, 103, 144, 156, 182, 193, 244, 248, 271, 276—278, 307—309, 330, 334, 346
мувендар 46
мугаветти 330, 331
 Мугунда (Мукунд) — 12 396, 522, 525
 Мугунда-30 *кампана* 397
 Мудабидаре 473
мудали, мудалигал, мудалияры 137, 208, 257, 272
 Мудувара-30
 Мудугонда-Чалукья 59
 Мужиккалам 600
 Мукхия Х. 41
мулагарар 481
мулай-вилей 618
мула-к-куди 73
мулапаришад, мула-парудай, мула-парудайяр 86, 178, 189, 243, 248, 274, 275, 598
 Мулбагал 125, 355, 36, 477
 Мулгунд-12, Мулгунда 395, 403, 472, 97
мулига 378, 424, 439, 470
 Мулкинанду 588
 Мумбаи (Бомбей) 383
муммуди 57, 103,
 Муммудичола 62, см. также Раджа-раджа I Чола
 Муммудичоламандалам 327
 Муммудичолапурам 228
муммуриданьды 378, 416, 418, 470, 489, 490, 493, 499, 502, 505, 506
 Мундараштра 95, 336, 552
 Мундарги 436
 Мунджа Синда 374, 526
мундругей махасенай 124, 271
муней 287
муней-вира 285

муней-вира-к-кодияр 287
мунта 662
 Муруган 33
 Мусири 47
мутрутту-девадана 249
муттаи-й-ал 338
муттамиж малей 119
муттар 599
 Муттараяры 304

навида 444
навидан 52
 Нагавамши 578
 Нагапаттинам 219, 220
нагара, накара, наххара, нагарам 86, 93, 95, 98, 100, 105, 110, 112, 113, 116, 120, 121, 130, 131, 148, 192, 219—224, 230—232, 234, 237, 271, 285, 289, 299, 300, 328, 338, 360, 378, 386, 404, 438, 464, 469, 470, 472—474, 476, 478, 489, 492, 501, 535, 564, 566, 567, 610, 624
нагара вариям 244
нагара-кангани 228
нагара-к-канакку 228, 229
нагара-к-кани 221, 233
нагара-к-каранаттан 229
 Нагарахханда-70 *кампана* 396, 413
нагара-махаджана 447, 472, 481
нагара-муммури 489, 499
нагарапати 475
нагара перггаде 475
нагара-прадхана 475
нагара-самудая-дхарммам 475
нагара-сандхивиграхи 377, 498
нагараттан, нагараттар 93, 96, 101, 104, 105, 106, 110, 113, 155, 163, 174, 219—233, 239, 242, 243, 271, 272, 274, 286—288, 290, 294, 300, 312, 318, 349, 360, 470, 570
нагараттукку картавая 613
нагара-ханджамана 377, 498
нагари-муммури 488
надагаунда, надгаунда, надгамунда

403—409, 410, 413, 427, 428, 476, 525, 528, 529
надажван 90, 101, 102, 110, 125, 268, 312—315, 362, 410, 433
надалува 410
нада-перггаде, над-хеггаде 403—406, 408, 482, 502, 505
над-араса 404, 485
надасвами 470
надатчи 107
 Надол 38
над-прабху, нада-прабху, налпрабху 355, 402—410, 413—417, 419, 424, 427, 428, 430, 502
над-прабхутва
надсенабова 410
наду (над, нанду) 15, 33, 35, 41, 47, 90, 92—107, 109—116, 118—121, 123, 127—129, 131, 134, 137, 138, 149—151, 157, 160, 163, 66, 167, 172—174, 191, 195, 200, 206, 207, 211, 223, 224, 230—235, 251, 253, 254, 263, 271, 272, 276, 278, 287, 293, 299, 309—312, 315, 316, 319, 324, 326—329, 331, 334, 338, 342, 354—356, 359, 361—363, 384—386, 392, 400—417, 419, 420, 429, 433, 444, 461, 470, 476, 493, 502, 505, 506, 535, 536, 548, 549, 551, 552, 556, 570, 572, 579, 598, 609, 610, 613—616, 619, 624, 629, 630
надуважи 595, 614—616
наду-вакей 102, 334
 Надувилнаду 258
наду-в-ируккей 331, 332
надудеян 102, 609, 615
наду-кангани-наякан 102, 304
наду-перггаде, над-хеггаде 355, 382, 404, 405, 408, 502
над-хеггаде, см. наду-перггаде
нажгавунда 355, 362
нажи 177, 275, 282, 662
найинда 482
найкар 135
накара, см. нагара

накара-500 435
накара-делпаттоkkalу 469
накарамвару
накарамгалу 565
накараму-самхханану 565
накара-пуруша 565
накара-самуха 435, 469, 471, 502, 565
накара-свамулу 565
налвахей 49
 Налгонда 544, 566
 Наллур 26, 455, 461
налу тали 595
намастья 377
намби 50
намбудури 591, 594—596, 602, 613, 628
нам-карумамараюм 335
нам-oley-ижуттум 333
нанадеши 284, 285, 361, 416, 418, 501, 506, 552
нанадеши-паттанам 361
нанадеши-пеккандру 552
нанадеши-п-паттанам 469
нанадеши-тисаияиратту-аиннутрувар 361
нанадешия-дашамади-эри-вира-паттана 285
нанадешиян-шалай 285
 нандана 379
нандапутра 300
нанджей 164
 Нанди холмы 57
 Нандиварман I Паллава 58, 175
 Нандиварман II Паллава 59, 7, 191, 302, 304, 336
 Нандиварман III Паллава 107, 239, 283
 Нандрулайнаду 614
 Нандьяластхала 570
 Наполеон 564
 Наравати (Налавади, Нирувади) — 500 550, 551
 Нарасимха I Паллава (Мамалла) 59, 367

Нарасимха I Хойсала 369
 Нарасимха II Хойсала 370
 Нарасимха III Хойсала 370, 468
 Нарасимха Рао Р. 552, 560, 565, 585
 Нарасимхаварман Паллава 59, 367
 Нарасимхадева, бог 466
 Нараянан М. Г. С. 26, 592, 595, 596, 598, 610, 613–616
 Нарбада р. 366, 539
нарггавундике 408
 Нареймгал-12 395, 436
 Наридавиленаду 401
 Нариялиге-70 391
наррангал 147
 Насик (Нашик) 367, 396, 475
 Натавади 510, 549, 579, 580
наттам 132, 295
натта-маккал 127
наттан 100
наттар, *наттары*, *наттавар* 70, 73, 92, 96–107, 109–116, 118–121, 128, 131, 137, 148, 156, 157, 163, 166, 172, 174, 200, 206, 207, 221, 227, 232, 233, 272, 290, 312, 314, 319, 330, 334, 342, 346, 349, 354, 355, 401, 421, 551, 585
натт-ирайи 104
натту-вари 97, 342
натту-винийогам 104
натту-к-камундан
натту-к-канакку 106
наттукоттей-четтияр 231
натту-нингал 107
натту-п-пандарам 107
натту-п-пурава 342
натту-саммадам 104, 167
натту-четтигал 287
 Начинарккинир 51, 55
наяка, *наяду*, *наякулу* 271, 407, 412, 425, 439, 445, 451, 459, 466, 467, 472, 474, 500, 505, 507, 514, 524, 526, 540, 542, 548, 553, 557, 560, 561, 566, 570, 573, 578, 583–585, 630
наякан-сейвар 151
 Наяки из Мадурай 304
наянар, *наянары* 59, 189, 298
наянкара, *наянкараму* 577, 584, 585, 588, 628
наянкулу 544
наяры 591, 594, 603, 608, 611, 613, 619, 628
наятти 190
 небрахманы 22, 39, 67, 73, 78, 86–88, 109, 123, 130, 145, 158, 200, 201, 219, 447, 529, 627
 Негапаттам 159
 Недугундаге-12 396
 Недунджадаян Пандья 178
неж-пандарам
неика 324
нела-метту 412
 Неллур 68, 105, 131, 305, 549, 556, 566, 579, 587, 663, 665
нел-пандарам 252
 Неманаду 413
 Непала 492
неттал 270
неттар-гей 441
нибандха 408
ниванда-к-карар 263
нивартана 176, 430, 523, 530, 575, 559, 660
 Нидадаволе 579
нижал 615
 Низамабад 483
нийога, ведомство 573
нийогадхикрита 573
нийоги, брахманы 560
 Нилаканта Шастри 154, 187, 198, 217, 343
нилам 182
нилам-алавупада-п-перумаккал 189, 195, 347
нирваха-сабхей 189
нир-вилей 152
 Нирумбада (Нурумбада) *кампана* 396

нишка 660
нияяттар 128
 Ноламба Паллавы 305, 509, 510, 522
 Ноламбавади 305
 Ноламбавади-32 000, Ноламбавадинаду 383, 390, 391, 394, 398, 516, 531, 533, 534
 Нолаамбы 305
ночки 53
 Нрипатунга (Нрипатунгаварман) Паллава 60, 181, 240
нуне 570
ньяса 459
ньяям 190
ньяя-мудалияр, *ньяяттар* 190

обей-наягам
ожугу 195, 343
оккалига, *оккалиге*, *воккалиге* 21, 38, 539, 591
оккалтана 433
окалу 38, 384, 402, 409, 421, 430–437, 439, 448, 453, 454, 463, 469, 471, 472, 476, 488, 494, 495, 502, 534, 539
oley 330
oley-наягам 330
олугу 146
оммаж 524
 Орисса 366, 437, 538, 547, 584

пага 660
 Пагалиттаге-300 418, 490
пагода 660
падагам 177, 660
падагарам 601
падай 264, 300
падай-к-канакку 301
падай-паттру 69, 114, 147, 152, 162, 300, 315
падай-патругал 114
падай-т-талайван 315
падакку 119, 120, 169, 258, 265, 662
пада-наяр 616
падаяччи-веллалар 354
падей 125
 Падекал-800
пади, см. *вади*
падикавал 74, 78, 155, 249, 299, 309, 357
падикаппа-нанджей 168
 Падинад-70
падинарувару, *падинарум* 481, 598
падиненбхуми 112, 251
падиненбхуми-вания-нагараттар 233
падиненбхуми-ратхакара-чакравартти 293
падинент-аграхара, *хадинент-аграхара* 465
падиненту пракрити 438, 476
падинетту-наттар
 Падманабха Менон К. П. 394, 591
паду 54
падуваду 54
 Падугалу-12 391
 Пажуветтараяры 306
 Пайве-500 383
 Пайвегунду 510
пайнарум
 Пайтхан 398
паккавадьяр 263
 Пакканаду 553
пала-бандангал 264
палай-шеруву 83
палам 212
 Паланаду 541, 549
 Палар р. 305
 Паласиге-12 000, Паласикавишья 383, 396, 418, 509, 520, 533
 Палгхат 597
 Паллава, основатель династии 58
 Паллавади Араяр 60
 Паллавамалла 59, 60, см. также Нандиварман II Паллава
палавей 222

- Паллавы, Паллавов государство 12, 23, 30, 46, 58, 61, 70, 79, 94, 142, 151, 176, 222, 303–305, 323–325, 327, 328, 336, 364, 365, 370, 548, 551, 579
палли 112, 163, 195, 298, 299
палли-наттавар 99
палли-удеиян 153
палличандам 67, 96, 111, 130, 162
паллиял 618
Палнад 578, 579
Палуветтараяры
Палы, Палов государство 62, 323, 367
Пампа р.
пан, жвачка 495
пана, *панам* 112, 316, 435, 469, 494, 660
панаттукам 659
Панаюр 613
Пангаланаду 327
пангу 165, 198, 238, 263, 601
панг-удеиян 179
Панда Ш. К.
пандараттар 242
пандит 427
пандита-дева 473
Пандиюр 428
Пандьи Поздние 25, 63, 81, 145, 148, 151, 305
Пандьи Ранние 23, 58, 60, 61, 303
Пандьи, Пандьев государство 12, 33, 46, 57, 61, 63, 30, 144, 302, 308, 326, 594
Пандьямандалам, Пандинаду 46, 93, 286, 304
пани-й-удеяр 602
пани-маккал 602
Панини 44
паниюм 615
панмахешвары 181, 239, 240, 263
паннаттавар 99, 112
панная 530–534
панниранду-хитту 439, 559
- Панунгал (Панумгал, Ханунгал) — 500 *камтана* 416, 511, 515, 517, 520, 523, 527
панчавара 183, 185, 214, 558, 571
панчавара-вариям 188
панчагавья 603
панча джати 353
панчала 286, 354, 496, 497
панча-матха 377, 378, 422, 470, 472, 484–486, 498
панча-матха-стхана 481, 485, 486
панчанувару 571
панчачарья 243
панчаят 439, 617
парадаяир 599
парадеши 285
Паракесариварман Чола 163, 212
парамабхаттарака 367
Парамары, Парамаров государство 367–369
парамба 265
парамешвара, титул 175, 367
Парамешвара (Шива) 125
Парамешвараварман I Паллава 59, 238
Парамешвараварман II Паллава 59
Парантака I Чола 212, 175
парапту 345
Параса, страна 492
паратавар 53
Парашурама 592, 593, 595, 596, 613
парвар (брахманы)
Парвати 125
пареи-ч-чери 132, 168, 222
парей, пареиявар, пареияны, каста 53, 132, 133, 169, 265, 481
парей, мера сыпучих тел 617, 662, 664
парейкулам 133
паривара 414
Парикантадева Кадамба 520, 527
Паримелажагар 55
парихара-ракханам 559
парихары 150

- Париччхеи 579
паришад, парудей 140, 178, 243, 244, 484
Партхивендраварман Паллава 84, 187
Парувур 613
парудай 248
пасугея-полам 427
патавья-кани 266
патиппадаварам 612
патипада-мужуттом 243
патра 482
Паттавардхика, Паттавардхани, Паттавардхини 574, 582
паттагара 496
паттагара самая 432
Паттадакал 368, 510
паттам 601
паттамалан, паттамалар 599, 605, 608
паттана 219, 492, 501, 503
паттанавар 294
паттана-васантара 471
паттана-верггаде, паттанада-верггаде 475
паттанасвами, паттанасави, паттана-свамлу 377, 404, 405, 417, 426, 468, 470, 471, 473, 474, 489, 501, 502, 565
паттанасвами-сувандирам 228
паттаначетти 470
паттангал 55
паттасалин 296
паттасаханадхипати 556
патти, паттика 96, 135, 138, 149, 150, 152, 178, 326, 660, 662, 663
паттидари 165
паттинам 47, 288, 296, 504
патт-oley 330, 331
патт-удеиян 243
пеккандру 552, 553, 565, 567
Пеннер (Пеннару) Южный, р. 3
Пеннер р. 413
Пенугонда 566, 568
- Перар р. 597
пер-арумчираппар 287
перггаде, хеггаде, херггаде, верггаде, прегаде 15, 382, 385, 403, 404, 409, 414, 430, 452, 459, 466, 467, 471, 475, 481, 482, 501, 503, 517, 520, 521, 524, 528, 533, 534, 558, 574, 580, 590
пердджунка, хердджунка, хед-джунка 15, 530, 531, 533, 534
периламаяр 264
Периянаду 402, 413
периянаду 116, 117, 120–122, 329
перия-наттар 116–118, 121, 623
периянатту-асари 293
перия-натту-велан 557
периянатту-перундаччан 293
Перияр р. 597
Пермади Буттуга Ганга 525, 686
Пермади Калачури 522
персы 283
перувилей 217, 267
перумаккал 157, 197, 206
Перумал 119, 593, 615, 616
Перумалы, см. Черы Поздние
Перумбанапади 327
перумпадаяр 300
Перунагаранаду 96
перунгуди, перунгури, перунгуди ванигар, перунгури перумаккал, перунгури-маккал 50, 178, 203, 204, 206
перунгури-сабхаяр 74
перундериу 154, 220, 221
перун-селвар 50
Перур 361, 543, 566
перурар 137
петрар 71, 325
пидагей, пидигей 202, 226, 611
пидарар 264
пиллалар 605
Питхапурам 579
поду, подийил 56
подувал, подувалмар 599

полала-прадхана 475
полала-хеггаде 475
 Полкский пролив 594
помма 494
пон 411, 659, 660
 Пон-Амараватинаду 115
понвари 194, 250
 Пондичерри 71, 211, 214, 291, 303
 Поннади 585
пор-пандаригал 242
поттагам 343
 Поттапи, Поттапинаду-300 550, 579, 588
прабхавам 373, 521
прабхакара 258, 459
прабху, прабхугал 402–404, 410, 412, 416, 417, 429, 439, 452, 461, 468, 475, 503, 505, 506, 550
прабху-гавунда 411, 414, 417, 432, 439
прабху-мандапа 450
прабхутанам 517
прабхутва, прабхутвам 372, 373
прадже, праджа, праджегам 421, 423, 424, 436, 438, 439, 441, 453, 459, 547, 558
прадже четтикара 473
прадже-гавунды 410
прадхана 377, 498, 521, 526
прадхан-махаматъя 528
пракрити 382, 437, 438, 472, 547
прамукха-накараму 565
 Прананатха В. 384
 Прагпарудра I Какатья 539
 Прагпарудра II Какатья 539б 548
пратилома 294
 Пратихары, см. Гурджара-Пратихары
 Пратиштханабхукти 398
 Пратьяндака-4000 396
прашастти 27, 117, 118, 565, 571, 594
 Праяг 504
праясчитта 615
преггаде, см. перггаде

прийе бандхава 583
 Притхвипати II Ганга 61
 Притхвишвара 589
притхиви-раджьян-шея 303
 Прола II Какатья 539
 Прола Какатья 369
 Пролая Веема 590
 Пролая Найяка 577
пуджа 602
пуджари 112, 271, 432, 439
пудукашу 135
 Пудуккоттай 18, 80
 Пудуккудеиан-Экадхира-50
пулаияр 53, 604
пулай-ч-чери-наттам 164
 Пулакешин II Чалукья 59, 366, 367, 382, 537
пулан 52
пулатти 52
 Пулигере (Пуригере, Хулигере) — 300 397, 407, 469, 472, 476, 506, 508, 509, 512, 516, 517, 519–521, 525, 527, 533
 Пули-парга 167
пуми, бхуми 80
пуми-путтирар 128
 Пунаду-10 000 (Пуннаду-6000) 396
пунджей 164, 295
пунья 163, 357
пура, пурам 219, 378, 469–471, 486, 501
пураву 55, 343, 576
пуравувари 330
пуравувари-тинайккалам 331
пуравувари-т-тинайкалатту-кангани 331
пурада-перггаде 475
 Пурангарамбайнаду 184
пураны 559
пура-парамешвара 492
пурапати 474
пура-патру 147
пурохита 48, 528, 573

пуруттха-драмма 494
путтакам 659
путти 548, 575, 576, 662
путти-колучу 577
путти-пахинди 577
путрика 539
пухар 47
 Пухар (Каверипумпаттинам) 47, 49, 51
 Пятигорский А. М. 30

 Радди 540
раджа 581, 588
раджабхандара 349
раджабхогам 606
раджаваллабха 324
раджа-васту 68, 326
 Раджавур 534
 Раджадитья Салуки 515
 Раджадитья Чола 407
раджа-дрохин 349
раджадхани, раджадхани-наттана 376, 471, 472, 556
 Раджадхираджа I Чола 62, 161, 195, 277, 331, 332, 335, 345, 550
 Раджадхираджа II Чола 269, 661
раджадхьякша 464, 520
раджака 442
раджамана-кол 576
раджа-палу 576
раджапуруша 377, 472, 476, 498
 Раджараджа I Чола 33, 61, 62, 78, 84, 101, 107, 123, 125, 131, 140, 147, 181, 201, 216, 217, 219, 220, 222–224, 262, 264, 274–276, 305, 306, 309, 327–330, 332, 333, 339, 340, 342, 383, 550, 576, 627, 659
 Раджараджа II Чола 78, 155, 162, 307, 308
 Раджараджа III Чола 64, 88, 114, 164, 165, 189, 195, 258, 26, 269, 279, 316, 331, 370
 Раджараджа Чода Гангадева 569
 Раджараджаваланаду 327

Раджараджамандалам 327
 Раджараджапандимандалам 258
 Раджараджапурам 108
 Раджараджешвары храм 3, 131, 262, 264, 279, 340
 Раджасимха Пандья 61
 Раджастхан 381, 511
раджатанишка 494
раджа-шрейстхи 503, 505
 Раджендра I Чола 62, 6, 67, 82, 107, 164, 169, 175, 208, 214, 221, 240, 242, 258, 260, 264, 277, 279, 300, 331, 343, 596, 627
 Раджендра II Вост. Чалукья, см. Кулоттунга I Чола
 Раджендра II Чола 208, 277, 333, 383, 538
 Раджендра III Чола 63, 64, 88
раджпуты 36, 316, 381, 511
раджья 324, 373, 513
 Разоле 579
 Райс Л. 389
 Райчур 391, 394, 416, 453, 492
ракта-манья, ракта-кодуге 441
ракиабхога, ракиабхогам 599, 606, 607, 617
ракиай 349
ракиа-пуруша 599
 Рама 589
 Рамаваланаду 614
 Раман К. В. 339
 Раманатха Хойсала 370, 411, 412
 Раманатхапурам 99, 104, 105, 116, 155, 204, 230, 236, 246, 285, 287, 313, 316, 319, 565
 Рамануджа 280
 Рамачандра Рао Ч. В. 542
 Рамеш К. В. 16
 Ратнагири 99, 442, 483, 535
ратта-гавунда 422
раттади, см. редди
 Раттапади (Раттавади) — 750 000 383
 Раттапалли (Раттахалли) — 70 389,

396, 522, 525
 Ратты 422, 512
 Ратты из Саундатти 510
ратхакара-чакравартти 293
ратхакары 292–294
рача-карья 553
рача-сиддхия 576
рача-сункам 576
раштра 95, 303, 323–325, 548, 552, 572
раштра-бхартти 101
раштракуты 403, 469, 554–556
 Раштракуты, Раштракутов государство 12, 15, 28, 38, 58, 61, 30, 305, 351, 364–368, 370, 382, 392, 399, 403, 406, 422, 424, 508, 510, 512, 513, 515, 522, 525, 529, 582
раштрапати 393, 512, 514
 Раяварам 553
 Раяласима 546
 Редди (Ратта) 351, 540
 Редди из Кондавиду 590
 Редди из Раджахмандри 540
редди, радди, ратти, иратти, раттади, редлу 21, 354, 359, 540, 541, 543, 545, 546, 548, 553, 557, 562, 578, 591
 Ренату (Ренанду) — 7000 305, 549, 550
 Ренати-Чоды 579
реттикуди 541
 Речерла-Редди 580
Ригведа 265, 559
 Римская империя 45, 281
 Ритти С. Н. 16
 Россия 138
 Рудрадева 539, 589
 Рудрадева (Пратапарудра I) Кака-
 тья 539
 Рудрамадеви (Рудрадева) Какатья
 539, 544, 584
 Рукамангадева из Ахичапура 510
 Руридха-10 деревень 397
 Сабби-30 396

Сабха 73, 74, 77, 78, 84–86, 93, 100, 101, 114, 116, 126, 136–140, 147, 149, 151, 157–161, 171, 174–184, 186–205, 207–219, 222, 224, 229, 239–244, 256, 258, 261, 271, 275, 277, 301, 314, 333, 339, 343–347, 357, 358, 386, 445, 446, 557, 560, 598, 600, 603, 618
сабха-винийогам 192
сабха-вьявастхай
сабхаияры 83, 93, 96, 159, 174, 194, 195, 205, 208, 210, 211, 214, 217, 218, 223, 239, 254, 333, 349, 357, 445, 598
сабхай-канакку 241
сабхай-п-подувай-к-киданда-нилам 200
сабха-мандапа 450
сабха-стхала 450
 Сагара-300 391, 397
 Сагара-500 391
садху 593
 Саиндхавы 302
сакала-джана 570
 Саккараге-90 394, 397, 515, 523
 Сакхали 588
салига-самая 496
салия, салиян, салига, салияр, салия-нагараттар, шалия, шалияр, шедар 127, 220, 228, 289, 295, 361, 472, 496, 570, 571
 Салувы 578
 Самакариге (Саккараге-90?) 515
саманта 202, 359, 518, 519, 526, 579, 583
самантадхипати 519
самантамандалика 521
саманта-чакра 579
самантике 518, 523
самар 189
самаракесари-теринджа-кайкколлар
самаста-накарам, самаста-накараму 464, 565
самаста-прадже 434, 544, 545
самаста-прадже-гавуда 434

самаста-прадханарум 482
самаста-саманта 579
самая 285, 438, 488, 496, 570
самая-дроху 570
самая-карья 553
самая-мантри 111, 272, 566
самая-чакравартти 506, 507
 Самбуварай 205
самватсара-вария-п-перумаккал 181, 187
самвахана 492
 Самгананера (Самгаланера)-84 396
самити 178
самудая, община 421, 434
самудаям, общинные дела 246
самудаям, управляющий храмом в Керале 599
самудая нилам 200
 Самудрагупта 58
самуха 421, 469
самхита 184
самья, свамья 376
 Самьяна, Самьянапаттана-700, Самьянамандала 397, 509, 526
сангам 43
 Сангама период 30, 43, 44, 46, 55–57, 224, 234, 281, 302, 351, 352, 593, 594, 595
 Сангама Калачури 378
санган 178
 Сангли 366
сангха 178
сандхивиграхика, сандхивиграхин 519, 526, 574
сани 561
санияси 484
санкетам 609, 610
саннавати-сахасра-вишья-пракрити 415
 санскрит 23, 94, 118, 263, 365, 538
санта-накараму 565
 Сантхалингам Ч. 120
санчарина, санчарантака 324

саптасахасрика 381
 Саракачча-12 398
 Саратавуранад 398
сарва каранаюкта 324
сарва нийогака, сарва-найогика, сарва-найока 324
сарвадхикари 419, 420, 500, 502, 526, 529, 574, 580, 590
сарвадхьякши 324
сарваманья 146, 543
сарваманья кодаге 410
сарва-махаматр-адхьякши
сарва-найогика-валлабхан-вайшайикан 324
сарванамасья 442, 483
сарвапарихара 150, 336
сарванатрадхикрита 513
сарв-аюктака 324
сарва-кара-парихара 326
сарва-найогика 324
сариге-оккалу 488
 Саронатхи из Колану 578, 579
 Састри Парабрахма 588
 Сатаваханы, Сатаваханов Государ-
 ство 364, 537, 578
 Сатара 395, 396, 509
сати 518
 Сатсахасравишья 550
 Сатталиге (Шатталиге, Шатталиге-
 наду) — 70 385, 396, 414, 525
 Сатьялиге-70 396
 Сатьянараяна К. 514, 573
саудоре 470
 Саураштра 492
 Саутхолл А. 33, 34
сачива 111
свабхану 379
свадеша 285
свамам 205
свами 284, 285, 360, 417, 418, 470, 489, 491–493, 499, 503, 506
свамибхогам 140, 607
свамитана 405, 407

свамья, см. *самья*
сва-раштра 303
 Себби-300 (Себбидеша) 394
сев-варам 84
 Северо-Западные провинции 165
 Селам 46, 351
сенабова 442, 451, 466, 470, 481, 482, 489
сенадхипати 514, 519–521, 573
сенайил 188
сенапати 226, 301, 310, 334, 513, 560, 573
 Сенгуттуван Чера 49, 55
 Сендраки 509
сен-тамиж 119
 Сеньджи 276, 293
 Сетти из Кунди 510
 Сету 565
 Сеунадеша 511
 Сеуны, см. *Ядавы*
 Сигаланаду 402, 410
сиддхая 214, 377, 408, 409, 458, 483, 530, 531
силлирай 214
 Сима 548
 Симхаварман II Паллава 58
 Симхаварман III Паллава 96
 Симхавишну Паллава 58
 Сингханадева Ядава 454
 Синдавади-1000 (Синдавадинаду) 390, 397, 520
синдера-гамига 489
 Синды, Синдавамша 391, 510
 Сиркар Д. Ч. 23
 Сирсанги 506
 Ситараман Б. 24
 Сияка Харша Парамара 368
смрити 294, 426
 Совидева Калачури 514
 Сог-12 394
сола 662
соласа 494
 Соллундурака-70 396

Сомавамша, Чандравамша 58, 511, 538
 Сомешвара I Чалукья 478, 516
 Сомешвара II Чалукья 369, 466
 Сомешвара IV Чалукья 370
 Сомешвара Хойсала 370
 Сомешварабхатта 511, 527, 528
 Спенсер Г. У. 37
 Сривастава А. Н. 386
 Стайн Б. 25, 33–37, 41, 94, 95, 103, 120, 123, 129, 160, 171–175, 216, 232, 271, 304, 306–308, 323, 328, 333–335, 342, 348, 354, 384, 620, 621, 626, 630, 631
 Столяров А. А. 323
стридхана 85
 Стри-раджья 492
стхала 548, 549, 552, 572, 578
стхала-праджа 552
стханадхипати 486
стханам (храм) 601
стханapati 471, 480, 486, 560, 561
стханаттар, танаттар 240, 246, 258, 269, 272, 278, 358
стханачарья 480, 624
стханика 241, 256, 258, 426, 480
стханикуду 561
 Стхану Рави Чера 605, 611, 618
 Суббараялу Й. 24, 26, 85, 87, 88, 93, 94, 96, 97, 99, 120–122, 130, 138, 182, 199, 236, 306, 327, 328, 333, 338, 342, 344, 349, 612, 630
 Субрахманиян Н. 44
суварна 494, 659
суварнакрит 291
 Сулдохатави-70 394
суле 492
султан 12, 115
 Суматра 6, 281
 Сундара Чола 196
 Сунди 376, 471, 481, 482
сунка, шунка 577
сунка-верггаде 517, 525, 532, 574
сунк-адхикари, сунк-адхикаригал

412, 531
 Сураварам 553
Сурьявамша 58, 351, 511
 Сучиндрам 81, 243, 248, 280, 598
сэй 661
 Сюань Цзан 59
 Тагадур 352, 419
 Тагадурнаду 363
 Тагунад 414
тади 266
тадиважи-вариям 188
 Таиланд 283, 611
 Тайлапа II Чалукья 368, 512, 522
 Тайлапа III Чалукья 369, 370
 Тайлапа Кадамба 462, 516, 523
 Таккалурнаду 222
 Такколам 6, 407
 Такуа-Па 283
тала 505
талавара 442
талайван 138, 545
талайва-ч-чандрар 140, 264
талай-вилей 618
 Талакад, Талакаду 365–367, 471
тала-каранаттар 246
талам 158, 217
талара 471
 Талигенад-1000 416
талиппад-удеияр 243
тали-удеияр 243
тали-ч-чери 132
талиядиримар, талиялван 599
тамар 335
тамбулига-1000 495, 502
тамбулига-четти 435
 Тамилахам 46, 53, 594
 Тамилнаду 12–15, 20, 25, 30, 35, 36, 39, 43, 46, 47, 52, 53, 55, 57, 58, 62, 63, 75, 85, 91, 92, 94, 98, 109, 115, 120, 127, 130, 137, 157, 171, 173, 219, 223, 232, 233, 236, 237, 258, 270, 281, 282, 284, 287, 291–294, 303, 325, 327, 351, 353, 354, 360, 362, 367, 370, 371, 373,

375, 380, 386, 390, 400, 401, 412, 419, 438, 445, 446, 479, 480, 483, 490, 492, 494, 529, 536, 537, 539, 541, 551, 556, 558, 560, 564–568, 571, 590, 593, 594, 603, 604, 606, 609–611, 625, 627, 629, 637, 659, 660, 662, 664
 Тамилнаду Восточный 63, 351
 Тамилнаду Западный 61, 351
 Тамилнаду Северный 58, 237, 282
 Тамилнаду Южный 282
 тамилы 32, 46, 56, 72, 170, 173, 179, 307, 309
танаттар, см. *стханаттар*
 Тангула-30 395
 Танджавур (Танджур) 304, 308, 311, 312, 315, 316, 340, 342, 343, 345, 629, 659, 661
таниюр 131, 174, 191, 233, 328
тантакричча 185
тара 615
 Таравур
тарам 195, 343, 344, 346–348
тарамиду 344
тарамийили 344
тарана 379
тара-поттагам 343
 Тарасюк Я. В. 30, 71, 95, 151
 Тардавади-1000 397, 418, 505, 522
тари-кадамей 297
 Тарикаданад, Тарикаде *кампана* 398
 Тарутталаленад
таттан 293
таттар-паттам 338
тату 456
тачча-к-кани 168, 208
тачча-к-куру 266
таччан 52, 168
тачч-ачария-к-кани 359
таччу 208
таям 51
таяттавар 51
теджа 376
теджа-самья, теджа-свамья 376

Теккалнаду 412
тели, телики, тели-1000, телики-1000, теллига, теллигар, теллика-50 оккалу 294, 295, 464, 472, 481, 494, 495, 543, 568–570
телики-вевура-кула 568
телики-кампулу 543
 Телингана 541
теллига, см. тели
 Теллинаду 469
 телугу 12, 23, 282, 538, 539, 557, 584
 Телугу-Паллавы 578
 Телугу-Чоды 578–580
 Темгара-30
тентисай чолия веллалар 354
 Теридала, Теридала-12 394, 502
теру-порул 54
тикай-1500 296
тинда-ч-чери 132, 169
тирпарулу 574
тирчиха 324
 Тирувадандай 219
тиру-вай-келви 263
 Тируваллам 275, 305, 309
 Тируваллувар 44, 52
 Тируванантапурам, Тривандрум 595, 598
 Тирувелларай
тиру-видаяттам 242, 254, 272
тируволаккам 298
 Тирувотриюр 137, 220, 280, 282
тиру-в-уннажикей-сабхай 243
 Тирукаччур 153, 295, 318
 Тируккажуккундрам 266, 280
тиру-к-койил-удеиян, тирукойил-удеияр 242, 262
 Тирукойилур 98, 119, 122, 200, 205
тиру-мадаи-вилагам 105, 241, 254–256, 265, 297, 317, 358, 361
 Тирумалай Р. 25, 68, 72, 83, 134, 143, 204, 244, 277, 329, 343, 347
тирумали-кайккуру-сейваргал 246
тирумандира-oley 189, 331, 332
тирумандира-oley-наяка 331, 332

тиру-мей-каппар 263
тирумели-к-куппурам 265
 Тирумунайпади 327
 Тируналлур 274
тиру-намаатту-к-кани 19, 75, 159, 215, 253, 254, 257, 297, 354
тиру-нанда-ванам 225, 248
 Тирунелвели 64, 68, 80, 99, 125, 137, 147, 155, 222, 228, 236, 287, 319, 345, 659, 661, 662
тиру-пани-кангани 251
 Тирупати 280, 557
 Тирупаттур 306
Тируппадигам 262
 Тируттиккали Альвар 275
 Тируттурайпунди
 Тиручираппалли 77, 80, 84, 98, 99, 105, 128, 138, 140, 156, 159, 161, 190, 213, 227, 239, 243, 249, 252, 276, 278, 287, 292, 296, 298, 299, 303, 306, 314
 Тируччендур 222
тиру-ч-чутру 254
тисаи-й-айирават-аиннутрувар 286–288
тияр 604
тогара 470
тодди 132, 495, 544, 570
 Тодиторитимандала 585
 Тольхаппиянар 44
 Тондаиман 582
 Тондаимандалам, Тондаинаду 46, 47, 58, 61, 92, 93, 120, 258, 304, 305, 310, 323, 325, 327, 338, 582
Тонмараван 303
 Торагаледеша, Торегалунаду (Торе-гала-6000?) 395, 516
 Торе 419
 Тору Матцуи 24
 Торгара-60 476, 516
тотига, 500 тонтига 444, 464, 490
тотта-вариям 187
 Траванкур 595
 Траванкур Южный 597, 606

Трайлокьямалладева (Джаясимха II) Чалукья 516
трибхога 376
трибхог-абхьянтара-сиддхи 376, 522
 Трибхуванам 279
 Трикута Восточный 372
тувами (свами) 600
 Тулу 506
тум 548, 662
 Тумкур 18, 305, 452
 Тунгабхадра р. 62, 368
туни 169, 258, 662
тутияр 53
тхаккура 410
тхана 410, 462
 Тьяги (Чаги) из Натавади 510, 579
 Тэлбот С. 21, 24, 26, 306, 544, 549, 561, 563, 580, 581, 583–586
убхая-нанадеши 418, 506, 567
убхая-нанадеши-неккандру 552, 567
убхая-самья 376, 523
увачча-к-кани 359
угура-300 432, 435, 471, 495, 502
уданкуттам 332
удан-куттатту адигаригал 331
 Удаягири 571
удеймей 51
удеиян, удеияр, удеияры 70, 71, 73, 76, 78, 80, 89, 103, 104, 164, 169, 243, 247, 248, 251, 258, 307, 309–311, 316, 317, 319, 320, 340
ужавар (ужавинар) 51, 53
ужавотри 606
ужаву 52, 251
ужаву-куди, ужу-куди, ужу-к-кудигал, ужу-куди-маккал 72, 85, 153, 166, 210, 276
ужакку 134, 151
ужа-пареияр 132
 Уккал 135, 164, 179, 181, 186, 191, 202
улахалавитта 276
улку (улгу) 54

Улуг Хан (Мухаммад Туглак) 539
умбали 377, 410, 427, 429, 481, 525
 Умбаравани-36 395
уннажигей-вариям 243
уннажигей-пурам 249
уннажигей-удеияр 242
упаграма 597
упанаяна 451
Упанишады 43
 Уппалика-300 397
ур, урар, уравар, урары, уру 47, 72, 73, 76–78, 81, 86, 88, 92, 93, 95, 96, 98, 100, 101, 105, 110–113, 116, 117, 130, 131, 134–162, 164, 166, 168–179, 197, 201, 214, 215, 219–222, 224, 227, 239, 246, 256, 257, 263, 271, 312, 319, 338 342, 349, 356, 357, 360, 386, 404, 421, 431, 444, 449, 550, 597–600, 611, 624
урайма 605
урали, уралан, уралар, уралван 138, 357, 470, 489, 597–602, 604, 605, 609, 614, 615
урали-наттавар 99
урамай-сейвар 215
ураналвар 433,
уранмей 606
уратчи 107, 150
 Уреиюр 47
ур-вариям 201
ур-винийогам 207
ур-гавунда 406, 427, 428, 516
ур-ганам, ур-ганаттар 152
ур-канакку 169, 270
ур-кижавар, ур-кижар-маккал 139, 203
уркил-ирайи 150
ур-ирук-к-наттам 132
ур-куттам 597
ур мандапа 111, 450
ур-мудалир 137
ур-наттам, ур-ируккей 132, 164
уроде-волада 451

уродей 404, 434, 446, 450–452, 459–461, 478, 485, 558
 уромей 202
 ур-удейян 303
 уру-самая 543
 ур-эллам 435
 Утакаманд 16
 уткришта-айогава 294
 Утгама Чола 76, 77, 107, 296, 34
 Уттар Прадеш 165, 492
 Уттарамерур, Уттарамалур, Уттарамеру-чатурведимангалам 158, 177, 179–182, 184, 186–188, 190, 192, 202, 213, 214, 239, 240, 289, 343, 661
 утту 601
 Факр-ад-дин Мубарак-шах 115
 фанам 505
 Флит Дж. Ф. 366, 383, 384, 438, 439
 хага 494, 660
 Хагаритиге (Хагариттаге) — 300 418, 500, 523
 хадиненту джати 421
 Хайтсман Дж. 65, 74, 79, 98, 104, 142, 242, 311, 312, 334, 513
 хала 496
 халару, халавару 421, 434, 473, 552
 Халевид 474
 халика 559
 Хамгараге-12 395
 хамьямана 444
 хана 660
 Ханагал 364
 ханни-хитту 439
 Ханумантха Рао Б. С. Л. 587
 ханьямана, см. также *каммаланы*, *вира-панчала*
 Хара 479
 Харавале-30 416
 Хари 118, 479, 491
 Харикантадева Кадамба 571
 Харикесаридева Кадамба 481, 515,

516, 524
 Харшавардхана 366
 Хасан 18, 379, 424–426, 458, 482, 483
 хаста 660
 Хастинапура 538
 Хеббалу-12 кампана 397
 хеггаде, см. *перггаде*
 хеггадике 466
 хери-лала-сандхивиграхин 519, 520
 херодеияру 423
 Хираньяварма 59
 хитту 432, 439–441
 хиттубова 440
 хиттукара 440
 Хойсалы, Хойсалов государство 12, 15, 63, 64, 272, 298, 320, 354, 361, 368–371, 378, 381, 382, 402, 410, 413–416, 450, 452, 456, 457, 472, 473, 499, 508, 509, 512, 517, 530, 536, 660
 Холалуру-12 394, 591
 холя 496
 Холл К. 231–236, 282, 289, 328, 329
 хонга 494
 Хонганде-30 394, 519
 Хорагхатте-70 395
 Хуввали-12 395
 Хулигеренанду 520
 хун, хон, хону 659
 Цейлон 59, 61, 62, 288, 334, 566, 594
 Цыганков Ю. Я. 30
 чаву-гавейя 535
 Чаги, см. Тьяги
 чакравартин 581
 Чакравартин Ариндама 126
 Чалукьи 15, 58, 334, 366
 Чалукьи Восточные, Чалукьи из Венги, Чалукьев Восточных государство 12, 15, 62, 63, 367, 368, 382, 537, 538, 566, 574, 576, 578, 579, 581, 582

Чалукьи Западные, Чалукьи из Кальяни, Западных Чалукьев государство 12, 28, 6, 305, 365, 367–370, 372, 374, 382, 383, 390, 392, 399, 403, 422, 429, 474, 476, 503, 508, 510–513, 515, 520–525, 530, 533, 537, 538, 545, 555, 579, 582, 628, 660, 664
 Чалукьи из Ватапи, Чалукьев из Ватапи государство, Чалукьев Ранних государство 12, 58, 59, 352, 364–367, 392, 514, 546, 548, 549, 554–556, 564, 566, 569, 574, 576, 578, 579, 581–583
 Чалукьи из Питхапурама 367, 579
 Чалукьи-Чолы 12, 538, 580
 Чалукья-Викрама эра 369
 чамара 503
 чампака 222
 Чампакалакшми Р. 94, 121–124, 231–236, 284, 286
 Чандравамша, см. *Сомавамша*
 Чандрагири 125, 664
 чатурварна-самуддхарана
 чатур-варнашрама-дхарма 627
 чатурведимангалам (чвм) 74, 75, 77, 84, 123, 159, 175–177, 179, 192–194, 198, 203, 209, 211–214, 216, 250, 261, 292, 299, 346
 чатурведины 238
 чатуртхакула 589
 чатуртханвая 103, 164, 589
 чаугаве, чауграма 425, 426, 429
 чаураси, чатурашитья
 Чахаманы, Чахаманов государство 381
 Ченгалпатту 128, 143, 144, 147, 148, 150–152, 157, 160, 168, 190, 201, 226, 228, 229, 246, 259, 261, 266, 277, 280, 282, 295, 310, 345, 346
 Чера, Кералапутра 46, 352, 593
 Чера, Черов государство 46, 54
 Чераци 58
 Чераман Перумал 593, 595, 596
 Черамандам 46

чери 109, 168, 183, 188, 220, 225
 чериккал 610
 Черы Поздние (Перумалы), Черов Поздних государство 592, 605, 606, 615, 616, 628
 четти 114, 228, 229, 285, 353, 354, 361, 376, 377, 405, 410, 417, 418, 426, 428, 430, 458, 461, 466, 467, 469, 470, 472–474, 476, 478, 481, 482, 485, 489, 490, 493, 497, 500–503, 505–507, 520, 533–535, 542, 543, 553, 557, 561, 565–567, 611, 673
 четти-гана 565
 четтигутты 405, 417, 418, 432, 490, 493, 499, 502, 506,
 четтинуптра 285, 493
 четти-самья 376, 498
 четтитана 471
 Чидамбарам 57, 82, 144, 178, 209, 220, 221, 246, 258, 279, 289
 Чирапи-12 551
 Читравахана II 368
 Читрадурга 18, 305, 485
 читрамежи (читрамеди) перия-наттар 116–119, 121–123, 230, 287, 356, 556, 557, 629
 Читтур 125, 303
 Чода 574, 581
 Чода-махараджа 583
 Чолагангам 62
 Чолакераламандалам 352
 Чоламандам, Чоланаду 46, 61, 93, 130, 172, 304, 310, 311, 338
 Чолы из Урейюра 510
 Чолы, Чолов государство 12, 24, 25, 33, 35, 37, 46, 50, 57, 58, 60–62, 64, 65, 79, 85, 98, 103, 121, 151, 172, 173, 234, 285, 302–305, 307, 308, 312, 326, 327, 330–334, 337, 338, 348, 365, 366, 383, 539, 578, 579, 594
 Читтараджа Шилахара 526
 шайвачарья-к-кани 278
 Шактиварман Вост. Чалукья 546

шала, шалай 484, 603, 613
 Шаланкаяны 537, 559, 578
 шалия, см салия
 шалла 661
 шанкара 289
 шанкараппади, шанкараппадиян, шанкараппадияр 83, 188, 221, 225, 228, 289
 Шанмугам П. 24, 122, 149, 236, 338
 шанналиял 263
 Шанталиге-1000, Шанталигенал 125, 390, 391, 397, 409, 510, 511, 516, 525–527, 536
 Шарма, фамилия 365
 Шарма К. Х. В. 16
 Шарма М. С. 567
 Шарма Р. Ш. 41
 шасана 117, 497, 503, 518, 557
 шастрабрахмана 613
 шастрабхикша 613
 шастры 182, 277
 Шатталиге-70, см. Сатталиге
 шаттар, шатта, шаттирар 603, 613
 шатту-п-перумаккал
 шедар, см. салия
 шей 142
 шейваргал 246
 Шеннайнад 362
 Шива 33, 57, 81, 112, 113, 124, 125, 149, 264, 271, 273, 450, 457, 491, 498, 561
 шивабрахманы 148, 244–246, 255, 266, 267, 272, 275, 314, 483
 Шиваганга 116
 шива-дрохин 112
 шиваизм, шиваиты 59, 137, 240, 268, 273, 290, 298, 367, 369, 478, 457, 484, 561
 шивапура 457
 Шивапурам 226, 229, 457
 Шиваскандаварам Паллава 176
 Шилавамши 578
 Шилахара, Шилахаров государ-

ство 27, 372, 504, 509
 Шильпашастра 661
 Шимога 18, 375, 424, 425, 462, 470, 477, 485, 501, 509
 шингам 285
 ширу-куди-варам 84
 ширупули 285
 Шравана Белгола 18, 365, 434, 472
 шраванай 180, 198
 шрени 487, 496
 шреитхин 377, 479, 498, 520, 522
 Шри Мадеви 515
 шрибали 266
 шрибхандара-вариям 241, 242
 шири-бхандараншея 262
 шривайшнава-вариям 241, 242
 шривайшнава-канакку 241
 шривайшнава-кангани 246
 шривайшнава-канми 242
 шривайшнавья 195, 240, 214, 246, 272, 317
 Шривиджая 62
 шрикарана 520, 521, 526
 шрикариян-шейван, шрикариян-шейвар 243, 266, 271, 279
 шрикарьякрита 243
 шрикарьям 244, 246, 262, 278, 296, 556
 шрикарьям-адикаригал 244
 Прикурмам 579, 585
 Шримали К. М. 493
 шримахешвара-кангани 246
 шримахешвары 256, 272
 Шринагара-2500 396
 Шринивасан Ч. Р. 16
 Шринивасаналтур 283
 шрипандара-вариям
 Шрипура-12 395
 Шрирангам 98, 163, 193, 212, 241, 244, 248, 255, 278, 280
 шрирудрамахешвары 272
 Шри-Харшапура-750 деревень 397
 шудры 49, 103, 130, 148, 164, 457,

536, 538, 556, 559, 566, 581, 585, 587–590, 618
 шула 268
 шунка, шункам 54, 530, 532
 шунка-верггаде, см. сунка-верггаде
 шункадавара 532
 шунк-адхикаригал, см. сунк-адхикари
 шунка-карана 570
 эвал 332
 Эдавате 413
 Эдаволал (Эдавале, Эдайолал, Эдеволал) — 70 кампана (бхага, наду) 395, 416, 525
 Эладоре-2000 390, 418, 506
 Эдеветта (Эдеватта, Эдеватта-Баллаве, Эдуватта-Баллаве)-70 391, 396, 525, 526
 Эдединдевишья 398
 Эделоре (Пададоре)-2000 394, 511
 Эдемале (Эдевала)-1000 416
 Эдемале-12 391, 397
 Эденаду-70 396
 Эдирили Перумал 308
 Эдирили Чола 315
 Эйилнаду-500 304
 эйинары 45, 53, 56
 экабхогам-брахмадея 148
 экаграма 175, 597
 Экапада, страна 492
 Экаяр 128
 Эламанчили 579
 Эламби-20 395
 Эламби-70 кампана 395
 Эламе 473
 Элефанта 368
 элкотти 484
 Эллис Ф. У. 171
 Эллора 368
 Элтапи-90 кампана 550
 Элуру 579
 эни 471

Энненад 423
 энпераиям 48
 энтарайогам 595
 энту-хитту 439
 энту-хитту-стхана 440
 эрадум-билкоде 531
 Эреяппа Ганга 524
 эри-аям 186
 эри-вариям 186
 эри-вария-п-перумаккал
 эри-вира 285
 эри-вира-паттана, эри-вира-паттинам 271, 284, 290, 567
 эри-патти 153
 Эрувавишья 581
 эрупаттелувар
 этти 50
 эфталиты 57
 эччору 338

юва 379
 ювараджа 406, 476, 516, 522, 524, 573
 Юдхистхира 589
 Юстиниан 624

яваны 281
 Ялавара
 Ядавы (Сеуна) из Девагири, Ядавов государство 455, 466, 500, 502, 508, 511, 512, 522, 539, 578
 ядагай
 Яджнявалкья 292
 Яджурведа 559
 ядагай 442
 Яду 370
 Яздани Г. 392, 512, 530, 532, 549, 576, 585, 588
 якша 588
 Янамадаластхала 552
 Япония 627, 630

Дистрикты, княжества и другие владения в Южной Индии в I половине XX века

Границы рассматриваемых в книге историко-культурных регионов, в основном совпадающие с границами современных штатов

Contents

Introduction	11
About terminology	14
About bibliographical notes	16
About transcription and transliteration	19
Sources and historiography	20
Sources	20
Historiography	30
PART 1. TAMILNADU	43
Chapter 1. Introductory. Sangam period. Outline of Tamilnadu history up to the 14th century	43
Sangam period	43
Pallava and Early Pandiyan period	58
Period of "Imperial" Cholas	61
Later Pandyas	63
Chapter 2. System of property in land, landholding and land-possession	65
Official categories of land holdings	66
Types of property rights	69
Supreme ownership	73
Taxed property	74
Kàràl mai and mēyàōci. Kaōamai and kuōimai	79
Land-possession by kuōis	82
Purchase and sale of land	85
Property and the right of property. Indian version	90
Chapter 3. Macrocommunities. Nāū and nāōār	92
Nāū – an organization of a dominant caste	98
Nāōār – a body of a nāū	100
Nāōār and araiyār	103
Nāōār as proprietors	104
Nāōār as organizers of rural economy	107
Nāōār as keepers of law and order	110
Nāū and other communities	111
Nāū in the 13th century	113
Cittramāi periyā-nāōār	116
Right-hand and left-hand castes	123

Chapter 4. Non-brahman village communities. Ór and óràr 130

Ór and nàù. Was there a hierarchy of territorial communities?	131
Village as a habitation	131
Question of emergence of a village community	134
Uràr — a body for self-government	136
The problem of communal and private property	139
Village property in land	143
Ór as a receiver of taxes and dues	146
Economical functions of ór	151
Other functions of ór	154
Ór in agrahara and in devadana	158
Individual landholdings in a village	161
The Jajmani system	167

Chapter 5. Brahmanic rural communities.**Brahmadeya and sàbha..... 171**

The role of brahmadeyas in the social and administrative history of Tamilnadu	171
The size and composition Brahmanical townships	175
First evidences of Brahmanical communities.....	176
Sàbha	178
Executive power in brahmadeyas	180
Sàbha as a land-proprietor and a tax-payer	191
Other functions of a sàbha	195
Communal and private property in brahmadeyas	197
Land-holding and land-possession of non-brahman groups in agraharas	201
The Jajmani system	208
Brahmadeya and a temple	210
Agrahara and powers	216

Chapter 6. Urban communities. Nakaram and nakarattàr 219

Foundation of nakarams	221
Functions of nakarams.....	222
The town as a land-proprietor	224
Organs of town self-government	227
Unions of towns.....	230
Nakaram in historiography	231

Chapter 7. The temple as a social institution 238

The temple managing organs.....	239
Sorts of temple land-holdings.....	247
Temple nets	257
Staff of temple servants (temple household).....	259
Public wardship over temples	270

State wardship over temples	273

Chapter 8. Interlocal communities and corporations.**Guilds and castes 281**

Development of commodity relations and of internal and external trade.....	281
Trading corporations.....	283
Artisan communities and castes.....	291
Herdsmen's communities	299
Bellicose communities	300

Chapter 9. Dependent princes, local chiefs, vassals and magnates**302**

Dependent princes.....	302
Magnates.....	306
Nààvans	312
Feudal outlaws.....	315

Chapter 10. The State. Personnel and taxes 322

Administration of the Pallavas	323
Administrative divisions	327
Ramified apparatus? Inscriptions as a source for study of an administration myth.....	329
Taxes	335
Taram classification of land.....	344
Army	348
The state and the justice.....	348

Chapter 11. Specific features of Kongu country..... 351

Demographic history of Kongu	352
Nàù	354
Village communities	356
Temples in social life.....	358
Trade and cities.....	360
Magnates.....	362

PART II. KARNATAKA..... 364**Chapter 12. Political history of Karnataka..... 364****Chapter 13. Sorts of property in land 372****Chapter 14. Territories with numerical indexes..... 380**

Question of the meaning of numerals	382
Territories with numerals as non-official and non-feudal formations.....	387
Traditional origin of territories with indexes.....	391
Hierarchy of regions and provinces	393

Chapter 15. Macrocommunities.....	400
General meeting of a regional community	401
Chiefs of regional communities.....	402
Functions of regional communities and their chiefs.....	410
Defence of <i>nàṭu</i> . <i>Nàṭu</i> chiefs as military leaders.....	412
Territories with indexes as communities	415
Regional communities and trading corporations.....	417
Conglomerates of <i>nàṭus</i>	419
Chapter 16. The village: management and selfmanagement	421
<i>Gauāas</i>	421
Village authorities and merchants' groups.....	430
<i>Gauāas</i> and <i>okkalu</i>	433
<i>Gauāas</i> and <i>praje</i>	433
A history of several villages.....	435
“Eighteen casts”, “eighteen subsistences” and the <i>Jajmani</i> system	437
Chapter 17. Agraharas and mahājanas	445
Chapter 18. Urban communities.....	468
Chapter 19. The temple as a community.....	480
Chapter 20. Trading and other corporations.....	487
Chapter 21. Forms of state power occurrence.....	508
PART III. ANDHRA.....	537
Chapter 22. Territorial structure and territorial communities	537
Chapter 23. Trading, artisans and other interregional associations.....	564
Chapter 24. Statehood structure	572
PART IV. KERALA.....	591
Chapter 25. Peculiar features of community-state relations in Kerala.....	591
Conclusion	620
List of materials used.....	632
Supplement. Measures and weights	659
Index of terms, main personal and geographical names.....	666
Administrative map of Southern India (first half of the 20th century)	704
Contents.....	705
Summary	709

L. B. Alayev
**Sothern India: the Community-Political Structure
in the 6th–13th Centuries**

Summary

The book appears to be the first in the world literature survey of socio-economic relations in four regions of Southern India — Tamilnadu, Karnataka, Andhra and Kerala — during all the early Medieval period. South India traditionally receives lesser attention of researchers than the Northern part of the subcontinent, and this distorts an image of the country as a whole. In Russian historiography practically there are no publications dealing with this period of the South Indian history but several papers and chapters in collective monographs by the present author.

The book is based on the study of several thousand inscriptions on stones and copper-plates in five languages (Sanskrit and four South-Indian tongues). Works of my foreign colleagues, specialists in Early Medieval South Indian history, many of whom were or are my personal friends, are widely used. It could be said without exaggeration that this book could not to be written had there were no profound and provocative works by R. Tirumalai, G. S. Dikshit, Burton Stein, Noboru Karashima, Y. Subbarayalu, Kennet Hall, R. Champakalakshmi, M. G. S. Narayanan, Kesavan Veluthat, Herman Kulke and many others. Although I allow myself to disagree with some of their conclusions.

Outlines of four regions depict a considerable similarity in their socio-political structure. The main parameters were: some original non-privileged landholding of dominant castes (clans); growth of Brahmanical settlements and temple compounds; spreading and broadening of various kinds of communities — territorial and professional ones. Growth of their significance and their appearance on the political level. A state everywhere continued to be a rather amorphous connecting link for communities, corporations, guilds and, presumably, castes, acting on corresponding territories. Nevertheless the state really existed and fulfill its power over areas which it pretended to. The notion of “segmentary state”, introduced in Indian context by B. Stein, and his formulation of “ritual sovereignty” became more or less received by the historians of India, with an understanding, proposed by the author of the term himself, that the military superiority of the centre always played a chief role. “Ritual dependence” was not a source of power but its consequence.

South-Indian states had no monopoly on implementation of justice and on use of violence. There are no positive evidences of regular administrative divisions, of any uniform tax-system in the chronological and spatial limits of any particular state, of centrally maintained record offices. On the contrary, there are hints, that all these functions were fulfilled by the communities' collective bodies. Communities – local and supralocal ones – were not antagonistic to the state, neither they were tools of the state power. The Royal court, local magnates and collective organs of communities “penetrated” one into others, forming a symbiosis. This symbiosis could not survive eternally. Balance of forces was changing. There were forming interregional councils (*periyā-nāṭṭar*) and inter-caste unions (*iṇṇēkai* and *valāṇkai*), which could lead to an absolutely different configuration of the society. But this variant was not materialized. The society turned to the road of militarization and bureaucratization, creation of artificial administration divisions and – ossifying of the caste system.

The main difficulty for working out of a definition of the early-medieval South Indian state is that the mutual relations between the actors of socio-political life were not regulated. The power of a king and even a small prince was not limited by a law. But the rights of communities also were not limited. They might fulfill justice and interfere into a “state” matters, for instance, fix the “just” rates of taxes and dues from themselves.

The system was, I suppose, a unique one. It does not answer to readymade models of “feudalism”, “Asiatic mode of production”, “bureaucratic” or “segmentary” state. By a world scale it was a society of a medieval type, i.e. – according to the most accepted understanding – a feudal one. Really, there were many features in the investigated society, which usually are connected with feudalism, at least its communal and corporative character. But applying of the term of “feudalism” to oriental societies in general and to the Indian society in particular meets objections because the notion of feudalism is closely tied to the European variation of it. More precisely – not with the European medieval reality, but with a mental model of the same, created by the thinkers of Renaissance in the 15th–16th centuries.

In **Tamilnadu**, it seems, community organizations were most developed. Communities were headed by collective bodies without any personal leadership. At the same time, an administrative apparatus also was traced, especially in the central regions and mainly during the reigns of Rajaraja I and Rajendra I. Rather developed were also social strata: officials, titled nobles, Brahmanas, members of dominant (at a local level) Non-Brahman pure castes, mercantile-artisan's groups were distinguish pretty clearly.

In **Karnataka** the role of “headmen” of various levels was much more seen: Brahmanical and Shudra communities, village and regional ones almost invariably had a leader or several chiefs, ruling the general meeting. Karnataka states had much more ramified administrative personnel, which penetrated to the lower level and intersected (jointing) with communities' leaders. In general, in Karnataka all social groups were closely interwoven: members of trading associations might be headmen of local rural communities as well as officials of high standing. Understandably, communities of different nature and king's people took joint decisions. Territorial units with numerical indexes which had a communal origin and survived some community functions, simultaneously served as governorships. Not only territories, but the rights to collect a tax from some area or from the territory of the whole state, were distributed as temporary fiefs. Trading corporations in close collaboration with rural communities and officials, demonstrated enormous activity.

Andhra was more or less similar to Karnataka, especially as to the role of headmen and leaders of communities. Social groups there were in the same manner interwoven, a considerable social mobility was in vogue. The merchants were originated from prominent and officials' families, and vice versa merchants themselves turned into officials and big landholders. Gradually a stratum of officials was growing at the expense of the washing out layer of landholding nobility. With some of its features Andhra resembled more a conventional model of feudalism, than other South Indian regions: rather widespread were grants of land for performed military services, which implied further services. Just in this region the nayankara system was invented. Under Vijayanagara this became a united system of landholding and of administration in a single whole.

Kerala had many distinctions in contrast to three other South-Indian regions. Even a state with a level of centralization similar to those of the Cholas or the Western Chalukyas, was not formed in Kerala. The huge role was played by the Brahmanical “villages”, which were much more complex formations than villages in the usual understanding. Their origin was lost in remount ages and covered with legends, but at least it is clear, that in the 8th–12th centuries the Brahmanas-Nambudiries dictated decisions to the Later Cheras, were served by a military caste of the Nayars and subdued all the life of the Malabar Coast to the ritual service to the gods in their temples. Peripetieas of the 14th century did not damaged the original social structure in Kerala, and it was kept intact up to the Colonial period.

In other parts of the South India the early-medieval community-political structure was destroyed. We may definitely connect this result with the political disaster of South-Indian states and creation of the Vijayanagara empire, which became a new formation.

Научное издание

Алаев Леонид Борисович

ЮЖНАЯ ИНДИЯ
Общинно-политический строй
VI–XIII веков

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской академии наук

Верстка А. В. Ельцевой

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.
Подписано в печать 16.08.11.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 44,5. Уч-изд. л. 33.
Тираж 200 экз. Заказ №

Институт востоковедения РАН
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев
103031, Москва ГСП, ул. Рождественка, 12